

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДЕПАРТАМЕНТ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
ФГБОУ ВО «КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГРИШАЕВА**

29-30 ноября 2023 года

г. Красноярск

Красноярск 2024

ББК 4 г
Г 85

Редакционная коллегия:
С.Т. Гайдин, Р.В. Павлюкевич, М.В. Сентябова

Г 85 Гришаевские чтения: мат-лы VI Международ. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева (29-30 ноября 2023 года, г.Красноярск) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2024. – 468 с.

ISBN 978-5-94617-549-4

Представлены материалы научных докладов участников VI Международной научной конференции «Гришаевские чтения», которая состоялась в г. Красноярске 29-30 ноября 2023 г. по направлениям: окраина в истории: методология, источники и историография; окраина как пространство международных отношений; взаимодействие центра и окраин в истории России; хозяйственное освоение окраин: развитие и возможности в истории; социальные практики окраин: люди, явления, события; культурное разнообразие окраин.

Предназначено для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется исследуемой проблематикой

ББК 4 г

Статьи публикуются в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за содержание и изложение информации: достоверность приведенных сведений, использование данных, не подлежащих публикации, использованные источники и качество перевода.

ISBN 978-5-94617-549-4

© Авторы статей, 2024
© ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет», 2024

СЕКЦИЯ 1. ОКРАИНА В ИСТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 330.322+001.895

КАЗУСЫ И ПРАКТИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Тимошук Алексей Станиславович
д-р филос. наук, доцент, профессор
РАНХиГС, г. Владимир, Россия
timoshchuk-as@ranepa.ru

Общеизвестны тезисы о том, что огромная территория России неравномерно развита и населена. Такие показатели, как связь, транспорт, инфраструктура, энергетика, городская среда, образование, медицина, демография, неоднородны по стране: выделяются диспропорции агломераций и регионов, Запада и Востока, Севера и Юга. Уровень жизни населения по России разнится, а в отдельных регионах ситуация носит кризисный характер. Одним из способов выравнивания индекса развития территорий выступает инвестирование в инновации.

Ключевые слова: инновации, модернизация, стратегическое управление, кризисные регионы, реструктуризация, инвестиционные проекты.

CASES AND PRACTICES OF MODERNIZATION OF RUSSIA

Tymoshchuk Aleksey Stanislavovich
Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor
RANEPa, Vladimir, Russia
timoshchuk-as@ranepa.ru

The theses are well known that the vast territory of Russia is unevenly developed and inhabited. Such indicators as communication, transport, infrastructure, energy, urban environment, education, medicine, demography are heterogeneous in the country: imbalance of agglomerations and regions, the west and east, the north and south are distinguished. The standard of living of the population in Russia varies, and in some regions the situation is critical. One of the methods of aligning the territory development index is investment in innovation.

Key words: innovation, modernization, strategic management, crisis regions, restructuring, investment projects.

Россия наверстывает современность с самого начала своей государственности, т.к. основные акторы в области modernity обладали особыми природно-географическими ресурсами. Автор исходит из того, в XX-XXI вв Россия как никогда приблизилась к структуре современности в ряде направлений – научном, технологическом, военном, экономическом, транспортном, инфраструктурном. В связи с этим закономерно возникает вопрос о том, как эффективно научиться преодолевать хроноразрывы с помощью инвестиций в различные виды инноваций. Общеизвестно, что большая часть инвестиций в стартапы терпит фиаско. Неудачное инвестирование в инновации государственных денег способствует росту недоверия к правительству и социальной напряжённости. В этом случае одна лишь тень новых технологий приносит уже разочарование вместо социального роста и развития. Проекты должны иметь позитивную историю, быть прозрачными и ассоциироваться с успешными экспертами из предметной области. Участие независимых внешних аудиторов также повышает эффективность инвестиций. В их отсутствие венчурная переоценка становится очевидной через какое-то время, особенно во время крупных государственных вызовов, только увеличивая хроноразрыв прозрачности и открытости

СВО подвела черту под инновационной политикой прошлых десятилетий. С одной стороны – оголённый нерв снабжения фронта, где, порой, жизнь взвода зависит от наличия всегда недостаточных БПЛА, а с другой – медийные результаты инновационной деятельности. Масштабные запросы фронта сталкиваются с нано результатами прошлых инноваций («Сколково», «5-100», «Роснано», «Plastic Logic 100», «Армата», «Азарт» и т.п.). Многие инновационные разработки прочно ассоции-

руются с растратами, стали нарицательными примерами распила бюджета. Коррупция по-прежнему остаётся самым успешным союзником врагов России, конкурируя только с серыми схемами противника. Чьи изумительные коррупционеры победят, та сторона и проиграет. Война – это постоянное решение внештатных задач и это тоже ХМСП проблема Крымской, Японской и других войн России.

На ВЭФ в 2023 г. был выдвинут лозунг «обгонять, не догоняя», который, видимо, был должен сменить старые мемы конкуренции «Москва – Третий Рим», «догнать и перегнать». Таким образом, мы получаем ловкий постмодерновый способ креатуры альтернативной современности, где нет каскада хроноразрывов с Западом. Концепция «обгонять, не догоняя» подразумевает, что может быть альтернативная современность, в которую необходимо инвестировать.

Отечественными публицистами (О.А. Царев, А.В. Чадаев) закономерно высказывается здравая идея, что корпорации с миллиардными бюджетами, такие как АСИ, Россотрудничество, Росконгресс, Росмолодёжь излишне раздуты со всеми их мозговыми штурмами неадекватно оцененной ёмкости инновационной среды. СВО вообще стала проверкой неопределённого КРІ инновационно-патриотических организаций, работы государственных институтов, проектного целеполагания, финансирования форума «Селигер» и движения «Наши». Современность, как и молодёжь, не ведёт себя по лекалам идеологов.

«Стратегия инновационного развития России на период до 2020 года» связывает прорыв в инновации с полноценным функционированием центра «Сколково», что оказалось слишком футуристично и невыполнимо [1]. Очень часто такие прорывные решения модернизации как Сколтех (догнавший Массачусетс за цену более 160 млрд рублей) неожиданно обнаруживают свою накладную сущность, оказываются в центре коррупционных скандалов, как в случае с И.В. Пономарёвым, который после Крымской весны избрал карьеру иноагента, а в нулевых по клановым связям получал многомиллионные контракты на чтение лекций по инноватике, не имея необходимой квалификации. До Сколково такой чёрной дырой для инноваций был Роснано (цена инвестиций более 200 млрд руб), который сейчас ассоциируется с растратами и главным актором приватизации А.Б. Чубайсом [2]. Другой крупный госчиновник по инновациям, А.В. Дворкович, также стал известен своей критикой СВО и впоследствии выехал за границу.

Резиденты Сколково, предлагающие передовые разработки для дронов не отмечены поставкой передовых БПЛА для СВО. Другие резиденты, гордость отечественного проектирования экзоскелетов, производители оборудования для реабилитации, не фиксируют такой задачи как помощь инвалидам СВО в своём профиле. Заходишь на сайты компаний и понимаешь, что они живут в своём мире, где нет СВО, вот где реальный хроноразрыв и когнитивный диссонанс!

АСИ выпускает призрачный «Атлас новых профессий», где биоэтик, молекулярный диетолог и генетический консультант – это лишь лёгкий кринж. Настоящий испанский стыд испытываешь за потраченные ресурсы на сарказм АСИ, предлагающих следующие профессии будущего: таргетный нанотехнолог, тренер творческих состояний, специалист по образу будущего для ребенка, куратор осознанного экотуризма, тренер по майнд-фитнесу и т.п. Мы можем не дожить до светлых времён экспертов по здоровой одежде, проектировщиков и ремонтников умных тканей, архитекторов энергоулевых домов, разработчиков персональных пенсионных планов, ибо на фронте не хватает пехоты и операторов дронов.

Избыточная персонализация (персональный бренд-менеджер, личный тьютор по эстетическому развитию, модератор платформы персональных благотворительных программ и т.п.) исходит из оптимистических ожиданий повышения благосостояния и противоречит тенденции роста закредитованности населения, увеличению разрыва между бедными и богатыми, снижению уровня жизни. Плеоназмы сквозят также в супермодных названиях, которые маскируют старые профессии: архитектор спортивных сообществ (менеджер), специалист по страхованию климатических рисков (юрист), дизайнер обогащенной еды и геймификатор здоровых пищевых привычек (валеолог, диетолог), консультант по робоэтике (юрист), продюсер смыслового поля (режиссёр, ведущий, преподаватель), корпоративный антрополог (маркетолог). Предложены красивые названия для более простых, уже существующих занятий, например, в сфере частной охраны или подготовки специалистов: проектировщик личной безопасности, балансировщик приватности, куратор информационной безопасности, киберследователь, аналитик жизненного пути профессионального спортсмена. Предвосхищение НТР заметно в таких проективных областях как космогеолог, менеджер космотуризма, космический мусороуборщик, проектировщик жизненного цикла космических сооружений. Авторы исходят из наивного технологического оптимизма в конструировании таких видов занятости, как: конструктор новых металлов, биометаллург, ИТ-металлург, нейрореабилитолог, нейрофармаколог, нейромаркетолог. Многие виды воображаемой занятости получены путём синкретического соединения разных об-

ластей: ИТ-медик, ИТ-геолог, эколог-логист, нейрогастроном, спортивный омбудсмен. При этом на оборонных заводах не могут набрать станочников, слесарей-сборщиков, электромонтёров.

Некоторые виды занятости подразумевают узкую специализацию, дробление функций (мультивалютный переводчик), что противоречит настоящим HR-трендам: *multiskilling*, *flexible working*, надпрофессиональность, многопрофильность, расширение функционала, оптимизация нагрузки, экономия на работниках, «затыкание дыр», «один за всех». «Коуч по межкультурной коммуникации для экскурсоводов» – это не профессия, а профильный семинар для культуролога. Маловероятно, чтобы рынок труда перестал быть жёстким. А, это значит, что на нём не будет места для полной занятости форсайтера, тайм-брокера, HR-геймификатора и сельскохозяйственного диетолога. При общей верной оценке особенностей рынка труда (мультиязычность, мультикультурность, неопределённость, скорость, бережливость, цифровизация, клиенториентированность) [3] избыточные виды занятости не имеют условий для реализации в силу перманентной оптимизации и ресурсной недостаточности: проектировщик жизни медицинских учреждений, дизайнер эмоций, консьерж робототехники, сценарист семейного туризма, электрозаправщик. При этом мы знаем, что на фронте не хватает танкистов, штурмовиков, гранатомётчиков, связистов, разведчиков, механиков-водителей, санитаров. Проектирование медиаполицейского происходит в условиях кадрового кризиса МВД, где из-за бюрократической нагрузки, контрэффективного способа оценки сотрудника (палочная система, спускание норм по количеству протоколов) фиксируют значительный отток сотрудников.

Маловероятно, что альманах представляет профессии будущего, актуальные для российской экономики. Вероятно, что он основан на данных форсайт-сессий, однако, судя по результатам, перед экспертами стояла задача создать развлекательный контент и эта цель, несомненно, достигнута. Ведь когда в старшие классы школы приходят с профориентацией, то зачастую школьникам и предлагают обучиться на экскурсовода, бармена и бариста.

Потеря связи с землёй, с повседневной реальностью опасна для России. Несомненно, страна не может жить законсервировано без инноваций. Необходимо принести новизну в работу и жизнь. И, в последние годы россияне видят изменения в РЖД и Госуслугах, Wildberries и сетевых магазинах, дистанционном обучении, начислении единовременных выплат на детей во время пандемии. Объявлены смелые проекты, такие как транспортные коридоры Обская – Коротчаево, Санкт-Петербург – Владивосток, Санкт-Петербург – Мумбай. Несомненно, инновационная политика должна быть практичной, критичной и проверяемой, а не загадочным чёрным ящиком, куда на входе попадают миллиарды, а на выходе – красивые отчёты. Доходит до того, что на инновационные сессии приглашают мистика из Индии, как это продемонстрировал ещё один свидетель форсайта Г.О. Греф. Проектная деятельность должна быть усилена критическим ресурсным мышлением. Различные ЛОМы неоднократно подчёркивают, что СВО – это стратегия выживания России и в случае недостижения целей (невозможность защиты Донбасса, Запорожья, Крыма; неспособность остановить расширение НАТО), существует угроза повторения сценария распада СССР. Если всё так серьёзно, то не стоит ли существенно сократить футуристические проекты, а заняться практическим выживанием на столетия? Ведь достаточно большое количество инновационных проектов современности оказались технологическим предвосхищением.

Одной из причин технологического предвосхищения является игнорирование мальтузианской ловушки, некритическая вера в бесконечный научный прогресс [4, 5]. Вместе с тем, вид *homo sapiens* достиг пределов ёмкости среды – демографических, ресурсных, технологических, ресурсных. В связи с этим неизбежно будут обостряться проблемы деиндустриализации промышленных регионов, безработицы, прекариата (лишних людей). Новая нормальность будет означать отсутствие роста ВВП, шеринговую экономику, снижение потребления, понижение демографических показателей.

В статье рассмотрена проблема распыления ресурсов, что усугубляет разрыв между развитостью территорий, проблемы безработицы, клановости, депопуляции и коррупции. Решение выравнять различия в уровне и качестве жизни за счет прорывных проектов и перспективных территорий продемонстрировало свою контрэффективность в условиях СВО.

Список литературы

1. Маскаев А.И., Тупаев А.В., Маркин Р.Ю. Российская "экономика знаний": анализ опыта «Сколково» // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2019. № 10. С. 64-76.
2. Смышляева А.Е., Курамшина К.С. Нерациональное использование средств на примере АО «Роснано» // *Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регио-*

нального управления в условиях цифровизации экономики. Материалы II Национальной (всероссийской) научно-практической конференции. Орёл: ОГУ, 2020. С. 276-280.

3. Тимошук А.С. Социальный механизм инноваций // Философия инноваций и социология будущего в пространстве культуры: научный диалог. Уфа: БГУ, 2020. С. 318-323.

4. Гофман А.А., Тимошук А.С. Устойчивое развитие России и мальтузианская ловушка // Матрикс. 2021. Т. 14. № 4. С. 753-758.

5. Тимошук А.С. Предел ёмкости среды и ХМСП методология // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного право-ведения. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2021. С. 52-62.

УДК 811.161.1, 821.161.1, 94, 94(47), 94(57)

ЦЕНТР И ОКРАИНА В ИСТОРИИ РОССИИ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Кравцов Константин Сергеевич

д-р физ.-мат. наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории атмосферной квантовой криптографии

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Институт общей физики им. А. М. Прохорова РАН,
НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
ks.kravtsov@gmail.com*

Турилова Мария Валерьевна

канд. филол. наук

*Независимый исследователь, г. Калуга, Россия
mariaturilova@mail.ru*

В докладе представлены некоторые научные работы и документальные тексты, исследующие тему отношений центра и окраины в России и СССР. Дан православный христианский контекст. Показаны примеры опубликованной переписки заключенных советских лагерей, «лагерной» мемуарной прозы. Представлены воспоминания заслуженных работников военно-космической отрасли, строивших космодромы «Байконур» и «Плесецк».

Ключевые слова: Байконур, ГУЛАГ, исправительно-трудовой лагерь, Плесецк, русский язык, Соловки

CENTRE AND OUTLYING DISTRICTS IN THE HISTORY OF RUSSIA: LITERATURE REVIEW

Konstantin Kravtsov

D. in Physics and Mathematics, Associate Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Atmospheric Quantum Cryptography.

*Lomonosov Moscow State University. M. V. Lomonosov Moscow State University,
Institute of General Physics named after A. M. Prokhorov R. A. M. Prokhorov Institute of General Physics,
Russian Academy of Sciences,
National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia
ks.kravtsov@gmail.com*

Turilova Maria Valeryevna

Candidate of Philology

*Independent Researcher, Kaluga, Russia
mariaturilova@mail.ru*

The report provides some research works and non-fiction investigating the question of relations between the centre and outlying districts in Russia and the former USSR. The Orthodox Christian context is given. Some examples of published correspondence by prisoners of the Soviet reformatory camps, "camp" memoir prose are shown. The memoirs of honored workers of the military space industry who built the Baikonur and Plesetsk cosmodromes are provided.

Key words: Baikonur, GULAG, Plesetsk, reformatory camp, Russian, Solovki

В статье представлены некоторые научные работы и документальные тексты, исследующие тему отношений центра и окраины в России и СССР.

Примером лингвистического анализа названной темы являются исследования топонимии Русского Севера в этнолингвистическом аспекте доктора филологических наук Е. Л. Березович: главы книги «Язык и традиционная культура» (2007): «Языковой портрет *русского захолустья*» [1: 150–175], «*Свои и чужие земли*» [1: 176–204], «Демонический топос» [1: 205–224], «Явление лексической ксеномотивации» [1: 404–466], переиздания частей монографии «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте» (2000) «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек» (2009) [2], «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства» (2010) [3], статьи [4].

Другой пример – историко-культурологическое и лингвистическое исследование доктора исторических наук А. В. Подосинова «*Ex Oriente Lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*» (1999) [5].

В русской языковой картине мира центр связывается со светом, властью, знанием, общностью с людьми; окраина (север и знойный пустынный юг, чужеземный восток) – место ссылки, каторги, одиночества, близости к Богу и вместе с этим к аду, а также — для монахов, ученых и литераторов – укрытия и труда (см. «*Письма римскому другу (Из Марциала)*» (1972) И. Бродского).

Жития ранних христианских святых, новомучеников и исповедников, жизнеописания многих духовных лиц сообщают о тюремных заключениях и ссылках на окраину ойкумены. В житии святого Иоанна Златоуста, патриарха Константинопольского, рассказано о его изгнании в Малую Армению, где он еще имел возможность проповедовать, затем далее, в пустынный Пифиунт на берегу Черного моря (в современной Абхазии), по пути в который он скончался. Изгнание длилось 3 года и 3 месяца; в день Воздвижения Честного Креста Господня святой совершил Литургию, причастился Святых Христовых Тайн, благословил присутствующих и со словами «Слава Богу за все» умер [6].

Сталинские репрессии удовлетворяли потребность молодого государства в бесплатных рабочих; устрашение народа укрепляло государственную власть.

Были и библейские параллели: как еврейский народ после многолетнего каторжного труда вышел из Египта на 40 лет в пустыню под руководством пророка Моисея, так и русский народ освободился от ига и пребывает в пустыне. Заключение должны трудиться, чтобы их дети были свободны и обрели новую власть, которая должна появиться среди них.

Существовала содержательная связь со ссылкой в Сибирь декабристов и революционеров (см. мемуары декабристов, «*Записки из Мертвого дома*» (1860–1861) Ф. М. Достоевского, «*Сибирь и каторга*» (1861) С. В. Максимова, «*Остров Сахалин*» (1893–1894) А. П. Чехова): заключенные должны были улучшить быт и культурную среду в местах заключения.

Свидетельствами репрессий XX в., ссылок на Крайний Север, в Казахстан и другие места «большой стройки» стали не только результаты трудов заключенных, архивные документы, фотографии, исследования, но и переписка, воспоминания вернувшихся, документальные и художественные произведения.

В 1923 г. начал действовать Соловецкий лагерь особого назначения на Соловецких островах. В нем погибли тысячи людей. Опубликованы переписка и воспоминания узников. Например, письма священника П. А. Флоренского, ученых – химика Р. Н. Литвинова, инженера Н. Я. Брянцева, метеоролога А. Ф. Вангенгейма, расстрелянных в 1937 г. [7]; письма А. Ф. Вангенгейма к жене с рисунками и гербариями для дочери [8].

В книге «*Семейная хроника*» (1988) Т. А. Аксакова-Сиверс рассказывает об умершем на Соловках брате, А. А. Сиверсе, о своей ссылке и жизни на поселении в Вятских Полянах Кировской области [9].

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский и Крымский, с 1923 по 1941 гг. трижды был в ссылке в Красноярский край и Архангельскую область и описал это в автобиографической книге «*Я полюбил страдание*» [10].

В 1930–1950-х гг. действовали лагерь ГУЛАГа. Бывший офицер В. В. Левитский из сибирского лагеря пишет жене и сыну о Сибири, золотых рудниках, лагерьном госпитале, сопровождает письма рисунками [11]. См. также документальный сборник «*Отец Арсений*» (1994).

В. Т. Шаламов в «*Колымских рассказах*» показал лагерь на Крайнем севере. Его отец, потомственный священник Тихон Шаламов, служил на о. Кадык в Русской православной миссии на Аляс-

ке, а предки – в церквях Великого Устюга, где окончил свою земную жизнь блаженный Прокопий Устюжский, Христа ради юродивый [12].

О лагерях в Казахстане писал лауреат Нобелевской премии по литературе (1970) А. И. Солженицын. Акмолинский лагерь жен изменников Родины (АЛЖИР) изображен в воспоминаниях Г. Мотошко *My War* («Мое сражение», Манчестер, 1984). Действует музей памяти жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР». 12 расстрелянных узниц лагеря прославлены как новомученицы. Тема изучается казахскими исследователями: З. К. Сураганова опубликовала воспоминания о лагерях казахов-очевидцев [13]. А. И. Кудайбергенова и М. Ч. Калыбекова также пишут о советских концентрационных лагерях в Казахстане [14].

Лагеря в Киргизии и Коми АССР показаны в книге Т. В. Петкевич «Жизнь – сапожок непарный» (1993).

В СССР и в 90-е годы в России публиковались прежде засекреченные воспоминания специалистов разных отраслей строительства и обороны. Например, работников военно-космической отрасли, строивших космодромы на Байконуре и в Плесецке Архангельской области. Книга документальных воспоминаний «Космодром Плесецк в воспоминаниях его ветеранов» (в 2 ч., 2003, 2011) знакомит с историей строительства космодрома, биографиями ветеранов и их воспоминаниями. В издании принимали участие Совет ветеранов космодрома Плесецк, «ЦСКБ-Прогресс», НПО им. С. А. Лавочкина [15].

Мы благодарим Его Высокопреосвященство Митрополита Калужского и Боровского Климента, духовенство Калужской Митрополии, руководство, преподавателей, студентов Калужской духовной семинарии за возможность выполнения, обсуждения, проверки данной работы.

Список литературы

1. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : Этнолингвистические исследования. – М. : Индрик, 2007. – 600 с.
2. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. – М. : Либроком, 2009. – 328 с.
3. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. – М. : КомКнига, 2010. – 240 с.
4. Березович Е. Л., Кривошапова Ю. А. Сибирь в русской языковой традиции (на иноязычном фоне) // Пространство и время в языке и культуре. – М. : Индрик, 2011. – С. 110–157.
5. Подосинов А. В. *Ex Oriente Lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. — М. : Языки рус. культ., 1999. – 720 с.
6. Житие святого отца нашего Иоанна Златоустого, патриарха Константинопольского [Электронный ресурс] / Жития святых на рус. яз., излож. по руководству Четых-Миней святого Димитрия Ростовского / В 12 кн. – М. : Ковчег, 2010. – В : https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/998 (дата обращения: 31.10.2023).
7. ...Пребывает вечно: Письма П. А. Флоренского, Р. Н. Литвинова, Н. Я. Брянцева, А. Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения / Авт.-сост., вступ. ст. П. В. Флоренский, комм. П. В. Флоренский и др. В 4 т. М. : Междунар. центр Рерихов; Мастер-Банк, 2011–2017.
8. Возвращение имени: Алексей Феодосиевич Вангенгейм / Авт.-сост. В. В. Потапов, Э. А. Вангенгейм. – М. : Таблицы Менделеева, 2005. – 152 с.
9. Аксакова (Сиверс) Т. А. Семейная хроника. В 2 кн. – М. : Территория, 2005. – 496 с., 432 с.
10. Лука (Войно-Ясенецкий В. Ф.), святитель, архиепископ. Я люблю страдание. Автобиография [Электронный ресурс]. – М. : Изд-во Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2008. – 192 с. – В : https://azbyka.ru/otechnik/Luka_Vojno-Jasnetskij/ja-poljubil-stradanie-avtobiografija/ (дата обращения: 31.10.2023).
11. Левитский В. В. Письма из сибирской ссылки / сост. Н. О. Петрованова. – Орел, 2009. – 145 с.
12. Блэк Дон Ли. Отношения священника Тихона Шаламова с коммерческими компаниями на Аляске, Русской Православной Церковью и представителями коренного населения Аляски в конце XIX в. [Электронный ресурс] // История: электрон. науч.-образоват. ж-л / Гл. ред. А. О. Чубарьян. – Т. 7. – Вып. 4 (48). – В : <https://history.jes.su/s207987840001505-4-1/?ysclid=loell8n8ix776771893> (дата обращения: 31.10.2023).

13. Сураганова З. К. АЛЖИР как феномен «женской» несвободы в репрессированной памяти казахского народа // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2018. – № 5 (22). – С. 64-72.

14. Кудайбергенова А. И., Калыбекова М. Ч. Концентрационные лагеря на территории Казахстана в 30–50-е годы XX века // Norwegian Journal of development of the International science. – 2019. – № 35. – Ч. 3. – С. 21-24.

15. Космодром Плесецк в воспоминаниях его ветеранов : в 2 ч. / сост. В. А. Воробьев. – Ч. 1. – Калуга : Гриф, 2003. – 279 с.; Ч. 2. – Калуга : ГП «Облиздат», 2011. – 364 с.

УДК 340.03

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРИЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА КАК СРЕДИННОЙ СИБИРСКОЙ ОКРАИНЫ С XVII ВЕКА ДО 1917 ГОДА

Рогачев Александр Георгиевич

д-р ист. наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

rogachevalex49@yandex.ru

Россия в этот период действовала согласно своему генетическому коду собирателя народов и земель, в том числе и на восточном сибирском направлении. Срединная сибирская окраина - приенисейский край – получила тогда мощный импульс модернизационного ускорения.

Ключевые слова: российская и сибирская модернизация; средняя сибирская окраина; Красноярск; Енисейская губерния; казаки землепроходцы; А.А. Дубенский; либеральные реформы.

MODERNIZATION OF THE YENISEI REGION AS THE MIDDLE SIBERIAN OUTSKIRTS FROM THE XVII TH CENTURY TO 1917

Rogachev Alexander Georgievich

Doctor of Historical Sciences, Professor

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

rogachevalex49@yandex.ru

Russia during this period acted according to its genetic code as a collector of peoples and lands, including in the Eastern Siberian direction. The middle Siberian outskirts - the Yenisei region - then received a powerful impulse for modernization acceleration.

Key words: Russian and Siberian modernization; middle Siberian outskirts; Krasnoyarsk; Yenisei province; Cossacks explorers; A.A. Dubensky; liberal reforms.

Д.И. Менделеев определил Приенисейский край как среднюю (срединную - А.Р.) Сибирь. По его мнению, этот регион требовал мощной технологической модернизации.

Между тем ускорение развития среднесибирских просторов пошло путем продвижения русского фронта по северу Сибири.

На Енисей российские промышленники приходили морским путем. Еще с XVI века они активно занимались пушным промыслом и имели многочисленные фактории. В начале XVII века помимо традиционных путей стали возникать новые варианты: например, в среднее течение Енисея. Он прошел по речным системам Вах-Елогуй и Таз-Турухан через волоки. Дальнейшее продвижение на восток шло через правые притоки Енисея – Ангару, Нижнюю и Подкаменную Тунгуски.

Вскоре на Енисее основываются остроги: Туруханский (1607), Енисейский (1618), Красноярский (1628), Ачинский (1641) и другие.

Так русские взяли важнейший рубеж Сибири реку – Енисей. [1, с.43]

Специфика средневековой Сибири заключалась в том, что на юге её господствовали тюрские племена. Малочисленные северные жители не оказывали русским сопротивления. Наоборот местные народы получали определенную поддержку от российских пришельцев. Правительство запретило разорять их хозяйства. Устанавливалось достаточно мирное сожительство русских и аборигенов. Эта тенденция продолжалась в XVIII-XX веках.

Впоследствии М.М. Сперанский и Александр I дали природным сибирякам вполне прогрессивное законодательство. Поэтому русское влияние в национальных районах Сибири резко отличалось от североамериканской агрессии, направленной на уничтожение индийских племен.

В то время государство видело в Сибири интерес в добыче ценного пушного меха. Все местное мужское население платило «ясак». Территорию разделяли на ясачные волости. К главному сбору добавили государю и воеводам специальные пушные «поминки». Подобная специфическая ориентация хозяйства усложнила проблему хлебоснабжения нового населения, администрации и военно-служебного аппарата. Попытки приучить местное население к земледелию не получили развития. [1, с.44]

Наступление в целом на Сибирь как на окраину шло с запада на восток. К середине XVII века русские вышли к Тихому океану. Казаки – землепроходцы применяли различные модернизированные приемы передвижения. Свои умения они успешно использовали при основании Красноярска и других новых сибирских российских населенных пунктов.

Английский ученый А. Тойнби характеризовал казачество как военное братство, подобное спартанцам, викингам, крестоносцам. Они противопоставили кочевникам-варварам не только более высокий уровень вооружения, но и реальную совершенную материально – техническую базу. [2, с.141]

Исторической акцией по закладке Красноярска руководил с 1623 г. Сын боярский (социальный титул) Андрей Ануфриевич Дубенский. Он выбрал для строительства высокий плоский мыс между устьем речки Качи и могучим Енисеем. Царь Михаил Федорович Романов утвердил план Дубенского и назначил его на должность официальную в качестве «городника». [3, с.69]

В итоге в результате удачного похода экспедиция А.А. Дубенского достигла намеченного места и с 6 по 18 августа 1628 г. (по старому стилю) основал Красноярск в виде городища с деревянными стенами и башнями. На сопке Кум-Тигей (ныне Покровская) установили караульную вышку. Казаков - строителей городища Дубенский «прибрал в государеву службу» на охрану Красноярска.

По свидетельству историка Г.Ф. Быкони к концу XVIII века в новом приенисейском регионе (частично на западе в приобской территории) проживало уже около 35 тыс. человек. Это отразило по тем временам огромный модернизационный прогресс: новые жильцы активно занялись не только пушным промыслом, но и развитием сельского хозяйства. Однако хлеба явно и остро не хватало. В это время переселенцы стремились здесь продвинуться на юг и юго-восток региона, чтобы расширить зерновые запашки.

Казаки (а они составляли почти половину русского населения) обладали более широкими правами, чем обычные сибирские крестьяне. Казачья верхушка оказалась весьма зажиточной. Не русское население платило ясак пушниной, которая в регионе быстро истощалась.

Приенисейская окраина развивалась в русле «окраинных» социальных практик. Так, в 1695-1700 гг. случилось «Красноярская шатость», т.е. фактически бунт.

Красноярцы не принимали тогда и даже прогоняли царских воевод. Противостояние центра российской власти в Москве и местных бунтарей удалось преодолеть и позитивное развитие окраинного социума продолжилось.

Следует отметить, что местные жители отличались устойчивым крепким бытом. Здесь развивались грамотность, своеобразная среднесибирская культура с играми, песнями, музыкой.

В XVIII веке быстро росли крестьянские семьи. Во главе такой семьи стоял отец – «большак», а на женской половине командовала мать – «большуха».

В 1760 г. Государеву пашню отменили (обязательную запашку в пользу государства – А.Р.). Теперь крестьяне - мужчины исполняли тягло (налоги) в денежной форме. [3, с.88]

При Екатерине II численность приенисейского окраинного населения превысила 43 тыс. человек. Из них крестьяне составили более 33 тыс. человек. В 1784 г. В Красноярске открылась первая в стране уездная публичная библиотека. [3, с.93-94]

Губернаторство в Сибири М.М. Сперанского дало мощное ускорение модернизации приенисейской окраины. Реформаторские планы здесь реализовались в виде создания в 1822 г. Енисейской губернии. Первым её губернатором стал Александр Петрович Степанов. В 1835 г. вышла в свет его двухтомная книга «Енисейская губерния». Автор помимо Демидовской премии получил за неё бриллиантовый перстень от императора Николая I. [3, с.99-100]

Замечательно то, что в 1847 г. Енисейская губерния дала 90 % всей золотодобычи страны. Во второй половине XIX века в этой промышленности в регионе наблюдался упадок. Однако в начале XX века в связи с распространением механических способов добычи золота до 1917 г. пошёл новый резкий подъем в сфере извлечения благородного металла из недр приенисейского региона.

Следует отметить, что в XIX - начале XX века развивались транспорт и торговля. В 1863 г. на Енисее возникает пароходство, а в конце XIX века начинается железнодорожное движение: 6 декабря 1895 г. в Красноярск прибыл первый поезд.

К 1890 г. в губернии действовало 6 гимназий. В конце XIX века заметно расширилось медицинское обслуживание населения. Однако врачебный персонал полностью сосредотачивался в крупных городах, причем в небольших количествах. Перепись в 1897 г. в России показало общее количество населения Енисейской губернии в количестве 559902 человек. А в Красноярске тогда проживало 26600 горожан. Во всех городах губернии их насчитывалось 62812. [3, с.107]

Модернизация приенисейской окраины в пореформенную эпоху тормозилась тем, что либеральные реформы Александра II проводились здесь с очень большими изъятиями. Так земское устройство началось только весной 1917 г. Судебные преобразования двинулись с места лишь в 1897 г. Многие из них вообще остались нереализованными. Гораздо более успешно прошла реформа городского самоуправления. В целом модернизация управления приенисейской окраиной не оказалось удачной. [3, с.109]

Список литературы

- 1.Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917-1925 годы) / А.Г. Рогачев; Краснояр. гос. ун-т. – 2-е изд. перераб. и доп. – Красноярск, 2008. 172 с.
- 2.Тойнби А. Дж. Постигание истории, - М.: Прогресс, 1991.- С.141.
- 3.Рогачев А.Г. История красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления: учеб. пособие / А.Г. Рогачев; Краснояр. гос. ун-т.- Красноярск, 2015. 180 с.

УДК 340.03

МОДЕРНИЗАЦИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ КАК СРЕДНЕСИБИРСКОЙ ОКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛИЗМА (1934–1991 ГГ.)

Рогачев Александр Георгиевич
д-р ист. наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
rogachevalex49@yandex.ru

Советский социализм стал важной формой модернизации Красноярского края из среднесибирской окраины в индустриально развитый регион. Между тем социализм в период перестройки окончательно вступил в фазу своего глубочайшего кризиса. Никакого нового социального строя с человеческим лицом ни в стране, ни в крае тогда создать не удалось. Общая и региональная модернизация пошла затем новой дорогой.

Ключевые слова: фермерский путь, золото и масло, Сибирь и Красноярский край, крестьянство, сталинская модернизация, рабский труд, падение производительности труда, социализм.

MODERNIZATION OF THE KRASNOYARSK TERRITORY AS A CENTRAL SIBERIAN OUTSKIRTS UNDER SOCIALISM (1934-1991)

Rogachev Alexander Georgievich
Doctor of Historical Sciences, Professor

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
rogachevalex49@yandex.ru

Soviet socialism has become an important form of modernization of the Krasnoyarsk region from the Central Siberian outskirts into an industrially developed region. Meanwhile, during the period of perestroika, socialism finally entered the phase of its deepest crisis. It was not possible to create any new social system with a human face either in the country or in the region. General and regional modernization then took a new path.

Key words: farmer's way, gold and oil, Siberia and the Krasnoyarsk region, peasantry, Stalinist modernization, slave labor, decline in labor productivity, socialism.

В годы горбачевской перестройки (1985-1991 гг.) возникла острая научная дискуссия: является ли Сибирь (в том числе Красноярский край) окраинной колонией руководящего правительственного центра России (Москвы). Чтобы дать какой-либо аргументированный ответ на этот вопрос необходимо оценить социально-экономическое развитие Сибири (соответственно и приенисейского региона) в первой трети XX века. До 1917 года развитие сибирского сельского хозяйства шло фактически фермерским путем и высокими темпами. Экспорт сливочного масла давал тогда прибыли в два раза больше чем добыча золота. [1, с.82]

В годы I Мировой войны сибирские регионы стали подлинной житницей страны. После Гражданской войны в 1920-1923 гг. Сибирь спасла от голода Москву и Петроград. В сибирском крае советские власти «притормозили» НЭП до 1923 г. и продолжали беззащитно (в том числе по прямым указаниям В.И. Ленина) выгребать до последнего зернышка продразверстку.

В.И. Ленин, разрабатывая план строительства социализма в Советской России, явно опасался сильного замедления этого процесса в Сибири из-за огромной культурной отсталости региона. На восток от Урала имели место еще более низкая грамотность, чем в среднем по России, совершенно отсталая медицина (особенно в национальных районах), огромные расстояния и отрыв от культурных центров, наличие неразвитой материально-технической базы и т.п.

И.В. Сталин, отстаивавший и утвердивший партийный курс ВКП (б) на строительство социализма в одной стране, выдвинул свою формулу модернизации. Главной её составляющей стало ограбление крестьянства. Оно уже, как шекспировский мавр сделало свое дело: помогло победить белых, зеленых и синих. Теперь прежнее состоятельное и зажиточное крестьянство должно было остаться лишь в прошлой истории.

Такой вывод И.В. Сталин окончательно сделал после поездки в Сибирь в 1928 г. По всей стране ВКП (б) перешла к тактике наступления на крестьян. Этот антикрестьянский фронт оказался на практике настоящим террором. Коллективизация и ликвидация кулачества как класса с 1929 г. на деле стали в тридцатые годы фактически ликвидацией самого крестьянства. Колхозники на практике оказались византийскими рабами – колонами. В отличие от последних, их лишали даже надежды на загробный справедливый мир: православную христианскую церковь в деревне уничтожили полностью. Это оказалось характерным и для приенисейского региона, а затем и для Красноярского края после его образования 7 декабря 1934 г.

Сталинская модернизация предполагала ускоренную индустриализацию. Колхозники везде, и на енисейской окраине в том числе, оказались на полной «самоокупаемости». Раскулаченных бросили на самые тяжелые стройки. Гулаговские лагеря репрессированных с конца 20-х гг. XX века создавали на принципах экономической прибыли. Дармовая рабочая сила (из людей, которых «посадили» в места не столь отдаленные по принципу «надо Федя») можно заметить просто фонтанировала даже после смерти И.В. Сталина. Автор этих строк имел в середине 80-х гг. XX века возможность наблюдать, как осуществлялось так называемое «идеологическое обеспечение» коммунистического строительства. Секретарь крайкома лично отдавал приказ направить всех, находившихся под следствием за мелкие уголовные преступления срочно в суд, а оттуда на так называемую «химию»: на строительство экскаваторного завода. Режим подобной «химии» сформировался в то время, когда Н.С. Хрущев к ленинской «электрификации» добавил на рубеже 50-60-х гг. XX века свою «химизацию». Осужденные на стройки народного хозяйства содержались в более либеральных режимных условиях – специальных общежитиях. У Хрущева прозвучало так: «коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны, плюс химизация народного хозяйства». Т.е. по-прежнему социализм и коммунизм строились малооплачиваемым трудом осужденных на уголовные сроки.

Это широко присутствовало в Красноярском крае в 60-80-е гг. XX века. Такая модернизация в значительной степени наследовала сталинские подходы к развитию региона. Но в условиях научно-технической и постиндустриальной революции и эволюции подобные подходы и методы оказались малоэффективны. Поэтому социально-экономическая модернизация в период 1985-1991 гг. и в стране, и в Красноярском крае полностью провалилось. Это стало одной из причин краха советского социализма и распада Советского Союза.

Однако вернемся к началу краевой советской модернизации. И сегодня И.В. Сталина называют иногда эффективным менеджером, который, не считаясь с людскими потерями, добивался эффективных показателей в относительно мирных и в военных условиях существования страны. Автор этих заметок считает категорично неприемлемыми подобные подходы сегодня. Так в 30-е годы все

строительство шло в основном с помощью лопаты, кирки и тачки. Ресурсы людские в стране и в регионе имелись огромные. Осужденных по «филькиным» статьям гнали в Сибирь десятками и сотнями тысяч. В Красноярском крае в годы первых трех пятилеток валовая продукция промышленности по сравнению с 1913 годом выросла в 21 раз. К маю 1941 года в Норильлаге работали 21 тыс. заключенных, в Енисейлаге - около 100 тыс. Как отмечает историк А.А. Макаров в 1934-1938 гг. в крае арестовали по политическим статьям около 30 тыс. человек. Из них к расстрелу приговорили 43,6 % , и только 4,6 % из их числа получили взамен лагерный срок.[2,с. 140-142]

Индустриальное развитие продолжилось и в 1941-1945 гг. Тяжелая промышленность тогда выросла в 1,9 раза. Край принял в годы войны более 40 крупных промышленных предприятий. Если по стране производительность труда выросла на 40 %, то по краю этот рост составил 58 %. [2, с.145]

Всего в крае в годы войны мобилизовали на фронт более 462 тысяч его жителей. Более 160 тыс. человек с войны не вернулись. [2, с.147]

Социально-экономическое развитие Красноярского края в послевоенный период шло достаточно противоречиво и подчас однобоко. Особый период эта 1960-1980 гг., когда край должен был, как бы перестать быть «краем», то есть окраиной. В начале 70-х гг. вышло партийно-правительственное постановление «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971-1980 гг. производительных сил Красноярского края». Его реализация стала первой «красноярской десятилеткой». Осуществлялось ускоренное создание Ачинского нефтеперерабатывающего завода, поступательное развитие Красноярского алюминиевого завода, увеличение производства меди и никеля на Норильском горно-металлургическом комбинате. Расширялась добыча канско-ачинских углей. Приступили к формированию Саянского территориально производственного комплекса в составе Саянской ГЭС, Алюминиевого и вагоностроительного заводов, современного завода стального литья, объектов по выпуску цветных металлов, а также электротехнической, легкой и пищевой промышленности.

В крае формировались 11 промышленных узлов, а также Саянский, Нижне-Ангарский, Северо-Енисейский и Канско-Ачинский ТПК. Несколько промышленных узлов входили в состав ТПК, другие действовали автономно.

Развитие края в 70-е гг. пошло быстро. Около 800 новых предприятий строились и уже давали свою продукцию. В итоге первую «красноярскую десятилетку» признали особо эффективной формой планирования. В 1978 г. посетившие край руководители страны Л.И. Брежнев и А.Н. Косыгин высоко оценили успехи в его развитии, этот опыт рекомендовали использовать в целом по стране. [2, с.158-159]

В 60-70-е гг. XX века в крае быстро и мощно развивалась гидро и теплоэнергетика. Широкую известность приобрел КАТЭК – Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс.

В эти годы большое внимание уделялось культурному развитию региона. Наличие широкой сети вузов, культурно-просветительных учреждений, театров и дворцов культуры не позволяли уже считать Красноярский край (географический центр страны) периферийной окраиной. Все это делалось трудом жителей нашего края в условиях социалистической формации.

Между тем эффективность огромных вложений в экономику края постепенно снижалась. Замедлялся рост в целом производительности труда. Научные изыскания медленно внедрялись в жизнь. Перестройка, призванная поправить ситуацию, провалилась. Это привело к ускоренному грубому демонтажу прежнего социального устройства в 1992-1998 гг. Социализм рухнул, а процветающий благосостоянием народа капитализм к концу XX века в наш регион не пришел.

Возник вопрос и в стране, и в крае: а что делать дальше? опять превратится в неперспективную сибирскую окраину? К счастью, этого не произошло. В последующие 25 лет своего существования наш регион получил мощный импульс модернизационного позитивного развития. Этот курс продолжается и сегодня.

Список литературы

1.Рогачев А.Г. Исторический опыт отечественных модернизаций в России (веках): монография / А.Г. Рогачев. - Красноярск: филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Красноярске, 2010. - С.82.

2.Рогачев А.Г. История красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления: учеб. пособие / А.Г. Рогачев; Краснояр. гос. ун-т.-Красноярск, 2015. – 180 с.

СИБИРСКАЯ ОКРАИНА ГЛАЗАМИ ПОЛКОВОГО СВЯЩЕННИКА МИТРОФАНА
СРЕБРЯНСКОГО

Гефнер Ольга Викторовна
канд. ист. наук, доцент
Омский государственный аграрный университет
им. П. А. Столыпина, г. Омск, Россия
ov.gefner@omgau.org

В статье рассматривается дневник полкового священника отца Митрофана Сребрянского как источник по изучению облика и особенностей сибирских городов, быта и жизни сибиряков, образа Сибири в общественном сознании современников в начале XX в.

Ключевые слова: Сибирь, путешествие, дневник, городская культура.

THE SIBERIAN REGION THROUGH THE EYES OF THE REGIMENTAL PRIEST MITROFAN
SEREBRYANSKY

Gefner Olga Viktorovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Omsk State Agrarian University
Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk, Russia
ov.gefner@omgau.org

The article examines the diary of the regimental priest Father Mitrofan Srebryansky as a source for studying the appearance and characteristics of Siberian cities, the way of life and life of Siberians, the image of Siberia in the public consciousness of contemporaries at the beginning of the 20th century.

Key words: Siberia, travel, diary, urban culture.

Дневник полкового священника отца Митрофана Сребрянского может служить интересным историческим источником по изучению сибирской окраины и ее восприятия жителями европейской части России, облика и социокультурных особенностей сибирских городов начала XX в. Отец Митрофан Сребрянский (1870-1948 гг.) был достаточно известной личностью в церковных кругах. С 1897 г. он служил полковым священником в 51-м драгунском Черниговском полку в Орле. Вместе со своим полком священник принимал участие в русско-японской войне 1904-1905 гг. После войны Митрофан Сребрянский стал духовником Марфо-Мариинской обители, помощником ее основательницы великой княгини Елизаветы Федоровны. После революции, он подвергался преследованиям, отбывал ссылку в Сибири, Северном крае и других местах. Скончался Митрофан Сребрянский в 1948 г., в 2000 г. он был канонизирован Русской Православной Церковью [1].

Во время русско-японской войны отец Митрофан Сребрянский вел дневниковые записи. Дневник священника начал печататься с февраля 1905 г. в «Вестнике военного духовенства», а в 1906 г. он впервые вышел в свет отдельной книгой, затем неоднократно переиздавался, как при жизни автора, так и в наше время [2]. Дневник является интересным источником по истории русской армии. В дневнике содержится описание военных сражений, быта солдат и офицеров, традиций русской армии, мужества и героизма русского воинства. Но в то же время этот источник может быть интересен и для изучения сибирской окраины, ее восприятия путешественниками, современниками, впервые увидевшими Сибирь. С этой точки зрения наибольший интерес представляет та сравнительно небольшая часть дневника отца Митрофана (порядка 26 страниц), которая посвящена описанию его путешествия по Сибири. Путешествие по Сибири продолжалось 21 день (с 20 июня по 10 июля 1904 г.). Это своего рода путевые заметки человека, который видел сибирские города из окна поезда, везущего его на Дальний Восток. В них он излагал свои впечатления от знакомства с этим совершенно новым для него краем - Сибирью. Дневниковые записи сделаны человеком наблюдательным, интересующимся, анализирующим увиденное. Они очень живые и эмоциональные, ярко выражают те чувства удивления, радости, восторга, которые испытывал путешественник, впервые открывающий для себя эту суровую, но прекрасную землю - Сибирь.

С трепетом и ожиданием отец Митрофан въезжал в этот край: «Подъехали к заветному каменному столбу - границе Европы и Азии. < Я, стоя на площадке вагона, благословил Европу, затем, обернувшись, благословил Азию. Минута эта была памятная на всю жизнь» [2, с. 18].

Большое впечатление произвела на путешественника природа Сибири. Со сменой ландшафтов менялось и настроение: уныние, навеваемое однообразием западносибирских степей, сменялось восхищением от любования красотой тайги, отрогами Саянских гор, величием широкими, полноводными, быстрыми сибирскими реками.

Отец Митрофан с удовольствием общался на станциях с местным населением, народ, встречавшийся ему, по его оценке, был вежливым, искренним, гостеприимным. С большим интересом общался священник с переселенцами, с одной стороны, довольными обилием земли в Сибири, и жалующимися на трудности ее возделывания, с другой.

Большое место в дневнике занимает описание городов, в которых побывал путешественник. Как лицо духовное он особенно интересовался религиозной жизнью в городах, обращал внимание на храмы. Первым сибирским городом, который посетил священник, был Курган Тобольской губернии. Ему посвящено всего несколько скупых строк: «Город имеет двадцать тысяч жителей; достаточно поляков; красоты никакой, хорош только мост через реку Тобол» [2, с. 22].

С большим восторгом пишет священник об Омске. Его поразил темп жизни этого города, заданный самой природой - многоводная река Иртыш, плывущие по ней пароходы и баржи, проходящие каждый час поезда. Внимание его привлекла огромная привокзальная слобода, «скорее похожая на город, так как в ней красуется много очень хорошей и оригинальной постройки домов, церковь». Во время трехчасовой стоянки был осмотрен город. «Приехали в восторге от магазинов, театра, зданий, Иртыша», - с воодушевлением пишет священник [2, с. 23].

Двое суток провел Митрофан Сребрянский в Ново-Николаевске. Ново-Николаевск предстал перед ним как «большой торговый город с сорока тысячами жителей, чудным собором, еще тремя церквями, прекрасными школами, магазинами...прямо по-американски». Автор отмечает удачное положение этого города - соединение железнодорожного и водного путей, что и определило его торговое значение. Поразила его дешевизна рыбы на рынке Ново-Николаевска: «К обеду купил себе пару копченых стерлядей за двадцать пять копеек; не поверил, когда сказали цену; ведь это вкуснее сига, впрочем стерляди в Оби сколько угодно, потому и дешево» [2, с. 25]. Как полковой священник, отец Митрофан высоко оценил устройство пересыльного пункта для войск, который находился в городе.

Очень понравился путешественнику и Красноярск. «...Недаром он так назван: действительно, город расположен на голых горах, которые летом, когда солнце выжжет траву, кажутся красными», - пишет священник [2, с. 31]. Его поразило также быстрое течение реки Енисей, на которой стоит город. Вода казалась ему кипящей и шумящей, он сравнивал ее с водопадом: «Такой быстроты течения при огромной ширине и глубине я и представить себе не мог». Внимание его привлек огромный мост через Енисей длиной почти с версту, пароходы и баржи, стремящиеся к городу сквозь быстрое течение полноводной реки. Все это удивляло жителя равнин с их тихими и спокойными реками. О. Митрофана восхитила красота внешнего убранства города, особенно собор и духовная семинария, дачи, построенные в зеленых долинах среди гор. Удивило же его полное отсутствие в городе мощных улиц при обилии строительного камня.

От станции Иннокентиевской до Култука путешественники добирались на лошадях. Большое впечатление произвел на отца Митрофана Иркутск своими размерами и многочисленными храмами. В селе Введенском его принимал у себя местный священник и его домочадцы: «...Много рассказывали о Сибири как о благодатной стране; очень сокрушались, что в России пренебрежительно отзываются о Сибири, ее населении и природе по неведению; в Сибири действительно хорошо: и люди радужные, и природа великолепная...» [2, с. 38].

Дальше священник продолжил свой путь по Кругобайкальской железной дороге. Красота, мощь Байкала вызвала восхищение и трепет: «...Волны ревут и мчатся на нас, точно гидры столбчатые, разинув пасти». [2, с. 42]. Отец Митрофан наблюдал во время поездки за местным населением - бурятами, оставил в дневнике описание их внешнего вида, занятий, некоторых верований и обычаев.

В ходе трехнедельного путешествия отец Митрофан смог увидеть почти все крупные сибирские города, небольшие городки и станции. Конечно, за столь короткий срок он имел возможность только поверхностно познакомиться с их жизнью. Несомненно, что его, жителя европейской части России, поразил уровень «цивилизации» Сибири, которая обычно представлялась «европейцам» диким, суровым, заброшенным краем. Митрофан Сребрянский встретил здесь множество городов с высоким уровнем торговли, развитым транспортом, самобытной культурой. Свежесть впечатлений, непредвзятый взгляд позволили ему выделить наиболее характерные черты городов Сибири, сибирской

природы и населения. Дневник священника знакомил жителей европейской России с сибирской окраиной, ее положением, развитием, формировал определенный образ региона.

Таким образом, дневник отца Митрофана Сребрянского является ценным историческим источником как для изучения культуры, жизни и быта сибиряков, так и для исследования образа Сибири в общественном сознании современников.

Список литературы

1. Житие преподобноисповедника Сергия (Сребрянского). URL: <https://pravoslavie.ru/60634.html> (дата обращения 30.10.2023).
2. О. Митрофан Сребрянский. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке. М.: Изд-во «Отчий дом», 1996. 352 с.

УДК 93/94

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ)¹

Кортунов Алексей Иванович
канд. ист. наук, доцент
Башкирский государственный педагогический университет
им. М.Акмиллы, г. Уфа, Россия
kortunov@rambler.ru

В исследовании особое внимание уделяется анализу формирования исторических дискурсов советской историографии (на примере истории Южно-уральского региона нового времени), в структуре которых выделяется первичный и вторичный дискурс. В процессе изучения монографий особое внимание уделялось степени влияния государственной идеологии на формирование регионального исторического дискурса. Анализ показал, что большая часть исследований этого периода относится к вторичному историческому дискурсу.

Ключевые слова: исторический дискурс, критический дискурс-анализ, монография, новое время, советская историография, Южный Урал.

FEATURES OF CLASSIFICATION OF HISTORICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF THE HISTORY OF THE SOUTHERN URALS OF MODERN TIMES)

Kortunov Aleksey Ivanovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
kortunov@rambler.ru

In the study, special attention is paid to the analysis of the formation of historical discourses of Soviet historiography (on the example of the history of the South Ural region of modern times), in the structure of which primary and secondary discourse are distinguished. In the process of studying the monographs, special attention was paid to the degree of influence of state ideology on the formation of regional historical discourse. The analysis showed that most of the research of this period refers to the secondary historical discourse.

Key words: historical discourse, critical discourse analysis, monograph, modern times, soviet historiography, Southern Urals.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

В настоящее время понятие «дискурс» стало довольно распространенным. Дискурс можно определить как совокупность устных и письменных текстов, создаваемых человеком ежедневно в процессе своей жизнедеятельности. Со временем он приобретает некую самостоятельность, смысловое содержание, и как итог свой путь развития, проявляя себя посредством знаков и символов. Внутреннее содержание дискурсов, так же как и его структура, являются отображением мировоззрения человеческого сообщества, при этом дискурсы участвуют в создании так называемой «символической реальности» со своими законами, моральными устоями и т.д.

Известные теоретики дискурс-анализа Э. Лакло и Ш. Муфф утверждают, что дискурс формирует социальный мир с помощью значений. Из-за изменчивости языка значение никогда не может быть постоянным. Поэтому ни один дискурс не является замкнутым и завершенным: скорее, он постоянно изменяется в процессе контакта с другими дискурсами. Т.е. происходит борьба дискурсов, которые вовлечены в постоянное противостояние за превосходство. Они «стремятся» зафиксировать свое значение в языке [16, с. 26-27].

Одним из наиболее значимых подходов в дискурс-анализе, по нашему мнению, является критический дискурс-анализ (далее – КДА). Ведущими представителями КДА являются Норман Фэркло, Рут Водак, Лили Чоулиораки, Тьон А. ван Дейк и др. Отметим, что критический дискурс-анализ направлен в первую очередь на выявление роли дискурсивной практики в поддержании социального устройства включая социальные отношения с неравным распределением власти. Как утверждают представители подхода, КДА представлен как критический подход, который причастен к социальным изменениям [16, с. 114].

Исторический дискурс можно отнести к наиболее сложным для КДА типам. Причиной этому является сравнительная субъективность исторических дискурсов. Данный тип дискурса непосредственно связан с социальной сферой, основным элементом которой является человек, поэтому он сопряжен в первую очередь со сферой личностного бытия ученого-историка, его мировоззрением. Все это приводит к непредумышленной субъективизации изучаемого предмета. К тому же существует определенный порядок создания исторического дискурса. Традиционно он образуется с помощью целого ряда связанных между собой текстов. В первую очередь это первоисточники, а во вторую, основанные на них вторичные тексты.

Таким образом, ученый-исследователь может одновременно выступать участником исторического события и писателем-нарративистом, который всегда преследует одну цель – с помощью языковых конструкций (контента) не только передать аудитории все доступные ему знания о проблеме, но и убедить ее в правильности именно его знаний. В такой ситуации задачей КДА становится поиск ответа на ряд вопросов: кто и зачем говорит? каких социальных позиций придерживается? на какие источники (нарративы) опирается? какие средства передачи дискурса используются? какая социальная группа и как объективизирует свое сознание через данный дискурс [5, с. 432; 38, с. 66-67].

Можно сделать вывод, что КДА направлен не только на изучение исторического текста. Он призван выявить выражаемые в тексте определенные значения, мнения, а также идеологию. Таким образом, основная цель КДА состоит в том, чтобы постичь внутреннюю логику явления, ее смыслы и выявить способы, приемы, посредством которых создается и разворачивается в реальности описываемое историческое событие.

Исторический дискурс имеет ряд особенностей. Во-первых, он подчинен правилу, по которому толкование исторических событий однозначно проводится через призму действующей в социуме, в данный исторический период, идеологии. Она может быть государственной, где ее проводником выступают специально созданные для этого группы людей, учреждения, организации, партии и др. Она может быть религиозной или даже альтернативной. Таким образом, мы не имеем морального права обвинять историка-исследователя в ошибочной интерпретации или одностороннем освещении каких-либо исторических событий, так как он излагает их с позиции действующей на тот момент в обществе системы концептуально оформленных идей, т.е. идеологии.

Во-вторых, исторический дискурс можно классифицировать на два основных вида: первичный и вторичный исторический дискурс. Первичный исторический дискурс можно определить как документальный и описательный. По сути дела, это фактологическое описание исторической реальности. Вторичный исторический дискурс формируется посредством толкования исторических фактов, объективной исторической реальности. Д.филол.н., профессор А.П. Миньяр-Белоручева считает, что вторичный исторический дискурс является субъективным отражением мыслительных процессов историка, его внутренним сопереживанием событиям прошлого. Его личная оценка прошлого важна для более полного раскрытия содержания первоисточника. Вторичный дискурс, по сравнению с пер-

вичным, сложен. И это связано в первую очередь, как мы уже отмечали выше, с его полифункциональностью [25, с. 11-12; 22, с. 24-26].

В контексте темы настоящей работы объектом обсуждения выступают исторические дискурсы по истории Южного Урала нового времени, созданные в советской историографии в период с 1920-х гг. до начала 1990-х гг. Статистика тематики рассматриваемых дискурсов (всего 42 наименования) распределяется следующим образом:

Таблица – Тематика монографий по истории Южного Урала нового времени (советская историография)

Тематика дискурсов						
История промышленного освоения края	Этническая история башкирского народа	Вопросы общей истории Южного Урала	Тема восстаний и революционного движения	История казачества	История городов	Выдающиеся личности Урала
Апполова Н.Г. [3]	Кузеев Р.Г. [20]	Акманов И.Г. [1]	Андрущенко А.И. [2]	Евсеев Н.Ф. [14]	Ганеев Р.Г. [8]	Кофенгауз Б.Б. [17]
Буранов Ю.А. [6]	Кузеев Р.Г. [21]	Атнагулов С.С. [1]	Гвоздикова И.М. [9]	Машин М.Д. [24]	Иофа Л.Е. [15]	Прокошкин Д.А. [31]
Гаврилов Д.В. [7]	Руденко С.И. [35]	Давлетбаев Б.С. [12]	Орлов А.С. [26]	Рязанов А.Ф. [36]		Юхт А.И. [48]
Горовой Ф.С. [1]	Тухватуллин Ф. [40]	Матвиевский П.Е. [23]	Раимов Р.М. [32]			
Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. [11]	Усманов А.Н. [41]	Смирнов А.П. и др. [27]	Чулошников А.П. [46]			
Данилевский В.В. [13]	Усманов А.Н. [42]	Васильев С.М. и др. [28]				
Кашинцев Д.А. [18]	Юлдашбаев Б.Х. [47]	Преображенский А.А. [29]				
Кривоногов В.Я. [19]		Преображенский А.А. [30]				
Тарасов Ю.М. [37]		Раимов Р.М. [33]				
Усманов Х.Ф. [44]		Рахматуллин У.Х. [34]				
Усманов Х.Ф. [45]		Типеев Ш.И. [39]				
11	7	11	5	3	2	3
Всего: 42						

Исследованные монографии можно достаточно четко (тематически и типологически) разделить на первичные и вторичные. По своей типологии исторические дискурсы 20-х гг. XX в. по истории Южного Урала нового времени относятся к категории первичных. Подготовленные на основе накопленного в прошлом богатого комплекса нарративов, они представляют собой первую попытку обобщения накопленного материала по истории Южно-уральского региона. Стоит отметить, что первые труды по истории Южного Урала нового времени еще не заключены в жесткие идеологические рамки, но при этом значительная часть содержания отведена революционным событиям и восстаниям [4; 14; 36; 40].

Сталинская эпоха наложила свой отпечаток на историографию региона. Своеобразным маркером являются труды Рифа Мухомовича Раимова, первый из которых был издан в 1941 г., а второй уже в послевоенный период, вначале 1950-х гг. [32; 33]. Примечательно то, что при подготовке второй книги автор активно использовал концепции, изложенные И.В. Сталиным. По признанию автора, труды И.В. Сталина и В.И. Ленина при проведении исследования имели «исключительное значение» и являлись «самыми достоверными источниками». При проведении исследования Р.М. Раимов опирался на решения и постановления органов партии различного уровня, а также правительств Совет-

ского Союза, РСФСР и БАСССР. Обязательным методологическим руководством для Р.М. Раимова стало, к примеру, принятое в начале 1945 г. постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» [33, с. 4-6].

Хрущевская оттепель и брежневская эпоха внесли некоторые изменения в подходы к проведению исторических исследований, что отразилось и в трудах по истории Южного Урала нового времени. Уходит в прошлое обязательное цитирование работ И.В. Сталина, но, при этом, остается обязательное использование постулатов марксизма-ленинизма.

Одной из особенностей этого периода становится то, что в региональных исследованиях развивается военная тематика. Это было обусловлено, вероятнее всего, прошедшими событиями, связанными с Великой Отечественной войной. Ученые-историки должны были отреагировать на запросы общества. Военные события 1941-1945 гг. стали частью сознания советского человека в послевоенное время, что дало мощный импульс развитию военной истории, как отдельного направления исторической науки в СССР, так и на региональном и общесоюзном уровнях. Как итог, в 1960-х гг. выходит ряд работ по истории Отечественной войны 1812 г., а также Пугачевского восстания 1773-1775 гг. [2; 23; 41], которые мы можем отнести ко второму историческому дискурсу.

1970-е – 1980-е годы для региональной исторической науки являлись периодом расцвета. По истории Южного Урала нового времени в эти годы вышло достаточно много монографий по разным направлениям, что в первую очередь связано с расширением источниковой базы и уже сформировавшейся достаточно широкой региональной историографией. Отметим сохранение прежнего подхода в исторических исследованиях по региональной тематике, с сохранением обязательного цитирования произведений теоретиков марксизма-ленинизма, хотя к 1991 г. эта традиция начинает утрачивать свое значение, во многом благодаря процессам перестройки, повлиявшим и на историческую науку в частности [1; 6; 7; 8; 9; 11; 12; 21; 24; 26; 29; 30; 31; 34; 37; 42; 44; 47; 48]. Анализ показал, что большая часть исследованных монографий этого периода относится к вторичному историческому дискурсу.

Таким образом, можно сделать вывод, что монографии по истории Южного Урала нового времени представляют собой одновременно и нарративы, и дискурсы. Авторы научных исследований, основываясь на собственном опыте и багаже знаний, создавали определенную картину событий, которая во многом являлась отпечатком их взгляда на те, или иные события прошлого. При этом на автора накладывалось и влияние советской идеологической доктрины, основанной на марксизме-ленинизме. Все это позволило разделить исторический дискурс на два вида: первичный и вторичный. Советская идеология напрямую влияла на автора и являлась основой для любого исторического исследования, задавала своеобразные рамки, и, соответственно, ограничивала возможности дискурса. Несмотря на это большая часть монографий по истории Южного Урала нового времени относилась, как мы выяснили, ко второму виду исторического дискурса, то есть в интерпретации тех или иных фактов присутствовала и часть мировоззрения автора, что придавало произведению свою оригинальность.

Список литературы

1. Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства XVII – первой половине XVIII века. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. 156 с.
2. Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг.: на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М.: Наука, 1969. 360 с.
3. Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX вв. М.: Издательство АН СССР, 1960. 456 с.
4. Атнагулов С.С. Башкирия. М.-Л.: Госиздат, 1925. 123 с.
5. Барт Р. Системы моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 511 с.
6. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). М.: Наука, 1982. 261 с.
7. Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма 1861-1900. (Численность, состав, положение). М.: Наука, 1985. 304 с.
8. Ганеев Р.Г. История Уфы: краткий очерк. Уфа: Башкнигоиздат, 1981. 604 с.
9. Гвоздикова И.М. Салават Юлаев: Исслед. докум. источников. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. 222 с.

- 10.Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь: Пермское книжное издательство, 1961. 408 с.
- 11.Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII-XIX веков: Историко-краеведческие очерки. Ч. 1. Уфа: Башкнигоиздат, 1985. 424 с.
- 12.Давлетбаев Б.С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М.: Наука, 1983. 144 с.
- 13.Данилевский В.В. Русское золото. История открытия и добычи до середины XIX века. М.: Металлургиздат, 1959. 369 с.
- 14.Евсеев Н.Ф. О прошлом и настоящем оренбургских казаков. Самара: Госиздат, 1929. 94 с.
- 15.Июфа Л.Е. Города Урала Ч. 1: Феодальный период. М.: Государственное издательство географической литературы, 1951. 423 с.
- 16.Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- 17.Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. М.: Издательство АН СССР, 1939. 525 с.
- 18.Кашинцев Д.А. История металлургии Урала. Т.1: Первобытная эпоха XVII и XVIII веков. М.-Л.: ГОНТИ, 1939. 294 с.
- 19.Кривоногов В.Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск: б. и., 1959. 177 с.
- 20.Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Ч.1. (Родоплеменные организации башкир XVII-XVIII вв.). Уфа: Башкнигоиздат, 1957. 184 с.
- 21.Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 579 с.
- 22.Макарова Т.С. Репрезентация понятия «ирландская политическая идентичность» в историческом дискурсе XIX века: дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2021. 165 с.
- 23.Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 года: исторические очерки. Оренбург: Южный Урал, 1962. 184 с.
- 24.Машин М.Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1976. 194 с.
- 25.Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 2. С. 8–16.
- 26.Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII века. М.: Издательство МГУ, 1979. 264 с.
- 27.Очерки по истории Башкирской АССР / под ред. А.П. Смирнова, Н.В. Устюгова, А.И. Харисова, Г.Ф. Шафикова, Р.Г. Кузеева. Т.1. Ч.1. Уфа: Башкнигоиздат, 1956. 303 с.
- 28.Очерки по истории Башкирской АССР / под ред. С.М. Васильева, Г.М. Деренковского, Р.Г. Кузеева, Н.В. Устюгова, А.И. Харисова. Т.1. Ч.2. Уфа: Башкнигоиздат, 1959. 539 с.
- 29.Преображенский А.А. История Урала с древнейших времён до 1861 г. М.: Наука, 1989. 608 с.
- 30.Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII вв. М.: Наука, 1972. 394 с.
- 31.Прокошкин Д.А. Павел Петрович Аносов. 1799-1851 гг. М.: Наука, 1971. 295 с.
- 32.Раимов Р.М. 1905 год в Башкирии (революционное движение в 1905-1907 гг.). М.-Л.: АН СССР, 1941. 220 с.
- 33.Раимов Р.М. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М.: АН СССР, 1952. 522 с.
- 34.Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII-XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.
- 35.Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л.: АН СССР, 1955. 394 с.
- 36.Рязанов А.Ф. Оренбургский край: исторический очерк. Оренбург: Издательство журнала «Вестник Просвещенца», 1928. 142 с.
- 37.Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: Вторая половина XVIII – первая половина XIX вв. М.: Наука, 1984. 178 с.
- 38.Тимошук Е.А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 4 (12). С. 66-73.
- 39.Типеев Ш.И. Очерки по истории Башкирии. Уфа: Башгосиздат, 1930. 224 с.
- 40.Тухватуллин Ф. Материалы к истории Башкир. Уфа: Издание Общества по изучению Башкирии «Башкнига», 1928. 124 с.

41. Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа: Башкнигоиздат, 1964. 136 с.
42. Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа: Башкнигоиздат, 1982. 336 с.
43. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству / под ред. Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 198 с.
44. Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период 60-90-е годы XIX в. М.: Наука, 1981. 370 с.
45. Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа: Башкнигоиздат, 1958. 176 с.
46. Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.-Л.: АН СССР, 1940. 109 с.
47. Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации: дооктябрьский период. Уфа: Башкнигоиздат, 1972. 336 с.
48. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-е – начале 30-х годов XVIII века. М.: Наука, 1985. 367 с.

УДК 910.1

КУЛЬТУРНАЯ ПЕРИФЕРИЯ ТЕРРИТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

*Лядова Анисья Александровна
канд. геогр. наук, доцент*

*Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия
geografizpermi@yandex.ru*

В статье рассмотрены подходы/концепции культурной географии для оценки территории в системе культурного центра и периферии. Отмечается, что существующие подходы/концепции пока не обладают достаточным методологическим аппаратом. Предлагается использовать общегеографический функциональный подход, где получение статуса центра и периферия происходит за счёт анализа масштаба функций. В этом случае под культурной периферией подразумевается монофункциональная и слабо взаимодействующая составляющая культурного пространства, слабо участвующая в инновационных процессах.

Ключевые слова: центр и периферия, пространственная поляризация, культурная география, культурные инновации, культурная периферия, культурная столица.

CULTURAL PERIPHERY OF THE TERRITORY: METHODOLOGICAL ASPECT

*Lyadova Anisya Aleksandrovna
Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor
Perm State National Research University, Perm, Russia
geografizpermi@yandex.ru*

The article discusses approaches/concepts of cultural geography for assessing territory in the system of cultural center and periphery. It is noted that existing approaches/concepts do not yet have sufficient methodological apparatus. It is proposed to use a general geographical functional approach, where the status of the center and periphery is obtained through an analysis of the scale of functions. In this case, the cultural periphery means a monofunctional and weakly interacting component of the cultural space, weakly participating in innovation processes.

Key words: center and periphery, spatial polarization, cultural geography, cultural innovation, cultural periphery, cultural capital.

В географическом обиходе термин «окраина» появляется с первыми трудами по географии. Само слово появилось при царях Иване III и Василии III и подразумевало географическую удаленность и политическую зависимость. Первое же официальное употребление термина «окраина» относится к эпохе Ивана Грозного (1582) [3]. Но научным термином окраина не стала, сохранив сугубо

географический смысл, заняв свою нишу в общенаучном обиходе. Зато это место было отдано «центру-периферии» (Ц–П) в XX в.

Российская центр-периферическая система является крупнейшей в мире и имеющей длительную (прошедшую через многие стадии) историю развития. Она настолько неодинакова, что проявляется на разных масштабах рассмотрения (страна, район, субъект, район/округ, агломерация и т.д.). Она является как источником развития, так и сложнейшим препятствием.

Ц–П один из ключевых векторов ассиметрии или неравенства в стране, наряду с такими векторами как: север–юг, запад–восток, центр–периферия, «русские районы»–«не русские районы».

Общие представления о центре и периферии в географии можно сформулировать следующим образом: 1) если территория нацелена на развитие, то она способна привлекать людей, которые станут в последующем развивать её общественную систему, иначе развитие станет источником постоянных рисков и расслоений; 2) весь мир развивается или в целом по универсальным законам, или каждая часть мира идет своим уникальным путём; 3) различные виды стадийальных переходов являются ключевыми в анализе универсальном походе к развитию; 4) полимасштабность исследования необходима, поскольку развитие по-разному проявляет себя на разных уровнях [7].

В общем и целом, Ц–П касается всех сторон жизни природных и общественных систем. Но её культурная составляющая практически не исследована. Как в силу того, что нет окончательного согласия в том, что такое культурная география/география культуры и каковы её задачи для развития страны [6], так и потому в структурном и ландшафтном подходах культурной географии отсутствуют практические исследования при немалом теоретическом изучении [4;7]. Хотя примеры исследования периферийных районов существуют [1].

Определения культурной периферии практически отсутствуют, хотя немного их дано и для антогониста – культурная столица. Так культурная периферия – это зона культурного освоения, колония, окраина, резервная территория, экотон (на основе подходов районирования). Тогда как культурная столица/культурный центр – это город, метрополия, районообразующий узел, столица, фокус, ядро [7]. Отметим существующий опыт программно-проектного подхода в отношении культурных столиц на территории ЕС, но он не был никак обоснован теоретически и не исследован системно [5].

Существующие подходы к выделению культурной периферии в географии можно найти в существующих подходах самой культурной географии: структурном, ландшафтном и динамическом (согласно [8], хотя их также можно назвать концепциями).

Ландшафтный подход включает следующее: разработка территориальных подходов к изучению и сохранению культурных ландшафтов на основе их вертикальной структуры с практическим обоснованием номинации культурных ландшафтов как объектов Всемирного наследия (Ю.А. Веденин); создание типологии культурных ландшафтов с последующим поиском типов в конкретном субъекте (соответственно типов периферий несколько) [4].

Структурный подход основан на районировании. Выделение историко-культурных районов имеет давнюю традицию в географии. Основная задача – определение характеристик для выделения и их сочетаний. В отличие от ландшафтного подхода не рассматривается ландшафт, а учитываются историко-культурные особенности (религия, язык, принадлежность к этносу и т.д.). Поэтому районы могут быть как простыми (формальным, гомогенным по факту наличия признака), так и комплексными или функциональными/узловыми (на основе рассмотренных связей и отношений между столицами, центрами и периферией), а также вернукулярными. Но для территории России отсутствуют выделенные культурные районы (особенно на картах) и критерии их выделения.

Также, исследуя культурные инновации в рамках динамического подходы, можно найти подходы к изучению культурной периферии и центра. Культурные инновации также мало рассмотрены и изучены. Методика их изучения в рамках диффузии крайне ограничена во времени и, по сути, констатирует итог процесса передачи.

Все подходы упираются в имеющийся массив данных о культурных процессах прошлых и настоящих. Отчасти это можно решить, используя подходы и показатели выделения периферии в целом в геосистемах: позиционный, функциональный, проблемный, генеративно-трансляционный, социальный, субъективный [2].

Поэтому, если показатели и уровень развития подходов ограничены, возможным выходом в культурной географии будет формализация системы показателей и сочетание подходов на первых этапах. Функциональный подход в экономической географии – выделение периферии на основе функционирующих экономических секторов, технологических укладов, концентрации и дисперсии, а в случае с культурой – разнообразие её функций, сложности культурного сфер и различия в концентрации процессов и распространения из центров далее [2]. Хотя сочетание «экономическая перифе-

рия и культурный центр» вполне возможно. Вопрос только в соответствии этапов развития экономической и культурной сферы (какая запаздывает?). При этом показатели каждой функции необходимо формализовать и чётко сформулировать значения. Проверить степень различий можно на основе культурных инноваций.

В итоге можно установить следующее: имеющиеся подходы культурной географии ещё не разработали понятийно-терминологического аппарата и методологии анализа системы «Ц–П» в культурной географии, поэтому необходимо её «заимствовать» из общегеографических подходов. Функция неотъемлема от объекта и места, и она обладает масштабом (пространством взаимодействия), поэтому на основе формализованной оценки масштаба может быть рассмотрена в системе «Ц–П». В этом случае у территориальной системы появится свой вес или (функциональный) статус, который и определит положение в «Ц–П». В «Ц–П» периферия обладает наименьшим количеством функций с наименьшим взаимодействием, она будет «замкнута на себя». Поэтому культурная периферия – монофункциональная и слабовзаимодействующая составляющая культурного пространства, слабо участвующая в инновационных процессах.

Список литературы

1. Аверкиева К. В. Поляризация социально-экономического пространства в регионах староосвоенного Центра России: пример Ярославской области / К.В. Аверкиева, Т.Г. Нефедова, Т.Ю. Кондакова // Мир России. 2021. №1. С. 49–66.
2. Анохин А. А. Подходы к выделению периферии и периферизация в пространстве современной России / А.А. Анохин, В.Ю. Кузин // Известия Русского географического общества. 2019. №151(1). С. 3-16.
3. Дамешек Л. М. Российские окраины в имперской модели управления XIX в / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 59–63.
4. Каганский В. Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России / В.Л. Каганский // Известия РАН. Серия географическая, 2012, № 6. С. 23–34.
5. Симонова И. Ф. Социально-культурное проектирование: технология предварительного проектного исследования. / И.Ф. Симонова. – СПб: Научно-технические технологии, 2020. 250 с.
6. Стрелецкий В. Н. Специфика и тенденции развития культурной географии в России в начале XXI века / В.Н. Стрелецкий, С.А. Горохов // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. №3. С. 374–392.
7. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир / А.И. Трейвиш. – М.: Новый хронограф, 2009. 378 с.
8. Туровский Р. Ф. Культурные ландшафты России. / Р.Ф. Туровский. – М.: Институт Наследия. 1998. 210 с.

УДК 340.155

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

Кускашев Дмитрий Валерьевич

канд. ист. наук, доцент

Западный филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,

г. Калининград, Россия

e-mail: kenig-1977@mail.ru

В статье освещены вопросы формирования теоретико-правовых основ городской реформы 1870 года в России. Проанализированы дискуссионные аспекты формирования основ реформаторской политики в области городского самоуправления императора Александра II. Сделаны выводы относительно исторической и социальной обусловленности взглядов ведущих теоретиков «великих реформ».

Ключевые слова: городской голова, государство, местная община, местное самоуправление, правовая политика.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE URBAN REFORM OF EMPEROR ALEXANDER II

Kuskashev Dmitry Valerievich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Western branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation", Kaliningrad, Russia

e-mail: kenig-1977@mail.ru

The article highlights the issues of the formation of the theoretical and legal foundations of the urban reform of 1870 in Russia. The controversial aspects of the formation of the foundations of the reform policy in the field of urban self-government of Emperor Alexander II are analyzed. Conclusions are drawn regarding the historical and social conditionality of the views of the leading theorists of the "great reforms".

Key words: mayor, state, local community, local government, legal policy.

Местное самоуправление является одной из форм народовластия, определяющего самостоятельность в пределах собственных, законодательно установленных полномочий.

В современных условиях важно не допустить развития авторитарных тенденций, подменяющих народовластие формальным закреплением демократических ценностей, в условиях определения роли и места местного самоуправления в системе взаимодействия с государством и институтами гражданского общества. [1].

Концептуально-правовой основой выработки государственной стратегии и тактики в области реформирования местного управления в Российской империи в исследуемом периоде, выступали теоретические положения общественной и государственной школы местного самоуправления.

В 1860-х годах ярким представителем общественной школы местного самоуправления в России являлся князь А.И. Васильчиков. Местное самоуправление представляло собой систему органов и выборных должностных лиц, формируемых исключительно местным сообществом и ответственным перед ним [2, с.1 – 2].

В основу общественной теории был положен тезис о возможном несовпадении интересов общества и государства, что определяет возникновение противоречий между ними. Данным тезисом было продиктовано исключительность компетенции местного самоуправления в области решения общественно-хозяйственных вопросов местного значения [3].

Исходным положением общественной теории являлись взгляды движения славянофилов на уникально-самобытный путь развития российского государства в русле положений естественных прав местной общины. Общественная теория оказала ключевое влияние на оформление проекта реформы земского самоуправления 1864 г. в России.

В 1870-е годы, среди правящей политической элиты страны, в контексте источников актуализации реформаторских инициатив, большую популярность получила государственная теория местного самоуправления.

В основу данной теории был положен тезис о неразрывной связи местного самоуправления и государства, как составной части его административно-правового механизма. Данная теория получила развитие в работах А.Д. Градовского [4, с.8].

По мнению А.Д. Градовского, самоуправление, в отличие от децентрализации, предполагает передачу со стороны государства, части функциональных полномочий, местной общине, что дает право ей действовать от имени и на правах государственной власти [5, с. 231].

Теоретические положения государственной школы были изложены и получили свое дальнейшее развитие в работах М.И. Свешникова, И.И. Дитяткина, В.М. Гессена, В.И. Немчинова, А.А. Головачева, Г.И. Шрейдера, Г.А. Джаншиева [6].

Ученые анализировали законодательство, установившего структуру и полномочия органов городского управления, проблемы избирательного права и процесса в муниципалитетах, вопросы взаимодействия общественности в системе городского и государственного управления.

Важно отметить, что Г.А. Джаншиевым была впервые поставлена проблема исследования причин и факторов городской реформы 1870 г. в России. Автор пришел к выводу, что негативные проявления в деятельности органов городского самоуправления были вызваны не только недостатками законодательства, но и отсутствием в России благоприятных условий, необходимых для эффективной реализации городской реформы. Большинство русских городов, по его мнению, было обязано

своим происхождением «бюрократическому» творчеству, вследствие необходимости иметь положенное по «штату» число городов.

Накануне реформы городского управления 1870 г., царское правительство приступило к исследованию хозяйственно-бытового уклада российских городов и получило следующие данные. «Из 595 городских поселений Европейской России только 1/6 часть их могла быть признана по занятиям жителей чисто промышленными пунктами, 1/3 полупромышленными, полужемледельческими, остальные города, т.е. половина, чисто земледельческими или занимающимися отхожими промыслами» [7, с.536].

Таким образом, ключевыми факторами теоретической основы реформы городского самоуправления в России 1870 г., являлись социально-экономические, теоретико-правовые и политические факторы взаимодействия государства и местного сообщества, в контексте организации и осуществления местного самоуправления в условиях исследуемой исторической эпохи.

1. Kuskashev D. V., Lukinykh Yu. V. Issues of interaction between agribusiness and local self-government bodies in the Yenisei province // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Krasnoyarsk, 18–20 ноября 2020 года / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation: IOP Publishing Ltd, 2021.

2. Васильчиков А. И. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. В 2-х томах. Т.1. СПб.: типогр. В.В. Праца, 1872. 460с.

3. Kuskashev D. V. Actual aspects of local government reform in Russia: a historical and legal analysis // Recent Trends in Science and Technology Management. 2019. No 2. P. 68-75.

4. Степаненко А. С. Местное самоуправление в Сибири / А.С. Степаненко, А.М. Кузнецова. – Иркутск: Иркут. гос. техн. унив., 2001. 160 с.

5. Градовский А. Д. Собр. соч. Т.8. СПб., 1903

6. Немчинов В. И. Городское самоуправление по действующему русскому законодательству. Городовое положение 11 июня 1892 г. М.: Изд. В.М. Саблина, типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерова,, 1912. 396 с.

7. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. СПб.: тип. Б.М. Вольфа, 1907. 870 с.

УДК 93/94

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В МУНИЦИПАЛИТЕТАХ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Кускашев Дмитрий Валерьевич

канд. ист. наук, доцент

Западный филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,

г. Калининград, Россия

e-mail: kenig-1977@mail.ru

В статье исследованы вопросы эволюции политической культуры избирателей Енисейской губернии в ходе осуществления городской реформы 1870 г. Проанализированы тенденции складывания механизма взаимодействия городского сообщества с органами муниципальной и государственно-административной власти по предмету организации и проведения выборов должностных лиц городского самоуправления. Раскрыты основные направления контрольно-надзорной деятельности, со стороны государства, по вопросам санкционирования организации и результатов муниципальных выборов.

Ключевые слова: выборы, гласные, городской голова, городская дума, городская управа, политическая культура, муниципальная власть.

FEATURES OF THE EVOLUTION OF THE POLITICAL CULTURE OF VOTERS IN THE MUNICIPALITIES OF THE YENISEI PROVINCE DURING THE POST-REFORM PERIOD

Kuskashev Dmitry Valerievich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

The article examines the evolution of the political culture of voters in the Yenisei province during the implementation of the urban reform of 1870. The trends in the formation of the mechanism of interaction of the urban community with municipal and state administrative authorities on the subject of organizing and holding elections of city government officials are analyzed. The main directions of control and supervisory activities on the part of the state are revealed regarding issues of sanctioning the organization and the results of municipal elections.

Key words: elections, voters, mayor, city дума, city government, political and legal culture, municipal government.

Реформа городского самоуправления 1870 г. способствовала некоторой демократизации политической жизни в городах Енисейской губернии, но вместе с тем, сохраняли свое значение, устоявшиеся патерналистские традиции сибирского общества. По мнению современников, главным и основным критерием при выборах, гласными городских дум, городского головы являлся высокий уровень богатства и влияния претендента на должность, что выступало своеобразной гарантией социально-хозяйственной эффективности его работы. [1, с.194].

По мнению гласного городской думы г. Енисейска, видного общественного деятеля Н.В. Скорнякова, причина такого отношения к выборам головы состояла не только в преобладании ценностей патернализма и провинциального традиционализма, но и прежде всего, в низком уровне политической культуры избирателей, отсутствием у них необходимого опыта участия в управлении местными делами. «Традиции старого времени остались в нас; мы и теперь не перестаем ожидать всяких благ и улучшений от городского головы; для нас ... голова – полное олицетворение хозяина города. Город наш беден ресурсами; поэтому мы стараемся избирать в головы человека богатого, надеясь на его собственную помощь, на его солидное положение, которое по преданиям старого времени, дает нам ручательство в успешности наших ходатайств перед начальством. Это первая причина, почему в головы выбираются люди богатые; вторая – та, что мы не можем давать жалованье своему представителю, и вот богатые люди делаются несменяемыми» [2].

В целях обеспечения контроля за проведением выборов органов городского самоуправления было сформировано Енисейское губернское по городским делам присутствие под председательством губернатора, в составе: председателя губернского правления, управляющего казенной палатой, губернского прокурора и городской головы г. Красноярска, с правом обжалования его решений в Правительствующий Сенат [3, с.23 – 28; 360].

По результатам первой выборной кампании наблюдалось большое количество различных обращений и жалоб, направляемых во вновь созданный надзорный орган, по фактам целого ряда нарушений законодательства, допущенных в ходе выборов. В ряде случаев, жалобы и обращения были вызваны как незнанием закона или ошибочной его трактовкой, так и незаконным допуском до участия в голосовании горожан, ранее привлеченных к уголовной ответственности. [4].

Енисейское губернское по городским делам присутствие, постановлением от 10 июня 1891 г., аннулировало результаты выборов в городскую думу г. Ачинска, на основании нарушения законного порядка проведения выборов, участия в выборах и избрания гласными думы группы кандидатов, ранее привлеченных к уголовной ответственности [5].

Еще одним распространенным нарушением организации и проведения муниципальных выборов, являлось избрание на выборные муниципальные должности и гласными дум кандидатов, без их согласия. В данной ситуации, автором жалобы выступало лицо, избранное против собственной воли и желанию, поэтому такой незадачливый служащий пытался обосновать свой отказ от должности нарушениями закона. Причина данного явления состояла в отсутствии законодательно закрепленной системы оплаты труда выборных должностных лиц, работа которых, в соответствии с законодательством, имела общественный характер.

Так, осенью 1879 г., в своей жалобе, купец 2 гильдии М.Ф. Суриков выражал несогласие с избранием его членом городской управы г. Ачинска, поскольку не соответствовал обязательному требованию закона, относительно имущественного ценза [6].

Енисейское губернское по городским делам присутствие, по итогам рассмотрения жалобы, руководствуясь Указом Правительствующего Сената от 29 декабря 1872 г. за №44655, в соответствии

с которым, служба по городским выборам не признавалась обязательной повинностью горожан, отменило данное избрание, обязав городскую думу г. Ачинска провести повторные выборы [7].

Только в период с 1880 по 1884 гг. в адрес городскую думу г. Иркутска поступило четырнадцать заявлений об освобождении от мандата гласного [8].

В городскую думу г. Красноярска только за 1884 г. поступило десять заявлений по аналогичному вопросу [9].

Другая, не менее важная проблема функционирования городского самоуправления в пореформенный период, заключалась в систематических пропусках гласными заседаний городских дум, без уважительных причин. По документальным данным, не более 1/3 от общего числа избранных гласных регулярно участвовала в заседаниях представительного органа самоуправления [10].

Официальная позиция Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел определяла причину указанного явления исключительно материальной мотивацией горожан, видевших в общественной деятельности исключительно личную выгоду [11].

Большинство гласных, являясь, представителями купечества и богатой верхушки мещанства, не посещали заседания дум по причине постоянных разъездах, ведения торговых и коммерческих дел, в силу этого обстоятельства, с наступлением торгового сезона на заседания городских дум выносились лишь незначительные вопросы, для рассмотрения которых не требовалось присутствие квалифицированного состава гласных.

На наш взгляд, причины данного явления заключались в отсутствии нормативно определенной системы оплаты труда выборных должностных лиц городского самоуправления – городских голов, членов управ и гласных дум. Общественная работа в должностях по городскому самоуправлению рассматривалась многими горожанами, в лучшем случае, как лишняя обуза, отнимающая свободное время, поэтому от нее стремились отказаться, другая категория горожан видела в ней исключительно возможность личного обогащения, посредством лоббирования своих коммерческих интересов, участием в различных коррупционных схемах.

Таким образом, вопросы эволюции политической культуры городских избирателей Енисейской губернии в пореформенный период, имели комплекс причин и факторов. К их числу следует отнести, особенности менталитета, низкий уровень грамотности местного населения, отсутствие необходимого опыта участия в политической и правовой жизни, чрезмерный административный надзор за деятельностью органов городского самоуправления, цензовые ограничения, обуславливавшие его корпоративность и замкнутость.

Список литературы

1. Чудновский С. Енисейская губерния. К 130-летию юбилею Сибири (статистико-публицистические этюды). Томск, 1885.
2. Сибирь. 1881. 14 июня, №23.
3. Городовое положение со всеми относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями \ Сост. М.И. Мыш. СПб.: тип. Лебедева, 1890. – 975 с.
4. ГАИО, ф.70, оп.2, д.1603, л.8.
5. ГАКК, ф.595, оп.19, д.4809, лл.66, 78 – 144, 178 – 186.
6. ГАКК, ф.628, оп.1, лл.33 – 38.
7. ГАКК, ф.628, оп.1, лл.40 – 44.
8. ГАИО, ф.70, оп.2, д.822, л.104;
9. ГАИО, ф.70, оп.2, д.1602, л.206.
10. ГАКК, ф.161, оп.1, д.49, л.76.
11. ГАИО, ф.25, оп.27, д.640, л.17.
12. ГАИО, ф.25, оп.27, д.640, лл.1 – 2.

К ПРОБЛЕМЕ АВТОНОМИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Полянина Алла Керимовна
канд. социол. наук, доцент
Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского,
Самарский государственный университет путей сообщения
г. Нижний Новгород, Россия
Alker@yandex.ru

Автором поднимаются вопросы предпосылок и последствий процессов автономизации регионов. Рассматриваются научные представления о феномене региональной суверенизации и её перспектив. Отмечаются возможные факторы данного процесса.

Ключевые слова: суверенитет государства, автономия регионов, конституционный строй, государственная власть.

ON THE PROBLEM OF AUTONOMIZATION OF RUSSIAN REGIONS

Polyanina Alla Kerimovna
Candidate of Sociology, Associate Professor
Nizhny Novgorod State University named after N.I.Lobachevsky,
Samara State University of Railway Transport, Nizhny Novgorod, Russia
Alker@yandex.ru

The author raises the issues of prerequisites and consequences of the processes of autonomous regions. Scientific ideas about the phenomenon of regional sovereignization and its prospects are considered. Possible factors of this process are noted.

Key words: state sovereignty, regional autonomy, constitutional system, state power.

Россия многонациональное, поликультурное и уникальное по конфессиональному составу государство, с богатейшим культурным наследием и огромными территориями, на которых проживают различные исторически сложившиеся социальные общности, с присущими им особенностями ментального и практического характера. И поэтому вопросы самоуправления и автономизации отдельных областей всегда являлись актуальными для государственной политики.

Проблема автономии и процесса автономизации регионов достаточно хорошо освещена в науке. Ряд исследователей посвятили свои труды изучению сущности и видов автономий. Много политических и общественных деятелей размышляли о содержании и критериях автономизации территорий и общностей. Наиболее интенсивно эти исследования осуществлялись и отчасти были применены на практике в конце XIX– начале XX в. Среди учёных, изучавших вопросы автономии и государственной власти, выделяется виднейший представитель отечественной юридической мысли Николай Михайлович Коркунов. Именно он впервые выдвинул идею о том, что государство есть не субъект отношений, а само общественное отношение, а, следовательно, не может в полном смысле обладать волей (государственной волей). Государственная власть, утверждал он, базируется не на государственной воле, а на сознании зависимости подвластного лица - народа. Осознание народом зависимости от государства и определяет власть последнего. «Власть есть сила, обусловленная не волею властвующего, а сознанием зависимости подвластного». Иными словами, задача государства заключается в формировании и поддержании осознания зависимости населения от государства.

Причины автономизации регионов Коркунов видел в том, что их население не желало оставаться подвластными, а не в том, что государственная власть теряла силу. Большое значение в укреплении целостности государства Коркунов предавал общности духовных интересов и идеологии. Осознание общности интересов населения регионов с интересами населения всего государства выступает основанием государства как общественного союза. При этом Н.М. Коркунов считал Россию единым государством без признаков федерации. «Россия никогда не образовывала и не образует ни федерации, ни унии». Какими бы широкими полномочиями и автономией не обладали отдельные области «власть русского монарха стоит выше этой автономии», поскольку этим обеспечивается «преоблада-

ние общерусских интересов над какими бы то ни было местными партикуляристическими стремлениями» [1, с. 24–38].

Определение принципов распределения публичной власти между центром и регионами требует уяснения сущности государственной власти и возможностей регионов этой властью обладать. Речь идет о таком малоизученном понятии как дееспособность государства в соотношении с дееспособностью регионов. Если государственная власть характеризуется способностью регулировать поведение индивидов и социальных групп, а также легитимностью принуждения, то может ли отдельно взятый регион быть способным нести это бремя, обладает ли он для этого механизмом. А если дееспособность государства связывается с международным признанием такого государства в заявленных им границах, то может ли регион стать полноправным субъектом международных отношений? И более того, способны ли региональные власти осуществлять все функции государства, в частности обеспечить общественную и личную безопасность, развитие экономики и социальной сферы. Поэтому вопрос об автономии отдельного региона тесно связан с его способностью к суверенному существованию без ущерба для своего населения.

Некоторые исследователи утверждают, что Россия до недавнего времени всегда была унитарным государством де-юре до 1918 г. и де-факто в советский период [2, с.81]. Период отечественной истории начала 1990-х гг. многими авторами именуется «парадом суверенитетов». А Декларация о государственном суверенитете РСФСР 1990 г. юридически подтвердила возможность автономизации республик. До принятия Конституции 1993 г. и уже после распада СССР центробежный процесс приобрёл невиданные масштабы. Стала очевидной угроза распада уже и Российской Федерации вслед за распадом СССР, которую удалось отчасти предотвратить подписанием Федеративного договора в 1992 г. С этого момента субъекты РФ стали заключать специальные договоры с Федерацией о разграничении предметов ведения между ними. Однако становление договорной модели Российской Федерации не соответствовало традициям российской государственности и вело к снижению стабильности государства, и к концу 1999 г. заключение новых договоров было приостановлено.

Социально-экономические различия регионов в 1990-е гг. настолько возросли, что крупнейшие города, регионы, обладающие большими экономическими ресурсами или выгодным географическим положением, в короткие сроки смогли осуществить рыночную модернизацию. «Богатые регионы богатели, а бедные – ещё более беднели» [4, с. 235]. Ярко обозначилась необходимость сдерживания региональных диспропорций путём бескомпромиссных политических решений. Начавшаяся политика централизации власти, направленная на выстраивание вертикали власти, призвана была реализовать эту задачу. Интеграция российского пространства, перераспределение ресурсов и полномочий в пользу федерального центра, поиск механизмов, которые могли бы сделать региональную ситуацию управляемой «из центра» явились основной целью [5, с. 24]. Контроль над региональной властью с помощью образования Федеральных округов, «бюджетный унитаризм» позволили восстановить единое правовое и экономическое пространство, дисциплинировать региональных лидеров и в целом «изменить всю конфигурацию институтов власти» [6, с. 198].

Обозначенные в Конституции принципы федеративного устройства, в сущности, можно понимать как регулирование (в том числе ограничение) самого процесса автономизации регионов. Государственная целостность означает, в частности, единство территории РФ, распространение суверенитета РФ на всю территорию, единое экономическое пространство, единое правовое пространство и т. п. Открыто устанавливается невозможность выхода субъекта из состава России. Принцип единства системы государственной власти характеризует однотипность институциональной организации, иерархию отношений центра и регионов в главе с центром. Принцип равноправия и самоопределения народов в Российской Федерации, хотя и декларирует равноправие субъектов РФ, но лишь в определенных сферах, например, при изменении статуса субъекта, возможность субъектов объединяться или разъединяться, но в существующих границах и при отсутствии посягательств на конституционный строй РФ. Разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами власти субъектов РФ уже содержит идею о неравенстве статусного положения Федерации и её субъектов. Компетенция РФ определена в ст. 71 Конституции РФ и не подлежит расширительному толкованию. Она включает полномочия по реализации государственного суверенитета, единства прав и свобод человека и гражданина и единую государственную политику. При этом посягательство на круг вопросов, входящих в компетенцию РФ, стремление региональной власти приблизиться к компетенции госвласти и есть главный вектор автономизации.

Некоторые авторы считают государственное устройство Российской Федерации, базирующееся на принципе суверенитета её субъектов, изначально порочным [7, с. 416]. Утверждается, что процесс суверенизации не может быть естественно органичен, он всегда стремится к расширению. В условиях Российской Федерации это фактически означает отказ (пусть несколько отложенный) от принципа единства и неделимости России.

Таким образом, причинами усиления автономизации регионов видятся: 1) неправильная оценка регионами своего политического и экономического потенциала; 2) целенаправленная организация этого процесса извне (зарубежное вмешательство); 3) большой разрыв между общегосударственным и региональным социально-экономическим развитием. Первые две причины автономизации регионов становятся её факторами при помощи информационного воздействия на население региона.

Усиление централизации власти, увеличение сфер контроля над регионами сверху может принести пользу лишь в случае, если федеральные органы власти смогут учесть и обеспечить потребности населения регионов в полной мере, при одновременной стимуляции местных инициатив как условия экономического развития и противодействия иждивенческим настроениям некоторых регионов. Поиск оптимальной модели, при которой бы учитывались уникальные особенности России и гарантировалась национально-культурная самобытность её многочисленных народов, представляется сегодня одним из главных направлений политики в целях благополучия многонационального народа России.

Список литературы

1. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть / Н.М. Коркунов. – СПб., 1914.
2. Червинская А. П. История становления и развития федерального бикамерализма в России / А.П.Червинская // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2020. - № 1. С. 80-87.
4. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода / Н.В. Зубаревич. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 264 с.
5. Лапина Н. Ю. Политика централизации и российские регионы / Н.Ю. Лапина// Итоги двадцатилетия реформ. – М.: ИМЭМО РАН, 2006.
6. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005.
7. Дугин А. Г. Геополитика России / А.Г. Дугин – М.: Академический проект, Гаудеамус, 2012. – 424 с.

УДК 947

ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ КАК «ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯКОРЬ» ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Самоделькин Яков Александрович

Канд. ист. наук, доцент

Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург, Россия

selfpetrovich@mail.ru

В статье дан анализ геополитического мышления Петра I. В начале XVIII в. под руководством Петра I начался процесс модернизации и индустриализации Российского государства. Урал стал регионом особого промышленного развития. Эта специфика исторически закрепилась за Уралом до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: геополитика, авторитарная модернизация, патернализм, меркантилизм.

THE URALS IS GEOPOLITICAL FOR RUSSIAN FOREIGN POLICY IN EUROPE AT THE BEGINNING OF XVIII TH

Samodelkin Yakov Aleksandrovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Ural State Agrarian University, Ekaterinburg, Russia

selfpetrovich@mail.ru

In article gives analysis the geopolitics suggestions of Peter the Great. At the beginning of XVIII th the Russian empire started the modernization process. The Urals region becomes the base of the military production. This specific stays for it for the first time.

Key words: geopolitics, Peter the Great, the modernization, the industrialization.

Внешняя политика Петра I дала мощный импульс к развитию внутренних территорий Российского государства, в том числе Уралу.

России для обеспечения своей безопасности нужно было позаботиться о запасной, тыловой индустриальной и сельскохозяйственной базе в континентальной части страны, в Уральском регионе. Только Урал как единственный регион, находящийся в географическом центре страны, мог претендовать на роль системообразующего элемента во внутренней геополитической структуре Российской империи. Петр I заложил долгосрочную тенденцию развития Урала как "геополитического якоря" модернизирующейся военной империи, удерживающего разнообразную русскую экономическую жизнь. Урал, благодаря своему пространственному расположению, огромному ресурсному и промышленному потенциалу, обладал возможностью трансформироваться из изолированного пограничного края, внешнего компонента военной империи, в регион, объединяющий и сплачивающий экономические связи страны, способствующий расширению активной промышленной зоны в Азиатской части России. Горнозаводской Урал для России, вставшей на путь индустриализации, в долгосрочной перспективе, конечно, был предпочтительнее для интенсивного развития, чем развитие промышленности вдоль Балтийского и Черного морей.

Само существование Балтийских портов зависело от работы заводов горнозаводского Урала. Политика меркантилизма, которая возобладала в эпоху Петра I, была направлена на поощрение экспорта над импортом.

Горнозаводское производство было подчинено закономерностям внешней политики, т.е. производство росло с началом военных компаний и падало с окончанием войны [1]. Миротлюбивая политика Александра III привела в конце XIX в. к глубочайшему кризису и депрессии огромного региона. Урал зависел от государственной "ястребиной" внешней политики. Множество проектов развития транспортных коммуникаций давали шанс на развитие горнозаводского хозяйства [2].

Резким контрастом в конце XIX в. выступил Юг России, который представлял эталон рыночного развития металлургии. Там быстро строились заводы при грамотном учете рыночных факторов (расстояний от руды и топлива, от потребителей, от водных и железнодорожных путей сообщения; там предпринимательская инициатива, технические новинки на производстве, конкурентоспособность продукции, высокая заработная плата рабочих).

Безусловно, что в плане укрепления силы и могущества Российской империи среди европейских государств, Юг России обладал важным геополитическим значением, но из-за своих лимитированных возможностей, связанных с географическим положением, не мог быть лидером (локомотивом) промышленного развития страны. Урал из-за отсутствия государственной помощи (патернализма) не мог способствовать расширению территориально-промышленного базиса в континентальной части страны (на востоке).

Список литературы

1. Гаврилов, Д. В. Влияние геополитического фактора на развитие военного производства на Урале (XVIII – 1917) / Д.В. Гаврилов // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Екатеринбург, 1995. С. 83.

2. Самоделкин, Я. А. Проекты транспортных коммуникаций в национальной стратегии развития сырьевой базы «Большого Урала» в конце XIX - начале XX вв / Я. А. Самоделкин // Стратегия развития минерально-сырьевого комплекса в XXI веке : Материалы II Международной конференции. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2006. – С. 282-286.

ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ ПРАВОКОНСЕРВАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

Курицын Артём Игоревич

*учитель истории и обществоведения, председатель учебно-методического объединения учителей
истории и обществоведения*

*ГУО «Средняя школа №175 г. Минска», г. Минск, Республика Беларусь
dorward@mail.ru*

В статье рассматривается проблема отношения черносотенцев к положению окраин Российской империи как особых регионов в репрезентации современных исследователей. Прослеживается взаимосвязь между участием тех или иных народов в национально-освободительном или революционном движении и отношение к ним крайне правых посредством анализа достижений постсоветской историографии.

Ключевые слова: крайне правые, черносотенцы, современная историография, окраины, Российская империя

THE REGIONS OF RUSSIAN EMPIRE IN THE VIEW OF MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE
RIGHT-WAY CONSERVATIVE MOVEMENT OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Kuritsyn Artem Igorevich

*State educational institution "High school №175 in Minsk",
Minsk, Republic of Belarus*

*teacher of history and social studies, chairman of the educational and methodological association of teachers of history and social studies
dorward@mail.ru*

The article examines the problem of the attitude of the Black Hundreds to the position of the outskirts of the Russian Empire as special regions in the representation of modern researchers. The relationship between the participation of certain peoples in the national liberation or revolutionary movement and the attitude of the extreme right towards them is traced through an analysis of the achievements of post-Soviet historiography.

Key words: extreme right, Black Hundreds, modern historiography, outskirts, Russian Empire

Взаимодействие центра и окраин в истории России всегда было непростым, что совершенно естественно, учитывая размеры страны, особенности климата, этноконфессиональные особенности ряда регионов.

Конфигурация взаимоотношений столичной и местной власти находилась под пристальным вниманием публицистов, политиков, философов. А происходившие общественно-политические катаклизмы оказывали самое непосредственное влияние на настроение как региональных элит, так и политического центра (Москвы или Санкт-Петербурга в зависимости от времени).

Революция 1905-1907 гг. ввергнула Российскую империю в состояние хаоса и неопределённости, что на фоне общего кризиса, породило существенные трудности во взаимоотношениях центра и окраин. Издание Манифеста 17 октября предоставило обществу ряд прав и свобод, в частности были разрешены легальные политические партии, что приводит уже в октябре-ноябре 1905 г. к появлению монархических организаций по всей России.

Идеологические воззрения правых, покоившиеся на знаменитой триаде «православие, самодержавие, народность», вполне сочетались с тем, что окраины империи должны тем или иным способом быть интегрированы в общероссийское политико-правовое поле. Существенное внимание, как пишет А.А. Иванов анализируя публицистику правого издания «Окраины России», уделялось положению «Финляндии и Польше, Северу России, Прибалтийскому краю, Северо-Западному и Юго-Западному регионам, Кавказу и Закавказью, Югу России, Средней Азии, Сибири и Дальнему Востоку» [2, с. 51].

Признавая их особенности, правые, как отмечает Е.М. Михайлова, считали, что «неделимость и целостность России как основа ее державности, унитаризм как государственный принцип, недопу-

стимость автономии для окраинных регионов империи» являются теми фундаментальными понятиями, на которых покоится Российская империя как государство [6, с. 34].

Данные мировоззренческие установки разделялись всеми черносотенными партиями, следование им казалось им настолько же естественным как признание самодержавия единственно верным политическим устройством.

Между тем, это не отменяло дискуссии по поводу того, должно ли быть у регионов право на определённую степень самоуправления и в каких формах оно может быть реализовано. Столичные представители правых придерживались той точки зрения, что любая автономия нежелательна и невозможна. В этом им вторили, как пишет Г.А. Корнеева в монографии «Правомонархическое политическое движение в современных исследованиях историков: Сибирский регион», крайне правые Сибири и «категорически отрицали идею автономии Сибири, говорили о необходимости ужесточения контроля за органами самоуправления со стороны обществуности» [4, с. 280]

Весьма характерно, что в то же время поволжские черносотенцы, не считавшиеся окраинным регионом, считали необходимым существования областного самоуправления и выступали «за ликвидацию подчиненности земского самоуправления Министерству внутренних дел, за непосредственное общение земского самоуправления с верховной властью» [6, с. 35].

Как мы можем здесь наблюдать, отношение к автономии как принципу существенным образом меняется у представителей одного и того же движения в зависимости от точки наблюдения. Столичные и окраинные черносотенцы, боясь усиления влияния «инородцев» выступали против самоуправления, в то же время правые из условно «центральной» России (хотя, конечно, Поволжье — это другой регион, со своими этноконфессиональными особенностями, но не находившийся на пограничье с другими государствами) не видели в этом ничего плохого.

Правыми, подчеркивалось необходимость придания первенствующего положения русскому народу, в том числе и на окраинных территориях. Обосновывалось это, тем, что именно он, как отмечает В.П. Жабоедов-Господарец, «является гарантом стабильности и благополучия государства, защитником от внешних врагов. Правые утверждали, что русский народ должен быть старшим братом в большой семье различных народностей» [1, с. 45].

При этом, как указывает Ю.И. Кирьянов, «положение о преимуществах, и тем более об исключительных правах русских, со временем стали звучать в программных документах все более расплывчато» [3, с. 305]. Фактически это было связано с тем, что реализовать данные условия не представлялось возможным без серьёзной дезорганизации местной жизни, а также грубого ущемления прав местного населения, что неминуемо привело бы к череде восстаний на окраинах.

Вместе с тем, к некоторым регионам — таким как Финляндия и Польша — у правых сохранялось особое отношение. Как отмечает Д.С. Лавринович, один из лидеров Русского окраинного общества, П.А. Кулаковский считал, что «на территории польских губерний, какие бы не были приняты меры для обеспечения национального и культурного развития поляков», возможна только «русская государственность», а никакая автономия недопустима в принципе [5, с. 52].

Приблизительно таким же образом, лидер Русского народного Союза имени Михаила Архангела (СМА) В.М. Пуришкевич относился и к автономии Финляндии, и «призывал в своих выступлениях использовать в качестве основной меры в окраинной политике метод сокращения привилегий и увеличения повинностей в пользу государства» [1, с. 90].

Более того, анализируя причины возникновения правого движения как широкой общественно-политической силы, И.В. Омелянчук указывает, что одной из причин этого стало то, что, по мнению правых, в том числе «окраинными национальными движениями» был атакован «архетип «Великой державы», что в свою очередь создало условия для формирования и активной деятельности черносотенных партий и организаций [7, с. 31].

Отсюда жесткое стремление большинства правых не допустить никоим образом распада империи, что понималось ими, в том числе и как подавление любых федералистских устремлений и попыток организации автономного управления на окраинах России.

Однако, несмотря на жестко задекларированные требования «единой и неделимой России», на практике отношение черносотенцев к различным этносам на окраинных территориях существенно различалось. Как показывает анализ, проведённый исследователями Е.А. Осиповой и А.А. Турыгиным, в зависимости от политической активности того или иного народа, правые по-разному относились к разным народам Российской империи.

Так, «инородное население Поволжья, Сибири и Средней Азии воспринималось черносотенцами как лояльное самодержавию», ввиду того, что в данных регионах в 1905-1914 гг. отсутствовало национальное движение, способное бросить вызов царской власти, а, следовательно, и претендо-

вать на национальное самоопределение [8, с. 47]. С другой стороны, «в населении Финляндии, Польши, Прибалтики и Кавказа черносотенцы видели угрозу имперской целостности» [там же]. Связано это было не только со стремлением народов данных окраин получить в той или иной форме независимость или автономию, но и активным участием жителей, этих регионов в революционном движении, по мнению правых. Это, как показывает рассмотрение данного вопроса в трудах исследователей, было для них гораздо более неприемлемым.

Как отмечают вышеуказанные авторы, связано это было и с тем, что самодержавие, как и единая и неделимая Россия, по мнению черносотенцев, выступали гарантом «выживания русского народа и сохранения его самобытности для исполнения своей мессианской роли» [8, с. 48].

Данная точка зрения в полной мере солидаризуется с позицией М.Л. Размолодина, считающего, что «для черносотенцев принципиально важным положением было сохранение единой и неделимой России. Этот основополагающий принцип, утверждавший имперский, жестко централистский, административный тип функционирования общественной системы, концептуально был враждебен либерализму» [9, с. 46]. Связано это было, как уже отмечалось выше, с тем, что либерализм как политическая идеология был несовместим с самодержавием, а, следовательно, представлялся монархистам глубоко враждебным и опасным направлением политической мысли.

Таким образом, подводя итоги необходимо отметить, современные исследователи отмечают, что правые выступали за существование единой и неделимой Российской империи, основанной на унитарных принципах, и отвергали какой-либо проект, допускающий федеральное устройство России. Делалось это по нескольким причинам. Во-первых, это противоречило самодержавию как таковому, что воспринималось черносотенцами как покушение на основы их мировоззрения.

Во-вторых, многие правые полагали, что иное их поведение приведёт к распаду России, что представлялось ими недопустимым и невозможным. Исходя из этого, как показывает анализ современных авторов, правые считали необходимым ограничивать права тех народов, которые участвуют в революционной борьбе. Вместе с тем, отсутствие у тех или иных народов национально-освободительного движения воспринималось как лояльность самодержавию, что делало указанные народы соответственно невраждебными крайне правым.

В-третьих, как отметили некоторые из исследователей, в частности, И.В. Омелянчук и Ю.И. Кирьянов, по мере затихания революционной борьбы после 1907 г., требования правых о «притеснении инородцев» (за исключением евреев) становятся более туманными и невыразительными.

Список литературы

1. Жабоедов-Господарец В. П. Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати 1905 – февраль 1917 гг.: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2017. 214 с.
2. Иванов А. А. Экономическая публицистика газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.) / А.А. Иванов, А.Э. Котов // Вопросы истории. 2019. №8. С. 50-63
3. Кирьянов Ю. И. Правые партии в России, 1911-1917 гг. / Ю.И. Кирьянов. – М., 2001. 461 с.
4. Корнеева Г. А. Правомонархическое политическое движение: Сибирский регион / Г.А. Корнеева. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. 427 с.
5. Лавринович Д. С. Русское окраинное общество и польский вопрос в начале XX в. / Д.С. Лавринович // Религия и общество – 14: сборник научных статей. Могилев, 2020. С. 49–53
6. Михайлова Е. М. Правомонархическое движение начала XX века в Поволжье: идеологическое оформление и общественно-политическая практика: автореф. дис.... д-ра. ист. наук: 23.00.01. Казань, 2007. 46 с.
7. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901-1914 гг.): автореф. дис.... д-ра. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2006. 46 с.
8. Осипова Е. А. Образ Российской империи и имперских границ в представлении правомонархических консервативных партий накануне 1917 года / Е.А. Осипова, А.А. Турыгин // Вестник КГУ. 2019. №1. С. 45-49
9. Размолодин, М. Л. Имперская проблематика в идеологии черной сотни / М.Л. Размолодин // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2010. №07(61). С. 45–55

ВЗГЛЯД ЧЕРНОСОТЕНЦЕВ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Курицын Артём Игоревич

*учитель истории и обществоведения, председатель учебно-методического объединения учителей
истории и обществоведения*

*ГУО «Средняя школа №175 г. Минска», г. Минск, Республика Беларусь
dorward@mail.ru*

В статье рассматривается постсоветская историография экономического развития окраин Российской империи в представлении крайне правых. Прослеживается отношение правых партий к переселенческой политике в рамках современных исследований данного явления.

Ключевые слова: крайне правые, черносотенцы, современная историография, окраины, Российская империя, экономическое развитие.

THE VIEW OF THE BLACK HUNDREDS ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE OUT-
SKIRTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY

Kuritsyn Artem Igorevich

*State educational institution "High school №175 in Minsk",
Minsk, Republic of Belarus*

*teacher of history and social studies, chairman of the educational and methodological association of teachers
of history and social studies
dorward@mail.ru*

The article examines the post-Soviet historiography of the economic development of the outskirts of the Russian Empire in the view of the extreme right. The attitude of right-wing parties to resettlement policy is traced within the framework of modern studies of this phenomenon.

Key words: extreme right, Black Hundreds, modern historiography, outskirts, Russian Empire, economic development.

Черносотенное движение, возникнув в начале XX века во время событий революции 1905-1907 гг. главными считало для себя три вопроса: сохранение самодержавия как формы государственного устройства, поддержка первенствующего положения православной церкви в Российской империи, обеспечение господствующего состояния русского народа.

Именно данная проблематика занимало умы правых лидеров, именно она оказывалась в центре их требований. Соответственно положения программы Союза русского народа (СРН) по данной тематике, как крупнейшей правой партии, а также уставы и лозунги других монархических организаций, оказались под пристальным взглядом исследователей.

Однако, в настоящее время, получили определённое изучение и экономические взгляды крайне правых, в частности на особенности государственной политики Российской империи в сфере экономического освоения её окраин. К таковым в литературе принято относить территорию Финляндии, Польши, Прибалтики, Беларуси, Украины, Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Сибири и других регионов [5, с. 51].

Вместе с тем, важно помнить, что как политико-правовой, так и социально-экономический статус данных регионов был различным, что накладывало соответствующие ограничения, как на действия правительства, так и на отношение к этому со стороны черносотенцев. И если такие регионы как Финляндия признавались экономически успешными, то Средняя Азия, рассматривалась правыми как «колония, живущая за счет метрополии, что казалось им неприемлемым» [3, с. 53]. Правые считали, что такое положение вещей должно быть изменено при самом деятельном участии правительства.

Анализируя экономическое положение в Финляндии В.П. Жабоедов-Господарец в диссертационном исследовании «Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати 1905 – февраль 1917 гг.», отмечает, что «экономические успехи финнов по праву вызывали восхищение... Правые не подвергали сомнению достижения финнов, но не ставили им их в заслугу. Всё списыва-

лось на благоприятно сложившиеся для них условия» [1, с. 159-160]. Так, известная черносотенная газета «Окраины России» писала в том духе, что результаты успешного экономического развития Финляндии целиком и полностью связаны с тем, что данная окраина империи не несла части общеимперских расходов, получала субсидии из государственной казны и подводила «читателей к убеждению о полной хозяйственной несостоятельности финнов» [1, с. 160].

Вместе с тем, как указывают Е.А. Осипова и А.А. Турыгин, характеризуя экономические успехи любых «инородцев», черносотенцы, как правило, замечали, что всё это стало возможным лишь благодаря тому, что «евреи, поляки, финляндцы, армяне» находятся под защитой русского царя [7, с. 47].

В современной историографии правого движения, определённое внимание получили взгляды черносотенцев на экономическое обустройство Кавказа. Этому в частности посвящена статья А.А. Иванова «Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX – начало XX веков».

Автор указывает, что представители правомонархического лагеря, считали, что существующая «русская администрация на Кавказе», а также «чиновники-либералы» не способны должным образом проводить интересы империи в регионе [5, с. 130]. Это в свою очередь, по их мнению, приводило к тому, что государственная казна недополучает существенную часть доходов, что недопустимо. Вторым важным вопросам, интересовавшим черносотенных публицистов, стало «экономическое положение русских поселенцев на Кавказе и меры по поднятию их численности и благосостояния» [там же]. Как отмечает А.А. Иванов, меры, предлагаемые правыми, как правило, были непоследовательными и двойственными, и содержали предложения «самого общего плана» [5, с. 139].

Важная проблема переселенческой политики Российской империи, и отношения к ней различных политических сил, в частности правых, получила рассмотрение в статьях А.А. Иванова и А.Э. Котова [2; 4]. В частности, в работе «Переселенческая политика Российской империи в оценках правых депутатов III Государственной думы», А.А. Иванов отмечает, что правые, поддерживая правительство, считали, что в данном деле важен не только экономический эффект (а может и не столько), но прежде всего политика «русификации окраин, дальнейшего закрепления их за Россией и создания на них оплота для защиты от возможных иностранных посягательств» [4, с. 108].

В статье «Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX – начало XX в.)» А.А. Иванов и А.Э. Котов указывают, что черносотенцы, признавая важность дальнейшего освоения дальнего Востока и Сибири, вместе с тем существенное внимание придавали и другим регионам, в частности Центральной Азии и Закавказью.

Отмечая успехи правительственной политике в данном направлении, вместе с тем черносотенцы указывали на то, что, «без увеличения финансовых вложений со стороны государства оно не сможет быть достаточно эффективным» [2, с. 73].

Правых интересовали и проблемы экономического развития Сибири, в частности Г.А. Корнева, отмечает, что правые довольно верно оценили те проблемы, которые были созданы центральной властью сибирскому региону в конце XIX – начале XX вв.

Так, правительство, как указывает автор, ввело «режим экономической дискриминации Сибири, так как двойная схема определения тарифов на хлебные перевозки стала инструментом в решении задачи направить хлеб окраин на внешний рынок через Архангельск, закрыв для них балтийские порты» [6, с. 296]. Исходя из этого, монархисты предлагали организовать полярное железнодорожное сообщение «от Тюмени, что должно было обеспечить выход сибирского хлеба на Север России и за границу» [6, с. 296].

Таким образом, в настоящее время, сложилась определенная историографическая традиция в изучении отношения правых партий к социально-экономическому освоению окраин Российской империи. Во-первых, необходимо отметить, что данная проблематика получила освещение относительно недавно, связано это в первую очередь с тем, что идеологические представления правых в области национального, религиозного и политического устройства России достаточно хороши, исследованы историками, как на общероссийском, так и местном, региональном уровне. Соответственно иные, менее изученные темы, привлекли их внимание. Во-вторых, существенную роль сыграло расширение источниковой базы, ввод правой публицистики, в частности материалов газеты «Окраины России». В-третьих, правое движение к настоящему времени представляет собой достаточно изученную проблематику в вопросах численности, состава, основ идеологии, думской деятельности, но представляется малоизученной в отношении социально-экономических представлений черносотенцев, их взаимодействия с правительством (особенно неформального), финансирования и т.д. Исходя из этого, внимание исследователей перераспределяется в пользу новых тем. Тем более вышеприведённый ана-

лиз показывает, что правые в своей деятельности руководствовались не только националистическими мотивами (что нередко считалось единственным мотивом их деятельности в дореволюционной и советской историографии), но и другими факторами. Вместе с тем, мы видим, что даже экономическая проблематика, в их понимании зачастую имела связь с межнациональными отношениями. Необходимо отметить, что данная тематика ещё ждёт продолжения исследований, ввиду того, что большая часть регионов (окраин) представлена лишь в самом общем виде.

Список литературы

1. Жабоедов-Господарец В. П. Образ финнов и Финляндии на страницах правой и либеральной печати 1905 – февраль 1917 гг.: дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2017. 214 с.
2. Иванов А. А. Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX – начало XX в.) / А.А. Иванов, А.Э. Котов // Вопросы истории. 2019. №2. С. 60-75
3. Иванов А. А. Экономическая публицистика газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.) / А.А. Иванов, А.Э. Котов // Вопросы истории. 2019. №8. С. 50-63
4. Иванов А. А. Переселенческая политика Российской империи в оценках правых депутатов III Государственной думы / А.А. Иванов // Таврические чтения-2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей. СПб., 2019. С. 102-108.
5. Иванов А. А. Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX – начало XX веков / А.А. Иванов // Научный диалог. 2018. № 6. С. 124–142
6. Корнеева Г.А. Правомонархическое политическое движение: Сибирский регион / Г.А. Корнеева. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. 427 с.
7. Осипова Е.А. Образ Российской империи и имперских границ в представлении правомонархических консервативных партий накануне 1917 года / Е.А. Осипова, А.А. Турыгин // Вестник КГУ. 2019. №1. С. 45-49

УДК 82-822

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ «ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ» В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ «ОТГОЛОСКИ СИБИРИ»

Смолянинов Артем Витальевич

аспирант, инженер-исследователь, ассистент

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

smoart1@bk.ru

Изложен опыт первичного анализа концепта «центр — периферия» на материале малоизученного коллективного поэтического сборника «Отголоски Сибири», изданного в 1889 г. в Томске Ф. В. Волховским (1846–1914) — известным революционером-народником и литератором. Выявлен ряд репрезентантов концепта, характеризующих образы России и Сибири в художественном сознании разных групп авторов XIX в.

Ключевые слова: концептуальная оппозиция, центр, периферия, коллективный литературный сборник, сибирская литература, метатекст, художественный концепт, Ф. В. Волховский

CONCEPTUAL OPPOSITION 'CENTER — PERIPHERY' IN THE POETRY COLLECTION 'ECHOS OF SIBERIA'

Smolianinov Artem Vitalievich

Postgraduate student, Research engineer, Assistant

Tomsk State University, Tomsk, Russia

smoart1@bk.ru

The experience of primary analyzing the concept 'center – periphery' is presented on the material of the insufficiently explored multi-author poetry collection 'Echoes of Siberia', published in 1889 in Tomsk by F. V. Volkhovsky (1846–1914), a famous populist revolutionary and writer. The analysis showed the

presence of a number of representatives of the concept, which describe images of Russia and Siberia in the artistic consciousness of different groups of authors of the 19th century.

Key words: conceptual opposition, center, periphery, multi-author literary collection, Siberian literature, metatext, literary concept, F. V. Volkhovsky

Отдельный исследовательский интерес и методологическую проблему для литературоведения на сегодняшний день представляет, по аналогии с когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией, интерпретация художественных концептов [1–8], в том числе объективированных в так называемых «литературных ансамблях», — а точнее, коллективных литературных сборниках, альманахах, онтологиях, хрестоматиях и журналах, поскольку под «ансамблями» можно также понимать как отдельные концептуально, сюжетно, тематически и/или мотивно-образно соотнесенные произведения одного автора (соавторов), так и собрание его (их) сочинений.

В русле метатекстового подхода (В. С. Киселев, Ю. В. Казарин, В. В. Баженова, Т. А. Снегирева, А. В. Подчиненов) коллективные литературные ансамбли рассматриваются как текстуальные единства, или (в соответствии с лингвистической теорией текста и постструктуралистскими представлениями о текстовом устройстве культуры) «коллективные художественные высказывания», имеющие дискурсивный характер, выраженный в зафиксированном взаимодействии литературных субъектов и объектов. В подобных текстовых единствах («сверхтекстах») концепты, репрезентированные в пространстве метатекста, обретают полифонический характер и могут обогащаться отдельными контекстуальными, семантическими, лексическими приращениями из концептосфер авторских языковых личностей, а также, что особенно важно, языковых-личностей издателей, редакторов, составителей, переводчиков — любых лиц, чей творческий замысел, внутренняя интенция, видение модели издания влияют на его содержание и структуру.

Таким образом, *цель* настоящего исследования — выявление особенностей репрезентации фундаментального для регионального дискурса художественного концепта «центр — периферия» на материале коллективного поэтического сборника «Отголоски Сибири».

Актуальность исследования обусловлена интересом современных гуманитарных наук к реконструкции и описанию культурного ландшафта Сибири в целом и вниманием литературоведения к вопросам становления, развития сибирского литературного процесса в частности. *Новизна* работы обеспечивается обращением к малоизученным коллективным сибирским литературным ансамблям, при этом поэтический сборник «Отголоски Сибири» впервые рассматривается сквозь призму литературоведческого подхода.

В основе *методологии* исследования лежит попытка синтеза принципов метатекстового (В. С. Киселев, В. В. Баженова) и литературоведческого концептуального анализа (Т. И. Васильева, Л. В. Миллер), а также используется структурно-описательный метод для раскрытия концепции и структуры сборника как издания. Репрезентацию оппозиции «центр — периферия» предлагается выявлять путем выделения ее наиболее фактурных, частотных тематических, образных и мотивных репрезентантов в пространстве метатекста для раскрытия ее онтологического и коннотативного значения в контексте коллективной художественной картины Сибири, или, другими словами, «коллективного поэтического высказывания» на сибирскую тематику.

Сборник «Отголоски Сибири» [9], выступающий *материалом* исследования, издан в 1889 г. в Томске в первой частной типографии В. В. Михайлова и П. И. Макушина на средства Ю. П. Матвеевой. Редактором-составителем сборника выступил Ф. В. Волховский (под псевдонимом Иван Брут) — видный деятель народничества, публицист и литератор, который был сослан в Сибирь в 1878 г. и проживал в Томске с 1881 по 1889 гг. Как отмечает Н. В. Жиликова, деятельность Ф. В. Волховского как представителя сибирской интеллигенции тесно связана с феноменом литературного регионализма и процессом формирования регионального самосознания [10], что является важным фактором при анализе концепции «Отголосков Сибири».

В состав сборника вошло 94 поэтических текста (преимущественно XIX в.), в основном перепечатанных по различным малоизвестным и «забытым» изданиям, которые собирал Ф. В. Волховский. Жанровое наполнение «Отголосков Сибири», как и перечень авторов, довольно обширны: от народных и каторжных сибирских песен до лирических стихотворений и посланий современников самого составителя. Хотя оппозиция «центр — периферия» и является объектом текущего исследования, доминантным концептом сборника остается индивидуально-авторский концепт «отголоски Сибири», номинированный, как это свойственно для художественных произведений, в заглавии издания. Оппозиция же рассматривается нами в качестве субдоминантного концепта, раскрывающего один из важнейших аспектов восприятия, осмысления и эмоционально-оценочной характеристики

образа Сибири в национальной культуре. В результате он не вербализуется в тексте сборника напрямую, однако репрезентируется (в первую, но не последнюю очередь) на уровне семантики его названия — «ключевого слова» всякого текста. Отметим, что в отношении коллективного сборника заглавие также выступает как первичный метатекстуальный признак, тематически связывающий и задающий основной ракурс восприятия и интерпретации всех текстов в составе данного издания.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу концептов, дополнительно обозначим, что важным для него источником является предисловие Ф. В. Волховского, в котором он обстоятельно излагает идею, целевое назначение сборника, а также принципы отбора произведений, тем самым достаточно ясно выражая свою литературно-эстетическую позицию и обосновывая концепцию сборника. Они, что примечательно, в значительной мере совпадают с позицией И. М. Сибирякова и концепцией его издания «Сибирские мотивы» [11] — хронологически первого сибирского коллективного поэтического сборника (упоминается в предисловии Ф. В. Волховского), выпущенного в 1886 г. в Санкт-Петербурге («Отголоски Сибири» — второй и последний подобный сборник XIX в.).

Итак, в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой приводятся следующие определения лексемы «отголосок»:

«1. Отражение звука; эхо. // *перен.* Действие или душевное состояние как ответ, отклик на что-л.

2. Звук, доносящийся издалека, ослабленный расстоянием. // *перен.* Остаток, след существования чего-л.» [12].

Близкую дефиницию обнаруживаем и у М. И. Михельсона: «Отголосок (*иноск.*) — одно явление, чувство, вызванное другим, более сильным (намек на отголосок — слабое повторение звука)» [13].

Сам Ф. В. Волховский называет «отголосками» любые поэтические тексты, созданные в Сибири или написанные сибирские темы, но при этом подразумевает и «отголоски души» как переживаемое ответное эмоционально-чувственное состояние, и «отголоски сибирского края» как образы в сознании читателя, фрагменты воспоминаний, впечатлений, что в плане выражения совпадает с переносными словарными определениями. Заметим, что семантическое содержание лексемы «отголосок» предполагает наличие некоей дистанции, пространственных отношений между источником образа и воспринимающим его субъектом, а также ментальной связи или закрепленного образа, отрефлексированного опыта, обеспечивающих отклик на стимульное воздействие, и именно эти свойства служат обоснованием сближения указанного концепта с оппозицией «центр — периферия», где они так же оказываются актуализированными в пространственно-образном выражении.

Не смотря на очевидное противопоставление и даже конфронтацию образов центральной России и Сибири во многих поэтических текстах в составе сборника (что чаще всего и предполагают оппозиционные — а тем более дихотомичные — отношения), можно говорить о том, что сам Ф. В. Волховский как составитель, наоборот, подходит к данной оппозиции критически и объективно, с позиции культурного диалога, взаимодействия. Это выражается не только в разнообразии жанров и протяженной хронологической дистанции между произведениями, но и в гетерогенности авторского состава «Отголосков Сибири», куда вошли тексты 1) народных творцов, 2) поэтов-сибиряков (уроженцев Сибири), 3) приезжих авторов-современников («неурожденные сибиряки», «пасынки»), а также 4) общерусских поэтов и ссыльных декабристов — то есть всех литературных субъектов, посвящавших строки данному региону и/или творивших в нем. Не случайно для обоснования такого отбора Ф. В. Волховский в предисловии употребляет выражение «ради полноты объективной картины» [12, л. VII], то есть попытки создания и организации максимально возможного и широкого на тот момент (с учетом доступности материала) регионального поэтического метатекста. При этом важно отметить, что он сознательно избегал публикации текстов, которые ранее уже были помещены в сборник «Сибирские мотивы» И. М. Сибирякова, что при учете схожести их концепций и взглядов на сибирскую поэзию позволяет судить о преемственности и развитии подхода к собиранию, осмыслению и изданию данного материала.

В самих произведениях в составе сборника концептуальная оппозиция «центр — периферия» объективирована обширным рядом ассоциативно связанных с ними и антиномических между собой образов России и Сибири, их пространственных характеристик, а также субъектных-оценочных номинаций социальных и культурных феноменов. В рамках первичного исследования ограничимся лишь их перечислением и приблизительной классификацией (см. табл.) по лексико-семантической принадлежности.

Таблица «Распределение репрезентантов концепта „центр — периферия“ по авторским группам коллективного поэтического сборника „Отголоски Сибири“»

Группа авторов	Репрезентанты	
	образа России («центра»)	образа Сибири («периферии»)
Народные творцы	Тюремные, каторжные лексемы, эпитеты: <i>большие дороги, приказчик (вор-собака), тюремщики</i>	Тюремные, каторжные лексемы: <i>отброс, прииски, заключенные</i>
Общерусские поэты, ссыльные декабристы	<p>Лексемы, эпитеты, выражающие патриотические чувства: <i>отчизна, страна родная, родина, родные степи</i></p> <p>Географические лексемы: <i>Юг</i></p> <p>Эмотивные лексемы, метафоры: <i>радость, лоно счастья и свободы</i></p> <p>Религиозные лексемы, метафоры: <i>рай, небесная обитель</i></p>	<p>Политико-географические лексемы, эпитеты: <i>Восток, дальняя страна, Север, страна бесконечной зимы, чуждальная сторона, страна золота, проклятая страна. страна пустынная, страна чужая</i></p> <p>Природно-географические лексемы, эпитеты: <i>лесная глушь, темный лес, дальние снега, безбрежная пустыня, туманная даль</i></p> <p>Лексемы, эпитеты, характеризующие перцептивное восприятие пространства: <i>тьма, тишь, безлюдье, беспросветный мрак</i></p> <p>Эмотивные лексемы: <i>печаль, жестокость и холодность</i></p> <p>Религиозные лексемы, метафоры: <i>ад, царство ночи, край слез (страданий, скорби)</i></p> <p>Тюремные лексемы: <i>каторга, тюрьма</i></p> <p>Социальные образы: <i>злая мачеха</i></p>
Приезжие авторы-современники	<p>Лексемы, эпитеты, выражающие патриотические чувства: <i>родина, «Рассеюшка родная», отчизна</i></p> <p>Политико-географические лексемы, эпитеты: <i>Европа, климат чудесный</i></p> <p>Социальные образы: <i>богач-«генерал»</i></p> <p>Аудиальные образы: <i>шум людской, ложь, суета</i></p> <p>Эпитеты, относящиеся к понятиям искусства: <i>грациозные ноты, нежный плод (произведение)</i></p>	<p>Политико-географические эпитеты: <i>горький край, дикий (темный) край, край далекий, край изгнанья</i></p> <p>Природно-географические лексемы, эпитеты: <i>угрюмая природа, мрачная тайга, холодная непогода, бурьян, глушь, полярные равнины, снежный сумрак</i></p> <p>Эпитеты, характеризующие образ пространства: <i>ширь бесконечная, мощь суровая, сумрачность вечная</i></p> <p>Социальные образы: <i>бедняк-«странник»</i></p> <p>Аудиальные образы: <i>звуки цепей, нежные звуки</i></p> <p>Эпитеты, относящиеся к понятиям искусства: <i>жесткий стих</i></p>

<p>Поэты-сибиряки</p>	<p>Лексемы, выражающие патриотические чувства: <i>родина</i></p> <p>Политико-географические лексемы: <i>Европа</i></p> <p>Социальные образы и характеристики: <i>наставница, выхолненная бонна, богатство</i></p> <p>Архитектурно-урбанистические образы: <i>высокий дом, город</i></p> <p>Аудиальные образы: <i>говор и музыка</i></p> <p>Лексемы, выражающие пространственные отношения: <i>поверхность</i></p> <p>Лексемы, характеризующие перцептивное восприятие пространства: <i>свет, блистающие огни</i></p>	<p>Лексемы, эпитеты, выражающие патриотические чувства: <i>отчизна суровая (холодная, безлюдная), отчизна милая, родная Сибирь, отчизна далекая</i></p> <p>Политико-географические эпитеты: <i>забытая страна, Азия, страна изгнания, юная страна, несчастная страна</i></p> <p>Природно-географические лексемы, эпитеты: <i>глушь Сибири, цепь гор, степь, река, тайга необъятная, чащи вековечные</i></p> <p>Эпитеты, характеризующие образ пространства: <i>природа-мать, величие пустынное, всемирное кладбище, плачущая юдоль, Богом забытая, пространство громадное, вольный (широкий) простор, свобода, ширь</i></p> <p>Лексемы, эпитеты, характеризующие перцептивное восприятие пространства: <i>сумрак, тусклый свет, тьма безмолвная, мрак</i></p> <p>Социальные образы и характеристики: <i>жалкая раба, мать, бедность</i></p> <p>Архитектурные образы: <i>избушка старая, острог</i></p>
-----------------------	--	--

Как видно из таблицы, в художественных картинах мира разных авторских групп образы «центра» и «периферии» (и, следовательно, их концепты) обладают как схожими, так и разными коннотациями, обусловленными не только социально-политическим контекстом, но и развитием регионального литературного процесса в XIX в., протекавшего хоть и с некоторым запозданием, но все же в тесной связи с общерусским. На примере «Отголосков Сибири» можно явственно вычлениить героический эпос (поход Ермака), романтизм (творчество декабристов) и реализм (творчество поэтов-сибиряков) — последнее преимущественно в этнографическом ключе, с попыткой переработки или фиксации некоторых локальных фольклорных тем и мотивов. Многообразие репрезентантов и частотная инверсия коннотаций (в логике расположения текстов) как «центра», так и «периферии» зачастую объясняется принадлежностью автора к одной из указанных авторских групп, что также необходимо соотносить с авторской позицией и/или позицией лирического героя конкретного произведения.

Обращая внимание на наличие мифологемных элементов в онтологическом образе Сибири (один из главных аспектов противопоставления ее России в художественном сознании), следует упомянуть и о том, что для сибирской литературы XIX в. характерны две противоположные тенденции: собственно мифологизация (Сибирь как лиминальное пространство временной смерти) и демифологизация (Сибирь как часть общерусского пространства, «периферия») [14]. Как видно из совокупности репрезентантов исследуемой оппозиции, обе представлены и в исследуемом метатексте.

Таким образом, выход данного сборника можно назвать значимым событием в литературной истории Сибири, ведь в нем, с одной стороны, была предпринята амбициозная попытка «выразить региональное сознание, сформированное природой края» [15, с. 14], а с другой — отразился культурно-исторический диалог центра и периферии в поэтическом дискурсе. В результате, как точно отмечает Е. А. Макарова, «в „Отголосках Сибири“ проявляется новый акцент в сибирской тематике — культурное пробуждение края» [Там же].

Перспектива дальнейшего исследования данного сборника заключается в возможности применения других методов анализа концептов для более детального описания оппозиции «центр — периферия» и моделирования концептосферы метатекста.

Список литературы

1. Суржанская Ю. В. Индивидуальные и культурные концепты: общее и различимое // Язык и культура. 2011. № 3 (15). С. 87–93.
2. Подкопаева О. И. Основные подходы к изучению концептов в современной отечественной лингвистике // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского: Материалы докладов гуманитарных секций региональной университетской научно-практической конференции (Калуга, 01–31 февраля 2018 года). Калуга: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2018. С. 586–592.
3. Сурина В. Н. Понятие концепта и концептосферы // Молодой ученый. 2010. № 5 (16). Т. 2. С. 43–46.
4. Богоявленская Ю. В. Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Лингвокультурология. 2013. № 7. С. 6–16.
5. Калашникова К. Р. Смысловая структура концепта и его вербализация // Вестник Башкирского университета. 2018. № 2. С. 427–430.
6. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская речь. Вып. II. Л.: Academia, 1928. С. 28–44.
7. Красовская Н. В. Художественный концепт: методы и приемы исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». 2009. № 4. С. 21–25.
8. Васильева Т. И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. Ч. 1. С. 51–54.
9. Отголоски Сибири: сборник стихотворений разных авторов. Томск: Издание Ю. П. Матвеевой, 1889. 191 с.
10. Жилиякова Н. В. «Сибирская газета» (г. Томск, 1881–1888) как явление литературного регионализма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 21 с.
11. Сибирские мотивы. СПб.: Издание И. М. Сибирякова, 1886. 147 с.
12. Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. 2023. URL: <https://lexicography.online/> (дата обращения: 20.10.2023).
13. Толково-фразеологический словарь Михельсона // Словари, энциклопедии и справочники онлайн. 2023. URL: <https://slovaronline.com/> (дата обращения: 20.10.2023).
14. Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века // СИБИРЬ: ВЗГЛЯД ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ. ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА. SIBIRIEN: BLICK VON AUSSEN UND VON INTERN. GEISTIGE RAUMERMESSUNG: Материалы Международной научной конференции (24–26 сентября, 2004). Иркутск, 2004. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html (дата обращения: 25.10.2023).
15. Макарова Е. А. Специфика регионального литературно-художественного сборника в книжном пространстве Сибири XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 10–16.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ РЕФОРМА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
В 1918–1936 ГГ.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Парченко Никита Андреевич
г. Новосибирск, Россия
nikita09019@mail.ru

В статье ставится цель рассмотреть основные положения реформы административно-территориального деления РСФСР в 1918–1936 гг. Данная реформа имела превосходную теоретическую базу и заложила основы современного административно-территориального деления. Автором были сделаны выводы об уникальности исторического опыта рассматриваемой реформы в обозначенном периоде, что позволяет говорить о возможности применения правового и практического опыта советских реформаторов при проведении административно-территориальных преобразований в будущем.

Ключевые слова: Административно-территориальное деление, реформа административно-территориального деления, экономический район, край, область.

ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL REFORM IN SOVIET RUSSIA IN 1918–1936: FORMULATING
THE PROBLEM

Parchenko Nikita Andreevich
Novosibirsk, Russia
nikita09019@mail.ru

The article aims to consider the progress of the reform of the administrative-territorial division in 1918–1936. This reform had an excellent theoretical basis and laid the foundations for modern administrative-territorial division. The author drew conclusions about the uniqueness of the historical experience of the reform under consideration in the designated period, which allows us to talk about the possibility of using the legal and practical experience of Soviet reformers when carrying out administrative-territorial reforms in the future.

Key words: Administrative-territorial division, reform of administrative-territorial division, economic region, region, region.

С конца XIX – начала XX века в России начинают разрабатываться конкретные проекты реорганизации административно-территориального деления в рамках существующего унитарного государства, которые обсуждались в том числе на государственном уровне. Однако с приходом к власти большевиков данные проекты потеряли актуальность, а у последних не было четкого видения административно-территориальных преобразований, кроме убеждения об архаичности и неэффективности существующего унитарного деления. Фактически, все изменения в административно-территориальном делении в период с 1917–1918 гг. происходили стихийно под влиянием революционных процессов, пока в 1918 г. правительством большевиков не было принято политическое решение и издан декрет «Об определении границ губернских, уездных и пр.» [1], который делегировал местным властям объем полномочий по объему полномочий административно-территориального устройства делегировал местным властям. Это привело к его вольной трактовке и появлению новых и дроблению старых административных единиц, к примеру количество волостей увеличилось на 20%. Большевики старались централизовать этот процесс путем санкционирования данных преобразований, тем не менее, к завершению гражданской войны вопрос коренных преобразований снова был на повестке дня. К концу 1921 г. были подготовлены проекты Административной комиссии ВЦИК и Госплана по административно-территориальной реформе, в основе которых лежал метод экономического районирования [2, с. 142]. Согласно проекту, новые административно-территориальные единицы должны были совпадать с границами экономических районов, выделенных согласно их хозяйственной спецификации [3, с. 8]. Предшествующее административно-территориальное деление, включающее такие единицы, как: губерния, уезд, волость, должны были, согласно проекту, быть соответственно заменены: областью, округом и районом.

Между тем, в 1918–1923 гг. сохранялась старая административно-территориальная система в рамках переходного периода. В течение 1918–1920 гг. по объективным причинам, связанным с гражданской войной вопросы кардинального перехода от унитарного к федеративному государству, были отодвинуты на задний план, поскольку для большевиков важным оставался вопрос по удержанию власти. Период 1921–1922 гг. уже можно назвать проектным этапом теоретической разработки метода экономического районирования, который в разных вариациях был известен и ранее.

Непосредственно осуществление реформы пришлось на период 1923–1929 гг. и состояла в трех аспектах: территориальном, административном и экономическом. Первый состоял в создании упорядочивании новых территориальных единиц – областей, округов и районов, при этом нельзя с достаточным основанием провести различия между краем и областью, которые в административном отношении являлись равнозначными. Административный аспект заключался в полной перестройке органов местного управления, которые получили большие полномочия, особенно в бюджетной сфере. В целом можно охарактеризовать этот период, как некоторую децентрализацию местного управления, которая шла в противоречие с общей тенденцией к централизации власти советского правительства. Экономический аспект был тесно связан с курсом новой экономической политики, и действительно привел к увеличению экономических показателей. Однако добиться самостоятельности экономических районов в рамках административно-территориальных единиц не удалось.

В ходе реформы также произошло укрупнение административно-территориальных единиц. Пилотными регионами стали Уральская область, созданная в 1923 г. и Северо-Кавказский край, созданный в 1925 г [4, с. 43]. Всего к 1929 г. в РСФСР было образовано шесть областей, семь краев и десять автономных республик. Следует отметить, что округ в этой системе себя не оправдал, о чем прямо указывали данные о их хозяйственной и административной деятельности. Он так и не смог стать связующим звеном между районом и краем/областью в виду целого комплекса факторов [5, с. 56].

Результаты реформирования административно-территориального деления 1923–1929 гг. можно назвать противоречивыми, так как правительство столкнулось с различными проблемами, включающими в себя географические, экономические, культурные и человеческие факторы. Области и края не смогли стать полностью автономными экономическими районами, а окружное деление было признано неудавшимся. Тем не менее, была проведена колоссальная работа, заложившая основы существующего административно-территориального деления.

Период 1929 -1936 гг. начался с ликвидации окружной системы, что представляется закономерным и объективным в существующих реалиях. Окончательно она была ликвидирована к 1 октября 1930 г. [6, с. 2] Однако реформа не была на этом закончена, и продолжалась уже под влиянием политических факторов, а именно построения жестко централизованной административно-командной системы вертикали власти. Крупные административно-территориальные единицы, которые приобрели за предыдущий период весомый экономический потенциал и значительный объем полномочий уже не вписывались в эту модель в виду своей излишней самостоятельности. Стоит отметить, что объективно крупные края и области действительно были излишне громоздкими, особенно в условиях довольно значительных расстояний и географических условий.

Индустриализация и коллективизация 1930-х гг. внесли свои коррективы, так как на уровне районов встречала прямое противодействие, а работа районных администраций в подавляющем большинстве оценивалась, как неэффективная.

Исходя из этого, с 1932 г. начался процесс укрупнения районов, путем их ликвидации либо объединения. Однако в последствии выяснилось, что крупные районы не в состоянии осуществлять эффективное руководство территориями [7]. вследствие чего с 1935–1936 гг. начался обратный процесс разукрупнения районов, но уже учитывая объективные факторы. Одновременно происходил процесс разукрупнения областей и краев. Официально это связывалось с целями улучшения партийно-государственного руководства территориями и приближению их к населению.

Изменения были окончательно закреплены в Конституции 1936 г., согласно которой территория РСФСР состояла из пяти краев, девятнадцати областей и семнадцати автономных республик.

Список литературы

1. Декрет СНК «О порядке изменения границ губернских, уездных и проч.» // СУ РСФСР. 1918. №21. Ст. 318.

2. Корженевский К. Б. Формирование административно-территориальной системы РСФСР в первой половине 1920-х гг. (на примере районирования западносибирских губерний) / К. Б. Корженевский // Вестник Томского государственного университета. 2019. №439. С.142-146.
3. Экономическое районирование России: доклад Госплана III Сессии ВЦИК / РСФСР. Гос. общеплановая комис. при Сов. труда и обороны. М.: ВЦИК, 1922. 312 с.
4. Шафир М. А. Административно-территориальные основы устройства Советского Государства (Конституционные основы) / М. А. Шафир. М: изд-во «Наука», 1983. 176 с.
5. Лужин А. В. Административно-территориальное устройство Советского государства / А. В. Лужин. М.: Юридическая литература, 1969. 172 с.
6. Ширяев Е. А. Реформирование административно-территориального устройства РСФСР в 30-е годы. / Е. А. Ширяев // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. №26. С. 1-12.
7. ГАНУ Ф.Р-47. Оп.1. Д.2515. Л. 27.

УДК 93/94

РАБСТВО В СИБИРИ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ОКРАИНЫ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА XVII ВЕКА

Доскоч Никита Андреевич
Студент, Томский государственный университет, г. Томск, Россия
nikita.doskoch11@gmail.com

В статье рассмотрено сибирское рабовладение как совокупность социально-экономических практик окраины Московского царства XVII века. Показаны причины возникновения рабства в Сибири, способы обращения аборигенов в ясырей. Проанализировано влияние рабства на русско-аборигенные отношения. Выявлены последствия рабовладения на сибирское общество.

Ключевые слова: рабство, ясырь, освоение Сибири, рабство в Сибири, холопство, аборигены.

SLAVERY IN SIBERIA AS A SOCIO-ECONOMIC INSTITUTION OF THE OUTSKIRTS OF THE 17TH – CENTURY MOSCOW TSARDOM

Doskoch Nikita Andreevich
Student, Tomsk state university, Tomsk, Russia
nikita.doskoch11@gmail.com

The article considers Siberian slavery as a set of socio-economic practices of the outskirts of the Moscow Kingdom of the XVII century. The reasons for the emergence of slavery in Siberia, the ways of converting aborigines into yasys are shown. The influence of slavery on Russian-Aboriginal relations is analyzed. The consequences of slavery on Siberian society are revealed.

Key words: slavery, yasyr, colonization of Siberia, slavery in Siberia, servitude, aborigines.

В Сибирь на протяжении всего XVII века многократно посылались царские указы, запрещающие «полонять» местных аборигенов. Но именно многочисленность этих наказов и говорит о их неисполнении. Живучесть сибирского рабовладения кроется в характерных чертах сибирского общества, в той окраине Московского царства, где оно распространилось.

Сибирская окраина диктовала пришлому русскому населению свои условия. Громадность присоединенной территории и удаленность от центра способствовали широкому распространению злоупотреблений среди представителей всех сословий. Особенно раздражало население воеводское самовластие. Так, например, торговые люди постоянно испытывали на себе алчность воевод, поэтому в 1646 году в Сибири право выдачи проезжих грамот торговым людям была передана от воевод к таможенным головам. В 1695 году Петром Алексеевичем был издан указ, направленный против произвола воеводского правления. По этому указу людям надлежало не повиноваться незаконным требованиям воевод, а доносить на них государю. Народная память о злоупотреблениях сохранилась и в русском языке, о чем свидетельствует пословица «возить воду на воеводу» [3, с. 7].

Нехватка рабочих рук в Сибири является хронической проблемой на протяжении всей истории освоения Сибири и по сегодняшний день. В XVII веке зачастую отряды первопроходцев насчи-

тывали всего несколько десятков человек. Невольники использовались прежде всего в домашнем хозяйстве, в ремесленных мастерских, а также, например – в силу острой нехватки лошадей – в перевозке на саях: «Купец, напр., объезжал инородческие стойбища, рассеянные по обширной тайге, не на лошадях, а нартною тягою... и вместо лошадей эти нарты тянулись людьми» [8, с. 168].

В связи с тем, что первоначально присоединение Сибири осуществлялось мужчинами, не успевшими жениться либо совсем переселившимися за Урал, в среде служилых и промышленников ощущалась острая нехватка женщин. Патриарх Филарет «...вооружался против того, что русские в Сибири отнимают у их инородцев их жен и дочерей и живут с ними, с некрещенными и невенчанными, как с женами» [8, с. 164]. Проблему пытались решить, высылая русских женщин в Сибирь в качестве уголовного наказания [9, с. 118]. Другим выходом для этих людей оставались, как замечает С. С. Шашков, открытый захват насильно или же через воровство аборигенок [8, с. 166]. Позднее, с началом мирной крестьянской колонизации Сибири, острота женского вопроса снизится.

Предпринимая какие-либо шаги по отношению к ясырству, царское правительство имело двойственную позицию. С одной стороны, ему было необходимо податное сословие, которое исправно платило бы ясак; с другой – уверенность в надежности служилого сословия в Сибири. Поэтому политика Москвы по отношению к ясырству была долгое время неуверенной, что подтверждают неоднократно посылавшиеся в Сибирь царские указы, то запрещающие, то разрешающие рабовладение в Сибири.

К способам «объясыривания» аборигенов в XVII веке относятся плен и продажа. В плен брали, как правило, служилые люди во время собирания ясака или карательных экспедиций. При согласии вновь быть «под государевой рукой» и исправно платить ясак бывшим «изменникам» возвращали ясырь: «И брацкие люди (*буряты – Н.Д.*) государи стали непокорны и поставили с нами бой, учили драться, селив осаде в каменю. И божиею милостию... тех брацких людей на Араке многих побили, а иных взяли живьем и ясырь и скота коней и коров взяли. И после бою брацкие люди почали миритца, начали государю ясак сулить. И которых брацких людей взяли живьем, отпустили с женами и с детьми на государево имя и больше того их не воевали» [2, с. 224]. Возвращение погромного ясыря стоит рассматривать как проявление проводимой государством политики обращения с аборигенным населением «не жесточью, а лаской». Подобная позиция имела вполне практическое значение: ясачное население давало казне пушнину, в то время являвшейся значительной статьёй в государственном бюджете. Не стоит забывать и о том, что царская власть в сибирской окраине была неустойчивой, и такую «лаской» служилые пытались снизить напряженность в русско-аборигенных отношениях. Однако ту же заботу о государственных интересах проявляли представители не всех сословий сибирского общества. Так, например, в 1678 году торговые люди незаконно выкупили у бурятов женщин и детей: «Да они ж, государь, торговые люди и приказчики п люди их у ясачных якуцких князцев и у их улусных людей увозят тайным обычаем жен их и детей и дочерей безъявочно н без подписных челобитных и без проезжих грамот из Якуцкого острогу вверх по Лене на заимку и на Ленском Илимском волоке и в Енисейской острог н к Русе, а иные за море на Индигирку и на Ковыму реки для продаж» [2, с. 165 - 166]. Однако содействовали торговые люди не только прямой работорговле, но и косвенной. Они выкупали у крестьян по дешевой цене хлеб и продавали его служилым в несколько раз дороже: «А подымаемся мы холопы твои на те твои государевы службы, должимся у торговых людей хлебным запасом... в дорогую цену, и кабалы на себя даем вдвое и втрое» [2, с. 164]. Учитывая хроническую нехватку и задержку государева жалованья, отметим, что такая практика вынуждала служилых даваться торговым людям в кабалу, в результате чего служилые превращались в старинный класс кабалных холопов. Те же торговые люди покупали у аборигенного населения «мягкую рухлядь», что подрывало их платежеспособность при взимании ясака. В основном же продажа ясыря происходила в русских острогах Южной Сибири, граничивших со степью. Отсутствие кормов в неурожайные годы, аграрное перенаселение, джут (падеж скота) толкали кочевников к продаже своих пленников, близких, детей и самих себя, чтобы выжить [4, с. 46]. Отметим, что часто объектом купли-продажи становились именно дети: «...купил воевода Осип Тимофиевич Хлопов у черных калмаков Талай-тайшына улусу малово 12 лет, именем Бидала Таутиева сына, волосом черна, очи черны ж, на голове повыше лба на правой стороне язвина да на грудех язвина ж, Алтынова улусу черных мугал. А дал за него калмаком 12 р. Того ж дни купил писменой голова Семен Василевич Чаплин Талай-тайшына ж улусу у черных калмаков малово 7 лет, Турухменские земли, именем Якшы Дузометев... А дал за него калмаком 7 р...» [6, с. 115]. В источниках зафиксированы факты работорговли русских с телеутами, казахами, джунгарами и бухарцами. Среди покупателей находились представители всех сословий сибирского общества, однако чаще всего ясырь покупали служилые люди. Связано это с тем, что, во-первых, на протяжении всего XVII века преобладающей катего-

рией населения в Южной Сибири являлись именно служилые (сильное сопротивление енисейских киргизов и Алтын-ханов установлению здесь русской власти требовало серьезный военный контингент), а во-вторых, специфика повседневной деятельности служилого сословия мотивировало последних приобретать ясирей в качестве помощников в своем личном хозяйстве.

Стоит отметить, что насильственное обращение в холопов являлось распространенной практикой среди аборигенов еще до прихода русских. Сами акты «обьясыривания» не могли не вызывать со стороны местного контингента ярко выраженной враждебной реакции. Насильственные действия мешали установлению прочной власти русского царя, и иногда – при согласии аборигенов платить ясак – служилые освобождали захваченный ясырь. В некоторых случаях ясырь использовали как инструмент вымогательства.

В целом институт ясырства напоминает кабальное холопство. Так, например, после смерти хозяина ясырь в Сибири и кабальный холоп в остальной части Московского царства отпускались на свободу. Так же, как и в случае с ясырством кабальное холопство не имело наследственный характер, что неоднократно подчеркивается в статьях Соборного Уложения: «А будет кого судом Божиим не станет скорою смертию, а после его останутся кабалные люди, а жена и дети, или братия того умершаго тех кабалных людей от себя отпустить не похотят, и отпусных им не дадут, и те люди о том учнут на них бити челом государю, и по тому их челобитью, сыскав про то допряма, что они у боярина своего служили по кабалному, а не по старинному холопству, и их того умершаго боярина от жены и от детей и от братии свободить, и дати им волю. И кому они учнут с воли бити челом в холопство, и тем людям на них дати кабалы, по сыску, и без отпусных» [7, с. 189].

Стоит отдельно отметить, что нельзя подразумевать в сибирском рабовладении этническую эксплуатацию. В подобного рода эксплуатации лежит идея национального превосходства, ее отличает шовинизм и высокомерие к другим этносам. Такого в Сибири не было. Ее не могло быть не только потому, что взаимодействующие между собой этносы были открытыми в силу частых иноэтничных контактов, но также и из-за неоконченного к тому времени этногенеза великорусского этноса [9, с. 64]. В «скасках» того времени проявляется безоценочное, нейтральное отношение русского населения к аборигенам. Сам этнос ясачных был не важен – это видно в том числе по обобщенному наименованию местного населения как татар; внимание русских к аборигенам сосредотачивалось на том, чтобы они были «записаны в число» и исправно платили ясак.

Институт ясырства стал вынужденной мерой, ответом на условия освоения сибирской окраины. За счет ясырей были частично решены вопросы нехватки рабочих рук и женщин, и, несмотря на насильственную сторону этого явления, рабовладение способствовало укреплению власти Московского царства в Сибири. Рабовладение помогало «полнить волости» за счет православного, а значит, русского населения. Рабовладение через «русско-туземные браки» взаимно обогащало культуры сибирского общества и способствовало продолжению этногенеза великорусского этноса.

Список литературы

1. История Сибири с древнейших времен до наших дней [Текст] : В 5 т. / [АН СССР. Отд-ние истории АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии] ; [Глав. ред. А. П. Окладников и В. И. Шунков]. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1968-1969. С. 536
2. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: сборник документов. Л.: Издательство Института Народов севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. – 330 с.
3. Кулешов В. Наказы сибирским воеводам в XVII веке. Болград. 1894. С. 50
4. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. – Алматы. 1995. С. 320
5. Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 2 / Авт. - сост. З. В. Башкатова и др. ; Гл. ред. Д. Я. Резун; РАН СО, Ин-т истории; Гл. ред. краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири. - Новосибирск : РИПЭЛ плюс, 1999.
6. Тихомиров М.Н., Елифанов П.П. Соборное Уложение 1649 года. М., Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 240.
7. Шашков С.С. Рабство в Сибири: (исторический очерк). СПб. 1869. С. 58
8. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск. Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. 2005. С. 312

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕИ ГРАНИЦЫ В ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОПЫТ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ПАМЯТНЫХ МЕСТ

*Кудяшев Евгений Денисович, студент
Московский государственный университет международных отношений Министерства
иностраннных дел России, г. Москва, Россия
ev.d.kudyashev@my.mgimo.ru*

В рамках работы предпринимается попытка выявить пространственную проекцию современного мифа об Александре Невском. Производится картографирование памятников данной фигуре в пределах границ, подконтрольных Российской Федерации. Выдвигается гипотеза об экстраполяции символического значения фигуры князя: от идеи пограничного противостояния России и Запада, до идеи оплота рубежей вообще.

Ключевые слова: Российское пограничье, политика памяти, места памяти, пространственное воображение, пространственный миф, историческая память.

REPRESENTATION OF THE "BORDER" CONCEPT IN THE DISCURSIVE PRACTICE OF MODERN RUSSIA: MAPPING OF MEMORABLE PLACES

*Kudyashev Evgenii Denisovich, Student
MGIMO Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia
ev.d.kudyashev@my.mgimo.ru*

The paper attempts to identify the spatial projection of the modern myth of Alexander Nevsky. We map the monuments to this character within the borders under the control of the Russian Federation. The hypothesis of extrapolation of the symbolic meaning of the figure of the prince is put forward: from the idea of the border confrontation between Russia and the West, to the idea of defense of the borders in general.

Key words: Russian borderland, politics of memory, places of memory, spatial imagination, spatial myth, historical memory.

Концепт «границы» является классическим объектом исследований в рамках географических дисциплин на протяжении долгого времени. Тем не менее, подъем социальных наук в прошедшем столетии обусловил открытие нового измерения данного понятия, относящего к плоскости воображения, или восприятия. Соответственно, и концепт «пограничья» рассматривается сегодня не только как географический, но и как социальный феномен, основанный на пространственном воображении граждан.

В новых международно-политических условиях данный подход как никогда актуален. Сегодня в мире повсеместно наблюдаются проявления множественных кризисов идентичности, отчаянных поисков целыми нациями себя и своего места в мире, борьбы за собственное социокультурное пространство, спроецированное на определенную территорию, получающую таким образом «сакральный» статус для той или иной этнической, религиозной или культурно-исторической общности [1]. Представляется, что обозначенные процессы не обошли стороной и нашу страну.

Сухопутные границы Российской Федерации – одни из наиболее протяженных в мире: они пересекают 11 часовых поясов и пролегают в различных природных зонах, участки имеют различный юридический статус. В условиях международно-политической нестабильности именно территории пограничья зачастую становятся зоной столкновения соперничающих или враждующих дискурсов, очагом потенциальных конфликтов. В этом контексте, представляется, что цели консолидации нации и укрепления государственности может способствовать формирование единых паттернов восприятия границы на всем её протяжении.

Исследование ставит целью выяснить, существуют ли такие паттерны сегодня в России. Работа строится на исследовании наиболее ярких мифов и образов, отсылающих к идее границы в сознании россиян. В качестве наиболее репрезентативного образа выбрана фигура великого князя Александра Невского. Актуальность работы обусловлена совпадением двух факторов: продолжающимися памятными мероприятиями по случаю 800-летия со дня рождения князя, обеспечившими возможность составления обширной исследовательской базы, а также протекающими сегодня процессами

складывания новых геополитических реалий, как нового контекста для пространственного самовосприятия России, которое необходимо исследовать.

Предлагается рассмотрение пространственного воплощения коллективной памяти о фигуре Александра Невского: другими словами, объектом исследования выступают конфигурации мемориалов, посвященных великому князю в пространстве в пределах границ России. Данный подход основывается на исследованиях коллективной памяти М. Холбвкса [2] и П. Норы [3] и находит наиболее полное отражение в работах К. Тилль [4], которая произвела наиболее полный обзор теоретических наработок в рамках представленной темы. Автор обращает внимание на такие факторы репрезентации символического значения памятного объекта как его географическое расположение, особенности композиции, дата открытия и сопутствующие речи проводников исследуемого дискурса.

Для российской истории фигура Александра Невского имеет сакральное значение, став удобным инструментом продвижения того или иного нарратива и для царской династии, и для православного духовенства, и для большевиков, и, как представляется, для современных российских властей: великий князь был канонизирован, его образ лег в основу легенд, он стал героем небезызвестного фильма С.М. Эйзенштейна и триптиха П.Д. Корина, воодушевляющего защитников нашего отечества в период Великой Отечественной войны. Фигура князя пользуется популярностью граждан России – показателен тот факт, что именно имя Александра Невского получило большинство голосов в масштабном телевизионном проекте «Имя России» в 2008-м году. При этом проблема верификации множества фактов, на которых основывается современный миф об Александре Невском, остается открытой для отечественных историков. Таким образом, миф об Александре Невском является по большей части сконструированным, что подтверждает колоссальное символическое значение данной фигуры и справедливость выбора исследуемого объекта.

Представляется, что в современной России существует укоренившаяся символическая связь фигуры А. Невского и идеи границы и оплота рубежей в восприятии населения. Для того, чтобы доказать данную гипотезу производится картографирование мемориалов, посвящённых А. Невскому в пределах РФ.

Была собрана база данных из всех известных в отечественной медиа-среде памятников Александру Невскому - всего 69 объектов, созданных как в современной России, так и во времена СССР. Хронологически моменты открытия новых мемориалов распределены неравномерно. Наблюдается существенный рост числа обращений к фигуре великого князя в постсоветский период и, особенно, с начала 00-х годов текущего века. Наиболее значительный всплеск в последние годы обусловлен масштабным празднованием 800-летия князя и, как представляется, назревшей необходимостью переосмысления самовосприятия части пограничных регионов РФ, в том числе «новых территорий». График ниже представляет из себя гистограмму, отражающую динамику создания мест памяти Александра Невского за последние 20 лет (Рис.1).

Рисунок 1 – количество открытых памятников Александру Невскому

Географическое распределение мемориалов А. Невского на территории современной России имеет ряд особенностей, на основании которых можно выявить некоторые закономерности в их рас-

пределении, связанные в том числе со временем создания памятников. В результате картографирования¹ памятных мест было выделено несколько географических кластеров данных объектов. Под кластером понимается явно распознаваемая группа объектов, располагающихся компактно в том или ином пространстве. Стоит отметить, что под пространством здесь понимается так же сконструированная реальность, привязанная к определенной территории.

Таблица 1 - группы мемориалов по территориям. В скобках – кол-во.

Северо-Западная граница	Граница с Украиной	Граница с Казахстаном
Санкт-Петербург (6)	Краснодарский край (3)	Волгоградская обл. (5)
Ленинградская обл. (5)	Ростовская обл. (2)	Омская обл. (2)
Псковская обл. (2)	Донецкая обл. (1)	Саратовская обл. (2)
Калининградская обл. (2)	Запорожская обл. (1)	Самарская обл. (1)
Новгородская обл. (2)	Белгородская обл. (1)	Оренбургская обл. (1)
Р-ка Карелия (1)	Курская обл. (1)	Курганская обл.
Мурманская обл. (1)		Астраханская обл. (1)

В процессе анализа было выделено 3 кластера (См. Табл. 1), располагающихся на следующих территориях:

Территории, лежащие вблизи северо-западных границ РФ

Территории, лежащие вблизи границы с Украиной

Территории, лежащие вблизи границы с Казахстаном

Несколько более аморфные группы памятников можно отметить в Центральной России (Московская обл., Рязанская обл., и др.) и местах, связанных с биографией А. Невского (Владимирская обл., Ярославская обл.); в местах «стратегического тыла» (Удмуртская р-ка, Нижегородская обл.); а также в «местах-проводниках» дискурса о пространственном и политическом самовосприятии современной России (Здание МИД РФ, кампусы МГИМО МИД РФ и Военного Университета Минобороны РФ), что подчеркивает высокий статус фигуры великого князя в качестве ориентира для российской внешней и внутренней политики. Необъяснимым наблюдением является чрезмерная концентрация памятников А. Невскому в Волгоградской области.

Очевидно, скопление памятных мест на северо-западных границах РФ связано с зоной исторического противостояния России и Запада и призвано оживить и поддерживать коллективную память граждан о минувших событиях. Данный тезис подтверждается словами В. В. Путина, произнесенными на открытии мемориального комплекса Самолва в Псковской области: «Он жил в сложнейший период отечественной истории, когда угроза исчезновения, именно исчезновения, утраты нашей государственности могла стать трагической реальностью... А наследием его стало созданное потомками сильное, централизованное Российское государство, где народ осознал себя единым целым и сохранил на века память об Александре Невском».

По аналогии можно объяснить символическое значение кластера памятных мест вблизи украинской границы. По заявлениям российских властей, Россия сегодня ведет борьбу со всем коллективным Западом, а следовательно, обращение к фигуре Александра Невского вблизи линии соприкосновения как никогда актуально. В поддержку данной идеи стоит отметить, что более половины объектов из обозначенного кластера были созданы в последние 3 года – в период обострившегося конфликта России и Запада.

Гораздо более неоднозначным является наблюдение о концентрации памятников великому князю вдоль границы с Казахстаном. Интересно, соотношение количества памятных мест в административных центрах и наименее населенных районах перечисленных регионов соответствует приблизительно 50/50. Кроме того абсолютное большинство памятников находится в западной части РФ: к востоку от Омской области создан лишь один памятник - в Чите, открытый еще до широкомасштабного мероприятий в честь 800-летия великого князя.

В этой связи представляется целесообразным отвергнуть гипотезу о зависимости числа памятников от плотности населения и, соответственно, повторения пространственной конфигурацией исследуемых объектов паттернов распределения населения России. Логичным видится предположение о существовании более глубокой связи символизма фигуры Александра Невского и российского степного пограничья. Со времени своего основания города Поволжья и Южного Урала были засло-

¹ К сожалению, формат карты не соотносится с требованиями оформления данного материала. За более подробной информацией обращаться по адресу ev.d.kudyashev@my.mgimo.ru.

ном России от набегов воинствующих жителей степей: как представляется, именно миф об Александре Невском как о защитнике рубежей вообще находит отражение в местных мотивах. Судя по всему, в широком народном толковании роль Александра Невского завязана сугубо на оборонительном характере его деятельности – именно поэтому, как кажется, памятники отсутствуют в восточной части России, где границы на протяжении долгого времени очерчивали фронт – зону наступательной экспансии России к Тихому океану.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что фигура Александра Невского является эффективным политическим инструментом в условиях конфликтных взаимоотношений с Западом. Тем не менее, она также имеет иное, более широкое символическое значение в восприятии граждан нашей страны. Пространственное воплощение мифа об Александре Невском как защитника рубежей почти на всём протяжении границ в западной части РФ может, с одной стороны, способствовать консолидации нации, а с другой – большей изоляции и ослаблением трансграничных обменов. В этой связи, логичным представляется продолжение выстраивания сети мемориалов за рубежом в качестве проводников российской культуры, вместо «оборонительной линии» на границах дружественного государства. Среди удачных примеров такого использования мягкой силы можно отметить открытие памятников Александру Невскому в Белграде и Алма-Ате в 2022-м году.

Список литературы

- 1.Suslov, Mikhail. Geopolitical Imagination Ideology and Utopia in Post-Soviet Russia. Stuttgart, 2020. 301 p.
- 2.Halbwachs, Maurice. On Collective Memory. London, 1992. 254 p.
- 3.Nora, Pierre. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. // Representations, №. 26, 1989. P. 7–24.
- 4.Till, Karen. Places of Memory. In A Companion to Political Geography (eds J. Agnew, K. Mitchell and G. Toal), 2003. P.289–301.

УДК 94(57).084.3

ПАМЯТЬ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ СИБИРИ: СОХРАНЕНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ СОВЕТСКИХ ТРАДИЦИЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ

*Кулиш Николай Владимирович, магистрант
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
2k16nb@gmail.com*

В данной статье рассматривается динамика методов работы с исторической памятью, а также изучаются тенденции и инструментарий акторов исторической политики в постсоветской Сибири.

Ключевые слова: Мемориализация, историческая память, гражданская война, политика памяти, общественные инициативы

MEMORY ABOUT CIVIL WAR IN POST-SOVIET SIBERIA: CONSERVATION AND DISTRUCTION OF SOVIET TRADITIONS OF MEMORY POLITICS

*Kulish Nikolai Vladimirovich, Master`s student
Irkutsk state university, Irkutsk, Russia
2k16nb@gmail.com*

This article is concerned about dynamics of working methods of historical memory, trends and instruments of actors of historical policy in Post-Soviet Siberia.

Key words: Memorialization, historical memory, Russian civil war, politics of memory, public initiative

В исторической памяти советского народа, а в частности российской его части, гражданская война всегда занимала место особенного периода, коллективное «переживание» которого формировало и скрепляло новую идентичность. В то же время официальная политика памяти советского госу-

дарства шла параллельным путём, в основном удовлетворяя народный интерес к прошлому, но при этом периодически конфликтуя и в локальных и в основных нарративах. При своей сначала тоталитарной, а позже и авторитарной природе, властные институты консервировали нарратив о гражданской войне, представляя его неким мифом основания для советской нации, который должен быть чист, идеален и непоколебим. Тем интереснее была судьба народной памяти, после потери государственной монополии на память. В этой работе мы разберем то, как народная память о событиях гражданской войны в Сибири преломлялась и изменялась в отсутствие давления политики памяти в 1990-е – начале 2000-х годов, и как она стала преобразовываться в более позднее время, когда гражданская война на короткий миг вновь стала центром битв памяти.

Начиная с 1990-ых годов, политика памяти в её физическом выражении начинает постепенно затухать ввиду отсутствия интересантов и со стороны государства, и со стороны общества. Основными причинами этого является сразу несколько факторов – отсутствие идеологического интереса правящей элиты, в частности отсутствие этого интереса в региональной политике; экономические причины, ввиду частого дефицита региональных бюджетов, а также уменьшение финансирования и падения популярности общественных организаций, занимавшихся реставрацией и возведением памятников, ярчайшим примером чего может послужить история ВООПИиК. [1, с. 334]

Ввиду отсутствия средств в региональных бюджетах, а также отсутствия серьёзной частной инициативы, которая должна была помочь обществу заполнить пространство памяти, в условиях неучастия государства начинается процесс деградации и разрушения памятников, [2, с.65] в основном братских могил красноармейцев, погибших вследствие белого террора. Также, в это время отсутствие диктата государственной политики памяти даёт возможности симпатизантам белого движения начать собственную политику по реабилитации и восстановлению репутации белых командиров. В случае с Сибирью, основным действующим лицом становится адмирал Колчак, как главный символ белых за Уралом. В 1990-е годы первые инициативы начинают исходить из «столицы» белых в Сибири – Омска. Первыми начинают поступать предложения со стороны интеллектуалов и научных сотрудников, так одними из первых опубликованных и публично значимых размышлений об увековечивании памятных мест, связанных с Колчаком, а именно создании таблички на доме где жил А.В. Колчак во время пребывания в Омске, становятся статьи омского краеведа П.П. Вибе. [2, с. 66] Однако, не смотря на первые инициативы, в это время не появляется значимых памятников и какой-либо серьёзной ревизии памяти, во многом потому, что общество ещё не готово к радикальным переменам, а многие инструменты памяти в регионах попросту не доступны – помимо ВООПИиК кризис также испытывают популярные в советское время региональные киностудии и киножурналы, большинство из них и вовсе закрываются.

Другой стороной ревизии исторической памяти становятся попытки юридической реабилитации белых, осужденных различными органами советской власти, в случае Сибири в конце 1990-ых различные инициативные группы пытаются реабилитировать Колчака и его подчинённых. В 1999 году суд Забайкальского военного округа лишь подтвердил решение иркутского военного революционного комитета законным, и данная попытка провалилась, однако общественный запрос сохранился, и на протяжении следующих 20 лет попытки реабилитации А.В. Колчака, А.Н. Пепеляева и прочих его подчинённых будут продолжаться.

В полной мере наследство 1990-ых годов начнёт раскрываться лишь в середине 2000-ых, создавая по-настоящему новые инициативы и инструменты памяти. Уже окрепшие и утвердившиеся в новой экономической системе предприниматели, становились для общества новым спонсором реализации мемориальных идей. Появлялись торговые марки, связанные с деятелями белого движения: пиво «Адмирал Колчак» и бренд разливного кваса «Колчаковский» в середине 2000-ых, заполонивший иркутские улицы. Однако и классические способы мемориализации не забылись – в это время реализуются инициативы по установке памятников и мемориальных табличек: в Омске, появляется памятная табличка на доме где проживал А.В. Колчак, а в Иркутске на деньги местного мецената возводится памятник адмиралу. В оформлении этого памятника также прослеживается и новый нарратив: несмотря на то, что памятник установлен историческому персонажу, занимавшего в гражданской войне строго очерченную позицию, на постаменте изображены красногвардеец и белый солдат, скрестившие оружие, что явно говорит нам о примиренческом характере этого культурного произведения, что вполне подтверждается и словами скульптора. "Памятник выражает идею прекращения братоубийственной гражданской войны и примирение до сих пор искусственно расколотого общества" [3].

Не смотря на многочисленные недовольства, вызываемые установкой подобных памятников, государственные институты продолжали политику невмешательства в региональные процессы, создавая вакуум мемориальной политики по отношению к гражданской войне. Основной причиной это-

го является явное смещение «мифа основания» с гражданской войны на Великую отечественную, и оттого политика мемориализации становится свободной до тех пор, пока кандидатом на увековечивание не становится исторический персонаж, затрагивающий оба события одновременно. В истории Сибири таких будет найти достаточно сложно, однако в контексте других регионов мы можем вспомнить препятствование со стороны государства установки памятников лицам, осужденных за участие в военных преступлениях Второй мировой войны. Переходя к обсуждению законодательных ограничений, стоит упомянуть, что они один из основных инструментов исторической политики, которые изучает *memory studies*. [4, с. 11] В современной России законодательный контроль за исторической политикой, относящейся к гражданской войне, кроме случая описанного выше отсутствует. Тем более, учитывая региональную специфику нашего исследования, следует отметить, что сам принцип государственного устройства РФ не позволяет региональным органам принимать законы, как-либо контролируемые историческую политику.

Таким образом, уже в 2010-е и 2020-е годы основным конфликтом в «битвах памяти» всё ещё являлось общественное противостояние сторонников красной и белой мемориализации, лишь при минимальном участии государственных органов в качестве арбитра. Развернувшаяся в 2010-х годах по всей России волна попыток декоммунизации топонимики общественных пространств - улиц, площадей и т.д. затронула и Сибирь. Хотя сама по себе вызывающая споры топонимика связана не сколько с гражданской войной, сколько с мемориализацией коммунистических деятелей и их историей, случаи попыток переименовать места, хранящие память именно о гражданской войне не редки. Нам удалось с помощью региональных СМИ найти несколько иллюстративных кейсов, которые широким образом описывают сложившуюся ситуацию.

В Тобольске гражданские активисты начали сбор подписей против переименования городских улиц связанных в том числе и с коммунистическими деятелями времён гражданской войны [6].

В Красноярске, указом мэра Волочаевская улица в связи с перестройкой городского пространства была переименована в Николаевский проспект, вследствие чего инициативная группа граждан обратилась к властям с просьбой сохранить историческое название, сохраняющее память о важнейшем в истории гражданской войны Волочаевском бое. [5]

Данные случаи уникальны тем, что спор был порожден не общественным противостоянием, а конфликтом между администрацией и гражданскими деятелями, что становится довольно интересным при рассмотрении кейсом. В данном случае память становится «полем битвы» только для общественной стороны конфликта, государство же задело нерв памяти случайно: во втором случае переименование улицы произошло не вследствие пересмотра исторической политики, а лишь из-за расширения городского пространства – превращения улицы в проспект; в первом же случае речь шла о придании городу туристического облика, и посягание на память не входило в планы администрации.

За более чем 30 лет существования новой России память о гражданской войне прошла множество пертурбаций, от полного неучастия государства до попыток очерчивания некоторых границ, куда общественной мысли заступать не стоит, от развала массовых захоронений советского периода, до возвращения традиций монументальных памятников. За прошедшие 30 лет постсоветского периода стоит выделить некоторые основные тенденции и итоги общественной и государственной исторической политики. Инструментарий претерпел обширные изменения – на региональном уровне значительно сократилось количество кинематографии, ранее служившей для советской власти проводником политики в народные массы. Вместе с тем родились и новые тенденции, общественные силы стали активным образом следить за топонимикой и участвовать в дискуссиях по поводу её переименования или создания новых объектов культурной памяти, столь массово и независимо впервые в 1920-х - 1930-х годов. Изменения прошли и в структуре - появились новые общественные группы, не аффилированные с государством и при этом способные своим вкладом регулировать общественную память не хуже его – предприниматели. Но при этом не угасли и старые традиции в лице общественных деятелей, занимающихся сохранением или ревизией памяти.

Таким образом, подводя итоги нашей работы, стоит сказать, что политика памяти и её инструментарий претерпевали значительные изменения на протяжении всего постсоветского периода, однако с каждым годом всё больше и больше наблюдается возвращение исторической политики, а в случае с нашей тематикой, в отсутствие диктата государства общественные силы вновь выходят на первый план, создавая принципиально новые для Сибири общественные взаимоотношения в области памяти.

Список литературы

1. Ливцов, В. А. Участие Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в сохранении культурного наследия народов Российской Федерации // 75 лет Пакту Ре-

риха : материалы Международной научно-обществ. конференции 2010, Москва, 08–11 октября 2010 года. –Москва: Международный центр Рерихов, 2011. – С. 317-336.

2. Красильникова Е. И., Наумов С. С. Исторические символы революции и гражданской войны в публичном пространстве сибирских городов : изгибы политики памяти (1920-2010-е гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7. №2. С. 58–69.

3. Баталин А. В Иркутске открыли памятник Александру Колчаку // РИА Новости. 2008. 6 июня. Режим доступа : <https://ria.ru/20041104/724971.html> (Дата обращения: 1.11.2023).

4. Миллер А.И. Россия: власть и история / А.И. Миллер // Pro et contra. 2009. № 3-4. С. 6–24.

5. Ермакова И. «Николаевский проспект или Волочаевская»: красноярцы просят у властей оставить прежнее название // NGS24.ru. 2018. 21 нояб. Режим доступа : <https://ngs24.ru/text/gorod/2018/11/21/65647921> (Дата обращения: 1.11.2023).

6. Ромашкина И. Коммунисты протестуют против переименования улиц: «Декоммунизация по-тобольски» // ФедералПресс. 2023. 5 апр. Режим доступа : <https://fedpress.ru/news/72/society/3233039> (Дата обращения: 18.05.2023).

УДК 93/94

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА СИБИРИ В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Китаева Таира Сергеевна, студент

Московский государственный университет международных отношений Министерства иностранных дел России, г. Москва, Россия

Taya_Kit@mail.ru

Карпусь Владимир Александрович, студент

Московский государственный университет международных отношений Министерства иностранных дел России, г. Москва, Россия

Karpus.w@ya.ru

Несмотря на существующее с XIX века деление ранее единого понятия «Сибирь» на несколько субъектов, общее понимание «Сибири» как необъятного пространства «за Уральскими горами» до сих пор бытует в общественном мнении и несёт в себе определённые смыслы. В работе авторы постарались осветить процесс складывания образа Сибири и изменения его в результате различных перемен в общественной и политической жизни XIX века, опираясь на художественные произведения, представляющие не только точку зрения отдельных представителей писательской среды, но также являвшиеся в своё время одним из важных факторов формирования общественного мнения, в особенности в высших сословиях.

Ключевые слова: Сибирь, художественная литература, образы, христианская инициация, почвенничество, ссылка.

EVOLUTION OF THE IMAGE OF SIBERIA IN RUSSIAN FICTION OF THE XIX CENTURY

Kitaeva Taira Sergeevna, Student

*MGIMO Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Taya_Kit@mail.ru

Karpus Vladimir Aleksandrovich, Student

*MGIMO Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Karpus.w@ya.ru

Despite the division of the previously unified concept of "Siberia" into several subjects that has existed since the XIX century and now, the general understanding of "Siberia" as an immense space "beyond the Ural Mountains" still exists in public opinion and carries certain meanings. In this work, we would like to highlight the process of folding the image of the image Siberia and changing it as a result of various changes in the social and political life of the XIX century, relying on works of art that represent not only the point of

view of individual representatives of the writer's environment, but also were at one time one of the important factors in the formation of public opinion, especially in higher estates.

Key words: Siberia, fiction, images, Christian initiation, pochvennichestvo, exile.

Целая группа исследований отечественных учёных посвящена изучению образа Сибири в контексте исторического дискурса России разного времени. Так, исследования А.М. Хламовой посвящены изучению отдельных сторон сибирской жизни, в частности, ссылке и устройству тюрем [2], В.И. Тюпа концентрировался на проблеме мифологизации Сибири и восприятия её как отдельной, не только территориальной, но и политико-социальной единицы, делая акцент на одном из смысловых наполнений Сибири как «места инициации» и перерождения [3]. Интересен подход В.П. Шахерова, выделявшего проблему вечной борьбы между «Востоком» и «Западом» в российской публицистике как один из факторов отождествления Сибири то как «исконно русского» пространства, то как «барьера» между двумя цивилизациями, то как «чужеродного элемента», подпадающего под влияние Азии [4].

К началу XIX в образованной части общества уже был распространён определённый стереотип относительно Сибири, сконструированный из созданных в XVII-XVIII веках источников, несущих в себе определённый смысловой набор. Основным произведением, сформировавшим литературный образ Сибири, является «Житие протопопа Аввакума», практически впервые описавшее сибирскую природу и ландшафт. Так, В.И. Тюпа замечал, что именно Аввакумом впервые вводится такой важный смысловой элемент как «христологическая инициация», т.е. высшая ступень на пути к Богу, ссылка в Сибирь и все мытарства, которые претерпевает на своём пути Протопоп с семьёй – испытания перед заключительным актом посвящения [3, с. 28]. К началу XIX века в общественном сознании сформировалось несколько основных паттернов восприятия Сибири: как места ссылки и отчуждения, как мифического мира, страны мёртвых и одновременно места постижения Бога, и, что особенно интересно на фоне остальных, скорее метафизических представлений, как загадочного труднодоступного богатого края.

После указа о разжаловании, ссылке многих десятков образованных людей высшего общества в суровый край снегов и мерзлоты, появления первых декабристских произведений о Сибири, интерес к ней в публицистике резко возрастает. Возникают новые образы. Так, особенно близкий к декабристам А.С. Пушкин в своём послании «В Сибирь» открывает новую сторону сибирского пространства – мрачного подземелья, откуда нет выхода: «во глубине сибирских руд», «мрачные затворы», «темницы». Вместе с тем у Пушкина всплывают сюжеты, созвучные с нарративами Аввакума. Красной нитью через всё стихотворения проходит идея о духовном перерождении героев в Сибири, об их будущем воскрешении из мёртвых, возникает новый оттенок – ссылка декабристов в Сибирь – их жертва во благо Отечества и народа, своеобразный обряд инициации.

К середине XIX столетия образ Сибири в творчестве писателей всё больше «очеловечивается», приобретает конкретное лицо: Сибирь из неизведанного беспредметного и пугающего пространства колдовства и тёмных сил превращается в своеобразное «прибежище избранных». Факторами такого изменения в восприятии выступают как общие течения в обществе – либерализация при Александре, расцвет идей послереволюционной Франции, развитие романтизма и его идей вечной борьбы героя с внешним миром, продолжение века Просвещения, так и ссылка в Сибирь талантливых людей своего времени, хорошо известных в широких кругах высшего света.

Кардинальным образом ситуация меняется в 80-90-е годы XIX века. В качестве факторов этих трансформаций, на наш взгляд, можно выделить следующие: во-первых, обострение проблемы крепостного права и рефлексия общества и власти из-за неудовлетворённости проведённой реформой по его отмене. Сибирь начинает восприниматься как край вольных людей, свободный от крепостного права, а вместе с тем, что именно в Сибири ещё с XVII века жили старообрядцы, а после 1825 года – борцы за освобождение народа, – ещё и как край сосредоточения всех антиправительственных сил, место анархии и свободы. Так, Гончаров писал: «Этого никогда не было в Сибири, и это, то есть отсутствие крепостного права, составляет самую заметную черту её физиономии».

Несомненно, важным фактором выступает и факт принадлежности многих писателей второй половины XIX века к Сибири. В самом известном произведении о Сибири Ф. Достоевского, написанном уже после ссылки – «Записках из мёртвого дома» чётко прослеживаются две линии: первая – детальное изображение характеров всех обитателей Сибири, очередной этап «очеловечивания» образа, в частности, цитата: «Вообще в Сибири, несмотря на холод, служить чрезвычайно тепло. Люди живут простые, нелиберальные; порядки старые, крепкие, веками освященные. Чиновники, по справедливости играющие роль сибирского дворянства, – или туземцы, закоренелые сибиряки, или наезжие из России, большею частью из столиц, прельщенные выдаваемым не в зачет окладом жалованья, двой-

ными прогнами и соблазнительными надеждами в будущем» [12, с. 123]. Вторая – тесно связана с первой – благодаря личному опыту Достоевский хорошо осознавал нехватку кадров в Сибири, обращал внимание на проблему с администрацией и управлением: «В Сибири такая нужда в людях честных и что-нибудь знающих, что им дают места (частные, например, у золотопромышленников) с огромными жалованиями».

К похожим моментам обращался в своём творчестве Л.Н. Толстой. В «Воскресении», само название которого уже отсылает о мотиву о религиозной инициации, он не только проводит линию искупления грехов главного героя, отправившегося вслед за Екатериной Масловой в Сибирь, но и подробно освещает все несовершенства пенитенциарной системы, проблему транспортировки заключённых, организации жизни в остроге. Такой акцент обусловлен как общественным интересом к проблемам быта заключённых из-за резкого возрастания их количества во второй половине XIX века (4 – 12 июня 1890 года в Санкт-Петербурге проходил 4-й международный тюремный конгресс), так и личными переживаниями писателя, в 90-х годах заботящегося о судьбе духовоборов, ссылаемых с Кавказа в Сибирь.

Таким образом, можно сказать, что стереотип, сложившийся о Сибири к началу XIX века посредством некоторых художественных произведений и начавшихся научных исследований, трансформируется под воздействием различных факторов, таких как ссылка в Сибирь декабристов, приобретение писателями личного опыта путешествия или пребывания в Сибири, начало строительства Транссиба и обострение отношений с восточными соседями, проблемы с пенитенциарной системой. При этом в прошлое не уходят старые, идущие ещё со времен зачинателя «сибирской» традиции в русской литературе Аввакума, смысловые линии, такие, например, как функция христианской инициации или образ страны мертвых, или картина богатого неизведанного края. Стоит сказать, что эти образы скорее трансформировались под воздействием появлявшихся новых сведений или запросов общества, что интересно, в какой-то момент, даже под воздействием проводимой правительством идеологии. К концу XIX века Сибирь по-прежнему мрачная страна, но уже не из-за колдовства сибирских шаманов, а в основном из-за сурового климата, местные жители по-прежнему туземцы, но уже не страшные варвары, а вполне цивилизованные работники, ссылка в Сибирь не отправление на верную смерть, а отдельный институт пенитенциарной системы.

Список литературы

- 1.Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. М.: Худ. лит., 1975. 407 с.
- 2.Хламова А. М. Уголовная ссылка в Сибирь в представлениях власти и общества Российской империи второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010.
- 3.Тюпа. В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В.И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. 2002. С. 27-35.
- 4.Шахеров В. П. Роль азиатского компонента в формировании сибирской самобытности / В. П. Шахеров // Известия Иркутского государственного университета. История. 2012, №1-2. С. 180-184
- 5.Эткинд, А. Русская литература, XIX век: роман внутренней колонизации / А. Эткинд // НЛЮ. – 2003. – № 59.
- 6.Рыбальченко, Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX века / Т. Л. Рыбальченко.
- 7.Анисимов, К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / К. В. Анисимов. – Томск, 2005.
- 8.Азадовский, М. К. Поэтика «гиблого места»: (из истории сибирского пейзажа в русской литературе) // М. К. Азадовский Очерки литературы и культуры в Сибири. – Вып. 1. – Иркутск : ОГИЗ, 1947.
- 9.Троицкий Ю.Л. Российская провинция – от топоса к хронотопу Российская провинция XVIII-XX веков: реалии культурной жизни. Кн. 1. / Ю. Л. Троицкий. – Пенза, 1996.
- 10.Толстой, Л. Н. Воскресение : роман / Л. Н. Толстой. – М. : АСТ, 1999.
- 11.Гончаров, И. А. Фрегат «Паллада» : очерки путешествия в двух томах / И. А. Гончаров. – М : Сов. Россия, 1976. – Т. 2.
- 12.Достоевский, Ф. М. Записки из Мертвого дома : сборник / Ф. М. Достоевский. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981.
- 13.Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений: в 9 т. / Ф. М. Достоевский. - М. : Астрель, 2003. - Т. 3 : Преступление и наказание. – 2003.

КАРИКАТУРЫ НА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА А. А. ВЛАСОВА В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Климчук Леонид Юрьевич
Псковский государственный университет, г. Псков, Россия
leoclim@mail.ru

Статья представляет собой обзор карикатур, которые были опубликованы в периодической печати Ленинградского штаба партизанского движения – газетах «За Советскую Родину» и «Ленинградский партизан».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинградский штаб партизанского движения, периодическая печать, карикатуры, генерал Власов.

CARICATURES OF LIEUTENANT GENERAL A. A. VLASOV IN PERIODICAL PRESS
OF THE LENINGRAD HEADQUARTERS OF THE PARTISAN MOVEMENT

Klimchuk Leonid Yurievich
Pskov state university, Pskov, Russia
leoclim@mail.ru

The research paper is a review of caricatures that were published in the periodical press of the Leningrad headquarters of the partisan movement – the newspapers «Za Sovetskuyu Rodinu» and «Leningradskij partisan».

Key words: Great Patriotic War, Leningrad headquarters of the partisan movement, periodical press, caricatures, General Vlasov.

Оккупированная территория Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны стала одним из центров идеологического противостояния СССР и Третьего рейха. Первая из областей Советской России, подвергшихся частичной оккупации, она превратилась в одно из самых крупных «полей» битвы идеологий, где главной «ареной» была периодическая печать.

В течение второй половины 1941 г. в оккупированных районах немецкими властями и пропагандистскими военными частями был начат выпуск трёх газет для населения подконтрольных территорий: «За родину» (г. Дно) [15, с. 374], «Псковский вестник» (издавался в Риге) [20, с. 6] и «Павловская правда» [1, с. 10].

Действия администраций на оккупированных территориях, с одной стороны, следует считать ответными мерами, поскольку в конце июля того же года в «лесной» типографии на территории Полновского района¹ стала печататься подпольная газета «Колхозная трибуна» [20, с. 9]; с другой стороны, германские власти на подконтрольных ей районах Ленинградской области вели работу на упреждение, поскольку целенаправленная печать газет для жителей оккупированных территорий стала вестись советской стороной с ноября 1941 г. [там же, с. 8], в то время как ранее упомянутые оккупационные периодические издания начали выходить в августе и октябре соответственно.

В первой половине 1942 г. при Ленинградском штабе партизанского движения была создана издательская группа² [3]; весной того же года в Серболовском лесу Хвойнинского района³ Ленинградской области построена типография и размещена редакция [2, с. 195]. Таким образом, в оперативном тылу Волховского и Северо-Западного фронтов был создан центр по изданию газет и журналов для советских партизан и жителей оккупированных территорий Ленинградской области.

¹ В августе 1944 г. вошёл в состав новообразованной Псковской области, в 1958 г. упразднён и присоединён к Гдовскому району на правах сельсовета.

² Одним из её членов был Василий Андрианович Власов (1905—1979) — советский карикатурист, живописец, иллюстратор и график. В 1942—1944 гг. он работал в партизанских газетах, создал цикл портретов партизан, серию рисунков «Партизанский аэродром» и зарисовок.

³ В июле 1944 г. вошёл в состав новообразованной Новгородской области.

В мае 1942 г. вышел первый выпуск печатного органа ЛШПД — газеты «Народный мститель», которая вскоре была переименована в «Советский партизан»¹. В январе 1943 г. периодическое издание снова сменило название — на «Ленинградский партизан», и под ним выходило вплоть до марта 1944 г. [10].

Известно, что летом 1942 г. в Серболовской партизанской типографии был отпечатан один выпуск газеты «Порховская правда» [13, с. 255]. 17 апреля 1943 г., через две недели после прекращения наступательных действий 1на Мгинско-Тосненском направлении вследствие провала операции «Полярная звезда», одной из целей которой было полное освобождение Ленинградской области [5, с. 141-142, 145-146], вышел первый выпуск «газеты для жителей временно оккупированных районов» — «За Советскую Родину» [2, с. 196].

Первая известная карикатура в партизанской периодической печати Ленинградской области была опубликована 1 августа 1942 г., в десятом номере газеты «Народный мститель»² [19]. Большинство сатирических изображений вышли в период с конца января³ по середину октября⁴ 1943 г., т. е. во время «коренного перелома» в Великой Отечественной войне [4, с. 191-192]. В них высмеивались отдельные личности (А. Гитлер⁵, Й. Гёббельс⁶, А.А. Власов), комически представлялись военные поражения Третьего рейха⁷, критически представлялись тезисы нацистской пропаганды⁸ и показывалась незавидная участь коллаборационистов⁹.

Значительная часть карикатур была напечатана в номерах газет «За Советскую Родину» и «Ленинградский партизан», которые хранятся в Государственном архиве Псковской области; те выпуски, в которых были опубликованы карикатуры на генерал-лейтенанта А.А. Власова, и послужили источниковой базой исследования.

Первая карикатура, посвящённая А.А. Власову, была опубликована в десятом номере газеты «За Советскую Родину», который вышел 13 июня 1943 г. На ней бывший генерал-лейтенант РККА одет в гражданский костюм; его ведёт под руку немецкий солдат, который готов применить имеющиеся у него орудия убийства — виселицу и топор.

На дальнем плане изображена сожжённая деревня: от неё остались только печные трубы. Три её жителя повешены. Карикатура сопровождается подписью: «Фашистский клоун Власов на гастролях...» [17].

Автор данного сатирического изображения, с одной стороны, отобразил деятельность А.А. Власова на ниве нацистской пропаганды в уничижительной форме и указал на то, что бывший командующий 2-й ударной армией является подконтрольной фигурой в идеологическом противостоянии Третьего Рейха и Советского Союза [21, с. 189].

¹ Автор статьи предполагает, что переименование произошло вследствие того, что на территории Ленинградского партизанского края [в настоящее время район, подконтрольный трём партизанским соединениям, входит в состав Псковской и Новгородской областей — прим. авт.] в типографии 2-й Ленинградской партизанской бригады с 23 февраля 1942 г. издавалась газета «Народный мститель», название которой полностью совпадало с наименованием печатного органа ЛШПД.

² Одна из трёх газет, которые печатались в типографии 2-й Ленинградской партизанской бригады. Предназначалась для партизан. Выпускалась с 23 февраля 1942 г. по 19 апреля 1943 г.; издание прекращено в связи с ликвидацией Ленинградского партизанского края.

³ См.: Старая сказка // Дновец. 1943. № 1 (19). 20 января. С. 4. ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 18. Л. 9.

⁴ См. «Дрожи, предательская свора...» // За Советскую Родину. 1943. № 42. 14 октября. ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 10. Л. 84.

⁵ См., напр.: Между двух огней // Колхозная стройка. 1943. № 1. 23 января. С. 4. ЦГАИПД СПб. Ф.Р-116^л. Оп. 9. Д. 1159. Л. 2.

⁶ См., напр.: «Запутавшись в бездарной лжи...» // За колхоз. 1943. № 2. 23 февраля. ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 19. Л. 4.

⁷ См., напр.: Русский град зимой // Славковский льновод. 1943. № 2. 16 февраля. ЦГАИПД СПб. Ф.Р-116^л. Оп. 9. Д. 1155. Л. 4.

⁸ См., напр.: Фашистский «парад» // За колхоз. 1943. № 3. 26 февраля. ЦГАИПД СПб. Ф.Р-116^л. Оп. 9. Д. 1145. Л. 4.

⁹ См., напр.: Изменникам нет места на земле! // За Советскую Родину. 1943. № 37. 30 сентября. С. 4. ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 10. Л. 74.

С другой стороны, карикатурист, по мнению автора статьи, изобразил таким образом участие «русских» коллаборационистских формирований в карательных операциях на оккупированных территориях посредством персонификации. То, что немецкий солдат ведёт за собой бывшего генерал-лейтенанта Красной армии, указывает на положение данных военизированных частей: «Русская народная национальная армия» была подчинена командованию охранных войск группы армий «Центр» [6, с. 98], «Русская освободительная народная армия» и 1-я русская бригада войск СС «Дружина» участвовали в контрпартизанских операциях, которые разрабатывались в штабах германских воинских соединений и проводились под их контролем [8, с. 98; 7, с. 145-146].

Вторая карикатура, посвящённая А.А. Власову, была опубликована в номере газеты «Ленинградский партизан» от 11 июня 1943 года. Предположительно, её автор — художник В.А. Власов, однофамилец перешедшего на сторону нацистской Германии командующего 2-й ударной армией. На ней человек-символ отечественного коллаборационизма целует сапог немецкому офицеру, держащему в руках плётку; у первого на тыльной стороне одежды вышита надпись «Генерал-предатель Власов».

На дальнем плане изображены солдат и офицер Вермахта, которые расстреливают мирных жителей. Один из них убит, второй привязан к столбу. Солдат направил на него станковый пулемёт, офицер — пистолет.

Карикатура сопровождается подписью: «Перебежчик нашёл себе подходящую работёнку...» [12].

По мнению автора статьи, карикатурист отобразил положение самого известного перебежчика в советской истории на лето 1943 года. Согласно воспоминаниям В.К. Штрик-Штрикфельдта, начальника Дабендорфской школы РОА, из-за заявлений А. А. Власова, истолкованных как стремление «стать правителем независимой России», была сорвана нацистская пропагандистская акция «Просвет» [21, с. 221-222]. Над бывшим генерал-лейтенантом Красной армии нависла угроза ареста гестапо, и единственной возможностью не оказаться по обе стороны пулемёта для генерала-коллаборациониста было восхваление немецкого командования и его «борьбы с большевизмом», т. е. «подходящая работёнка».

Третья карикатура была опубликована в пятнадцатом номере газеты «За Советскую Родину», который вышел 16 июля 1943 года. На ней изображены Адольф Гитлер и А.А. Власов; последний примеряет на вождя Третьего рейха картинную раму с надписью «Друг русского народа». Сам фюрер держит в правой руке листок, на котором начертано его известное высказывание: «Россия должна быть вычеркнута из списка европейских держав».

Сатирическое изображение сопровождается подписью: «Немецкий шпион Власов из кожи вон лезет, стараясь изобразить людоеда Гитлера благодетелем русского народа» [12].

Автор данной карикатуры указывает на одну из особенностей нацистской пропаганды — подмену понятий.

Отто Штрассер в своих мемуарах писал, что фюрер употребил вышеупомянутую фразу про Россию в 1936 г. [22, р. 210]. Этот факт неоднократно подчёркивался в советской печатной пропаганде в годы Великой Отечественной войны [24, с. 32].

Политика, проводимая нацистской Германией на оккупированных территориях, была направлена на их разграбление и уничтожение населения [7, с. 10]; это, впрочем, не мешало пропагандистам, работавшим в оккупационной периодической печати, представлять Адольфа Гитлера как «освободителя нашей страны» [18], «подарившей нашей родине свободу» [11], который «проводит последние приготовления к достижению окончательной победы» [22].

Таким образом, генерал-лейтенант А.А. Власов был изображён на карикатурах:

с одной стороны, как нацистский пропагандист, который исполнит любой приказ германского командования, чтобы сохранить себе жизнь;

с другой стороны, как субъект в борьбе советской и нацистской идеологий и несамостоятельная фигура в командовании коллаборационистских частей;

с третьей стороны — как немецкий шпион, стремящийся в своих и выступлениях оправдать режим, который уничтожает мирное население на оккупированных территориях и разграбляет их, и лично фюрера, который ещё до начала Второй мировой войны обозначил своё отношение к будущему противнику.

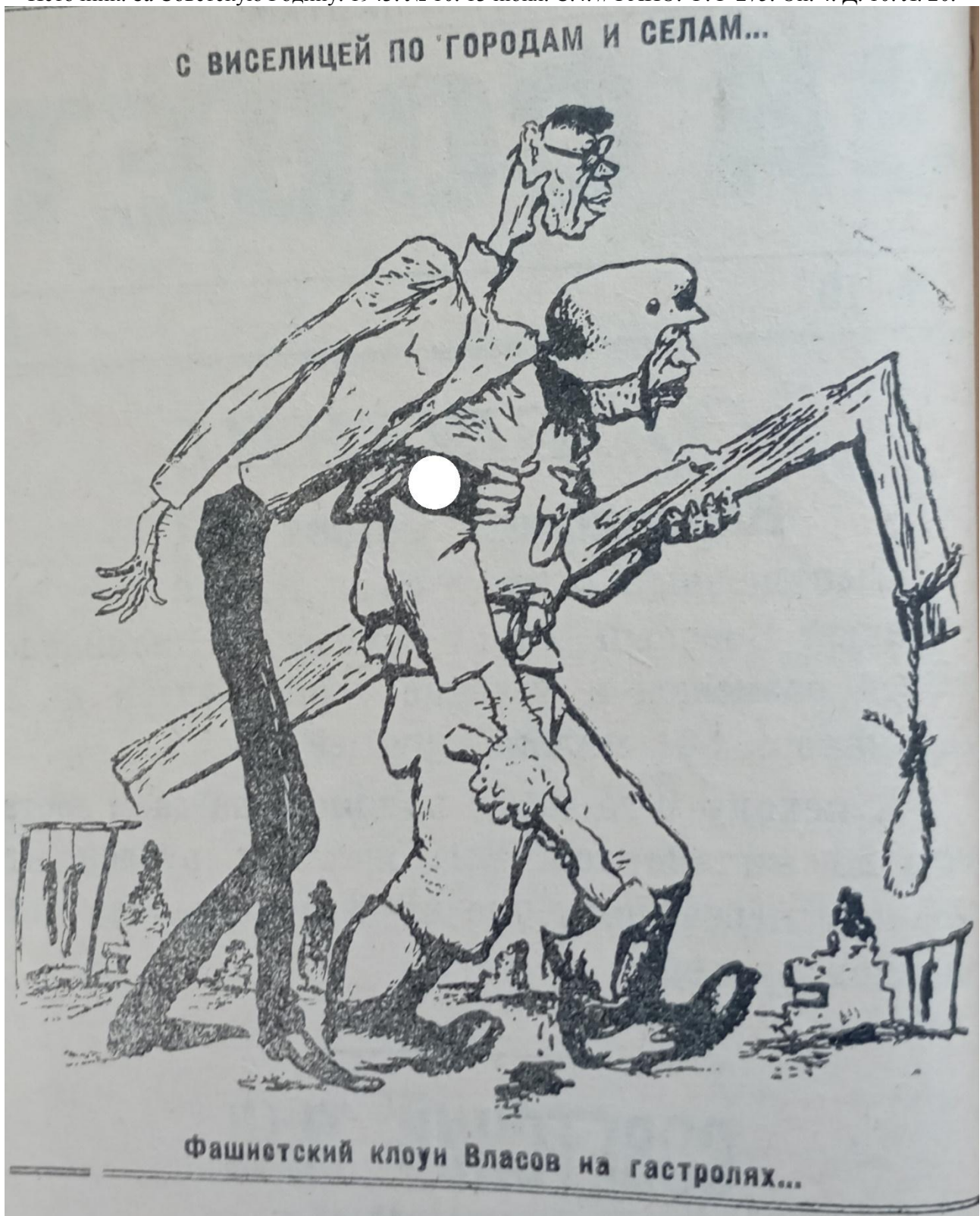
Список литературы

1. Бернёв С.К. Периодическая печать на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР (1941—1944) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Серия: История. Филология. 2008. № 49. С.9-11.
2. Виноградов И.В. Строки, пропахшие порохом. Ленинград: Лениздат, 1981. 328 с.
3. Власов Василий Андрианович // Виртуальный Русский музей: [Электронный ресурс]. URL: https://rusmuseumvrm.ru/reference/classifier/author/vlasov_va (дата обращения: 24.11.2023).
4. Вторая мировая война 1939—45 // Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. Москва: Воениздат, 1986. С. 190-193.
5. Гланц Д. Блокада Ленинграда. 1941—1944. Москва: Центрполиграф, 2009. 221 с.
6. Жуков Д.А., Ковтун И.И. РННА. Враг в советской форме. Москва, 2012. 336 с., ил.
7. Жуков Д.А., Ковтун И.И. 1-я русская бригада СС «Дружина». Москва, 2010. 368 с., ил.
8. Жуков Д.А., Ковтун И.И. 29-я гренадёрская дивизия СС «Каминский». Москва, 2009. 304 с., ил.
9. Ковалёв Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. Москва: Молодая гвардия, 2011. 619, [5] с.: ил.
10. Ленинградский партизан // Российская национальная библиотека: [Электронный ресурс]. Раздел «Ресурсы», подраздел «Библиографические и справочные ресурсы». URL: <https://clck.ru/37duZG> (дата обращения: 31.10.2023).
11. Мы сражаемся за свободу нашей Родины! / За родину. 1943. № 147 (232). 28 июня. С.1. // Latvijas Nacionālā digitālā bibliotēka: [Электронный ресурс]. URL: <https://periodika.lndb.lv/periodika2-viewer/?lang=fr#panel:pa|issue:5544|article:DIVL5> (дата обращения: 31.10.2023).
12. Немецкий шпион Власов из кожи вон лезет, стараясь изобразить людоеда Гитлера благодетелем русского народа // За Советскую Родину. 1943. № 15. 16 июля. С.4. ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 10. Л. 30.
13. Обжигалин К.П. Порховский подпольный центр // Псковщина партизанская: воспоминания участников партизанского движения. Ленинград: Лениздат, 1979. С.252-256.
14. Перебежчик нашёл себе подходящую работёнку... // Ленинградский партизан. 1943. № 11 (42). 16 июня. С.4. ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 10. Л. 150.
15. Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / сост. К.М. Александров. Санкт-Петербург, Скрипториум, 2011. 608 с.
16. Разжечь священную ненависть к врагу — долг большевика / На страже Родины. 1941. № 282 (5964). С.1. // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина: [Электронный ресурс]. URL: www.prlib.ru/item/349154?ysclid=Ipcow6os421990557 (дата обращения 31.10.2023).
17. С виселицей по городам и сёлам... // За Советскую Родину. 1943. № 10. 13 июня. С.4. ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 10. Л. 20.
18. Свободин И. Клятва новой России / За родину. 1943. № 142 (237). 22 июня. С.1. Latvijas Nacionālā digitālā bibliotēka: [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 31.10.2023).
19. Сигов Ф.И., Братья-пулемётчики. Акционерное общество «Голь и К^о» // Народный мститель. 1942. № 10. С. 4. ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 9. Л. 11.
20. Филимонов А.В. Периодическая печать Псковского края в годы Великой Отечественной войны // Периодические издания Псковского края в годы Великой Отечественной войны: библиографический справочник. Псков, 2018. С.5-19.
21. Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1993. 450 с.
22. Шухаев А. Перед началом новой значительной фазы мировой войны / За родину. 1943. № 154 (249). 6 июля. С.1. // Latvijas Nacionālā digitālā bibliotēka: [Электронный ресурс]. URL: <https://periodika.lndb.lv/periodika2-viewer/?lang=fr#panel:pa|issue:5551|article:DIVL24> (дата обращения: 31.10.2023).
23. Эренбург И.Г. Мечты и действительность / Красная звезда. 1941. № 182 (4937). 5 августа. С.3. // Internet Archive: [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/no2661212191941> (дата обращения: 31.10.2023).
24. Ярославский Е.М. Что несёт фашизм крестьянству. Молотов, 1942. 62, [1] с.
25. Strasser O. Hitler and I. Boston: MA, Houghton Mifflin Company, 1940. 249 p.

Приложение 1.

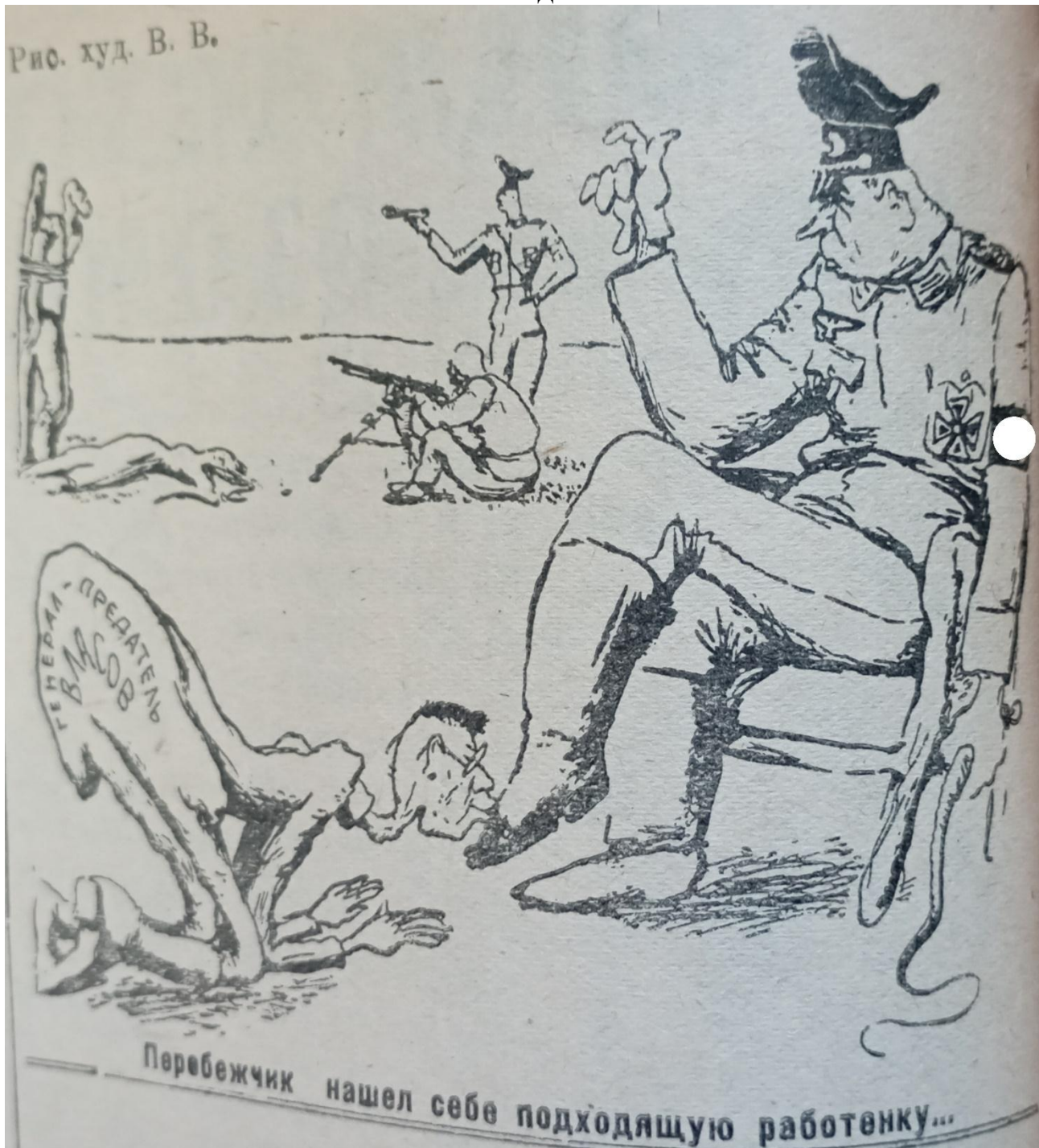
Карикатура «С виселицей по городам и сёлам...»

Источник: За Советскую Родину. 1943. № 10. 13 июня. С.4. // ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 10. Л. 20.

Приложение 2.

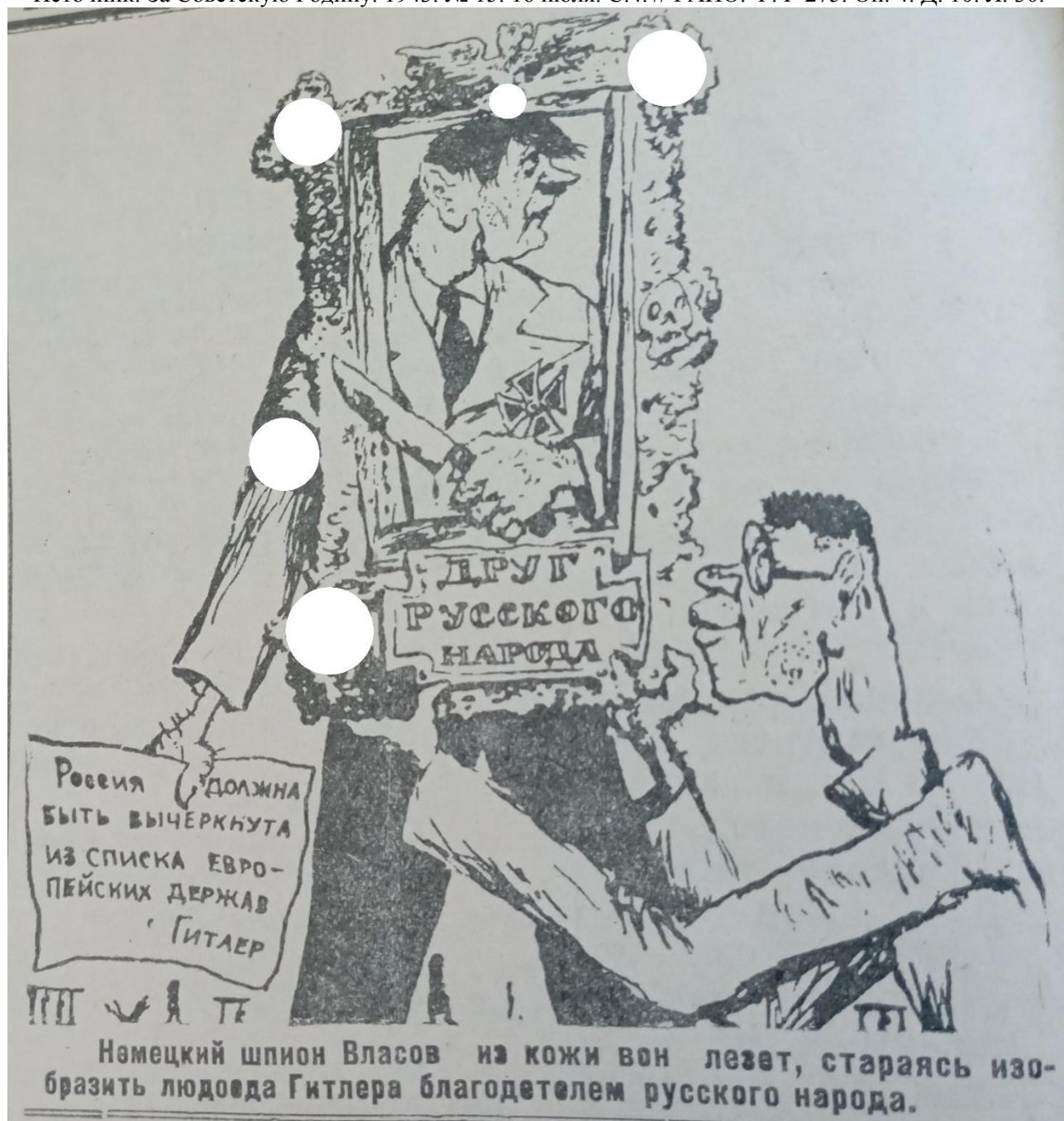
Карикатура В. В. «Перебежчик нашёл себе подходящую работёнку...»
Источник: Ленинградский партизан. 1943. № 11 (42). 16 июня. С.4. // ГАПО.
Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 10. Л. 150.

Приложение 3.

Карикатура «Немецкий шпион Власов из кожи вон лезет, стараясь изобразить людоеда Гитлера благодетелем русского народа».

Источник: За Советскую Родину. 1943. № 15. 16 июля. С.4. // ГАПО. Ф. Р-275. Оп. 4. Д. 10. Л. 30.

СЕКЦИЯ 2. ОКРАИНА КАК ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 93/94

ОКРАИНЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВА. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ РОССИИ НА ЕЕ ВОСТОЧНЫХ ОКРАИНАХ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ. КАК ВАЖНЕЙШАЯ ПРЕДПОСЫЛКА ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ СССР

Дацышен Владимир Григорьевич
д-р ист. наук, профессор
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
dazishen@mail.ru

Статья посвящена проблеме окраин, как фактора развития государства. В начале 1920-х гг. решение проблем окраин бывшей Российской Империи в Сибири и на Дальнем Востоке стало важнейшей предпосылкой провозглашения СССР. Провозглашение в конце 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик был актом завершения создания большевиками нового российского государства, как наследника и правопреемника Российской империи. И для того, чтобы новое государство имело полные основания на таковой статус, большевикам необходимо было объединить под своей властью и в единых государственных границах территорию бывшей империи, восстановить влияние на соседей и добиться признания своей власти, хотя бы де-факто, со стороны других государств. Важнейшим направлением внешней и внутренней политики Москвы были восточные районы России, наиболее отдаленные и уязвимые, но важные для русской культурной традиции, предполагавшей приоритет территориально-пространственного и колонизационного развития. Именно на Дальнем Востоке находился самый большой контингент интервентов, наиболее последовательно отстаивавший «ценности Антанты», а также и самая слабая страна из состава Антанты. В 1920-1922 гг. большевики поставили под свой контроль Дальний Восток России, а затем включили его в состав РСФСР; де-факто восстановили существовавший до гибели империи статус-кво в Маньчжурии, Монголии и Туве. Произошедшие в 1920-1922 гг. изменения в международно-правовой и политической ситуации на Дальнем Востоке к концу 1922 г. в пользу Советской России стали основанием для провозглашения СССР.

Ключевые слова: Российские окраины, Дальний Восток России, Маньчжурия, Монголия, Тува.

SURGIA AS A FACTOR OF STATE TRANSFORMATION. RESTORATION OF RUSSIA'S POSITIONS ON ITS EASTERN OUTLIERS IN THE EARLY 1920S, AS AN IMPORTANT PREREQUISITE FOR THE PROCLAMATION OF THE USSR

Datsyshen Vladimir Grigorievich
Doctor of Historical Sciences, Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
dazishen@mail.ru

The article is devoted to the problem of the outskirts as a factor in the development of the state. In the early 1920s. solving the problems of the outskirts of the former Russian Empire in Siberia and the Far East became the most important prerequisite for the proclamation of the USSR. The proclamation of the Union of Soviet Socialist Republics at the end of 1922 was an act of completion of the creation by the Bolsheviks of a new Russian state, as the heir and legal successor of the Russian Empire. And in order for the new state to have full grounds for such status, the Bolsheviks needed to unite the territory of the former empire under their authority and within single state borders, restore influence on their neighbors and achieve recognition of their power, at least de facto, by other states. The most important direction of Moscow's foreign and domestic policy was the eastern regions of Russia, the most remote and vulnerable, but important for the Russian cultural tradition, which assumed the priority of territorial-spatial and colonization development. It was in the Far East that the largest contingent of interventionists was located, who most consistently defend-

ed the «values of the Entente», as well as the weakest country from the Entente. In 1920-1922 the Bolsheviks brought the Russian Far East under their control and then incorporated it into the RSFSR; de facto restored the status quo that existed before the collapse of the empire in Manchuria, Mongolia and Tuva. Occurred in 1920-1922. changes in the international legal and political situation in the Far East by the end of 1922 in favor of Soviet Russia became the basis for the proclamation of the USSR.

Key words: Russian outskirts, Russian Far East, Manchuria, Mongolia, Tuva.

С утверждением Первым Всесоюзным съездом Советов 30 декабря 1922 г. подписанного накануне Договора об образовании СССР завершился важнейший этап истории России, начало которому дала Революция 1917 г. Почти вся территория бывшей Российской империи была объединена в рамках нового государства. При этом восточная граница Советского Союза прошла по линии границы, установленной в прошлом между Российской и Китайской империями. Не случайно, провозглашение СССР состоялось лишь после вывода японских войск, ликвидации Дальневосточной республики (ДВР) и появления определенности в разрешении проблем, связанных с бывшими полуколониальными окраинами империи - Монголией, Танну-Тува Урянхаем, КВЖД и др.

В отечественной исторической науке на протяжении прошедших ста лет проблемам российских окраин уделялось недостаточно внимания. Исследования носили ограниченный характер в силу политической цензуры и идеологической заданности работ. Большевики пришли к власти с лозунгами коренных преобразований во всем, и эти лозунги были положены в основу политики в отношении окраин бывшей империи. В этих условиях исследователи обязаны были доказать коренные отличия подходов большевиков от своих предшественников. В советской историографии провозглашение СССР не могло быть связано с проблемами возрождения России в качестве правопреемника в том числе и великой колониальной империи [19]. В монографии Р. Кабо «Очерки истории и экономики Тувы» проблема статуса Танну-Тыва Урянхия подается в рамках концепции «двух России»: царская Россия показана в качестве оккупанта, а на смену ей пришла прогрессивная Советская Россия. Однако в свет вышла лишь первая часть «Очерков истории и экономики Тувы» [18], с критикой царской политики, а советская политика в отношении Тувы так и осталась за рамками обобщающего исследования. В обобщающей работе М.С. Капицы параграф, посвященный политике РСФСР в отношении Китая называется: «Борьба Советского правительства за установление дружественных отношений с Китаем» [20, с. 32-95], а противоречия по вопросу КВЖД и Внешней Монголии объяснялись «реакционностью китайской буржуазии», автор писал так: «Реакционные круги подняли вой о вторжении Красной Армии в Монголию... чтобы сбить с толку народные массы и замедлить рост симпатий в Китае к Стране Советов» [20, с. 67].

В поздне-советский период, несмотря на сохранение выше озвученных подходов, российские исследователи расширили историческую картину событий, показали противоречивость советской политики в отношении окраин на востоке. В частности, исследователь Ю.Н. Аранчин указал на противоречивость советской политики, он писал: «Сосредоточивая внимание на решительном отказе Советского правительства от великодержавной захватнической политики царизма... Сиббюро, однако, расценивало оказание Советской республикой покровительства Туве в международных делах как «политическую ошибку» [2, с. 97]. Несмотря на большой интерес историков к проблемам отношений Советского государства с окраинами восточной периферии бывшей Российской империи, в советской историографии не ставилась проблема окраин, как фактора развития государства.

В постсоветский период появились новые работы по истории внешней политики, свободные от жестких идеологических установок и дающие более развернутую и объективную картину событий. Исследователь А.Ю. Сидоров определил период 1920-1922 гг., как особый этап внешней политики России на Дальнем Востоке, был сделан вывод: «К концу 1922 года Советская Россия восстановила свой статус ведущей дальневосточной державы» [39, с. 132]. С.К. Рошин отметил, что монгольская политика РСФСР в первую очередь определялась: «национальными интересами России... историческими традициями...» [35, с. 27].

Следует отметить, в данный период российские международники указали на ключевые проблемы политики в отношении окраин, но представили крайне упрощенное их видение. Например, рассмотрение проблемы «Советская Россия и Дальневосточная Республика» ограничено проблемой образования ДВР [40, с. 140]; рассмотрение «Проблемы Монголии» завершается выводом «в Монголии большевики смогли полностью реализовать установку Коминтерна на оказание поддержки национально-революционному движению» [40, с. 142]; «Провозглашение независимости Тувы», фактически, сводится к тому, что «Горстка местных революционеров... захватила власть и провозгласила создание независимого государства» [40, с. 143]. Логика же изложения событий конца 1922 г. в работе

«Системная история международных отношений» уже такова: «Дальневосточная Республика была объявлена нераздельной частью РСФСР... Месяцем позже было образован Союз Советских Социалистических Республик» [40, с. 150-151].

В последние два десятилетия степень изученности проблем внешней политики Советской России в отношении бывших полу-колониальных окраин Российской империи благодаря введению в научный оборот большого фактического материала была выведена на новый уровень. Подробно воссоздана историческая картина событий советско-монгольских и советско-тувинских отношений [3; 26; 27; 42]. Российские исследователи предложили новые подходы и концепции, помогающие вывести понимание политики России на Дальнем Востоке на качественно новый уровень. Предложенная А.Д. Воскресенским «концепция многофакторного равновесия» [4, с. 14] представляется не только интересной и полезной для понимания закономерностей истории русско-китайских отношений, но и применима для изучения внешней политики России вообще.

В постсоветский период в отечественной науке не сложилось единой или господствующей позиции по вопросу преемственности советской политики на Дальнем Востоке. А.Д. Воскресенский еще в 1990-х гг. отметил: «Некоторые ученые рассматривают российско-китайские контакты после 1917 г. как восстановление отношений, которое укрепило преемственность, другие – как новую стадию в отношениях или же, фактически, как абсолютное изменение характера отношений» [4, с. 53]. Исследователь Б.С. Жигалов пришел к выводу: «Дальневосточная политика РСФСР, а затем и СССР, в 1920-1924 гг. ... определялась в основном государственными интересами, а не интересами мировой революции или заботами о поддержке освободительного движения колониальных народов» [16, с. 147]. Историки Тувы в последние годы сформулировали единую позицию – «Периодом действия протектората России над Тувой надлежит считать 1914-1924 гг.» [41, с. 19].

Несмотря на успешное развитие отечественной историографии советской внешней политики, российские исследователи не уделили должного внимания проблемам взаимосвязи внутренней и внешней политики Советской России на Дальнем Востоке накануне провозглашения СССР. До настоящего времени не поднималась проблема взаимосвязи восстановления позиций России на Дальнем Востоке как великой державы с провозглашением СССР.

Целью работы является рассмотрение проблемы окраин, как фактора развития государства на примере восточных окраин и полуколоний бывшей Российской империи, как важнейшего фактора создания СССР. Хронологические рамки определяются периодом 1920-1922 гг. Эти годы, сразу после разгрома армий антисоветских правительств, РСФСР в качестве правопреемника дореволюционной России вступила в прямые отношения с другими государствами, и начался новый этап государственного строительства в России.

Мы предполагаем, что политика Советской России на востоке в 1920-1922 гг. объективно было направлена на решение главной внутривнутриполитической задачи – восстановления или создания нового единого Российского государства, как правопреемника бывшей Российской империи. Для исследования мы привлекли комплекс исторических источников, в том числе выявленных в архивных фондах документов и материалов.

Революционная дипломатия большевиков и вызванная гражданской войной разруха в стране привели к большим геополитическим изменениям. Разгрома в 1920 г. Красной Армией вооруженных сил всех антибольшевистских правительств и установления власти большевиков практически на всей территории бывшей Российской империи было недостаточно для полного восстановления прежнего государства. Необходимой предпосылкой формального провозглашения нового российского государства, в границах разрушенного революционными событиями прежнего российского государства, создание СССР как правопреемника Российской империи, было не только восстановление старых государственных границ, но и возвращение статуса великой державы в отношениях с соседями, возвращение контроля над бывшими в полуколониальной зависимости территориями.

После победы большевиков над армией правительства А.В. Колчака и создания подконтрольной Москве Дальневосточной республики Япония продолжала держать войска Приморье и на Сахалине, надеясь на закрепление своих новых позиций в регионе. Пекин контролировал бывшие полуколониальные владения России в Маньчжурии и Монголии, Китай надеялся на пересмотр всей системы договорно-правовой базы русско-китайских отношений. Сибирский революционный комитет (Сибревком), будучи высшим органом центральной власти РСФСР в Сибири, признавал свое бессилие в деле восстановления прежних позиций страны на востоке. Глава Советской Сибири И.Н. Смирнов в записке на имя главы Советской России В.И. Ленина от 12 июня 1920 г. указывал: «Наша осторожная политика в уклонении от вооруженных конфликтов с японцами побуждает китайцев к захватам нашей территории...» [11, с. 59-60]. В ноябре 1922 г. Хэйхэский даоинь (глава китайского округа

на Амуре) писал представителям новой власти в Благовещенске: «Что касается договоров то, будучи заключены между Китаем и Царским правительством, утратили свою силу, раз не существует царского правительства» [5, л. 248].

Накануне провозглашения СССР в числе важнейших задач было удаление с российских территорий иностранных войск и признание Советской России со стороны Японии. Для того, чтобы решить проблему вывода японских войск с территории России мирным путем Москва организовала в начале 1920 г. создание Дальне-Восточной Республики (ДВР). Исследователь-японовед К.О. Саркисов справедливо указывает: «В Токио... продолжали игру с ДВР. Она давала возможность покинуть Сибирь, не «потеряв лицо» и с наименьшими издержками» [37, с. 144]. Летом 1921 г. по инициативе ДВР начались русско-японские переговоры в городе Дайрен (Дальний). Переговоры шли трудно, в апреле 1922 г. были прерваны, но уже 24 июня 1922 г. японское правительство заявило об эвакуации своих войск из России и выступило с предложением проведения новой русско-японской конференции для урегулирования двухсторонних отношений.

Следующим этапом утверждения нового Российского государства на Дальнем Востоке стали переговоры между делегациями ДВР и РСФСР с одной стороны и Японии с другой, которые начались 4 сентября 1922 г. в китайском городе Чанчуне. Стороны не смогли договориться по вопросу эвакуации японских войск с Северного Сахалина, но Советская Россия выступала как равноправный партнер и держалась жесткой позиции. В протоколе заседания Дальбюро ЦК РКП(б) от 9 сентября 1922 г. говорилось: «Постановка вопроса делегацией и самые методы ведения переговоров должны быть решительными и твердыми, без боязни разрыва» [11, с. 350]. При этом особо подчеркивалось: «ни в коем случае не допускать отдельного признания ДВР» [11, с. 351]. Поведение Японии внушало советским представителям надежду на победу в ближайшее время. Советские средства массовой информации так озвучили японскую позицию: «Конференция послужила лишь первым шагом к сближению между обоими народами. Слишком долго не видели мы друг друга, за это время образовалась масса серьезных препятствий, которые нельзя изжить одной конференцией» [43, л. 119-120]. РСФСР на этих переговорах выступала как фактический правопреемник бывшей Российской империи.

Следствием того, что только РСФСР теперь уже реально представляла Россию на Дальнем Востоке, стал вывод японских войск почти со всех российских территорий. 1 августа 1922 г. вышло объявление командующего японской экспедиционной армией в Сахалинской области Мачида Кэйу, в котором говорилось: «В недалеком будущем, согласно декларации Японского Императорского Правительства, войска, расположенные в местностях, лежащих против берега Сахалина, будут эвакуированы» [10, л. 560б].

Во второй половине сентября 1922 г. японские войска были выведены из района Николаевска-на-Амуре. 15 августа 1922 г. японское командование опубликовало декларацию о начале эвакуации своих войск с 25 августа из южной части Приморья. 19 октября 1922 г. было принято решение Политбюро ЦК РКП(б), в котором говорилось: «Потребовать от Японии точной фиксации срока сдачи нам Владивостока» [29, с. 141]. 24 октября 1922 г. японское командование подписало соглашение с представителями ДВР об окончательной эвакуации войск из Владивостока, и на следующий день части Народно-революционной армии (НРА) ДВР вступили в столицу Приморья. Окончательно японские войска оставили континентальное побережье России 1 ноября 1922 г., когда корабли Японии ушли из Авачинской бухты Петропавловска-Камчатского. Таким образом, к концу 1922 г. РСФСР практически решила одну из важнейших проблем – вывод иностранных войск со всей территории России (за исключением Сахалина).

После разгрома армии правительства А.В. Колчака и войск атамана Г.М. Семенова большевики установили контроль над большей частью российской территории на Дальнем Востоке. Но в условиях сложной международной, военно-политической и экономической ситуации в регионе была создана формально независимая и демократическая Дальне-Восточная республика с центром в Забайкалье. Посредством этой республики большевикам постепенно удалось решить проблему объединения под своей властью всего Дальнего Востока. 14 февраля 1922 г. вооруженные силы ДВР, Народно-революционная армия под командованием В.К. Блюхера, заняли Хабаровск. В конце октября 1922 г. сразу после того как японские войска покинули Владивосток, конечный пункт Транссибирской железнодорожной магистрали на берегу Тихого океана был занят войсками Народно-революционной армии.

Дальний Восток оказался под властью большевиков, но формально это было другое государство, и даже не советское и не социалистическое. Кроме того, уже наметились противоречия в отношениях между Москвой и властями в Чите. Например, после приезда в декабре 1921 г. в Пекин глава миссии РСФСР А.К. Пайкерс докладывал в Москву, что дипломаты ДВР вели переговоры в Китае,

исходя из интересов ДВР, а не РСФСР. Имелись противоречия между Советской Россией и буферной республикой и по Монголии, например, уполномоченный Наркомата иностранных дел по Сибири и Монголии Б.З. Шумяцкий писал: «Буферяне протестуют против действий наших частей в Монголии под советским командованием и домогаются, чтобы части РСФСР действовали там как части ДВР» [44, с. 51]. Можно предположить, что противоречия между ДВР и РСФСР по китайским вопросам стали одной из причин, ходя и не главной, скорейшей ликвидации Дальне-Восточной Республики. В конце 1922 г. большевики организовали кампанию по включению территории ДВР в состав РСФСР.

30 октября 1922 г. на закрытом совещании Дальбюро ЦК РКП(б) было принято решение организовать 7 ноября демонстрации в разных городах «с соответствующими лозунгами о взятии власти Советами и присоединении к Советской России» [11, с. 360], а 10 ноября созвать Народное собрание, которое примет резолюцию об этом. Известный деятель КВЖД и исследователь Е.Х. Нилус писал: «Дальбюро РКП, Правительством ДВР, Нарсобом, расширенной конференцией профсоюзов Прибайкалья 8 ноября была получена в Чите телеграмма, в которой констатируется... буфер должен быть уничтожен... Д. Восток должен соединиться с Сов. Россией. На всей окраине Д. Востока власть должна немедленно перейти к советам. 14 ноября в Чите... прилегающие к Нарсобу наполнились толпами демонстрантов, рабочих и бойцов, явившихся к Нарсобу со своими знаменами под лозунгом: «Мы требуем роспуска Нарсоба и немедленного воссоединения с Советской Россией. Долой буфер. Да здравствует РСФСР». Председатель Правительства ДВР зачитал на заседании Нарсоба акт о сложении власти и передачи ее Дальневосточному Комитету» [1, л. 129]. 16 ноября 1922 г. постановлением ВЦИКа ДВР была объявлена нераздельной составной частью РСФСР. Высшим органом власти на территории бывшей ДВР стал Дальневосточный революционный комитет (Дальревком).

Таким образом, к концу 1922 г. были решены две важнейшие проблемы, стоявшие на пути к возвращению дальневосточных окраин в состав единого Российского государства, как преемника Российской империи – вывод иностранных войск и восстановление государственно-территориальной целостности русских территорий (за исключением острова Сахалин).

В начале XX в. на границе с Китаем Российская империя поставила под контроль монгольские земли. Автономия Внешней Монголии в составе Китайской Республики была обеспечена политической и экономической зависимостью ее от России. После Революции 1917 г. Россия потеряла контроль над Монголией, Пекин лишил ее автономии. После установления полного контроля Советского правительства над Сибирью начался процесс возвращения статус-кво и в этой бывшей российской полукolonии. Следует отметить, что первоначально, в начале 1920 г., представителей новой советской власти в Сибири беспокоил не сам факт ликвидации Пекином монгольской автономии, сколько укрепление во Внешней Монголии про-японски настроенных китайских военных [12, с. 151-152]. Однако ход событий привел к установлению полного контроля РСФСР над этой, в прошлом зависимой от Российской империи, части бывшей Китайской империи. Как писал известный русский китаевед, бывший российский дипломат И.Я. Коростовец: «С момента взятия советскими войсками Урги в Пекине и Москве снова пробудился интерес к Монголии» [22].

Весной 1920 г. в столице Внешней Монголии начали работать функционеры правящей в Советской России партии. В марте 1920 г. в Урге посетил ответственный сотрудник Сиббюро ЦК РКП(б) Н.Г. Буртман, а в мае «в Урге появились советские функционеры во главе с сотрудником Сибирского бюро ЦК партии С.С. Борисовым... С июня 1920 г. ... все нити информационной, финансовой, идеологической, партийной и военно-боевой составляющих национально-освободительной борьбы монгольского народа... были сосредоточены в руках Уполномоченного НКВД Советской России в Монголии Отто Ивановича Макстенека» [28, с. 34].

В Иркутске при содействии руководства Дальневосточного секретариата Коминтерна была создана Монгольская Народно-Революционная партия (МНРП). 13 марта 1921 г. в Иркутске было образовано Временное народно-революционное правительство Монголии, которому советское правительство «рекомендовало» не ставить вопрос о полной независимости от Китая. 16 июня 1921 г. в условиях сложных военно-политических событий во Внешней Монголии, Политбюро РКП(б) приняло решение о вводе туда войск. Пекин в официальной ноте поддержал эту акцию, при условии сохранения китайских территориальных прав. Фактически, Москва и Пекин приняли вариант возвращения старого статуса Внешней Монголии, в основном сложившегося в системе отношений между двумя империями и оформленного накануне Революции 1917 г. В подписанной 1 июля 1921 г. военным министром и главнокомандующим войсками Дальневосточной республики В.К. Блюхером инструкции своим войскам говорилось: «При вводе войск ДВР на территорию Монголии, безусловно, держаться, как принципа китайского суверенитета над этой территорией, так и программы самоопределения национального освобождения Монголии» [34, с. 212]. 6 июля 1921 г. советские войска вступили в

столицу Внешней Монголии, 12 июля новое монгольское правительство провозгласило независимость Монголии и обратилось к РСФСР с просьбой не выводить свои войска. 10 августа 1921 г. Совнарком согласился войска не выводить, но Москва не признала независимости Монголии, продолжая именовать ее автономной. 5 ноября 1921 г. в Москве был подписан советско-монгольский договор о дружбе и сотрудничестве [17, с. 332].

Монгольская делегация, в составе которой было высшее руководство взявшей власть партии и правительства, в октябре 1921 г. прибыла в Москву. В декабре 1921 г. пекинское правительство отклонило советское предложение о посредничестве в урегулировании монголо-китайских отношений и потребовало полного вывода советских войск из Внешней Монголии. Москва не признала независимости Монголии, но Постановление Политбюро от 31 августа 1922 г. определяло необходимость участия Урги в обсуждении и решении вопроса о будущем ее государственно-правовом устройстве. В конце 1922 г. хозяйственные органы Советской России пришли к необходимости: «теперь же принять меры к тому, чтобы занять хозяйственные позиции в Монголии, используя для этого наше политическое влияние, пока эти позиции не заняты» [15, с. 404].

Таким образом, в 1921 г. советская политика в отношении Монголии, фактически, стала аналогичной политике Российской империи. В 1922 г. у России вновь появился «буфер», страна вернула бывшую полуколонию. Москва полностью контролировала Внешнюю Монголию, формально признавая китайский суверенитет над этой территорией.

Во время гражданской войны в России китайские и монгольские войска были введены в Танну-Тува Урянхай. После нескольких лет гражданской войны, межнациональных конфликтов и иностранной интервенции в регионе была установлена власть большевиков. Представители советской власти в регионе всячески старались опровергнуть представления местной элиты о том, что они являются правопреемниками Российской империи. В 1920 г. уполномоченный Енисейского губревкома А.И. Кашников писал на имя тувинского нойона Буян-Бадьрги: «Я понимаю, что Вам тяжело было думать о встрече с представителем государства, которое раньше так неладно с вами обращалось... моя современная Республика – совершенно другая власть, сравнительно с прошлым» [38, с. 158-159]. Но русское население формально не входившей в состав России Тувы соглашалось признать советскую власть лишь как правопреемницу бывшей империи. В резолюции съезда русской колонии, состоявшегося в сентябре 1920 г. в Туране, было указано: «единогласно постановляем: “организовать немедленно советскую власть среди русского населения в Урянхае, признавая, что никакая другая власть не может создать прочного положения русской колонии...”» [38, с. 165]. Таким образом, в 1920 г. представители большевиков декларировали отказ от преемственности с колониальной политикой, местное же русское население соглашалось признать новую власть, как единственную силу, способную восстановить превелигнированное положение русских на территории этого протектората Российской империи.

В марте 1921 г. китайские войска окончательно потерпели поражение и покинули Туву. По планам Москвы Тува должна была войти в состав Монгольского государственного образования. 2 марта 1921 г. председатель Сибревкома И.Н. Смирнов сообщал Г.В. Чичерину: «полагали бы необходимым, чтобы независимая Монголия включала в свой состав и Урянхайский край» [11, с. 209]. Но местные советские лидеры смогли не допустить вхождение Тувы в состав Монголии, а организовали создание Тувинского государства под протекторатом Советской России. Организованный по инициативе И.Г. Сафьянова Всетувинский учредительный Хурал состоялся 13-16 августа 1921 г. На съезде была принята резолюция о создании самостоятельного тувинского государства под покровительством России. Секретарь Сиббюро ЦК РКП (б) И.И. Ходоровский в сентябре 1921 г. докладывал в Новониколаевск и Москву: «Новая Урянхайская республика заявила своим вхождением покровительство Советской России и будет существовать как автономная советская колония» [7, л. 16]. В секретном Информационно-политическом письме №1 Сибревкома и Сиббюро РКП(б) губкомам Сибири осенью 1921 г. говорилось, что в августе 1921 г. была провозглашена «независимость Урянхайского народа с отдачей себя в международных делах под покровительство Советской России...» [6, л. 6-7]. Таким образом, в регионе в целом была восстановлен статус, сложившийся в начале XX в., и оформленный в 1914 г.

Несмотря на сложившийся уже в 1921 г. статус-кво по Урянхаю, понадобилось время, для того, чтобы Москва его признала. Осенью 1921 г. Сибревком и Сиббюро РКП(б) сообщали губкомам Сибири: «Сиббюро признал, что наш протекторат над Урянхайским краем в международных делах был бы большой политической ошибкой, которая осложнила бы наши отношения с Китаем и Монголией, что вряд ли соответствует нашим интересам... Сиббюро поэтому считало, что политика в Урянхайском вопросе должна быть такой: Советская Россия не покушается на Китайский суверенитет в Монголии и на суверенитет Автономной народно-революционной Монголии в Урянхкрае: Мон-

голия входит в состав Китая на федеративных началах, а Урянхкрай – на широких автономных началах в состав Монголии... По последним сведениям, ЦК и Наркоминдел полностью одобрили линию Сиббюро» [6, л. 6-7].

Таким образом, большевики спроектировали в отношении Тувы сложную конструкцию «двойного буфера». Однако, в силу комплекса исторических предпосылок и факторов, эта конструкция оказалась несостоятельной, Тува, как и в период Российской Империи, стала отдельным «протекторатом», отличным по форме и содержанию от Внешней Монголии [13]. Позже произошло признание формальной независимости Тувы, но фактическое положение в регионе осталось таким же, как и было сформировано накануне провозглашения СССР.

Особое место в геополитической системе на Дальнем Востоке в начале XX века занимала Китайская Восточная железная дорога (КВЖД). Во время гражданской войны в России в полосе отчуждения КВЖД были размещены японские и китайские войска. Принято считать, что Советская Россия признала права Китая на КВЖД, однако документы, отражающие эту проблему крайне противоречивы [23, с. 254].

Для управления дорогой акционеры КВЖД создали Межсоюзный технический комитет под председательством американского инженера Джона Стивенса. 14 января 1920 г., после гибели правительства А.В. Колчака, генерал Д.Л. Хорват объявил о принятии на себя всей полноты государственной власти в отношении русского населения в полосе отчуждения КВЖД. После победы большевиков в Сибири китайские власти усилили свои позиции, в зале заседаний Правления КВЖД впервые был вывешен наряду с российским и китайский государственный флаг. Русская газета в Токио «Дело России» в июне 1920 г. писала: «Харбин (От нашего корреспондента)» - «Мартовская забастовка была на руку «Суверенному Китаю», который в лице генер. Бао давно уже за время революции искал повода урвать что-нибудь от когда-то великой, единой, а ныне лежащей в пыли России – и для себя. Прежде всего, был расформирован штаб пограничной стражи. Китайские солдаты окружили здание штаба, сорвали русский шлаг, водрузили китайский и, вытряхнув оттуда всех русских «военноначальников» - засели там сами... Русская милиция была упразднена... начальником тюрьмы стал китайский чиновник... Китайцы отвернулись от ген. Хорвата...» [14]. Энергичная деятельность Председателя Правления О-ва КВЖД Бао Гуйцина вызвала противодействие со стороны различных политических сил и иностранных представителей, он был отправлен в отставку, а с 1 июня 1920 г. эту должность занял Сун Сяолян. Вскоре Указом Президента Китайской Республики Сюй Шичана русские на КВЖД были лишены права экстерриториальности, и поводом для этого было отсутствие в России единого общепризнанного государства. В документе говорилось: «За последние годы в России возникло много воюющих организаций, и происходила партийная борьба, причем, до сих пор не было сформировано объединенного правительства, выражающего волю народа...» [31, л. 51-52].

В начале 1921 г. собрание акционеров Русско-Азиатского банка и представителей администрации КВЖД пригласили на должность Управляющего КВЖД опытного железнодорожника Б.В. Остроумова, который смог восстановить экономическую деятельность КВЖД в новых политических реалиях. Успешное развитие КВЖД резко выделяло это русское предприятие на фоне кризиса и голода, поразившего Советскую Россию после окончательной победы большевиков. Но русское население КВЖД не отделяло себя от остальной России, на помощь соотечественникам из Маньчжурии было отправлено продовольствие, медикаменты, сельхозтехника и проч. Б.В. Остроумов восстановил экономические связи с РСФСР. В 1922 гг. на КВЖД появились представительства различных советских учреждений и организаций - «Сибдальвнешторга», «Доброфлота» и др.

Несмотря на успешное развитие КВЖД в 1921-1922 г., регион продолжал страдать от политической нестабильности. В конце мая – начале июня 1922 г. КВЖД пережила еще одну «маленькую гражданскую войну» в Маньчжурии. Восточный участок КВЖД на некоторое время стал зоной боевых действий. Чжан Цзолин провозгласил автономию Маньчжурии, которая была оформлена «своего рода конституционным актом, выработанным объединенным провинциальным собранием северо-восточных провинций» [21, с. 117].

После ликвидации правительства А.В. Колчака Советская Россия предъявила претензии на КВЖД. Международное сообщество в этом вопросе было на стороне России, но только как правопреемнике бывшей Российской империи. Резолюция Вашингтонской конференции (1921-1922 гг.) по КВЖД признала необходимость возвращения дороги России, как законному владельцу.

Первоначально КВЖД потребовалась Москве для военно-логистических целей. Из Штаба РККА в июле 1921 г. сообщали Г.В. Чичерину: «Китайско-Восточная жел. дорога должна дать полную возможность использовать ее для военных целей... Это будет возможно лишь при наличии нашей надежной охраны» [23, с. 370]. В протоколе заседания Дальбюро ЦК РКП(б) от 25 октября

1922 г. было отмечено: «С занятием нами Приморья КВЖД приобретает для нас особый интерес, как единственный путь нашей связи с Приморьем и выхода к морю для Дальнего Востока и Сибири. Поэтому следует добиваться такой обстановки, которая дала бы нам возможность в ближайшее время фактически осуществить наше экономическое и политическое овладение дорогой и Полосой отчуждения» [11, с. 357].

Но советская дипломатия в 1921-1922 г. проводила противоречивую политику. Переговоры первых советских дипломатов в Пекине А.К. Пайкеса и В.Д. Виленского с китайцами не внесли ясности в позицию Москвы по КВЖД, где по-прежнему существовали разные взгляды и разночтения документов. Советская сторона здесь в целом признавала права Китая на КВЖД, но запутанными были вопросы о гарантиях, компенсациях и уступках по другим вопросам, которые нужны были Советской России в обмен на признание дороги за Китаем.

Представители Москвы в Сибири и на Дальнем Востоке, в том числе председатель Сибревкома и командующий войсками Сибирского округа М.М. Лашевич, были сторонниками силового решения проблем КВЖД. В 1922 г. В «Бюллетене Информационного отдела Дальне-Восточного секретариата Коминтерна» от 16 октября 1922 г. была представлена позиция известных большевистских деятелей по вопросу «О тактике в Полосе Отчуждения». В документе указывалось: «Тов. Лашевич предлагает более жесткую тактику по отношению к китайцам и если надо, он готов двинуть дивизию» [8, л. 151]. Уполномоченный ЦК РКП(б) и ВЦИК в Дальневосточной Республике Н.А. Кубяк полагал: «Ход пролетарской революции, заставляет нас сделать шаг к захвату полосы отчуждения...» [8, л. 151]. Позицию М.М. Лашевича поддерживал председатель Совета министров Дальневосточной республики П.А. Кобозев Он заявлял: «Китай хочет видеть нас великой державой, твердой силой. Настал момент перестать разговаривать рабским языком. Никогда КВЖД нам не нужна и мы ее не возьмем, но мы ее отдадим Китаю за признание нас де факто и де юре» [9, л. 151об]. Лидеры большевиков предлагали временно оккупировать Маньчжурию, но при этом указывали на бессмысленность такого шага [9, л. 151об]. Сложившаяся ситуация указывала на то, что Советская Россия нуждалась в бывшей колонии Российской империи, в основном лишь как необходимом атрибуте нового великого государства.

В протоколе заседания Дальбюро ЦК РКП(б) от 25 октября 1922 г. говорилось: «следует добиваться такой обстановки, которая дала бы нам возможность ближайшее время фактически осуществить наше экономическое и политическое овладение дорогой и Полосой отчуждения» [11, с. 357]. В ноябре 1922 г. в Москве было принято решение о том, что Россия сохраняет за собой собственность на КВЖД. Исследователи пишут, что в 1922 г.: «постановления Политбюро ЦК РКП(б) прозвучали реквием по советской политике в Китае, основанной на принципах революционной дипломатии: первое – от 31 августа 1922 г. об отказе от «Деклараций Карахана»; второе – от 16 ноября 1922 г. о том, что КВЖД остается собственностью России» [24, с. 681].

Действительно, в конце 1922 г. Москва всячески демонстрировала преемственность политики в Маньчжурии. Сначала, в ноябре 1922 г. на Политбюро ЦК РКП(б) утвердили мнение наркома по иностранным делам о сохранении собственности на КВЖД. Советское правительство стало демонстрировать вовлеченность в процесс управления дорогой, например, А.А. Иоффе обвинил управляющего дорогой Б.В. Остроумова в растратах и хищениях, потребовав направления в Харбин следственной комиссии для ареста самого Б.В. Остроумова. В декабре 1922 г. Г.В. Чичерин вступил в переговоры с представителем Русско-Азиатского Банка. Особоуполномоченным РСФСР на КВЖД был назначен «хорошо известный Харбину по своей предшествующей деятельности быв. военный следователь и педагог В.Л. Погодин» [31, л. 62]. Следует отметить, что прибывший в декабре 1922 г. от РСФСР на КВЖД В.Л. Погодин до революции работал военным следователем в Харбине, а в годы гражданской войны был активным деятелем ДВР.

Таким образом, к 1922 г. в отношении проходившей через Северо-Восточный Китай Китайской Восточной железной дороги большевики полностью сформировали и начали проводить в жизнь политику преемственности Российской империи.

Подводя итоги исследования, мы можем констатировать, что с 1920 г., с завершением «декларационного периода» советской внешней политики, Советская Россия начала работу по восстановлению своих позиций на своих восточных окраинах, как наследницы Российской Империи. В 1922 г. заканчивается история Советской России, как нового, проводившего на Дальнем Востоке принципиально отличную от Российской империи политику, государства. Советское правительство в Москве в 1920-1922 гг. смогло объединить под своей властью и в границах своего государства практически все российские и находящиеся в полу-колониальной зависимости территории в Сибирском и Дальневосточном приграничье. Дальневосточные российские земли вошли в состав РСФСР. Начиная с 1922 г.

Советский Союз получил рычаги влияния и признание своих прав на КВЖД. В 1922 г. Россия вернула под свой контроль на прежних основаниях Внешнюю Монголию и Туву. В итоге, Россия, теперь уже под властью большевиков, смогла вернуть полный контроль над окраинами Российской империи. Это подтверждали и сами советские дипломаты, в частности, полпред А.А. Иоффе писал в Москву: «...здесь в Китае мы проводим империалистическую политику в самом ни в чем не прикрытом смысле слова, абсолютно ни в чем не отличаясь от всех других империалистов и, наоборот, во многих отношениях являясь еще большими империалистами, чем сами империалисты» [24, с. 689].

Таким образом, Советская Россия стала правопреемницей Российской империей и заняла, практически, то же положение в регионе, что империя. Продолжение данной политики и утверждение данного положения требовали качественно нового уровня российского государства.

Состоявшееся к концу 1922 г. изменение международно-правовой и политической ситуации на Дальнем Востоке явилось важной предпосылкой провозглашения СССР. Советская Россия стала полноценным преемником бывшей Российской империи не только собственно на российских окраинах, но и ее полуколониальных окраинах, на приграничных территориях бывшей Цинской империи от Алтая до Приморья. Возвращение окраин под контроль нового российского государства стало важнейшим фактором трансформации РСФСР в Союз Советских Социалистических Республик.

Список литературы

1. Hoover Institution Archives (HIA). Accession No XX728-16.11. Box No 1.
2. Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, 1982. 338 с.
3. Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штенберг: Биография. Идеология, Военные походы 1920-1921 гг. М.: АГРАФ: ИВ РАН, 2003. 238 с.
4. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: МОНФ; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 1999. 408 с.
5. ГАЗК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 35.
6. ГАКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110.
7. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 169.
8. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 281.
9. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 281.
10. ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 2. Д. 1.
11. Дальневосточная политика Советской России (1920-1922). Сб. док. Новосибирск, 1996. 370 с.
12. Дацышен В.Г. Очерки истории Монголии в XIX – первой четверти XX вв. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 232 с.
13. Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911-1921 гг. Кызыл, 2003. 284 с.
14. Дело России. №12. 1920. 10 июня.
15. Для пользы и процветания: из истории внешнеэкономических связей Российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 1956-1925 гг.: Документы и материалы. Владивосток: Дальнаука, 2012. 592 с.
16. Жигалов Б.С. О характере и целях дальневосточной политики Советского государства в 1920-1924 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. №4(12). С. 135-148.
17. История Монгольской Народной Республики. Изд. 3-е, переработанное и дополненное. М.: «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1983. 661 с.
18. Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. Ч.1. Дореволюционная Тува. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издание, 1934. 203 с.
19. Калинин А.Д. Национально-революционное движение в Монголии. М.-Л.: Московский Рабочий, 1926. 118 с.
20. Капица М.С. Советско-китайские отношения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. 424 с.
21. Каретина Г.С. Военно-политические группировки Северного Китая: (Эволюция китайского милитаризма в 20-30-е годы XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2001. 168 с.
22. Коростовец И.Я. От Чингис хана до советской республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улан-Батор: Изд-во «Эмгэнт», 2013. 430 с.

23. Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 1.: 1917-1922. М.: Памятники исторической мысли, 2015. 615 с.
24. Крюков В.М., Крюков М.В. Весна и осень революционной дипломатии: Первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 2.: 1922-1926. М.: Памятники исторической мысли, 2015. 608 с.
25. Кузьмин Ю.В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX вв.). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1997. 233 с.
26. Лузянин С.Г. Россия-Монголия-Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911-1946 гг. М.: Издательство «ОГНИ», 2003. 320 с.
27. Моллеров Н.М. История советско-тувинских отношений (1917-1944 гг.). М., 2005. 326 с.
28. Монголия – Россия: век независимости – век сотрудничества. Сост. и отв. ред.: И.В. Кульганек, Т.И. Юсупова. СПб: ООО ИД «Петрополис», 2021. 230 с.
29. Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921-1931. Сб. док. В двух книгах. Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Кн.1. М.: Наука, 2007. 755 с.
30. Никифоров П. Исторические документы о действиях и замыслах международных хищников на Дальнем Востоке. М.: Московский рабочий, 1923. 64 с.
31. Нилус Е.Х. Русские консульства в Маньчжурии. // НИА. НЕ3290. С6N71. V. 2:3.
32. Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919-1927). М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. 456 с.
33. Пушечникова О.Н. Отечественная историография проблемы становления независимости Монголии // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-2 (56). С. 126-133.
34. Российско-монгольское военное сотрудничество 1911-1946. Сборник документов. В 2 частях. Ч.1. М.: Издательский дом «Граница», 2019. 360 с.
35. Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 327 с.
36. Русско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография. Под ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Йокибэ. М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2015. 1000 с.
37. Саркисов К.О. Япония и Советская Россия. Очерки истории (1917-1937). М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.
38. Сафьянов И.Г. Тува в прошлом: в 2-х томах. Т. 2: Повесть о жизни. Гражданская война в Туве. М., 2012. 316 с.
39. Сидоров А.Ю. Внешняя политика Советской России на Дальнем Востоке (1917– 1922 гг.). М.: Изд-во МГИМО, 1998. 173 с.
40. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2000. Отв. ред. А.Д. Богатуров. Том первый. М.: «Московский рабочий», 2000. 516 с.
41. Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события). Кызыл, 2014. 479 с.
42. Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии. Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. 318 с.
43. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 83.
44. Шинкарев Л.И. Цеденбал и его время. Т.2: Документы. Письма. Воспоминания. М.: Типография «Новости», 2006. 423 с.

МАЛЫЕ ГОРОДА В СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ XIII ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ КРЕМОНСКОЙ ОКРУГИ)

Канаев Александр Геннадьевич
канд. ист. наук, доцент
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,
Красноярск, Россия
kanaevs@mail.ru

Автор рассматривает особенности взаимодействия Кремоны как крупного регионального центра Северной Италии XIII века с малыми городами округа. На основе анализа документальных источников автор делает вывод, что Кремона ограничивала возможности ремесленного и торгового потенциала в мелких поселениях округа и тем самым замедляла их развитие как малых городов.

Ключевые слова: Средние века, Северная Италия, Кремона, средневековый город, малый город.

SMALL TOWNS IN NORTHERN ITALY 13TH CENTURY (BASED ON THE CREMONA DISTRICT)

Kanaev Aleksandr Gennagyevich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Pedagogical University n.a. V.P. Astafiev, Krasnoyarsk, Russia
kanaevs@mail.ru

The author researches the features of the interaction between Cremona as a large regional center of Northern Italy and small towns in the Cremona's region in the 13th century. Based on the analysis of documentary sources, the author concludes that Cremona limited the possibilities of craft and trade potential in the small settlements of the region and thereby slowed down their development as small towns.

Keywords: Middle Ages, Northern Italy, Cremona, medieval city, small town.

Особенный исследовательский интерес вызывает у историков такой тип средневековых поселений как малые города. Само понятие «малый город» как специфическая форма средневековой урбанизации сформировалось в исторической науке в конце XX в. [1]

Общие проблемы средневекового малого города поднимаются в работах А. Л. Ястребицкой, которая полагает, что при определении малого города необходимо «учитывать не только совокупность количественных и терминологических показателей, но и иные – качественные характеристики, прежде всего экономические» [2, с. 75]. Признавая наличие существенных региональных особенностей развития малых городов, А. Л. Ястребицкая выдвигает тезис о том, что в наиболее урбанизированных областях, например в Италии, малые города были полнее выражены в экономическом и политическом отношении именно как города.

В данном исследовании мы попытаемся проследить, насколько справедливо данное утверждение по отношению к поселениям Кремонской округе XIII в.

Основой для исследования послужила публикация кремонских актов, подготовленная в конце XIX в. исследователем и издателем Лоренцо Астеджано [3]. В издание вошли кремонские документы VIII-XIV вв. общим количеством 3265 актов, собранные Л. Астеджано в нескольких архивах: коммуны Кремоны, церкви святой Агаты, кремонской епископии, конгрегации Милосердия, маркизов Пеллавичини, а также из архива Гонзага в Мантуе.

Исторически сложилось, что основная масса поселений Кремонской округи находилась на левом берегу реки. Сама же территория округи в X-XIII вв. представляла собой вытянувшуюся с северо-востока на юго-запад полосу земли, расположенную между реками По и Ольо, которые являлись как бы естественными границами Кремонской области. На правом берегу По в состав Кремонской округи входило совсем незначительное количество поселений к юго-востоку от города.

Больше всего мы обращались к материалам по истории четырех поселений – Форново, Караваджо, Сончино и Пескароло. Все они были расположены в пограничных с другими североитальянскими территориями районах, и потому жизнь в них протекала оживленнее и напряженнее, чем в

иных поселениях. Кроме того, именно об этих поселениях мы располагаем наиболее полными сведениями.

Изучение поселений Кремонской округи начнем с вопросов определения – что есть малый город, что есть город-замок, какие признаки позволяют признать за поселением сельскую коммуну, какие – переходные (полуаграрные-полугородские) типы поселений.

Естественно, при определении типа поселений мы должны обратить самое пристальное внимание и на термины, которыми они обозначаются в источниках. Поселения Кремонской округи, в том числе четыре избранных, называются в актах разнообразными терминами: *locus, territorium, plebes, curtes, fundus, castrum, castellum, commune*. Эти термины могли обозначать как исключительно пространственные характеристики поселения (*locus, territorium*), так и некоторые качественные: наличие поместья (*curtes, fundus*), укрепления (*castrum, castellum*), церковного прихода (*plebes*), юридический статус поселения (*commune*). Только на основании использования средневековой терминологии в документах точно определить статус изучаемого поселения не представляется возможным.

Попытаемся по намеченным нами признакам, а именно: наличие укреплений, коммуны и общинных угодий, и главное, преобладание ремесленно-торгового населения, разобраться, к какому типу поселений отнести каждое из избранных для изучения.

По материалам источников можно с уверенностью говорить о том, что к концу XII в. все рассматриваемые поселения были укреплены, как и большинство остальных поселений Кремонской округи [3, № 11, 12, 427].

Теперь обратимся к вопросу: существовали ли в изучаемых поселениях коммуны, были ли там собственные органы управления? Как показывают данные кремонских документов, к середине XIII в. все четыре поселения обладали некоторой самостоятельностью и обладали коммунальным устройством [3, № 571].

В целом именно в этом временном промежутке (вторая половина XII – XIII в.) добиваются прав самоуправления многие другие поселения Кремонской округи. Кремонские акты позволяют с уверенностью говорить о существовании коммун (различной степени свободы) более чем в 20 поселениях, что составляет около 50% поселений. О других населенных пунктах документы, к сожалению, умалчивают. Многие поселения становились коммунами, одновременно обзаводясь, судя по документам, некими укреплениями. Это, например, поселения Тиченго, Казалебутано и другие.

Кремонские акты содержат очень немногочисленные сведения о социально-профессиональном составе населения поселений Кремонской округи. Данные о профессиональной деятельности жителей округи можно в основном почерпнуть либо из списков свидетелей, либо из описания границ земельных участков, но эти сведения очень фрагментарны и отрывочны. В полной мере это касается поселений, выбранных нами для изучения. Хотя тщательное изучение источников позволяет сделать некоторые предположения и выводы.

В актах встречаются упоминания о жителях выбранных поселений как о представителях ремесленного и торгового населения. Наибольшее число упоминаний о ремесленниках мы встретили в отношении поселения Форново, благодаря тому, что среди актового материала сохранился перечень доходов, поступавших кремонскому епископу с его владений в Форново за 1176 г. В целом, к началу XIII в. поселение Форново было достаточно крупным населенным пунктом, в котором жили и работали представители, по крайней мере, нескольких ремесленных специальностей, с постоянно действующим рынком, имевшим укрепления и статус коммуны. Таким образом, по совокупности критериев мы с большой долей уверенности можем считать Форново малым городом. При этом, судя по упоминавшемуся выше перечню доходов, значительная часть населения Форново была по-прежнему занята сельским трудом.

Два других поселения – Сончино и Караваджо – в виду большого сходства в их развитии, мы будем рассматривать вместе. В них, судя по документам конца XII – середины XIII вв., также жили ремесленники. на основании документов можно предположить, что по уровню развития ремесла и торговли Караваджо и Сончино в XIII в. находились примерно на одном уровне, который был ниже, чем в рассматривавшемся выше Форново. Степень развития ремесла (наличие наиболее распространенных обслуживающих специальностей – сапожники, кузнецы) и торговой деятельности позволяют отнести эти поселения к полуаграрным-полуремесленным местечкам, имевшим определенные условия (наличие укреплений, коммунальных свобод) для возможного превращения их в небольшие городки.

Что касается других поселений Кремонской округи, то сведений об их ремесленном и торговом населении в источниках немного и встречается применительно к очень небольшому числу поселений. Круг встречаемых ремесленных специальностей также очень узок: по одному кузнецу в посе-

лениях Кастронуово, Моцаника, Пьядена, Казалебутано, Солароло, Соммо, Сесто [3, №1154]. Кроме кузнецов мы находим также одного пекаря в поселении Иовизальта, возможно, портного в Кастронуово. Этим сведения о ремесленниках, действовавших в поселениях Кремонской округи в рассматриваемое время, ограничиваются

Данных о развитии торговли и наличии профессиональных торговцев в поселениях округи по документам также извлечь можно очень немного: один лавочник был в Моцанике, по одному – в Кастронуово и в Казалемаджоро.

Таким образом, мы можем точно утверждать, что только в этих поселениях в период XI-XIII вв. были развиты элементы ремесла, и с меньшей степенью уверенности – торговли. Возможно, эти поселения по своему типу были схожи с более подробно рассмотренными выше Караваджо и Сончино и представляли собой полуаграрные-полугородские местечки с большей или меньшей возможностью дальнейшего развития в именно городские поселения.

На основании всего вышеизложенного можно выделить следующие типы поселений, получившие отражение в наших источниках. Во-первых – это Кремона, крупный региональный центр, безусловно, господствовавший в округе экономически и политически. Во-вторых, к XIII в. как малый город сложилось поселение Форново. Очень близко по своему характеру к Форново подошли полугородские-полуаграрные местечки (более 10), которые имели потенциальную возможность для развития в поселение городского типа, для превращения в малые города. И наконец, остальные поселения, даже обладая статусом коммуны, видимо, сохраняли в основном аграрный характер, подавляющее большинство их жителей занималось сельскохозяйственным трудом, по крайней мере, в рассматриваемый период.

Возможно, что такая неравномерность в развитии поселений Кремонской округи зависела и от их пространственного положения по отношению к центру – Кремоне. Необходимо отметить, что все поселения, которые мы охарактеризовали как имеющие элементы ремесла и торговли, находились на значительном расстоянии от Кремоны – не менее 30 км, а то и больше. В то же время большая часть поселений Кремонской округи располагалась не далее, чем в 10 км от центра области, оказываясь полностью вовлеченной в орбиту хозяйственной деятельности Кремоны.

Итак, конкретный материал Кремонской округи показывает, что большинство поселений, в которых существовали элементы ремесленного производства и торговли и которые имели потенциал стать городскими поселениями, на период XII-XIII вв. не реализовали такой возможности. Но в целом развитие многих поселений шло именно в направлении городского развития. Как известно, в конце XII – XIII вв. Кремона превратилась в крупный центр сукноделия и льноткачества, который сохранял свое значение не только в XIV, но и в XV в. Тем более удивительно, что ни в одном из рассмотренных поселений мы не встретили ни одного упоминания о жителях, чья деятельность так или иначе была бы связана с сукноделием – ведущей ремесленной специальностью региона.

Нам думается, это можно объяснить тем, что крупный региональный центр – Кремона – объективно препятствовал росту мелких городских центров, как бы «оттягивая» на себя массу ремесленного и торгового населения округи. Таким образом, можно предположить, что Кремона, судя по материалам, «подавляла» своей мощью возможности ремесленного развития в мелких поселениях округи и тем самым замедляла их развитие как небольших городских центров.

Список литературы

1. Ястребицкая А. Л. Международная конференция о роли малых городов Европы в Средние века и начале Нового времени (Бауцен, 1984) // Вопросы истории. 1985. № 9. С.149-151.
2. Ястребицкая А. Л. Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // Средние века. М., 1988. Вып.51. С.68-83.
3. Codex diplomaticus Cremonae. 715-1334 / A cura L. Astegiano. Tomus I. Taurinorum, 1896.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИКИ
ПЕКИНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ

Карпенко Елена Васильевна
канд. ист. наук, старший преподаватель
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
sinaeva@mail.ru

В статье представлены некоторые результаты анализа первых донесений маньчжурских чиновников цинскому правительству о ситуации в северо-восточных территориях в 1653 году. На основе анализа документов определена роль северо-восточной окраины Цинской империи в процессе формирования политики в отношении России. Особое значение в донесениях чиновников Маньчжурии имели вопросы отношения местного населения (данников Цин) к русским.

Ключевые слова: Цинская империя, Шуньчжи, Маньчжурия, дань, «лоча».

THE NORTHEASTERN OUTLINK OF THE QING EMPIRE IN THE FORMATION OF THE POLICY
OF THE BEIJING GOVERNMENT TOWARDS RUSSIA

Karpenko Elena Vasilievna
Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
sinaeva@mail.ru

The article presents some results of an analysis of the first reports of Manchu dignitaries to the Qing government about the situation in the northeastern territories in 1653. Based on the analysis of the documents, the role of the northeastern outskirts of the Qing Empire in the process of forming a policy towards Russia was determined. Of particular importance in the reports of officials of Manchuria were issues of the attitude of the local population (Qing tributaries) towards the Russians.

Keywords: Qing Empire, Shunzhi, Manchuria, tribute, «locha».

Становление двусторонних отношений между Россией и Китаем происходило под значительным влиянием народов, проживающих в трансграничной зоне империй. Само русское название Среднего государства имеет не китайские корни, происходит от названия племени киданей (также известных как «цидань», «khitan», «ката»), создавшем мощное государство в Северном Китае – Ляо. С распадом государства Ляо в XII веке кидане откочевали на запад через монгольские степи. Однако на долгое время в сознании народов Центральной Азии, европейских путешественников именно кидане считались хозяевами Северного Китая, эти территории обозначались как «Хитон», «Катай», «Китай». У народов, узнававших Поднебесную с севера и северо-востока, в языке закрепилось именно это название. Между Россией и Китаем всегда существовала своеобразная «буферная зона» в лице кочевых народов Сибири, Монголии, Маньчжурии.

С освоением Восточной Сибири, Дальнего Востока Российской империей и продвижением Цинской империи на север кочевники вошли в состав двух государств, но длительное время являлись важным фактором в двусторонних отношениях. С одной стороны, отношения между народами в трансграничной зоне определяли политику центральных правительств обоих государств в регионе, с другой – оказывали влияние на формирование образа России и Китая в структурах центрального управления. Данная статья посвящена роли северо-восточных окраин Цинской империи на формирование представлений центрального правительства Цин о политике России, образе России.

Современные исторические исследования в данном направлении представлены весьма слабо. Значительное внимание востоковеды уделяют истории народов в трансграничной зоне, их положению в империях (юридический статус, особенности государственной политики, вопросы развития культуры и сохранения этнической идентичности). Однако работ, посвященных влиянию населения трансграничья на формирование внешнеполитической концепции в отношении соседней империи, практически нет. Немало исследований посвящено особенностям административного управления приграничными территориями Российской и Цинской империй, имеются работы по проблемам взаимодействия сибирской периферии и центра в отношении пограничных вопросов. Отечественных ра-

бот, посвященных влиянию чиновничества Монголии и Маньчжурии на формирование образа России и политику в отношении приграничных районов, практически нет. Основная причина – недостаток исторических источников: отечественным историкам малодоступны источники и литература на китайском языке. В данной статье представлены некоторые результаты анализа исторических источников на китайском языке – опубликованных донесений чиновников Маньчжурии цинскому правительству за 1653 год.

В сборнике документов «Архивные материалы по истории российско-китайских отношений в Цинский период» («Циндай Чжун Э гуаньси данань шиляо суаньбянь») опубликован ряд донесений сановников Маньчжурии и Монголии, которые отражают не только проблемы русско-китайских отношений на разных этапах, но и позволяют определить отношение местного чиновничества к России, русскому движению на Восток. Уже в десятый год правления императора Шуньчжи (1653 год) из Хэйлуңцзяна поступают донесения о проблемах, связанных с провозом «даров» соболиными шкурками разными семействами. Донесения из местечка Шигоу (другое название – Шицюань), населенного народами хэчжэ 赫哲 (нанайцы), «фэйяжкэ» 费雅喀 (нивхи / гиляки), указывают как основную причину недобора «дани» нападения со стороны «лоча» 罗察 (одно из ранних китайских названий русских) [1, с. 2]. Согласно докладу из Чжэньминшэнцзин ряд 76 семейств местного населения пострадали после нападения «лоча»: часть погибли от болезней, голода, их «дары» цинскому императору были вывезены [1, с. 3]. Этим же 1653 годом датировано донесение о сожжении «лоча» поселения Найцзятунь: население разбежалось. В связи с возникшими трудностями (строительство, обустройство) возможности у местного населения ловить соболей для привоза «даров» нет [1, с. 10]. Таким образом, первые донесения маньчжурских чиновников с приграничных районов описывают русских как серьезную угрозу местному населению, которое находится под «покровительством» цинского императора. Известны донесения, свидетельствующие об отправке военных к лагерю «лоча»: местные чиновники просят разрешение о выдаче солдатам одежды по сезону (овчинный тулуп, лисья шапка, пара сапог и носков) [1, с. 10-11]. Согласно документу, солдаты были отправлены после известий о проблемах со сбором «даров» весной, к холодам новоприбывшие нуждались в теплой одежде.

Важно отметить, что донесения маньчжурских чиновников представляют приграничное население как народы, принявшие покровительство Цин и не желающие иметь какие-либо связи с «лоча». Доклад от 2 декабря 10 года правления Шуньчжи чиновника Ху Шианя содержит весьма подробный рассказ об убийстве местными отряда русских, направлявшихся в Пекин. Согласно докладу, во время досмотра в маньчжурском поселении Тулатунь у представителей семейства Уцзяла обнаружили значительное количество «даров». Помимо положенной дани соболиными шкурками, они везли 40 соболиных мехов, 7 чернобурок, 1 соболиную шубу [1, с. 11]. На вопрос об источниках таких богатств представители семейства ответили, что эти вещи были получены после убийства группы русских проходивших мимо их территорий в Пекин: «Осенью солдаты «лоча» ... проезжали через наши места, 5 человек, достигнув нашего поселения, попросили лошадей и указать им дорогу в сторону Его Величества». На вопрос местных о том, какие у них дела к императору, «лоча» пояснили, что народ солонов 索伦 (подгруппа эвенков) является к ним с данью, поэтому они направляются к Его Величеству обсудить вопрос о необходимости разделения территории [1, с. 11]. Главы четырех окрестных поселений собрались на совет и решили, что цинский император жалуется им одежду, дарит лошадей, а перспективы платить дань «лоча» весьма туманны («если платить дань лоча, то как жить?») [1, с. 11]. После совета русский отряд догнали и уничтожили, вещи их разобрали. После доклада о вышеперечисленных событиях Ху Шиань делает вывод о том, что данный частный случай является показателем отношения местного населения к русским. По мнению чиновника, ранее начатый совет вассальных семей по поводу дел на этих территориях можно закрыть [1, с. 12].

Таким образом, первые результаты анализа донесений маньчжурских чиновников позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, чиновники северо-восточных территорий оценивали продвижение русских на Восток как серьезную угрозу. Во-вторых, маньчжурские чиновники, как и центральное правительство, считало население трансграничной зоны своими вассалами, данниками. Любые взаимодействия местного населения с русскими оценивались негативно. В-третьих, маньчжурские чиновники составляли доклады, которые формировали образ народов трансграничья как население, бесповоротно принявшее покровительство цинского императора. Образ русских во всех донесениях представлен крайне негативно: грабители, убийцы, угнетатели. Донесения маньчжурских чиновников требуют гораздо более глубокого изучения: необходима унификация понятий и географических названий, упоминаемых в документах. Кроме того, важной составляющей дальнейшей работы над данными документами является сопоставительный анализ описываемых событий в русских и ки-

тайских источниках. Дальнейший анализ донесений из северо-восточной окраины Цинской империи позволит углубить изучение различных аспектов российско-китайских отношений в период их становления.

Список литературы

1. Избранные архивные материалы по истории русско-китайских отношений в период Цинской династии / Циндай Чжун Э гуанси данань шилияо суаньбянь [清代中俄关系档案史料选编]. Т.1. Часть 1. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 1981.
2. Русско-китайские договорно-правовые акты 1689-1916 / под ред. В. С. Мясникова. М., 2004. 696с.

УДК 177:17.03

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРА И БЕЛОРУССКИХ ОКРАИН В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Мушинский Николай Иосифович
канд. филос. наук, доцент

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь
mushinski@bntu.by

Проблема взаимодействия центра и социокультурных «окраин» приобретает важное значение в социальной философии, требует нового осмысления согласно принципам исторической справедливости. Беларусь длительное время являлась окраиной Российской империи, развивала национальную культуру, впоследствии послужившую основой независимой государственности и современных союзнических отношений.

Ключевые слова: Российская империя, белорусские окраины, национальная культура, независимая государственность, историческая справедливость.

INTERACTION BETWEEN THE CENTER AND THE BELARUSIAN OUTSKIRTS IN THE RUSSIAN EMPIRE: THE PROBLEM OF HISTORICAL JUSTICE

Mushinsky Nikolai Iosifovich

Candidate of Philosophy, Associate Professor
Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
mushinski@bntu.by

The problem of interaction between the center and the sociocultural “outskirts” is becoming important in social philosophy, and requires a new understanding in accordance with the principles of historical justice. For a long time, Belarus was the outskirts of the Russian Empire, developing a national culture, which later served as the basis for independent statehood and modern allied relations.

Keywords: Russian Empire, Belarusian outskirts, national culture, independent statehood, historical justice.

В современной социальной философии особое значение приобретает проблема взаимодействия центра и социокультурных «окраин», отражающая процессы качественных геополитических изменений, когда в условиях глобального техногенного кризиса в очередной раз рушатся государственные границы, меняются «векторы силы», обостряются противоречия между странами и народами, вплоть до вооружённых конфликтов. Философское осмысление указанных процессов становится насущной потребностью, итогом должно стать вынесение адекватных оценок соответственно универсальным критериям исторической справедливости.

Следует отметить, что технократическая цивилизация с глубокой древности периодически переживает «коммуникационные скачки», резко расширяющие её социокультурный «ареал», делающие актуальной проблему взаимоотношений устойчивого «центра» и вновь присоединённых «окраин». Причём последние далеко не всегда играют подчинённую роль, часто выступают носителями

чего-то нового и прогрессивного, поскольку меньше подвержены косности устоявшихся традиций, испытывают внешнее культурное влияние. Так ещё в эпоху античности, древнегреческая философия, как известно, впервые возникла не в самой континентальной «метрополии», а в греческих колониях ионийского малоазиатского побережья (Милет, Эфес и др.), поближе к древнейшим очагам культуры Египта и Месопотамии, и только через несколько веков начала развиваться в Афинах. Аналогичные примеры можно обнаружить и в дальнейшем; например, известный исследователь профессор В. В. Гришаев подробно проанализировал роль коммунаров сибирских «окраин» в установлении советской власти по всей стране, сделал вывод о том, что их пример во многом послужил стимулом для аналогичных процессов в «центральной» России [1, с. 157]. Аналогично, и для Беларуси несколько веков нахождения в качестве «северо-западного края» в составе Российской империи послужили на пользу обоим народам, дали толчок к плодотворному культурному обмену, заложили предпосылки последующего обретения белорусами собственной государственности соответственно принципам социальной справедливости.

Следует отметить, что, до вхождения в состав общероссийского государства, Беларусь в структуре «Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского» (ВКЛ) тоже являлась «окраиной», на этот раз – Речи Посполитой («на кшесах восточных»), однако положение её населения было далеко не столь благополучно, как впоследствии. Как известно, разрозненные феодальные княжества «Киевской Руси» не смогли эффективно противостоять татаро-монгольскому нашествию, поэтому началось «собираение славянских земель» в границах более крупных «великокняжеских» образований, способных кроме княжеских дружин содержать многочисленную постоянную армию и давать отпор кочевникам. Однако если на востоке объединение восточнославянских народов происходило вокруг православной и русскоязычной Москвы, то на западе, на белорусских территориях лидерами выступили «пассионарные» литовские князья, чуждые славянам по языку и культуре, сначала бывшие язычниками, а потом принявшие католицизм польского образца. С православным населением у них сразу начались трения, иногда доходившие до вооруженного противостояния (например, в период борьбы Свидригайло Ольгердовича и пропольски ориентированного Сигизмунда Кейстутовича). Тем не менее, наличие внешней опасности способствовало укрупнению государственной структуры, через короткое время в Полоцке правили уже не славянские князья, а литовские наместники. Как бы то ни было, поскольку подавляющее количество населения ВКЛ было восточнославянским, до какого-то времени сохранялось относительное равновесие: государственным языком оставался старобелорусский («русский» по названию, поскольку в то время не делалось современных различий); местные «окраинные» органы власти, после того, как литовские Ягеллоны сделали одновременно польскими королями, обладали значительной автономией был разработан «Статут ВКЛ» – универсальный сборник законов...

Однако после того как в XVI в. княжество объединилось с Польским королевством в общую «республику» (польск. – «Речь Посполитую»), началась активная языковая, религиозная и этнокультурная экспансия. Через короткое время занимать в ВКЛ какую-либо государственную должность мог только «поляк-католик», поэтому элита общества быстро «полонизировалась» (воинское сословие приписалось к гербам «Короны» и пополнило ряды польской шляхты), сменило конфессию (через промежуточную ступень «униатства»). Православное белорусско-язычное население осталось главным образом в сельской местности, где подвергалось во всём разнообразии эксцессам крепостной зависимости (города стали местом тяготения торгового сословия иудейского вероисповедания, что продолжалось и в период Российской империи, поскольку здесь проходила «черта оседлости»). При этом попытки всеобщей полонизации осуществлялись и в дальнейшем, даже в XX в. на территории Западной Беларуси, которая по итогам советско-польской войны и Рижского договора до 1939 г. входила в состав «Второй Речи Посполитой». Даже в послевоенный период, когда «народно-демократическая Польша» (ПНР) включилась в состав Варшавского блока, на переданных ей в качестве жеста доброй воли территориях Белостокского воеводства, населённых этническими белорусами, незаметно для окружающих была проведена полная полонизация, белорусско-говорящего элемента в наши дни там уже фактически не осталось. Не вызывает сомнения, что подобная участь ожидала и остальных белорусов, если бы они не получили передышку в конце XVIII в., войдя в качестве западной «окраины» в состав Российской империи, после распада «Первой речи Посполитой».

Разумеется, не всё было столь безоблачно, царская Россия переживала свои собственные проблемы, связанные с крепостничеством и т.п., недаром её часто называли «тюрьмой народов» и многие участники революционно-демократического движения вышли с белорусских территорий (впрочем, нельзя отрицать, что часто это были «поляки», боровшиеся за восстановление утраченной самостоятельной государственности). Однако, в целом, белорусские «окраины» вдохнули новую жизнь

после воссоединения с братским русским народом, родственным по языку, культуре и Православной вере. Именно поэтому среди простых белорусов не нашли поддержки польские восстания 1830-х и 1860-х гг., не смотря не все призывы их предводителя К.Калиновского, высказанные им в «Мужицкой правде», где он утверждал, что белорусскому крестьянину лучше жилось при польских королях, чем при русских царях, потому что не было рекрутских наборов и т.п.

Показательно, что если до выступлений вооружённых инсургентов царское правительство «либеральничало» с поляками, допускало для них значительную автономию, существование в Виленском университете националистических обществ «филоматов» и «филаретов», не вмешивалось в отношения с местной спецификой между польскими помещиками и белорусскими крестьянами, то впоследствии курс резко изменился. В качестве цели было выбрано развитие Православия и восточнославянской этнокультурной общности в контексте общегосударственных преобразований. Белорусский язык и культура начали поощряться, отмена крепостного права привела к оживлению экономических отношений. В конце XIX в. на белорусских «окраинах» возникало всё больше промышленных предприятий, переводился на научную основу аграрный сектор. В 1836 г. царским указом была основана нынешняя Горецкая сельхозакадемия (одно из первых такого рода заведений как на российской, так и европейской территории); известные учёные Рытов, Стебут, Людоговский развивали и популяризировали передовые научные знания. Не вызывает сомнения, что в этот период белорусы на «окраинах» вовсе не чувствовали себя угнетённой народностью, в чём-либо ущербной по сравнению с населением «центральных» великорусских губерний, отношения между ними строились на основе универсальных принципов справедливости.

Показательно, что именно в это время развитие национального начала привело к становлению самонаименования «белорусов». Собственно, ещё в титуловании русских царей Алексея Михайловича и Петра Алексеевича (Петра Первого) использовалась формулировка «всёя Великия, и Малыя, и Белья России самодержец», однако реальные белорусы до конца XIX в. по традиции называли себя «литвинами». Подразумевались, разумеется, не литовский язык и национальность, как иногда некритически утверждают прозападные авторы, а гражданство ВКЛ (аналогично, средневековые византийцы, греки по языку и культуре, называли себя «ромеями», т.е. гражданами Восточной Римской империи). Яркими примерами такого рода «литвинов» являются родившийся под Новогрудком и писавший свои стихи по-польски выдающийся поэт Адам Мицкевич; уже упоминавшийся, родившийся под Гродно руководитель восстания 1863 г. Кастусь Калиновский; покушавшийся на российского «царя-освободителя» террорист-народоволец Игнатий Гриневицкий (родившийся под Бобруйском, публиковавший программные «революционные» призывы в альманахе «Гомон») и др.

Однако на рубеже веков всё чаще начинает звучать самоназвание «белорусы». Так в 1891 г. известный поэт Франтишек Богушевич издал в Кракове под псевдонимом «Матей Бурачок» сборник стихов «Дудка белорусская»; в 1894 г. – он же в Познани под псевдонимом «Сымон Ревка из-под Борисова» - сборник стихов «Смык белорусский». Белорусами называли себя начинавшие в это же время свою литературную деятельность Янка Лучина (Неслуховский), Адам Гуринович, Казимир Костровицкий (Карусь Каганец), Ольгерд Обухович, Якуб Колос, Янка Купала и многие другие. Все они жили на белорусских «окраинах», входивших в этот период в состав Российской империи, допускавшей и стимулировавшей развитие народного начала, стремившийся организовать отношения «центра» и национальных «окраин» на основе принципов и критериев справедливости.

Анализируя в исторической перспективе процессы взаимодействия центра и белорусских «окраин» Российской империи, можно сделать вывод, что для белорусов оно имело в целом положительные последствия. На довольно длительное время белорусский народ избавился от национального и религиозного гнёта со стороны «польских панов» и католического духовенства, получил опыт близкого общения с родственным по языку и Православной вере братским русским народом, сохранил возможности для развития собственного национального языка и культуры. После распада Российской империи в результате революции 1917 года, порождённой экономическим кризисом в ходе мировой войны и безвольным управлением последнего представителя царского дома Романовых, это дало возможность белорусам претендовать на собственную государственность. При этом дружеские отношения между двумя народами полностью сохранились, не смотря на все потрясения советского периода (коллективизация, индустриализация, сталинские репрессии, новая мировая война, экономический кризис эпохи «застоя» и т.п.), а также – на распад экономических связей на постсоветском пространстве. В современных условиях глобального техногенного кризиса, когда «мировой гегемон» раздувает в разных регионах всё новые очаги вражды и конфронтации, пытаясь искусственно затормозить развитие геополитических конкурентов и тем самым сохранить собственное эфемерное «лидерство», а Россия вынуждена защищать свои жизненные интересы от всё новых нападков продажного

прозападного окружения, Беларусь остаётся её верным союзником, с позиций «многовекторной модели» и «множественных центров силы» последовательно выступая за мир и разрядку международной напряженности. В этом со всей определённостью можно проследить социокультурную преемственность положительного взаимодействия «центра» и национальных «окраин», как этого требует историческая справедливость.

Список литературы

1. Гришаев В.В. Коммунары Сибири. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1987. 166 с.

УДК 93/94

СИБИРЬ КАК ПЕРИФЕРИЯ СТЕПНЫХ ИМПЕРИЙ ЧИНГИЗИДОВ И ИХ ПРЕЕМНИКОВ

Ситнянский Георгий Юрьевич
канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия
sitnyan@mail.ru

На западноевропейских картах вплоть до XVIII в. обозначалась так называемая «Великая Тартария», включавшая в себя в том числе всю Сибирь. В реальности государства Чингизидов, а затем их преемник – Джунгарское ханство, послужившие прототипом «Великой Тартарии», контролировали только степной юг Сибири, что, однако, со времён Марко Поло воспринималось европейцами как владение всей Сибирию.

Ключевые слова: Великая Тартария, держава Чингизидов, Джунгарское ханство, Сибирь.

SIBERIA AS THE PERIPHERY OF STEPPE EMPIRES GENGHISIDS AND THEIR SUCCESSORS

Sitnyansky Georgy Yurievich
Candidate of Historical Sciences, Senior researcher
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
sitnyan@mail.ru

On Western European maps up to the XVIII century, the so-called «Great Tartary» was designated, including the whole of Siberia. In reality, the Genghisid states, and then their successor, the Dzhungarian Khanate, which served as the prototype of the «Great Tartary», controlled only the steppe south of Siberia, which, however, since the time of Marco Polo was perceived by Europeans as the possession of the whole of Siberia.

Keywords: Great Tartary, Genghisid empire, Dzhungarian Khanate, Siberia.

На западноевропейских картах XVI-XVIII вв. обозначена так называемая «Великая Тартария». Упоминается она и в трудах ряда авторов (Дабвиль, Ж. -Б. Дюальд, Л. Петавиус). Её граница проходит по Уральским горам, южнее – по Нижней Волге, на некоторых картах доходит до Крыма. С востока от Тартарии – Китай и Тихий океан, к югу – Гималаи и южные границы Средней Азии, а на севере она доходит до Северного Ледовитого океана, включая всю Сибирь [18].

Что же это за государство и кто его создал? Западные европейцы, как и русские, называли «тартарами» (на Западе – также «тартарами») народ, создавший империю Чингизидов. А вот что они пишут о государствообразующем народе «Тартарии»: «Тартары – отличные кавалеристы и лучшие лучники в мире, однако они варварски жестоки. Они часто воюют и почти всегда побеждают... Во все времена их страна была источником множества завоевателей... Ими управляют князья, которых они называют ханами... [8]. Очевидно, что речь идёт о державе Чингизидов. Но возникает два вопроса:

1. Почему эта держава, прекратившая своё существование в XIV-XV вв., обозначена как продолжающая существовать и в XVI-XVIII веках?

2. Почему вся Сибирь обозначена как часть её? Напомню, что общепринятой считается принадлежность Чингизидам Сибири до линии: немного севернее Ханты-Мансийска – устье Ангары – Усть-Кут – слияние Шилки и Аргуни – Амур.

Но вот Марко Поло писал: «На север от Каракорона (Каракорум) и от Алтая... есть равнина Баргу (сходство с рекой и местностью Баргузин около Байкала – Г.С.), тянется она на сорок дней. Народ тамошний дикий и зовется Мекри (сходство с меркитами – Г.С.), занимаются скотоводством, много у них оленей; на оленях... они ездят. Нравы их и обычаи те же, что и у татар... равнина эта на север граничит с морем Океаном... Через сорок дней – море Океан» [23, с. 78]. Таким образом, вся Сибирь до Северного Ледовитого океана представляется европейцам населённой «татарами», т.е. тюрками или монголами, и принадлежащей Чингизидам.

И действительно, кипчаки в XIII в. продвинулись в бассейн р. Лены. Тема кипчакского происхождения якутов стала в последние годы основной у якутских этнографов, поэтому подробно я на ней останавливаться не буду. Якуты также рассказывали, что до них на Лене жил кочевой народ «кыргыс», а также и о том, что их предок – киргиз Сарыбай – пришёл в Якутию из местности 3000 км южнее Иркутска [12, с. 340-341]. Вероятно, здесь речь идёт о кипчаках – ближайших родственниках предков киргизов. Может быть, учитывая активное участие кипчаков во всех походах Чингизидов, сообщения Марко Поло о том, что владения «монголов» доходят до Ледовитого океана, основаны как раз на переселении кипчако-якутов на Лену?

Что касается упоминания «Великой Тартарии» после XIV-XV вв., то надо помнить, что сверхдержава Чингизидов, потеряв Иран, Китай и контроль над Русью, тем не менее продолжала оставаться громадным конгломератом управляемых Чингизидами государств, простиравшимся совокупно примерно в тех границах, которые и указаны на европейских картах. При этом после потери в 1368 г. Ханбалыка (Пекина) представители Юаньской династии бежали в Монголию. Титул юаньских императоров был формально сохранён, и династия стала известна как Северная Юань, которая не только сохраняла притязания на власть в Китае, но и числилась номинальным сувереном прочих чингизидских государств.

В 1388-1424 г. после ряда успешных кампаний китайской армии империи Мин удалось поставить Северную Юань на грань гибели [28, р. 97, 193], однако в это время в Великой Степи появилась новая грозная сила – монголоязычные кочевники, калмыки, или ойраты. В конце XIV в., по мнению некоторых китайских авторов, ойраты частично переселились в прикитайские районы севернее Великой Стены, недалеко от Ордоса [цит. по: 11, с. 33]. Около 1400 г. Чингизиды теряют власть над Западной Монголией [11, с. 46].

Именно джунгаро-ойратам суждено было продлить существование великой степной империи ещё на три века. Так, Н.Я. Бичурин прямо пишет, что ойратский племенной союз создан был не только для покорения восточных областей Монголии, но и для восстановления империи Чингизидов [7, с. 16-21]. Так, уже в первой половине XV в. ойраты ведут завоевательные войны в Синьцзяне и Семиречье.

Переход верховной власти к ойратам произошёл при Эсен-хане (1439-1455) [6, с. 72-73; 15, с. 76; 27, с. 62]. Тем не менее, формально «Северная Юань» сохранялась до 1634 г. Возможно, ойратские ханы не решились открыто свергнуть Чингизидов и, подобно Мамаю в Золотой Орде и Тимуру в Средней Азии, правили от имени подставных ханов.

Начиная с середины XV в. усиливается монголоидизация тюркского населения Великой Степи за счёт инкорпорации в его состав монголов. Так, с середины XV по середину XVI вв. в состав киргизов вошли примерно 300 тыс. монгольских кочевников [21, с. 125-126].

Тогда же началась и экспансия в Сибирь. Во второй половине XV в. калмыки навязали свой суверенитет тюркским племенам современной Кемеровской области [14, с.15], Верхнего Иртыша [20, с. 15] и Среднего Приобья [25, с. 50-51].

Происходила в это время джунгарская экспансия и в северо-восточном направлении. Бурятские легенды рассказывают о набегах ойратских князей где-то в начале XVI в. Джунгаро-ойраты также могли вытеснить оставшихся ещё в Южной Сибири якутов на Лену. Характерно, что распространённое у некоторых народов название ойратов «олёт» у якутов превратилось (в форме «илээт») в одно из самых страшных ругательств, как и слово «торһон», обозначающее матёрого волка, вполне может происходить от названия самого сильного ойратского племени – торгоутов, предков современных калмыков. Впрочем, некоторые ойраты вошли в состав якутов, например, у оймяконских якутов был род Елетюю, а в состав калмыков входил род соха (сохад), связанный с якутами – саха [9, с. 119]. Имеются и краниологические, и фольклорные (параллели в эпосах), и лексические и т.д. якутско-калмыцкие параллели [19, с. 339].

В 1590-х гг. отряды калмыков появляются близ только что основанной русскими Тары [17, с. 16], в начале XVII в., не позднее 1614 г. – и в Притомье, хотя здесь они действуют руками своих вассалов – енисейских кыргызов [24, с. 192].

Примерно с 1610 г. сибирские калмыки на требование не трогать русских подданных – жителей Барабинской степи, а передавать жалобы на них, если таковые будут, русским властям в Тару, заявляют: «Посылать де о управе на тех татар к воеводам на Тару не хотят, управятца и сами» (орфография оригинала – Г.С.) [16, с. 38-39]. Короче говоря, держатся джунгаро-ойраты заносчиво и вызывающе, хотя дело тут, скорее всего, не только и даже не столько в усилении Джунгарии, сколько в слабости России: напомним, это 1609 год, Смутное время.

Не совсем понятно, сумели ли джунгаро-ойраты, помимо набегов, утвердить сколько-нибудь прочно свою власть в каких-то лесостепных и лесных районах Западной Сибири в тот период, когда могущество Кучума уже было ослаблено, а Россия в Сибири прочно ещё не утвердилась.

Оправившись от потрясений Смутного времени, Россия в течение первой половины XVII в. утвердилась и в Восточной Сибири, но пока – в таёжной части; закрепление России в степях шло гораздо медленнее. Так, в 1634 г. джунгары совершили набег даже на Тюмень [13, с. 18]. А.М. Позднеев пишет, что в 1630-х гг. «ойраты господствовали... над всем пространством от берегов Каспия на западе до Алашани на востоке и от Урала на севере до пределов Индии к югу...» [22, с. 144], что было сопоставимо с владениями Чингизидов после потери Китая, Ирана и контроля над Русью. Для темы настоящей статьи важнее всего то, что степные районы Сибири оставались под джунгарским контролем. Неудивительно, что европейцы, со времён Марко Поло привыкшие принимать контроль над южносибирскими степями за контроль над всей Сибирью, продолжали считать последнюю частью «Тартарии».

К тому же в 1634 г. прекратила своё существование Северная Юань в Восточной Монголии. Последний североюаньский правитель Лигдэн-хан, как принято считать, отдал великую печать императора Юань маньчжурскому правителю Абахая [11, с. 168]. Но есть основания думать, что на самом деле он отдал её джунгарскому хану. Случайно ли как раз 1634-1635 гг. считаются годами основания Джунгарского ханства? Сибирский летописец Черепанов прямо пишет: «В сих летах начало своё возымело в калмыцких тайшах Зенгорское владение» [26, д. 1542, л. 184]. Напомним, что уже четыре века действовала традиция: ханом мог быть только Чингизид. Теперь джунгарские правители, став законными наследниками Северной Юань, могли легитимно носить ханский титул.

В течение практически всей второй половины XVII в. джунгары требовали алман (дань) со всех народов Сибири южнее Тары, Томска и Красноярска, подкрепляя свои требования военными акциями (например, последний город они осаждали в мае 1667 г.). Не всегда набеги были удачны – например, в 1661 г. тарские татары нанесли поражение вторгшимся в их земли джунгарам князя Ишкепа, но претензии сохранялись [см.: 11, с. 210-230].

В конце XVII в. из-за войны с цинским Китаем (1688-1696 гг.) Джунгария вынуждена была приостановить экспансию в Сибири (и Казахстане) [10, с. 68], но ненадолго.

Так, в 1713 г. в ставку хана прибыл посланник сибирского губернатора, потребовавший от джунгар прекратить сбор дани с барабинских татар, а также наказать своих подданных, в 1710 г. разоривших русский город, построенный между Бией и Катунью [2, д. 2, л. 44]. На это хан Цеван Рабдан заявил, что «на Бии и Катунь реках..., где построен был острожек, земля их, и тот острожек они разорили и вновь ставить не дадут». Мало того, с ответным посольством хан предъявил новые требования: «Города Томск, Красноярск, Кузнецкой на их (джунгарских – Г.С.) землях построены; долой буде снесены не будут, то их, яко на своей земле, пошлёт взять» [1, д. 8, л. 1-2; 3, д. 1, л. 14-15]. В 1717-1718 гг. Цеван-Рабдан требовал «снести» города, построенные русскими на его земле, к которым джунгары, надо думать, кроме перечисленных городов, относили и только что (в 1716 г.) основанный Омск [11, с. 346].

Не стану перечислять все перипетии борьбы за Южную Сибирь, отмечу, что и на карте «Великой Тартарии» 1717 г. можно увидеть, что восточная граница России проходит по Уралу, а далее начинается «Великая Тартария». Таким образом, и век с третью спустя после Ермака западноевропейцы считали Сибирь не русской, а «великотартарской», то есть теперь джунгаро-ойратской. И похоже на то, что некоторые основания для этого они имели...

В первой трети XVIII в., по мере ослабления Джунгарского ханства, оно уже не требует от России власти над своими бывшими данниками, а только земель в верховьях Иртыша (1732) [4, д. 3, л. 108]. Хотя ещё в 1742 г. джунгары (возможно, прослышав о смуте в России, когда в течение больше чем года после смерти Анны Ивановны шла борьба за власть между различными придворными группировками) последний раз предъявляют претензии на спорные территории в окрестностях Кузнецка, Томска и Красноярска [5, д. 2, л. 275-277]. В 1755-1759 г., с разгромом Джунгарского ханства Цинской Империей (вероятно, тогда и появилась легенда о передаче императорской печати Северной

Юань Абахаяо как одному из родоначальников Цинской династии – историю, как известно, пишет победитель), южносибирские земли наконец полностью вошли в состав России.

Список литературы

- 1.АВПР. Ф. «Азиатские дела».
- 2.АВПР. Ф. «Зюнгарские дела». 1731.
- 3.АВПР. Ф. «Зюнгарские дела». 1595-1736.
- 4.АВПР. Ф. «Зюнгарские дела». 1731-1733.
- 5.АВПР. Ф. «Зюнгарские дела». 1742.
- 6.Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе: Киргосиздат, 1943. 304 с.
- 7.Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. Мед. Департ. М-ва внутренних дел, 1834. 255 с.
- 8.Великая Тартария. URL: <https://tartaria.name/velikaya-tartariya/>.
- 9.Гоголев А. И. Якуты. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
- 10.Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX вв. М.: Наука, 1979. 311 с.
- 11.Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1964. 482 с.
- 12.История Якутской АССР. Т.1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 430 с.
- 13.Копылов Д. И. и др. Тюмень. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1986. 318 с.
- 14.Кузбасс: прошлое, настоящее, будущее. Кемерово: Кн. изд-во, 1978. 365 с.
- 15.Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. М.: Наука, 1973. 440 с.
- 16.Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 352 с.
- 17.Миненко Н. А. По старому Московскому тракту. Новосибирск: Наука, 1986. 181 с.
- 18.Мороз И. Великая Тартария: только факты. URL: https://www.syl.ru/article/175904/new_velikaya-tartariya-tolko-faktyi.
- 19.Окладников А. П. История Якутии. Т.1. Якутск: Якутгосиздат, 1949. 440 с.
- 20.Очерки истории Рудного Алтая. Усть-Каменогорск: б.и., 1970. 200 с.
- 21.Петров К. И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их отношений с ойратами. Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1961. 211 с.
- 22.Позднеев А. М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия// Журнал Министерства народного просвещения. Ч.244. 1866. С.144-199.
- 23.Поло М. Книга Марко Поло. М.: Книжный клуб Книгоvek, 2012. 400 с.
- 24.Томилов Н. А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 275 с.
- 25.Филимонов Е. С. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы или Спасского уезда Каинского округа Томской губернии. СПб.: Типография "Счетовод" Гр. Букешина, 1892. 212 с.
- 26.ЦГАДА. Ф.196. «Летопись Черепанова».
- 27.Шара Туджи. Пер. Н.П. Шастиной. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 199 с.
- 28.Peterson W. J., Fairbank J. K., Twitchett D. The Cambridge History of China. Vol.7. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 1004 p.

НАПАДЕНИЕ «ТАШКЕНТЦЕВ» НА АКМОЛИНСКИЙ ОКРУГ В 1834 г.

Уметбаев Тимур Шамилевич
канд. ист. наук, доцент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
kolbakty@mail.ru

Статья посвящена локальному военному конфликту на территории Казахстана в 1834 году, связанному с нападением воинства ташкентского кушбеги Лашкара на Акмолинский внешний округ, где проживали казахи, присягнувшие на подданство Российской империи.

Ключевые слова: кушбеги, Ташкент, внешний округ, казахи, Кокандское ханство.

THE ATTACK OF THE «TASHKENT PEOPLE» ON THE AKMOLA DISTRICT IN 1834

Umetbaev Timur Shamilevich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
kolbakty@mail.ru

The article is devoted to the local military conflict on the territory of Kazakhstan in 1834, connected with the attack of the Tashkent kushbegi Lashkar army on the Akmola outer district, where Kazakhs who swore allegiance to the Russian Empire lived.

Keywords: kushbeg, Tashkent, outer district, Kazakhs, Kokand Khanate.

Вхождение Казахстана в состав Российской империи растянулась на длительный период времени. Казахстан был разделён на три большие орды (жуза) – Старший, Средний и Младший. Первым принял российское подданство в 1731 г. Младший жуз во главе с ханом Абулхаиром.

Следующим принял российское подданство Средний жуз, но его присоединение затянулось. Это было связано с непростой международной обстановкой в Центральной Азии. С одной стороны, Джунгарское ханство, которое со смертью Галдан-Церена вступило в смутный период своего существования ввиду неопределённости джунгарского «наследства». С востока на ойратов уже напирала маньчжурия Цинской империи. С другой стороны, Российская империя и её растущие военные возможности в волжско-уральском регионе и в Сибири. На юге находились Кокандское и Хивинское ханства и Бухарское ханство (с 1785 г. – Бухарский эмират).

Наиболее отдалённым от внешних пределов России оставался Старший жуз. Его присоединение началось в 1818 г. с момента присяги одного из султанов этого степного государства С. Аблайхана. За ним последовали остальные султаны. В 1822 г. в Омск прибыло посольство Старшего жуза, которое представляли султаны и видные степные сановники. Здесь они присягнули на верность империи. Процесс присоединения Старшей орды близился к завершению. Уставом о киргизах (казахах) ханская власть в Казахстане ликвидировалась.

Охрана рубежей империи и защита новых подданных создавала настоятельную необходимость в военных укреплениях, которые могли бы контролировать значительную территорию подвластного населения, а в случае вторжения – служить им опорой и защитой. Одним из таких укреплений стал Акмолинский внешний округ, который открыли 9 января 1832 г. по инициативе султана Губайдуллы Валиева [1, с. 22]. Окружной приказ был главным административно-распорядительным органом, его возглавлял старший султан. Приказ подчинялся областному правлению и имел в своей структуре двух русских заседателей от губернатора и двух избранных биями почтенных людей [2, с. 119].

Одним из наиболее важных вопросов стало обеспечение стабильных торговых связей с южными среднеазиатскими народами («ташкинцами, бухарцами и киргизами» [3, л. 83], как говорит источник). Так, в 1833 г. было вывезено за границу товаров на общую сумму 3 674 996 рублей 87/4 копейки, в 1834 г. – 4 317 761 рубль 85 копеек. Ввезено товаров в 1833 г. на сумму 2 709 548 рублей 87 копеек, в 1834 г. – 3 251 215 рублей 59 копеек [3, л. 83]. При этом окончательное присоединение самого Ташкента к Кокандскому ханству состоялось только в 1808 г.

Это была выгодная торговля. Один из исследователей Средней Азии и Казахстана, председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал-майор Г. фон Генс, находясь в Кокандском ханстве, отмечал: «Правительство своевременно получает от киргизов известие о приближении каравана и посылает ему навстречу чиновника из Коканда, который встречает караван в семи верстах от города Ташкенда у речушки Калас, где караван охраняется маленьким отрядом и должен непременно заплатить таможенную пошлину. Здесь чиновник и глава города Ташкенда совместно осматривают привезённые товары, о которых, они, впрочем, не требуют извещений, и определяют их стоимость без посредничества таксаторов, поэтому со стороны участвующих торговцев эта произвольная оценка часто оспаривается и чиновнику от правительства делается подарок» [4, с. 56].

Вместе с тем, проникновение Российской империи в Казахстан, создание здесь внешних округов, уничтожение прежних договорных русско-казахских отношений, процесс подчинения казахов не был безболезненным и для многих представителей казахской знати, и для среднеазиатских государств. К тому же, имели место факты самовольного захвата принадлежащих казахам земель [2, с. 124]. Это не могло не вызвать определённой поддержки со стороны казахов самовольным вторжением войск с территории Кокандского ханства. Речь идёт о нападении «ташкинцев» на Акмолинский внешний округ.

Справедливости ради следует отметить, что положение казахов в Кокандском ханстве было не лучше, а то и хуже, что приводило к мятежам. Так, в ходе восстания Тентек Торе 1821 г. казахские повстанцы захватили ряд кокандских крепостей.

Когда состоялось нападение на Акмолинский внешний округ в 1832 г., Кокандское ханство испытывало определённые экономические и политические трудности и в нём начались центробежные процессы, ввиду чего области, ранее завоёванные, приобретали значительную долю автономии. При этом в распоряжении ташкентского кушбеги оказалось немало казахов Среднего жуза, ранее завоёванных Кокандским ханством. Среди знатных казахов, которые поддержали амбиции ташкентского кушбеги, направленные на объединение под своим крылом казахов не только Старшего, но и Среднего Жуза, был Саржан Касымов, старший брат будущего казахского вождя – хана Кенесары.

Обосновывая это нападение, ташкентский кушбег Лашкар писал генерал-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову следующее:

«Десять миллионов Средней Орды мусульманов с давняго времени с белым царём положили границу, что перешедшие по сию сторону Иртыша беглые, принадлежат нам мусульманам, и на ту сторону перешедшие принадлежат тебе и чтобы до скончания племени того и другого из нас не начал войны; но в нынешния времена Вы, зашед в сию сторону, построили в нескольких местах Диваны, нарушили спокойствие веры мусульманской, не оставив их на своём месте и в своей воле» [3, л. 14] ...

Далее он упрекал в следующем: «Сию страну начиная от линии волости Белой Большой Орды несколько человек приезжали к нашему благочестивому хану и приносили жалобы что русские начали брать с них со ста баранов барана, со ста лошадей лошадь, а с людей в солдаты нескольких киргизских султанов воров, воровски ездили к русским и пригласив... нарушили их спокойствие... Почему наш благочестивый хан, послал нас для личного узнания о сём и мы по прибытии, объехав сию страну до Ишима, посылали отсюда для разведания сто человек, каждого о двух лошадях и узнали, что действительно Диваны построены и Русские разъезжают. Это дело от Государя ли, или от самих. Этот Диван и Русских возмите из страны веры мусульманской и оставьте мусульманов на свою волю» [3, л. 14об-15].

Кушбег предлагал русским властям забрать в своё подданство тех казахских предводителей, которые присягнули на верность империи. Кроме того, он упрекал власти империи в разрушении двух курганов и разорении ряда волостей [3, л. 16]. Конечно, канцелярия западносибирского генерал-губернатора охарактеризовала это письмо, как «дерзкое и лживое письмо об уничтожении внешних окружных приказов» [3, л. 604].

Нападение, произведённое ташкентским кушбеги, было внезапным. Его рать численностью около 6 тысяч человек в сопровождении Саржана Касымова подошла к Акмолинскому внешнему округу с намерением увлечь в «Ташкению» казахов этого округа и разграбить аулы присягнувших на верность империи старшего султана Кунгур Кулджи и бия Сапика Тандырбергенева [3, л. 12об-13].

Требовалось принять срочные меры для защиты казахских аулов, оказавшихся под ударом на внешних рубежах. Отряд под руководством генерал-майора Броневского, усиленный шестью конно-артиллерийскими орудиями, выступил навстречу ташкентскому воинству. «Ташкентцы» успели удалиться, ограбив близлежащие казахские аулы, а также оставив укрепление в пятиста верстах от Акмолинского приказа. Это укрепление было оперативно захвачено сибирским войском, в плен попали

ташкентские чиновники, которых нужно было обменять на уведённых в Ташкент русских военнопленных (2 казака и 1 мещанин) [3, л. 13-13об]. Целый ряд знатных казахских лиц, поддержавших кушбеги, оказались под арестом [3, л. 607об].

Кушбеги был проинформирован о своём грубом вмешательстве во внутренние дела империи, поскольку «Киргиз-Кайсакская средняя орда, по милостивому вниманию Государя Императора Всероссийского к всеобщему прошению родоначальников Ея и народа, принята со всеми землями под высокое покровительство России, обязана присягою на вечное верноподданство и устроен у них новый порядок управления посредством окружных приказов. Вы, почтенный Кушбек, зная о сём достоинно и не внемля добрым сношениям и прочее, продолжаете слушать некоторых изменников из киргизцов, от общества честных людей извергнутых и своими письмами, рассылаемыми по волостям, желаете возмутить и подвигнуть на измену России киргизцов» [3, л. 607]. В конечном счёте, защита внешних округов русским отрядом генерал Броневского была обеспечена.

Вместе с тем, обстановка оставалась напряжённой, что и показали последующие события. В 1837 г. стремление спасти национальное правление и противостоять Российской империи привели к масштабному национальному восстанию под предводительством Кенесары Касымова. Восстание показало, что далеко не вся казахская знать смирилась с уничтожением хоть и не вполне самостоятельной, но всё-таки собственной ханской власти. Кроме того, оставались и нерешённые проблемы взаимодействия сибирских властей и казахских предводителей, а также развития края, чем готовы были пользоваться силы, присутствующие в других частях среднеазиатского региона.

Список литературы

1. Буктугутова, Р. С. К истории образования Акмолинского внешнего округа / Р. С. Буктугутова, З. Г. Буркутбаева. – XXIII Ершовские чтения. Межвузовский сборник научных статей. Отв. ред.: Л. В. Ведерникова. Ишим, 2013. С. 22-24.
2. Сулейменов, Б. С. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века / Б. С. Сулейменов, В. Я. Басин. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. – 247 с.
3. ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1449. Т. 1.
4. История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. Т. V. Немецкие исследователи в Казахстане. Ч. 1. – Алматы: Санат, 2006. 408 с.

УДК 327.2

ОКРАИНЫ КАК ПЛАЦДАРМ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

*Алметева Ирина Витальевна,
канд. ист. наук, доцент*

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия

Андреева Елена Рудольфовна,

*Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия,
lenaandreeva88@yandex.ru*

Степанова Дария Вячеславовна

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия

Статья посвящена анализу роли окраин как плацдармов для международных отношений и влияния географического положения окраин на формирование внешнеполитических стратегий и интересов страны. Приводятся исторические примеры использования окраин для достижения внешнеполитических целей. Рассмотрено влияние геополитических факторов на структуру и динамику международных отношений в окраинных регионах.

Ключевые слова: внешняя политика, окраинные территории, географическое положение, геополитика.

THE PERIPHERIES AS A SPRINGBOARD FOR INTERNATIONAL RELATIONS: THE INFLUENCE OF GEOGRAPHICAL LOCATION ON FOREIGN POLICY

*Almeteva Irina Vitalievna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia*

*Andreeva Elena Rudolfovna,
Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia
lenaandreeva88@yandex.ru*

*Stepanova Daria Vyacheslavovna
Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia*

The article analyzes the role of peripheries as bridgeheads for international relations and the influence of the geographical location of peripheries on the formation of foreign policy strategies and interests of the country. Historical examples of the use of peripheries to achieve foreign policy goals are given. The influence of geopolitical factors on the structure and dynamics of international relations in peripheral regions is considered.

Key words: foreign policy, peripheral territories, geographical position, geopolitics.

Когда мы вглядываемся в историю мировых событий и международных отношений, одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на внешнюю политику государств, является их географическое положение. Отдаленные и граничащие с другими странами территории, известные как «окраины», в большинстве своем привлекали внимание и становились плацдармами для международных отношений. Географическое положение окраин оказывает значительное воздействие на внешнюю политику стран, формируя их интересы, амбиции и стратегии.

Интерес к роли окраин в мировых делах никогда не угасал, и это имеет актуальное значение и в современном мире. По мере того как глобальная политическая сцена становится все сложнее и более взаимосвязанной, понимание влияния географического положения на внешнюю политику становится критически важным. Эта тема остается актуальной и в контексте Сибири и России, исследуя вопросы, связанные с их граничными регионами и окраинами.

Понимание роли окраин и их взаимосвязи с международными отношениями требует глубокого ознакомления с ключевыми теоретическими концепциями, которые обосновывают и анализируют этот феномен. Концепция окраин и их роль как плацдармов в международных отношениях может быть рассмотрена с разных теоретических точек зрения:

1. Геополитика. Геополитический подход рассматривает окраины как ключевые точки на глобальной карте, которые могут оказывать влияние на мировую политику. Он подчеркивает, что географическое положение окраин может определять их стратегическую важность для государств и влиять на решения внешнеполитических вопросов.

2. Модель Центр-Периферия. Эта теоретическая модель анализирует взаимодействие центра и периферии, причем окраинные территории часто рассматриваются как периферийные регионы, зависящие от центральных структур. Окраины могут использоваться центром для реализации своих интересов в международных отношениях.

3. Глобализация и мировая система, которые оказывают воздействие на окраины, превращая их в важные участники в сети глобальных взаимосвязей. Они могут становиться плацдармами для транснациональных корпораций, культурных обменов и конфликтов.

4. Понятие «смешанных систем». Этот теоретический подход представляет окраины как пространства, где взаимодействуют различные субъекты, включая государства, негосударственные организации и субъекты мировой политики [3, с. 111].

Углубленное изучение и понимание этих теоретических концепций позволяет лучше разобраться в множестве факторов, определяющих роль окраин в международных отношениях.

Географическое положение является одним из фундаментальных факторов, формирующих внешнюю политику государств. Оно определяет стратегические интересы государств. Окраины, как граничные и удаленные регионы, могут иметь особое стратегическое значение. Государства, имеющие окраинные территории, часто стремятся обеспечить безопасность своих границ и защиту своих интересов в соседних регионах. Географическое положение окраин может стимулировать формиро-

вание оборонительных стратегий, а также стратегий в области торговли и экономических отношений с соседними странами [4, с. 240].

Кроме того, географическое положение окраин может влиять на доступ к природным ресурсам. Окраинные территории могут иметь в своем распоряжении природные ресурсы, такие как энергия, минералы, и водные ресурсы. Этот факт способен сделать их ключевыми игроками в мировой экономике и международной торговле. Стратегии в области добычи и управления этими ресурсами часто определяют внешнюю политику государств.

Окраины также могут иметь геополитическую важность как места пересечения различных регионов и границ. Это может сделать их точками для дипломатических усилий, разрешения конфликтов и сотрудничества [3, с. 217].

Географическое положение окраинных территорий в силах существенно влиять на возможности для международной торговли и транспорта. Окраинные регионы, находящиеся вблизи морских портов, перекрестков торговых путей или транспортных магистралей, вполне могут иметь преимущества в экономическом и геополитическом отношении. Это в том числе влияет на выбор стратегий внешней политики и экономического сотрудничества.

Итак, географическое положение окраин оказывает глубокое и многогранное влияние на формирование и реализацию внешнеполитических стратегий государств [1, с. 302]. Понимание этой связи становится важным при анализе внешней политики России и других стран, особенно в контексте их окраинных регионов.

Многие столетия в истории различных государств были периодом значительных геополитических перемен и международных интриг. Географическое положение играло ключевую роль в формировании и реализации внешнеполитических стратегий. Одним из примеров, иллюстрирующих влияние географии на внешнюю политику в разные периоды истории России, выступает покорение Сибири Русским государством, начинающееся со второй половины XVI века и продолжающееся до конца XVII [2, с. 98].

Географическое положение Сибири как обширной и недоступной территории с богатыми природными ресурсами стало мотивацией для России в ее стремлении к востоку. Завоевание этого региона обеспечило России доступ к богатствам Сибири и установило геополитическое присутствие в Средней Азии и на дальнем Востоке.

Процесс освоения имел значительное геополитическое влияние на Россию и ее внешнюю политику. Этот процесс укрепил позиции России в регионе и мировых делах по нескольким ключевым направлениям.

Во-первых, геополитическая позиция: Сибирь стала своеобразным «мостом» между Россией и Азией и ее географическое положение в северо-восточной части Евразии давало России уникальное преимущество в доступе к азиатским регионам, что сильно повышало геополитическую значимость России и делало ее ключевым участником в международных отношениях.

Геополитическая роль России в Сибири также способствовала установлению дипломатических и торговых отношений с соседними азиатскими государствами, включая Китай и Монголию. Эти отношения не только обеспечивали стабильность в регионе, но и способствовали развитию международного сотрудничества.

Во-вторых, торговые и экономические возможности: освоение Сибири с ее богатыми природными ресурсами способствовало развитию международной торговли. Россия стала крупным экспортером древесины, металлов, мехов и других продуктов из этого региона. Эти ресурсы предоставили государству возможность снабжать свои нужды в сырье и продукции, а также экспортировать избыточные ресурсы на мировой рынок. Экспорт товаров из Сибири способствовал развитию международных торговых отношений и укреплению экономической позиции России на мировой арене.

В-третьих, безопасность и защита: Сибирь также служила некой природной защитой для России. Она представляет собой обширную и сложно доступную территорию. Ее огромные просторы, реки, горы и труднопроходимые леса создавали естественный барьер для потенциальных агрессоров. Этот барьер уменьшал вероятность внезапных нападений и вторжений внешних врагов на российскую территорию. Кроме того, в ходе освоения Сибири, Россия создавала оборонительные посты, крепости и гарнизоны, что укрепляло ее оборонительные позиции и повышало готовность к защите региона от внешних угроз [5, с. 351].

Геополитическое влияние Сибири на внешнюю политику России стало фундаментальной частью стратегии государства и продемонстрировало, как географическое положение окраины может быть использовано для расширения влияния и укрепления позиций на мировой арене.

Освоение Сибири представляет собой уникальный кейс для анализа влияния геополитических факторов на структуру и динамику международных отношений в окраинных регионах.

Сибирь, как окраина, обладающая стратегически важным географическим положением, стала одним из ключевым элементом внешней политики России. Ее расположение на стыке Европы и Азии делало ее плацдармом для взаимодействия России с обоими континентами и способствовало активному участию России в международных отношениях как в европейском, так и азиатском контекстах [2, с. 180].

Освоение Сибири вызвало геополитическую конкуренцию с различными государствами, стремившимися получить контроль над этой территорией. Однако оно также стимулировало дипломатические усилия по установлению сотрудничества и заключению договоров, чтобы разрешить граничные вопросы и обеспечить мирное соседство. Это демонстрирует, как геополитические интересы могут способствовать как конфликту, так и сотрудничеству в международных отношениях окраинных регионов.

Процесс освоения Сибири стал не только историческим примером, но и ключевым исследовательским объектом для понимания влияния геополитических факторов на международные отношения в окраинных регионах. Этот пример подчеркивает важность анализа геополитических аспектов при изучении взаимодействия государств в контексте окраинных и периферийных территорий.

Исследование влияния освоения Сибири на внешнюю политику России и структуру международных отношений в окраинных регионах предоставило нам значительное количество важных результатов и выводов, которые имеют как теоретическое, так и практическое значение.

Оно подтвердило, что географическое положение окраинных регионов имеет фундаментальное значение для формирования и реализации внешней политики государства. Геополитическая роль окраин становится одним из основных элементов в анализе международных отношений.

Важным выводом также является то, что освоение окраинных территорий может вызвать как геополитическую конкуренцию, так и сотрудничество. Государства могут использовать свои окраины как инструменты воздействия на международную арену и ведения дипломатической игры.

Кроме того, стоит упомянуть о том, что государства должны активно управлять и развивать свои окраины, учитывая их потенциал как источник экономического роста и геополитического влияния. Они должны применять сбалансированный подход к управлению своими окраинными регионами, учитывая, как потенциальные риски, так и возможности для развития. Внешняя политика государства должна учитывать геополитическую роль окраинных территорий и включать их в стратегические планы и цели.

Исследование влияния освоения Сибири на внешнюю политику России демонстрирует, что окраины играют не менее важную роль, чем центральные регионы, в формировании и развитии международных отношений. Понимание этой роли окраин становится важным элементом анализа современной мировой политики.

Исследование роли окраин в международных отношениях является важным шагом в понимании динамики современной геополитики. Окраины не следует рассматривать как «маргинальные» или «второстепенные» регионы, так как они могут оказывать существенное влияние на политику и структуру мировых отношений. Понимание этой роли поможет более эффективно управлять окраинами, разрабатывать стратегии и политику внешних отношений государства и способствовать обеспечению его интересов и безопасности.

Список литературы

1. Дугин А. Г. Основы геополитики: геополитическое будущее России. М.: Алгоритм, 2012. 444 с.
2. Завьялов И. И. Освоение Сибири и Российское государство во второй половине XVI - первой половине XVII веков. М.: Наука, 1991. 319 с.
3. Кривошеев М. Г. Геополитика: теория, методология, практика. М.: Эксмо, 2001. 375 с.
4. Медведев С. А. Геополитика и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2015. 502 с.
5. Шашков А. Г. История освоения и колонизации Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 2003. 409 с.

НОВАЯ БОЛЬШАЯ ИГРА НА КРЫШЕ МИРА

*Баканова Марина Владимировна
независимый исследователь, главный врач
«Dua Hospital», г. Исламабад, Пакистан
mari-ina@mail.ru*

Большая Игра XIX века переросла в XXI веке в Новую Большую игру. Наиболее активно включившимися в нее на данный момент являются «западная коалиция» во главе с США и «восточная коалиция» – Китай, которые действуют в рамках прежних географических территорий. Россия предлагает контакты основанные на общности истории и близкого географического положения, однако они нередко в новых странах с подачи стран глобального Запада называются имперскими и колониальными, что не дает возможности их реализовать. В качестве отдельной территории во всей Центральной Азии можно выделить – Высокогорную Азию, особенности которой формируют отдельный регион со своими дополнительными сложностями и часто непреодолимыми проблемами. Однако они же определяют и большие перспективы развития данного региона. Борьба за Высокогорную Азию является весьма активной и зачатую ведется опосредованно: руками частных компаний, которые оказывая материально-экономическую помощь слабозаселенным и бедным районам (нередко под декларируемыми гуманитарными целями) затем начинают продвигать политические интересы. Наиболее интересными проектами, которые могут оказать значительное влияние на Новую Большую игру на крыше мира являются: программы транспортных коридоров, программы крио и водных ресурсов, энергетические программы, «зеленые инновации» и геополитические проекты.

Ключевые слова: Новая Большая игра, Высокогорная Азия, геополитические проекты, экономические проекты, экологические проекты, геополитика в Азии.

THE NEW GREAT GAME ON THE ROOF OF THE WORLD

*Bakanova Marina Vladimirovna
independent researcher, chief physician
“Dua Hospital”, Islamabad, Pakistan.
mari-ina@mail.ru*

The Great Game of the 19th century has grown into the New Great Game in the 21st century. The most actively involved in it at the moment are the «Western coalition led by the United States» and the «Eastern coalition – China», which operate within the framework of the previous geographical territories. Russia offers contacts based on a common history and close geographical location, but in new countries, at the instigation of the countries of the global West, they are often called imperial and colonial, which makes it impossible to implement them. As a separate territory in all of Central Asia, one can single out High Mountain Asia, the features of which form a separate region with its own additional difficulties and often insurmountable problems. However, they also determine great prospects for the development of this region. The struggle for High Mountain Asia is very active and is often carried out indirectly: through the hands of private companies, which, by providing material and economic assistance to sparsely populated and poor areas (often under declared humanitarian goals), then begin to promote political interests. The most interesting projects that can have a significant impact on the New Great Game on the roof of the world are: transport corridor programs, cryo and water resources programs, energy programs, green innovation and geopolitical projects.

Key words: New Great Game, High Mountain Asia, geopolitical projects, economic projects, environmental projects, geopolitics in Asia.

Термин Большая Игра возник в конце XIX века во времена геополитического противостояния Британской и Российской империй в Центральной Азии. Афганский кризис 1885 года и Памирский кризис 1890-1894 гг. были разрешены совместно российскими и британскими дипломатами и в итоге был проведен раздел высокогорных территорий. Нельзя сказать, что процесс Большой Игры был окончен в августе 1907 г. Скорее, он был несколько заморожен на период усиления Японии и Первой Мировой войны, а затем и революции в России, поскольку уже в 1919 г. попытки усиления своего

влияния в регионе (а скорее речь идет о реванше) предпринимает Великобритания. И это при том, что созданная в 1919-1920 гг. Лига Наций уже предпринимала попытки фиксации государственных границ стран [1].

Аллюзией на термин «Большая игра» стал термин «Новая Большая игра», возникший в 1990-е гг. прошлого века – новая геополитическая борьба за государства и окраины государств в Центральной Азии. Обострение ситуации возникло в связи с тем, что новообразованные страны после распада СССР активно стремились выйти из общих с Россией интересов, будучи ведомыми национальными идеями, которые нередко подкреплялись с Запада идеями о колониализме СССР. Соответственно, в регионе начался передел интересов и сфер влияния, к которому безусловно присоединились и игроки Большой Игры XIX века. Сам регион борьбы «Центральная Азия» безусловно включает в себя страны постсоветской Центральной Азии (Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан), Афганистан, западные районы КНР (прежде всего – Синьцзян-Уйгурский автономный район), северные районы Пакистана, зона индо-пакистанского конфликта (Кашмир) и Монголия. [2] Основным приоритетом Новой Большой игры стало вытеснение России с приоритетных позиций в регионе и фактически – неокOLONиальная политика по переделу сфер влияния. В первую очередь – делились ресурсные зоны.[3]

В рамках данного исследования стоит отметить, что указанная географическая зона Большой Игры (и Новой Большой игры) к 19 веку превратилась в зону беднейших окраин различных сильных стран или «ничейные» земли. Хотя в далеком прошлом это была одна из самых развитых территорий мира, сосредоточившая в своих руках торговые пути между Севером и Югом, Западом и Востоком, а также активно развивающая науку, ремесла и искусства. Более того, данные территории фактически формировали специфический регион – Высокогорную Азию (собственно сердце Центральной Азии).[4] Собственно говоря, в геополитике эта часть Центральной Азии стоит довольно обособлено и не совсем вливается в общие тренды и направления. В настоящее время Высокогорная Азия считается одним из наименее развитых, не задействованных в глобальных процессах мировой политики и экономики. Одним из первых оценил его потенциал и начал активную разработку Китай, действуя в рамках политики «Один пояс – один путь». В настоящее время данный регион является ключевым для многих стран, в том числе – крупных международных игроков.

Одним из актуальных вопросов мировой политики продолжают оставаться водные ресурсы, точнее говоря – их неравномерное расположение по географическим регионам, граничное распределение, обмеление рек и озер ввиду изменения климата и многое другое. Однако, именно доступ к рекам и озерам является необходимым условием развития стран в Центральной Азии, которые не имеют альтернативных водных ресурсов. Большинство рек ЦА начинаются с горных ледников и практически не имеют альтернативных вариантов подпитки. Соответственно, изменение климата, вызывающее их таяние, является более чем актуальным. Криосфера Высокогорной Азии в рамках Новой Большой игры становится предметом торга. Например, установление высокогорных гидроэлектростанций или просто плотин в определенной степени может задерживать таяние ледников, [5] но при этом – уменьшают сток воды в среднесрочной перспективе, увеличивая риски неурожаев, нарушения работы промышленности и домохозяйств ниже по течению.[6] При этом – выработка электроэнергии является необходимым условием для развития горных территорий Таджикистана, Кыргызстана, Китая, Пакистана и др. Далеко не всегда электростанции, построенные в регионе Высокогорной Азии принадлежат тем странам, на территории которых они расположены. Тендеры на постройку нередко получают частные компании из различных стран мира, что угрожает странам частичной потерей контроля над ресурсами горных ледников, а также – потерей контроля и над электрообеспечением (создается зона продавливания интересов). [7]

Другим потенциально интересным в геополитике моментом является проект «Высокогорных транзитных коридоров». В настоящее время они находятся в процессе разработки, хотя часть подобных маршрутов была проложена еще во времена СССР и сохранилась на территории постсоветской ЦА. Также часть маршрутов совпадает с китайскими проектами «пояса и пути». При этом основная часть финансируется Фондом исследования глобальных проблем Великобритании (GCRF) и поддерживается британскими, немецкими и американскими грантами на стадии разработки в университетах. Часть проектов была представлена в рамках проходившей передвижной выставки «Воображаемое будущее: транзитные коридоры Высокогорной Азии», которая проходила в Бишкеке, Кыргызстан; Ташкент, Узбекистан; Душанбе, Таджикистан и Пешавар, Пакистан, с февраля по апрель 2022 года. Основные запланированные маршруты: железные дороги «Китай - Казахстан - Туркменистан - Иран», «Туркменистан - Афганистан - Таджикистан», «Китай - Киргизия - Узбекистан»; мультимодальные транзитные коридоры «Лазурит», «Транскаспийский международный транспортный маршрут»; автомобильные дороги, такие как «Западный Китай - Западная Европа», дорога между Пакистаном и Таджикистаном через Ваханский коридор и др.[8] Однако, следует отметить, что большин-

ство из данных проектов до сих пор не вышли на уровень самоокупаемости и количество перевозимых по ним товаров неоправданно мало. Проблемы с их функционированием заключаются в сложном горном рельефе и частыми подвижками коры, дефиците средств для завершения строительства проектов, ситуация в Афганистане, малоразвитая инфраструктура и др.

Весьма оригинальным проектом может стать проект «зеленых инноваций», которые предполагают озеленение высокогорных пустынь, сохранение местных редких и реликтовых видов, размещения в высокогорных зонах высокотехнологичных предприятий с минимальными отходами. Сюда же нередко включаются программы по сохранению ледников и водных ресурсов высокогорья в целом. [9]

Геополитические проекты, затрагивающие регион можно условно поделить на 3 большие группы: американский проект «Новый Шелковый путь» и «Большая Центральная Азия», российский проект «Евразийский союз» и китайский проект «Экономический пояс на Шелковом пути» (ЭПШП). Несмотря на то, что все они разработаны довольно давно, эффективность доказал только проект Китая. Проект ЕАЭС демонстрировал частичные достижения, зависящие нередко от личных контактов сторон, но его активизацию можно наблюдать в последние 1,5 года, с учетом активного переориентирования «на Восток» политики и экономики России. [10]

Таким образом можно сделать следующие выводы:

Большая Игра XIX века переросла в XXI веке в Новую Большую игру. Задействованные территории не изменились, однако – наиболее активно включившимися на данный момент являются «западная коалиция во главе с США» и «восточная коалиция - Китай». Россия предлагает контакты основанные на общности истории и близкого географического положения.

В качестве отдельной территории во всей Центральной Азии можно выделить – Высокогорную Азию, особенности которой формируют особый регион со своими дополнительными сложностями, перспективами, непреодолимыми проблемами.

Борьба за Высокогорную Азию является весьма активной и зачатую ведется опосредованно: руками частных компаний, которые оказывая материально-экономическую помощь слабозаселенным и бедным районам (нередко под декларируемыми гуманитарными целями) затем начинают продвигать политические интересы.

Наиболее интересными проектами, которые могут оказать значительное влияние на Новую Большую игру на крыше мира являются: программы транспортных коридоров, программы крио и водных ресурсов, энергетические программы, «зеленые инновации» и геополитические проекты.

Список литературы

1. Журавлев П. Лига Наций: история создания и итоги работы. Международная жизнь. 11.01.2022. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/33211?ysclid=Inttwl2s3s238705905>.
2. Ahrari M.E., James B. The New Great Game in Muslim Central Asia, University Press of the Pacific, 2002, 108p.
3. Mullerson, R. Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game, Columbia University Press, 2007, 385p.
4. Баканова М.В. Концептуальная схожесть лекарских практик в регионе Южная Сибирь – Кашмир. Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней. Материалы IX Сибирского исторического форума Красноярск, 14–16 сентября 2022 г. Электронное издание. гл. ред. Н. И. Дроздов. – Электрон. дан. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. 1649 с.
5. Mishra SK, Veselka TD, Prusevich AA, Grogan DS, Lammers RB, Rounce DR, Ali SH and Christian MH (2020) Differential Impact of Climate Change on the Hydropower Economics of Two River Basins in High Mountain Asia. *Front. Environ. Sci.* 8:26.
6. Shean, D., Montesano, P., Rounce, D., Bhushan, S., Arendt, A., and Osmanoglu, B. (2020). A systematic, regional assessment of High-mountain Asia mass balance. *Front. Earth Sci.* 7:363
7. Пауль Шумахер Проект Экосистемный подход для адаптации к изменению климата в высокогорных регионах Центральной Азии, март 2019, URL: www.giz.de
8. Борисова Е. Железные дороги Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. Железные дороги Азии: состояние и перспективы. М., 2018. С. 162-179.
9. Chen, Xiangming; Fazilov, Fakhmidin (19 June 2018). "Re-centering Central Asia: China's "New Great Game" in the old Eurasian Heartland". *Palgrave Communications.* 4 (1): 1–12.
10. Баканова М.В. Евразийское сотрудничество – инвестиции, политические решения, формы интеграции и взаимодействия стран. Проект МГУ URL: <https://ia-centr.ru/mediatorcis/mediatorcis2020/evraziyskoe-sotrudnichestvo-investitsii-politicheskie-resheniya-formy-integratsii-i-vzaimodeystviya/>

ВКЛАД АКАДЕМИКА Б. ШИРЕНДЫБА В РАЗВИТИЕ СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

*Суржко Антон Валерьевич, ассистент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
surzhkoanton@yandex.ru*

В статье анализируется индивидуальный вклад монгольского академика Б. Ширендыба в развитие советско-монгольских отношений в 1940-1980-е гг. Основной упор сделан на развитии связей в сфере науки и высшего образования.

Ключевые слова: СССР, МНР, Б. Ширендыб, советско-монгольские отношения, наука, образование.

THE CONTRIBUTION OF ACADEMICIAN B. SHIRENDYB TO THE DEVELOPMENT OF SOVIET-MONGOLIAN RELATIONS

*Surzhko Anton Valerievich
Assistant, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
surzhkoanton@yandex.ru*

The article analyzes the individual contribution of the Mongolian academician B. Shirendyb to the development of Soviet-Mongolian relations in the 1940-1980s. The main emphasis is on developing connections in the field of science and higher education.

Keywords: USSR, MPR, B. Shirendyb, Soviet-Mongolian relations, science, education.

История советско-монгольских отношений насчитывает 70 лет, охватывая период с 1921 г., когда между двумя странами были установлены дипломатические отношения, и, заканчивая началом 1990-х гг., когда распался Советский Союз. На протяжении всего этого периода двусторонние отношения активно развивались, СССР оказал решающее содействие в обретении и сохранении государственного суверенитета Монголии, развитии ее экономики, образовании, науке, культуре. На наш взгляд, достигнуть этого было бы невозможно без индивидуального вклада отдельных государственных и политических деятелей, как с советской, так и с монгольской стороны.

Одним из них можно назвать Базарына Ширендыба – монгольского академика, ученого-историка, основателя Монгольского государственного университета и Академии наук МНР. В связи с этим, целью настоящей статьи является изучение вклада Б. Ширендыба в развитие советско-монгольских отношений в 1940-1980-е гг.

Будущий академик родился в мае 1912 г. в семье небогатого арата-скотовода. В восьмилетнем возрасте он начал обучение при монастыре, затем поступил в государственную школу, которые начали создаваться в Монголии после победы народной революции. Наконец, в 1932 г. Б. Ширендыб в составе группы студентов впервые оказался в Советском Союзе. Примечательно, что совместно с ним обучение проходили многие известные впоследствии представители монгольского государства [2].

Знакомство Б. Ширендыба с советским государством началось с города Улан-Удэ – столице Бурято-Монгольской АССР, где с 1932 по 1937 гг. он проходил обучение на монгольском рабочем факультете. Определившись со своей будущей профессией Базарын в 1937 г. без вступительных испытаний был зачислен на историко-филологический факультет Иркутского государственного педагогического института. Становление Б. Ширендыба проходило под влиянием видных деятелей науки и культуры, которых в настоящее время считают классиками исторической науки России и Сибири. Здесь же закладывались основы многолетних научных связей и других гуманитарных контактов [6].

В 1941 г. молодой специалист возвращается в МНР и почти сразу получает высокую должность референта главы монгольского правительства Х. Чойбалсана. Оставаясь в этой должности до февраля 1944 г. Б. Ширендыб неоднократно посещал Советский Союз, зачастую выполняя функции переводчика и считаясь специалистом по внутренней жизни советского государства [6].

В 1942 г. при активнейшем участии Б. Ширендыба был основан Монгольский государственный университет, который он сам возглавлял в 1942-1953 гг. В первую очередь ректор приложил усилия для установления тесных контактов с высшими учебными заведениями СССР, прежде всего –

Московским государственным и Иркутским государственным университетами. В сентябре 1943 г. ректор МГУ А. С. Бутягин дал письменные обязательства помощи в становлении МонГУ по части научно-исследовательских работ и организации учебного процесса [4, с. 57].

Для поддержки монгольского вуза Советский Союз направил в Улан-Батор различное оборудование и литературу, кроме того, в монгольскую столицу были командированы многие квалифицированные преподаватели. Ректор Б. Ширендыб успешно решил задачу по созданию комфортных условий для их проживания и работы [5, с. 391]. Результаты не заставили себя ждать – уже в 1946 г. из стен МонГУ выпустились первые 35 специалистов. В дальнейшем их количество ежегодно росло.

С началом 1950-х гг. Б. Ширендыб постепенно входит в число первых лиц Монгольской Народной Республики. Так, в 1953 г. он занимал пост министра народного просвещения МНР, а в 1954-1957 гг. – первого заместителя Председателя Совета министров МНР, одновременно с этим являясь членом Политбюро ЦК МНРП в 1953-1957 гг. В это время он продолжал оставаться активным сторонником развития отношений с СССР.

Об этом может свидетельствовать его беседа с советским послом В. И. Писаревым в январе 1957 г. В ходе беседы Б. Ширендыб выражал обеспокоенность националистическим проявлениям в Монголии и возмущение поведением и позицией многих членов правительства и Политбюро, которые недооценивали значение экономической помощи со стороны Советского Союза [5, с. 239]. Это было особенно важно, учитывая то обстоятельство, что двумя годами ранее он был одним из инициаторов издания правительственного заявления «О распространении опыта Советского Союза» в МНР [5, с. 139].

Б. Ширендыб достаточно успешно совмещал политическую и научную деятельность. В частности, он стал одним из инициаторов совместной работы советских и монгольских историков по написанию трехтомной «Истории Монгольской Народной Республики», а также сам вошел в авторский коллектив [5, с. 217]. Во многом благодаря этому в 1956 г. Б. Ширендыб в Институте востоковедения АН СССР защитил кандидатскую диссертацию по теме «Борьба за победу народной революции в Монголии и образование Монгольской Народной Республики (1921-1924 гг.)».

В 1957 г. началась новая длительная командировка Б. Ширендыба в Советский Союз – он был прикомандирован к Институту востоковедения для подготовки докторской диссертации. Здесь состоялось его знакомство со многими ведущими советскими монголоведами – М. И. Гольманом, С. К. Роциным, В. В. Грайворонским. Особо близкие отношения у монгольского историка сложились с Г. С. Матвеевой (Яскиной), которая помогала ему в сборе архивных материалов и их первичной обработке [1, с. 33]. Результатом плодотворной работы стала успешная защита докторской диссертации в 1960 г. по теме «История монгольской народной революции 1921 г.».

Вернувшись в МНР, Б. Ширендыб получил новое назначение, возглавив Комитет наук и высшего образования. В мае 1961 г. Комитет был преобразован в национальную Академию наук, президентом которой также стал Б. Ширендыб. На этом посту он приложил большие усилия по активизации научных связей между СССР и МНР, добился подписания «Соглашения о научном сотрудничестве» на межгосударственном уровне, чего не удавалось добиться с 1940-х гг.

Одной из наиболее плодотворных форм сотрудничества стали совместные советско-монгольские экспедиции: биологическая, геологическая, палеонтологическая, историко-культурная (археологическая), непрерывно работавшие на протяжении нескольких десятилетий. Данные экспедиции не только позволили достичь высоких научных результатов мирового уровня, но и стали прекрасной школой для молодых ученых из СССР и МНР, по материалам экспедиций было защищено большое количество диссертаций [3, с. 76-100]. Заметной вехой в научно-техническом сотрудничестве СССР и МНР можно назвать совместный космический полет В. А. Джанибекова и Ж. Гуррагча в марте 1981 г.

В том же 1981 г. Б. Ширендыб попал в опалу, был обвинен в беспринципном, безответственном, карьеристском поведении и отправлен в отставку с должности президента Академии наук МНР. В этот непростой жизненный период академика не забыли его коллеги по Институту востоковедения, куда он был приглашен на работу. В конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. Б. Ширендыб трудился в качестве ведущего научного сотрудника-консультанта. В это время им был опубликован ряд новых публикаций, переизданы многие ранние работы. Примечательно, что, несмотря на распад СССР и изменение политической конъюнктуры, Б. Ширендыб продолжил придерживаться традиционного взгляда на советско-монгольские отношения [2]. Ушел из жизни знаменитый ученый в марте 2001 г.

Таким образом, жизненный путь монгольского академика Б. Ширендыба может служить ярким примером того, насколько может быть важен индивидуальный вклад отдельно взятого государ-

ственного, политического и общественного деятеля в плодотворное развитие отношений двух стран. Во многом благодаря Б. Ширендыбу Советскому Союзу и Монголии удалось добиться впечатляющих результатов в таких важных сферах сотрудничества как высшее образование и наука.

Список литературы

1. Б. Ширендыб и С.Д. Дылыков в памяти родственников, коллег и друзей (к 100-летию со дня рождения). М.: Институт востоковедения РАН, 2013. 192 с.
2. Грайворонский В.В. К 100-летию со дня рождения Базарын Ширендыба (1912-2001) // Восток (Oriens). 2012. № 5. С. 201-203.
3. Монголия – Россия: век независимости – век сотрудничества. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021. 230 с.
4. Советско-монгольские отношения 1921-1974: документы и материалы. Т. 2. 1941-1974. Ч. 1. М.: Международные отношения, 1979. 532 с.
5. Советско-монгольские отношения 1921-1974: документы и материалы. Т. 2. 1941-1974. Ч. 2. М.: Международные отношения, 1979. 612 с.
6. Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В., Куфтарева В.В. Иркутский период жизни академика Базарын Ширендыба // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 3. С. 309-319.

УДК 94:327(47+57)(597)"1950/1959"

ХО ШИ МИН И СТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И ДРВ В 50-Е ГГ. XX В.

*Тодикова Мария Александровна, ассистент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
mariatodikova1998@mail.ru*

В статье представлен период становления дипломатического сотрудничества СССР и Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). Через призму избранных произведений вьетнамского революционера Хо Ши Мина рассматриваются истоки зарождения советско-вьетнамских связей. На международной арене в 1950-е гг. повышалась роль Юго-Восточной Азии как плацдарма для геополитических интересов мировых держав. Правительство Советского Союза не осталось сторонним наблюдателем и рассматривало расширение точек международного влияния, в том числе и на актуальное самопровозглашенное государство ДРВ. В отмеченный период СССР и ДРВ стали политическими союзниками, торговыми партнерами и развивали взаимовыгодное сотрудничество.

Ключевые слова: СССР, ДРВ, Хо Ши Мин, отношения, сотрудничество, политика, советско-вьетнамские отношения.

HO CHI MINH AND THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS BETWEEN THE USSR AND THE DRV IN THE 50S OF THE XX CENTURY

*Todikova Maria Alexandrovna
Assistant, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia mariatodikova1998@mail.ru*

The article presents the period of formation of diplomatic cooperation between the USSR and the Democratic Republic of Vietnam (DRV). Through the prism of selected works by the Vietnamese revolutionary Ho Chi Minh, the origins of Soviet-Vietnamese relations are considered. In the international arena in the 1950s, the role of Southeast Asia as a springboard for the geopolitical interests of world powers increased. The government of the Soviet Union did not remain an outside observer and considered expanding the points of international influence, including on the current self-proclaimed state of the DRV. During this period, the USSR and the DRV became political allies, trading partners and developed mutually beneficial cooperation.

Keywords: USSR, DRV, Ho Chi Minh, relations, cooperation, politics, Soviet-Vietnamese relations.

Период 1950-х гг. является временем становления новой геополитики СССР, ДРВ и других государств. После оглашения Хо Ши Мином Декларации независимости ДРВ от Франции в 1945 г. меняются и политические ориентиры государства. В Конституции провозглашённой ДРВ отражается тема будущей политической и государственной независимости от колонизаторов. Однако французская сторона не была готова принять независимость Вьетнама и стремилась восстановить своё влияние на данной территории. Затяжные франко-вьетнамские переговоры привели к ещё более длительному военному конфликту – Индокитайским войнам.

Роль Юго-Восточной Азии в обозначенный период повышалась в геополитике. СССР желал расширить точки международного влияния. В реалиях холодной войны он не остался в стороне в период франко-вьетнамского противоборства. Правительством Советского Союза было решено поддержать ДРВ. В дальнейшем, контакты с этим государством положительно сказались на характере двусторонних отношений. Военный период для ДРВ стал временем признания и становления официальных отношений с СССР и рядом других государств. То есть, можно отметить значимость дипломатических отношений между государствами в контексте темы национально-освободительных движений. Это обстоятельство играло важную роль в объединении Юго-Восточной Азии против колониального господства и формировании социалистических тенденций в регионе. Рассмотрение темы исследования позволит сделать выводы о том, как формировалось советско-вьетнамское сотрудничество в политическом, военном, экономическом аспекте. Да и в целом, российский интерес к Востоку имеет глубокие исторические корни. И в современный период российские внешнеполитические ориентиры направлены на Восток. Российско-вьетнамские отношения официально отмечены стратегическим партнерством и опираются на длительный период взаимовыгодного сотрудничества. Обращение России к советскому опыту сотрудничества с ДРВ актуально по сей день, и позволит учесть возможные просчёты и наметить новые перспективы в азиатском направлении.

Эта тема не осталась в стороне от исследований специалистов по Юго-Восточной Азии. Наиболее ярким объектом обсуждения советских специалистов стали военные конфликты во Вьетнаме, где в ключе советско-вьетнамских отношений рассматривается вопрос помощи Советского Союза ДРВ в начальный период холодной войны, и установление дипломатических отношений. Одним из выдающихся представителей изучения Вьетнама в России стал А. А. Губер. Под его руководством был выпущен фундаментальный труд коллектива специалистов по истории Вьетнама, который и в наши дни не утратил своей актуальности. В работе рассмотрены революционные процессы освободительного движения, анализируются темы войн и строительство социализма в ДРВ. Автор отмечает, что в 1950-е гг., в процессе переговоров, обсуждались вопросы дальнейшего укрепления и развития дружественных отношений между СССР и ДРВ. Это способствовало тому, что у государств была единая оценка международной обстановки [1, с. 304-306].

В 1979 г. вышел сборник избранных произведений Хо Ши Мина, составленный Е. В. Кобелевым. В сборник вошли выступления, публицистика, статьи и стихи вьетнамского политического деятеля. Особое внимание исследователей привлекли его статьи о В. И. Ленине [2, с. 296].

Занимались вопросами сложного периода истории Вьетнама, а именно проблемой революции и последующей борьбой ДРВ за независимость, крупные советские специалисты С. А. Мхитарян и Т. Т. Мхитарян. Исследователи при изучении революционного вопроса программы Коммунистической партии Индокитая (КПИК) отмечали опору Хо Ши Мина на ленинское учение [3, с. 303]. В своих трудах Хо Ши Мин неоднократно рассматривал деятельность В. И. Ленина, называя его «творцом новой жизни, маяком, указывающим путь к освобождению угнетённого человечества» [4, с. 295].

Современный период характеризуется продолжением исследовательского интереса к изучению политических процессов в Юго-Восточной Азии. Д. В. Кузнецов собрал крупный сборник документов, отражающих важнейшие события в вопросе Индокитайских войн. В сборнике представлены политические доклады Хо Ши Мина, транслирующие позицию ДРВ к СССР [5, с. 648].

Историки анализируют вопросы выстраивания стратегического партнерства и потенциала сотрудничества между Россией и Вьетнамом. Одним из таких исследователей является ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН В. М. Мазырин. Он рассматривает политические, экономические и социальные проблемы истории Вьетнама [6, с. 149-182]. Работы современного периода отражают продолжение интереса к теме и характеризуются более обширным анализом исследовательских проблем.

Упоминание о дореволюционных связях между Российской Империей и Вьетнамом встречаются во второй половине XIX в. Французский Индокитай посещало немногочисленное количество путешественников и военные моряки. После Октябрьской революции некоторая часть эмиграции, в лице русских офицеров, поступала на службу в Иностраннный легион. А. А. Соколов выделяет 2

направления, откуда русская эмиграция отправлялась в Индокитай – Франция и Китай. Из общего немногочисленного количества эмигрантов гражданских лиц было меньше, чем военных. Во Французский Индокитай приезжали технические специалисты, шофёры, портные и другие люди самых разных профессий [7, с. 184-187].

Второе десятилетие XX в. и для Хо Ши Мина становится периодом эмиграции. В период своих странствий Хо Ши Мин задался целью собрать информацию для дальнейшей выработки идеологии освобождения от французских колонизаторов, которая была необходима народу Вьетнама. Хо Ши Мин в своей заметке 1924 г. о классовой солидарности отмечает, что «в мире существуют только две расы: эксплуататоры и эксплуатируемые. И лишь одно братство истинно: братство пролетариата» [2, с. 183-184]. В своих рассказах он неоднократно в негативном ключе освещает деятельность колониальных чиновников и иных представителей государственного аппарата Франции, выделяя их жестокость и вседозволенность. Хо Ши Мин, помимо угнетения народа, повествует и о других социальных проблемах – отравление населения опиумом и алкоголем, малое количество школ и большое количество тюрем, дискриминация, отсутствие свободы слова и свободы собраний. Он отражает требования вьетнамского народа в своей статье, написанной правительству Франции, где содержатся ранее отмеченные социальные проблемы, а также пункты, касающиеся реформы законодательства и государственного аппарата во Французском Индокитае. Необходимость реформы законодательства он объясняет тем, что у вьетнамцев нет равных прав и юридических гарантий, как у европейцев. Отсюда следует и пункт изменения структуры государственного аппарата, в котором должен появиться пост постоянного представителя-вьетнамца [4, с. 18-19]. А. А. Губер отмечает, что в 1920-е гг. частично были удовлетворены требования лишь буржуазно-помещичьих слоев Вьетнама. Но их управление было малочисленным, ограниченным и их функции были чисто совещательными [1, с. 17-21]. Для других слоев населения требования не были достигнуты, а в записях Хо Ши Мина всё чаще появляется идея необходимости революционного национально-освободительного движения.

В 1923 г. Хо Ши Мин, являющийся активным участником Коминтерна, отправляется учиться в Коммунистический университет трудящихся Востока. Это учреждение было основано в 1921 г. для студентов СССР, которые будут заниматься вопросами национального толка, а также для иностранных студентов, заинтересованных темой строительства коммунизма. Хо Ши Мин посвятил сочинение и теме университета. Он отстаивал идею о том, что большевики видят в колониальных народах братьев, поэтому приглашают их проходить обучение в университетах. Создание такого учреждения позволяет собрать талантливые умы колониальных стран, чтобы в будущем научить их принципам дружбы и объединения, которые заложат «основу будущего союза народов Востока» [2, с. 218-221].

В процессе обучения в Коммунистическом университете трудящихся Востока Хо Ши Мин продолжает формировать свою идеологию. В своих сочинениях он обозначает СССР, как государство, прогнавшее эксплуататоров. В. И. Ленин, в его заметках, предстаёт «самым мужественным руководителем» [2, с. 216-217]. Из сочинений становится ясно, что он хотел увидеть В. И. Ленина и был крайне расстроен фактом его смерти. Хо Ши Мин, выражая глубокую скорбь, писал, что «при жизни он был нам отцом, учителем, товарищем, советчиком. Теперь он — путеводная звезда, ведущая нас к социальной революции» [2, с. 217-218].

Каждое упоминание В. И. Ленина в сочинениях Хо Ши Мина транслируется с огромным уважением к его политическому взгляду и деятельности. Хо Ши Мин положительно относился к идее социальной революции, и соглашался с необходимостью вовлечения угнетаемого народа в это дело. 18 февраля 1930 г. он отразил свои взгляды в обращении, которое было посвящено образованию Коммунистической партии Индокитаея (КПИК). Самым главным тезисом была выделена проблема наращивания военных сил французских колонизаторов. Именно КПИК, по мнению Хо Ши Мина, станет опорой в борьбе за права притесняемого народа.

Внешнеполитические задачи ДРВ в середине XX в. выражали цель всестороннего укрепления Северного Вьетнама. Переход к социалистической революции Северного Вьетнама происходил мирным путем. С. А. Мхитарян отмечает, что данный переход осуществлялся в период, когда «социализм стал решающим фактором развития человеческого общества в глобальном масштабе» [3, с. 184-185]. Социалистические преобразования затронули все сферы жизнедеятельности. Особенностью стало то, что социалистическая революция осуществлялась в период, когда страна была разделена на Северный Вьетнам и Южный Вьетнам – это были части одной страны с совершенно разными политическими режимами. Ко всему прочему, ДРВ только освободилась от французского империализма. Но при переходе к социализму положительным для ДРВ стало сотрудничество с СССР, государством, на чью политику опирался Хо Ши Мин.

Важным периодом советско-вьетнамских отношений стали 1950-е гг. Министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский в 1950 г. послал телеграмму о согласии установления дипломатических отношений с ДРВ. Хо Ши Мин в своём политическом докладе за 1951 г. давал положительную оценку деятельности советских рабочих, отмечая, что создание СССР – «самое важное событие истекшего полувекового периода» [5, с. 56-57]. Он выделял Советский Союз, как государство, вступившее на путь новой демократии, которое в краткие сроки завершило восстановление страны и стремительно продолжает строительство социализма. Хо Ши Мин акцентировал внимание на ценности опыта Советского Союза, и это именно то, на что необходимо опираться другим странам, где ещё существует проблема дискриминации и угнетения народов.

Можно отметить, что в 1950-е гг. СССР и ДРВ поддерживали дружественные дипломатические отношения. В политических документах со стороны Советского Союза встречаются слова поддержки и сочувствия вьетнамскому народу. В телеграмме за 1954 г. советское представительство передает вьетнамскому народу поздравления по случаю достижения в Женеве соглашений о восстановлении мира в Индокитае. Представитель писал следующее: «Советский народ и Советское правительство приветствуют героический вьетнамский народ и его правительство и шлют наилучшие пожелания скорейшего восстановления страны и успехов в деле ее экономического и культурного подъема в мирной обстановке» [5, с. 105].

Развитию советско-вьетнамских отношений поспособствовал первый официальный визит правительственной делегации ДРВ в СССР, который состоялся в 1955 г. Хо Ши Мин возглавлял делегацию, и в своём заявлении 1955 г. всецело поддерживал политику Советского Союза, демонстрируя всё большее укрепление дружественных контактов между государствами. Из Доклада правительственной делегации ДРВ о поездке в СССР и КНР от 1955 г. следует, что командировка преследовала 2 главные цели: 1. Укрепление единства между народами двух государств; 2. Развитие экономических и культурных связей в процессе переговоров. Хо Ши Мин подчеркивал особую признательность всем странам, которые безвозмездно помогали ДРВ и уважали суверенитет его страны. В этом же докладе он упомянул и «помощь» со стороны империалистических государств, которые впоследствии преследовали лишь идею захвата и превращения в колонию страны, которая совсем недавно обрела свою независимость.

В отмеченный период делегация во главе с Хо Ши Мином посетила в СССР промышленные объекты и университеты. Позднее вьетнамский революционер в своём отчёте подчеркнул развитость промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры. Он благодарил Советский Союз за оказание материальной помощи и содействие в научно-технической сфере. В СССР были направлены вьетнамские специалисты, обучающиеся в средних и высших технических учебных заведениях, и наоборот, производилась отправка советских кадров в ДРВ для подготовки квалифицированных специалистов. В период визита Хо Ши Мина в СССР немаловажным является и подписание торгового соглашения между государствами. Таким образом, подписанные соглашения стали началом экономического и научно-технического сотрудничества между ДРВ и СССР. Хо Ши Мин неоднократно подчеркивал важность дипломатических отношений между государствами, которые основываются на принципах «нерушимой дружбы и братского сотрудничества» [5, с. 554].

В середине 1950-х гг. внешнеполитические курсы СССР и ДРВ совпадали по многим аспектам. Государства выступали против агрессии американского и французского империализма, поднимали вопрос выполнения Женевских соглашений 1954 г., и поддерживали друг друга дипломатически. Правительство СССР старалось не уменьшать своё политическое влияние на ДРВ в период, когда международная обстановка накалялась и отношения с КНР постепенно менялись. Как отмечалось ранее, после подписания соглашений в 1955 г. Советский Союз оказывал экономическую и техническую помощь ДРВ в крупных размерах. А. А. Губер отмечает, что со стороны СССР была выпущена программа создания системы коллективной безопасности районов Юго-Восточной Азии [1, с. 303-304]. Данное решение могло закрепить нейтралитет Южной части Вьетнама, однако США выступили против. Неоднократно СССР и ДРВ поднимали вопрос соблюдения Женевских соглашений в отношении Южной части Вьетнама, но ни к чему положительному для союзников это не приводило.

В 1965 г. были подписаны соглашения об экономической и технической помощи ДРВ со стороны Советского Союза. Правительство СССР, в своих заявлениях, осуждало агрессию США в сторону ДРВ. Азиатская сторона с учётом потребностей получала необходимое техническое и военное оборудование. Но правительство ДРВ, сотрудничая, в том числе, и с КНР, придерживалось нейтральной стороны. Хо Ши Мин в своих политических заявлениях одинаково поддерживал КНР и СССР. Можно отметить, что к концу 1950-х гг. международная обстановка складывалась следующим образом. СССР и КНР старались удерживать геополитическое лидерство в ДРВ. Правительство Хо Ши

Мина, заняв позицию внешнеполитического наблюдателя, получало экономическую поддержку от двух мировых держав и не спешило занимать чью-либо сторону.

Таким образом, на становление дипломатических отношений между СССР и ДРВ в 1950-е гг. повлияли следующие факторы. Во-первых, личность Хо Ши Мина. Вьетнамский революционер формировал свою идеологию длительный период, и обучение в Коммунистическом университете трудящихся Востока СССР наложило свой отпечаток на его политические взгляды. Хо Ши Мин с огромным уважением относился к марксизму-ленинизму, отдельно посвящая свои сочинения политической деятельности В. И. Ленина, отмечая их в положительном ключе. Ему импонировала идея зарождения нового государственно-социального строя без угнетения народных масс со стороны западных империалистов. Во-вторых, в 1950-е гг. у СССР и ДРВ прослеживаются единые политические интересы и взгляды. Опора на положительный для ДРВ опыт Советского Союза стала одной из причин зарождения советско-вьетнамских связей. В-третьих, международный раскол повлиял на укрепление отношений между СССР и ДРВ. Хо Ши Мин отмечал, что на международной арене складывались полярно противоположные политические блоки – социалистические государства и западные империалисты. В 1950-е гг. в отношении Северного и Южного Вьетнама столкнулись геополитические интересы нескольких влиятельных государств, таких как бывшая метрополия Франция, а также США, СССР и КНР. Можно отметить, что в советско-вьетнамских отношениях Советский Союз стал одной из внешнеполитических опор для ДРВ. Государство, только освободившееся от французского империализма, которому предстояло восстанавливать экономику и складывать новый политический строй, нуждалось в союзнике. Хо Ши Мин с большим уважением относился к государственно-политическому устройству СССР. Правительство СССР всесторонне выражало ДРВ международную поддержку, активным образом производились военные и экономические поставки, происходил обмен специалистами для повышения квалифицированных кадров. Международное сотрудничество СССР и ДРВ было направлено, в том числе, против империалистической агрессии.

Список литературы

1. Губер А. А. История Вьетнама в новейшее время (1917-1965) / А. А. Губер. Москва: Наука, 1970. 476 с.
2. Хо Ши Мин. Избранное (Перевод с вьетнамского, французского и ханваня) / сост. Е. В. Кобелев. Москва: Прогресс, 1979. 296 с.
3. Мхитарян С. А. Вьетнамская революция. Вопросы теории и практики / С. А. Мхитарян, Т. Т. Мхитарян. Москва: Наука, 1986. 295 с.
4. Хо Ши Мин. Избранные произведения (1920-1969 гг.) / Хо Ши Мин. Ханой: Изд-во лит-ры на иностран. языках, 1973. 394 с.
5. Индокитайские войны. Сборник документов / Сост. Д. В. Кузнецов. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2017. 648 с.
6. Мазырин В. М. Состояние и перспективы сотрудничества России и СРВ / В. М. Мазырин // Вьетнамские исследования. Выпуск 1. Москва: ИДВ РАН. 2012. С. 149-182.
7. Соколов А. А. Из истории русской колонии в Индокитае (первая половина XX в.) / А. А. Соколов // Вьетнамские исследования. 2013. №3. С. 183-207.
8. Исаев М. П. Внешняя политика Социалистической Республики Вьетнам / М. П. Исаев, Я. Н. Пивоваров. Москва: Наука, 1983. 216 с.
9. Соколов А. А. Из истории русской колонии в Индокитае (первая половина XX в.) / А. А. Соколов // Вьетнамские исследования. 2013. №3. С. 183-207.

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЛАНОВ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА ОТНОСИТЕЛЬНО КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Абдулманапова Кистаман Рабадановна, магистрант
Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия
abdulmanapova00@inbox.ru*

Статья посвящена анализу истоков формирования нацистских планов относительно Кавказа накануне Второй мировой войны. Рассматриваются такие узловые сюжеты, как попытки немцев по будущему захвату богатыми ресурсами районов Кавказа.

Ключевые слова: Кавказ, Германия, стратегические планы.

THE ORIGINS OF THE FORMATION OF THE PLANS OF THE THIRD REICH REGARDING THE CAUCASUS REGION ON THE EVE OF WORLD WAR II

*Abdulmanapova Kistaman Rabadanovna
Master's student, Dagestan State University,
г. Makhachkala, Russia
abdulmanapova00@inbox.ru*

The article is devoted to the analysis of the origins of the formation of the plans of the Third Reich regarding the Caucasus on the eve of the Second World War. Such nodal plots as the attempts of the Germans to seize the resource-rich regions of the Caucasus in the future are considered.

Keywords: Caucasus, Germany, strategic plans.

Идея об особой миссии Германии в отношении Кавказа сформировалась еще в конце 1850-х годов. Причем, в первую очередь, в области экономики и концессионной деятельности. Кайзеровское руководство в период Первой мировой войны, а после и Веймарское правительство довольно активно сотрудничало с разными группами кавказских эмигрантов и использовало их в своей собственной политике [1, с.25]. Таким образом, речь не шла о приобретении выгодных экономических преференций, и лишь потом выступали идеологические и стратегические замыслы.

Локомотивом этого процесса была немецкая (прусская) фирма «Сименс и Гальске», действовавшая на Кавказе в течение 57 лет (1860-1917 гг.). Телеграфные линии «Сименс и Гальске» проходили через территории Кавказа. [4, с. 288]. Начав с прокладки телеграфных линий, она затем включилась в нефтяное и медеплавильное дело, наладили производство и продажу электрооборудования, занялась электрификацией закавказских городов, включая строительство электрогенерирующих предприятий.

Деятельность фирмы, несмотря на конкуренцию других иностранных компаний, способствовала быстрому росту политического и финансового влияния Германии на Кавказе. В центре Кавказа недалеко от Царских Колодцев в Грузии, находилась фирма, принадлежащая «Сименсу и Гальске» [7, с.311].

В конце XIX века, немцам также принадлежали некоторые колонии в Тифлисской и Лиссаветпольской губерниях. На тот период времени немцы встречаются практически в каждом городе, от крупных медных рудников Кедабег фирмы «Сименс и Гальске», до озера Гоча в Елисаветпольской губернии [3, с.44]. В целом, «Сименс и Гальске» сыграла важную роль в подготовке почвы для германской военной экспансии в черноморско-каспийский регион в годы Первой мировой войны.

Наряду с этим немецкие военные и политики разрабатывали аналитически выверенные и обоснованные планы в январе 1915 г. в МИД Германской империи был представлен меморандум, центральной идеей которого являлась «революционизация Кавказа», то есть, необходимость использовать существующие там противоречия, прежде всего – национальные, для обострения внутренней обстановки. Эти положения были закреплены на встрече 1 августа 1917 г. между главой германского МИДа Рихардом фон Кюльманом и идеологами младотурецкой партии «Единство и прогресс» Назим-беем и Зией Гекальпом.

Помимо этого, разрабатывались идеи военного десанта Германии на черноморское побережье Грузии, совместных военных действий с Османской империей и финансирования местных сепара-

тистских сил, включая агентов в Тифлисе, Баязете и Шулавери, а также тайных студенческих собраний в Одессе и Новороссийске, курировавшихся Комитетом Церетели [2, с.26].

Потенциальные экономические возможности края стали для немецких специалистов предметом всестороннего изучения не только сами по себе, но и как базовые условия для дальнейшего продвижения на Ближний и Средний Восток. С 1911-1912 гг. в Закавказье резко увеличивается число германских эмиссаров, ведущих сбор подробнейшей разведывательной информации на случай, если там развернутся военные действия между германо-турецким союзом и Россией. Немцы изучали местные политические, идеологические и религиозные настроения. Даже после поражения Германии в Первой мировой войне Кавказ не выпадал из ее поля зрения. Он присутствовал в различного рода военно-политических проектах, разрабатывавшихся в академических кругах при участии представителей «обиженной» советской властью кавказской эмиграции. Существовали организации в Берлине, изучающие русские, украинские и кавказские националистические организации в Германии 1920-х годов [6, с. 477].

Кавказская диаспора, возникшая после завершения гражданской войны в 1921 году, отличалась как своим этническим и политическим разнообразием, так и той ролью, которую она продолжала играть в межвоенной политике. После изгнания их соответствующих правительств с Кавказа советской властью различные представители Грузии, Армения, Азербайджан и Северный Кавказ достигли кратковременного единства. В Париже 10 июня 1921 года Аветис Агаронян (Армения), Акакий Чхенкели (Грузия), Али-Мардан Топчибашев (Азербайджан) и Тапа Чермоев подписали меморандум о взаимопонимании, заявив о необходимости тесного «братского» союза между всеми ними.

Затем, примерно с двухлетним опозданием, в Праге появилась первая официальная политическая организация эмигрантов под названием «Union of Caucasian Mountaineers» («Союз Кавказских горцев»), президентом которой с апреля 1924 года был Ахмед Цаликов, и первоначально в ней также участвовали некоторые представители казачества. Почти одновременно, 7 октября 1924 года, в Стамбуле возникла «Kafkas Kurtuluş Komitesi» («Кавказская независимость»).

Комитет возглавлялся двумя ветеранами правительства горцев и Азербайджанской Демократической Республики Алиханом Кантемиров и доктором Хосров-беком Султановым. В ноябре 1926 года в Варшаве под руководством внука имама Шамиля Саида Бей, была создана "Народная партия кавказских горцев" [5, с.217].

Однако, если польская и турецкая разведывательные службы оставались главными действующими лицами на ранних этапах связей с кавказской эмиграцией, то к правительству Германии эмигранты стали обращаться с июня 1927 года. Грузинский представитель запросил обширную финансовую и инфраструктурную поддержку, пообещав Германии взамен крупномасштабные коммерческие уступки, если они помогут как свергнуть большевизм, так и воплотить в жизнь единую Кавказскую федерацию с ее главным политическим центром в Тбилиси [5, с.220].

Таким образом, планы Гитлера в отношении Кавказа не выходили за рамки фашистской идеологии. По этой задумке планировалось, что Кавказ будет отделен от России и станет автономной областью под управлением из Рейха - так называемым Рейскомиссиариатом. Столицей огромной автономии немцы хотели сделать Тбилиси.

Список литературы

1. Абрамян Э. А. Кавказцы в Абвере. М.: Издатель Быстров, 2006.
2. Баринов И. И. Антироссийская стратегия Германии на Кавказе в годы Первой мировой войны // Вестник РУДН. Серия История России. 2013. № 1.
3. Baron Thielmann M. G. F. v. (1875). Streifzüge im Kaukasus, in Persien und in der asiatischen Türkei. Германия: (n.p.).
4. Deutsche Warte. (1872). (n.p.): (n.p.).
5. Marshall A. (2010). The Caucasus Under Soviet Rule. (n.p.): Taylor & Francis.
6. Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg. (2018). Германия: De Gruyter.
7. Zincken, C. F. (1884). Die vorkommen der fossilen kohlen und kohlenwasserstoffe: von C.F. Zincken. Германия: Montanistischer verlag.

РОЛЬ М. Н. РЮТИНА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХАРБИНСКОГО СОВЕТА

*Рахунок Софья Игоревна, студент
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Росси
24903189mk@gmail.com*

Статья посвящена истории образования Харбинского Совета на территории Северо-Восточного Китая. Через призму председателя революционного органа местной власти М. Н. Рютина показана борьба большевиков за советскую власть на стратегически важной Китайской Восточной железной дороге. Также, статья служит отражением влияния Октябрьской революции на пролетариат маньчжурской дороги и обзором на историю распространения марксизма на данной территории.

Ключевые слова: Харбинский Совет, М. Н. Рютин, распространение марксизма в Северо-Восточном Китае, попытка установление советской власти в Маньчжурии.

THE ROLE OF M. N. RYUTIN IN THE ACTIVITIES OF THE HARBIN COUNCIL

*Rakhunok Sofya Igorevna
Student, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
24903189mk@gmail.com*

The article is devoted to the history of the formation of the Harbin Council in the territory of Northeast China. Through the prism of the chairman of the revolutionary local authority, M.N. Ryutin, the struggle of the Bolsheviks for Soviet power on the strategically important Chinese Eastern Railway is shown. Also, the article serves as a reflection of the influence of the October Revolution on the proletariat of the Manchurian road and an overview of the history of the spread of Marxism in this territory.

Key words: Harbin Council, M.N. Ryutin, the spread of Marxism in Northeast China, an attempt to establish Soviet power in Manchuria.

Октябрьская революция как исторический феномен важна не только для истории российской государственности, но и ценна своим влиянием для окружающих держав. Так, становление российско-китайских отношений содержало в себе много противоречий как политических, так и национальных. Россия, ранее придерживающаяся монархического уклада, находилась в состоянии трансформации, делая первые шаги в строительстве принципиально нового государства социальной справедливости. Так, поменялась и сама тенденция в политике по отношению к другим государствам, обусловленная «Декретом о мире». Китайская Восточная Железная дорога или Маньчжурская дорога (КВЖД) была плацдармом для сотрудничества двух соседних держав, построенная в конце XIX века. Необходимо сказать, что реакция на свершение Октябрьской революции не была однозначной. Рабочие и солдаты придерживались как антиреволюционных, так и более легитимистских настроений по отношению к новой власти. Вышеперечисленное стало причиной многочисленных противоречий, возникавших в полосе отчуждения с 1917 года. Особое внимание стоит уделить революционному органу самоуправления – Харбинскому Совету, председателем которого стал известный большевик и партийный деятель М. Н. Рютин. Через призму личности революционера можно увидеть более яркую картину происходящего на КВЖД.

В своей автобиографии Мартемьян пишет, что в мае-июне он был отправлен из 2-ого Сибирского стрелкового полка в 618-ую пешую Томскую дружину г. Харбина. Там он был назначен младшим офицером. [1, с. 57]. Этот период наиболее интересен с практической точки зрения, здесь в полосе отчуждения Мартемьян столкнулся с острым антисоветским движением, встретил Октябрьскую революцию и начал свою партийную карьеру.

В г. Харбине кипели общественные настроения, но существенных революционных или социал-демократических организаций не было создано, хотя представителей последних было достаточно много. Прибыв на службу, Мартемьян начал вести большую агитацию среди сослуживцев. Еще в 1914 году он окончательно примкнул к партии большевиков и начал борьбу против оппортунистического левого движения (меньшевиков). Перед революционером стояла партийная задача в «обработке наиболее надежных солдат», чем он активно занимался до Февральской революции. [1, с. 57]

Пропагандистская деятельность М. Н. Рютина состояла не только в агитации рабочих и солдат КВЖД, но и содержала просветительскую часть. Так, из Харбина революционер корреспондировал в центральную газету «Летопись» Горького, активно занимался распространением марксистской литературы среди русского и китайского пролетариата. [1, с. 57]

Такая революционная деятельность требовала большой конспирации и необходимого политического опыта, которого в должной степени у революционера не хватало. Так, накануне Февральской Революции он был взят под арест, но практически сразу освобожден. Этот негативный опыт не повлиял на «революционный пыл» Мартемьяна.

В феврале 1917 года большевистская организация значительно выросла и требовала создания руководящего органа для защиты прав рабочих КВЖД и более глубокого продвижения марксизма вдоль рельсового пути. Существующий Исполнительный комитет в г. Харбине состоял преимущественно из меньшевиков и кадетов. Орган уже не удовлетворял Мартемьяна своей революционной позицией. Об этом пишет и комиссар Временного правительства, и начальник КВЖД Д. Л. Хорват [2, с. 194]. Так, в марте стали частым явлением собрания рабочих разных профессиональных групп (Харбинский общий завод, рабочий профсоюз Железной дороги и т. д.) [3, с. 70]. Рютин пишет об этом следующее: «Когда я был освобожден из-под ареста с началом Февральской революции, я сразу же собрал организационное собрание делегатов от солдат гор. Харбина». Скорее всего речь идет о рабочей конференции, прошедшей 17 марта среди рабочих Харбинского общего завода.

Именно на этом заседании М. Н. Рютин был избран председателем объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов.

Мартемьяну удалось вызвать революционное брожение в 548-ой дружине, которая стала эффективным инструментом пропагандисткой деятельности революционера. Для большевиков создание нового революционного органа было возможностью утверждения их власти, но в Совете оставались преимущественно меньшевики, поэтому перед Мартемьяном стояла большая идеологическая и агитационная работа. В том числе, под его руководством проходили аресты реакционно настроенного населения и черносотенцев. У революционера появилось устойчивое ядро единомышленников, в состав этого объединения вошли: Славин, Якубов, Летунов, Стразов. В начале сентября большевикам удалось получить большинство в Совете. Под контролем М. Н. Рютина произошел полный раскол социал-демократов, результатом чего стало образование Харбинского Комитета РСДРП(б) [1, с. 58]. Председателем совета стал большевик Рютин. Но борьба с меньшевиками и эсерами продолжалась, большинство было за большевиками, что давало возможность большего влияния на рабочих и солдат. Также, волнующим для совета эпизодом являются выборы в Учредительное Собрание, проходившие в 81-ом избирательном округе, в том числе и зарубежом. Таким пунктом выступила КВЖД. Основными кандидатами были начальник КВЖД Хорват, лидер большевиков Рютин и представитель железнодорожного союза Стрелков. Победу одержал последний, Мартемьян набрал на 1500 голосов меньше, чем Стрелков [1, с. 58]. Но скорые вести об Октябрьской революции поменяли ситуацию в корне.

Настроения имели разную сторону, кто-то с восторгом встретил грядущие перемены, а кто-то не принял происходящее, видя в этом потерю России.

Находясь на должности председателя, Рютин активно занялся агитацией в периодических изданиях. Так, в Харбине появляются первые «красные газеты». Такие как: «Голос Труда», «Да здравствует Лейбористская партия», «Рабочее знамя» [3, с. 70]. Приоритет, в основном, был отдан идеологии марксизма и «разоблачению империалистической войны», таким образом газеты находили своего читателя среди рабочих и солдат. Постепенно большевики становились не просто агитаторами в глазах простого народа, а политической партией, которая лоббировала интересы рабочего населения.

Октябрьский переворот с одной стороны добавил уверенности в деле революции большевикам, но с другой это крайне обострило общественно-политическую обстановку. Харбинский Совет столкнулся со сложными и противоречивыми явлениями в полосе отчуждения. Так, начальник КВЖД с отрицательной точки зрения смотрел на Октябрьский переворот, возглавив белое движение на линии маньчжурской дороги.

Рассматривая этот эпизод истории КВЖД, в частности Харбинские события довольно сложно установить на чей стороне было большинство рабочих и солдат. Точка зрения неоднократно менялась за всю историографию тех событий. Так, в советское время была популярна версия о том, что путем распространения революционных путей и теоретического обоснования марксизма была обусловлена борьба большевиков с мелкобуржуазными элементами. В постсоветском пространстве возникла другая версия, которая говорит об вооруженном перевороте, нежелании и непонимании малограмотного народа в то, что было совершено с их согласия. Эти версии имеют право на существование. Но гово-

ря об объективной картине происходившего, нужно сказать, что абсолютной одинакового отношения к «революции или перевороту» не было, что подтверждается длительной борьбой, протекающей на территории Маньчжурии.

Начальник КВЖД и вся белая организация в полосе отчуждения, по словам Рютина, находилась под защитой китайцев, которые сохраняли непримиримое отношение к советской власти в тот период. Хорват же в своих воспоминаниях упоминает, что у Китая была своя заинтересованность в этом вопросе в связи опасения включения в конфликт Японии, которая в свою очередь под видом борьбы с большевиками может предпринять попытки вмешательства в работу КВЖД. Но с другой стороны и у Хорвата тоже был свой интерес. Ведь с приходом советской власти он был отстранен от своей должности, поэтому можно говорить о выгодном сотрудничестве.

В.И. Ленин, отвечая на телеграмму М. Н. Рютина, говорил о срочном взятии власти Советами и замене руководства железной дороги [1, с. 59]. Другими слова, лидер и вдохновитель большевиков говорил об устранении Хорвата и старых консулов, но проблема состояла в том, что это было неосуществимо. Рютин писал о больших трудностях в связи накаленной ситуации в г. Харбине. Китайские войска обладали хорошим вооружением, что существенно отличалось от того, что было в руках большевиков. Революционная деятельность, направленная на активизацию русского и китайского пролетариата, постоянно ограничивалась и встречала сопротивление со стороны железнодорожной охраны. В ситуацию вмешалось Китайское правительство, что также выступило мерой для подавления революционного движения со стороны военных союзников, а также мерой, чтобы обезопасить территорию от японского вмешательства. 8 декабря 1917 года китайцы выступили с ультиматумом – разоружение дружин, за чем последовал отказ со стороны большевиков [1, с. 59]. Хорват пишет, что был неплохо осведомлен о боеспособности китайцев и видимо итог был определенно понятен для него. Также, отметил личностные качества Мартемьяна, который, по его словам, был недостаточно храбрым, чтобы противостоять китайцам и организовать нужное сопротивление [2, с. 203]. Скорее всего в словах Хорвата есть доля правды, ведь у Мартемьяна было достаточно мало опыта в столь серьезных решениях, также, как и не было опытного наставника в этом вопросе.

548 дружина была согласна на условия китайцев только в том случае, если сдача оружия будет происходить русским. Именно об этом китайский полковник сообщил Хорвату. Рютин вспоминает, что другого варианта у него и заместителя Совета Славина абсолютно не было, поэтому они приняли предложение. Китайцы дали гарантию, что при отъезде Рютина и его товарищей не будет никакого насилия [1, с. 59]. Как показывает исторический опыт, гарантия не была выполнена. При переговорах началась стрельба, в ходе которой был убит большевик Давыдов и пострадало гражданское население.

Но несмотря на то, что план не был выполнен и большевикам пришлось признать свое бессилие против китайцев и белой администрации, председатель Харбинского совета не утратил веру и революционный настрой. Перед тем как покинуть г. Харбин Рютин на собрании комитета высказался о непобедимости и величии интернационализма, который всегда будет бороться за великое дело [1, с. 60]. Таким образом, можно утверждать о большом моральном вкладе председателя Харбинского комитета в поддержании революционных настроений среди солдат и офицеров.

Открытая стрельба и преследования вынудили Рютина бежать, в чем ему помогли его товарищи. Он вспоминает, что изначально он бежал в поселок, находившийся недалеко от Харбина. Там, большевики помогли ему заgrimироваться и отправится с Песковым в Иркутск. Упоминаемый являлся большевиком, который был расстрелян в 1918 году Колчаком [1, с. 60].

В воспоминаниях Д. Л. Хорвата дан очень яркий окрас деятельности и личности Мартемьяна Рютина, преимущественно, в негативном ключе, что неудивительно. Ведь это два представителя совершенно разных мировоззренческих позиций на будущее России. Для Дмитрия Леонидовича охрана консервативных устоев была делом жизни, сохранением правопорядка, а также ликвидация всего того, что способно вызвать изменения – воспринимались максимально негативно. Хорват, имея огромный опыт руководства и управления людьми понимал последствия этого «рабоче-крестьянского бунта» и хотел оградить свою страну от разрухи, даже путем сотрудничества с китайцами и японцами. Для Хорвата Мартемьян являлся безумцем, который был поглощен идеей создания нового государства социальной справедливости. Он видел бунтарство и пропаганду. Именно в таком свете перед ним представлялись большевики, что неоднократно можно увидеть на страницах его рукописи.

Сторона Мартемьяна Рютина также понятна в силу его идеологических воззрений, а также жизненного опыта. Читая огромное количество литературы левой направленности, революционер имел большое желание реализовать его практически. Непокойная обстановка только усиливала уровень воодушевления «сломать старые устои» и «построить новое лучшее».

Харбинские события и деятельность Совета ярчайшим образом отразились на истории КВЖД, в том числе и на истории русско-китайских отношений.

М. Н. Рютин внес значительный вклад в организацию пролетарского движения на линии железнодорожного пути. Он стал вдохновителем революции на КВЖД, отражая раскол феодальных отношений. Администрация КВЖД остро сопротивлялась новым течениям в силу сохранения монархического уклада и прежнего положения. Деятельность большевиков, направленная на вовлечение простого народа, шла вразрез с представителями администрации, которая стремилась любыми способами обеспечить национальную безопасность в условиях влияния Октябрьской революции и иностранной интервенции японцев. Деятельность Харбинского совета заложила прочную основу марксизма на линии отчуждения, стала своеобразным «магнитом притяжения» для большевиков, прибывавших из США. Создание организаций революционной направленности в Северо-Восточном Китае способствовало большому представительству рабочих и солдат в органах самоуправления, активизации простого народа в деле реализации политики на местах.

В рамках революционного движения в г. Харбине появляются рабочие союзы, целью которых было отстаивание интересов пролетариата. Большевицкие организации выступили катализатором формирования рабочего самосознания, что отвечало историческому вызову времени.

Список литературы

1. Рютин М. Н. На колени не встану. Сборник. М.: Политиздат, 1992. 351 с.
2. Луговая А. В. «У меня на руках было большое русское дело...». Воспоминания из архива генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата. Часть 1. // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 191-215.
3. Бай Сюэтао. Разделение русских большевиков и русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае // Вестник Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 28. № 1. С. 68-74.

УДК 93

ЮЖНАЯ ОКРАИНА ВЕЛИКИХ КНЯЖЕСТВ МОСКОВСКОГО И ЛИТОВСКОГО В XV–XVI ВЕКАХ

*Тацый Марий Владимировна, студент
Московский государственный университет международных отношений
Министерства иностранных дел России, г. Москва, Россия
maria.tatsiyy@gmail.com*

*Тихонов Никита Дмитриевич, студент
Московский государственный университет международных отношений
Министерства иностранных дел России, г. Москва, Россия
niktikh0305@gmail.com*

В статье рассматриваются взаимоотношения южной окраины и Великих княжеств Московского и Литовского. Описывается развитие взаимоотношений между великими княжествами, Ордой, крымским ханством. Сделан вывод о принципиальной важности данного направления для Москвы и Вильно, но и отсутствии необходимости полноценного присоединения территории южной окраины, так как сохранение его в нейтральном положении оставалось более выгодным.

Ключевые слова: Великое княжество Московское, Великое княжество Литовское, окраина, Золотая Орда, Позднее Средневековье

THE SOUTHERN PERIPHERY OF THE GRAND DUCHIES OF MOSCOW AND LITHUANIA IN THE XV–XVI CENTURIES

*Tatsiy Maria Vladimirovna,
Student, MGIMO Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia
maria.tatsiyy@gmail.com*

The article examines the relationship between the southern periphery of the Grand Duchies of Moscow and Lithuania. It describes the development of relations between the Grand Duchies, the Horde and the Crimean Khanate. The conclusion is made about the fundamental importance of this direction for Moscow and Vilna, but also about the lack of necessity of full-fledged annexation of the territory of the southern periphery, as keeping it in a neutral position remained more favourable at the time.

Key words: Grand Duchy of Moscow, Grand Duchy of Lithuania, periphery, Golden Horde, Late Middle Ages

В течение XIII–XIV века сразу несколько региональных центров силы боролись за лидерство в условиях вакуума власти, возникшего после распада единого Древнерусского государства. К XV веку, во многом из-за появления нового актора – Золотой Орды, лишь двое из них смогли сохранить и даже увеличить свой военно-политический потенциал: Великое княжество Литовское и Московское княжество. Стремлением сохранить и укрепить свое влияние объяснялись их схожие интересы в отношении пограничных земель, в том числе и их политика по отношению к южной окраине, направленная на включение региона в свою орбиту влияния. Под южной окраиной Великих княжеств Московского и Литовского в данной статье понимаются приднепровские земли бывшего Древнерусского государства, за которые в обозначенный период велась борьба между Великими княжествами Московским и Литовским.

Стоит отметить, что тема противостояния Великих княжеств Московского и Литовского в XVI веке, в том числе и за южную окраину, достаточно подробно освещена в историографии. По данному периоду также существует обширная источниковая база. Научная новизна данной работы состоит в сравнении значений региона южной окраины для Вильно и Москвы, их изменений, определявших политику великих княжеств в отношении приднепровских земель. Методологией работы является компаративистский анализа. Методом данного исследования является анализ источников и историографии по данной теме.

В первую очередь стоит отметить, что в вопросе объединения всех бывших земель Древнерусского государства, в том числе находящихся на территории южной окраины, Великое княжество Литовское долгое время рассматривалось как альтернативный Москве центр объединения [1, с. 76], что объясняет стремление Вильно к распространению своего влияния на русские пограничные земли на юге. Более того, Великое княжество Литовское сделало первые шаги на этом направлении раньше какого-либо из княжеств Северо-Восточной Руси: уже в 1362 г. удалось отбить Киев от Золотой Орды. В дальнейшем вплоть до разгромной для литовско-русских войск битвы на Ворскле в 1399 году, Вильно действовало на данном направлении с переменным успехом.

Москва обратилась к вопросу контроля южной окраины почти веком позже. Для Великого княжества Московского проблема южной окраины во многом была составляющей московско-ордынских отношений. Если пограничные московско-литовские столкновения севернее южной окраины имели место быть и до окончательного обретения Великим княжеством Московским независимости от Орды, то к активным действиям на южном направлении Иван III перешел уже ближе к рубежу XV и XVI веков. До этого на данной территории в основном случались только литовско-ордынские столкновения. Характерно, что именно к его правлению даже Ермолинская летопись, в которой нередки отрицательные оценки центральной власти Москвы [2, с. 266], относит первые успешные походы московских войск в войнах с ханствами и признает это заслугой Ивана III, в то время как татары перестают быть «непобедимыми врагами» [3, с. 172]. Предпосылкой этого было окончательное закрепление за Москвой роли центра объединения Северо-Восточной Руси после феодальной войны 1425-1453 гг. Находясь к Орде значительно ближе, чем Великое княжество Литовское, Москва смогла перейти к наступательной политике только в правление Ивана III [4, с. 184]. Тогда же закрепились первостепенность задачи воссоединения всех русских земель в самом широком их понимании в титуле Великого князя Московского Ивана III – Государь всея Руси, что отражало «политическую доктрину единства Русской земли, исторической преемственности русской государственности» [5, с. 181].

Анализируя восприятие южной окраины в летописях Великого княжества Литовского, стоит отметить связанность проблемы южной окраины с ордынским направлением внешней политики. Так,

в литовской «Хронике Быховца» вышеупомянутая битва на Ворскле описывается более подробно любого другого столкновения [6, с. 74-75]. Тема противостояния с татарами на юго-восточном фланге Великого княжества Литовского, а особенно описание их набегов, сохраняется на протяжении всей хроники, описывающей события с XII до XVI веков. Важно отметить, что автор Хроники Быховца, по мнению исследователя Н.Н. Улащика, был близок «к верхушке феодалов Великого княжества» [6, с. 26-27]. В силу этого, выраженная им точка зрения во многом отражает позицию представителей литовской военно-политической аристократии, которая непосредственно занималась, среди прочего, юго-восточным направлением. Постоянное обращение хрониста к данной теме, повышенное внимание к катастрофическому поражению на Ворскле показывает, что тема южных окраин сохраняла свою актуальность для элиты Великого княжества Литовского и в XVI веке, когда была составлена Хроника Быховца, а большая часть южной окраины перешла под контроль Москвы. При описании московско-литовских столкновений во второй половине XV века, летописец XVI века в некоторой степени предвещает интенсификацию московского-литовского конфликта на рубеже XV-XVI веков, в том числе и за южную окраину, впервые проводя в хронике четкое разграничение между понятиями «русский» и «московский». Таким образом, к началу XVI века Великое княжество Литовское, первое взявшее инициативу на данном направлении, уступило набравшей силу Москве, но не отказывалось от претензий на данный регион, тогда как Иван III и его наследники ставили своей первоочередной целью воссоединение всех русских земель.

Во многих источниках отмечается появление во время колонизации южной окраины Московским княжеством понимания о необходимости «большой границы» [7], в которую с XVI в. начинает входить и южная окраина. Теория «большой границы» появилась в 1860-х гг. для описания процесса отодвигания границы государства от важных политических и экономических центров, – создание, по сути, буферной зоны. Земли, находящиеся южнее границы Московского княжества в начале XVI в., предполагалось сохранять не принадлежащими ни Московскому княжеству, ни ВКЛ, ни Крымскому ханству для этой цели. После присоединения в 1521 г. Рязанского княжества к Московскому процесс объединения русских земель во многом завершился, что поделило земли Восточно-Европейской равнины между ВКЛ и Московским княжеством. Далее встал вопрос о противостоянии между сложившимися государствами за пограничные территории и статус преемницы Киевской Руси. В то же время, южную окраину продолжали контролировать крымчаки, которые во второй половине XVI в. совершали набеги на новопостроенные русские форпосты и города в этом регионе. Тем не менее, конфликт между ВКЛ и Московским княжеством разгорелся не из-за спорной окраины – которая являлась «большой границей» для всех соседних стран, а из-за неуплаты дани другим ближним обедневшим регионом – Ливонией [8, с. 31].

Для почти всех сторон конфликта было выгодно, чтобы территория южной окраины оставалась нейтральной. В. П. Заговорский [9, с. 201] сделал вывод о том, что продвижение и укрепление Московского государства в XVI веке на территорию южной окраины скорее было отложено для следующего века, особенно после начала Ливонской войны. С 1550-х гг. московская сторона без закрепления территорий окраины и создания местных правительств начинает строительство ряда мелких укреплений и крепостей, что становится возможным после присоединения Казанского и Астраханского княжеств и прекращения активных наступательных действий на восточном направлении. М. М. Бенцианов [10, с. 134] отмечал в это время множество возможных путей интеграции новоприсоединенных территорий и помимо Казани и Астрахани, отмечал роль южной окраины как потенциального сдерживающего барьера против крымчаков.

Таким образом, южная окраина изначально была местом столкновения интересов Москвы, Великого княжества Литовского и Орды, но по мере усиления первой инициатива в этом вопросе перехватывается ею, данный регион становится важным этапом собирания русских земель с центром в Москве. Великое княжество Литовское также рассматривает этот регион как принципиальное направление своей внешней политики, кроме того он представляет интерес для набирающего силу Крымского ханства. В результате, в течение XVI века южная окраина для Московской стороны оставалась «буферной зоной», на которой происходили мелкие столкновения с крымчаками и литовцами, но вопрос полноценного присоединения южной окраины к Московскому княжеству не стоял, при этом присоединения к новообразованной Речи Посполитой территорий нельзя было допустить.

Список литературы

1. Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX–начала XX в. Москва: Политиздат, 1991. С. 76-126.

2. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века / А. Н. Насонов // Очерки и исследования. – Москва: Наука, 1969. – 555 с.
3. Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. Том 23. – Москва: ЯСК, 2004. – 256 с.
4. Горский А. А. Москва и Орда / А. А. Горский. – Москва: Наука, 2000. – 214 с.
5. Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси / Ю. Г. Алексеев. – Новосибирск: Наука, 1991. – 240 с.
6. Хроника Быховца. Москва: Издательство «Наука», 1966. – 153 с.
7. Болховитинов Н. Н. О роли «подвижной границы» в истории США (критический анализ концепции Ф. Тернера). [Электронный ресурс]. URL: <https://america-xix.ru/library/bolkhovitinov-moving-frontier/> (дата обращения: 31.10.2023)
8. Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного / А. И. Филюшкин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – 320 с.
9. Заговорский В. П. Белгородская черта / В. П. Заговорский. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1969. – 304 с.
10. Бенцианов М. М. Служилые элиты Московского государства / М. М. Бенцианов. – Москва: Центрполиграф, 2020. – 256 с.

СЕКЦИЯ 3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРА И ОКРАИН В ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 930.85:39(571.13)

РОЛЬ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В НИВЕЛИРОВКЕ ОКРАИННОГО СТАТУСА СИБИРИ В XVII – НАЧАЛЕ XX В.

Шиловский Михаил Викторович

д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник

Новосибирский государственный университет, Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Шиловский Денис Михайлович

канд. ист. наук, доцент

Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия

Рассматривается воздействие переселений на преодоление окраинного статуса Сибири в составе Российской империи. В организации и стимулировании миграций за Урал ставка делалась на крестьянство, за счет которого предполагалось консолидировать, прежде всего, великороссов, малороссов и белорусов. Коренные народы административными методами переводились на оседлость, приобщались к православию, их налоги уравнивались с повинностями русских крестьян. Имперский проект ликвидации полиэтнической специфики региона к 1917 г. не завершился. В то же время массовые переселения позволили существенно увеличить численность русского населения и ареалы его расселения в Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, переселения, окраина, коренные народы, крестьяне.

THE ROLE OF RESETTLEMENTS IN ELIMINATING THE PERIPHERAL STATUS OF SIBERIA IN THE XVII - EARLY XX CENTURY

Shilovskiy Mikhail Viktorovich

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher

Novosibirsk State University,

Institute of History SB RAS, Novosibirsk, Russia

Shilovskiy Denis Mikhaylovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Novosibirsk State University of Economics and Management

Novosibirsk, Russia

The paper considers the resettlements' impact on the elimination of the peripheral status of Siberia within the Russian empire. Those who organized and stimulated the process of resettlement made stake on the peasantry in order to consolidate first of all the Great Russians, Little Russians and Belarussians. Administrative methods were used to transfer the aboriginal peoples to the sedentary lifestyle, convert them to the Orthodoxy; their taxes were put on the same level as the Russian peasants' obligations. The imperial project aimed at liquidating the polytechnic specifics of the region was not finished by 1917. At the same time, the massive resettlements made it possible to increase the number of the Russian population significantly and to expand the area of its resettlement.

Key words: Siberia, resettlements, peripheries, aboriginal peoples, peasants.

Начиная с середины XVI в. (взятие Казани в 1552 г.) и вплоть до развала СССР (1991) развитие российской государственности осуществлялось в алгоритме империостроительства, основной принцип которого сводился к формуле: империя может динамично развиваться, в том числе, за счет территориальной экспансии и последующего закрепления за собой присоединенных земель, их социально-экономической адаптации, аккультурации и ассимиляции. Расширение границ сопровождалось обустройством окраин, расположенных за ареалом этногенеза великорусского этноса.

Существенной особенностью Сибири, в отличие от большинства других окраин, в процессе ее интеграции во внутренний регион Российской империи явилось постоянное воздействие на него переселений. Уже в начале XVII в. государство начало перемещать сюда пашенных крестьян. Определенную часть первых поселщиков составляли беглые крепостные крестьяне, а также ссыльные маргиналы: бывшие стрельцы, казаки, рейтары, которые в сопроводительных документах именовались «ворами», «изменниками», «мятежниками», «колодниками» и т. д. Данное обстоятельство позволило одному из сибирских воевод охарактеризовать насильственно водворенный контингент следующим образом: «Все мужики охочие из разных городов, всякого воровства бегаючи» [1, с. 459]. Помимо собственно переселенцев, определенную часть пришлого населения составили ссыльные. По подсчетам Н. М. Ядринцева, в 1870-е гг. на 4 млн. местных жителей приходилось 0,5 млн. каторжан и ссыльнопоселенцев [2, с. 287]. Экстраполируя эти данные на весь XIX век, с уверенностью можно утверждать, что общее число невольных обитателей региона, оказавшихся принудительно здесь, превышал один миллион человек.

Предполагалось, что ссыльные будут заниматься сельским хозяйством. Однако, по данным на начало 1882 г. в Каинском округе Томской губернии на 7013 душ мужского населения в 28 притрактных селениях числилось причисленными 765 (11 %) ссыльнопоселенцев. На лицо имелось 430, в отлучке по письменным разрешениям – 95, в бегах – 240 чел. Из постоянно живущих, самостоятельно вели хозяйство 61 чел., в услужении по найму 281, без определенного занятия – 88 чел. [3]. Большую часть ссыльных составляли бродяги, наносившие существенный ущерб местным жителям, давая большую часть рецидивной преступности. Бродяжничество становится мощным криминогенным фактором в течение всего XIX в. Прекращение уголовной ссылки в Сибирь в 1900 г. избавило ее от массового наплыва уголовного элемента. Самодержавие сделало ставку на крестьянскую колонизацию региона.

В 1903 г. министр внутренних дел В. К. Плеве отметил, что «из местностей с преобладающим инородческим населением переселяются преимущественно русские крестьяне», которые неохотно идут на Кавказ, в Туркестан, Приамурский край [4, с. 163]. Применительно к Степному краю, внедрение «русского элемента», должно было решить задачу «обрусения» казахов. Посетившие в 1910 г. Алтай, Акмолинскую и Семипалатинскую области П. А. Столыпин и А. В. Кривошенин связывали колонизацию с решением двух актуальных проблем. Во-первых, «ревниво оберегать киргизскую степь и кочевое хозяйство на черноземе от прихода сюда русского земледельца было бы во всех отношениях ошибочно, даже по отношению к самим киргизам. Тем более непростительной ошибкой это было бы с точки зрения интересов русской государственности и культуры». Во-вторых, «нельзя поэтому не озаботиться о сокращении компетенции народных судов и о всемерном правительственном поощрении перехода на оседлые наделы отдельных аулов, но не иначе, как с подчинением их волостному и сельскому управлению на общих основаниях с крестьянами» [5, с. 71, 73].

Соответственно, по-разному оценивались цели и результаты переселений российскими чиновниками, представителями национальных элит и современными историками. «Действительная мера к укреплению границ одна – заселение малолюдных окраин, - утверждали П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин. – Прилив на окраину переселенцев, как живых соков, должен образовать и у нас в Сибири плотную живую кору русского дерева» [6, с. 16]. «Результатом переселенческой политики царизма явилось перманентное уменьшение этнической территории казахской нации. Произошло сужение, дробление, ухудшение в природно-хозяйственном плане, - декларировал первый президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев. – Это означало, что в местах расселения переселенцев терялась «этническая непрерывность», приведшая к дисфункциям этносоциального организма, что существенно замедлило консолидацию казахского народа» [6, с. 50]. «Таким образом, - подвел итоги своего исследования А. Ю. Быков, - процессы трансформации казахского кочевого общества были объективны и неизбежны, но их характер, темпы и формы во многом стимулировались политикой России. В то же время вновь возникавшие отношения не являлись прямой калькой европейских или российских общественных отношений, а приводили к возникновению конгломерата традиционных и модернистских отношений и институтов в казахском обществе, зачастую, правда, имевших содержание квази демократических и квази капиталистических институтов» [7, с. 262].

Подводя итоги пребывания Азиатской России в составе российского государства с конца XVI до начала XX века в качестве окраины полиэтнического типа, отметим наиболее существенные подвижки в плане интеграции во внутренний регион империи. По мере «втягивания» в состав унитарного государства постепенно осуществлялась нивелировка ее особого (окраинного) положения. Происходила интеграция управленческих систем – имперской и региональной, главными элементами которой стали территориально-административное размежевание («оцентрирование»); однородность гу-

бернаторского корпуса с преобладанием военных в приграничных районах; организация управления на общих для российских губерний основаниях.

Коренные народы административными методами (землеустройство) переводились на оседлость, их налоги уравнивались с повинностями сибирских крестьян. Тем не менее, аборигены стремились сохранить свой «инородческий» и «ясачный» статус, освобождение от призыва в армию. В течение обозначенных хронологических рамок аборигенов приобщали к православию. Реально же происходило внешнее усвоение христианства при сохранении традиционных религиозных представлений. Следствием становится двоеверие у большинства коренных жителей сибирской окраины.

В организации миграций за Урал упор делался на крестьян и ссыльных (до 1900 г.). Старожилы и переселенцы в большинстве своем предпочитали сохранять общинные порядки, и славянско-православная колонизация сопровождалась переносом на новые территории такого важного атрибута российской цивилизации как корпоративность, т. е. общинной организации. Порожденное массовым переселением землеустройство с ограничением площади наделов способствовало эскалации противостояния между старожилами и аборигенами, с одной стороны, и переселенцами, с другой.

Преодоление окраинного статуса Сибири предусматривало консолидацию российской нации, прежде всего великороссов, малороссов и белорусов. В совокупности они должны были стать основой «большой русской нации» [8, с. 103]. Восточные славян, будучи втянутыми в экономические и социокультурные процессы на новом месте жительства, постепенно адаптировались в сибирский социум. Как отмечали А. В. Ремнев и Н. Г. Суворова: «Русскость далеко не ограничивалась только объединением славянских этносов, но могла включать и другие народы, в известной мере абстрагируясь от принципа «частоты крови». В смешении разнородных этнических элементов на российском имперском пространстве при преобладании русской культуры и общих хозяйственных интересах формировался на окраинах «здоровый русский тип», который являлся олицетворением всего «чисто национального русского», расширявшего пределы «матушки Руси» [4, с. 232-233].

Имперский проект ликвидации окраинного статуса к 1917 г. не завершился. Ему сибирские областники и представители национальной интеллектуальной элиты противопоставляли свои варианты этносоциального развития Сибири. Так, еще до 1865 г. один из лидеров и теоретиков движения Н. М. Ядринцев заметил: «Будущий Сибиряк еще не создан, он создается, как создавался житель Американских Штатов отличный от англичанина» [9, л. 1]. Уже в 1880-е гг. другой идеолог сибирского областничества Г. Н. Потанин следующим образом определял будущность окраины в составе российского государства: «Действительно, приведение Сибири в одно целое с европейскою Россиею установлением единства в системе управления обеими этими русскими территориями – это первое, что необходимо для того, чтобы сделать Сибирь не только окончательно русскою страной, но и органической частью государственного нашего организма – в сознании как европейско-русского и сибирского населения. Затем необходимо окончательно закрепить связь Сибири с европейскою Россиею железнодорожным путем, пролегающим через всю сибирскую территорию» [10, с. 554]. Решение проблемы цивилизационного выбора якутского народа в 1912 г. самобытный философ и просветитель А. Е. Кулаковский связывал с ориентацией на русских. «Единственным и рациональным средством является наша культивизация и слияние с русскими, - апеллировал он к якутской интеллигенции, - благо, что помесь с последними дает хорошие плоды. Культивизация была бы необходима и помимо указанных грозных признаков [переселение и вымирание М. Ш.]» [11, с. 233].

Список литературы

1. Любавский М. К. Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
2. Ядринцев Н. М. Положение ссыльных в Сибири // Вестник Европы. 1875. № 11. С. 276-289.
3. Томск. губ. ведомости. 1883. 21 июля.
4. Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX - начале XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
5. Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. Барнаул: СЛОВО, 2011. 140 с.
6. Назарбаев Н. А. В потоке истории. Алматы: Атамура, 1999. 296 с.
7. Быков А. Ю. Истоки модернизации Казахстана (Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX века). Барнаул: Азбука, 2003. 268 с.
8. Ремнев А. В. Еще раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начале XX в.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2007. С. 100-104.

9. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 3. Оп. 15. Д. 18759.

10. Потанин Г. Н. Завоевание и колонизация Сибири (1884) // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Алматы: Дайк-Пресс, 2006, С. 531-554.

11. Кулаковский А. Е. О судьбах многочисленных и малочисленных народов (Из письма к якутской интеллигенции) // Дьяконова Н. Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: Судьбы и время (конец XIX – 1917 г.). Новосибирск: Наука, 2002. Приложение. С. 230-233.

УДК 93/94

ВЫСШЕЕ РУКОВОДСТВО СТРАНЫ И КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Гайдин Сергей Тихонович

д-р ист. наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

gaydinsergey@rambler.ru

Бурмакина Галина Александровна

канд. ист. наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

Статья посвящена выявлению этапов во взаимоотношениях руководства страны и Енисейской губернии (с 1934 г. - Красноярского края) с учетом проблем СССР и воздействия международных факторов. Хронологические рамки исследования охватывают весь советский период. Методологической основой исследования является теория модернизации применительно к особенностям Сибири, как периферийной части России. Модернизация имела фронтальный характер, так как ведущим актором ее проведения являлось государство, которое определяло перспективы развития Сибири и ее регионов, направляло финансовые и людские ресурсы на их развитие. Источниковую базу составляют опубликованные партийные и государственные документы, воспоминания партийных и советских руководителей, материалы Государственного архива Красноярского края.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Красноярский край, Главное управление Северного Морского пути, Енисейстрой МВД СССР, руководство страны, Красноярский краевой комитет КПСС, Красноярский крайисполком, Красноярский совнархоз, Красноярская десятилетка.

THE COUNTRY'S TOP LEADERSHIP AND THE KRASNOYARSK TERRITORY: THE MAIN STAGES OF RELATIONS IN THE SOVIET PERIOD

Gaidin Sergey Tikhonovich

Doctor of Historical Sciences, Professor

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

gaydinsergey@rambler.ru

Burmakina Galina Aleksandrovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

The article is devoted to identifying the stages in the relationship between the leadership of the country and the Yenisei province (since 1934 - the Krasnoyarsk Territory), taking into account the problems of the USSR and the impact of international factors. The chronological framework of the study covers the entire Soviet period. The methodological basis of the research is the theory of modernization in relation to the peculiarities of Siberia as a peripheral part of Russia. Modernization had a frontier character, since the leading factor in its implementation was the state, which determined the prospects for the development of Siberia and its regions, directed financial and human resources to their development. The source base consists of published party and state documents, memoirs of party and Soviet leaders, materials of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory.

Keywords: Yenisei Province, Krasnoyarsk Territory, the Main Directorate of the Northern Sea Route, Yeniseistroy of the USSR Ministry of Internal Affairs, the leadership of the country, Krasnoyarsk Regional Committee of the CPSU, Krasnoyarsk Krai Executive Committee, Krasnoyarsk Sovnarkhoz, Krasnoyarsk Decade.

Развитие регионов в общероссийском разделении труда является условием развития и благополучия страны, в целом. Енисейская губерния в императорский период, хоть и располагалась географически примерно в середине России, но на деле являлась ее далекой восточной окраиной. Она интересовала государственную власть, как место добычи золота, место ссылки, а также как территория для переселения крестьян из европейской части страны.

После разгрома белого движения, на Сибирь, которая рассматривалась высшим руководством, как резервная продовольственная база страны, была возложена ответственность за спасение населения 34 голодающих губерний ее европейской части, но при этом оно почти не оказывало сибирским губерниям даже символической финансовой помощи. Такое отношение к губернии было обусловлено сложным политическим, экономическим и социальным положением в стране, но оно вызывало большие проблемы в работе ее управленческих органов и сильное недовольство сибирских крестьян.

Председатель Енисейского губернского исполнительного комитета Л.Е. Гольдич резко критиковал центральную власть за то, что она в 1921 г. едва не довела положение в губернии до экономической и социальной катастрофы. Центральные органы после провозглашения новой экономической политики спешили с переводом промышленных предприятий, учреждений и организаций губернии на местный бюджет, но уклонялись от оперативного определения источников их финансирования. В результате возникло шестикратное превышение расходов губернии над ее доходами, которое вынудило закрыть многие предприятия, учреждения, школы, объекты здравоохранения и уволить большое количество квалифицированных работников из всех сфер деятельности [1, с. 26, 27].

После создания на территории, расформированной в 1925 г. Енисейской губернии, Ачинского, Минусинского, Красноярского и Канского округов, Госплан СССР на протяжении несколько лет не мог определиться с их хозяйственной специализацией в общесоюзном разделении труда. Но в период, когда шла разработка проектов первого пятилетнего плана на 1928/29 – 1932/33 гг., председатели окружных плановых комиссий жаловались, что отраслевые республиканские наркоматы не шли с ними на сотрудничество и при составлении планов не учитывали отраслевые и территориальные интересы округов. Но так как созданные округа входили в состав Сибирского края, то, скорее всего, отраслевые приоритеты развития округов при составлении Генерального плана развития Сибирского края определяла Сибирская плановая комиссия [2, л. 6].

Интерес представляет то, что в соответствии с представлениями того времени о централизации планового руководства и децентрализации оперативных функций, некоторые отраслевые управленческие структуры республиканского и союзного уровня целенаправленно переносилась в периферийные районы развития соответствующих производств.

Так в 1927 г. из Москвы в Красноярск было перенесено Управление Руссграфита, которое планировало восстановить добычу графита на Курейском месторождении [3]. В начале 1932 г. в Красноярске было размещено Управление Всесоюзного треста кедровой промышленности, которому было поручено создание системы кедрового производства с формированием культурных кедровых насаждений [4].

В первой половине 30-х гг., когда в Западной Сибири развернулось формирование крупной металлургической базы, а в Восточной Сибири шло обсуждение Ангаро-Енисейской программы развития энергетики, цветной металлургии и других отраслей промышленного производства, Президиум ВЦИК РСФСР в декабре 1934 г. принял Постановление об образовании самостоятельного Красноярского края, как региона активного промышленного освоения [5].

Это создавало условия для его перевода из аграрно-индустриального уровня развития на индустриально-аграрный уровень. Госплан СССР, исходя из обозначенных им потребностей страны, передал отраслевым наркоматам на территории края, ряд действующих предприятий, а также определил перечень предприятий, которые должны быть построены.

Наркомату тяжелой промышленности были переданы месторождение слюды в Рыбинском районе и марганцевый рудник в Ачинском районе, в Красноярске завершалось строительство машиностроительного завода и начиналось строительство целлюлозно-бумажного комбината.

Главному управлению Северного морского пути (ГУСМП) – графитовая фабрика, рыбные промыслы и Усть-Портовский рыбоконсервный завод, Наркомату лесной промышленности – 15 лес-

промхозов, Наркомату пищевой промышленности – маслодельные предприятия Хакасии и юга Красноярского края.

Наркомат тяжелой промышленности был обязан построить кислородный завод в Красноярске, Наркомат пищевой промышленности – фабрику сгущенного молока в Филимоново, Комитет заготовок СНК СССР – 3 мельницы, 3 мелькомбината и 2 завода по переработке пищевой продукции. «Севполярлес» должен был наращивать мощности деревообрабатывающих предприятий в Игарке, Енисейске и Маклаково [6].

Но Госплан СССР и Наркомат тяжелой промышленности не поддерживали многочисленные предложения Красноярского крайисполкома по строительству на территории края крупных промышленных предприятий. Проведенная в 1939 г. Всесоюзная перепись населения, показала, что в крае, где проживало 2618,7 тыс. человек, не было необходимых трудовых ресурсов для дополнительного строительства [7].

Но с началом строительства за Полярным кругом Норильского горно-металлургического комбината, Красноярский край стал приобретать статус стратегического региона промышленного и оборонного значения с режимом особого управления, который он сохранял на протяжении почти двух десятков лет.

В связи с удаленностью от места строительства органов управления Красноярского края, недостаточным развитием его промышленной базы, отсутствием рабочей силы и дорог круглогодичного действия, подготовка к строительству комбината, как и управление всей хозяйственной деятельностью в азиатской части СССР севернее 62 параллели, было передано ГУСМП, а строительство Норильского комбината ГУЛАГу НКВД СССР [8; 9].

В годы Великой Отечественной войны на руководство края вместе с отраслевыми наркоматами, была возложена ответственность за создание предприятий по производству оборонной продукции на базе эвакуированного оборудования заводов и фабрик из европейской части страны. В условиях временной утраты сельскохозяйственных угодий в европейской части страны, сельскохозяйственный комплекс края нужно было превратить в житницу общесоюзного характера и организовать массовый вылов рыбы в северных водоемах для экстренного продовольственного снабжения фронта и тыла.

В крае был создан аппарат Уполномоченного Госплана СССР, который отвечал за прием и размещение оборудования эвакуированных предприятий, согласование площадок для ввода их в эксплуатацию, решение вопросов снабжения их рабочей силой, электроэнергией, сырьевыми и другими ресурсами с отраслевыми наркоматами. В фонде Уполномоченного Госплана имеется небольшое количество дел с крайне ограниченным перечнем документов, что, скорее всего, объясняется режимом особой секретности и уничтожением по требованию Госплана секретных дел всех номерных заводов, работавших в Красноярске и Красноярском крае [10].

После завершения послевоенного восстановительного периода Красноярский край был определен в качестве закрытой территории, удаленной от западных и восточных границ, для создания атомного оборонного комплекса страны. Решение было обусловлено наличием в крае разведанных месторождений радиоактивного минерала монацита, многоотраслевого индустриального потенциала и квалифицированной рабочей силы.

Режим особого управления на территории Красноярского края был введен в апреле 1949 г., после того как Совет Министров СССР возложил на МВД СССР ответственность за разведку и освоение месторождений цветных и редких металлов в 25-ти районах края [11].

Краевой комитет КПСС и Красноярский крайисполком несли ответственность за результаты работы «Енисейстроя», но не получали от него поддержки в разработке собственных проектов освоения гидроэнергетических и лесных ресурсов края и не могли без его разрешения вести переговоры с научными учреждениями и отраслевыми министерствами.

Выступая на одном из собраний краевого партийно-хозяйственного актива, председатель краевой плановой комиссии С.А. Немцев, с горечью говорил о том, что невозможно заниматься комплексным развитием производительных сил Красноярского края, как это делают соседние области, когда режимная организация Министерства Внутренних дел СССР имеет особые полномочиями в управлении его народно-хозяйственным комплексом [12].

Возможность изменения отраслевой структуры промышленного комплекса Красноярского края появилась только после изъятия в 1953 г. хозяйственной деятельности из ведения МВД СССР. Но Госплан СССР, опираясь на наработки «Енисейстроя», по-прежнему, делал акцент на развитие в крае гидроэнергетики и алюминиевой промышленности.

Руководству Красноярского края пришлось восстанавливать связи с руководящими органами страны, принимать меры по организации изучения производительных сил края, «возвращать» отрас-

левые министерства на территорию края. Краю пришлось некоторое время работать в «догоняющем» режиме.

Выступая в прениях по Отчетному докладу ЦК КПСС XX съезду КПСС (февраль 1956 г.), первый секретарь Красноярского краевого комитета КПСС Н.Н. Органов критиковал Министерство лесной промышленности СССР, которое в бассейне Ангары осваивало не более четверти расчетной лесосеки. Он критиковал Министерство черной металлургии СССР, которое не выполнило решение правительства о закладке в крае крупного рудника по добыче железной руды. Не исключено что, таким образом, секретарь крайкома партии пытался привлечь внимание отраслевых министерств к проблемам развития производительных сил Красноярского края, и заручится поддержкой со стороны руководства страны.

Иногда решение важных для края проблем зависело от знания руководителями Красноярского края особенностей принятия решений в высших эшелонах власти или особенностей работы лиц, от которых зависело принятие нужных решений.

Так в 1957 г., когда из-за сокращения финансирования над Красноярской ГЭС нависла угроза прекращения работ, первый секретарь крайкома Н.Н. Органов предпринял вполне логичное решение. Зная, что председатель Государственного Экономического Совета М.Г. Первухин, от которого зависело выделение средств, категорически отказывался принимать первых руководителей краев и областей, он отправил на переговоры зав. отделом строительства крайкома В.О. Чеботаревича и начальника строительства ГЭС С.Г. Цесарского. В результате М.Г. Первухин поддержал просьбу руководства края о выделении средств на продолжение строительных работ [13, с. 51].

Партийные и советские органы Красноярского края стремились вывести экономику края за рамки искусственно созданной, относительно узкой специализации края в общесоюзном разделении труда, обеспечить комплексный межотраслевой подход к развитию его производительных сил. Для этого они неоднократно обращались в Совет Министров РСФСР с просьбой о проведении Конференции по изучению производительных сил Красноярского края, подобной той, которая была проведена в Иркутске в 1947 г., просили Академию Наук СССР об открытии в Красноярске ее отделения, как это ранее было сделано в Иркутской области [14].

Однако руководство страны, которое провозгласило курс на сдвиг производительных сил в восточные районы СССР, приняло решение о проведения в августе 1958 г. в Иркутске Конференции по развитию производительных сил всей Восточной Сибири. На ней несколько отраслевых секций выдвинули аргументы в пользу строительства в регионе не гидроэнергетических, а тепловых электростанций большой мощности на базе крупнейших месторождений каменного и бурого угля.

Не исключено, что Н.С. Хрущев, который в 1958 г. возглавлял ЦК КПСС, Бюро ЦК КПСС по РСФСР, Совет Министров СССР, под влиянием рекомендаций конференций, сделал вывод о необходимости прекращения строительства Красноярской ГЭС

Реализация этого вывода была чревата списанием уже затраченных огромных средств на проведение изыскательских и строительных работ, изменением сроков ввода в эксплуатацию строившихся заводов алюминиевого комплекса, перераспределением финансовых средств и контингентов рабочей силы.

Красноярский краевой комитет партии, крайисполком многократно обращались к руководству страны с обоснованием необходимости продолжения строительства Красноярской ГЭС [15, с. 104]. Надо отдать должное А.Н. Косыгину, который по поручению Н.С. Хрущева проанализировал ход ее строительства и сумел доказать высокую эффективность строящейся ГЭС [16, с. 39, 40].

В 1957–1965 гг. развитие производительных сил Красноярского экономического района было связано с работой Красноярского совнархоза края в системе территориального управления промышленностью и строительством. В отличие от многих других районов страны, здесь довольно быстро удалось наладить взаимодействие Красноярского СНХ и Красноярского крайисполкома, отвечавшего за развитие подведомственного ему хозяйства и решение социальных проблем населения. Не исключено, что этому способствовало назначение на должность председателя Красноярского СНХ бывшего Министра цветной металлургии СССР П.Ф. Ломако, который в условиях специализации края на развитии цветной металлургии, хорошо знал край, лично был знаком с его руководителями, директорами большинства предприятий союзного и республиканского подчинения.

Следует отметить, что руководство страны осознавало необходимость развития не только отраслей, подконтрольных Красноярскому совнархозу, но и всего народнохозяйственного комплекса края. Благодаря работе в крае в 1960 г. правительственной комиссией, которую возглавлял Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин, были подготовлены проекты постановлений Совета

Министров СССР «О развитии народного хозяйства Красноярского края на 1960–1965 гг.» и «О развитии энергетики в Красноярском крае» [17].

После укрупнения совнархозов в 1963 г., Красноярский совнархоз оказался в числе наиболее устойчивых в стране, который избежал процедуры укрупнения. Ежегодный прирост производства валовой продукции в первые годы работы Красноярского совнархоза составлял 12-13 % в год [18, с. 24]. В 1963 г. в Красноярском экономическом районе был достигнут объем валовой продукции, наметенный только к 1965 г. [19]

Результаты работы Красноярского совнархоза свидетельствовали о том, что модель отраслевого управления, функционирующая на территории Красноярского экономического района, в случае ее сочетания с территориальными подходами к управлению, могла бы работать вполне эффективно.

Отказ от территориальных принципов управления обусловил возвращение к внутреннему единству Красноярского края, отраслевой министерской системе управления экономикой, ответственности Красноярского крайкома КПСС и крайисполкома за социально-экономическое развитие на всей территории края.

Красноярский краевой комитет партии использовал трибуну партийных съездов для доведения своей позиции до высшего руководства страны. Выступая в прениях по отчетному докладу ЦК КПСС XXIII съезду КПСС (март-апрель 1966 г.), первый секретарь Красноярского крайкома партии А.А. Кокорев говорил о высоких темпах роста экономики края, но просил высшее руководство страны ускорить разработку долговременной программы комплексного развития его производительных сил [20, с. 554-561].

Первый секретарь Красноярского крайкома партии В.И. Долгих, выступая на XXIV съезде КПСС (март-апрель 1971 г.) обращал внимание на то, что многоотраслевой хозяйственный комплекс края не мог комплексно использовать природные ресурсы и производственные мощности предприятий из-за слабого сочетания отраслевых и территориальных планов развития, отказа отраслевых министерств от межотраслевой кооперации [21, с. 28].

Период с 1966 г. по 1985 г. мы связываем с разработкой Госпланом программ развития производительных сил Восточной Сибири РСФСР на долговременной основе. Причем краевая плановая комиссия была инициатором разработки Генеральных Схем формирования на территории края Ангарского и Причудымского промышленных районов с комплексным использованием водных, природно-сырьевых и трудовых ресурсов.

Учитывая наработки, сделанные плановыми комиссиями Красноярского края и Иркутской области, Госплан РСФСР разработал Схему развития и размещения производительных сил Восточносибирского экономического района, на 1971 – 1980 гг. [22].

Первый секретарь Красноярского крайкома КПСС В.И. Долгих в своих мемуарах писал, что после пуска в эксплуатацию в 1971 г. Красноярской ГЭС Красноярский край получил уникальный энергетический потенциал, которого не было ни в каком другом регионе страны. Руководство края получило реальную возможность приступить к комплексному развитию его производительных сил.

Результатом совместной работы плановых органов страны, научных учреждений, отраслевых министерств и ведомств, краевых органов власти и управления стала разработка программы первой красноярской десятилетки, которая была утверждена 1 февраля 1971 года Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР [23].

За счет работы предприятий различных отраслей, в составе формируемых территориально-производственных комплексов и промышленных узлов, за 1970 – 1980 гг. на территории Красноярского края было выпущено промышленной продукции в 2,3 раза больше, чем за предыдущий десятилетний период 1961 – 1970 гг. [24, с. 358, 359].

В годы первой красноярской десятилетки Красноярский край по уровню развития социальной сферы стал выходить на показатели европейской части страны. Система здравоохранения края в этот период развивалась более высокими темпами, чем по РСФСР, но еще отставала от среднероссийских показателей примерно на 25 %. Темпы роста потребления продуктов питания в крае соответствовали средним темпам по РСФСР, но они отставали от рекомендаций Института питания Академии медицинских наук СССР по мясу – на 25 %, по молоку – на 14 %, по яйцу – на 10 %, по овощам на 24 %. По существующим нормативам обеспеченность населения музыкальными школами составляла 132 %, библиотеками - 98,3 %, клубами в городской местности - 91,4 %, в сельской местности - 60, 7%, кинотеатрами - 63,6 %, театрами - 72,1 %. Значительные успехи были достигнуты в жилищной сфере [25; 26].

Этот результат был положен в основу разработки программы второй Красноярской пятилетки. К сожалению, пересмотр высшим руководством страны представлений о принципах ее дальней-

шего социально-экономического развития и отказ от размещения на территории Красноярского края предприятий большой единичной мощности обусловили свертывание уже реализуемых проектов.

Проделанный нами анализ развития Енисейской губернии и Красноярского края в советский период позволяет выделить три этапа во взаимоотношениях советского руководства страны с руководством губернии и края.

Первый период охватывает время после окончания гражданской войны (1920 – 1925 гг.), когда государство смотрело на сибирские регионы как на держателей резервных запасов продовольствия для голодающего населения европейской части страны. Высшее руководство страны считало приоритетным восстановление и развитие ее европейской части и выделяло средства на развитие сибирских регионов по остаточному принципу

Второй этап имеет хронологические рамки с 1934 г. по 1953 гг. Для него характерно развитие производительных сил Красноярского края в соответствии с определенным для него местом в общесоюзном разделении труда. Но для этого периода характерно преобладание государственных приоритетов по отношению краевым, в связи с передачей строительства Норильского горно-металлургического комбината Главному Управлению Северному морскому пути и ГУЛАГ НКВД СССР.

В годы Великой Отечественной войны Красноярский край стал важнейшим для обороны страны тыловым регионом, каждое предприятие которого получало от Госплана СССР конкретные задания по производству необходимой продукции для фронта и тыловой экономики.

В период с 1949 по 1953 г., когда на территории края шло создание атомного оборонного комплекса, 25 районов края были переданы под управление режимной организации «Енисейстрой», которая на работах использовала труд заключенных.

Третий этап мы выделили в хронологических рамках 1953 – 1987 гг., когда государство занималось сдвигом производительных сил в восточные районы страны. После изъятия хозяйственных функций из компетенции МВД СССР, руководство Красноярского края восстанавливало связи с плановыми органами, отраслевыми министерствами страны, академическими институтами и проектными организациями. Оно использовало возможности выступления руководителей краевого комитета КПСС на партийных съездах для продвижения идеи комплексного развития производительных сил края на долгосрочной основе.

После пуска в эксплуатацию Красноярской ГЭС, край получил возможность проведения успешного эксперимента в рамках десятилетних циклов. При всех проблемах и недостатках у края был большой потенциал развития. Но эксперимент был прекращен по инициативе высшего руководства страны, которое отказалось от плановой экономики и планового развития социальной сферы и сделало выбор в пользу формирования рыночной экономики.

Список литературы

1. Гольдич Л.Е. Доклад Губернского исполнительного комитета и губэконосо за 9 месяцев с февраля 21 по декабрь 1922 г. // 4-й Енисейский губернский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 5 – 9 декабря 1922 года. Стенографический отчет. Красноярск: Государственная типография, 1923. 197 с.
2. ГАКК. Ф.Р-1301. Оп.1. Д. 26 Л.6.
3. ГАКК. Ф.Р-1301. Оп.1. Д. 10. Л. 31, 32, 97,98.
4. ГАКК. Ф.Р- 962. Оп. 1. Д. 30 Л.6.
5. Постановление ВЦИК от 07.12.1934 г. О разукрупнении Западносибирского и Восточносибирского краев и образовании новых областей в Сибири// <http://kaznachey.com/doc/aMBD4Q3MCD9/>
6. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 1 Д. 205. Л. 13,14,15, 20, 23.
7. ГАКК. Ф Р-1478. Оп. 1 д. 689. Л. 5.
8. Постановление СНК СССР от 22.06.1936 г. «Положение о Главном Управлении Северного морского пути Союза СССР//» https://ecolog.ru/docs/fMmP1nSGpaBDDrsGVCwKn?utm_referrer=https%3A%2F
9. Постановление СНК СССР «О строительстве Норильского никелевого комбината» 23 июня 1935 г. Сов. секретно// <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170641-postanovlenie-snk-sssr-o-stroitelstve-norilskogo-nikelevogo-kombinata-23-iyunya-1935-g#mode/inspect/page/1/zoom/4>
10. ГАКК. Ф. Р.-1805. Оп.1. Д. 14. Л.1- 4.
11. Постановление Совета Министров СССР 1409-506 сс от 11 апреля 1949 г. «Вопросы Министерства Геологии»//http://elib.biblioatom.ru/text/atomny-proekt-sssr_t2_kn4_2003/go,282;
12. ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 24. Д. 16. Л. 252, 326, 327.

13. Сизов Л.Г. Все остается людям. Том. I. Книга I. Летопись рукотворных чудес Красноярья /Л.Г. Сизов. – Красноярск: ИПК Платина, 2000. - С. 51.
14. ГАКК. Ф. Р- 1478. Оп.3. Д. 326 . Л. 39
15. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Часть II. 1951–1970 гг. М., 1970. С.104.
16. Непорожний П.С. Энергетика страны глазами министра: Дневники 1935-1985 гг. - Москва: Энергоатомиздат, 2000. – С. 39, 40.
17. ГАКК. Ф.П - 26. Оп. 34. Д. 10. Л. 13.
18. Павлюкевич Р.В. Создание и деятельность Красноярского совнархоза Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иркутск - 2014. Специальность 07.00.02 – Отечественная история с. 24
19. ГАКК Ф.Р– 1408. Оп. 1. Д. 307. Л. 23.
20. Выступление первого секретаря Красноярского крайкома КПСС в прениях по» Отчетному докладу ЦК КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза»// XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 1. Москва, 1966. С. 554- 561.
21. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. II. М., 1971. С. 28.
22. ГАКК. Ф. Р- 1478. Оп.3. Д. 970. Л 5, 18,55,61.
23. Центральный комитет КПСС, Совет Министров СССР, Постановление от 1 февраля 1971 г. № 65 «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 годах производительных сил Красноярского края»// libussr.ru/doc_ussr/usr_7477.htm.
24. Речь товарища П.С. Федирко //XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 23 февр. – 3 марта 1981 г. Стенографический отчет. Т.1. – М., 1981.
25. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д.1414. Л.33-35,74-79;
26. ГАКК. Ф.Р-1478. Оп. 3. Д.1380. Л. 21.

УДК 94(47).07

К ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ НОВОМОСКОВСКОГО УЕЗДА ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.¹

Степанова Лилия Геннадьевна
д-р ист. наук, доцент, профессор
Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
liliya_stepanova@list.ru

В статье на основе Экономических примечаний к планам Генерального межевания рассматривается процесс хозяйственного освоения Новомосковского уезда Екатеринославской губернии в первой трети XIX в.

Ключевые слова: Генеральное межевание, Новомосковский уезд, крестьянство, Экономические примечания, базы данных, аграрная история.

ON THE HISTORY OF SETTLEMENT AND DEVELOPMENT OF THE TERRITORY OF NOVOMOSKOVSKY UYEST OF EKATERINOSLAV PROVINCE IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

Stepanova Liliya Gennadievna
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kuban state university, Krasnodar, Russia
liliya_stepanova@list.ru

The article, based on Economic Notes to the General Survey Plans, examines the process of economic development of the Novomoskovsk district of the Ekaterinoslav province in the first third of the 19th century.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00330, <https://rscf.ru/project/22-28-00330/>

Key words: General survey, Novomoskovsk district, peasantry, Economic notes, databases, agrarian history.

В начале XIX в. южные территории были одними из интенсивно заселяемых регионов Российской империи. Аграрное перенаселение районов старого заселения приводило к усилению миграционных потоков на южные окраины. В 1820-1830-х гг. на новых южных территориях России отмечался самый значительный прирост населения [1, с. 202]. В первой трети XIX в. в Новороссии в ходе Генерального межевания проводились основные работы по межеванию территории. Землемеры составляли Экономические примечания к планам Генерального межевания, в которые включали разнообразные сведения о земельных владениях [2, с. 41]. До недавнего времени Экономические примечания к планам Генерального межевания при изучении истории заселения и хозяйственного освоения южных территорий практически не использовались [3, с. 13-19].

Новомосковский уезд располагался по течению притока Днепра реки Самары в северной части Екатеринославской губернии. Уездный город Новомосковск вел свою историю от построенного в 1687 г. города Богородицка. В 1711 г. по мирному договору, заключенному Петром I с Османской империей, он был снесен. Во время русско-турецкой войны в 1736 г. на этом месте запорожскими казаками было заложено местечко Новоселица. Начало межевания уезда можно отнести к 1799–1804 гг., когда составлялись Камеральные экономические примечания. Составление описания города Новомосковска, построенного по утвержденному в 1823 г. Александром I плану, с Экономическими примечаниями земель уезда завершилось в 1828 г. Как следует из Экономических примечаний, название Новомосковск поселение получило по Высочайшему именному повелению Екатерины II в 1779 г. [4, л. 1].

Для изучения процесса освоения территории Новомосковского уезда были составлены электронные базы данных, содержащие сведения о количестве и качестве различных категорий земельных угодий, грунте земли и его плодородии, составе леса, животного мира, рыбных ресурсах, количестве поселений, дворов, мужских и женских душ. В базу данных о природной среде Новомосковского уезда вошли сведения о 138 дачах (92,6%) из 149 дач, описанных в Экономических примечаниях. На 9 дачах уезда (6,5%) был зафиксирован строевой лес, в том числе «дубовый, сосновый, который к корабельному строению не способен, толщиной в отрубе от пяти до четырнадцати вершков, вышиной от четырех до шести сажень» [5, л. 53 об.]. На 98 дачах (71%) землемеры отметили наличие дровяного леса. Среди произрастающих в нем деревьев особо выделялись осина (46 упоминаний), ива (45), клен (38), терн (25), вяз и липа (24), береза (20), ольха (16). В составе леса упоминались также дуб и орех (8), мелкий кустарник крушина (7), тополь и черноклен (5), ель (4), дикие груши (3) и яблони (2), верба (2). На 83 дачах уезда (60,1%) были указаны звери. Однако описанный видовой состав оказался очень скудным. На 80 дачах (58%) водились зайцы, 75 дачах (54,3%) встречались волки, на 71 даче (50,7%) – лисицы, на 15 дачах (10,9%) – хорьки и хомяки, 11 дачах (8%) – горностаи, на 4 дачах – белки и суслики, на двух дачах – дикие козы.

Достаточно большим оказался видовой состав птиц. В базе данных зафиксированы 36 их видов. Среди часто упоминаемых в лесах и полях оказались куропатки (на 68 дачах), жаворонки (68), перепелки (67), соловьи (46), стрепеты (45), чижи (43), дрофы (36). Встречались на этой территории также орлы, ястребы, коршуны. Среди птиц на водах чаще всего отмечены кулики (71), дикие утки (63) и дикие гуси (46).

В базе данных по уезду зафиксировано 22 вида рыб. Чаще всего упоминались плотва (108 дач), щуки (94), окуни (84), караси (74), лини (70), лещи и сомы (50), судаки (33), сазаны и пескари (30), ерши (26). Однако нередко делалась запись, что водится рыба разная мелкая. Более ценные виды рыб, в том числе осетры и стерляди, водились в Днепре.

В Экономические примечания по Новомосковскому уезду включались записи о населении по данным ревизии. Как выяснилось, населенными были 105 дач (70,5%). Здесь находились 9617 дворов, в которых проживали 55878 душ обоего пола (29801 м.д. и 26077 ж.д.). В среднем на один двор приходилось 3,1 м.д. и 2,7 ж.д.

В базу данных земельных угодий Новомосковского уезда были включены 143 дачи (96%), к которым землемеры отнесли 559788 дес. 1907 саж. земли. Из этого количества 6129 дес. 1229 саж. (1,1%) находились под поселениями, 153817 дес. 1759 саж. (27,4%) – под пашней, 26034 дес. 1224 саж. (4,7%) – под лесом, 312397 дес. 1914 саж. (55,8%) – под санными покосами. К неудобным землям принадлежали 61409 дес. 581 саж. (11%).

Хлебопашество как вид хозяйственной деятельности землемеры зафиксировали на 106 дачах (94,7%) из 112 дач с указанием занятий крестьян. Как отдельная отрасль хозяйства скотоводство вы-

деляется на 75 дачах (67%). На ряде дач отдельно от других поселений землемерами отмечаются основанные хутора для скотоводства [6, л. 10 об.]. Встречаются также дачи, на которых вообще отсутствует пахотная земля: «В одной даче хлебопашества не имеется, а производится одно только скотоводство» [6, л. 60]. Но в большинстве случаев отмечаются большие площади земли, на которых имеются сенокосы: «Земли на означенную помещицу обрабатывают пахотной девяносто десятин, а сенокосением до ста пятидесяти десятин, а остальную всю на себя и оставляют для скотской пастьбы» [5, л. 72]. Однако только на 31 даче сенокосы признавались хорошими. Причем наилучшие из них имелись по оврагам и низменным местам.

В базу данных о плодородии земли вошли 134 дачи (90%). Как удалось выяснить на 79 дачах уезда (59%) имелись плодородные черноземные почвы, на 62 дачах (46,3%) отмечены серопесчаные почвы, на 8 дачах (5,9%) – сероглинистые, на двух – песчаные и на одной – черноглинистые. Однако часто различные виды почв сочетались друг с другом. Чистые черноземы имелись только на 30 дачах, но не везде они использовались под хлебопашество. На 22 дачах скотоводство было важной частью хозяйства. На одной из этих дач черноземная земля совсем не распахивалась [7, л. 72.].

Среди посевов лучшие урожаи в Новомосковском уезде давала рожь, которая отмечена на 121 дачах (97,6%) из 124 дач, где землемеры выделили виды зерновых культур. На 102 дачах (82,3%) по урожайности выделялось просо, на 92 дачах (74,2%) – ячмень, на 89 дачах (71,8%) – пшеница, на 87 дачах (70,2%) – овес. Редкими оказались упоминания гречихи (9 дач) и гороха (8 дач). Остальные культуры в основном приносили средние урожаи. Худые урожаи отмечены только на 4 дачах. Причем на двух из них грунт земли был серопесчаным, местами встречался чернозем. Еще на двух дачах грунт описывался как песчаный, местами солонцеватый, на одной даче еще и глинистый.

В Экономических примечаниях по Новомосковскому уезду достаточно часто среди занятий женщин упоминается полевая работа. Однако разведение огородных растений встречается только в описании немецких колоний Юзефсталь и Рубальская [6, л. 32 об.]. Среди остальных занятий крестьян выделяется их работа на фабриках и заводах помещиков. Так, при селе Чапли владения князя А.А. Прозоровского имелась суконная фабрика, на которой производились тонкие и толстые сукна разных цветов как крестьянами помещика, так и наемными людьми. За один год выработывалось до 18 тыс. аршин сукна, которое по подряду поставлялось в казенное ведомство и на продажу. Часть шерсти для производства сукна на фабрику поступала из Москвы, но в большей степени ее покупали в Екатеринославской губернии. У помещика имелся также хутор для скотоводства и кожевенная фабрика. В ней выделялись различные виды кожи, в том числе простые для подошв на английский манер, юфть, черные и белые глянцевого, козловые, продававшиеся в разных российских городах [5, л. 29-30].

Достаточно часто в Экономических примечаниях встречаются упоминания о работе крестьян на кирпичных, кожевенных, винокурных и конных заводах помещиков. На землях графини Заводской, в дачу которой входили село Елисоветовка и сельцо Кирилловка с пятью хуторами, располагался конский завод русской породы. Лошади с завода продавались на ярмарках в ближайших городах от пятидесяти и до ста рублей. Имелся в имении и винокурный завод, на котором работали помещицы крестьяне. В год на нем выкуривалось до трех тысяч ведер английского вина [5, л. 85 об.].

В крупных селах уезда регулярно организовывались ярмарки. В селе Лычково ежегодно ярмарки проводились 1 января, 23 апреля, 1 октября и 8 ноября и продолжались до семи дней. На них прибывали купцы с сукнами, шелковыми и бумажными материями, мелочными товарами. Из ближайших селений на ярмарки приезжали крестьяне с хлебом, продуктами, холстами и разными изделиями [6, л. 30 об.]. В селе Каменка ярмарка проводилась 21 ноября. На нее съезжались купцы из Екатеринослава и Новомосковска с разными мелочными товарами, обыватели из близлежащих селений с хлебом и скотом и вели торговлю два дня [5, л. 79 об.].

Во время весеннего половодья по Днепру велась гонка плотов из строевого дубового, соснового, елового леса, на барках перевозился пиленный лес, который продавался в селениях при реке Самаре [7, л. 2 об.]. По самому Днепру был судовой ход до городов Херсона и Николаева. По реке плыли барки и лодки, нагруженные сосновым лесом, досками, углем, стеклом [6, л. 27]. Весной по реке Самара из города Кременчуга в лежащие по реке города и селения отправлялись барки и плоты со строевым и дровяным лесом [5, л. 34 об.].

Таким образом, материалы Экономических примечаний по Новомосковскому уезду Екатеринославской губернии отражают как сам процесс освоения новых территорий на юге Российской империи, так и его особенности на территории данного уезда. Освоение южных земель в первой трети XIX в. шло очень медленно. Многие земли Новомосковского уезда Екатеринославской губернии в это время продолжали использоваться для скотоводства. Только четвертая часть земель уезда отно-

силась к пашне. Между тем на территории уезда к 1830-м гг. активно развивалась ярмарочная торговля, судоходство, в имениях помещиков на местном сырье работали кирпичные, кожевенные, винокуренные заводы, создавались конные заводы для улучшения породы лошадей. Изучение материалов Экономических примечаний по отдельным уездам позволяет увидеть внутренние особенности региона, связанные с его заселением и хозяйственным освоением.

1. Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М., 1976. 306 с.
2. Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в). М., 1965. 312 с.
3. Степанова Л.Г. Варианты и черновики Экономических примечаний по Новороссии // Клио. 2021. № 12. С. 13-19.
4. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 384. 149 л.
5. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 382. 118 л.
6. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 380. 76 л.
7. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 381. 76 л.

УДК 93

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ В НАРЫМСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Бакшеев Андрей Иванович
канд. ист. наук, доцент

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого», г. Красноярск, Россия
baksh-ai@yandex.ru*

В данной статье на основании анализа имеющихся документов, прежде всего, из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Томской области (ГАТО), а также существующих исследований по истории Западной Сибири рассматривается процесс депортации политических ссыльных в Нарымский край (Томская губерния) в первых десятилетиях 20 века.

Ключевые слова: Российская империя, Нарымский край, ссылка, депортация, политические ссыльные.

POLITICAL EXILES IN THE NARYM REGION AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY

Baksheev Andrey Ivanovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Medical University. prof. V.F. Voyno-Yasenetsky,
Krasnoyarsk, Russia
baksh-ai@yandex.ru

This article, based on the analysis of available documents, primarily from the funds of the State Archive of the Russian Federation (GARF) and the State Archive of the Tomsk Region (GATO), as well as existing studies on the history of Western Siberia, examines the process of deportation of political exiles to the Narym Region (Tomsk province) in the first decades of the 20th century.

Keywords: Russian Empire, Narym region, exile, deportation, political exiles.

Введение

Нарымский край был одним из самых малонаселенных районов Западной Сибири, удаленным от крупных населенных пунктов. В русской литературе Нарымский край был представлен недоступным местом, огромной и холодной территорией. Поэтому неудивительно, что царские власти рассматривали его как одно из идеальных мест для ссылки непокорных – своих политических противников.

Первые ссылки появились в Сибири еще в 17 веке, однако их число тогда было незначительным, не сыграло существенной роли в истории рассматриваемого региона и до конца 19 века ссылки в Нарымский край были скорее эпизодическими, чем постоянными. К началу 20 века потенциал этого региона Российской империи как идеальной тюрьмы стал возрастать. Процессы массовой ссылки в начале 20 века были следствием деятельности революционных и антиправительственных движений.

В советской литературе также подробно исследован вопрос ссылки большевиков в этот край. Гораздо меньше места уделено (и поэтому это еще область, которую можно исследовать) представителям других революционных политических партий - меньшевикам, эсерам, анархистам, которые, тем не менее, составляли большинство ссыльных.

Современные исследования по вопросу присутствия ссыльных в Сибири в течение многих лет проводились широкой группой специалистов-историков как из России, так и из других стран. Несомненно, обращает на себя внимание влияние ссыльнопоселенцев на развитие зауральской части Российской империи – их роль и вклад в динамичность экономических процессов и научных исследований в Сибири ценны по сей день.

Особо следует отметить влияние ссыльнопоселенцев на создание рабочей, здоровой атмосферы в низовых административно-территориальных органах управления в Сибири, для которых была характерна излишняя централизация, бюрократизация и концентрация власти. В своем подавляющем большинстве должностные лица Сибири признавали и учитывали вклад ссыльных в развитие региона [1, с. 62].

Цель настоящего исследования: анализ особенностей процесса депортации в Нарымский край (Томская губерния) и пребывания в ссылке политических ссыльных в начале 20 века.

Материалом настоящего исследования послужили документы из фондов Государственного архива Томской области [2], а также исследования, посвященные политическим ссыльным в целом [3-7] и этому аспекту истории Томской области, в частности [8, 9].

Основное содержание исследования

Политическая ссылка в начале 20 века касалась сосланных за политические преступления, сосланных на поселения, отбывающих каторжные работы и сосланных в административном порядке. Ссыльных в установленном порядке отправляли в отдельные районы Сибири. Политическая деятельность была ключевой предпосылкой.

До 1914 года политические и административные ссыльные направлялись в Сибирь на основании «Положения о мерах по охране государственного порядка и общественного спокойствия». Статус сосланных в административном порядке, как и их жизнь, регулировались положениями «Положения о полицейском надзоре», которое, среди прочего, запрещало ссыльным участвовать в общественной, культурной и политической жизни своего места пребывания. Несмотря на это, практика часто расходилась с законодательными положениями. В Нарымском крае ссыльные широко организовали свою культурную жизнь, что оказало влияние и на развитие местного населения [8, с. 12].

Ссыльными, оказавшимися в Нарымском крае, были в первую очередь люди, подозреваемые в создании угрозы государственному строю и общественному порядку. Хотя ссыльные не теряли всех своих прав, они находились под надзором полиции и не могли, помимо прочего, заниматься просветительской и общественной деятельностью. Для ведения медицинской или юридической практики необходимо было получить разрешение министра внутренних дел. Покинуть это место без разрешения властей также было невозможно. Во время Первой мировой войны людей отправляли в Сибирь на основании пункта 17 раздела 19 указа о военном положении. Срок этой ссылки не определялся напрямую, он зависел от прекращения военных действий («на все время военных действий»).

Как указывает М.Ф. Богданова [3], расселение ссыльных по отдельным районам Сибири не было хаотичным процессом, а имело заранее определенную цель. Тех, кто был депортирован в административном порядке и приговорен к поселению для обработки неиспользуемых участков земли, отправляли в Восточную Сибирь. В регионы Западной Сибири отправлялись в первую очередь административные и политические ссыльные, большую часть которых составляла интеллигенция. Сама Восточная Сибирь была основным местом ссылки в 1885-1904 годах. Лишь в период, связанный с революцией 1905-1907 годов, Западная Сибирь, главным образом Тобольская и Томская губернии, стала местом массовой административной ссылки [3]. Одним из мест ссылки, куда были отправлены представители политических партий, был Нарымский край. В 1907-1908 годах в Нарымский край были отправлены сотни людей, обвиненных в принадлежности к боевой организации эсеров, партии анархистов-коммунистов, других организаций, обвиняемых в революционной деятельности.

По числу ссыльных в период с ноября 1905 г. по 2 декабря 1906 г. Нарымский край был третьим в России после Вологодской и Архангельской губерний. По данным Департамента полиции, всего в царской России на тот момент насчитывалось свыше 8000 каторжан. С учетом общего числа людей, сосланных в Нарымский край под полицейский надзор в 1906-1910 годах (2618 человек), 91%, из них (2370) были политическими ссыльными [8, с. 6].

В отчете за август 1909 г. число сосланных вместе с семьями оценивалось в более чем 2000 человек, расселенных в 30 городах, а в некоторых из них (Колпашево, Тогур, Нарым, Парабель) число доходило до 200-350 человек. Во время Первой мировой войны ситуация изменилась. Прежде всего, место политических ссыльных стали занимать рецидивисты, отправленные в Сибирь на поселение после отбытия наказания, как правило, отбывания в следственных изоляторах. В 1915 г. их насчитывалось 2002 человека из общего числа депортированных 2746. Остальные составляли подданные других стран (597) или небольшой процент политических ссыльных (147) [8, с. 44].

Сам Нарым, как город, считался одним из ключевых мест ссылки. Источники сообщают, что больше всего людей сюда было сослано в 1908 г. - 328, затем число уменьшилось: в 1914 г. оно составляло 65 человек, а в 1917 г. - всего 25 [8, с. 46]. Основными пунктами депортации в крае, кроме самого Нарыма, были также Парабель, Колпашево, Тогур, Каргасок, Молчаново, Чигара, Никитино.

В рапорте Томского уездного полицмейстера от 30 июня 1915 г. дано четкое разделение категорий ссыльных [2, ф. 3, оп. 70, д. 1299, с. 284]. На момент подготовки отчета в Нарымском крае находилось 2746 ссыльных. В Нарымский край на основании пункта 34 Указа о государственной защите было отправлено 147 человек, в том числе 11 человек, имеющих льготное положение (дворянство, освобожденное от телесных наказаний), 2599 человек на основании «Указа о военном положении», в том числе 42 привилегированных человека и 597 - иностранные подданные (Германия, Австро-Венгрия) [7].

Женщины составляли небольшой процент отправленных в Сибирь за свою антиправительственную деятельность. Тем не менее, их присутствие нельзя игнорировать. Из-за своего пола они не пользовались привилегиями и были приговорены к ссылке за политическую деятельность, как и мужчины. Однако большинство женщин приехали в Сибирь как люди, добровольно последовавшие за своими мужьями, часто вместе с детьми [6]. Как и ссыльные, их семьи (супруги, дети) получали льготы от российского государства — их имена фигурируют в документах, удостоверяющих получение финансовой поддержки.

Особым периодом в контексте причин депортации стала, в частности, Первая мировая война и военные действия в западных областях Российской империи. С 1914 г. в Сибирь, в том числе в Нарымский край, отправляли людей, действия которых могли представлять опасность для ведущихся военных действий; людей, подозреваемых в шпионаже, действовавших против царской власти. Целью было удалить таких людей подальше от зоны боевых действий, чтобы их действия не нанесли вреда Российской империи. Во время войны на основании постановлений МВД сосланных в административном порядке часто отправляли в армию. Стоит отметить, что не каждый ссыльный входил в список отправляемых на войну — в эту группу попадали только те, кто не несли опасности государству и были достойны службы в армии [7].

Правовой основой, регулирующей жизнь ссыльных, было «Положение о полицейском надзоре», определяющее права и обязанности лиц, отбывающих наказание. Хотя закон запрещал ссыльным, в том числе, образовывать общины, в действительности они организовывали свою жизнь самостоятельно, часто не соблюдая действующие правовые нормы. Чтобы выжить, ссыльные образовывали различные группы и держались вместе [8].

В Нарыме была организована общая столовая, которая располагалась в доме посадского человека Агиева на берегу реки Протоки, а с 1907 по 1909 год в доме посадского человека Колотовкина на центральной улице. Там же была библиотека. Столовая фактически была местом встречи политических ссыльных [2, ф. 13, оп. 7, д. 2153, сс. 46, 48].

Функционирование такого рода учреждений стало возможным, прежде всего, благодаря поддержке местных властей. Весной 1911 года вся деятельность ссыльных структур была прервана новым губернатором Томской губернии П.К. Гранем, который расселил ссыльных в отдаленные деревни и уволил русских чиновников, облегчавших жизнь сосланным [4].

Как указывает В.П. Зиновьев, ссыльные в основном сами заботились о собственном существовании. Они жили в местных общинных домах как индивидуально, так и группами по 2-5 человек, в зависимости от финансовых возможностей. Ссыльным полагалось ежемесячное пособие в размере 6,30 руб. (3 рубля 30 копеек на содержание, 3 рубля на жилье) - для малообеспеченных лиц. В свою очередь для привилегированных оно составляло 12,75 рубля (соответственно 9 рублей 75 копеек и 3 рубля), дворянство составляло лишь 5 процентов, выдворенных в Сибирь [9]. Помимо упомянутого

выше пособия на существование и жилье, каждый ссыльный получал около 30 рублей в год на одежду.

Некоторые также получали поддержку от своих семей. Материальное положение ссыльных зависело от многих факторов: их социального положения, правового статуса, местных условий и т.д. Размер пособия позволял обеспечить в ссылке практически лишь минимальные условия жизни. Государственная помощь лишь спасала ссыльного от голодной смерти, держа его на грани жизни, но выжить, опираясь только на нее, было невозможно [6].

Чтобы нормально функционировать, ссыльным приходилось заниматься работой в зависимости от местных нужд. В самом Нарыме заработать деньги было сложно. Были только сезонные возможности: рыбалка, сбор орехов и лесных плодов, сена и дров. Согласно документам тех лет [8], нарымские ссыльные занимались различными видами работ: заготовка железнодорожных шпал, сельскохозяйственные работы (заготовка сена, рубка дров), рыбная промышленность, сбор лесных плодов, кедровых орехов, обслуживание, конторская работа, торговля.

На протяжении всего дореволюционного периода ссылки начала XX века на постоянной основе велись списки лиц, находящихся под надзором полиции. В них содержались сведения, как о ссыльных, их деятельности, так и об их родственниках [5].

При обсуждении вопросов повседневной жизни стоит упомянуть и о браках, заключенных ссыльными. В ссыльных документах, хранящихся в Государственном архиве Томской области, можно встретить просьбы отбывающих наказание о согласии на возникновение обстоятельств, позволяющих заключить брак.

Картина жизни нарымского ссыльного складывается и из донесения начальника жандармерии Томской губернии. Согласно документам, в июне 1909 года в обсуждаемом регионе находилось множество групп ссыльных, которые взаимодействовали друг с другом путем встреч (летом на речном пароходе) и переписки.

Ситуация в Нарымском крае описана в докладах томского губернатора в МВД. Документ от февраля 1909 г. ясно подчеркивал перенаселенность городов региона, куда отправляли ссыльных. Губернатор также отметил, что местное население категорически отказывается принимать в свои дома новых депортированных. Кроме того, представитель властей отметил значительный рост цен на продукты из-за увеличения числа ссыльных и недостаточного количества основных продуктов, например, таких как мука [6].

С весны 1915 г. репрессии против политических ссыльных Нарымского края усилились [9, с. 152]. Ссыльные подвергались беспрецедентным оскорблениям, арестам, обыскам и избиениям.

Хотя Нарымский край был «тюрьмой», отрезанной от мира, имели место побег, которые, учитывая количество ссыльных того времени, можно было бы охарактеризовать как многочисленные. Бежали по заранее установленным маршрутам. Причем бежали на лошадях, уводя их из деревень. В Нарымском крае действовала «побеговая контора», носившая характер конспиративной организации [8, с.14]. Если беглецов задерживали, им назначали тюремное заключение, что еще больше продлеvalo срок ссылки.

В январе 1911 года МВД царской России обязало губернаторов подготовить список беглецов за 1906-1911 годы. В апреле 1911 года был подготовлен поименный список сосланных в Нарымский край под полицейский надзор, бежавших из ссылки и не найденных [2, ф. 3, оп. 77, д. 426, с. 30-39]. В этом документе зафиксированы правила, на основании которых впоследствии беглецы были отправлены в Нарымский край, на какой срок и когда произошел побег. Интересно, что большинство беженцев решили покинуть место ссылки самостоятельно, чаще всего в период от нескольких месяцев до года после прибытия в пункт назначения. За помощь беглецам предусматривались финансовые штрафы и временное тюремное заключение. Тем не менее, и местное население, и сами ссыльные помогали друг другу.

Заключение

Результаты исследования показывают, что депортации в Нарымском крае в первом десятилетии 20 века приобрели по тем временам массовый характер. Жизнь ссыльных организовывалась соответствующими постановлениями царской администрации, подробно определявшими круг прав и обязанностей людей, временно переселенных в Сибирь. Стоит отметить, что отбывающие наказание зачастую не подчинялись распоряжениям властей. Несмотря на запреты и ограничения, они вели активную политическую, общественную и культурную жизнь.

Финансовое положение ссыльных было тяжелым. Учитывая то, что они часто были не в состоянии работать из-за запретов или отсутствия работы в месте ссылки, они жили на государственные пособия, которые позволяли им оплатить квартиру и пережить период ссылки.

Большинство осужденных после ссылки возвращалось домой, однако небольшая часть из них принимала решение остаться в Сибири, и наиболее часто выбираемым местом в случае с нарымскими ссыльными стал Томск.

Список литературы

1. Бакшеев А.И. Сибирь в системе государственного устройства Российской империи // В сб.: I СТЕПАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ. Материалы Международной научной конференции. – Красноярск, 2023. – С. 57–63.
2. Государственный архив Томской области. [https:// archtomsk.tomica.ru/](https://archtomsk.tomica.ru/)
3. Богданова М.Ф. Положение политических ссыльных Западной Сибири (1906-1914 гг.) // Вопросы социально-классовых отношений в социалистическом обществе. – Омск, 1974. – 432 с.
4. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. –Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – 190 с.
5. Иванов А.А. Сибирская политическая ссылка XVII – начала XX в. в исследованиях современников. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 153с.
6. Кудряшов В.В. Ссыльные меньшевики и мировая война // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. – Иркутск: Отгиск, 2009. – Вып. 5(17). – С. 388–403.
7. Иванов А.А., Новиков П.А. «Дайте мне волю – я научу вас свободу любить»: политические ссыльные в Сибири в 1914-1917 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. – 2014. – № 1 (10). – С. 69–84.
8. Нарымская ссылка (1906-1917 гг.): сборник документов и материалов о ссыльных большевиках / сост.: А.П. Акаченко, К.В. Воронова; ред. И.М. Разгон. – Томск : Западно-Сибирское книжное издательство, 1970. – 384 с.
9. Зиновьев В.П. За штатом (Нарым в XIX – начале XX вв.) // Земля Парабельская. – Томск, 1996. – С. 121–152.

УДК {322: 348. 71}: 316

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДЕЛА НА АЛТАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ УЧЕНЫХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ XVIII- НАЧАЛА XX в.)

Бондаренко Светлана Ивановна
канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин
Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Россия
bonsvet@bk.ru

В статье рассматривается деятельность власти в сфере организации переселенческого дела на Алтае. С опорой на опубликованные источники анализируются особенности переселенческого дела, выявляются основные проблемы положения переселенцев их взаимоотношения со старожилами. Устанавливается, что переселенческая политика дала значимый толчок социально-экономическому развитию Алтайскому региону.

Ключевые слова: переселенцы, сибиряки, старожилы, Алтай, ссылка, крестьянское хозяйство.

FEATURES OF THE RESETTLEMENT BUSINESS IN ALTAI (BASED ON THE MATERIALS OF SCIENTISTS, PUBLIC FIGURES XVIII- EARLY XX century.)

Bondarenko Svetlana Ivanovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Head of the Department of Humanitarian Disciplines
Altai State Agrarian University, Barnaul, Russia
bonsvet@bk.ru

The article examines the activities of the authorities in the field of organization of resettlement in the Altai. Based on the published sources, the features of the resettlement case are analyzed, the main problems of the situation of the settlers and their relationship with the old-timers are identified. It is established that the resettlement policy gave a significant impetus to the socio-economic development of the Altai region.

Key words: migrants, Siberians, old-timers, Altai, exile, peasant economy.

Труды ученых, путешественников, общественных деятелей XVIII-начала XX вв. являются уникальным историческим источником для всестороннего изучения быта, социокультурного развития населения Сибири и, в частности, Алтая. Исследователи оставили свои наблюдения, которые позволяют нам увидеть авторские впечатления, эмоционально окрашенные оценки, уникальную интерпретацию исторических фактов. Будучи преданными своему делу, увлеченными людьми они внесли неопределимый вклад в изучение окраинных территорий империи. Изучение этих источников позволяет более точно реконструировать этапы и особенности заселения окраинных регионов в контексте восприятия этих процессов современниками.

Важный вклад в изучение и систематизацию исследовательского материала по истории переселенческого дела внес И.Е. Овсянкин. Будучи сыном южноуральского купца, виноторговца Е. И. Овсянкина, окончил одну из самых известных и престижных на Южном Урале мужскую гимназию в городе Троицке. В гимназии действовал самый крупный на Урале революционный социал-демократический кружок, которым руководил будущий народник и исследователь Алтая П.А. Голубев. Овсянкин становится членом этого кружка. После окончания гимназии, он поступает на юридический факультет Казанского университета. Но, со второго курса, в 1897 году, был отчислен за революционную деятельность, и сослан на четыре года в Алтайский край село Чистюнька. Проработав два года учителем в Чистюньском народном училище, он увлекается исследованием крестьянского хозяйства алтайской деревни и становится действительным членом Общества любителей исследования Алтая. Вскоре по ходатайству почётного председателя Общества он переезжает в Барнаул, где продолжает исследовательскую работу по заданию общества. В 1890 г. ссыльный народник П.А. Голубев издает в г. Томске исследовательский труд «Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа», куда включается и работа И.Е. Овсянкина «Колонизация и переселенческое дело». В работе он характеризует особенности переселенческого дела.

Как известно, первое появление русских на Алтае относится к началу XVII века, но активное заселение края начинается только в XVIII веке. На Алтае, как и в целом в Сибири, первопроходцами являлось служивое сословие, а затем стали появляться и хозяйственные люди. Продвижение на Алтай было достаточно медленным и осторожным. В 1618 г. был построен Кузнецкий острог затем были созданы первые русские поселения в Горном Алтае. В 30-х гг. XVII столетия сословие казаков пыталось укрепиться на реке Бие, но без успеха [2, с.380]. Более активное продвижение начинается после того, как в 1723 г. двое русских охотников проникли до Кольванского озера и нашли здесь древние чудские шлаки и руду. Открытие привлекло к Алтаю внимание основоположника горного дела на Урале Акинфия Никитича Демидова. Уже в 1726 г. был заложен первый Кольванский завод. С этого времени Алтай получает новое, важное значение для России. Колонизация окраины принимает широкие размеры, но теперь она ведется с новой целью и новыми средствами.

Демидов переводит на Алтай мастеров и горнорабочих со своих уральских и олонечских заводов, а в 1738 г. получает разрешение селить при заводах и закреплять за ними «пришлых людей», включая беглых. Таким образом к 1747 г. население при заводах составляло 3 121 чел. приписных крестьян и мастеровых [2, с. 381].

Необходимо отметить, что при новом владельце заводов, Кабинете Ее Императорского Величества, переселять крестьян для заводских нужд начинает само правительство. Так, в 1749 г. было издано распоряжение селить на Алтайские заводы уже всех, явившихся в Сибирь по ревизии и присылаемых от Сибирской губернской канцелярии. В 1755 г. приказано оставлять на заводах даже заведомо беглых от помещиков. В 1761 г. было разрешено для горных работ на Алтае собрать в Сибирской губернии 1 000 рекрут. Таким образом, по мнению Овсянкина закрепощается практически все русское население Алтая, добровольно здесь осевшее в разное время.

В это же время, для защиты заводов, на южной границе русских владений на Алтае создается военное население – казаки. Здесь возводятся и заселяются ряды пограничных форпостов, редутов и станиц – «военная линия». В 1759 г. закладывается линия от Бийска до Шульбинского форпоста. В 1795 г. начинается заселение Бухтарминской линии.

С 1755 г. на Алтай начинают ссылать преступников, осужденных за тяжкие уголовные преступления. По мнению М.П. Шабанова в XVII- XVIII вв. можно говорить о заметной роли ссыльных в земледельческой колонизации региона [3, с. 382]. В XIX веке ситуация меняется, роль ссыльных в земледельческом освоении является уже незначительной.

В то время как правительство всеми мерами старалось заселить предгорья и северные склоны Алтая, в районе реки Уймон, шла самовольная, тайная колонизация. Под защитой неприступных скал – «камня» находили себе пристанище раскольники от гонений за «веру», рекруты и солдаты – от веч-

ной службы; бежали заводские крестьяне и мастеровые из заводской каторги, крепостные - от произвола феодалов. Вдали от всех стеснений и преследований, этот сброд сложился в своеобразное общество, с особыми порядками и собственными, неписаными, но строго исполнявшимися законами. Эта сибирская Сечь, удачно отражая, в случае нужды, нападения казачьих команд и китайцев, жила обычными занятиями сибирского крестьянина. В горных ущельях и долинах были разбросаны поселки в 3-5 дворов, удобные места распахивались, чернь в изобилии давала зверя, горные реки - рыбу. Алтайское начальство узнало о каменщиках в 1761 г. и старалось силой уничтожить заманчивый для заводского люда притон, но без успеха. Однако с развитием горного дела укрываться становилось все труднее, вблизи появлялись большие разведочные партии рудокопов, а в 1791 г. вблизи р. Бухтармы основан Зырянский рудник. Все путешественники говорят о зажиточности, редкой добросовестности, простоте нравов, гостеприимстве, а также о чувстве собственного достоинства, смелости и ловкости каменщиков. С закрепощением алтайского населения, добровольная колонизация заводских волостей прекращается.

Полным же собственником крестьянских наделов, как и всех алтайских земель, оставался Кабинет. На этом основании за ним осталось право разрешения селиться на Алтае, даже в пределах крестьянских земель. При освобождении заводских крестьян вопрос о праве и условиях водворения на кабинетские заводские земли был забыт и обойден. Между тем, из освобожденной от крепостничества России на Алтай потянулись «самопереселенцы» и, размещаясь здесь среди старожилов, жили, нелегально, без официального причисления на новые места. Местная администрация, смотрела на это сквозь пальцы, в некоторых частных случаях выдворяла «самовольных переселенцев» с кабинетской земли.

Сельское общество на Алтае обычно принимало в свой состав новосела за определенную плату. Обычно, переселенцы платили обществу за приемный приговор от 15 до 75, в некоторых случаях - до 100 руб. с ревизской души, кроме обычного ведра водки на «угощенье» обществу. Как отмечает Овсянкин «получить приемный приговор с каждым годом все труднее: многие общества совсем перестали принимать новоселов, другие все повышают высокую уже приемную плату» [2, с. 395].

Неорганизованность поземельного устройства и подушная система податей на Алтае являлись основной причиной обострения отношений сибиряков с переселенцами, но не единственной. Исследователь, ссылаясь на такой источник как отзывы волостных решений, отмечает разность в привычках, потребностях и традициях, в ведении хозяйства, и как следствие взаимное непонимание, презрение, холодность во взаимоотношениях.

Действительно, культурные особенности переселенцев и старожилов очень наглядно просматриваются в отзывах волостных правлений. В большинстве отзывов переселенец выставляется как наиболее трудолюбивый, умелый, отзывчивый и даже набожный, чем сибиряк-старожил. Приведем несколько примеров [2, с. 395].

Локтевское волостное правление в 1888 г. отмечает: «трудолюбие, умение и способность переселенцев способствует скорому восстановлению хозяйства, а неспособность и беспечность к труду старожилов несколько не ставят их на степень развития своего хозяйства или какой-нибудь промышленности».

Николаевское волостное правление пишет: «православные переселенцы разнятся от старожилов тем, что более религиозны и часто посещают церкви, менее проводят время в праздности, и даже во многие праздники после бытности при богослужениях принимаются за работы».

Ануйское волостное правление подтверждает оценку николаевского правления: «переселенцы от старожилов отличаются тем, что более умело ведут свое хозяйство, выказывая сильнее трудолюбие к таковому».

Овсянкин отмечает, что выборы новоселов на общественные должности очень редки даже там, где они составляют половину или большинство общества.

Подводя итоги, своим наблюдениям исследователь дает несколько рекомендаций, властям для упорядочения переселенческого дела на Алтае. По мнению исследователя, для эффективного обеспечения переселенческого дела, властям нужно завершить поземельное устройство алтайских крестьян и организовать специальный переселенческий кредит. «Только осуществление этих двух основных мер поставит переселенческое дело на Алтае на верную почву и обеспечит для государства, края и Кабинета все выгоды от скорейшего приложения к алтайскому чернозему крепких и умелых рук пахаря - россияца», - считал исследователь.

Отметим, что задачи государства в дореформенный период в плане освоения Сибири сводились в основном к пополнению казны, месту ссылки преступивших закон и в целом к решению воен-

но-стратегических задач. Ситуация изменится в пореформенный период и государство вынуждено будет скорректировать свою политику освоения Сибири [4, с. 404].

1. Голубев П.А. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск. 1890 // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начало XX веков. – Барнаул: Алт. краев. универ. науч. б-ка им В.Я. Шишкова, 2014. Т. 4. С. 292.

2. Овсянкин И.Е. Колонизация и переселенческое дело // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начало XX веков. – Барнаул: Алт. краев. универ. науч. б-ка им В.Я. Шишкова, 2014. Т. 4. С. 380-418.

3. Шабанов М.П. Роль ссыльных в земледельческом освоении Сибири в XVII-XIX вв. // Американские исследования в Сибири. Вып.2. Американский и сибирский фронт: Материалы междунар. Науч. Конф. (4-6 октября 1996 г.). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. Материалы конференции. Изд-во ТГУ. Томск 1997. С. 76-90.

4. Бондаренко С.И. К вопросу о роли государства в колонизации Западной Сибири в XIX- нач. XX вв. // Аграрная наука – сельскому хозяйству: XIV международная научно-практическая конференция (7-8 февраля 2019). Сборник статей в 3-х книгах. Книга 1. Барнаул: Изд-во РИО АГАУ, 2019.- С. 404-405.

УДК 94(47).083

«ИМПЕРИЯ ПОНЕВОЛЕ...»: ОСМЫСЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ТРУДАХ Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА

Крот Максим Николаевич
канд. ист. наук, доцент

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
mnkrot@sfedu.ru

Доклад посвящен анализу представлений великого русского ученого Д.И. Менделеева о сущности российской имперской государственности, проблемах и перспективах ее дальнейшего развития, а также об особенностях взаимодействия государственного центра и окраин, которым ученый отводил значимую роль в будущем развитии российской цивилизации.

Ключевые слова: Российская империя, Д.И. Менделеев, национализм, консерватизм, модернизация, русская цивилизация

“THE RESULTANTLY EMPIRE...”: UNDERSTANDING THE RUSSIAN IMPERIAL STATE IN THE WORKS OF D.I. MENDELEEV

Krot Maxim Nikolaevich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
mnkrot@sfedu.ru

The report is devoted to the analysis of the ideas of the great Russian scientist D.I. Mendeleev about the essence of Russian imperial statehood, problems and prospects for its further development, as well as about the peculiarities of interaction between the state center and the outskirts, to which the scientist assigned a significant role in the future development of Russian civilization.

Key words: Russian Empire, D.I. Mendeleev, nationalism, conservatism, modernization, Russian civilization

В начале XX века большой вклад в осмысление сущности и особенностей российской имперской государственности внес великий русский ученый-химик Д.И. Менделеев, чье имя в общественном сознании обычно связывается исключительно с областью развития естественных наук. Однако сфера интересов ученого носила поистине энциклопедический характер, проникая в область гумани-

тарного знания, образовательную систему, а также затрагивая актуальные социально-экономические и общественно-политические вопросы.

Подвергая острой критике многие аспекты правительственной политики, порой даже вступая с ней в прямой конфликт, как это случилось в 1890 г., когда во время студенческих беспорядков он в знак протеста против деятельности министра народного просвещения И.Д. Делянова покинул Санкт-Петербургский университет, где преподавал долгие годы, ученый, тем не менее, стремился всячески сотрудничать с верховной властью в деле развития страны [1, с. 42 – 44]. Он полагал, что, несмотря на многие недостатки отдельных правительственных лиц, именно монархический строй определил «единение России, ее просвещение духовное и умственное, ее силы внешние и внутренние и даже ее зачатки промышленного и прогрессивного строя», вследствие чего «не только теперь, но в предвидимом будущем Россия была и будет монархической страной» [2, с. 344].

Взгляды Менделеева по многим актуальным социально-политическим вопросам носили ярко выраженный консервативный характер. За это они в советское время подвергались многочисленным нападкам, в частности со стороны Л.Д. Троцкого, заявлявшего, что «основная ткань общественного мирозерцания Менделеева была консервативна», а также пенявшего ему за «нежелание ссориться с официально-консервативным общественным мнением» [3, с. 279 – 281]. Косвенно это признавалось и исследователями общественной деятельности ученого, которые были вынуждены с сожалением указывать на свойственное ему «непонимание необходимости революционных преобразований в России» и во многом замалчивать его положительное отношение к монархическому строю и проводимой им политике, что не соответствовало образу «прогрессивного ученого» [4, с. 266]. На консервативный характер экономической и политической публицистики Д. И. Менделеева, дающий основания поставить его в один ряд с другими видными представителями русского консерватизма указывают и современные исследователи [5, с. 283]. Не следует забывать и о таком показательном факте, как вступление Менделеева в 1905 г. в ряды «Союза русского народа», многие из положений программы которого разделялись ученым.

Взгляды ученого на сущность российского государства, его важнейшие характеристики, а также перспективы развития, изложенные посредством детального анализа его количественных и качественных параметров, содержатся в двух крупных научно-публицистических трудах Менделеева – «Заветные мысли» и «К познанию России». В них фактически предпринята попытка исследования особенностей российской цивилизации, определения ее географического и культурного ядра, а также выработки оптимальной концепции эволюционного развития страны, изложенная в виде комплекса рекомендаций российскому правительству. В условиях глобальной трансформации, затронувшей в начале XX века все сферы жизни российского государства и общества, по мнению ученого, настоятельно необходимым было своеобразное самопознание и самоосмысление уникальной российской государственности, главной особенностью которой являлось ее географическое и культурно-цивилизационное «серединное» положение, «между молотом Европы и наковальной Азии». Следует подчеркнуть, что для теоретических построений Менделеева и его выводов характерен свойственный консервативному мировоззрению иерархизм ценностей, признание исторически обусловленного первенства одних, более «крупных», явлений над другими.

Наиболее ярко эта особенность проявилась в рассуждениях ученого о национализме, ставшем одной из наиболее заметных тенденций в жизни Европы с середины XIX века, подчинившей себе «все государственное сложение» многих европейских стран. Менделеев считал национализм естественным явлением, которое не может быть подавлено никакими интернациональными формами организации жизни народов [6, с. 42]. Его закономерным результатом стало появление в Европе новых национальных государств – Италии и Германии.

Однако идея национализма, наряду с созидательным наполнением, обладала мощным кумулятивным эффектом, создавая предпосылки для глобальных потрясений, угрожавших всему существующему европейскому порядку. Именно поэтому националистические устремления с присущими им крайностями должны, по мнению ученого, подчиняться наднациональным, государственным интересам, как явлениям более высшего порядка, что в полной мере соответствовало характерному для консервативного мировоззрения примату целого над частным. Прочное государственное единство, стержнем которого выступал ученый, должно определяться господствующей, «большой» народностью, основным идентифицирующим маркером которого, являлся используемый ею природный язык. Малым же «народцам», по мнению Менделеева, «уже практически необходимо согласиться навсегда с большими, так как в будущем прочно лишь большое и сильное» [6, с. 42]. Пребывание в составе крупного и сильного государства, каким являлась Российская империя, было залогом их культурного развития, сохранения национальной идентичности и прямого физического выживания. Это в полной

мере распространялось и на некогда большие, но «исторически ослабевшие народности», такие как, например, армяне, которые, по мнению Менделеева, могут рассчитывать на будущее развитие только при том условии, если они будут «твердо держаться тех русских начал, которые дают им защиту от рядом живущих с ними их давних врагов, сломивших их когда-то временно существовавшую независимость» [6, с. 44].

Являясь сторонником имперской государственности, Менделеев, при этом был противником каких-либо форм национального угнетения и подавления культурных особенностей малых народов. Подобно Леонтьеву, он отмечал, что разнообразие политических, культурных, религиозных отношений «вполне необходимо для правильного течения всего дальнейшего прогресса человечества» [2, с. 234].

Именно в этом отношении, по его мнению, состоит главное отличие России от колониальных империй Нового времени. Формирование последних, в особенности, Британской империи основывалось на «нарочитом желании покорять», движимом жадной наживы и экономическими интересами, связанными с быстрым промышленным развитием и стремлением иметь у себя в руках потребителей для избытков произведений метрополии. Становление же Российской империи, по мнению Менделеева, являлось результатом стечения совершенно иных исторических обстоятельств, никаким образом не связанных с поиском экономических выгод. Ученый указывал на вынужденный характер империостроительства в России, обусловленный необходимостью защиты государственного ядра, которое характеризуется как «небольшой сознательный союз русских людей», от многочисленных внешних угроз [2, с. 396]. С точки зрения мыслителя, Россия, фактически, стала империей поневоле, вынужденная либо расширяться, занимая земли своих теснителей, либо погибнуть под их ударами. Менделеев неоднократно подчеркивал отсутствие в русском народе и в среде российских правителей склонности к агрессивному «завоевательству». Анализируя территориальные приобретения России, ученый указывал на то, что ею покорялись лишь те народы, которые не давали покоя прилегающим русским землям и не могли сложиться в государственном отношении сколько-либо удовлетворительно для соседской жизни [6, с. 45 – 46]. Это утверждение относилось как к слаборазвитым народам, агрессия которых была частью их хозяйственного уклада – кавказцам, киргизам, крымцам, среднеазиатам, так и к агрессивным западным соседям – остзейцам, шведам, литовцам и полякам. Разделы Литвы и Польши, по мнению ученого, были закономерным результатом «многочисленных напоров» на Россию, которая, покорив их, продемонстрировала превосходство своей государственной организации [2, с. 396].

Другой отличительной особенностью Российской империи является та освободительная и культурно-просветительская роль, которую она призвана играть в отношении многочисленных народностей, входящих в ее состав. Ее выполнение, не имеющее никакого отношения к подъему производительных сил России, направлено не на угнетение или эксплуатацию инородцев, а их постепенное культурное слияние с коренным населением [2, с. 234 – 236].

Однако эта роль являлась лишь частью той глобальной цивилизационной миссии, которая была назначена ей всем ходом исторического развития и обусловлена ее «серединным» положением между двумя не чуждыми ей мирами – Европой и Азией. По мнению Менделеева, эта миссия состояла в том, чтобы сгладить тысячелетнюю рознь, существовавшую между ними, «помирить и слить два разных мира, найти способы уравнивания между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорною, даже отсталую и приниженною, но все же твердою государственно-социальною сплоченностью» [6, с. 146]. Охарактеризовать конкретно-исторические формы данного синтеза ученый затруднялся, однако был уверен, что только в рамках многонационального Российского государства, сохранявшего культурные особенности входивших в него народностей и признающего их равенство, возможно здоровое соединение базовых принципов восточной и западной цивилизаций – идеализма и материализма, являвшееся залогом развития высших начал человеческой жизни [2, с. 6].

Данные тезисы, являвшиеся определяющими в отстаиваемой Менделеевым концепции геополитического развития Российской империи, дают основание некоторым исследователям делать вывод о том, что ученым были заложены основы евразийских представлений о цивилизационных особенностях России [7, с. 38].

Ученый считал, что к началу XX века Российская империя достигла своих естественных рубежей, устранив все внешние угрозы, побуждавшие ее к дальнейшему территориальному расширению. Первостепенной задачей страны являлось достижение гармоничного внутреннего устройства посредством развития народного просвещения и подъема производительных сил общества, что может быть достигнуто только посредством основательного «постепенства» в развитии, сторонником кото-

рого выступал мыслитель. Успешное решение всех внутренних проблем, рост общественного благосостояния и просвещения, по мнению Менделеева, будут способствовать сплочению народов, населяющих Россию, при сохранении того культурного разнообразия, равенства и самобытности, которое выгодно отличает российскую государственность от иных мировых держав, построенных на подчинении одних народов другими.

1. Егоров Г. В. Социально-гуманитарные взгляды Д. И. Менделеева // Вестник Нижегородского университета им.Н.И. Лобачевского. История. 2015. № 5-6. С. 41 – 45.
2. Менделеев Д.И. Заветные мысли. Санкт-Петербург: Тип. М.П. Фроловой, 1903 – 1904. 430 с.
3. Троцкий Л.Д. Д.И. Менделеев и марксизм // Сочинения. Серия VI. Проблемы культуры. Т. XXI. Культура переходного периода. Москва-Ленинград: Госиздат, 1927. 520 с.
4. Макареня А.А., Нутрихин А.И. Менделеев в Петербурге. Ленинград: Лениздат, 1982. 288 с.
5. Китаев В.А. Большая история русского консерватизма: решения и проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, № 4 (1), с. 282–286
6. Менделеев Д.И. К познанию России. Санкт-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1907., 158 с.
7. Козиков И.А. Д.И. Менделеев о евразийских особенностях Российского государства // Русская политология - Russian Political Science. 2018. № 1 (6). С. 34 – 40

УДК 93

«ПРИГОВОРЫ ОБ ИЗБРАНИИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОТМЕНЕНЫ»:
К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАРУШЕНИЙ, ДОПУЩЕННЫХ ПРИ ИЗБРАНИИ ВЫБОРЩИКОВ
В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Кружалина Анастасия Алексеевна
канд. ист. наук, доцент
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
kliokrua@yandex.ru

Цель исследования: выявить и охарактеризовать нарушения, допущенные в процессе избрания выборщиков на уездные и губернские съезды по избранию депутатов Государственной Думы на территории Иркутской губернии, а также факторы их спровоцировавшие. На основе широкого круга источников (архивных документов, делопроизводственных материалов и статей из периодической печати) автором были сформулированы ключевые выводы, позволяющие оценить влияние выявленных фактов на избирательные процедуры, а также компетентность избирателей и должностных лиц по вопросам организации избирательного процесса в регионе.

Ключевые слова: выборщики, Иркутская губерния, Государственная Дума, парламент, Сибирь, депутат, избирательные права.

"THE SENTENCES ON THE ELECTION OF COMMISSIONERS SHOULD BE CANCELED": ON THE
CHARACTERIZATION OF VIOLATIONS COMMITTED DURING THE ELECTION OF ELECTORS
IN THE IRKUTSK PROVINCE

Kruzhalina Anastasia Alekseevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
kliokrua@yandex.ru

The purpose of the study: to identify and characterize violations committed in the process of electing electors to county and provincial congresses for the election of deputies of the State Duma on the territory of the Irkutsk province, as well as the factors that provoked them. Based on a wide range of sources (archival documents, office materials and articles from the periodical press), the author formulated key conclusions to assess the impact of the revealed facts on electoral procedures, as well as the competence of voters and officials on the organization of the electoral process in the region.

Keywords: electors, Irkutsk province, State Duma, Parliament, Siberia, deputy, electoral rights.

В разгар Первой русской революции императором был запущен процесс становления парламентских институтов в Империи, до той поры, остававшейся одной из немногих абсолютных монархий в Европе. Масштабы революционных выступлений все возрастали, поэтому самодержавие вынуждено было пойти на уступки населению, что выразилось в издании манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», за которым последовала целая серия законов, положений и постановлений, в которых регламентировался порядок выборов, а вместе с ним и многочисленные цензы и условности, которые, по мнению законодателя должны были минимизировать проникновение в парламент политически неблагонадежных элементов.

В условиях нарастающего «народного гнева» медлить было нельзя, поэтому инструкции и распоряжения, регламентирующие избирательный процесс рассылались в регионы второпях, далеко не всегда ответственные за выборы на местах чиновники могли качественно и полноценно ознакомиться с регламентом. Представители населения, стремящиеся быть включенными в заветные списки избирателей были осведомлены ещё меньше.

В связи с выше изложенным представляется интересным выявить ключевые особенности и нарушения, допущенные в ходе модерации избирательного процесса на уровне сельских сходов, съездов уполномоченных от волостей, городских избирательных собраний и губернских избирательных съездов, позволяющие охарактеризовать деятельность избирательных комиссий Иркутской губернии, а также выявить факторы, способствовавшие возникновению данных нарушений.

Основу источниковой базы исследования составляют хранящиеся в фондах Государственного архива Иркутской области приговоры волостных и инородческих обществ, а также материалы периодической печати, мемуары участников и очевидцев.

«Правила о применении положения о выборах в Государственную Думу к губерниям Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской» от 20 октября 1905 г. определяли квоту представительства волостных и инородческих обществ на съезде уполномоченных от волостей в следующем объеме: по два от каждой волости и по одному на несколько стойбищ или улусов от кочевых инородцев [1, л. 20].

Всего же роспись числа губернских выборщиков предполагала наличие 16 выборщиков в следующих долях: Иркутский уезд – 4 (3 от съезда уполномоченных от волостей и 1 от съезда городских избирателей), Балаганский уезд – 5 (4 и 1 соответственно), Верхоленинский – 2 (1 и 1 соответственно), Киренский уезд – 2 (1 и 1 соответственно) и Нижнеудинский уезд – 3 (2 и 1 соответственно) [1, л. 21 об.]. Всего же губернию в Государственной Думе должны были представлять два депутата: по одному от города Иркутска и от прочих городов и уездов [1, л. 21]. Позднее, по новому избирательному закону 1907 г. представительство было сокращено до одного депутата на всю губернию.

Однако первый опыт определения выборщиков на волостной съезд продемонстрировал некомпетентность многих организаторов данной процедуры, так как Губернская избирательная комиссия неоднократно фиксировала превышение количества выборщиков от отдельных сельских обществ на 1 или 2 человека [2, л. 98–98 об.].

В таких случаях работало правило: в качестве выборщика сельское общество или инородческий улус, в котором в нарушение законодательства, было избрано несколько делегатов, с превышением нормы, избранным считался записанные первыми: в списке уполномоченных от волостей по два человека, а от инородческого ведомства по одному [3, л. 117–117 об.]. За исполнением имперского законодательства пристально следили Волостные и Губернские избирательные комиссии, а также лично губернатор [2, л. 140].

Кроме количественных нарушений зафиксировано также проведение схода в неустановленные сроки (раньше или позже положенного), так в Верхнеудинском, Баяндаевском, Еланцинском и некоторых других ведомствах выборы состоялись 25 марта, вместо указанной даты – 6 марта 1906 г., о чем свидетельствует Протокол заседания Верхоленинской уездной по делам о выборах в Государственную Думу комиссии от 30.05.1906 г. [3, л. 98].

Встречались нарушения возрастного ценза. Так по Еланцинскому ведомству был избран Матвей Бортосович Пилеев 24 лет [3, л. 98–98 об.], чье избрание, разумеется было отменено уездной избирательной комиссией. Вероятно, такие случаи были далеко не редкостью, если губернатор И. П. Моллериус личным письмом уведомлял членов уездных избирательных комиссий о необходимости «при открытии съезда удостовериться путем опроса каждого уполномоченного о его возрасте и о том, не судился ли он за преступления» [2, л. 290], последнее, на основании Положения о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. [1, л. 39] также являлось основанием для наложения запрета на участие в выборах. По указанию Иркутского губернатора, в случае выявления таких лиц на съезде следовало устранить его от участия в выборах» [2, л. 290].

Неявки и опоздания выборщиков к началу заседания в соответствии с регламентом выборов не позволяли им подать голос за одного из кандидатов. Верхоленинская уездная по делам о выборах в Государственную Думу комиссия рассматривала жалобу опоздавших на 15 минут к началу работы уездного съезда и не допущенных к участию в нем священников Стефана Пляскина, Михаила Копы-

лова и чиновников А. М. Продакова, Н. П. Астраханцева и В. В. Бирум [4, л. 24–26]. В итоге жалоба была оставлена без удовлетворения, так как опоздание выше обозначенных лиц нарушало установленный регламент и не являлось уважительной причиной для предоставления им возможности участия в процедуре голосования.

Неполная осведомленность избирателей о процедуре и требованиях избирательного законодательства приводила к еще более серьезным нарушениям, которые, в отличие от проиллюстрированных примеров, выявлялись гораздо позже и могли привести даже к отмене результатов голосования. Так один из участников Верховенского съезда городских избирателей, Алексей Афанасьевич Наумов, крестьянин Тутурской волости с. Чекан [4, л. 1 об.], самовольно делегировал право представительства на съезде своему брату Клеонику Афанасьевичу [4, л. 17], подробности чего «вскрылись» уже после проведения съезда. Уездная комиссия, рассмотрев ситуацию, вынесла решение результатов съезда не отменять, не смотря на присутствие на нем участника, не обладавшего полномочиями выборщика только потому, что «голос его не мог иметь существенного значения на исход выборов» и признала, что «выборы произведены правильно» [4, л. 20–21].

Заметим, что «недоразумения» с соблюдением кворума на избирательных съездах случались и в дальнейшем при избрании депутатов последующих созывов. Так 15 декабря 1907 г. в зале заседания Иркутской городской думы под председательством члена Иркутской судебной палаты Попова П. Д. 19 выборщиков должны были избрать депутата в Государственную думу Российской империи третьего созыва от Иркутской губернии. Выбирая из двух претендентов: Т. О. Белоусова и П. И. Федорова, выборщики отдали предпочтение первому с перевесом всего в 1 голос (10 «за», 9 «против») [5]. В виду того, что сами кандидаты принимали участие в голосовании, фактически Белоусов не получил абсолютного большинства и процедура должна была быть признана недействительной. Но никто из присутствующих, в том числе кандидаты и председатель Иркутской судебной палаты П. Д. Попов, не воспрепятствовали утверждению Т. О. Белоусова в статусе депутата [6, с. 108]. В дальнейшем, уже по прибытии в Петербург, судьба Терентия Осиповича–депутата решалась в Государственной Думе. 178 депутатов проголосовали за отмену выборов, а 138 приняли противоположное решение [7, стб. 1638]. Перевеса в сорок голосов оказалось недостаточно для аннулирования Иркутских выборов и Т. О. Белоусов продолжил работу в Думе.

При этом трудности на пути в Думу сопровождали Белоусова задолго до Иркутского съезда. Изначально, учитель Черемховского 2-классного училища не попал в списке избирателей и вынужден был дважды обращаться с письмом в Балаганскую городскую комиссию по выборам, чтобы добиться реализации положенного ему избирательного права. В письме от 14 февраля 1907г. Белоусов аргументированно, со ссылками на законодательные акты и различные инструкции обосновывал своё избирательное право следующим: как лицо заведующее училищем, открытым на основании инструкций 1875 г., он имеет право участвовать в выборах как любой другой, находящийся на общественной или государственной службе [8, л. 27]. Кроме того, Т. О. уточнял, что не имеет принципиального значения, за чей счёт финансируется училище: частный или сельского общества (что, по его мнению, было основанием исключения его из избирательных списков) [8, л. 27]. Автор письма указывал на благосклонность учебной инспекции и опыт участия в предыдущих выборах, в подтверждение чему ещё 1 февраля в Балаганскую уездную комиссию по выборам было направлено письмо инспектора народных училищ с подтверждением «права быть избирателями» Белоусова и еще пяти учителей, в котором также указывалось, что он числится на Черемховских копиях Шелкунова учителем [8, л. 34–34 об.].

Кроме того, Белоусов «настоятельно просил» как можно скорее уведомить его о включении в список избирателей для «чтобы иметь возможность своевременно обжаловать действия комиссии» [8, л. 27], что безусловно свидетельствует о высокой мотивации участия в выборах и достойном уровне развития правосознания автора. 20 февраля 1907 г. последовало распоряжение о включении Т. О. Белоусова в список избирателей по Балаганскому уезду [8, л. 60–60 об.], а 11 ноября 1907г. он был избран выборщиком в Иркутское губернское избирательное собрание, как представитель городских избирателей по Балаганскому уезду [9, л. 9–9 об.].

В заключении стоит заметить, что первые опыты организации избирательного процесса в губерниях Российской империи не обошлись без нарушений и жалоб, и Иркутская губерния в этом не исключение. Уполномоченные от сельских сходов и инородческих обществ, равно как и избранники городских съездов, с воодушевлением и инициативой включились в избирательный процесс, мотивированные высокой степенью доверия, оказанного им земляками. В следствии чего стремились любым способом реализовать свое избирательное право, нарушая при этом нормы имперского законодательства по возрастному цензу, срокам и времени проведения собраний, а также делегированию права представительства иным лицам.

Очевидно, что все означенные нарушения были спровоцированы некомпетентностью не только «новоиспеченных избирателей», но и уполномоченных лиц на местах. Сказалась также скоропо-

стижность утверждения основ парламентаризма в Российской империи под давлением Первой русской революции, ставшей «политической школой» для многих избирателей.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 16.
2. ГАИО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 36.
3. ГАИО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 15.
4. ГАИО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 14.
5. Родионов Ю. П. Т. О. Белоусов в Государственной Думе: от социал-демократии к беспартийности. Исторический ежегодник за 1997 год (спецвыпуск). Омский государственный университет, 1999. С. 58–71. URL: http://www.hrono.info/statii/2005/belousov_to.html (дата обращения 25.10.2022)
6. Кружалина А. А. Школьный вопрос в Сибири в парламентской и публицистической деятельности Т. О. Белоусова // История мировых цивилизаций. Образование как фактор социально-политического развития : материалы XVII Всероссийской научной конференции, посвященной памяти С. И. Кангуна. 2022. Красноярск : Изд-во Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. С. 108–113.
7. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. 1. СПб., 1908.
8. ГАИО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 7.
9. ГАИО. Ф. 421. Оп. 1. Д. 6.

УДК 908

К ОСМЫСЛЕНИЮ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ

О-Ун-Дар Константин Ундарович
канд. ист. наук, доцент
Средняя школа №13, г. Красноярск, Россия

Голубева Анна Викторовна
учитель истории и обществознания
Средняя школа №13, г. Красноярск, Россия
golubeva_av@mail.ru

Темой статьи является деятельность известного политического деятеля премьер-министра Петра Аркадиевича Столыпина (1862-1911), известного своей широкой реформаторской деятельностью. Автор попытался по-новому с высоты прошедших сто двадцати лет взглянуть на результаты и последствия начатой Столыпиным аграрной реформы, опровергнуть наиболее категоричные и шаблонные мнения, высказывания и оценки, а также пролить свет на некоторые малоизвестные аспекты и стороны деятельности великого реформатора. Актуальность такого исследования обоснована современным проблемным положением экономики страны, а также особым повышенным вниманием Столыпина к Сибири в целом и особенно пристально – к Енисейскому региону.

Ключевые слова: революция, община, частное владение, хутор, отруб, крестьянский банк, кооперация.

TO THE UNDERSTANDING OF THE GREAT REFORM

O-Un-Dar Konstantin Undarovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Secondary school No. 13, Krasnoyarsk, Russia

Golubeva Anna Viktorovna
teacher of history and social studies,
Secondary school No. 13, Krasnoyarsk, Russia.
golubeva_av@mail.ru

The topic of the report is the activities of the well-known political figure, Prime Minister Pyotr Arkadievich Stolypin (1862-1911), known for his broad reformist activities. The author tried to take a fresh

look at the results and consequences of the agrarian reform initiated by Stolypin from the height of the past one hundred and twenty years, to refute the most categorical and stereotyped opinions, statements, and assessments, and to shed light on some little-known aspects and aspects of the great reformer's activities. The relevance of such a study is justified by the current problematic situation of the country's economy, as well as Stolypin's special increased attention to Siberia as a whole and especially to the Yenisei region.

Key words: revolution, community, private ownership, farm, cut, peasant bank, cooperation.

Через несколько лет мы подойдём к весьма значимому для нас, сибиряков, событию – сто двадцатилетнему юбилею столыпинской аграрной реформы. Это достаточно значительный срок и перед нами, хотим мы этого или нет, встаёт давно назревшая задача, а именно: дать наконец взвешенную и предельно объективную оценку этому эпохальному событию в истории нашей Родины. За это бурное столетие было высказано много самых разных мнений и ожесточённых споров, поэтому именно сейчас, думается, настало время разобраться во всех событиях и попытаться расставить всё по своим местам.

Ставший в июле 1906 года премьер-министром сорокачетырёхлетний Пётр Аркадьевич Столыпин был опытным хозяйственником и администратором (в его активе были гродненское и саратовское губернаторства), а также показал себя решительным человеком в деле подавления революции. Здесь необходимо проявить объективность: военно-полевые суды, вменяемые ему в вину, являются в таких обстоятельствах обычным делом и действовали они всего семь месяцев, экзекуционные поезда были созданы не им, а его предшественником Витте. Обратить внимание следует на другое: Столыпин, в отличие от многих, понимал, что карательные меры бессильны, если за ними не последуют реформы. Он писал в начале 1907 года: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину; залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления» [7, с. 212]. Столыпин прямо указывал на недостатки общинного землевладения, уравнилельные настроения, трудности внедрения агрокультурных улучшений вследствие переделов земли, сложности с получением кредитов. Он был уверен, что единоличная крестьянская собственность приведёт к подъёму сельского хозяйства и послужит «залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве» [2, с. 402]. Именно в мелком, а не в крупном (помещичьем) землевладении, по его мнению, была сила России.

Как мы знаем, ранние обращения Столыпина к царю (как и до него Витте) успеха не имели. Нужна была революция 1905 г., чтобы Николай II осознал, что его убеждение в необходимости общины как гаранта социальной стабильности в деревне не соответствует истинному положению вещей.

9 ноября 1906 года Столыпин подписал исторический указ, освободивший крестьян от власти общины, в 1910 году он стал законом. Крестьяне перестали быть «полуперсонами» и, наконец, стали полноправными гражданами. Начался длительный, сложный и поистине революционный процесс перераспределения земли. И вот тут надо со всей основательностью заявить, что историческое определение Столыпина как «разрушителя общины» не имеет под собой никаких оснований. Своё мнение по этому поводу он изложил предельно ясно: «Пусть собственность эта будет общая там, где община ещё не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная» [7, с. 95]. Таким образом, не будучи историком, Столыпин понимал, что община есть неотъемлемый результат исторического развития, закономерное выражение русского национального сознания: став в XIX веке анахронизмом, она, тем не менее, давала крестьянской семье гарантию выживания, спасение и защиту. Поэтому процесс ограничения общинного землевладения проходил драматично: община неохотно отпускала своих членов, бедные держались по-прежнему за неё, не обходилось без социальных столкновений и схваток. Это, разумеется, было неизбежно, но, в то же время, необходимо – не для кого не было секретом, что очень часто власть в общине принадлежала зажиточной верхушке, переделы не проводились, а сама она постепенно превратилась в чисто фискальную единицу и не устраивала очень многих. Мы знаем, что Столыпин определил их как «новых крепких хозяев»: он постоянно подчёркивал в своих выступлениях, что правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных» [7, с. 119].

Ход событий показал, что за девять лет реформы таких нашлось немало: на первых порах их оказалось около полумиллиона, а в дальнейшем правом выхода из общины воспользовались более двух миллионов человек. К 1916 году 1,6 миллионов хуторов и отрубов были образованы приблизительно на 1/3 части крестьянской надельной (общинной и подворной) и купленной крестьянами у

банка земли. Судя по всему, это было только начало – в действительности потенциальный размах движения оказывался шире: заявления о землеустройстве подавали ещё 20% крестьян Европейской России, но развитию процесса помешали война и революция.

Теперь нам очевидно, что несмотря на препятствия, хуторская реформа набирала силу. Думается, главным здесь являлось то, что хуторяне совершенно по-новому смотрели на своё хозяйство. По словам одного из них «мы как новожёны, с земелькой-то законным браком повенчались. В деревне-то она была гулящая девка, а теперь она твоя законная жена на веки вечные. Худа ли она, хороша, а никто уж, кроме тебя, к ней не полезет». Выражаясь современным языком, мы видим здесь рождение нового – фермерского – сознания, новой земледельческой психологии. Всего за пять лет (1907–1911 гг.) были получены прошения о выделе из общины от 2,653.000 домохозяев, выделилось в 1907–1915 гг. 2008,4 тыс. домохозяев, которым принадлежало 14,1 млн. десятин земли [1, с. 259]. Это свидетельствует о том, что реформа Столыпина встретила широкий отклик в массе крестьянского населения страны. Особый успех реформа имела в Новороссии (в губерниях Таврической, Екатеринославской и Херсонской) и в нижнем Поволжье (в губерниях Самарской и Саратовской).

Важной составной частью столыпинской аграрной реформы было переселение крестьян из неурожайных губерний России на пустующие земли за Урал. Право переселения предоставлялось всем желающим без ограничений, расселение предполагалось на государственных или кабинетных землях на правах пользования. Справедливости ради надо указать, что переселение крестьян из голодных губерний Европейской России (Вологодской, Пензенской, Ярославской, Пермской) началось сразу же после освободительной реформы 1861 года и поток переселенцев постоянно нарастал – людей не страшил суровый климат Сибири, они шли пешком и им никто не помогал. Нам теперь не трудно понять причины этого движения: людьми двигало знание того, что в Сибири было много свободной земли, не было помещиков и крепостного права (сибирская земля и люди принадлежали государю), а в сибирской общине отсутствовали переделы земли. Общеизвестным была и такая важная черта сибирского общества, как демократизм – на новом месте никого не интересовало кем ты был на своём старом месте до переселения («быль молодцу не укор»), важны были твои реальные жизненные качества, вероисповедование и ментальность. Критики реформы любят указывать на административно-организационные и землеустроительные ошибки и просчёты государства, но при этом забывают о главном: впервые в истории страны государственная власть повернулась лицом к обществу и ответило на его нужды, впервые в истории столь часто ругаемое самодержавие, дотоле не замечавшее самовольного переселения, сделало противоположное – создало режим максимального благоприятства для переезжающих в Сибирь людей. Нет нужды подробно перечислять все принятые меры – от дешёвых билетов и ссуд до землеустроительных комиссий – это общеизвестно, важно отметить тот факт, что поток переселенцев неожиданно оказался непредвиденно большим. Люди буквально ринулись в Сибирь – теперь они совершенно открыто ехали на поездах по великому Транссибу и государство в силу всех возможностей помогало им. Ехали многочисленными семьями, сыто, комфортно, везли с собой всё, что только возможно, включая мелкую живность и домашнюю птицу. В нашем роду сохранился рассказ женщины, ехавшей в Сибирь из Западной России уже в сознательном возрасте о том, как их везли по рекам даже на плотах, а на пристанях и станциях бесплатно давали хлеб и снабжали горячей водой. Так ехали от трёх до четырёх миллионов человек, 2/3 которых составляли безземельные или малоземельные крестьяне.

Процесс вживания был сложен: организационные и административные неполадки, отсутствие квалифицированных специалистов, проблемы с подготовкой участков, отсутствие дорог, жестокие двухгодичные засухи (особенно в 1910–1911 гг.) оказались суровой школой отбора. Не обошлось, разумеется, без неудач – около 500 тысяч крестьян (16%) вернулась обратно в Россию [1, с. 243]. Но остальные – остальные остались, и это решило исход дела. Общее количество укоренившихся новосёлков установить точно в настоящее время установить, к сожалению, едва ли возможно. Но что характерно: в любых источниках численность их с каждым периодом неуклонно возрастает и по новейшим данным приближается к 5 миллионам человек – это само по себе весьма показательно. Так или иначе за период 1861–1905 гг. в Сибирь переселилось примерно 1820 тысяч человек, а за 1906–1914 гг. – как минимум более трёх миллионов. Таким образом, за столыпинское переселение, осуществлявшееся 8 лет, в Сибири поселилось и укоренилось в 1,7 раза больше людей, чем за предшествующие 40 с лишним лет, общее увеличение составило 153%. Наиболее показательным является процесс расширения посевных площадей – за 1906–1913 гг. они были увеличены на 80%, в то время как в Европейской России – на 6,2% [2, с. 568].

Посетив в 1910 году Сибирь и отметив успешность хода реформы, Столыпин и Кривошеин пришли к выводу, что и в Сибири следует встать на путь создания и укрепления частной собственности

сти на землю, покончить с титулом государственной собственности для всех земель, отводимых в наделы старожилам и переселенцам и устранить общинно-земельные порядки в Сибири, распространив на них соответствующие указы и законы. Результат сказался незамедлительно: в Томской губернии хуторская форма землепользования охватила 33% площади пахотной земли, а отрубная форма утвердилась в Славгородском (19,8%), Омском (12,9%), Канском (8,7%) и Красноярском (6,35%) округах.

Таким образом, при самом беспристрастном и объективном рассмотрении результатов столыпинских реформ надо констатировать определённый подъём сельского хозяйства страны накануне первой мировой войны. Урожайность полей значительно поднялась: вместо традиционных 30-35 пудов с десятины средний урожай ржи за пятилетие 1907–1912 гг. составил 51 пуд с десятины, озимой пшеницы – около 57 пудов. Производство и экспорт пшеницы значительно выросли: если в 1909–1910 гг. из России ежегодно вывозилось хлеба на сумму около 750 миллионов рублей (на 61% больше, чем в 1901–1905 гг.), то в 1910 г. экспорт российской пшеницы составил 36% мирового экспорта. Россия стала крупнейшим производителем и экспортёром хлеба, льна и сливочного масла. Средний ежегодный сбор всех зерновых вместо обычных в предыдущие десятилетия 2-2,5 миллиарда пудов в пятилетие 1909–1913 гг. превысил 4 миллиарда пудов, поэтому потребление хлеба на душу населения возросло, несмотря на прирост населения и на увеличение экспорта. Соответственно увеличился сбор картофеля, выросла площадь технических культур – сахарной свекловицы и хлопка-сырца (в Туркестане).

В связи с указанными событиями надо отдельно упомянуть о деятельности крестьянского банка. После 1905 г. многие помещики, напуганные аграрным террором и слухами о возможном принудительном отчуждении земель, стали продавать свои имения, в результате чего в 1906–1913 гг. крестьянским банком было приобретено свыше 4 миллионов десятин помещичьей земли. После выхода закона 1906 г. банком стали выдаваться ссуды под залог надельной земли и стали развиваться различные формы кредита – ипотечного, мелиоративного, агрокультурного, землеустроительного, что способствовало интенсификации рыночных отношений в деревне. Всего за период реформы крестьянским поземельным банком было продано 15 млн. десятин казённой и помещичьей земли, из неё 30% было куплено в рассрочку крестьянами. Особые льготы при этом предоставлялись владельцам хуторов и отрубов, получивших, в отличие от других, ссуду в размере 100% стоимости приобретаемой земли под 5% годовых. В результате, если до 1906 г. основную массу покупателей земли составляли крестьянские коллективы, то к 1913 г. 79% покупателей были единоличными крестьянами [3, с. 282]. На банковских землях стали создаваться крепкие фермерские хозяйства.

Особенно быстрыми темпами в ходе реформы развивалось кооперативное движение. В 1905–1915 гг. число сельских кооперативных товариществ увеличилось с 1680 до 15,5 тысяч, число производственных и потребительских кооперативов в деревне возросло с 3 тысяч (в 1908 г.) до 10 тысяч (в 1915 г.). Быстрое развитие сельской кооперации прямо сказалось на росте потребления сельскохозяйственных машин (как привозных, так и отечественного производства): в 1908 г. их было продано на сумму 54 млн. рублей, в 1912 г. – на сумму 311 млн. рублей [2, с. 573].

Итак, какова же историческая оценка столыпинской аграрной реформы? Здесь недопустимо увлекаться публицистическим пафосом и сводить всё к крайним и взаимоисключающим оценкам и определениям. Особенно объективны в этом вопросе должны быть мы – сибиряки, прямые потомки столыпинских переселенцев. И здесь, с высоты прошедших почти сто двадцати лет необходимо твёрдо заявить всем участникам дискуссии: социально-политические итоги столыпинских преобразований невозможно оценить однозначно в силу того, что реформа осталась незавершённой. К сожалению, у России не оказалось в запасе тех столь необходимых двадцати лет, просимых Столыпиным – уже в 1915–1916 гг. в связи с войной проведение реформы фактически прекратилось, а в июне 1917 года она была официально прекращена Временным правительством. Но, в данном случае, можно и нужно выяснить и определить тенденции развития начавшегося общественно-исторического процесса и, сделав это, сопоставить картину событий с результатами государственной и общественной деятельности. И вот тут мы приходим к неоспоримому факту: крестьянское общество пошло навстречу мероприятиям правительства и приняло активное участие в преобразованиях. Реформа, говоря просто, пошла: люди, земледельцы и хлеборобы, поверили в неё, дружно поднялись и отдали ей все свои силы. Выражаясь научно – начался процесс трансформации крестьянской общины, выделение новых собственников, уменьшение помещичьего землевладения, переселение крестьян из Центральной России за Урал. Поэтому ни в коем случае нельзя согласиться с мнением части исследователей о неудаче реформы – незавершённость процесса в силу объективных исторических обстоятельств (смерть Столыпина, мировая война, революция) не означает его конечного поражения.

Разумеется, у реформы были и отрицательные стороны – пролетаризация бедных крестьян, борьба «середняков» против разрушения общины, рост социальной напряжённости в деревне и многое другое. Это вполне понятно – любой глобальный общественный процесс имеет как положительные, так и отрицательные моменты и об этом написано очень много. Но в данном случае хотелось бы упомянуть о некоторых достаточно важных моментах, без которых характеристика Петра Аркадьевича Столыпина как политика, реформатора и государственного деятеля была бы неполной: Столыпин был твёрдым и решительным противником отчуждения и конфискации помещичьей, государственной и удельной земли в любой форме. Вот его слова: «Путём перераспределения всей земли государство не приобретёт ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль, и эта распылённая земля будет высылать в города массы распылённого пролетариата». Разумеется, это было бы подрывом принципа частной собственности, это подорвало бы веру в законность действий государства. По меткому выражению министра, раздел 130 тысяч дворянских поместий повторил бы историю тришкина кафтана. И здесь Столыпину нельзя отказать в последовательности: ситуация после революции 1905 года и будущий промышленный подъём может быть вполне позволили бы разрешить вековой вопрос о земле вот таким, образно выражаясь «географически-перестановочным» способом, который предложил он. Другое дело, что в 1917 году неразрешённость земельного вопроса, усугублённая бессмысленной войной, довела крестьянство до такого взрывоопасного состояния, что уже не допускала никакого решения, кроме силового.

Ну а что же Сибирь? Каковы были планы великого реформатора в отношении её? Нам думается, ответ на этот вопрос следует искать в его заявлении: «Сибирь должна стать животноводческой экономией» [5, с. 69]. Оставим на его совести заявления о том, что, когда сибирские земли будут введены в сельскохозяйственный оборот, в России не окажется достойных соперников на мировом рынке зерна. Петра Аркадьевича можно понять – они вернулись с Кривошеиным из поездки по Сибири окрылёнными и не могли не строить восторженных планов. Но, в отличие от них, мы, их потомки, знает такие понятия как «зона рискованного земледелия» и «холодно-континентальный климат». Эти термины только недавно появились в серьёзной литературе и ещё не дошли до страниц учебников, но даже и не специалистам ясно, что эти определения целиком и полностью относятся к Сибири. Климат есть климат, качество земли изменить невозможно. При всём желании, при всех усилиях, хлеборобству Сибири не по силам состязаться с признанными житницами страны – чернозёмной Украиной и Кубанью, с мировыми лидерами – США и Аргентиной. Но, в данном случае, думается, главное находится не в этом, главное в том, что суровая Сибирь сама вполне способна в избытке обеспечить себя хлебом и другими продуктами, что она есть самодостаточный и обеспеченный регион. А вот наличие обширных пастбищ, богатой тайги и могучих рек, бескрайние просторы и сильные люди – это вполне реально должно вызвать и у Столыпина, и у нас мечту о бескрайних стадах, мясных и звериных фермах, молочном и масляном изобилии. И, наконец, как могли появиться мы – жители сибирских городов, которых с каждым днём становится всё больше и больше? Ответ ясен любому социологу – в города выплёскивается переизбыток сельского населения, те, кому нет места в деревне, те, кто может прожить без земли. Этот процесс бурно пошёл после войны по всей стране и это закономерно, это результат индустриально-промышленного рывка. Но, хочется подчеркнуть в заключении, в основе этого процесса неизбежно и закономерно лежит результат упорядочивания положения на земле, положительный итог землеустроительных преобразований.

Список литературы

1. Аврех А.Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. 285 с.
2. Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. 599 с.
3. Зеньковский Л.В. Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956. 302 с.
4. Зырянов П.Н. Столыпин без легенд. М. 1991. 63 с.
5. Казарезов В.В. О Петре Аркадьевиче Столыпине. М., 1991. 94 с.
6. Степанов С.А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995. 304 с.
7. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. 410 с.

АБОРИГЕННЫЕ ФОРМЫ САМООРГАНИЗАЦИИ И ИНОРОДЧЕСКИЕ ОРГАНЫ
САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ЮГЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Самрина Елена Васильевна

канд. геогр. наук, старший научный сотрудник

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан, Россия

esamrina@mail.ru

Статья посвящена организации инородческих органов самоуправления на юге Енисейской губернии с учетом особенностей и политической традиции автохтонного населения. В организации и деятельности Степных дум, инородных управ прослеживаются некоторые аборигенные формы власти и социальной самоорганизации. Титулатура инородческих должностей свидетельствует о сложившемся институте башлычества.

Ключевые слова: Степные думы, юг Енисейской губернии, административная реформа 1822 г., инородческие руководители, родовая знать.

ABORIGINAL FORMS OF SELF-ORGANIZATION AND FOREIGN BODIES
OF SELF-GOVERNMENT IN THE SOUTH OF YENISEI PROVINCE

Samrina Elena Vasilyevna

Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia

esamrina@mail.ru

The article is devoted to the organization of self-government bodies in the south of the Yenisei province, taking into account the characteristics and political tradition of the indigenous population. In the organization and activities of the Steppe Dumas, some indigenous forms of power and social self-organization can be traced. The title of foreign positions testifies to the established institution of autochthonous leaders.

Key words: Steppe Duma, south of the Yenisei province, administrative reform of 1822, foreign leaders.

Необходимость выработки общих подходов к управлению окраинами, в том числе сибирскими начала формироваться в начале XIX в. [1], основной идеей которых было распространение общероссийской губернской системы управления. Однако импульс ориентации на политическую и экономическую интеграцию сибирского региона, установление определенной административной однородности в региональной политике Российского государства был заложен в конце XVIII в. По мнению Л. М. Дамешека, задача унификации системы управления окраинами, стоявшая перед российским правительством являлась, безусловно, сложнейшей задачей [2, с. 23].

В Сибири, в результате административной реформы 1822 г., была создана система управления, включающая несколько уровней (главное, губернское, городское, волостное и инородческое). Последний уровень – инородческий, наряду с крестьянским, городским управлением относился к органам местного самоуправления.

Законодательный акт «Устав об управлении инородцев» 1822 г. определил трехступенчатую систему самоуправления (Степная дума, инородная управа, родовое управление). Степные думы на юге Енисейской губернии были созданы в составе Минусинского (Койбальская, Качинская, Соединенных и разнородных племен) и Ачинского округов (Кызыльская).

В основе инородческих органов самоуправления лежали некоторые аборигенные формы власти и социальной самоорганизации. Устав закрепил существующую систему управления с ее первичными структурами и должностями. В низовых органах получил отражение родовой принцип, хотя административный род стал замещаться кровнородственным. Род стал основной административной единицей инородческого населения в составе Российского государства. Родовое начало способствовало относительно безболезненному вступлению в политико-административное пространство Российского государства.

В основу административного деления на инородческие ведомства был положен принцип определенного количества людей, а не территории. Как отмечал чиновник И. П. Корнилов, посетив-

ший Ачинский и Минусинский округа Енисейской губернии в середине XIX в., «разделение на улусы поголовное, а не поземельное» [3, с. 640]. Ведомства не имели своей четкой территории. Инородные управы, как структурные единицы, были разбросаны друг от друга на значительные расстояния.

Административный род представлял собой конгломерат представителей разных кровнородственных родов. Название рода определял наиболее крупный и сильный род, ставший ядром административного рода. Видимо, процесс смешения родов привел к образованию общностей, получивших название административного рода, государством рассматривавшийся, прежде всего, как административно-хозяйственная единица. Кровнородственный союз был трансформирован в административный род в фискально-административных интересах государства, рациональной организации управления ясачным населением.

Таким образом, административный род не соответствовал роду в смысле генеалогической структурной организации, союзу кровных родственников, состоящих из нескольких поколений. Об этом писал еще в начале XX в. Д. Е. Лаппо: «создав на месте разрушенных древних родов административные единицы, ничего общего с ними по самой своей природе не имеющие, так как прочность родового строя зависела от кровной связи между членами рода и святости обычаев, а не от санкции государственной власти, установившей для образования нынешних родов определённые требования и обряды и формы при разделении родов или при перечислении инородцев из одного рода в другой» [4, с. 34].

По данным В. Я. Бутанаева, многие кровнородственные образования в результате административной реформы 1822 г. оказались разделенными не только между разными административными родами, также и между бывшими этническими группами. Например, сагайский Ближнекаргинский административный род включал в себя сеоки харга, туран, сайын, тилегес; койбальский Таражаков род – сеоки чода, модар, ханг; вместе с тем сеок чода оказался в составе койбалов, сагайцев, кызыльцев и качинцев; сеок пурут находился среди качинцев, кызыльцев и сагайцев [5, с. 49].

Создание административно-фискальных объединений в виде административных родов укрепляло позиции окружной и губернской администраций, упрощался контроль. Также такая форма организации позволяла государству обеспечить наибольшую мобильность управления, исправность сбора податей.

Юридическое закрепление термина «род», по мнению Л. И. Шерстовой, способствовало его широкому бытованию, придав социальной организации коренного населения архаику, хотя кровнородственные отношения в управлении давно были разрушены [Шерстова, 2022, с. 157–165]. Однако название административного рода «изобретенного русскими», по свидетельству Н. Ф. Катанова, употреблялось «только в официальных делах и бумагах, обыкновенно же, друг друга зовут по именам колен и народов, из которых произошли» [6, с. 93].

Переход из одного административного рода в другой был возможен по согласованию с казенной палатой на основании увольнительных и приёмных свидетельств инородцев. Условием перехода являлись уплаченные повинности и недоимки. Оклад подати на будущий год переводился в новый род и взыскивался по числу платёжеспособных душ этой семьи [4, с. 33].

В более крупной структуре как Степная дума прослеживается улусная территориально-административная, политическая форма организации. В состав думы входили различные родовые и административные объединения, численность населения составляла несколько тысяч. Думы обладали такими основными чертами улуса как наличие определенной территории; наличие собственной администрации и номинального руководителя; иерархичность в виде различных уровней власти. Орган самоуправления обладал достаточно широкими функциями, в том числе законодательными и судебными, которые имели распространение в пределах инородческих ведомств.

Степные думы представляли собой социальный институт организации инородческого населения, регламентировавший жизнь населения на основе российских законов и традиционного права. Автохтонные формы самоорганизации сибирских инородцев превращались в легитимную структуру местной власти. Степные думы инкорпорировались в государственную систему управления, исполняя роль низового административного органа с законодательно закрепленными административными, хозяйственными и податными функциями. Жесткий надзор со стороны местных полицейских органов, окружных и губернских органов свидетельствовал о том, что система инородческого самоуправления встраивалась в административную государственную систему России.

Во главе инородческих органов стояла родовая знать. Инородческая администрация состояла исключительно из представителей коренного населения, кроме письмоводителя. Согласно §34 и §35 Устава они управлялись «собственными своими родоначальниками и почетными людьми, из которых

составляется степное управление» и на основе обычного права по «своим законам и обычаям, каждому племени свойственным» [7, с. 396].

Ко времени проведения административной реформы 1822 г. коренное население имело сложившуюся систему управления, со своей структурой, функциями, иерархией титулов, званий и атрибутикой. Историческая лексика, связанная с инородческими должностями, достаточно разработана, разнообразна и свидетельствует об ее бытовании в более ранние периоды истории хакасов. В «Уставе» получил отражение иерархический аппарат управления, разнородная структура башлычества (пастых – хак.) – голова, власть, начальство, главный [8, с. 85]. В XIX в. термин «башлык» служил для обозначения инородческих руководителей всех уровней власти.

Терминология должностей в органах самоуправления свидетельствует о разнообразной деятельности и различных функциях инородческого аппарата управления, отражает автохтонную традицию управления. В инородческую администрацию входили: пиг (бег) – родоначальник; чайзан – родовой староста, князец; аал пазы – старшина; чыынныг–заседатели, представитель схода или съезда; письмоводитель – хатчы; сундух пазы – казначей, чазоол – уполномоченный для сбора ясака.

Руководитель Степной думы, называемый в официальных документах родоначальником, являлся высшим должностным лицом в инородческом ведомстве и именовался титулом «пиг» (бег). Этот титул, относящийся к определенному рангу в государственном управлении, носили кыргызские князья, стоявшие во главе одноименных улусов XVII в.

С. А. Токарев считал, что должность родоначальника «по существу не была новой, в ней получили отражение родоплеменные традиции... Наследственная родовая аристократия, во главе которой по-прежнему стояли богатейшие баи из рода «кыргыстар» (кыргызов) – прямые потомки и наследники князей-кыргызов XVII в., была свойственна хакасам и в XIX в.» [9, с. 134].

В ведении родоначальников находилось население до несколько тысяч душ мужского пола. Родоначалие качинцев состояло из 3820 м. д.; сагайцев– 3780 м. д.; кызыльцев – 2397 м. д.; койбалов – 594 м. д. [10, с. 263, 277, 292]. Бег, вступавший в должность, приносил присягу со словами: «ахты хара итеспін, хараны ах итеспін» – белое не буду делать черным, черное не буду делать белым» [11]. Видимо, в церемонии вступления в должность нашли отражение традиции социальных взаимоотношений, символических действий времен правления енисейских кыргызов.

Номинально должность родоначальника была избирательной «из среды общества» и утверждалась генерал-губернатором Восточной Сибири [12, с. 17]. Первыми руководителями, бегами Степных дум стали представители байства и древней аристократии, обладавшие значительными материальными средствами, а также потомки князцов, возглавлявших родовые объединения в XVIII в.

Степные думы возглавили Василий Орешка (СД Соединенных племен и разнородных племен), Никита Качалоров (Койбальская СД), Петр Ульчугачев (Кызыльская СД), Чирка Картин (Качинская СД) – выходцы из среды байства и древней аристократии. И. С. Пестов указывал, что «у них ведутся еще дворянские и княжеские поколения, или семейства; из коих волости их избирают себе родоначальников» [13, с. 128].

Руководитель Качинской СД имели происхождение из сеока ойрат-кыргыз. В предании, которое записал Н. Ф. Катанов, имеется информация о том, что «часть колена кыргыз, входящая в состав качинского народа, пришла из Северной Монголии; напр., вышел оттуда Алгаяк, предок известных богачей Картиных» [14, с. 281].

По мнению В. Я. Бутанаева тамга Картиных перекликается с некоторыми тамгами Сырского и Уйбатского чаатасов – могильниками родоплеменной знати древнехакасского государства. А фамилия Картин, вероятно, произошла от имени прадеда Чирки – Харты [15, с. 111–112].

Староста-чайзан руководил административным родом. Согласно ст. 97 Устава «староста избирается или наследуется по обычаю между своими сородичами, он может носить имена: князь, зайсан и пр., но в сношениях с правительством имеет называться старостой» [7, с. 396]. Как считал Л. П. Потапов, термин «зайсан» произошел от «наименования китайского титула «цзай-сян» и был широко распространен у монголов в период Юаньской династии (1260–1368) наряду с другими чиновными титулами: язагул, даруга, демчи, шуленга и т.д.). Термином «чайзан» во времена правления династии Юань обозначали правителей улусов [16, с. 296].

На монгольское заимствование термина «чайзан», «зайсан» в сибирских тюркских языках указывал А. Н. Баскаков [17]. Титул «чайзан» обозначал как родовой титул, должность, так и титул, который давался за военные заслуги [18].

«Чайзан», по мнению В. Я. Бутанаева, имеет следующие значения и контексты: «чайзаң–сейзең–чайзан – глава рода, феодал, удельный князь; алтын чайзаңнар – золотые чайзаны (так назывались ханские дети, наследники престола); чайзаң хасха «яйзан-кашка» – военный титул в средневе-

ковой Хакасии. В хакасском героическом эпосе чайзан наряду с титулами хан и тайчы – титулы богатырей-алыпов [19, с. 207].

Несомненно, должность чайзана восходит к титулатуре енисейских кыргызов, в административно-управленческой структуре которых институт чайзанства занимал важное место. Под руководством чайзанов енисейских кыргызов находились большие группы независимого населения. «Вместе со своими родственниками и улусными людьми составляли отдельные аймаки, называемые в русских источниках улусами. В русских документах XVII в. чайзаны обозначаются как «лучшие люди». Они являлись крупными собственниками, в их хозяйстве работали пастухи и хулы (холопы). Брат известного кыргызского князя Тайн Ирки носил титул Конгош Яйзан Бахши [20].

К юридическому определению правового положения пророссийски ориентированной иноверческой элиты, узакониванию их властных и должностных полномочий Российское государство начало переходить в XVIII в. За потомками князцов сохранялись определенные привилегии, в первую очередь – в отношении прав возглавлять волости [21, с. 87–152]. Родовые предводители были объявлены «лучшими людьми». Полномочия основывались на признании со стороны русских властей их полномочий по сбору ясака, раскладки податей, судебных функций в рамках традиционного права. Паллас отмечал, что во главе каждой качинской волости стоял князец, «поставленный от Красноярской канцелярии, который, так как у всех татар собирает каждый в своей волости ясак, учреждает некоторые торжища, смотрит за порядком, впрочем, из казны ничего за то не получает, но сам еще так, как и простой, с себя ясак платит» [22, с. 565].

Позиции башлыков усиливались в аборигенном обществе в связи с передачей им сбора ясака. Функции сбора ясака закреплялись «Инструкцией пограничным дозорщикам Фирсову и Михалеву» разработанной графом С. В. Владиславичем-Рагузинским в 1728 г. Согласно «Инструкции» родовым начальникам, передавались также функции суда по маловажным делам [23, с. 34–37].

Князцам в течении XVIII в. вручались владетельные грамоты с подтверждением их прерогатив. Одним из первых грамоту еще во времена Петра I получил чайзан сагайской волости Наир Тулбечеков, после постройки Абаканского острога [Очерки истории Хакасии..., 2008, с. 358]. В царствовании Екатерины Второй владетельная грамота была выдана койбальскому башлыку Качалору [24, Л. 21]. Подобные действия были совершены как с целью закрепления позиций в Южной Сибири, так и включения аборигенных сообществ в зону активного влияния Российского государства.

Некоторых представителей знати российские власти использовали для реализации государственной политики, в том числе христианизации. Еще во второй половине XVIII в. известные башлыки приняли крещение. Вероятно, принятие новой веры было адаптивной стратегией. Сагайский князец Амзор принял православие еще во времена путешествия Палласа в Хакасско-Минусинский край в 1771–1772 гг. и распространял православие у сагайцев, построил церковь на собственные средства. Как писал Г. Спасский, «был один в орде Сагайский башлык, или князец Амзор, по крещению же Федор, который отличался набожностью и духом веры от прочих своих собратьев и построил на реке Аскиз в 1771 году церковь во имя С. Апостолов Петра и Павла, собственным иждивением» [Спасский, 1818, с. 89].

Кызыльский князец Гаврила Ульчугачев, обитавший на землях бывшего Алтысарского улуса, также построил церковь в своих владениях (будущее село Ужур). У него был большой деревянный дом с балконом. Гаврила Ульчугачев был также депутатом в Уложенной комиссии Екатерины II [Паллас, 1770, с. 451–455]. Царские власти поддерживали тех, кто наиболее усердно проводил правительственную политику. Кафтанами наградили сагайского башлыка Наира Тулбечекова в 1728 г., башлыка Бельтырской земли Иптыша Аюжакова в 1740-х гг.

Российское государство в процессе интеграции окраинных территорий использовало различные подходы к установлению системы управления, в том числе и сохранение элементов традиционного управления. Важным аспектом управленческой политики стало привлечение самих автохтонов к управлению в пределах инородческих ведомств, поддержание некоторых элементов политических традиций автохтонного общества, сохранение титулатуры и традиции института башлычества. Закрепление Уставом существующей системы управления с ее первичными структурами и должностями стало важным аспектом в дальнейшей трансляции управленческой традиции.

Список литературы

1. Ремнев А. В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX - начале XX веков. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Омск, 1997. 290 с.

2. Дамешек Л. М. Местное самоуправление бурят в XIX – начале XX в.: от Степных Дум к волостным правлениям // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: История. 2018а. Т. 23. С. 22–35.
3. Корнилов И. П. Воспоминания о Восточной Сибири – город Ачинск и поездка в 1848 году на Божьи озера И. П. Корнилова // Магазин землеведения и путешествий, изд. Н. Фроловым. М., 1854. Т. III. С. 605–658.
4. Лаппо Д. Е. Общественное управление минусинских инородцев. // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1904. 71 с.
5. Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004. 280 с.
6. Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. Абакан: Изд-во ХГУ, 2004. 257 с.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Т. 38. СПб., 1830. № 29126. Устав об управлении инородцев.
8. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Ответственный редактор: А. Н. Кононов. Алма-Ата: Издательство «Наука» КазССР, 1976. 444 с.
9. Токарев С. А. Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в. // Сибирский этнографический сборник. М., 1952. Т. 1. С. 108–141.
10. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / под ред. Л. Р. Кызласова. М.: Наука, 1993. 523 с.
11. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / Гл. ред. В. Я. Бутанаев. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф., Катанова, 2008. 671 с.
12. Костров Н. А. Кизильские татары. Казань, 1853. 38 с.
13. Пестов И. Записка об Енисейской губернии Восточной Сибири. М.: Университетская типография, 1833. 297 с.
14. Катанов Н. Ф. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. Записки РГО, т. 34. СПб., 1909. с. 265–288.
15. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания / отв. ред. Б. Р. Зориктуев. Абакан, 2010.
16. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 442 с.
17. Электронный ресурс: URL: <http://www.philology.ru/linguistics4/baskakov-87.htm> (дата посещения 20.11.2021 г.)
18. Монгольские источники о Даян-хане [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Dajan_chan/frametext2.htm (дата обращения: 23.03.2020)
19. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан, 1999. 240 с.
20. Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2000. 272 с.
21. Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. История народов Сибири в XVI–XVII вв. Т. III, Ч. II. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1955. С. 176–224.
22. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской Империи. СПб.: Имп. Акад. наук, 1809. 784 с.
23. Историческая записка о Китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 году. М., 1875. 292 с.
24. Национальный архив республики Хакасия. Ф. 675. Оп.1. Д. 84.

ИСТОРИЯ ДОГОВОРА ФИНАНСОВОЙ АРЕНДЫ (ЛИЗИНГА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сторожева Анна Николаевна
канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
storanya@yandex.ru

Дадаян Елена Владимировна
канд. юрид. наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
dadaelena@yandex.ru

В статье прописана история развития правового регулирования договора лизинга в Российской Федерации. В хронологическом порядке обозначены основные этапы и законодательные акты, посвященные договору лизинга и раскрыто их общее содержание.

Ключевые слова: финансовая аренда, лизинг, договор лизинга, договор аренды, договор купли-продажи, лизингодатель, лизингополучатель, квалификация договора лизинга.

HISTORY OF THE FINANCIAL LEASE AGREEMENT (LEASING) IN THE RUSSIAN FEDERATION

Starozheva Anna Nikolaevna
Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
storanya@yandex.ru

Dadayan Elena Vladimirovna
Candidate of Law, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
dadaelena@yandex.ru

The article describes the history of the development of legal regulation of the leasing agreement in the Russian Federation. In chronological order, the main stages and legislative acts on the leasing agreement are outlined and their general content is disclosed.

Keywords: finance lease, leasing, leasing agreement, lease agreement, purchase and sale agreement, lessor, lessee, qualification of the lease agreement.

Во многих странах история лизинга началась намного раньше, чем в Российской Федерации. Отношение в стране к этому виду аренды было весьма неопределенным. Выделяют четыре основных этапа развития отечественного лизинга. В настоящее время, в России протекает уже пятый этап, который можно охарактеризовать, как реформирование и совершенствование имеющейся правовой базы.

Первый этап (до начала 90-х годов) можно отнести к тому времени, когда лизинга и лизингового законодательства не существовало в принципе. Лизинговые отношения не регулировались нормативно-правовыми актами, а лизинговая деятельность приравнивалась к арендным отношениям и затрагивала только те организации, которые занимались внешней торговлей [1].

Во времена перестройки лизинговые договоры стали заключать чаще, однако, данную форму приобретения основных средств использовали только во внешнеторговой деятельности. Во внутренней деятельности страны лизинг использовался крайне редко, поэтому его формирование было незаметным до 1989 года.

В 1989 году начинается перевод предприятий на арендные форматы ведения хозяйственной деятельности. Основными нормативными актами, регулирующие лизинг стали основы законодательства СССР от 1989 года об аренде и письмо Госбанка «О плане счетов бухучета» [2].

Второй этап начинается в 1990 году и продолжается примерно до 1996 года. В договорах начинают появляться некоторые элементы лизинга, однако государство все равно пытается держаться в стороне от данной формы деятельности и не спешит создавать свое лизинговое законодательство. Лизинговые сделки все так же не регулировались законами Российской Федерации, но и не противоречили им.

Главной чертой этого этапа является принятие и применение налоговых льгот при заключении лизинговых сделок. Лизингодатели, банки и другие кредитные учреждения освобождались от уплаты налога на прибыль, полученную при реализации лизинговых договоров, не менее чем на 3 года. У лизингополучателя было право включать в полном объеме лизинговые платежи в себестоимость продукции, а у лизингодателя право производить ускоренную амортизацию. Именно эти нормы позволяли снижать стоимость имущества и как следствие - налог на него. На основании данных налоговых норм в России началось активное использование лизинга и его широкое распространение [3].

На третьем этапе (середина с 1996 года до 1998 года) государство все-таки принимает лизинговое законодательство. Публикуется Указ Президента Российской Федерации от 17 сентября 1994 г. № 1929 «О развитии финансового лизинга и инвестиционной деятельности» и принимается «Временное положение о лизинге», утвержденное постановлением Правительства РФ от 29 июня 1995 г. № 663. Данные нормативные акты определяют лизинг, как один из видов предпринимательской деятельности. Так, по договору арендодатель должен был приобрести в собственность имущество, которое устанавливалось договором, у определенного продавца, а в дальнейшем предоставить это имущество арендатору за предусмотренную договором плату во временное владение и пользование, но именно для целей, которые связаны с предпринимательской деятельностью.

В 1996 году вступает в силу вторая часть Гражданского кодекса Российской Федерации, где были обозначены основные положения о договоре финансовой аренды (лизинге). Были прописаны понятие договора лизинга, стороны лизинга, предмет договора лизинга, риск случайной гибели, порчи имущества, а также ответственность продавца.

В 1998 году Россия присоединяется к Конвенции УНИДРУА о международном финансовом лизинге, что стало огромным шагом в развитии отечественного лизинга [4].

Четвертый этап окончательно закрепляет все положения о лизинге. В 1998 правительство РФ принимает Федеральный закон «О лизинге». Все нормы, которые когда-либо регулировали лизинговые отношения в стране, были систематизированы в одном нормативном акте. Также просматривается государственная поддержка лизинга в различных отраслях экономики. Создаются лизинговые фонды, представляющие собой обособленную часть денежных средств, которые направляются на обеспечение сельскохозяйственных товаропроизводителей, предприятий перерабатывающей и пищевой промышленности, предприятий материально-технического снабжения и ремонтно-технического обслуживания агропромышленного комплекса.

В 2002 году принимается Федеральный закон № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О лизинге», в котором четко прослеживались изменения и дополнения, посвященные регулированию лизинговых правоотношений. Некоторые из указанных недостатков были устранены, в частности, из Закона о лизинге исключено понятие лизинговой сделки, разделение на типы и виды лизинга, изменено понятие лизинга, сокращен перечень существенных условий договора лизинга, исключены некоторые положения, построенные на понимании лизинга как экономической категории. Также было изменено наименование закона: «О финансовой аренде (лизинге)». Так законодатель подчеркнул гражданско-правовую сущность лизинга как разновидности аренды [5].

Таким образом, гражданско-правовое регулирование договора лизинга в России началось осуществляться только с начала 90-х годов XX века. Действующая нормативная правовая база договора лизинга преимущественно состоит из Гражданского кодекса РФ и Федерального закона о лизинге, принятие которого кодексом не предусмотрено, что вызывает сложности при его применении.

Однако, за весь период своего существования, договор финансовой аренды (лизинга) показал свою экономическую эффективность и жизнеспособность в сложной и нестабильной экономической ситуации.

Список литературы

1. Егорова, П.В. Некоторые аспекты правового регулирования договора лизинга/ П.В. Егорова, В.В. Курило // Юрист. 2000. № 2.
2. Прудникова, А.Е. Историческое развитие и сущность лизинга / А.Е. Прудникова // Научный журнал КубГАУ, 2014. - № 100.
3. Иванов, Ю.В. История развития лизинга в условиях рыночной экономики / Ю.В. Иванов, Л.М. Смирнов // Проблемы региональной экономики, 2013. - № 16.
4. Шанин, С.Р. Проблемы правового регулирования договора финансовой аренды (лизинга) / С.Р. Шанин // Молодой ученый. — 2018. - № 47 (233).
5. Кучер, А. Закон о лизинге шаг вперед или два назад? / А. Кучер // Законодательство и экономика. 2006. № 6.

КАМПАНИИ ПО ИЗБРАНИЮ СОВЕТОВ В ЕНИСЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ (1924/25 И 1926/27 ГГ.)

Шекшеев Александр Петрович

канд. ист. наук

Хакасская республиканская ассоциация жертв политических репрессий, г. Абакан, Россия

Turan47@yandex.ru

В данном сообщении рассматриваются выборы и перевыборы сельских советов на территории Енисейской Сибири в 1924/25 и 1926/27 гг. Используя множественные архивные документы, автор свидетельствует о противоречивой и неизменно ограничительной избирательной политике советского государства, с одной стороны, а с другой – о поведении крестьянства, которое, расколовшись, перешло от безразличия в избирательном процессе к отчаянному отстаиванию своих представителей во власти, названное в данном случае социально-политическим противостоянием.

Ключевые слова: беднота, выборы, деревня, Енисейская Сибирь, коммунисты, крестьянство, кулаки, советы.

COUNCIL ELECTION CAMPAIGNS IN THE YENISEI VILLAGE (1924/25 AND 1926/27)

Sheksheev Alexander Petrovich

Candidate of Historical Sciences

Khakass Republican Association of Victims of Political Repression, Abakan, Russia

Turan47@yandex.ru

This report discusses the elections and re-elections of village councils in the territory of Yenisei Siberia in 1924/25 and 1926/27. Using multiple archival documents, the author testifies to the contradictory and invariably restrictive electoral policy of the Soviet state, on the one hand, and on the other – about the behavior of the peasantry, which, having split, moved from indifference in the electoral process to desperate defense of its representatives in power, named in this case a socio-political confrontation.

Key words: poor, elections, village, Yenisei Siberia, communists, peasantry, kulaks, Soviets.

Выборы являются важнейшим средством создания органов, выражающих волю народа и его участие в политической жизни государства. Историографический обзор свидетельствует, что данный аспект государственной политики и поведения крестьян применительно к Сибири середины 1920-х гг. рассматривался в трудах как советских [1, с. 163–168; с. 111–118], так и современных историков [2]. Однако спустя десятилетия некоторые из них, не видя полутонов, все события, происходившие в деревне, упрощают и зачисляют в единое целое, называя его «классовой политикой» или «классовой борьбой» [3]. Не возражая против применения марксистской терминологии к ряду эпизодов во взаимоотношениях государства и крестьян, в частности осуществления избирательных кампаний, автор на материалах конкретного региона показывает их многообразие и возможность использования при характеристике других понятий.

Осуществленное весной 1924 г. рабоче-крестьянской инспекцией (РКИ) выборочное обследование установило, что енисейская деревня представляла «старое сельское общество», а советы еще не укрепились и «подчинялись в большинстве случаев воле сельского схода» [4, с. 31–34, 36]. Власти все еще опасались расслоения деревни и буржуазной реставрации. Принципиально новая политика по отношению к деревне начала разрабатываться только на XIII съезде РКП(б) (май 1924 г.), в работе которого крестьянский вопрос едва ли не впервые занял центральное место.

К этому времени крестьянство, пережившее полуголодное состояние и начавшее, пользуясь нэповскими экономическими послаблениями, поднимать свое хозяйство, уже нуждалось в руководстве со стороны властей. Но деятельность советов могла помочь деревне лишь при наличии в них самих крестьян. С августа 1924 г. в Енисейской губернии начались очередные выборы советов. В эту кампанию часть сельских граждан по-прежнему была лишена избирательного голоса. Положением ВЦИК от 16 октября 1924 г. и другими законодательными актами были значительно расширены полномочия уездных, волостных и сельских советов. Но предполагаемое при этом усиление активности беспартийных крестьянских масс не было реальным. Присутствуя на сходах, беднота боялась выступать против зажиточных односельчан, у которых она находилась в экономической зависимости, а в

повседневной жизни активисты терроризировались пьяными хулиганами. Напротив, в предвыборную кампанию организованность проявила хозяйственная часть населения. Она выставляла списки своих кандидатов и голосовала против коммунистов [5, л. 186].

Избрание нового состава советских органов часто являлось формальным и было отмечено массовым абсентеизмом крестьян. В 3081 населенном пункте Енисейской губернии насчитывались 473 тыс. избирателей, но из них в голосовании приняли участие лишь 162,4 тыс. человек, что составляло около трети от их наличия [6, л. 2]. В большинстве селений в сельсоветы были избраны лица, выдвинутые райкомами партии (РК) и районными исполкомами (РИКами). Однако в некоторых из них избирательная кампания вызвала сопротивление крестьян. Случалось, что общества отказывались голосовать за предложенные кандидатуры, а в одном из сел Хакасского уезда группа пьяных «лишенцев», ворвавшись на собрание, избивала секретаря коммунистической ячейки и заставила собравшихся вернуть им право избирательного голоса [7, л. 212]. В ряде населенных пунктов Красноярского уезда, крестьяне срывали списки кандидатов, вывешенные избиркомами, и выдвигали в советы своих людей. Попытку сорвать выборы совершили хозяйственные мужики в д. Табат Минусинского уезда. Как правило, население таких селений избирало в органы зажиточных и середняков [8, л. 175, 201; л. 128].

В целом по губернии в сельские советы были избраны 10118, а в РИКи – 132 члена. Из них крестьянами являлись соответственно 9559 и 79 человек [9, л. 2]. Но меры, предпринятые по расширению крестьянского представительства во властных органах, были недостаточными. На 1 ноября 1924 г. в губернских и уездных учреждениях насчитывалось 238 ответственных работников, которые только на 16,4 % были из крестьян. Среди членов уездных исполкомов (УИКов) и работников районного масштаба таковыми являлись чуть менее половины. В незначительном виде присутствовали выходцы из деревни в профсоюзных и кооперативных органах. В губернской организации РКП(б) крестьян на начало 1925 г. против апреля 1924 г. стало меньше на 159 человек, или на 10,2 % [10, л. 9, 118, 123].

Авторитетными среди крестьян чаще всего оставались не коммунисты и сельсоветчики. Например, в д. Малиновка Минусинского уезда, где все вопросы деревенской жизни по-прежнему решал сход, таким человеком был бывший подпрапорщик Макаров, награжденный четырьмя георгиевскими крестами. За год нахождения в деревне он, критикуя работу сельсовета, обрел славу защитника населения. Еще одним лицом, к которому обращались за поддержкой крестьяне, являлся проживавший в соседнем Кортуже бывший милиционер и активный селькор Кубасов [11, л. 302-303].

Осознавая опасность утраты поддержки населением, высшее партийное руководство объявило о переходе к политике «лицом к деревне». Итоги перевыборов советов заставили Президиум ЦИК постановлениями от 29 декабря 1924 г. и 16 января 1925 г. отменить их почти во всех регионах Сибири. Принятая властями новая инструкция ограничивала применение административного ресурса аппаратчиков и была благожелательно воспринята середняками и зажиточным крестьянством. Узнав, что им предоставляется возможность выставить в совет своих кандидатов, жители, например, д. Гудково Ачинского уезда заявили: «Вот теперь мы Советскую власть признаем!» [12, л. 30]. Однако неготовыми к конкуренции с выдвинутыми от населения оказались местные партийные и советские работники, недовольной являлась и деревенская беднота. Состоявшаяся 1 декабря 1924 г. IX Енисейская губернская партконференция показала, что коммунисты не собираются отказываться от командования. Её делегаты, указав на трудности работы, назвали вовлечение беспартийных крестьян в советы «походом против деревенских коммунистов» [13, л. 188].

Предвыборная кампания началась в феврале 1925 г. Уполномоченные провели предвыборные собрания и создали в каждом районе избирательные комиссии, которые пересмотрели и уменьшили численность «лишенцев». При заметной пассивности бедноты, деревня проявила к выборам большой интерес. В районных селениях образовались группы во главе с грамотными и зажиточными лицами, которые формировали общественное мнение. В Минусинском уезде хозяйственные мужики, организованные сельсоветом д. Курская, создали избирком, который настаивал на оставлении в должности прежнего председателя и выступал против избрания в сельсовет бедноты. Такая же картина наблюдалась в д. Покровской [14, л. 62]. Оказавшиеся «в тесной спайке», середняки и зажиточные, например, с. Тесь выдвинули в кандидаты сельсовета 32 односельчан, среди которых не было ни одного бедняка [15, л. 79].

Самую низкую явку избирателей обеспечили коммунисты, бывшие в прошлом партизанами. Накануне выборов в Рождественском районе Канского уезда среди советских работников наблюдалось пренебрежительное отношение к крестьянам, которым они не могли простить их политические колебания. Аппаратчики считали какое-либо разъяснение населению «баловством». В то же время

сходы свидетельствовали о наличии в деревне активных общественников, которых коммунисты в силу их более высокого культурного уровня боялись и не позволяли им выдвигаться во властные органы [16, л. 33].

Начавшиеся в конце февраля 1925 г. перевыборы, хотя они и совпали с празднованием Масленицы, показали выросшую избирательную активность населения Енисейской губернии. Явка избирателей была такой же как и в целом по стране (44,7 %), но ниже, чем в Сибири в целом (49,8 – 50,2 %) и составляла от 40 до 46,3 % [17, с. 86; с. 115; л. 148; л. 111]. Другим следствием этой кампании явилось сокращение присутствия в советских органах представителей партии и комсомола. Прослойка партийцев в составе сельсоветов на территории страны уменьшилась до 3,6, в Сибири – до 4,8, а в губернии – до 3,2 %. Среди избранных на Енисее 10959 членов только 351 – являлся коммунистом, 194 – комсомольцами. Более значительной оставалась доля представителей партии и комсомола в РИКах [18, л. 58, 65–66; л. 64].

Как правило, избиратели проваливали на выборах тех партийцев, что были известны жестким отношением к решению деревенских дел, или «чужих», неизвестных им лиц, с которых «в случае растраты взять будет нечего». Многие собравшиеся заявляли: «Не надо нам коммунистов, и так шею переели». В с. Каратуз Минусинского уезда за список партийцев, голосовали всего 12 избирателей. В д. Табат на выборах зажиточные мужики кричали: «Долой Советскую власть, ибо она нас разоряет и поощряет лодырей, уменьшая им налоги». Группа крестьян в с. Вершина Биджи избила коммуниста. Зажиточные жители с. Бея воздействовали на избирателей так, что они делегировали в совет предложенных ими лиц. Но на выборах, случалось, побеждали и партийцы. В с. Абаканском избиратели рассмотрели два списка кандидатов, выдвинутых в совет от коммунистов и зажиточных. В бурной обстановке беднота и середняки отстояли кандидатов–партийцев [19, л. 117; л. 62, 64, 92, 112; л. 97].

Чаще всего крестьяне избирали в советы хозяйственных односельчан. Удельный вес середняков в органах, например, Минусинского уезда повысился с 39 до 50,4 – 56,4, тогда как бедняков уменьшился с 61 до 46,2 %. Однако за всей видимой демократизацией избирательного процесса по-прежнему скрывалась жесткая регламентация процедуры выборов. Обновление руководящих структур за счет притока беспартийных наблюдалось в основном лишь на уровне сельских советов. Даже переизбранные они оставались под контролем местных партийных организаций.

Мартовский (1925 г.) пленум Сибирского крайкома РКП(б) высоко оценил повторные выборы [20, с. 166]. Кулачество же сочло их итоги «уступкой советской власти», а для основной массы крестьян они означали укрепление позиций общины в деревне. Как свидетельствовала сибирская комиссия П. Г. Алимова, в крупных селениях по-прежнему существовало общественное самоуправление [21, л. 3].

Между тем выборы оказали воздействие на деревенскую жизнь. Например, созданная делегатами в Красноярском уезде комиссия занималась борьбой с преступностью. Усилилось внимание партийно-советских органов к развитию сельского хозяйства. Стали постоянными заслушивания отчетов сельсоветов на заседаниях УИКов, а последних – перед населением. По мнению историка, наметилась тенденция превращения советов из органов административно-принудительных в хозяйственно-распорядительные [22, с. 166].

Осенью 1925 г. была предпринята еще одна попытка «оживления советов» путем их новых перевыборов. Решения октябрьского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б) нацеливали местных коммунистов на возвращение в советы бедноты как главной опоры советской власти в деревне. Однако переизбрать советы из-за её низкой явки не получилось. Отметив улучшение политической обстановки на селе, июльский (1926 г.) пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) заявил, что началось сближение середняков с беднотой и усиление изоляции кулачества.

Курс «лицом к деревне» обеспечил восстановление сельского хозяйства. Между тем он осуществлялся с помощью бюрократического механизма, что и предопределило кампанейский и декларативный характер проводимых мероприятий. Надежды на развитие производительных сил и кооперирование села, должны служить созданию источников для индустриализации, не оправдались. Проводившаяся политика не способствовала росту товарности сельского хозяйства. В то же время воцарившийся в деревне хаос становился все более опасным для правящей партии.

В этой обстановке партийно-государственное руководство решило в избирательную кампанию 1926/27 г. любыми средствами сохранить контроль над советами. На том же июльском пленуме было указано о существенном расширении круга лиц, лишённых избирательных прав. С осуществлением этой меры партийцы дискредитировали влиятельную и авторитетную часть зажиточного крестьянства. Лишение, вызвав множество конфликтов, обострило ситуацию в деревне. Случалось, что даже избиркомы скрывали лиц, подлежащих лишению голоса.

Зависимые от кулачества, бедняки все еще проявляли поведенческую робость. Однако постепенно они, получая государственную поддержку, начали организовываться и проявлять активность. В Минусинском округе, к примеру, созданные 19 групп бедноты до 15 января 1927 г. провели 320 предвыборных собраний с охватом 3,3 тыс. бедняков и 18 – 20 тыс. – всего населения, а в 20 селах выдвинули 2,7 тыс. кандидатур в советы. Впервые в собраниях принимали участие и 1,3 тыс. батраков [23, с. 152]. Существенно выросла активность бедноты в селениях Канского округа. Если в предшествующую избирательную кампанию её предвыборные собрания не проводились, то в эту они охватили 7,5 тыс. человек [24, л. 69, 71].

Активность проявляла и противная сторона, порой впадавшая даже в «истеричку». Прежде всего лица, называемые «кулаками», спаивали и запугивали побоями активистов. В противовес спискам кандидатов, выдвигаемых беднотой, зажиточная часть деревни выставляла собственные списки. По-прежнему авторитетом среди крестьян пользовались «антисоветские элементы». Кандидатуры бедняков и коммунистов не поддерживались даже некоторыми их товарищами.

В Минусинском округе зажиточная часть населения распространяла слухи о падении советской власти, запугивала бедноту лишением помощи. Властями были зафиксированы 11 попыток её организовать. Во многих деревнях кулаки пришли на предвыборные собрания целыми семьями и активно участвовали в прениях. В округе имели место пять попыток срыва таких собраний. В эту кампанию отмечались и террористические акты, совершенные в с. Беллык, д. Ново-Покровская и Каменка. В некоторых селах беднота становилась на сторону зажиточных односельчан. Однако в большинстве своем она охотно шла на собрания и заявляла, что с кулаками надо бороться. В ряде сел бедняки отвели кандидатуры зажиточных в сельсоветы [25, л. 85–86, 94].

Требования властей по перевыборам были категоричными: не давать кулакам право голоса, не допускать их на собрания, избрать в сельсоветы из 10 членов одного батрака и т. д. Участие избирателей в перевыборах советов по округам было существенным. В селениях Минусинского округа их удельный вес повысился с 39,1 до 41,9 % [26, л. 84; л. 4]. К марту 1927 г. в Канском округе явка упала с 55,7 до 47,8 %, а в Хакасском – напротив, повысилась с 56,4 до 59,5 % [27, л. 50; л. 6].

Во многих селах Канского округа избирателей «сгоняли» на собрания с помощью сельских исполнителей, выставлявших у дверей выборного помещения караулы. Выборы прошли в обстановке поголовного пьянства по случаю «святок». В Рыбинском районе выборные собрания организовывались по три-четыре раза. В некоторых местностях они проходили в бурной обстановке и с переменным успехом [28, л. 76].

Подготовительная работа оказалась недостаточной и в Минусинском округе. Вследствие того, что РИКи старались «пропихнуть» в сельсоветы бедняков, а те игнорировали интересы недовольных налоговой политикой середняков, участие основного деревенского населения в выборах не стало массовым, а итоги его были разными. Так, в д. Пустынь беднота, проведя закрытое собрание, озлобилась середняков, которые выступили в союзе с зажиточными и провалили список комячейки. Но в д. Галактионово и Дмитриевка середняки проголосовали за бедняцкие списки. В семи селах этого округа, где явка составила лишь 35 %, результаты выборов были упразднены. Состоялись они только на третий раз в с. Табат и Иудино. В последнем сельские исполнители ходили по домам, насильно одевали на хозяев шубы и выталкивали их на улицу. Но в обоих селах выборы так и не набрали нужного кворума и были объявлены несостоявшимися.

Напротив, голосование зажиточного населения за своих кандидатов проходило самым дружным образом. В некоторых селениях Абаканского и Ермаковского районов в момент выборов крестьяне поднимали на руки своих голосующих детей, а счетчики учитывали и эти голоса. Имели место 12 попыток кулаков сорвать выборные собрания. В 20 селах им удалось провалить кандидатуры бедноты. Крепкие хозяева успешно соперничали в эту кампанию с коммунистами. Из кандидатов, назначенных партийцами, не прошли в сельсоветы по округу 38 человек. Списки кандидатов от коммунистических ячеек проходили в районах, примерно, лишь в две трети случаев. В д. Екатериновка список коммунистов был провален полностью, в сельсовет были избраны только зажиточные.

Однако работа с беднотой, проведенная коммунистами, «раскачала» её. Например, в д. Козулька при голосовании зажиточные держали бедняков за руки, но те их вырывали и провели в сельсовет своих представителей. В д. Малая Иня на предвыборном собрании кулаки было выдвинули свои кандидатуры, но после бедняцкого собрания в сельсовет прошли предложенные им люди [29, л. 79, 101; л. 27; л. 61; л. 248, 251, 271; л. 20, 87, 89, 91, 94, 96–97].

В целом перевыборы в советы состоялись в пользу коммунистов и бедноты. В Минусинском округе удельный вес партийцев в сельсоветах вырос с 4,9 до 7,6 – 7,9, комсомольцев – с 3,2 до 4,3, батраков и бедняков – с 45,4 до 50,9 %. Представительство бедноты в сельсоветах Красноярского

округа повысилось до 75, а коммунистов – до 6,3 %. В Ачинском округе перевыборы позволили нарастить прослойку коммунистов до 7, комсомольцев – до 3,3 и женщин – до 9,4 %. Доля партийцев в сельских советах Хакасского округа повысилась с 3,7 до 6,8 и комсомольцев – с 2,5 до 6,2 % [30, л. 72; л. 79; л. 50; л. 106; л. 8; л. 28].

На этот раз власть в деревне перешла к активной и более радикально настроенной части жителей. По мнению ученых, это была молодежь, воспитанная советской властью и ориентированная на образование и карьеру [31, с. 278]. Новые по своему составу советские органы постепенно подминали под себя «общественные собрания». В марте 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли «Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях», которым их полномочия ограничивались обсуждением вопросов местного значения.

II краевой съезд советов Сибири (апрель 1927 г.) отметил улучшение состава сельсоветов и повышение их роли в жизни деревни [32, с. 168]. Но в советские органы, случалось, избирались крестьяне, которые начинали агитировать население за уменьшение налогового обложения, проводили его с большим сокрытием и всячески защищали кулаков. Избрание коммунистов и комсомольцев раздражало крестьян, что порой выливалось в протесты и уголовщину. Созданные советы теряли свое лицо: зачастую они не выполняли наказания избирателей и не отчитывались перед ними. Существование некоторых из них сузилось до выполнения сугубо фискально-налоговых функций, а усиление централизации управления вылилось в «рапортманию» [33, с. 126]. По мнению ученого, к 1927 г. принципиальные вопросы стали решаться не государственными органами, а партийными структурами [34, с. 67–68].

Следовательно, выборы и перевыборы сельских советов на Енисее середины 1920-х гг. еще раз показали противоречивую сущность нэпа. Не получив желаемых результатов от либерализации своих отношений с деревней, советское государство вместо усилий по дальнейшему её развитию приступило к поддержке бедноты и в сущности раскололо крестьянство. Оно же, теряя свое призрачное единство и самоуправление, всячески и теперь уже с ожесточением реагировало на возможность оказаться у власти, потерять или улучшить свое положение. В социально-политическом противостоянии с новыми пассионариями и властью хозяйственные и культурно-продвинутое деревенские мужики были обречены.

Список литературы

1. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 390 с.; Гушин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск: Наука, 1987. 330 с.
2. Ильиных В. А. «Лицом к деревне». Аграрная политика советского государства в середине 1920-х годов // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. столетию начала НЭПа. Новосибирск, 2021. С. 275–282; Цубикова Л.С. Выборы сельских Советов во второй половине 1920-х гг. в Восточной Сибири (на примере Иркутского округа) // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2021. № 8. С. 349–350.
3. Северьянов М. Д., Анисимова Л. Ю., Мальцев Р. И. К вопросу о классовой политике в енисейской деревне в 1917 – 1937 годах // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 1923. № 1. С. 157–165.
4. Низовой советский аппарат в Сибири (по материалам СибРКИ) // Жизнь Сибири: ежемесячный журнал политики, экономики и краеведения. Новониколаевск. Май-июнь 1924. № 5–6 (21–22). С. 31–41.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 139.
6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 867.
7. Государственно-казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 5.
8. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 619.
9. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 867.
10. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 619.
11. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 181.
12. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859.
13. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 139.
14. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 523.
15. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 143.

16. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 882.
17. Кондрашин В. В. Политика «Лицом к деревне»: был ли потенциал у нэпа в аграрном секторе страны // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 80–92; Гушин Н. Я., Ильиных В.А. Классовая борьба...; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 688; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 771.
18. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 506; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 446.
19. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 143; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 859; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1326.
20. Крестьянство Сибири...
21. ГКУРХ «НА». Ф. П-14. Оп. 1. Д. 18.
22. Кужба О. А. Местные органы власти в 1925-1927 годах // НЭП: завершающая стадия. Соотношение экономики и политики. М., 1998. С. 160–172.
23. Шекшеев А. П. Как коммунисты завоевывали енисейскую деревню (1920-е годы) // Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. Вып. 3. Минусинск, 2021. С. 116–160.
24. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 21.
25. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2106.
26. ГАКК. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 1019; Муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 448.
27. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2025; Д. 2119.
28. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 21.
29. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 172; Д. 277; Д. 293; Д. 318; Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2106.
30. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1206; Д. 1799; Д. 2025; Д. 2046; Д. 2112; Д. 2123.
31. Сталинизм и крестьянство: сб. науч. статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М.: Изд-во Ипполитова, 2014. 765 с.
32. Крестьянство Сибири...
33. Северьянов М. Д. НЭП и современность: полемические заметки. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1991. 238 с.
34. Шишкин В. И. Москва – Сибирь: история взаимоотношений (1917 – 1930 гг.) // История Сибири: человек, общество, государство. Новосибирск: Новосиб. нац. исследов. гос. ун-т, 1995. С. 41–75.

УДК 94 (47). 084. 3 (571.51)

ОМСК, НОВНИКОЛАЕВСК – КРАСНОЯРСК: НАПРЯЖЕННЫЙ ДИАЛОГ МЕЖДУ
РУКОВОДСТВОМ СИБИРИ И ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

Шекшеев Александр Петрович

канд. ист. наук

Хакасская республиканская ассоциация жертв политических репрессий, г. Абакан, Россия

Turan47@yandex.ru

Данное сообщение посвящено освещению политической борьбы между партийно-советскими органами Сибири и Енисейской губернии в начале 1920-х гг. Используя большой массив архивных документов, автор показывает, что попытки енисейцев наладить прямое руководство со стороны высших органов партии и государства, заинтересованных в выкачивании ресурсов Сибири любыми средствами, являлись бесперспективными, а региональные власти путем перебросок ответственных работников формировали номенклатурный слой аппаратчиков и функционеров, всецело преданный им. Такая деятельность привела, утверждает исследователь, к постоянному недостатку местных кадров, созданию жесткой системы управления и усилению его централизации.

Ключевые слова: власть, губернская партконференция, коммунисты, Енисейский губернский комитет РКП(б), переброски, руководство, Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревком, централизация.

OMSK – KRASNOYARSK: INTENSE POLITICAL DIALOGUE BETWEEN THE LEADERSHIP OF
SIBERIA AND THE YENISEI PROVINCE IN THE EARLY 1920S.

Sheksheev Alexander Petrovich

This report is devoted to the coverage of the political struggle between the party-Soviet bodies of Siberia and the Yenisei province in the early 1920s. Using a large array of archival documents, the author shows that the attempts of the Yenisei people to establish direct leadership on the part of the highest organs of the party and the state, interested in pumping out the resources of Siberia by any means, were hopeless, and the regional authorities, through the transfer of responsible workers, formed a nomenclature layer of apparatchiks and functionaries, completely devoted to them. Such activities have led, the researcher claims, to a constant shortage of local personnel, the creation of a rigid management system and the strengthening of its centralization.

Keywords: power, provincial party conference, communists, Yenisei Provincial Committee of the RCP(b), transfers, leadership, Sibburo of the Central Committee of the RCP(b), Sibrevkom, centralization.

Высшие коммунистический и советский органы Сибири были созданы в условиях продолжавшейся Гражданской войны. Образованное еще в декабре 1918 г., Сибирское областное бюро РКП(б) стало руководящим партийным центром. Занимаясь организацией органов новой власти и налаживанием хозяйственной деятельности, оно являлось контролирующей инстанцией и гарантом выполнения задач, возложенных на него центром [1, с. 24]. Сиббюро сложило свои полномочия на I Сибирской краевой партийной конференции (май 1924 г.).

Приступивший к своей работе с осени 1919 г., Сибирский революционный комитет (Сибревком) являлся чрезвычайным органом советской власти в регионе, возникновение которого «находилось в противоречии с основным законом РСФСР и ... не было связано с волеизъявлением населения» [2, с. 55]. Он сосредоточил в своих руках большие административно-хозяйственные полномочия, выступал надежным механизмом для осуществления политики Москвы, порой противоречащей местным интересам, и просуществовал до 1 декабря 1925 г.

Первые советские органы на Енисее стали возникать по инициативе самого населения, бывших партизан и политработников Красной армии. Обстановка, требовавшая от советского аппарата мобильности и инициативы, побудила большевиков создавать ревкомы, состав которых при необходимости можно было изменить в приказном порядке. 5 января 1920 г. Сибревком назначил в Енисейскую губернию свое представительство, возглавляемое коммунистом А. П. Спундэ [3, с. 36]. Организация ревкомов закончилась весной, а их деятельность – летом того же года. Вопреки их созданию, крестьяне стремились к избранию советов. Начавшиеся в январе 1920 г., заседания красноярских коммунистов вылились в создание Енисейского губернского организационного бюро РКП(б). 27 марта того же года оно было сконструировано под председательством Е. А. Литкенса, а с 19 апреля – А. П. Спундэ [4, л. 2, 37, 43].

Взаимоотношения между сибирскими и губернскими партийно-советскими органами отличались возникающими конфликтами. Между тем они в исторических трудах советской эпохи по известным причинам не декларировались [5]. Время их изучения наступило лишь начиная с 1990-х гг. Данная тема получила освещение в публикациях сибирских историков [6]. Намечился подход, в рамках которого создание ревкомов и «болезненное» встраивание Сибревкома в советскую политическую систему стало объясняться менталитетом и политической культурой большевиков [7, с. 113; с. 94], а длительное его существование – возможностями управлять огромным регионом еще и с использованием принудительных мер [8, с. 215]. Однако авторы, рассматривая разрешение конфликта интересов сибирской и енисейской политических элит в контексте событий, имевших место в Сибири, по совершенно объективным причинам не могли рассказать о нем более детально и широко. Анализируя структуру и кадровый состав Енисейского губернского комитета (ГК) РКП(б), современный исследователь лишь ограничился констатацией недостатка ответственных работников и осуществления перебросок людей, вызванных самыми разными причинами [9, с. 196–197]. Экскурс в события прошлого, выполненный историками в самом общем виде, определяет актуальность нового обращения к этому аспекту с использованием неизвестных в историографии фактов.

Создание высшей властью в РСФСР Сибревкома – органа с неопределенными по масштабам и времени осуществления полномочиями вызвало у губернских коммунистов настроения добиваться подчинения напрямую центральным партийно-советским органам. Они предполагали озвучить их на IX съезде РКП(б) (март – апрель 1920 г.). С целью подготовки руководство Енисейской губернии 6

марта от имени сибирских организаций просило Москву отсрочить начало данного форума [10, л. 124].

В апреле 1920 г. ЦК РКП(б) решило повысить статус Сибирского партийного органа. Назначенный главой Сибревкома, И. Н. Смирнов стал еще и председателем Сиббюро. Однако 27 апреля Енисейское губбюро заявило, что роль Сибревкома сводилась лишь к созданию органов на местах, руководство со стороны отделов было слабым, а почва для его конструирования отсутствовала. Доклад о необходимости ликвидации Сибревкома был направлен в ЦК партии за подписью Литкенса, Спундэ и А. Д. Дубровинской [11, с. 28; с. 91; л. 1-2].

В свою очередь, Сибревком, выступив против прямых связей центральных ведомств с губернскими органами, разработал положение, наделявшее его правами, похожими на те, что были предоставлены Совнаркому [12, с. 91–92]. Данный документ, названным в личной переписке сибиряков проектом «Конституции Сибири» [13, л. 50], после ознакомления с ним первых лиц в мае 1920 г. был передан на рассмотрение в Политбюро ЦК. Обсудив постановление Сибревкома о контактах наркоматов и губернских властей, Оргбюро ЦК решило этот вопрос в пользу последнего [14, с. 92]. Но проект положения о нем, согласно письму его разработчика Смирнову от 24 июня, не вызвал особого интереса со стороны членов Политбюро, обсуждался наряду с просьбой Енисейского губбюро РКП(б) о ликвидации Сибревкома и был отправлен на рассмотрение специальной комиссии [15, л. 50, 53], где, вероятно, и был похоронен.

Наряду с укреплением своих связей с центром, сибирская партийно-советская администрация приступила к налаживанию дисциплины на местах. Особое отношение складывалось у неё к Спундэ, который, к примеру, считал отношение сибревкомовцев к бывшим партизанам чересчур резким и нецелесообразным, а, расходясь с их продовольственной политикой, отказался выполнять приказ о применении в деревне вооруженной силы [16, л. 1]. Зная о его высоком авторитете среди рабочих и крестьян, губернские партийные работники на заседании 4 июня 1920 г. обратились к сибирскому руководству с возражением против отзыва Спундэ из Красноярска [17, л. 67]. Состоявшаяся 21–24 июня 1920 г., I Енисейская губернская партконференция критически отнеслась к работе своего органа. Но, обвиняя губбюро в «замкнутости» и слабой организационной деятельности, её участники избрали Спундэ в состав ГК партии, а его президиум – своим председателем. Несмотря на появление в составе парторганизации оппозиции, выступившей против «старых» членов губбюро, члены Енисейского ГК считали, что намечившийся «кризис» путем кадровых перестановок разрешен не будет [18, л. 17; л. 17–18; л. 61 а]. Однако 30 июня Сиббюро затребовало у губернских властей посланный в ЦК материал о ликвидации Сибревкома. 4 июля Спундэ, назвав доклад устаревшим, выслал его копию в Сиббюро [19, л. 89, 98].

В условиях перехода от системы ревкомов к советам Енисейский ГК высказался за включение в повестку дня II Сибирского совещания РКП(б) (июль – август 1920 г.) вопроса о Сибревкоме. Во избежание противоречий между сторонами они были заслушаны на заседании Сиббюро. Сибирское партийное руководство сочло, что выполнение возложенных на регион государственных заданий является возможным лишь при наличии сильного областного органа. Совещание согласилось с этим мнением и высказалось за сохранение Сибревкома [20, с. 38; с. 93]. Одновременно оно решило отозвать Спундэ и Дубровинскую из Красноярска и предложило на должность руководителей партийно-советских органов Енисейской губернии В. В. Хжановского и И. А. Завадского. 1 августа приехавший член Сиббюро и Сибревкома В. М. Косарев на совещании ответственных работников Енисейской губернии говорил о том, что отзывающиеся товарищи в силу их «измотанности» перестали справляться с работой. Но состоявшееся 10 августа 1920 г. объединенное заседание ГК, райкомов (РК) партии и ответственных работников сочло замену Спундэ решением «необоснованным и вредным» для текущей работы и просило вышестоящий орган отменить свое постановление. За эту резолюцию, посланную в Сиббюро, проголосовал 21 участник, против неё были трое, а 12 – голосовать воздержались [21, л. 72; л. 4; л. 14, 17; л. 76].

В ответ на эту резолюцию Сиббюро 13 августа постановило: отзывы Спундэ и Дубровинской оставить в силе [22, л. 161]. 15 августа в губернский центр приехал вновь Косарев, заявивший собравшимся членам президиума ГК об их партийной недисциплинированности. Они заслушали заявление Спундэ, «сильного политического работника», обладавшего широким кругозором, способного охватить работу в губернском масштабе, но «скверного практика и плохого организатора», о сложении председательских обязанностей. Однако целый ряд присутствующих, сомневаясь в способностях Хжановского, высказался против этой меры [23, л. 80; л. 75; л. 1]. 16 и 19 августа в виду отзыва Спундэ и Дубровинской в Омск, откомандирования и выхода из ГК пятерых лиц президиум решил создать из наличных членов Временное бюро. Эти события позволили некоторым товарищам из чис-

ла 19 ответственных работников, собравшимся 20 августа, заявить, что Сиббюро «развалило» центр губернской парторганизации. 3 сентября 1920 г. председателем президиума ГК был избран Хжановский, а секретарем – Ямпольская [24, л. 141; л. 2; л. 1; л. 14; л. 80, 93].

Осуществляя руководство только что избранными и слабыми советами, Сибревком был готов вернуться к прежней ревкомовской системе власти и передать её в руки своих сторонников. Так, ознакомившись с сообщением командующего Восточно-Сибирским военным округом (ВСВО) А. И. Окулова о «незаконном и систематическом вмешательстве парткома в деятельность и распоряжения военного ведомства», Сибревком назначил его председателем губревкома (ГРК) [25, л. 46; л. 2]. Эффективность управления, временно присущая ревкомам, была для некоторых коммунистов настолько очевидной, что они еще какое-то время пытались сохранить Енисейский ГРК.

Вторично рассмотрев проект и утвердив положение о Сибревкоме, СНК 12 октября оформил его статус как высшего полномочного представителя центральной советской власти. После этого некоторые партийцы стали считать ликвидацию ГРК преждевременной, а работу отделов Енисейского губисполкома (ГИКа) – слабой. 18 октября состоялось экстренное заседание президиума Енисейского ГК РКП(б), на котором прибывший Смирнов объявил о вертикальном подчинении отделов ГИКа соответствующим сибирским подразделениям [26, л. 40; л. 133].

23–25 октября состоялся пленум Енисейского ГК, на котором председатель ГИКа Завадский заявил о «ненормальном» развитии ситуации в советском органе. В силу вертикальной подчиненности его отделов советская работа, говорил он, сосредоточилась в ГИКе, тогда как его подразделения занялись выполнением заданий центральных главков. Выступающие участники указывали, что полная автономия отделов сводит их роль лишь к «политическому руководству». Подняв вопрос о взаимоотношениях между ГИКом, его отделами и центральными главками, ГК постановил: губернский орган руководит работой своих отделов, не вмешиваясь в «рабочие детали» [27, л. 89–90, 95, 97].

26 октября Сиббюро отозвало из Красноярска Окулова, а затем и других своих посланцев. Через день в штабе ВСВО им был организован прощальный вечер, вероятно, вылившийся в попойку. Специально собравшийся 31 октября президиум ГК передал это дело в партийную судебную инстанцию [28, л. 148]. Вскоре, очевидно, 3 декабря в Сиббюро за подписью Окулова и прочих партийцев поступило письмо, обвинявшее группу «молодых и безответственных» коммунистов в агитации, развернутой против местных товарищей. «Последовательно они выбросили из Красноярска Спундэ, Дубровинскую, Позигуна, Кагановича, отстранили от работы Врублевского, вынудили подать заявление об уходе с работы Петерсона, выжили Завадского», писали эти лица. Закончилось это послание заявлением, что в руководстве региона воцарилась «атмосфера сыска, сплетен, которая разлагала людей» [29, л. 7].

В этой обстановке неотложным стало обновление состава руководящего органа енисейских коммунистов. 11 декабря новый состав ГК был избран на II Енисейской губернской партконференции с Хжановским в качестве ответственного секретаря, а 14 декабря утвержден вышестоящим органом [30, л. 83; л. 264, 286]. Но в том же месяце Сиббюро, вопреки тому, что горизонтальные связи между организациями не возбранялись, за «незаконные» отношения с партийным руководством Томской и Иркутской губерний поставило Енисейскому ГК на вид. Отправленная 28 декабря просьба енисейцев пересмотреть это решение оказалась неудовлетворенной [31, л. 5; л. 50; л. 4].

На проходившей в феврале 1921 г. III Сибирской партийной конференции красноярские коммунисты возглавили образовавшуюся оппозицию против «сибов». Теперь уже Хжановский выступил против назначения руководителями в регионы партийных выдвиженцев. Однако его товарищи, заявив, что сибирские органы не передаточное, а руководящее звено в системе партийно-государственной власти, одобрили их существование [32, л. 10; л. 16].

Состоявшаяся III Енисейская губернская конференция РКП(б) избрала пленум ГК, а он 12 февраля – его президиум [33, л. 17]. На должности председателя ГИКа и ответственного секретаря ГК в Енисейской губернии сибирскими органами были рекомендованы Ф. А. Березовский и К. П. Машкин. Считая свои действия «предотвращением полного развала» партийной организации, Сиббюро постановлением от 10 марта распустило президиум ГК состава декабря 1920 – февраля 1921 г., откомандировало из Красноярска – Каулина, Литвину и Шинкаревского, которые активно выступали против этого «назначения», и ввело посланных лиц в состав Енисейского ГК.

Но отзываемые коммунисты не спешили с отъездом на новое место работы и занимались «антисибовской» агитацией. 5–6 апреля 1921 г. состоялся пленум Енисейского ГК РКП(б), который решил рассмотреть отношения с Сиббюро. Некоторые его члены убеждали собравшихся согласиться с отзывом своих товарищей. Другие же заявляли, что «репрессии» против ГК являлись нарушением норм партийной жизни и могли отрицательно сказаться на его работе. Они просили Сиббюро пере-

смотреть вопрос о ликвидации «старого» президиума и переброске ответственных работников. Принятая ими резолюция отвергала постановление Сиббюро как «необоснованное» [34, л. 75; л. 4; л. 103].

Несмотря на то, что 12 апреля 1921 г. президиум Енисейского ГК все же согласился с откомандированием вышеназванных лиц, данная «склока», согласно сообщению Машкина, на этом не закончилась: настроения прежних руководителей, которые не считали Сиббюро авторитетным органом и выражали желание контактировать лишь с ЦК партии, стали достоянием уездных и рядовых коммунистов. Канский уком (УК) РКП(б) отказался подчиняться ГК, жаловался губернский руководитель, а в Минусинске можно было ожидать «коммунистической революции». На состоявшихся в Красноярске собраниях началась «травля» Машкина и Березовского как «назначенцев» [35, л. 35; л. 55].

28 апреля 1921 г. енисейские коммунисты направили письма в ЦК и Сиббюро РКП(б), в которых изложили свое видение этого конфликта. Накануне Сибирской партконференции, состоявшейся 18 февраля 1921 г., Сиббюро разослало телеграмму в губернские партийные органы, в которой объявило повестку дня, но затем вдруг обвинило Енисейский ГК в организации обсуждения политических вопросов и поставило ему на вид. Выступая на конференции, представители Енисейской губпарторганизации предложили упразднить ряд сибирских главков. Несмотря на поддержку этой инициативы чуть ли не половиной делегатов, Сиббюро не согласилось с ними и приняло решение о переизбрании президиума ГК [36, л. 85–86].

7 мая группой из шести лиц в президиум Енисейского ГК было направлено заявление о возбуждении ходатайства перед ЦК партии о присылке на очередной его пленум своего представителя. На следующий день президиум в силу того, что всяческие противоречия внутри партийных организаций были разрешены на X съезде РКП(б), решил это заявление не разбирать. Но его авторы, обозвав Сиббюро «гнилым нарывом», с удалением которого оздоровится ситуация в губпарторганизации, вынудили своих товарищей вступить в дискуссию. Сообщив об оживлении деятельности подчиненных им учреждений, Машкин и Березовский назвали это заявление продолжением «склоки» с Сиббюро и поставили вопрос ребром: удаление из Красноярска их, или оппозиционеров. После этого члены президиума решили, что «трения» с сибирским партийным руководством будут ликвидированы путем плановой переброски ответственных работников [37, л. 55–56; л. 47, 54; л. 48]. 24 мая президиум ГК предложил и утвердил кандидатуры семи таких лиц, выводимых из губернии [38, л. 59; л. 30]. Кроме того, за «нарушение субординации» по требованию Сиббюро переизбранию в полном составе подвергся Красноярский УК партии.

Перелом в противостоянии сибирских выдвиженцев и красноярских оппозиционеров произошел на пленуме ГК 5 июня и IV Енисейской губернской партконференции (6 – 10 июня 1921 г.). Конференция проходила в острой дискуссии. Выступая с докладом о деятельности ГК, Машкин укорял прежних работников в отсутствии налаженного аппарата, наличии личных счетов к нему и уверял коммунистов в правильности их перебросок. Его речь вызвала замечания Н. Д. Леушина, О. Т. Саусверда и Л. И. Субботиной, критиковавших партийное руководство за «оторванность» от масс, неопределенность с выбором политического курса и применение назначений и перебросок ответственных лиц, которые «вредны разматыванием имеющихся сил». Некоторые из них требовали замены бюрократической верхушки, располагающей идеологическим багажом, но оказавшейся в Сибири случайно, «пролетариями», знающими местное население. Но были и такие выступления, в которых ораторы, наблюдая раскол среди участников конференции, задавались вопросом: Машкину ставят в вину, что он не держит курс на рабочую демократию, но возможен ли поворот на него, например, при своеволии членов минусинской парторганизации? Другие участники говорили о «необходимости ликвидировать разрыв между верхами и низами и вернуть потерянное партией влияние на беспартийные массы» путем сближения с ними не ГК, а коммунистических ячеек.

По докладу ГК делегатам были предложены две резолюции. Одна из них, зачитанная секретарем Канского УК А. А. Ансоном (Абовым) и оценивавшая работу губернского партийного руководства как правильную, получила 31 голос одобрения. Но 34 участника проголосовали за принятие резолюции, озвученной лидером минусинских коммунистов Н. П. Непомнящим, которая неудовлетворительно оценивала деятельность руководящего органа. Однако такая оценка вызвала реплики делегатов. Принимавшая участие в работе конференции В. Н. Яковлева, ответственный секретарь Сиббюро, заявила, что признать работу ГК как неудовлетворительную нельзя. Если такую оценку оставить, разъясняла она, то лица, работавшие в прежнем его составе, не смогут рассчитывать на место в новом органе. Созданная по её инициативе комиссия разработала проект новой резолюции. 50 голосами «за», при трех «против» и 13 – «воздержавшихся» был принят документ, признававший «политиче-

скую линию» в деятельности ГК правильной, а саму её – «не вполне удовлетворительной» [39, л. 4; л. 3, 5–6, 8–10; л. 1, 3–5, 7; с. 86].

Губернский комитет РКП(б) избирали по спискам, предложенным Непомнящим и группой делегатов. Состоявшийся 10 июня пленум ГК создал его президиум в составе членов Ф. А. Березовского, А. С. Гендлина, И. И. Засульского, Р. К. Лепсиса и К. П. Машкина, кандидатов – Я. М. Банковича и А. И. Кашникова. Большинством голосов членов президиума ответственным секретарем Енисейского ГК был избран Машкин [40, л. 108].

Оставшийся в руках сибирских выдвиженцев, Енисейский ГК в срочном и массовом порядке начал внедрение на ответственные посты в губернии лиц, одобрявших его политику. Уже 3 июля на заседании пленума сообщалось об осуществлении в уездах плановой переброски 63 человек, в т. ч. восьми – в Сиббюро [41, л. 112; л. 40].

С появлением большой группы «назначенцев» губернское партийно-советское руководство все больше стало заниматься кадровой политикой и ликвидацией «сепаратизма». Утвердив штатное расписание ГК и других комитетов, Сиббюро получило еще большую возможность вмешиваться в подбор кадров. Но откомандирование порой проходило бессистемно, присланные люди на местах быстро менялись. На пленуме ГК 4 августа собравшиеся заявили о слабости Березовского как председателя ГИКа и единогласно проголосовали за его замену. В том же месяце фракция РКП(б) в советском органе кооптировала на эту должность Л. Е. Гольдича [42, л. 50; л. 58; л. 93]. Осенью 1921 г. Сиббюро укрепило своими посланцами кадры самого Енисейского ГК, а он в свою очередь – руководителей в Ачинске и Минусинске. 17 декабря президиум ГК заслушал заявление об увольнении Машкина, которого отзывали в ЦК партии. С 17 января 1922 г. ответственным секретарем Енисейского ГК РКП(б) стал А. С. Гендлин [43, л. 61; л. 19; л. 124; л. 69].

Несмотря на то, что политическая борьба начала приобретать примиренческий характер, на V губернской партконференции (26 февраля – 3 марта 1922 г.) её участники, называя плановые переброски средством «удаления инакомыслящих», заявляли, что ГК должен отказаться от практики назначений и военных методов управления. Отвечая им, Гендлин признал действия партийного руководства правильными. Кадровые перестановки продолжались и осенью 1922 г. приобрели большие масштабы. 9 сентября Сиббюро решило перебросить из Красноярска в глубинку 15 ответственных работников. Состоявшееся 9 ноября собрание актива губернской парторганизации рассмотрело список из 75 лиц и выбрало кандидатуры к откомандированию [44, л. 205; л. 62].

Импульсом очередного недовольства енисейских коммунистов явилось закрытое письмо ЦК РКП(б), очевидно, от 1 декабря 1922 г. о назначении членов Сиббюро [45, л. 194]. Встревоженное руководство командировало на проходившую 1 – 5 декабря 1922 г. VI Енисейскую губернскую партконференцию инструктора ЦК П. И. Струппе и члена Сиббюро А. А. Ширямова. Освещая работу своего учреждения, последний заявил, что «ради крепости организации» местные коммунисты должны примириться с существованием объединения, назначенного сверху. Это утверждение вызвало возмущения делегатов. Раздраженная докладом Ширямова, заведующая женотделом Субботина потребовала: «Пора поставить и обсудить вопрос вообще об областных объединениях. Нужны ли они?». Её поддержали другие ораторы, в речах которых зазвучали предложения перейти к «принципам рабочей демократии». Об упразднении Сибревкома, содержание которого легло «тяжелым бременем» на хозяйство, и выборности состава Сиббюро говорили лидеры минусинских коммунистов. Напротив, за существование Сибревкома, необходимого для «ликвидации центробежных устремлений местностей», выступал председатель ГИКа Гольдич. Более взвешенную оценку деятельности «сибов», которые порой подменяли центральные учреждения, но стали по-настоящему руководящими партийно-советскими органами, сделал Гурович. Одобрив деятельность Сиббюро, участники конференции все же решили выяснить целесообразность существования сибирских областных объединений.

В своем докладе о деятельности ГК его руководитель Гендлин высоко оценил пройденный путь, в результате которого были укреплены партийная власть в регионе и «ликвидированы оппозиционные настроения и склоки». Вопреки репликам и выступлениям делегатов с критикой деятельности ГК, конференция приняла резолюцию, признавшую её удовлетворительной [46, л. 5–8, 16–17; л. 67–68]. Участники конференции избрали новые составы ГК, ревизионной и контрольной комиссий РКП(б), а также делегатов на XIII съезд партии.

На состоявшемся 14 декабря 1922 г. пленуме ГК его участники вновь вернулись к обсуждению своего отношения к сибирским органам. Струппе и Ширямову удалось уговорить собравшихся привести резолюцию, принятую на конференции, в соответствие с Уставом РКП(б). Как выяснилось, существование Сиббюро ЦК было утверждено в одном из пунктов этого основополагающего партий-

ного документа. Пленум решил пункт резолюции о целесообразности деятельности Сиббюро упразднить, а отчет о ней принять к сведению [47, л. 29; л. 194; с. 10].

Центр на основании доклада Струппе об обследовании Енисейской губернской парторганизации нашел деятельность её руководства слабой. Было установлено «неправильное отношение» местных коммунистов к Сиббюро и Сибревкому, а также «ложное толкование» ими демократического централизма и неисполнение директив вышестоящих инстанций. Поэтому постановлениями Оргбюро ЦК РКП(б) от 13 января и Сиббюро от 1 февраля 1923 г. были намечены к отзыву Гендлин, Гидлевский, Непомнящий, Поздняков, Субботина и др. 7 февраля закрытое заседание президиума ГК согласилось с выдвинутым обвинением. На состоявшемся 18–19 февраля 1923 г. пленуме ГК секретарь Сиббюро С. В. Косиор, оценив работу парторганизации, как «удовлетворительную», но назвав её саму «мертвой», заявил, что теперь она будет находиться под сильным контролем сверху и рекомендовал к избранию новым руководителем Енисейского ГК Р. Я. Кисиса [48, л. 22; л. 3, 5; л. 20; л. 15].

В порядке общесибирской переброски кадров с декабря 1922 по апрель 1923 г. из Енисейской губпарторганизации были откомандированы 32 ответственных лица, в т. ч. в распоряжение ЦК РКП(б) четыре члена ГК, Сиббюро – восемь работников губернского масштаба и четыре – уездного. Вместо отозванных прибыли 40 человек, но более низкой квалификации. После вышеназванного пленума был создан новый президиум ГК [49, л. 3, 5].

Итогом деятельности сибирских органов стали не только усилившаяся централизация управления, но и хронический дефицит кадров на местах. Выступая на прошедшей 30 сентября – 2 октября 1923 г. VII Енисейской губернской партконференции, Кисис назвал положение, в котором руководимый им ГК начал свою работу, «неустойчивым». Большинство его членов были в губернии людьми «новыми», не хватало инструкторов. 2 марта 1924 г. все тот же руководитель обратился с письмом к Косиору, в котором назвал происшедший в последнее время отзыв «ненормальным» [50, л. 162–163; л. 40–42, 58; л. 101].

Таким образом, партийное и советское строительство в Сибири проходили в сложной обстановке завершения Гражданской войны и были отягощены проблемами управления и ликвидации противоречий в отношениях между сибирскими и губернскими коммунистами. Попытки енисейцев наладить прямое руководство со стороны высших органов партии и государства имели длительный характер. При отсутствии поддержки центра, заинтересованного в выкачивании ресурсов Сибири любыми средствами, они заведомо являлись бесперспективными. В свою очередь сибирские органы, требуя безоговорочного подчинения местных ответственных работников, путем их откомандирования и замены новыми лицами формировали номенклатурный слой аппаратчиков и функционеров, всецело преданный вышестоящему руководству. Эта деятельность осложнялась тем, что какая-то часть выдвиженцев быстро проникалась местными проблемами и начинала выходить из-под опеки посланных их органов. Вероятно, борьба занимала заметное место в существовании Енисейского ГК и отвлекала его членов от партийной работы. Осуществляемые вновь и вновь плановые переброски вели к постоянному недостатку местных кадров, но создавали жесткую систему управления, усиливали его централизацию и административные рычаги.

Список литературы

1. Шишкин В. И. Государственное управление Сибирью в конце XIX – первой трети XX в. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 3–36.
2. Шишкин В. И. Москва – Сибирь: история взаимоотношений (1917–1930 гг.) // История Сибири: человек, общество, государство. Новосибирск: НГУ, 1995. С. 41–75.
3. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925: Сб. док. и мат-в. Новосибирск: Кн. изд-во, 1959. 658 с.
4. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.
5. См., например: Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 2. Героическая борьба за построение социализма и постепенный переход к коммунизму (с 1921 по 1969 годы). Красноярск: Кн. изд-во, 1970. 390 с.
6. Грязнухин А. Г. Енисейский губревком (1920 г.): чрезвычайные меры и демократия // Дуловские чтения 1992 года: сб. тез. конф. (Иркутск, 16–17 октября 1992 г.). Иркутск: ИГПИ, 1992. Ч. 1. С. 108–111; Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция. 1922 – 1929 гг. Новосибирск: Изд-во Сиб. кадров. центра, 1994. 164 с.; Шишкин В. И. Москва – Сибирь: история взаимоотношений...; он же. Сибирский революционный комитет в советской политической системе периода гражданской войны // Уральский исторический вестник. 2019. № 2 (63). С. 87–95.

7. Макаручук С. В. Экстремизм в политической культуре большевизма: установление советской власти на Востоке России (1919–1922 годы) // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 31. С. 112–118; Шишкин В. И. Сибирский революционный комитет в советской политической системе...
8. Бакшеев А.И. Деятельность Сибирского революционного комитета как высшего органа власти в Сибири // Вестник КрасГАУ. 2015. № 3. С. 211–215.
9. Элтеко Ю. В. Енисейский губернский комитет РКП(б): структура и кадровый состав // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 190–200.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2178.
11. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1978. 333 с.; он же. Сибирский революционный комитет в советской политической системе...; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 33.
12. Шишкин В. И. Сибирский революционный комитет в советской политической системе...
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 498.
14. Шишкин В. И. Сибирский революционный комитет в советской политической системе...
15. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 498.
16. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 137.
17. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2178.
18. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 123; Оп. 2. Д. 83; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.
19. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2178.
20. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири...; он же. Сибирский революционный комитет в советской политической системе...
21. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 124; Оп. 2. Д. 21; Д. 83; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.
22. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2178.
23. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 124; Оп. 2. Д. 21.
24. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2178; Оп. 2. Д. 21; Д. 411; Д. 83; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.
25. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2178; Оп. 2. Д. 436.
26. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 272; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.
27. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 124.
28. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.
29. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 436. 18 февраля 1921 г. в Сиббюро было сообщено, что Енисейский ГК РКП(б) утвердил приговор партийной следственной комиссии о лишении Окулова права в течение трех лет занимать ответственные должности (ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2229. Л. 68).
30. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 125; Д. 2178.
31. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 281; Д. 2229; ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 271.
32. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 187; Оп. 3. Д. 11.
33. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 113.
34. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2229; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 125.
35. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 271; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 188.
36. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 188.
37. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 113; Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 271; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 281.
38. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 113; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1088.
39. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 113; Оп. 4. Д. 6; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 269; Шекшеев А. П. Борьба за власть между коммунистами и централизация партийно–советского руководства на юге Енисейской губернии в начале 1920-х гг. // Известия лаборатории древних технологий. 2014. № 3 (12). С. 68–92.
40. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 124.
41. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 124; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105.
42. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 281; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105; Д. 113.
43. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 137; Д. 156; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 105; Ф. П-6. Оп. 1. Д. 5.
44. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 264; Д. 278.
45. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 264.
46. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 258; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 465.
47. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 258; Д. 264; Демидов В. В. Политическая борьба и оппозиция.
48. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 276; Д. 684; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 441; Д. 444.
49. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 684.
50. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 441; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 380; Оп. 6. Д. 28.

ЕНИСЕЙСКАЯ ЕПАРХИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА
(XIX В. – НАЧАЛО XX В.)

Шушканова Елена Александровна
канд. ист. наук, доцент

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
shushkanovae@yandex.ru

Рассматривается статус Енисейской епархии в синодальной политике России со второй половины XIX в., когда была образована самостоятельная Енисейская епархия с центром в городе Красноярске, до начала XX в., когда в результате революции 1917 г. был ликвидирован монархический строй и его высшие церковные структуры.

Ключевые слова: Енисейская епархия, Святейший Синод, взаимодействие центра и провинции.

THE YENISEI DIOCESE IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF THE HOLY SYNOD
(XIX CENTURY – EARLY XX CENTURY)

Shushkanova Elena Aleksandrovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Siberian state University of science and technology named after academician M. F. Reshetnev, Krasnoyarsk,
Russia
shushkanovae@yandex.ru

The article considers the status of the Yenisei diocese in the synodal policy of Russia from the second half of the XIX century, when an independent Yenisei diocese was formed with its center in the city of Krasnoyarsk, until the beginning of the XX century, when the monarchical system and its higher church structures were liquidated as a result of the 1917 revolution.

Key words: The Yenisei Diocese, the Holy Synod, the interaction of the center and the province.

Изучение исторического опыта сибирской региональной политики российской власти в досоветский период всегда оставалось в формате и актуальной и одновременно дискуссионной проблемы. Ключевым вопросом полемики является определение политического и экономического статуса Сибири по отношению к центру. Одним из важных аспектов данной проблемы является вопрос о взаимодействии правительственного Синода и епархиальных властей, учитывая, что Святейший Синод являлся не только высшим органом церковной власти, но и важнейшим государственным институтом российской империи.

В данном исследовании рассматривается общий статус Енисейской епархии в синодальной политике России со второй половины XIX в., когда была образована самостоятельная Енисейская епархия с центром в городе Красноярске, до начала XX в., когда в результате революции 1917 г. был ликвидирован монархический строй и его высшие церковные структуры. Енисейская епархия являлась второй по величине областью в Русской православной церкви, и одновременно считалась ее дальней провинцией. Проблема взаимодействия Синода с Енисейской епархией присутствует в работах красноярских краеведов [2], но по-прежнему остается, на наш взгляд, перспективным научным направлением.

Создание самостоятельной епархии в Приенисейском крае произошло довольно поздно даже по сибирским меркам. Например, Иркутская епархия была учреждена в 1707 г., Томская в 1834 г., а Енисейская губерния поочередно включалась в состав вышеназванных епархий. Пока не назрела острая потребность выделения ее в отдельную структуру: во-первых, потому что управление на столь огромной территории было малоэффективным; во-вторых, мотивом открытия Енисейской епархии была необходимость миссионерской работы. Во второй половине XIX в. отмечался расцвет миссионерской деятельности Русской Православной Церкви как внутренней, так и внешней, а в Енисейской губернии проживало много инородцев-язычников, главным образом в Минусинском и Ачинском уездах (на юге) и в Туруханском крае (на севере). Решение об открытии епископской кафедры третьего

(низшего) класса в Красноярске было подписано императором Александром II по представлению Синода 25 мая 1861 г.

Статус Енисейской епархии в системе синодального управления можно охарактеризовать прежде всего, как исключительно несамостоятельный даже с учетом исторически сложившейся внутрицерковной дисциплины Русской православной церкви. Свидетельством мелочной зависимости епархиальных властей от синодального начальства могут стать два примера: один из ранней истории епархии, другой из поздней.

Первый епископ Енисейский Никодим (Казанцев) весной 1870 г. обратился в Синод с просьбой об увольнении по причине расстроенного здоровья и в мае того же года был освобожден от епископского служения с пенсией в 750 рублей. Прожив более 7 лет в Красноярске, Никодим полюбил его и пожелал остаться здесь до конца жизни. Владыка по своей инициативе начал постройку в архиерейской усадьбе небольшого дома, в который он планировал переселиться после освобождения архиерейских покоев для нового епископа. Однако планы эти Синод не одобрил.

В столице, узнав о постройке, потребовали рапорт с подробными сведениями: какая ведется постройка, для чего; по чьему разрешению и на какую сумму; по каким планам и наконец, есть ли возможность остановить постройку. В ответ контора архиерейского дома представила письменный доклад, в котором указывала, что действительно строится дом «в коем предполагал поместиться преосвященный Никодим, епископ Енисейский и Красноярский по увольнению его на покой» [5. с.40]. В рапорте также указывалось, что остановить постройку невозможно, т.к. уже были выплачены 454 руб. подрядчикам, и следовало заплатить ещё 883 руб. [Там же. с.41]. И хотя в возведении постройки не было никаких правовых и финансовых нарушений (дом строился на средства, оставшиеся от расходов по архиерейскому дому), а проект его был утвержден губернатором и решением Консистории, Синод предложил Никодиму покинуть Красноярск, что он и сделал летом 1870 г.

Другой характерный пример взаимодействия Синода и Енисейской епархии относится к последнему епископству в Енисейской епархии в условиях синодального управления (1913-1917 гг.). Прибывший в Красноярку новый епископ Никон (Бессонов), озабочился проведением ремонтных работ архиерейского дома и здания духовной семинарии. Подробности переписки епископа и хозяйственного отдела Синода показывают, что финансовой самостоятельностью Енисейская епархия не обладала, и даже по самым незначительным хозяйственным вопросам должна была соотноситься с Синодом. Кроме того, деньги из столицы шли неспешно, а подрядчики требовали от епископа денег. Приходилось делать займы, и долги конторы архиерейского дома росли. Никон использовал все свои связи, чтобы разрешить материальные затруднения: в Российском государственном историческом архиве сохранилась записка епископа Никона некому Его Превосходительству Александру Александровичу в Петербург от 4 февраля 1916 г., в которой он просил посодействовать в того в высылке денег [Там же. с. 154].

При этом текущими делами Енисейской епархии в Синоде интересовались мало, даже принимая во внимание крайнюю удаленность епархии от столицы. До строительства в начале XX в. Транссибирской магистрали даже правительственные курьеры, которым обеспечивалась непрерывная смена лошадей на всем пути, добирались из столицы до Красноярска больше месяца. И даже с учетом этого, в фондах Святейшего Синода в Санкт-Петербурге материалов по Енисейской епархии оказалось крайне мало. А имеющиеся свидетельствуют, что Енисейская епархия в списке приоритетных не значилась. Например, в обзоре деятельности высшего духовного ведомства за 1911 г., когда регулярное сообщение между Санкт-Петербургом и Владивостоком по железной дороге действовало уже 8 лет и была телеграфная связь, мы находим информацию об ассигнованиях Синода на сооружение церквей. Сравнения этих бюджетов говорит о том, что наибольшей заботой пользовались западные территории: на Варшавскую епархию выделялось 7.381 руб. 21 коп. на Волынскую 32.057 руб. 66 коп. на Минскую 46 тыс. руб., на Томскую 1,5 тыс. руб., а на Енисейскую только 700 руб. На Омскую же и Иркутскую епархии ассигнований не было совсем [3. с. 25-27].

Недостаток внимания синодальных властей к церковной жизни сибирских регионов проявлялся не только в финансовой сфере. При работе с архивными материалами фондов Святейшего Синода обращает внимание редкое упоминание не только Енисейской, но Иркутской или Томской епархий.

Это же прослеживается и на примере периодической печати Русской православной церкви. Например, в «Церковно-общественном вестнике» (столичном издании, выходящем три раза в неделю), где регулярно публиковались материалы о жизни российских епархий, картина та же. Нередки были сведения о событиях в Костромской, Рязанской епархиях, Саратовской, Новгородской, а вот сибирских новостей обнаружилось значительно меньше. Да и информация, если появлялась, относи-

лась к области мелкотемья: например, о том, что в Минусинском уезде задержали жалование священнослужителям перед Рождеством; или о покупке обуви для воспитанников духовного училища, сообщение о которой не прошло обязательного объявления в губернской газете о торгах [4]. Статей же, касающихся проблем жизни сибирских епархий почти не публиковалось, хотя во всех указанных сибирских регионах издавались «Епархиальные ведомости», содержавшие обширный материал по приходской жизни.

В изданном в 1913 г. отчете Святейшего Синода обращает внимание полное отсутствие данных о церковной жизни Сибири. Например, в разделе «Обозрение епархий Преосвященными» Енисейской епархии нет, а ведь регулярные поездки красноярских архиереев (и на лодках, и на конных экипажах) были, пожалуй, самой характерной особенностью их служения в сибирском крае. Енисейские архиереи по несколько раз в году совершали длительные и трудные поездки по епархии. В разделе о состоянии веры и благочестия в народе в том же синодальном отчете материалы о епархии также отсутствуют.

Даже в разделе «Миссионерская деятельность духовенства» упоминаний о Сибири вновь нет [1. с. 139, 172]. В этой связи уместно вспомнить оценку известного миссионера Приенисейской Сибири Владимира Кузьмин, который сравнивал миссионерскую практику в Енисейской епархии с православной миссией в Японии. В чужой стране имелось два епископа, около 40 священников, несколько учебных заведений, несколько десятков учителей и чуть ли полтора десятка катехизаторов. Обстановку же в Абаканской миссии о. Владимир считал ужасающей.

Таким образом, церковная политика в отношении Сибири и Енисейской губернии в частности, имела на наш взгляд признаки имперского превосходства центра. Признавая объективную неизбежность присутствия в политике Синода державности, полагаем, что статус Енисейской епархии был периферийным не только в территориальном, но и в более широком смысле. Сочетание жесткой регламентации жизни епархии со стороны синодальных властей с одной стороны, и явно недостаточного внимания к ее нуждам с другой стороны, объясняет нарастание недовольства положением дел внутри церковной корпорации сибирского края, которые отчетливо проявились накануне революции 1917 г.

Список литературы

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Свят. Синода в ведомстве православного исповедания за 1911-1912 годы. Санкт-Петербург. 1913.
2. Дворецкая А.П., Терскова А.А., Хаит Н.Л. Православная церковь и население Приенисейской Сибири. 1700- 1919 гг. Красноярск. 2018.
3. Обзор деятельности духовного ведомства за 1911 год. С. Петербург. 1913.
4. Церковно-общественные ведомости. 1880. № 15. С.3, № 103-104. С.7.
5. Шушканова Е.А. Архиерейский дом Красноярска и его епископы (XIX – начало XX века). Красноярск. 2015.

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ АВИАЦИОННЫХ ЧАСТЕЙ
И СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

Матвеев Бронислав Александрович
начальник учебной части, заместитель начальника кафедры
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
allex290770@yandex.ru

В статье на архивных источниках рассматривается система военного образования страны к началу Великой Отечественной войны, основными элементами которой являлись военно-учебные заведения. Начавшаяся война вскрыла все просчёты предвоенного планирования и недостатки в организации деятельности военно-учебных заведений. Поспешно организованная эвакуация военно-учебных заведений привела к изменению их территориального положения и преобразованию структуры системы военного образования, потерям и сбою учебного процесса. В сложившейся обстановке Красноярский край взял на себя функции центра и сделал всё возможное в решении ключевых вопросов, прибывших в эвакуацию военно-учебных заведений, которые в короткие сроки приступили к выполнению своих задач.

Особый акцент автором сделан на том, что подготовка специалистов для Военно-воздушных сил Красной Армии представляла собой сложный процесс. Основные проблемы в подготовке специалистов были связаны с обстоятельствами военного времени и усугублялись низким состоянием воинской дисциплины, нарушениями приказов, инструкций и наставлений.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, система военного образования, эвакуация, Сибирский военный округ, Красноярский край, формирование авиационных частей и специалистов для Военно-воздушных сил Красной Армии, Канская и Харьковская военные авиационные школы стрелков-бомбардиров (штурманов).

KRASNOYARSK TERRITORY AS A SOURCE OF FORMATION OF AVIATION UNITS AND SPECIALISTS FOR THE RED ARMY AIR FORCE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945.

Matveev Bronislav Alexandrovich
Head of Educational Department, Deputy Head of Department
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
allex290770@yandex.ru

The article examines the country's military education system by the beginning of the Great Patriotic War, the main elements of which were military educational institutions, based on archival sources. The outbreak of the war revealed all the miscalculations of pre-war planning and shortcomings in the organization of military educational institutions. The hastily organized evacuation of military educational institutions led to a change in their territorial position and the transformation of the structure of the military education system, losses and disruption of the educational process. In the current situation, the Krasnoyarsk Territory assumed the functions of the center and did everything possible to resolve the key issues that arrived at the evacuation of military educational institutions, which began to fulfill their tasks in a short time.

The author places special emphasis on the fact that the training of specialists for the Red Army Air Force was a complex process. The main problems in the training of specialists were related to the circumstances of wartime and were aggravated by the low state of military discipline, violations of orders, instructions and instructions.

Key words: The Great Patriotic War, military education system, evacuation, Siberian Military District, Krasnoyarsk Territory, formation of aviation units and specialists for the Air Force of the Red Army, Kansk and Kharkov military aviation schools of bombardier shooters (navigator)

Вступление любого государства в войну является началом проверки состояния его вооруженных сил, сложившихся систем комплектования войск и военного образования.

Способность вооруженных сил успешно выполнять поставленные перед ними задачи во многом зависит от эффективности работы системы военного образования. Поэтому решение вопросов военного строительства и реформирования вооруженных сил всегда находится в прямой зависимости от решения вопросов развития и совершенствования системы военного образования.

Находясь в тени вооруженных сил, система военного образования является основным источником их комплектования, в первую очередь, командными кадрами и специалистами, подготовка которых в частях и подразделениях действующей армии не возможна или не эффективна.

В предвоенный период система военного образования, как и любая система, обладала определенной организационной структурой – совокупностью взаимосвязанных элементов, образующих единое целое, способных при изменении внутренних и внешних факторов обеспечить достижение заданных целей в процессе работы.

Основные элементы системы военного образования были представлены военно-учебными заведениями различного уровня подготовки специалистов: военными академиями, военными училищами и школами, специальными военными факультетами при гражданских вузах, курсами усовершенствования командного состава.

К началу Великой Отечественной войны в системе военно-учебных заведений Красной Армии и Военно-Морского Флота состояло: военных академий – 19; высших военно-морских училищ – 7; специальных военных факультетов при гражданских вузах – 10; общая штатная численность переменного состава (слушателей) – 37085 человек; военных училищ и школ – 203 со штатной численностью курсантов 238853 человека; курсов усовершенствования командного состава – 68 со штатной численностью – 15330 человек [1, с. 18]

Подавляющее большинство военно-учебных заведений территориально размещалось в военных округах западных регионов страны. В этом и заключалась фатальность ситуации, в которой они оказались с первых дней начавшейся войны. Война сразу обнажила все просчеты предвоенного планирования, недостатки в организации деятельности военно-учебных заведений, в том числе и ошибки выбора мест их постоянной дислокации и базирования. В критических условиях в первостепенном порядке необходимо было принимать меры о выводе военно-учебных заведений из зон непосредственных и вероятных ударов противника, а временем на обоснованный выбор новых мест их размещения военное руководство страны не располагало.

В соответствии с приказами Генерального штаба №№ 638-640 от 3 июля 1941 года военно-учебные заведения и курсы западных приграничных округов эвакуировались в тыловые районы страны. До конца года были перемещены: 35 пехотных училищ, 14 училищ бронетанковых и механизированных войск, 20 артиллерийских, 54 авиационных (вместе со школами), почти все академии и даже некоторые училища, не попавшие под удар. [2, с. 501]

Эвакуация элементов системы в населенные пункты Урала, Сибири и Средней Азии привела к изменению не только их территориального положения, но и преобразованию структуры самой системы военного образования. Так, с целью улучшения качества руководства организацией подготовки кадров, в Управлении Сибирского военного округа (СибВО) был сформирован Отдел вузов. [3, с. 31]

Перед войной Красноярский край вместе с Алтайским краем, Омской, Новосибирской областями, Хакасской и Ойротской автономными областями входил в состав СибВО. [3, с. 465]

В это время на территории Красноярского края действовали следующие военно-учебные заведения:

- Канская военная авиационная школа стрелков-бомбардиров (ВАШСБ); [4, л. 234]
- Ачинские пехотные курсы усовершенствования начсостава запаса; [3, с. 18]
- Красноярские курсы усовершенствования политсостава запаса; [3, с. 18]
- Красноярская школа военных техников [5, с. 14]

С августа 1941 года на территорию Красноярского края стали прибывать первые эвакуированные военно-учебные заведения.

Эвакуация военно-учебных заведений была организована в поспешном порядке. В общем всё проходило организованно, но имели место случаи бесплановости, небрежности, халатности и низкой воинской дисциплины. Значительную часть имущества военно-учебных заведений приходилось оставлять на местах. Многие училища и школы передавали свои штатные образцы вооружения в соединения и воинские части действующей армии или принимали непосредственное участие в боевых действиях.

В новых пунктах дислокации для размещения военно-учебных заведений зачастую предоставлялись абсолютно неподходящие по назначению и неподготовленные помещения. Всё это свиде-

тельствует о том, что перспективного плана перемещения военно-учебных заведений в тыловые районы страны у военного руководства не было.

В сложившейся обстановке военного времени Красноярскому краю предстояло решить вопросы выделения площадей военно-учебным заведениям, которые были необходимы для размещения личного состава, семей командиров, штабов, учебных аудиторий, оборудования, столовых, медпунктов, складов и хранилищ, мастерских, ангаров, конюшен и другого. Обеспечить их снабжение водой, продуктами питания, топливом на предстоящую зиму, строительными материалами и инструментом. Способствовать каждому учебному заведению в обустройстве, организации повседневной деятельности и учебного процесса по реализации программ военной подготовки. Для этого, совместно с ними осуществить строительство недостающих помещений, дорог, аэродромов, полигонов, стрельбищ и других объектов военного характера.

Наиболее сложной в вопросах организации и обеспечения представляла собой работа по подготовке специалистов для Военно-воздушных сил Красной Армии.

Следует отметить, что в Красноярском крае ещё до войны активно действовали и развивались четыре аэроклуба: в Красноярске, Ачинске, Канске и Черногорске. Однако к началу войны вели работу и имели задание только три аэроклуба: Красноярский, Канский и Черногорский. [6, л. 29, 51] Усилиями аэроклубов края были подготовлены сотни планеристов, парашютистов и пилотов, которые в дальнейшем поступили в военные авиационные училища и школы страны.

Нельзя считать простым совпадением то, что в военное время именно Красноярск, Канск и Черногорск стали городами базирования авиационных частей, военных авиационных школ и школ младших авиационных специалистов.

Канская ВАШСБ

Формирование Канской военной авиационной школы стрелков-бомбардиров (штурманов) на территории Красноярского края началось ещё до начала Великой Отечественной войны – в декабре 1940 г. Ввиду этого, школе не пришлось заниматься вопросами организации и проведения эвакуации, прерывая учебный процесс. Но её становление сопровождалось серьезными проблемами, которые охватывали вопросы кадрового назначения, размещения переменного и постоянного состава, организации и обеспечения учебного процесса.

При всех сложностях, уже 1 февраля 1941 года Канская ВАШСБ приступила к подготовке курсантов. Первоначальный состав школы – две эскадрильи, срок обучения – 1 год. В мае 1941 года, в состав школы влилась эскадрилья из Краснодарской ВАШСБ и в октябре ещё одна эскадрилья из Харьковской ВАШСБ. [4, л. 234]

Канская ВАШСБ имела штатную численность переменного состава (курсантов) 1125 человек, а с учетом процентной надбавки на отчисление – 1240 человек. В 1941 году школа с 1 по 10 октября должна была осуществить очередной набор, приняв на обучение 1860 человек с установленной 50% надбавкой на отсеб. [7, л. 41, 43]

С началом войны подготовку стрелков-бомбардиров осуществляли по сокращенным программам. На 1 ноября 1941 года был запланирован выпуск трёх эскадрилий школы, но в октябре сроки выпусков были перенесены на 1942 год и установлены в мае – одна эскадрилья, в июне – две эскадрильи и в августе – одна эскадрилья. [4, л. 234]

Из представленной Канской ВАШСБ сводки выполнения лётной подготовки на 31 декабря 1941 года в её составе числилось 1659 человек переменного состава. [4, л. 244]

Приказ Народного комиссара обороны СССР № 080 от 3 марта 1941 года устанавливал основные задачи военным авиационным школам стрелков-бомбардиров. Они заключались в обучении курсантов владению в воздухе стрелковым оборудованием, производству бомбометания днём, ведении детальной и общей ориентировки, получении навыков в самолётовождении по радиокompасу и установлении связи с землёй. Налёт на каждого курсанта – 40 часов. [8, с. 244]

Учебная программа подготовки стрелков-бомбардиров включала в себя внеполётное (теоретическое) обучение и лётную подготовку. Первостепенное значение имела лётная подготовка. Она проводилась по курсу, состоящему из 16 последовательных задач, которые, в свою очередь, включали в себя несколько упражнений. [4, с. 235] Курсом лётной подготовки категорически запрещалось нарушать последовательность прохождения задач и упражнений.

Базирование Канской ВАШСБ в Красноярском крае содержало в себе как преимущество, так и несоответствие. Суровые климатические условия Красноярского края вносили свои отрицательные коррективы в учебный процесс. Так план теоретического обучения школы на 1941 год был перевыполнен на 7% за счёт срыва полётов вследствие нелётной погоды в ноябре и декабре. [4, л. 235] Отставание в лётной программе составляло 26 лётных дней [4, л. 244]

В 1941 году для организации лётной подготовки Канская ВАШСБ располагала парком самолётов, состоящим из 105 машин различных типов. К концу года по разным причинам выбыло 55 самолётов. В числе оставшихся 50 машин насчитывалось: самолётов Р-5 – 36 ед., самолётов ССС (Р-5ССС) – 5 ед., самолётов Р-Z – 7 ед., самолёт У-2 – 1 ед., самолёт УТ-1 – 1 ед. Практически все самолёты имели ограниченный ресурс, добавленный сверх положенного после ремонта. 6 самолётов находилось в ремонте в стационарных мастерских и 17 самолётов ожидали своей очереди на его проведение в ближайшее время. [4, л. 237]

Средний налёт курсанта школы составлял 17-20 часов, что не соответствовало программе. Отставание объяснялось: отсутствием у школы своего аэродрома до 22 июня 1941 года, из-за чего приходилось производить полёты только на самолетах У-2 с небольших площадок; проблемами с поставками авиабензина; неукomплектованностью самолётами, в том числе из-за передачи их в сформированный при школе авиационный полк; отсутствием второго аэродрома или посадочной площадки, что не позволяло в редкие дни лётной погоды полностью использовать весь парк самолётов. [4, л. 236]

При этом все задачи и упражнения курса отрабатывались полностью, за исключением единичных случаев, где они по объективным причинам не могли быть выполнены или выполнялись не в полном объёме. В школе осуществлялся строгий контроль прохождения программы лётной подготовки, результаты которого регулярно по установленной форме представлялись вышестоящему командованию. [4, л. 235, 244]

На окончание 1941 года состояние лётной подготовки курсантов Канской ВАШСБ было на высоком уровне. Процент отличных оценок составлял – 26%, хороших – 44%, удовлетворительных – 27% и слабых – 3%. [4, л. 236] Из представленных результатов видно, что суммарный процент отличных и хороших оценок – 70%. Это соответствовало 1161 курсанту из 1659 обучаемых в школе на рассматриваемое время.

На уровень подготовки курсантов к полётам большое влияние оказывало качество внеполётного (теоретического) обучения. Этот процесс школы осложнялся отсутствием учебных пособий, радиополукомпасов РПК-2 (до января 1942 года), современного бомбового вооружения самолётов, мастерских, связи с полигонами, нехваткой навигационных (штурманских) линеек НЛ-7, ветрочётов, карт района полётов, аэрофотоаппаратов и аккумуляторов к ним, поздним получением достаточного количества тренировочной аппаратуры, недостаточным оборудованием классов табельным имуществом, неполной обеспеченностью классами, недостатком преподавателей. [4, л. 235]

Кроме указанного, школа испытывала недостаток специального автотранспорта (автостартеров, водомаслозаправщиков, воздухозаправщиков), проводных средств связи, самолётных радиостанций, бумаги и тетрадей для обеспечения учебного процесса, обуви и посуды в столовых. [4, л. 238, 240]

Положение дел усложнялось низким состоянием воинской дисциплины личного состава всех уровней, нарушениями инструкций и наставлений по производству полётов, в последствии, ставшими причинами ряда лётных происшествий. [4, л. 236, 237, 248, 249]

Так за 1941 год в Канской ВАШСБ, при налёте 22061 час, произошло 22 лётных происшествия (налёт на одно происшествие – 1003 часа). В их числе 2 катастрофы и 2 поломки, произошедшие по причине недисциплинированности лётного состава. [4, л. 236, 237]

Харьковская ВАШСБ

Если базирование Канской ВАШСБ в глубине страны, на территории Красноярского края, к началу Великой Отечественной войны во многих аспектах можно считать удачным, то базирование Харьковской ВАШСБ в непосредственной близости от западных рубежей страны, атакованных противником, повлекло за собой не только отправку школы в эвакуацию, но и целую плеяду факторов, негативно отразившихся на её дальнейшей деятельности.

На то, что именно Красноярский край стал новым пунктом базирования эвакуированной Харьковской ВАШСБ могло послужить следующее.

Во-первых, то, что на территории Красноярского края в составе ВВС СибВО с декабря 1940 г. действовало подобное военное учебное заведение – Канская ВАШСБ. Тем самым проще могли решаться различные вопросы организации учебного процесса, так как дело обстояло с двумя аналогичными военными учебными заведениями.

Во-вторых, Красноярский край на базе административного центра мог предоставить необходимую базу и ресурсы для размещения школы и оказать посильную помощь в организации её повседневной деятельности и учебного процесса.

В-третьих, по причине необходимости оптимального размещения военных авиационных школ стрелков-бомбардиров по территории страны. Поскольку на 1941 год в системе военного обучения числилось 12 военных авиационных школ стрелков-бомбардиров, 5 из которых попадали под непосредственные удары противника. [7, л. 41]

До войны в составе Харьковской ВАШСБ состояло 6 авиационных эскадрилий, 2725 человек переменного состава и 1596 человек постоянного состава. Срок обучения составлял 2 года. В образовательном процессе школа использовала 3 аэродрома, 206 самолётов, в числе которых ТБ-3 – 18 ед., ДБ-3 – 10 ед., Р-10 – 117 ед., Р-Z – 46 ед., Р-5 – 66 ед., Ли-2 – 2 ед., У-2 – 27 ед. [9, л. 218]

Для проведения перебазирования в Красноярск самолётам школы необходимо было преодолеть свыше 4 тыс. километров на восток в непростых географических и метеорологических условиях. Для лётчиков Харьковской ВАШСБ, имевших до этого времени опыт полётов в весьма простых условиях, такая задача стала суровым испытанием.

Эвакуация в город Красноярск прошла с 10 сентября по 20 октября 1941 года. В составе школы в город прибыло: 2569 переменного состава, 1338 человек постоянного состава и 1050 человек членов их семей. [10, с. 145]

Немногим раньше, 11 октября 1941 г. в город прибыли 50 самолетов школы, в их числе: ТБ-3 – 1 ед., Р-5 – 45 ед., Ли-2 – 1 ед., У-2 – 3 ед.

В ходе проведения эвакуации Харьковская ВАШСБ потеряла 5 машин: 3 самолёта Р-5, разбившихся по причине полёта в сложных метеорологических условиях, и 2 самолёта Р-Z, разбившихся при выполнении боевых заданий. [10, с. 146]

Городу предстояло разместить почти 5 тысяч человек Харьковской ВАШСБ в условиях непрерывно прибывающих в эвакуацию учреждений и предприятий, других военно-учебных заведений, воинских частей и беженцев.

Пунктом для размещения Харьковской ВАШСБ в Красноярске стал военный городок, где ей было выделено 8 служебных зданий. [10, с. 146]

Упомянутый выше перевод в октябре 1941 года одной эскадрильи из Харьковской ВАШСБ в Канскую ВАШСБ [4, л. 234] и отправка 500 курсантов в артиллерийское училище [10, с. 148] могли быть связаны только с проблемой отсутствия у школы необходимых площадей для размещения переменного состава.

На второй день после завершения эвакуации 22 октября 1941 года Харьковская ВАШСБ приступила к учебному процессу. [11, л. 9]

Для проведения лётной подготовки курсантов школе были предоставлены три аэродрома: – основной «Красноярск», и два полевых – «Песчанка» и «Берёзовка».

Аэродром «Берёзовка» располагался в 24-х километрах северо-восточнее города Красноярска и в 4-х километрах северо-восточнее села Берёзовка. Размеры площади аэродрома – 1200×1350 м. Аэродром «Берёзовка» был пригоден для полётов всех типов самолётов, за исключением весеннего времени, когда во время распутицы он выходил из строя на 20-30 дней и, кроме этого, летом и осенью во время сильных дождей. [12, л. 25]

Аэродром «Песчанка» располагался в 20-ти километрах северо-восточнее города Красноярска и в 1-м километре от села Песчанка. Размеры площади аэродрома – 1200×550 м. Аэродром «Песчанка» был пригоден для полётов всех типов самолётов, за исключением периода весенней распутицы. [12, л. 25]

Аэродром «Красноярск» располагался в 9-ти км северо-восточнее города Красноярск. Размеры площади аэродрома – 1800×1400 м. На аэродроме имелись 2 взлётно-посадочные полосы 1000×80 м каждая. Аэродром «Красноярск» был пригоден для полётов всех типов самолётов круглый год. [12, л. 25] Помимо 2 бетонированных взлётно-посадочных полос и рулёжных дорожек, на основном аэродроме были размещены 4 ангара, позволявшие разместить до 80 самолетов типа Р-5 и 3 служебных здания. [10, л. 146]

Расположение полевого аэродрома «Берёзовка» на правом берегу реки Енисей значительно затрудняло его обеспечение материальными средствами и горюче-смазочными материалами.

По мнению Филиппова В.В., местность в окрестностях Красноярска затрудняла учебные полёты курсантов, так как имеет резко пересечённый характер. В связи с чем полёты были перенесены на север по реке Енисей в более подходящую для внеаэродромных полётов зону. [10, с. 148]

Однозначно отрицательным фактором в лётной подготовке Харьковской ВАШСБ являлось её совместное размещение на одном аэродроме с аэропортом Гражданского воздушного флота, из-за чего аэродром круглосуточно был перегружен оперативными и пассажирскими перелётами. [10, с. 148]

В 1942 году школа активно совершенствовала свою материально-техническую базу. Летом было закончено строительство полевых аэродромов «Песчанка» и «Берёзовка». На подходе аэродрома «Берёзовка» было вырублено 30 гектаров леса, построены тёплые жилые землянки и бензохранилища. На аэродроме «Песчанка» построены бомбохранилище и столовая. При школе создано подсобное хозяйство площадью 160 гектаров. [10, с. 150]

В этом же году школа перешла на новый штат и имела в своём составе 4 авиационные эскадрильи вместо 6. На военное время постоянный состав школы – 1242 человека, переменный состав – 1347 человек. [11, л. 9]

В период с 10 по 15 октября 1943 года комиссия Управления ВВС СибВО под руководством начальника отдела военно-учебных заведений полковника Дубяго проверила деятельность Харьковской ВАШСБ. [13, л. 370]

По выводам комиссии, условия размещения и материально-техническое обеспечение школы вполне позволяли нормально вести учебно-лётную работу. Кадрами постоянного состава школа в основном была укомплектована. Имеющийся незначительный некомплект (5 человек) влияния на работу школы не оказывал. Некомплект курсантов составлял 64 человека. В 1943 году из школы убыло 77 курсантов, из них: откомандировано в лётные школы – 18 человек, отчислено по недисциплинированности – 13 человек, по медицинскому несоответствию – 14 человек, по учебной неуспеваемости – 15 человек. Общий процент отчисленных составлял 6,4%. По своему состоянию кадры школы вполне обеспечивали проведение учебно-лётной подготовки. [13, л. 370]

В октябре 1943 года включительно, школа должна была подготовить 843 человека. Реально было подготовлено 894 человека, что соответствовало 106% годового плана школы. Качество подготовки выпускников – хорошее. Процент посредственных оценок не превышал 3. Рекламации о недостатках в подготовке курсантов в школу из частей не поступали. [13, л. 370]

Учебный процесс школы был организован правильно и соответствовал методическим указаниям управления военно-учебных заведений ВВС Красной Армии. [13, л. 371]

По состоянию на 1 октября 1943 года школа имела отставание в выполнении плана внеполётной подготовки от 12 до 20%. Основная причина отставания - это сверхплановое использование курсантов для несения караульной службы гарнизона и выполнения хозяйственных работ. За период с 1 августа по 10 октября 1943 года по этим причинам было сорвано от 96 до 119 часов занятий в каждой (из трех отстающих) авиационных эскадрильях. Суточный наряд школы составлял 209 человек, из них: гарнизонный наряд - 165 человек; внутренний наряд - 44 человека. [13, л. 370] Привлечение только в суточный наряд 17,4% от числа обучаемых курсантов безусловно имело только отрицательное влияние на выполнение плана и качество подготовки их подготовки.

Следует отметить, что Приказ Народного комиссара обороны СССР № 328 от 13 октября 1942 года требовал освобождения курсантов военно-учебных заведений ВВС РККА от всяких нарядов на работы и запрещал изымать из школ и училищ ВВС самолеты и автотранспорт. [14, л. 24] Но из представленного примера можно заключить, что его требования не соблюдались.

Средний балл текущей успеваемости курсантов был на уровне 4,06. Самостоятельная подготовка в школе планировалась и организовывалась учебно-лётным отделом (отделом учебно-лётной подготовки). Часы самостоятельной подготовки обеспечивались консультациями преподавателей, но их проведение систематически срывалось. За период с 1 сентября по 10 октября 1943 года каждый курсант из положенных 45 часов занятий присутствовал только на 30. За этот период было сорвано 56700 человеко-часов самостоятельной подготовки. Причины срывов самостоятельной подготовки были аналогичны причинам срывов внеполётной подготовки. [13, л. 371]

Наличие классов школы с трудом обеспечивало внеполётную подготовку курсантов и не соответствовало количеству классных отделений. Всего в школе было в наличии 33 класса на 44 классных отделения. Классы были оборудованы вполне удовлетворительно. [13, л. 371]

Контроль внеполётной подготовки осуществлялся систематически. За текущий 1943 год руководящим составом было проверено 169 занятий. [13, л. 371]

Теоретическая подготовка курсантов по навигации, бомбометанию была на хорошем уровне. Это подтверждается оценками зачётных полётов на государственных экзаменах за июль, август и сентябрь 1943 года по 314 курсантам. [13, л. 372]

Проверкой курсантов перед вылетом установлено, что контроль их подготовки к полёту со стороны преподавателей и штурманов слабый, курсанты недостаточно ясно знают правила и способы восстановления ориентировки, отсутствуют навыки использования компаса и часов, как основного способа самолётовождения. [13, л. 371]

Также комиссией была отмечена слабая подготовка курсантов по связи в вопросе приёма на слух и передаче на ключе. При этом школа имела 4 класса авиасвязи, оборудованные наглядными пособиями и достаточным количеством действующих комплектов радиостанций типа РСБ, РСБ-бис и РСР (по 5-6 радиостанций в каждом классе), квалифицированный преподавательский состав цикла авиасвязи. Причиной отставания являлось отсутствие систематической тренировки курсантского состава по приёму на слух и передаче на ключе. Вместо положенных по программе 220 часов тренировки в год, курсанты 10 месяцев не получали и 25% этого количества. Общее время проведённых тренировок колебалось от 19 до 45 часов на 9 месяцев. [13, л. 373]

Расписание учебных занятий составлялось заблаговременно и вывешивалось в учебно-лётном отделе и подразделениях школы. Классные журналы заполнялись небрежно. Вёлся учёт срывов занятий и выполнения плана. [13, л. 373]

План методической работы на период отсутствовал. Методическая работа в учебно-лётном отделе и эскадрильях велась по их собственным планам. За период 1943 года в школе проведено 54 классных занятий. Явно неудовлетворительно этот вид работы проводился на циклах: воздушной стрельбы (5 занятий), авиасвязи (2 занятия). На циклах стрельбы, штурманском и тактики систематически проводились показательные занятия. [13, л. 373]

Методических совещаний по циклам проведено 49. При этом на циклах авиасвязи и тактики их проведено от 2 до 6, а в учебно-лётном отделе только 1. Методический совет школы не созывался ни разу. Методическая работа в эскадрильях была поставлена неудовлетворительно. Взаимное посещение занятий преподавателями, как форма методической работы, в школе не применялась. Контроль ведения конспектов курсантами по дисциплинам подготовки отсутствовал. [13, л. 374]

План командирской учёбы был составлен и утверждён начальником школы. Приказом по школе весь офицерский состав разделялся по группам. Выполнение плана командирской учёбы имело значительное отставание. Так за сентябрь месяц 1943 года из 136 запланированных часов было проведено только 94. Командирская учёба в эскадрильях проводилась неудовлетворительно. Часы, отведённые по плану, заменялись самостоятельной подготовкой. Учёт командирской учёбы не осуществлялся. Планирование ограничивалось только составлением расписаний. Посещаемость занятий отмечалась на низком уровне. [13, л. 374]

На низком уровне отмечалось и состояние воинской дисциплины. Так в сентябре 1943 года был совершен 71 проступок, из них: нарушений уставов – 14, самовольных отлучек – 6, пререканий и грубости – 10, опозданий на занятия – 3, халатного отношения к служебным обязанностям – 5, появлений в нетрезвом виде – 6, нарушений приказа №175 – 6, прочих – 21. По сравнению с августом выросло количество самовольных отлучек, появлений в нетрезвом виде. Этот вид проступков объяснялся пребыванием курсантов на сельскохозяйственных работах. В октябре месяце случаев пьянства и самовольных отлучек уже не было. Ни один из проступков не остался без соответствующего взыскания, из них в сентябре – 42 ареста и 18 выговоров. Преобладающим видом взысканий являлся арест. Суды чести, как форма воспитательной работы, в школе практически отсутствовали и в сведениях о состоянии воинской дисциплины за август, сентябрь и октябрь не отражены. [13, л. 379]

Большинство проступков приходилось на курсантский состав. Но и количество проступков, совершённых офицерами также было достаточно велико. Так в сентябре 1943 года курсантами совершено 28 проступков, офицерами – 19, сержантским составом – 23 и рядовыми – 1. По партийности проступки были совершены: членами ВКП(б) – 3, кандидатами в члены ВКП(б) – 8, членами ВЛКСМ – 46, беспартийными – 14. Анализ дисциплинарной практики свидетельствует о недостаточной примерности офицерского, сержантского состава школы и членов ВЛКСМ. [13, л. 380]

За 1943 год в школе произошло 15 лётных происшествий, из них: 3 катастрофы, 1 авария, 7 поломок и 4 вынужденные посадки. По состоянию на 15 октября 1943 года, общий налёт школы составил 23446 часов, 24325 посадок. [12, л. 375]

Налёт на одно лётное происшествие – 1563 часа, 1622 посадки. Налёт на одну катастрофу – 7815 часов, 8108 посадок.

Из 15 лётных происшествий, 12 произошло по вине лётного и технического состава. Из 3 катастроф, 1 произошла из-за воздушного хулиганства и 1 из-за плохой организации полётов. Таким образом, аварийность в школе являлась следствием недостаточной организации лётной работы, недисциплинированности и халатности лётного и технического состава. Наличие отмеченных комиссией фактов плохой организации лётной работы не исключало и в дальнейшем лётных происшествий. [13, л. 376]

В это самое тяжелое для Канской и Харьковской школ время десятки преподавателей, инструкторов, технических специалистов оставляли занимаемые должности и пополняли ряды авиаци-

онных частей действующей армии. Так из числа личного состава и самолётов Харьковской и Канской школ были сформированы и отправлены на фронт 673-й и 669-й ночные бомбардировочные авиационные полки. [15, л. 186, 187]

Подводя итог, следует отметить, что к началу Великой Отечественной войны в стране была создана и действовала система военного образования, основные элементы которой были представлены военно-учебными заведениями различного уровня подготовки специалистов. Подавляющее большинство военно-учебных заведений территориально размещалось в военных округах западных регионов страны, что привело к фатальной ситуации, в которой они оказались с первых дней начавшейся войны. Война вскрыла все просчёты предвоенного планирования, недостатки в организации деятельности военно-учебных заведений, в том числе и ошибки выбора мест их постоянной дислокации и базирования. Поспешно организованная эвакуация военно-учебных заведений в населённые пункты Урала, Сибири и Средней Азии привела к изменению их территориального положения, преобразованию структуры самой системы военного образования, потерям личного состава, вооружения, материальных средств и сбою учебного процесса. В сложившейся обстановке Красноярский край взял на себя функции центра и сделал всё возможное в решении вопросов размещения прибывших в эвакуацию военно-учебных заведений, обеспечения их снабжения, обустройства, организации повседневной деятельности и учебного процесса. Подготовка специалистов для Военно-воздушных сил Красной Армии представляла собой наиболее сложный в вопросах организации и обеспечения процесс. Основные проблемы в подготовке лётного состава для Военно-воздушных сил Красной Армии в Канской и Харьковской ВАШСБ в годы Великой Отечественной войны были связаны с обстоятельствами военного времени. Ситуация усугублялась низким состоянием воинской дисциплины всего личного состава, нарушениями приказов, инструкций и наставлений, в последствии ставшими причинами снижения качества подготовки специалистов и ряда лётных происшествий.

Список литературы

1. Васильев, Н. М. «...Командиры учились войне на войне, расплачиваясь за это кровью наших людей». Подготовка офицерских кадров и обеспечение ими действующей армии в годы Великой Отечественной войны / Н. М. Васильев. // Воен.-истор. журнал. – 2003. – № 4.
2. Феськов В.И., Калашников К.А., Голиков В.И. Красная Армия в победах и поражениях 1941-1945 гг. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.
3. Ростов Н. Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны / Н. Д. Ростов ; Алт. гос. тех. ун-т им. И. И. Ползунова. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007.
4. ЦАМО РФ. Ф. 160. Оп. 13234. Д. 64.
Красноярск – Берлин. 1941-1945. Историко-публицистическое краеведческое издание, посвященное 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. – Красноярск: Полицор, 2010. – 448 с.
5. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11284. Д. 7.
6. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11284. Д. 18.
7. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. (1937 – 21 июня 1941 гг.) Т.13 (2-1). – М.: ТЕРРА, 1994. – 368 с.
8. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11304. Д. 234.
9. Подготовка авиационных кадров для фронта в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : документально-художественное издание / авт.-сост. В. В. Филиппов. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2015. – 308 с.
10. ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11284. Д. 1324.
11. ЦАМО РФ. Ф. 160. Оп. 13234. Д. 138.
12. ЦАМО РФ. Ф. 160. Оп. 13234. Д. 122.
13. ЦАМО РФ. Ф. 160. Оп. 13234. Д. 351.
15. ЦАМО РФ. Ф. 160. Оп. 13234. Д. 11.

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОЕВОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЯКУТИИ XVII В.

Борисов Арсений Андрианович
Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск, Россия
borisov.arsen01@mail.ru

Статья посвящена истории изучения проблемы отечественной историографии - истории воеводского управления Якутии XVII в. Выявляются и рассматриваются труды не только специально рассматривающие поставленную проблему, но и те, которые так или иначе касаются её. Работ по данной теме сравнительно немного, но сами по себе они посвящены интересным аспектам данного вопроса.

Ключевые слова: статьи, труды, воеводское управление, Якутия, XVII в., историография, воевода, Якутский уезд.

HISTORIOGRAPHY OF THE VOIVODAL ADMINISTRATION OF YAKUTIA XVII CENTURY.

Borisov Arseny Andrianovich
North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
borisov.arsen01@mail.ru

The article is devoted to the history of studying the problem of national historiography - the history of the voivodeship administration of Yakutia of the XVII century. The works are identified and considered not only specifically considering the problem posed, but also those that relate to it in one way or another. There are relatively few works on this topic, but they themselves are devoted to interesting aspects of this issue.

Key words: articles, works, voivodeship administration, Yakutia, XVII century, historiography, voivode, Yakut district

Актуальность. История местного управления территории Якутии XVII в. важна для изучения государственного развития региона как части Российского государства. Ведь именно данный период является тем фундаментом на чём строится вся последующая история Якутии. Изучение таких управленческих структур как воеводское управление актуально с точки зрения проблемы эффективности местных органов власти. Историография проблем, связанных с историей управления, требует пристального внимания поскольку имеет отношение к фундаментальным вопросам государственного строительства. В современных условиях, при большом спектре исследовательских научных подходов, важно отслеживать ход исторической мысли для лучшего понимания поставленных задач. В целом, изучение воеводского управления как важнейшего института региональной власти включает в себя такие составляющие как рассмотрение административно-территориальных границ территории, подведомственной конкретным воеводам, принципы их назначения и функции, структура воеводской администрации, деятельность воевод и т.д.

Цель: выявить и рассмотреть корпус трудов, составляющих историографию воеводского управления на территории Якутии XVII века.

Сибирская историография активно развивается в методологическом плане. Заслуживает внимания новейшая работа Е.А. Багрина «Сибирские воеводы XVII века в исследованиях, опубликованных в 2010–2021 гг», где автор удачно предложил рассматривать труды, посвященные поставленной проблематике по следующим группам: « а) описывающие особенности структуры и работы административного управления в Сибири как в целом, так и отдельных ее регионов; б) анализирующие различные документы, связанные с воеводским управлением; в) посвященные личностям воевод, их биографии и служебной деятельности; г) прочие работы, не вписывающиеся в рамки предыдущих пунктов, часто имеющие междисциплинарный характер» [4, с.98]. Мы в своем исследовании в методологическом плане также будем опираться на данную работу.

В дореволюционное время исследованием воеводского управления занимались в основном люди юридической специальности или императорские чиновники в рамках изучения государственно-правовых дел. Например, они составляли обзоры исторических сведений о Сибири и Якутии, в которых перечисляли важнейшие события из истории местного управления и имена якутских воевод [1, с.200–201; 2, с. 28, 73, 219, 272, 391; 12, с. 47–62; 19, с. 570–572].

Академическое изучение данного вопроса приобретает только в советский период. Воеводским управлением Сибири, в целом, занимались многие исследователи, обращая некоторое внимание на положение и деятельность якутских воевод: В.А. Александров, Н.Н. Покровский «Власть и общество: Сибирь в XVII в.» [3], Е.В. Вершинин «Прибыльная» деятельность сибирских воевод в XVII в.» [8], О.Ю. Шаходанова «Центральное и местное управление в Сибири в конце XVI - начале XVIII веков» [20], Н.Н. Симачкова «Становление воеводской системы управления в Сибири» [15], В.Ю. Софронов «Воеводское управление в Сибири: от возникновения до упразднения: сибирская история в документах» [17] и др. Однако данные работы практически мало затрагивали конкретно территорию Якутии или Якутского уезда - на тот момент времени именно так была организована рассматриваемая территория.

Из трудов по теме воеводского управления, которые изучают конкретно территорию Якутии, можно выделить, работы, во-первых, непосредственно рассматривающие воеводское управление в том или ином аспекте, во-вторых, затрагивающие некоторые специфичные проблемы, связанные с изучаемой тематикой, в-третьих, упоминающие косвенно о данном аспекте в своих работах, но он не является основным в данных работах.

К первой категории относятся работы якутского историка В.Н. Иванова «Образование Якутского воеводского управления» [10] и студента НГУ А.Г. Жирнова, который написал дипломную работу по теме «Клановая система в воеводском управлении Якутии третьей четверти XVII в.» под руководством Н.Н. Покровского [9]. Первая работа повествует подробно о процессе вхождения территории нынешней Якутии в состав Российского государства и формировании первых органов власти на ней. Работа Жирнова повествует о клановой системе, существовавшей в среде управления якутским краем - приезжавшие воеводы по принципу местничества заполняли местный аппарат управления своими людьми, как например, И.П. Барятинский за своё 5-летнее управление.

Ко второй категории можно отнести работы крупного якутского исследователя Ф.Г. Сафронова [13], новосибирских историков А.А. Бродникова [5; 6; 7] и И.Р. Соколовского [16]. В небольшой работе первого дается список воевод и дьяков Якутского уезда, а также краткий обзор деятельности некоторых воевод, например, П.П. Головина, М.Б. Глебова. Работы А.А. Бродникова раскрывают подробнее отдельные аспекты государственного управления Якутией, в частности, историю образования Якутского воеводства на примере изучения «отписки» первых якутских воевод П.П. Головина и М.Б. Глебова из Тобольска в Сибирский приказ и пребывания их отряда в Енисейске. Работа «О запасах продовольствия первых якутских воевод и их окружения» даёт представление об уровне состоятельности назначаемых на должность воеводы людей, а также раскрывает сложности транспортировки грузов в Сибирь, затрагивая в том числе и коррупционные моменты. Иван Ростиславович в своей работе «Аккультурация иностранцев в Сибири XVII века (пример Андрея Барнешлева)» повествует о биографии удивительного человека: англичанина, поступившего на службу к русскому царю и оказавшимся впоследствии главой столь отдалённого и эксклюзивного региона необъятной России.

Третья категория исследований представлена такими крупными очерковыми и обзорными трудами как «Очерк истории якутского народа» С.А. Токарева [18], 2-й том «Истории Якутской АССР» [11], «Русские на северо-востоке Азии в XVII-XIX в.» Ф.Г. Сафронова [14]. Сюда же можно отнести «Энциклопедию Якутии» [20]. Если, в основном, в названных работах лишь мимоходом упоминаются имена некоторых якутских воевод и некоторые их действия, то в работе Ф.Г. Сафронова выделен небольшой специальный параграф, посвященный возникновению уездного управления в Якутии [14, с.16-26]. В этом параграфе вкратце описываются некоторые законодательные акты определявшие образование воеводского управления, функции и полномочия воевод, штат приказной (воеводской) избы и т.д. Данный материал присутствует в монографии, посвященной истории русского населения в Якутии, как исторический фон основной проблематики. В рассмотренных работах преимущественно присутствуют аспекты из второй и третьей (соответственно, б) и в)) групп из классификации Е.А. Багриной, причем, они представляют собой частные вопросы. Исследовательские аспекты из первой группы касаются лишь времени образования воеводского управления в Якутии.

Заключение. Таким образом, как показывает осуществленный историографический обзор изучаемая проблема до сих пор недостаточно хорошо изучена. Несмотря на наличие немалого количества работ как мелких, так и крупных учёных, тема воеводского управления в Якутии в них рассматривалась либо в частных аспектах, либо косвенно, не углубляясь в саму проблему.

Между тем местное управление Якутского края XVII в. содержит до конца не раскрытый исследовательский потенциал для изучения, поскольку тема затрагивает не только интересы нынешней Якутии, но и интересы Дальнего Востока в целом. Ведь в XVII в. якутский воевода стоял во главе

большого Якутского уезда, охватывавшего большие пространства северо-восточной оконечности Азии.

Список литературы

1. Андреевич В. К. История Сибири. В 2 ч. Ч. 1. Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского строга. Санкт-Петербург : Тип. В. В. Комарова., 1889. 220 с.
 2. Андреевич В. К. История Сибири. В 2 ч. Ч. 2. Период с 1660 г. до воцарения Имп. Елизаветы Петровны : составлена по данным, представляемым Полным Собранием Законов и актам Петровского царствования. 1889. 487 с.
 3. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991
 4. Багрин Е.А. Сибирские воеводы XVII века в исследованиях, опубликованных в 2010–2021 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4
 5. Бродников А.А. О запасах продовольствия первых якутских воевод и их окружения // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России: Сборник научных статей. Сургут, 08–13 ноября 2021 года. Омск; Сургут : Автономная некоммерческая организация «Институт археологии Севера», 2021. С. 188–192.
 6. Бродников А.А. Отписка П. П. Головина и М. Б. Глебова из Тобольска в Сибирский приказ (к вопросу об образовании Якутского воеводства) // Социальнополитические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1994. С. 3–10.
 7. Бродников А.А. Пребывание отряда П. Головина и М. Глебова в Енисейске (к вопросу об образовании Якутского воеводства) // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 3–7.
 8. Вершинин Е.В. «Прибыльная» деятельность сибирских воевод в XVII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1989. № 3. С. 60–70.
 9. Жирнов А.Г. Клановая система в воеводском управлении Якутии третьей четверти XVII в. // Студент и научно-технический прогресс : материалы XXXIII Международной научной конференции. Новосибирск, 1995. С. 28–33.
 10. Иванов В.Н. Образование Якутского уезда. - Якутский архив (сборник статей и документов. Якутск, 1964
 11. История Якутской АССР. В 3-х т. Т.2. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 427 с.
 12. Огородников В. И. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия : в 2 ч. Ч. 2, вып. 1. Завоевание русскими Сибири. Владивосток, 1924. 109 с.
 13. Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск: Ситим, 1993. 56 с.
 14. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII-XIX в. М.: Наука, 1978. 258 с.
 15. Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири: (конец XVI – начало XVII в.). Тюмень : Мандр и Ка, 2006. 112 с.
 16. Соколовский И.Р. Аккультурация иностранцев в Сибири XVII века (пример Андрея Барнешлева) // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 2.
 17. Софронов В.Ю. Воеводское управление в Сибири: от возникновения до упразднения: сибирская история в документах. Тобольск : Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д. И. Менделеева, 2014. 186 с.
 18. Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М.: Соцэргиз, 1940. 248 с.
 19. Фишер И.Э. Сибирская история / пер. с нем. В. И. Лебедева. Санкт-Петербург : Тип. Имп. АН, 1774. 633 с.
 20. Шаходанова О.Ю. Центральное и местное управление в Сибири в конце XVI - начале XVIII веков // Россия и мировые исторические процессы. Материалы межвузовской научной конференции. Бийск, 1999.
- Энциклопедия Якутии. Т.1 / Гл. ред. Ф.Г. Сафронов. М. : Якут. энцикл. : Энцикл. Якутии-М, 2000. 539 с.

ОТРАЖЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В ПРОТОКОЛЕ 9-Й РАЙОННОЙ ПАРТКОНФЕРЕНЦИИ
Г. КРАСНОЯРСКА (5 МАЯ 1930 Г.)

Есин Роман Сергеевич
МБОУ школа № 93 имени Героя Социалистического Труда М.М. Царевского ЗАТО,
г. Железногорск, Красноярский край

В статье рассматриваются, ранее не описанные историками, выступления делегатов красноярской партийной конференции, проходившей после проведения первой кампании по коллективизации в начале 1930 г. При анализе мнений выступавших выявлены расхождения в оценках деятельности партии во время строительства коллективных хозяйств. Данный факт свидетельствует о необходимости проведения дальнейших исследований с целью уточнения информации, демонстрирующей настроения партийных активистов и их отношение к коллективизации.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание, Красноярский край.

REFLECTION OF COLLECTIVIZATION IN THE PROTOCOL OF THE 9TH DISTRICT PARTY CONFERENCE OF KRASNOYARSK (MAY 5, 1930)

Esin Roman Sergeevich
MBOU school No. 93 named after Hero of Socialist Labour M.M. Tsarevsky Zheleznogorsk ZATO, Krasnoyarsk region

The article examines the speeches of delegates at the Krasnoyarsk party conference, held after the first collectivization campaign, not previously described by historians. The analysis of the speakers' opinions revealed discrepancies in the assessments of the party's activities during the construction of collective farms. This fact indicates the need for further research in order to clarify information demonstrating the sentiments of party activists and their attitude to collectivization.

Keywords: collectivization, "dispossession", Krasnoyarsk territory.

Развертывание во второй половине 1920-х годов индустриализации страны потребовало перераспределения рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность с одновременным увеличением производства продуктов питания и технических культур.

Первая попытка индустриализации догоняющего типа в Российской империи была принята на рубеже XIX – XX вв. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте. Но вопрос обеспечения промышленности рабочей силой, растущего городского населения продовольствием решался в ходе Столыпинской аграрной реформы через разрушение общины, разорение общинников, переведенных государством в категорию землевладельцев, создание российского фермерства.

После завершения восстановительного периода (после гражданской войны) руководство СССР начало проведение индустриализации, в ходе которой ставились задачи не только вхождения в число промышленно развитых стран, но и создания новой модели социалистического развития. Сложность проблемы «изъятия» трудоспособного населения из сельского хозяйства заключалась в том, что крестьяне европейской части страны, в том числе потерявшие землю в период проведения Столыпинской реформы, методом «черного передела» наделили себя землей и вернулись к общинной форме организации жизни. Таким образом, Россия откатилась от достигнутых результатов модернизации страны в сторону возобновления традиционного аграрного общества. Поэтому после продовольственного кризиса 1927–1928 гг. государство сделало ставку на решение проблем индустриализации за счет развития производственной кооперации и создания колхозов.

7 ноября 1929 г. в газете «Правда» была опубликована статья И.В. Сталина «Год великого перелома» с обоснованием курса на коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса [1].

В конце декабря 1929 г. этот курс был провозглашен официально на конференции аграрников-марксистов [1, с. 169].

После этого были приняты директивные установки и планы по раскулачиванию [2, с. 163–165; 3, с. 39]. Руководство страны и Сибирского края, его округов в конце 1929 г. стали призывать к

проведению анти-кулацкой политики [4, с. 50] через газеты, выступления руководителей различного уровня на собраниях коммунистов, комсомольцев, жителей деревни [5].

В дальнейшем были приняты постановления руководства СССР, в которых ставились задачи по проведению форсированной коллективизации, определяющие политику раскулачивания [2, с. 85].

Первая кампания по коллективизации на территории современного Красноярского края достаточно подробно описана в работах российских исследователей-историков. Так ход и результаты первой кампании по строительству коллективных хозяйств в начале 1930 г. описана в кандидатской диссертации Л.С. Коряжиной «Государственная политика в отношении зажиточного крестьянства в конце 1920-х - начале 1930-х гг. в Восточной Сибири: На материалах Иркутской области и Красноярского края» [6], и статье Р.С. Есина «Раскулачивание и коллективизация на территории современного Красноярского края: от «коренного перелома» до исправления «перегибов на местах» [7, с. 45], ссылаясь на ее проведение описаны в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук О.В. Корсаковой [8], сопротивление крестьянства построению коллективных хозяйств описано в работах А.П. Шекшеева и Наумова [9, 10].

Однако по-прежнему не описана ситуация после первой кампанией по форсированному строительству колхозов на территории районов современного Красноярского края в начале 1930 г.

Как известно, первая попытка собрать разрозненные бедняцкие и середняцкие крестьянские хозяйства, в крупные сельскохозяйственные объединения, не дала ожидаемого властями СССР результата. План не был выполнен. Итоги первой кампании подводились на различных уровнях. Собрания проходили по всей стране и Красноярский район не стал исключением, что отражено в материалах протоколов районных партконференций первого райкома, Северо-Енисейского, Туруханского, Енисейского, Казачинского, Пировского, Сухобузимского, Большемурутинского и Уярского райкомов ВКП(б) за февраль – июнь 1930 г., хранящихся в Государственном архиве Красноярского края (далее ГАКК) [11].

5 мая 1930 г. в г. Красноярске собралась девятая районная партконференция, на которой присутствовало 108 человек.

В президиум попали: «Хайт (от СК ВКП(б), Макаров, Картавый от РК ВКП(б), представитель 40-1 дивизии Сергатский, Пичугин от Окрпрофбюро, от фабрики «Спартак» Матушкин, Рахимьянов, работница завода Тихальская и директор Захаров», а также рабочий водник Селиверстов и «секретарь п/к водников Курт» [11, Л. 4].

В президиум конференции почетными членами избран состав Политбюро ЦК, а кроме того был определен состав «Мандатской» комиссии [11, Л. 4].

Темы, поднимавшиеся в первый день конференции, были различными, и обсуждались вопросы относящиеся как к промышленности, так и к сельскому хозяйству, как хозяйственно-бытовые так и культурные.

О проведении кампании по коллективизации делегаты высказывали различные мнения. Говорили, что нужно подумать о колхозниках новобранцах и заработках их семьи; обсуждали, что если провести в деревне «культурную работу, то получают активиста, проводника культурных мероприятий». Кроме того, поднимался вопрос, что «лишенцам» доверяют кассу взаимопомощи, а работникам, отправленным в деревню, «давали неверную установку по коллективизации» [11, Л. 5].

На конференции проговаривалось, что «методсовещания» не дали помощи пропагандистам, «На базарах развивается антисоветская агитация. Монашки ведут агитацию не встречая отпора». Также поднимался вопрос о том, что наблюдается разбазаривание скота в деревнях, перед вступлением в колхоз, а печать недостаточно освещает колхозное строительство. Кроме-того ставился вопрос о том, что специалисты выписанные из Белоруссии на лесозаготовки (в том числе ссыльные крестьяне), зачастую занимались вредительством и уезжали назад в Белоруссию [11, Л. 6].

Также обсуждалось, что тормозом лесозаготовок являются кулацкая агитация и плохое снабжение. Определялось, что борьба с бюрократизмом, что как задача поставлена 16-й партконференцией вызвала несерьезное отношение, что так же сказалось на выполнении разных задач. Многие секретари «партячек» не знали членов своих ячеек и потому не учили их. Делегаты отмечали, что плохо велась партийная работа среди женщин, что отразилось на «укреплении колхозов» [11, Л. 6].

Были и непонятные заявления, как например: «Ляпсусов в коллективизации много, делали ошибки и кто ехал и кто посылал. С раскулачиванием также много нехороших сторон. Требуется разъяснительная работа среди колхозников» [11, Л. 6].

Абсолютно справедливо и подтверждается документами хранящимися в ГАКК [12, 13, 14,15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25] на конференции было заявлено, что «политсостояние округа бла-

гополучное, за немногим исключением. Перегибы, имеющиеся в других организациях «у нас [в Красноярском округе], не имели места» [11, Л. 6].

Кроме того, признавалось то, что партийные ряды не «вычещены» до конца и причиной тому – нехватка специалистов. Публично признавалось, что ряд специалистов отрицательно относились к советской власти [11, Л. 6].

Также была озвучена проблема продолжающейся «кулацкой агитации» [11, Л. 8].

Один из делегатов, «тов. Петруня» заявил, что «Достижения по коллективизации мы можем закрепить только по проведении весенней посевной кампании, но плохо то, что в образцовых совхозах, как «Нанжуль» работа по подготовке к севу проведена очень плохо, имеется в совхозе практ. Полевод и когда бригада из СПШ следовала и хотела получить практические знания, то у них не имелось плана посев. Кампании».

На 9-й партийной конференции обсуждалось и то, что работники, подобранные для чистки партийного аппарата высказывали мнение, что статья Сталина «Головокружение от успехов» появилась слишком рано и вызвала отток крестьян из колхозов, что не позволило нормально провести посевную, «нужно было после посевной выпустить эту статью» [11, Л. 9].

Делегат конференции Масловский отмечал, что «В некоторых местах подготовка к весеннему севу проведена плохо, некоторые колхозники сдали зерно сырое и не отсортированное. При выходе из колхозов крестьяне должны были получить семзерно и что же делают колхозники взамен чистосортных семян дают плохое что создает нехорошее настроение».

Делегат Щербаков высказался о том, что «В части перегибов и в совхоз. и партаппарате необходимо провести анализ их появлений, по моему главной причиной является политическая неграмотность» [11, Л. 9].

Но, не смотря на различные негативные мнения в заключении первого дня конференции «тов. Москалев» подвел итоги: нужно больше не критиковать, а работать, «включаться в работу и помогать».

«Тов. Хайт» в заключении так же сказал, что критика была во многом не заслуженной, планы по лесозаготовкам выполнены на 90%, а предстоящую посевную вполне вероятно выполняют полностью, «Из прений видно, что вся работа в деле с/х и коллективизации и друг. была верна, были искривления, но своевременно приняты меры [11, Л. 9].

Конференция проходила в течении двух дней. Большинство вопросов второго дня затрагивали проблему кадров. Один из делегатов высказал это одной фразой «Темпы не обеспечиваются кадрами!» [11, Л. 16].

В итоговой резолюции конференции сделан вывод о том, что нужно вести наступление против «капиталистических элементов в городе и деревне», что проблемы есть, но практически все кадровые, а в сельском хозяйстве все хорошо, и в деле коллективизации рост коллективных хозяйств произошел с 4,5% на момент 1 октября 1929 г. до 23% к моменту конференции [11, Л. 25].

Таким образом видно, что делегаты конференции описывали ситуацию после первой кампании по коллективизации видели ряд серьезных проблем в Красноярском районе. Основными темами обсуждения были: кадровые вопросы; «кулацкая агитация» как в колхозах так и на лесозаготовках; подготовка и проведение весенней посевной кампании; а также то, что масштабы «перегибов», имевшиеся в других районах, в Красноярском отсутствовали.

Руководство Красноярского района, как видно из заключительной речи, озвучило вывод, отличающийся от мнения большинства делегатов.

Кроме того, все участники конференции игнорировали то, что прилив крестьян в колхозы в феврале 1930 г. сменился в марте того же года массовым оттоком и первоначальный план по форсированному строительству коллективных хозяйств не был выполнен [7].

Список литературы

1. Сталин И.В. Сочинения. Москва, 1949. Т. 12.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание /отв. ред. Н.А. Ивницкий. Москва, 2000. Т. 2.

3. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г.: сб. / отв. ред. В.И. Данилов, С.А. Красильников. Новосибирск, 1992.
4. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск, 1997.
5. Коллективизация сибирской деревни. Январь-май 1930 г. / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2009.
6. Л.С. Корякиной «Государственная политика в отношении зажиточного крестьянства в конце 1920-х - начале 1930-х гг. в Восточной Сибири: На материалах Иркутской области и Красноярского края»: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2003.
7. Есин Р.С. Раскулачивание и коллективизация на территории современного Красноярского края: от «коренного перелома» до исправления «перегибов на местах» // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 3. С. 43–46.
8. Корсакова О.В. Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001.
9. Шекшеев А.П. «Кулацкая» ссылка на территории Енисейской Сибири (1929–1934 гг.) // Сибирский архив. 2020. № 4. С. 137; Шекшеев А.П. Крестьянское эхо – драма в шиткинской тайге (1930 г.) // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность. Иркутск. – 2020. – С. 217-224.
10. Наумов И.В. Спецпереселенцы в Восточно-Сибирском крае (1930-1936 гг.) // Сибирская ссылка. Сборник научных статей. Иркутск. – 2003. – С.63-67.
11. ГАКК. Ф.П.- 10. Оп. 1. Д. 696.
12. ГАКК. Ф.П-55. Оп. 2. Д. 8
13. ГАКК. Ф.П-55. Оп. 2. Д. 15
14. ГАКК. Ф.П-55. Оп. 2. Д. 61
15. ГАКК.Ф.П -46. Оп. 1. Д. 10
16. ГАКК.Ф.П -46. Оп. 1. Д. 15
17. ГАКК.Ф.П -46. Оп. 1. Д. 17
18. ГАКК.Ф.П -46. Оп. 1. Д. 18
19. ГАКК.Ф.П-10. Оп. 1. Д. 714
20. ГАКК.Ф.П -59. Оп. 1. Д. 742
21. ГАКК.Ф.П -59. Оп. 1. Д. 744
22. ГАКК.Ф.П – 96. Оп. 1. Д. 817
23. ГАКК.Ф.П-70. Оп. 6. Д. 7
24. ГАКК.Ф.П-54. Оп. 1. Д. 166
25. ГАКК.Ф.П-54. Оп. 1. Д. 273

«ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЕГО НА КАКОЙ-ЛИБО ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ»: ПЕРИПЕТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ ЭТНОГРАФА И РЕВОЛЮЦИОНЕРА К.М. РЫЧКОВА В 1918–1923 ГГ.

Калашиников Андрей Алексеевич
зав. ПЦК социогуманитарных дисциплин, преподаватель
Алтайская академия гостеприимства, г. Барнаул, Россия
astralnykeks@gmail.com

Статья посвящена партийно-государственной деятельности этнографа К.М. Рычкова в 1918–1923 гг. В статье описан процесс вступления К.М. Рычкова в РКП(б), выделен перечень партийно-государственных должностей, занимаемых этнографом в 1918–1923 гг., освещено отношение К.М. Рычкова к башкирскому сепаратизму в январе 1920 г., раскрыты обстоятельства исключения К.М. Рычкова из РКП(б).

Ключевые слова: К.М. Рычков-Ракай, этнограф, журналист, революционер, большевики, Башревком, Гражданская война.

«IT IS OUT OF THE QUESTION TO USE HIM FOR ANY PARTY WORK»: THE PERIPETIAS OF THE POLITICAL CAREER OF ETHNOGRAPHER AND REVOLUTIONARY K.M. RYCHKOV IN 1918–1923.

Kalashnikov Andrei Alekseevich
Head of the Department of Sociological and Humanitarian Disciplines, Lecturer
Altai Academy of Hospitality, Barnaul, Russia
astralnykeks@gmail.com

The article is devoted to the party-state activity of ethnographer K.M. Rychkov in 1918–1923. The article describes the process of K.M. Rychkov's joining the RCP(b), identifies the list of party-state positions held by the ethnographer in 1918–1923, highlights K.M. Rychkov's attitude to Bashkir separatism in January 1920, and reveals the circumstances of K.M. Rychkov's exclusion from the RCP(b).

Key words: K.M. Rychkov-Rakai; ethnographer, journalist, revolutionary, Bolsheviks, Bashrevkom, Civil War.

В 2023 году исполняется 100 лет со дня смерти выдающегося этнографа, журналиста, революционера и партийно-государственного деятеля К.М. Рычкова (псевдоним - Ракай). До недавнего времени фигура К.М. Рычкова ассоциировалась преимущественно с его дореволюционной исследовательской деятельностью по изучению коренных народов Сибири. Однако после Февральской революции этнограф активно включился в политические процессы на территории бывшей Российской империи, неоднократно меняя партии и государственные посты в Сибири, Средней Азии и на Урале. Ранее нами уже были подготовлены две обширные статьи, посвященные биографии исследователя и его службе в Алтайском округе в 1917–1918 г. [1; 2] Целью настоящей публикации является освещение партийно-государственной деятельности К.М. Рычкова после его отъезда из Алтайской губернии в мае 1918 г. Обратиться к данному этапу жизненного пути этнографа позволили новые выявленные документы, отложившиеся в личном деле К.М. Рычкова в фонде Сибирской краевой контрольной комиссии ВКП(б) Государственного архива Новосибирской области. За предоставленные материалы автор выражает искреннюю благодарность Ю.В. Клиценко, журналисту из Москвы.

После установления власти Временного Сибирского правительства на Алтае К.М. Рычков, как один из бывших советских лидеров, был объявлен в розыск. В отношении Алтайской губернской следственной комиссии начальнику Усть-Каменогорской городской милиции была дана следующая оценка деятельности бывшего члена Алтайского губисполкома: «Вообще Рычков играл видную роль при власти большевиков; своим поведением Рычков наводил ужас на гр[аждан] города Барнаула; под предлогом борьбы с контрреволюцией он творил всевозможные насилия над населением, производил [поваль]ные обыски и арестовывал ни в чем невиновных гр[аждан], в том числе и детей, причем во всех таких случаях он постоянно угрожал расст[релом] контрреволюционеров» [3, л. 23–23 об.]. Помимо обвинений в борьбе с контрреволюцией на бывшего заведующего Отделом по управлению имуществами республики также была возложена растрата авансовых средств, выделяемых на слу-

жебные разъезды [4, л. 83 об.]. В ходе поисков К.М. Рычкова в ноябре 1918 г. были проведены обыски у его близких родственников, среди которых оказался живший в Усть-Каменогорске брат революционера.

Однако К.М. Рычков находился далеко за пределами Сибири и Казахстана. По решению Алтайского губисполкома в мае 1918 г. он отправился в Москву на Всероссийский съезд по лесному делу. В столице по личной просьбе Л.Д. Троцкого К.М. Рычков получил партийный билет РКП(б) и назначение на должность начальника чрезвычайной военной экспедиции в Сибирь [3, л. 25, 33]. Для вступления в партию в 1917–1919 гг. было достаточно двух рекомендаций от ее действительных членов и последующего утверждения на общем собрании [5, с. 82]. Вероятно, в случае К.М. Рычкова партбилет был выдан без соблюдения данных формальностей, принадлежность к РКП(б) была подтверждена «по устному удостоверению тов[арища] Л.Д. Троцкого» [3, л. 25]. По утверждению К.М. Рычкова, Я.М. Свердловым и Л.Д. Троцким было обещано, что при зачислении в партию будет учтен «интернационалистический стаж» этнографа с 1905 года. Однако данное обещание оказалось «формально не оформлено» и осталось на уровне устных договоренностей, а потому в официальных документах он числился в РКП(б) с 1918 г. [3, л. 33 об., 36]. Затем, как отмечает К.М. Рычков, он был назначен «для ответственных нелегальных работ в Урало-Сибирское бюро ЦК РКП». В период Гражданской войны он успел поработать на целом ряде других ответственных должностей: управляющего делами Реввоенсовета Восточного фронта, председателя мусульманской военной коллегии Туркестанского фронта, председателя военно-полевого трибунала при штабе Л.Д. Троцкого, начальника экспедиции по упорядочиванию железнодорожного и водного транспорта Сибири.

В 1920 г. К.М. Рычков стал одним из главных участников январских событий в Башкирии (Башкирской АССР), где произошел конфликт между защищавшим широкую автономию республики Башревкомом и уполномоченными ЦК РКП(б), стремившимися к проведению единой общенациональной политики на территории советского государства. 12 января 1920 г. по постановлению Президиума Башревкома был учрежден отдел внешних сношений при Башвоенревкоме, возглавил который К.М. Рычков. За свою активную деятельность по защите национальной автономии башкир (в том числе, за участие в аресте членов Башкирского обкома РКП(б)) К.М. Рычков попал в немилость уполномоченного ЦК РКП(б) при Башкирском обкоме партии, известного революционера Ф.А. Сергеева (Артема). 24 февраля 1920 г. он телеграфировал председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому о необходимости расстрела К.М. Рычкова [6, с. 289]. Для выяснения ситуации в Башкирии по телеграмме Ленина К.М. Рычков был вызван в Москву для доклада в ЦК РКП(б). В своем выступлении К.М. Рычков обратил внимание на необходимость выработки четкой партийной национальной политики. По мнению этнографа, следовало «остерегаться той торопливости, неумелой теоретичности и того декретирования из Москвы», которые проявились по отношению к Башкирии, а также он осудил действия «г. Артема и компании» [7]. В итоге К.М. Рычков избежал ответственности, но был вынужден покинуть Башкирию и вернуться в родной Усть-Каменогорск. 15 августа 1920 г. он вошел в состав местного уездного комитета РКП(б), а в сентябре отправился в Китай в составе «Комиссии по переговорам с китайскими представителями Алтайского округа Синьцзяна о выдаче бандитов, перешедших границу» [8, с. 262; 9].

В 1921 г. К.М. Рычков был назначен председателем Семипалатинского Губистпарта. В феврале 1922 г. по решению третьей Семипалатинской губернской партийной конференции РКП(б) К.М. Рычков был избран членом губернской контрольной комиссии, однако отношения внутри учреждения у этнографа не сложились. В 1922 г. Семипалатинская губернская контрольная комиссия обвинила К.М. Рычкова в «бюрократизме, взяточничестве и увеличении партстажа» [3, л. 35]. По постановлению Киргизской областной контрольной комиссии РКП(б) от 14 сентября 1922 г. К.М. Рычков был исключен из партии, а 18 января 1923 г. данное решение подтвердила Центральная контрольная комиссия РКП(б) и постановила снять его с работ в парторганах как некоммунистический элемент [3, л. 36].

К.М. Рычков был не согласен с решениями контрольных комиссий, требовал апелляции, восстановления его в партии и на партийной работе. С учетом предшествующей революционной деятельности К.М. Рычкова, уже в октябре 1922 г. президиум Семипалатинского губкома РКП(б) ходатайствовал о смягчении наказания и восстановлении этнографа в рядах РКП(б) перед областной контрольной комиссией [3, л. 30]. Однако в марте 1923 г. Киргизская областная контрольная комиссия в отношении секретарю Сибирского бюро ЦК РКП(б) вынесла отказ в пересмотре дела отметив, что «об использовании его (Рычкова. – А.К.) на какой-либо партийной работе не может быть и речи» [3, л. 37]. В июле 1923 г. К.М. Рычков подготовил заявление с просьбой о реабилитации на имя члена Центральной контрольной комиссии А.П. Брыкова, где указал следующую причину обвинений в свой

адрес: «Группа семипалатинских коммунистов-дельцов... зная мою коммунистическую совесть и неподкупный характер, поставила себе целью во что бы то ни стало устранить меня из членов Семгубконтрольной комиссии, т.к. мое участие в разборе их дел многим из них угрожало весьма печальными для них последствиями» [3, л. 33]. В заключении К.М. Рычков предложил сделать запрос по существу его заявления у Л.Д. Троцкого и И.Н. Смирнова. Вместе с заявлением также была послана рекомендация от политического комиссара торговой экспедиции Туруханского края, члена РКП(б) И.М. Суслова [3, л. 32; 10, с. 10]. Последний отметил, что товарищ Рычков был знаком ему со времен ссылки в Туруханский край и он может характеризовать его как честного и активного работника партии. Тем не менее, этого оказалось недостаточно. На сегодняшний день нами не выявлены документы о восстановлении К.М. Рычкова в партии. На наш взгляд, одной из главных причин для отказа в пересмотре дела этнографа стало его предшествующее потворство башкирскому сепаратизму.

Весной 1923 г. К.М. Рычков переехал в Новониколаевск, где получил должность заведующего экономическим отделом газеты «Советская Сибирь», а уже 27 ноября скончался от туберкулеза. Так, этнограф и революционер, активный борец со старым порядком к концу своей короткой, но чрезвычайно насыщенной жизни, оказался вне политики, лишившись всех государственных постов. Фактически К.М. Рычков вернулся к тому, с чего он когда-то и начинал, – к работе опального журналиста, выступавшего в защиту угнетаемых коренных народов.

Список литературы

1. Калашников А.А. Неизвестные штрихи биографии этнографа К.М. Рычкова (1882–1923 гг.) // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2023. №1 (68). С. 70-83.
2. Калашников А.А. «Служебное положение гражданина Рычкова до сих пор продолжает оставаться загадочным»: эмиссар Центра К.М. Рычков в Алтайском округе в 1917-1918 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2023. № 2(130). С. 26-30.
3. ГАНУ. Ф. П-6. Оп. 2. Д. 2863.
4. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4797.
5. Морозова Т.И., Шишкин В.И. «...В боевые ряды революционной коммунистической партии»: прием бывших социалистов в РСДРП(б)–РКП(б) в 1917–1924 гг. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 8: История. С. 79–91.
6. Еникеев З.И., Еникеев А.З. История государства и права Башкортостана. Уфа: Китап, 2007. 432 с.
7. Наше Отечество (опыт политической истории). Часть II / Кулешов С. В., Волобуев О. В., Пивовар Е. И. и др. М.: ТЕРРА, 1991. URL: <http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/f2.txt> (Дата обращения 24.10.2023)
8. Дацьшен В.Г. Алтайский эпизод службы этнографа К.М. Рычкова // Этнография Алтая и сопредельных территорий. 2020. №10. С. 261–263.
9. Бармин В.А. Участие гражданских и военных властей Западной Сибири в становлении российско-китайских отношений 1918–1922 гг. (на примере провинции Синьцзян) // Сибирь в системе международных связей. Томск, 2001. С. 92–95.
10. Чурсина А.С. Исследователь севера Иннокентий Михайлович Суслов. Часть 2 // Право и государство: теория и практика. 2022. №1 (205). С. 9–11.

ОТНОШЕНИЕ ЦЕНТРА И РЕСПУБЛИК И РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЕПАРАТИЗМ
В СССР В 1970-1990-Е ГГ.

*Ильясова Марина Вячеславовна, студент
Московский государственный университет международных отношений
Министерства иностранных дел России, г. Москва, Россия
marinailiasov@gmail.com*

В статье анализируются взаимоотношения центра и регионов в Советском Союзе на момент 1970-1990х гг. Рост напряженности в этой динамике характеризуется последствиями ранее проводимой региональной политики (интеграция, депортация). Зависимость регионов от центра привела к экономическому неравенству между субъектами Советского Союза. Проводимая культурная политика, которая во многом характеризовалась “русификацией” многих регионов привела к тому, что впоследствии регионы начали “возрождать” и отстаивать свою культурную самобытность. Политика гласности привела к тому, что в политико-культурном пространстве начинают озвучиваться ранее умалчиваемые противоречия, критикуются проводимые шаги “центра”. Конец XX в. характеризуется подъемом националистических настроений, к активизации межнациональных противоречий, которые были вызваны этнолингвистическими и историческими факторами. Противоречия и ослабление власти “центра” привели к “параду суверенитета” и сыграли свою роль в распаде Советского Союза.

Ключевые слова: центр, республики, “парад суверенитетов”, межнациональное напряжение, федерализм

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CENTER AND THE REPUBLICS AND REGIONAL SEPARATISM IN THE USSR IN THE 1970-90S

*Ilyasova Marina Vyacheslavovna
Student, MGIMO Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia
marinailiasov@gmail.com*

The article analyzes the relationship between the center and the regions in the Soviet Union at the time of the 1970-1990s. The growing tension in this dynamic is characterized by the consequences of previously pursued regional policies (integration, deportation). The dependence of the regions on the center led to economic inequality between the subjects of the Soviet Union. The ongoing cultural policy, which was largely characterized by the “Russification” of many regions, led to the fact that the regions subsequently began to “revive” and defend their cultural identity. The policy of glasnost has led to the fact that previously silent contradictions are beginning to be voiced in the political and cultural space, and the ongoing steps of the “center” are being criticized. The end of the 20th century is characterized by the rise of nationalist sentiments, the intensification of interethnic contradictions that were caused by ethno-linguistic and historical factors. The contradictions and weakening of the power of the “center” led to the “parade of sovereignty” and played a role in the collapse of the Soviet Union.

Key words: center, republics, “parade of sovereignties”, interethnic tension, federalism

Проблема взаимоотношений центра и окраин в период истории России 1970-90-х гг. становится актуальной, поскольку современное федеративное устройство страны —наследник советской федеративной модели, и важно понимать, какие причины и факторы привели к «параду суверенитетов» и к увеличению межнационального напряжения в конце XX века. Работа Дмитренко, Куликова, Ярушина [1], а также работа Кулакова [2] делают акцент на взаимоотношении роли государства и общества, говоря о том, что “игнорирование” возникающих проблем в обществе вело к нарастанию социальных противоречий и к состоянию недоверия к власти. Доброхотов [3] говорил о том, что на сложные взаимоотношения центра и регионов в Советском Союзе повлиял период “Перестройки” и тот факт, что начинает ослабевать функция контроля власти над обществом. Работа Пономаревой делает акцент на национальном факторе, который в итоге и стал той активизирующей силой, движущей общественно-политические силы [1]. Негативная реакция населения во многом была вызвана теми последствиями, к которым привели принимаемые реформы и которые стали видны со временем в об-

ласти территориального устройства и экономически-социального развития того или иного региона. Нарастание противоречий, вызванные этими факторами, привело к региональным выступлениям в конце XX в. Понимание выстраивания диалога между центром и его "окраинами" важно для выстраивания причинно-следственных связей того или иного политического события. Использование региональной политики - повседневная практика, которую используют государства, вырабатывая определенные стратегии, призванные решать проблему интеграции новых территорий и окраин и контроля за зонами геополитического риска. РФ в настоящее время является федеративной республикой; ее взаимоотношения с регионами стали во многом результатом распада СССР. В своей статье я бы хотела исследовать взаимодействие центра и окраин в 1970-90-е гг., анализируя ту сложность в взаимодействиях центра-республики, нарастание напряжения между ними, которое во многом сформировало "парад суверенитетов" и "региональный сепаратизм" в конце XX века.

Важно затронуть период образования СССР на момент 1922 г., когда вставал вопрос на каких правах будут входить территории в состав страны и какую форму должно принять государственное управление. Сталин предлагал план автономизации: республики вступали на правах автономии, но теряли политический суверенитет. Ленин предлагал план федерализации, - вхождение территорий отдельными республиками, что отвечало бы национальным стремлениям независимых республик. Их объединял союзный договор, который подразумевал право выхода из СССР, однако правовой механизм "выхода" не был урегулирован, - это впоследствии оказало свое влияние на события в конце XX века. Надо было сохранить территориальную целостность и на ее месте построить новое социалистическое государство: для этого систематически развивалось национальное сознание этнических меньшинств и создавалось для них новые институциональные формы.

Проблемы в межнациональных отношениях в 1970х-80х гг. имеют свои корни в той структуре государственного устройства, которая сложилась. Во-первых, централизованная система управления была с сильной властью в "лице" Москвы и Партийного аппарата. Выстроенная политическая система характеризовалась неравными возможностями автономным единицам осуществлять свою роль в государстве. Во-вторых, система формировало социально-экономическое неравенство. Централизованная плановая экономика вела к игнорированию сельскохозяйственных особенностей некоторых регионов страны, - это негативно отражалось на уровне жизни населения регионов. Центр контролировал распределение ресурсов, и большая часть капитала шла в крупные города. Таким образом, богатые республики получали большее количество капитала, когда же менее развитые (такие как республики Центральной Азии) значительно меньше. Это препятствовало экономическому развитию этих республик и негативно сказывалось на уровне инфраструктуры, увеличивая напряжение между центром и "окраинами". Республики, таким образом, были зависимы не только в политическом плане от решений центра, но и в экономическом, поскольку центр отвечал за распределение капитала между субъектами страны и республики полагались на поддержку центра, часто игнорируя специфические условия развития своего региона. В-третьих, территориальные границы республик "игнорировали" этнолингвистический фактор. К 1970-м годам это привело к поднятию уровня межнациональной напряженности в рамках одной территориальной единицы. Включение территории Приднестровья, в которой проживало русское меньшинство, в состав Молдавской ССР привело к призывам увеличения собственной автономии и сепаратистским настроениям. В 1990-м году начались массовые демонстрации под националистическими лозунгами в Молдавии, что привело к конфликту между Молдавией и Приднестровьем. Другим ярким примером может служить противоречие между Армянской ССР и Азербайджанской ССР из-за Нагорно-Карабахского региона. Нагорно-Карабахская автономная область входила в состав Азербайджанской ССР и была населена преимущественно армянами. Движение местных армян за объединение с Арменией вызвало всплеск эмоций в Азербайджане. В 1988 г. росло движение за воссоединение Нагорного Карабаха с Арменией, что означало начало армяно-азербайджанских столкновений. В 1991 году с развалом Советского Союза борьба за Карабах вышла на новый виток: стороны получили возможность использовать оружия, оставленные советской армией. Все это, - характеризовало установившееся взаимоотношения между центром и регионами и привело к той обстановке, которая установилась в СССР в 1970-90е гг.

На момент 1977 года на официальном уровне декларировалось, что сложился единый "советский народ", и воплощением этого единства стало ВДНХ. Однако в действительности происходили конфликты на этнической почве, которые не публиковались в официальных источниках СМИ, - образовывалась ситуация "информационной" закрытости. Ситуация усложнилась под влиянием реформ Горбачева, которые актуализировали этнополитический фактор. Попытка предоставления большей экономической свободы для регионов привела к политической открытости. Политика "гласности" привела к тому, что идея о сложившейся новой исторической общности оказалась под сомнением.

Националистически настроенная интеллигенция начала высказываться о несправедливости в национальном вопросе в СССР и начали «всплывать» накопившиеся «обиды народов»: депортация западных украинцев, калмыков и так далее. Терялся контроль над идеологической сферой в стране. В культурно-политической сфере «союз народов и народностей» оказался под сомнением.

В 1980-е годы произошел подъем националистических движений в республиках СССР. Отсутствие у «центра» грамотного анализа национальных процессов в предыдущие годы привело к хаотичной реакции властей на националистические акции и попыткам погасить волнения репрессиями. В результате еще больше усложнились взаимоотношения центра-региона. 26 апреля 1990 года приняли закон РСФСР о разграничении полномочий между СССР и субъектами федерации, что стало предметом «этно-политических игр», используемых руководителями правительства в борьбе друг с другом. Б.Н. Ельцин в августе 1990 г. в Казани заявил: «Берите столько суверенитета, сколько можете проглотить, и отдайте столько, сколько не можете проглотить России» [4], - это озаменовало начало процесса субфедерализации. Обострилась ситуация в Прибалтике: народные фронты заявляли о стремление к полной независимости своих республик. В марте 1990 Литва провозгласила независимость, признав аннексию Прибалтики Советским Союзом незаконной. Также прошли референдумы в Латвии и Литве по вопросу о суверенитете, что еще больше активизировало процесс «парада суверенитетов».

В декабре 1991 года на IV Съезде народов СССР Горбачев инициировал идею подписания нового союзного договора взамен действующего. 17 марта 1991 года состоялся всенародный референдум о сохранении СССР, однако страны Прибалтики (Литва, Латвия, Эстония), Грузия, Армения (из-за конфликта в Нагорном Карабахе) и Молдавия (из-за конфликта вокруг непризнанной республики Приднестровье) не участвовали.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что динамика диалога между центром и его окраинами влияет на экономико-политическое развитие страны. История взаимоотношений республики и центра в 1970-1990е годы в СССР подчеркивает сложности в выстраивании правильной политики между центром и «окраинами» в условиях многоэтнической страны, которая требует акцентирования внимания на культурно-составляющей регионов. Республики были зависимы в политическом плане от решения центра и в экономическом от распределения капитала, — это привело к игнорированию экономических особенностей некоторых регионов. Территориальные границы не учитывали этнический фактор, что привело к нарастанию межнационального напряжения. Политика "гласности" обозначила потерю контроля над идеологической сферой, что еще больше дестабилизировало ситуацию взаимоотношений между регионами и центром.

Список литературы

1. Пономарева М. А. Власть и общество на юге России в условиях политических и социально-экономических преобразований в 1960-1990-е годы : дис. – Северо-Кавказский федеральный университет, 2020.
2. Кулаков А. А. Век XX: общество и региональная власть. Проблемы историографии. – ННГАСУ, 2009.
3. Доброхотов Л. Н. Власть и общество в России в условиях системной трансформации, 1985-1998 гг. – 1999.
4. Ельцин Б. Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить //электронный ресурс[/Ельцин Центр [сайт].-URL: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suverineteta-skolko-smozhete-proglotit/>(дата обращения: 20.10. 2018). – 2015.

КАРЕЛЬСКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ РОССИЙСКО-ШВЕДСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ
В XVI–XVII ВЕКАХ

*Овчинникова Елизавета Владимировна, студент
Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия
elizaweta.ow4innickowa@yandex.ru*

В статье рассматривается вопрос о трансформации православных приходов карельского приграничья в условиях политического и идейного противостояния России и Швеции в XVI—XVII вв. Комплексное осмысление письменных и картографических источников с опорой на историографию позволило заключить, что в приграничье сложилась уникальная ситуация сосуществования православных и лютеранских приходов.

Ключевые слова: Карелия, церковный приход, Русская Православная Церковь, церковно-приходская система, Корельский уезд.

KARELIAN ORTHODOX PARISHES OF THE RUSSIAN-SWEDISH BORDERLAND IN THE 16-17th
CENTURIES

*Ovchinnikova Elizaveta Vladimirovna
Student, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
elizaweta.ow4innickowa@yandex.ru*

The article deals with the transformation of the Orthodox parishes of the Karelian borderland in the conditions of political and ideological confrontation between Russia and Sweden in the XVI—XVII centuries. A comprehensive understanding of written and cartographic sources based on historiography allowed us to conclude that a unique situation of coexistence of Orthodox and Lutheran parishes has developed in the border region.

Key words: Karelia, church parish, Russian Orthodox Church, parish system, Korelsky district.

Противостояние России и Швеции в эпоху средневековья и раннего нового времени оказало глубокое влияние на жизнь карельского приграничья — Корельского уезда. В течение XVI—XVII веков исконно российский регион дважды находился под юрисдикцией Швеции — с 1583 по 1595 гг. и с 1617 по 1721 гг. Согласно условиям Столбовского мирного договора 1617 г., православные приходы Корельского уезда, преобразованного вскоре в Кексгольмский лен, были оставлены в ведении митрополита Новгородского, однако в действительности оказались подчинены Выборгской лютеранской епархии, учрежденной в 1618 г. В историографии уделено пристальное внимание изучению взаимоотношений России и Швеции в раннее новое время, однако вопрос о том, как функционировала и трансформировалась система церковных православных приходов в карельском приграничье, которое являлось местом борьбы двух держав, и как складывалась повседневная жизнь в приходских общинах, остается дискуссионным. Нуждается в уточнении список действовавших православных церквей на протяжении всего периода шведского владычества. Вопросы о замещении церковных должностей и особенностях духовного окормления паствы до сих пор малоизучены. Предпринятое исследование основано на комплексном осмыслении историографии и анализе массива письменных источников, в том числе актов приказного делопроизводства, переписных книг Водской пятины 1500 г. и 1568 г., приходной книги Новгородского дома Св. Софии 1576/77 г., поземельной книги Корельского уезда 1618 г. Привлечены также карты Кексгольмского лена середины XVII в., хранящиеся в открытом доступе на сайте Национального архива Швеции.

Церковно-приходская система Корельского уезда сложилась к началу XVI в. Как установлено в историографии, к 1500 г. в г. Кореле насчитывалось 5 церквей; по храму стояло на семи погостах — Городенском, Сакульском, Кирьяжском, Сердобольском, Соломенском, Иломанском, Ровдужском. В четырех погостах — Сакульском, Ровдужском, Городенском, Сердобольском — было устроено также 9 часовен. Спустя чуть более семидесяти лет количество мирских храмов увеличилось в разы. С опорой на весь комплекс опубликованных источников удалось подсчитать, что к концу 1560-х — середине 1570-х гг. мирские храмы находились в г. Кореле, на каждом из семи погостов и в 16 выставках, всего — 30 [8, с. 453]. С 1582 по 1585 гг., как установил Х. Киркинен, было возведено еще 11 храмов

в выставочных приходах [12, р. 258]. А. П. Дмитриев полагает, что первые две трети XVI века можно считать эпохой «расцвета Православия» в регионе [2].

Исследователи убеждены в том, что в годы Ливонской войны многие православные храмы Корельского уезда были осквернены и разрушены. Тем не менее, с 1595 по 1610 гг., как удалось установить, стараниями первого епископа Корельского и Орешковского Сильвестра церковно-приходская система была восстановлена и предпринимались усилия по ее развитию. Так, не без инициативы владыки прихожане восстановили собор Воскресения Христова в г. Кореле, храм Ильи Пророка в выставке Веяла Кирьяжского погоста (получил новое посвящение во имя Николая Чудотворца), а также поставили новую выставочную церковь в погосте Палкъярви в северной части уезда [12, р. 258].

Историки убедительно показали, что в годы русско-шведской войны (1610—1617 гг.) система церковных православных приходов в регионе серьезно пострадала. Х. Киркинен подсчитал, что к 1618 г. осталось 13 церквей погостских и столько же деревенских (выставочных) [3, с. 108]. Остальные были сожжены и нередко на их месте возводились лютеранские кирки. Так, Л. Петров установил, что вместо православных церквей Сакульского и Раутусского погостов были возведены две лютеранские кирки; на территории пришедшего в запустение Коневского монастыря появилась Пюгьярвская кирка [7]. Согласно данным И. А. Чистовича, был возобновлен всего один сгоревший храм в Иломанси [11, с. 67]. Тем не менее, согласно сведениям В. П. Крохина, к 1630 г. насчитывалось 48 православных церквей и часовен, при которых несли служение 17 священников и дьяконов, и только 8 кирок с шестью пасторами [4, с. 591]. Как свидетельствуют картографические материалы, к середине 1650-х гг. нередко в одном и том же погосте действовала и православная церковь, и лютеранская кирка.

Ко времени образования Корельской епархии как викариатства в составе новгородской митрополии в 1685 г., количество православных приходских общин сократилось. К концу XVII века, как отметил Л. Петров, шведы разорили Сакульскую, Раутусскую и Пюгьярвскую православные церкви [7]. При этом общее количество действовавших православных церквей ученым не известно.

Вопрос о вероисповедании рассматривался Россией и Швецией в политической плоскости. Православие идентифицировалось со стремлением воссоединиться с Россией и нелояльностью по отношению к шведской администрации. Мнения историков относительно времени, с которого Швеция ужесточила политику в отношении своих православных подданных, расходятся. Некоторые полагают, что шведы перешли к жесткому курсу до заключения мира в Столбово в 1617 г. либо сразу после его подписания (М. Ф. Архангельский) [1, с. 27]. Другие считают, что ужесточение последовало после 1627 г. (А. П. Дмитриев) [2].

Трансформация религиозной политики Швеции была обусловлена, по мнению историков, разными мотивами, в том числе стремлением навязать православным расходы на содержание лютеранских приходов и пасторов (Р. Б. Мюллер), прозрачностью русско-шведской границы, разделившей на две части один этнос (А. И. Чепель), опасностью утверждения российского влияния в приобретенных шведами по Столбовскому миру карельских землях (Л. Петров, А. И. Чепель) [6, с. 98], [9, с. 31], [7].

Главное направление политики шведов заключалось в лютеранизации православного населения. В 1625 г. была учреждена Стокгольмская типография для распространения лютеранских богослужебных книг; с 1640 г. начали открываться лютеранские школы для православных детей; с 1641 г. обязанность возведения в сан православных священнослужителей возлагалась на суперинтенданта Ингерманландии. Однако исчезновение православных общин было обусловлено не только политикой лютеранизации населения. По мнению ученых, тяжелый налоговый гнет (Р. Б. Мюллер, И. А. Чернякова), неурожай 1640-х гг. (А. Куяла), религиозные притеснения православных (М. Ф. Архангельский) привели к массовому бегству карелов в Россию в период русско-шведской войны 1656—1658 гг. и в последующие три года после заключения Валиесарского перемирия, когда Россия содействовала беглецам [6, с. 98], [5, с. 27], [1, с. 27], [10, с. 101]. По мнению М. Ф. Архангельского, Православная церковь Кексгольмского лена с этого времени «еще больше оскудела» [1, с. 28]. Опасаясь запустения местности, шведы, по мнению М. Ф. Архангельского, стали действовать «мягче и хитрее» [1, с. 28]. Так, Карл XII подтвердил постановление об освобождении от платежа поголовного налога тех последователей Восточной церкви, которое примут лютеранское учение.

Со своей стороны, Россия не отказалась от претензий на этот регион, однако вынуждена была отложить на отдаленную перспективу решения вопроса и выстраивать на новой основе взаимоотношения со своим соседом — Шведским королевством. Осмысления требовал и вопрос о том, как отно-

ситься к православным, подданным шведского государства. По мнению исследователей, обстановку в русско-шведском приграничье поначалу обостряли духовные иерархи, которые высказывали сомнения в сохранении истинного православия среди карелов и считали единственным выходом для верующих бегство в Россию [9, с. 33]. Однако впоследствии отношение Русской Православной Церкви к ситуации в пограничье изменилось. Так, новгородский митрополит Макарий, занимавший кафедру в 1619—1626 гг., призывал карелов к «общению с Православной Церковью» [11, с. 66]. Обнаружив сведения о разрешении духовенству «ходить за исправлением церковных нужд» в Новгород, возводить новые церкви на месте разрушенных, посылать священников с богослужебными книгами в приходы приграничья, И. А. Чистович заключил, что православные иерархи демонстрировали «полную заботливость об этой малой церкви» [11, с. 65].

Таким образом, православные карельские приходы российско-шведского приграничья подверглись значительной трансформации в XVI—XVII веках. Регион дважды входил в состав Шведского королевства и его православное население испытало всю жесткость религиозной и экономической политики коронной администрации. Православные приходы, хотя их к концу шведского владычества осталось не так много, сосуществовали с лютеранскими приходскими общинами. В отличие от приходов Олонецкой Карелии, находившихся под постоянным контролем Новгородской митрополии Российского государства, их духовная и повседневная жизнь оставалась достаточно самобытной.

Список литературы

1. Архангельский М. Ф. История православной церкви в пределах нынешней С.-Петербургской епархии. СПб., 1871. 298 с.
2. Дмитриев А. П. История Корельской (Кексгольмской) епархии // Вуокса : Приозерский краеведческий альманах. Приозерск, 2001. URL : <https://www.aroundspb.ru/history/temple/eparh1.php>
3. История карельского народа: Сокр.авториз.пер. / Отв.ред. И. А.Чернякова. Петрозаводск, 1998. 322 с.
4. Крохин В. П. История карел // Русская старина. 1908. № 6. С. 581—596.
5. Куяла А. Финляндия и Россия как страны-соседи с ранних эпох до 1772 года // Русский сборник: исследования по истории России: сб. ст. Т. XVII. Финляндия и Россия. М., 2015. С. 9—56.
6. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии в XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947. 175 с.
7. Петров Л. Судьбы церкви в юго-восточной Финляндии // Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб, 1875. Вып. 1. С. 3—271.
8. Сулова Е. Д., Овчинникова Е. В. Церковные приходы Корельского уезда в XVI— начале XVII веков. Научный диалог. 2022. №9. С. 443—471.
9. Чепель А. И. Проблема перебежчиков в русско-шведских отношениях: от Столбовского до Кардисского мира (по материалам архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. №4 (26). С. 29—41.
10. Чернякова, И. А. Генеалогический этюд: что могут поведать налоговые документы XVI-XVII вв. исследователю фамильной истории? // CARELiCA. 2020. № 1(23). С. 92—129.
11. Чистович И. А. История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской губернии. СПб, 1856. 154 с.
12. Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. I. Venäjän Karjala Renessanssiajalla (1478—1617). Helsinki : Kirjayhtymä, 1970. 344 s.

ЕНИСЕЙСКИЕ КАЗАКИ ВО ВРЕМЯ «ТУРУХАНСКОГО БУНТА»
ПОЛИТИЧЕСКИХ И УГОЛОВНЫХ ССЫЛЬНЫХ

*Паршуков Владимир Александрович
ведущий инженер*

*Муниципальное бюджетное учреждение «Управление инженерной защиты», г. Ульяновск, Россия
asf-zavod@yandex.ru*

В статье рассматривается как противостояли бунтовщикам енисейские казаки во время «Туруханского бунта» политических и уголовных ссыльных. Показаны события, при которых некоторые из местных казаков были ранены или убиты. После подавления мятежа казаки Красноярской отдельной казачьей сотни несли службу, направленную на поддержание государственного порядка в крае.

Ключевые слова: енисейские казаки, Енисейская губерния, Туруханский край, «Туруханский бунт», казаки.

YENISSEY COSSACKS DURING THE "TURUKHANSK REVOLT"
OF POLITICAL AND CRIMINAL EXILES

Parshukov Vladimir Aleksandrovich, lead engineer

*Municipal budgetary institution "Engineering protection management",
Ulyanovsk, Russia
asf-zavod@yandex.ru*

The paper studies the way the Yenisei Cossacks resisted the rioters during the "Turukhansk revolt" of political and criminal exiles. It presents the events where some of the local Cossacks were wounded or killed. After subjection of the rebels, the Cossacks of the Krasnoyarsk separate Cossack sotnya soldiered to maintain state order in the region.

Key words: Yenissey Cossacks, Yenissey governorate, Turukhansky District, "Turukhansky revolt", Cossacks.

Енисейская губерния единственная в Российской империи, границы которой простирались от южных до северных окраин государства. На этой огромной территории от Урянхайского до Туруханского краёв несла свою нелёгкую службу немногочисленная группа енисейских казаков.

О казаках северной окраины губернии практически ничего не известно. Исторических исследований на эту тему немного. В работах А.П. Шекшеева, Н.А. Предтеченской и других авторов рассматривалась биография атамана Енисейского казачьего войска А.А. Сотникова или деятельность его предков по освоению края.

Что же касается так называемого «Туруханского бунта», ему посвящено ряд работ историков. В.В. Кудряшовым показаны историографические аспекты туруханских событий через разные точки зрения, опубликованные в журнале «Сибирские вопросы» [1]. Т.Г. Карчаева, Д.Н. Гергилев, А.В. Суржко в своей научной работе привели детальную реконструкцию хода восстания, проанализировали причины его возникновения, показали принятые правительственными силами меры и подвели итоги бунта [2]. Нельзя не упомянуть исследования Д.А. Бакшта, который по данной теме опубликовал несколько статей, одна из них посвящена влиянию бунта на перенос административного центра Туруханского края [3].

К сожалению, во всех указанных работах роль казачества в противостоянии с бунтовщиками практически не рассматривалась. Наша задача в ходе данного исследования, состояла в том, чтобы показать, как проявили себя енисейские казаки в тех или иных событиях «Туруханского бунта».

В Туруханском крае Енисейской губернии проживало малочисленное казачье население. Кроме действительной 3-х летней службы в Красноярской казачьей сотне, туруханские казаки назначались на службу в посторонние ведомства для «исполнения обязанностей вахтёров при хлебозапасных магазинах, для полицейских обязанностей и караула в тюремном замке, для посылок (нарочными), сопровождения арестантов, для охраны денежной кладовой, порохового погреба, соляного магазина» [4, л. 222 об.]. Эти казаки состояли в распоряжении Туруханского отдельного управления.

Сведения о службе туруханских казаков отложились в архивах в свете каких-то событий, одним из которых был «Туруханский бунт» политических и уголовных ссыльных.

7 декабря 1908 года в деревне Осиновой на стражников, сопровождавших двух арестованных напали 8 политических ссыльных. При этом они убили двух стражников и ранили одну женщину. Забрав у местных крестьян лошадей, они двинулись на север к городу Туруханску. Однако у «полиции не было в достаточном количестве оружия и людских ресурсов, чтобы дать достойный отпор банде» [2, с. 96].

В деревне Сумороковой бандиты «убили одного стражника, под деревней Бахтинской обезоружили 4-х казаков, сопровождавших партию ссыльных. Трое освобожденных ссыльных присоединились к шайке» [5, л. 5 об.]. 12 декабря у деревни Чулковой, банда обезоружила, ранила и зарыла в снег казаков, сопровождавших арестанта. В селе Верхне-Инбатском они ограбили и обезоружили смотрителя казенного хлебного магазина и полицейского урядника. Далее бандиты ограбили обоз с пушминой и нескольких торговцев. Нередко грабежи сопровождались убийством местных жителей. «Численность бунтовщиков росла. Вскоре стала очевидной необходимость помощи воинских подразделений...» [2, с. 96].

Чтобы пресечь эти беспорядки, император объявил в крае военное положение, а Иркутский генерал-губернатор, командующий войсками Иркутского военного округа А.Н. Селиванов назначил генерал-майора В.О. Трофимова временным генерал-губернатором Туруханского края. В телеграмме на его имя было так же сказано: «подчиняю Вам все войска, находящиеся и прибывающие в Енисейский уезд и Туруханский край... Для умиротворения края принять самые решительные и энергичные меры...» [5, л. 1].

Имеются свидетельства об участии казаков в тех событиях. «Из г. Туруханска при казаках Ширшове и Бузунове было отправлено шесть человек арестантов, которые доехав до станции Казанской (Мироедиха) продневали тут три дня. Здесь догнала их вторая партия из пяти арестантов при казаках Даурском, Кандине и Александрове. При отъезде из Казанской... бежал... арестант Троицкий, для разыскания которого остался один казак Александров. А прочие четыре казака (старший В. Ширшов, Кандин, Даурский и Бузунов) сопровождали остальных десятерых арестантов... Не доехав ст. Бахтинского 4 версты, эта партия встретила с 10-ю ссыльными политическими, ехавшими на 10-ти одиночных подводах. Остановившись на разъезде, встречные ссыльные достали ружья и начали заряжать. Зарядив и подойдя к казакам закричали: «Казаки! Руки вверх!» и дали четыре выстрела в воздух. Хотя некоторые из казаков и вынули свои револьверы, заряженные по шесть пуль, но замерзшими руками не могли стрелять» [5, л. 60]. Отобрав у казаков оружие бандиты хотели их расстрелять, но посоветовавшись, от этого отказались.

Везде где появлялись грабители, местные казаки, насколько могли, оказывали им сопротивление. Но их было очень мало и они практически не имели вооружения. Так в Туруханске был убит казак Николай Абакумов и ранен казак Иван Кандин. Обороняться им было нечем несмотря на то, что у Туруханского пристава в денежной кладовой хранилось «20 казенных револьверов... но пуль к ним до настоящего времени не получено...» [5, л. 58 об.].

Во время тех событий казаки выполняли так же обязанности надзирателей за политическими ссыльными и пресекали все их попытки поддержать восставших. Надзиратели следили, чтобы поднадзорные проживали только в местах, назначенных для их поселения и не допускали противоправных действий. В списке на получение жалования надзирателям по 50 рублей каждому с 15 декабря 1908 г. по 15 января 1909 г. указаны казаки: Зверев Прокопий, Седельников Григорий и его братья Логин и Кирилл, Песегов Сергей, Шеходанов Александр и Шадрин Николай [5, л. 84 об. - 85].

Туруханский отдельный пристав Булевский в рапорте от 27 декабря на имя енисейского губернатора просил командировать в Туруханский край военные силы от деревни Осиновой до станка Якутов. «Кроме того командировать 50 конных казаков для преследования означенных грабителей и охраны города Туруханска... Для казаков Туруханского полицейского отряда в числе 10 человек, относящих постовую службу, выслать полное вооружение шашки, револьверы и берданки нового образца, причем просить командира Красноярской казачьей сотни о скорейшей высылке казаков на службу по наряду в 1909 г.» [5, л. 58 - 59 об.].

Для прекращения беспорядков, в Туруханский край были направлены войска. На февраль 1909 года по одному взводу 32-го Восточно-Сибирского стрелкового полка находилось в станке Вороговом, селе Рыбное, станке Осиновом и станке Назимовском [6, л. 63]. В крае так же располагались подразделения 31-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

В селе Рыбное был расквартирован 3-й взвод Красноярской отдельной казачьей сотни, командир которой сотник фон Польман регулярно в своих рапортах докладывал временному генерал-

губернатору Туруханского края генерал-майору В.О. Трофимову о положении дел в населенном пункте, его окрестностях и в своем подразделении. В феврале 1909 года было два случая ушиба казаков лошадей, а две вырвавшиеся лошади поранил друг друга шипами подков. Других происшествий в казачьем взводе не было. По состоянию на 20 февраля как лошади, так и казаки были уже здоровы. К этому времени прошло три партии политических ссыльных, которых сопровождали не только солдаты стрелковых полков, но и казаки третьего взвода казачьей сотни [6, л. 58, 58 об.]. В своем рапорте казачий офицер поднял вопрос питания ссыльных: «Кормовые деньги арестантам выделяются лишь до с. Рыбного. При отправлении партии ссыльных сельские власти не знают, как удовлетворить арестантов – так как не имеют на это специального отпуска, да и вообще не имеют наличных сумм...» [6, л. 58 об.].

14 марта 1909 года командир 3-го взвода Красноярской отдельной казачьей сотни сотник фон Польман докладывал генерал-майору Трофимову: «за истекшую неделю во вверенном мне взводе и в районе села Рыбное никаких происшествий не случилось. Люди и лошади здоровы. Занятия ведутся регулярно, согласно наставления для ведения занятий в кавалерии» [6, л. 184].

Спустя десять дней сотник уже сообщал, что из-за «крайне плохих климатических условий Приангарского края среди населения часты случаи заболевания инфлюэнцей, принявший эпидемический характер» [6, л. 292]. Семь казаков заболели, все медицинские средства были израсходованы, поэтому командир взвода просил о скорейшей высылке лекарств. Среди других проблем, офицер поднял вопрос обеспечения лошадей кормами, которые закупались на месте. Из-за дороговизны фуража, пришлось переплачивать, не выдерживая справочных цен, установленных интендантской службой. Так же за три месяца были большие канцелярские расходы: свыше 75 исходящих бумаг и около 45 – входящих. Такие затраты Красноярская отдельная казачья сотня покрыть не могла. На свои личные деньги сотник фон Польман оборудовал приборы для обучения казаков, делал гимнастические снаряды, приобретал хозяйственный инвентарь, довольствие всем этим не предусматривалось руководящими документами. Он просил временного генерал-губернатора Туруханского края эти расходы компенсировать, так как они «были произведены согласно словесного разрешения Вашего превосходительства» [6, л. 294 об.].

Таким образом, туруханские казаки оказали сопротивление бунтовщикам, несмотря на то, что не имели необходимого количества людей и достаточного вооружения. При этом некоторые из них были ранены или убиты. Расквартированные в селе Рыбное, казаки 3-го взвода Красноярской отдельной казачьей сотни конвоировали ссыльных, помогали полицейским, несли охранную и другую службу, направленную на поддержание государственного порядка.

Список литературы

1. Кудряшов В.В. "Туруханский бунт" на страницах журнала "Сибирские вопросы" и в оценках современных исследователей // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2020. № 3 (41). С. 90-94.
2. Карчаева Т.Г., Гергилев Д.Н., Суржко А.В. Причины, ход и итоги "Туруханского бунта" 1908-1909 гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. С. 94-98.
3. Бакшт Д.А. "ТУРУХАНСКИЙ бунт" 1908-1909 гг. и его влияние на перенос административного центра Туруханского края // Енисейский Север: история и современность : сборник научных трудов. Том Выпуск 2. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2016. С. 48-69.
4. Российский государственный военно-исторический архива. Ф. 1468. Оп. 2. Д. 538.
5. Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. 860. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАКК. Ф. 860. Оп. 1. Д. 2.

ХАКАССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

*Романов Алексей Александрович, ассистент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
Raar99@yandex.ru*

Отличительной чертой Сибири как окраины России является разнообразный, но малочисленный этнический состав. Численность коренных сибирских народов уступает русскому населению на территории за Уралом. Данная тенденция существовала и во времена Российской империи, что выделяло национальный вопрос в отношении с сибирскими коренными народами в сравнении с другими национальными окраинами, где в отличие от Сибири, коренное население количественно преобладало над русским. В качестве примера можно выделить Прибалтику, Закавказье, Финляндию и другие территории, где остро стоял вопрос в отношении с местным населением.

С ослаблением государственной власти на вышеперечисленных территориях, в ходе революционных событий, а в дальнейшем и гражданской войны в России, национальный вопрос резко обострился и перерос в проявления сепаратизма и национализма, нередко перераставшим в массовое насилие над русским населением, которое было в меньшинстве. Финальной стадией национального вопроса на окраинах бывшей Российской империи стоит считать образование ряда новых государств – стран Прибалтики, Финляндии, а также Польши, которая де-факто не контролировалась Российской империей с 1915 года. Отличительной чертой новообразованных стран стала моноэтничность – коренное население в них являлось преобладающим.

В Сибири, с падением власти Романовых, национальный вопрос также обострился, однако в отличие от национальных окраин в европейской части страны, межнациональные отношения на территории Сибири имели принципиально иной характер, а политические требования представителей местной национальной элиты отличались от таковых в западных национальных окраинах.

Ключевые слова: национальный вопрос, гражданская война, хакасы.

KHAKASS NATIONAL QUESTION IN THE YEARS OF THE RUSSIAN CIVIL WAR

*Romanov Aleksey Alexandrovich
Assistant, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Raar99@yandex.ru*

A distinctive feature of Siberia as a periphery of Russia is its diverse but small ethnic composition. The number of indigenous Siberian peoples is many times inferior to the Russian population in the territory beyond the Urals. This trend existed during the Russian Empire, which made the national question in relation to the Siberian indigenous peoples stand out in comparison with other national peripheries, where, unlike Siberia, the indigenous population quantitatively prevailed over the Russian population. The Baltic States, Transcaucasia, Finland and other territories, where the issue of relations with the local population was acute, can be singled out as an example.

With the weakening of state power in the above-mentioned territories, during the revolutionary events and later the Russian Civil War, the national question sharply aggravated and grew into manifestations of separatism and nationalism, often escalating into mass violence against the Russian population, which was in the minority. The final stage of the national question on the outskirts of the former Russian Empire should be considered the formation of a number of new states - the Baltic States, Finland, as well as Poland, which had not been de facto controlled by the Russian Empire since 1915. The distinctive feature of the newly formed countries was their mono-ethnicity - the indigenous population was predominant.

In Siberia, with the fall of the Romanovs' power, the national question was also aggravated, but unlike the national peripheries in the European part of the country, interethnic relations in Siberia had a fundamentally different character, and the political demands of representatives of the local national elite differed from those in the western national peripheries.

Key words: national question, civil war, Khakasses.

В качестве примера обострения межнациональных отношений в революционное время можно привести ситуацию на территории современной Хакасии. Среди хакасов в конце XIX – начале XX века существовала сильная стратификация общества по имущественному признаку.

Несмотря на преобладание феодального уклада жизни, среди хакасского этноса встречались как представители интеллигенции, так и представители рабочего класса. Встречались также и деятели, выражавшие националистические взгляды. Идеологом хакасского национального движения в годы революций и гражданской войны являлся известный этнограф С. Д. Майнагашев, писавший в своем «Послании к хакасскому народу» о том, что в Российской империи хакасы были лишены малейшего права на национальное самоопределение [1]. По своим взглядам, однако, С. Д. Майнагашев не являлся сепаратистом. Ученый не пропагандировал отделение хакасского народа от России, а лишь сетовал на притеснение хакасского языка и культуры в царской России.

Однако, не смотря на национальное притеснение, которое присутствовало, по словам С. Д. Майнагашева, на территории Минусинского уезда процветало байство. Баи – богатые хакасские скотоводы, которые в эпоху развития капиталистических отношений смогли интегрировать в них свои отары овец и другого скота и обзавестись капиталом, который позволил байству стать одним из самых влиятельных классов Минусинского уезда. Е. В. Самрина в своей статье рассматривает байство как национальную интеллигенцию и элиту, отстаивающую национальную идентичность хакасов [2].

Баи являлись не слишком многочисленным слоем хакасского населения Минусинского уезда, подобно классическим кулакам в русском крестьянстве, богатые скотоводы обладали довольно крупными средствами. Среди баев существовала круговая порука, которая, вкупе с компактным расселением, делала баев обособленной и автономной частью общества. Сосредоточение крупных стад крупного рогатого скота и сельско-хозяйственных угодий у одной части населения одновременно с нищетой большинства привели к классовым конфликтам, вспыхнувшим во время гражданской войны [3].

Хакасская национальная интеллигенция по своим идеям была близка к идеям эсеров, выступая за решение накопившихся социальных противоречий, в том числе проблемы с байством, не таким радикальным путем, за который агитировали большевики. Бедное же хакасское население с февраля 1917 года также начало политизироваться – многих привлекали идеи большевиков о справедливом перераспределении частной собственности. Поэтому, много этнических хакасов состояло в большевистских органах власти, а именно в Минусинском совете рабочих и солдатских депутатов [4].

Таким образом, хакасское население было неоднородно как в социальном плане, так и в своих политических воззрениях. Если бедные слои хакасского народа поддерживали идеи большевиков, которые обещали им национальное и социальное равноправие, то богатые хакасы – баи, оппозиционно относились к идеям уничтожения частной собственности, поэтому они и были лояльны к оппозиционным, по отношению к большевикам, силам.

Неоднородным также являлось и хакасское национальное движение. Представители местной интеллигенции стремились к тому, чтобы хакасы получили политические права, а также в полной мере могли пользоваться родным языком и развивать свою культуру. Также одной из ключевых идей являлось выделение этнических хакасских территорий в единую административную единицу, что позже было реализовано большевиками.

Другого вектора в национальном движении придерживались баи. Являясь зажиточным слоем хакасского населения, они являлись эксплуататорами в понимании советской власти, что грозило иметь негативные для баев последствия в случае победы большевиков. Осознавая данный факт, баи начали сотрудничество с белым движением, отстаивая, в первую очередь, свои имущественные интересы. После окончания гражданской войны и установления советской власти на территории Минусинского уезда, бывшие баи стали центром объединения всего контрреволюционного движения на территории современной Хакасии. Зажиточные хакасы, опасаясь преследования со стороны советской власти, объединялись в вооруженные банды, к которым примыкали и другие недовольные новым политическим режимом слои населения, будь то русские зажиточные крестьяне или бывшие белогвардейцы. Активность данных бандформирований продолжалась до 1920-х годов, а именно до начала проведения НЭПа [5].

Таким образом, можно констатировать факт, что как и в западных частях бывшей Российской империи, на территории современной Хакасии обострился национальный вопрос. Однако отличительными особенностями хакасского национального движения являлись: отсутствие сепаратистских настроений, четкая дифференциация по имущественному признаку, а также тесное взаимодействие с противоборствующими сторонами гражданской войны.

Богатые слои населения – баи, будучи заинтересованы в сохранении своего материального положения и сословных привилегий, сотрудничали с антибольшевистскими силами. С Омским правительством сотрудничали также некоторые представители интеллигенции, рассчитывая на предоставление хакасам равных прав с русским населением. Бедные слои населения, в свою очередь, активно шли на сотрудничество с большевиками, в расчете на то, что помимо национальных проблем будут разрешены и социальные. В целом, в отличие от национализма на западе страны, хакасское национальное движение, какой бы оно не было направленности, не являлось антирусским и тесно с русскими взаимодействовало.

Список литературы

1. Иногородцам Минусинского и Ачинского уездов // Свобода и труд. 20 апреля 1917 г.
2. Самрина Е. В. Хозяйственная и предпринимательская деятельность хакасских баев в XIX веке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 9. С. 41-46.
3. Шекшеев А. П. Аборигены Саяно-Алтая и власть: обострение отношений // Вестник Хакасского государственного педагогического университета. 2016. № 1. С. 120-123
4. Сагалаков Э. А. Социально-политическое развитие Минусинского уезда в 1917 году // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2016. № 2. С. 10-11.
5. Шекшеев А. П. Национальное движение хакасов в 1917-1930 годы: основные формы и содержание // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2013. № 1. С. 19.

УДК 621.3.04

СТРАТЕГИЯ П. А. СТОЛЫПИНА ЗАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*Тихоньких Виктор Петрович
старший преподаватель*

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия
victor.tikhonkikh@mail.ru*

В статье раскрываются основные направления деятельности Столыпина П. А. по организации заселения Дальнего востока. Опыт осуществления переселенческой политики на Дальнем Востоке в этот период весьма важен в том смысле, что он базируется на основе промышленного развития края.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, геополитика, стратегия, иностранная экспансия, Амурская железная дорога.

P. A. STOLYPIN'S STRATEGY OF SETTLING THE FAR EAST

*Tikhonkikh Viktor Petrovich
senior lecturer*

*Khakass State University named after N. F. Katanov. G. Abakan. Russia
victor.tikhonkikh@mail.ru*

The article reveals the main activities of Stolypin P. A. on the organization of settlement of the Far East. The experience of implementing resettlement policy in the Far East during this period is very important in the sense that it is based on the industrial development of the region.

Keywords: Russia, Far East, geopolitics, strategy, foreign expansion, Amur Railway.

П. А. Столыпин понимал, что внешняя опасность для России в начале XX века на Дальнем Востоке после русско-японской войны 1904-1905гг, неудачной для России, возросла. Выступая 31 марта 1908 г. в Государственной думе он особое внимание обращает на сложное и опасное геополитическое положение России на Дальнем Востоке: «...мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке... при наличии государства, густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец, если раньше не придет туда русский, и это просачивание, господа, оно уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и, когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию» [1, с.

160-168]. П.А. Столыпин подходит к вопросу заселения Приамурья со стратегической, общегосударственной и политической точки зрения. И считает, что оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности.

Особенностью политики П.А. Столыпина по заселению Приамурья являлось то, что заселение должно было опираться на прочную экономическую базу, созданную на месте. Такую базу могла обеспечить инфраструктура Амурской железной дороги [2, с.326]. При ее строительстве использовались бы капиталы, которые тратились на КВЖД в Маньчжурии [3, с.8]. Дальний Восток в составе России был нужен в качестве не только региона, обеспечивающего военно-стратегические интересы России на Тихом океане, но и как органическая часть национальной экономики. Железная дорога рассматривалась как база заселения всего Дальнего Востока России русским населением.

Для общего руководства деятельностью по колонизации Приамурского края по инициативе П.А. Столыпина и под его председательством в 1909 г. был создан специальный Комитет по заселению Дальнего Востока. Переселенческое управление передавалось из МВД в комитет и в землеустроительные партии Департамента государственных земельных имуществ и гидротехнических отрядов Отдела земельных улучшений [4, с.27]. Таким образом, ликвидировалось разделение и дублирование полномочий, характерное для переселенческого дела предыдущих десятилетий. В сферу деятельности комитета, помимо прочего, должно было войти общее руководство переселенческими делами и составление соответствующих сметных предположений. Переселенческому управлению было поручено разработать предположения об объединении функций заведования переселенческим делом на местах. На восточных окраинах создавались специальные переселенческие районы и подрайоны, во главе которых из состава опытных работников назначались заведующие землеустройством и переселением. В круг их обязанностей входили: землеустроительные, землеотводные, гидротехнические и дорожные работы, руководство церковно-школьным строительством, проведение научных и геологических исследований, устройство переселенцев и оказание им хозяйственной, медицинской и иной помощи. Всего было образовано 13 переселенческих районов. В том числе Амурский и Приморский. Для переселенцев на Дальний Восток были выделены специальные маршруты по железным дорогам Европейской России, по Забайкальской железной дороге, а также использовалась и Восточно-Китайская железная дорога [5, с.4].

В результате образования Комитета по заселению Дальнего Востока центр руководства был сосредоточен в Совете министров. Комитет был призван возглавлять и координировать деятельность правительственных учреждений всех уровней по экономическому, промышленному, транспортному и торговому развитию Приамурья, содействовать работе органов местного управления Дальнего Востока в организации переселения из Европейской России [6, с.10].

Без изучения потенциальных ресурсов Дальнего Востока колонизация края была бы затруднена или совсем невозможна. Потому решением Совета министров, утвержденного императором 27 октября 1909 г., была создана Амурская экспедиция, на которую «возложено колонизационное обследование района Амурской железной дороги и изыскание мер к его заселению» [7, с. 1-7]. Экспедиция была привязана к Управлению по строительству Амурской железной дороги и предназначалась оказывать помощь в ее строительстве, но в итоге стала сложным исследовательским мероприятием, по сути, предоставившим рабочий материал для действий правительственного Комитета. На экспедицию П. А. Столыпин возложил глобальные научные задачи: изучение местности, прилегающей к линии постройки Амурской железной дороги до 50 верст в каждую сторону от железнодорожной нитки; возлагалась обязанность разработки проектов развития придорожной инфраструктуры. Экспедиция должна была заняться организацией почтового и телеграфного сообщения между крупными поселениями вдоль линии строящейся железной дороги.

Руководителем Амурской экспедиции был назначен известный государственный деятель и исследователь Дальнего Востока Н.Л. Гондатти. Он получил обширные полномочия и мог действовать независимо от Приамурского генерал-губернатора, а в конце января 1911 г. сам был назначен на пост генерал-губернатора Приамурья. Экспедиция на основе всестороннего обследования должна была дать обстоятельные рекомендации по развитию российского Дальнего Востока. На обеспечение ее работы было выделено 200 тыс. руб. [8, с.38]. К деятельности Экспедиции привлекались уполномоченные от всех ведомств, соприкасавшихся с заселением Дальнего Востока.

Одним из важнейших вопросов в заселении стал «желтый вопрос», активное проникновение на русский Дальний Восток китайцев, корейцев и даже японцев. От решения «желтого вопроса» во многом зависела перспектива освоения Россией дальневосточного фронта. В определенной мере, «желтый вопрос» в Приамурье, был спровоцирован самой Россией, вернее спецификой присоединения этих территорий к империи. Китайское переселение на амурские земли усилилось, как это ни па-

радоксально, с ростом на Дальнем Востоке численности русского населения. Освоение Приамурья и Приморья, строительство городов, развитие промышленности, строительство дорог и военных объектов - все это потребовало большого количества рабочих рук. Русских рабочих рук не хватало. И эти дешевые рабочие руки нашлись в Китае и Корее, откуда движимые поиском дополнительных заработков потянулись мигранты. К тому же, само китайское правительство начинает понимать важность создания барьера из китайского земледельческого населения против экспансии со стороны России путем заселения Северной Маньчжурии. Именно действия России сделали земли Приамурья и Приморья привлекательными для заселения китайцами. Приток китайских мигрантов постоянно усиливался. Хотя это были в основном сезонные рабочие, большинство из которых возвращались на родину, но значительная их часть оставалась в России. Ситуация осложнялась тем, что местные власти не смогли наладить контроль за китайскими общинами и организовать учет их численности. При этом расширение масштабов освоения дальневосточных природных ресурсов и экономического развития спрос на дешевый китайский труд продолжал расти.

Проникновение иностранцев на Амур стимулировало процесс привлечения русских переселенцев, выходцев из Европейской России. На Амуре оставались и строители железной дороги. Заселяя край, они создавали прочную основу превращения Дальнего Востока во «внутреннюю окраину» Российской империи.

Опасения увеличения численности иностранцев на Дальнем Востоке не были чужды и для П. А. Столыпина. Он считал особенно важным при строительстве дороги отказаться от практики привлечения иностранной рабочей силы: «...Амурская железная дорога должна строиться русскими руками, ее должны построить русские пионеры... эти русские пионеры построят дорогу, они осядут вокруг этой дороги, они вдвинутся в край и вдвинут вместе с тем туда и Россию» [1, с.127].

В 1909 г. Совет министров запретил наем иностранцев на строительство военных объектов, а также доступ в районы, где располагались объекты военного и морского ведомств [9, с.136]. Приток иностранцев на русский Дальний Восток регулировал иммиграционный закон от 21 июня 1910 г., который облагал их особым сбором и ограничивал наем иностранных рабочих на золотые прииски, а также ограничивал аренду иностранцами казенных земель. Тем не менее, это не остановило притока мигрантов из Китая и Кореи. Существующие меры ограничения иностранной миграции остановить китайскую миграцию не могли, и по настоянию Приамурской администрации МВД России подготовило к 1912 г. новый проект иммиграционного закона об иностранной миграции на Дальний Восток. Закон предусматривал ужесточение мер контроля процесса иностранной миграции [10, с.7-16].

Противостояние потоку иностранцев на Дальний Восток требовало не только создание из русских переселенцев колонии, способную вынести экономическую борьбу с иностранными государствами, но и способную обеспечить культурное первенство, т. е. этот край должен был стать ментально русским. П.А. Столыпин говорил, что русская культурная работа на Дальнем Востоке является нашей исторической миссией [1, с.121]. Железные дороги, в том числе Амурская, должны были способствовать не только экономическому развитию России как единой территории, но и сделать ее единой по культурному развитию. Соратник П. А. Столыпина, А. В. Кривошеин также утверждал, что территория к востоку от Урала должна превратиться «в органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре Великой России» [11, с.131].

Наряду с притоком иностранцев, строительство железной дороги способствовало преимущественному росту числа русского населения. С 1907 г. по 1914 г. на Дальний Восток переехало 262192 человек, в том числе в Амурскую область прибыло 94444 человек, а в Приморскую – 167748 человек [6, с.11]. Темпы роста численности русского населения на Дальнем Востоке в 1906–1913 гг. составили 10,2% в год (60,2 тыс. человек). Общая численность населения русского Дальнего Востока накануне Первой мировой войны достигла 987,4 тыс. чел: в Амурской области – 323,3 тысяч, в Приморском крае – 619,2 тысяч, Камчатской области – 34,5 тысяч, Сахалинской – 10,4 тысяч человек. При этом процент русского населения постоянно возрастал. Если в 1906 г. русские составляли в крае 75,98%, то в 1914 г. 81,88%. [12, с.153].

Росту численности русского населения способствовало то, что Дальний Восток смог достичь самостоятельного продовольственного обеспечения. Вначале же освоения считалось, что Приамурье не в состоянии прожить без маньчжурского хлеба. Процессу роста русского населения способствовало относительно быстрое развитие промышленности региона, которое обгоняло развитие ряда других регионов России. На русском Дальнем Востоке появилась промышленность и новые города. Построены крепости, порты, промышленные предприятия, железнодорожные станции с их инфраструктурой, выросла численность войск, дислоцированных в крае, усложнилась административная система.

Примечательно, что в 1913 г. удельный вес валовой продукции промышленности Дальнего Востока составлял 46%, в то время как в целом по России - 38%. В 1913 г. на Дальнем Востоке было добыто 1,8 млн. пудов железной руды и 1,6 млн. пудов цинковой руды, 0,8 млн. пудов медной руды [13, с.249-259]. Кроме железной дороги особое внимание уделялось строительству иных дорог. Построены Амурская колесная (1909 г.) - грунтовая дорога. Протяженность грунтовых дорог в 1914 г. составила почти 5 тыс. верст. В 1916 г. было завершено строительство Амурской железной дороги соединившей Приамурье с Приморьем. Протяженность железных дорог на Дальнем Востоке выросла с 1910 верст в 1900 г. до 4580 верст в 1916 г. [13, с.309-314].

Экономическое развитие и рост народонаселения Дальнего Востока создали солидный запас его геополитической прочности, что позволило российскому Дальнему Востоку пережить испытания революцией, гражданской войной и интервенцией и сохраниться в составе единого Российского государства. Революции, гражданская война и интервенция, подтвердили историческую правоту П. А. Столыпина, убедительно показали, что без железнодорожной сети в Сибири и на Дальнем Востоке Россия могла бы не удержать свой дальневосточный край.

Список литературы

1. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия... Полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете 1906-1911. М.: Молодая гвардия, 1991. 411 с.
2. Сидоровин Г.П. П.А. Столыпин: Жизнь за Отечество: Жизнеописание (1862–1911). М.: Поколение, 2007. 713 с.
3. Беляева Н.А. Дискуссия о судьбе приамурского портофранко (1901-1905) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. С. 5-10.
4. Сборник узаконений и распоряжений о водворении переселенцев и образовании переселенческих участков. СПб., 1907. 181 с.
5. Флекор Д. Переселенческое дело Сибири // Историко-краеведческий журнал. №7. 2019. С.3-16.
6. Шиндялова И.П. Переселенческая политика П.А. Столыпина и ее роль в формировании населения Дальневосточного региона. // Аграрное развитие Дальнего Востока: история и современность. Благовещенск: Изд-во ДальГАУ, 2008. С. 7-11.
7. Гондатти Н.Л. Предисловие // Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 12. СПб, 1913. 719с.
8. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. 208 с.
9. Особый журнал Совета министров // Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 г. М., 2000. 599 с.
10. Терехов А. М., Синиченко В.В. Влияние иностранной миграции на жизнедеятельность Восточной Сибири и русского Дальнего Востока (1856–1917 гг.). Иркутск, 2003. 44 с.
11. Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М: Московский рабочий, 1993. 261с.
12. Дусинский И. И. Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики // «Русская Речь». Т.1. 1908. 539 с.
13. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII - начале XX вв. (1640-1917). М.: Наука, 1985. 260 с.
14. Петров А.А. Общие предпосылки капитального строительства промышленности на 10-летие 1926-1936 гг. // История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. - февр. 1917 г.). М.: Наука, 1991. 469 с.
15. Куртеев К.К. Экономическая проблема Приамурья. Владивосток: Свободная Россия, 1921. 16 с.

СИБИРСКИЕ ОБЛАСТНИКИ В БОРЬБЕ ЗА ЗЕМСТВА В 1905–1920 ГОДАХ

Тихоньких Виктор Петрович
старший преподаватель
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия
victor.tikhonkikh@mail.ru

В статье рассматриваются основные направления земской деятельности областников в период революций 1905-1907 годов и 1917 г. Поддерживая земство и стремясь в них войти областники, надеялись, используя влияние земств, реализовать свои планы достижения автономии Сибири и достижения политической власти.

Ключевые слова: областничество, либералы, земство, Сибирь, автономия, политическая власть.

SIBERIAN OBLASTS IN THE STRUGGLE FOR ZEMSTVOS IN 1905-1920

Tikhonkikh Viktor Petrovich
senior lecturer
Khakass State University named after N. F. Katanov. G. Abakan. Russia
victor.tikhonkikh@mail.ru

The article examines the main directions of the zemstvo activity of the oblasts during the revolutions of 1905-1907 and 1917. Supporting the zemstvo and striving to enter them, the oblasts hoped, using the influence of the zemstvos, to realize their plans to achieve the autonomy of Siberia and achieve political power.

Key words: oblastnichestvo, liberals, zemstvo, Siberia, autonomy, political power.

Революция, начавшаяся в 1905 г., усилила надежду сибирских автономистов перейти от теоретической работы по вопросу о земствах к практике установления земства в регионе. Особое место в активизации решения земской проблемы принадлежит рескрипту Николая II от 3 апреля 1905 г. генерал-губернатору Восточной Сибири графу Кутайсову П. И. с поручением разработать проект введения земства на восточных окраинах империи [1, с.38].

3 мая 1905 г. Иркутский генерал-губернатор через «Иркутские губернские ведомости» обратился к населению с предложением высказать свое мнение по вопросам, связанным с проведением земской реформы согласно рескрипту Николая II. В основе реформы должно было лежать положение 1864 г., видоизмененное применительно к местным условиям. Однако накал революционных событий и опасения сепаратистских настроений в Сибири вынудило снять земский вопрос с обсуждения [2, с.24-25].

Но вопреки официальному курсу областники вели активную работу по организации земского самоуправления в крае. Потанин Г. Н., Витте А. В., Вологодский П. В., Малиновский И. А. и Вознесенский М. Н. возглавлявшие юридическое общество Томского университета разработали и предложили «Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири [3, с.23].

В апреле 1905 г. проект был рассмотрен на совместном заседании общественных организаций города Томска, где возникли разногласия относительно общего земского органа для всей Сибири, предложенного организацией юристов. В пункте проекта об общем органе земства для Сибири прослеживалась идея ее автономии, на что государство, по справедливому мнению части представителей общественных организаций, пойти не могло. Именно возможность отклонения властью данного проекта стало причиной разногласий. Однако лидер областников Потанин Г. Н. благодаря своему авторитету среди интеллигенции Томска смог отстоять этот пункт [4, с. 116, 122].

На согласительном объединенном совете 5 мая 1905 г. проект был утвержден окончательно под названием «Проект основных положений Сибирского областного союза» и опубликован в либеральном периодическом издании «Право». Основным в этом документе стало положение о Сибири как обособленной от Европейской России области. Из этого делается вывод о необходимости установления органа общего, областного (регионального), земского самоуправления с широкими правами. Документ с некоторыми доработками был утвержден в качестве «Основных положений Сибир-

ского областного союза» на его съезде 28–29 августа 1905 в Томске [5, с. 2332-2333]. В проекте декларировалась не приемлемая для власти необходимость ликвидации самодержавного режима и превращение Государственной думы во Всероссийское Учредительное собрание. Это уже выходило за рамки не только региональных задач самоуправления, но и всероссийских. Фактически был предложен проект изменения государственного строя страны [6, с. 51].

Проект отразил интересы сибирских областников, которые совпадали с интересами других либеральных партий, и с которыми они готовы были заключить союз. Здесь прослеживается попытка реализовать установку Потанина Г.Н.: «Областничество не партия, а союз партий. Как вопрос о переустройстве всего государства примиряет все партии в государстве, так при обсуждении судеб области все партии должны объединиться» [7]. Однако радикальные партии, в частности большевики, были против такого союза.

После принятия проекта, Вознесенским М. Н. и Крутовским Вл. М. впервые было заявлено о необходимости создания Сибирской областной Думы [8]. Основная цель областной думы виделась ими «в выяснении конфликтов с государством и в открытии способов к их устранению. Областная интеллигенция должна выработать достойный язык для разговора с центром, язык, который внушал бы уважение к областному представительству» [9, с.152-160]. Идея получила поддержку Потанина Г.Н.

Политическая ситуация в стране и демократизация избирательной системы позволили областникам получить во II Государственной Думе несколько депутатских мест и войти сибирскую парламентскую группу Думы. Которая была создана по инициативе областника Макушина А. И., депутата II Государственной думы. 24 марта 1907 г. был утвержден устав Сибирской парламентской группы, объединившей 23 депутата от Сибири и Дальнего Востока. В группу вошли практически все депутаты политических фракций от Сибири и Дальнего Востока, кроме социал-демократов. Сибирская группа добивалась введения в Сибири земских учреждений и расширения представительства края в Государственной Думе [10].

Сибирская парламентская группа настаивала на реализации проекта Вознесенского М. Н. и Крутовского Вл. М. Одним из обоснований создания Сибирской областной думы стала идея, в своей основе верная, что Государственная дума России не сможет эффективно решать насущные проблемы Сибири. [11, с.39-40]. Но после поражения революции 1905-1907 годов вопрос о Сибирской областной думе в сибирской группе депутатов больше не обсуждался. Депутаты сибирской группы III Государственной Думы основные усилия сосредоточили на проблеме введения земства в регионе, продолжая разрабатывать законопроекты его введения.

Следует отметить, что целенаправленная разработка земской идеи привела к тому, что безоговорочно отрицательное отношение правительства к распространению земства на Сибирь было поколеблено. Министр внутренних дел Макаров А. А. в 1912 г. допустил возможность создания земств в Томской и Тобольской губерниях. Другим важным результатом работы областников и сибирских либералов стало закрепление в сибирском общественном сознании мысли о жизненном значении земства для Сибири. Правда, это касалось, прежде всего, либеральной части общества и почти не затронуло крестьянское население. 30 января 1912 г. Государственная Дума утверждает законопроект о введении земства в Сибири [12, с.20-89]. Однако попытка принятия закона провалилась. Законопроект, одобренный III Государственной думой 5 мая 1912 г., Государственным советом практически без обсуждения, его рассмотрение продолжалось лишь пять минут, отклоняется [13]. По некоторым источникам причиной отклонения стал сословный принцип структуры земств. Газета Новая Сибирь писала: «Частного поместного землевладения в Восточной Сибири нет. Значит и земского самоуправления Государственный Совет восточносибирским губерниям не даст – не даст даже в тех урезанных формах, которые установлены положением 1890 г.» [14].

Мировая война, начавшаяся в 1914 г., стимулировала процесс введения земства в Сибири. Дело в том, что Военно-промышленные комитеты, созданные по всей стране, в том числе и в Сибири, видели в земстве органы способные оказать серьезную помощь фронту. В марте 1916 г., уже во время работы IV Думы сибирская парламентская группа снова подняла вопрос о введении земства в Сибири. Она собрала под законодательным предложением 72 подписи, но каких-либо практических шагов по обсуждению проекта Дума не успела предпринять. 17 июня 1917 г. Временное правительство принимает «Положение о введении земства в Сибири» [15, с.32]. В результате реализации данного Положения в Сибири должно было появиться 10 губернских земств и 44 уездных. Веселовский Б.Б., готовивший эту реформу, писал по окончании работы: «С помощью земского и городского самоуправления Россия должна вступить в ряды культурных стран, должна прочно закрепить добытую

революцией свободу и помочь населению оправиться от разрушений и бедствий, причиненных народному благосостоянию мировой войной» [16].

Организация земских учреждений по новым законам Временного правительства в уездах возлагалась или на специально созданные для введения земств комитеты, или на уже существующие местные исполнительные органы и на революционные комитеты различных партий. В частности, в Енисейской губернии губернским комиссаром распоряжения по введению земства были возложены на временные уездные земские управы и на объединенный совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в Ачинском, Енисейском, Минусинском и Канском уездах и в Красноярском крае. В компетенцию земств вошли заведование земскими повинностями и имуществами, продовольственным делом, обустройство и строительство дорог, земских почт, телефонизация, развитие пароходства, здравоохранение, ветеринария, развитие народного образования, охрана исторических памятников, создание музеев. Земства могли заниматься книгоиздательством. В ведение земских учреждений передавались милиция, оказание юридической помощи населению, статистика, мероприятия по охране труда и организация бирж труда, устройство переселенческих пунктов.

Решением Чрезвычайного сибирского областного съезда, проходившего в Томске 6–15 декабря 1917 г. была создана Сибирская областная дума. Заметное место в создании Сибирской областной думы принадлежало Потанину Г. Н., который возглавил подготовку к ее созыву. Он также возглавил и избранный Чрезвычайным сибирским областным съездом Временный сибирский областной совет. В состав совета помимо Потанина Г. Н. вошли Дербер П.Я., Шатилов М.Б., Новоселов А.Е. Патушинский Г.Б., Ермаков А.А., Сулим Д.Г. и Захаров Е.В. [17, с.142–143].

В противовес Сибирской областной думе Исполком Томского совета рабочих и солдатских депутатов 6 декабря 1917 г. заявил, что он является высшим органом власти в Томске, и приступил к распространению своей власти не только в городе, но и в губернии. В ответ 20 декабря Временный сибирский областной совет обратился с воззванием «К народам Сибири», в котором призвал к осуществлению автономии Сибири, прекращению гражданской войны, объединению сил для защиты социалистической сибирской власти, к борьбе за Всесибирское учредительное собрание. В качестве первоочередной задачи совет назвал созыв Сибирской областной думы, которая «в согласии со Всероссийским учредительным собранием примет на себя верховную в Сибири власть» [17, с.142–143].

Депутаты созванной Сибирской областной думы в составе 12 человек, 5 июня 1918 г. собрались на совещание в г. Томске. Дума приняла решение проводить такие совещания регулярной основе и закрепить за ними название «Частное совещание членов Временной Сибирской областной думы». Для руководства совещанием был избран временный президиум во главе с почетным председателем Потаниным Г.Н. [18].

Областники рассчитывали установить свою власть в Сибири с помощью Сибирской областной думы. 28–29 января 1918 г. в Томске нелегально состоялось ее первое заседание. Сибирская областная дума избрала Временное Сибирское правительство, которое возглавил Дербер П. Я. В состав правительства по предложению областников вошли Вологодский П.В., Михайлов И.А, Серебренников И.И., Крутовский Вл.М., Патушинский Г. В. [19]. Временное Сибирское правительство взяло курс на борьбу с советской властью.

В этой связи особое внимание предполагалось уделять политической позиции членов Сибирского областного совета и иных организаций не большевистского толка, профессионализму и личным качествам. Потанин Г. Н. отмечал: «...мы должны строго следить за тем, чтобы в среду нашу не проникли предатели, не проникли люди недостойные, сомнительные» [21, с.19].

4 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство принимает в Омске весьма смелую и вредную «Декларацию о государственной самостоятельности Сибири». Против этой «Декларации» выступили Потанин Г. Н., Адрианов А. В., Попов В. М. объявив об этом 26 октября 1918 в публичном заявлении «О конфликте Сибирской областной думы с Временным Сибирским правительством» [20]. 13 ноября 1918 г. Временное Сибирское правительство вынуждено было отменить свою «Декларацию».

Сибирская Дума в силу своих сепаратистских устремлений, которые не поддерживались большинством политических сил Сибири, не оправдала ожиданий, и осенью 1918 года общественные и политические силы Сибири стали требовать ее роспуска. Даже сами думцы заявляли, что Дума не отражает интересы народа и Сибири. Торговые и промышленные организации, сибирское казачество и ряд социал-демократических партий бойкотировали Думу.

Враждебное отношение к Сибирской Думе, как к главному политическому органу областников, не могло не создавать трудности, с какими сталкивалось сибирское земство. Между областничеством и земством началось открытое противостояние. Вопрос о выборе политического пути для Си-

бири становился очень остро: «Областное земство или Сибирская автономная федерация». Областники хотели создать пирамиду сибирской законодательной власти по – своему усмотрению, сформировать ее через выборы в губернских земствах. Примером борьбы областников за власть в Сибири с использованием земства служит созданное в 1919 году и просуществовавшее около четырех месяцев Земское Политическое Бюро, организаторами которого стали лидеры сибирского автономизма.

В начале мая 1919 г. опубликована «Декларация сибиряков - областников» Молодых И.А., Головачевым М.П., Новомбергским Н.Я., Козьминым Н.Н. и др. В декларации был поставлен вопрос «о создании сибирского областного управления с законосовещательным органом по местным вопросам» [22]. Дальше публикации дело не пошло.

Политической проблемой областников стало отсутствие единого представления о государственном устройстве Сибири. Нельзя не согласиться с оценкой, которую дал теоретическим взглядам «старым» областникам крупный деятель областничества, представитель его второго поколения Серебренников И.И.: «...Старое областничество, кроме любви к своей родине, нам ничего не оставило, так как оно никогда не предвидело столь быстрого краха самодержавного режима. Все сходится как будто бы на необходимости для Сибири известной автономии, но далее одни вкладывают в это понятие одно содержание, другие - другое [23, 55 -65]. Одни полагают, что автономия Сибири должна быть устроена по централистскому принципу, другие - по федералистскому» [24, с. 330].

Та же проблема была и у областников второго поколения («новых» областников). Часть из них представляли Сибирь как «суверенное государство», другая часть - как «нераздельную часть государства Российского», но с «обособленной политикой». То есть они не могли определиться в том, что взять за основу – автономию, федерацию или конфедерацию, и тем самым вносили путаницу в вопрос социально – политического и административно – государственного устройства Сибири. Причем, между областниками постоянно возникал спор, кому отдать приоритет в управлении Сибирью: сибирскому земскому самоуправлению или Сибирской Областной Думе.

К тому же взгляды областников получили распространение и пользовались популярностью только в узких кругах немногочисленной местной интеллигенции. Самостоятельная политическая позиция областников была весьма шаткой. Они находились в значительной степени под влиянием других политических сил, прежде всего либералов. Это подтверждается отрицанием Потаниным Г. Н. областничества как самостоятельной политической партии [7]. Все кружки областников были малочисленные. На собрании областников в Иркутске, состоявшемся 31 марта 1917 г., почти через месяц после победы Февральской революции, присутствовало всего лишь три человека. По признанию самого Потанина Г.Н. областническая идея «была очень слабо распропагандирована в крае» [25].

Сибирское областничество существовало в виде разрозненных и разнородных в идейном отношении малочисленных кружков городской интеллигенции. В период «смуты» областники не составляли единого движения, хотя его лидеры и стремились к этому. Как политическая сила областники не представляли интереса для широкой сибирской общественности и, тем более, для российской государственной власти. Создать жизнеспособное земство более чем за 50 лет областники не сумели. Несмотря на все старания, сибирское областничество оказалось не готовым к продуктивной работе. После утверждения в Сибири советской власти областники как общественно-политическое явление исчезли с социально-политического поля.

Список литературы

1. Законодательные акты переходного времени 1904-1906 гг.: Сб. законов, манифестов, указов Правительствующего сената, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России. Санкт-Петербург, 1907. 733 с.
2. Воронцова Л. Н. Постановка вопроса о реформе местного управления сибирской администрацией (80-е гг. XIX в. - 1919 г.) // Общественно-политическая жизнь Сибири XX век. Новосибирск, 1994. С.19-26
3. Акерблом С.И. Разработка вопроса о земстве в Сибири со времени Высочайшего рескрипта 3 апреля 1905 г. до конца деятельности II Государственной Думы // Сборник о земстве в Сибири. СПб, 1912. С. 20-89.
4. Из истории земского движения в Сибири // Сибирские вопросы. 1910. № 28-29. С. 119 - 128.
5. Право. 1905. 17 июля. С. 2332-2334.
6. Козьмин Н. Н. Материалы для определения земельных норм скотоводческого населения Минусинского края. Красноярск: «Сибирские записки», 1918. 4 с.
7. Потанин Г. Н. Быть или не быть сибирскому областничеству? // Сибирский вестник. 1905. 28 авг.

8. Вознесенский М. Н. К вопросу о введении земства в Сибири // Сибирский вестник. 1905. 8 мая.
9. Потанин Г. Прекрасный финал // «Сибирские записки». 1917. № 3. С. 152–160.
10. Борзенко, Л. Неудобная Дума // Знамя труда. 2006. 7 апр.
11. Разгон И. М., Мосина И. Г. Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1977. 195 с.
12. Корнилов А. А. Вопрос о земстве в Сибири до Высочайшего рескрипта от 3 апреля 1905 г. // Сборник о земстве в Сибири. СПб, 1912. С. 1-19.
13. Угрюмова М. В. Думские и правительственные проекты 1907 - 1917 гг.: источники по изучению истории реформы земского самоуправления в Сибири. Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета. Нижневартковск, 2011. С. 60 - 70.
14. Новая Сибирь, 1913, 17 янв.
15. Виноградский Н.Н. Земство в Сибири. Пг, 1917. 32 с.
16. Озерных П. О земстве// Народное дело. 1917. № 16-17.
17. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992. Ч. 1–2. 333 с.
18. Голос народа. 7 июня. (Томск). 1918.
19. Вольная Сибирь. 1918. 3 марта.
20. Сибирский вестник. 1918. 26 окт.
21. Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы (июнь - август 1918 г.): сборник документов и материалов. Новосибирск, 2013. 292 с.
22. Сибирская жизнь. 1919. 9 июля.
23. Крутовский Вс. Из истории сибирского областничества // Сибирские записки. Журнал литературный, научный и политический. Красноярск, 1917. № 1. 96 с.
24. Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 1998. 589 с.
25. Потанин Г. По поводу моего отказа от председательствования в Сибирском областном совете // Сибирская жизнь (Томск). 1918. 12 января.

УДК 93/94

ОБРАЩЕНИЯ СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН К ЧИНОВНИКАМ ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ ОБЖАЛОВАНИИ РЕШЕНИЙ УЕЗДНОГО СЪЕЗДА КРЕСТЬЯНСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

*Кононов Андрей Александрович, студент
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия
a.kononov3@g.nsu.ru*

Статья посвящена изучению взаимодействий крестьян с губернскими чиновниками в Сибири. Крестьяне обращались с жалобами на крестьянских начальников в губернское правление. В работе выявлены аргументы, которые использовали крестьяне. Делается вывод, что из массы крестьян выделялись отдельные лица, способные бороться за свои интересы.

Ключевые слова: крестьяне, обжалование, губернское управление, крестьянские начальники, волостной суд

APPEALS OF SIBERIAN PEASANTS TO OFFICIALS OF THE PROVINCIAL ADMINISTRATION
WHEN APPEALING DECISIONS OF THE COUNTY CONGRESS OF PEASANT CHIEFS AT THE
BEGINNING OF THE XX CENTURY

*Kononov Andrey Aleksandrovich
Student, Novosibirsk state university, Novosibirsk, Russia
a.kononov3@g.nsu.ru*

The article is devoted to the study of the interactions of peasants with provincial officials in Siberia. The peasants complained about the peasant chiefs to the provincial government. The paper identifies the arguments that the peasants used. It is concluded that individuals who were able to fight for their interests stood out from the mass of peasants.

Key words: peasants, appeal, provincial administration, peasant chiefs, volost court

Крестьяне редко взаимодействовали с губернской властью. Одним из доступных для крестьян сценариев такого взаимодействия мог быть затянувшийся процесс обжалования решений волостного суда.

Волостной суд – институт местного крестьянского самоуправления, на котором крестьяне разбирали споры и конфликты. В Сибири вышестоящей инстанцией, через которую крестьяне могли обжаловать решения волостного суда, были крестьянские начальники и их уездный съезд. Но в редких случаях решения крестьянских начальников могли не удовлетворить крестьян, в следствии чего они направляли жалобы в Общее присутствие губернского управления.

Общее присутствие губернского управления было высшим государственным органом управления на губернском уровне в Сибири в конце XIX – начале XX вв. Одной из задач губернских чиновников было рассмотрение жалоб крестьян на решения уездных съездов крестьянских начальников.

По закону жалобы на уездный съезд могли быть только кассационными, но на практике крестьяне не соблюдали это ни в названии своего обращения, но в содержании. Также крестьяне хоть и отправляли жалобы в одно и то же ведомство, но часто в качестве адресата писали совершенно разные его названия. Получается, не все крестьяне имели точное представление о губернском уровне управления.

Крестьяне передавали жалобы через уездный съезд крестьянских начальников. Об этом могло быть написано в шапке или в конце прошения, что таковое подаётся через уездный съезд.

Крестьянские жалобы подавались по самым разным тематикам. Обычно крестьяне жаловались в Общее присутствие на то, что съезд утвердил решение волостного суда и лишь в некоторых случаях жалобы подавали истцы с недовольством отмены решения волостного суда уездным съездом.

В оформлении жалоб не было унифицированных правил, поэтому крестьянам был предоставлен простор для творчества. Жалобы обычно содержали предысторию конфликта, происходящее на волостном суде, его решение и пересказ содержания апелляционной жалобы на него, а также решение уездного съезда и чем тот, по их мнению, руководствовался. Многие жалобы по содержанию таковы, что конкретное изложение нарушений работы волостных судей и крестьянских начальников занимало немного места и ограничивалось немногословными комментариями, например, «насматриваю в настоящем деле нарушение» [1, л. 135] и т.п. Но часто тексты жалоб в губернское управление были намного объёмнее жалоб, отправляемых ранее к крестьянским начальникам.

Из такого подхода к написанию жалоб мы можем предположить, что губернская власть представлялась для крестьян самой высокой реальной властью. Такое взаимодействие с властью губернского уровня путём отправки жалоб было для крестьян делом неординарным, ведь крестьяне уже этот уровень власти мифологизировали и приписывали губернатору несуществующие полномочия [2, с. 148].

Для понимания взаимодействия крестьян с губернской властью, стоит рассмотреть временные интервалы, которые затрачивались при затянувшихся процессах обжалования. Так, среднее время между уездным съездом и жалобой на его постановление: 130 дней. Надо учитывать, что до крестьян постановления крестьянских начальников не всегда быстро доставлялось, об этом можно узнать из жалоб: «извещение о состоявшемся определении съезда получено мною только вчера» [1, л. 137], а ведь могло пройти и полгода. Как мы видим, эта длительность могла быть одним из аргументов новых жалоб в губернию.

Жалобы в губернию относительно быстро рассматривались, среднее время между подачей жалобы и датой вынесения решения по ней Общим присутствием было 58 дней, а среднее время между решением Общего присутствия и распиской крестьянина в получении этого решения 40 дней.

Стоит отметить, что спорные крестьянские дела, которые доходили до губернского уровня, касались более крупных сумм взысканий, средняя сумма 45 рублей. Также крестьяне, подававшие жалобы в губернию, чаще являлись на разбор уездного съезда, чем другие жалобщики на волостной суд. Получается, кассационные жалобы на съезд подавали более настойчивые и заинтересованные в личной для них справедливости люди.

Во многих жалобах крестьяне писали про показания свидетелей, что показывает их важность для волостного судопроизводства. В качестве одного из аргументов своих жалоб крестьяне писали, что принятое судебное решение противоречит свидетельским показаниям. Например, по одному делу вызвало недовольство то, что верные свидетельства были записаны в протокол книги решений волостного суда, но уездный съезд, вопреки этим показаниям, определил отменить судебное решение [3, л. 273]. В другой жалобе крестьянин сообщил, что волостной пиарь просто не вписал с подробностями показание свидетеля в книгу, а оттого съезд ошибочно решил неправильно – отменил решение волостного суда [1, л. 122 об.]. Также крестьяне обращали внимание губернских чиновников Общего присутствия про то, что съезд ничего не сделал с неприятием волостным судом показаний некото-

рых свидетелей. Крестьяне могли писать в жалобах о неверности показаний свидетеля из-за личных конфликтов или про обман со стороны свидетелей.

Многие жалобы сводились к ошибочным действиям волостного суда и уездного съезда. Например, о том, что: «уездный съезд при рассмотрении дела совершенно не рассмотрел указанные мною обстоятельства обжалования» [3, л. 205] или о том, что: «съезду неизвестно все обстоятельства дел что творится на месте, законно или незаконно жалобы соблюдались» [1, л. 237 об.].

Крестьяне обычно не приводили конкретные законы. Примером употребления слова закон можно встретить в жалобе на то, что суд отказал в допросе свидетелей: «хотя по закону я не должен был лишён этого права» [1, л. 184]. Хоть жалобы и должны были быть кассационными, но формулировки нарушений процедуры съезда или противоречие законным требованиям встречаются не часто. Например, распространены подобные формулировки: «Насматривая в настоящем деле нарушение существенных требований закона, я покорнейше прошу Общее Присутствие Томского Губ. Управления решение Вол. Суда отменить» [1, л. 135]. Крестьяне по несколько раз в жалобах упоминали, что постановление чиновников вынесено с нарушением закона, но, как правило, без ссылок на законодательство.

Однако иногда подобные формулировки всё же могли содержать статьи закона. Например, в одной жалобе крестьянин сообщал: «решение я нахожу постановленным с явным нарушением подсудности дела этого рода. Дела этого рода – кража с ценой похищенного в 50 р. на основании ст.79 приложения в 164 ст. Общего полож. о крестьянах неподсудны волостному суду» [3, л. 30]. По другому делу жалобщик просит «об отмене решения Съезда за нарушением статей 107, 51 Общ. Пол о крестьянах и ст.1528 т.Х ч.1 Зак. Гражд и о передаче дела в подлежащее учреждение для постановление нового решения» [4, л. 141]. Но наличие статей закона в текстах обращений не всегда могло помочь, ведь они должны были быть уместны к конкретной процедуре съезда.

Губернские чиновники в большинстве случаев не приводили никаких комментариев с причинами отклонения крестьянских жалоб. Даже некоторые жалобы, содержащие и ссылки на законы, и обвинения в незаконности решений, не содержали подробностей причин отклонения. В протоколах приводился лишь текст про то, что постановления уездных съездов крестьянских начальников по жалобам на решения волостных судов считаются окончательными и подлежат исполнению, а жалобы на подобные постановления допускаются только в случае превышения уездным съездом власти или нарушения закона, которых в обжалуемом деле не было. Лишь крайне редко Общее присутствие предоставляло более подробные комментарии по существу обжалования.

Только немногие крестьянские жалобы были удовлетворены Общим присутствием, но такие удовлетворительные решения по жалобам показывают, что чиновники подробно изучали обстоятельства жалоб. Общее присутствие при отмене постановлений уездного съезда возвращало дела на новое рассмотрение в тот же съезд.

Таким образом, единственным связующим звеном между крестьянами и губернскими чиновниками были жалобы в Общее присутствие. Крестьяне не соблюдали закон и их жалобы часто не были кассационными. Основные претензии крестьян сводились к неверности действий волостного суда и съезда, а также упоминались действия свидетелей и другой стороны по делу.

Жалобы в Общее присутствие губернского управления показывают, что из массы крестьян выделялись отдельные лица, способные продолжать бороться за свои интересы. Но, возможно, это был лишь способ отерочивания исполнения решений волостного суда.

Жалобы крестьян можно трактовать как попытку противодействия незаконности решений волостных судей и крестьянских начальников, ведь крестьяне таким образом сообщали губернским чиновникам о своих и местных проблемах. Крестьянские проблемы не всегда оставались без внимания, поскольку иногда крестьянам удавалось убедить губернских чиновников об ошибках крестьянских начальников.

Список литературы

1. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1233.
2. Почеревин Е.В. Отношение крестьян Западной Сибири к государственным органам управления и чиновникам в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4 (3). С. 148–150.
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1244.
4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 1755.
5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 1241.

СЕКЦИЯ 4. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ОКРАИН: РАЗВИТИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ В ИСТОРИИ

УДК 94(470.64)

РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЫБНОЙ ОТРАСЛИ ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО БАСЕЙНА КАК ФАКТОР ПРИВЛЕЧЕНИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.¹

Виноградов Сергей Вадимович

д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник

*Центр изучения истории Нижнего Поволжья советского периода, АГУ им. В. Н. Татищева,
г. Астрахань, Россия*

Ещенко Юлия Геннадьевна

канд. ист. наук, старший научный сотрудник

*Центр изучения истории Нижнего Поволжья советского периода, АГУ им. В. Н. Татищева,
г. Астрахань, Россия*

Создание рынка свободной рабочей силы в пореформенный период способствовало активизации предпринимательской деятельности и росту промышленно-промысловых предприятий во всех отраслях экономики Российской империи. Освоение богатых природных богатств в окраинных и слабозаселенных регионах страны было невозможно без значительно числа свободной рабочей силы. В Волго-Каспийской рыболовном районе развитие предпринимательской активности в пореформенный период совпадает с ростом числа трудовых мигрантов, приезжавших сюда на сезонные заработки и переселявшихся на постоянное место жительства. Территориальными рамки исследования является Волго-Каспийский рыболовный район, большая часть которого в административном отношении находилась в составе Астраханской губернии. Целью исследования является анализ предпринимательской деятельности в рыбной отрасли Волго-Каспийского региона как фактора для привлечения трудовых мигрантов в регион в конце XIX – начале XX в. Достижение цели включает решение составляющих ее задач: охарактеризовать демографическую динамику в Астраханской губернии в пореформенный период; проанализировать государственный комплекс мер по стимулированию мелкого предпринимательства и его эффективность; показать развитие крупного капитала в Волго-Каспийском рыболовном районе; выявить основные виды миграционных потоков в Волго-Каспийский рыболовный район. Методологический аппарат исследования представлен теорией модернизации, а также комплексом специально-исторических и общенаучных методов. В статье, с опорой на широкий круг статистических данных и делопроизводственной документации, доказано, что развитие предпринимательской деятельности в рыбной отрасли способствовало росту числа мигрантов из других регионов страны; охарактеризован вклад трудовых мигрантов в работу рыбопромысловых хозяйств и процессы колонизации окраинного региона; показаны сложности, с которым сталкивалось ловецкое население в пореформенный период и эффективность государственных мер по его поддержке.

Ключевые слова: предпринимательство, рыбный промысел, переселение, трудовая миграция, Волго-Каспийский рыболовный бассейн, Астраханская губерния, пореформенный период, модернизация

THE DEVELOPMENT OF THE ENTREPRENEURSHIP IN THE FISHING INDUSTRY OF THE VOLGA-CASPIAN BASIN AS A FACTOR OF ATTRACTING LABOR MIGRANTS AT THE SECOND HALF OF 19 – AT THE BEGINNING OF THE 20 CENTURIES

Vinogradov Sergey Vadimovich,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Officer

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00547 «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861-1914 гг. (на примере формирования промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)», <https://rscf.ru/project/23-28-00547>

Eshchenko Yuliya Gennadiyevna

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher

Centre for the Study of the History of the Lower Volga Region of the Soviet Period, Astrakhan State University named V.N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

The creation of a free labor market contributed to the intensification of entrepreneurship and the growth of industrial enterprises in all sectors of the economy of the Russian Empire in the post-reform period. The development of rich natural resources in the outskirts and sparsely populated regions was impossible without a significant number of free labors. In the Volga-Caspian fishing region the development of entrepreneurship coincides with the increase in numbers of labor migrants. They came here for seasonal work or relocated to permanent residence in the post-reform period. The territorial framework of the study is the Volga-Caspian fishing region, most of which was administratively part of the Astrakhan region. The purpose of the study is to analyze entrepreneurship in the fishing industry of the Volga-Caspian region as a factor for attracting labor migrants to the region at the second half of 19 – at the beginning of the 20 centuries. Achieving the purpose includes solving its components: to characterize the demographic dynamics in the Astrakhan region in the post-reform period; to analyze the state policy for stimulate small business; to show the development of large capital in the Volga-Caspian fishing region; to identify the main types of migration to the Volga-Caspian fishing region. The methodology of the study is represented by the theory of modernization and a complex of special historical and general scientific methods. The study, based on a statistical data and office documentation, proves that the development of entrepreneurship in the fishing industry contributed to the increase in the number of labor migrants from other regions; characterized the contribution of labor migrants for activity of fisheries and the processes of colonization of the outlying region; shows the difficulties faced by the fishing population and the effectiveness of government measures to support it in the post-reform period.

Keywords: entrepreneurship, fishery, relocation, labor migration, Volga-Caspian fishing basin, Astrakhan region, post-reform period, modernization

Введение. Отмена крепостного права и Великие реформы 1860-х гг. положили начало активному модернизационному процессу во всех сферах экономической жизни России, в том числе, созданию рынка свободной рабочей силы. Одним из двигателей этого процесса являлась предпринимательская деятельность, представленная как мелкими частными предприятиями, так и крупными капиталистическими объединениями. В Волго-Каспийском рыболовном регионе (богатом рыбными ресурсами и обеспеченном свободной рабочей силой посредством миграционного потока) модернизационные процессы привели к формированию промышленно-промысловых объединений с системой сопутствующих производств.

Истории предпринимательства в рыбной отрасли Астраханской губернии частично касались ряд современных историков, в контексте исследуемых ими проблем. Предметом изучения становились государственное регулирование переселений крестьян в Нижнее Поволжье и роль этого процесса для развития капиталистических отношений в регионе [1; 2], история возникновения рыбацких поселков в рамках исследования проблем заселения Северного Прикаспия в XVIII – начале XX вв. [3; 4; 5], развитие рыбных и соляных промыслов Нижнего Поволжья в пореформенный период [6; 7; 8; 9]. История мусульманского предпринимательства Астраханской губернии в конце XVIII – начале XX вв. подробно освещена в трудах М.М. Имашевой. Она проанализировала организационные формы и деловые операции астраханских купцов-мусульман, направления их общественной и благотворительной деятельности [10; 11; 12]. Многие исследователи изучали один из наиболее распространенных аспектов предпринимательства – торговую деятельность астраханских купцов и экономические связи региона с восточными странами [13; 14; 15; 16].

В настоящее время особенности государственной политики по поддержке предпринимательства в рыбном промысле в во второй половине XIX – начале XX в. находят отражение в работах представителей различных региональных исторических школ страны: становление и развитие рыбной отрасли Байкальского региона [17; 18; 19], регламентация деятельность российских и японских предпринимателей на Сахалине [20], история мурманских рыбопромысловых объединений [21], регулирование налогообложения предпринимательской деятельности в сфере рыбного промысла в Сибири [22] и др.

Источниковой базой проведенного исследования стали, в первую очередь, опубликованные делопроизводственные материалы, представленные отчетной документацией Астраханского губернского статистического комитета и Астраханского управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. В них содержится богатая статистическая информация, характеризующая динамику демографического развития Астраханской губернии в пореформенный период, показатели развития отдельных отраслей промышленности региона, прежде всего, рыбного промысла и сопутствующих (коптильных, жиротопных, консервных, бондарных, сетевязальных и др.) производств: объемы рыбодобычи, численность выданных билетов на осуществление морского промысла, количество работников, нанимавшихся на предприятия, численность рыболовных хозяйств и занятого на промыслах населения и др.

Другой группой источников стали законодательные документы, позволяющие проследить выстраивание государственной политики по поддержке мелкого предпринимательства и стимулированию закрепления ловецкого населения на малозаселенных территориях Волго-Каспийского региона. Для понимания механизмов работы крупных рыбопромышленных объединений в регионе ценным источником являются Уставы паевых обществ и товариществ, создававшихся в большом количестве в разных отраслях промышленности в пореформенный период.

Целью исследования является анализ предпринимательской деятельности в рыбной отрасли Волго-Каспийского региона как фактора для привлечения трудовых мигрантов в регион в конце XIX – начале XX в. В качестве территориальных рамок мы определяем Волго-Каспийский рыболовный район, большая часть которого в административно-территориальном отношении находилась в составе Астраханской губернии, здесь же сосредоточились органы управления рыбным промыслом.

Достижение цели включает решение составляющих ее **задач**: охарактеризовать демографическую динамику в Астраханской губернии в пореформенный период; проанализировать государственный комплекс мер по стимулированию мелкого предпринимательства и его эффективность; показать развитие крупного капитала в Волго-Каспийском рыболовном районе; выявить основные виды миграционных потоков в Волго-Каспийский рыболовный район.

Методология исследования. Концептуальной базой исследования является теория модернизации, положения которой проработаны рядом отечественных ученых [23; 24]. Пореформенный период в истории России с его либеральными реформами и быстрым промышленным подъемом во всех сферах экономики можно считать первым этапом индустриализации. В рамках этого, происходившие в Волго-Каспийском рыболовном районе активизация предпринимательской активности, рост объемов промышленно-промыслового производства, широкое распространение использования наемного труда рабочих и др. являлись региональной составляющей общероссийского индустриального процесса.

В качестве исследовательского инструментария применялся комплекс специально-исторических методов в классификации И.Д. Ковальченко.

Познавательные возможности сравнительно-исторического метода применялись при анализе динамики народонаселения Астраханской губернии, выявлении особых мер, принимавшихся для определенных категорий ловцов. С помощью историко-генетического метода были показаны причинно-следственные связи между принимавшимися решениями правительства и реальным положением ловецкого населения региона, между спросом на рабочие руки в период сезонных работ на промыслах и трудовой миграцией в регион в пореформенный период и др. Историко-типологический метод использовался при характеристике основных видов миграционных потоков рабочей силы в Волго-Каспийский рыболовный район.

Результаты исследования. С рыбным промыслом в Волго-Каспийском рыболовном районе, основная часть которого располагалась на территории Астраханской губернии, была связана значительная часть населения, а в рыбной промышленности губернии было занято большое количество наемных рабочих. Стоимость добытой рыбы и продуктов рыбопереработки по себестоимости в несколько раз превышала стоимость товарной продукции всех остальных отраслей экономики Астраханской губернии [25, с. 11].

По данным Астраханского губернского статистического комитета в 1874 г. рыбным промыслом, речным и морским, занималось более 50 тыс. чел. населения губернии, не считая наемных рабочих, прибывавших на сезонные заработки [26, с. 49]. В 1896 г. количество наемных рабочих составляло в весеннюю путину около 46 тыс. чел., в осеннюю – 26 тыс. чел. [27, с. 29] Похожую статистику дают годовые отчеты Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами: в 1896 г. по найму на промыслах работало 72 868 чел., в 1898 г. – 92 375 чел. [28, с. 156], в

1899 г. – 64 611 чел. [29, с. 121]. По данным за 1914 г. «ежегодно в лове рыбы принимает участие до 30 тыс. чел. пришлого наемного люда» [30, с. 30].

Задача обеспечения промышленных производств трудовыми ресурсами в слабозаселенном окраинном регионе традиционно решалась за счет трудовой миграции из центральных регионов страны. Можно выделить несколько основных видов миграционных потоков в Волго-Каспийский рыболовный район: добровольное переселение, регулируемая государственная колонизация, сезонная миграция.

Добровольное переселение, или вольная миграция, представляло собой стихийный процесс, в результате которого население центральных перенаселенных губерний в поисках заработка приезжало в Волго-Каспийский рыболовный район. Часть из них оседала здесь на постоянное место жительства, ассимилируясь в уже имевшихся поселениях или создавая самовольные рыбацкие поселки близ мест выгодных речных промыслов или на побережье Каспийского моря. До 1861 г. среди данных переселенцев было много беглых крепостных крестьян, каторжников, раскольников. В пореформенный период поток добровольных мигрантов пополнился малоземельными или безземельными крестьянами.

Вторым видом миграционного потока в Волго-Каспийский регион была регулируемая государством колонизация, а именно, переселение в Астраханскую губернию государственных крестьян и войсковых обывателей, преимущественно, из Воронежской, Харьковской, Полтавской, Тамбовской и др. губерний. Так создавались сельские поселения в северной части Астраханской губернии (Царевском, Черноярском, Енотаевском уездах), наиболее пригодной для занятия земледелием. Рыбная ловля являлась для таких переселенцев вспомогательным видом деятельности.

Сезонная миграция была привязана к периодам весенней и осеней путины. На это время в Волго-Каспийский регион с целью заработка стекалось значительное количество населения, работа на рыбных промыслах являлась популярным отхожим промыслом. Это было не только беднейшее население, нанимавшееся непосредственно на лов рыбы, но и специалисты по обработке и заготовке рыбной продукции, рабочие на суда для транспортировки товаров, а также мелкие промышленники и торговцы, работавшие на скупке и перепродаже сырой рыбы и готовой продукции. В сезонной миграции можно выделить внешнюю и внутреннюю по отношению к Волго-Каспийскому региону. Прибывавшие из других губерний мигранты представляли собой внешнюю миграцию, в то время как жители северных уездов Астраханской губернии, а также часть кочевого населения Калмыцкой степи и Внутренней Букеевской Орды, оставлявшая на время свои кочевья и отправлявшаяся на заработки, преимущественно, в Астраханский и Красноярский уезды, составляли внутренний миграционный поток.

Пореформенный период для Астраханской губернии – время активного роста численности населения, который происходил как за счет естественного прироста, так и за счет миграции населения из других губерний (табл. 1).

Табл. 1. Динамика численности оседлого населения Астраханской губернии в 1870-х гг. [сост. по: 31, с. 7-8; 32, с. 9-10; 33, с. 12; 26, с. 9; 34, с. 7; 35, с. 21; 36, с. 29; 37, с. 5; 38, с. 5].

	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.
По городам:									
Астрахань	48184	48555	49061	49601	50472	51028	51734	52620	53303
Красный Яр	6629	6811	4864	4793	5000	5167	5268	5433	5479
Енотаевск	2540	2574	1935	1980	2055	2183	2273	2335	2338
Черный Яр	5151	5236	4251	4353	4475	4532	4688	4755	4836
Царев	8340	8640	3511	3731	4282	4360	4446	4612	4671
По уездам:									
Астраханский	42394	43306	44897	45410	47871	49270	49256	50270	50956
Красноярский	20141	20607	22236	23186	25325	25744	26234	26951	26923
Енотаевский	34035	34040	35354	35950	38475	39584	40451	42022	42972
Черноярский	58710	60962	64000	65454	68866	70297	71596	72333	74125
Царевский	114258	118207	126181	129032	135242	137591	139513	142168	145313
Всего	340382	348938	356290	363490	382063	389756	395459	403499	410916

В результате происходивших демографических процессов, в регионе формировалась такая уникальная социальная группа как ловцы, которая значительно увеличилась количественно с 1860-х

гг. – после отмены крепостного права и принятия в 1865 г. Устава о Каспийско-Волжских рыбных промыслах, введившего с 1867 г. свободный морской лов. Стихийность рыбного промысла затрудняет возможности его учета. Так, даже в отчетах Астраханского губернского статистического комитета констатировалось, что собрание точных статистических сведений крайне затруднительно, даже почти невозможно, по многочисленности лиц, занимавшихся этим промыслом [32, с. 35]. Тем не менее, относительное увеличение численности ловецкого населения можно отследить по динамике выдачи билетов – разрешений, которые покупал ловец на право осуществления промысла.

Так, судя по числу билетов, выданных на вольный лов в морских водах, количество ловцов стабильно увеличивалось. В 1868 г. было выдано 5262 билета, в 1872 г. – 7419 билетов [32, с. 36], в 1873 г. – 7966 билетов [33, с. 45], в 1874 г. – 8178 билетов [26, с. 50], в 1876 г. – 8695 билетов [34, с. 43], в 1877 г. – 7464 билетов [35, с. 60], в 1878 г. – 7608 билетов [36, с. 67], в 1879 г. – 7877 билетов [37, с. 28], в 1880 г. – 7945 билетов [38, с. 33]. Это касалось только самостоятельных ловцов, бравших билеты на право лова в бакенных полосах, в морских водах вольного промысла, на зимний подледный лов и на бой тюленя. С введением вольного лова, освободившего рыбный промысел от откупной системы, постепенно улучшалось положение ловцов. Конкуренция между отдельными рыболовными хозяйствами повысила поденную оплату труда наемных рабочих, облегчила сдачу рыбы рыбопродуктов оптовым торговцам. К 1910-м гг. количество выдававшихся билетов на морской и речной лов увеличилось в несколько раз: в 1913 г. – 44792 билета, в 1914 г. – 41988 билетов [30, с. 33]. Рост количества ловцов способствовал и росту числа рабочих, занятых в рыбном промысле: в море в составе ватаг, набиравшихся на судно; неводных и промысловых рабочих на речных тонях; специалистов по разделке, обработке рыбы и икры и проч.

Несмотря на рост числа купленных билетов, доходность рыбного промысла постоянно колебалась и зависела от случайных факторов, в частности, от природно-климатических условий. 1876 г., как по объемам вылова, так и по объемам сбыта рыбной продукции, являлся одним из самых неблагоприятных для рыбопромышленного населения Волго-Каспийского рыболовного района. Главной причиной стали постоянные шторма в море, происходившие как весной, так и осенью, которые срывали выставленные сети и орудия лова, разбивали косяки рыбы, шедшей в реки. Осенью 1876 г. к этому присоединились рано начавшиеся морозы, остановившие осеннее морское и речное рыболовство. Надежды ловцов на зимний подледный лов также не оправдались ввиду постоянных оттепелей. Помимо низких уловов и, соответственно, заработков, необходимости оплаты работы наемных бригад промысловых рабочих и проч., ловцы потеряли много орудий лова. Часть ловцов разорилась, что заметно по снижению количества билетов в последующий 1877 г., после чего статистика числа выданных билетов снова начинает расти.

Активный вольный морской лов имел и обратную сторону. Уже к концу 1870-х гг. статистические сведения показывают уменьшение доходов от морских промыслов вследствие уменьшения количества красной рыбы в море. В связи с этим, многие ловцы начали оставлять красноловный промысел и переходить на лов частичковой рыбы в море и речных водах дешевыми сетками и распорными неводами, использование которых было разрешено еще в 1871 г. [39], но широкое распространение получило только к концу 1870-х гг. Даже морские ловцы, бравшие дорогие билеты на лов красной рыбы, запасались дешевыми сетками, пополняя недоходы красной рыбы уловами частичковой [35, с. 62].

Ловцы, как и крестьяне, по своей сути являлись мелкими товарными производителями. Несмотря на изменение приоритетного вида хозяйственной деятельности, ловцы-выходцы из крестьян не теряли связи с сельскими обществами, где имели наделы земли и вели подсобное хозяйство. В отличие от крестьян, ловцы были лучше обеспечены материально, так как для осуществления лова они должны были иметь минимум снаряжения, включавшего в себя орудия лова, судно и такелаж к нему и проч.

Существовали категории ловецкого населения, которые занимались исключительно промыслом, как правило, это было справедливо для переселенцев из других регионов, образовавших самовольные поселки в выгодных для осуществления лова местах.

Исключительно из переселенцев и их потомков состояло население ряда поселков на северо-западном побережье Каспийского моря, единственным источником существования которых был рыбный промысел. Здесь располагались поселки бывших крепостных крестьян Калужской и Орловской губерний (село Брянское) и переселенцев из Нижегородской и Саратовской губерний (Новый Чечень, Шандруковская пристань, Суэткина Коса, Украинская пристань). У многих поселенцев здесь проживало уже не одно поколение, их деды и прадеды были ловцами, а рыболовство являлось наследственным промыслом. Жители более молодых поселков (возникших в начале 1890-х гг.) Би-

рюзяка и Тушиловка, переселившиеся из центральной России, также занимались исключительно рыбным промыслом, так как не имели надельной земли [29, с. 111]. По сообщениям современников, население самовольных поселков, располагавшихся на побережье моря в Астраханском и Красноярском уездах к 1894 г. составляло более 13 тыс. чел [40, с. 140-145].

Морской промысел было возможно осуществлять только зажиточным ловцам, так как несмотря на объявленный свободный лов, снаряжение морского судна требовало значительных затрат. Поэтому подавляющая часть ловцов могла осуществлять только речной лов на Волге и в дельте, где все водное пространство и прилегавшие к нему берега были разбиты на участки, имевшие своих владельцев. Самостоятельным ловцам приходилось конкурировать с другими ловцами, а также с крупными рыбопромышленниками, арендовавшими или владевшими наиболее богатыми рыбными ресурсами участками.

Параллельно с развитием самостоятельного промысла шел рост крупных фирм, скупавших в дельте Волге выгодные для лова участки и вытеснявших самостоятельных ловцов или заставлявших их работать на рыбопромышленника. В таких условиях государство начинает принимать ряд мер для стимулирования самостоятельного промысла и облегчения возможности выхода в море не только для ловцов, но и для крестьянства, для которого рыбная ловля являлась подсобным хозяйством.

Согласно положениям Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов [41], с 1 июля 1876 г. была учреждена Вспомогательная касса для морских ловцов. Ее целью была поддержка местного ловецкого населения путем выдачи ссуд под относительно небольшие проценты. Касса предоставляла возможность мелким промышленникам участвовать в морском промысле в качестве самостоятельных ловцов, а не наниматься в подряд к крупным рыбопромышленникам [27, с. 6].

Министром государственных имуществ в июне 1882 г. на заседании Кабинета министров было внесено предложение о предоставлении крестьянам льготных условий на аренду казенных речных рыболовных вод Астраханской губернии. Предложение поддержали и утвердили. Было решено в порядке эксперимента разрешить крестьянским обществам, товариществам из нескольких крестьян-домохозяев, а также отдельным крестьянам при получении на торгах в арендное содержание рыболовных участков по Волге, заменить залог на поручительство. Для крестьянских обществ и товариществ вводилась круговая порука – «мирские приговоры о взаимном друг за друга ручательстве», а отдельные крестьяне могли получить участок в аренду при условии поручительства за них благонадежных членов общества [42].

Данная мера значительно повысила привлекательность аренды вод для крестьян. На рубеже XIX–XX вв. отмечается усиленное стремление крестьянских обществ к аренде речных рыболовных участков и осуществлению лова на них на товарищеских или общинных началах. Это свидетельствует об эффективности принимавшихся законодательных инициатив по вовлечению крестьянства в мелкое предпринимательство. В годовом отчете общественного надзирателя Устиновича (инициалы в источнике отсутствуют – прим. авт.) указывалось, что «в Круглинских казенных водах в 1899 г. улов рыбы был более чем хорош. Цены на рыбу (сырцом) стояли порядочные. Крестьяне с Петропавловки (арендаторы вод) арендой остались очень довольны и поправились хорошо. Отчетный год показал, что это может быть весьма жизненным и плодотворным в смысле упрочения и развития хозяйственного благосостояния приволжского населения» [29, с. 26]. Также в 1899 г. отмечалось оживление ловецкого хозяйства в Красноярских общественных и казачьих водах, в водах общества татар сел Хожетаевки и Сеитовки и др [29, с. 29].

Удачный опыт даже был распространен на территорию Кавказского края, где крестьянам предоставили те же льготы для аренды казенных речных и озерных вод [43].

В 1906 г. в рамках ряда указов по поддержке Каспийско-Волжского рыболовства, было принято решение временно установить билетный сбор с каждого судна, осуществлявшего лов в бакенном пространстве, в размере 50 руб. за год и 25 руб. за полгода (против 80 и 40 руб. соответственно, установленных Правилами 1902 г.). Речные ловцы были приравнены к морским по льготам на получение ссуд во Вспомогательной кассе для ловцов. Государственным Советом также было принято решение о государственном беспроцентном займе по 10 тыс. руб. сельским банкам Дмитриевской и Икрянинской волостей, Чаганскому и Теплинскому волостным сообществам Астраханской губернии. Средства были направлены на выдачу мелких краткосрочных ссуд ловцам [44]. С 1911 г. началась практика выдачи ссуд на развитие рыболовства на срок до 15 лет. Ссуды выдавались из капитала, состоявшего в распоряжении Главноуправляющего землеустройством и земледелием, и предназначенного первоначально для выдачи ссуд на «сельскохозяйственные улучшения» [45].

Данные решения шли в числе других законодательных инициатив по организации предпринимательской активности населения региона. В виде временной меры было принято правило на вы-

дачу билетов на право лова частиковых пород рыб специальными частиковыми сетками в вольных водах северной части Каспийского моря ловцам, представивших доказательства своей бедности и неимения лодок для осуществления лова рыбы в море. Таким документами могли быть приговоры сельских, станичных и мещанских обществ или удостоверения Городских дум и Улусных управлений. Документы об имущественном положении проверялись уездными крестьянскими присутствиями, отделами Астраханского казачьего войска или всеобщей полицией [46]. Данное решение, с одной стороны, являлось мерой поддержки мелких производителей, вносивших свой вклад в объемы добычи Волго-Каспийского региона, и предоставляло большому количеству ловцов возможность заниматься морским ловом (теперь в их числе могли быть и бедные слои населения, не имевшие возможности в прошлом позволить себе морской лов из-за отсутствия дорогостоящего снаряжения). С другой стороны, закон был направлен против интересов крупного капитала – сосредоточившихся в устье Волги крупных рыбопромышленных фирм, не дававших мелкому частнику даже возможности конкуренции и вылавливавших значительный объем рыбы, в связи с чем промыслы на север от устья Волги оказывались слаборентабельны.

В 1904 г. по специальному распоряжению Кабинета Министров было решено предоставить ряд льгот жителям Закаспийской области на 1904-1906 гг. на всей территории восточного побережья Каспийского моря. В числе привилегий поселенцам Мангышлакского уезда были разрешения на использование специальных орудий лова, на вылов красной и частиковой рыбы в Кендерлинском (Казакском) заливе в течение запретных периодов (с 15 июня по 1 августа и с 5 мая по 15 июня, соответственно), на свободный провоз орудий лова в то же время на морском участке близ Мангышлакского полуострова и др. [47]. Следует отметить, что указанные льготы для жителей Закаспийской области продлялись и позже [48]. Максимально выгодные условия лова, вывод Мангышлакского полуострова с прилегающими морскими участками из-под юрисдикции Правил 1902 г. должны были способствовать закреплению уже переселившихся мигрантов и привлечению новых переселенцев, с целью распространения на полуострове оседлого образа жизни, обоседления коренного населения. Этой же цели служил запрет казакам Сибирского казачьего войска осуществлять лов рыбы в водах той части Киргизской степи, где были расположены крестьянские наделы или где планировалось осуществить нарезку переселенческих участков для поселенцев [49].

Похожие цели заселения правительство преследовало и в Эмбенском районе, где население береговой полосы Каспийского моря было представлено как оседлым населением, проживавшим в поселках, так и кочевниками – киргизами. На побережье были расположены ловецкие поселки Жилая Коса, Ракуша, Прорва (Сиротин) и Алансад, население которых было занято исключительно морским рыбным промыслом. По месту первоначального жительства население Жилой Косы включало в себя представителей Астраханской (18 хозяйств), Нижегородской (14 хозяйств), Тамбовской (4 хозяйства) и Пензенской (3 хозяйства) губерний. По два ловецких хозяйства были переселенцами из Симбирской и Владимирской губерний, по одному хозяйству – из Казанской, Рязанской, Костромской, Уфимской, Самарской и Тульской губерний. Население поселка Ракуша состояло из 21 хозяйства, представители которых были выходцами из Нижегородской (5 хозяйств) и Пензенской (3 хозяйства) губерний, и по одному хозяйству – из Тамбовской, Саратовской, Астраханской и Рязанской губерний. Молодые поселки, состоявшие исключительно из семей ловцов, еще не имели достаточного количества населения, чтобы нанимать рабочих из своих односельчан. Поэтому на сезон лова сюда приезжали люди в поисках заработка, например, в 1899 г. ловецкие хозяйства Жилой Косы имели 128 чел. наемных рабочих, Ракуши – 79 чел [29, с. 40-42].

Помимо работы у свободных ловцов и крупных рыбопромышленных фирм, наемные рабочие были востребованы на сопутствующих производствах, в частности, на рыбокоптильных заведениях. Особенно развито рыбокопчение было в районе Царицына, где к концу XIX в. находилось 17 рыбокоптильных заведений, еще 8 заведений работали на юге недалеко от Астрахани и одно принадлежало фирме «Братья Сапожниковы». Большая часть рыбокоптилен была создана в 1880-х – 1890-х гг., численность рабочих на них варьировалась в пределах 500-600 чел. Данное количество рабочих было необходимо только в сезон, когда непосредственно производилось копчение, – в период с начала октября до 20 декабря. В связи с этим оплата труда рабочим производилась поденно в размере 30-40 коп. [27, с. 98]. Помимо коптилен отдельную категорию предприятий составляли жиротопни. Так, в конце XIX в. на правом берегу Волги напротив г. Астрахани в Атамановской станице располагалось четыре жиротопни, в которых происходило жиротопление и выделка тюленьих шкур и меха бельков. Жир использовался в мыловарении, а шкуры – для изготовления сумок, обивки сундуков и мебели, отделки полушубков и проч. В жиротопни, также на время сезона, нанимались машинисты-кочегары, жиротопы, срезчики, чернорабочие [27, с. 115].

В 1895 г. на берегу Каспийского моря близ казенного рыболовного промысла Забурунного астраханским купцом Н.И. Ильиным был открыт консервный завод. Консервы готовились из красной и частичковой рыбы – белуги, севрюги, осетра, стерляди, белорыбицы, лосося, судака и мелкой сельди в масле, томате и маринаде. На заводе работали около 15 чел. мужчин с зарплатой около 30 руб. в месяц и 20 чел. женщин с оплатой около 10 руб. в месяц [27, с. 100].

На сезонные заработки в Астрахань отправлялось не только бедное население, нанимавшееся на самую простую, тяжелую работу. Возможность быстрого заработка привлекала различных мелких дельцов, предпринимателей, купцов и проч. В этом ключе интересен пример нижегородцев. В городе Балахне Нижегородской губернии располагалось производство свойских лодок (парусно-гребных судов небольшой осадки). Весной нижегородские предприниматели (чаще всего представители Горбатовского уезда Нижегородской губернии) на купленных лодках отправлялись в Астрахань. Чтобы не идти пустыми, они брали по пути грузы или пассажиров. По приходу в Астрахань в мае – начале июня хозяин лодки нанимал рабочих, снаряжал лодку сетями и отправлялся на лов в Каспийское море. Выловленная рыба сбывалась в Астрахани, на вырученные деньги предприниматель закупал хлеб и необходимые товары и отвозил их в свою губернию; в течение лета он мог сделать до четырех рейсов. Осенью по окончании сезона, хозяин лодки продавал ее астраханским ловцам и возвращался домой на зимовку, чтобы на следующий год снова вернуться с новыми лодками [50, с. 155-156].

Несмотря на широту применения наемного труда на рыбных промыслах и сопутствующих производствах, установить его точную численность, также как и идентифицировать работников, приезжавших на промыслы из других губерний или с северных уездов Астраханской губернии, достаточно затруднительно. Следует отметить значительную приблизительность всех статистических данных, касающихся наемного труда, уловов и др. показателей рыбной отрасли в исследуемый период. Крупнейшие рыболовные промыслы, дававшие значительные объемы вылова рыбы, товарообороты рыбной продукции и предоставлявшие место работы основной части сезонных мигрантов, были сосредоточены в дельте Волге и находились в собственности или арендовались крупнейшими предпринимателями: рыбопромышленником Базилевским, действительным статским советником Х.Н. Хлебниковым, Торговым домом «И.В. Беззубиков с сыновьями», фирмой «Братья Сапожниковы» и др. Астраханское управление Волго-Каспийских рыбных и тюленых промыслов неоднократно встречало противодействие со стороны таких рыбопромышленников, не желавших сообщать показатели работы промыслов. Так, в 1900 г. Торговый дом «И.В. Беззубиков с сыновьями» отказал в сообщении сведений о работе Синеморских промыслов как участковому смотрителю, так и специально направленному ревизору от Астраханского управления И.И. Розенфельду. Согласно письму астраханского купца И.В. Беззубикова в Астраханское управление, это «может причинить ущерб моим торговым интересам, сделав то или другое состояние моего дела заранее известным. Торговые книги по закону составляют тайну всякого коммерческого предприятия и должны открываться для обозрения в указанных в законе случаях – признания судом несостоятельности их хозяина или же обнаружение чьей-либо преступности» [29, с. 83]. Такие случаи были не редкостью, особенно среди представителей крупного капитала.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в условиях активно начавшейся модернизации промышленности Российской империи повсеместно наметилась тенденция к объединению производственных предприятий как работавших в одной отрасли, так и в смежных, но необходимых для организации конкретного промышленного производства. В состав таких объединений входили торговые предприятия и представители банковского капитала. В нефтяной, горной, золотодобывающей, рыбной, соляной, железнодорожной и других отраслях создаются многочисленные Общества, Товарищества и Объединения, ставившие целью укрупнение капитала, облегчение горизонтальных связей между предпринимателями разных отраслей экономики, повышение конкурентоспособности своих членов на рынке производства товаров или услуг.

Волго-Каспийский рыболовный район предоставлял широкие возможности для коммерческого развития крупных промышленно-производственных объединений и концентрации капитала. Собственность на землю в аграрной России традиционно являлась источником благосостояния, однако в рассматриваемом регионе земельные участки представляли важность не в плане занятия земледелием, а в плане наличия на них богатых рыболовных угодий. Кроме того, рыбный промысел был тесно связан с соледобычей. Уникальность Волго-Каспийского рыболовного района заключалась и в том, что на его территории, помимо богатых рыбных ресурсов находились практически неограниченные запасы соли – на озерах Баскунчак и Эльтон. Поэтому очень часто крупные рыбопромышленники владели не только рыболовными промыслами в дельте Волги, но и арендовали сдававшиеся на соляных озерах участки, представлявшие собой неширокие длинные полосы, уходившие от берега вглубь

озера, на которых рабочие ломали соль. В 1909 г. в Астрахани было создано специальное объединение под названием «Общество соледобыывания астраханских рыбопромышленников, рыборотговцев и ловцов» [51]. Целью Общества была организация совместной добычи и покупки соли, которая была необходима в значительных количествах как рыбопромышленникам, так и ловцам для осуществления засола и хранения свежей рыбы и икры. Закупка больших объемов соли членами правления позволяла продавать соль членам общества по ценам, ниже существовавших на свободном рынке [51, с. 2221].

В 1904 г. было создано Товарищество Южно-Каспийских рыболовных промыслов Г.С. Лианозова для «продолжения развития рыболовных промыслов в южной части Каспийского моря, принадлежавших покойному потомственному почетному гражданину Георгию Степановичу Лианозову» - представителю известной династии купцов-рыбо- и нефтепромышленников, владевшей рыбными ловлями на всем побережье южного Каспия у северных границ Персии с середины XIX в. Товариществу были переданы все арендные контракты Г.С. Лианозова, заключенные с Министерством земледелия и государственных имуществ на исключительное право рыбного промысла в южной части Каспийского моря сроком по 22 марта 1926 г. и с Персидским правительством на право рыбной ловли и устройства ватаг в пределах Персидских владений, беспошлинный вывоз из Персии рыбных товаров и беспошлинный ввоз в Персию необходимых для рыбного промысла материалов и орудий лова сроком до 1 октября 1925 г. Вместе с контрактами Товариществу перешел весь рыболовный инвентарь промыслов со всеми находившимися в водах Каспийского моря лодками и баркасами.

Технический прогресс проник и в сферу рыбного промысла. Значительной стала роль парового флота. На Товарищество возлагалась ответственность за содержание имевшихся в их распоряжении пароходов и судов в надлежащем состоянии, за регулярный технический осмотр, ремонт, контроль за условиями его эксплуатации. Также Товарищество было ответственно за обеспечение безопасности как на пароходах в море, так и на пристанях, за содержание достаточного количества необходимых спасательных средств и средств пожаротушения [52].

Заключение. Предпринимательская деятельность в рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна в конце XIX – начале XX в. развивалась по двум основным направлениям. Первое было связано с политикой стимулирования мелкого предпринимательства и самостоятельных ловцов-частников, включением крестьянских и казачьих обществ в промысловую деятельность, введением льгот для переселенцев, занимавшихся промыслом в удаленных районах и проч. Это был комплекс государственных мер по поддержке уже занимавшихся рыбным промыслом ловцов, созданию конкуренции крупным фирмам за счет увеличения количества населения, вовлеченного в промысел, увеличение объемов вылова рыбы, а также созданию стационарных поселений с целью хозяйственного освоения отдаленных побережий Каспийского моря, с низкой плотностью населения или населенных кочевыми народами. Второе направление развития предпринимательства в регионе было связано с дальнейшей концентрацией частного капитала и формированием в рыбной отрасли Волго-Каспийского бассейна крупных промышленно-производственных кластеров, включавшихся в себя не только всю технологическую цепочку от добычи рыбы до ее переработки и отправки потребителям, но и комплекс сопутствующих производств.

Развитие предпринимательской деятельности в рыбной отрасли способствовало активизации трудовой миграции в Волго-Каспийский рыболовный район. В исследуемый период она была представлена несколькими основными видами, такими как добровольное переселение, регулируемая государственная колонизация и сезонная миграция. Вольные переселенцы, как правило, пополняли ряды ловецкого населения, организуя собственные мелкие промысловые хозяйства и оседая на постоянное место жительства в самовольным ловецких поселках или приписываясь в число крестьян или мещан уездов и городов Астраханской губернии. Сезонная миграция представляла собой поток наемной рабочей силы, нанимавшейся на заработки для работы как непосредственно на рыбных промыслах, так и на сопутствующих производствах. Данные процессы подтверждаются статистическими сведениями роста численности населения Астраханской губернии и количества занятых на свободном промысле ловцов.

Государственная политика в пореформенный период была направлена на поддержку как рыбной отрасли региона, так и занятого в ней местного и пришлого населения. Во-первых, государство было заинтересованно в доходах, которые приносила рыбная отрасль Волго-Каспийского бассейна. Во-вторых, оно параллельно решало комплекс стратегических задач внутренней политики: создание новых промышленных центров путем освоения богатых природных ресурсов; перераспределение населения для снижения нагрузки на перенаселенные территории центра; органичное включение окраин в единый хозяйственный комплекс; укрепление границ на окраинных землях.

Список литературы

1. Кузьмина, И. В. К вопросу о роли миграционных процессов в развитии капиталистических отношений в Астраханской губернии в середине XIX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2017. № 3(52). С. 228–233.
2. Кузьмина, И. В. Государственное регулирование переселений в Нижнее Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2011. № 2(27). С. 33–38.
3. Белоусов, С. С. Самовольные переселенческие рыбацкие поселки на калмыцких землях (вторая половина XVIII–XIX в.) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14, № 4. С. 685–696. doi: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696.
4. Белоусов, С. С. Переселения крестьян на помещичьи земли в Северо-Западном Прикаспии (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) // *Былые годы*. 2021. № 16 (3). С. 1124–1131. doi: 10.13187/bg.2021.3.1124.
5. Воронова, А. А., Кузьмина И.В. К проблеме заселения Северного Прикаспия в IX – начале XX в.: п. Лагань // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2022. № 1(70). С. 9–15.
6. Воронова, А. А. Государственное регулирование рыболовства в Каспийско-Волжском регионе во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2005. № 4. С. 129–136.
7. Хайрлапова, М. М., Юдина Т.В. Организация соляного дела в Астраханской губернии на рубеже XIX–XX вв. (на примере Басинских соляных озер) // *Вопросы истории*. 2022. № 5–2. С. 78–88. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi52.
8. Хайрлапова, М. М. Организация добычи соли на Баскунчакском озере Астраханской губернии во второй половине XIX в. // *Исторический журнал: научные исследования*. 2020. № 5. С. 168–179. doi: 10.7256/2454-0609.2020.5.33810.
9. Комиссаренко, А. И. Астраханский рыбный промысел в контексте административной политики России в XVIII в. // *Русь, Россия. Средневековье и Новое время*. 2019. № 6. С. 30–35.
10. Имашева, М. М. Татарское предпринимательство в социально-экономической жизни Астраханской махалли в начале XX в. // *Историческая этнология*. 2019. Т. 4, № 2. С. 235–254. doi: 10.22378/ie.2019-4-2.235-254.
11. Имашева, М. М. Гостиные дворы Астрахани в конце XVIII – XIX в. как форма предпринимательства персидских купцов // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. 2015. № 1(31). С. 145–149.
12. Имашева, М. М. «В благодарность за усердие во благо Отечества...»: астраханский первой гильдии купец из персиян Аджи Али Акбер Усейнов // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 2 (43). С. 18–24.
13. Богатырев, В. С. Динамика развития торговли России и Персии через Астрахань в 80-х – первой половине 90-х гг. XIX в. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 115. С. 39–43.
14. Рябцев, А. Л. География экспорта российских товаров через Астраханский порт и его особенности в XVIII в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 7–1(21). С. 165–170.
15. Рябцев, А. Л. Астраханское гильдейское купечество и его специализация в конце XVIII – начале XIX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013. № 9–2(35). С. 147–150.
16. Оздамирова, Э. М. Учреждение менового двора для азиатских купцов для торговли в Астрахани // *Известия Чеченского государственного университета*. 2020. № 4(20). С. 154–156. doi: 10.36684/12-2020-20-4-154-156.
17. Ангадаева, Ю. Ю. Историко-правовой аспект борьбы с браконьерством в Республике Бурятия // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2023. № 2(28). С. 262–271. doi: 10.36718/2500-1825-2023-262-271.
18. Ангадаева, Ю. Ю. Становление деятельности Селенгинского и Баргузинского рыбопродуктивных заводов // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2022. № 1(23). С. 142–153. doi: 10.36718/2500-1825-2022-1-142-153.
19. Курышова, И. В. Правовое регулирование рыбного промысла в Байкальском регионе во второй половине XIX – начале XX вв. // *Историко-экономические исследования*. 2007. Т. 8, № 3. С. 134–148.

20. Потапова, Н. В. Рыбный промысел на Сахалине в 1855-1904 гг.: деятельность японских и российских предпринимателей // Научные труды Дальрыбвтуза. 2023. Т. 64, № 2. С. 14–29. doi: 10.48612/dalrybvvtuz/2023-64-02.
21. Панов, Д. А. «Зуйки» мурманских рыбных промыслов (1860-1930-е гг.) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 2(106). С. 192–196.
22. Ганусенко, И. В. Правовое регулирование налогообложения предпринимательской деятельности в сфере рыбного промысла в Российской империи во второй половине XIX в. (на примере озера Байкал) // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1(84). С. 3-9.
23. Алексеев, В. В. Регионализм в России. Екатеринбург: УрО РАН, УрГИ, 1999. 194 с.
24. Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург: Полиграфист, 1998. 182 с.
25. Савинов, Д. Астраханский край в 1907-1917 гг. Астрахань: б.и., 1964-1968. 168, 26 с.
26. Отчет Астраханского губернского статистического комитета: за 1874 г. Астрахань: Губернская типография, 1875. 101 с.
27. Отчет Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами и краткий обзор Каспийско-Волжского рыболовства и тюленьего промысла за 1897 г. Астрахань: типография Н.Я. Петровых и Ф.Н. Шлякова, 1898. 141, [30] с.
28. Отчет Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами и краткий обзор Каспийско-Волжского рыболовства и тюленьего промысла за 1898 г. Астрахань: Губернская типография, 1900. 318 с.
29. Отчет Астраханского управления рыбными и тюленьими промыслами и краткий обзор Каспийско-Волжского рыболовства и тюленьего промысла за 1899 и 1900 гг. Астрахань: тип. Н. Петровых и Ф. Шлякова, 1901. 135, 159 с.
30. Статистический обзор Астраханской губернии за 1914 г. Астрахань: Типография губернского правления, 1915. 117, [71] с.
31. Отчет Астраханского губернского статистического комитета: за 1871 г. Астрахань: Типография губернского правления, 1872. 54 с.
32. Отчет Астраханского губернского статистического комитета: за 1872 г. Астрахань: Губернская типография, 1873. 53 с.
33. Отчет Астраханского губернского статистического комитета: за 1873 г. Астрахань: Губернская типография, 1874. 86 с.
34. Отчет Астраханского губернского статистического комитета: за 1876 г. Астрахань: Губернская типография, 1878. 88 с.
35. Отчет Астраханского губернского статистического комитета: за 1877 г. Астрахань: Губернская типография, 1878. 118 с.
36. Отчет Астраханского губернского статистического комитета: за 1878 г. Астрахань: Губернская типография, 1880. 133 с.
37. Отчет Астраханского губернского статистического комитета: за 1879 г. Астрахань: Губернская типография, 1881. 39 с.
38. Отчет Астраханского Губернского Статистического Комитета: за 1880 г. Астрахань: Губернская типография, 1882. 45 с.
39. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О дополнении и изменении некоторых статей Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов» от 4 июня 1871 г. // ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 46 (1871). Ч. 1. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1874. № 49707. С. 820–824.
40. Никольский, А. М. Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание. СПб.: Тип. Морского министерства, 1898. IV, 174 с.
41. Устав Каспийских рыбных и тюленьих промыслов от 25 мая 1865 г. // ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 40 (1865). Отд. 1. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1867. № 42136. С. 540–559.
42. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О предоставлении крестьянам льгот по арендованию казенных речных рыболовных вод Астраханской губернии» от 04 июня 1882 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 2 (1882). СПб.: Гостипография, 1886. № 941. С. 288.
43. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О льготах для крестьян по арендованию казенных речных и озерных вод Кавказского края» от 11 января 1885 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 5 (1885). СПб.: Гостипография, 1887. № 2659. С. 8.
44. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О нуждах Каспийско-Волжского рыболовства» от 27 марта 1906 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 26 (1906). Ч. 1. СПб.: Гостипография, 1909. № 27618. С. 326.

45. Высочайше утвержденное положение Совета Министров «О распространении мелиоративного кредита на рыболовство» от 13 апреля 1911 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 31. Ч. 1. СПб.: Гостипография, 1914. № 35042. С. 259

46. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «Об установлении временных правил для выдачи билетов на лов рыбы частиковыми сетями в чернях вольных вод северной части Каспийского моря» от 25 февраля 1894 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 14. СПб.: Гостипография, 1898. № 10382. С. 87.

47. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров «О предоставлении населению Закаспийской области временных льгот по рыболовству в Каспийском море» от 22 мая 1904 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 24 (1904). Ч. 1. СПб.: Гостипография, 1907. № 24575. С. 491–492.

48. Высочайше утвержденное Положение Комитета Министров «О рыболовстве в Закаспийской области» от 19 февраля 1907 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 74 (1907). СПб.: Гостипография, 1910. № 28900. С. 83.

49. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О воспрещении сибирским казакам ловить рыбу в водах той части Киргизской степи, в коей расположены крестьянские наделы» от 7 июня 1904 г. // ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 24 (1904). Ч. 1. СПб.: Гостипография, 1907. № 24752. С. 694.

50. Петреченко, К. Каспий, его промышленность и торговля // Морской сборник. Том LXI. № 8. СПб: тип. Морского министерства, 1862. С. 153–188.

51. Об утверждении устава «Общества соледобывания астраханских рыбопромышленников, рыботорговцев и ловцов» // Собрание узаконений и распоряжение Правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 29 июля 1909. Отдел второй. № 60. Ст. 556. С. 2220–2228.

52. Устав Товарищества Южно-Каспийских рыболовных промыслов Г.С. Лионозова, утвержденный 12 февраля 1904 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем сенате. 16 марта 1904 г. № 8. Полугодие первое. Отдел второй. Ст. 131. С. 317–331.

УДК 93/94

ОБРАЗ СИБИРИ В ПУТЕВОДИТЕЛЯХ ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКИ (1939 – 1941 гг.)

Левина Жанна Ефимовна
д-р ист. наук, доцент, профессор
Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия
zhlevina55@yandex.ru

На основе текстовых и визуальных источников в работе выделены особенности формирования образа Сибири в путеводителях Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Показывается, что основной задачей экспозиции была демонстрация успехов советского хозяйства в деле превращения Сибири во вторую пшеничную базу СССР. Репрезентация региональной модели развития создавалась на основе конкретизации оппозиции «прошлое – настоящее».

Ключевые слова: история Сибири, образ Сибири, советская аграрная модернизация, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, визуальная история, аграрная история.

IMAGE OF SIBERIA IN GUIDEBOOKS ALL-UNION AGRICULTURAL EXHIBITION (1939 – 1941)

Levina Zhanna Efimovna
Doctor of Historical Sciences, Professor
Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia
zhlevina55@yandex.ru

The purpose of the work is to highlight the features of the formation of the image of Siberia in the guidebooks of the All-Union Agricultural Exhibition of 1939-1941. On the basis of textual and visual sources, it is shown that the main task of the exposition was to demonstrate the successes of the Siberian So-

viet economy in turning Siberia into the second wheat base of the USSR. The representation of the regional model of development was created on the basis of the concretization of the "past-present" opposition.

Key words: history of Siberia, image of Siberia, Soviet agrarian modernization, All-Union Agricultural Exhibition, visual history, agrarian history.

Обращение к теме репрезентации достижений советского сельского хозяйства в путеводителях Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 – 1941 гг. определено необходимостью восстановления полной картины исторического развития региона, а также потребностью выделения каналов, форм и методов формирования образа Сибири и СССР в целом.

В павильоне «Сибирь», располагавшемся на площади колхозов, были представлены Алтайский и Красноярский Край, Новосибирская, Челябинская и Омская области [1, с. 3].

Описание центрального, вводного зала открывалось словами Максима Горького, по мысли составителей справочника определявшими основное содержание павильона: «Была раньше Сибирь каторжная, необъятный край необъятного горя, край кандалов и смертей. Сейчас есть обновленная колхозная земля — Сибирь Советская, край социалистического созидания» [1, с. 8]. Оценка дореволюционного состояния сибирской окраины подчинялась концепции полукOLONИАЛЬНОГО прошлого. Использовались яркие запоминающиеся художественные характеристики, обращавшиеся прежде всего к эмоциональному восприятию читателя и зрителя.

Приоритетной целью показывалось превращение Сибири во вторую пшеничную базу СССР. Исходное состояние оценивалось по-разному. Жалкое состояние сибирского региона как «потребляющей полосы» представляли авторы путеводителя павильона «Зерно», приводившие в качестве доказательства мнение «царского министра» путей сообщения князя Хилкова, считавшего, что «Сибирь никогда не производила и не будет производить пшеницы и ржи в количестве, достаточном для прокормления сибирского населения» [2, с. 25]. Составители гида по сибирскому павильону, отмечая, что народы севера «вымирали от голода и нищеты», [1, с. 6] все-таки давали более дифференцированную характеристику состояния сельского хозяйства Сибири в дореволюционный период.

Результаты земледельческих успехов советского хозяйствования показывались на фоне естественных пейзажей Алтайского края, ландшафтов Новосибирской и Челябинской областей.

Визуализация плодов работы Челябинской области создавалась «вспыхивающими один за другим текстами», размещенными в торцевой стене зала между величественными резными колосьями пшеницы, горевшими «кованным червонным золотом» [1, с. 18]. Зал Алтайского края открывался макетом, изображавшим колхозные нивы: «во всю длину зала вытянулось залитое ярким светом поле золотой тучной пшеницы». Для достижения эффекта присутствия использовались «квадратные метры с посевами передовиков», «ефремовцев – высокоурожайников», «восстановленные так, как они росли в поле» [1, с. 24]. Макет Красноярского края показывал, как «зеленым бархатом» отливает посев ячменя, растущий в районе вечной мерзлоты в колхозе «Северный пахарь» Туруханского района [1, с. 38].

Стенды областей включали натуральные экспонаты. «Пышные снопы» ржи, пшеницы, овса колхоза «Пролетарий» Большереченского района Омской области, средняя урожайность в котором за 1937 – 1938 гг. составляла 16,3 ц зерна с 1 га на площади в 898 га. [1, с. 41]. Снопы пшеницы, проса, овса колхоза «Красный Маяк» Минусинского района Красноярского края [1, с. 35]. Новосибирцы представляли снопы и зерно [1, с. 18].

Внимание акцентировалось на преобразении, изменении, преодолении природных факторов ходе аграрного преобразования.

Колхозный труд сельскохозяйственной артели «Заветы Ленина» Шадринского района Челябинской области позволил добиться в 1937 – 1938 гг. стабильных высоких урожаев, в среднем по 17 ц с га, на «выпаханных», истощенных землях Зауралья [1, с. 21].

Освоение «бросовых кулацких» и пустынных земель колхозом имени Молотова Шипуновского района Алтайского края привело к появлению большого зернового хозяйства, крупных конеководческой, молочной, овцеводческой, свиноводческой ферм и «лучшего в Сибири» сада. Имея свой кирпичный завод, в колхозе смогли построить двухэтажную школу-десятилетку, избу-читальню, универсальный магазин, кошары, гараж, электростанцию, скотные дворы. Планировалось к концу третьей пятилетки обеспечить всех колхозников кирпичными домами, крытыми черепицей, причем первые дома уже были построены [1, с. 34].

Стенд колхоза «Памяти Куйбышева» под лозунгом «Колхозная Кулунда» побеждает засуху» демонстрировал неограниченные возможности для сельского хозяйства Кулундской степи, считавшейся «испокон веков» голодной и неурожайной [1, с. 26]. В 1937 – 1938 гг. в хозяйстве собирали в

среднем 12, 85 ц с га. [1, с. 28]. Ойроты из «нищих кочевников» превращались в земледельцев. Посевные площади в автономной области выросли в 2.7 раза, составив 66200 га. [1, с. 29].

Новыми для Алтайского края были и технические культуры. Сахарная свекла, «посева которой до Октябрьской революции не знали на Алтае», в 1938 г. занимала 27 тыс. га. Звенья Марии Беловой и Веры Поповой колхоза «Памяти Ленина» Змеиногорского района собирали 383 ц с га. На алтайской свекле работали два «мощных» завода в Бийске и Алтайске [1, с. 28].

Показывались успехи в выращивании семян подсолнечника в колхозе «Новостройка» Усть-Калманского района, льноволокна и семян льна передовым звеном Екатерины Андросовой колхоза «Украинец» Сорокинского района, махорки звеном Манефы Ивановны Галаниной в колхозе «Герой труда» Алтайского района, соломки южной конопли звеном Никифора Фёдоровича Балахнина в колхозе имени Мичурина того же района [1, с. 29]. Об успехах внедрения южной конопли и в сельское хозяйство Новосибирской области информировал специальный «большой стенд» [1, с. 18].

В горной Шории, где по данным авторов путеводителя, до революции «не знали слово «хлеб», колхозники хозяйства «Красный Шор-Анчи», впервые посеявшие 10 га «хлеба» в 1931 г., увеличили посевную площадь до 212 га и в 1938 г. собирали 14.6 ц зерновых с гектара. Нарым из региона, «жившего на завозном хлебе» превратился в регион, дававший государству «тысячи тонн зерна». Площади посевов зерновых к 1938 г. по сравнению с 1913 г. увеличились больше чем в 52 раза. В «таежных» условиях колхоз имени Молотова Бакчарского района с собрал по 17.3 ц с гектара на площади 239 га. [1, с. 18].

Особое внимание уделялось успехам в деле продвижения пшеницы на север. «Схематическая карта» Омской области показывала, что границы посевов в 1913 г. не доходившие до 56-й параллели, в 1938 г. появились и за 60-ой. Остяко-Вогульский округ, не выращивавший пшеницу в 1913 г., в 1938 г. имел 1054 га посевов. Успехи продвижения пшеницы конкретизировались на примере колхоза Калинин Тарского района. Осваивая таежные земли, «раскорчевывая» вековую тайгу, «калининцы отвоевали» 170 га земли. «Диапозитивный наплывной фильм» подробно рассказывал об агротехнике, применяемой в колхозе. Средний урожай составлял 21 ц с гектара, превышая, например, на 10 ц представленные на Выставке показатели колхоза «Третья пятилетка» Сейтлерского района Крымской АССР [3, с. 93].

На стенде Красноярского края центральное место занимал макет, изображавший разрез почвы в районе вечной мерзлоты. Успехи в передвижении границы выращиваемых культурных растений на севере иллюстрировали результаты колхоза «Северный пахарь» Туруханского района. На посевной площади 312 га собирали в среднем по 13,6 ц с гектара. В 1938 г. урожайность озимой пшеницы составляла 20 ц и более, ячменя 19,5 ц с гектара [1, с. 38].

Количественные показатели дополнялись качественной оценкой. Сообщалось, например, что «суровый Красноярский край не отстает от черноземного юга» [1, с. 34].

В путеводителе 1940 г. уже констатировалось значение Сибири как второй пшеничной базы, богатейшей житницы СССР [4].

Ярким примером аграрной модернизации представляли достижения сибирского садоводства в реконструктивный период. Цифровые показатели расширения площади садов, роста урожайности, интродукции и селекции сортов в передовых по садоводству сибирских колхозах, иллюстрировались натуральными экспонатами в виде плодов, наполнявших огромную корзину, несколькими сортами яблонь и вишни, размещенных в садах Выставки, непрерывно двигавшимися фотокадрами с текстами, расположенными на фоне цветущих яблонь, создававших образ «цветущей» советской Сибири [1, с. 20, 27, 41-42; 5, с. 36].

Изменение количественных и качественных показателей фиксировалось и в таких отраслях сибирского сельского хозяйства как коневодство, свиноводство, овцеводство, кролиководство, птицеводство, овощеводство, пчеловодство.

Новосибирская область называлась родиной молочно-товарных ферм [1, с. 15]. Урожай картофеля, собранный новосибирскими сельчанами, определялся как «мировой рекорд» [1, с. 14]. Рассказывалось о круглогодичных урожаях свежих тепличных овощей, в частности огурцов, и прекрасно растущей клубнике в совхозе «Полярный» Красноярского края [1, с. 38].

Особенностью создания образа Сибири являлась акцентированная бинарность. Облик региона создавался через оппозиции природы и культуры, нищеты и благосостояния, кустарного и индустриального, традиции и модернизации, творчества и застоя. Эмоциональный аспект исторической модели Сибири обеспечивался визуализацией основных идейных составляющих при помощи широко использовавшихся традиционных жанров художественной культуры (скульптура, барельефы, живопись) и

новых технических средств (диафильмы, действующие макеты, светящиеся строки, наплывные картины, наплывные аппараты, электрифицированная карта Сибири, макеты-диорамы, фотофильмы).

Список литературы

1. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (1939; Москва). Сибирь: путеводитель. М.: ОГИЗ; Сельхозгиз, 1939. 46 с.
2. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (1939; Москва). Павильон «Зерно»: путеводитель. Москва: Изд-во ОГИЗ; Сельхозгиз, 1939. 63 с.
3. Левина, Ж. Е. Репрезентация омской деревни в путеводителях Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1939–1940 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 92-99.
4. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. М.: ОГИЗ, СЕЛЬХОЗГИЗ. 1940. Без указ.с.
5. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (1939; Москва). Сады Выставки: путеводитель М.: ОГИЗ; Сельхозгиз, 1939. 60 с.

УДК 94(571)

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЫБНОЙ ОТРАСЛИ В 1920–1980-Е ГГ.

Ангадаева Юлия Юрьевна
канд. ист. наук, доцент

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия
yulee@mail.ru

В советский период развитие рыбного хозяйства поддерживалось системой государственной поддержки, что позволяло успешно развивать рыбную отрасль и решать социальные проблемы рыбодобывающих регионов. Руководство страны всегда уделяло огромное внимание развитию рыбной промышленности как отрасли продовольственного обеспечения населения. За годы советской власти в короткий срок на основе реализации планов по индустриализации страны была создана материально-техническая база рыбной промышленности. В статье рассматриваются проблемы подбора, обучения и повышения квалификации кадров республики Бурятия в 1920-е-1980-е гг.

Ключевые слова: рыбные заводы; рыбная промышленность; Байкал; партийные организации; рыбная отрасль.

STAFFING OF THE FISHING INDUSTRY IN THE 1920S – 1980S

Angadaeva Yuliya Yurievna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia
yulee@mail.ru

In the Soviet period, the development of fisheries was supported by a system of state support, which made it possible to successfully develop the fishing industry and solve the social problems of fishing regions. The country's leadership has always paid great attention to the development of the fishing industry as a food supply industry. Over the years of Soviet power, in a short time, on the basis of the implementation of plans for the industrialization of the country, the material and technical base of the fishing industry was created. The article discusses the problems of selection, training and advanced training of personnel of the Republic of Buryatia in the 1920s-1980s.

Keywords: fish factories; the fishing industry; Baikal; party organizations; fishing industry.

Расположение Иркутской области и Республики Бурятия на берегу богатейшего природными ресурсами оз. Байкал обуславливает экономическую направленность Байкальского региона, важную роль в развитии которого играет рыбная промышленность. Поэтому ее изучение является одной из актуальных проблем региональной истории.

Деятельность рыбохозяйственных предприятий на Байкале теснейшим образом была связана с технической оснащённостью рыбаков и перерабатывающих предприятий, а также кадровым обеспечением рыбной отрасли.

Слава о рыбных промыслах Еравно-Харгинской системы озёр идет давно. Еще в начале XIX в. здесь вылавливалось ежегодно более 150 тонн рыбы. Торговые отношения с Китаем способствовали росту населения вдоль торгового пути Верхнеудинск-Еравнинский острог-Нерчинск. В 1815 г. возникли селения Укыр, Домна, Погромное, Сосново-Озерское. С этого времени рыбный промысел становится существенной частью экономики этого региона. Прибрежное население круглый год занималось рыбной ловлей, часть продукции использовалась для питания, остальная служила продуктом обмена. В материалах исследователей Верхнеудинского округа, датированных 1841 г. говорится, что после Байкала Еравнинские озера по промыслам первые в округе, а зимой и летом ловят в них неводами шук, сорог и окуней [1, с. 130].

После революции, в период неурожаев 1919-1925 гг., масса крестьян-земледельцев пополнила местное рыбацкое население. Вплоть до 1928 г. лов был исключительно единоличным. С 1928 г. происходит объединение рыбаков в коллективы. В 1931 г. образуется Еравнинское рыбоохранное товарищество, которое возглавлял председатель Петров Яков Михайлович. Осенью 1933 г. в составе Востсибкрайрыбтреста был образован Еравнинский рыбозавод. Организатором и первым директором рыбозавода стал Кыштымов П. И., который руководил до 1942 г. В первый же год работы рыбаки выловили 7600 ц рыбы. В этом была большая заслуга бригадиров Курбетьева В. Я., Минеева С.А., Байбородина С.С. В 1940 г. добыча рыбы увеличилась до 10560 ц. К этому времени завод имел 4 пункта по приемке и переработке рыбы: Гарам, Малая Еравна, Тулдун и Исинга. Контора рыбозавода находилась в с. Укыр, там же был бондарный цех, цех по производству корзин и сапожный. Завод занимался и лесозаготовительными работами, выпускал соленую, вяленую, копченую рыбопродукцию, которую отгружал на ст. Могзон, откуда она направлялась в г. Читу и Улан-Удэ [2, л. 124].

Через непродолжительное время все рыбпункты были обустроены. На них были построены добротные общежития для рыбаков, одно- и двухквартирные дома для постоянных работников, бани и магазины, а в Гараме, кроме того, школа и медпункт [3, л. 1].

Позднее на рыбпунктах Гарам и Тулдун были построены детские сады. Летом, в межпутинный период, часть рыбаков направлялась на плетение корзин, которых приходилось запасать довольно большое количество, т. к. другой тары для уборки рыбы рыбозавод в те годы не имел. Для затаривания рыбы на пунктах были оборудованы помещения, а также ледовые площадки для заморозки, где рыба сортировалась [4, л. 5].

С начала Великой Отечественной войны большинство мужчин-рыбаков ушло на фронт. Места мужчин на промысле рыбы заняли женщины и подростки. В годы войны добыча рыбы не только не снизилась, а, наоборот, увеличилась. В 1941 г. было выловлено 12610 ц, в 1942 г. – 17900 ц, а в 1943 г. лов рыбы достиг рекордного за весь период существования завода уровня – 25070 ц. Дополнительная добыча была обеспечена за счет организации в сельхозколхозах рыболовецких бригад. Байкалрыбтрест предложил Еравнинскому рыбозаводу от сезонной добычи перейти к круглогодичной. В связи с этим, перед Еравнинским рыбозаводом встали серьезные проблемы – нужно было решить вопрос о сооружении орудий лова и гребного флота для ведения летнего промысла, а также создать рыбоперерабатывающую базу для хранения и выпуска продукции летом [5, л. 8].

В начале 1942 г. завод получил задание от рыбтреста срочно организовать и освоить выпуск рыбных концентратов для снабжения Красной Армии, а также освоить выпуск сушеной продукции. В Гараме была построена специальная печь с сушильными камерами для производства рыбных концентратов. Полученная мука и крупа с разными приправами упаковывалась в специальные мешочки. Достаточно было высыпать несколько ложек в котелок с кипящей водой и уха готова [6, с. 307].

Коллектив Еравнинского рыбозавода все военные годы работал самоотверженно, под девизом «Все для фронта, все для победы!». В начале осенне-зимней путины рыболовецкие бригады делали по три притонения в день. Руководили бригадами Курбетьев В.Я., Байбородин С.С., Лошкарёв П.М., Фомин Н.Е. Добыча рыбы шла круглый год, облавливались все лесные водоемы. Рыбаки тянули тяжелые невода (300 м) из хлопчатобумажной нити толстыми пеньковыми канатами. Хороших лошадей забирали на фронт и людям приходилось порой тянуть невода вручную. Тяжелая работа продолжалась от рассвета до заката. Даже в суровые зимы бригады тянули по две тони. Была бригада, состоящая из одних женщин, руководитель – дочь бригадира Байбородина Семена Сергеевича Таисия. Ее бригада ничуть не уступала другим на промысле [7, с. 124].

Переработка рыбы велась в две смены. На быках и лошадях рыбную продукцию вывозили на станцию Могзон, откуда она отправлялась на фронт. В эти трудные годы директорами завода были Георгий Андреевич Перетолчин и Апполинарий Рудович Шадрин. В 1944 г. руководителем завода назначили Банщикова Семена Михайловича, который проработал в этой должности до 1957 г. За годы войны коллективом Еравнинского рыбозавода вместе с сельхозколхозами было добыто 71532 ц рыбы.

Рыбозавод в военное время считался военизированным формированием и сюда через военкомат направлялись военнообязанные, не пригодные к строевой службе. Во время войны с запада прибыло много переселенцев [8, с. 220]. Люди селились в землянках по 2-3 семьи. Так образовалось село Гарам. В одной из землянок поселилась и семья Орловой Е.Ф., в которой было восемь детей. Старший сын Василий пришел на завод в 14 лет кононом. В дальнейшем Василий Константинович стал известным бригадиром, 13 лет проработал директором рыбозавода. Начинали рыбаками и братья Орлова В.К. Александр и Николай. 23 года Николай Константинович проработал бригадиром рыболовецкой бригады, а затем был назначен директором рыбозавода, проработав до 1988 г. В последующее время в рыбозаводе продолжили работать сыновья Орлова Н.К.

Была в рыбозаводе и другая рыбацкая династия – династия Григорьевых. Начиналась она с братьев Григорьевых – Василия Егоровича и Алексея Егоровича. Сыновья Григорьева А.Е. Иван и Николай тоже работали бригадирами рыболовецких бригад. Позднее на заводе трудились их дети и внуки.

Лов рыбы неводами подо льдом являлся трудоемким процессом, особенно на Еравнинских озерах, где толщина льда часто превышала два метра. Для одного притонения необходимо было продолбить до 100 лунок. Многие годы эта работа проводилась вручную, пока конструкторы Ставропольского опытно-механического завода не создали механический льдобур. И первыми в объединении «Байкалрыбпром» еравнинские рыбаки организовали механизированные бригады с МТЗ-52 и прицепными льдодурами. Специалисты «Байкалрыбпрома» и практики внесли более 20 предложений по усовершенствованию конструкции льдодура [9, с. 100].

Большая заслуга в механизации подледного лова на Еравнинских озерах принадлежит Артюнину И.М. добытчику «Байкалрыбпрома», бригадирам Орлову Н.К., Коваленко В.С. Внедрение льдодуров значительно облегчило труд рыбаков и увеличило производительность труда.

В последующие годы бригады Еравнинского рыбозавода были механизированы полностью. Все бригады имели передвижные утепленные будки, в которых можно было погреться в зимнюю стужу и принять горячую пищу.

С начала 1980-х гг. значительно возрос жизненный уровень работников. Почти все работавшие в рыбозаводе работники имели квартиры, о которых в годы войны людям, жившим в землянках, приходилось лишь мечтать.

Еравнинский рыбозавод (после приватизации ОАО «Нептун») в 1990-е-2001 г. старался выполнить намеченное задание по добыче и переработке рыбы. Проводились значительные работы по воспроизводству рыбных запасов района. С 1969 г. начался завоз личинок ценных видов рыб: пеляди, леща, сазана, омуля, байкальского сига. С 1969-2001 г. было завезено более 800 млн. личинок и молоди этих видов рыб. С 1985 г. в Еравне началось строительство ОТРХ (озерного товарного рыбного хозяйства). С окончанием строительства ОТРХ изменился гидрологический режим основных промысловых водоемов, улучшились условия нереста рыб. Рыбоводство способствовало тому, что в Еравнинских водоемах прижились пелядь, лещ, сазан. Разведение ценных видов рыб значительно увеличило эффективность рыболовства [10, с. 263].

За годы работы предприятие не раз отмечалось грамотами и денежными премиями по итогам Всесоюзного социалистического соревнования.

Руководство Еравнинским рыбозаводом осуществляли И.П. Кыштымков в 1933-1941 г., Г.А. Перетолгин в 1942-1943 г., А.Р. Шадрин в 1943-1944 г., С.М. Банщиков в 1944-1957 г., И.И. Кушеев в 1957-1960 г., И.Д. Максимов в 1960-1963 г., А.С. Зобнин в 1963-1967 г., Н.П. Попов в 1967-1970 г., В.К. Орлов в 1970-1982 г., Г.Д. Крапивин в 1982-1983 г., Н.К. Орлов в 1983-1988 г., с 1988 г. – И. В. Халько [11, с. 271].

Доброй памяти заслуживают следующие работники, добросовестно проработавшие на заводе многие годы: старшие бухгалтера: Н.Г. Бурмакин, М.П. Поддубный, М.П. Князева, В.Р. Кугаевская; экономисты: К.А. Балдунников, Н.Б. Стебеньков, В.И. Курбетьева, М.А. Байбородина; добытчики: Г.Н. Устюкин, Н.Г. Кугаевский; технологи: Т.И. Бархатова, А.Г. Уварова; начальники рыбпунктов: О. Хамаганов, Н.И. Юдин, Г.С. Белобородов, К.А. Чапайкин, Н.П. Попов, П.Т. Димов; мастера обработки рыбы: Н.С. Байбородина, Г.Х. Исупова; бригадиры рыболовецких бригад: С.С. Байбородин,

В.Я. Курбетьев, А.Е. Григорьев, В.Е. Григорьев, В.Г. Лухнев, В.К. Орлов, В.С. Коваленко [12, с. 395].

Несмотря на сложившуюся политическую и экономическую обстановку в стране, связанную с распадом СССР, на заводе оставались старые добрые традиции, коллектив Еравнинского рыбозавода продолжал трудовую вахту своих отцов и дедов, отпраздновал 70-летие образования предприятия.

Список литературы

1. Голубая нива Бурятии. М-во сельского хозяйства и продовольствия РБ. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. С. 109-115.
2. ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3986. Л. 124.
3. ГАРБ. Ф. п-1248. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.
4. ГАРБ. Ф. р-1388. Оп. 1. Д. 517. Л. 5.
5. ГАНИИО. Ф. 572. Оп. 1. Д. 66. Л. 8.
6. Аргунова (Ангадаева) Ю. Ю. Проблемы комплектования руководящих и инженерно-технических кадров на предприятиях рыбной отрасли Иркутской области в первой половине 1950-х гг. // Вестник ИРГТУ. 2015. № 6 (101). С. 307.
7. Аргунова (Ангадаева), Ю. Ю. Развитие рыбной отрасли Иркутской области в 1950–1960-х гг. // Известия ИГЭА. 2014. № 3 (95). С. 124.
8. Гайдин, С. Т. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822–1991 гг.) / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015. – 370 с.
9. Ангадаева, Ю. Ю. Становление и развитие деятельности Кабанского рыбозавода в 1930-1999-е гг. Гришаевские чтения: мат-лы V Международ. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева (Красноярск, 24-25 ноября 2022 г.) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. - Красноярск, 2023. – С. 99-106.
10. Ангадаева, Ю. Ю. Историко-правовой аспект борьбы с браконьерством в Республике Бурятия / Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2023. №2. – С. 262-266.
11. Ангадаева, Ю. Ю. Рыбная отрасль Республики Бурятия в 1990-2000-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023. - Иркутск: Изд. Дом БГУ, 2023. – С. 270-273.
12. Ангадаева, Ю. Ю. Проблемы воспроизводства рыбных запасов на Байкале в 1950-1980-е гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. - Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. – С. 394-402.

УДК 94(47+57)

«СОВЕТСКИЙ КЛОНДАЙК» СЕРГЕЯ БЕРГАВИНОВА

Зыкин Иван Валерьевич

канд. ист. наук, доцент

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург, Россия

zivverh@mail.ru

В Советском Союзе в развитии северных и восточных окраин большую роль сыграла лесная промышленность. На основе официальных выступлений Сергея Бергавинова, крупного партийного деятеля, в 1927 – 1931 гг. возглавлявшего Архангельскую губернию, Северный край и Союзлеспром, показано, как обосновывались направления развития лесной промышленности и лесного экспорта на Европейском Севере.

Ключевые слова: первые пятилетки, индустриализация, лесная промышленность, экспорт, Северный край, Бергавинов

«SOVIET KLONDIKE» BY SERGEY BERGAVINOV

Zykin Ivan Valerievich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

*Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia,
zivverh@mail.ru*

In the Soviet Union, the forestry industry played an important role in the development of the northern and eastern outskirts. Based on the official speeches of Sergey Bergavinov, a major party figure who headed the Arkhangelsk province, the Northern Territory and the Soyuzlesprom in 1927 – 1931, it is shown how the directions of development of the forest industry and forest exports in the European North were justified.

Keywords: the first five-year plans, industrialization, forestry industry, export, Northern territory, Bergavinov

Для Советского государства вопросы развития окраин стали одними из приоритетных в экономической, национальной и социальной политике. В северных и восточных районах лесная отрасль играла пионерную роль. Первые пятилетки стали временем определения и начала реализации новых подходов к лесопользованию. Сформировалась когорта авторитетных руководителей (преимущественно из числа большевиков с дореволюционным стажем, активных участников Гражданской войны) хозяйственных ведомств и регионов, для которых реализация амбициозных экономических, административно-территориальных, политических и социальных проектов стала делом жизни. Разделявшие ценности построения социализма, индустриализации, побывавшие в странах Европы и Северной Америки, они смогли выступить идеологами преобразований, начать их осуществление (многие из них подверглись репрессиям в 1937–1938 гг.).

Одним из таких деятелей стал С. А. Бергавинов (1899–1937 гг.). Участник Гражданской войны, руководитель региональных чрезвычайных комиссий, окружного комитета на Украине, ответственный инструктор ЦК РКП(б). Карьера Бергавинова пошла вверх после его назначения в 1927 г. ответственным секретарем Архангельского губернского партийного комитета. Четыре года жизни этого деятеля связаны с Европейским Севером и одним из главных ресурсов страны – лесом. Активная работа на постах партийного руководителя Архангельского губернского, а затем Северного краевого комитетов, начальника Союзлеспрома ВСНХ СССР (в 1930 г. он стал также кандидатом в члены ЦК ВКП(б)) обеспечила ему новые назначения. Но именно развитие окраинных территорий (Дальнего Востока, севера Сибири) определяло деятельность С. А. Бергавинова, за что он был награжден (в дополнение к ордену Красного Знамени в 1923 г.) орденами «Знак Почета» в 1936 г. и «Красная Звезда» в 1937 г. [7, л. 2]. На начальном этапе массовых репрессий Бергавинов был арестован 1 ноября 1937 г., виновным себя не признал и покончил жизнь самоубийством 12 декабря 1937 г. [7, л. 8].

После окончания Гражданской войны Европейский Север рассматривался Советской властью в качестве приоритетного с точки зрения развития лесной промышленности и экспорта древесины. Разработка и начало реализации первого пятилетнего плана усиливала значение этого региона в отрасли и внешнеторговой деятельности. Проекты по индустриальному развитию Европейского Севера отражены в таких популярных концептах, как «валютный цех страны», «всесоюзная лесопилка». Редко фигурировавший в выступлениях С. А. Бергавинова эпитет «Советский Клондайк» представляется более личным для этого деятеля. Анализ его речей на региональных и центральных партийных мероприятиях позволит осмыслить эволюцию взглядов на развитие лесной промышленности страны и Европейского Севера, вклад в индустриализацию отрасли и этого окраинного региона.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. основные идеи выступавших на партийных съездах и конференциях участников на тему развития лесной промышленности сводились к необходимости активизации освоения лесных ресурсов, увеличения объемов экспорта древесины, проведения механизации лесопромышленной деятельности. С. А. Бергавинов как раз сумел связать задачи экспорта лесных ресурсов и материалов с необходимостью индустриализации Европейского Севера, проявив себя хорошим знатоком тенденций лесной отрасли.

На XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) он обратил внимание на недостаточную проработку вопросов развития отрасли и лесного экспорта в первом пятилетнем плане и годовых планах и указал на лидерство Швеции и Финляндии в лесном экспорте, которым Советский Союз существенно уступал. Причины такого положения секретарь Архангельского губернского партийного комитета видел в низком уровне механизации лесопромышленной деятельности и неудовлетворительном состоянии

лесопильных предприятий. С. А. Бергавинов настаивал также на сооружении предприятий по глубокой переработке древесины, оперируя близостью региона к внешним рынкам, куда предлагалось направлять целлюлозу (а это позволяло быстрее окупить стройку), и необходимостью использования древесных отходов. Далее секретарь Архангельского губернского комитета ВКП(б) просил центральные органы включить регион в «первоочередной план переселения», поскольку в связи с его промышленным развитием дефицит трудовых ресурсов существенно возрос [1, с. 815–818].

С. А. Бергавинов остановился и на других регионах, перспективных с точки зрения экспорта лесных ресурсов и материалов. Он выделил в первую очередь Крайний Север и Дальний Восток, что позволило бы выйти на рынки восточноазиатских государств, Австралии и Океании [6, с. 167–172]. Побывав в заграничной командировке в начале 1930-х гг., он признавал также высокое качество советской древесины по сравнению со шведской и норвежской, но более худшую ее отделку, и отмечал необходимость расширения ассортимента продукции [5, с. 11].

С. А. Бергавинов проделал огромную работу по обоснованию необходимости создания Северного края с центром в г. Архангельске, разбив своих политических противников. Основной экономической задачей этого административного субъекта стало увеличение объемов лесопромышленной деятельности и экспорта лесных товаров. На XVI партийной конференции (апрель 1929 г.), накануне масштабных реформ лесного комплекса, С. А. Бергавинов связывал развитие Северного края, образованного в начале 1929 г. в составе Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми автономной области, в первую очередь с лесной промышленностью и лесным экспортом. Однако он высказал опасение о возможном срыве намеченных планов, прежде всего из-за слабой связи с отраслями с проектами в области водного и железнодорожного транспорта. Бергавинов выступил за еще более высокие темпы развития лесной промышленности в Северном крае, чем предусматривалось в первом пятилетнем плане. Мощный рост «крупной» промышленности давал возможность руководству Северного края просить центральные органы об увеличении капитальных вложений в лесную отрасль региона, экспорт продукции которой позволял получить дополнительные валютные средства, которые направлялись на дальнейшее развитие «крупной» промышленности. Наконец, С. А. Бергавинов, выдвинул идею децентрализации «в некоторой степени» руководства лесопромышленным комплексом, что позволило бы эффективнее управлять строительством и реконструкцией предприятий [2, с. 108–109].

С. А. Бергавинов на I партийной конференции Северного края определил экономические профили региона: «лесной, лесопромышленный и животноводческо-промысловый, экспортного направления». Экономика округов, за исключением Самоедского, строилась в первую очередь на лесной промышленности [4, с. 5–6]. Бергавинов пытался не просто донести свою позицию до делегатов конференции, но и вызвать нужный отклик, отбросив прочие мнения по поводу развития края в ближайшие годы, доказывал, что край, выполняя задачи по заготовке, экспорту древесины, помогает делу социалистического строительства. Очевидна «миссия» руководителя Северного краевого бюро ЦК ВКП(б) – способствовать масштабным преобразованиям на Европейском Севере, являясь их идеологом, мобилизовать местные людские ресурсы на «образцовую напряженную работу».

Судя по выступлению, леса для него представлялись тем экономическим ресурсом, на основе которого Северный край превращался в индустриализированный регион. Романтично – в силу крупных лесных площадей и запасов древесины – звучала характеристика лесного хозяйства региона – Советский Клондайк. С. А. Бергавинов, однако, сразу предостерег хозяйственников, что в связи с ростом плановых заданий «без налаживания хозяйствования лесу мы рискуем вырубить близлежащие к сплавным путям лесные массивы». В этом случае не удалось бы достичь снижения себестоимости продукции.

Другое дело, что Бергавинов, формулируя политическую и экономическую программу, мог опереться только на скромную социальную базу (55 тыс. рабочих) и слабо развитую – в масштабах макрорегиона – промышленность. Тактика нового руководителя, наряду с возложением вины за неудовлетворительную работу промышленности на руководство хозяйственных и партийных организаций, предполагала подготовку и переквалификацию кадров, призыв к энтузиазму молодежи. Вообще, стратегические императивы С. А. Бергавинова звучали крайне противоречиво. Если проведение конференций позволяло привлечь сельское население на лесозаготовки, по крайней мере в планах, то было непонятно, где взять столько «лучших рабочих», которые бы «поднимали производительные силы». Сумятицу вносила и мысль Бергавинова о заготовке древесины как главной задаче лесной кооперации («она должна бросить лесозаводы»). А ведь речь шла о крупном производителе изделий из дерева и лесохимической продукции [4, с. 7–14, 20, 22].

На XVI съезде ВКП(б) (июнь 1930 г.) С. А. Бергавинов проанализировал состояние европейского рынка лесных материалов, где Советскому Союзу удалось улучшить свои позиции, и выступил за специализацию лесопромышленных районов страны: по экспорту древесины с развитием в них лесопильной и целлюлозно-бумажной отраслей (Ленинградская область, Северный край и Дальний Восток) и по удовлетворению внутренних потребностей (остальные районы). Он считал, что это стало бы наиболее благоприятным решением проблем транспорта древесины и снабжения лесными ресурсами и материалами внутреннего и внешнего рынков. По мнению С. А. Бергавинова, требовалось также решить вопрос о передаче лесной промышленности из ведения РСФСР в союзную промышленность, что должно было способствовать повышению эффективности строительства предприятий и экспорта древесины [3, с. 170–171].

С. А. Бергавинов, выступая на I объединенном съезде рабочих лесной и деревообрабатывающей промышленности в 1931 г. (брошюра с речью была отпечатана гигантским тиражом – 125 тыс. экземпляров), явно забежал вперед при характеристике технического уровня лесной промышленности СССР и уж тем более в сравнении со скандинавскими странами («нам в смысле лесопильной техники учиться почти нечему»). Правда, затем он добавил, что это только первые шаги в индустриальном развитии отрасли [5 с. 4–5, 8–9]. С другой стороны, видение Бергавинова относительно основных направлений развития лесной промышленности (лесопромышленное районирование с целью более концентрированного вложения средств; организация новых производств по механической обработке и глубокой переработке древесины) следует признать логически оформленным.

В марте 1931 г., когда С. А. Бергавинов был переведен в Москву для работы в Союзлеспроме, руководство Северного края в лице нового секретаря краевого комитета В. И. Иванова (в 1936 г. возглавил Народный комиссариат лесной промышленности СССР), давая характеристику своему предшественнику, восторгалось результатами его деятельности за предыдущие годы [8, с. 225]. Однако реальная ситуация в регионе и лесной промышленности отличалась от содержания газетных публикаций. В Северном крае (был разукрупнен в 1936–1937 гг.) с его одноотраслевой структурой экономики главными объектами всесторонней критики стали не только молевой сплав, наносивший стране большие экономические и экологические убытки, но и проблемы в других сферах лесной промышленности. В период массовых репрессий 1937–1938 гг. органы внутренних дел обнаружили истоки проблем отрасли в деятельности С. А. Бергавинова. По логике следствия, после 1931 г. в регионе, ставшем одним из ведущих центров лесной промышленности в стране, «вредительская» деятельность складывалась из формирования одноотраслевого характера экономики, «срыва лесозаготовок, вредительства на сплаве, в лесопилении и лесоэкспорте» (продаже лесных ресурсов и материалов по заниженным ценам), невнимания к улучшению жилищно-бытовых условий рабочих, своевременной выплате зарплаты [9, с. 388, 390]. В результате многие руководящие кадры Архангельской области, а также С. А. Бергавинов и В. И. Иванов подверглись репрессиям.

Если судить о деятельности С. А. Бергавинова на руководящих должностях в Северном крае и Союзлеспроме, его выступлениях на центральных и региональных партийных мероприятиях, то в заслугу деятеля следует поставить обоснование необходимости включения лесопромышленного комплекса в число отраслей тяжелой промышленности, то есть имевших приоритетное финансирование. Разумеется, Бергавинов связывал развитие лесной промышленности с наращиванием экспорта древесины, но в условиях острой политической борьбы в конце 1920-х – начале 1930-х гг. подобную активность следует считать смелой. В то же время он весьма осторожно делал подобные высказывания и периодически отмечал, что не является сторонником быстрых темпов развития легкой промышленности, к которой относилась лесная промышленность. Но активная индустриализация отрасли, осознание партийно-государственными органами потенциала экспорта древесины для получения валютных средств позволяли требовать для лесопромышленного комплекса увеличения инвестиций. Для Северного края, имевшего задел в лесопромышленной деятельности со времен Российской империи и периода Новой экономической политики, это было насущной задачей. Можно было в относительно короткие сроки развить этот компонент, укрепив его роль в региональной экономике. Потенциал лесных ресурсов и лесной отрасли Европейского Севера стал для С. А. Бергавинова «Советским Клондайком», определившим карьеру деятеля (как, впрочем, и основание для репрессий) и вектор экономического развития региона.

Список литературы

1. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1928. 1416 с.

2. XVI конференция Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1929. 336 с.
3. XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. 1416 с.
4. Бергавинов, С. За социалистическую индустриализацию Севера. Доклад о работе Севкрайбюро ЦК ВКП(б) на первой Северной краевой партконференции (Приложение к газете «Правда Севера» № 80). Архангельск, 1929. 32 с.
5. Бергавинов, С. Лесная промышленность на помощь индустриализации. М., 1931. 16 с.
6. Бергавинов, С. О лесе, лесной промышленности и лесном экспорте (Пути увеличения поступления валюты) // Свободная мысль. 2009. № 1. С. 161–174.
7. ГАРФ. Ф. Р7523. Оп. 60. Д. 1692.
8. Холодный дом России: документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера / ред.-сост. С. И. Шубин. – Архангельск, 1996. 320 с.
9. Шубин, С. И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики в 1920–1930-е годы: Монография. Архангельск, 2000. 463 с.

УДК 94(47).084.9; 94(57)

ПРОМЫШЛЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ОКРУЖАЮЩУЮ ПРИРОДНУЮ СРЕДУ ГОРНОГО АЛТАЯ В 1950–1980 гг.: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Каташев Максим Степанович
канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник
Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»,
г. Горно-Алтайск, Россия
kms_37@mail.ru

Статья посвящена проблеме экологических последствий промышленного производства в Горном Алтае в период с середины 1950-х по конец 1980-х гг. Освещены основные этапы и факторы воздействия промышленных предприятий на окружающую природную среду. Показаны его негативные последствия, которые выражались в загрязнении воздушного бассейна, и водоисточников и истощении лесного фонда региона.

Ключевые слова: промышленное производство, экологические последствия, Горный Алтай, сырьевой характер производства.

INDUSTRIAL IMPACT ON THE NATURAL ENVIRONMENT OF THE GORNY ALTAI IN 1950–1980: MAIN FACTORS AND TRENDS

Katashev Maxim Stepanovich
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher
Budgetary scientific institution of the Altai Republic «Research Institute of Altaic Studies named after. S.S. Surazakova», Gorno-Altai, Russia
kms_37@mail.ru

The article is devoted to the problem of the environmental consequences of industrial production in the Gorny Altai in the period from the mid-1950s to the late 1980s. The main stages and factors of the impact of industrial facilities on the environment are covered. Its negative consequences are shown, which were expressed in the pollution of the air and rivers and the depletion of the forest of the region.

Key words: industrial production, environmental consequences, Gorny Altai, raw material nature of production.

Республика Алтай относится к периферийным регионам, она занимает приграничную территорию с Казахстаном, Китаем и Монголией. Крайний характер, отдаленность от центров экономической жизни послужили причинами отставания в социально-экономическом развитии. Окружающая

природная среда региона на протяжении десятилетий подвергалась негативному хозяйственному воздействию, которое сформировало целый ряд экологических проблем.

Последние 25 лет в отечественной историографии основное внимание уделялось индустриально развитым регионам с высокой степенью концентрации производительных сил, что вполне объяснимо, поскольку экологическая ситуация в промышленных агломерациях носит для населения достаточно ощутимый характер. Акцент в исследовании ставился на изучение негативных последствий развития наиболее энергоемких отраслей – металлургической, химической, целлюлознобумажной промышленности, топливно-энергетического комплекса [4; 5; 9; 10; 12; 14]. Между тем экологические аспекты развития отстающих в социально-экономическом отношении регионов, пока не получили достаточно подробного рассмотрения в научно-исторической литературе.

В данной статье представлена попытка в обобщенном виде осветить основные факторы формирования экологических проблем в Горном Алтае в период его интенсивного промышленного освоения – с середины 1950-х по конец 1980-х гг., когда быстрыми темпами происходило формирование промышленного потенциала в восточной части РСФСР. Поскольку тема экологических последствий промышленного освоения региона представляет широкий спектр вопросов, которые могут стать самостоятельным предметом исследования, рассмотрим только наиболее важные, на наш взгляд, аспекты проблемы.

До 1991 г. Горно-Алтайская автономная область входила в состав Алтайского края. Социально-экономическое развитие горных территорий, к числу которых относится и Горный Алтай, отмечено сходными экономико-географическими условиями. Особенностью экономики области являлись слабая производственная инфраструктура и сырьевой характер производства, которые сыграли основную роль в становлении экологических проблем в регионе.

Во второй половине 1950-х гг. – начале 1960-х гг. в Горно-Алтайской автономной области была реализована программа капитального строительства новых промышленных объектов. Появились фабрики легкой промышленности, размещенные в областном центре г. Горно-Алтайске: ткацкая, гардинно-тюлевая, швейная, находившиеся в ведении министерств РСФСР. К этому времени в области действовали предприятия цветной металлургии союзного подчинения: Акташский горнометаллургический завод – по выработке ртути, и золотоизвлекательная фабрика на руднике Веселом. На северо-востоке региона, в Турочакском и в Чойском районах, построены леспромхозы: Байгольский, Турочакский, Горно-Алтайский опытный, относившиеся к Министерству лесного хозяйства РСФСР. Трудовые коллективы перечисленных фабрик и лесопромхозов составляли от 300 до 650 человек производственно-промышленного персонала, что для региона с численностью населения около 156 тыс. чел. являлось большим достижением. Была создана система профессиональных промышленных рабочих на постоянной основе вместо сезонных из числа колхозников. К началу 1960-х гг. в Горном Алтае сформировалась структура промышленного комплекса, просуществовавшая до 1991 года.

Новые промышленные предприятия были спроектированы во второй половине 1940-х гг. Системы водоочистки, пылеулавливания – на фабриках легкой промышленности, и системы конденсации и фильтрации выбросов – на предприятиях цветной металлургии, не планировалось устанавливать изначально. Вплоть до начала 1960-х гг. условия труда в цехах Акташского металлургического завода, где перерабатывалась ртуть, оставались опасными для здоровья вследствие сильной загазованности ртутными парами, уровень которой превышал предельно допустимые концентрации (ПДК) в десятки и сотни раз [6, л. 25]. В итоге в 1962 г. завод по предписанию Горгостехнадзора и Алтайской краевой санитарно-эпидемиологической службы был временно закрыт до установления систем газоочистки и водоотведения [7, л. 41, 42]. После реконструкции предприятия и выполнения всех требований завод возобновил работу. В результате к 1967 г. уровень загазованности ртутными парами в цехах Акташского металлургического завода снизился, прекратились ртутные интоксикации рабочих [11, с. 107]

На фабриках легкой промышленности, расположенных в г. Горно-Алтайске, водоочистные сооружения и воздушные фильтры были установлены лишь в начале 1970-х гг. Но несмотря на улучшение ситуации, проблема сброса промышленных стоков и выбросов в воздух вредных веществ продолжала сохраняться и в конце 1980-х гг. [1, с. 17; 2, с. 49].

Другим наглядным подтверждением экологического неблагополучия областного центра было состояние загрязнение рек города отходами производственной деятельности, хозяйственными стоками, мусором и др. Горно-Алтайск находится в пойме р. Маймы и ее притоков, фактически, в водоохранной зоне. Заводы и фабрики были расположены вдоль берегов городских рек, и являлись основным источником загрязнения. Река Майма, по оценке санитарных служб области, относилась к

«сильно загрязненным» рекам. Уровень ее загрязнения составлял: 1,5-2 ПДК - по нефтепродуктам, 2,5 ПДК – по взвешенным веществам [13, с. 3].

Фактором истощения природных ресурсов в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. являлись предприятия лесозаготовительной промышленности. В русле господствовавших в эти годы идеологических установок «взять от природы все, что можно», эксплуатация лесосырьевых ресурсов зачастую сопровождалась бесконтрольной расширенной вырубкой хвойных лесов.

Со сменой политического руководства в 1964 г. предприятия лесозаготовительной промышленности стали переходить на принципы рационального лесопользования, с обязательными лесовосстановительными работами в местах вырубки кедровых лесов. В 1970–1980-е гг. разрыв между площадью вырубки кедровых лесов и площадью посадки лесокультур был сведен к минимуму [8, л. 19, 20]. В немалой степени сохранению лесного фонда Горного Алтая способствовало принятое Соминим РСФСР 7 февраля 1966 г. постановление «Об улучшении ведения лесного хозяйства в кедровых лесах «О защите кедровых лесов», в дальнейшем – постановление Верховного Совета СССР «О мерах по дальнейшему улучшению охраны лесов и рациональному использованию лесных ресурсов» от 17 июня 1977 г.

Вместе с тем, в хозяйственной практике преобладала выборочная вырубка хвойных пород при сохранении мягколиственных (березовых и осиновых). Такая ситуация на долгие годы сложилась по ряду объективных причин: отсутствия железнодорожного сообщения как дешевого способа транспортировки леса, непригодности древесины малоценных пород к сплаву, отсутствия в местах заготовки леса автономных пунктов переработки леса. Последнее обстоятельство во-многом было вызвано отсутствием инициативы к этой идее со стороны Минлесхоза РСФСР ввиду нежелания отвлекать излишнее сырье от Бийского лесоперевалочного комбината. Бийский комбинат был спроектирован в конце 1940-х гг., его производственные мощности были ориентированы на неограниченные объемы переработки леса. Такая ситуация тормозила развитие деревопереработки в Горном Алтае и сдерживала экономическое развитие отрасли. В результате выборочной вырубки древостоев хвойных пород их удельный вес за 1961 – 1989 гг. в структуре государственного лесного фонда на территории области снизился – с 95,7 % до 90 % [3, с. 35].

Итак, воздействие предприятий промышленного комплекса Горного Алтая на окружающую природную среду заключалось, во-первых – в загрязнении природных сред региона: воздушного бассейна, почвенно-растительного покрова, поверхностных водоисточников. Во-вторых – в истощении природной среды, что проявлялось в истощительных рубках лесозаготовительных предприятий до середины 1960-х гг. С переходом к принципам рационального ведения лесопользования хищнические методы заготовки леса были устранены из хозяйственной жизни. Развитие законодательной базы в сфере охраны природы привело к некоторому улучшению экологической обстановки в регионе. Благодаря большим объемам лесовосстановительных работ, последствия сплошной вырубки кедровых лесов удавалось значительно смягчить. Однако необходимость выполнения плана и система валовых показателей зачастую вынуждала хозяйственников широко применять нерациональные методы в лесопользовании, что приводило к расстройству хвойных лесов Горного Алтая.

Список литературы

1. Архивный фонд Западно-Сибирского территориального управления гидрометеослужбы Росгидромета СССР (АФ ЗСТУГМС). Д. 376. С. 17.
2. АФ ЗСТУГМС. Д. 452. С. 49
3. АФ Министерства природных ресурсов, экологии и туризма Республики Алтай (АФ МПРЭТРА. «Сводный проект организации и развития лесного хозяйства Республики Алтай. Т. 1. Объяснительная записка.». С. 35.
4. Букин, С. С., Долголюк, А. А. Экологические проблемы сибирских городов в зеркале общественного мнения // Социально-политические проблемы истории Сибири XVII – XX вв. Межвуз. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1994. С. 163-169.
5. Гайдин, С. Т. Развитие природопользования в Восточной Сибири (1946—1991 гг.). Красноярск: Изд-во Красноярского гос. аграрного ун.-та, 2008. 427 с.
6. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. П-1. Оп.2а. Д.798. Л.25
7. ГАРА. Ф. П-1 Оп.4. Д.183. Л.41,42
8. ГАРА. Ф. Р-647. Оп. 1. Д. 21. ЛЛ. 19, 20
9. Калимуллин, А. М. Историческое исследование региональных экологических проблем. Монография. – М.: Прометей, 2006. – 368 с.

10. Калимуллин, А. М. Экологическая история промышленного города во второй половине XX века/ Казань: Казанский ун-т, 2011. 362 с.;
11. Каташев, М. С. Экологические проблемы горно-металлургической промышленности Горного Алтая (1950–1990-е годы) // Научное обозрение Саяно-Алтая. №4(12). 2015. С. 105-109.
12. Куксанова, Н. В. Экологическая ситуация в Сибирском регионе в период интенсивного освоения (1950–1980 гг.) // Сибирская заимка. 1998 / URL: <http://www.zaimka.ru>»[kuksanova-ecology/](http://www.kuksanova-ecology/) (дата обращения: 17.10. 2023).
13. Медникова, Т. Кто хозяин реки? // Звезда Алтая. 1989. 14 апреля. С. 3.
14. Савчук, Н. В. Социально-экологические проблемы хозяйственного освоения Ангаро-Енисейского региона (1950-е – 1991 гг.). Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра ист. н. / Иркутский госуниверситет. Иркутск, 2007. 46 с.

УДК 334.6

РОЛЬ КРАСНОЯРСКОГО КУПЦА, ПРОМЫШЛЕННИКА И МЕЦЕНАТА М.К. СИДОРОВА В РАЗВИТИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА В СЕРЕДИНЕ XIX В.

Пахомчик Сергей Алексеевич

канд. экон. наук, доцент

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

homa380@yandex.ru

В статье анализируется деятельность одного из ярких представителей красноярского купечества середины 19 века М.К. Сидорова. Отмечен его вклад в развитие минерально-сырьевой базы региона. Его кипучая предпринимательская деятельность по разведке месторождений золота, графита, каменной соли, угля, железных и цветных руд оставила яркий след в развитии современной экономики территории Красноярского края. Подчеркивается его большая роль в закладке основ прокладки северного морского пути (хода). Отражена его благотворительная деятельность и финансовый вклад в просвещение и образование людей, проживающих на Севере.

Ключевые слова: купец, предпринимательство, минерально-сырьевые ресурсы, М.К. Сидоров, северный морской путь, мореходство.

THE ROLE OF THE KRASNOYARSK MERCHANT, INDUSTRIALIST AND PHILANTHROPIST M.K. SIDOROV IN THE DEVELOPMENT OF THE PRODUCTIVE FORCES OF THE YENISEI NORTH IN THE MID-19TH CENTURY

Pakhomchik Sergey Alekseevich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Tyumen State University, Tyumen, Russia

homa 380@yandex.ru

The article analyzes the activities of one of the prominent representatives of the Krasnoyarsk merchant class of the mid-19th century – M.K. Sidorov. His contribution to the development of the region's mineral resource base is noted. His vigorous entrepreneurial activity in the exploration of deposits of gold, graphite, rock salt, coal, iron and non-ferrous ores left a bright mark on the development of the modern economy of the Krasnoyarsk Territory. Its great role in laying the foundations for the construction of the northern sea route (course) is emphasized. His charitable activities and financial contribution to the enlightenment and education of people living in the North.

Key words: merchant, entrepreneurship, mineral resources, M.K. Sidorov, northern sea route, navigation.

200-ий юбилей М.К. Сидорова, который отмечался весной текущего года заставляет по-новому взглянуть на эту незаурядную личность и оценить ее значение для развития Енисейского края. В конце марта 2023 г. в СО РАН Институтами ИЭиОПП и Институтом истории была проведена Всероссийская конференция с названием «Замечателен по уму, предприимчивости, деятельности, неистощимой изобретательности»: предприниматель на русском фронтире. В центре внимания ее участников была поставлена проблема формирования особого типа предпринимателя в зоне фронти-

ра. Одним из ярких представителей такого типа «фронтирного» предпринимателя, по мнению организаторов мероприятия являлся Михаил Константинович Сидоров.

М.К. Сидоров родился в семье архангельского купца в 1823 г. В возрасте 22 лет в 1845 г. переехал в Красноярск. Начиная свою карьеру с должности скромного конторщика у купца В.Н. Латкина — выходца из Усть-Сысольска (современный Сыктывкар). Через некоторое время, проявив себя с положительной стороны на службе, М. Сидоров стал вести переписку купца. Позже защищает интересы Латкина В.Н. в суде, выигрывая судебные дела. Получив известность в среде деловых кругов Красноярска, он успешно занимается судебной практикой. Вскоре женится на дочери Латкина В. И начинает в 1850г собственное дело. С этого момента начинается его восхождение вверх как удачливого предпринимателя [1, с. 244-245].

Сравнительно в короткий срок открыл 200 золотых приисков, которые частично разрабатывал сам единолично, частично в компаниях совместно с другими золотопромышленниками. Это было время, когда в Енисейском крае вспыхнула «золотая лихорадка». Через 10 лет М.К. Сидоров стал миллионером и купцом первой гильдии. Теперь у него появилась финансовая возможность для реализации юношеских замыслов по реализации идей промышленного развития Севера и организации морского пути для связи Сибири с Европой. Все то, о чем, он помышлял в юные годы на родине в Архангельске стало реальной программой его действий. Во-первых, он приступил к осуществлению своей заветной цели, без которой он не мыслил свою жизнь — освоению и развитию северных окраин России, развитию образования в Сибири, ознакомлению Европы с сибирскими и северными богатствами, развитию путей сообщения с Европейской частью России и европейскими странами морским путем. Во-вторых, он ежегодно снаряжал геологические экспедиции и разведочные партии на Север Туруханского края. В 1859 г. он открывает месторождения графита в бассейне реки Нижняя Тунгуска. Организует добычу графита и вывоза его на карандашные фабрики Санкт-Петербурга. На Всемирной выставке 1867 г. в Париже сибирский графит получает высокую оценку. В начале 1860-х гг. изыскательские экспедиции, организуемые М.К. Сидоровым в Туруханском крае открывают внушительные запасы золота, каменной соли, железных и медных руд, каменного угля, точильного камня. Разработка этих месторождений обеспечило бы процветание края. Сидорову приходится прилагать большие усилия для преодоления сопротивления местных властей, считающих, что районы Енисейского Севера не перспективны в хозяйственном отношении.

Для того чтобы появилась возможность вывоза минерального сырья и готовой продукции с отдаленной от рынков сбыта территории, переработки сырья и обеспечения развитие северного края, нужно было создавать Северный морской путь. Много сил, времени и средств затратил Сидоров для открытия северо-восточный морской прохода. Так называли в то время Северный морской путь. И в первую очередь была поставлена цель обеспечить проход судов из бассейна Енисея в Обской бассейн через Карское море и далее уже в европейские районы России. Он предполагал, что если этот морской путь не будет освоен в России, то он будет освоен судами иностранных государств (Англии, Норвегии, Швеции). Тогда приоритет в освоении Арктики будет за ними. Разумеется, что М.К. Сидоров допускал возможность плавания иностранных судов по Северному морскому пути вдоль арктических побережий России, но под контролем соответствующих служб Российской империи.

М.К. Сидоров — выходец из поморов, и как его знаменитый земляк М.В. Ломоносов считал, что плавание на восток по морям Северного Ледовитого океана возможно и даже необходимо для освоения отдаленных территорий страны и их развития [2]. Смелый и независимый промышленник своей борьбой с бюрократией и косной местной властью приобретает большой авторитет среди красноярцев. В 1863 г. они избирают его городской главой. Но губернатор Замятин не утверждает его в этой должности, ссылаясь на его неблагонадежность, возбуждая против него уголовное дело. Что еще более ухудшило взаимоотношения предпринимателя с местной властью.

Для обеспечения нормального развития производительных сил края необходимы грамотные и подготовленные для решения этих задач специалисты. Хорошо понимая это, М.К. Сидоров предпринимает большие усилия по открытию в Восточной Сибири своего университета (в Красноярске, либо в Иркутске). Он объявляет о выделении пуда золота на решение вопроса и готов отдать на эти цели несколько своих золотых приисков. Но идея губернатором Восточной Сибири Муравьевым-Амурским поддержана не была. В 1856г М.К. Сидоров обращается к академику Э.И. Эхвальду с идеей организации университета, предлагая для ее реализации 10 новых золотых приисков, от 1 до 3 млн. руб. и весь наличный капитал. Академик поддержал начинание М.К. Сидорова. Вопрос о создании университета рассматривался в докладе министра народного просвещения императору и был одобрен. Но опять местные сибирские власти, с которыми у Сидорова были натянутые и сложные отношения, что в этом нет необходимости и не поддержали его начинание. И все-таки старания М.К. Сидорова по открытию университета в Сибири не совсем пропали даром. Когда в 1880 г. открывали

Томский университет, при его открытии, он подарил ему коллекцию сибирских древностей, заложив основу для будущего вузовского музея. Широкая благотворительная деятельность Сидорова проявилась в поддержке и перечислении средств на содержание учебных заведений (школ и приютов) во многих сибирских городах (Красноярске, Тобольске, Омске и др.).

М.К. Сидоров предлагал за свои средства прорыть канал, соединяющий реки Турухан и Таз для вывоза графита через Обскую губу в Европу речным и морским путем. В 1860-х гг. он составил завещание, в котором основную часть миллионного состояния обратил «на пользу человеческую — для поощрения русских изобретений, особенно по мореплаванию». Так же для организации морских училищ на Севере Росси, в том числе и для подготовки «мореходов и ремесленников между самоедами, юраками, долганами, якутами лопарями... на образование из них докторов».

За неудобную для местной власти позицию и рискованные инициативы она пыталась неоднократно наказать его, возбуждая судебные дела против М.К. Сидорова и даже ходатайствовала перед министром финансов России о высылке Михаила Константиновича из Красноярска, по причине, что тот вредит местным золотопромышленникам (обычно в Сибирь ссылали, а тут попытка выслать из нее).

Отдельная страница жизни Сидорова была посвящена созданию им на реке Печора судоходной компании по вывозке древесины (в основном лиственницы) с Печорского и Енисейского краев в Европу. Были у него масса других интересных инициатив. Многие из них не были одобрены местной властью. И многое, что он успел сделать в своей жизни имело успех не благодаря ее поддержке, а вопреки ее...

В зрелом возрасте Михаил Константинович занялся научной деятельностью. Его перу принадлежит много работ, опубликованных им прижизненно. Часть из них не потеряла актуальности и в наши дни. Его труды публиковались в Трудах Вольного экономического общества, «Современном слове» и т.д. Их тематика касалась в основном проблем Российского Севера. В общей сложности им опубликовано более 100 печатных работ по региональной экономике, географии, зоологии и т.д. как в столичных, так и в сибирских изданиях.

М.К. Сидоров являлся членом многих правительственных комиссий и обществ по освоению русского Севера, автором многих законодательных инициатив по развитию северных территорий России. Свои идеи и предложения, помимо многочисленных ходатайств и прошений, он опубликовал в своих печатных трудах.

Говоря об его благотворительности и бескорыстии следует заметить, что в период с 1852 по 1882 гг. он потратил на освоение Северного морского пути более 1,7 млн руб., что позднее привело его к банкротству. Когда в 1854 г. началась Крымская война, то М.К. Сидоров пожертвовал все свои сбережения (несколько млн. руб.) на нужды русской армии. В 1887 г. он, надорвав свои силы на борьбу с бюрократией в том числе, заболел, выехал на лечение в Германию и умер 12 июля 1887 г. в больнице города Ахен. Тело его было перевезено в Россию и захоронено в некрополе Александровской лавры в Санкт-Петербурге неподалеку от могилы его земляка М.В. Ломоносова. К сожалению, могила утрачена.

О личности М.К. Сидорова хорошо отзывался в свое время академик И.М. Губкин, наш известный геолог: «Побольше бы нам таких Сидоровых, и никто не осмелился назвать дореволюционную Россию страной отсталой. Очень хорошо, когда человек еще на заре своей юности ставит перед собой цель и потом всю жизнь достигает ее; в таких случаях он не останавливается до тех пор, пока не остановится его сердце. Люблю таких: они отвечают моим представлениям о человеке...».

На наш взгляд, личность М.К. Сидорова, к сожалению, у нас в России является недооцененной. Его фамилия отсутствует в энциклопедиях, справочных словарях. Нет ни одного памятника, мемориального знака, посвященного этому человеку. Его вклад в развитие окраин (Евразии, России, Сибири, включая Красноярский край) огромен. Его роль в создании Северного морского пути несколько не меньше, чем вклад другого известного представителя Сибири А.М. Сибирякова. Настало время увековечить имя этого человека в камне и бронзе...

Список литературы

1. Быконя, Г. Ф. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX вв.). / Г.Ф. Быконя, Е.В. Комлева, А.П. Погребняк, отв. ред. Ю.Л. Александров; Ин-т истории СО РАН; М-во образования и науки РФ, Сиб. федерал. ун-т, Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т, Краснояр. гос. пед. ун-т – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. – 316 с.

2. Визе, В. Ю. Моря Советской Арктики. Очерки по истории исследования – М: Литература, 1948. – 250 с.

«СОХРАНИТЬ ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ЗНАЧЕНИЯ...»: НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Севостьянова Елена Васильевна

канд. ист. наук, доцент

Читинский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,

г. Чита, Россия

Sevostyanova.elena@mail.ru

Переселенческое управление в Забайкальской области в период Первой мировой войны в условиях ограниченных финансовых и кадровых ресурсов не только сохраняло основные направления деятельности, но по возможности, реализовывало новые задачи: сельскохозяйственная помощь не только переселенцам, но и старожильческим семьям мобилизованных в войска; помощь детям-сиротам.

Ключевые слова: Первая мировая война, социальная политика, Забайкальская область, Переселенческое управление, благотворительность, комитет.

"TO PRESERVE THE PROSPECTS OF NATIONAL ECONOMIC SIGNIFICANCE ...": THE MAIN AC-
TIVITIES OF THE RESETTLEMENT ADMINISTRATION IN THE TRANS-BAIKAL REGION DUR-
ING THE FIRST WORLD WAR

Sevostyanova Elena Vasilyevna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Chita Institute (branch) of the Baikal State University, Chita, Russia

Sevostyanova.elena@mail.ru

The resettlement Administration in the Trans-Baikal region during the First World War, in conditions of limited financial and human resources, not only maintained the main areas of activity, but, if possible, implemented new tasks: assistance not only to displaced persons, but also to old-age families mobilized into the army; assistance to orphans.

Keywords: World War I, social policy, Trans-Baikal region, Resettlement administration, charity, committee.

Возникшая как геополитический имперский проект и стратегический плацдарм, Забайкальская область накануне Первой мировой войны оставалась слабозаселенной пограничной окраиной, для которой поддержка переселенческого движения была и остается важнейшей геополитической и экономической государственной задачей [1, 2, 3].

Как отмечалось в справочнике 1911 г. для ходоков и переселенцев, обширная и разнообразная по условиям («есть в ней гиблые места, неудобные или малоудобные для заселения, но есть и прекрасные места, где крестьянину живется очень хорошо») Забайкальская область относилась к числу новых и трудных для колонизации регионов [4, с. 5]. В целом высоко оценивая колонизационную емкость области в перспективе 10 лет (при условии активной землеустроительной политики), ревизор землеустройства Г.Ф. Чиркин среди основных сложностей называл необорудованность путей сообщения, отсутствие или невыясненность рынков сбыта, суровый климат и отсутствие колонизационного опыта [5, с. 67]. В Забайкалье пик крестьянского переселения пришелся на более поздний период, чем по Сибири (1911 г.), много переселенцев водворялось в городах и по полосе железной дороги, осложняло переселение и то, что коренное население сопротивлялось земельной реформе. Для оптимизации переселения с 1910 г. было начато планомерное изучение экономического положения переселенцев. Изучались, систематизировались и популяризировались сведения о природно-климатических особенностях Забайкалья, поскольку в деле заселения решающим обстоятельством должно было стать не соответствие природных условий желаемым, которых переселенцы не найдут в Сибири («второй Малороссии нет в России»), а определение возможности вызревания сельскохозяйственных культур, возделываемых в Европейской России [6]. Как подчеркивал инструктор маслосе-

лия М. Королев, основная задача Переселенческого управления в области – помочь переселенцу «заработать и жить своим трудом, а не быть нахлебником от казны» [7].

Центральное переселенческое ведомство констатировало, что в итоге колонизационных работ последнего перед войной трехлетия «более чем когда-либо обнаружилась действительная мощь производительных сил» Азиатской России. Поэтому ведомство поставило стратегическую цель не допустить «резкого перерыва в области экономической созидательной работы», направленной к обеспечению жизнеспособности «многообещающего [...] глубокого тыла». Поскольку в связи с войной переселенческое движение в 1915 г. сократилось «до одной десятой части обычного движения», Министерство земледелия сократило кредиты на учреждения, обслуживающие переселенцев в пути: медицинские пункты, справочные бюро. Хотя смета расходов Переселенческого управления в 1915 г. была уменьшена на 3 млн, но утверждена в размере более 27 млн [8, с. 10]. В 1914 г. за Урал переселилось более 45 тыс. семей (270 тыс. душ) и оставить их без «обычной денежной и сельскохозяйственной поддержки, когда, особенно на новоселах, чувствительно отражались призывы по мобилизации взрослых работников – было, конечно, невыносимо». По данным переселенческой статистики, хозяйство переселившихся семей «окончательно упрочивается на пятый-седьмой год», когда начинается период самостоятельного и «обеспеченного от случайностей» развития. В случае возвращения переселенцев на родину, разрешалось выдавать бесплатный железнодорожный билет в Европейскую Россию [9].

В период войны в Забайкалье землеустроительные работы сократились, часть агрономического персонала была мобилизована. Так из 119 чинов четырех поземельно-устроительных и одной землеотводной партий остался 91 работник. В результате, например, в Верхнеусинском уезде в Малетинской и Гочитской инородческой волостях землеустроительные работы остались незаконченными. По мнению Переселенческого управления, поскольку Забайкалье было наиболее отдалено от мест выселения и от театра военных действий, то влияние мобилизации в первые месяцы войны здесь менее сказалось, приостановка ходаческого движения застигла ходоков уже далеко в дороге. Так в Забайкалье было зачислено в 1913 г. 1593 долей, в 1914 г. — 1790 [10, с. 27, 365].

Важнейшим средством материальной поддержки оставались ссуды. Средняя выдача ссуд на хозяйственное устройство уменьшилась почти до уровня 1912 г. (1912 г. — 78 руб., 1913 г. — 183 руб., 1914 — 83 руб.). Были уменьшены ссуды и на общепользные надобности: церкви, школы, хлебозапасные магазины, мельницы, кузнецы, дороги, в среднем по Азиатской России на 53%. В Забайкалье в 1914 г. ссуда составила 6262 руб. (на религиозные учреждения и школы — 4412 руб., на прочие надобности — 1850 руб.). Бюджетная комиссия Государственной Думы, рассматривая смету Переселенческого управления на 1915 г., высказала пожелание, чтобы ведомство озаботилось предоставлением особых преимуществ и льгот семьям переселенцев-воинов. В свою очередь Переселенческое управление, признавая необходимым поддерживать семьи, «сочло себя обязанным» воспользоваться правом выдачи дополнительных ссуд. Ссуды выдавались вне зависимости от времени и места водворения, но при обязательном условии тщательного обследования в каждом отдельном случае «степени действительной нужды семейств». В Забайкалье ссуды на общее хозяйственное устройство в 1915 г. составили: водворенным в 1915 г. 76 семьям 10 650 руб.; водворенным до 1915 г. 423 семьям — 42794 руб. 50 коп., в том числе, из них дополнительных ссуд 316 семьям было выдано 28.805 руб. Помимо этого, в некоторых переселенческих районах в тех случаях, когда из семьи были призваны были все взрослые работники и семьи были не в состоянии своими силами собрать урожай или произвести засев озимых, выдавались дополнительно специальные ссуды на обработку и обсеменение полей. В 1915 г. в Забайкалье такие ссуды были выданы 245 семьям (11.168 руб.) [11, с. 142; 8; 10, с. 38-39].

Приказом военного губернатора Забайкалья уже в августе 1914 г. «исключительно по делу призрения семей» мобилизованных нижних чинов, в помощь крестьянским начальникам были временно командированы чиновники Переселенческого управления. Заведующий Верхнеудинской поземельной устроительной партией 10 августа докладывал губернатору, что в пределах его участка призревается 15 семей переселенцев и, по его сведениям, в волостях со старожильческим населением дело организации помощи семьям мобилизованных переселенцев «обставлено очень хорошо». По просьбе региональной власти, переселенцам, участки которых находились в окружении булучных земель, помогало коренное бурятское население (Барун-Харгантской, Цолгинской волостей, Верхне-и Нижне-Холосонских булуков) [12].

В 1915 г. Переселенческое управление отмечало, что оказание материальной поддержки семьям призванных переселенцев, помощь в обработке и обсеменении полей, в уборке урожая оказались эффективны: посевная площадь по всем заселяемым районам Азиатской России «уменьшилась лишь

в отдельных и сравнительно немногочисленных случаях» [8, с. 142]. Опыт использования в первый год войны трудовой помощи селян и «инородцев» был оценен как «принесший значительную пользу» и учитывался при определении видов помощи в 1915 г. Для координации сельхоз. помощи в Забайкалье 7 марта 1915 г. состоялось специальное совещание представителей всех официальных структур, так или иначе связанных с сельским хозяйством [13, лл. 1, 3].

В целом Переселенческое управление отмечало, что в 1914 г. даже мобилизация запасных нижних чинов, совпавшая с периодом уборки хлебов, «только временно, дней на десять» приостановила спрос на уборочные машины. А последовавшее затем уменьшение рабочих рук в селе, при наличии хорошего урожая, вызвало «особенно большой» спрос на жатки, сноповязки, веялки, молотилки. Из-за мобилизации лошадей и перевязочных средств по хорошей цене, население располагало свободными денежными средствами и покупало инвентарь даже за наличный расчет [10, с. 84-103]. В Забайкалье нехватка рабочих рук по данным Статистического комитета Переселенческого управления составляла в среднем за период 1914 – 1917 гг. при уборке трав — 14 на каждое селение, при уборке хлебов — 49 работников на селение (в целом на селение в уборочную страду не хватало 46 работников, что составляло 22%) [14, с. 26, 29].

Главноуправляющий землеустройством и земледелием в 1915 г., обращаясь к местным чинам с просьбой «не оставить своим попечением нужды семейств запасных», просил особое внимание уделять подготовке семенного материала, (сортировке и обеззараживанию семян), пополнению инвентарем зерноочистительных пунктов, снабжению прокатных станций сельскохозяйственной техникой [15]. Так, в 1915 г. в Забайкалье в 63 селениях 720 семьям было очищено на триерах и веялках 74970 п. зерна [16, л. 26].

Первые шесть месяцев войны слабо отразились на продаже сельскохозяйственной техники и деятельности специализированных складов: сезон продажи плугов и уборочных машин почти закончился до начала военных действий; молотилки, веялки были заготовлены в достаточном количестве, и их продажа прошла, благодаря хорошему урожаю 1914 г., вполне успешно. Совсем иная картина была в 1915 г.: трудности производства новой сельхозтехники, трудности перевозки по железным дорогам, сокращение (или прекращение) деятельности частных фирм по производству и продаже сельхозорудий и машин, повышение цен. Так в Забайкалье в 1915 г. Товарищество Э. Липгарт ликвидировало свой склад, а Тюммель как германский подданный был из Читы выслан, поэтому из частных фирм операции по продаже земледельческих орудий и машин производила только «Международная компания». Дело осложнялось и тем, что внимание частных фирм было направлено на сбор с населения долгов за прошлые годы. Несмотря на трудности, хотя и в ограниченном объеме (в 1915 г. обороты сельскохозяйственных складов в целом понизились на 28%), но операции по снабжению населения улучшенным сельскохозяйственным инвентарем продолжались (в 1915 г. было продано переселенческими складами в районе до Забайкальской области на 3618 тыс. руб. земледельческих машин).

В Забайкалье компания Э. Липгарта даже пожертвовала 50 плугов и молотилку. Для решения проблемы с ремонтом, центральная мастерская была открыта при Читинском ремесленном училище; с 1915 г. набирались слушатели на курсы монтеров, причем с обязательным условием поработать в уборочную страду на семьи мобилизованных. Было разрешено давать отсрочку по числящимся долгам сельскохозяйственным складам за аренду с/х машин.

Спрос на технику значительно превышал предложение. Так в 1915 г. Главная контора с/х складов Переселенческого управления смогла отпустить из Читинского склада только 15 сенокосилок, трое конных граблей с арендной платой 10 руб. и пять жнеек с арендной оплатой по 20 руб. за машину на весь рабочий сезон. Сельским кредитным товариществам рекомендовали создавать собственные склады сельхозмашин, обещали помочь с пополнением [16, л. 9; 17].

Несмотря на войну, продолжалось исследование экономического положения крестьян. Так, в 1917 г. местные респонденты Статистического отдела Забайкальского переселенческого района писали, что несмотря на слабый урожай 1917 г., сельское население области «в значительной части» довольствием будет обеспечено благодаря тому, что «у многих хозяев» сохранились запасы зерна от урожаев прежних лет, в том числе хорошего урожая 1914 г. [14]. По мере роста разрухи, обесценивания денег, недостатка на рынке изделий фабрично-заводской промышленности зажиточное крестьянское население, имевшее запасы зерна, стало их придерживать и не вывозить на рынок.

При водворении на участках с неразвитой частной торговлей, переселенцы вынуждены были ездить за товарами первой необходимости в соседние селения, поэтому Переселенческое управление стало открывать собственные торгово-продовольственные лавки. В 1914 – 1915 гг. Забайкалье. работали 4 товаро-продовольственные лавки Переселенческого управления: две в Читинском уезде (Ви-

тимская и Телембинская) и две в Нерчинском уезде (Бушулейская и Урульгинская). Урульгинская лавка в феврале 1915 г. была закрыта (как «исполнившая свое назначение в деле заселения подрайона новоселами»), и население приобретало хозяйственный инвентарь и продовольствие в частных лавках по рыночным ценам. Для ускоренного снабжения лавок, удаленных от железных дорог, в Чите был открыт склад лавочных товаров. Основным предметом торговли был хлеб (в зерне и муке 30% от общего оборота торговли), бакалейные товары (до 23,2%), мануфактура (13,8%), белье, одежда и обувь (7,2%), скобяные товары (6,5%), сельскохозяйственные машины 4,4%), масло (3,1%), табачные изделия (3%). Кроме того, в ассортимент лавок входили кожевенные и шорные изделия, семена (овощей, хлебов и трав), галантерейные и аптечные товары, предметы охотничьего промысла, посуда, писчебумажные принадлежности, книги. Оборот лавок в Забайкалье составил в 1914 г. 208800 руб., в 1915 г. — 207543 руб. (снижение оборота на 1257 руб. было вызвано, видимо, закрытием лавки в Урульге). Для уменьшения убыточности лавок, с 1916 г. их переподчинили заведующему лавками Енисейской губернии и учет перенесли в Красноярск, а склад в Чите закрыли [8, с. 390, 391; 10].

Еще одно направление торговли – снабжение аптекарскими товарами. В Чите работало отделение Томского аптекарского склада, снабжавшее переселенческие организации, казенные учреждения других ведомств и частных лиц. Отметим, что с 1915 г. в России обострилась зависимость торговли аптекарскими товарами от ввоза их из Германии. Как отмечало Переселенческое управление, оптовые аптекарские склады (а значит, аптеки и больницы) остались без йода и салициловых препаратов, без хлороформа, касторового масла. Ограниченное отечественное производство некоторых распространенных фармацевтических товаров (хлороформ, бертолетова соль, борная кислота) было полностью подчинено обслуживанию нужд армии, а затем попало в сферу театра военных действий. Это сократило продажи и Томского склада Переселенческого управления, но, с другой стороны, заметно стимулировало работы лаборатории склада (в 1913 г. было приготовлено препаратов на 38 тыс. руб., 1914 г. — на 68 772 руб., в 1915 г. — 129 861 руб.). Общий оборот Томского склада с Читинским отделением в 1915 г. выразился в сумме 473375 руб. 66 коп., из них 45% приходилось на долю переселенческих организаций [8, с. 395-398].

Важнейшим направлением работы стала забота о детях. Призрение сирот переселенцев осуществлялось, в основном, приютами, которые содержались на благотворительные средства и которым Переселенческое управление оказывало материальную помощь. Так со дня мобилизации до 19 сентября в Чите в приют «Ясли» Кирилло-Мефодиевского братства было принято 12 детей в возрасте от года до 11 лет [18, л. 163]. Переселенческое управление ассигновало 2000 рублей на содержание сирот-переселенцев в Мариинском приюте.

Всего в 1914 г. Переселенческое управление призревало в Азиатской России 730 сирот, на содержание которых было выделено 137119 руб. (в среднем 187,8 руб. на ребенка). В 1915 г. было выделено 220 тыс. руб. (обеспечено призрение 1484) [8, 10]. На Забайкалье в 1914 г. было выделено 5 000 руб., в 1915 г. — 3961 руб. 89 коп. (приюту ведомства императрицы Марии, приюту Братства).

В 1915 г. был открыт Забайкальский земледельческий приют для сирот на Бушулейском переселенческом пункте [19]. В 1915 г. в нем призревало 15 детей, в 1916 г. — 50 детей от 8 до 13 лет как переселенцев, так и старожилков. Стоит отметить, что открытие приюта стало возможным благодаря соединенным усилиям Забайкальского отделения Елизаветинского комитета, чиновников и членов благотворительного Дамского комитета ГУЗиЗ, Забайкальского Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам. При приюте для обучения детей приемам ведения сельского хозяйства организовали огород, арендовали покос и пашню, завели скот, домашнюю птицу. Вопрос о создании подобных приютов в области обсуждали не раз как на общих совещаниях всех агрономических организаций, так и на уездном уровне, был создан Романовский комитет, но реализовать удалось только один Бушулейский проект. При Временном правительстве расширить приют не удалось, в кредитовании на открытие школы с общежитием было отказано.

В период войны повсеместно переселенческая инфраструктура использовалась для изоляционных пропускных пунктов [20]. В Забайкалье такие пункты были устроены на станциях Карымская и Маньчжурия. С появлением в 1915 г. военнопленных, военный губернатор Забайкальской области распорядился собрать сведения о «предполагаемых дорожных исправлениях» и выяснить, на каких трактах в местах расквартирования пленных их можно будет использовать. В Забайкалье Переселенческое управление привлекло на дорожные и гидротехнические работы 1150 военнопленных. Это было больше, чем в Томской (1004), Енисейской (803), Тобольской (731) и Иркутской (726) губерниях. Большая часть военнопленных выполняли дорожные работы (83,7%). Хотя в большинстве случаев производительность работ оценивалась отрицательно, однако Переселенческое управление (допустив «до известной степени субъективный оттенок» оценки труда военнопленных) отметило, что колони-

зационные работы не были бы выполнены без военнопленных ни за какие деньги в силу отсутствия рабочих [21, л. 30-32; 22, л. 192, 251].

Переселенческое управление способствовало сбыту масла. Несмотря на военное время, общее количество маслодельческих артелей в области выросло: 1913 г. — 13, 1914 г. — 16, 1915 г. — 27 [23, л. 10]. Интерес населения к новым промыслам был, потому с 1913 г. на Бушулейский переселенческий пункт был назначен техник маслоделия. В 1914 г. Читинский с-х склад получил масла в три раза больше, чем в 1913 г. (2498 п. 5 $\frac{3}{4}$ масла, 35 п. 38 ф. сметаны). Масло было продано в Чите (73%), в Приморской области (14%), в Верхнеудинске и по линии железной дороги (8%). В 1915 г. от местных забайкальских артелей было принято 2471 пуд масла на 42728 руб. Отметим, что при приемке артелям выдавались денежные ссуды в размере до 80% от стоимости масла.

Хотя Переселенческое управление констатировало, что развитие льноводства во время войны «неосуществимо», поскольку основные работы выполняют мужчины, но поддержало льноводство, отпустив в 1915 г. на эти цели для Забайкалья 16 тыс. руб. Для развития отрасли пытались привлечь беженцев.

Стоит отметить, что война способствовала координации усилий самых разных ведомств Забайкальской области по оказанию помощи сельскому населению. Так, 7 марта 1915 г. состоялось «Совещание по разработке мероприятий по оказанию сельскохозяйственной помощи семьям призванных на войну в 1914 – 1915 гг.». В числе присутствовавших были: советник Забайкальского областного управления, непременные члены Крестьянского присутствия, советник Войскового хозяйственного правления ЗКВ, войсковой агроном, заведующий сельскохозяйственными складами, заведующий Забайкальским переселенческим районом, заведующий агрономическим отделом Переселенческого района, инспектор мелкого кредита, управляющий Читинским отделением Государственного банка, председатель Забайкальского общества сельского хозяйства, ветеринарный инспектор, агрономы, тюремный инспектор, представитель фирмы «Международная компания жатвенных машин» [24, л. 1, 3]. С решением совещания был ознакомлен Епископ Читинский и Нерчинский, который отправил распоряжение приходским попечительствам принять и исполнить возлагаемое совещанием поручение и напечатать извлечения из протокола совещания в «Епархиальных ведомостях». Управляющий Читинским отделением Государственного банка П. Веремеев обратился с призывом и рекомендациями по планированию и осуществлению с/х помощи к кредитным и ссудосберегательным товариществам Забайкалья [25, л. 37, 41].

Таким образом, в период Первой мировой войны Переселенческое управление Забайкальской области не только сохранило, хотя и в ограниченном объеме, направления своей деятельности, но стало выполнять новые функции в связи с войной: помощь не только переселенцам, но и старожильческим семьям мобилизованных в войска; помощь детям-сиротам как переселенцев, так и старожильческого населения; использование труда военнопленных при выполнении некоторых видов работ. В совокупности это в целом соответствовало основным тенденциям деятельности управлений в Азиатской России и поставленной цели «сохранить перспективы общегосударственного экономического значения».

Список литературы

1. Мерцалов, В. И. Геополитический фактор исторического развития Забайкалья и Читы (1851 – 1895) / В. И. Мерцалов // Научный вестник Байкальского государственного университета экономики и права. – 2008. – № 13. – С. 26.
2. Кальмина, Л. В. Забайкальская область - геополитический проект самодержавия / Л. В. Кальмина // Власть. – 2016. – Т. 24, № 9. – С. 190-195. – EDN WMUMMB.
3. Севостьянова, Е. В. Реализация в Забайкальском крае государственной политики содействия соотечественникам, проживающим за рубежом / Е. В. Севостьянова, О. В. Ульянова // Вопросы безопасности. – 2021. – № 1. – С. 17-35. – DOI 10.25136/2409-7543.2021.1.34251. – EDN RVXYGK.
4. Описание Забайкальского переселенческого района: справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 г. СПб. : Сельский вестник, 1911. 57 с.
5. Чиркин Г.Ф. Переселение и землеустройство в Забайкалье. СПб: Пересел. упр. Гл. упр. землеустройства и земледелия, 1909. 130 с.
6. Лазарев (состав.). Забайкальская область. Читинский подрайон. Участки Урульгинской, Зюлизинской и Олинской волостей. Полтава: Типолитография И.Л.Фришберга, 1912. 28 с.
7. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 82. Оп. 2. Д. 144.
8. Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г. (Отчет о работе Переселенческого управления за 1915 г.). Петроград : Тип. М.П. Фроловой, 1916. 448 с.

9. Облегчение положения семей запасных в переселенческих районах // Забайкальский хозяин. – 1914. – № 21-22. – С. 17-18.
10. Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. (Отчет о работах переселенческого управления в 1914 г.). Петроград : Тип. А. Э. Коллинс, 1915. 468 с.
11. Экономическое положение переселенцев, водворившихся в Забайкальской области до 1912 г. Чита: Паровая типогр. «Заб. Тов-во печатные дела», 1913. 74 с. С. 142.
12. Севостьянова, Е. В. Государственное призрение и благотворительность в Верхнеудинском уезде Забайкальской области в период Первой мировой войны / Е. В. Севостьянова // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2023 : Сборник статей. – Иркутск : Байкальский государственный университет, 2023. – С. 338-350. – DOI 10.17150/978-5-7253-3124-0.43. – EDN EZZHYB.
13. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 57.
14. Урожай хлебов и трав в Забайкальской области в 1917 г. (По сообщениям добровольных корреспондентов Статистического отдела). Чита: Электро-тип. бр. А. и И.К. Бергут, 1918. 61.
15. Помощь семьям запасных // Сибирская деревня. – 1915. – № 4. – С. 26.
16. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1 об. Д. 5274.
17. Забайкальский хозяин. – 1915. – № 10. – С. 21.
18. ГАЗК. Ф. 94. Оп.1. Д. 827.
19. Подробнее: Севостьянова, Е. В. Опыт создания земледельческой колонии в Забайкалье в период Первой мировой войны: неизвестная страница истории / Е. В. Севостьянова // Забайкалье историческое : Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции, Чита, 30 ноября 2018 года / Ответственный редактор Д. Н. Беспалько. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. – С. 56-63. – EDN YYVTUT.
20. Voloshinova, I. V. The Program of Activities and Objectives of the Resettlement Administration During the First World War / I. V. Voloshinova // Bylye Gody. – 2014. – No. 34(4). – P. 605-610. – EDN TAAACD.
21. ГАЗК Ф. 1 об. Оп. 1. Д. 5138.
22. ГАЗК Ф. 1. Оп. 2 вр. Д. 968.
23. ГАЗК. Ф. 82. Оп. 3. Д. 15.
24. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 57.
15. ГАЗК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 22

УДК 908(470.51-21)

ОТКРЫВАЕМ ТУРИСТИЧЕСКУЮ УДМУРТИЮ: «УДМУРТИЯ – МАЛЕНЬКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ», «ИЖЕВСК – ВОСТОЧНЫЙ ПЕТЕРБУРГ», «САРАПУЛ – УДМУРТСКИЙ СУЗДАЛЬ»...

Смирнова Людмила Владимировна
канд. ист. наук, доцент

Удмуртский государственный аграрный университет, г. Ижевск, Россия
provoinu1941@yandex.ru

В статье на основе анализа и обобщения материала литературных и интернет-источников, а также собственных наблюдений во время путешествий автора, показаны элементы этнического туризма в Удмуртской Республике как одного из уникальных регионов Российской Федерации. Рассмотрены формы привлечения современной молодежи к историко-культурному наследию своего родного края.

Ключевые слова: Удмуртия, финно-угорский регион, событийные мероприятия, этническая культура, этнический туризм.

OPENING THE TOURIST UDMURTIA: "UDMURTIA – LITTLE SWITZERLAND", "IZHEVSK – VOSTOCHNY PETERBURG", "SARAPUL – UDMURT SUZDAL"...

Smirnova Lyudmila Vladimirovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Udmurt State Agrarian University, Izhevsk, Russia
provoinu1941@yandex.ru

Based on the analysis and generalization of the material of literary and Internet sources, as well as the author's own observations during his travels, the article shows the elements of ethnic tourism in the Ud-

murt Republic as one of the unique regions of the Russian Federation. The forms of attracting modern youth to the historical and cultural heritage of their native land are considered.

Keywords: Udmurtia, Finno-Ugric region, event events, ethnic culture, ethnic tourism.

«Хватает Волге широты и сини,
Но с Камою она еще синей.
И для меня бы не было России
Без маленькой Удмуртии моей»
Флор Васильев

У каждого человека есть на земле то место, которое роднее всего. Сначала это отчий дом, согретый теплом родителей. Потом это двор. Здесь каждый делал первые шаги, сказал первое слово. Вырос и окреп. Вместе выросли деревья и дома. Это место называется большим и емким по смыслу, но нежным по звучанию и кратким по произношению словом — Родина. Каждый человек должен хорошо знать свою Родину, свой край, её природу, население, хозяйство и культуру.

Уникальность России наиболее ярко проявляется в самобытности её народов, их культуре и традициях. Многонациональность страны представляет собой огромное богатство, которое может и должно приносить определённые плоды. Российская Федерация — один из уникальных туристических регионов мира. Поэтому развитие туристического потенциала субъектов РФ на сегодняшний день должно быть приоритетным, т.к. это поможет привить любовь к своей Родине. Удмуртскую Республику с полным правом можно отнести к числу важных финно- угорских регионов не только России, но и мира.

В недалёком прошлом на географической карте не было г. Ижевска (был закрытым промышленным городом) — столицы Удмуртской Республики. Многие люди не знали, где находится Удмуртия, хотя знали, что в Удмуртии родился великий композитор П.И. Чайковский, трудился М.Т. Кулашников, живёт олимпийская чемпионка Г.А. Кулакова...

На этой земле живут замечательные люди, которые прославляют свой край и Россию. Для знакомства с этническими традициями удмуртов используются разнообразные источники [1, 2], т.к. за многолетнюю историю народов созданы яркие произведения устного творчества (мифы, предания и сказки, пословицы, поговорки и загадки, песни и танцы), академическая и современная литература, музейные коллекции, архивные документы. В последние годы в Удмуртии увеличивается число мероприятий, связанных с культурой этнических групп, живущих на территории республики, для привлечения туристов из разных регионов.

Одной из активных форм современного бытования фольклора является деятельность популярных фольклорных коллективов Удмуртской Республики – «Италмас», «Айкай». Творческий фольклорный ансамбль «Бурановские бабушки» (с 2014 г. — «Бабушки из Бураново») приняли участие в международном конкурсе «Евровидение-2012» в Баку и заняли второе место. Феномен популярности «Бурановских бабушек» продемонстрировал, что этническая культура стала «экзотической» и стала привлекать молодое поколение. Ещё в 2008 г. Фольклорный ансамбль из Бураново выступил на концерте, посвященном Дню родного языка в Удмуртской Республике с современными рок-композициями (песни «Битлз», «Наутилус Помпилиус», Б. Гребенщикова, Виктора Цоя) на удмуртском языке.

Соединение этнической традиции и современной культуры сделало образ удмуртской бабушки туристическим брендом и востребованным феноменом в массовой культуре [3, с. 381].

В Удмуртии этнический туризм является относительно новым феноменом. Хотя для развития этнического туризма в Удмуртской Республике существуют благоприятные условия: наличие культовых этнических мест (городище «Иднакар»), центры этнической культуры (д. Лудорвай), событийные мероприятия (фестиваль Пельменя), музеи, театры, центры народных промыслов (кузница «Морок»), предприятия питания с национальной кухней (гастрономические туры в г. Сарапул) и др.

Удмуртию называют — край родниковый. Удмуртская земля даёт начало двум крупным рекам России — Каме и Вятке, десяткам и сотням рек и родников. В г. Ижевске находится самый большой искусственный водоем в Европе- Ижевский пруд. Природа щедро одарила Удмуртию удивительными живописными местами. Вершины холмов, покрытые лесами, чередуются с долинами рек, перелесками и полями. Пересечённость рельефа способствует развитию горнолыжного спорта. На севере Удмуртии расположена Верхнекамская возвышенность (322 м. над уровнем моря), на западе-Красногорская возвышенность (256 м.) и Сарапульская (248 м.), на востоке более высокая Тыловайско-Мултанская возвышенность (321 м.). Живописная восточная часть на территории Шарканского района получила образное название «удмуртская Швейцария» [4, с. 21].

Города в Удмуртии тоже имеют уникальные названия:

– Ижевск (1760 г.) называют «восточным Петербургом», т.к. центр построен по образу и подобию Санкт-Петербурга. Первый архитектор Семён Дудин, будучи петербуржцем, задумывал город именно таким: сеть параллельных улиц и перпендикулярных к ним проспектов. Ижевск в 2004 г. был объявлен культурной столицей Поволжья. В Ижевске есть Царь-пушка (2001 г.), как в Москве, есть необычные памятники: Памятник Пельменю, памятник Крокодилу, Мальчик Ижик, Железные Ножицы, Памятник сантехнику, электрику, козе и т.д. Живет в г. Ижевске дворник Лицея № 25 – Семен Бухарин (рисует на снегу лопатой и метлой), который в 2016 г. получил французскую премию «Сирано» в номинации «Художник года». В сентябре 2023 г. к 100-летию удмуртского спорта открыли аллею Спортивной славы (22 стенда) с новыми именами: И. Черезов, М. Вылегжанин, А. Загитова, А. Строкин и т.д.

– г. Глазов (1780 г.) первым получил статус города по указу Екатерины II. Петербургский архитектор И. Лем выполнил уникальный в истории русского градостроительства генеральный план города Глазова в виде «ока Божьего», а В.Г. Короленко, будучи в ссылке, назвал его «ненастоящим городом».

– г. Сарапул (1780 г.) развивался как крупнейший купеческий центр, насчитывал 33 храма. Сегодня в г. Сарапуле 150 памятников архитектуры, охраняемых государством. Его любовно называют «прикамский Суздаль». Отсюда родом знаменитая кавалерист-девица Н. Дурова.

– г. Воткинск (1935 г.) — город-завод. Здесь работает Музей-усадьба композитора П.И. Чайковского.

– г. Можга (1926 г.) — город стеклодувов.

– г. Камбарка (1967 г.) самый молодой город республики. В конце XIX в. было развито кустарное кузнечное производство, сегодня известен как место длительного хранения химического оружия.

Историческим памятником Удмуртии является Сибирский тракт (протяжённость 217 км.), по которому проехал император Александр II с поэтом В.А. Жуковским, писатели: А.Н. Радищев, А.И. Герцен, В.Г. Короленко, М.Е. Салтыков-Щедрин. В г. Глазове проводится туристическая программа «По дорогам Сибирского тракта», где можно примерить арестантскую одежду, кандалы, почувствовать себя арестантом.

Как видим популяризация этнической культуры проводится через различные мероприятия, проводимые как в городе, так и в сельской местности [5]. Есть уже популярные места, такие как Лудорвай, куда приезжают гости из Венгрии, Эстонии, Финляндии, Франции. Есть места, где используются сказочные персонажи для привлечения туристов: в Граховском районе — резиденция бабы-Яги, в Шарканском районе — резиденция Тол-Бабая (удмуртский Дед Мороз), в Игринском районе встречается Лопшо Педунь (герой удмуртских сказок), Зуевы Ключи — живая и мертвая вода. Так же используются обряды сельскохозяйственного и религиозного календаря: Гырон быдтон (праздник окончания сева), Гербер (праздник сенокоса), в Карамас-Пельге сохраняются глубокие языческие корни, связанные с ритуалами (свадьбы, проводы в армию, похороны). Ярким примером сохранения языческой культуры служит моноспектакль «Три свадебных напева» на удмуртском языке актрисы Удмуртской Республики из Сюмсей Ольги Яковлевны Александровой, которая показала этот спектакль более чем в 20 странах мира.

Во многих деревнях Удмуртии в последнее время проводятся дни деревень: в д. Сеп создан культурный проект — Музей исчезнувших деревень (2017). Жители заброшенных деревень собирались и приносили фотоматериалы, представляли повествования об образе жизни в деревне, в своих исконных родных местах.

С 2014 г. в д. Старые Быги — стал ежегодно проводиться фестиваль удмуртской национальной кухни «Быг-быг». В 2016 г. в с. Перевозное прошел праздник огурца — Перевозинский засольник. В д. Ныргында и д. Быргында представлена кухня марийцев, которые проживают в Удмуртии. Также представлена культура бессермян.

Большинство мероприятий в последние годы используют комбинированные программы от старинных обычаев до современных квестов, такие программы рассчитаны на разный возраст. Для привлечения интереса молодежи к этническим традициям в нашем ВУЗе также используют разные формы знакомств с культурой родного края:

изучение регионального компонента по дисциплине «История»;

изучение культуры, обычаев народов, проживающих на территории Удмуртии в рамках дисциплины «Основы российской государственности»;

поощрение студентов за активную деятельность в ВУЗе поездками по Удмуртии и России.

В этом году с 06 по 08 октября на базе УдГАУ проходил Образовательный форум «МойАгротУР» [6], где приняли участие студенты из 12 ВУЗов Приволжского федерального округа. В рамках форума студенты посетили уникальные объекты Удмуртии, где познакомились с особенностями местной истории и культуры, а также познакомились с агротуризмом по маршрутам: «Копкинский парк диких животных» (питомник западносибирских лаек), «Открываем Мувыр» (молочная ферма), Музей ремесел «Добрянка» (оленья ферма), село Булай (конная ферма).

На сегодняшний день на территории Удмуртии действует около 500 туристических маршрутов (всемирно известные и только что открывающиеся). На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что этнотуризм, несмотря на ряд проблем, может и должен стать приоритетным видом туризма для знакомства с культурой народов во всех 89 субъектах Российской Федерации.

1. Удмуртские народные сказки. Издание 2-е, дополненное, Ижевск, «Удмуртия», 1976. 324 с.
2. Народное искусство и художественные промыслы Удмуртии. г. Ижевск. Научно-исследовательский институт при Совете министров УАССР. 1980. 132 с.
3. Тулуз, Е., Попова, Е., Анисимов, Н. Современная удмуртская культура. Таллин. Издательство Таллинского университета, 2020. Том 1. 403 с.
4. Козлова, Н. Т. Наш край: Приложение к учебнику «География. Государства Евразии» – Ижевск: Удмуртия, 2006. 152 с.
5. Официальный туристско-информационный портал Удмуртской Республики [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://VisitUdmurtia>.
6. Образовательный форум «МойАгротУР» [Электронный ресурс] – режим доступа: в группе ВК <https://vk.com/myagrotur>

УДК 94(57)

РОЛЬ НОРИЛЬСКОГО ГМК В СТАНОВЛЕНИИ КРАСНОЯРСКОГО ИНСТИТУТА ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ

Терскова Аида Александровна
канд. ист. наук, доцент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
teraida@yandex.ru

В статье представлены сферы сотрудничества Норильского ГМК и Красноярского института цветных металлов и золота в 1950 – 1980-е годы. Автор приходит к выводу, что Норильский комбинат, имея значительную научно-техническую и производственную базу, развивался благодаря помощи вузов и Академий наук Советского Союза, среди которых в первые годы становления комбината большую роль играл КИЦМ. Однако, превратившись со временем в крупный научный центр, Норильский ГМК тесно был связан с развитием металлургического вуза Красноярска в научной, практической и организационно-управленческой сферах.

Ключевые слова: Норильский ГМК, Красноярский институт цветных металлов, металлургия, высшее образование.

THE ROLE OF THE NORILSK NICKEL SMELTER IN THE FORMATION OF THE KRASNOYARSK INSTITUTE OF NON-FERROUS METALS

Terskova Aida Alexandrovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
teraida@yandex.ru

The article presents the areas of cooperation between the Norilsk Nickel Smelter and the Krasnoyarsk Institute of Non-Ferrous Metals and Gold in the 1950s - 1980s. The author comes to the conclusion that the Norilsk plant, having a significant scientific, technical and production base, developed thanks to the help of universities and the Academies of Sciences of the Soviet Union, among which in the early years of the plant's formation, the KIMC played a major role. However, having turned over time into a large scien-

tific center, the Norilsk MMC was closely connected with the development of the metallurgical university of Krasnoyarsk in the scientific, practical and organizational and managerial spheres.

Key words: Norilsk Nickel Smelter, Krasnoyarsk Institute of Non-Ferrous Metals, metallurgy, higher education.

Развитие цветной металлургии в Красноярском крае стало одним из приоритетных направлений хозяйства в 50-е годы XX в. Особенно значительное внимание этому вопросу уделяли с 1957 г., когда в ходе реформы управление промышленностью передали из отраслевого ведения в территориальное, осуществляемое по средствам советов народного хозяйства. Одним из центров металлургического производства в крае стал Норильский горно-металлургический комбинат, наряду с такими предприятиями как металлургический завод «Сибэлектросталь», Красноярский алюминиевый завод. Однако г. Норильск в силу своего географического расположения и природно-климатических условий значительно отличался от других территорий края, что увеличивало внимание властей к его предприятию. «Проблемы развития Норильска были ключевыми для Красноярского совнархоза, так как цветная металлургия была отраслью его базовой специализации». [1, с. 148].

Норильск стал уникальным городом, расположенным в Заполярье, с постоянным населением, многоэтажной застройкой и развитой инфраструктурой [2, с. 44]. Поселок Норильск появился в связи с освоением никелевых месторождений в 1935 г. Большую роль в становлении города и предприятия Норильский ГМК сыграли заключенные, а рост производства был связан в первую очередь с условиями военного времени. Стремительность развития города, жилых массивов, увеличение числа вольнонаемного населения и отказ от «лагерной» экономики с 1954 г., необходимость обеспечения бесперебойной работы предприятия в тяжелейших условиях Севера – всё это уникальные факторы развития Норильска. Географически, безусловно, оторванность Норильска от материка и его удаленность дают возможность говорить о нем, как об окраине Красноярского края, но постепенно он превратился в один из ведущих промышленных центров страны, который способствовал становлению высших учебных заведений в крае для подготовки инженеров и металлургов.

Развитие системы образования и науки в Норильске также подтверждает мысль о том, что в первое время город был периферией края, но впоследствии стал одним из научных центров металлургического производства, играя значительную роль в становлении профессионального образования. Первоочередной необходимостью для предприятия Норильский ГМК стала подготовка высококвалифицированных кадров в условиях военного времени. 10 июня 1944 г. было подписано постановление Совнаркома об учреждении Норильского горно-металлургического техникума, состоящего из трех отделений [3, с. 117]. Подготовка специалистов в техникуме велась на высоком профессиональном уровне. Лекции студентам читали видные ученые страны, среди которых был член-корреспондент Академии наук СССР, доктор геолого-минералогических наук, профессор Николай Михайлович Федоровский, переведенный в Норильск в 1947 г. и проработавший в техникуме до своей смерти. Николай Михайлович стоял у истоков науки и системы металлургического образования в Норильске [4, с. 56]. Сегодня его имя носит Заполярный государственный университет.

С 1959 г. в Норильске был открыт вечерний факультет Красноярского института цветных металлов, переведенного в Красноярск из Москвы (Постановление Совмина СССР № 1371 от 20 декабря 1958 г. о переводе в Красноярск Московского института стали и сплавов). Институт с 1959 г. обучал студентов в трех городах: в Москве, в Красноярске и в Норильске. С 1959 по 1961 г. в Норильске проходили подготовку на вечернем факультете работники горно-металлургического комбината, а также студенты из Красноярска, поступившие на первый курс и не имеющие двух лет производственной практики. Таких студентов, прибывших из Красноярска на практику, в первый год работы вечернего факультета КИЦМ было 82 человека [5, с. 35–36].

Численность студентов на факультете постоянно возрастала. В 1961 г. на вечерний факультет в г. Норильске на первый курс было подано 327 заявлений, держали экзамен 306 человек, зачислено на первый курс было 150 человек [6, л. 7]. Вечерним факультетом в г. Норильске с 1959 г. руководил Савелий Кузьмич Савенко, который стал первым ректор Норильского вечернего индустриального института, образованного на базе техникума и вечернего факультета Красноярского института цветных металлов в 1961 г. [7, л. 13]. С образованием института в Норильске началась подготовка инженеров и техников по семи специальностям. Первый выпуск вечернего института составил 99 человек [8]. Таким образом, Норильский ГМК, нуждаясь в высококвалифицированных специалистах, способствовал в сотрудничестве с Красноярским институтом цветных металлов становлению высшего образования в Заполярном городе и дальнейшему развитию металлургического образования в крае. Вме-

сте с тем, обеспечивая потребность в научных и педагогических кадрах для себя и предприятий края, именно КИЦМ первым из технических вызов Красноярска открыл аспирантуру.

Дальнейшая связь Красноярского института цветных металлов и Норильска не закончилась, а напротив, стала еще более тесной. Так первый ректор КИЦМ профессор Владимир Алексеевич Дарьяльский, назначенный в 1941 г. начальником обжигового цеха Малого металлургического завода Норильского горно-металлургического комбината, а затем директором малого завода, возглавил с 1962 г. Красноярский институт цветных металлов им. М.И. Калинина. В.А. Дарьяльский являлся лауреат Сталинской премии «За разработку и внедрение технологии получения чистого металла – кобальта». [9, с. 4]. При его непосредственном руководстве в 1970 г. институт КИЦМ им. М.И. Калинина получил орден Трудового Красного Знамени «За заслуги в подготовке высококвалифицированных инженерных кадров» [9, с. 6].

Другой ректор КИЦМ, также являющийся бывшим работником Норильского ГМК, – Мечев Валерий Валентинович. Он писал в своих воспоминаниях: «Защитив без отрыва от производства докторскую диссертацию, я принял приглашение работать в Красноярске в институте цветных металлов, где и работал с 1975–1985 гг. зав. кафедрой «Металлургические печи», проректором по научной работе, ректором» [10, с. 4]. Богатейший опыт, приобретенный на строительстве и отладке производств на Норильском ГМК в полной мере пригодился ректорам и был использован ими в ходе руководства становлением КИЦМ.

Еще одной сферой сотрудничества Красноярского института цветных металлов и Норильского комбината стала наука. У Норильского ГМК были налажены тесные научные связи с институтами Академии наук, вузами, отраслевой наукой и заводскими лабораториями родственных предприятий по всему Советскому Союзу. Валерий Валентинович вспоминал: «Освоение Талнахского месторождения потребовало проведения крупных научно-исследовательских работ практически во всех основных технических направлениях, связанных с металлургией. Опытно-исследовательский цех комбината превратился в крупный институт широкого профиля с почти тысячей научных сотрудников, где были не только горные и металлургические лаборатории, но и лаборатории мерзлотоведения и активационного анализа (был построен и запущен в работу атомный реактор), созданы группы геологического профиля, газового анализа. Укрепилась лабораторная база – были приобретены «Камека», оборудование для рентгеноструктурного анализа, инфракрасной спектроскопии, ионно-полевой микроскопии, магнитных измерений и другое» [10, с. 3]. Норильский комбинат стал одной из значимых научных площадок в регионе в металлургической отрасли, имея возможность развивать лаборатории, приглашать специалистов, ежегодно принимать участие в научно-практических конференциях, на которые приглашались десятки крупных ученых и практиков страны с докладами по проблемам комбината [10, с. 3]. В 70-е – 80-е годы XX в. Норильский ГМК выступал значимым научно-исследовательским центром, в сотрудничестве с которым был заинтересован Красноярский институт цветных металлов. Несмотря на периферийное географическое положение, предприятие Норильска пополнялось высококлассными специалистами со всего Советского Союза, что делало его еще более передовым в научной и производственной сферах. «Были созданы условия для приглашения выпускников ряда вузов: МИСИС, Ленинградский горный, Северо-Кавказский, Уральский политехнический, Иркутский горно-металлургический разрешили нам по выбору приглашать выпускников,» – вспоминает В.В. Мечев [10, с. 3]. Долгие годы Норильский ГМК сохранял тесное сотрудничество с Красноярским институтом цветных металлов, особенно в сфере науки и производственной практики студентов [10, с. 7].

Таким образом, тесное сотрудничество Норильского ГМК и Красноярского института цветных металлов в 50-е – 80-е годы XX в. привело не только к появлению высшего учебного заведения в Норильске, но и к развитию материально-технической и научной базы металлургического института в Красноярске. Не смотря на то, что Норильский ГМК расположен был на периферии Красноярского края, он во многом, став научным и производственным центром, способствовал становлению и развитию металлургического образования в крае и в городе, сыграв заметную роль в истории Красноярского института цветных металлов им. М.И. Калинина.

Список литературы

1. Павлюкевич, Р. В. Северные районы Красноярского края в ходе проведения реформы управления промышленностью и строительством 1957 г. // Технологии развития социальных, экономических и логистических процессов Арктической зоны России: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 147–150.

2. Гонина, Н. В. «Планета Норильск» и «материк»: особенности городской идентичности (на материалах интервью и опубликованных воспоминаний) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Сборник научных статей. 2015. С. 42–55.
3. Раенко, Д. Е. Норильск в годы Великой Отечественной войны: битва за металл // Великая Отечественная война: пространство исторической памяти и славы. Материалы краевого молодежного исследовательского проекта, посвященного 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945. Красноярск, 2021. С. 111–120.
4. Кузьмин, В. И. Репрессированный, но не сломленный ученый (к 130-летию со дня рождения Н.М. Федоровского) // Разведка и охрана недр. 2016. № 12. С. 53–56.
5. Загиров, Н. Х. О времени, о себе и о «золотом» вузе: воспоминания первого ректора Красноярского института цветных металлов Наиля Хайбулловича Загирова. Красноярск: ГУНБ, 2021. 70 с.
6. ГАКК Ф. Р-1840. Оп. 1. Д. 58.
7. На Сибирской земле // Золотник. Научно-популярный и литературно-художественный журнал. 2004. № 2. С. 11–17.
8. Заполярный государственный
рия. URL: <https://polaruniversity.ru/about/#history-section>
9. Рыбаков, К. И. Воспоминания о Дарьяльском. Красноярск: Сиб.федер.ун-т, 2019. 20 с.
10. Мечев, В. В. Воспоминания о Красноярском институте цветных металлов имени М.И. Калинина. Красноярск: Сиб.федер.ун-т, 2019. 12 с.

УДК 908

ПРОБЛЕМЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1970–1980-Х ГГ.

*Ашихина Дарья Сергеевна
старший преподаватель*

*БУ «Сургутский государственный педагогический университет», г. Сургут, Россия
dashihina@inbox.ru*

Приступая к освоению месторождений Севера Западной Сибири, СССР столкнулся с рядом специфических сложностей: налаживание транспортной инфраструктуры, автоматизация месторождений, организация социально-бытового обслуживания северных городов. СССР удалось решить эти проблемы и обеспечить себе мировое первенство по добыче нефти, благодаря выделению на протяжении 1970-1980-х гг. около 15% годового бюджета на развитие ЗСНГК.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, минеральные ресурсы, промышленное освоение, 1970-1980-е гг.

THE PROBLEMS OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN THE 1970-1980-s

*Ashikhina Darya Sergeevna
Senior Lecturer, Department of Social and Humanitarian Education
Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia
dashihina@inbox.ru*

The development of deposits in the North of Western Siberia was accompanied by specific difficulties. It was necessary to establish transport infrastructure, automate fields, organize social services for northern cities. During the 1970-1980s, the USSR allocated about 15% of the annual budget for the development of the West Siberian oil and gas complex. So this helped the USSR solve problems and take the world championship in oil production.

Key words: the North of Western Siberia, the West Siberian oil and gas complex, mineral resources, industrial development, 1970-1980-s

Освоение нефтяных месторождений Севера Западной Сибири началось в 1964 г., а в 1970-х СССР приступил к форсированному промышленному освоению газовых месторождений. Развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса стало важнейшей задачей государства, на решение которой направлялось огромное количество бюджетных средств. Сложность промышленного освоения северных территорий заключалась в следующем.

Во-первых, требовалось в кратчайшие сроки наладить транспортную инфраструктуру для обеспечения снабжения новых месторождений и поселений. Помимо необходимости снабжения, возникла и проблема транспортировки минеральных ресурсов в южные части страны. Около 40% всех капиталовложений в ЗСНГК приходилось на развитие инфраструктуры, в том числе, транспортной [12, с. 65]. Дороги прокладывались так, чтобы не нарушить теплообмен между вечной мерзлотой и атмосферой, а также с учетом болотистой местности [11, с. 78]. Основные фонды и оборотные средства зачастую доставлялись с помощью речного транспорта, используя специальные базы, от которых отводились ветви железных дорог и автомобильных магистралей [16, с. 133]. Такой способ транспортировки был гораздо дешевле (в среднем в 400-500 раз), чем доставка с помощью авиации, что позволяло снизить себестоимость добываемых минеральных ресурсов [18, л. 5]. Однако, несмотря на заинтересованность правительства в развитии транспортных коммуникаций на Севере Западной Сибири, проявлявшуюся в выделении все увеличивающихся объемов бюджетных ассигнований, дороги в регионе строились с опозданием. Так, например, транспортная инфраструктура месторождения Медвежье к 1986 г. все еще оставалась недостроенной, тогда как его ресурс был исчерпан на 48% [3, л. 475].

Во-вторых, требовалось разработать новую технику и технологии, возможные для применения в экстремальных северных условиях. Согласно расчетам, в перспективе специализированная техника позволила бы существенно удешевить производственный процесс [14, с. 11]. На 1971 г. месторождения Севера Западной Сибири были недообеспечены специализированным оборудованием на 27% [6, с. 80], к 1975 г. этот процент сократился до 25% [13, с. 270]. Автоматизация позволила сэкономить бюджетные ассигнования на сумму около 70 млрд. руб. [4, с. 24]. Иностранцы, приглашенные на экскурсию по северным месторождениям, отмечали современное оборудование и дистанционное управление [7, с. 236]. На протяжении 1970-1980-х гг. проблема автоматизации производственных процессов при развитии ЗСНГК оставалась крайне актуальной, что подтверждается нормативно-правовыми актами, например, Постановлением Госкомитета СССР по науке и технике от 31.05.1983 № 239 [8, с. 104].

В-третьих, государству требовалось привлекать трудовые ресурсы и обеспечивать их жизнедеятельность в суровых северных условиях. Нацеленность на максимальную автоматизацию производства объяснялась желанием сэкономить на производственном персонале, которому, помимо предоставления северных льгот, требовалось социально-бытовое обслуживание. На протяжении рассматриваемого периода не прекращались дискуссии о том, осваивать ли Север Западной Сибири вахтовым методом, либо развивать городскую инфраструктуру. Сторонники первого подхода утверждали, что вахтовый метод поможет сэкономить как денежные, так и трудовые ресурсы для их дальнейшего перераспределения [19, с. 91-92]. Их противники считали, что минеральные ресурсы на Севере не иссякнут на протяжении многих лет, а значит, временное строительство нерентабельно [9, с. 98]. В качестве компромисса было принято решение создавать города-спутники при месторождениях [17, с. 64]. Однако эти города были не приспособлены для размещения большого количества населения, и люди, проживавшие в них, сталкивались с санитарно-гигиеническими проблемами (отсутствие канализационных сетей, трудности с питьевой водой, неорганизованные свалки и т.д.) на фоне возрастающего антропогенного загрязнения прилегающих территорий [10, с. 109]. Эти проблемы приводили к высокой текучести населения, хотя общая его численность плавно возрастала [2, с. 100-106].

В целом за 1965-1985 гг. в развитие Севера Западной Сибири ежегодно вкладывалось около 15% годового бюджета страны [5, с. 73]. Благодаря этому, уже к началу IX пятилетки доля нефти, добытой на Севере Западной Сибири, составляла более 30% всего объема нефти, добытой на территории СССР [1, с. 55]. К началу XI пятилетки доля нефти, добытой в СССР, в полтора раза превышала количество нефти, добытой в США [1, с. 66]. Однако к 1980 г. наметилась тенденция к снижению добычи минерального сырья, а в 1982 г. план по добыче нефти выполнить не удалось [15, с. 221].

Таким образом, форсированное развитие Севера Западной Сибири в период VIII-XI пятилеток стало государственным приоритетом. Освоение северных месторождений, создание транспортной, социально-бытовой инфраструктуры, техники, технологий требовало огромного количества бюджетных ассигнований. Несмотря на это, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс развивался с бес-

прецедентной скоростью, намного опережая общесоюзные темпы развития, и эти вложения позволили СССР обеспечить себе мировое первенство по добыче нефти.

Список литературы

1. Варламов, В., Панфилов, И. Основные направления формирования территориально-производственного комплекса Западно-Сибирской равнины // Плановое хозяйство. 1974. № 10. С. 53-62.
2. Гаврилова, Н. Ю. Государственная политика формирования населения тюменской области в 1960-1980-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2018. С. 100-106.
3. ГАТО. Ф. 2101. Оп. 1. Д. 1356. Л. 475.
4. Голдырева, Л. И. Совершенствование организации труда и производства на предприятиях Главтюменнефтегаза // Организация и управление нефтяной промышленности. 1977. № 2. С. 24.
5. Гранберг, А. Народнохозяйственная эффективность ускоренного развития производительных сил Сибири // Плановое хозяйство. 1981. № 5. С. 73-79.
6. Евстигнеев, В. П. Эффективность размещения машиностроения в восточных и западных районах СССР. М., 1972, с. 80.
7. Зубков, К. И., Карпов, В. П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М., 2019. с. 236.
8. Карпов, В. П. Север и техника: Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс в контексте научно-технической политики СССР // Вестник Сургутского государственного университета. 2015. Вып. 4 (10). С. 100-108.
9. Комплексное развитие производительных сил Западной Сибири – в центре внимания ученых и практических работников // Плановое хозяйство. 1978. № 9. С. 97-114.
10. Красовитова, Э. С. Экологическая деградация урбанизированных территорий Севера Западной Сибири в 1960-1970-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (57). С. 109.
11. Крючков, В. В. Проблемы освоения Крайнего Севера // Природа. 1972. № 1. С. 74-82.
12. Мазовер, Я., Макарова, Т. Эффективность топливных баз Сибири // Плановое хозяйство. 1982. № 4. С. 61-66.
13. Нефть и газ Тюмени в документах. Свердловск, 1971. С. 270.
14. Нефтяная эпопея Западной Сибири / ред. М.М. Крол. М., 1995. С. 11
15. Очерки истории Тюменской области / ред. коллегия В.М. Кружинов. Тюмень, 1994. С. 221.
16. Прищепа, А. И. Материально-техническое снабжение промышленного освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции в 1960-е гг. // III международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию образования СССР (VI Губкинские гуманитарные чтения). 2022. С. 130-137.
17. Прищепа, А. И. По поводу административного центра освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции // Северный регион: наука, образование, культура. 2021. № 2 (48). С. 63-68.
18. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 1677. Л. 5.
19. Хайтун, А. Социально-экономические проблемы освоения нефтяных и газовых районов // Плановое хозяйство. 1977. № 9. С. 88-95.

АВТОТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ГОРОДОВ КЕМЕРОВСКОЙ
ОБЛАСТИ В 1946–1965 ГГ.

Батурин Александр Сергеевич
преподаватель

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева,
г. Красноярск, Россия
Alex-910891@mail.ru

В данной работе освещаются автотранспортные предприятия тех районов Кузбасса, которые располагаются на границе с другими регионами страны, а также причины, которые повлияли на их создание и становление.

Ключевые слова: автотранспорт Кузбасса, окраина Кузбасса, экономика Кузбасса, Кемеровская область, автотранспортное предприятие.

MOTOR TRANSPORT ENTERPRISES OF THE BORDER TOWNS OF THE KEMEROV REGION IN
1946 – 1965

Baturin Alexander Sergeevich

Educator, Siberian State University of Science and Technology named after Academician M. F. Reshetnev,
Krasnoyarsk, Russia
Alex-910891@mail.ru

This paper highlights the motor transport enterprises of those regions of Kuzbass that are located on the border with other regions of the country, as well as the reasons that influenced their creation and formation

Keywords: motor transport of Kuzbass, outskirts of Kuzbass, economy of Kuzbass, Kemerovo region, motor transport enterprise.

Транспорт является важнейшей артерией для развития экономики и социальной сферы области. В силу того, что в СССР была плановая экономика, государство и управление предприятиями играло неотъемлемую роль в работе автотранспортных предприятий. По мере развития населенных пунктов в числе прочих мероприятий в них создавались специализированные автотранспортные предприятия. В некоторых городах будущей области автотранспортные предприятия появились еще в 1930-е гг.: в Таштаголе – в 1934-м, в Тяжине – в 1938-м, в Ленинск-Кузнецком – в 1939-м [1, С. 8].

За время войны дорожное хозяйство Кемеровской области пришло в неудовлетворительное состояние, а строительство дорог не осуществлялось. Причины были понятны: проблем в стране было достаточно, и про дороги никто не думал. Поэтому за период войны протяжённость дорог не увеличивалась и ремонтных работ не проводилось. По некоторым из них автотранспорт не мог доехать до «глубинок» и привезти продовольствие. Такое встречалось в 1945 г. в Мариинском районе. В тревожном состоянии оставались дороги в Яшкинском и Таштагольском районах, где строительством практически не занимались. Протяжённость автомобильных дорог составляла порядка 10000 км, что для развития и комфортной жизни региона было недостаточно. Поэтому требовались новые дороги для развития инфраструктуры региона. Дороги были необходимы в первую очередь для пассажирских и грузовых перевозок, так как в изучаемый период начинается процесс урбанизации. Населению надо было добираться до места работы, а по просёлочной дороге или пешком это было сделать достаточно проблематично. То же касалось и грузоперевозок. Автомобили же служили средством мобильного передвижения, которые поставлялись из центральной части СССР. Среди них были как советские модели, выпуск которых был налажен, так и те, которые остались после войны по причине ленд-лиза, преимущественно американского и немецкого производства. Таким образом и формировалась дорожная сеть Кузбасса, соединяющая города внутри области, районы и налаживалось сообщение с другими областями.

В 1946 г. такие работы проводились летом в период после посевных работ и до начала уборочных. Инициатором строительства были администрации колхозов и городов. В этот период, многие колхозы выделяли постоянные дорожные бригады, которые вели строительство дорог и мостов. Та-

кими основными районами были Тяжин и Тисуль. Здесь организаторами и руководителями работ были райисполкомы и райкомы партии. Задача была следующая: построить дорожную сеть до начала уборочных работ [2, с. 2]. В некоторых районах данная цель была достигнута.

В связи с тем, что дорожное покрытие подвергалось неизбежному естественному износу, а также испытывало давление передвигающегося транспорта, возникла потребность в регулярном поддержании рабочего состояния дорог. Для этого создавались специализированные предприятия, которым передавалась под обслуживание определенная доля дорожного фонда. Ремонтом автомобильных дорог занимались специализированные предприятия. В период с 1945 по 1965 гг. на окраинах Кузбасса были следующие предприятия, преимущественно дорожные ремонтно-строительные управления (далее – ДРСУ): Ижморское ДРСУ, Мариинское ДРСУ, Новокузнецкое ДРСУ, Топкинское ДРСУ, Тяжинское ДРСУ, Юргинское ДРСУ, Тисульское АТП и многие другие.

Рассмотрим предприятия разных окраинных районов Кузбасса по порядку. В декабре 1936 г. при Юргинском райисполкоме был образован райдоротдел. С того дня начинается трудовая биография ДРСУ. Райдоротдел тех времён, обслуживая сеть автодорог района протяжённостью 175 км, имел в штате четыре кустовых десятника и одного старшего десятника, заведующего отделом, бухгалтеря, кассира, семь конюхов. Работы велись на основе гужповинности. В 1965 г. отдел преобразован в Юргинский производственный дорожный участок №2002, затем переименован в линейное управление автодорог.

В 1940-х гг. образовывались автотранспортные предприятия, главной целью которых являлось вывозка зерна из колхозов. Еще 5 мая 1938 г. подобное автопредприятие было создано в Тисульском и Тяжинском районах. В 1943 г., когда предприятие возглавил Прокопий Григорьевич Матвиенко, поставки оборудования и машин улучшились. Работа шла в военном режиме. Главную задачу по вывозке зерна из населенных пунктов выполняли успешно. Данную тенденцию продолжал Григорий Филиппович Черкасов, возглавлявший предприятие в 1944 – 1946 гг. [3, С. 2].

В 1946 г. при Кемеровском облисполкоме было организовано управление автомобильного, водного транспорта и строительства шоссейных дорог. В городах появились автоконторы и автороты. В то же время транспорт общего пользования был расщеплен по многим предприятиям разных Министерств и ведомств. Первый этап укрупнения был осуществлен в 1955 г., когда автотранспортные конторы облисполкома объединились с авторотами Союзагортранс, и на их базе был создан областной автотранспортный трест, подчиненный Министерству автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР. Автороты в городах Белово, Ленинске-Кузнецком и Кемерово были объединены с автотранспортными конторами этих городов. Автороты в Тяжине, Мариинске, Ижморке и Юрге вошли в состав автотреста, сохранив свои названия. Получив в Кузбассе автотранспортную организацию в виде автотреста, Министерство начало пополнять автоконторы новым транспортом: грузовым, автобусным и легковым. В дальнейшем хозяйства были разделены на специализированные – грузовые и пассажирские [4, С. 17 - 21]. Грузовые предприятия развивались как автоколонны войскового типа – например, 1236, 1237, 1962 – с личным составом работников, состоящим из солдат и офицеров запаса [5, С. 2].

В связи с ростом и организацией новых автохозяйств областной автотранспортный трест был переименован в автоуправление. В его подчинение были переданы два автотреста: в г. Прокопьевске, которому были подчинены все автохозяйства к югу от г. Белово (города Белово, Гурьевск, Киселевск, Прокопьевск, Новокузнецк, Мыски, Междуреченск и Осинники), а также сельхозтрест (одно автохозяйство – АТХ в г. Кемерово, Тяжинская, Мариинская, Ижморская и Юргинская автороты, а также Анжеро-Судженское АТХ) [5, С. 2].

В феврале 1947 г. при Ижморском райисполкоме был образован дорожный отдел. В своём штате он имел несколько десятников, которые следили за содержанием автомобильных дорог. Через десять лет дорожный отдел был преобразован в дорожно-эксплуатационный участок (ДЭУ). В последующие годы ещё несколько раз менялось наименование предприятия, но неизменным оставалась главная забота работающих здесь людей, которые называли себя дорожниками.

Еще одно возрастное пассажирское автотранспортное предприятие находится в городе Междуреченск, которое появилось в 1956 г., когда и были пущены первые автобусы. Наибольшего развития предприятие достигло в 1970-е–1980-е гг. Как и многие другие ПАТП здесь осуществлялись и осуществляются маршруты по городским, междугородним и межобластным направлениям [6, С. 8].

10 января 1957 г. приказом Кемеровского облавтотреста Прокопьевской автотранспортной конторе было выделено пассажирское автохозяйство с численностью рабочих и служащих 293 человека [7, С. 5].

Рост автохозяйств шел до 1957 г., а затем пошло его снижение. Это было связано с процессами концентрации автомобилей и лиц, их обслуживающих на меньшем числе предприятий, что позволило укрепить состав материальной базы на единицу техники. Эта тенденция не только соответствовала надвигающейся реформе управления промышленностью и строительством, но и экономической реформе 1965 г.

Первая дорожная организация в Тяжинском районе была организована в 1959 г. Это был дорожный отдел райисполкома. Тяжинское дорожное ремонтно-строительное управление образовано в 1979 г.

Таким образом, автомобильная промышленность Кузбасса в изучаемый период имела динамичное развитие не только в центральных городах, но и в пограничных районах. Количество автохозяйств в первое послевоенное десятилетие неуклонно росло, что свидетельствует о подъеме транспортного сообщения не только внутри региона, но и с другими. Примечательно, что появление всевозможных автопредприятий на границах области было необходимо из-за близости к другим регионам страны и это экономило как время на передвижение, так и финансовые вложения. Также стоит отметить, что в период становления и развития автохозяйств, шло строительство дорог и автотрасс, благодаря которому осуществлялись грузовые и пассажирские перевозки.

Список литературы

1. С юбилеем! // Кузбасс. 2013. № 13. С. 8.
2. Герке, С. Потоку хлеба – хорошие дороги // Кузбасс. 1946. № 150. С. 2.
3. Макарова, Е. Нашей истории строки... // Призыв (р.п. Тяжин). 2008. № 24. С. 2.
4. Историческая энциклопедия Кузбасса. Т. 1: Кемерово, 1996. С. 17 – 21.
5. Горбатенко, А. Е. Все путеводные нити Кузбасса – в одном крепком «кулаке» // Кузнецкий край. № 106. С. 2.
6. Ковалева, К. «Междуреченское ПАТП: работа – прежде всего» // Комсомольская Правда. 2000. № 200. С. 8.
7. А дорога серую лентою вьется. Общественный транспорт Кузбасса [историко-публицистическое издание]. Кемерово: Центр-полиграф. 2004. С. 5.

УДК 93

ПОДГОТОВКА К КООПЕРИРОВАНИЮ НАСЕЛЕНИЯ НА ЕНИСЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

*Бибикова Валентина Васильевна
краевед, г. Москва, Россия
bibikovss@yandex.ru*

В статье раскрываются меры органов советской власти и кооперативных организаций по созданию кооперативов среди коренного населения Енисейского Севера.

Ключевые слова. Оленные фонды, родовые советы, комитеты взаимопомощи, потребительские общества.

PREPARATION FOR COOPERATIVIZATION OF THE POPULATION IN THE YENISEI NORTH IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY.

*Bibikova Valentina Vasilyevna
region historian, Moscow, Russia
bibikovss@yandex.ru*

In the article the arrangements of Soviet authorities and cooperative organizations to establish cooperatives among native people of the Yenisei North are revealed.

Key Words: reindeer husbandry funds, tribal council, mutual assistance committees, consumer societies.

Работу по кооперированию населения и организации торговли в Туруханском крае с 1917 г. вел Енисейский Союз кооператоров («Енсоюз») [12, с. 17]. Кооперативное строительство «Енсоюз» начал с организации русских потребительских обществ, в которые планировалось постепенно принимать лиц коренных народностей и создавать при созданных кооперативах туземные советы [16, с. 26]. Однако кооперирование коренного населения сопровождалось трудностями: «В этих районах кооперирование путём создания кооперативов оказалось совершенно невозможным. Попытки делались двумя путями:

Путём создания чисто туземных потребительских обществ;

Путём организации туземных секций при русских потребительских обществах».

В.Н. Махов, один из крупнейших кооперативных деятелей Сибири, писал: «И тот, и другой пути вели только к неудачам. Кооперация, как организация, построенная на самостоятельности населения, среди северных народностей Сибири не имела данных, чтобы возникнуть и развиваться» [20, с. 185]. Он указал на препятствия, тормозящие развитие кооперативного движения среди коренного населения: «На Туруханском Севере живущие здесь ... тунгусы ведут бродячий образ жизни, причём основой их хозяйствования служит охота. Это обстоятельство не позволяет говорить о возможности здесь возникновения кооперативного потребительского движения в обычных его формах. Возникновение форм кооперации, свойственных капиталистическому строю, стоит, в первую очередь, от способов производства и добывания хозяйственных благ, и во вторую очередь, определяется степенью развития тех экономических условий, при которых кооперация имеет объективную возможность возникнуть и развиваться. Степень культурности, сознательности населения занимает лишь последующее место в цепи условий, делающих возможным развитие кооперативного движения» [20, с. 198].

В феврале 1919 г. «Енсоюз» сообщал: «Первоначально «Енисейский Союз» приступил было к работе по кооперированию инородцев, для чего в низовьях Енисея и по Ангаре при непосредственном указании и помощи Союза был создан ряд обществ потребителей, целью которых было обслуживание и вовлечение в кооперацию кочующих инородцев. Но этот план потерпел неудачу, так как общества потребителей попали по большей части в руки торговцев-тунгусников, которые продолжали дело эксплуатации» [2, с. 12]. Но неудачи не остановили работников «Енсоюза», несмотря на изменение политического строя.

После 1917 г. Совнарком принял ряд документов о кооперации. 12 апреля 1918 г. СНК РСФСР принял Декрет «О потребительских кооперативных организациях», которым определялись задачи потребительской кооперации в условиях социалистического строительства. 16 марта 1919 г. принимается Декрет «О потребительских коммунах (рабоче-крестьянских потребительских обществах)». Однако, эти документы не были реализованы в Енисейской губернии, занятой белыми войсками. 27 января 1920 г. СНК РСФСР принял «Декрет о слиянии всех видов кооперации с потребительской кооперацией».

В январе 1920 г. Енисейская губерния была освобождена от колчаковских войск. Как в Сибири, так и в Енисейской губернии формировались органы власти. 18 февраля 1920 г. Сибревком создал Сибирскую Кооперативную комиссию, которой поручалось руководство работой кооперативных отделов Губпродкомов Сибири и реорганизацией потребительской кооперации на основе Декрета от 16 марта 1919 года. Кооперативные организации были обязаны работать под контролем советских хозяйственных органов, но не могли быть лишены хозяйственной инициативы, если она не расходилась с экономическими задачами советской власти. В мае 1920 г. было принято постановление Енгубревкома «Об организации потребительских обществ в Туруханском крае».

16 ноября 1921 г. газета «Красноярский рабочий» поместила заметку о том, что Кежемское общество потребителей «Енсоюза» решило взять в свои руки снабжение тунгусов Подкаменной Тунгуски, чтобы вырвать их из рук местных купцов — «тунгусников». «С этой целью на фактории «Оскоба» в июне 1921 года было собрано собрание тунгусов, которое решило организовать кооператив». Газета «Красноярский рабочий» писала, что это был первый туземный кооператив в Туруханском крае [1, с. 156]. Однако, в официальных документах эта информация не находит подтверждения. В отчете «Енсоюза» сообщалось, что первое инородческое потребительское общество в Туруханском крае было им открыто в 1923 году, второе – в середине 1924 года [7, с. 160]. В 1921 г. в Оскобе была открыта лишь фактория «Енсоюза».

Поиск нестандартных форм организации объединений коренного населения, понятных и необходимых ему, начался с начала 1920-х годов. В 1922 г. в Кузьмовке прошло собрание тунгусов, которое проводил председатель В-Инбатского ВИКа И.М. Гавриленко. Он предложил создать олений фонд для снабжения ими безолонных инородцев с тем, чтобы они могли участвовать в охотничьем промысле. «Признавая крайность инородцев в оленях, постановили: отчислять в течение ямарки

1922 года до ярмарки 1923 года по 1% сдаваемого промысла и просить факторию Союза кооперативов принимать это отчисление, и на отчисление отпустить необходимые товары тунгусу Н.Ф. Дорофееву. Последнему вменяется в обязанность получить товар и на товар приобрести в лесу оленей по ценам Союза кооперативов и на товар наложить 30%. Купленных оленей должны доставить на ярмарку в 1923 году» [4, с. 90]. Однако найти информацию о выполнении этого решения в архиве не найдено. Но сама идея создания оленных фондов получила развитие с 1923 – 1924 гг., в период создания первых родовых советов. Судя по тому, что инструктора, направленные в «тундры» для организации родовых советов, агитировали за создание и фондов, это была установка органов советской власти. Формирование фондов можно считать *первым* этапом на пути к объединению сородичей. Как правило, организованные родовые советы первыми решениями обязывали зажиточных сородичей передавать определённое количество оленей в фонд для раздачи безоленным и малоолённым тунгусам с целью проведения промысла. Но контроля за деятельностью оленных фондов со стороны органов власти практически не было из-за дальности расстояний от Туруханска и эпизодичного появления инспекторов в тундре. Рассмотрим сведения об одном из первых оленных фондов в Илимпейской тундре — фонде при Чапогирском родовом совете, созданном в 1923 году. Врач Ковригин, находившийся в экспедиции в составе отряда РОКК в 1925 г. в районе Чиринды, сообщал: «В 1924 г. было собрано до 500 оленей, но пока их собирали и вели на сборные пункты (Чиринда, Агата), то потеряли, скормили волкам, поели сами и раздали до 50 штук — по свидетельству самих тунгусов. В данное время с набранными в нынешнюю весну 48 головами в наличии у родового совета имеется 135 оленей и 27 нынешних телят» [15, с. 23]. Ковригин писал: «На Чиринде сколько роздано, неизвестно, но в наличии весной там не было ни одного, а число павших и съеденных волками и тунгусами в районе вошло в общее число, только что указанное. Пастух запасного фонда и в данное время ест этих оленей самовольно, чему я был лично свидетель, и это тем более непростительно, что это происходило на берегу Агаты, где рыбы водится в большом количестве, и которой я с переводчиком питались в изобилии во время нашего там пребывания» [15, с. 23]. Ковригин писал: «Особую небрежность нужно отметить у пастухов запасного родового фонда» [15, с. 23]. Информация врача подтверждается сообщением инструктора Туруханского УИК И.Д. Потапова, посетившего весной 1925 г. Чапогирский род. 15 мая 1925 г. на родовом совете был рассмотрен вопрос «Об учёте и сборе оленей фонда Чапогирского родового совета, розданных во временное пользование инородцам тунгусам Чапогирского рода из оленного фонда». Инструктор потребовал произвести ревизию оленного фонда.

Таблица №1

Расход Чириндинского родового оленного фонда за 1924 – 1925 гг.

потери	олени	приплод
волками съедено	31	33
тунгусами съедено	99	7
пропали от истощения и болезней	41	7
на Агате роздано бедным	53	

[15, с. 23]

На собрании назначили пастухов для окарауливания сохранившихся оленей Чапогирского рода [14, с. 3]. Они должны были сохранить оленьё стадо до промыслов. Несмотря на все недостатки с сохранением оленного фонда, другого пути по подготовке к промыслу не было, так как необходимым условием успешной организации промысловой работы было наличие оленей в хозяйствах промысловиков. Усугубляла положение эпизоотия чесотки. В 1925 г. на заседании Туруханского УИК было признано, что «в течение ряда лет оленное стадо тундры падало, и в настоящем году чесотка в Илимпейской тундре подорвала его» [9, с. 9].

Зачастую богатые сородичи всячески демонстрировали собственную независимость от новых органов родовой власти, не приезжали на заседания родовых советов, не выполняли их решений. К примеру, председатель Полигусовского родового совета Василий Тимофеевич Коченев сообщал в 1925 г. в РИК: «Вряд ли родовой совет выполнит постановление съезда и купит оленей для распределения среди бедных. Средства (олений фонд) есть — 80 руб. Богачи сюда не выйдут, а поехать к ним в тайгу я не имею возможности, так как я одинокий и имею всего 10 оленей» [8, с. 5]. Но даже там, где фонды были созданы, не всё было благополучно.

Таблица №2

Состояние оленного фонда Хантайско-Агатского рода (1924 – 1926 гг.)

всего оленей принято	съедено людьми	съедено волками	утеряно	выдано на Чиринду

309	76	95	27	27
живых оленей	приплод телят	из них пропало и съедено волками	съедено людьми	осталось живых оленят
108	80	31	16	33

[13, с.7].

Таким образом, более половины оленей в фонде не досчитались.

Таблица №3

Сведения о состоянии оленных фондов Илимпейской тундры с 1923 по 1926 гг.

родовой совет	роздано в 1923				осталось на январь 1926			
	было в фонде 1923	быки	важенки	лончаки	быки	важенки	лончаки	телята
Илимпейский (Чиринда)	127	53	47	27	13	27	14	15
Экондовский	58	28	30	-	22	12	-	14
Чапогирский	100	50	50	-	44	46	-	8
Хантай-Агатский	282	170	112	-	63	45	-	33
всего	587	301	239	27	142	130	14	80

[13, с. 8]

Эти данные подтверждали неэффективность оленных фондов. Чтобы не сорвать выполнение народнохозяйственного задания по заготовке пушнины, требовалось найти выход. Туруханский УИК решил: «Настоятельно диктуется необходимость предложить торгорганизациям производить закупку оленей в более мощных тундрах для снабжения ими в безоленных тундрах промышленников на льготных условиях» [9, с. 9]. Отказаться от обеспечения коренных народов оленями для участия их в промысле и от создания оленных фондов при родовых советах за счёт приобретения оленей у зажиточных сородичей на средства казны одновременно было невозможно [7, с. 56]. Сохранение оленных фондов было тупиковым вариантом. Нужно было найти механизмы для усиления заинтересованности коренного населения не только в сохранении, но и приумножении оленного стада.

На I Сибирском охото-пушном съезде (1925 г.) препятствием к развитию промысловой работы было названо отсутствие у туземцев кооперативных организаций. Как вариант, рассматривался отказ от индивидуального кредитования промысловиков и переход к кредитованию родовых советов. «Желательная форма кредитования — коллективная» [7, с.115, 117]. Но всем было понятно, что это — пожарный вариант. Единодушно было признано, что «натуральный фонд следует использовать через потребительскую кооперацию» и её следовало создать. Несмотря на риски, на 1925 – 1926 гг. зимний охотничий период было принято решение окончательно отойти от индивидуального кредитования: «Распределение возложить на родовые советы. Получать долг белкой» [7, с. 117].

Необходимым условием организации полноценной торговли в Сибирском комитете видели проблему разрешения задолженности коренного населения торговым организациям. непогашенные долги коренного населения в Туруханском крае перед торговыми организациями на 1 июня 1925 г. составили

1 млн. рублей, причём на 75% они были безнадежными [10, с. 50]. 18 августа 1925 г. на заседании Сибирского комитета Севера был обсуждён вопрос «О кредитовании тузриков». Уже сама повестка говорила о целевой установке. Довольно недвуммысленно и жёстко сформулировал политику кредитования представитель «Сибторга» Кузнецов: «Сибторг вынужден применить метод кредитования, как особый метод заготовительных операций. Кредит производится не в целях вспомоществования или промысловости, а именно — в интересах заготовок. Размер кредита точно определяется центральным управлением — Москвой. Очень многое зависит от лиц, работающих на местах. Наблюдается, что значительная доля задолженности принимает стационарную форму и переходит из сезона в сезон» [7, с. 107]. Был предложен механизм кредитования: «Вся ответственность ложится на заведующего факторией. Каждый клиент имеет свой лицевой счет. На руки выдаётся заборная книжка. Артелям кре-

дит открывается под круговую поруку её членов. Размер кредита в таком случае шире». Ориентир был на производственный характер кредита. Предлагалась коллективная ответственность за выполнение обязательств: «Подчинение кредита родовым советам — мера желательная и жизненная. Следует поднять самодеятельность туземного хозяйства. Государство должно открыть кредит кооперативным организациям» [7, с. 110]. У участников съезде не было сомнения, что кооперирование инородческих хозяйств должно было стать средством для улучшения их материального положения: «Туземец должен помочь себе сам». К трудностям, которые ожидали на этом пути, относили «разницу культур», которая «нередко мешает понять психологию туземца». Фактором, тормозящим выстраивание доверительных и деловых отношений с коренным населением, считали отсутствие местных работников из коренного населения. Другой «трудностью» называли поиск «морально квалифицированного подбора» из русских работников [7, с. 110].

На 1925 – 1926 гг. Москва ассигновала средства на кредитование оленеводства для северных народов. Нужно было найти механизмы финансирования хозяйств. 10 октября 1925 г. в Сибирском Комитете Севера было собрано совещание комиссии по вопросам о формах долгосрочного кредитования туземного хозяйства. На совещании в Сибкоме остановились на решении, которое было принято на охото-пушном съезде: «При кредитовании туземного хозяйства выдавать ссуду под поручительство родовых советов, которые дают отзыв о кредитоспособности индивидуального туземного хозяйства». Альтернативой этому механизму распределения рассматривали финансирование через кооперацию: «Ввиду того, что товарные, кассовые функции не всегда могут быть поручены родовым советам (отсутствие аппарата и письменности), признать кредитопроводящей сетью кооперацию при обязательном условии привлечения родовых советов к участию в работе по расходованию кредита. Эта необходимость обуславливается юридической ответственностью кредитопроводящего органа» [7, с. 135, 137]. Таким образом, родовые советы на этом этапе становились главными звеньями между органами власти, торговыми организациями и населением. Однако, всем было понятно, что это временный вариант, продиктованный спешностью подготовки к охотничьему сезону.

Комитет Севера при ВЦИК поставил перед местными органами власти задачу кооперирования населения: «Задачи кооперирования туземного населения Севера являются в настоящее время основными, ударными задачами» [16, с. 20].

Необходимость поиска подходов к вовлечению населения в кооперацию подтверждалась и результатами обследований редкими экспедициями в Илимпейскую тундру. Оставлять положение дел без изменений было критичным. К примеру, в 1925 г. в экспедиции по Илимпейской тундре был экономист-этнограф Николай Степанович Юрцовский. Им было обследовано 418 тунгусских и якутских хозяйств (2086 человек). В отчёте он указал на причины «повсеместного экономического ослабления туземного хозяйства»: общая пассивность самого туземного населения; отбывание подводной повинности, из-за которой туземец нередко теряет промысловый период; падение оленеводства; падение промыслов. Говоря о причинах слабости туземного хозяйства, Н.С. Юрцовский подчёркивал: «Развитию указанной черты способствует нездоровый обычай «подсобки», деморализующее действующей на обедневшее хозяйство, переходящее на иждивение более зажиточных» [5, с. 49]. К подобной информации о положении дел в тундре в Сибирском комитете содействия народностям Севера относились серьёзно. Консервация общественных отношений не отвечала политике органов советской власти, нацеленной на вовлечение коренного населения в социалистическое строительство. В июле 1925 г. на совещании Сибкомсода говорили: «На вовлечение туземного населения в промысловую кооперацию должно быть обращено исключительное внимание ввиду общегосударственного значения промысловой охоты в крае» [7, с. 53].

Осенью 1925 г. в Туруханском УИКе и «Енсоюзе» было принято решение о создании комитетов взаимопомощи. Это был *второй* этап по пути к кооперированию. В «Положении о туземных обществах взаимопомощи» закладывались основные требования к их организации. КОВы создавались на общих собраниях, должны были работать самостоятельно, «руководствуясь законами и указаниями народного комиссариата социального обеспечения». КОВы отвечали за свои долги общественным имуществом. «За долги общества члены его своим имуществом не отвечают. Освобождаются от всех налогов и сборов». В задачи КОВов входило оказание всех видов помощи вдовам, сиротам, больным, инвалидам и беднейшим туземцам, защита хозяйственных и правовых интересов членов общества. Они должны были развивать самодеятельность среди населения, организовывать общественную взаимопомощь, помогать в работе общественным организациям, помогать в работе кооперации, организации в колхозы, артели, участвовать в распределении и использовании всех поступающих от правительственных учреждений средств для оказания помощи беднейшему населению. Формы помощи: денежная, натуральная, трудовая, правовая.

Средства комитетов обществ взаимопомощи: членские и иные взносы; средства, отпускаемые государством; бесхозяйное, конфискованное имущество, переданное обществу по закону; доходы от промысловых угодий, хозяйств, предприятий; добровольные пожертвования; случайные поступления [19, с. 96].

Судя по перечисленным источникам поступления средств, общества взаимопомощи не могли быть финансово устойчивыми без помощи государства. Началась работа по созданию комитетов взаимопомощи. К примеру, накануне промысла 5 октября 1925 г. инструктором И.Д. Потаповым был собран съезд родовых Советов Чапогирского рода Илимпийского района. Он предложил организовать комитет взаимопомощи. На съезде посчитали это предложение «правильным и необходимым». Но при этом решили комитет, как таковой, не организовывать, а «передать функции такового родовому совету, предложив старому составу совета передать олений фонд и ценности» [13, с. 2]. Как видим, первая попытка создать общества взаимопомощи по типу крестьянских (КОВ) вместо оленных фондов не удалась. Можно даже сказать, что де-факто КОВ не был создан. После избрания нового состава родового совета ему было передан олений фонд. Олени были распределены среди нуждающихся сородичей на зимний промысел. Был установлен срок сдачи оленей — 15 мая 1926 г. [13, с. 6]. Аналогичное решение было принято на съезде Хантайско-Агатского рода. Сородичи признали организацию комитета взаимопомощи «нужным»: «Действительно, мы ничем не обеспечены. Может быть, что чёрный день не за горами, а поэтому для нашего же благополучия мы должны КОВ создать. Ежегодным взносом установить 50 копеек с промыслового ружья, считая с будущего промыслового года. Это слово нас, бедных, а от богатых комитет примет и больше с благодарностью». Но при этом опять сохранился прежний подход: «Выборы КОВ не проводить, возложив обязанности на вновь созданный родовой совет, которому и передать все суммы и олений фонд» [13, с. 4]. Были съезды, на которых принимались решения о сохранении оленных фондов при родовых советах [3, с. 3-7]. Несмотря на трудности, установка на передачу части оленных фондов в ведение комитетов взаимопомощи к осени 1926 г. была выполнена.

Подводя итоги работы инструкторов в зимний период 1925 – 1926 гг., председатель Туруханского РИК А.А. Морозов дал позитивную оценку передаче оленных фондов в ведение комитетов взаимопомощи родовыми советами. «Главная причина, побудившая РИК провести ликвидацию оленных фондов, — усиленное истребление оленей бедняцким населением для питания, что и выдвинуло необходимость создания Комитетов Взаимопомощи, как органов, регулирующих распределение материальной помощи, с одной стороны, действительно нуждающемуся беднейшему населению, а с другой стороны, — рациональное целевое использование этой помощи, ограждающее этот фонд от истребления его на убой для питания» [13, с. 1].

Таблица №4

Данные по двум комитетам взаимопомощи Илимпийского района (1926 г.)

район	денежный фонд	натуральный фонд	сумма денежной ссуды	количество оленной ссуды
Илимпийский	5824 руб.	134 оленя	2427 руб.	97 оленей

[11, с. 43]

Впоследствии А.П. Курилович, член Сибирского комитета Севера, указал на позитивные изменения: «Единственными организациями, которые реально оказывали помощь безоленным тунгусам, были комитеты взаимопомощи. Они созданы при всех родовых советах. Обслуживают, прежде всего, бедняков и батраков. Средства в некоторых собраны значительные» [18, с. 383].

Параллельно с работой советских органов по созданию комитетов взаимопомощи кооперативные организации настойчиво проводили агитационные мероприятия по вовлечению населения в кооперативы. В архиве найден протокол собрания тунгусов Агатского района от 14 декабря 1925 г., на котором присутствовало 28 человек сородичей, инструктор «Енсоюза кооперативов» В. П. Архангельский, член родового совета П. А. Хирогирь и представитель «Сельскосоюза» Н. М. Гавриленко. Был рассмотрен вопрос «О необходимости организации в Агатском районе общества потребителей». Примечательным является то, что на собрании участвовали представители двух конкурирующих кооперативов — «Енсоюза» и «Сельскосоюза». Собравшиеся были ознакомлены с условиями вступления в общество: «Общество потребителей состоит членом Енисейского Союза кооперативов. Правление находится на Някшинде. В состав членов допускаются лица обоого пола. Размер вступительного взноса — 3 рубля. Размер паевого взноса — 10 рублей». Однако согласия на создание общества потребителей добиться не удалось. В постановлении читаем: «Члены собрания, тунгусы Агатского района в количестве восьми человек, за необходимость организации общества потребителей; в количестве 10 — за присоединение или организацию артели. Так как произошло разделение голосов

на две половины, то высказавшие за необходимость организации общества потребителей постановили: организовать инициативную группу по организации общества потребителей, поскольку на собрании не могли присутствовать тунгусы, живущие в прилегающих районах». Судя по решению, надежды на позитивный результат не теряли, и договорились «в начале апреля собрать тунгусов на Агате (Някшинде), чтобы всех ознакомить, кто не присутствовал, выбрать правление и ревкомиссию» [3, с. 1-2].

В Сибирском комитете Севера в 1925 году говорилось: «Опыт последних лет совершенно определённо говорит об успешности работы по вовлечению туземного населения в кооперацию, а местами и в родовые советы (Тазовский район). Создано 6 чисто инородческих обществ — сымских тунгусов, остяков-самоедов, енисейцев, якутов, долган и затундринских крестьян». Как видим, создание за 4 года 6 потребительских обществ воспринималось как позитивный результат. Это говорило о трудностях, с которыми столкнулись торговые кооперативные организации, при которых и создавались туземные потребительские общества. В результате было найдено звено, за которое следовало уцепиться, чтобы вытащить всю цепь. Начинать следовало с подбора туземного актива. «Путь, которым шла потребкооперация в Туруханском крае по подготовке актива, кратко может быть сформулирован, как путь от фактории к обществу потребителей. Фактория производила всю подготовительную работу, сводившуюся на первых порах к наглядной пропаганде существа, роли и значения кооперации. Путём периодического созыва сугланов выделялось из среды туземцев активное ядро, которое привлекалось к активному участию в жизни и работе фактории через создание контрольных советов. Оказание организованного (коллективного) товаро-продуктового кредита влекло за собой образование примитивного распределительного аппарата, который, постепенно развиваясь и укрепляясь, приводил к организации общества потребителей. Это последнее получало финансовую и организационную помощь от Союза. Таким образом, выросли 6 туземных обществ. Сделанный почин необходимо расширить и углубить» [7, с. 141].

Таблица №5

Наличие членов – пайщиков в Туруханском крае (1924 г.)

бедняки	средняки	зажиточные	комитет взаимопомощи	итого
94	8	7	1	109

[18, с. 36]

Из 6 обществ потребителей 2 правления состояли полностью из коренного населения (остяки). Районным отделениям «Енсоюза» выдавались специальные срочные беспроцентные ссуды, выдача которых туземным кооперативам давала толчок в деле их организации [7, с. 155]. Но от создания до стабильного функционирования нужно было пройти трудный путь. С 1925 г. на Туруханском Севере стал работать «Сельскосоюз», созданный Декретом СНК И ВЦИК 16 августа 1921 года. Он организовывал потребительские артели в местностях, населённых русскими. Обе организации напряжённо следили за проведением кооперативной работы друг у друга. Любопытными являются наблюдения «Сельскосоюза» за работой «Енсоюза» с инородческими потребительскими обществами. В октябре 1925 года «Сельскосоюз» сообщал: «Нам хорошо известно, как «Енсоюзом» организованы в начале 1925 года 3 инородческих общества: Чёрный остров на П. Тунгуске и в 1924 — 2 затундринских — Черноостровское общество потребителей, на ст. Новеньком. Мы знали, что в большинстве факторий «Енсоюза», которые обстоятельствами превратились в туземные общества потребителей, никаких контрольных советов туземцев не было, а вместе с этим позволительно сомнение в существовании коллективного кредита, и вообще всей этой стройной системы. На П. Тунгуске, Хатанге ни одного общества потребителей мы не видели. Вопрос о формах и методах кооперирования туземцев Севера Сибири очень большой и сложный. От правильного подхода к форме и методам кооперирования будет зависеть вообще успех кооперации на Севере. Выводы по такому вопросу должны покоиться только на абсолютных материалах. Но это не значит, что вопрос о кооперировании туземцев должен ждать лучших времен. Нам кажется, что вопрос о форме первичного кооператива, может быть, до некоторой степени предрешён, в том духе, как его решает Комсод: то есть Интеграл — как форма первичного кооператива, и соответствует неспециализированному хозяйству туземцев Севера. Дальнейшая увязка первичного Интеграла с дифференцированными системами, по нашему мнению, может быть разрешена только одним способом — увязкой со своей системой. При разрешении вопроса, таким образом, Комсод сразу разрушает кооперативный узел, который имеет затянуться в Туруханском крае» [7, с. 160]. Развитие самостоятельности, самоорганизации туземного населения было главной задачей создаваемого Интеграла. Кстати, возвращаясь к «Сельскосоюзу», следует сказать, что им была создана артель в 1925 г. на Б. Пороге. В отчёте на 9 октября 1926 г. «О деятельности

промысловой кооперативной артели «Орон» на Б. Пороге заведующий факторией В.П. Зайцев докладывал: «Артель за период работы с 1 сентября 1925 г. по 1 октября 1926 г. жила кредитом «Сельскосоюза». И к новому году имеет собственный капитал — 1912 руб 45 коп. На 1 июля в артели 23 человека, в октябре — 44 человека. Члены кредитуются под зимний промысел. Торговля проводится исключительно с членами 53 семей (293 души) при 79 промышленниках. Средняя добыча пушнины в год — на 30 тыс. рублей. Задолженность членов перед артельной лавкой — 4959 рублей 52 копейки (в среднем по 95 руб) на семью, что вполне приемлемо ввиду того, что большинство уже снабжено на зимний промысел» [13, с. 32].

Весной 1926 года под руководством инструктора «Енсоюза» В.П. Архангельского и при участии заведующего Туринской фактории Д.М. Каздыма был организован первый кооператив в Илимпейском районе — Туринское общество потребителей «Оводы» (народное), которому и были переданы остатки товаров фактории от операционного года — на 64,8 тыс. рублей. Это составило капитал — актив. Были построены 5 зданий: жилой дом, лавка, амбар, баня, пороховой погреб; приобретены 6 илимок для торговых операций фактории. Д.М. Каздым работал ответственным приказчиком в Туринском Интеграле. Летом 1927 г. членом правления «Турухансоюза» И.М. Гавриленко общество «Оводы» было реорганизовано в Интеграл «Чувакан» (в переводе — «большая гора» — сопка, около которой были расположены все постройки Интеграла и культбазы). Интеграл «Чувакан» входил на правах члена в систему Туруханского Интегрального союза («Турухансоюза») [18, с. 34].

На 1 октября 1926 года в Туруханском крае работало 25 кооперативов, из которых - 4 русских, 15 смешанных, 8 туземных, из них в Илимпейском районе — 1 [17, с. 201]. На 1 декабря 1926 г. в обществах потребителей и артелях в Туруханском крае было 3150 инородцев [17, с. 265].

«Енсоюз» разработал план работы по кооперированию коренного населения на 1926-31 годы. Окончательно было решено проводить кредитование населения не через родовые советы, а через комитеты взаимопомощи. Одновременно шла подготовка к реорганизации кооперативных организаций, работавших на Севере, в Интегральную на базе «Енсоюза». Ориентир на кредитование промысловых хозяйств через общества потребителей был самым главным аргументом при агитации коренного населения для их вступления в общества.

Список литературы

1. КГУ ГАКК. Ф.П-35. Оп.1. Д.12. Л.156.
2. КГУ ГАКК. Ф.Р-127. Оп.1. Д.35. Л.12.
3. КГУ ГАКК. Ф.Р-127. Оп.1. Д.397. Л.1-7.
4. КГУ ГАКК. Ф.1303. Оп.1. Д.11. Л.90.
5. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.4. Л.49.
6. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.13. Л.2.
7. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.15. Л.56, 107, 110, 115, 117, 135, 137, 141, 155, 160.
8. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.23. Л.5.
9. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.24. Л.9.
10. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.31. Л.50.
11. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.38. Л.43.
12. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.43. Л.17.
13. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.65. Л.1, 2, 4, 6, 7, 8, 32.
14. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.66. Л.3.
15. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.69. Л.23.
16. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.88. Л.20, 26.
17. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.97. Л.201.
18. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.143. Л.34, 36, 383.
19. КГУ ГАКК. Ф.1845. Оп.1. Д.226. Л.96.
20. Махов, В. Потребительская кооперация среди туземного населения Сибири//Жизнь Сибири, 1923. №2-3, С.183-189.
21. Увачан, В. Н. Путь народов Севера к социализму. — М., 1971, 391 с.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОКРАИН В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ МАСЛОДЕЛЬНОЙ
АРТЕЛИ СЕЛА КЕКУРСКОГО КРАСНОЯРСКОГО УЕЗДА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Вавиленко Ольга Михайловна

*краевед, корреспондент КГАУ «Редакция газеты «Сельская жизнь», заслуженный журналист РФ,
с. Сухобузимское, Красноярский край, Россия*

vavilenko.olga@yandex.ru

Священник небольшого прихода в 1912 году помог организовать первую в Красноярском уезде маслодельную артель, и вскоре она стала поставлять свою продукцию на экспорт, в том числе в Англию. По оборотам, выработке и качеству масла в 1914 – 1915 гг. артель стала лучшей в Енисейской губернии.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Красноярский уезд, маслодельная артель, Смарагд Тыжнов, бюро посреднических операций Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, торговли и промышленности.

MODERNIZATION OF THE OUTSKIRTS AT THE BEGINNING OF THE TWENTIETH CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF THE BUTTER-MAKING ARTEL OF THE VILLAGE OF KEKURSKY
KRASNOYARSK DISTRICT OF THE YENISEI PROVINCE)

Vavilenko Olga Mikhailovna,

*local historian, correspondent of KGAU "Editorial Office of the newspaper "Rural Life", Honored Journalist
of the Russian Federation, Sukhobuzimskoye village, Krasnoyarsk Krai Russia*

vavilenko.olga@yandex.ru

In 1912, a priest of a small parish helped organize the first butter-making artel in the Krasnoyarsk District, and soon it began to export its products, including to England. In terms of turnover, production and quality of oil in 1914-15, the artel became the best in the Yenisei province.

Keywords: Yenisei province, Krasnoyarsk Uyezd, maslodelnaya artel, Smaragd Tyzhnov, bureau of intermediary Operations of the East Siberian Society of Agriculture, Trade and Industry.

В начале XX в. Россия благодаря Сибири заняла одно из первых мест среди стран-экспортеров сливочного масла. За 1909 – 1913 гг. среднегодовой вывоз его из Сибири достиг 62,1 тыс. тонн. Высокая жирность (85,59%), особый вкус, сохранявший аромат чистых лугов, богатых разнотравьем, делали его привлекательным на европейских рынках, прежде всего в Англии.

А производился этот продукт в сельской местности — мелкими артелями. Первая маслодельная артель Красноярского уезда Енисейской губернии появилась в небольшом старожиловском селе Кекурском Нахвальской волости в марте 1912 года. Небольшое населенное место на берегу р. Бузим, ничем не примечательное: 110 дворов, население 1200 душ обоего пола, расстояние до Красноярска — 85 верст, до Енисейского тракта — 39 верст, до Енисея — 8 верст.

Появление маслодельной артели обусловлено возможностью получения кредита и покупки оборудования. Известный общественный деятель и предприниматель В.А. Баландина справедливо считала, что быстрый экономический подъем сельского хозяйства Енисейской губернии невозможен без дешевых и доступных кредитов для крестьян [1, с. 29].

Несомненно, свою роль сыграл и настоятель местного Пророко-Ильинского прихода Смарагд Тыжнов, как деятельный просветитель, как ключевая фигура, связующая традиционный крестьянский мир с модернизирующейся экономикой страны.

Крестьяне, в большинстве своем будучи неграмотными, воспринимали священника как «руководителя по всем сторонам жизни». Поэтому в 1904 г. после совета с крестьянским начальником Евгением Георгиевичем Роопом настоятель убедил односельчан учредить кредитное товарищество. Отца Смарагда избрали председателем совета, а его членами — наиболее ответственных и надежных сельчан. Священник написал: «прослужил бесплатно два года, а когда дело окрепло, устранился и стал наблюдать за ним со стороны. Сейчас в нашем обществе около 500 членов и ведется хлебо-залоговая операция. Теперь мужики в трудную минуту уже не ходят за деньгами к богатым-кулакам» [2, с. 20].

Об участии кекурского духовенства в кооперативном движении Енисейской Сибири первыми в научной литературе написали Е.Е. Кушнарченко и А.А. Терскова в исследовании «Приходское духовенство и кооперативы в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв.» В частности, они отмечали успешную деятельность кредитного товарищества и маслодельной артели, созданных в селе Кекурском по инициативе священника Тыжнова [3, с. 86]. Историки указывают, как важен личный пример пастыря: Тыжнов первым записался в кооператив. Его примеру последовало 39 человек [3, с. 86].

Когда в Енисейской губернии стали появляться маслодельни, власть обратилась к волостным чиновникам, священникам и учителям с просьбой содействовать артельному делу. Отец Смарагд вновь выступил в роли организатора. На сельском сходе ему удалось убедить крестьян «*дружно взяться за такое благое дело*». И жители села Кекурского рискнули: взяли ссуду в банке, купили сепаратор и маслобойку. В губернских газетах того времени рекламировался сепаратор производства шведской кампании «Alfa Laval». Очевидно, именно такой и был приобретен артельщиками. Молоко брали от своих коров, закупали у односельчан. На первых порах не удалось избежать недовольства поставщиков, ведь оплату за молоко могли производить после реализации масла. Но сбыт наладили быстро. Этому немало способствовало Бюро посреднических операций Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, торговли и промышленности, находящееся в Красноярске. Именно сюда кекурцы привозили выработанное масло. Здесь качество продукта проверялось в специальной лаборатории. В 1914 г. Восточно-Сибирское общество построило в Красноярске холодильник для масла и молочной продукции, при этом свой взнос внесла и кекурская артель. В летнее время в хранилище могло храниться до 5 тыс. пудов масла при температуре -10° . Далее продукт отправлялся на внутренний рынок или за границу.

Экспортное масло обычно упаковывали в пропаренные, натертые внутри солью и выложенные пергаментом бочки. Сверху тару обшивали еще и рогожей. Для транспортировки на дальние расстояния использовались специальные железнодорожные вагоны-ледники.

Появление маслодельных артелей способствовало развитию молочного животноводства. В 1913 г. в Енисейской губернии состоялось V Губернское агрономическое совещание. Оно одобрило мероприятия по массовому улучшению крупного рогатого скота, которые предложил старший специалист по животноводству В.И. Пальмин. Предполагалось «*устройство показательных скотных дворов в крестьянских хозяйствах с постановкой показательного кормления, а также устройство выставок*» [4, с. 2]. Всего в регионе планировалось устроить 10 таких скотных дворов, по два в каждом уезде. В Красноярском уезде — в селах Кекурском и Шила. Предпочтение было отдано тем селениям, где имелись сельскохозяйственные общества, кредитные товарищества, маслодельные артели и «*названные организации проявили известный интерес к сельскохозяйственной жизни*» [4, с.2].

Таким образом, можно было предположить, что уже в 1913 г. дела у кекурских артельщиков пошли в гору. «Краткое описание приходов Енисейской епархии», вышедшее в 1916 г., сообщало: «*Кекурская артель по оборотам и выработке масла самая лучшая в Енисейской губ., что видно из отчета Восточно-Сибирского Общества торговли и промышленности за 1914 год*» [5, с.24].

Еще одно подтверждение нашлось в статье правления Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, торговли и промышленности под заголовком «Из отчета о масляной операции 1915 года» [6]. Открывает ее ведомость о количестве масла, принятом Бюро посреднических операций с апреля до конца 1915 года. За это время в общей сложности поступило 1308 пудов 24 фунта масла трех видов — экспортного, сладко-сливочного и парижского. В списке — 15 артелей, 12 — из Красноярского уезда, 3 — из Канского. Минусинский уезд в тот год продукцию в бюро не поставлял. Итак, судя по приведенным в статье таблицам, среди 15 артелей по объему и качеству выработанного масла Кекурская не имела конкурентов. Она доставила в Бюро 318 пудов 7 фунтов (24% от общего количества). На втором месте Бартатская артель — 142 пуда 31 фунт, на третьем — Нахвальская — 116 пудов 14 фунтов. Остальные артели производили и реализовывали гораздо меньше продукции, а половина — всего от 30 до 50 пудов.

Артели сдали в Бюро в основном экспортное масло, всего 953 пуда 8,5 фунта, 7 артелей — сладко-сливочное — 169 пудов 24,5 фунта. И только две артели производили из гретых сливок парижское масло, на которое был наибольший спрос и лучшие цены в 1915 году. Кекурская продала 66 пудов 30 фунтов парижского масла, Островско-Горватская — лишь 3 пуда 24 фунта.

В «Отчете» приведена ведомость по реализации масла артелями. Кекурская продала больше всех: 167 пудов 13 фунтов экспортного масла, 84 пуда 4 фунта сладко-сливочного, 66 пудов 30 фунтов — парижского. По данным ведомости, кекурское масло было самым дорогим. Например, пуд его экспортного масла ушел за 14 руб. 05 коп., а у других производителей — за 13 руб. 05 к. Колебания

цен зависели от качества и времени доставки товара в Бюро. Всего кекурцы выручили в 1915 году (за вычетом комиссионных Бюро и расходов по экспорту и учету векселей) – 4 933 руб. 20 коп.

К осени 1915 г. из-за неурожая на кормовые культуры производство масла в губернии упало, а цена стала расти. Пуд экспортного масла в среднем стоил 14 руб. 83 коп, сладко-сливочного — 18 руб. 36 коп., парижского — 20 руб. 75 коп. «Сибирская деревня» пишет: «отдельные партии масла, отправленные в Петроград и Москву, продавались по 40 и даже по 43 рубля за пуд» [6, с. 28].

Далее в статье «Условия сбыта масла в 1916 году», опубликованной в журнале «Сибирская Деревня», подписанной правлением Восточно-Сибирского общества сельского хозяйства, промышленности и торговли [7], высказано предположение, что цена масла будет неуклонно расти. Обосновывалось оно несколькими обстоятельствами, связанными с продолжавшейся Первой мировой войной. Почти на всем пространстве Российской империи, в том числе в Енисейской губернии, уменьшилось количество крупного рогатого скота. Полному разорению подвергся Прибалтийский край, один из поставщиков молочной продукции. Правление делает вывод: «Оба эти обстоятельства создадут значительный недобор масла по сравнению с тем количеством, которое поступало в продажу в мирные годы» [7, с. 32]. В статье также указывается, что, запасов продукта на местах почти не имеется, несмотря на войну сибирское масло продолжали вывозить за границу, главным образом в Англию. Начиная с октября 1915 г. «вывоз масла из Западной Сибири был запрещен и все вырабатывавшееся масло поставлялось на Армию» [7, с. 32]. Причем, если весной 1915 г. казна покупала масло по 11,5 – 12,5 руб., то в марте 1916 г. — по 18 – 19,5 руб. за пуд. Осенью и зимой цены неизбежно поднимутся еще выше.

Инициативу кекурцев подхватили в соседних селениях и волостях. Об этом свидетельствует «Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год»: 3 февраля 1914 г. открылась Подсопочно-Ишимская маслодельная артель, 21 февраля — Абакшинская, 3 марта — Миндерлинская, 15 марта — Погорельско-Сухановская, 2 апреля — Межовская.

Доходы выросли не только у артельщиков. Увеличилась цена за пуд молока, закупаемого у населения. У крестьян появился стимул для разведения крупного рогатого скота. И в Кекуре, и в соседних селах умножилось количество дойных коров, благо естественных пастбищ и покосов было в достатке.

Таким образом, крестьяне Кекурского в начале XX в. освоили кооперацию и, организовали механизированное производство. За короткий срок Кекурское стало одним из локальных экономических центров региона, несмотря на относительную удаленность от Транссибирской магистрали, рынков сбыта, научной и технической помощи. Но это не помешало ни собственно предпринимательской деятельности, ни выходу на всероссийский и мировой рынок. Более того, в условиях мировой войны окраинное положение оказалось более выигрышным, и предприниматели небольшого села способствовали сохранению экономической стабильности региона в целом.

№1

Из статьи священника Смарагда Тыжнова «Кредитное товарищество и маслодельная артель в с. Кекурском Красноярского уезда»

«...В начале 1912 года проезжали по селам г.г. инструктора по сельскому хозяйству с предложением открыть маслодельные артели. Заехали и в наше село. Собрали мужиков, говорили с ними много, но они не сдавались. «Нам дело незнакомо, - говорили они им; «мы в этих делах ничего не понимаем». Так и уехали инструктора, ничего ни сделав. Меня в то время не было в селе. Когда я приехал и услышал об этом, сейчас же собрал мужиков на сход и стал их уговаривать взяться дружно за такое благое дело. Многие соглашались, а некоторые смотрели на новое дело с подозрением. Сход собран был еще несколько раз. На сходе был и бывший учитель нашего училища, Д. Мацвеев. Наконец, на последнем сходе послышались голоса: «пусть первый батюшка подпишется, тогда и мы за ним». Я подписался, и моему примеру последовали 65 человек. ...Так открылась Кекурская маслодельная артель, в то время 1-я в Красноярском уезде, – на действия которой приходилось указывать г.г. инструкторам при открытии других артелей. Сейчас наша артель имеет свое собственное помещение с хорошим ледником, стоящее артели свыше 700 рублей деньгами, не считая леса и прочего материала, что привозилось своими силами. Есть у артели и лавка с необходимыми товарами, включая и мануфактурные. Торговля идет хорошо; выручают от 600-700 руб. в летние месяца. Жалко, что дело это попало под невзгоду войны, но ладно, что оно устроилось именно теперь, ибо служить регулятором для цен на товары. Процент на товары начисляется небольшой и местным торговцам приходится плохо. Есть слухи, что они хотят прикрывать торговлю, а капиталам своим давать другое назначение. Один уже прикрыл, а другой — еврей уходит. Дешевизна товаров в артельной лавке вид-

на из того, что некоторые из артельщиков ездили в город с продуктами и хотели кое-что купить в городе подешевле, но, приехав домой, покупали в своей лавке. Масла артель вырабатывает за 400 пуд. в год и отправляет его на комиссию в Бюро посреднических операций при Восточно-Сибирском обществе сельского хозяйства. За прошлый год наша артель была первой по количеству и качеству выработанного масла во всей Енисейской губернии. Артель в настоящее время старается скорее выплатить ссуду, но не прочь сделать и доброе дело помощи ближним. Так, в нынешнем операционном году артель отослала 50 руб. в Кружок Его Преосвященства на нужды войны.

Священник С. Тыжнов»

«Енисейские епархиальные ведомости, 1916, № 1, с. 20-22.

Список литературы

1. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска) / А.В. Аксенова, Н.В. Гонина, А.П. Дворецкая, А.А. Терскова; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2019. – 538 с.]
2. Тыжнов, С. Кредитное товарищество и маслоделательная артель в с. Кекурском Красноярского уезда /Енисейские Епархиальные ведомости. 1916. №1, с. 20-22
3. Приходское духовенство и кооперативы в Енисейской губернии в конце XIX - начале XX вв // Проблемы социально-экономического развития Сибири, 2017, сс.81-89
4. Доклад старшего специалиста по животноводству в Енисейской губ. В. Пальмина V Губернскому агрономическому совещанию в Енисейской губернии / В. И. Пальмин. – Красноярск: [Енисейская губернская типография, 1913] (Красноярск: ГУНБ, 2021). – эл. копия печатного документа.
5. Краткое описание приходов Енисейской епархии: репринтное воспроизведение издания Енисейского Церковно-Историко-Археологического общества за 1916 год. – Красноярск: КО РФК ХТО «Краевед», 1995.
6. Из отчета о масляной операции 1915 года / Сибирская Деревня. 1916, №№ 7-8. сс.26-31.
7. Условия сбыта масла в 1916 году/Сибирская Деревня, 1916, №№ 7-8. с.32-33.

УДК 947:391 (571.54)

ЗАНЯТИЯ СЕМЕЙСКИХ КУРБИНСКОЙ ДОЛИНЫ МУКОМОЛЬНЫМ РЕМЕСЛОМ

Иванов Виктор Филиппович, аспирант

Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова,

г. Улан-Удэ, Россия

klio1976@mail.ru

В статье дана характеристика мукомольного производства у семейских-старообрядцев Забайкалья. Показана роль и значение мельниц в жизни крестьян-земледельцев. Работа выполнена на основе документов Государственного архива Республики Бурятия и на личных воспоминаниях старожилов. Большинство архивных материалов пущено в научный оборот впервые.

Ключевые слова: Забайкалье, семейские, инородцы, мельница, мельник, жернова, река Курба, Хасурта, Унэгэтэй.

OLD-BELIEVERS OF KURBINSKAYA VALLEY'S OCCUPATION WITH FLOUR-MILLING CRAFT

Ivanov Victor Philippovich

Postgraduate student, Buryat State Academy of Agriculture named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, Russia

Klio1976@mail.ru

The article provides a characteristic of flour-milling production at Old-Believers of Transbaikal Region. The importance of mills for life of peasant households is explained. The article deals with the documents of the State Archive of the Republic of Buryatia and recollections of old residents of the area. The greater part of the archival documents is used for the first time.

Key words: Transbaikal region, Old-Believers, members of national minority, mill, flour miller, grinders, the Kurba river, Khasurta, Unegetei

С приходом русских в Забайкалье были заложены крепкие традиции ведения земледелия. Переселённые в XVIII веке из Польши в Забайкалье русские старообрядцы не только за короткое время адаптировались на новом месте и полностью обеспечивали себя хлебом, но и стали основными поставщиками хлебного рынка. Свой хлеб забайкальские староверы-семейские вывозили на продажу в ближние города Верхнеудинск, Чита, Иркутск. В 1772 г. исследователь Сибири Петр-Симон Паллас, проезжая через селения семейских старообрядцев, восхищался их высоким трудолюбием. Достойную оценку он дал мукомольной деятельности русских крестьян, отмечая широкую сеть мельниц в их селениях [1]. Это подтверждали в своих записях и наблюдениях С.В. Максимов [2], Г.М. Осокин [3]. О традициях сибирского мукомольного дела среди крестьян даётся общее описание в трудах этнографов М.М. Громыко [4], Л.М. Горюшкина [5]. Об истории развития мукомольного производства в Сибири написан ряд статей старшим научным сотрудником Новосибирского института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН А.А. Люцидарской [6].

Мукомольное дело и его развитие среди народов Забайкалья затронула в своём исследовании О.В. Бураева, давая сравнительную характеристику размолу зерна не только среди разных этнических групп русских, но и бурятского населения [7]. Отдельной исследовательской работы по изучению производства муки и строительства мельниц у семейских-старообрядцев Забайкалья не проводилось. Лишь в отдельных трудах ученых Ф.Ф. Болонева [8], П.В. Пыкина [9] даётся краткое описание деятельности мельниц и их владельцев в староверческих селениях, отмечено большое и важное их значение в жизни крестьян-земледельцев.

О значении мельниц в жизни людей, её архитектурных особенностях и приёмах работы были проведены исследования сотрудников Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета И.С. Заяц [10], В.С. Горюнова [11]. В монографии В.В. Волшаника изложена история строительства мельниц в России в XIX – XX вв., даётся анализ конструкции, приводятся методы подбора оборудования для строительства, представлены рекомендации по эксплуатации [12].

Русское население по долине реки Курбы в Забайкалье начали появляться в начале XIX века. В 1815 г. было создано отдельное Курбинское общество из обрусевших крещёных бурят Хоринского ведомства. Позднее к ним были подселены русские старообрядцы из Тарбагатайской волости [13]. Хлебопашество являлось основным занятием для большей части оседлых инородцев и крестьян Курбинской долины. Важную роль в жизни сельчан играли водяные мельницы. Зерно и полученная из него мука являлись главным объектом жизнедеятельности человека. С началом освоения Сибири основным условием существования и выживания в суровых природных условиях края было наличие хлеба. Из всех видов ремесленного крестьянского производства мукомольное дело приносило хозяину мельницы существенный заработок. Ближайшим конкурентами мельника были кузнец и плотник. В сельском обществе это были одни из важнейших профессий, без которых немислима была бы жизнь земледельца. Наряду со строительством жилищ первые поселенца сооружали мельницы. В Хасуртаевском селении первую мельницу построил оседлый бурят Иван Мартынов. Обладая навыками геодезии, в верховьях реки Хасуртайки, в ельнике соорудил большую плотину, где и поставил свою мельницу. Односельчане пришли ему на помощь и сообща от его плотины провели оросительную канаву через всё село, которой жители села пользовались до 2003 года. Местность в верховье реки до сих пор называется «Иванов пруд». Мельница Ивана Мартынова обеспечивала мукой всё население тогдашней Хасурты. Она являлась объектом не только продаж, но и аренды. Мартынов разрешал своим односельчанам пользоваться мельницей, беря с них арендную плату той же мукой. Сдавая в аренду мельницу, из-за халатного отношения арендующих, её владелец рисковал получить большие убытки. Так 12 ноября 1844 г. во время аренды мельницы крестьянином-старообрядцем Михайлом Ивановым, она сгорела. В исковом заявлении мельника Мартынова говорилось, что «в оной мельнице завезено было хлеба собственного моего 8 пудов, оседлого Меркурия Петрякова 4 пуда, всего 12 пудов. В хозяйстве же моём стоит она, мельница, сто рублей серебром» [14]. Позже, уже его дети заново отстроили мельницу на Хасуртайке, ниже по течению от прежней сгоревшей, которая прослужила инородцам Мартыновым вплоть до 1920-х годов.

Такая же участь постигла мельницу унэгэтэйских крестьян. Ветряная мельница была построена с приходом крестьян-старообрядцев в 1829 г. Михаилом Павловичем Потёмкиным и Макаром Васильевичем Кравцовым. Из-за малоземелья и притеснений инородцев, Михаил Потёмкин вновь вернулся на жительство в Куйтун. Мельница осталась за Макаром Кравцовым, который перестроил её из ветряной в водяную и продал крестьянину Андриану Родионовичу Спиридонову [15]. В ночь с 28 на

29 сентября 1858 г. мельница сгорела. В это время она была арендована местными инородцами Александром Иконниковым, Михаилом Тетериным и верхнеталецким крестьянином Степаном Прониным. В донесении старосты Ивана Мурзина от 2 октября 1858 года Верхнеудинскому Земскому суду говорилось, что «все они погибли в огне и дыму. Трупы их найдены: один обгоревший, а два на кожухе мельницы, должно быть задохнулись от дыму» [16]. Таким образом, сдавая в аренду свою мельницу, ее владелец рисковал получить большие убытки из-за халатного отношения арендующих.

С годами сеть водяных мельниц в селениях Курбы увеличилась, а с приходом семей крестьян-старообрядцев их стало ещё больше. По сведениям старосты В.Чебунина на 26 февраля 1912 г. у крестьян Унэгэтэйского селения Верхнеталецкой волости имелось 16 мельниц. Стояли они на реке Курбе и её небольших притоках: Хангинтуй, Убыр-Унэгэтэй, а также на притоке реки Уды — Шолотай. Действие мельниц на малых речках определялось тёплым временем года, с мая по ноябрь. На самой реке Курбе и Шолотай — круглый год. Суточное производство муки в пудах на этих мельницах составляло от 25 до 80. По данным хасуртаевского старосты С.Казаева на это время было 3 мельницы на реке Курбе и её притоках — Хасуртайке и Атхе. Владельцами были братья Матвей и Анфиноген Казаевы. В сутки мельницы производили от 30 до 55 пудов муки [17]. У оседлых инородцев Хасуртаевского селения Галзотской волости в 1903 г. было три водяных мельницы [18].

На многочисленных ручьях, ключах и речках горно-таёжной долины Курбы сооружались большое количество мельниц. Это были высокотехнологические сооружения того времени, требовавшие от владельца больших материальных затрат на её строительство и содержание. Иногда мельницу устанавливали вскладчину 2-3 односельчанина или членами одной семьи. Но чаще у мельницы был единоличный владелец. В Унэгэтэйском селении по речке Шолотай вскладчину мельницы держали Афанасий Шурыгин и Игнат Спиридонов, Вахрам Чебунин и Амос Спиридонов, Елуп и Григорий Устиновы, братья Прохор и Потап Спиридоновы. Суточное производство муки на их мельницах составляло от 50 до 55 пудов [19]. Название мельницы давали по имени первого владельца — Тарасова мельница, Ведникова мельница, Хрисанова мельница. Так же могли называть по местности, где стояла мельница или водоёма, на котором она устанавливалась — Хангинтуйская, Гэмэнская.

Водяная мельница представляет собой двухэтажное бревенчатое здание, на первом этаже которой устанавливались механизм и оборудование для помола, так называемый «постав». Он располагался при входе на первый этаж, рядом, на возвышении были установлены каменные жернова. Подбор камня для жерновов производился с помощью удара железным предметом. Если высекалась искра, камень считался пригодным. Жернова изготавливали зимой, на открытом воздухе. Найденную каменную плиту делили на две части, чтобы получить два жернова — верхний и нижний. Расколоть каменную глыбу, можно было с помощью огня. Изготовление жерновов — это трудоёмкий долгий процесс. Верхний камень жернова имел сквозное отверстие — «жабку», в которое сыпалось зерно. Вращение жерновов производилось с помощью массивного деревянного колеса, на которое падала вода. На быстром потоке реки не требовалось регулировки напора воды. В остальных случаях для подачи воды на мельничное колесо сооружались плотины или пруды, обычно на прижимах, где речка сжималась высокими берегами. Плотины строили из бревенчатых ряжей, которые забивались камнями, щебнем, землей. На речке Хасуртайке до сих пор сохранился земляной вал, где стояла Артамонова мельница. По воспоминаниям старожилов плотину эту строили всей деревней, везли на лошадях с личных подворий навоз, солому, щепу от строительства домов. В настоящее время жители села используют землю бывшей мельничной плотины для посева огородов, считая её высококачественным плодородным перегноем. О существовании множества мельниц до сих пор напоминают останки деревянных конструкций и каменные жернова.

Согласно годовому отчету за 1906 г. у инородцев Хасуртаевского селения Голзотской волости было 8 водяных мельниц, с производством общего дохода 540 рублей в год [20]. В 1910 г. в Хасурте хозяевами мельниц из среды инородцев были Автоном Мартынов на р. Хасуртай, Антон Мартынов на р.Хасуртай, Семён Вахрушев на р. Хасуртай, Иаким Мартынов на р.Дархитуй. У всех мельниц производство муки в сутки составляло 30 пудов. Мельница Семёна Вахрушева, стоявшая на реке Курба и работавшая круглогодично производила до 60 пудов муки в сутки [21]. На февраль 1912 г. у крестьян этого же селения Казаева Анфиногена Ипатовича на речке Атха стояла мельница, с производством 50 пудов муки в сутки и на речке Хасуртайке с производством муки в 30 пудов в сутки. У его брата Казаева Матвея Ипатовича мельница находилась на реке Курба, с производством муки в 55 пудов за сутки [22].

Работа на мельницах была непрерывна, за мельницей нужно было смотреть, ремонтировать поломки. Не каждый хозяин мельницы мог неотлучно находиться на ней в расстоянии нескольких километров от села. Поэтому работу мельника выполняли старики, инвалиды, подростки, то есть те,

кто не был задействован в хозяйственных и земледельческих делах. «В местности Гэмэн, на Казазаевской мельнице «сидел» дедушка Матвей Казазаев. Он сильно верующий был, много там, в тишине молился и книги старинные читал» [23].

Зерно перед помолом просушивали дома на больших глинобитных печах. От просушки зерна зависело качество муки. Мука изготавливалась из неободранного зерна, поэтому перед употреблением в выпечке её просеивали через сито. Оставшиеся отруби использовались для приготовления мучного киселя — бурдука. Степень помола регулировалась с помощью специального устройства, которое поднимало или опускало верхний камень жерновов. Из крупного помола выпекали хлеб, из мелкого — праздничную сдобу. Помимо ржи и пшеницы, сельчане перемалывали на мельницах сушёные ягоды черёмухи, широко применяемой в традиционной народной семейской кухне. При необходимости молотую черемуху просеивали через сито, её могли смешивать с молотыми ягодами боярки.

Слова «мельница», «мельник» всегда являлись синонимом зажиточности. Еще первые годы становления Советской власти в Забайкалье, на сельское мукомольное производство уделялось большое внимание со стороны местной власти. В начале 1920-х гг. владельцы мельниц были взяты под особый контроль работников сельсоветов и милиции, подверглись обложению специального промыслового налога. По спискам крестьян Унэгэтэйского селения за 1922 г. водяные мельницы имели 13 домохозяев [24]. Так Хасуртаевский сельский комитет от 11 сентября 1922 г. докладывал начальнику II участка Хоринской аймачной народной милиции: «Взыскание с владельца мельницы в с.Хасурта Семёна Васильевича Вахрушева девять руб. девяносто коп. золотой валютой промыслового налога для внесения в казначейство при сем предоставляется» [25]. Мельник из Унэгэтэя Евстафий Семёнович Мурзин посчитал обложение его налогом незаконным, о чем 7 октября 1922 г. удостоверило правление местного комитета: «Принадлежащая ему мельница на речке Бильчир в 1921 году еще не было построена. Только был заготовлен материал. Мельница начала молоть в апреле месяце 1922 года» [26].

Хозяева мельниц в 1920-е – 1930-е гг. были раскулачены, их мельницы национализированы. После передачи мельниц из индивидуального владения в государственное, в предвоенные, военные и послевоенные годы, мельницы работали на нужды колхозов. Одна из общественных мельниц хасуртайского колхоза «Победа» сгорела в 1942 году. В поджоге обвинили старика-сторожа Мартынова Семёна Васильевича, которого судили, из мест заключения он уже не вернулся. Молоть «пайку» хлеба на трудодни женщины-колхозницы группами ходили за 3 км, на речку Атха, где стояла Ведникова мельница. Большие партии колхозного зерна возили за 18 км. от села, на речку Хангинтуй. Эта мельница просуществовала до 1960 года.

Водяные мельницы имели важное значение для сельчан. Они позволяли повысить уровень жизни своему владельцу и значительно облегчали труд хлебороба. Мельницы обеспечивали крестьян возможностью увеличить производство муки и разнообразить свой рацион питания. Мельница играла важную роль в технологическом звене получения основного продукта земледельца — хлеба. Мукомольное дело на берегах реки Курба было на стадии ремесленного производства, обеспечивало дополнительный заработок их владельцам. Мельница олицетворяла благосостояние, зажиточность своему владельцу.

Изготовление муки в старообрядческой среде развивалось как коммерческое дело, но первоначальная задача крестьян была — обеспечение себя собственным продовольственным запасом. Для помола муки были необходимы мельницы, которые являлись средоточием хозяйственной деятельности крестьянских старообрядческих обществ. Чем экономически богаче жило общество, тем больше строилось мельниц на селе. Мельница была синонимом зажиточности. Каждый владелец этого жизненно важного объекта знаково подтверждал свою хозяйственную самостоятельность и высокую степень благополучия. Мельник имел хороший достаток и крепкое хозяйство, среди односельчан пользовался большим уважением.

Список литературы

1. Паллас, С. Путешествие по разным губерниям Российского государства. – СПб: Императорская академия наук. Ч.3. 1773. //Петров В.Л., Петрова Е.В. История и культура семейских Забайкалья. Хрестоматия. Ч.1. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2005. С.94-104.

2. Максимов, С. В. Сибирь и каторга. СПб. 1871. //Петров В.Л., Петрова Е.В. История и культура семейских Забайкалья. Хрестоматия. Ч.1. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2005. С.111-117.

3. Осокин, Г. М. На границе с Монголией. Очерки и материалы. СПб. 1906. //Петров В.Л., Петрова Е.В. История и культура семейских Забайкалья. Хрестоматия. Ч.1. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2005. С.197-200.
4. Громько, М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – пер. пол. XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 1975. 351 с.
5. Горюшкин, Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже веков. Конец XIX - начало XX вв. – Новосибирск: Наука, 1967. 412 с.
6. Люцидарская А.А. Мельницы сибирского региона в XVII в., как знаки становления и развития мукомольного производства. //Баландинские чтения. Новосибирск: Новосибирск. Гос. архитектурно-худож. Академия, 2018. №1. С. 84-90.
7. Бурцева, О. В. Этнокультурное взаимодействие народов Байкальского региона в XVII - начале XX вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 210 с.
8. Болонев, Ф. Ф. Семейская живая старина за Байкалом. Очерки истории, культуры быта и межэтническое взаимодействие: сб. науч. ст. – Улан-Удэ: Экос, 2015. 424 с.
9. Пыкин, П. В. Состояние земледелия в крестьянских хозяйствах старообрядцев Западного Забайкалья в начале XX в. //Петров В.Л., Петрова Е.В. История и культура семейских Забайкалья. Хрестоматия. Ч.2. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлиг», 2005. С.346-350.
10. Заяц, И. С. Архитектура водяных и ветряных мельниц Северо-Западного региона России. - Санкт-Петербург: СПб ГАСУ, 2012. 320 с.
11. Горюнов, В. С., Заяц, И. С. Водяные и ветряные мельницы северо-западного региона России. Конструктивные особенности и типология. //Вестник гражданских инженеров. СПб ГАСУ, 2006. №4 (9). С.5-12.
12. Волшаник, В. В. Конструкция водяных и ветряных мельниц России XIX-XX веков: Монография. //В.В. Волшаник, А.Н. Юрченко. – Москва: МСТУ, 2010. 344 с.
13. Иванов, В. Ф. Переселение старообрядцев-семейских на берега Курбы. //Проблемы социально-экономического развития Сибири. №1 (51). Братск: Бр.ГУ, 2023. С.101-107.
14. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф.180. Оп.2. Д.140. Л.1.
15. ГАРБ. Ф.180. Оп.1. Д.1658. Л.4.
16. ГАРБ. Ф.8. Оп.2. Д.97. Л.256.
17. ГАРБ. Ф.245. Оп.1. Д.531. Л.Л.60-62.
18. ГАРБ. Ф.78. Оп.1. Д.324. Л.Л.87.
19. ГАРБ. Ф.246. Оп.1. Д.531. Л.60.
20. ГАРБ. Ф.245. Оп.2. Д.14 Л.17.
21. ГАРБ. Ф.245. Оп.3. Д.41. Л.68.
22. ГАРБ. Ф.246. Оп.1. Д.531. Л.61.
23. Бурдуковская, С. С. (1899-1995). Воспоминания записаны автором, ноябрь 1985 г. с.Хасурта.
24. ГАРБ. Ф.р 586. Оп.1. Д.3. Л.179.
25. ГАРБ. Ф.р 151. Оп.1. Д.104. Л.111.
26. ГАРБ. Ф.р 151. Оп.1. Д.104. Л.153

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЦЕЛИННОЙ КАМПАНИИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ
В 1953–1964 ГГ.

*Коцик Станислав Александрович, аспирант
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
stkotsik@yandex.ru*

Одним из основных направлений аграрной политики Н.С. Хрущева являлась целинная кампания. Проект, на который советское руководство возлагало большие надежды, выявил целый ряд проблем в сельскохозяйственной отрасли, а результаты его были неоднозначными и противоречивыми. В данной статье рассматривается специфика освоения целинных и залежных земель на территории Красноярского края, а также отмечаются причины, помешавшие успешному осуществлению проекта.

Ключевые слова: целинная кампания, сельское хозяйство, Красноярский край, 1953-1964 гг., Н.С. Хрущев.

FEATURES OF THE VIRGIN LANDS CAMPAIGN IN THE KRASNOYARSK REGION IN 1953-1964

*Kotsik Stanislav Aleksandrovich
Postgraduate student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
stkotsik@yandex.ru*

One of the main directions of Khrushchev's agrarian policy was the virgin lands campaign. The project, on which the Soviet leadership had high hopes, revealed a number of problems in the agricultural industry, and its results were ambiguous and contradictory. This article examines the specifics of the development of virgin and fallow lands in the Krasnoyarsk Territory, and also notes the reasons that prevented the successful implementation of the project.

Key words: virgin lands campaign, agriculture, Krasnoyarsk region, 1953-1964, N.S. Khrushchev.

По окончании Великой Отечественной войны СССР столкнулся с необходимостью скорейшего восстановления народного хозяйства страны. Советское руководство ставило задачу в кратчайшие сроки вернуть промышленное и аграрное производство на довоенный уровень, а в дальнейшем и превзойти его. Темпы индустриального развития были довольно высокими и уже к середине четвертой пятилетки смогли достигнуть показателей 1940 г. Однако сельское хозяйство развивалось значительно менее успешно.

Стоит отметить, что в годы войны сельскому хозяйству СССР был нанесен огромный ущерб: была подорвана материально-техническая база сельского хозяйства, значительно сократилось число техники, используемой на сельскохозяйственных работах, но, пожалуй, главная проблема заключалась в острой нехватке трудовых ресурсов. Нехватка сельских тружеников, а особенно квалифицированных специалистов, была вызвана, во-первых, естественной убылью трудоспособного населения в годы войны, а также усилившейся миграцией из сельской местности в города. Сельскохозяйственное производство в этот период имело фактически второстепенное значение в советской экономической политике, гораздо большее внимание уделялось промышленному развитию. Индустриальная отрасль финансировалась значительно лучше, условия труда для работников были выше, чем в сельской местности, уровень развития инфраструктуры, социального обеспечения также был выше в городах.

В послевоенные годы распространенной проблемой становится голод. В 1946 г., ввиду продолжительной засухи в европейской части страны и длительных дождей на востоке, произошло значительное сокращение урожая, что, как следствие, привело к голоду населения. Продовольственная проблема вновь обостряется в начале 1950-х гг. К концу четвертой пятилетки так и не удалось достичь удовлетворительных результатов по развитию аграрного производства: уровень заготовок зерна не дотягивался даже до показателей 1940 г., становилось очевидным, что сельское хозяйство является самой отстающей отраслью хозяйственного развития страны. Коренной пересмотр экономической политики государства стал возможен после смерти И.В. Сталина в 1953 году. Экономическая жизнь СССР в этот период характеризуется большим вниманием вопросам сельскохозяйственного развития.

В условиях продовольственного дефицита необходимо было экстренно решать задачу повышения зернового производства. На протяжении 1953 г. велась продолжительная дискуссия о способах решения данной проблемы. В программных документах, докладных записках, а также в основе пятилетних планов лежат положения о необходимости углубления интенсификации сельского хозяйства. Разработчиками экономической политики планировалось достичь повышения показателей за счет внедрения новой техники, достижений науки, увеличения капиталовложений в отрасль и повышения доходности сельхозпредприятий, а также благодаря повышению привлекательности сельского хозяйства за счет улучшения условий жизни и труда. Однако на практике подъем сельского хозяйства, особенно в начальный период хрущевских преобразований, осуществлялся экстенсивным путем — посредством расширения посевных площадей и увеличения поголовья скота. Причины выбора такого подхода вытекают из состояния сельскохозяйственной отрасли в рассматриваемый период. Нехватка ресурсов, в первую очередь трудовых, препятствовала проведению качественных преобразований в короткий срок. Помимо этого, в условиях голода в ряде регионов страны необходимо было ликвидировать дефицит продовольствия как можно быстрее.

Одним из основных средств повышения производства зерна в 1953 – 1964 гг. являлась целинная кампания. Попытки хозяйственного освоения целинных и залежных земель предпринимались советским руководством задолго до Н.С. Хрущева. Уже в годы первой пятилетки (1928 – 1932 гг.) была предпринята попытка проведения подобного проекта при активном участии И.В. Сталина. В этот период было создано порядка 2 тысяч зерновых и животноводческих совхозов с общей посевной площадью в размере 7,3 млн. га. [1, с. 63]. Освоению подлежали преимущественно целинные и залежные земли Казахстана, Западной Сибири, Северного Кавказа и Поволжья. Опыт данной кампании в целом можно охарактеризовать как неудачный. Большая часть новых совхозов оказалась крайне убыточной и нерентабельной. Причины провала данного проекта заключались в наличии серьезных просчетов в планировании, на которые специалисты сельского хозяйства обращали свое внимание на этапе обсуждения, но которые были проигнорированы советским руководством. В хозяйствах имели место такие проблемы как чрезвычайно огромный размер сформированных совхозов, их узкая хозяйственная специализация, нехватка техники, рабочих, отсутствие проведения агротехнических мероприятий и т.д. К середине 1930-х гг. И.В. Сталин был вынужден признать данную кампанию провальной и призвать к разукрупнению совхозов. Планируемые от первой пятилетки показатели удалось достичь лишь к концу 1930-х гг.

В будущем попытке проведения освоения целинных земель встречались и в 1940 г. в постановлении СНК СССР «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР» [2], и в годы четвертой пятилетки (1946 – 1950 гг.) [3], однако в качестве основного средства повышения аграрного производства не использовались и широкого распространения не получили.

Однако к 1953 г. подход к развитию сельского хозяйства стал меняться. Советское государство под руководством Н.С. Хрущева возлагало большие надежды на целинную кампанию в вопросе решения зерновой проблемы. Предполагалось освоение уже в 1954 – 1955 гг. не менее 13 млн. гектаров земель в Казахстане, Сибири, Поволжье, на Урале и в других регионах страны. [4, с. 95]. Данному проекту предшествовала определенная подготовка, в разработке основных положений был скорректирован ряд ошибок, допущенных в сталинский период. Нехватку трудовых ресурсов планировалось восполнить за счет переселенцев и добровольцев из числа молодежи и комсомольцев. В программе, в отличие от практикуемого ранее универсального подхода, было предложено учитывать специфику каждого региона и адаптировать методы освоения земель к конкретным условиям — климатическим и почвенным. Помимо этого, отмечалось более детальное планирование и контроль применения удобрений и орошения, что должно было помочь избежать истощения почвы и способствовать повышению урожайности. Также значительное внимание уделялось повышению уровня жизни сельского населения. Были предусмотрены мероприятия по развитию сельскохозяйственной инфраструктуры, строительству жилых помещений, улучшению условий труда сельских тружеников.

Стоит отметить, что целинная кампания Н.С. Хрущева была также и важным инструментом политической борьбы. Проведение такой масштабной кампании, привлечение миллионов людей к активному участию в ней, а также методы политической пропаганды создавали образ Н.С. Хрущева как активного и решительного лидера, намеренного решать проблемы государства. Это позволило ему довольно быстро увеличить поддержку среди населения и укрепить политические позиции внутри партии.

Стремительное освоение целинных и залежных земель началось уже в 1954 году. Одним из направлений кампании стала Сибирь и Красноярский край, в частности. Территория Красноярского

края обладала достаточно благоприятными почвенно-климатическими условиями для возделывания сельскохозяйственных культур. Среди основных мест проведения целинной кампании можно выделить, в первую очередь, территорию Хакасии, где весной 1954 г. был образован крупный зерносовхоз «Абаканский», а также Ужурский, Краснотуранский, Ирбейский, Канский и Балахтинский районы.

Реализация целинного проекта сопровождалась активным совхозным строительством. В 1954 – 1955 гг. были организованы пять новых зерносовхозов (Абаканский, Тюпский, Сарагашский, Ширинский и Борец) с общей посевной площадью 108,7 тыс. гектаров [5]. Строительство совхозов в 1953 – 1964 гг. было более успешным в сравнении со сталинским периодом. Указанные выше пять зерносовхозов уже в 1956 г. давали почти треть (31%) от общего валового сбора зерна по всему Красноярскому краю [6].

Старт проведения целинной кампании в Красноярском крае ознаменовался значительными успехами. Так, за 1954 – 1956 гг. колхозами и совхозами края было освоено целинных и залежных земель 949,9 тыс. гектаров, из них колхозами освоено — 649,5 тыс. га, а совхозами — 300,3 тыс. га. [7]. Несмотря на то, что темпы освоения целины не дотягивались до плановых показателей, за счет расширения посевных площадей удалось значительно увеличить производство зерна в хозяйствах края. Валовый сбор зерна по краю в 1956 г. превысил уровень 1953 г. более чем в 4 раза, а в сравнении с 1955 г. оказался выше на 19,6%. Быстрый рост производства зерна был также связан с достаточно неплохой урожайностью: несмотря на погодные условия и засуху в 1955 г. было получено 12,3 центнера с гектара, а в 1956 г. — 11,4 центнера с га. [8]

Ход освоения неиспользуемых земель предполагал полноценное хозяйственное освоение территорий. К обязательным мероприятиям относилось строительство дорог, обеспечение сельского населения жильем, развитие инфраструктуры, электрификация, однако на деле данные требования не выполнялись в полном объеме. Из докладных записок и отчетов за рассматриваемый период следует, что планы жилищного строительства, электрификации ежегодно не выполнялись. Среди основных причин такого положения отмечали ненадлежащее руководство хозяйствами, нехватку трудовых ресурсов, но, прежде всего, недостаточное финансирование. Проведение столь масштабного проекта требовало огромных капиталовложений со стороны государства. Например, в 1954 – 1957 гг. только в целинных совхозах на задачи строительства было выделено 3,4 млрд. рублей, что составляло по 8 млн рублей в среднем на хозяйство [9, с. 159]. Это было меньше необходимого количества более чем в 2 раза. Целинные хозяйства нуждались в существенном увеличении финансирования, однако на протяжении всего периода преобразований данная отрасль испытывала нехватку денежных средств.

Создание новых хозяйств практически с нуля требовало решения задач по обеспечению их квалифицированными специалистами и механизаторами. Поиск трудовых ресурсов осуществлялся с помощью масштабной агитационной кампании в прессе, а также через партийные и комсомольские каналы. В прессе в эти годы регулярно звучат призывы к участию в освоении целинных и залежных земель. Контингент сельских тружеников в новых хозяйствах состоял преимущественно из комсомольцев, приехавших из городов, а также работников старых колхозов, совхозов и МТС. Помимо этого, государство поддерживало сельскохозяйственное переселение в восточные регионы страны граждан из-за рубежа.

Ощутимым в целинных хозяйствах был дефицит специалистов: агрономов, механизаторов, ветеринаров и прочих специальностей, необходимых в повседневной работе сельскохозяйственных учреждений. С целью подготовки кадров в 1953 – 1964 гг. активно расширяется система образовательных учреждений. С 1 сентября 1953 г. начал работать Красноярский сельскохозяйственный институт (КСХИ), а 14 февраля 1956 г. Совет Министров СССР принял постановление, по которому предусматривалось создание Красноярского научно-исследовательского института сельского хозяйства [10]. Однако на подготовку специалистов требовалось время, а обеспечить активно растущее число новых хозяйств кадрами нужно было немедленно. Выход был найден в высвобождении работников из других регионов. Так уже к концу марта 1954 года в Красноярский край приехало 2446 механизаторов и специалистов [11, с. 125]. В целом в 1954 – 1959 гг. население Сибири в результате только целинной кампании увеличилось более чем на 300 тысяч человек. Тем не менее эти меры не смогли избавить сельское хозяйство от кадрового дефицита.

С середины 1950-х гг. ход целинной кампании начинает замедляться. Засушливый 1957 г. привел к сокращению полученного урожая, темпы освоения целинных земель также значительно снижаются: в 1958 г. колхозами и совхозами Красноярского края было освоено 45,1 тыс. га [12], в 1959 г. — 74,1 тыс. га (при плане 105 тыс. га) [13], в 1960 г. — 74 тыс. га (при плане 105 тыс. га) [14],

в 1961 г. — 66,8 тыс. га (при плане 120 тыс. га) [15], в 1962 г. — 36,5 тыс. га (по плану — 100 тыс. га) [16].

Значительное замедление темпов освоения целинных земель было вызвано рядом причин. В первых, даже на момент начала 1960-х гг. не были устранены серьезные недостатки в бытовом обслуживании населения. Уровень развития коммунального хозяйства отставал от растущих запросов населения края. Несмотря на большое увеличение жилплощади, положение с обеспечением жильем, особенно в городах, рабочих поселках и районах освоения целинных и залежных земель, оставалось напряженным. В результате многие сельские труженики, работники МТС, специалисты, переселившиеся в районы целины, столкнувшись с тяжелыми условиями жизни и труда, вынуждены были возвращаться на прежние места работы.

Вторая проблема кроется в нехватке финансирования. Проведение масштабной кампании, ежегодное расширение посевных площадей, необходимость обеспечить строительство, сельскохозяйственные работы, оплату труда сельских тружеников требовали регулярных денежных вливаний, однако финансирование являлось явно недостаточным, о чем говорится в докладных записках и отчетах руководителей хозяйств на протяжении всего периода реформ.

Определенный негативный эффект на показатели сельскохозяйственного производства оказали климатические условия в регионе. Практически ежегодно резкие перепады температур воздуха влияли на изменение сроков проведения полевых работ, в связи с этим планы проведения сельскохозяйственных работ из года в год не выполнялись.

Во многих хозяйствах края игнорировались почвозащитные технологии, уровень агротехники колхозов и совхозов края оставался низким, имелась слабая обеспеченность органическими и минеральными удобрениями. Хлеб, полученный в целинных районах, отличался низким качеством. Задача количественного увеличения обрабатываемых территорий приводила к тому, что контролю качества получаемой продукции отводилось второстепенное значение, в связи с чем значительные объемы зерна невозможно было использовать для экспорта и формирования резервных фондов.

Серьезной проблемой являлись просчеты в планировании и необходимость корректирования курса преобразований уже по ходу целинной кампании. Так, например, на рубеже 1950 – 1960-х гг. целинные земли стали массово засеивать пропашными культурами (кукуруза, бобы, свекла). По мнению Н.С. Хрущева, расширение посевов кукурузы должно было стать крупнейшим резервом увеличения производства зерна, а также решить задачу обеспечения кормовой базы животноводства. Однако выращивание данных культур требовало особого ухода в условиях климата Красноярского края и зачастую приводила к гибели посевов и быстрому истощению почвы. В целом в период активного проведения «кукурузной кампании» показатели урожайности зеленой массы кукурузы по Красноярскому краю были в 2-3 раза меньше плановых. Поставленные задачи так и не были выполнены, в связи с чем уже после отставки Н.С. Хрущева данные мероприятия были свернуты.

Решения высшего руководства редко подлежали критике как в прессе, так и на собраниях местных хозяйственных органов. Зачастую ответственность за неудовлетворительный ход кампании возлагалась на местное руководство. Нехватка квалифицированных руководителей действительно имела место в годы преобразований Н.С. Хрущева. Основным способом решения данной проблемы было перераспределение и направление управленцев из числа партийного актива на село в качестве руководителей хозяйств. Сопутствующим препятствием являлась высокая текучка управленческих кадров, что мешало стабильному и эффективному управлению в отдельных хозяйствах.

Таким образом, ход целинной кампании на территории Красноярского края является довольно противоречивым. Первые годы целины стали действительно успешными, позволили в краткие сроки решить проблему продовольственного дефицита, значительно расширить посевные площади, приступить к хозяйственному освоению новых территорий. Однако в дальнейшем накопительный эффект от ряда негативных факторов привел к значительному замедлению темпов освоения целинных земель, истощению почвы и снижению урожайности. Попытки изменения курса уже по ходу кампании оказались непродуманными и не смогли исправить положение, в связи с чем руководство страны уже после отставки Н.С. Хрущева вынуждено было свернуть часть его инициатив.

Список литературы

1. Зеленин, И. Е. Первая советская программа массового освоения целинных земель (Конец 20-х – 30-е гг.) // Отечественная история. 1996. №2. С. 63.
2. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского кра-

ев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей: Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.): сборник документов / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М. 1967. Т.2. С. 749-752.

3. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг. М. Госполитиздат. 1946. 96 с.

4. Постановление Пленума ЦК КПСС от 2 марта 1954 г. «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов за 50 лет. М.: Политиздат. 1968. Т.4. С. 95.

5. ГАКК. Ф.-1300. Оп. 2. Д. 1861.

6. ГАКК. Ф.-1300. Оп.2. Д. 1892.

7. ГАКК. Ф.Р.-1478. Оп. 3. Д. 325.

8. ГАКК. Ф.-1300. Оп.2. Д. 1892.

9. Андреенков, С. Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946-1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт. 2016. С. 159.

10. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1956 г. N 253. «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству».

11. Из докладной записки Министерства сельского хозяйства РСФСР министру сельского хозяйства СССР о ходе выполнения постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 27 марта 1954 г. «Об увеличении производства зерна в 1954–1955 гг. за счет освоения целинных и залежных земель» // Великий подвиг партии и народа – массовое освоение целинных и залежных земель: сб. документов. М. 1979. С. 125.

12. ГАКК. Ф.Р.-1478. Оп. 3. Д. 335.

13. ГАКК. Ф.Р.-1478. Оп. 3. Д. 349.

14. ГАКК. Ф.Р.-1478. Оп. 3. Д. 357.

15. ГАКК. Ф.Р.-1478. Оп. 3. Д. 385.

16. ГАКК. Ф.Р.-1478. Оп. 3. Д. 386.

УДК 94

ЭВОЛЮЦИЯ АМУРСКОГО РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА НА СОВЕТСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ КАК ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ РОССИИ

Цай Ин, аспирант

*Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск, Россия
mnina66@yandex.ru*

В статье описывается политическая и экономическая ситуация на Дальнем Востоке в советский период России, а также было проанализировано направление деятельности Амурского речного транспорта в данном контексте. Статья имеет актуальное значение для изучения Амурского речного транспорта в советский период России.

Ключевые слова: Амурский речной транспорт, Дальневосточная республика, советско-китайские отношения, Дальний Восток России, восточная окраина.

THE EVOLUTION OF AMUR RIVER TRANSPORTATION IN THE FAR EAST REGION OF THE SOVIET UNION AS THE EASTERN EDGE OF RUSSIA

Cai Ying

*Postgraduate student, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia
mnina66@yandex.ru*

This article describes the political and economic situation in the Far East during the Soviet era Russian and analyzer the direction of Amur River transportation activities in this context. This article is of great significance in studying the transportation of the Amur River during the Soviet era Russian.

Keywords: Amur River transport, Far Eastern Republic, Sino Soviet-Chinese relations, Far East Russian, Eastern Suburb.

Советский период на Дальнем Востоке России длился с 1923 по 1991 гг., так как гражданская война и иностранная интервенция окончились на Дальнем Востоке на два года позже, чем в центральных районах России. На протяжении всей своей истории российский Дальний Восток является восточной окраиной Российского Государства из-за дальности от центра.

Отметим, что период 1917 – 1922 гг. на Дальнем Востоке был сложен и запутан, в эти годы здесь произошли революционные потрясения, гражданская война и интервенция. В этот переломный период все сферы социума и экономики претерпели серьезные трансформации. 6 апреля 1920 г. на территории Дальнего Востока и Забайкалья была провозглашена буферная демократическая Дальневосточная республика (ДВР). Что же касается Амурского речного транспорта, то 20 февраля 1922 г. правительство ДВР издает закон, согласно которому на коммерческих началах учреждался Амурский Государственный Водный Транспорт (АГВТ). В тот же год правительство ДВР утвердило временное «Положение об Амурском государственном водном транспорте», которое 05.12.1922 г. было переименовано в «Амурское государственное пароходство» (далее — АГП) [1].

В процессе советизации Дальнего Востока были проведены преобразования аппарата управления речным транспортом, работы по переустройству речных портов и ремонт судов. В 1923 – 1925 гг. Амурское речное пароходство оставалось убыточным. В 1930 г. Амурское водное управление (далее — АВУ) и АГП объединились в Амурский государственный речной флот. Активизировались работы по постройке и ремонту судов, гидротехническому строительству, сооружению дамб и пристаней. Это улучшило состояние флота и расширило его возможности [2, с. 149-150]. К 1932 г. Амурскому государственному речному флоту удалось достичь дореволюционного высокого уровня грузо-перевозок — 609 тыс. т (в 1913 г. было перевезено 604 тыс. т) [3, с. 146].

В 1940 – 1950-е гг. на Дальнем Востоке в центре внимания советской дипломатии оказался Китай. Требовалось укрепить отношения с Маньчжурией в непосредственной близости от границ СССР. Данный период называется «медовый месяц» в советско-китайских отношениях. В это время межрегиональное взаимодействие между приграничными районами двух стран активно развивалось, и Амурское речное пароходство сыграло немаловажную роль в этом взаимодействии.

К началу 1940-х гг. общая протяженность рек Амурского бассейна, обслуживаемых Амурским пароходством, составляла 5408 км, из которых 2279 км проходили по границе с Китаем — от пристани Олочи на р. Аргунь до Казакевической протоки (на 45 км выше Хабаровска) [4]. Согласно отчету Амурского речного пароходства, в навигацию 1941 г. объем перевезенных грузов составил 512,8 тыс. т, в 1942 г. — 486,7 тыс. т, в 1943 г. — 514,5 тыс. т, в 1944 г. — 514,6 тыс. т, в 1945 г. — 458,2 тыс. т [5]. С середины 1940-х гг. постепенно расширялась торговля между советскими внешне-торговыми организациями и народно-демократической администрацией Маньчжурии.

В 1946 – 1947 гг. взаимные поставки товаров между советским Дальним Востоком и народно-демократическими районами Северо-Востока осуществлялись по железной дороге в двух направлениях — забайкальском (Маньчжурия – Забайкальск) и приморском (Пограничная – Гродеково), а в период навигации также по Амуру и Сунгари [6, с. 174]. В середине 1946 г., после перехода гоминьдановских войск в наступление, СССР начал поставки артиллерийского, бронетанкового, стрелкового и авиационного вооружения для частей Народно-освободительной армии в Северной Маньчжурии. Всего в 1947 – 1949 гг. народно-демократическая администрация Северной Маньчжурии получила около 110 тыс. т нефтепродуктов, автомашин и мотоциклов на сумму свыше 70 млн. руб., более 70 млн. м тканей, медикаментов и медицинструментов на сумму около 100 млн. руб. [6, с. 170].

На основании приказа Министра речного флота СССР от 21.04.1948 г. № 99 Верхне-Амурское управление речного транспорта и Нижне-Амурское управление речного транспорта объединились в Амурское речное пароходство с местонахождением Управления в г. Хабаровске. В состав Амурского бассейнового управления пути входили Благовещенский, Зейский, Сретенский, Хабаровский, Комсомольский, Николаевский технические участки [7].

В 1949 г. была образована Китайская Народная Республика. СССР первым установил дипломатические отношения с КНР. На дальневосточных рубежах сотрудничество было продолжено. В январе 1951 г. было подписано советско-китайское соглашение о порядке плавания по пограничным участкам рек Амур, Уссури, Аргунь, Сунгача и озеру Ханка, которое установило нормальный режим судоходства по данным водным путям. В соответствии с соглашением 1951 г. была образована и функционировала Смешанная советско-китайская комиссия по судоходству.

Амурское речное пароходство активно включилось в процесс обеспечения советско-китайской торговли, объемы которой возрастали и в 1950 г. составили 518,9 млн руб., в 1951 г. — 728,8 млн руб., в 1952 г. — 871,2 млн руб. [6, с. 204-205]. Подписание Соглашения о режиме торгового судоходства на пограничных и смежных с ними реках (1957 г.) и заключение Договора о тор-

говле и мореплавании между СССР и КНР (1958 г.) способствовало развитию товарооборота и развитию экономики приграничных регионов. Объемы приграничной торговли возросли: так, товарооборот Хэйлунцзянской торговой компании с советским Дальним Востоком с 60 тыс. руб. в 1957 г. возрос до 8,4 млн руб. в 1959 г., по оценкам, совокупный объем торговли провинции Хэйлунцзян с СССР с 1957 по 1966 гг. составил 34 млн 760 тыс. руб. [8, с.212].

В конце 1950-х гг. курс КПК был во многом пересмотрен, начался период охлаждения отношений с СССР. Остановилась работа смешанной комиссии по судоходству, действовавшей с 1951 г. В 1966 г. научно-техническое и производственное сотрудничество Китая с Советским Союзом полностью прекратилось.

В 1980-х гг. отношения между Советским Союзом и Китаем начали нормализоваться, две страны пережили этап «закостенения отношений» около 30 лет. В апреле 1982 г. СССР и КНР заключили советско-китайское соглашение о возобновлении приграничной торговли. Амурское речное пароходство и пароходство провинции Хэйлунцзян вновь начали осуществлять перевозки по речным международным маршрутам. В июне 1986 г. были открыты китайско-российские порты Тунцзян – Нижнеленинское, Благовещенск – Хэйхэ. В марте 1987 г. были приняты «Правила плавания по советско-китайским пограничным участкам рек». С июля 1989 г. суда Амурского пароходства пошли в порты Фуцзинь, Цзямусы, Харбин; для китайских судов были открыты порты Хабаровск, Комсомольск и Поярково. Между Благовещенском и Хэйхэ начала функционировать первая международная речная паромная переправа. Японская фирма «Джейро» и китайская «Синотранс» подписали соглашение о перевозке по рекам Амур и Сунгари грузов, следовавших из Японии в провинции Хэйлунцзян с использованием судов «река-море» Амурского пароходства.

Начали создаваться совместные рабочие группы по вопросам коммуникаций на высшем уровне: так, в октябре 1986 г. в Москве состоялось первое заседание постоянной рабочей группы по транспорту в рамках советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. В соответствии с постановлениями Совета Министров СССР 1987 – 1988 гг. предприятиям разрешалось налаживать прямые связи с зарубежными партнерами; организации Дальнего Востока могли расходовать 15% средств (организации других регионов страны — 10%) в свободно конвертируемой валюте для своих нужд. Весной 1989 г. лидер СССР М.С. Горбачев посетил КНР; были заключены новые двусторонние договоренности, в том числе в экономической сфере. В октябре 1990 г. в Москве правительства двух стран подписали советско-китайское торговое соглашение.

Стоит отметить, что в 1980-е гг. стала развиваться бартерная торговля с северо-восточными провинциями КНР. В этих условиях возросло значение речных международных перевозок и речного транспорта. Становилась все более очевидной необходимость переориентации региона на внешний рынок и открытия его экономики. Государственная граница СССР с Китаем утратила свою разделительную, барьерную функцию. В то же время Амурский речной транспорт как основной вид речного транспорта между Советским Союзом и Китаем на Дальнем Востоке играл беспрецедентную роль узловой связки.

В советские годы изменилось направление деятельности Амурского речного транспорта, являвшегося важным звеном в отношениях с сопредельным Китаем. Амурское речное пароходство в советско-китайских отношениях фокусировалось на постройке и ремонте судов, гидротехническом строительстве, сооружении дамб и пристаней и перевозках транзитных грузов по политическому, экономическому требованию и потребности саморазвития. Говоря на определенной степени Амурский речной транспорт смог адаптироваться к конкретным социально-экономическим условиям и продолжал сохранять свою важную роль в экономической жизни дальневосточной окраины и развитии советско-китайских отношений на Дальнем Востоке.

Список литературы

1. История судоходства на Амуре. URL: <http://www.amurship.ru/vvi/%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F.html>.
2. Медведева, Л. М. Развитие транспорта и его роль в освоении Дальнего Востока СССР (20-30-е годы XX века). – Владивосток: Дальнаука, 2002. – 244 с.
3. Смыковский, А. В. Речной транспорт юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX века. – LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012. – 232 с.
4. ГААО. Ф.Р-116. Оп.1. Д.103. Л.3
5. ГААО. Ф.Р-116. Оп.1. Д.93. Л. 39об.; Д.103. Л.15; Д.132. Л.10

6. Сладковский, М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (1917 - 1974). – М.: Наука, 1977.

7. ГАХК. Ф. 1675. Оп 1. Д.253. Л.38.

8. Ларин, В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX–начало XXI в.). – М.: Восток-Запад, 2005.

УДК 93

СТРОИТЕЛЬСТВО ТРАНССИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЖИЗНИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КГКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ»)

*Чернышов Виктор Владимирович, ведущий архивист
КГКУ «Государственный архив Красноярского края»,
г. Красноярск, Россия
vikchern73@yandex.ru*

В статье рассказывается о социально-экономических изменениях, произошедших в Енисейской губернии в связи со строительством Транссибирской магистрали.

Ключевые слова: Транссибирская магистраль, железнодорожная станция, рабочие, Красноярск, Ачинск

CONSTRUCTION OF THE TRANS-SIBERIAN RAILWAY, AS A FACTOR OF SOCIO-ECONOMIC CHANGES IN THE LIFE OF THE YENISEI PROVINCE AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES. ACCORDING TO MATERIALS OF THE KGKU "STATE ARCHIVE OF THE KRASNOYARSK REGION".

*Chernyshov Viktor Vladimirovich
Leading archivist, KSKU "State Archives of the Krasnoyarsk Territory", Krasnoyarsk, Russia
vikchern73@yandex.ru*

The article describes the socio-economic changes that occurred in the Yenisei province in connection with the construction of the Trans-Siberian Railway.

Keywords: Trans-Siberian Railway, railway station, workers, Krasnoyarsk, Achinsk

Строительство в 90-е гг. XIX века Среднесибирского участка Транссибирской магистрали стало важным событием в жизни Енисейской губернии. Об этом свидетельствуют документы и периодические издания, находящиеся на хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края». Рассматривая эти материалы видно, что необходимость строительства железнодорожной магистрали, соединяющей Европейскую Россию с портами на Тихом океане, была признана на совещании комитета министров Российской империи в конце 1886 года. В следующем году эту идею одобрил император Александр III и тогда же начались изыскательские работы для определения основных направлений железнодорожной линии и приблизительной стоимости постройки будущей магистрали. А в 1891 г. началось само строительство дороги, которое одновременно велось с двух направлений — с запада (от железнодорожной станции Челябинск) и с востока (от Владивостока) [1, л. 2]. Официальным началом строительства магистрали считается 19 (31) мая 1891 года, когда на закладке участка пути под Владивостоком присутствовал цесаревич Николай Александрович (будущий император Николай II. [2, л. 2].

В Енисейской губернии, по территории которой должен был пройти центральный участок Транссибирской магистрали — Среднесибирская железная дорога, известие о её строительстве вызвало разные отклики. Еще в 1887 г. члены Красноярской городской думы, узнав о решении построить магистраль и начале изыскательских работ на участке Томск – Красноярск, писали иркутскому генерал-губернатору А.П. Игнатьеву, что «это решение и ... быстрое его осуществление произвели на город Красноярск необычайно сильное и вместе необычайно отрадное впечатление. Железная дорога в Сибири – это та сила, отсутствие которой не позволяло Сибири быть тем, чем она должна быть по

своим естественным условиям...» [3, л. 2]. Однако нашлись и скептики. Так красноярская газета «Енисейский листок» в 1894 г., ссылаясь на мнения некоторых жителей города Ачинска, указывала, что с проведением железной дороги город лишается многих, весьма существенных статей дохода: повозного сбора в размере 6000 рублей в год, платы за перевоз через Чулым, в связи с предполагаемым строительством железнодорожного моста — 2000 рублей в год, платы в пользу города за право остановки пароходов, в связи с сооружением железнодорожной пристани вне городской черты. Да и потеряется особая надобность в постоянных дворах, дающих городу ежегодный доход до 100 рублей [4, л. 2].

При этом, как признавалось в газете, в целом население Ачинска и его окрестностей достаточно положительно отнеслись к железнодорожному строительству — «...Земляные работы взяты подрядчиками по 2 рубля 70 копеек с кубической сажени. Землекопы из внутренних губерний, получая в общем до 20 рублей в месяц с условием вынимать ежедневно по кубической сажени на человека, жалуются на трудность работ: грунт земли чрезвычайно плотный, вместо железных заступов необходимо прибегать к кайле, к которой землекопы не привыкли. Видя это, работодатели начали вербовать рабочих из здешних крестьян, более знакомых с местными условиями работы. Быть может работая на железной дороге, крестьяне уплатят свои недоимки, которые в ближайшей, например, Покровской волости, возросли до почтенной цифры 40 тысяч рублей. Горожане также рады заработать лишний рубль на железной дороге» [5, л. 4].

Во многом негативное отношение к проведению Транссибирской магистрали со стороны отдельных слоев населения была своеобразной реакцией на наступление новых, невиданных ранее перемен в жизни губернии. И действительно строительство дороги существенно всколыхнуло спокойную, во многом патриархальную жизнь региона. Особенно очевидцев удивлял масштаб происходившего — «оживление в городе не бывалое» сообщал в июне 1894 г. корреспондент того же «Енисейского листка» из Ачинска — «вой свистков то и дело дает знать об уходящих и прибывающих пароходах. Обе пристани кишат народом: идет деятельная загрузка — разгрузка... вечерами в городе, у квартир подрядчиков, расчет рабочих... берег Чулыма завален приправленным в плотках лесом из сел Подсосенского, Ярлыкова, Курбатова; весь день под пение «дубинушки» плотовый лес вытаскивают на берег, часть леса сваливается у места, где проектирован главный мост, о котором пока ничего не слышно. Пароходами доставлено не мало количество рельсов, несколько штук рабочих вагонов, вагонов-платформ для перевозки громоздких вещей, один или два паровоза...Контингент железнодорожных служащих пополняется, а вместе с тем растут цены на все, начиная от квартир до... продуктов включительно...» [6, л. 4].

Но перебросить грузы из одного места в другое было недостаточно. Необходимо было проложить железнодорожное полотно по глухим, порой таежным районам. Эти задачи были возложены на образованное в 1893 г. в Томске управление постройки Среднесибирской железной дороги во главе с инженером Николаем Павловичем Межениновым, которое и осуществляло работы [7, л. 3]. Из-за сложного рельефа местности строителям магистрали приходилось порой проводить взрывные работы, отводить русла рек. В районе Большого Кемчуга, например, в тайге, на месте работ, первоначально вырубалась просека, предназначенная для подвозки материалов, а также для окончательной проверки изысканий. Эти работы выполнялись двумя партиями рабочих. Одна них, численностью в 10 человек, работала на так называемом «Дальнем бараке», в верстах трех от речки Гладкой Качи. Она расчищала просеку и утаптывала снег, слой которого доходил до 6-7 четвертей. Другая партия находилась на «Ближнем бараке» и специально занималась заготовкой камня для дороги [8, л. 3].

Понимая, что завозить все грузы из Европейской России экономически не целесообразно руководство управления широко предоставляли подряды местным купцам и промышленникам. Так красноярский заводчик Синявин обязался в 1894 г. поставить на строительство железнодорожного вокзала в Красноярске миллион кирпичей по 13 рублей за тысячу. Крупный контракт получил и Абаканского железодобывательный завод. Его доверенный обязался поставить для строительства железной дороги 2100 пудов круглого железа [9, л. 3]. Однако важнейшие материалы, не производимые в губернии, включая рельсы завозились из Европейской России. Для этого в ноябре 1893 г. начальник работ по постройке Среднесибирской железной дороги Н.П. Меженинов заключил договор с пароходными компаниями Корнилова и Плотникова на поставку в навигацию 1894 года настоящего года всех грузов, предназначенных для строительства дороги. Грузы перевозились из города Тюмени в село Кривошеково на Оби, а затем в города Томск и Ачинск, а также из города Томска и села Кривошекова в город Ачинск. Вся сумма перевозок была определена в триста пятьдесят тысяч рублей [10, л. 3].

Из Европейской России Рязанской, Тамбовской, Нижегородской, Смоленской и других губерний завозились не только грузы, но и значительная часть вольнонаемных рабочих. Они нанимались сезонно на период с февраля по октябрь месяц и получали за сезон от 120 до 125 рублей. Каждому рабочему также выдавались суточные — 28 копеек, а проезд из России к месту постройки и обратно — до Челябинска осуществлялся за счет подрядчика. Правда из оговоренной суммы высчитывались деньги за дождевые и прогульные дни, а также за питание и содержание. Рабочие размещались в железнодорожных вагонах или бараках. Последние нередко были крыты дерном и не отапливались. Но даже несмотря на достаточно тяжелые условия работы строительство железнодорожной магистрали оставалось привлекательным местом для заработка. Так некоторые рабочие из Европейской России самостоятельно добирались до Енисейской губернии с целью наняться на работу и на дорогах губернии наблюдались целые партии ищущих работу людей, часто с семьями поэтому и иногда на отдельных участках строительства было одновременно занято работой до 1000 человек [11, л. 3].

Работали на строительстве дороги и местные рабочие, но большей частью поселенцы-бобыли, выходцы из больших семей и поселенцы. Так по данным газеты «Енисейский листок» таких рабочих в 1894 г. на строительстве участка Ачинск-Красноярск было задействовано до 5000 человек. В основном они выполняли земляные работы и расчет с подрядчиком производился на кубическую сажень — рабочий с отвозом земли на тачке получал за сажень 1 рубль 30 копеек, а конный рабочий за конную силу — 2 рубля 20 копеек [12, л. 3]. Активно использовался на строительстве и труд арестантов. Последние составлялись в специальные арестантские партии и работали не просто так, а за «стрательские», то есть вознаграждение [13, л.3]. Интересно, что местные семейные «домовитые» крестьяне на строительство дороги, как правило не нанимались несмотря на хорошую оплату. «Кто дома один работник, тот на дорогу не пойдет... От неё по домашности одно разорение... Выходить, будто зарабатываешь, а, того гляди, свое опустишь» — рассуждали они, объясняя свое нежелание и предпочитали заниматься менее оплачиваемым, но традиционным делом — возить припасы, людей, материалы к месту строительства [14, л. 3].

За достаточно короткое время, к декабрю 1895 г. были закончены работы на участке станция Обь (вблизи поселка Новониколаевск — ныне Новосибирск) – Красноярск и 6 декабря красноярцы встретили первый поезд. Поезд прибыл в 3 часа дня. Вокзал по этому поводу был празднично украшен зеленью, надписями, флагами. Играл военный оркестр. На торжество собрались тысячи горожан. Появление поезда было встречено хлебом-солью и громогласным «Ура» [15, л. 13]. А в зимний полдень — 16 февраля 1897 г. на станцию Заозерная (восточнее Красноярска) прибыл первый поезд с востока. Это был товарно-пассажирский поезд № 4. В его составе находились багажный, почтовый, арестантский вагоны, пассажирский вагон, разделенный на первый и второй классы, и два вагона третьего класса. С открытия станции Заозерная началось регулярное пассажирское движение на участке между станциями Красноярск (правый берег Енисея) – Канск. Ходили поезда из Канска по средам, пятницам, воскресеньям, обратно по вторникам, четвергам и субботам [16, л. 3].

Однако в это время линия железной дороги не была сплошной. Из-за отсутствия железнодорожного моста на станции Красноярск из поездов, следующих в восточном направлении, проводилась высадка пассажиров и выгрузка грузов, которые переправлялись через Енисей [17, л. 4] и гужевым путем довозились до железнодорожной станции Енисей. Для решения этого вопроса в 1895 г. профессор Московского технического училища Лавр Дмитриевич Проскураков составил проект железнодорожного моста через Енисей. Строительство моста осуществил инженер-механик Евгений Карлович Кнорре. Из-за свойственному Енисею ледоколу, впервые в России был построен мост с высокими пролетами. После своего открытия 28 марта 1899 г. он стал важным стратегическим объектом, и любое прохождение по нему осуществлялось только при специальном разрешении. Нес мост и важные социальные функции — он позволял переправляться жителям Красноярска и близлежащих сел в весенний период, когда лед таял, и другая переправа через Енисей становилась невозможной [18, л. 27].

В 1899 г. участок Красноярск – Иркутск Среднесибирской железной дороги был окончательно передан в ведение управления казенных железных дорог России. К участку относились станции, становавшиеся определенными культурными центрами. Так важнейшим пунктом Среднесибирской железной дороги стала станция Красноярск. В самом Красноярске были открыты вокзал II-го класса, первое в Сибири железнодорожное техническое училище, выпускающее технику, железнодорожная больница, крупнейшие предприятия Сибири того времени — железнодорожное депо, Главные железнодорожные мастерские [19, л. 50]. Последние состояли из вагонного, сборочного, электромеханиче-

ского и токарного цехов, в которых в 1898 г. работало 2000 рабочих — слесарей, токарей, литейщиков, котельщиков, как правило приехавших из Европейской России [19, л. 50].

С увеличением числа рабочих и служащих, живущих в Красноярске, происходит расширение города — пустыри около линии железной дороги в районе Красноярска заселяются и появляются новые городские районы: Николаевская и Алексеевская слободы. Последняя была создана на средства железнодорожного ведомства, которое выдавало ссуды на постройку домов своим служащим. Новые крупные промышленные населенные пункты возникали и при других станциях. Так при станции Иланской, во время постройки железной дороги, в 1894 – 1895 гг. был образован выселок Иланский. К 1906 г. в нем было уже 465 домов, до 6000 жителей, 35 торговых предприятий, в том числе 4 магазина, торгующих по второму разряду, и аптека [21, л. 20]. Значительная часть населения выселка, численностью до 1200 человек, снимали квартиры. В числе них преобладали рабочие и служащие железной дороги, квартирующие, за неимением свободных домов, группами. При этом в числе домовладельцев местные иланские крестьяне составляли меньшинство — не более 20 человек. А остальными домовладельцами были лицами не имеющие отношения к сельскому хозяйству — разночинцы и посторонние [22, л. 20].

Важнейшее значение построенная железная дорога имела и для переселенческого дела. Ведь перевозка крестьян-переселенцев из Европейской России в Сибирь на рубеже XIX – XX вв. осуществлялась в основном по железной дороге, а далее в зависимости от развитости дорожной инфраструктуры региона – водным путем, конными подводами и т.д. Для проезда по железной дороге переселенцам и ходокам предоставлялись различные льготы в виде специально разработанных тарифов для перевозки самих переселенцев и их клади. Такими железнодорожными проездными льготами пользовались переселенцы, не только еще не водворившиеся на участках Енисейской губернии, но и лица, по какой-то причине возвращающиеся в Европейскую Россию, а также переселенцы, направляющиеся на лечение в больницу в ближайший город. Для удобства переезда переселенцев по железной дороге на путях их следования, на железнодорожных станциях, были открыты специальные переселенческие пункты, где им оказывалась бесплатная медицинская помощь, предоставлялась дешевая пища, в том числе и горячая. Так, на Канском переселенческом пункте только в мае 1906 г. было выдано 2345 полных порций, которые включали щи с хлебом и 1106 детских порций, включавших молоко и белый хлеб [23, л. 158]. В некоторых крупных пунктах функционировали бесплатные прачечные и бани.

Шли годы, и железная дорога становилась обыденным делом в жизни жителей Енисейской губернии. Никого не удивляло, что при вокзалах в крупных городах, как правило, функционировали просторные залы — 1-го, 2-го и 3-го, багажное отделение, телеграф, буфеты, почтовые отделения, а на Красноярском вокзале действовал общественный телефон, по которому можно позвонить городским абонентам. И даже наоборот телефон на вокзале стал такой реальностью, что, когда он по какой-то причине вышел из строя, это стало предметом разбирательства в газете «Красноярский вестник» [24, л. 4].

Однако железная дорога продолжала оставаться, как стратегическим объектом, так и источником повышенной опасности. Поэтому осуществления порядка на дороге находилось в ведение чинов, специально созданных для этого жандармской железнодорожной полиции. В Енисейской губернии с 1894 г. действовало три отделения этой структуры, находившиеся в подчинении жандармского полицейского железнодорожного управления Сибирской железной дороги: Ачинское — от границы Мариинского уезда Томской губернии до станции Красноярск; Красноярское — от станции Красноярск до станции Бошняково и Канское — от станции Бошняково до станции Нижнеудинск Иркутской губернии [25, л. 101]. Несмотря на немногочисленность сотрудников – к 1912 г. в Красноярском отделении уже служило 26 человек [26, л. 5], в Ачинском — 17 [27, л. 196об], в Канском — 18 [28, л. 170об]. В ведении жандармской железнодорожной полиции находилась борьба с уголовными и государственными преступлениями, а также предотвращение порчи путей, столкновения и крушения поездов, возникновения пожаров и любой появляющийся на путях человек, без разрешительных документов задерживался до выяснения. В этой связи очень большую опасность в первое десятилетие XX века для движения поездов представлял домашний скот по какой-то причине оказавшийся на путях. В таких случаях унтер-офицеры жандармской железнодорожной полиции действовали беспощадно в отношении нарушителей. Так в 1903 г. на территории Ачинского отделения рабочий поезд совершил наезд на корову, находящуюся под присмотром пастухов Макара Сергеева и Петра Кузина и несмотря на то, что железнодорожному имуществу не был нанесен ущерб унтер-офицером Никитинским был составлен протокол о происшедшем и передан им мировому судье 1-го участка Ачинского уезда для привлечения Сергеева и Кузина к ответственности [29, л. 12].

Список литературы

1. Газетный фонд КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК. Газета «Енисейский листок»), 20 февраля 1894 года.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Газетный фонд КГКУ «ГАКК. Газета «Енисейский листок», 10 апреля 1894 года.
6. Там же.
7. Газетный фонд КГКУ «ГАКК. Газета «Енисейский листок», 12 июня 1894 года.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. КГКУ «ГАКК». Ф.161. Оп.2. Д.1953.
16. Газетный фонд КГКУ «ГАКК. Газета «Красноярский вестник», 21 августа 1909 года.
17. КГКУ «ГАКК». Ф.595. Оп.35. Д.74.
18. КГКУ «ГАКК». Ф.595. Оп.8. Д.2856.
19. КГКУ «ГАКК». Ф.595. Оп.52. Д.325
20. Там же.
21. КГКУ «ГАКК». Ф.362. Оп.1. Д.79.
22. Там же.
23. КГКУ «ГАКК». Ф.935. Оп.1. Д.1.
- Газетный фонд КГКУ «ГАКК. Газета «Красноярский вестник», 21 августа 1909 года.
25. КГКУ «ГАКК». Ф.832. Оп.1. Д.4.
26. КГКУ «ГАКК». Ф.832. Оп.1. Д.207.
27. КГКУ «ГАКК». Ф.832. Оп.1. Д.192.
28. Там же.
29. КГКУ «ГАКК». Ф.856. Оп.2. Д.355

СЕКЦИЯ 5. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ОКРАИН: ЛЮДИ, ЯВЛЕНИЯ, СОБЫТИЯ

УДК 93:37.014 (571.1)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (XIX–НАЧАЛО XX В.)

Блинов Алексей Владимирович
д-р ист. наук, доцент, профессор
Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия
blinov_alexey_vlad@mail.ru

В статье анализируется законодательная практика имперского периода, направленная на включение Западной Сибири в образовательное пространство Министерства народного просвещения. Показаны два основополагающих вектора, определяющих ход интеграционного процесса: формирование в регионе состава образовательных учреждений, аналогичного остальным территориям, и распространение на них единых принципов управления.

Ключевые слова: Министерство народного просвещения, Западная Сибирь, учебное заведение, интеграция, закон.

LEGISLATIVE REGULATION OF THE ENTRY OF WESTERN SIBERIA INTO THE EDUCATIONAL SPACE MINISTRY OF PUBLIC EDUCATION (XIX – EARLY XX CENTURIES)

Blinov Alexey Vladimirovich
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
blinov_alexey_vlad@mail.ru

Abstract: The article analyzes the legislative practice of the imperial period aimed at including Western Siberia in the educational space of the Ministry of Public Education. Two fundamental vectors determining the course of the integration process are shown: the formation of a typical composition of educational institutions in the region, similar to the rest of the territories, and the spread of uniform management principles to them.

Key words: Ministry of Public Education, Western Siberia, educational institution, integration, law.

В контексте современной реформы системы образования необходимо обращение к историческому опыту, в том числе и в области разработки законодательства, отвечающего вызовам времени.

На постсоветском исследовательском пространстве законодательная практика Российской империи в сфере образования получила комплексную оценку в работах С. В. Кодана [1], А. В. Овчинникова [2], Э. Д. Днепрова [3] и др.

В качестве методологической основы используются принципы теории имперского регионализма, предусматривающей гибкость подходов к региону, с учетом его статуса и значения [4, с. 11], исследовательские подходы по анализу исторического опыта интеграции окраинных территорий в имперское образовательное пространство [5; 6; 7; 8].

Приоритетным способом интеграции Сибирского региона в образовательное пространство Министерства народного просвещения (далее – МНП) стало распространение окружной модели на его территориальное пространство, начало формированию которой в имперских масштабах было положено указом «Об учреждении учебных округов» от 24 января 1803 г., что привело к включению Западной Сибири, представленной Тобольской губернией, наряду с другими азиатскими владениями империи в состав Казанского учебного округа (далее – КУО) [9, с. 442].

Несмотря на то, что в появившемся одновременно законе «Об устройстве училищ» была высказана мысль об открытии в Тобольске университета как в перспективе округ образующего начала

[10, с. 439], самостоятельный Западно-Сибирский учебный округ (далее – ЗСУО) был учрежден только в 1885 г. [11, с. 102].

Длительность рассматриваемого процесса объясняется изменчивостью административно-территориальных границ регионального образовательного пространства [12] и апробацией ряда управленческих моделей [13, с. 48–103], сопровождавшейся законодательным оформлением. На основании «Устава гимназий и училищ уездных и приходских...» от 1828 г. учебные заведения Западной Сибири переходили из ведомства КУО в подчинение гражданских губернаторов, наделенных правами попечителей округов [14, с. 1099], а на основании Положения 1859 г. «Об управлении гражданскими учебными заведениями Западной Сибири» из ведения последних передавались под власть генерал-губернатора [15, с. 336–339].

Параллельно с поиском оптимальной модели управления шел процесс формирования образовательного ландшафта региона, сопровождающийся проекцией на регион законодательной базы, определяющей открытие и функционирование образовательных учреждений разных типов и видов. С 1803 по 1885 г. МПН было разработано и введено в практику 15 законодательных актов [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30], с последующей проекцией на рассматриваемый регион, формируя его образовательный ландшафт [31]. За 33-летний период существования самостоятельного ЗСУО увидели свет еще 4 законодательных акта [32; 33; 34; 35].

К концу рассматриваемого периода образовательный ландшафт региона был представлен начальными (240 городских и 1223 сельских по «Уставу» 1828 г., 58 городских по «Положению» 1872 г., 53 высших городских по «Закону» 1912 г., 6 ремесленных училищ, 137 передвижных и 162 аульных школ, 19 школ по линии железной дороги, 52 частных школ); средними (12 мужских и 20 женских гимназий, 5 женских прогимназий, 6 реальных и 2 технических училища, 7 учительских семинарий и 3 института) и высшими (Императорский Томский университет, Томский технологический институт Императора Николая II, Сибирские высшие женские курсы) учебными заведениями [36].

Количество учебных учреждений ЗСУО по сравнению с 1885 г. увеличилось в 11,7 раза и составило 2021, из которых 96,5 % приходилось на долю начальных, 3,4 % – средних, 0,1 % – высших. Распределение образовательных учреждений между территориями, составляющими учебный округ, не отличалось однородностью: от окружного количества на долю Тобольской губернии приходилось 33,2 %, Томской губернии – 36,9 %, Акмолинской области – 24,3 %, Семипалатинской области – 5,6 % (табл.)

Типо-видовое распределение учебных заведений МНП Западной Сибири по административно-территориальным единицам [36]

территория		год	учебные заведения			
			начальные	средние	высшие	всего
губернии	Тобольская	1885	61	8	–	69
		1917	657	13	–	670
	Томская	1885	67	6	–	73
		1917	708	34	3	745
области	Акмолинская	1885	20	4	–	24
		1917	476	16	–	492
	Семипалатинская	1885	5	2	–	7
		1917	109	5	–	114
всего:		1885	153	20	–	173
		1917	1950	68	3	2021

Взгляд на процесс интеграции территории Западной Сибири в образовательное пространство МНП через призму законодательной практики позволяет выделить два основополагающих вектора: формирование в регионе состава образовательных учреждений, аналогичного остальным территориям империи, и распространение на них единых принципов управления.

Список литературы

1. Кодан С. В. Акты систематизации узаконенной Российской империи в сфере образования (XIX – начало XX вв.) // Вестник омского университета. Серия: право. 2011. № 4(29). С. 175-179.
2. Овчинников А. В. Правовые акты России как основа принятия решений в сфере образования // Ценности и смыслы. 2012. № 6(22). С. 57-74.
3. Днепров Э. Д., Раскин Д. И. Законодательная деятельность в сфере образования в дореволюционной России // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 244-278.
4. Окраины Российской империи: институты и бюрократия XIX – начала XX веков: учеб. пособие / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – 223 с.
5. Уварова Н. А. Государственная политика в сфере образования на Западных окраинах России в конце XIX – начале XX в. как часть национальной политики // Вестник Ленинградского государственного университета (ЛГУ) имени А. С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 1. С. 71-77.
6. Дамешек Л. М., Мамкина И. Н. Государственная политика в области управления народным просвещением в Восточной Сибири в XIX – начале XX века // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 42-49.
7. Мамкина И. Н. Проявление интеграционных процессов в развитии системы образования Восточной Сибири в XIX- начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 21. С. 77-81.
8. Шафранова О. И., Трофимов М. С. Имперская модель образовательной интеграции для национальных окраин: северокавказская школа во второй половине XIX – начале XX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 3. С. 109-118.
9. Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых губерний: 24.01.1803. // ПСЗРИ–1. Т. 27. № 20598.
10. Об устройстве училищ (Предварительные правила): 24.01.1903 // ПСЗРИ–1. Т. 27. № 20597.
11. Об учреждении Западно-Сибирского учебного округа: 12.03.1885 // ПСЗРИ–3. Т. 5. № 2808.
12. Блинов А. В. Оформление административно-территориальных границ образовательного пространства Западной Сибири (1803–1885) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3(67). С. 6-13.
13. Мамкина И. Н., Блинов А. В. Региональные модели управления образованием в императорской России: сибирский вариант: монография. / И.Н. Мамкина, А.В. Блинов. Чита: ЗабГУ, 2020. – 280 с.
14. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С. Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского: 08.12.1828 // ПСЗРИ– 2. Т. 3. № 2502.
15. Об управлении гражданскими учебными заведениями в Западной Сибири: 12.04.1859 // ПСЗРИ–2. Т. 34. Ч. 3. № 34355.
16. Об устройстве училищ: 24.01.1803 // ПСЗРИ–1. Т. 27. № 20597.
17. Устав учебных заведений, подведомственных университетам: 5.10.1804 // ПСЗРИ–1. Т. 28. № 21501.
18. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского: 8.12.1828 // ПСЗРИ–2. Т. 3. № 2502.
19. Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения: 30.05.1858 // ПСЗРИ–2. Т. 33. Ч. 1. № 33221.
20. Положение о женских училищах ведомства Министерства народного просвещения: 10.05.1860 // ПСЗРИ–2. Т. 35. Ч. 1. № 35780.
21. Положение о начальных народных училищах: 14.07.1864 // ПСЗРИ– 2. Т. 39. Ч. 1. № 41068.
22. Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения: 19.11.1864 // ПСЗРИ– 2. Т. 39. Ч. 2. № 41472.
23. Положение о Молодечнянской учительской семинарии: 17.03.1870 // ПСЗРИ–2. Т. 45. Ч. 1. № 48147.
24. О порядке открытия ремесленных и других подобных им технических училищ: 27.08.1869 // ПСЗРИ–2. Т. 44. Ч. 2. № 47410.
25. Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения: 24.05.1870 // ПСЗРИ–2. Т. 45. Ч. 1. № 48406.

26. Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения: 30.07.1871 // ПСЗРИ–2. Т. 46. Ч. 2. № 49860.
27. Устав реальных училищ Министерства народного просвещения: 15.05.1872 // ПСЗРИ–2. Т. 47. Ч. 1. № 50834.
28. Положение о городских училищах и о учительских институтах: 31.05.1872 // ПСЗРИ–2. Т. 47. Ч. 1. № 50909.
29. По проекту нового Положения о начальных народных училищах: 25.05.1874 // ПСЗРИ–2. Т. 49. Ч. 1. № 53574.
30. Об открытии прогимназий в четырех и шестиклассном составе: 8.07.1874 // ПСЗРИ–2. Т. 49. Ч. 1. № 53627.
31. Блинов А. В. Тенденции формирования учебных заведений как фактор закрепления присутствия Министерства народного просвещения на территории Западной Сибири в период отсутствия устойчивого образовательного пространства // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 25. С. 36-47.
32. Общий устав императорских российских университетов: 23.08.1884 // ПСЗРИ–3. Т. 4. № 2404.
33. Основные положения о промышленных училищах: 7.03.1888 // ПСЗРИ–3. Т. 8. № 5057.
34. Положение о Томском Технологическом институте императора Николая II: 12.07.1900 // ПСЗРИ–3. Т. 20. Ч. 1. № 18869.
35. О высших начальных училищах: 25.07.1912 // ПСЗРИ–3. Т. 32. Ч. 1. № 37513.
36. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год. Томск: Товарищество Печатня С. П. Яковлева, 1916. – 552 с.

УДК 94(57)+614.2

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В МОЛОДОМ МАЛОМ ГОРОДЕ В 1970-Х гг. (НА ПРИМЕРЕ Г. ДИВНОГОРСКА)¹

Ковалев Александр Сергеевич
д-р ист. наук, доцент, профессор
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
alexkovaleff@yandex.ru

В статье рассматривается становление и развитие стоматологической службы в г. Дивногорске в годы первой красноярской десятилетки. Раскрываются основные направления работы зубоучастков, проблемы укомплектования малого города кадрами врачей-стоматологов, объем работы стоматологических кабинетов 1970-х гг., в том числе по санации полости рта разных возрастных и профессиональных групп населения, количественные и качественные показатели работы стоматологической службы г. Дивногорска.

Ключевые слова: Дивногорск, история медицины, молодой малый город, стоматологическая служба.

DENTAL SERVICE ACTIVITIES IN A YOUNG SMALL TOWN IN THE 1970S. (ON THE EXAMPLE OF DIVNOGORSK)

Kovalev Alexander Sergeevich
Doctor of Historical Sciences, Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
alexkovaleff@yandex.ru

The article deals with the formation and development of the dental service in Divnogorsk during the first Krasnoyarsk decade. The article reveals the main directions of dental offices, the problems of staffing a

¹ Исследование осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой Фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках проекта «История муниципального образования г. Дивногорска» № 2023031609644

small town with dental doctors, the volume of work of dental offices in the 1970s, including dental sanitation of different age and professional groups of the population, quantitative and qualitative indicators of the work of the dental service of Divnogorsk.

Key words: Divnogorsk, history of medicine, young small town, dental service.

Период 1970-х гг. исследователи называют «золотым временем» развития советской стоматологии. В этот период эта отрасль здравоохранения развивалась наиболее активно, особенно в области детской стоматологии, лечении заболеваний слизистой оболочки ротовой полости, зубопротезирования, эстетической стоматологии, что позволило повысить качество зубоврачебной помощи населению. В 1976 г. было издано постановление Совета министров «О мерах по дальнейшему улучшению стоматологической помощи населению», согласно которому в стране должна была расширяться сеть стоматологических учреждений и увеличиться количество подготовленных врачей-стоматологов [1]. Особенно актуальной эта цель была для молодых и растущих промышленных городов, одним из которых в Красноярском крае был г. Дивногорск.

В отечественной историографии проблеме развития стоматологической помощи в стране во второй половине XX в. посвящен ряд исследований (В.В. Гончара, П.Э. Ратманова, Д.В. Манкевича, К.А. Пашкова, П.В. Глыбочко, А.А. и О.И. Гуменюк) [2; 3; 4; 5; 6], однако в большинстве публикаций деятельность стоматологических служб представлена на фоне мер, отражавших развитие системы здравоохранения в ССР в целом. Исключением являются работы В.В. Гончара, который раскрывает подходы к организации стоматологической помощи населению страны, включая планирование и реальную деятельность стоматологических практик, направленных на обеспечение всеобщей доступности стоматологической помощи [3]. Однако и в его исследованиях не освещается становление и развитие стоматологической службы в малых молодых городах. В настоящей публикации предпринимается попытка заполнить этот пробел.

Из протокола заседания постоянной комиссии по здравоохранению и соцобеспечению 20 февраля 1976 г. «О работе стоматологической службы в городе» известно, что в Дивногорске и прилегающих поселках в середине 1970-х гг. на учете в стоматологии состояло 32 000 чел., в том числе 8 300 детей. При поликлинике имелись кабинет с хирургическим приемом на одно кресло, кабинет с терапевтическим приемом на два кресла, кабинет со смешанным приемом при детской консультации на одно кресло [7, л. 96].

Кроме того, стоматологические кабинеты со смешанным приемом имелись при медпунктах промышленных предприятий – на ГЭС, ремонтно-механическом заводе, заводе железобетонных изделий, заводе низковольтных автоматов, а также при ГПТУ и в пос. Овсянка. Основную нагрузку на приеме стоматолога составляли профилактические осмотры [7, л. 96].

Всего в Дивногорске в 1970-х гг. насчитывалось два врача-стоматолога широкого профиля, шесть зубных врачей «взрослого приема», три детских зубных врача, два врача зубопротезного приема и три зубных техника [7, л. 97]. Согласно В.В. Гончару, в 1960–1970 гг. количество медицинского персонала в стоматологии в стране выросло более чем в 2 раза, число врачей-стоматологов увеличилось в 2,4 раза, обеспеченность населения страны врачебными кадрами стоматологического профиля возросла с 2,2 до 3,9 посещений. Однако на местах штатных должностей стоматологического профиля было введено значительно меньше, чем было предусмотрено действующими нормативами [2, с. 17].

Все это особенно сильно ощущалось в Дивногорске, где штатным расписанием не были предусмотрены еще три врача-стоматолога. И при этом наблюдалась еще и некоторая текучесть кадров (по семейным обстоятельствам уезжали 1-2 человека в год), но за счет постоянного повышения квалификации врачей на базе Краевой клинической больницы эту проблему удавалось решить [7, л. 97]. Для усовершенствования врачей-стоматологов, зубных врачей и зубных техников в 1970-х гг. широко использовались местные центральные стоматологические поликлиники, однако дивногорские стоматологи также проходили переобучение и повышали квалификацию в Новосибирске, Красноярске, Тюмени, Хабаровске.

В.В. Гончар отмечает, что в первой половине 1970-х гг. «в стране сложилась ситуация, когда в практической деятельности врача-стоматолога и зубного врача, имеющего среднее медицинское образование, фактически не было существенной разницы» [2, с. 14]. Зубной врач осуществлял ту же помощь, что и врач-стоматолог, но только на менее качественном уровне и в более узком объеме. Поэтому Минздрав СССР ставил в качестве важной задачи на 1971–1985 гг. получение населением полноценной и разнообразной квалифицированной стоматологической, а не зубоврачебной помощи. Однако зубной врач со средним медицинским образованием был более востребован в практическом

здравоохранении, чем врач-стоматолог с высшим образованием, поскольку главной целью все еще оставалось поведение широкой санации полости рта детей и подростков и массовая лечебная работа.

Тот же В.В. Гончар указывает, слабым звеном в советской стоматологии являлся недостаток медицинских сестер, отсутствие у них специальных знаний, умений и навыков, в результате чего медицинские сестры стоматологических кабинетов «так и не стали помощниками врачей-стоматологов... Им не поручалось выполнение простейших лечебно-профилактических мероприятий стоматологического профиля. Производительность труда врача-стоматолога не увеличивалась, что было связано с ... отсутствием у врача-стоматолога обученного вспомогательного персонала» [2, с. 21]. Все это в полной мере можно отнести к Дивногорской стоматологической службе. Здесь полностью отсутствовал средний и младший медперсонал в зубоврачебных кабинетах, а также при медкабинетах на промышленных предприятиях и в школах [7, л. 97].

В 1970-х гг. в г. Дивногорске развивались три основных направления стоматологической помощи того времени – терапевтическое, хирургическое и ортопедическое. Объем стоматологической помощи в г. Дивногорске в середине 1970-х гг. представлен в табл. 1.

Таблица 1

Объем стоматологической помощи в г. Дивногорске в 1973–1975 гг. [7, л. 98]

Год	Число посещений	Число посещений на одного жителя
1973	417 931,25	1,25
1974	437 471,31	1,31
1975	421 351,3	1,3

Как пишет В.В. Гончар, исследования по изучению потребности населения в амбулаторно-поликлинической стоматологической помощи в конце 1960-х гг. показали, что население должно быть обеспечено стоматологической помощью из расчета 2,4 – 3,0 посещения в год, для чего требовалось повысить производительность труда врачей [3, с. 14]. Как видно из таблицы, в Дивногорске посещаемость стоматологических кабинетов была на низком уровне и не соответствовала этому требованию.

Также при поликлинике имелись два передвижных стоматологических кабинета. Они были заняты санацией по школам и дошкольным учреждениям и также работали без среднего медперсонала. Ниже представлены результаты проведенной работы по санации полости рта среди дошкольников и детей школьного возраста в 1973–1975 гг. (табл. 2 и табл. 3)

Таблица 2

Результаты работы зубных кабинетов по санации полости рта среди дошкольников в г. Дивногорске в 1973–1975 гг. [7, л. 98]

Год	Осмотрено	Нуждалось	Санировано	Процент
1973	1112	969	812	83,8
1974	1130	831	666	80,1
1975	963	721	594	82,4

Таблица 3

Результаты работы зубных кабинетов по санации полости рта среди детей школьного возраста в г. Дивногорске в 1973–1975 гг. [7, л. 98]

Год	Осмотрено	Нуждалось	Санировано	Процент
1973	2941	2321	2094	90,2
1974	3894	3057	2620	85,7
1975	4260	2982	2557	85,7

Как видно из таблиц, санацией были охвачены практически все школьники. У дошкольников в первую очередь подлежали профилактическому осмотру старшая и подготовительная группы.

Учащиеся гидроэнергетического техникума, ГПТУ, медучилища, лесотехникума, а также работающая молодежь проходили профессиональные медосмотры и санацию полости рта во время диспансеризации, при устройстве на работу, в учебное заведение, во ходе приписной комиссии в военкомат. Для этого из поликлиники высвобождался в порядке очереди один врач, который вел соответствующий прием в своем кабинете. В 1976 г. при ГПТУ был открыт кабинет для охвата санацией всех учащихся техникумов и училищ. В 1977 г. было заявлено оборудование и инструментарий для двух средних учебных заведений [7, л. 96-102].

Ниже представлены результаты проведенной работы по санации полости рта среди «подростковой группы» в 1973–1975 гг. (табл. 4)

Таблица 4

Результаты работы зубных кабинетов по санации полости рта среди учащихся техникумов и училищ, а также рабочей молодежи в г. Дивногорске в 1973–1975 гг. [7, л. 99]

Год	Осмотрено	Нуждалось	Санировано	Процент
1973	2114	1413	1073	76
1974	2268	1546	1158	75
1975	2409	1221	964	79

Как следует из таблицы, работа по санации полости рта среди учащихся проводилась, но полностью охватить всю учащуюся молодежь не удавалось. Еще печальнее была ситуация с санацией среди промышленных рабочих. Она проводилась по скользящему графику, но удавалось охватить только половину рабочих. Ни один из кабинетов не имел ни медсестры, ни санитарки. Результаты работы зубных кабинетов по санации полости рта среди промышленных рабочих представлены в табл. 5.

Таблица 5.

Результаты работы зубных кабинетов по санации полости рта среди промышленных рабочих в г. Дивногорске в 1974–1975 гг. [7, л. 98]

Год	Осмотрено	Нуждалось	Санировано	Процент
1974	2315	1822	735	40,3
1975	2513	1831	1282	51

Стоит отметить, что если по всей стране к концу 1960-х гг. плановая санация полости рта уже перешла в качественно новую форму – диспансеризацию лиц со стоматологическими заболеваниями, то в Дивногорске санация долгое время оставалась ведущим направлением деятельности стоматологических кабинетов.

Что касается дивногорской агломерации, то в пос. Овсянка был открыт зубной кабинет для обслуживания сельского населения пос. Овсянка и Слизнево, рабочих Дивногорского деревообрабатывающего завода. Жители пос. Мана обращались в поликлинику г. Дивногорска. В пос. Верхняя Бирюса и пос. Балахта были организованы выезды зубного врача [7, л. 99].

Долгое время отсутствовал в Дивногорске зубопротезный кабинет, при зубоорачебных кабинетах наблюдался острый дефицит среднего и младшего медперсонала. Только с середины 1970-х гг. двумя врачами и тремя техниками стала оказываться зубопротезная помощь. Зубопротезирование проводилось в порядке очередности, за исключением определенных групп: больных, инвалидов, представителей «вредных» профессий [7, л. 99].

Больные, состоявшие на диспансерном наблюдении, проходили санацию полости рта при проведении профосмотров по основному заболеванию. Противорецидивное лечение проводилось с применением всех известных лекарственных средств. Один день в неделю был выделен для беременных женщин. Стационарные больные обслуживались по обращаемости, исключение составляли больные, подлежащие обязательной санации – хирургические, терапевтические, с инфекционно-аллергическими заболеваниями [7, л. 99].

Стационарная стоматологическая помощь оказывалась врачом-стоматологом. Среди «сложных» диагнозов, с которыми сталкивались стоматологи, были: острый гнойный подчелюстной лимфаденит, экстракционный воспалительный инфильтрат, флегмоны челюстно-лицевой области, перистит, неосложненные переломы [7, л. 100].

Далее представлены средние количественные показатели работы стоматологической службы г. Дивногорска в 1970-х гг.:

- соотношение вылеченных зубов к удаленным – 4:1;
- соотношение неосложненного кариеса к осложненному – 4:1;
- число посещений на одного врача в день – 19;
- число санаций на врача в день – 6-7;
- число поставленных пломб в день – 15;
- процент санированных от числа обратившихся первично – 93 % [7, л. 100].

Стоматологический кабинет детской поликлиники, по оценке представителей исполкома горсовета, к концу 1970-х гг. был оборудован хорошо, но в зубных кабинетах установлены старые кресла, не хватало цемента, инструментария, рабочие места стоматологов в школах были плохо обеспечены стерильным материалом. Крайне тяжелое положение с профилактикой стоматологических заболеваний отмечалось в Дивногорской школе-интернате, где администрация не сумела создать условия для проведения профилактического осмотра детей в учебный период года, а летом дети разъезжались, поэтому не было возможности их осмотреть, к тому же весь штат составляла одна медсестра. Также отмечалась недостаточная санитарно-просветительная работа среди населения. Среди других проблем, которые требовали быстрого решения, можно назвать недостаточное обеспечение населения зубной пастой [8, л. 61].

К концу 1970-х гг. в городе планировалось увеличить штат и улучшить финансирование стоматологической поликлиники. Главным вопросом долгое время оставалась жилищная проблема – большинство врачей, в том числе стоматологов г. Дивногорска, не имели своего жилья, проживали несколько лет в общежитиях, что во второй половине 1970-х гг. становилось основной причиной их отъезда из города. Исполком горсовета и администрации промышленных предприятий должны были рассмотреть вопрос об возможности улучшения обслуживания населения зубопротезирования путем финансирования увеличенных штатных единиц зубных техников и выделения им жилой площади при долевом участии, а также вопрос об открытии дополнительных кабинетов стоматологической поликлиники на первых этажах новостроек г. Дивногорска [8, л. 62].

Список литературы

1. Бендарская Д. Развитие стоматологии в России. Часть 2. Советские годы [Электронный ресурс]. URL: https://dentalmagazine.ru/lichnyj_opyt/razvitie-stomatologii-v-rossii-chast-vtoraja-sovetskie-gody.html (дата обращения: 02.09.2023).
2. Гончар В.В. Особенности кадрового обеспечения стоматологических практик РСФСР во второй половине XX века (1945-1989 гг.) // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. 2015. №. 4. С. 7-25.
3. Гончар В.В., Ратманов П. Э. Организация стоматологической помощи населению СССР в конце 1940-х-начале 1960-х годов: вопросы доступности и качества // Здравоохранение Российской Федерации. 2016. Т. 60. №. 3. С. 157-161.
4. Манкевич Д.В. Достижения и проблемы Калининградского здравоохранения в период «развитого социализма» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. №.4. С. 59-69.
5. Пашков К. А. О периодизации истории отечественной стоматологии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Естественные науки. 2011. №. 5. С. 80-86.
6. Глыбочко П.В., Гуменюк А.А., Гуменюк О.И. Саратовская медицинская наука и здравоохранение в 1953-1985 гг.: некоторые наблюдения // Саратовский научно-медицинский журнал. 2008. Т. 4. №. 1. С. 9-12.
7. Муниципальный архив г. Дивногорска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 146.
8. Муниципальный архив г. Дивногорска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 565.

СУДЬБА П.И. ГЕДЫМИН-ТЮДЕШЕВОЙ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ
(К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Мамышева Елена Петровна
д-р ист. наук, доцент, профессор
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
sozor@mail.ru

В представленной статье сквозь призму эпохи рассматривается судьба первой хакасской революционерки, государственного деятеля Прасковьи Иннокентьевны Тюдешевой (1883-1975). В ее судьбе, наполненной взлетами и падениями, нашли отражение многие перипетии российской и советской истории. Автором отмечается ее активное участие в социально-экономических и политических преобразованиях в советской Хакасии в 1930-е гг.

Ключевые слова: П. И. Гедымин-Тюдешева, Хакасия, автономная область, ВЦИК, представительство, архивные документы

THE FATE OF P.I. GEDYMIN-TYUDESHEVA IN THE CONTEXT OF THE SOVIET ERA
(TO THE 140TH ANNIVERSARY OF HER BIRTH)

Mamysheva Elena Petrovna
Doctor of Historical Sciences, Professor
Siberian Federal University
sozor@mail.ru

In the presented article, through the prism of the epoch, we consider the fate of the first khakass revolutionary, government leader Praskoviya Innokentiyevna Tyudesheva (1883-1975). In her fate, filled with ups and downs, all the vicissitudes of Russian and Soviet history of the late XIX - first half of the XX century have been reflected. The author noted that her active participation in the socio-economic and political transformations in Soviet Khakassia in the 1930s.

Key words: P. I. Gedymin-Tyudesheva Khakassia, autonomous region, all-russian central executive committee, representative office, archival documents.

Одним из приоритетных направлений в современной историографии стало изучение роли женщин, их социальной, экономической и политической активности в условиях становления новой советской государственности. В представленной статье сквозь призму эпохи рассматривается судьба первой хакасской революционерки, государственного деятеля Прасковьи Иннокентьевны Тюдешевой, 140-летие которой отмечается в 2023 г. Личность Гедымин-Тюдешевой, ее революционная и политическая деятельность были весьма привлекательными для советских и современных исследователей [1, 2, 3, 4, 5]. В представленной статье предпринимается попытка рассмотреть ее судьбу сквозь призму времени, в которое она родилась, выросла, а затем состоялась как революционерка, как участник многих преобразований, как строитель новой жизни. В ее судьбе, наполненной взлетами и падениями, нашли отражение многие перипетии российской и советской истории.

В Национальном архиве Республики Хакасия сохранились личные документы П.И. Гедымин-Тюдешевой, ее переписка с С.К. Добровым, редактором областной газеты «Ленин чолы». Материалы этой переписки он передал областному архиву: «... считаем, что ее письма представляют большой интерес и должны храниться в фондах областного партийного архива...» [6, л. 35]. В них представлены наиболее важные события её профессиональной деятельности и революционного пути. В автобиографии Прасковьи Иннокентьевны указаны год, место рождения, социальное происхождение. «Родилась я в 1883 г. в с. Табат в семье бедняка-хакаса Иннокентия Тюдешева. Мать Марфа жила в качестве кухарки у Аскизского миссионера Сухавского. Мать умерла, когда мне было 3-4 года...», – так начинается ее автобиография. [7, л. 1].

В с. Аскиз под видом миссионерских учреждений были организованы сельские школы, учащиеся которых за кусок хлеба попадали в батраки. Пашу, круглую сироту, на воспитание и обучение взял один из приезжих священников. «...Миссионер, собирая сирот, имел со стороны высшего ду-

ховного начальства, «поощрения – награды», как человек, ревностно насаждающий православие...» [7, л. 1].

Вскоре маленькая Паша начала общаться с ссыльным революционером, доктором Сонкиным, к которому семья священника обращалась за медицинской помощью. Вскоре он попросил своих товарищей-ссыльных из Красноярска устроить на учебу в фельдшерскую школу хакасскую девочку-сиротку. Паша в 1902 г. поступила в эту школу, но уже год спустя, в 1903 г., Прасковья Тюдешева «была исключена из школы как политически неблагонадежная» [8 л. 4].

Паша была вовлечена в работу подпольного социал-демократического кружка: «В Красноярской РСДРП я состояла в так называемой технической группе (хранение литературы, листовок и связь с нелегальной партийной типографией)» [8, л. 4]. Несмотря на конспирацию, вскоре было арестовано 40 красноярских подпольщиков, в том числе «Тюдешко» или «Татарочка» – такие подпольные клочки имела Прасковья. Привлечение женщин к участию в подпольной революционной борьбе рассматривалось большевиками как составляющая успеха социалистического переворота и достижения полного равноправия женщин [9].

В начале 1905 г. Прасковья была командирована в Иркутск, где развернула приняла участие в создании типографии, профсоюза, нескольких политических кружков. За организацию забастовки она была вновь арестована и содержалась в Александровском центре до мая 1906 г. Затем последовали два года и семь месяцев каторги, шесть с лишним лет ссылки, которые ещё больше закалили волю и убежденность революционерки. Следует отметить, что данные факты из жизни Гедымин-Тюдешевой преподносились советским официозом как образцы для подражания и о ней неоднократно писали в журнале «Красная сибирячка», который являлся печатным органом Сиббюро ЦК ВКП (б) и был предназначен для крестьянок и работниц Сибири [11, 15]. Исследователи отмечают, что в соответствии с идеологическими установками партии и государства на страницах печати советская женщина должна была позиционироваться как «социальный экстриверт», реализующий себя через «внешние» институты (новые профессии, общественную активность и т. п.) [13, с. 575].

В Братске Прасковья познакомилась с Рафаилом Кустиновичем Гедымином, сыном ссыльного переселенца-литовца, который позже стал её мужем и партийным соратником. В 1912 г. по семейным обстоятельствам (наличие двоих маленьких детей) им разрешили переехать под надзор полиции в Иркутск, где их застала Февральская революция 1917 г.

В 1919 г., в условиях гражданской войны Прасковья Иннокентьевна возглавила большевистский Красный Крест и обеспечивала медицинскую помощь раненым красногвардейцам. Свои воспоминания о Гедымин-Тюдешевой в период колчаковщины оставила персональная пенсионерка М. Шкатова: «Все работали без сна и отдыха, особенно Прасковья Иннокентьевна, по-большевистски, ни на минуту не оставляла своего поста, с большим вниманием и чутким сердцем встречала она каждого раненого бойца. ...Пошла по революционному пути борьбы за счастливое будущее своего народа. Тюрьма, ссылка, каторга не сломили ее воли, царское правительство не поставило на колени» [10, л. 3].

В 1920 г. Прасковья Иннокентьевна стала членом партии РКП(б). В архиве сохранились различные анкеты и характеристики П. И. Гедымин-Тюдешевой, которые дополняют представления о масштабах деятельности Прасковьи Иннокентьевны в качестве агитатора-пропагандиста, в её обязанности входила организация стачек, политических демонстраций, нелегальных массовок и митингов, партийных конференций.

Одна из характеристик горрайкома РКП(б) на Гедымин – Тюдешеву от 19 декабря 1923 г. даёт современному исследователю законченный портрет революционерки: «Имеет практический опыт в парт. работе. Умеет подбирать работников и руководить ими. Дисциплинирована. В политической обстановке ориентируется. Колебаний в сторону от большевизма нет» [6, л. 5].

В 1930 г. Гедымин-Тюдешева, как активный и стойкий коммунист, была назначена полномочным представителем Хакасской автономной области при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК) в Москве, где в течение двух лет она решала вопросы экономического и социального развития области [14]. В 1933 г. ее вновь вызвали в Хакасию и назначили заведующей облоно, однако через два года семейные обстоятельства вынуждают ее переехать в город Киров. До 1945 г. Прасковья Иннокентьевна работала инструктором, завотделом горсовета, в годы Великой Отечественной войны по мобилизации она была направлена на работу в больницу. Впоследствии Прасковья Иннокентьевна переехала в Москву. П.И. Гедымин-Тюдешева была удостоена персональной пенсии за исключительный вклад в строительство советского государства. В удостоверении персональной пенсионерки Гедымин Прасковьи Иннокентьевны подчёркнуто: «...за личные революционные заслуги...» [15, л. 21].

Список литературы

1. Добров С.К. Пламенная революционерка//Жизнь, отданная народу (Историко-биографические очерки). Абакан, 1969. С. 69-76.

2. Митюков М. А. О становлении и развитии правового статуса автономной области РСФСР в составе края // Актуальные вопросы правоведения в развитом социалистическом обществе: сборник статей / отв. ред. В. Ф. Волович. Томск: Изд-во ТГУ, 1982. С. 75–84.
3. Митюков М. А. Представительство Хакасской автономной области при Президиуме ВЦИК (1930–1938 гг.) // Из истории советской Хакасии. Абакан, 1986. С. 42–49.
4. Патачаков К.М. П.И.Гедымин-Тюдешева // Люди земли хакасской (на хакасском языке). Краеведческое пособие для учащихся. / Сост. К.М. Патачаков. Абакан, 1990. С. 37–45.
5. Мамышева Е. П. Опыт деятельности представительства Хакасской автономной области при Президиуме ВЦИК (1930–1938 гг.) // Федерализм. 2008. № 4 (52). С. 173–183.
6. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 23.
7. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-658. Оп. 1. Д. 23.
8. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 24.
9. Некрасов С.Н. Уничтожение сословности и неравноправия женщин как проблема строительства социализма // World Science: problems and innovations. Сборник статей LXIX Международной научно-практической конференции. Пенза. Издательство: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.) (Пенза), 2022. С. 100–106.
10. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 25.
11. К-цель. «Гедимин» // Красная сибирячка. 1925. №10. С.16. URL: http://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/krasnaya_sibiryчка/1925/10/16/
12. КИ. Путь революционерки. 1931. №4. С.18 // Красная сибирячка. URL: http://poisk.ngonb.ru/flip236/periodika/krasnaya_sibiryчка/1931/04/18/
13. Киселев А. Г., Молданова Н. А. Образы женщины в традиционной культуре северян и советском офицерстве второй половины 30-х годов // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 3. С. 567–584.
14. Мамышева Е. П., Шаповал Е. Ю. Документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) о деятельности представительства Хакасской автономной области при ВЦИК РСФСР в 1930–1932 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2019. № 2 (34). С. 149–155.
15. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-658. Оп.1. Д. 113.

УДК 615.1(571.53)(091)

ВЛИЯНИЕ НЭПА НА ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ СЛУЖБЫ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Шаламов Владимир Александрович

д-р ист. наук, доцент

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Wladimir13x@ya.ru

Целью автора является изучение процесса перехода фармацевтической службы от военного коммунизма к Новой экономической политике на территории Восточной Сибири. Отдельно рассматривается реформирование советской системы управления в рамках Сибирского края, на фоне чего отмечаются особенности Восточной Сибири. Выделяется комплекс проблем, порожденным спецификой советской экономики.

Ключевые слова: Военный коммунизм, Новая экономическая политика, история здравоохранения, история медицины, фармацевтическая служба, Сибмедторг, Дальмедторг.

THE IMPACT OF NEP ON PHARMACEUTICAL SERVICES IN EASTERN SIBERIA

Shalamov Vladimir Aleksandrovich

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Baikal State University, Irkutsk, Russia

Wladimir13x@ya.ru

The aim of the author is to study the process of transition of the pharmaceutical service from war communism to a New economic policy in Eastern Siberia. Separately, the reform of the Soviet management system within the Siberian Region is considered, against which the peculiarities of Eastern Siberia are noted. A complex of problems generated by the specifics of the Soviet economy is highlighted.

Keywords: War communism, New economic policy, history of healthcare, history of medicine, pharmaceutical service, Sibmedtorg, Dalmedtorg.

История фармацевтических служб неоднократно рассматривалась на уровне отдельных регионов Восточной Сибири. В данном ключе работали такие исследователи как С.Д. Батоев [1], А.Д. Одинец [2], С.Е. Дмитрук, С.М. Тарабукина [3]. В рамках экономической деятельности периода нэпа данную проблему никто не рассматривал, что и стало причиной подготовки настоящей публикации.

Как известно, Новая экономическая политика была введена после X съезда партии, состоявшегося в марте 1921 г. Однако в Сибири она стала осуществляться к концу этого года. Большая часть государственных обязательств была передана на места (социальное обеспечение, здравоохранение, коммунальное хозяйство). Самоокупаемость, хозрасчет, положительный баланс сводных бюджетов стали определять региональную политику. Местные администрации пытались влезть в прокрустово ложе бюджетных рамок стремились ликвидировать неэффективные производства и учреждения.

В этой ситуации губздравы стали по максимуму использовать фармацевтическую службу для выкачивания средств, рассматривая ее как источник дохода, часто взвинчивая цены. Все фармацевтические учреждения стали готовить к переходу на крайне урезанные местные бюджеты. Все, что было слабо связано с медициной, передавалось в коммунальные отделы. Прежде всего, это относилось к материальным и продовольственным запасам. Лишние товары продавали на рынке или обменивали на медикаменты или химикалии. Закрывались или передавались в частные руки нерентабельные учреждения. Так, Иркутская оптическая мастерская была возвращена бывшему владельцу Науму Башуку. По рекомендациям ревизионных комиссий с участием представителей от Сибздрава и Дальздрава закрывают ряд аптек. В Якутске была расформирована аптека №2. Вновь ее открыли только в 1928 г. [4, с. 79].

В Иркутске ликвидируется 3 аптеки. К декабрю 1921 г. стало ясно, что бюджет не потянет даже это и фармслужбу поджали еще больше. Штаты сократили на 50%. В результате этого аптеку №4 передали Иргосуну (медицинскому факультету Иркутского государственного университета), а №7 сократили вовсе. В остальных аптеках работа была сокращена. Ночные и праздничные дежурства остались только в одной аптеке, а в двух оставлена только одна 6-часовая смена. По такой же схеме происходило сокращение и в других регионах. В армии все аптеки были закрыты. Остались лишь военно-аптечные магазины в Иркутске и Чите. Зато появляются аптеки и аптечные склады у железной дороги, водздрава и промобъединений, которые теряли, таким образом, зависимость от губздравов. Конечно же, новая реформа сказалась и на материальном обеспечении работников. Оплата деньгами была поджата, а поек урезали до предела. Прожить на эти средства было невозможно, что сказалось на работе [5, л. 14-15].

9 января 1922 г. декретом СНК РСФСР разрешено открывать частные аптеки [6, с. 367]. Фармацевтические подотделы перешли на хозрасчет. В марте 1922 г. в «Сибирском медицинском журнале» была опубликована Временная инструкция по сдаче в аренду и открытию новых аптек. Согласно ей губздравам рекомендовалось оставить в своем ведении 2-3 аптеки, остальные сдать в аренду. Арендаторы-фармацевты могли получать доход, не превышающий 5% стоимости рецепта [7, с. 81]. Если на момент национализации в Красноярске числилось семь аптек, то к концу 1922 г. имелось всего три – одна на государственном снабжении и две хозрасчетные. Аптеки периферийных городов передали в ведение уездных здравотделов. В сельской местности аптеки отсутствовали вовсе [8, л. 13 об.]. Иркутский летописец Н.С. Романов в феврале 1922 г. сделал запись, что за первую неделю платного отпуска лекарств аптеками губздрава получено 48 млн. руб. [9, с. 450]. Лед тронулся, оставалось приспособить аптечную систему к специфичной системе советского рынка.

В августе 1922 г. Сибздрав занялся разработкой проекта положения о торговом отделе, который был принят Сибревкомом в ноябре. К началу 1923 г. Создается новая организация – Сибмедторг, которая обладала правом юридического лица, и была автономна по отношению к системе здравоохранения. Сибмедторг представлял собой коммерческое предприятие, имеющее целью снабжать медико-санитарные учреждения, находящиеся на территории Сибири, медицинским, санитарным и фармацевтическим имуществом, получая его непосредственно от производителей [10, с. 567-568]. В мае 1923 г. на таких же условиях был создан Дальмедторг [11, с. 76, 98]. С этого времени средства, получаемые от продажи, шли на возобновление запасов, что позволяло ставить перспективные задачи по развитию фармацевтической индустрии, снижению себестоимости лекарств, оптимизации работы торговых отделов, расширению сети аптек.

Большое значение имели Карские экспедиции. Все необходимые заявки со всей Сибири и Дальнего Востока интегрировали и закупали оптом на рынках Европы и Америки. Накануне все здравотделы получали номенклатуры на импортные медицинские приборы и инструменты. Обычно все заказы сосредотачивали в Гамбурге или Лондоне, а оттуда через посредство Карских экспедиций товар прибывал Северным морским путем до устья Енисея, откуда доставлялся в Красноярск. Далее

грузы распределяли по адресам. В 1921-25 гг. было доставлено 422 тонны медикаментов и медицинского оборудования, в 1926 г. – 211, в 1927 г. – 385, в 1928 г. – 246 [12, стб. 546].

Губернские фармподотделы довольно быстро были преобразованы в торговые отделы или губмедторги. Их задачей было снабжение всех медико-санитарных учреждений региона медицинскими товарами через приобретение их у Госмедторга, Сибмедторга, Дальмедторга и прочих организаций. Реформа благотворно сказалась на состоянии снабжения медицинскими товарами Восточной Сибири. Правление в отчетах заявляло о 100% обеспеченности лечебных учреждений, но судя по отзывам с мест, стоит говорить только о сравнительно сносном обеспечении. К примеру, здравотдел Александрово-Заводского уезда Забайкальской губернии сообщал, что медикаментами удовлетворен в достаточном количестве, предметами ухода – на 10% и медимуществом – на 50% [13, л. 455]. То же самое прозвучало на съезде участковых врачей Тулуновского и Иркутского уездов Иркутской губернии в 1925 г., а врачи Тулунского и Барлуковского врачебных участков отметили недостаточное количество медицинских средств [14, л. 59-62, 165].

Причины дефицита лекарств были не только в губмедторгах. Сибирские провинции только начали выходить из длительного социально-экономического кризиса, и население не обладало значительными покупательским спросом. На первых порах региональные аптеки закупались по третям года. Значительные проблемы составляла доставка. Особенно это касалось отдаленных регионов (Якутия, Киренский уезд, Агинский аймак, Туруханский край). Несколько улучшилось положение после введения циркуляра Наркомата здравоохранения от 11 июня 1925 г., разрешающего торговлю готовыми медицинскими товарами в торговой сети в тех регионах, где не было аптек. С этого времени госторговля, а особенно кооперация стали активно пользоваться этим правом. Районы Крайнего Севера получали медикаменты в основном через кооперацию [15, л. 6]. Частная торговля разрешалась только готовыми препаратами, однако на рынках можно было увидеть продажу йодной настойки в разливную, порошков на развес и т.д. Медперсонал должен был за этим следить, но с этой задачей справлялись слабо. В силу отсутствия контроля указания властей оставались пустым звуком [16, л. 355-356].

Наличие дефицита на лекарства, расположение аптек только в крупных населенных пунктах, избегание рискованных сделок привели к тому, что фармацевтическая сеть практически по всем показателям в 1923-25 гг. дала значительный прирост. Так, по Иркутскому региону за указанный период наличная выручка увеличилась на 58%, отпуск за счет страхкассы – на 65%, за счет губздравицы – на 4%, государственным и кооперативным организациям в кредит – на 11%, обороты аптек – на 41%, аптекарского магазина – на 71%, губмедсклада – на 21%. Все предприятия были безубыточными, хотя провели капитальный ремонт и приобрели необходимый инвентарь. Более того, удалось снизить цены для губздравов и уездов до 20% [17, л. 1-2 с об.].

Переход от военного коммунизма к рыночной системе носил шоковый характер. Предугадать все нюансы новой рыночной системы было невозможно, поэтому потребовалось несколько лет корректировать первоначально принятый курс. Сама система торговли медимуществом была наиболее приспособлена к рыночной системе. В силу этого, в отличие от других отраслей медицинского дела, фармацевтическая служба легче перенесла кризисный период. Важным аспектом стало отделение снабжения медицинскими товарами от губернских отделов здравоохранения, которые стремились за счет фармацевтики закрыть дыры в бюджетном финансировании, что оборачивалось взлетом цен на товары и проблемами со снабжением. Вместе с тем рыночная система обеспечения медикаментами входила в противоречие со сложившимися идеологическими нормами. Именно это послужило основанием к последующим реформам в этой сфере.

Список литературы

1. Батоев С.Д. Первый управляющий аптекой Читинского военного полугоспиталя в XIX веке // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н.А. Семашко. 2017. №5. С. 23-25.
2. История врачебного и фармацевтического дела в Восточной Сибири (Вклад польских фармакологов XIX-XX века): сборник статей / под общ. ред. А.Д. Одица. Иркутск: ОО ФИО, 2012. 36 с.
3. Тарабукина С.М., Дмитрук С.Е. Из истории фармации Республики Саха (Якутия) // Бюллетень сибирской медицины. 2010. №1. С. 157-160.
4. Николаев В.П. История здравоохранения Якутии в XX в.: дисс. ... д-ра мед. наук. Москва, 2007. 360 с.
5. ГАНО. Ф. Р-1071. Оп. 1. Д. 195.

6. Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти (1917-1924 гг.): сборник документов / ред. кол. М.И. Барсуков [и др.]. М.: Изд-во «Медицина», 1966. – 544 с.
7. Сибирский медицинский журнал. 1922. №3.
8. ГАНУ. Ф. Р-1071. Оп. 1. Д. 295.
9. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. – 560 с.
10. Лечебно-санитарное состояние Сибири за 1923 год / сост. М.Л. Айзин. Новониколаевск: Тип. штаба ЗСВО, 1923. – 596 с.
11. Труды I Дальневосточного совещания заведующих губернскими и транспортными отделами здравоохранения 1/VII – 5/VII 1923 г. Чита: Издание Дальздрава, 1923. – 160 с.
12. Воеводин Н. Карская экспедиция // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 2: 3-К. М.: Тип. газеты «Правда», 1931.
13. ГАЗК. Ф. Р-1393. Оп. 1. Д. 7.
14. ГАИО. Ф. Р-399. Оп. 1. Д. 1.
15. ГАИО. Ф. Р-538. Оп. 1. Д. 28.
16. ГАИО. Ф. Р-1114. Оп. 1. Д. 9.
17. ГАИО. Ф. Р-1227. Оп. 1. Д. 3.

УДК 94 (57)+613.1

ОМСКИЕ ВРАЧИ В РОЛИ МЕТЕОРОЛОГОВ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX в.

Барбанова Ксения Сергеевна

*канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических исследований
Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия
barabanova13@gmail.com*

В 1883 г. Омское медицинское общество стало публиковать метеорологические данные. В 1887 году вышла первая таблица «Наблюдений метеорологической станции в г. Омске», составленная П.Ф. Брейтигамом. В Западной Сибири изучение метеорологических особенностей региона взяли на себя врачи, для которых эти сведения были важны в контексте борьбы с эпидемическими заболеваниями.

Ключевые слова: Омск, врач, метеорология, погода, наблюдения

OMSK DOCTORS IN THE ROLE OF METEOROLOGISTS IN THE END OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Barabanova Ksenia Sergeevna

*Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Laboratory of Historical Research
Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation
barabanova13@gmail.com*

In 1883, the Omsk Medical Society began to publish meteorological data. In 1887, the first table “Observations of the meteorological station in Omsk” was published, compiled by P.F. Breutigam. In Western Siberia, the study of the meteorological features of the region was undertaken by doctors, for whom this information was important in the context of the fight against epidemic diseases.

Key words: Omsk, doctor, meteorology, weather, observations

Систематический сбор метеорологических сведений по Омску начался в 1875 г. полковником Иваном Федоровичем Соколовым. С 1877 по 1885 г. наблюдениями занимался офицер топографического корпуса Нифантьев. Метеорологические сведения собирались и ранее, но до 1875 г. они сохранились в разрозненном состоянии. Сведения за период с 1875 – 1878 г. были опубликованы в памятной книжке Западной Сибири за 1882 г., а за 1879 – 1882 гг. были помещены в отчет Главной физической обсерватории.

В 1874 г. Омск посетил директор Пекинской обсерватории Г.А. Фишер, которому было поручено создать сеть метеорологических станций в Сибири. Он предложил Ивану Федоровичу начать

вести регулярные исследований. Метеорологическая площадка с необходимыми приборами рядом с квартирой И.Ф. Соколова, располагавшейся в крепости, была организована. Позднее Фишер назвал Омскую станцию одной из лучших в Российской империи [1].

С 1883 г., когда И.Ф. Соколов был принят в Омское медицинское общество (далее – Общество), он начал предоставлять метеорологические сведения. Общество было учреждено 14 августа 1883 г. [2, с. 1]. В том же году на его базе была организована «Комиссия по вопросу о выработке программы для изучения г. Омска в санитарном отношении» (далее Комиссия) [3, с. 14]. В нее были избраны А. Дидрихс, Н. Пахолков и Н. Туберовский.

В сфере интересов Комиссии оказались проблемы почвы, воды, состояния жилищ, движения населения, болезни, смертности, общественного благоустройства и атмосферные и метеорологические особенности Омска. Для санитарных целей врачей интересовали сведения о температуре, барометрических колебаниях, влажности воздуха, атмосферных осадках, направлении ветров и явлениях, выходящих за пределы нормы, как например, северное сияние, гроза или метеоры. В.И. Квятковский предложил перечень сведений, добавив химический и физический анализ составных частей воздуха, определение степени «порчи воздуха», периодическим колебанием влажности воздуха и наблюдениями за испарением воды и облачностью [4, с. 30].

Первая таблица «Наблюдений метеорологической станции в г. Омске» за август 1887 г., которую составил наблюдатель Павел Федорович Брейтигам, была опубликована в 13 протоколе заседаний Общества [5, с. 255]. Кроме посуточных данных о температуре воздуха, давлении, ветре, осадках и среднемесячных показателей к таблице не было составлено никаких комментариев. В следующие года таблицы наблюдений появлялись в протоколах регулярно, а в случаях превышения нормы, в конце таблицы помещалось примечание.

Брейтигам был выпускником фармацевтических курсов Императорской медико-хирургической академии, которую окончил в 1869 г. в звании провизора. В том же году он поступил на военную службу и управлял аптеками военных госпиталей и лазаретов в Нарыме, Ташкенте, Ходженте, Фергане, Коканде. В 1885 г. он начал службу в Омске в должности управляющего аптекой военного госпиталя. А после отставки в 1895 г. служил по найму в вольных аптеках Омска, Хабаровска и Семипалатинска [6, с. 141].

Надо отметить, что Брейтигам вел активную научную жизнь и вскоре после приезда в Омск в 1886 г. вступил в медицинское общество (в 1907 г. был избран почетным членом), а в 1888 г. стал членом Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Свои метеорологические наблюдения он начал еще во время службы в Маргелане в 1881 – 1885 гг., а затем продолжил в Омске, где возглавил в 1887 – 1900 гг. метеорологическую станцию при Русском географическом обществе. В качестве председателя метеорологической станции он вел работу по сбору, обработке и систематизации метеорологических наблюдений в Сибири. Брейтигам вел переписку с наблюдателями и Главной физической обсерваторией, но и привлекал людей желавших производить метеорологические наблюдения. Благодаря Брейтигаму в Западной Сибири и Акмолинской области за пять лет было открыто 60 метеорологических станций и 24 смотровых поста [6, с. 141].

Первое сообщение, посвященное климату Западной Сибири и Омска, было сделано Брейтигамом в 1893 г. В основу первой части его доклада были положены наблюдения шкипера Н.Е. Раудсела на пароходе «Луиза», снаряженного торговым домом «А.К. Трапезников и К» для исследования морского пути из Европы в Обскую губу зимой 1878 – 1879 г. Вторая часть доклада была посвящена метеорологическим наблюдениям в Омске [7, с. 264 - 265]. Это выступление положило начало серии сообщений. В докладах Брейтигам приводил сведения о температурном режиме региона, сведения об осадках и давлении, но не обращался к вопросу о влиянии метеорологических условий на здоровье местного населения. В своих наблюдениях отмечал и такие явления как северное сияние и их частоту. После доклада, сделанного 27 ноября 1893 г., председатель Омского медицинского общества В.В. Лукомский высказал мнение, что для коллег было бы полезно иметь медико-топографические и санитарные описания севера Западной Сибири. Это позволило бы получить более полную картину жизни местного населения. Составление описаний было предложено составить врачам, практикующим на месте [8, с. 89]. В более поздних выступлениях Брейтигам стал уделять больше внимания описаниям местности, речной системе и населению, проживавшему в рассматриваемом регионе. Описания сел Самарово, Васьюганск и города Нарыма больше похожи на короткие версии медико-топографических описаний, без описаний характерных для данной местности заболеваний. В 1894 г. Брейтигам опубликовал книгу «Материалы для климатологии Западной Сибири и Степного края» [9]. И если сведения об Омске были собраны Брейтигамом самостоятельно, то наблюдения за другими частями Западной Сибири стали продуктом переписки с местными наблюдателями. В их роли чаще

всего выступали местные врачи и учителя. В Сургуте метеорологической станцией на первых порах заведовали ссыльные студенты.

На заседаниях Омского медицинского общества Брейтигам выступал с докладами о метеонаблюдениях в Обской губе, Омске, Сургуте, Нарыме, селе Обдорск (Салехард), Саран-Пауле, Березове, Кондинском, Самарово, Васьюганское

С 1900 по 1907 гг. наблюдениями занимался доктор медицины Петр Андреевич Соломин. Выпускник Вятской духовной семинарии, естественного отделения Санкт-Петербургского университета (кандидат естественных наук), в 1883 г. он начал свою медицинскую карьеру как выпускник Императорского университета Святого Владимира в Киеве сначала лекарем, а затем в звании врача. В Омск он приехал в 1884 г. и, начав врачом в Омской дисциплинарной роте, в 1896 г. стал старшим ординатором Омского военного госпиталя. Возглавляя омскую санитарно-химическую лабораторию, он проводил анализы воды из Иртыша и Оми, колодцев и источников. Во время эпидемии холеры 1892 г. заведовал холерным отделением. Участвовал в международном медицинском конгрессе 1903 г. в Мадриде и посещал клиники Лозанны, Парижа и Дрездена. Кроме медицинской работы Соломин много времени посетил научной деятельности. Еще в 1878 г. он помогал в сборе материалов для докторской диссертации В.В. Докучаева в Нижегородской и Самарской губерниях, в Приазовье, на Северном Кавказе и в Крыму. С 1883 по 1903 г. был председателем Омского медицинского. После переезда в Семипалатинск в 1919 г. продолжил там вести метеорологические наблюдения [10]. В этот период публикации и обсуждения метеонаблюдений в Омском медицинском обществе ограничались ежегодными таблицами отчетами.

С 1907 г. наблюдениями занялся провизор В.Л. Реган. Его доклад о 1907/1908 гг. заинтересовал коллег по Обществу, которые попытались проследить соотношение погодных явлений и заболеваемости в Омске [11, с. 36].

В Западной Сибири изучение метеорологических особенностей региона взяли на себя врачи, для которых эти сведения были важны в контексте борьбы с эпидемическими заболеваниями. Начало сбора сведений пришлось на время смены миазматической теории на бактериологическую. В свете чего, сведения о климате стали терять свою актуальность. Этим мы можем объяснить небольшое количество публикаций о погодных условиях в разных частях Западной Сибири, в основном принадлежащих П.Ф. Брейтигаму. При этом автор ограничивается общими температурными показателями и не пытается связать климатические условия с уровнем заболеваемости или течением тех или иных заболеваний, как делали авторы более ранних работ. Таблицы со сведениями о погоде в Омске продолжали публиковаться до конца издания Протоколов заседаний Омского медицинского общества.

Отметим, что Брейтигам прислушался к своим коллегам и придал описаниям климатических особенностей Западной Сибири форму медико-топографических описаний, жанра более актуального в первой половине XIX в. для Европейской части России. Военные врачи Омска в составе медицинского общества продолжали практику своих старших коллег. В Омске врачи выступали в качестве самой активной и собранной профессиональной группы.

Список литературы

1. Гефнер О.В. Генерал-майор Иван Федорович Соколов – научный и общественный деятель Омска второй половины XIX – начала XX вв.//Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ, 2020. №3 (22).
2. Протокол административного заседания общества омских врачей. № 1. 11 октября. 1883.//Протоколы заседаний омского медицинского общества. 1886. С. 1.
3. Доклад комиссии по вопросу о выработке программы изучения г. Омска в санитарном отношении. Протокол административного заседания общества омских врачей. № 3. 26 ноября. 1883.//Протоколы заседаний омского медицинского общества. 1886. С. 14.
4. Протокол административного заседания общества омских врачей. № 4. 22 декабря. 1883.//Протоколы заседаний омского медицинского общества. 1886. С. 30.
5. Наблюдения метеорологической станции в г. Омске. Протокол заседания общества омских врачей. № 13. 12 сентября. 1887.//Протоколы заседаний омского медицинского общества, 1888. С. 255
6. Гефнер О.В. «Без работы жить не мог»: военный медик П.Ф. Брейтигам (1844 – 1920) в воспоминаниях сына В.П. Брейтигама//Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», 2020. Т. 7. №2 (26). С. 141.

7. Метеорологические таблицы за июль, август и сентябрь 1893 г. П.Ф. Брейтигама. Протокол заседания общества омских врачей. № 12. 11 сентября. 1893 // Протоколы заседаний омского медицинского общества. 1893. С. 264 – 265.

8. Чтение сообщения П.Ф. Брейтигама «Метер. для климатол. Зап. Сибири и Степного Края». Протокол заседания общества омских врачей. № 2. 27 ноября. 1893 // Протоколы заседаний омского медицинского общества. 1894. С. 89 – 91.

9. Брейтигам П.Ф. Материалы для климатологии Западной Сибири и Степного края / П. Брейтигам. Омск: Тип. Окр. штаба, 1894. 14 с.

10. Гефнер О.В. Научная и общественная деятельность военного врача Петра Андреевича Соколомина // Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (конец XIX в. – начало XXI в.): матер. V Всерос. науч. конф. Омск, 2003. С. 196-199.

11. Протокол заседания общества омских врачей. № 6. 23 марта. 1909. // Протоколы заседаний омского медицинского общества. 1909. С. 36.

УДК 93.908

«НА ЗОЛОТЫХ ПРИИСКАХ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ»: К БИОГРАФИИ
А.И. ЗИСМАН (1882–1937 гг.)

Васева Ирина Сергеевна
канд. ист. наук, майор внутренней службы
Пермский институт ФСИН России, г. Пермь, Россия
Iris.she@yandex.ru

В статье рассмотрена биография члена Всероссийского Учредительного собрания Арона Ильича Зисмана. На основании Автобиографии кандидатов в учредительное собрание по списку № 2 Партии социалистов-революционеров и совета крестьянских депутатов в Пермском избирательном округе выявлены новые факты в биографии Арона Ильича. Зисман находился в ссылке в Сибири, расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1990 г.

Ключевые слова: А.И. Зисман, политические репрессии, учредительное собрание, выборы, большой террор, реабилитация, сибирская ссылка, воткинское восстание, социалисты.

"ON THE GOLD MINES OF THE YENISEI PROVINCE": TO THE BIOGRAPHY OF A.I. ZISMAN
(1882-1937)

Vaseva Irina Sergeevna
Candidate of Historical Sciences, Major of Internal Service
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia
Iris.she@yandex.ru

The article examines the biography of Aron Ilyich Zisman, a member of the All-Russian Constituent Assembly. Based on the Autobiography of candidates for the Constituent Assembly on the list No. 2 of the Party of Socialist Revolutionaries and the Council of Peasant Deputies in the Perm electoral district, new facts have been revealed in the biography of Aron Ilyich. Zisman was in exile in Siberia, shot in 1937, rehabilitated in 1990.

Keywords: A.I. Zisman, political repression, constituent Assembly, elections, great terror, rehabilitation, Siberian exile, Votkinsk uprising, socialists

Член Всероссийского Учредительного собрания Арон Ильич (Ельевич, Израилевич) Зисман родился в 1882 г. в Оренбурге в семье мещан. Получил начальное образование в приходской школе. Автобиографии кандидатов в учредительное собрание по списку № 2 Партии социалистов-революционеров и совета крестьянских депутатов в Пермском избирательном округе позволяет осветить белые пятна в биографии Арона Ильича от первого лица [1, с.19].

«С тех пор, как он сам писал, в течение многих лет учился: у портных, у шорников, ювелиров, часовщиков и пр. Работал на механических заводах по слесарной и токарной части» [1, с.20].

В 17 лет уехал в Самару, где продолжал трудиться в мастерских, «путешествуя по разным мастерским, заинтересовался слухами об аресте каких-то „социалистов“. В жизни Арона Ильича появилась цель – «искать „социалистов“, т. е. борцов за правду народную» [1, с.20].

В 1899 г. в родном Оренбурге А. Зисману удалось связаться с кружком рабочих, организованным и руководимым социал-демократами. Однако вскоре молодого человека ждало разочарование: «с первых шагов меня не удовлетворяла, как деятельность, этого кружка, так и само учение социал-демократов. Сразу заметил, что крестьяне должны быть привлечены к борьбе, что одними стачками с участием лишь рабочих-социализма не завоеуешь» [1, с.19]. Критикой Зисман не ограничился и уже на «первом собрании кружка я обратился к организаторам с просьбой дать адрес к кому-нибудь в более культурный, чем Оренбург, центр, чтобы там попасть на настоящее революционное дело.

Прожив после этого до весны 1900 г. на родине, работая в кружке он «все время не мог примириться со слабой революционностью социал-демократов» [1, с.19].

Весной 1900 г., заручившись адресами в Варшаве, Зисман отправился «искать социалистов в поволжских городах: в Самаре, Симбирске, Казани и Нижнем Новгороде, но встречал социал-демократов, которые не могли удовлетворить моих запросов.

Добравшись до Варшавы, разыскал там польскую партию социалистов, социал-демократов и бундовцев [Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России]. Активно проявил себя в работе: принял участие в их делах, читал и распространял литературу, посещал их собрания. Сам организовал кружок рабочих и ремесленников» [1, с.19].

Весной 1901 г., после выстрела студента П.В. Карповича в министра народного просвещения Н.П. Боголепова расстрелов рабочих на Обуховских заводах и на юге, Зисман вернулся из Варшавы в Оренбург, но «не найдя духовной пищи для себя, ни почвы для своей революционной деятельности, отправился в Воткинский завод, Вятской губернии» [1, с.19]., где близко с рабочими и работая в токарной мастерской стал привлекать заводских рабочих. Причем распространял нелегальную литературу, которую отчасти привез и получил из Варшавы, Оренбурга, Самары и Казани.

Об организаторских способностях А. Зисмана свидетельствует и тот факт, что в период забастовок в марте 1902 г. на Воткинском заводе «был посредником между рабочими, горным начальством и представителям прочих ведомств. Эти три дня в Воткинском заводе были названы днями Республики» [1, с.19].

25 марта 1902 г. он добровольно сдался, поскольку распространялись «слухи о том, что социалисты подводят под палки рабочих, а сами выходят сухими из воды» [1, с.19].

В конце 1902 г. Арон сослан в Енисейскую губернию, где встретил «настоящих революционеров и впервые литературу социалистов революционеров» [1, с.19]. Но вновь идейный Зисман не находит в этом удовлетворения своим многолетним исканиям, напротив «в этот период наступили для меня тяжелые времена. Трудно было разобраться в партийных разногласиях. Бежал из ссылки в Женеву, где несколько определившись вошел в партию социалистов-революционеров» [1, с.19].

С 1903 г. находился под полицейским надзором. С 1904 г. член партии эсеров. В начале 1905 г. отправился в Поволжье, где работал до ноября, затем переехал на Урал. Весной 1906 г. арестован в Казани, амнистирован, «сдан в солдаты, но служить не пришлось». Вновь отправился на Урал, где в то время было много арестов среди социалистов-революционеров.

В июне 1907 г. арестован в г. Перми и по приговору Казанской Судебной Палаты, за принадлежность к партии социалистов – революционеров лишен всех прав и «сослан в Сибирь на поселение, где находился до переворота 1917 г.» [1, с.20].

«Переворот застал меня на золотых приисках Енисейской губернии, где служил в качестве представителя от рабочих и служащих в торговом деле владельцев предприятия» [1, с.20].

В мае 1917 г. вернулся на Воткинский завод, где работал в организации партии социалистов революционеров и в Исполнительном Комитете Совета рабочих, солдатских и крестьянских Депутатов до конца июля, затем поселился в Нижнем Тагиле, поступив в Высогорский завод токарем.

Делегат II Всероссийского съезда крестьянских депутатов. В конце 1917 г. избран во Всероссийское Учредительное собрание по Пермскому избирательному округу список № 2 (эсеры и Совет Крестьянских депутатов). Принимал участие в заседаниях Учредительного собрания 5 января 1918 г. 18 сентября 1918 г. присутствовал на заседании государственного совета в городе Уфе, вступил в Комуч.

Осенью 1930 г. арестован по делу о «Ташкентской платформе Партии социалистов-революционеров», но в ночь с 5 на 6 сентября, как и другие члены партии эсеров (Савва Россик, Александр Михайлов, Василий Карасев, Григорий Величанский, Николай Мухин и др.) показаний по

этому делу не дал [2]. В доносе говорилось лишь о спорах по формулировке термина «демократия» и о своевременности использования лозунга «Учредительного собрания» [3, с.146].

В Актюбинске работал механиком. 6 февраля 1937 г. арестован УНКВД по Актюбинской области. 22 сентября 1937 г. внесён в «расстрельный список» по «первой категории» [4, с. 199]. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению по статьям 58-8, 58-11 УК РСФСР (терроризм, участие в антисоветской организации), расстрелян.

28 мая 1992 г. реабилитирован Актюбинской областной прокуратурой.

Число репрессированных в 1930-е гг. исчисляется тысячами, исследователи называют разные цифры, тем важнее восстановление и сохранение памяти о каждом из них [5, с.59].

Список литературы

1. Автобиографии кандидатов в учредительное собрание по списку № 2 Партии социалистов-революционеров и совета крестьянских депутатов в Пермском избирательном округе. Пермь: Издание Пермского Губернского Комитета Партии Социалистов-Революционеров, 1917. С. 20.

2. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-35062. Т. 2. Л. 380-381.

3. Соколов М.В. Дело «реставрация». Ташкентская (1930 г.) платформа партии социалистов-революционеров // Российская история. 2012. № 4. С. 146-164.

4. Васева И.С. Расстрельный приказ № 00447 // Гуманитарно-пенитенциарный вестник. материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Федеральная служба исполнения наказаний, Академия права и управления, Кафедра философии и истории; пред. ред. совета А. Я. Гришко; Ю. А. Ревит - гл. ред., О. А. Тарасов - отв. ред., С. А. Васильева - зам. гл. ред., М. И. Кошелев, С. В. Лаптинская, А. А. Чистяков, Г. Н., 2009. С. 199-201.

5. Васева И.С. Арестованный и расстрелянный... профессор Н.Н. Эльвов // В сборнике: Гришаевские чтения. Материалы к международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева. Красноярск, 2023. С. 59-62.

УДК 930.1

А.А. ФРЕЗЕ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ СБОРОВ НА СТРОИТЕЛЬСТВО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ ХРАМОВ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1905)

Ганчар Андрей Иванович

канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой экономической теории

Гродненский государственный аграрный университет, г. Гродно, Беларусь

gancharandre1@yandex.ru

В статье показано отношение Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора А.А. Фрезе к проблеме организации строительства римско-католических храмов в Северо-Западном крае Российской империи. Главный начальник края находил нужным регламентировать денежные сборы, поскольку они являлись средством для порождения политической смуты в крае, а также роста недовольства среди местного населения.

Ключевые слова: Римско-католическая Церковь, Российская империя, вероисповедание, деньги, духовенство.

A.A. FREZE ON THE ORGANIZATION OF MONEY COLLECTIONS FOR THE CONSTRUCTION OF ROMAN CATHOLIC CHURCHES IN THE NORTH-WESTERN REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE (1905)

Hanchar Andrei Ivanavich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory

Grodno State Agrarian University, Grodno, Belarus

gancharandre1@yandex.ru

The article shows the attitude of Vilna, Kovno and Grodno Governor-General A.A. Frese to the problem of organizing the construction of Roman Catholic churches in the North-Western region of the Russian Empire. The chief chief of the region found it necessary to regulate the money fees, as they were a means for the generation of political turmoil in the region, as well as discontent among the local population.

Keywords: Roman Catholic Church, Russian Empire, religion, money, clergy.

Вследствие отношения министра внутренних дел А.Г. Булыгина от 19 февраля 1905 г. за № 1069 Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор (далее ВКГ г.-г.), генерал-от-инфантерии А.А. Фрезе 11 марта 1905 г. за № 82 представил ему свои соображения по одному из важнейших вопросов местной жизни: о вероисповедной свободе римско-католического (далее р.-к.) населения Северо-Западного края (далее СЗК) Российской империи в развитие начал, высочайше предуказанных в двух основных актах – 26 февраля 1903 г. и 12 декабря 1904 г., взаимно друг друга дополнявших.

Подробно рассматривая изложенные в отзыве МВД от 19 февраля 1905 г. за № 1069 предначертания относительно частичного изменения в законодательном порядке существовавших ограничений в вероисповедном вопросе, ВКиг г.-г. А.А. Фрезе, в отношении от 11 марта 1905 г. за № 82, считал своим долгом остановить особое внимание министра внутренних дел А.А. Булыгина на вопросе первейшей важности в жизни СЗК – строительства р.-к. церквей. Вопрос этот, в виду политически-боевого характера, который он приобрёл в СЗК, заслуживал полного внимания и особой осторожности. Костёлы, служа удовлетворением религиозных потребностей, без ущерба для государственных задач, по убеждению ВКиг г.-г., мог быть разрешён только в таких местностях, в которых, за отсутствием или ничтожным числом православных, он не призван был служить орудием для борьбы с Православной Церковью и где средства местного населения допускали постройку его на иждивение церковной общины. Но в распоряжении А.А. Фрезе имелись данные, что р.-к. духовенство во многих приходах стремилось к расширению существовавших и к сооружению новых костёлов, непременно каменных, совершенно не соответствовавших по своей величине и великолепию ни нуждам, ни средствам местных прихожан и таковыми заменяли существовавшие приходские костёлы даже в тех случаях, когда в этой замене не ощущалось необходимости. При этом духовенство, при возбуждении ходатайств о постройках костёлов, не считалось с платёжными средствами местного населения, с неурожаями и недоимками, но самовольно, при посредстве исповеди и проповеди, позволяло себе облагать крестьян чрезмерным подесятинным сбором. У А.А. Фрезе вызывало сожаление то обстоятельство, что крестьянское население, не понимая этого, охотно шло на встречу этим непомерным требованиям, путём добровольного самообложения на этот предмет. Сборы эти очень часто доходили до 30 руб. с участка (до 2 рублей с десятины наделной земли), при чём сверх этого крестьяне обязывались ещё доставлять на место постройки строительный материал, поставлять бесплатно рабочих и пр. Крестьянское население СЗК, преимущественно существовавшее земледелием, по заверению А.А. Фрезе, никогда не отличалось особенным материальным достатком, а в последнее время, вследствие нерационального ведения своего земельного хозяйства, а также быстрого прироста населения, семейных разделов и т.п., значительно материально оскудело. Между тем как переживаемый многими р.-к. приходами подъём религиозного чувства, в связи с экономическим кризисом под влиянием военных событий, служил благодарной почвой для призыва к пожертвованиям. Кроме того, сборы р.-к. духовенством с крестьян денег на ремонт и постройку или перестройку костёлов, а затем и все расходы из собранных сумм производились без всякого контроля со стороны крестьянских обществ, а также с другими отступлениями от общепринятого порядка при установлении общественных сборов, но и полным бесконтрольным хозяином поступавших к нему сумм. При разрешении возбуждаемых ксендзом вопросов о починке или перестройке костёла никакого предварительного выяснения наличных костельных средств не бывало, так как все доходы костёла обыкновенно поступали в личное распоряжение ксендза, а затем и количество пожертвований с местных помещиков предварительно редко приводилось в известность. Хотя вопросы о сборах с крестьян и разрешались на сходах, устраиваемых обществами или селениями, но крестьяне при этом чаще всего являлись в роли исполнителей распоряжений ксендза, который по своему усмотрению определял размеры сбора с данного общества и производил его раскладку между хозяевами. Приговоры при этом в книги не заносились и всё делопроизводство велось самим ксендзом по крайне упрощённому порядку. Устраивая же сходы для решения вопроса о строительстве р.-к. церквей, ксендзы устанавливали свой патронат над крестьянством. Земские начальники, обязанные законом иметь наблюдение за крестьянским самоуправлением, только в последнее время стали обращать внимание на отсутствие контроля при этих сборах [1, л. 26–27].

А.А. Фрезе был полностью уверен в том, что в случае отнесения стоимости строительства на средства ксендза, денежная сумма представляла собой ни что иное как замаскированный фонд, собранный ксендзом с крестьян. А.А. Фрезе полагал необходимым обусловить, чтобы по этому предмету крестьянами, согласно ст. 54 п. 4, ст. 57 и ст. 360 Общ. полож. о кр. и решении Пр. Сената от 15 января 1879 г. и 17 сентября 1881 г. за № 62 и № 6328, составлялись по согласию не менее 2/3 всех крестьян, имевших право голоса на сходке, добровольные приговоры, обязательно записанные в особую книгу, о принятии крестьянами на себя в известной доле по точно установленной раскладке расходов на этот предмет. По каждому такому приговору земские начальники, в виду требований ст. 365 Общ. полож. должны были входить в рассмотрение вопроса о влиянии этого сбора на материальное положение крестьян и поступления с них казённых и мирских повинностей и свои заключения представлять губернатору.

Представленные в докладных записках р.-к. епископов указания на то, что действию высочайшего повеления от 10 июля 1896 г. подлежат дела о постройках не только приходских костёлов, но и филиальных, и каплиц, по убеждению А.А. Фрезе, было не согласно с точным смыслом указанного высочайшего повеления, так как оно относилось лишь к приходским костёлам, а по отношению к порядку возобновления филиальных костёлов, алтарей и каплиц сохраняло свою силу утверждённое 22 мая 1864 г. Положение Западного комитета. В этом смысле высказался и Пр. Сенат в указе от 18 февраля 1899 г. по делу Буткиса. В виду этого по вопросу строительства р.-к. церковей ВКиГ г.-г. А.А. Фрезе предполагал возможным предоставить р.-к. епископу, в изменение ст. 124 т. XI ч. I Уст. дух. дел иностр. исп., такую же дискреционную власть в отношении ремонта и частичной перестройки существовавших филиальных костёлов и каплиц, какой он пользовался, в силу высочайшего повеления от 10 июля 1896 г. в отношении приходских костёлов. Что же касалось постройки новых р.-к. богослужебных зданий то она, по мнению А.А. Фрезе, должна была находиться в зависимости от согласия инославного духовного начальства, утверждения местным строительным надзором технических планов и смет, разрешения г.-г., а в апелляционном порядке – министра внутренних дел. При установлении такого порядка, с одной стороны, упорядочивалось бы дело строительства р.-к. церковей, а с другой стороны ставились в известную систему сборы и пожертвования на сооружаемые р.-к. богослужебные здания. Вместе с тем было весьма желательно всё дело о постройке или ремонте костельных зданий сосредоточить не в руках единоличного распорядителя – ксендза, а по образцу Царства Польского в строительных комитетах, в круг деятельности которых входило бы заключение условий с мастерами и контрактов с поставщиками, уплата всех расходов по сооружению, ведение отчётности, предварительное рассмотрение максимальной стоимости сооружения, сбор пожертвований, хранение приходно-расходной кассы и отчетность перед консисторией [1, л. 27–27 об.].

В заключение А.А. Фрезе считал своим долгом повторить, что длинный перечень предложенных мер, характеризовавших своеобразную постановку деятельности местной РКЦ, мог бы быть в значительной степени сокращён и даже совсем сдан на страницы истории, если бы высший руководитель РКЦ направил своих представителей на путь мирного разрешения лежавших перед ними задач и удовлетворения исключительно духовных потребностей паствы. Признав такое разрешение вопроса наиболее желательным, А.А. Фрезе полагал весьма полезным, ранее внесения полного законопроекта в Государственный Совет, привлечь к его обсуждению представителя Римской курии и попытаться на почве взаимных уступок установить наконец начала совместной на пользу народа работы правительственной и духовной власти [1, л. 34].

10 июля 1906 г. было дано высочайшее соизволение на отмену циркулярного распоряжения бывшего Главного начальника СЗК М.Н. Муравьева от 14 июля 1864 г. за № 77, со всеми дальнейшими к оному разъяснениями и дополнениями, и на возобновление в СЗК в полной силе действия ст. 107 Уст. ин. исп., на основании которой дела о ремонте и возобновлении р.-к. приходских церковей подлежали разрешению р.-к. епархиальных начальников, с соблюдением правил как указанного Устава, так и строительного. Высочайше утвержденное 22 мая 1864 г. Положение Западного Комитета о порядке возобновления филиальных костелов, алтарей и каплиц сохраняло свою силу [2, л. 21 об.–22].

В период с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1917 г. строительным отделением Минского губернского правления было одобрены проекты на строительство и перестройку 14 каплиц (3 июля 1913 г. каплица в с. Житковичи Мозырского уезда на сумму 4 216 руб. 15 коп.; 20 ноября 1913 г. каплица в

им. Гринево Мозырского уезда на сумму 17 565 руб.; 7 августа 1913 г. каплица в м. Хотаевичи Борисовского уезда на сумму 7 076 руб. 77 коп.), 7 костелов (4 июня 1909 г. костел в м. Березин Борисовского уезда на сумму 16 403 руб. 12 коп.; 26 июля 1909 г. костел в им. Головчицы Речицкого уезда на сумму 25 259 руб. 35 коп.; 3 июля 1913 г.), 1 молитвенного дома (им. Доры Минского уезда 28 июня 1907 г.). В Бобруйском, Речицком, Игуменском уездах сметных сумм на постройку р.-к. богослужебных зданий в период с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1914 г. исчислено не было. В Пинском уезде на постройку костела в м. Логишин была исчислена смета в сумме 23 397 руб. 37 коп. Других исчислений в Пинском уезде на постройку р.-к. богослужебных зданий не было. В период 1906 – 1908 гг. были возведены костел в м. Ляховичи (1907 г. окончания строительства) и м. Медвичи Слуцкого уезда. На их постройку ассигнований от казны не производилось. При чем на постройку Медведичского костела израсходовано было 23 000 руб. Кроме того, были произведены ремонты в 1906 г. Тимковичского костела, а в 1908 – 1910 гг. копыльского костела. Ремонт первого костела был произведен на средства помещицы им. Пузово Тимковичской волости Горват и обошелся в 1 500 руб., а ремонт второго производился на добровольные пожертвования прихожан и обошелся в 12 711 руб. В 1912 г. было отпущено 500 руб. на ремонт Холопеничского костела Борисовского уезда. На постройку Раковского костела Минского уезда добровольные пожертвования составили сумму в 54 078 руб. 77 ½ коп. На постройку каплицы в м. Лахве Мозырского уезда было исчислено по смете 2 540 руб. 58 ½ коп. Кроме того, при им. Пузичи Мозырского уезда в 1907 – 1908 гг. на средства помещика Антона Замайского была построена р.-к. каплица, разрешение на которое в 1907 г. было дано МВД. В м. Мире Новогрудского уезда прихожанами, по состоянию на 20 декабря 1914 г., была собрана сумма в 13 400 руб., из требуемых по смете 22 220 руб. Других исчислений за период с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1914 г. в Новогрудском уезде не производилось [3, л. 9–23].

В течение 1907 – 1914 гг. в пределах Гродненской губернии было возведено свыше 30 р.-к. богослужебных зданий. Постройка этих зданий, по заверению Гродненского губернатора, происходила исключительно на добровольные пожертвования католической части населения губернии [4 л. 24]. Распределение же сумм, исчисленных на постройку р.-к. богослужебных зданий в Гродненской губернии выглядит следующим образом: в 1906 г. – 152 020 руб. 56 коп., в 1907 г. – 91 050 руб. 64 коп., в 1908 г. – 39 124 руб. 40 коп., в 1910 г. – 29 192 руб. 9 коп., в 1912 г. – 78 842 руб. и в 1913 г. – 21 145 руб. 59 коп., итого – 411 375 руб. 28 коп. Кроме того, в 1906 г. и в 1907 г. две каплицы были построены без надлежащего разрешения и без составления планов и смет [5, с. 227].

Список литературы

1. РГИА. Ф. 1149. Оп. 13. Д. 86.
2. Материалы, циркуляры, докладная записка, сопроводительная записка и пр. об урегулировании прав р.-к. духовенства (1905 г. – 1907 г.) // Lietuvos Valstybes istirijos archyvas. F. 696. Ap. 2. B. 330. 32 l.
3. Национальный исторический архив Беларуси. Фонд 295. Оп. 1. Д. 8556 б.
4. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1882.
5. Ганчар, А.И. Римско-Католическая Церковь в Беларуси: общественное сознание и религиозная практика (вт. пол. XIX – нач. XX вв.): монография. / А.И. Ганчар. Минск: Медисонт, 2015. – 582 с.

СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ДЕРЕВЕНЬ ОКРЕСТНОСТЕЙ КРАСНОЯРСКА ПО ДАННЫМ
ИСПОВЕДНОЙ РОСПИСИ 1785 ГОДА

Гуляева Наталья Павловна
канд. филос. наук, доцент
Независимый исследователь, г. Дивногорск, Россия
carnivora@list.ru

Рассмотрен состав населения деревень пригорода Красноярск по исповедной росписи 1785 года. Выявлено, что часть деревень была приписана к городским церквям, при этом некоторые из них включали прихожан как городских, так и сельских храмов. Установлено, что деревни, жители которых являлись прихожанами храмов Красноярск, отличаются большим разнообразием социальной структуры.

Ключевые слова: население, деревня, пригород, социальная структура, приход, исповедная роспись.

POPULATION STRUCTURE OF VILLAGES IN THE VICINITY OF KRASNOYARSK ACCORDING
TO THE SHRIFT'S RECORDS OF 1785

Gulyaeva Natalya Pavlovna
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Independent researcher, Divnogorsk, Russia
carnivora@list.ru

The population of villages in the suburbs of Krasnoyarsk according to the shrift's records of 1785 is considered. Some of the villages were assigned to city churches, while some of them included parishioners of city and rural churches. The villages whose residents were parishioners of Krasnoyarsk churches are distinguished by a great diversity of social structure.

Key words: population, village, suburb, social structure, parish, shrift's records

Задачей настоящей работы является выявление особенностей социальной структуры населения деревень окрестностей Красноярск на основании анализа исповедной росписи Красноярского казача за 1785 год, которая в настоящее время хранится в фондах Красноярского краеведческого музея [1].

При работе с данным документом было выявлено, что значительная часть населения пригородных деревень принадлежит к городским приходам Воскресенского собора и Покровской церкви.

Так, к приходу Воскресенского собора помимо жителей Красноярск относятся также жители деревень Арейской, Базайской, Гарской, Елагиной, Замятниной, Коркино, Кубеково, Песчанки, Торгашино, Черемховской, Шуваевой.

В приход Покровской церкви входят жители деревень Базайской, Бирюсинской, Дрокино, Еланской, Кардачино, Коркино, Кубеково, Овсянки, Творогово, Тетерино.

Нетрудно заметить, что некоторые населенные пункты упоминаются в обоих списках. То есть население этих деревень принадлежало и к тому, и к другому приходу.

При расширении поля анализа было выявлено, что все население деревень Базайской и Коркино прихожанами обоих городских храмов, а деревень Дрокино и Еланской – прихожанами как Покровской церкви г. Красноярск, так и Троицкой церкви с. Арейского.

Кроме того, выяснилось, что жители деревни Гарская относились к приходам трех церквей (Воскресенский собор Красноярск, Троицкая церковь с. Частоостровского, Спасская церковь с. Есаулово), а деревни Кубеково – к четырем приходам (Воскресенский собор и Покровская церковь Красноярск, Троицкая церковь с. Частоостровского, Спасская церковь с. Есаулово).

Состав приходов городских храмов и сельских церквей, которые частично «перекрывали» друг друга, приведен в таблице 1.

Таблица 1. Состав приходов пригорода Красноярска по исповедной росписи 1785 года

Приход	Населенные пункты
Воскресенский собор Красноярска	Красноярск + деревни Арейская, Базайская, Гарская, Елагина, Замятнина, Коркино, Кубеково, Песчанка, Торгашино, Черемховская, Шуваева
Покровская церковь Красноярска	Красноярск + деревни Базайская, Бирюсинская, Дрокино, Еланская, Кардачино, Коркино, Кубеково, Овсянка, Творогово, Тетерино
Троицкая церковь с. Арейского	Село Арейское + деревни Большекемчугская, Дрокино, Еланская, Еловская, Емельяново, Заледеева, Крутинская, Малокемчугская, Установо
Троицкая церковь с. Частоостровского	Село Частоостровское + деревни Барабаново, Гарская, Додоново, Кубеково, Куваршино, Минжувская, Серебряково, Стрешнево и однодворка по речке Минжувль
Спасская церковь с. Есаулово	Село Есаулово + деревни Бархатово, Гарская, Ермолаево, Киндеково, Костыгино, Крестешниково, Кубеково, Первалова, Саламатово, Терентьево, Усть-Батойская, Халевина, Худоногово, Челноково
Ильинская церковь с. Ладейское	Село Ладейское + деревни Бедряшино, Кузнецово, Мганская, Свищево
Введенская церковь с. Березовское	Село Березовское + деревни Злобино, Зыково, Камлово, Кожевниково, Кулаково, Кускун, Лопатино, Солонцово, Шалинская, Шумково

Для того, чтобы выяснить, чем обуславливалась принадлежность населенного пункта к приходу одной церкви или нескольких, был проведен анализ численности, половозрастного и социального состава населения деревень, входящих в приходы городских храмов. (см. табл. 2, 3).

Таблица 2. Половозрастной и социальный состав населенных пунктов, относящихся только к приходу Воскресенского собора г. Красноярска

	Арейская	Елагина	Замятнина	Песчанка	Торгашино	Черемховская	Шуваева
все	59	98	66	23	336	41	101
мужчины	32	47	28	11	173	15	47
женщины	27	51	38	12	163	26	54
военный	7	4	9		60		
казак					3		
крестьянин	52	94	57	23	182	41	101
мещанин					32		
ясачный					59		

Таблица 3. Половозрастной и социальный состав населенных пунктов, относящихся только к приходам Воскресенского собора и Покровской церкви г. Красноярска

	Только к приходу Покровской церкви					К приходам Воскресенского собора и Покровской церкви одновременно	
	Бирюсинская	Кардачино	Овсянка	Творогово	Тетерина	Базайская	Коркино
все	56	142	176	55	74	115	157
мужчины	31	65	86	27	39	57	68
женщины	25	77	90	28	35	58	88
военный	12		19				34

дворянин							3
казак			5				
крестьянин	44	142	139	55	79	115	120
мещанин			7				
ясачный			6				

Из приведенных данных следует, что принципиальной разницы в составе населенных пунктов, входящих в тот или иной городской приход, равно как и относящихся к обоим красноярским приходам, не прослеживается.

И в приходе Воскресенского собора, и в приходе Покровской церкви, мы наблюдаем деревни, населенные только крестьянами (Песчанка, Черемховская, Шуваева и Кардачина, Творогово, Тетерина соответственно). Такой же является деревня Базайская, жители которой принадлежат к обоим приходам.

Половину от всех вышеперечисленных населенных пунктов составляют деревни, где помимо крестьян проживают военные, по большей части отставные или иррегулярные.

Только по одному селу в каждом приходе имеют более сложную структуру (Торгашино и Овсянка), включающую помимо крестьян и военных казаков, мещан и ясачных.

В двух деревнях – Базайской и Коркино – проживали прихожане обоих красноярских храмов. В Базайской – исключительно крестьяне, а в Коркино встречена семья дворян: вдова, ее 13-летний сын и дочь 23 лет. Однако данная семья носит фамилию Иконниковы – одну из самых старых красноярских фамилий, представители которой встречаются и среди крестьян, и среди мещан, и детей боярских. Соответственно, возможно, что дворянское звание получил за службу умерший к 1785 году глава семьи.

Деревни, население которых принадлежит одновременно к приходу одного из городских храмов и к сельским приходам отличаются, пожалуй, несколько большим разнообразием социального состава. Среди них нет ни одной, где проживали бы только крестьяне. Они больше похожи на упоминавшиеся выше большие деревни, жители которых относились к приходам красноярских церквей – Овсянку и Торгашино. Однако в данной группе только Дрокино сопоставимо по размерам с Овсянкой, иные населенные пункты намного меньше. Так, например, в деревне Еланской проживало всего 68 человек (см. табл. 4).

Таблица 4. Половозрастной и социальный состав населенных пунктов, одновременно относящихся к приходам городских храмов Красноярска и сельских церквей

	(Покровская церковь Красноярска, Троицкая с. Арейского)			Гарская (Воскресенский собор Красноярска, Троицкая церковь с. Частоостровского, Спасская церковь с. Есаулово)	Кубеково (Воскресенский собор и Покровская церковь Красноярска, Троицкая церковь с. Частоостровского, Спасская церковь с. Есаулово)
	Дрокино	Еланская	Заледеево		
все	177	68	131	87	127
мужчины	81	33	69	43	65
женщины	96	35	62	44	62
военный			12		5
казак	10	6			4
крестьянин	162	62	113	58	113
мещанин	2			22	
ясачный	3		6	7	5

Для сравнения был взят приход Ильинской церкви села Ладейское, которое находилось в непосредственной близости от города, однако жители входящих в него населенных пунктов, не являлись прихожанами красноярских храмов (см. табл. 5).

По данному приходу очевидно, что население малых деревень принадлежит только к крестьянскому сословию, тогда как в единственной большой деревне – Маганской – представлены и крестьяне, и мещане, и ясачные, и военные.

Таблица 5. Половозрастной и социальный состав населенных пунктов, относящихся к приходу Ильинской церкви села Ладейское

	Бедряшино	Кузнецово	Маганская	Свищево
все	16	19	181	22
мужчины	9	12	91	11
женщины	7	7	90	11
военный			3	
крестьянин	16	19	157	22
мещанин			9	
ясачный			12	

Аналогично среди жителей деревень, входящих в состав прихода Введенской церкви села Березовское не было прихожан других храмов (см. табл. 6).

Таблица 6. Половозрастной и социальный состав населенных пунктов, относящихся к приходу Введенской церкви села Березовское

	Ботой	Злобино	Зыково	Камлово	Кожевниково	Кулаково	Кускун	Лопатино	Солонцово	Шумково
все	12	168	24	44	71	22	204	122	66	167
мужчины	4	81	9	20	33	13	106	60	35	79
женщины	8	87	15	24	38	9	98	62	31	88
без определенного статуса							1	1		
военный					1					
дети боярские					5					
казак										8
крестьянин	12	186	24	44	65	22	203	121	66	159
мещанин										
ясачный										

Очевидно, что в приходе березовской церкви, как и в приходе села Ладейское, население малых деревень относится только к крестьянам. Столь же монотонна в социальном отношении и большая деревня Злобино. Непринципиально отличаются крупные деревни Кускун и Лопатино, поскольку лица, обозначенные как «без определенного статуса» - это подворник крестьянина и человек, статус которого в документе прочитать не удалось.

Немногим большее разнообразие наблюдается в деревнях Кожевниково и Шумково. В Кожевниково пять человек, относящихся к детям боярским составляют одно домохозяйство: вдова и ее дети; к группе военных отнесена солдатка, свояченица главы семьи. Две казачьи семьи из деревни Шумково принадлежат к одной фамилии и, судя по отчествам, их главами являются родные братья.

Заметно, что состав населенных пунктов, где не проживали прихожане храмов Красноярска является более однородным – подавляющее большинство населения относится к крестьянам.

Хотя среди деревень, принадлежащих городским храмам, чисто крестьянские не редкость, все же заметная их часть отличается большим разнообразием. Устойчиво наблюдаются деревни, включающие домохозяйства, принадлежащие военным, казакам, мещанам, ясачным.

Таким образом, прослеживается слабая зависимость между социальным составом деревни и ее принадлежностью к церквям Красноярска.

Вместе с тем, не выявлено, чтобы на социальный состав и принадлежность к одному или многим приходам оказывали заметное влияние размер населенного пункта и/или его географическая удаленность от города. Например, нельзя сказать, что деревни Гарская (3 прихода) и Кубеково (4 прихода) расположены ближе и удобнее к соответствующим городским и сельским храмам, чем Торгошино (Воскресенский собор) или Худоногово (Спасская церковь с. Есаулово).

На основании всего вышеизложенного можно с осторожностью предположить, что включение населенного пункта в приходы Красноярских церквей приводило к расширению пространства социального взаимодействия, что, в свою очередь провоцировало и большую мобильность населения.

Список литературы

1. КККМ. ВХР. 928.

УДК 930.253

ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТООБОРОТА ПРИ РЕШЕНИИ ДЕЛ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА НА ОКРАИНЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Спичак Александра Владимировна

канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник

Нижевартовский государственный университет, г. Нижевартовск, Россия

spichak-89@mail.ru

В статье рассмотрены особенности официальной коммуникации при решении брачных вопросов Тобольской духовной консисторией. Изучены документы, хранящиеся в Государственном архиве г. Тобольска и Российского государственного исторического архива. Раскрыто влияние больших территорий Российской империи, в том числе Тобольской епархии, на увеличение срока делопроизводства и, как следствие, на усугубление проблем, связанных с расторжением брака.

Ключевые слова: Тобольская духовная консистория, официальная коммуникация, документооборот, переписка, делопроизводство.

PROBLEMS OF DOCUMENT FLOW WHEN SOLVING CASES OF MARRIAGE DISSOLUTION ON THE OUTLIERS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Spichak Alexandra Vladimirovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher

Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia

spichak-89@mail.ru

The article examines the features of official communication when resolving marriage issues by the Tobolsk spiritual consistory. Documents stored in the State Archive of Tobolsk and the Russian State Historical Archive were studied. The influence of large territories of the Russian Empire, including the Tobolsk diocese, on the increase in the duration of office work and, as a consequence, on the aggravation of problems associated with divorce is revealed.

Key words: Tobolsk spiritual consistory, official communication, document flow, correspondence, office work.

В настоящее время достаточно большое внимание уделяется изучению вопросов Русской Православной церкви, ее истории, отдельных направлений деятельности (миссионерства, социального обеспечения, взаимодействия со светскими властями), различных подведомственных организаций и должностей, так, Е.С. Матвеева обобщила историю появления духовных консисторий, требования к их составу и функции как церковно-судебного органа в Российской империи в отношении духовенства, при этом обойдя вниманием вопросы заключения и расторжения брака [1]. Однако делопроизводство Русской Православной церкви остается практически неисследованным. Изучение документации Тобольской духовной консистории в рамках делопроизводства до настоящего времени не проводилось.

Тобольская духовная консистория являлась судебным органом Тобольской епархии, в функции которого входило помимо рассмотрения конфессиональных вопросов, решение дел, связанных с расторжением брака.

Тобольская епархия, открытая в 1620-1621 гг., первоначально располагалась от Урала до Дальнего востока, впоследствии ее границы сужались, выделялись из состава отдельные епархии, однако отдаленность от центра и огромная территория сказывалась на ее жизнедеятельности, на работе духовной консистории, вызывая различные трудности как в работе самих служащих, так и в попытках населения решить с ее помощью свои семейные проблемы.

Как свидетельствуют архивные документы, во второй половине XIX – начале XX в. расторжение брака было хоть и редким, но вполне реальным явлением. Духовные консистории, следуя букве закона, в центральных губерниях Российской империи в большинстве случаев давали супругам желаемый развод при соблюдении ими установленных правил, однако, количество разводов оставалось незначительным до конца периода. Тобольская епархия отличается большим (в несколько раз) отставанием по количеству случаев выдачи бракоразводного свидетельства и минимальным процентом положительно решенных дел. Это объясняется несколькими факторами: 1) тяжелое финансовое состояние просителей (в большинстве своем крестьян), 2) неграмотность, в том числе юридическая (обе проблемы наблюдались и в центре, однако менее выражено), 3) большая патриархальность взглядов (например, крестьянки боялись уходить от прелюбодействующих мужей, в обществе их обвиняли даже в неспособности супругов), 4) огромный размер губернии, увеличивающий сроки доставки документов и стоимость проезда до центра (на судоговорение и медицинскую экспертизу). Со временем имело место небольшое увеличение числа разводов, что связывается в том числе с изменениями в общественной жизни и трансформацией традиционной семьи.

Анализ архивных документов показал, что с каждым десятилетием количество поданных прошений о разводе почти всегда увеличивалось, однако с начала XX в. произошел стремительный скачок. Причиной этого явления было изменение народного мышления, критика применения бракоразводного законодательства все чаще встречалась в литературе, люди становились более грамотными, хотели законно состоять в отношениях с близкими, официально оформлять своих детей.

Изучение регистрационных номеров свидетельствует о том, что в Тобольской духовной консистории за месяц составлялось в среднем около 500 (от 400 до 600) исходящих документов и примерно столько же было получено входящих.

Духовные консистории, решая дела о разводе, независимо от причины последних, вели переписку с местными учреждениями, волостными правлениями (или конкретно с волостными старшинами), окружными полицейскими управлениями, например, при сообщении просителям об итогах рассмотрения их вопроса (рис. 1, 2) [2].

Рис. 1. Лицевая сторона конверта, присланного в Тобольскую духовную консисторию с метрической выписью о браке. Отправлено 4 января 1886 г., получено 8 января 1886 г. Г.А.Т. Ф.И-156. Оп.11. Д.1428. Л.7 об.

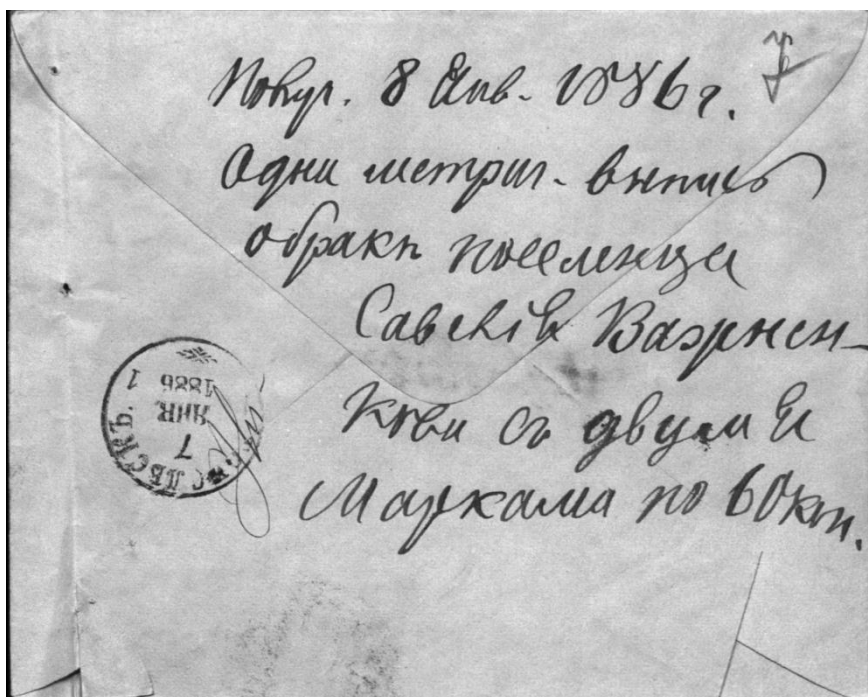

Рис. 2. Обратная сторона конверта, присланного в Тобольскую духовную консисторию с метрической выписью о браке. Отправлено 4 января 1886 г., получено 8 января 1886 г. ГАТ. Ф.И-156. Оп.11. Д.1428. Л.7.

Следует отметить, что в понятие «переписка» в изучаемое время, согласно анализу текстов документов, входили, в отличие от современного периода, не только письма, называемые «отношениями», но и такие документы, как донесения (в отличие от рапортов они оформлялись в форме отношения, без реквизита «наименование вида документа»).

Этот этап мог растянуться на несколько месяцев или даже лет и оформляться десятками документов, большинство из которых составляла переписка между консисторией и различными учреждениями и должностными лицами. Особенностью Тобольской епархии была отдаленность приходов от центра – Тобольской духовной консистории, что являлось причиной увеличения срока производства дел, для решения которых требовалось запрашивать сведения посредством переписки.

Если консистория отправляла отношение в полицейское управление, то оно пересылало его в волостное правление с составлением еще одного, сопроводительного, отношения (обычно на отдельном листе бумаги), которое могло выглядеть и как самостоятельный документ, так и краткая запись. Однако, данный вид документа в некоторых делах не сохранился, либо не был составлен.

Если в полученном консисторией документе сведения приводились неполно или неточно, то для прояснения ситуации приходилось входить в дополнительную переписку.

Что касается специфической корреспонденции, содержащейся в делах, то это, например, при расторжении брака с ссыльным лицом, документы судебных учреждений, с которыми вела переписку консистория с целью уточнить или удостовериться в лишении всех прав состояния виновного.

В случаях, когда проситель в качестве доказательства осуждения супруга прикладывал незаверенную копию судебного учреждения, духовная консистория пересылала документ в данное учреждение для того, чтобы его заверить. Тобольский губернский суд возвращал после проверки документы.

В начале XX в. территория Тобольской епархии была уже значительно меньше, чем при ее открытии в 1620 г., однако расстояния оставались достаточно большими для перевозки документов почтой. К этому времени уже начали использовать телеграммы, но посредством их передавали только срочную информацию. Документы доставляли через почтово-телеграфные отделения. Время транспортировки на одно и то же расстояние могло варьироваться, ведь документы не всегда отправлялись в день их составления.

Неграмотные крестьяне зачастую узнавали о возможности развестись с пропавшим супругом случайно, информация могла оказаться неверной, из-за чего проситель мог потерять несколько лет. Самое долгое дело было найдено в фонде Тобольской духовной консистории, просительница хотела

развестись с безвести пропавшим мужем, консистория его нашла через 10 лет и 7 месяцев поисков с даты получения прошения и закрыла дело [3].

Сроки исполнения дел были долгими, на положительное решение дел уходили годы, период до года был скорее исключением, время производства отказных дел зависело от причин отказа и составляло от нескольких дней при неверно оформленных документах до нескольких месяцев при недоказанности недуга.

На основе анализа архивных документов были выявлены основные препятствия для получения положительного решения по бракоразводным делам во второй половине XIX – начале XX в., связанные с оформлением документов. Это ошибки при предоставлении пакета документов и недостатки ведения делопроизводства в Тобольской губернии [4]. Уже наличие одного такого препятствия иногда лишало возможности людей получить желаемое разрешение на развод.

Судьба просителя во многом зависела от грамотности и внимательности канцеляриста, который принимал просьбу составляя прошение. Часто, при изучении архивных дел о расторжении браков, по которым были вынесены отрицательные решения из-за несоблюдения правил подачи документов, появляется вопрос, как мог допустить это служащий духовной консистории или другого государственного учреждения.

При сравнении содержания бракоразводных дел центральных губерний с Тобольской можно сделать вывод о том, что во второй половине XIX – начале XX в. везде наблюдалось отсутствие знания законов, которое нередко становилось причиной невозможности решения семейных проблем, однако именно на периферии имелись более серьезные проблемы, выражающиеся в неграмотности населения, из-за чего просители получали отказ в рассмотрении своих вопросов еще на стадии подачи документов, а те, кто все же могли правильно сформировать пакет документации, ждали дольше обычного срока рассмотрения дела из-за долгой доставки документов.

Делопроизводственная документация духовных консисторий может представлять большой интерес для исследователей эволюции отечественного делопроизводства, как светского, так и церковного. Данные документы только начинают изучаться, особенно в рамках делопроизводства, однако уже можно судить об их источниковедческом значении в освещении вопросов, касающихся деятельности духовных консисторий, их документообороте, методах решения вопросов, эволюции формуляров светской и церковной документации и многих других.

Делопроизводственная документация духовных консисторий может быть использована в рамках исследования как эволюции отечественного делопроизводства (светского и церковного), так и истории бракоразводных процессов, а также в генеалогии.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2022) в рамках научного проекта № МК-1840.2022.2.

Список литературы

1. Матвеева Е.С. Духовная консистория как высшая церковно-судебная инстанция для приходского духовенства в российской империи // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 4. С. 140-145.
2. ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1428.
3. ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1180.
4. Спичак А.В. Крестьянские разводы в документах Тобольской духовной консистории XIX – начала XX веков // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 452-470.

«МАЛЕНЬКИЕ ВИНТИКИ» ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАМПАНИИ ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ
В 1921–1923 ГГ.: ПЕРИФЕРИЙНЫЕ РАБОТНИКИ В СТРЕССОВОЙ СИТУАЦИИ

Циденков Григорий Геннадиевич

канд. социол. наук, доцент

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия

gcidenkov@yandex.ru

В государственную кампанию 1921-23 гг. по оказанию помощи голодающим Советской России и Украины оказались вовлечены тысячи советских служащих, военных, медиков, работников различных учреждений и ведомств. Исполняя свои обязанности и поручения центральных властей в различных уголках страны в условиях послевоенной разрухи, бандитизма и голода, они неизбежно сталкивались со стрессом. В статье приведены документальные свидетельства, составленные работниками разных сфер деятельности непосредственно в стрессовой ситуации: отчет сельского налогового инспектора в Иркутской губернии, рапорты комендантов продовольственных маршрутов на Украине, прошение профсоюзного работника из Пятигорска.

Ключевые слова: голод 1921-1923 годов, государственная помощь голодающим, работа в условиях стресса.

THE "LITTLE COGS" OF THE STATE CAMPAIGN TO HELP THE HUNGRY IN 1921-23:
PERIPHERAL WORKERS IN A STRESSFUL SITUATION.

Tsidenkov Grigoriy Gennadievich

Candidate of sociological sciences, Associate Professor

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

gcidenkov@yandex.ru

Thousands of Soviet employees, military personnel, doctors, and employees of various institutions and departments were involved in the state campaign of 1921-23 to help the starving people of Soviet Russia and Ukraine. Carrying out their duties and instructions from the central authorities in various parts of the country in conditions of post-war devastation, banditry and hunger, they inevitably faced stress. The article presents documentary evidence compiled by workers in different fields of activity directly in a stressful situation: a report from a rural tax inspector in the Irkutsk province, a report from the commandant of a food route in Ukraine, a petition from a trade union worker from Pyatigorsk.

Keywords: the famine of 1921-1923, government aid to starving population, work under stress.

Катастрофа голода, разразившегося в 1921 году, охватила огромные территории Советской России и Украинской ССР. На грани голодной смерти оказались около 30 миллионов человек [1, с. 246]. Советское правительство, находясь в состоянии экономической блокады, установленной странами Антанты, и располагая крайне скудными средствами, изыскивало всевозможные способы для привлечения внутренних ресурсов на проведение широкомасштабной кампании помощи голодающему населению. Одним из самых эффективных и действенных способов стал активный сбор продовольственного налога, пришедшего на смену продразверстке. В августе 1921 г., в связи с крайне тяжелым положением в Поволжье, вышел приказ Рабоче-Крестьянской инспекции (далее – РКИ) о недопустимости снижения установленных для губерний и волостей разрядов урожайности, на основе которых рассчитывалась величина продовольственного налога даже в случаях резкого уменьшения фактически полученного урожая по сравнению с его июньскими предварительными расчетами [2, с. 63].

Основная тяжесть сбора продналога легла на сибирские губернии, которые не затронула засуха 1921 года. В связи с этим, местные исполнительные органы власти получили повышенное налоговое задание, что не могло не сказаться на настроениях крестьян [3, с. 376]. При этом обстановка во многих сельских районах сибирских губерний оставалась крайне сложной, а четких и стандартизированных правил сбора продналога установлено не было, что иногда приводило к эксцессам и конфликтам [4, с. 39]. Непосредственно на местах сбор продналога проводили инспекторы районных загото-

вительных контор, которые отчитывались перед головными организациями и РКИ [2, с. 65]. Работа инспекторов зачастую проходила в крайне стрессовой обстановке.

2 января 1922 г., старший налоговый инспектор Каменской Заготконторы Иркутской губернии т. Мужчинкин составил рутинную политическую сводку в оперативный отдел Губкома, которая по установленной форме содержала 6 пунктов: настроения масс, сбор продналога, жалобы населения, борьба с бандитизмом и пьянством, учет поступлений. Мужчинкин от себя добавил седьмой пункт (*орфография оригинала – прим. авт.*):

«Седьмое. Категорически требую от Вас высылки опытного чекиста для расследования убийства тов. Теленкова.

Убийство произведено не бандитами, а самими крестьянами. По осмотру трупа убитого видно, что убили его не бандиты, хотя труп еще не замерзший, но видно, что убили не бандиты, знаю массу случаев убийств. Я вел расследования много раз и могу определенно говорить, что это был заговор нескольких человек, но не бандитов. Теленкова убили крестьяне и также, которые вообще с убийством имеют дело наверное первый раз. Если дело будет оставлено так как оно в настоящее время, то я за себя не ручаюсь. Самовольно возьму на себя следственную линию и горе будет деревне Тымырею, уничтожу всю, а тогда разстреливайте меня, далее терпеть нельзя таких выходов со стороны крестьян-кулаков. Если дело будет оставлено, то снимайте меня с этого района и вообще с продработы. Я работать не буду и никакие запугивания Ревтрибуналом не помогут. Будут ли приняты или нет с Вашей стороны меры, прошу сообщить телеграфно "да" или "нет" я буду знать, что мне делать. Еще раз требую высылки чекиста.

Старший налоговый инспектор Кам. Заготконторы Мужчинкин.

Дополнительно.

Войсковых частей в районе нет, комячейка бездействует. Дайте вооружить человек 15-20 я энергично наведу порядок.

Мужчинкин» [5, л. 8 об].

Собранное с большим трудом по стране продовольствие, а также поступившую иностранную гуманитарную помощь, необходимо было доставить непосредственно в голодающие районы. Перевозка грузов по стране в те годы осложнялась не только плачевным состоянием железных дорог и подвижного состава, разбитых в ходе Гражданской войны, но и разгулом бандитизма. Согласно договору с Американской администрацией помощи (АРА), советское правительство обязывалось за свой счет перевозить и охранять в пути гуманитарные грузы, а также компенсировать в долларах США и натуре любой нецелевое расходование грузов АРА [6, с. 281-286]. В связи с тем, что поезда в пути следования довольно часто подвергались грабежу и открытым бандитским нападениям, возникла настоятельная необходимость вооруженной охраны эшелонов с гуманитарной помощью голодающим.

Перед самым началом полномасштабной кампании помощи голодающим, 14 июля 1921 года Ленин подписал постановление СНК об охране продмаршрутов [7]. После прибытия первых иностранных миссий помощи и увеличения железнодорожных перевозок в голодающих местностях, было проведено совместно заседании Политбюро, РККА и ВЧК, которое регламентировало охрану продовольственных маршрутов. Охрана состояла из коменданта поезда (он же начальник продмаршрута) и 12 солдат от военных округов, через которые пролегает маршрут. Коменданты набирались преимущественно с командных курсов Торжской Военно-Железнодорожной школы [8, л.1].

Однако, на деле далеко не всегда удавалось набрать полную команду, обеспечить ее продовольствием на всем пути следования, подобрать проверенных и надежных солдат. Кроме того, нападения на поезда случались даже при наличии вооруженной охраны. Несмотря на то, что коменданты продмаршрутов были, в основном, людьми военными, в их отчетах и рапортах зачастую проглядывают довольно сильные эмоции, вызванные повседневным стрессом.

Рапорт коменданта Былькова Н.И. от 15 ноября 1922 (*орфография оригинала*):

«18 окт. 22 был командирован в Одессу доставить груз в адрес Одесского отделения [из Москвы]. Приняв поезд, охрана которого состояла из 6 человек, я отправился по назначению. На ст. Угрешной я остановился для смены паровоза. Расставив у поезда караул, я пошел к начальнику станции требовать скорейшей отправки. При возвращении я обнаружил, что один из охранников Кашкин Михаил сбежал. Охранники сказали мне, что сбежал он из-за необорудованной теплушки и если я не добуду печку, то все они тоже сбегут. Я обещал им купить печку, что и сделал на станции Малоярославец.

Доехав до станции Брянск в вагоне № 486212 сломалась шейка оси. Для его охраны я оставил красноармейца Плюхина, который со слезами просил не оставлять его и остался только после долгих убеждений и угроз.

Таким образом у меня осталось 4 охранника с берданками по 5 шт. патронов, но один из охранников - Глаголев не умеет стрелять. Доехав до станции Бирзул, я приказал охране строго следить за поездом, потому что это неблагополучный район. На перегоне Чубовка-Мардаровка ночью, во время тихого хода, из леса приблизительно 25 человек вышли к поезду, по которым я приказал охране стрелять, тогда они бросились в кусты. Один из них все же вскочил на буфер вагона № 588503. Я снова приказал охране стрелять и он был убит.

Доехав до станции Одесса-Товарная, я строго предупредил охрану, что здесь имеет место быть массовое хищение грузов. Ночью, при проверке постов, я обнаружил, что вагон № 67011 вскрыт, а караульный Глаголев самовольно ушел в теплушку. Составив прилагаемый акт, я предал Глаголева начальнику оперпункта» [9, л. 57-58].

Еще более сильные эмоции испытал комендант Межинский:

«Рапорт коменданта продмаршрута И.П. Межинского.

5 ноября 1922 принял продмаршрут от ст. Бойня до Симферополя. На пролете от Харькова до ст. Марёфы были вскрыты три вагона. На ст. Марёфы вагоны отцеплены для проверки груза. Эти вагоны были вскрыты бандитами, с которыми я вступил в перестрелку. Охрана и кондукторы разбежались и я остался один. На ст. Марёфа агента ГПУ не оказалось, т.к. он отравился ловить бандитов. Всю дорогу я ехал без теплушки на тормозе. Если в будущем не будет предоставлена теплушка и хотя бы 3-4 надежных красноармейца, то я буду вынужден просить о переводе меня на другую работу, т.к. при таких условиях работать невозможно» [9, л. 20].

Сбор помощи голодающим путем частных пожертвований советских граждан, рабочих коллективом и отчислений с зарплат советских служащих проходил через губернские комиссии помощи голодающим. Эти комиссии формировались, в основном, на основе аппарата губернских исполнительных комитетов с привлечением врачей, военных и профсоюзных работников.

В августе 1922 года из Тулы был командирован в Ставрополь на усиление опытный профсоюзный работник тов. Сазонов. Его короткое прошение в Ставропольский губернский совет профсоюзов представляет собой яркое свидетельство того, в каких стрессовых условиях проходили тогда пассажирские перевозки. Приоритет отдавался исключительно продовольственным и воинским эшелонам, а пассажирские поезда могли сутками ожидать на станциях паровоз, топливо, поездную бригаду и проч.

«Заявление профработника П. Сазонова в Ставропольский губсовпроф.

По мобилизации ВЦСПС я был направлен из Тулы в Юго-Восточное Бюро ВЦСПС и последним – сюда. За недостаточностью выданного аванса в пути, продолжавшегося три недели, для содержания пришлось продать брюки, гимнастерку и рубашку. При отъезде на месте я указанными не удовлетворился и в данное время последние брюки истрепал.

Прошу удовлетворить меня указанными вещами.

Профработчик П.Сазонов» [11, с. 80].

Государственная помощь голодающим в 1921-23 гг. потребовала колоссального напряжения всего государственного аппарата. Известные цифры и статистика показывают нам огромный объем работы, проделанной тысячами служащих по всей стране. А эти и подобные маленькие свидетельства позволяют ощутить и понять в каких условиях проходила эта работа, что чувствовали и испытывали на себе эти «маленькие винтики» государственной машины в то непростое время.

Список литературы

1. Данилов В.П. Динамика населения СССР за 1917-1929 гг. (Опыт археографического и историко-демографического отбора данных для реконструкции демографического процесса) // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. – 472 с.
2. Дианов А.Г. Методы проведения продналоговых кампаний в Сибири в 1921-1922 гг. (по документам рабоче-крестьянской инспекции)(часть 1) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №. 12-3. С. 63-66.
3. Ильиных В. А. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири // Экономическая история: ежегодник. 2009. Т. 2009. С. 374-409.

4. Шекшеев А. П. Первая кампания по взиманию налога в Енисейской губернии (1921/22 г.) // Мартыановские краеведческие чтения (2020-2021 гг.). Сборник докладов и статей. Вып. 14. Минусинск, 2021. – 284 с.

5. ГАИО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 1510.

6. Документы внешней политики СССР. Т. IV. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. / М-во иностр. дел СССР. М.: Госполитиздат, 1960. – 840 с.

7. Известия. 19 июля 1921, № 156, с.1.

8. ГА РФ. Р-1058. Оп. 1. Д. 490.

9. ГА РФ. Р-1058. Оп. 1. Д. 731.

10. Голоса из провинции. Жители Ставрополя в 1917-1929 годах: Сб. док. // Комитет Ставропольского края по делам архивов, Гос. архив. учреждение «Гос. архив Ставропольского края», Гос. архив. учреждение «Гос. архив новейшей истории Ставропольского края», Ставропольский гос. ун-т. Отв. сост. Г.А. Никитенко. Ставрополь: Б. и., 2009. – 766 с.

УДК 94 (57)

АБДУЛ-ВАЛЕЕВ Н.: МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ РУКОВОДИТЕЛЯ ТАТАРСКОЙ
СЕКЦИИ КРАСНОЯРСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА ВКП(Б) СИБИРСКОГО КРАЯ
ПО МАТЕРИАЛАМ КГКУ «ГАКК»

Карпухина Дина Ванцетовна

*Красноярское государственное казённое учреждение «Государственный архив Красноярского края»,
г. Красноярск, Россия
dina_museum@mail.ru*

Документы фондов Государственного архива Красноярского края дают богатый материал как для понимания работы татарской секции Красноярского окружного партийного комитета Сибирского края, так и для биографии её руководителя – Носратуллы Абдул-Валеева. Его деятельность в 1920-е гг. на этом посту – яркий пример решения вопросов национального строительства в молодом Советском государстве.

Ключевые слова: Носратулла Абдул-Валеев, татарская секция Красноярского окружкома ВКП(б), нацмен, коллективизация, 6-й участок службы пути Томской железной дороги.

ABDUL-VALEEV N. MATERIALS FOR THE BIOGRAPHY OF THE HEAD OF THE TATAR SECTION OF THE KRASNOYARSK DISTRICT COMMITTEE OF THE CPSU(B) OF THE SIBERIAN TERRITORY BASED ON THE MATERIALS OF THE KGKU "GAKK"

Karpukhina Dina Vantssetovna

*KSKU Krasnoyarsk regional state archive, Krasnoyarsk, Russia
dina_museum@mail.r*

The documents of the funds of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory provide rich material both for understanding the work of the Tatar section of the Krasnoyarsk District Party Committee of the Siberian Territory and for the biography of its head, Nosratullah Abdul-Valeev. His activity in this position in the 1920s is a vivid example of solving the issues of nation-building in the young Soviet state.

Keywords: Nazratullah Abdulvaleev, Tatar section of the Krasnoyarsk District Committee of the CPSU(b), national exchange, collectivization, 6th section of the Tomsk Railway track service.

В фондах Государственного архива Красноярского края представлены документы, характеризующие работу руководителя татарской секции Красноярского окружного комитета партии Носратуллы Абдул-Валеева в 1920-х гг.

Из учётной карточки члена ВКП(б) Носратуллы Абдул-Валеева узнаём основные вехи его трудовой биографии: «1895 г. рождения. Образование общее – сельская школа. С 1917 по 1919 гг. работал в сельском хозяйстве. С 1919 по 1926 гг. работал на железной дороге в службе пути чернорабочим. Политическое образование – обучался по вечерней форме обучения в Совпартшколе Новосибирска.

В 1924 г. во 2-м горрайкоме был принят в кандидаты в члены компартии, пробыв в этом статусе шесть месяцев.

В члены партии был принят Красноярской организацией 29.06.1925 г.

Основная работа с 01.04 1926 г. по 07.02.1928 г. - секретарь татсекции окружкома ВКП(б)» [4, л.15].

Чем же занимался на своей должности секретарь татарской партийной секции?

По имеющимся документам можно сделать вывод об активной, насыщенной деятельности Носратуллы Абдул-Валеева. Чего стоит только план выездов на места:

«План выезда в г. Енисейск, Пировский и Казачинский районы с 09.01 по 25.11.1928 г.

1. Обследовать партийные, комсомольские ячейки культпросвета, кружка по самообразованию и добровольных и общественных работ среди татар.

2. По согласованию с Окрисполкомом обследовать культурно- экономическую работу сельсовета среди татар.

3. Провести в Пировском районе совещание районного актива с докладами с мест о международном и внутреннем положении СССР.

4. По выявлению степени кооперирования провести практические мероприятия по вовлечению пайщиков и пополнение паевых взносов.

5. Выявить возможности развертывания культурно-политической сети за счет местной инициативы и провести практические мероприятия.

6. Где имеются ячейки, провести работу по организации групп бедноты, провести собрание бедноты с обсуждением местных нужд бедноты, затрагивающих интересы бедноты. Принять меры к организации групп бедноты и ККОВ при сельсоветах, если они имеются, проверить и улучшить ее работу.

7. Выявить руководство нацмен-работой со стороны райисполкома и РК.

8. Выявить выдвижение из работников-татар на ответственную работу и советский кооперативный аппарат.

9. Настроение татнаселения.

10. Экономическая помощь нацменам.

11. Выявить состояние по коллективизации татарского населения.

12. Обследовать вопрос о землеустройстве и возможностях проведения его среди татар-крестьян.

Секретарь ОК татсекции Валеев» [4, л. 7].

Круг решаемых Абдул-Валеевым вопросов действительно широк: идеологические, политические, социальные, кадровые, экономические, культурные, духовные. И работа руководителя татарской секции окружкома не была кабинетной чиновничьей – она была разъездной, в гуще родного для него татарского народа, как среди горожан, так и среди сельских жителей Красноярского округа Сибирского края. Вот наиболее заметные мероприятия, прошедшие с его участием, либо под его председательством только за 1928 г.:

- 09.01 - обследование деятельности Долговского сельсовета Пировского района Красноярского округа [1, Л. 94];

- 16-21.01 – обследование работы среди татарского населения г. Енисейска (подробный анализ татарского населения, общее положение, работа комсомольской ячейки, партруководство над ячейкой ВЛКСМ, обследования клуба и ликпункта, работа среди женщин, работа школы, сделаны выводы и даны рекомендации по разделам) [1, л. 106-111];

- 20.01 – выступление с докладом о международном положении на общем собрании татарского населения г. Енисейска [1, л. 3];

- 28.01 - доклад на собрании граждан поселка Куренная Ошма Пировского района Красноярского округа о результатах обследования Куренно-Ошминского сельсовета [1, л. 53];

- 01.02 – участие в собрании граждан Солоухинского участка Долговского сельсовета Пировского района [1, л. 45];

- 02.02 – доклад по итогам обследования на общем собрании граждан Долговского участка Пировского района [1, л. 43].

В иной день приходилось выступать и на двух-трёх собраниях с докладами на разные темы. 6 февраля 1928 г.:

- доклад на общем собрании граждан участка Шумбаш Пировского района Красноярского округа о международном положении СССР и о работе деревни по поднятию сельского хозяйства [1, л. 56];

- доклад на общем собрании граждан бедноты и активной части середняков участка Шумбаш Пировского района Красноярского округа об экономической помощи бедноте [1, л. 58];
- доклад на общем собрании членов и кандидатов Шумбашской ячейки ВКП(б) Пировского района Красноярского округа о результатах обследования ячейки ВКП(б) [1, л. 59].

Итак, 11 февраля 1928 г.:

- 11 февраля - доклад на внеочередном заседании членов Новотимершиковского сельсовета Пировского района Красноярского округа [1, л. 61];

- 11 февраля – доклад о международном положении на общем собрании граждан Новотимершиковского сельсовета Пировского района Красноярского округа [1, л. 62].

Даже для современного чиновника, имеющего для поездок хороший автомобиль и даже вертолёт или самолёт, темп рабочих поездок по бездорожью того времени и темы докладов Носратуллы Абдул-Валеева впечатляют и сегодня:

- 12.02 – доклад о политике советской власти в деревне на общем собрании граждан поселка Нижний Ислам Пировского района [1, л. 47];

- 08.03 – доклад о Дне работницы на собрании женщин-татарок г. Красноярска [1, л. 5];

- 10.03 – доклад «Ураза, закат и фитр» на общем собрании общества безбожников татарского населения [1, л. 124];

- 24.03 – председательство в собрании кружка безбожников на тему «Об ураза и байрамах» [1, л. 123];

- 01.04 - доклад о контрреволюционном заговоре в Донбассе и о результате обследования культпросветработы среди татар на совещании партактива татар в г. Красноярске [1, л. 63];

- 22.04 - собрание татарской секции окружкома ВКП(б) по вопросам о ближайшей задаче кооперации, устройству сабантуя и о созыве общего городского собрания членов профсоюзов г. Красноярска [1, л. 75];

- 30.07 - доклад о Втором займе индустриализации на проверочной Комиссии по рассмотрению об отправке в рабфак и педтехникум [1, л. 130];

- 02.08 – председательствование на заседании актива членов ВКП(б) татар г. Красноярска [1, л. 74];

- 31.08 - заседание специальной комиссии для развертывания работы по организации книжных полок среди национальностей Красноярского округа [1, л. 137];

- 13.09 - заседание Красноярского окружкомитета «Янолифа» [1, л. 3].

29.09.1928 на совещании партийцев и комсомольцев-татар г. Красноярска Абдул-Валеев выступил со словами о том, что партийцы и комсомольцы татары в большинстве своем политически неграмотны. Что необходимы учебные пособия, но часть товарищей, не имеющих финансовой возможности, будут снабжаться бесплатно. Политучебу должны проходить все партийцы без исключения и добровольно выбирать кружки. Для татар политшкола может дать ожидаемое только на родном языке, что и было отражено в постановлении совещания [1, л. 138].

Так же в своём выступлении он затронул вопрос распространения печати на татарском языке, говорил о необходимости принятия комплекса мер по увеличению подписки на татарские газеты.

Осень 1928 г. у товарища Абдул-Валеева также была наполнена работой:

- 07.10 - общее собрание членов и кандидатов ВКП(б) [1, л. 136об];

- 07.11 - обследование Шумбашской ячейки ВКП(б) [1, л. 32];

- 21.11 - обследование Отношинской избы-читальни Казачинского района Красноярского округа (с подробным описанием работы избы-читальни и избача и рекомендации по ее работе) [1, л. 22].

В феврале 1929 г. Н. Абдул-Валеев прошел учебу в Новосибирске.

В ходе партийной чистки 1929 г. возникает вопрос о его прошлом. На свет появляется следующий документ за подписью секретаря 2-го горрайкома ВКП(б) Малышкина в Красноярский окротдел ГПУ: «При сём препровождается заявление члена партии Свичкаренко П.К. Так как тов. Абдул-Валеев является секретарем татарской секции окружкома ВКП(б), просьба проверить указанные в выявлении факты и о результатах сообщить во 2-ой горрайком ВКП(б) [2, л. 42].

Но компрометирующих сведений не находят: «Секретарю 2-го горрайкома ВКП(б) от 10.04.1929 г. Объединенное Государственное политическое управление при Совнарком СССР Красноярский окружной отдел. Сообщаем, что при проверке вашего заявления на Валеева, указанные сведения не подтвердились, а также и наличие каких-либо компрометирующих материалов на него у нас не имеется. Начальник Окротдела ОГПУ Чунтонов» [2, л. 40].

Тем не менее, его продолжают проверять и обнаруживается информация о службе в Белой армии...

«Выписка из протокола №31 заседания партколлегии Окр РКИ от 17.01.1930 г.

Слушали:

Дело №60 – проверка члена ВКП(б) ячейки службы пути тов. Абдула Валеева (?), год рождения 1895. По социальному положению – рабочий. Общее образование – низшее, партстаж с 1924 г., партбилет № 0532368.

Служба в армиях:

- с 1916 по 1917 гг. – в царской армии;

- с 1918 по 1919 гг. – в Белой армии;

- в Красной - не служил.

С 1919 по 1926 гг. работал рабочим на 6-м участке службы пути.

С 1926 г. – секретарь татсекции ОК ВКП(б).

По чистке в партии оставлен условно, ввиду поступившего заявления о том, что тов. Валеев служил у Колчака в чине офицера и что личность его в ячейке неизвестна. По расследовании дела оказалось, что Абдул Валеев Нафатулла Сунагатуллин происходит из дер. Кармаскалы Кармаскалинской волости Уфимского кантона. Отец его имеет середняцкое хозяйство и что Абдул Валеев в 1918 г. добровольно вступил в белую армию в чине офицера. Валеев при вступлении в партию это скрыл и в настоящее время категорически отрицает (докладчик тов. Кох).

Валеев присутствует.

Высказываются: Карпов, Елизаров, Куркин, Белин, Иодлевский, Мещеряков.

Постановили:

Исключить за сокрытие добровольной службы в чине офицера у Колчака. Если Валеев это опровергнет документами – дело пересмотреть» [2, л. 7].

Дальнейшая судьба непрошедшего партийную чистку 1929 г. руководителя татарской секции Красноярского окружкома партии Носратуллы Абдул-Валеева пока неизвестна. Материалы Госархива Красноярского края ярко отражают его работу как честного большевика, своими делами помогавшего решать вопросы межнациональных отношений и проблемы татарского населения в Красноярском округе Сибирского края.

Список литературы

1. ГАКК, Ф. П-10. Оп. 1. Д. 553.
2. ГАКК, Ф. П-15. Оп. 1. Д. 69.
3. ГАКК, Ф. П-15. Оп. 1. Д. 84.
4. ГАКК, Ф. П-17. Учётные карточки.

БИОГРАФИЯ ГЕОЛОГА М.Н. АФАНАСЬЕВА В ДОКУМЕНТАХ ЕГО
ЛИЧНОГО ФОНДА

*Кухта Светлана Васильевна, главный архивист
КГКУ «Государственный архив Красноярского края», г. Красноярск, Россия
svetla-90@mail.ru*

В статье на основе документов Государственного архива Красноярского края восстанавливается биография и анализируются воспоминания Михаила Николаевича Афанасьева (1905-2002) – почетного разведчика недр, стоявшего у истоков геологической службы Красноярского края.

Ключевые слова: биография, мемуаристика, геологоразведка, геология, месторождение, личный фонд.

THE BIOGRAPHY OF GEOLOGIST M.N. AFANASYEV IN THE DOCUMENTS
OF HIS PERSONAL FOND

*Kukhta Svetlana Vasilievna,
chief archivist, Krasnoyarsk regional state archive, Krasnoyarsk, Russia
svetla-90@mail.ru*

The article is based on the archival documents of the Krasnoyarsk regional state archive and describes the biography of Mikhail Nikolaevich Afanasyev (1905-2002) – an honorary prospector of mineral resources, who stood at the origins of the geological survey of the Krasnoyarsk region.

Keywords: biography, memoiristics, geological exploration, geology, deposit, personal fond.

Колоссальную роль в промышленном освоении Красноярского края в советский период, безусловно, сыграла геологоразведка. На создававшиеся разнообразные геологические учреждения была возложена задача обеспечения минерально-сырьевой базы огромного государства, и сотни профессиональных ученых, геологов-практиков, рабочих, начиная с 1930-х годов, вели систематическую разведку полезных ископаемых на самых отдаленных и труднодоступных окраинах Приенисейского региона.

В Государственном архиве Красноярского края помимо официальных документов геологических организаций сохранились разнообразные материалы об отдельных геологах-красноярцах. В числе таких материалов – личный фонд Михаила Николаевича Афанасьева, в составе которого традиционные документы личного происхождения: автобиографии, письма, рукописи статей, записные книжки, вырезки из газет, дипломы и фотографии, отражающие трудовую, научную и общественную деятельность фондообразователя, а также книги и журналы по геологической тематике.

Яркий представитель когорты геологов-подвижников, которые в 1930-е гг. первыми начинали целенаправленное и планомерное изучение минерально-сырьевых ресурсов юга Красноярского края, – Михаил Николаевич Афанасьев – родился 23 января 1905 года в г. Уфе в многодетной семье священника. Во время Гражданской войны Афанасьевы переехали в г. Новониколаевск, где Николай Львович продолжил свое служение и стал заметной фигурой в религиозной жизни города. О дальнейшей судьбе своих родителей М.Н. Афанасьев не рассказывал, за исключением упоминания в официальной справке о смерти отца в 1937 г. в г. Новосибирске и матери в 1958 г. в Кемеровской области [2, л.2].

Уже с 16 лет Михаил начал работать помощником библиотекаря в библиотеке при железнодорожной станции, одновременно учился в вечерней школе взрослых повышенного типа. С 1922 по 1927 г. был техническим конторщиком, затем помощником делопроизводителя технического отдела в службе движения станции Новосибирск. Продолжать образование не мог из-за «плохой материальной обеспеченности» и только в 1927 г. при поддержке брата Георгия поступил на 1 курс горного отделения 1-го Сибирского политехнического техникума им. К.А. Тимирязева в г. Томске, который окончил в 1930 г. с квалификацией горного техника-геологоразведчика.

По окончании учебы М. Н. Афанасьев был направлен в систему Западно-Сибирского геологоразведочного треста (г. Томск). В связи с намечаемым строительством Кузнецкого металлургического комбината и других металлургических заводов требовалось подготовить готовое к эксплуатации

сырье, для чего была создана Абаканская геологоразведочная партия по железу, прорабом которой стал Афанасьев. «Бессонный полуголодный утомительный путь, первый путь на геологическом поприще», – так он охарактеризовал дорогу до места базирования партии – хакасского поселка Абаза. До районного села Таштып геологи добрались лишь на четвертые сутки, значительную часть пути пришлось идти пешком, а из продовольствия у них был только хлеб. «[...] Стояла холодная погода и лил дождь. Ко всему этому дули сильные ветра, пронизывающие и перевивающие косточки даже сквозь полушубок и плащ. Тяжелым показался нам путь по Хакасской степи, длившийся четверо суток. Ночевали в степи, а не в населенных пунктах, т.к. нас напугали тем, что пошаливают банды. Ко всему этому кругом непроглядная степь – это громадное кладбище давно исчезнувших народов [...]», – вспоминал Михаил Николаевич [11, л.1,2,3].

В этом же году началась планомерная, сначала поверхностная, а затем глубокая разведка Абаканского месторождения, занимавшего по своим запасам и качеству руд одно из первых мест в Сибири. С 1 января 1931 г. М.Н. Афанасьев был назначен помощником начальника партии, а на месторождении начался второй этап – разбурка первого горизонта: «[...] Трудный это был год. Кадры буровиков, прибывавшие из Ленинграда [...] были неопытные. Плохо было с финансированием и снабжением продовольствием [...]» [8, л.1].

С уважением вспоминал Михаил Николаевич о своем первом наставнике в профессии – начальнике партии Константине Сергеевиче Филатове, который стоял у истоков создания в Западной Сибири и Красноярском крае железорудной базы, сырьевой базы редких металлов и был «высококвалифицированным специалистом, хорошим организатором и руководителем, верным товарищем».

В зимний период 1931-1932 гг. одновременно с камеральной обработкой полевых материалов М.Н. Афанасьев принимал активное участие в организации Хакасско-Минусинской геологоразведочной базы в г. Минусинске, в которую влилась и Абаканская партия, – это была первая на территории Красноярского края многоотраслевая крупная геологическая организация. В то же время участвовал в подготовке кадров для полевых работ, преподавая математику и физическую геологию на курсах коллекторов. В 1932-1933 гг. – начальник и технический руководитель Нижне-Кизирской поисково-разведочной партии по железу в Курагинском районе. В 1933 г., в связи с разворотом работ на поиск редких металлов, он был переведен во вновь организованное Западно-Сибирское отделение «Союзредметразведка» и назначен начальником Башцелакской поисково-разведочной партии по монациту (сырья для производства некоторых редкоземельных металлов) в Алтайском крае. С апреля 1936 г. перешел на должность прораба Тагашетской партии, целью которой была разведка месторождения радиоактивных руд в Курагинском районе. Там он работал вместе с первооткрывателем руд крестьянином из с. Тагашет И.Г. Прохоровым. Позднее в Канском районе руководил работами по добыче и обогащению в Таракской промразведке на россыпном монацитовом месторождении.

Сын Афанасьева Борис Михайлович так писал о трудностях геологической службы в 1930-е гг.: «Отец начинал свой путь в геологии в те годы, когда начальник геологической партии, где-нибудь в далеком таежном тупике, был одновременно и фельдшером, и блюстителем порядка, и просто самым грамотным человеком. В последние годы своей жизни он с особым увлечением вспоминал это время, вспоминал и разные эпизоды из своей многолетней геологической жизни. Например, как в тридцатые годы в декабрьскую стужу отправился в ватнике и плаще поверх него, с небольшой железной печуркой в рюкзаке в глухую саянскую тайгу на проверку заявки на молибден от местного жителя – «свыше» требовали проверить заявку немедленно, не дожидаясь летнего полевого сезона» [5, с.202-203].

В годы Великой Отечественной войны Михаил Николаевич проводил поиски и разведку месторождений вольфрама и золота в Мариинской тайге. С 1946 г. – полевая работа в системах треста «Союзспецразведка», Союзного Сибирского геофизического треста, геологического управления «Енисейстрой» МВД СССР. В 1947 г. Михаил Николаевич вновь был назначен начальником партии по монациту в с. Курыш Канского района. «[...] Работа моя проходила след[ующим] образом. День бывал в Курыше в Енисейской экспед[иции], затем занятия на курсах коллекторов, а поздно вечером – это еще было зимой, уходил на лыжах на реч. Казачью, брал с собой хлеб, сахар и сливоч[ное] масло, иногда икру кабачковую. Спал в бараке на скамейке, положив под голову полев[ую] сумку и на нее шапку. Спал, не раздеваясь, лежал возле печки железной. Утром на лыжах с горн[ым] мастером доходил участок, просматр[ивал] пройденные шурфы и намечал новые линии [...]», – вспоминал об этом периоде геолог [10, л.11-12].

В 1949 г. ему довелось в должности старшего геолога Красноярской аэромагнитной партии непосредственно участвовать в ранних аэромагнитных съемках на территории Средней Сибири.

Частая смена мест службы объяснялась не только спецификой профессии геолога, но и бескомпромиссным характером Михаила Николаевича, который обращал внимание руководства на все недостатки в трудовом процессе. Кроме того, продолжало сказываться непролетарское происхождение – больших должностей ему не давали. В рукописи воспоминаний, озаглавленной «Некоторые драматические моменты в моей жизни и трудовой деятельности», он отмечает, что только в 1955 г. «получил полные права гражданства», и позднее отца-священника ему уже не припоминали [10, л.17об.].

Михаил Николаевич Афанасьев принимал активное участие в становлении геофизических методов исследований в Красноярском крае – в 1948-1949 гг. был начальником первой в Сибири Томской геофизической экспедиции, которая с первых дней работала на территории Красноярского края; в 1950 – 1952 гг. – начальником Уленьской геофизической партии (Усть-Абаканский район); в 1954-1962 гг. – старшим (затем – главным) геологом первой крупной в Красноярском крае Темир-Туимской геофизической экспедиции (Аскизский, Таштыпский районы). Он проводил пионерные площадные геофизические работы в Кузнецком Алатау, делал это с присущим ему энтузиазмом, стал наставником для молодых сотрудников и примером добросовестного отношения к работе. Тогда он укрепился во мнении о необходимости проведения комплексных геолого-геофизических и геохимических исследований и на долгие годы стал их пропагандистом.

С мая 1962 по февраль 1964 гг. М.Н. Афанасьев – начальник тематической партии № 5 Центральной геофизической экспедиции Красноярского геологического управления; в 1964-1968 гг. – старший геолог Кизирской каротажной партии той же экспедиции. С 1968 г. и до выхода на пенсию в конце 1985 г. работал главным (старшим) геологом Центральной геохимической экспедиции Красноярского геологического управления, занимаясь организацией геохимических исследований в Красноярском крае. В 1974 г. руководство управления дало ему такую характеристику: «Неутомимый организатор и высококвалифицированный геолог, руководил многими геологическими партиями и экспедициями. С 1968 года Афанасьев М.Н. в качестве главного геолога Центральной геохимической партии успешно внедряет новые методы геохимии в практику работ партий Красноярского геологического управления. В коллективе геологов Афанасьев М.Н. пользуется большим уважением и авторитетом за скромность, дисциплинированность и безупречность в работе.[...]» [6, л.2].

За внедрение площадных комплексных геофизических и геохимических методов исследований, участие в разработке методики геохимических поисков рудных тел и месторождений в 1985 г. году ему было присвоено звание «Почетный разведчик недр». Помимо этого, М.Н. Афанасьев был награжден орденом «Знак почета», многими ведомственными наградами: знаком «Отличник разведки недр», медалью «За заслуги в разведке недр», памятным знаком «Триста лет горно-геологической службе России» и др.

М. Н. Афанасьев выполнял большую общественную работу – был членом Красноярского краевого правления НТО-горное, бюро научно-методического совета Красноярской краевой организации общества «Знание», заместителем ректора народного университета геологических знаний при Красноярском геологическом управлении.

Михаил Николаевич – автор и соавтор около 30 научных публикаций, в том числе ряда статей и очерков по истории геологической службы Средней Сибири: «У истоков», (Красноярск, 1989 г.), «У истоков геохимических исследований» (Красноярск, 1997 г.) и др. Для их подготовки он вел обширную переписку с ветеранами отрасли, собирал фотографии, воспоминания, факты, обобщал материал. Сокрушался, что слишком поздно взялся за это исследование, так как к началу 1980-х многих геологов – его ровесников уже не было в живых. «[...] Мне в январе пошел 80-й год, а работы невпроворот, и работа интересная, и хочется ко всему написать кое-какие воспоминания, часть из которых я уже написал. За годы работы в Центральной геохимической партии я много бывал на сессиях, семинарах, совещаниях и т.д. (всесоюзных и региональных), побывал во многих городах [...]. Но это все уже позади, сейчас история», – отмечал он в одном из писем бывшему коллеге в 1984 г. [7, л.6-6об.].

Романтик по натуре, в юности мечтавший стать моряком или оперным певцом, Михаил Николаевич любил верховую езду, лыжи, армрестлинг и цветы. Обширная география его геологических маршрутов нашла отражение в гербарии, начатом еще в 1928 г.

На протяжении десятилетий в экспедициях его сопровождала жена Елена Игнатьевна – уроженка Абазы, вместе с которой они воспитали четверых детей. Старший сын Борис пошел по стопам отца, стал кандидатом геолого-минералогических наук и посвятил свою жизнь исследованию земных недр.

Умер М.Н. Афанасьев 8 ноября 2002 г. Его трудовой стаж насчитывал рекордные 66 лет, в том числе почти 50 лет в Красноярском крае. Он прожил длинную, интересную жизнь, сохраняя

принципиальность, честность, жизнелюбие и до последних дней оставаясь преданным геологии – этому созидательному труду, сочетающему в себе опасности и рутину, усталость и романтику поиска и открытия.

Список литературы

1. ГАКК. Ф.П-1080. Оп. 1. Д. 46.
2. ГАКК. Ф. П-1080. Оп. 1. Д. 47.
3. ГАКК. Ф.П-1080. Оп. 1. Д. 70.
4. ГАКК. Ф.П-1080. Оп. 1. Д. 74.
5. ГАКК. Ф.П-1080. Оп. 1. Д. 75.
6. ГАКК. Ф.П-1080. Оп. 1. Д. 79.
7. ГАКК. Ф.П-1080. Оп. 1. Д. 150.
8. ГАКК. Ф.П-1080. Оп. 1. Д. 191.
9. ГАКК. Ф.П-1080. Оп. 1. Д. 195.
10. ГАКК. Ф.П-1080. Оп. 1. Д. 207.
11. ГАКК. Ф.П-1080. Оп. 1. Д. 209.

УДК 55(094)

**«ОТ УЧИТЕЛЕЙ ЗАВИСИТ БУДУЩЕЕ ДЕТЕЙ».
ЖИЗНЕННЫЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ УЧИТЕЛЯ ИСТОРИИ М.К. ШОРИКОВА
(ПО ДОКУМЕНТАМ КГКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ»)**

*Соколова Евгения Васильевна, ведущий архивист
КГКУ «Государственный архив Красноярского края», г. Красноярск, Россия
evg3984442@yandex.ru*

В статье на основе документов Государственного архива Красноярского края рассказывается о жизненном пути Михаила Киприяновича Шорикова – учителя истории в школе № 10 г. Минусинска, позднее инструктора отдела учебных заведений и науки Красноярского крайкома КПСС. Михаил Киприянович, на основе своего опыта работы в школе и высших учебных заведениях, разрабатывал программы преподавания истории для школ, а также был одним из инициаторов введения уроков патриотического воспитания.

Ключевые слова: учитель, школа, педагог, история образования, биография, Шориков.

**"THE FUTURE OF CHILDREN DEPENDS ON TEACHERS" THE LIFE AND PROFESSIONAL PATH
OF THE HISTORY TEACHER M.K. SHORIKOV (ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE
KGKU "STATE ARCHIVE OF THE KRASNOYARSK TERRITORY")**

*Sokolova Evgeniya Vasilyevna
The leading archivist of the KGKU "State Archive of the Krasnoyarsk Territory"
, Krasnoyarsk, Russia
evg3984442@yandex.ru*

The article, based on the documents of the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, tells about the life path of Mikhail Kiprianovich Shorikov, a history teacher at school No. 10 in Minusinsk, later an instructor of the Department of educational institutions and Science of the Krasnoyarsk Regional Committee of the CPSU. Mikhail Kiprianovich, based on his experience in school and higher education institutions, developed history teaching programs for schools, and was also one of the initiators of the introduction of patriotic education lessons.

Keywords: teacher, school, teacher, history of education, biography, Shorikov.

2023 г. был объявлен в России Годом педагога и наставника. Профессия учителя в современном мире востребована и является важной составляющей жизни общества. Педагог отвечает за обучение и воспитание подрастающего поколения, формирование его личностных ориентиров, мировоз-

зрения и гражданской позиции. Сегодня государство проявляет особый интерес к педагогическому и, в частности, историческому образованию, находится в поиске оптимальной модели подготовки будущих учителей. В связи с этим важно обратиться к истории становления системы образования, в том числе к работе учителей советской школы, которые на практике создавали и реализовывали свои программы преподавания.

На хранении в Государственном архиве Красноярского края находится значительное количество архивных документов, позволяющих рассмотреть историю развития образования в Енисейской Сибири. Часть этих документов относится к деятельности учителей и педагогов. Так, представляющим интерес, является биография Михаила Киприяновича Шорикова – учителя истории в школе № 10 г. Минусинска, позднее инструктора отдела учебных заведений и науки Красноярского крайкома КПСС.

Родился Михаил Киприянович в 1918 г. в д. Большая Кочевка Ирбитского района Свердловской области. Примеров в учительской профессии для Шорикова стал его отец, который также был учителем. В семье большое внимание уделяли на воспитание, обучение и трудовой закалке. «Каждый в семье отвечал за определенный участок работы, при этом не забывая отдавать время изучению наук». В 1943 г. окончил Пермский педагогический институт и приехал в Минусинск. Там он начал работу в качестве учителя истории. Как все советские учителя тех лет, воспитанные в идеологии своего времени, жил по принципам: «Умей во все дела впрягаться», «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Как Шориков сам отмечает в своей автобиографии: «Был молод, полон сил и энергии и безмятежно любил свою школу. Много читал, всегда был в курсе событий страны и мира на основе советских СМИ, активно включался в общественную работу». Об опыте работы педагогом Михаил Киприянович вёл записи, заметки. Он старался записывать все идеи и «хитрости» вовлечения учеников в процесс познания истории.

Преподавал в школе историю постоянно, но кроме этого вёл уроки черчения, рисования (любил с детства рисовать), машиноведение, электротехники, в молодости и уроки физкультуры. С ведением производственного обучения в школе готовил и трактористов. «Школа не имеет права работать нехотя. Она – важнейшее звено общества, и оговорки вроде «в глубинке и так сойдет» преступны» – говорил Михаил Киприянович. В своих записях он вспоминал: «Самый грустный день у меня был тогда, когда узнал, что один из учителей недостойно вел себя... Горько было сознавать, что человек опорочил высокое звание учителя... Среди качеств, абсолютно необходимых учителю, я бы назвал любовь к детям, знание предмета, широкий общий кругозор, духовную ясность и, конечно, терпение и оптимизм». Важнейшим качеством самого Михаила Киприяновича можно назвать способность замечать в людях хорошее. Его главное правило работы – «От учителей зависит будущее детей».

Шориков много внимания в работе уделял построению диалога с учениками, побуждения их интереса к изучению. «Многие считают историю трудным предметом, но их пугает не сама история, а тот барьер, который мешает усвоению материала: ученик никак не может победить неуверенность в себе». Пытливый и одаренный ученик – это первый помощник учителя. В преподавании истории Михаил Киприянович опирался на консультантов, в каждом классе имелись группы, которые превращали «страшный» предмет в понятный.

Изучение истории Родины начинали школьники с учебника Т.С. Голубевой и Л.С. Геллерштейна «Рассказы по истории СССР» для 4 класса. Материал в нём изложен доступным языком, просто и занимательно, в этом учебнике яркие красивые иллюстрации. Это на самом деле рассказы по истории, ориентированные на возраст детей. В 5 классе дети изучали Историю Древнего мира, попадая в мир борьбы измученных рабов с античными эксплуататорами. Учебник посложнее, как и сам материал: нелегко ребенку в таком возрасте постигнуть эры, этапы развития человеческого общества. По старой программе 2 года, весь пятый и шестой класс изучали Всемирную историю. Затем весь 7 класс шла история СССР, на уроках с чувством, с толком и расстановкой детям рассказывали о беспримерной борьбе нашего народа со всевозможными завоевателями и «боярами-кровопийцами». 8 класс – изучалось Новое время, из которого учащиеся узнавали о зарождении и сущности капитализма и о неизбежности революций. 9 класс – опять советская история, и снова доскональное изучение только уже русской освободительной, а затем и революционной борьбы пролетариата до 1917 года. В 10-м учащихся ждал серьезный разбор этапов строительства социализма, победы в Великой Отечественной войне и борьбе за мир во всем мире. Как отмечал сам Шориков, недостатки были и в систе-

ме распределения часов на отдельные темы, и некоторые недочеты встречались в учебниках, но «система была, и она приносила неплохие результаты».

Историческое образование советского периода было неразрывно связано не только с историей как с наукой, но и как с инструментом в воспитании школьников. По вполне понятным причинам воспитание молодого поколения в духе патриотизма, любви к своей Родине, готовности ее защищать оставалось одной из главных задач советской школы в военных условиях. В объяснительной записке к школьным программам по истории указывалось, что «на учителя возлагается задача – воспитать юношей и девушек как подлинных патриотов, безгранично любящих нашу Родину, на героических традициях прошлого народов СССР и прогрессивного человечества», а также «воспитывать в учащихся чувство священной ненависти к фашистским захватчикам, вероломно вторгшимся в нашу страну, временно захватившим часть нашей территории и осквернившим ее своими неслыханными злодеяниями». Работу в этом направлении вел и Михаил Киприянович Шориков. Начиная свой профессиональный путь учителя в годы Великой Отечественной войны, Михаил Киприянович отводил много времени на уроках для разговоров с учениками о важности идеологического объединения перед лицом врага. В своих записях при подготовке к урокам он отмечал: «Знание боевых традиций и героического прошлого народов нашей страны чрезвычайно важно и необходимо в настоящих условиях. Воспитание новых поколений в духе этих боевых традиций – одно из оружий, способных ускорить победу над врагом». Она же отмечала: «Никогда роль советского учителя не была так велика и ответственна, как в настоящее время». В послевоенные годы роль патриотического воспитания не снижалась. Педагоги в СССР отвечали не только за предметное обучение, но и за формирование марксистско-ленинского мировоззрения, что реализовывалось ими как на уроках истории, так и вне учебного процесса.

Яркой и важной страницей в работе в школе был дружный и слаженный в работе коллектив учителей. Как и самому молодому учителю Шорикову старшие коллеги помогали влииться в учебный процесс, так и он сам всегда умел найти доброе слово поддержки начинающему учителю. «В то время жили все одинаково – Вспоминал Михаил Киприянович – никто особо не выделялся в материальной обеспеченности, поэтому без особых приглашений приходили друг к другу в гости, устраивали общие вечера, которые всех нас сближали, роднили. В таком доброжелательном коллективе, и мы, и вновь прибывшие, чувствовали себя увереннее. Помню, приехали две учительницы математики, обе Ларисы Ивановны. Очень полюбили их ученики».

Качество преподавания в школе ценилась превыше всего, каждый из учителей чувствовал ответственность за подготовку учеников по своему предмету. Выпускники школы в большинстве своём поступали в высшие учебные заведения. В районе работало методическое объединение историков на базе семинаров Минусинской средней школы. На семинары ездили на специальном автобусе. Проводились открытые уроки, выступления по вопросам методики преподавания, «это были полезные запоминающиеся мероприятия».

Материальная обеспеченность школы средствами обучения была слабой: учебники, мел, классные доски и небольшой набор наглядных пособий. В первые послевоенные годы в школе не было даже ставки завхоза, бухгалтера, секретаря и делопроизводителя, вся работа возлагалась на директора. Кабинетной системы в те годы не существовало. Каждый класс учился в своей классной комнате, «мы своими усилиями вместе с учениками оборудовали классные комнаты наглядностью – вспоминал Шориков – было даже организовано соревнование классов, кто лучше оборудует классную комнату, у кого постоянно меняются рубрики на стендах». Библиотека школы по тем временам была довольно богатой, что давало возможность найти необходимую информацию.

Зарплата учителя зависела от количества часов по предмету. «Помню, что по тем временам я зарабатывал хорошо. Хватало обеспечить семью, а она у меня была немалая – шесть человек, жена и трое детей, двое из них ученики». Кроме воспитательной работы в процессе преподавания коллектив учителей школы много внимания уделял воспитанию школьников, в первую очередь, приучая детей к труду и направляя их в рабочие профессии. Старшеклассники работали на уборке урожая, в школе они были надёжной опорой учителей. В школьном коллективе чувствовалось единство учителей и учащихся, поэтому проблем с дисциплиной не существовало.

Школа была включена в общественную жизнь города и района. Этому особенно способствовало развитие художественной самодеятельности, в которой участвовали учителя и ученики. С концертами выезжали в соседние деревни и на районные смотры художественной самодеятельности, «в этой работе я принимал непосредственное участие, так как работал не только учителем истории, но и организатором внеклассной работы».

Большими праздниками в то время были выборы в Советы народных депутатов сельских, районных, областных, в Верховные Советы РСФСР и СССР. На учителей возлагалась обязанность быть агитаторами, работа в участковой избирательной комиссии. Михаил Киприянович принимал самое активное участие в общественной жизни города. В 1955-1960 гг. он был инструктором отдела учебных заведений и науки Красноярского крайкома КПСС, 1960-1971 гг. – председатель Красноярского крайкома профсоюза работников просвещения высшей школы и научных учреждений. Эти годы отмечены активной работой профсоюза в национальных округах – как раз тогда прошел первый съезд учителей Эвенкии и Таймыра. В 1963 году краевая организация профсоюза разделилась на две самостоятельные – сельскую и промышленную. Однако уже через два года они вновь объединились в одну. В 1971-1986 гг. уже стал преподавателем в Красноярском институте цветных металлов, Сибирском технологическом институте, Красноярском филиале Всесоюзного института повышения квалификации руководящих работников и специалистов Лесбумпрома. Регулярное присутствие на сессиях Совета вовлекало в решение злободневных вопросов жизни города. «Лично я чувствовал свою причастность к жизни всей страны, значимость своей работы и это окрыляло, придавало силы. Бывало, что и не спал ночь, готовясь к урокам или к докладу на сессии Совета. Конечно, важным фактором душевного состояния была молодость и присущее ей ощущение счастья, всё было проще и легче».

Вклад Михаила Киприяновича в развитие народного образования был отмечен званием «народный учитель» и значком «отличник народного просвещения». Также имел ордена: Красной звезды, «Знак почёта»; медали: «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Сохранившиеся материалы о работе учителей Красноярского края дают возможность изучить систему образования региона, увидеть с какими трудностями приходилось сталкиваться педагогам и как развивалось урочное планирование и составление годовых учебных программ. Рассмотрев профессиональный путь Михаила Киприяновича Шорикова можно отметить, что преподаванию истории уделялось значительное внимание, так как через историю и общественные науки проходило становление «нового человека», что являлось главной целью Советского государства на пути построения коммунизма. Единство учебного, научного и воспитательного процессов обеспечивало глубокий уровень теоретической, практической и идеологической подготовки школьников. И эта важнейшая задача передачи знаний и воспитания стояла перед учителями и педагогами, в том числе и такими, как Михаил Киприянович Шориков.

Список литературы

1. ГАКК. Ф. Р-2416. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКК. Ф. Р-2416. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАКК. Ф. Р-2416. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАКК. Ф. Р-2416. Оп. 1. Д. 8.
5. ГАКК. Ф. Р-2416. Оп. 1. Д. 10.

ОБЛИК ГОРОДСКОЙ ПРОСТИТУЦИИ В 1920-х гг. НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ
Г. КРАСНОЯРСКА

*Нестеренко Дарья Николаевна, ассистент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
d.n.matveeva@mail.ru*

В статье рассматривается феномен предоставления сексуальных услуг в локусе города Красноярска в 1920е гг. как формы отклоняющегося поведения. Трансформация общества в этот период времени влияла на портрет городской проституции, а также определения ее места в системе общественных норм и ключевых властных суждений. Анализ исторических источников позволил сделать вывод о ключевых повседневных конструкциях, с которыми был связан рынок предоставления сексуальных услуг в репрезентации города Красноярска.

Ключевые слова: сексуальная коммерция, Красноярск, проституция, маргинальные элементы, 1920е гг.

THE OVERVIEW OF THE CITY PROSTITUTION in the 1920s. ON THE EXAMPLE OF MATERIALS
OF THE CITY OF KRASNOYARSK

*Nesterenko Daria Nikolaevna
Assistant, Siberian Federal University, Krasnoyarsk
d.n.matveeva@mail.ru*

The article deals with the phenomenon of providing sexual services in the locus of the city of Krasnoyarsk in the 1920s as a form of deviant behavior. The transformation of society in this time period influenced the portrait of urban prostitution, as well as the definition of its place in the system of social norms and key power judgments. The analysis of historical sources allowed us to draw conclusions about the key everyday constructions with which the market of sexual services was associated in the representation of the city of Krasnoyarsk.

Keywords: sexual commerce, Krasnoyarsk, prostitution, marginal elements, 1920s.

Исторически детерминированный социально-исторический феномен проституции – система предоставления и потребления сексуальных услуг.

Различные формы девиаций служат отражением повседневной жизни социума. Сексуальная коммерция на современном этапе является одной из дискуссионных для исследователей целого спектра наук. В таком контексте является актуальным изучение этапов определения отношения советской власти к рынку интимных услуг в исторической ретроспективе, так как это позволяет учесть опыт выработки государственных решений по отношению к маргинальным элементам. Исследование основано на неопубликованных архивных источниках.

1920-е гг. – период, который важно рассматривать с точки зрения трансформации морально-этических норм. Также, важно рассмотреть феномен проституции как форму девиантного поведения в повседневной жизни города в данный период времени, так как это помогает познать реальность во всем ее многообразии. Целью статьи является рассмотрение проституции как формы городской девиации на примере г. Красноярск в 1920-х гг.

В период Гражданской войны спрос на услуги проституток резко упал, так как голод снизил половую активность [9, с. 381]. Более того, проследить за динамикой численности проституток не представляется возможным с 1917 по 1920 гг. в губернии, так как органы милиции имели совершенно иные задачи, например, поимка дезертиров.

Гражданская война и разруха стали факторами пополнения контингента преступников. Без жилья и средств к существованию осталось огромное количество безработных людей. Как отмечает заместитель народного комиссариата внутренних дел «вот то сырье, из которого фабрикуется товар – преступник» [8, л. 51].

Переход к НЭПу, возвращение к денежному обращению и нормализация повседневной жизни активизировали проституцию в традиционном виде. Это повлекло различные властные инициативы, направленные на формирование нового отношения к нормам и патологиям [9, с. 384]. Не признавая

торговлю любовью своеобразным видом трудовой деятельности, большевики не считали избранный продажными женщинами образ жизни аморальным.

В бытовом пространстве жизнь женщин, занимавшихся торговлей собственным телом, была связана с пьянством, наркоманией, криминальным миром. В г. Красноярске также фиксировались случаи продажи опиума, которая могла сопровождаться азартными играми прямо на бульварах города [6, л. 205].

Женщины воспринимали проституцию как форму заработка, основной род деятельности, и зачастую, когда они уже растратили молодость и красоту, оказывались на обочине жизни. С другой стороны, в 1920-е гг. среди некоторых врачей было распространено мнение о том, что корни проституции кроются не в материально-экономическом положении женщины, а в ее стремлении к смене партнера [1, л. 19].

Новая социалистическая модель осуждала сторону спроса, поэтому во многом была сходна с религиозно-нравственными установками, в отличие от дореволюционной модели «милости к падшим». Непримируемость властных структур по отношению к потребителям услуг продажной любви. В Уголовном Кодексе РСФСР 1922 г. содержатся статьи, предусматривающие наказание за притоносодержательство, принуждение к занятиям проституции, сексуальную коммерцию несовершеннолетних. С другой стороны, с проститутки снималась уголовная ответственность за торговлю собственным телом. Например, 6 мая 1925 года в Красноярске извозчик А. Симанчук по просьбе нанявшего его пассажира В. Ломаносова отвести туда, «где можно повеселиться», привез его на улицу Марковского д. 57 к А. И. Михайлову, 23 года, женатый, крестьянин, неимущий, который после того спросил, не требуется ли Ломаносову «девочка». Последний изъявил согласие. Ночлег стоил 3 рубля, услуги проститутки – 1 рубль. Наказание – лишение свободы на 4 года с конфискацией имущества [12, л. 3]. Проститутке на момент задержания был 21 год, милиция ее отпустила, так как судили только за притоносодержательство, а не за продажу своего тела. Она заявила, что «исправляться» не собирается.

В то же время, фиксировалось огромное количество преступлений, милиция не могла оперативно реагировать на весь пласт уголовных дел по причине своей перегруженности [4, л. 1].

Целые семьи ввиду деклассирования и маргинализации начинали торговать самогоном, открывали постоянные дворы, где собирались маргинальные элементы [7, л. 7]. Постояльные дворы могли быть лишь маскировкой для притонов, где происходили выпивки, азартные игры и занятия проституцией. Содержатели таких домов могли быть привлечены к уголовной ответственности. Множество притонов находилось на центральных улицах города Красноярска – ул. Ленина, Профсоюзов, Республики, Робеспьера, Дубровинского. Милиция до 1926 г. не производила принудительных облав проституток. Все это делалось для того, чтобы не допускать принудительного освидетельствования, таким образом, оградить женщину от произвола административных сотрудников, не использовать насильственных действий по отношению к ним.

Нравственное падение общества являлось источником проституции. Число проституток возросло к 1920-м гг. [7, л. 75]. Переход к нэпу ознаменовал целый ряд причин, которые способствовали быстрому росту числа проституток. Во-первых, это резкое увеличение числа безработных женщин. Женская безработица была огромной проблемой, так как большинство женщин не были квалифицированными.

В г. Красноярске явление проституции обуславливалось в большей степени социальными условиями жизни. На учете в 1923 г. в городе состояло 180 проституток и 43 притона [5, л. 15]. Контингент проституток в городе пополнялся за счет приезжающих. Некоторые приезжающие заявляют, что если им дадут работу, то они не будут дальше заниматься проституцией, но Женотдел делал несколько попыток устройства на работу женщин, но ничего не вышло. Милиция отводит для них отдельную графу и называет «злостные проститутки», то есть такие типы, которые не поддаются исправлению. Есть случаи проституции среди малолетних и некоторые из них зарегистрированы в Вендиспансере. Это явление наблюдается среди детей 8-9 лет. Проститутки главным образом, происходят из деревенских девушек, поступивших на «службу» в город.

В годы Гражданской войны появилось очень много сирот, эта ситуация обострялась и привела к детской и подростковой преступности. Беспорядочность близ железных дорог – одна из тех проблем, которую пыталась разрешить Красноярская Гормилиция. Зачастую притоны становились дешевым приютом и видом заработка для беспорядочников [2, л. 56]. Начинает процветать детская проституция.

Интересно также и то, что проститутки могли вербовать заниматься промыслом разврата малолетних детей, предоставляя им дом и еду, но при этом, принуждая к торговле своим телом [7, л. 45]. Торговали собой преимущественно девочки-беспризорницы, втянутые в занятия проституцией. Путь на панель мог начинаться с насилия со стороны родителей. В мире несовершеннолетних «блатных», преступников и подростков нередки случаи, что их сожительницами являются девочки в возрасте 12-14 лет [5, л. 18].

По субботам и воскресеньям в городе деклассированные элементы занимались распитием алкогольных напитков. Обычно для этого они находили какие-то неприметные, небольшие дома, содержанием дома обычно выступала женщина, которая не имела других средств к существованию, и поэтому содержала такого рода притон [7, л. 180]. Скученность в плане жилищных условий, процветающий алкоголизм и сомнительные ночлежки – все это создавало почву для социальных болезней и преступлений. По берегу Енисея в г. Красноярске маргинальные элементы занимали бесхозные помещения. Например, Жилищный отдел Горкуммунхоза просил выселить из помещения на берегу реки Енисея в переулке Диктатуры бывшей водоканчки бани Ковского самовольно занявших ее лиц А. Кузмину, С. Дмитриеву, Е. Булачеву, У. Карпову и Н. Афанасьева, ввиду того, что в «названном доме образовывается нечто вроде притона пьянства, проституции и вообще разврата» [6, л. 2].

Таким образом, большевики не смогли признать проституцию специфическим ремеслом, отдельным видом труда, но в то же время не ввели в 1920-х гг. уголовного наказания за нее. Можно сказать, что трудотерапией новая власть проводила политику реабилитации девиантов. Повседневная жизнь города, ввиду нравственного падения общества в период Гражданской войны приводила к постоянно растущей группе маргинальных элементов, в том числе проституток. Начала распространяться детская проституция. Девианты создавали особую городскую среду, которая выходила за рамки нормативно-правового и морального контроля, но при этом являлись постоянно пополняющейся системой.

Список литературы

1. ГАКК. Ф. 136. Оп. 1. Д. 707.
2. ГАКК. Ф. П.-1. Оп. 1. Д. 742.
3. ГАКК. Ф. Р.-12. Оп. 1. Д. 471.
4. ГАКК. Ф. Р.-153. Оп. 1. Д. 27.
5. ГАКК. Ф. Р.-319. Оп. 1. Д. 174.
6. ГАКК. Ф. Р.-741. Оп. 1. Д. 188.
7. ГАКК. Ф. Р.-743. Оп. 2. Д. 6.
8. ГАКК. Ф. Р.-745. Оп. 2. Д. 8.
9. Лебина Н.Б. Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 483 с.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В ДОКУМЕНТАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВОГО
СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ С 1946 ПО 1960 г.

*Рубан Александр Алексеевич, аспирант
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
911911alexandr@mail.ru*

Источниковая база исследования базируется на документах исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся с 1946 по 1960 гг. Материалы документов дают представление о развитии системы здравоохранения в Красноярском крае в данный период. Анализируются строительство и финансы, управление, меры борьбы с эпидемиями, общее здравоохранение, экология.

Ключевые слова: система здравоохранения, крайисполком, послевоенный период, эпидемии, Красноярский край.

REFLECTION OF THE PROCESSES OF DEVELOPMENT OF THE HEALTHCARE SYSTEM IN THE
DOCUMENTS OF THE EXECUTIVE COMMITTEE OF THE KRASNOYARSK REGIONAL COUNCIL
OF WORKERS DEPUTIES FROM 1946 TO 1960

*Ruban Alexander Alekseevich
Postgraduate student, Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
911911alexandr@mail.ru*

The source base of the research is based on the documents of the Executive Committee of the Krasnoyarsk Regional Council of Workers Deputies from 1946 to 1960. The materials of the documents give an idea of the development of the healthcare system in the Krasnoyarsk Territory during this period. Construction and finance, management, epidemic control measures, feedback, general healthcare, ecology are analyzed.

Key words: healthcare system, regional executive committee, postwar period, epidemics, Krasnoyarsk region.

В военный период Красноярский край стал центром эвакуации крупных промышленных заводов и научных центров, что привело к экономическим и экологическим изменениям, получившим развитие на следующем этапе. Отдаленность от центральных районов страны, а также более суровые климатические условия вносили свою специфику в показатели заболеваемости и уровня здоровья местного населения. Эти факторы оказали влияние на развитие системы здравоохранения Красноярского края.

Исследованием системы здравоохранения СССР в послевоенный период занимались Араловец Н.А. [1], Бякина В.П. [2], Давыдова Т.В. [3], Комаров Ю.М. [4], Фадеев А.В. [5] Опубликованы работы, в которых исследуются система здравоохранения в Карелии (Вавулинская Л.И. [6]), Удмуртии (Шубин Л.Л. [7]), Кемеровской области (Боровикова З.В. [8]), в Красноярском крае (Ханенко Б.Н. [9]). Кроме того, косвенно эта тема рассмотрена в работах И.В. Копылова [10] и Гониной Н.В. [11], но в целом система здравоохранения региона в это время остается малоисследованной.

В фокусе внимания данной работы находится комплекс документов Красноярского крайисполкома как один из значимых источников по развитию системы здравоохранения в регионе в период 1946 – 1960 гг.

Документы крайисполкома включены в фонд Ф.Р-1386 «Исполком Красноярского крайсовета Государственного архива Красноярского края». Фонд содержит 5 описей, – всего 11143 дела. Для объекта исследования интерес представляет опись 1, содержащая протоколы заседаний местного органа власти и документы к ним (постановления, решения, приказы, докладные, справки, просьбы, записки и др. документы) с 1934 по 1994 гг. К позитивным характеристикам описи фонда следует отнести электронный доступ к материалам и наличие аннотаций с содержанием дела, упрощающих поиск нужной информации. В тоже время к делам с 1947 г. удаленный доступ отсутствует, – для работы с документами необходимо посещение читального зала ГАКК.

18 марта 1946 года Верховный Совет СССР принял план восстановления и развития народного хозяйства на 1946-1950 гг., который предусматривал повышение государственных расходов по сравнению с довоенным периодом. Было запланировано увеличение числа больничных коек, числа мест в постоянных детских яслях; расширение сети детских и женских консультаций, детских больниц и молочных кухонь; восстановление сети домов отдыха и санаториев и увеличение в них количества мест; обеспечение медицинским обслуживанием инвалидов Отечественной войны; увеличение производства медикаментов, медицинских инструментов и оборудования в 1950 г. на 85% по сравнению с 1940 г. [12, с. 285-287]

В рамках реализации 4-й пятилетки, 26 апреля 1947 г. крайисполком принял план капитального строительства на текущий год по здравоохранению. В этот план вошло финансирование строительства райбольниц в Рыбинском и Козульском районах, сельбольниц на Таймыре, в Эвенкии, Тасеево, в Емельяновском районе, райяслей в Шушенском [13, л. 26].

В проекте плана развития народного хозяйства Красноярского края на 1948 г. утверждалось строительство больниц в Минусинске и Иланске, роддома в Канске, районной больницы в Алтайском районе и 4 сельских больниц. Планировалось увеличить количество больничных коек, и сеть фельдшерско-акушерских пунктов. Предусматривалось увеличение количества мест в яслях и на курортах [14, л. 26]. Бюджет на здравоохранение увеличился на 1/3 по сравнению с 1947 г. Такая тенденция в проекте расходов бюджета наблюдалась и в других отраслях [14, л. 62-63]. Документы фонда дают представление о своевременных мерах крайисполкома в рамках реализации пятилетки по здравоохранению, но отсутствуют статистические данные, позволяющие судить об эффективности этих решений.

В соответствии с положением о медицинском совете, утвержденным Министром Здравоохранения РСФСР М.Д. Ковригиной [15, л. 61-62], 23 апреля 1953 года решением крайисполкома с целью улучшения обслуживания населения края в сфере здравоохранения организован медицинский Совет крайздрава. В план работы на 1953 год вошли вопросы о лечебно-профилактическом обслуживании детей в Красноярске, Ачинске, Черногорске, о медицинском обслуживании рабочих совхозов, МТС, рабочих горнорудной промышленности и мерах снижения заболеваемости с потерей трудоспособности [15, л. 56-57]. Данный источник скорее указывает на общую политику по улучшению здоровья рабочих и детей в стране в это время, а не отражает решение конкретной проблемы медобслуживания в регионе.

17.12.1956 г. крайисполкомом было принято решение «О дальнейшем улучшении структуры по системе здравоохранения края» [16, л. 37]. С 1 января 1957 г. были упразднены райздравотделы и санитарно-эпидемиологические станции в районах края. Они объединялись с районными больницами, все имущество реорганизуемых учреждений передавалось на бюджет районных больниц [16, л. 37, 39]. В тоже время было решено оставить необъединенными райгорздравотделы и санэпидстанции в Ачинском, Канском, Минусинском, Назаровском, Рыбинском, Удереиском, Боготольском районах, городах Ачинск, Игарка, Канск, Минусинск, Абакан, Черногорск, Норильск [16, л. 37, 40]. Таким образом, объединение не происходило в промышленных районах и городах, так как в них находились предприятия загрязняющие атмосферный воздух и водоемы, шло масштабное строительство. Все это требовало организации строгого санитарного надзора, который был возможен только при сохранении санэпидстанций и райздравотделов.

Также на заседании было принято решение о ликвидации с 1 января 1957 г. амбулаторных врачебных участков и организации на их базе фельдшерско-акушерских пунктов. Медицинский и прочий персонал реорганизованных учреждений передавался районным и участковым больницам. Для упрощения контроля и руководства со стороны районных больниц за медицинской сетью, все фельдшерско-акушерские пункты переводились с сельского бюджета на районный. Крайфин, крайздрав, крайплан устанавливали контроль и оказывали практическую помощь в проведении реорганизации здравоохранения в сельских районах [16, л. 38].

Данное решение позволяет нам понять, что реализация реформы реорганизации здравоохранения, начатая в стране еще в 1947 г. и рассчитанная на 4 года [5, с. 48], – в Красноярском крае к 1957 г. еще не была завершена. Из документа ясно, что Крайисполком в данном вопросе обладает определенной инициативой в определении объектов, подлежащих реорганизации. В тоже время Министерство здравоохранения РСФСР отменило решение крайисполкома об объединении Санитарного дома просвещения с краевой санитарно-эпидемиологической станцией, обозначив, что перегибы в этом вопросе недопустимы [17, л. 119-122].

В Красноярском крае с 1946 г. регистрировался высокий уровень заболеваемостью паразитарным тифом. Согласно докладной записке председателю Совета Министров РСФСР Родионову М.И.

от заместителя председателя крайисполкома, основной причиной заболеваемости сыпным тифом являлось несоблюдение населением требований личной гигиены ввиду дефицита мыла [18, л. 13а].

В решении крайисполкома «О мероприятиях по ликвидации заболеваемости паразитарными тифами» от 14 ноября 1946 г. предписывалось: произвести ремонт дезинфекционных станций, санпропускников, бань, прачечных, детских и лечебных учреждений; организовать завоз топлива в данные учреждения на четырехмесячный срок; выделить отдельные автомашины для перевозки инфекционных больных; направить отряды из врачей, эпидемиологов, микробиологов в неблагополучные районы; выделить дополнительные инфекционные койки [18, л. 8а-9а].

В решении «О санитарном состоянии в крае» от 11 августа 1951 г. отмечалось, что постановление Совета Министров СССР от 21 ноября 1949 г. «О всесоюзной государственной санитарной инспекции и органах санитарно-эпидемиологической службы» выполняется неудовлетворительно. Указывалась плохая укомплектованность санэпидстанций кадрами, отсутствие собственных помещений и транспорта, лабораторий. В документе отмечалась безответственная работа именно крайздравотдела, который неудовлетворительно осуществлял контроль за работой санэпидстанций. Причиной кадровой проблемы можно назвать работу комиссии по распределению выпускников мединститута, – в 1951 г. количество санитарных врачей, которых оставили для работы в крае, равнялось нулю. Таким образом, в документе подробно отражены причины неэффективной работы санэпидстанций с точки зрения местной администрации.

Согласно докладной записке заведующего крайздравом от 14 марта 1951 г., в Красноярском крае заболеваемость малярией в 1950 г. по сравнению с 1949 г. была снижена более чем на 50 %. Но, несмотря на общее снижение в крае, заболеваемость оставалась на высоком уровне ввиду нехватки специалистов и противомаларийных станций [19, л. 127-128].

В целях дальнейшего снижения заболеваемости малярией среди населения Красноярского края в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 1 марта 1951 г. крайисполком принял решение «О мероприятиях по снижению заболеваемости малярией» от 9 апреля 1951 г, согласно которому было необходимо соблюдать санитарный режим при строительстве и восстановлении населенных пунктов, промышленных предприятий, оросительных и осушительных систем, проводить обработку водоемов, осушать каналы, организовывать противомаларийные станции [19, л. 124].

В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 29 января 1959 г., крайисполкомом было принято решение о мероприятиях по борьбе с клещевым энцефалитом в Красноярском крае. Была запланирована организация специальных семинаров по повышению знаний в области противоклещевых и противомушиных мероприятий с персоналом, выделенным предприятиям на летний сезон для проведения обработок и установления запретных зон для выезда детей [20, л. 260-264].

Здесь можно подытожить, что приведенные выше решения крайисполкома достаточно содержательно характеризуют ведение борьбы с инфекционными заболеваниями в Красноярском крае и дают общее представление о причинах развития эпидемий.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 27.12.1951 «О мероприятиях по борьбе с глухотой и глухонемой и улучшению обслуживания глухонемых и глухих», 14 мая 1952 года крайисполком решил в 1953 году в Ачинске организовать группы в яслях и домах ребенка для детей с дефектами речи слуха и речи. Также были другие мероприятия: организация учета всех случаев ушных заболеваний с потерей слуха, проведение осмотра детей в школах, детских домах, и дошкольных учреждений края с целью выявления признаков ушных заболеваний, лечения и профилактики. За Красноярской, Минусинской, Ачинской школами закреплялись специалисты – врачи отоларингологи, при Красноярской Краевой больнице организовано сурдологопедическое отделение [21, л. 170-171]. В документе не хватает данных по количеству глухонемых и глухих в регионе, из-за чего он не отражает в полном объеме предполагаемую эффективность проводимых мероприятий.

В целях правильной организации полного лекарственного обслуживания населения и лечебных учреждений 26 апреля 1947 г. Крайисполком принял решение в текущем году расширить аптечную сеть, открыв новые аптеки в районах края и г. Красноярске. В этом же решении крайисполком обязал в 1947 г.: крайлегпром – изготовить аптечную посуду и предметы ухода за больными, крайлеспромсоюз – выделить для аптек края скипидар и деготь, спиротрест – своевременно отоваривать наряды крайаптекуправления на получение спирта ретификата [13, л. 44-45].

О проблемах нехватки кадров в послевоенный период свидетельствует просьба, направленная в Главное Аптечное управление, оставить в распоряжении Красноярского отделения крайаптекуправления фармацевтов, окончивших местную школу в 1947 г., а также направить в край людей из выпуска других фармацевтических школ [22, л. 23].

Крайисполком старался уделять внимание поддержке местного производства. 21 июля 1950 г. крайисполком решил для организации экспериментальной витаминной лаборатории передать Красноярской плодово-ягодной станции в пользование помещение, и обязал крайпотребсоюз отпустить на эти нужды необходимое количество шиповника. [23, л. 156-157]. В тоже время проблема недостатка перевязочного материала решалась через запрос в МинЗдрав [13, л. 57-60], что объясняется отсутствием в крае специализированных предприятий, которые могли восполнить данный дефицит.

В послевоенные годы в Красноярском крае большую нагрузку на экологическую обстановку оказывали промышленные заводы. Например, в решении «О мероприятиях по ликвидации загрязнения атмосферного воздуха населенных мест Красноярского края» от 14 апреля 1959 г. отмечено, что ряд руководителей промышленных предприятий и Красноярский совнархоз неудовлетворительно выполняют постановление Совета Министров СССР от 29 мая 1949 г. «О мерах борьбы с загрязнением атмосферного воздуха и об улучшении санитарно-гигиенических условий населенных мест» [12, с. 590-592]. Постановление правительства не исполнялись предприятиями Красноярска, Канска, Норильска, Черногорска, Назарово, Ачинска. Не были решены вопросы о вывозе промышленных заводов из жилых районов, о выполнении работ по благоустройству и озеленению санитарных защитных зон заводов, не установлены очистительные сооружения [24, л. 162]. Крайисполкомом решено обеспечить выполнение мероприятий по строительству и проектированию газоулавливающих, золоулавливающих, рекуперационных установок, установить запрет на сжигание в котельных, не обеспечивающих бездымного сжигания производственных отходов. Запрещалось строительство новых промышленных предприятий без очистных сооружений, а все пароходы в крае должны были перейти на жидкое топливо [24, л. 163].

Стоит отметить, что причина бездействия руководителей предприятий отсутствует в данных материалах, но имеется в делах Красноярского крайкома: «Это объяснялось тем, что наладка, пуск и ремонт средств очистки требовали частичной, а иногда и полной остановки предприятия. За снижение выпуска продукции (как и за превышение сметы) администрация завода несла гораздо более тяжелое наказание, чем за загрязнение окружающей среды» [11, с. 73].

14 января 1960 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР было принято постановление «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР». Данный документ подытожил послевоенное развитие системы здравоохранения в стране и в Красноярском крае, в частности. В постановлении были отмечены следующие положительные моменты: создание широкой сети медицинских учреждений, значительное уменьшение заболеваемости среди населения, снижение общей смертности и детской смертности. Констатировалась ликвидация инфекционных заболеваний, таких как холера, чума, оспа, паразитарные тифы. Говорилось и о почти полной ликвидации малярии, снижении заболеваемостью дифтерией, увеличении больничных коек в послевоенные годы. Были обозначены и нерешенные проблемы: недостаточная обеспеченность населения амбулаторно-поликлинической и стационарной помощью; плохая оснащенность лечебных учреждений современными медицинским оборудованием и мебелью; медленное строительство медицинских учреждений; дефицит лекарственных препаратов, медицинских изделий, предметов санитарии и гигиены [25, с. 634-645]. Тяжелые условия послевоенного времени, нехватка денежных средств и материальных ресурсов – не позволяли решить весь комплекс имеющихся проблем своевременно.

Представленные источники в целом отражают мероприятия крайисполкома по решению проблем и политику высших органов власти в системе здравоохранения в послевоенный период. Но для полного понимания их эффективности необходимо привлечение дополнительных источников.

Список литературы

1. Араловец Н.А. Здравоохранение и здоровье населения РСФСР в 1959 – 1989 гг. Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. М.; СПб, 2023. – 530 с.
2. Бякина В.П. Восстановление и развитие здравоохранения в послевоенный период: 1945 – середина 50-х годов: (На материалах Северо-Запада СССР). С.-Петербург. гос. мед. ун-т, Санкт-Петербург, 1999. – 291 с.

3. Давыдова Т.В. Реформирование советского здравоохранения в послевоенные годы: исторический анализ. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 8 (148). 2015. С. 164-170.
4. Комаров Ю.М. Метаморфозы или эволюция организационной структуры Министерства здравоохранения в России. // VIPERSON.RU: сайт. 2008. URL: <http://viperson.ru/articles/yuriy-komarov-metamorfozy-ili-evolyutsiya-organizatsionnoy-strukturyministerstva-zdravooohraneniya-v-rossii-prodolzhenie>
5. Фадеев А.В. Реформа системы здравоохранения СССР в послевоенные годы. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Вып. 2. 2001. С. 48-50.
6. Вавулинская Л.И. Восстановление и развитие системы здравоохранения в Карелии в послевоенные годы (вторая половина 1940-х - середина 1950-х гг.). Белгород, 2018. С. 140-149.
7. Шубин Л.Л., Шабардин А. М. Пути преодоления проблем послевоенной медицины Удмуртии в 1945-1950 гг. // Проблемы современной науки и образования. 2015. Вып. 12. С. 228-231.
8. Боровикова З.В. Состояние здравоохранения в Кемеровской области во второй половине 1940-х – 1950-е гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. Вып. 3(75). Кемерово, 2018. С. 12-19.
9. Ханенко Б.Н. Здравоохранение Красноярского края. Красноярск, 1997. – 135 с.
10. Копылов И.В., Славина Л.Н. Демографическая политика в Красноярском крае в 1960 – 1980-х гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Вып. 3. Красноярск, 2014. С. 149–153.
11. Гонина Н.В. Исторический опыт природопользования в Ангаро-Енисейском регионе. 1945-1970 гг. М-во сельского хозяйства Российской Федерации, Красноярский гос. аграрный ун-т, Красноярск, 2009. – 174 с.
12. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 3. 1941-1952 гг. М.: Политиздат, 1968. – 754 с.
13. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1035.
14. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1059.
15. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1434.
16. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1646.
17. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1673.
18. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1013.
19. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1272.
20. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1851.
21. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1357.
22. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1354.
23. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1222.
24. ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 1860.
25. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 4. 1953-1961 гг. М.: Политиздат, 1968. – 784 с.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЕНИСЕЙСКОЙ
ГУБЕРНИИ В 1920-1924 гг.

*Томилина Полина Сергеевна, студент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
polinatomilina2303@gmail.com*

В статье рассматриваются вопросы по обеспечению школ в Енисейской губернии в 1920-1924 гг., в период, когда власть, после разрушительной Гражданской войны, только начала проводить политику народного образования, выявляются причины и проблемы такого обеспечения, и как региональная власть решала эти проблемы.

Ключевые слова: Енисейская губерния, сибирское образование, проблемы в образовании, модернизация, профессиональная переподготовка учителей.

PROBLEMS OF PROVIDING EDUCATIONAL ACTIVITIES IN THE YENISEI PROVINCE
IN 1920-1924

*Tomilina Polina Sergeevna
Student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk,
Russia polinatomilina2303@gmail.com*

The article examines the issues of providing schools in the Yenisei province in 1920-1924, during the period when the government, after the devastating Civil War, had just begun to pursue a policy of public education, identifies the causes and problems of such provision, and how the regional government solved these problems.

Keywords: Yenisei province, Siberian education, problems in education, modernization, professional retraining of teachers.

Актуальность. Значимость данного исследования определяется рассмотрением образовательных проблем, происходивших в период переустройства всех систем нашего государства – формирования коммунистического общества, которое в полной мере стало осуществляться после окончания Гражданской войны. Это очень важно проследить, чтобы понимать, как справляться с теми или иными проблемами, возникающими в различных сферах жизни общества, в частности, в образовательной, в переломное время для государства.

Научная новизна: Новизной исследования является изучение проблемных моментов в образовании после Октябрьской революции на примере одного региона – Енисейской губернии – который в историографии рассматривается довольно редко.

Проблемы: нехватка квалифицированных педагогических кадров, а также проблема в переподготовке учителей по новым стандартам, незаинтересованность педагогов в преподавании по этим стандартам; нехватка специального оборудования для школ, необходимого для нормального функционирования образовательного процесса; небрежное отношение к школьному имуществу со стороны организаций, обязанных следить за его удовлетворительным состоянием, отсутствие специально приспособленных помещений под школы.

Историография. Из исследователей, изучавших образование в Енисейской губернии выделяется В.В. Бибикова, у которой имеется целых три работы на эту тему. В одной из своих статей она исследует нововведения в образовании Енисейской губернии - историю открытия школы-коммуны, а также специальных курсов по переподготовке учителей [1, с. 299]. В другой работе автор изучает период существования школы-коммуны в 1920-1926 г., три этапа её развития и принципы воспитания детей, которые здесь использовались [2, с. 23-27]. Еще одна статья у этого исследователя посвящена учителям, вынужденным подчиняться новым требованиям, которые возложила на них советская власть в 20-х годах [3, с. 86-87].

Такие исследователи, как З.У. Колокольникова и А.А. Лунгуль изучали в своей статье реформу образования в Приенисейской Сибири, организованную созданным в 1921 г. Государственным ученым советом, который составлял учебные планы для школ первой и второй степени, а также разрабатывал методики воспитания и образования [4, с. 306].

Следующая статья З.У. Колокольниковой, написанная совместно с О.Б. Лобановой и С.С. Мищенко, посвящена системе дошкольного образования в Енисейской губернии в 20-30-е годы XX в., которую они рассматривают на примере Красноярского детского сада №1 [5, с. 64-65].

У другого историка – Н.С. Романовой – есть статья, в которой исследователь рассказывает о специфике каждой категории учебных заведений: от начального до высшего [6, с. 203-213].

Таким образом, можно заметить, что исследователи рассматривают специфику образования и нововведения в образовании Енисейской губернии, но нет ни одной работы, где отражены проблемы с обеспечением учебных заведений.

Методология исследования базируется на модернизационном подходе, рассматривая смену власти в России – как модернизацию, в следствие которой произошел переход на новый уровень развития в образовательном плане: стала распространяться грамотность, появляются всенародные учебные заведения, образование стало обязательным и т.д.

Из общеисторических методов использовались принцип историзма, который позволил рассмотреть процессы, происходящие в образовании с учетом конкретно-исторической обстановки, которая повлияла на возникновение того или иного события. Конкретно-проблемный, который позволил упорядочить и систематизировать отдельные факты, и, тем самым, выделить определенное явление для изучения. Из междисциплинарных методов использовались социокультурный, позволяющий рассматривать развитие общества неотрывно от развития культуры.

В Енисейской губернии, как и во многих регионах, в период установления власти большевиков были довольно серьезные проблемы с обеспечением учебных заведений. Первая из них – это недостаток квалифицированных педагогов, а также их незаинтересованность в преподавании. Из одного архивного документа следует, что в нескольких уездах не хватало учителей литературы и лекторов [7, л. 6]. Также существовали случаи увольнения учителей по собственному желанию. Из этого же документа можно почерпнуть, что санитарное состояние школ города Красноярска и их финансирование было ниже всяких норм: школы были перегружены, классная мебель испорчена и местами отсутствовала, соотношение между количеством мебели и количеством учеников не соответствовало, т.е. учеников большее количество, температура в классах колебалась от 0 градусов. Вентиляция помещений не производилась, помещения для занятий грязные и пыльные, полы редко мылись из-за недостатка технического персонала, отсутствовала кипяченая вода для питья, умывальники, мыло, полотенца для умывания, отхожие места из-за загрязнения не использовались, и из-за этого загрязнялась нечистотами периферия школ. Хлеб для школьных завтраков часто был плохой выпечки или даже с плесенью [7 л. 7].

Еще одна проблема – в поставках оборудования для школ. В Туруханском крае для обучения населения Крайисполком потребовал от Центрального комитета прислать учебные пособия и канцелярию [7, л. 10], что также свидетельствует о том, что в школах Енисейской губернии были проблемы с организацией учебного процесса.

Также у новой власти Енисейской губернии появлялись проблемы с глубоко религиозным населением, которое бойкотировало школу из-за отсутствия в ней атрибутов старой школы: икон, преподавания закона божия, пения утренних молитв, и, тем самым, мешало ей проводить просветительскую политику. Однако, в отчете по культурно-просветительской жизни отмечается, что сопротивление этих крестьян было сломлено из-за настойчивого введения принципов новой школы. Также появлялись позитивные явления: в отчете сказано, что школы уже не так пусты, подвозятся дрова, а недостаток педагогического персонала власть думает восполнить посредством открытия в деревнях и г. Красноярске 8-ми месячных педагогических курсов красных учителей [7, л. 11].

В газете «Красная звезда» г. Канска можно увидеть информацию о количестве построенных и отремонтированных зданий в 1920 г.: так, на школы 1-й ступени приходится 13 построенных, 10 достроенных, в 23-х осуществлен капитальный ремонт, средний ремонт – в 48-ми школах, мелкий – в 50-ти, произведена пристройка в 4-х школах. Всего задействовано 148 школ 1-й ступени. На школы 2-й ступени приходится меньше работ: из них в одной совершен капитальный ремонт, в 9-ти – средний, в 7-ми – мелкий. Всего задействовано 17 школ [8, л. 2]. Из этого следует, что в уездах губернии, в частности в Канском уезде, проводились работы по постройке и ремонту учебных заведений, что было немаловажно в период после Гражданской войны, когда все здания пришли в упадок и запустение. На основе этого можно сделать вывод, что Крайисполком старался решить проблему нехватки и непригодности зданий для учебных заведений не только на словах, но и на деле.

Также были часты случаи порчи или небрежного отношения к имуществу школ и училищ, так, Красноярский уездный отдел народного образования в циркуляре Тальской Волостной школьной комиссии пишет о беспечности и бесхозяйственности предыдущих местных властей, и о своем реше-

нии данной проблемы: теперь вся ответственность по отчетам о поступлении оборудования в школы губернии и о состоянии школ должна лежать на Волостных школьных комиссиях, которые, помимо обеспечения школ, также должны были заниматься ежемесячным ведением статистики по учету учителей, приливу и отливу учеников по группам, возрастам и полу, выясняя причины этих изменений [9, л. 2], также они должны следить за учителями в политическом вопросе народного образования, чтобы преподаватели не влияли на ход проведения народного образования в негативном ключе [9, л. 3]. Из этого можно судить, что Красноярский уездный отдел довольно основательно подошел к вопросу о наблюдении за порядком в учебных заведениях - с 1922 г. созданы волостные центральные исполнительные органы, которые подотчетны высшему центральному исполнительному органу, что позволяет намного эффективнее осуществлять образовательную политику в разных уголках Енисейской губернии.

Таким образом, можно увидеть, что в Енисейской губернии после установления власти большевиков в 1920-1924 гг. было достаточно много проблем с обеспечением образовательной деятельности как в Красноярске, так и в более мелких городах и деревнях. Были проблемы организационного плана, которые Крайисполком решал посредством создания Волостных школьных комиссий, осуществляющих надзор за имуществом и состоянием школ, и присылающих ежемесячные отчеты в УОНО. Также в этот период проводились работы по ремонту и строительству новых зданий для школ, что улучшило ситуацию. Проблему нехватки педагогических кадров местная власть попыталась решить открытием курсов по подготовке учителей, на которые мог записаться любой желающий и за короткий срок – 8 месяцев – получить возможность преподавать. Недовольство некоторых крестьян новыми стандартами образования также удалось в какой-то мере ликвидировать настойчивым проведением новой политики. Из этого следует, что власть не закрывала глаза на проблемы, а решала их, и, тем самым, справлялась с задачами по проведению политики народного образования, возложенными на неё.

Список литературы

1. Бибикова В.В. Губернское совещание по единой трудовой школе // Вестник красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. №1. С. 299-307.
2. Бибикова В.В. Из истории развития Енисейской школы-коммуны // Вестник красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. №2. С. 22-28.
3. Бибикова В.В. Профессиональные и классовые проверки учителей в первой половине 1920-х годов в Приенисейской Сибири. // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т.2. №1. С. 85-91.
4. Колокольникова З.У. Реализация программ ГУСа в Приенисейской Сибири в 1920-е гг. // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. №12. С. 306-308.
5. Колокольникова З.У. Типы учреждений по воспитанию детей дошкольного возраста в Приенисейской Сибири в 20-е гг. XX в. // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. №6. С. 63-68.
6. Романова Н.С. Сеть учебных заведений профессионального образования в Енисейской губернии в 20-е гг. XX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. №198. С. 202-214.
7. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 186.
8. ГУНБ. Красная звезда. Канск, 1921 г. 1 апреля.
9. ГАКК. Ф. Р-1278. Оп. 1. Д. 30.

СЕКЦИЯ 6. КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ОКРАИН

УДК 94(47).081/083+355.231

«СМОРГОНСКАЯ АКАДЕМИЯ»: КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ ЧУГУЕВСКОГО ПЕХОТНОГО ЮНКЕРСКОГО УЧИЛИЩА

Гребенкин Алексей Николаевич
Академия ФСО России, г. Орел, Россия
angrebyonkin@mail.ru

В статье на основе неопубликованных документов дается содержательная характеристика культурных традиций Чугуевского пехотного юнкерского училища. Автор показывает, что удаленность Чугуева от крупных городов не помешала руководству училища заложить прочные традиции продуктивного заполнения досуга будущих офицеров и превратить заведение в региональный культурный центр.

Ключевые слова: Российская империя, военное образование, Чугуевское пехотное юнкерское училище, культура, традиции.

SMORGON ACADEMY: CULTURAL TRADITIONS CHUGUEV INFANTRY CADET SCHOOL

Grebenkin Alexey Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Employee of the Academy of the FSO of Russia, Orel, Russia
angrebyonkin@mail.ru

The article, based on unpublished documents, gives a meaningful description of the cultural traditions of the Chuguev Infantry Cadet School. The author shows that the remoteness of Chuguev from major cities did not prevent the management of the school from laying strong traditions of productive filling of the leisure of future officers and turning the institution into a regional cultural center.

Key words: Russian Empire, military education, Chuguev infantry Cadet school, culture, traditions.

Милютинская военная реформа предполагала полную перестройку системы российского военного образования. На базе кадетских корпусов были созданы военные гимназии и военные училища, учебно-воспитательная работа в которых стала выстраиваться в соответствии с новейшими достижениями педагогики. Однако пропускная способность этих заведений была недостаточна для того, чтобы обеспечить офицерами всю русскую армию. Поэтому в 1864 г. началось создание юнкерских училищ – военных школ особого типа, призванных готовить кандидатов в офицеры из абитуриентов с незаконченным средним образованием. Эти училища создавались как в крупных городах (Санкт-Петербург, Рига, Вильна, Тифлис, Гельсингфорс), так и в сравнительно небольших населенных пунктах, которые не только столичным обществом, но и самими офицерами назывались «медвежьими углами». К числу последних принадлежал и Чугуев – небольшой городок в Харьковской губернии. Пехотное училище в нем было открыто осенью 1865 г.

В первые годы своего существования юнкерские училища имели репутацию военно-учебных заведений «второго сорта» по отношению к военным училищам и презрительно-иронично назывались «сморгонскими» («шмаргонскими») академиями. Согласно преданию, так именовалась устроенная князьями Радзивиллами в деревне Сморгонь Виленской губернии школа, где готовили ученых медведей. Чтобы научить козлапых танцевать, их ставили на раскаленную плиту. Юнкера первых наборов действительно отличались низким уровнем общеобразовательной подготовки и не были должным образом воспитаны, что и давало повод сравнивать их с медведями. Так, из 67 чугуевцев первого приема, прибывших в училище в сентябре 1865 г., законченное среднее образование имели лишь 3 человека, причем, как оказалось впоследствии, уровень их знаний был крайне низким. Еще 38 юнкеров обучались в средних учебных заведениях, но не окончили в них полного курса. В их числе находились 12 бывших гимназистов, 6 недоучившихся семинаристов, 1 бывший ученик Николаевского черноморского училища и 19 кадет (из них 4 были исключены за дурное поведение). Низшее

образование имели 3 человека, а 23 получили домашнее воспитание, которое в подавляющем большинстве случаев сводилось к обучению чтению, письму и простейшим арифметическим операциям.

Социокультурный облик абитуриентов училища к концу 1880-х гг. не изменился в лучшую сторону. Будущий профессор медицины Императорского Казанского университета В. Н. Болдырев, поступивший в Чугуевское училище в 1890 г., вспоминал, что один из его будущих товарищей на экзамене по истории рассказывал, что «Петр Великий, заключив союз с Юлием Цезарем, взял приступом город Византию, сжег его до основания и прибил свой щит к воротам Царьграда» [2, л. 10]. Пушкина и Державина юнкера считали своими современниками, а Гоголя – известным французским поэтом и неразлучным другом еще одного французского поэта Гете.

Большие проблемы были сопряжены и с организацией воспитания юнкеров. Среди них было немало строптивых и даже дерзких юношей. Один из юнкеров, Л. Ковальский, осмелился ослушаться ротного командира, причем в разговоре с офицером не стеснялся в выражениях, за что и был представлен к исключению из училища. Начальник штаба округа, рассмотрев дело, распорядился передать Ковальского военному суду.

Таким образом, имелись все шансы опасаться, что в свободное от обязательных занятий время чугуевцы будут предаваться пьянству и азартным играм, затевать драки с гражданской молодежью и буйствовать. Однако руководству училища при деятельной поддержке всех офицеров, педагогов и наиболее развитых обучающихся удалось с первых же дней направить энергию обучающихся в правильное русло. Дислокация училища в «медвежьем» углу не стала для этого помехой. Напротив, училище быстро стало культурным центром не только для Чугуева, но и для близлежащих населенных пунктов. Во время продолжительных праздников юнкера готовили домашние спектакли, на которые приглашалась сторонняя публика. Так, в декабре 1866 г. во время рождественских каникул они поставили «Женитьбу» Н. В. Гоголя и пьесу «Русский человек добро помнит» Н. А. Полевого. Декорации, сцену и занавес устраивали сами юнкера, они же обеспечивали и музыкальное сопровождение. Для училищного оркестра были куплены 3 скрипки, флейта, кларнет и виолончель, нанят педагог, еженедельно проводивший занятия. Культурные мероприятия тесно связали училище с городом. В январе 1869 г. в училище был дан благотворительный спектакль, причем все мужские роли исполняли юнкера, а женские – приглашенные дамы. В 1870 г. каждое воскресенье устраивались литературные и музыкальные вечера, на которые собиралась вся городская публика.

Проводить культурную работу на надлежащем уровне было тяжело. В апреле 1870 г. начальник училища полковник А. Н. Хамин сетовал: «Приятно читать газетные корреспонденции о том, например, как в Казанском юнкерском училище происходили разные увеселения, в числе которых называют пение как хоровое, так и солистов; расхваливают также хор певчих Киевского училища, где платят учителю по 5 р. за урок, но досадно вспомнить, что в нашем глухом Чугуеве ни о каких учителях ныне и не слыхивали. Был регент церковного пения, да и тот давно спился, и теперь в целом городишке нет ни одного человека, который бы мог заняться с юнкерским хором» [6, л. 142]. Однако благодаря согласованной работе командного и педагогического состава к концу 1870 г. программа воскресных вечеров стала более масштабной: после окончания литературно-музыкального отдела играл оркестр Киевского гусарского полка и начинал действовать буфет. Средства, необходимые для оплаты работы музыкантов, были собраны офицерами училища по подписке. Горожане ожидали вечеров с нетерпением, потому что это было единственное развлечение для них, к тому же бесплатное. Программа разрабатывалась в соответствии с непритязательными вкусами публики. Так, в декабре 1875 г. на училищной сцене были даны не только ставшая традиционной «Женитьба» Н. В. Гоголя и водевиль «Что имеем, не храним» С. П. Соловьева, но и шутка «Жид за печатью».

В 1880-е – 1890-е гг. культурное развитие чугуевцев несколько затормозилось. Это было следствием как правительственной политики в области военного образования, так и личностных особенностей начальников училища. С 1888 по 1892 гг. заведение возглавлял полковник И. И. Арцышевский – мелочный, придирчивый человек, прозванный юнкерами «Сычом». Его преемником стал полковник С. Г. Черницкий, отличавшийся раздражительностью и грубостью и позволявший себе топтать ногами и кричать даже на офицеров.

Неудивительно, что питомцы таких командиров становились ограниченными службистами, тем более что их взгляды были ультраконсервативными. Как отмечал упоминавшийся выше профессор Болдырев, «упразднение всех наук и искусств, закрытие университетов и чуть не гимназий, возвращение к самой свирепой реакции времен императора Николая 1 огромное большинство нас приветствовало был с явной и искренней радостью» [2, л. 46]. Юнкера четко делили всех людей на военных и «шпаков», одобряли физическое воздействие на солдат, а их патриотизм был казенным, показным. Начальство подогревало подобные настроения своими реакционными заявлениями. Так, полковник Арцышевский пообещал вырвать будущему физиологу Болдыреву нос за любовь к книгам, а у взводного командира штабс-капитана Сахновского «математика и физика вызывали... недобрые

чувства и тяжкие подозрения» [2, л. 48]. Чтобы не навлечь на себя гнев начальства, юнкера совсем перестали приносить в училище не только художественную литературу, но и учебники, ограничивая свой круг чтения книгами, которые имелись в библиотеке заведения.

Несмотря на торжество реакции, чугуевцы продолжали устраивать спектакли, которые по провинциальным меркам были весьма приличными. Однако дам на училищных балах было так мало, что юнкера были вынуждены танцевать друг с другом. Полковник А. П. Воронов, бывший юнкером-чугуевцем в 1889–1891 гг., вспоминал, что самым счастливым временем были лагеря, когда ему и его товарищам удавалось танцевать «с местным дачницами, которые в довольно большом количестве приходили на звуки музыки» [4, л. 9 об.].

К началу XX в., когда Главным начальником военно-учебных заведений был назначен великий князь Константин Константинович, деятельно заботившийся о культурном развитии будущих офицеров, ситуация изменилась в лучшую сторону. Училищные балы вернули себе былую славу. Они устраивались в день училищного праздника Св. Великомученика и Победоносца Георгия (23 апреля), а также в дни ротных праздников (29 июня, 23 ноября, 21 мая и 5 декабря). Обучение танцам не входило в общую программу, однако начальство училища считало своим долгом познакомить юнкеров с правилами хорошего тона и выработать у них умение держать себя в обществе. Поэтому каждый взвод обучался танцам в течение одного часа в неделю, что чего приглашался танцмейстер из Харькова, «чаще же это поручалось кому-либо из своих офицеров» [1, л. 23 об.]. Особое внимание уделялось умению подходить и кланяться.

Училищный праздник представлял собой «день суеты, украшения зеленью громадного зала и танца до утра» [5, л. 32]. Поскольку это был юнкерский праздник, руководство училища не вмешивалось в приготовления и предоставляло обучающимся полную свободу. На торжестве было много приглашенных, в том числе и дам.

Юнкерские спектакли, как и прежде, давались несколько раз в год. Как правило, ставились классические вещи в учебных целях, однако нередко на сцене шли малороссийские пьесы. Постановщиком одной из них – «Ой не ходы Грицю» – был преподаватель фортификации полковник П. А. Астафьев.

Кроме того, в училище проводились литературные чтения с волшебным фонарем (диафильмами), устраивались юнкерские музыкальные вечера, заслушивались доклады преподавателей, посвященные юбилеям великих писателей, Отечественной войны, 300-летия Дома Романовых. Во время русско-японской и Первой мировой войн делались доклады, в которых освещались отдельные эпизоды этих кампаний.

Отдельного упоминания заслуживает пение, ставшее своеобразной «визитной карточкой» училища. Чугуевцы пели так хорошо, что во время прохода их строем по городу «из ближайших улиц бежали... многие из местных жителей, чтобы посмотреть на молодцов-юнкеров и послушать красивое пение» [3, л. 7 об.].

Таким образом, история Чугуевского пехотного юнкерского училища убедительно доказывает, что удаленность от крупных культурных центров и сравнительно низкий уровень развития обучающихся не являлись непреодолимыми препятствиями для организации культурно-досуговой работы. В течение двух первых десятилетий деятельности училища в нем сложились устойчивые культурные традиции, заглушить которые оказалась не в силах даже эпоха «безвременья» 1880-90-х гг. В начале XX в. Чугуев, как и другие центры российского военного образования, ощутил деятельную поддержку Главного управления военно-учебных заведений и его просвещенного руководителя – великого князя Константина Константиновича. Самодеятельные спектакли, балы, пение и прочие формы продуктивного заполнения досуга юнкеров были соединены в стройную систему и стали необходимым компонентом системы подготовки будущих офицеров, содействуя их культурному и эстетическому развитию.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 29.
3. ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 32.
4. ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 33.
5. ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 56.
6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 80. Оп. 1. Д. 2.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ В ВИТЕБСКОЙ ПРОВИНЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Лойко Александр Иванович
д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой
Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Белоруссия
loiko@bntu.by

Лойко Лариса Егоровна
Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Белоруссия
larisa.loiko@tut.by

Описаны основные этапы развития культуры в Витебской провинции Российской империи. Эти этапы генерировали исследователей Сибири, видных представителей российской философии, сделали город Витебск творческой лабораторией становления С. Ковалевской, М. Шагала, К. Малевича и М. Бахтина.

Ключевые слова: провинция, Российская империя, Витебск, культура, Сибирь.

HISTORY OF CULTURAL DEVELOPMENT IN THE VITEBSK PROVINCE OF THE RUSSIAN EMPIRE

Loiko Alexander Ivanovich
Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department
Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
loiko@bntu.by

Loiko Larisa Egorovna
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
larisa.loiko@tut.by

Describes the main stages of cultural development in the Vitebsk province of the Russian Empire. These stages generated researchers of Siberia, prominent representatives of Russian philosophy, and made the city of Vitebsk a creative laboratory for the formation of S. Kovalevskaya, M. Chagall, K. Malevich and M. Bakhtin.

Key words: province, Russian Empire, Vitebsk, culture, Siberia.

Витебская провинция существовала в составе Российской империи в разных модификациях. Первой из этих модификаций была административно-территориальная единица под названием «Витебская провинция». Она была учреждена указом Екатерины II 28 мая 1772 г. [1] Она существовала в таком виде до 1776 г. Это был период адаптации территорий бывшей Речи Посполитой к российскому законодательству. Местное дворянство, имея высокий уровень образования, сохраняло инфраструктуру культурных традиций.

В 1802 г. провинциальный статус Витебска повысился до статуса губернского города [2]. Властям приходилось учитывать наличие у местного дворянства ностальгии по предыдущему государству. В 1863 г. имело место очередное восстание, целью которого было восстановление Речи Посполитой. В одном из повстанческих отрядов находился И. Д. Черский 1845 г. рождения [3]. По итогу пленения он был сослан в Сибирь на бессрочную рекрутскую службу с конфискацией имущества и лишением дворянского звания.

По пути в ссылку И. Д. Черский познакомился с А.Л. Чекановским [4]. Эта встреча сыграла важную роль в его последующей научной деятельности. После того, как И. Д. Черский был по причине здоровья освобожден от рекрутской службы он с 1871 г. находился в Иркутске, где получил поддержку в реализации научных способностей в области геологии и остеологии. Он опубликовал статьи, в которых изложил результаты исследований в области геологии и остеологии Сибири.

Высокий уровень исследований И. Д. Черского был оценен российской академией наук. Одним из значимых его открытий стало исследование бассейнов рек Лены, Колымы и Индигирки, а также горной страны, часть которой в последующем была названа в его честь и стала называться

«Хребет Черского» [5]. Во время изучения Восточной Сибири в 1891–1892 гг. И. Д. Черский умер от туберкулеза. Он был похоронен на берегу реки Колыма.

Из рода конных мящан Витебска происходит известный исследователь Центральной Азии Н. М. Пржевальский [6]. Он изучал уникальный регион пустыни Такла Макан и окружающие его горные страны Алтая и Тибета. Были открыты новые виды животных и описана растительность. Была получена уникальная информация о культуре местных народов.

В пределах Витебской губернской провинции прошли детские годы С. В. Ковалевской. Она стала одной из первых женщин, посвятивших себя научным исследованиям в области математики. Гендерные ограничения в Российской империи вынудили ее получать университетское образование в Европе. Эта же причина обусловила ее научную и педагогическую деятельность в Стокгольме [7].

В Витебской губернской провинции в 1870 г. родился известный философ Н.О. Лосский [8]. Начальное образование он получил в Витебске. В его жизни был период, когда он увлекся революционными течениями, имевшими место в Российской империи. Но он смог рассмотреть их нигилистическую сущность и связать свою последующую интеллектуальную и духовную биографию с русской религиозной философией. В рамках этой философии он одним из первых обосновал концепцию интуитивизма, которая в последующем стала востребованной и в европейской культуре через философию А. Бергсона. Поскольку Н.О. Лосский не принял революцию 1917 г., то вынужден был мигрировать в Европу.

Когда территория бывшей Речи Посполитой вошла в состав Российской империи, то между новыми территориями и основной территорией империи была сохранена граница в виде ценза оседлости. Эта граница имела целью ограничить миграцию еврейского населения в Санкт-Петербург и Москву. Еврейские общины на территории Витебской губернской провинции были достаточно многочисленными по населению. Еврейская молодежь стремилась под влиянием Хаскалы получить образование и реализовать себя в различных сферах культуры.

В Витебске такую возможность для них создала частная художественная школа, открытая Ю. Пенем. Одним из учеников этой школы стал Марк Шагал. Он продолжил художественное образование в Санкт-Петербурге, где в 1917 г. оказался в эпицентре революционных событий. Он принял революцию и получил мандат, который предписывал ему вернуться в Витебск с целью создания там инфраструктуры новой пролетарской культуры. Он начал с создания народного художественного училища. С целью усиления его педагогического и творческого потенциала он пригласил в училище Казимира Малевича [9]. Тот принял приглашение.

Но отношения между М. Шагалом и К. Малевичем в пределах училища осложнились тем, что основатель супрематизма инициировал формирование творческого объединения УНОВИС, на платформу которого перешли не только преподаватели, но и учащиеся училища. М. Шагал в таких условиях принял решение покинуть Витебск. В скором времени К. Малевич также покинул Витебск. Созданное им творческое объединение в последующем стало основой для формирования дизайнерских школ в Советском Союзе.

В Витебской губернской провинции сформировались основные творческие идеи М. М. Бахтина [10]. Формирование этих идей началось в Невельском кружке, где активно обсуждалась тематика неклассической философии, связанная с философией жизни, интуитивизмом А. Бергсона, психоанализом и неокантианством. Тема культуры играла ключевую роль, поскольку росло понимание актуальности диалога культур, а также роли поступка в культуре.

Платформа неклассической философии обнаружила перспективу исследования феноменов народной культуры, карнавала, эстетики словесного творчества. М. М. Бахтин, находясь в Витебске, актуализировал эти темы в своих исследованиях. Научную работу он сочетал с преподавательской деятельностью.

Таким образом, в разные исторические периоды существования Витебской провинции в ее культурное пространство генерировало яркие дарования в области науки, художественного творчества и философии. Эти люди представляли разные исследовательские и творческие парадигмы. Некоторые из них внесли значительный вклад в изучение географии Восточной Сибири. Благодаря И. Д. Черскому была изучена не только география, но и геология Восточной Сибири. Это сыграло важную роль в дальнейших геологических исследованиях огромной горной страны, названной в честь выдающегося исследователя. Город Иркутск стал стартовой площадкой для подобных исследований.

1. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XIX № 13808.
2. Витебск: Энциклопедический справочник. Минск: БелСЭ им. П. Бровки, 1988. 408 с.

3. Черский, Иван Дементьевич // Русский биографический словарь: В 25 т. / под наблюдением А. А. Половцова. СПб. 1896–1918. Т. 22. С. 341–346.
4. Чекановский, Александр Лаврентьевич // Биографический словарь деятелей естествознания и техники: В 2-х томах / Отв. ред. А. А. Зворыкин; Ред. колл.: Н. Н. Аничков, И. П. Бардин, А. А. Благонравов и др.; Институт истории естествознания и техники Академии наук СССР. М.: Гос. науч. изд-во «Большая Советская Энциклопедия», 1959. Т. 2 (М-Я); Дополнения и изменения. С. 353.
5. Громов Л. В., Данильянц С. А. Названное именем геолога. М.: Недра, 1982. 112 с.
6. Гавриленкова Е. П. Неизвестные страницы жизни Н. М. Пржевальского. Изд. 2-е, доп. Смоленск: Свиток, 2012. 216 с.
7. Леффлер Анн Шарлотт. Софья Ковалевская: Воспоминания А. К. Леффлер, герцогини ди-Кайяnellо / Пер. со швед. М. Лучицкой; С прил. биогр. А. К. Леффлер, сост. Эллен Кей и с 2 портр. Санкт-Петербург: ред. журн. «Северный вестник», 1893. [2], IV, 315 с.
8. Лойко Л.Е. Н.О. Лосский в традиции русской философии серебряного века // Духовность. Образование. Наука: толерантность и нравственность в структуре духовной жизни общества: материалы Международной научной конференции, Минск, 20 апреля 2017 г. / Белорусский национальный технический университет; ред. А. И. Лойко. - Минск: БНТУ, 2017. С. 152–157.
9. Александр Лойко (Минск, Республика Беларусь) Синестезия в методологии изобразительного искусства М. Шагала и К. Малевича / Искусство звука и света. СПб: Российский институт истории искусств, 2021. С. 91–94.
10. Психологический Vademecum: Витебщина М. М. Бахтина: сборник научных статей. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – 305, [1] с.

УДК 342.83

СТРУКТУРА СИБИРСКОЙ УММЫ ДО РЕВОЛЮЦИИ: МЕСТНЫЕ И ПРИЕЗЖИЕ, ГОРОДСКИЕ И СЕЛЬЧАНЫ

Ярков Александр Павлович
д-р ист. наук, профессор
Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
ayarkov@rambler.ru

В статье утверждается, что модернизация – однонаправленный процесс. И он не отражает характер многосложных явлений в традиционном обществе. Им оставалось (и на рубеже XIX и XX вв. – «стартовой точке» статьи) вся совокупность социальных страт Сибири. Особо отметим – исламской уммы. Более соответствует, считаем, определение трансформация, допускающее и «откат» к прежним позициям. Необходим учёт традиционализма воспитания мусульман, склонных к осторожности в новациях и консерватизму в установках.

Ключевые слова: Сибирь, структура уммы, традиционализм и трансформация.

STRUCTURE OF THE SIBERIAN UMMA BEFORE THE REVOLUTION: LOCAL AND VISITORS, CITY AND RURAL PEOPLE

Yarkov Alexander Pavlovich
Doctor of Historical Sciences, Professor
Tyumen State University, Tyumen, Russia
ayarkov@rambler.ru

The article argues that modernization is a unidirectional process. And it does not reflect the nature of complex phenomena in traditional society. They remained (at the turn of the 19th and 20th centuries – the “starting point” of the article) the entire set of social strata of Siberia. Let us especially note the Islamic Ummah. We believe that the definition of transformation is more appropriate, allowing for a “rollback” to previous positions. It is necessary to take into account the traditionalism of educating Muslims who are prone to caution in innovation and conservatism in attitudes.

Key words: Siberia, structure of the ummah, traditionalism and transformation.

К началу XX в. (в данной статье Сибирь рассматривается с включением территории Дальнего Востока и Северного Казахстана) наметилось разделение на сельскую (более традиционалистскую) и городскую уммы. Не всегда понимали эти различия даже духовные лидеры. Поэтому иных сибирский бухарец, сторонник обновления уммы А. Г. Ибрагимов относил к «замороженным муллам», т. е. консервативной группе.

Социально активная часть уммы мегарегиона – джаиды презентовала свои идеи и трансформировала культурные институты (школы, библиотеки, Благотворительные общества), в т. ч. за пределами её традиционных зон, но в рамках привычной структуры коммуникационных связей и экономических отношений. Хотя и делалось многое и в новом формате. Так, в театральных сценках, поставленных учителями и чиновниками, принимали участие образованные татарки и бухарки. В Томске при университете для таких «продвинутых» мусульманок (при согласии глав семейств, но при сопротивлении консерваторов из числа служителей культа) открылись Высшие женские курсы.

На фоне в основном ещё аморфной части мусульманок активной жизненной позицией выделялись: З.-Х. Яушева – организатор женского мектеба в Петропавловске; обучавшая в медресе Тары в 1890-х гг. Б.-Х. Ниязова (Ниязи), которая, как писала газета «Тарджиман», «отличается большими познаниями в турецкой и арабской письменности», выступала переводчиком. В печати она излагала взгляды и на образование единоверцев [1, с. 195–196]. В г. Благовещенске сторонница джаидизма Х. Г. Урманова преподавала и выступала автором статей о правах женщин в газетах «Фикер», «Казан мухбире», «Вақыт». Высоко ценилась в мусульманском мире России поэтесса, журналистка, просветительница Ф. Новрузова. Вместе с мужем – М. В. Новрузовым она издавала на татарском языке общественно-политическую и литературную газету «Сибирья» [2, с. 221].

Число «вестернизированных» семей увеличилось, отражая процесс секуляризации, где некоторые нормы шариата уже не отвечали динамизму их жизни. Проживавшие за пределами Татарских, Бухарских, Ташкентских слободок в «старых» городах региона стали ограничивать число жён и соблюдать правила поведения и нормы, общеевропейские по характеру. У них были «примеры для подражания»: иные из приезжих единоверцев занимали статусное положение: офицеры и даже генералы, чиновники, учителя и медики, некоторые купцы. Но большая часть горожан оставалась приверженцами традиционализма. Примечательны фотографии⁸, запечатлевшие мужчин в сюртуках и френчах, тогда как женщины и дети – в этнической одежде и привычных для их семей головных уборах.

Мусульмане Поволжья и Урала были включены в общие процессы переселения за Урал (хотя на Дальний Восток государством поощрялись славяне-переселенцы). 86,5 % мусульман мегарегиона жило в сельской местности, отражая аграрный характер их занятий [3, с. 167–168] и патриархальность уклада. Но и сельские общины уже делились, как например, в юртах Больше-Акияровских (Тобольская губерния), на татарские и бухарские махалля. Соответственно, это отражалось и на представлении властей о структуре начавшихся изменений. И это иногда настораживало из-за боязни «турского влияния»

В мегарелионе возник целый ряд татарских и башкирских поселений (например, Казанка в Тобольской губернии и три с такими названиями в Енисейской губернии) или махалля (например, Павлодарка в Кыштовке), где воссоздавались традиции мест исхода, в т. ч. гендерные и инновационные.

Заметим, что переход к оседлому образу жизни местных казахов не изменял многих их установок: К. Сулейманов (1904–2016) рассказывал, что его женили в 13 лет по сговору родителей. Невеста была на год моложе, и за неё заплатили большой калым.

И среди мусульманской элиты действовали традиционные правила, например, на «брачном рынке». Например, служивший в г. Нерчинске офицер А. Шихлинский выезжал для женитьбы на Кавказ, где его выбор пал на дочь муфтия, а среди шиитов Восточной Сибири (хотя существовала отдельная община) невесту подобрать не смог – с суннитами браки осуждались. Отношения между суннитами и шиитами контролировались властями, предотвращая конфликты.

За живущими в городах сибирскими татарками и бухарками иногда (и не повсеместно) признавалось право на самостоятельное суждение. Да и гендерные отношения менялись. А вот демографические установки нет: они не могли (или не желали) прерывать беременность. Это отражено в количестве детей. На показатели среди мусульман влияла не только детская смертность из-за слабости (или отсутствия) медицинского обслуживания. Так, среди татар Тобольской и Томской губерний, казахов в Акмолинской области прирост в 6–7 % (на 100 женщин) по данным 1909–1910 гг. уступал приросту населения европейских переселенцев (преимущественно молодых).

Несмотря на усилия джадидов, отношение к женскому образованию долго оставалось консервативным – по требованию сторонников «усули кадими». Например, в женских мектебе Томска обучение было платное, тогда как юноши даже получали пособия от богатых мусульман. Не получив утверждения, в 1909 г. мектебе (и не только для девочек) закрыты. Лишь благодаря стараниям членов Общества мусульман-прогрессистов они вновь открыты.

На сомнения в праве преподавания томский ахун Х.А. Хамитов ответил: «и по настоящую пору в Российской империи нет такого учреждения, которое бы подготавливало учительниц для детей женского пола, так как по исламу воспрещается мужчинам после десятилетнего возраста девочки видеть лицо – за исключением своих родных детей и близких родственников».

Первая мировая война обострила многие процессы в умме, но отразила и формирующуюся поверх этнических и конфессиональных границ конфигурацию новых отношений между мужчиной и женщиной. Об этом говорила двуязычная частушка-диалог:

Милый мой, кайда барасын?

- Милочка, германцев бить!

Милый мой, онда елесін!

- Милочка, не может быть!

Очевидно, что эта форма местного фольклора отражала процессы диффузии культур, где речь русских старожилов обогащалась тюркскими заимствованиями, а мир образов становился полифоничным

В тот период продолжилось крестьянское переселение (с августа до конца 1914 г. в Сибирь прибыло 1,3 тыс., в 1915 г. – 28,2 тыс., в 1916 г. – 7,5 тыс., в 1917 г. – 5,1 тыс. чел.), но к октябрю 1915 г. сюда прибыло ещё 105 тыс. беженцев, среди которых оказалось немало мусульман. Но образовавшийся в связи с призывом мужчин на войну дисбаланс полов не смогли «поправить» и 244,4 тыс. военнопленных [4, с. 359], в т. ч. Турецкой Армии. К 1917 г. многие из них жили за пределами лагерей, а то и в семьях. Так расширился мир представлений о традициях и новациях, привнесённых извне.

Место «стыковки» двух порядков реальности в рассматриваемом пространстве и в конкретный исторический период: осязаемой и предполагаемой – исламская культура и интерпретация её образов в сознании людей, не всегда принадлежавших к этому культурному ареалу. В мегарегионе было представлено достаточно многообразно, а взаимодействие иногда рождало причудливые заимствования.

1. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татар. книж. изд. 1993. 208 с.

2. Павлинова Р. Н., Старостин А. Н., Ярков А.П. Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX – начале XX вв.: по материалам учетных ведомостей ОмДС. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 2018. 489 с.

3. Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: [в 3 т.] / Ярков А.П. (ред.). Т. 2: Сибирский ислам в Средние века и Новое время. М.: Институт Ближнего Востока. 2019. 366 с.

4. Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.] / Ламин В.А. (ред.). Т. 2. Новосибирск: Ист. наследие Сибири. 2009. 808 с.

ВОЙЛОК – ЯРКИЙ ПАМЯТНИК ТВОРЧЕСТВА ТУРКМЕН

Байриева Аджап Джумаевна
канд. ист. наук, этнограф, научный консультант
Национальный музей туркменского ковра, г. Ашхабад, Туркменистан
ajapbayri@gmail.com

Возрождение и сохранение народных традиций в области искусства войлока – важное явление культурной жизни Туркменистана. На основе анализа источников, полевого этнографического материала, в статье показана традиционная технология производства войлочных кошм, декорирования; определено место, роль и значение войлока в повседневно-бытовой, экономической и культурной жизни туркмен в XX в. – спрос на изделия которого имеет заметную тенденцию к усилению в XXI в.

Ключевые слова: туркмены, советский период, войлок, домашние промыслы, кошмовалание, орнаментика, сохранение войлочного искусства.

FELT – A BRIGHT MONUMENT OF TURKMEN CREATIVITY

Bayrieva Adjap Djumaevna
Candidate of Historical Sciences, Ethnographer, Scientific consultant
National Museum of Turkmen Carpet, Ashgabat, Turkmenistan
ajapbayri@gmail.com

The revival and preservation of folk traditions in the field of felt art is an important phenomenon in the cultural life of Turkmenistan. Based on the analysis of sources, field ethnographic material, the article shows the traditional technology for the production of felt, decoration; the place, role and significance of felt in the everyday, economic and cultural life of the Turkmens in the 20th century was determined – the demand for products of which has a noticeable tendency to increase in the 21st century.

Key words: Turkmens, Soviet period, felt, home crafts, felting, ornamentation, preservation of felt art.

Туркменистан – страна древней цивилизации, уникальной культуры и самобытных традиций, ставших неотъемлемой частью всемирного наследия человечества. Испокон веков войлок играл огромную роль в жизнеобеспечении кочевников-скотоводов Евразийского пространства. Искусство изготовления войлочных ковров сложилось у туркмен во времена кочевого образа жизни, когда скотоводство было одним из главных занятий. В каждом домохозяйстве туркмен традиционно занимались обработкой шерсти и выделкой кошмы. [1, с. 5].

Овцеводство в Туркменистане было своего рода визитной карточкой скотоводства, ведущим направлением в разведении мелкого рогатого скота, которое предоставляло, кроме продуктов питания, сырье для изготовления одежды, обуви, войлока, паласов, ковров и различных ковровых изделий и многих традиционных предметов туркменского быта. [2, с.23-30].

Войлочное производство у туркмен получило устойчивую базу развития в условиях натурального скотоводческого хозяйства. Многочисленное поголовье скота, выпасавшееся на обширных пастбищных угодьях, снабжало материалом сапожное и шорное ремесленные производства, давало шерсть, овчину, волос для ковроткачества и войлоковалания, вязального, ткацкого и других промыслов. [3, с. 25–34].

Домашние промыслы включают подсобные занятия земледельческого скотоводческого населения – ковроткачество, кошмовалание, ткацкое производство, а также вышивку. Среди этих видов по объему вырабатываемой продукции и экономическому значению второе место по важности после ковроткачества принадлежало войлочному производству из расчесанной или взбитой непряженной шерсти. [4, с. 14–15].

В 30-е годы XX в. в Туркменистане было осуществлено два крупных мероприятия «Кооперирование мелких товаропроизводителей», в частности кустарей и ремесленников в промкооперации и «Всесоюзную перепись мелкой нецензурной промышленности 1929 г.». Эти мероприятия дали толчок к дальнейшему развитию ремесел в разных областях страны. Они свидетельствуют, что в каждом этрапе страны имелись свои мастера, в частности кошмо-войлочно-валания. На основе домашних

промыслов и были созданы государственные промышленные предприятия - кошко-войлочновалайные заводы и другие фабрики. [5, с. 45–47].

Валяние войлочных ковров весьма распространенное традиционное ремесло в Туркменистане. Туркмены испокон веков широко использовали в быту войлок, находивший свое применение во многих традиционных обрядах, религиозных, свадебных и семейно-бытовых. [6, с.15-20].

С древнейших времен свой дом туркмены называли войлочным домом. Белым войлоком туркмены украшали новые юрты, где начинали свою жизнь молодожены после свадьбы. Ритуал символизировал рождение в новом статусе с пожеланиями продолжения рода. Войлок покрывал юрту, защищал домочадцев от солнца, ветра и влаги, утеплял и украшал пол, превращал стены в галерею ковровой живописи. Одетая в оболочку шерсти юрта являла собой образ Золотого Руна. [7, с.42-45].

Туркмены очень любят шерсть и предметы, изготовленные из шерсти. Например, кошма не только обладает тепловым эффектом. Она препятствует проникновению в жилище опасных насекомых – каракурт и скорпионов, благодаря своему жесткому ворсу со специфическим запахом. А мягкую кошму, изготовленную из шерсти ягнят, часто использовали для лечения больных.

У каждой этнической группы туркмен можно увидеть удивительные кошмы со старинными узорами, которые использовались нашими предками в быту: украшения на лошадь, попоны, наседельники, стельки для обуви, молитвенные намазлыки, чехлы, чепраки, сумки, пастушеские принадлежности и даже такую кошму, подкладываемую быку под ярмо. Среди этнических групп туркмен войлочный ковер на долгие годы был неизменным спутником любой семьи. Люди спали на войлоке, одевались в войлочную одежду, коней укрывали войлочной попной. Войлок оберегал от злых духов и вражеских стрел, спасал от зноя и холода. [8, с.23-25].

Изготовление кошмы представляет собой несколько этапов. Стрижка овец проводилась, как правило, дважды в год: весной и осенью. Производилась она традиционным ручным способом при помощи используемых у всех туркмен специальных больших железных ножниц гыркылык длиной 40–50 см, изготавливаемых местными мастерами-кузнецами. Хранились они в специальных войлочных ножнах-футлярах. При весенней стрижке с каждой взрослой овцы местной породы в дождливую весну получали 1,5–2 кг шерсти. [9, с. 270–277].

Состриженную шерсть очищают вручную от сорных примесей и предварительно разбирают (треплют) ее пряди. Работу производили в юрте, чтобы ветер не разносил шерсть. Несколько женщин взяв в руки по две гибких, примерно полуметровых палки, начинали бить по шерсти. т. е. разрыхляли волокнистую массу, распушали ее. Это способствовало улучшению взаимосвязи волокон и облегчению размещения шерсти по раскладываемой поверхности.

После мойки и просушки, чистую шерсть красили. В прошлом для окраски шерсти использовали натуральные красители: из кожуры от грецких орехов, гранат, луковую шелуху и многое другое. После того как шерсть окрасилась в отваре, ее промывали и раскладывали на просушку. Затем ее вторично сортировали и прочесывали специальными ческами, чтобы получить мягкое, шелковистое волокно.

Окрашенную и просушенную шерсть разбирают руками на группы, после чего расчесывают шерсть на специальной деревянной чесалке йун дарак, при этом собирали только добротную шерсть. Чесальный гребень имеет вид трехгранной призмы с зубьями из тонких, часто набитых гвоздиков без шляпок или игл.

Каждую группу шерстяных волокон расчесывают и складывают отдельно друг от друга. Это трудоемкая работа требовала от мастериц отделить грубую шерсть от начесов, а из длинной, мягкой шерсти приготовить кудели. Из куделей вытягивали жгуты различной толщины и сматывали в клубки. Из жгутов для непрерывной линии орнаментального мотива наносили ажурным узором контуры будущего рисунка: центральное поле и бордюры.

По окончании расчесывания шерсти женщины приступали к раскладке узора. После такой тщательной подготовки женщины раскладывали камышовую циновку или подстилку: полотно из холщовой ткани, которые должны быть несколько больше, чем размеры предполагаемого войлочного ковра. Поверх холщовой ткани или циновки наносили рисунок из разноцветной шерсти. Шерсть выкладывали равномерно по заданному размеру высотой примерно на 3–5 см. Опытная мастерица время от времени проверяла высоту выложенной шерсти с помощью поднятой вверх ладони.

Основа, как правило, бывает черного или темно-серого цвета. Разложенную шерсть сбрызгивали горячей водой. Рулон, который в результате получался, перевязывали в нескольких местах и катали руками около часа. На нее наносили узор, накладывая сверху шерстяные пряди. После того, как был выложен весь узор, войлочное полотно снова сворачивали в тугий рулон и опять валяли. Его ка-

тали руками, надавливая на него с силой. Через 5–7 минут войлок разворачивали, поправляли рисунок, при необходимости подкладывая шерсть. В результате такого валяния получается узорный войлок гулли кече, который изготавливают при помощи мокрого валяния, известного с давних времен.

В каждом регионе есть свои особенности и традиционные узоры из войлока. Основными цветами туркменских войлоков являются красный, черный и белый цвета, а основным узором - стилизованный бараний рог. Гладкий одноцветный войлок красив и без орнамента, он привлекает естественностью природного материала. У прикаспийских туркмен распространены напольные войлочные ковры с геометризированным орнаментом на белом фоне, такая кошма входила в приданое невесты. В Туркменистане, на юго-западе, туркменки валяют двусторонние кошмы, превосходно выполненные по качеству, тонкие по технике орнамента. В простых геометрических фигурах, растительных, зооморфных и антропоморфных элементах отражаются особенности окружающей природы. Линии, штрихи, круг, крест, квадрат, ромб — это предельно стилизованные изображения, обозначающие солнце, луну, звезды, хвост скорпиона, бараний рог гочак, древо жизни - дарагт – и т. д. [10, с.231-24]

Эти элементы орнаментов, присутствующие на туркменских войлоках, встречаются и в вышивках, и на коврах, что свидетельствует о глубокой устойчивости традиций, дошедших до нас через единственное сохранившееся художественное ремесло. Материал, техника, стиль, характерные, ведущие мотивы орнаментики в совокупности с терминологическими совпадениями говорят о генетической близости художественной культуры туркмен с другими тюркоязычными народами.

Изготовление войлочных изделий имеет богатейшую историю и традиции. Сегодня в Туркменистане уделяют особое внимание развитию народных традиций, поэтому изготовление кошмы не канет в прошлое еще много-много столетий. Традиция изготовления войлока у туркмен похожа на ту, что использовали многие народы Средней Азии и Казахстана. Многофункциональность использования войлока в обрядах, прежде всего, способствовала сохранению традиций изготовления войлочных ковров.

Возрождение, сохранение и обогащение народных традиций в области искусства войлока – важное явление культурной жизни Туркменистана. На ежегодных праздниках - конкурсах, организованных Союзом женщин Туркменистана, осуществляется передача народными мастерицами молодому поколению богатого опыта в развитии декоративно-прикладного искусства.

В век высоких технологий, и применения разнообразных современных материалов человечество вновь обращается к истокам древних ремесел, к культурным и историческим ценностям общества. Так произошло и с туркменским войлоком, одним из древнейших материалов, популярным сейчас во всем мире и сохранившим ручной способ производства.

Список литературы

1. Оразов А. Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Туркмении. М., 1964. 10 с.
2. Нурмухамедов К. Кочевые скотоводы туркмен и их расселение в XIX – начале XX в. // Вопросы этнографии туркмен. Ашхабад, 1980. С. 29–49.
3. Пиркулиева А. Н. Войлочные изделия туркмен Средней Амударьи во второй половине XIX – начале XX в. // Известия АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1964. № 2. С. 25–34.
4. Пиркулиева А. Н. Домашние промыслы и ремесла туркмен долины Средней Амударьи во второй половине XIX – начале XX в. Ашхабад, 1973. 84 с.
5. Рафаенко В. Я. Народные художественные промыслы. М.: Знание, 1988. 172 с.
6. Джикиев А. Свадебные обряды у туркмен-салыров в конце XIX – начале XX в. // Тр.ИИАЭ.Т.7. 1963. С. 151–164.
7. Байриева А. Наследницы традиций. А.: Ылым, 2015. 147 с.
8. Васильева Г. П. Туркменские узорные кошмы // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1970. № 1. С. 23–25.
9. Васильева Г. П. Узорные войлоки туркменских мастериц // Народные мастера: традиции, школы. М., 1985. Вып.1. С. 270–277.
10. Байриева А. Туркменская женщина – украшение наследия. А.: Ылым, 2016. 147 с.

«ДОМ НА ОКРАИНЕ»: ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ПОЛЬСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ
В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
В КРАСНОТУРАНСКИЙ РАЙОН КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Зберовская Елена Леонидовна
канд. ист. наук, доцент

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
г. Красноярск, Россия
zberovskay@mail.ru

В дореволюционной России представления о Сибири были связаны с окраинной, но безграничной в пространственном отношении, территорией. Растущая в к. XIX – н. XX вв. миграция из европейской части империи привела к появлению множества новых поселений, основанных переселенцами разных национальностей. Некоторые сохранились до настоящего времени, вобрав себя весь колорит полиэтнического сибирского мира. В настоящей статье рассматривается вопрос о существующих практиках сохранения польских культурных традиций в маленьком селе Александровка Краснотуранского района Красноярского края, как пример поддержания самобытной этнической культуры в поликультурной среде.

Ключевые слова: поляки-мазуры, баптисты, добровольные переселенцы, этническое самосознание, самоидентификация, традиции, ассимиляция.

«HOME ON THE EDGE»: PRACTICES OF PRESERVING POLISH CULTURAL TRADITIONS IN THE
POLY CULTURAL ENVIRONMENT (BASED ON THE MATERIALS OF THE HISTORICAL AND
CULTURAL EXPEDITION TO THE KRASNOTURANSKY DISTRICT OF THE KRASNOYARSK
TERRITORY)

Zberovskaya Elena Leonidovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Pedagogical University named after V. P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia

In pre-revolutionary Russia views about Siberia were associated with an outlying but spatially boundless territory. The growing migration from the European part of the empire in the late XIX – early XX centuries led to the emergence of many new settlements founded by immigrants of different nationalities. Some of them still exist at the present absorbing the whole flavor of the polyethnic Siberian world. In this article the issue of the existing practices of preserving Polish cultural traditions in the small village of Alexandrovka, Krasnoturansky district of the Krasnoyarsk Territory is considered as an example of keeping an original ethnic culture in a polycultural environment.

Key words: polish mazurs, Baptists, voluntary migrants, ethnic identity, self-identification, traditions, assimilation.

На территории Красноярского края, как и в других регионах Сибири, сохранились немногочисленные национальные сельские поселения, этнический состав которых многообразен. Среди них есть и села, основанные в конце XIX – начале XX вв. добровольными переселенцами с западных губерний Российской империи: немцами, полякам и др. В Красноярском крае в настоящее время осталось два немецких поселения Николаевка (Гнадендорф) и Александровка, которые находятся на юге региона - в Краснотуранском районе. Сведения об их появлении отложились в разных источниках: краевом государственном архиве [1], в Списках населенных пунктов Енисейской губернии, составленных в начале прошлого века Енисейским районным переселенческим управлением [2, с. 48], в современном энциклопедическом словаре населенных пунктов и мест поселения «Немцы России» [3, с. 19].

Посещение деревни Николаевна несколько лет назад убедило нас, участников историко-культурной экспедиции, что жители сохраняют немецкий язык и культуру. В Александровке мы остановились у первого дома на окраине села и услышали историю о сохранении польских культурных традиций. Село оказалось не польским и не немецким, а смешанным, а наша собеседница - тем человеком, кто сохраняет историю села и поддерживает польские культурные традиции.

О польских корнях жителей деревни Александровка писал д.и.н. С.В. Леончик, долгое время возглавлявший культурно-национальную общественную организацию «Полония» в г. Абакан [4, с. 68]. В 2013 г. журналистами студии «Этнос» музея-заповедника «Шушенское» был сделан небольшой репортаж о поляках из Александровки [5].

Одной из основных тем нашей встречи была тема самоидентификации нашей собеседницы. Она считает себя и супруга поляками. Определяющим маркером здесь выступает польский язык, на котором в семье свободно изъясняются. Польский язык был основным и у старшего, уже ушедшего, поколения семьи. Понимание этнического самоопределения было важным и в связи с тем обстоятельством, что когда отец (1934 г.р.) нашей информантки сделал запрос в архив г. Красноярск, ему пришли документы, что он немец, после чего он поменял паспорт и «переписался на немца». «А бабушка моя хорошо говорила по-немецки... считаемся мы поляки, но если поглубже копнуть, оказывается мы – немцы». «А я по-немецки совершенно не умею» [6]. Вероятно, смешанное польско-немецкое население в Александровке было с первых лет основания (дата основания села 1896 г.), когда с Волынской, Плоцкой и Гродненской губерний прибыли первые переселенцы. Перепись 1926 г. зафиксировала в деревне 368 жителей с преобладающим немецким населением [1].

В условиях долго проживания вне исторической родины, в поликультурной среде, практики сохранения собственного языка и культуры привлекают внимание. Использование польского языка стало возможно благодаря наличию довольно широкого круга его носителей. По-польски говорит не только муж нашей респондентки, но и часть жителей деревни. В школе польский язык не учили, и если со старшими детьми в семье общались на родном языке, то с младшими пришлось говорить только на русском, потому общение дома на польском мешало усвоению русского языка в школе.

В Александровке сохранился мазурский диалект. Наша собеседница отмечает, что современный польский язык отличается от александровского говора. У поляков много новых слов, которых жители деревни не используют. «Нет тесного общения с польской стороной, потому и неизвестны новые слова. Но все равно разговор понятен» [6]. В зависимости от ситуации жители Александровки могут использовать и польский и русский язык, легко переходя с одного на другой. В целом, такая ситуация билингвизма достаточно типичная для представителей этносов, длительное время живущих в иноязычном окружении [7, с. 285].

Общение в повседневной жизни на родном языке является определяющим не только для самоидентификации, но и в поддержании польской песенной традиции. «Одну песню мы выучили, ну и по интернету одну скинули» [6]. Фольклорная мини-группа состоит из четырех человек – жителей села, знающих польский язык. Для выступления есть национальные костюмы. Очевидно, что исполнение национальных песен сейчас востребовано, поскольку коллектив из Александровки приглашали на песенные фестивали. Дочь нашей собеседницы была участницей польского фольклорного коллектива в Абакане, с которым они выступали не только в российских городах, но и в Республике Польша. «А вот у родителей – вспоминает информантка – костюмов не было. Я, во всяком случае, не помню» [6]. Обращение к песенной и танцевальной культуре, создание таких национальных коллективов стало результатом самоорганизации представителей разных национальностей в постсоветской России, вспомнивших о своей истории. Их инициатива поддерживается на региональном уровне [8].

Важной составной частью этнического самосознания поляков остаются национально-религиозные праздники. В деревне Александровка давно существует баптистская община. Большие праздники отмечаются жителями деревни совместно. Этой традиций несколько десятков лет, с тех пор, когда в деревне (еще в советский период) обосновались баптисты. Отсутствие традиционного для поляков костела в селе объясняется самой историей первых переселенцев поляков-мазур, которые были лютеранами [4, с. 69]. «Рождество мы отмечаем 24 (декабря), как и католики» - отмечала информантка. Важным праздником была Троица: «если Троица была, мама ходила, собирала цветы в траве, травку и устилала дома пол» [6]. По мнению нашей собеседницы, такие праздники не были чем-то особенным. Наверное, поэтому основным в религиозно-праздничном календаре для поляков в Александровке остается Рождество.

В польских семьях деревни Александровка сохранилась традиция приготовления блюд национальной кухни. «У нас каждую субботу – это закон – капуста с мясом и картошка круглая... часто делали драники, стряпали вушты», Технология приготовления передавалась от старшего поколения к младшим – «мои дети говорили: такой суп делает только наша баба Миля...» [6]. Рецепты не записывались, а запоминались в ходе регулярных практик приготовления.

Поддержанию польскости жителей Александровки способствуют и внешние факторы – внимание со стороны культурно-национальной общественной организации «Полония», находящейся в г. Абакан. Наша респондентка рассказала о нескольких посещениях одного из руководителей этой ор-

ганизации С.В. Леончика. Он проявил живой интерес к местным полякам, привозил польские издания (в том числе журнал «Rodacy») [9]. Дочь информантки была участницей польского танцевального коллектива в Абакане, созданного при хакасской «Полонии», участвовала в организованных национальных праздниках. О связях с абаканской организацией, которые установлены давно, в ходе беседы было сказано неоднократно. А вот о красноярском «Доме Польском» наша информантка ничего не знала. Установленные с абаканской организацией контакты позволяют жителям Александровки чувствовать связь с польским сообществом, выходящим далеко за пределы их маленькой деревни.

Наша встреча в доме на окраине деревни Александровка оказалась возможностью заглянуть в мир сибирских поляков. Основным фактором сохранения культурных традиций и желания их поддерживать стало использование родного языка. Он выполняет не только функцию общения, но и культурного самоопределения селян (в песнях, костюмах, танцах). Носителями польских традиций и языка, по признанию самих жителей, является старшее и среднее поколение александровцев. Молодежь уезжает в город и, вступая в межнациональные браки, утрачивает прежние традиции и язык. Таким образом, ассимиляционные процессы настигают и потомков поляков-мазуров, как и представителей других этнических групп, долго время проживающих в полиэтническом окружении.

Список литературы

1. У истока. URL: <https://uistoka.ru/aleksandrowka/istoriya>
2. Список населенных пунктов Енисейской губернии (с приложением списка русских поселений в Урянхайском крае и схематической карты волостей Енисейской губернии. – Красноярск, Енисейская губернская типография 1911. 52 с.
3. Немцы России: населенные пункты и места поселения: энциклопед.словарь/ Сост. В.Ф. Дизендорф. – Москва, 2006. 472. URL: <https://wolgadeutsche.net/diesendorf/Ortslexikon.pdf>
4. Леончик С.В. Поляки-мазуры в Енисейской губернии. Прошлое и настоящее. // Поляки в Приенисейском крае: сб.материалов межрегион.науч-практ.конф. и семинаров «Польская тема в работе архивов и музеев Хакассии и Красноярского края» 2003–2004 гг.// Сост. С.В. Леончик. Абакан, 2005. 124 с.
5. Польская конференция в музее – день второй. Экспедиция в деревню Александровка. URL: https://www.youtube.com/watch?v=q-АО_5jsQ8
6. СЛБ, КГПУ, Александровка, 2018, ПФ-81 (материалы историко-культурной экспедиции в Краснотуранский район Красноярского края, проводившейся автором в июле 2018 г.).
7. Дятлова В.А. Диалекты российских немцев //Российские немцы/Отв. ред. Т. Б. Смирнова, В. А. Тишков. М., 2021. 719 с.
8. Государственная программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края. URL: <http://www.krskstate.ru/realization/gosprog/0/id/16543>
9. Rodacy/Соотечественники. URL: https://www.rodacynasyberii.pl/rodacy_numery/2023/103/

УДК 39:391

ТУРКМЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ – ЦЕННЫЙ ОБРАЗЕЦ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Перделиева Махри Курбанмурадовна

канд. ист. наук, этнограф, старший преподаватель

*Туркменский государственный университет имени Махтумкули, г. Ашхабад, Туркменистан
mahrigurbanmyradowna@gmail.com*

Хоммиев Тойлы Бабагельдыевич

старший преподаватель

*Туркменский государственный университет имени Махтумкули, г. Ашхабад, Туркменистан
hotmyewt@mail.ru*

В статье рассказывается о ювелирном деле – об одном из самых совершенных видов народного декоративно-прикладного искусства туркменского народа. Туркменских ювелиров, как и ковровщиц, отличает то, что они прекрасно знают свою профессию, обладают обостренной чувствительностью и подходят к своему творению как художник. Туркменские украшения отличаются художе-

ственным совершенством, разнообразием и многогранным содержанием. В их создании, наименовании и оформлении отразились история народа, национально-культурные особенности, духовный мир, религиозные традиции и творческие способности народа. Также в статью включена информация о знаменитых, но малоизвестных сегодня мастерах ювелирного дела.

Ключевые слова: туркмены, ювелирное искусство, мастера, украшения, эстетическое воспитание.

TURKMEN JEWELRY IS A VALUABLE EXAMPLE OF FOLK CULTURE

Perdeliyeva Mahri Kurbanmuradowna
Candidate of Historical Sciences, Ethnographer, Senior Lecturer
Turkmen State University named after Magtymguly, Ashgabat, Turkmenistan
mahrigurbanmyradowna@gmail.com

Hommyyev Toyly Babageldyyevich
Senior Lecturer
Turkmen State University named after Magtymguly, Ashgabat, Turkmenistan
hommyewt@mail.ru

Jewelry is one of the most highly developed folk arts and crafts of Turkmens. Jeweler is one of the most popular professions in the country. Turkmen jewelers, like carpet makers are distinguished by fact that they know their profession perfectly, have heightened sensitivity and approach their creations like an artist. This article also includes information about artisans who are famous for making jewelry, but who are unrenowned today. Turkmen jewelry is distinguished by its artistic excellence, diversity and multi-color content. The past history, national and cultural characteristics, spiritual world, religious tradition, and creative ability of the people have found their expression in their creation, naming, and design.

Key words: Turkmens, jewelry, craftsmen, jewelry, aesthetic education.

Издrevле ювелирным делом у туркмен занимались мужчины. Создавая украшения, они работали с большой тщательностью и вдохновением. Наши предки согласно пословице «семь раз отмерь, один раз отрежь» бережно и экономно относились к ювелирным изделиям, драгоценным металлам – серебру, золоту и драгоценным камням – бриллиантам, изумрудам, сердолику, бирюзе, яхонтам. Прежде чем приступить к изготовлению крупного украшения, статуи, талисмана, диадемы или банта, ювелиры определяли благоприятный или неблагоприятный день. Затем они молились Богу и давали садака Пророку Давуду и Байрам-говедже. Эти пиры считались покровителями ремесел и ювелирных изделий.

Виды украшений, созданные и носившиеся туркменами в прошлом, особенности их изготовления, способы украшения узорами издавна привлекали внимание многих людей. Путешественники и ученые на территории нашей страны интересовались ими и оставили свои записи. Например, в трудах С.Г. Гмелина [4], Н. Н. Муравьева [10], А. Вамбери [2] и Генри де Блоквиля [5] появляются первые сведения о туркменских украшениях и их характеристиках. В работах Ф. А. Михайлова [8], А.С.Морозовой [9], Г. П. Васильевой [3] и Н.Г. Борозной [1] описаны виды туркменских украшений, региональные особенности их ношения конца XIX — начала XX века.

Множество украшений было найдено в ходе археологических раскопок, проводимых на территории страны. Ценными находками являются три золотых браслета и около двухсот монет из сплава золота и серебра, найденные в 1967 году Т. Довлетовым по следам средневекового города Мерверуд на территории Марыйского вelayata. Один из золотых браслетов весит 315,77 грамма и был искусно изготовлен из золотой проволоки средневековыми ювелирами [11, с.11].

Туркменское ювелирное искусство – это искусство в искусстве, и задача ювелира – найти прекрасную гармонию между этими двумя искусствами. Талантливые туркменские ювелиры успешно справляются с этой задачей. Если туркменские ковры были популярны и востребованы на мировых рынках, то ювелирное искусство сумело достичь такого же уровня. Ювелирное ремесло Туркменистана достигло очень высокого уровня, а его продукция вышла за пределы внутреннего рынка, и пользуется спросом в соседних регионах.

Большая часть украшений, представляющих собой прекрасное произведение ювелирного искусства, предназначалась для девушек и женщин, а небольшое количество использовалось для украшения коней, верблюдов, военных инструментов и других предметов быта, имеющих большое значение.

ние в жизни туркмен. Эти изделия различаются по конструкции и назначению, а названия у них многогранные. Но, несмотря на это, ни одно из их названий не было дано случайно – исходя из определенных принципов. Названия некоторых украшений связаны с местом их ношения, названием частей человеческого тела. Например, «eginlik» (наплечник), «boýunbukaw» (ожерелье на шею), «saçlyk» (украшение для волос), «saçýüzi» (украшение поверх волос), «gursakça» (нагрудник), «bilezik» (браслет), «aýakbukaw» (украшение для ног), «ýeñselik» (украшение затылочной части головы), «maýlaýlyk» (украшение на лбу), «emelik» (украшение для лица), «gerdendoga kümüş» (украшение для плеч), «alynşauý» (украшения для лба), «gyňajuju» (украшение на платок), «ýaşmakuju» (украшение для яшмака), «ýeñdüwme» (украшение для рукавов), «ýakabagjuk» (украшение для ворота), «göbeklik» (украшение для пояса), «damakgarga» (украшение на горло) и другие. Каково назначение таких украшений видно уже из их названия.

По возрасту, полу и месту ношения туркменские украшения можно разделить на следующие группы:

1. Ювелирные изделия, которые носят женщины.
2. Украшения для детей.
3. Ювелирные изделия для скакунов.

Как поэты и бахши, ювелиры были уважаемыми людьми в народе. Их имена пользуются большим уважением повсюду. Например, достойное место в памяти народа заняло имя ювелира Оразполата, жившего в XIX веке в селе Гаррыкяриз в Гёкдепе. Он был наставником многих мастеров-ювелиров, таких как мастер Посман из села Ясмансалык, Мамметяр Довлетмырат, мастер Шадурды из села Гарадамак и его сыновья Байраммухаммет и Гурбансахет. По словам старейшин, Оразполат считался мастером всех ювелиров Ахалского веляята во второй половине XIX – начале XX века. Не менее талантливым, чем Оразполат, был его соотечественник Хезил Усса (ученик младшего сына Оразполада Гурбансахеда).

Существует также легенда, свидетельствующая о высоком уровне мастерства Оразполада. Однажды Оразполат отправился в гости к мастеру Абылу (Абыл Гыммат), который жил в селе Коши под Ашхабадом. Когда гость вошел с приветствием, мастер Абыл был занят работой. Мастер поприветствовал его и вернулся к своей прежней работе. Хоть он и много слышал его имя, мастер Абыл, еще не видевший самого Оразполада, не обратил особого внимания на этого гостя. Гость не хотел мешать работе мастера и сидел молча. Таким образом, мастер Абыл работал еще некоторое время. Последний, не закончив свою работу, вышел, а Оразполат взял неоконченную работу и нарисовал на поверхности узор, покрыл золотом, прижег огнём, вытер и положил на прежнее место. Когда мастер пришел, то увидел свою работу оконченной. Он сказал своему гостю: «Кто ты будешь?». После того, как гость представился, мастер Абыл попросил прощения [13].

Было много других искусных мастеров, живших в Ахале, кроме Оразполата. Например, Маммет Нурсахедов из Безмеина обучил своих односельчан Тагана Сапармергена, Нурберды Аллаберды, Ага Полата, Ашира Атака, Атабая Аннаглыджева и Мамметли Айдогдыева, ставшими высококвалифицированными ювелирами.

Мамметли Айдогдыев (1888–1971 гг.) был принят в члены Союза художников Туркменистана в 1953 году за активное участие в художественных выставках, организованных Республиканским Домом народного творчества и Союзом художников Туркменистана. Известный ювелир также воспитал в свое время многих мастеров-ювелиров, таких как Мелехан Абдырахман, Сейитназар Ходжагелди, Торлы Аба, Депил Кел Оглы, Овез Куртиев и Сетдар Айдогды. Гул Бабаниязов – один из ювелиров, отличающихся интересным творчеством. В 1950-е годы его также приняли в Союз художников СССР.

Братья Хуммет (1885–1960 гг.) и Анналы (1888–1980 гг.) Чакаевы из села Корсагыр в Гёкдепе также являются прекрасными мастерами своего дела, известными ювелирами во всем Ахале и Мары. Они выросли под наставничеством своего отца мастера Чака (Чака Сарыев). Наставником мастера Чаки был его односельчанин Атабай Джанали. У мастера Чаки также было много учеников из Кызыларбата, Гёкдепе, Безмеина и Ашхабада. Работы мастера Анналы отличаются высокой художественностью и особой лирической красотой [13].

Ювелирные изделия, созданные с усердием, также используются в качестве укрепляющего средства для здоровья. Еще в древности было известно, что серебряная монета, брошенная в непригодную для питья воду, очищает её. На основе жизненного опыта установили, что детям с нарушениями речи полезно пить воду из золотой или серебряной чашки. По словам информаторов, золотые и серебряные украшения имеют большое значение в защите от вредных лучей Солнца. По древней традиции, когда новорожденного ребенка купают после сорока дней, в воду бросают серебряную монету

[13]. Давать серебряную монету молодоженам во время проведения обряда никах – хорошее поверье, которое делается с пожеланием быть чистыми сердцем, честными и жили в достатке. Существуют также поверья о камнях, используемых в украшениях. Камень бирюза защищает человека от отравления. В древние времена, если подозревали отравление еды или питьевой воды, проверяли это, бросая в нее кольцо с бирюзой. Бирюза – камень небесно-голубого, темно-синего цвета с белыми прожилками, считается также камнем любви. Этот камень часто носят молодые [1, с.292]. Кроме того, стружка драгоценных камней, таких как жемчуг, перламутр и янтарь, использовалась в народной медицине при различных недугах [1, с.293].

Изготовление украшений из серебра требует чистоты, терпения, острого глазомера и ловкости. В отличие от металлообработки и столярного дела, ювелирное дело требовало силы, а инструменты для его изготовления были легкими. Ювелирное искусство требовало от мастера неустанной работы и создания красивых украшений. Этнограф А. Долгов пишет, что существуют региональные различия в технике изготовления украшений у туркменских ювелиров [7, с.18].

В 1965 г. был открыт отдел народно-прикладного искусства при Союзе художников Туркменистана, который объединил плеяду молодых туркменских ювелиров нового поколения [6, с.232]. Большое внимание также уделяется дальнейшему развитию ювелирного искусства и развитию талантливых молодых ювелиров. С этой целью в 1967 году в тогдашней Туркменской государственной художественной училище имени Шота Руставели было открыто ювелирное отделение. Этот отдел возглавил известный ювелир Эсен Союнов [12, с.387]. Студенты этого отделения не только изучают изобразительное ювелирное искусство, но и осваивают сложные формы реалистического изобразительного искусства, а также изучают историю мирового искусства.

Ювелирное искусство, как и гончарное дело, ковры и другие виды народного творчества, передавалось из поколения в поколение, донося до нашего времени свои прекрасные древние образцы. Сегодня в Туркменистане выросла и творчески работает большая группа талантливых молодых ювелиров.

Список литературы

1. Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах – украшениях населения Средней Азии. // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. Сбор.стат. М.: Наука, 1975. С.281 – 297.
2. Вамбери Армений. Путешествие по Средней Азии. М.: Вост.лит., 2003. 320 с.
3. Васильева Г. П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. – М.: Наука, 1969. 289 с.
4. Гмелин С.Г. Путешествие по Каспийскому морю на восточный его берег в 1773 г. // Труды Туркменского географического общества. Вып. I. – А.: Изд. АН ТССР, 1958. – С. 193–226.
5. Генри де Блоквиль. Туркменлериңкиде есирликде. – А.: Алтын гушак, 1992. 85 с.
6. Долгов А. А. Туркменские традиционные ремёсла. М.: Старый сад, 2022. 424 с.
7. Долгов А. Техника ювелиров Серахского оазиса // Памятники Туркменистана. 1974. № 1. С.18–21.
8. Михайлов Ф. А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. Ашхабад, 1900. 79 с.
9. Морозова А. С. Головные уборы туркмен. // Труды института истории, археологии и этнографии АН ТССР. т. VII. – А.: Изд. АН ТССР, 1963. – С.81–118.
10. Муравьёв Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. ч 1. М., 1822. 144 с.
11. Хожаниязов Т. Сырлы хазыналар. А.: Ылым, 1975. 60 с.
12. Туркменистан совет социалистик республикасы. Ашгабат, 1978. 424 с.
13. Полевые записи авторы (2020 г.).

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР РОССИИ: ПЕРЕКРЕСТЬЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ СЕРЕДИНЫ
XX СТОЛЕТИЯ

Столетова Анна Сергеевна
канд. ист. наук, доцент
Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия
Stoletowa-A-S@yandex.ru

В статье раскрывается тезис о том, что территория Европейского Севера несмотря на удаленное от центра географическое положение не являлась периферийной зоной, наоборот, она активно включалась в российское литературное движение. Архангельская и Вологодская областные писательские организации были известны на всю Россию, члены отделений которых оставили богатое литературное наследие.

Ключевые слова: Европейский Север, деревенская проза, писательская организация, А. Я. Яшин, Ф. А. Абрамов, В. И. Белов, культурно-массовая работа.

EUROPEAN NORTH OF RUSSIA: CROSSROADS OF LITERARY RELATIONS IN THE MIDDLE OF
THE XX CENTURY

Stoletova Anna Sergeevna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
FSBEI HE «Vologda State University», Vologda, Russia
Stoletowa-A-S@yandex.ru

The article reveals the thesis that the territory of the European North, despite its geographical location remote from the center, was not a peripheral zone; on the contrary, it was actively included in the Russian literary movement. The Arkhangelsk and Vologda regional writers' organizations were known throughout Russia, the members of whose branches left a rich literary heritage.

Key words: European North, village prose, writers' organization, A.Ya. Yashin, F.A. Abramov, V.I. Belov, cultural work.

В августе 1934 г. в Москве состоялся Первый Всесоюзный съезд писателей. Он послужил толчком к активизации деятельности литобъединений. В середине 1930-х гг. литературная жизнь Севера сконцентрировалась в Архангельске, где собирались писательские силы Северного края. Через год в 1935 г. на съезде писателей Северного края была образована Архангельская областная писательская организация. В подготовке данного мероприятия принимал участие писатель-вологоджанин А. Яшин, первым руководителем выступил Н. Попов.

С начала 1950-х гг. оживилась литературная жизнь Вологды [1]. На протяжении периода прошла череда литературных собраний и конференций, семинаров молодых авторов и областных совещаний [2], что привело к открытию в 1961 г. Вологодского областного отделения Союза писателей [3, л. 2; 4, л. 59]. С этого момента в Вологду стекаются писательские силы края и таланта, работавшие вне его границ. К моменту образования писательской организации в Вологде уже жил переехавший из Архангельска И. Полуянов. В 1963 г. в Вологду (из Архангельской области) приезжает жить и работать член Союза писателей СССР О. Фокина. В то же время архангельский Север стал второй родиной для Н. А. Журавлева, родившегося в Ивановской области и приехавшего в Архангельск в 1950-е гг. А. Левушкин, родившийся в Рязани, переехал жить в Архангельск в 1964 г. [5, с. 184–185]. В конце 1960-х гг. писатели из Москвы, Ленинграда, Петрозаводска часто посещали Архангельск. Их печатали в газетах «Правда Севера» и «Северный комсомолец», произведения передавали по радио [6, л. 31]. В конце 1960-х гг. в Вологде жил и работал Ю. Надточий, с 1969 г. – член Союза писателей СССР В. Астафьев [7, л. 4, 6; 8].

Таким образом, обе рассматриваемые писательские организации принимали иногородних, уже известных писателей, что не могло не влиять на их статус. Кроме того, на все крупные события региона приглашались жившие за пределами Архангельской и Вологодской областей (но родившиеся в северной деревне) старшие именитые авторы: А. Я. Яшин, С. С. Орлов, С.В. Викулов, Ю.Е. Пиляр,

К.И. Коничев и др. Все они внесли весомый вклад в развитие молодых творческих сил, в т. ч. фигур В. И. Белова, Н. М. Рубцова, А. А. Романова, В. В. Коротаева и др.

Основание в 1964 г. в Архангельске Северо-Западного книжного издательства, соединило издательское дело Архангельской и Вологодской областей [9]. Этот процесс углубился в 1965 г., когда журнал «На рубеже» был преобразован в межобластной журнал для Вологодской, Архангельской, Мурманской, Новгородской областей и республики Карелия, а с 1966 г. – Республики Коми под новым названием «Север». Авторы получали доступ к всесоюзной литературной арене, укрепился писательский актив региона.

Расцвету литературного поля писателей-северян способствовала позиция местной вологодской власти, от убеждений которой и типа взаимоотношений с писателями зависело развитие литературной деятельности. На протяжении периода 1960-х гг. в Вологодской области прослеживается заинтересованность руководящих органов различных уровней в установлении связей и контактов с писателями, их особое внимание к творческой работе. Представители власти не только осуществляли контроль за деятельностью литераторов посредством организации и участия в собраниях, приемах в обкоме, постановки задач в свете партийных требований, разговора о формах работы с читателем и укреплении связи с народной жизнью, представления предложений и рекомендаций по тематике произведений, переписки с ответственными секретарями отделения Союза писателей, но и активно оказывали помощь в разрешении квартирного вопроса, расширении возможностей писателей, что повлияло на численный рост писательского актива [10].

Нельзя не отметить, что указанный регион стал родиной «деревенской прозы». Писателей, как выходцев из сельской местности увлекали судьбы деревенской местности и ее жителей, тружеников и рабочих, потенциал лесного и озерного края. Архангелогородцев захватывала также морская тематика, жизнь мореходов и тружеников различных производств. Тем не менее в ряду родоначальников искомого художественного направления, которому свойственно изображение быта, судеб, социальных проблем и традиций крестьянства стояли как представители Вологды, так и Архангельска.

Первым в данном ряду является А.Я. Яшин и его остродискуссионная проза: рассказ «Рычаги» (1956 г.) о партийно-бюрократическом устройстве жизни, рассказ «Вологодская свадьба» (1962 г.) и повесть «Сирота» (1962 г.), поднимавшие вопросы социального, хозяйственного и нравственного мироустройства. Публикация данных произведений стала большим событием не только в литературной, но и в общественной жизни России. Была развита идеологическая кампания, А. Яшин был наречен «очернителем советской действительности», властью инспирированы разгромные письма земляков с упреками автору. При этом нужно отметить, что описание сюжетов реальной социально-экономической действительности стало проявлением коренных общественных сдвигов в сознании литератора, фактом понимания идеологических конструктов бытия. Писатель выступал не просто против буржуазных тенденций в жизни и менталитете советского общества, но и против искажения и разложения народного лада, мироустройства, новаций в основах бытия, отражающих такие черты общественного сознания и поведения, как потребительство, накопительство, собственничество, формирование негативного отношения к труду и трудовой дисциплине. Выход «Вологодской свадьбы» породил полярные суждения и неоднозначные мнения. Однако, многие представители общественности поддерживали позицию А. Я. Яшина. Значительное число стихотворений автор написал «в стол». Социальные, гражданские, философские стихи по условиям цензурного режима напечатаны быть не могли. В прессе были опубликованы сфабрикованные письма земляков и разгромные рецензии литературных критиков. Закрылись и двери издательств, редакций, кандидатура писателя обсуждалась на партсобраниях. Писатель глубоко переживал сложившуюся ситуацию, что в конечном итоге и предопределило его судьбу и ранний уход [11].

Людям северной деревни посвящались многочисленные полемические произведения Ф. А. Абрамова, в которых автор выступал против лакировки положения дел в деревне.

В 1954 г. Ф. Абрамов опубликовал в журнале «Новый мир» статью «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе». Горький и правдивый роман «Братья и сестры» появился в журнале «Нева» в 1958 г. В 1969 г. был издан роман «Две зимы и три лета» За это время были написаны рассказы и повести «Безотцовщина», 1961 г.; «Вокруг да около», 1963 г.; «Жила-была семужка», 1962 г. Продолжением жизнеописания Пряслиных выступили романы «Пути-перепутья» (1973; роман был опубликован после сражений с цензурой в «Новом мире») и «Дом» (1979), а также повести «Пелагея» (1968), Алька (1972), «Деревянные кони» (1970). В них писатель размышлял об уходящих в прошлое обычаях, об итогах нравственной силы человека труда, о путях хозяйствования на земле, о моральных потерях, бездуховной жизни. В среде «оппозиционных» литераторов Ленинграда Ф. Абрамов обрел авторитет неофициального лидера, способного высказать нелюбимую правду прямо в гла-

за «литвождю» и не только. Эпопея из четырех романов («Братья и сестры», «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья» и «Дом») создавалась на протяжении 30 лет (1958–1978) и была удостоена в 1975 г. Государственной премии. Имя писателя, представившего энциклопедию колхозной жизни, летописание архангельского села в широкой временной проекции обрело всенародную известность [12].

В. И. Белов – известный русский писатель-вологжанин, прославившийся своими рассказами, повестями, романами о жизни простых крестьян в 1920–1930-е гг., – времени, характеризующегося как «великий перелом», а также в послевоенный период, этапы глубокого социального потрясения и перестройки сельского хозяйства в 1970–1990-е гг.

Говоря о Белове, нельзя не назвать такие его произведения, как: повесть «Деревня Бердяйка» («Наш современник». 1961 г. № 3; опубликована при помощи А.Я. Яшина), книга стихотворений «Деревенка моя лесная» (1961 г.), сборники рассказов «Знойное лето» (1963 г.), «Речные излуки» (1964 г.), рассказы «Весна» (1964 г.), «За тремя волоками» («Север». 1965. № 2). «Заметным литературно-общественным событием стала публикация в первом номере журнала «Север» за 1966 г. сенсационной повести «Привычное дело». Суть произведения – трагическая судьба деревни и ее ценностей в XX в. в условиях глубочайших социальных и научно-технических сдвигов и изменений. «Привычное дело» бурно обсуждалось в обществе и литкругах. Однако именно оно стало визитной карточкой В. Белова, впоследствии ставшего крупным исследователем народной жизни. В 1968 г. он опубликовал повесть «Плотничьи рассказы» («Новый мир». № 7) и рассказ «Бескультурье», в 1969 г. вышли «Бухтины вологодские» («Новый мир». № 8), в 1970 г. был издан сборник «Сельские повести». И это лишь часть литературного наследия автора [13].

Писатели-северяне были любимцами аудитории и широкой читающей публики. Например, их часто можно было встретить на мероприятиях в книжных магазинах или на книжных базарах. Организовывались встречи в районных Домах культуры, клубах, на лесоучастках леспромхозов региона и, как правило, заканчивались продажей книг.

Для более глубокого погружения в жизнь трудящихся писатели направлялись в творческие командировки. Руководящие органы рекомендовали писателям темы для будущих произведений, последние в свою очередь пытались «отыскать» их в деревне. Многие литераторы в конце 1950-х гг. – начале 1960-х гг. работали не в Вологде, а в районах области.

Еще одной формой культурно-массовой работы писателей являлись встречи с читателями, организованными в ходе поездок по водным магистралям региона. Например, по реке Сухоне, о чем часто сообщали местные газеты [14; 15]. Писатели встретились с тружениками совхозов и колхозов, лесозаготовителями различных районов области.

Итак, середина XX столетия – яркий период в развитии творческой деятельности писателей Европейского Севера. Насыщенная писательская жизнь литераторов Русского Севера «кипела», здесь сложилось особое литературное пространство, поле для развития активной творческой деятельности. Полагаем, эти традиции нельзя забывать. А ныне преумножать, чтить, знать основные вехи истории развития региональной литературы, ярко вписанной в советскую и российскую ее части.

Список литературы

1. Гура В. Теплые встречи // Красный Север. 1960. 9 октября. С. 2.
2. Столетова А. С. Образование и деятельность Вологодской писательской организации в 1950–1960-е гг. [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. 2013. Вып. 1 (1) (эл. журнал). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1313/full>
3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 846. Оп. 1. Д. 1.
4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2938. Оп. 1. Д. 594.
5. Столетова, А. С. Инфраструктура чтения на Европейском Севере России в 1950-1960-е гг.: на материалах Архангельской и Вологодской областей: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Столетова Анна Сергеевна. Вологда, 2015. 310 с.
6. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 741. Оп. 1. Д. 208.
7. ГАВО. Ф. 846. Оп. 1. Д. 92.
8. Романов А. Народные корни литературы: из истории Вологодской писательской организации // Литературная Вологда. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 461–483.

9. Волынская В. А. Борис Семенович Пономарев // Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова. Проект «Литературный Север». URL: <http://writers.aonb.ru/map/arkh/ponomarev.htm>
10. Столетова А. С. Взаимоотношения писателей и местной власти в Архангельской и Вологодской областях в 1950–1960-е гг. [Электронный ресурс] // Вопросы территориального развития. 2014. Вып. 6 (16) (эл. журнал). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=3885>
11. Столетова А. С. Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера: монография / А. С. Столетова; М-во науки и высш. образ. РФ, Вологод. гос. ун-т. Вологда: ВоГУ, 2018. 143 с.
12. Крутикова-Абрамова Л. В. Фёдор Александрович Абрамов // Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова. Проект «Литературный Север». URL: <https://writers.aonb.ru/abramov-f.a.html>
13. Столетова А. С. Русская деревня в жизни и творчестве В. И. Белова в 1960-е гг. // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 111–119. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201812Statyi03
14. Малков В. Рейс по Сухоне // Правда. 1966. 18 июля. С. 6.
15. Романов А. Дороги творческие // Красный Север. 1966. 14 сентября. С. 3.

УДК 930:94(575.4)

«ХРОНОЛОГИЯ» БИРУНИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ХОРЕЗМА

Аллабердиева Ляле Агагельдиевна
преподаватель истории и обществоведения
Марыйское педагогическое училище им. Хыдыра Деряева, г. Мары, Туркменистан
allaberdyyeva85@mail.ru

Абу Рейхан Бируни – признанный в мировой востоковедческой науке ученый, внесший огромный вклад в историю народов Средней Азии. Значительную роль он сыграл и в освещении истории Хорезма. Сведения Бируни о его родине – Хорезме, сосредоточены в его трудах «Хронология», «Геодезия», «Минералогия», «Фармакогнозия», «История Хорезма». В научной статье рассмотрены сведения Бируни о династиях, правивших Хорезмом, о летосчислении и календаре, праздниках и связанных с ними обрядах и обычаях и других аспектах духовной культуры хорезмийцев, имеющих во многих его произведениях независимо от отрасли науки, которым эти работы посвящены. Основной объём данных Бируни в этом направлении считаются архиважными. Ценность данных Бируни заключается не только в уникальности, но и в том, что с их помощью восстановлены многие неизвестные науке страницы истории и культуры древнего и раннесредневекового Хорезма.

Ключевые слова: «Хронология», Хорезм, хорезмшахи, источники, Африкиды, Ма’муниды, Иракиды.

BIRUNI'S "CHRONOLOGY" AS A SOURCE ON THE HISTORY OF KHOREZM

Allaberdieva Lale Agageldievna
Lecturer of History and Social Studies
Mary Pedagogical College named after Khydyr Deryaev, Mary, Turkmenistan
allaberdyyeva85@mail.ru

Abu Reykhan Biruni is a scientist recognized in the world of Oriental science, who made a huge contribution to the history of the people of Central Asia. His role is also significant in covering the history of Khorezm. Biruni's information about his homeland – Khorezm, is concentrated in his works "Chronology", "Geodesy", "Mineralogy", "Pharmacognosy", "History of Khorezm". The scientific article examines Biruni's information about the dynasties that ruled Khorezm, the chronology and calendar, holidays and related with it rituals and customs, and other aspects of the spiritual culture of the Khorezmians, which exists in his many works, regardless of the branch of science to which these works are devoted. The main amount of Biruni's data in this direction are considered as overarching. The value of Biruni's data lies not only in its uniqueness,

but also in the fact that with their help many unknown to science pages of the history and culture of ancient and early medieval Khorezm have been restored.

Key words: “Chronology”, Khorezm, khorezmshahs, sources, Afrigids, Ma'munids, Irakids.

Абу Рейхан Бируни великий хорезмийский ученый XI века. Он по праву признан историками мира триумфатором науки средневекового Востока. Труды Бируни, многие из которых и по своему содержанию, и по методике обогнали его эпоху, отличает острый критицизм, надежность выводов, основанных на тщательно проверенных фактах, смелость теоретической мысли и феноменальная эрудиция их автора. Гениальность трудов, созданных этим выдающимся энциклопедистом, имеет огромное значение для современной цивилизации и не случайно историки естествознания во всем мире иногда называют XI век «веком Бируни».

Бируни признанный в мировой востоковедческой науке ученый, внесший огромный вклад в историю народов Средней Азии. Значительную роль он сыграл и в освещении истории Хорезма. Древний Хорезм является одним из ранних очагов цивилизации в Средней Азии. Древняя историко-географическая территория под названием Хорезм относилась к современному Дашогузскому велаяту и северу Лебапского велаята Туркменистана, Каракалпакской Автономной Республике и Хорезмскому велаяту Узбекистана. Эта страна, расположенная в низовьях реки Амударьи, территориально делится на Правобережный и Левобережный Хорезм. Хорезм окружен пустынями Гызылкуп и Каракумы. Во многих исторических источниках, написанных на протяжении веков различными авторами мира, описаны интересные сведения об этой стране.

Будучи уроженцем Хорезма, Бируни оставил ценные сведения об истории этой страны. Сведения Бируни о его родине – Хорезме, сосредоточены в его трудах «Памятники минувших поколений» («Хронология»), заверченный в 1000 г; «Определения границ местностей для уточнения расстояний между пространствами» («Геодезия»), написанный 990-1025 гг.; книга написанная при газневидском султани Маудуде «Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия)» 1041-1048 гг.; и в книге которую ученый сочинил в конце своей жизни «Книга фармакогнозии в медицине» («Фармакогнозия»). К сожалению, все научные труды Бируни из богатого наследия гуманитарных наук до нас не дошли. Мы знаем только их названия. Мемуаристы пишут, что перу Бируни принадлежал также труд, носивший название «Китаб ал-мусамара фи ахбар Хваризм» – «Беседа относительно известий о Хорезме», сокращенно «История Хорезма». Однако она не дошла до наших дней. «История Хорезма» частично сохранилась в пересказе современника Бируни историка газневидского двора Абу-л-Фазла Бейхаки, автора «История Масуда». Бейхаки называет эту книгу «Машахир Хваризм» – «Знаменитые люди Хорезма» [3].

«Бируни – историку присущи два основных качества: а) исключительная объективность, выражающаяся в равно уважительном отношении ко всем народам, в оценке их историко-культурных заслуг и деяний отдельных лиц, свободной от расовой, религиозной или династийной предвзятости; б) стремление к изучению явлений, особенно в области этнографии, в сравнительном плане, поиск аналогий, параллелей или контрастов для разных народов или религиозных групп. Эти два качества отличают Бируни от всех других известных нам средневековых историографов Ближнего Востока и Средней Азии» [6, с. 37]. В «Хронологии» Бируни предъявляет следующие требования к историку: «Предварительно необходимо очистить свою душу от дурных свойств, которые портят большинство людей, и от причин, делающих человека слепым для истины, то есть от укоренившихся привычек, пристрастия, соперничества, покорности страстям, борьбы за власть и тому подобного» [1, с. 11].

Самым ранним среди крупных произведений ал-Бируни и одним из самых популярных в европейской науке является его «Хронология», точнее «ал-Асар ал-бакийа сан ал-курун ал-халийа» («Следы, оставшиеся от прошедших поколений»). Оно составлено в возрасте приблизительно 27 лет в Джурджане (Гургане) и стало доступно уже с конца 70-х годов XIX века благодаря трудам немецкого востоковеда Карла Эдуарда Захау. Захау, первый в мире издавший арабский текст этого труда, стараясь приблизить заглавие этой книги к ее содержанию, условно назвал ее «Хронология восточных народов»; с тех пор в научной литературе она часто сокращенно именуется «Хронологией». «Хронология» представляет, по определению И. Ю. Крачковского, «свод технической или гражданской хронологии, дающий полное описание всех эр и праздников известных ал-Бируни народов и религий: греков, римлян, персов, согдийцев, хорезмийцев, харранцев, коптов, христиан, евреев, доисламских арабов, мусульман» [10, с. 252].

Тематическая многогранность «Хронологии» при глубоком и широком охвате в ней материала, восходящего к многочисленным письменным и устным источникам разных народов, не позволяет отнести ее к какой-нибудь одной конкретной отрасли знания, так же как делает невозможным кратко

аннотировать ее содержание. Книга эта может быть названа сводом всеобщей сравнительной хронологии народов Ближнего Востока и Средней Азии. Но с таким же правом ее можно назвать и оригинальным сравнительно-этнографическим или историко-культурным очерком, в котором особое внимание уделено религиям различных народов, их обычаям, празднествам и преданиям. Астроному эта книга может представиться как аналитическая история календаря на Ближнем Востоке, трактующая проблемы летосчисления, присущие различным регионам или религиозным системам, с глубоким проникновением в теорию астрономии [7, с. 95].

Огромное значение имеют сведения Бируни о древней истории Хорезма, приводимые в «Хронологии». Бируни очень хорошо знал древнюю историю своей родины. Весьма интересно упоминание Бируни о начале летосчисления в Хорезме. Он устанавливает две древнейшие хорезмийские эры – «эру начала заселения страны», относимую «за 980 лет до Александра» (т.е. до селевкидской эры), – 1292 г. до н. э. и «эру прихода в Хорезм Сиявуша, сына Кей Кавуса, воцарения там Кей Хосрова и эго потомков» – на 92 год позже первой эры, т.е. 1200 г. до н. э. [1, с. 47].

Русский учёный-востоковед С. П. Толстов (1907–1976 гг.), проводивший в 30–50-е гг. XX в. крупномасштабные раскопки и исследовательскую работу на территории древнего Хорезма, внёс большой вклад в изучение истории этого государства. Он, можно сказать, является единственно известным и выдающимся учёным, приоткрывшим завесу тайн над многими страницами истории Хорезма. Раскопки археологов, проводившиеся в течение длительного времени под руководством С. П. Толстова, целиком подтвердили указания Бируни. С. П. Толстов полагал, что сведения Бируни об «эре прихода Сиявуша в Хорезм» удивительно совпадают с земледельческой культурой Хорезма, датируемой серединой II тыс. до н. э.

В своих исследованиях Бируни много страниц посвящает легенде, связанной с Сиявушем. Как мы видим, Бируни связывает судьбу Сиявуша с древним Хорезмом. Эра Сиявуша в концепции Бируни является эрой начала хорезмийской государственности. Хорезмийская легенда Бируни приводит, Сиявуша с юга. Находки С. П. Толстова доказывают, что «эра колонизации» (1292 г. до н. э.) и «эра Сиявуша» (1200 г. до н. э.) по Бируни, отражают историю двух волн заселения Хорезма – северной, вдоль восточного берега Арала из области стыка срубной и западноандроновской культур, и южной – из Южного Туркменистана и Северо-Восточного Ирана, по Узбою, Мургабу и Амударье. Носители этих культур столкнулись в Хорезме с древними носителями кельтеминарской энеолитической культуры, охотниками и рыбаками, выступающими в позднейшей традиции под именем «тюрок Афрасиаба» [11, с. 68].

Бируни в «Хронологии» обращался также к титулам и прозвищам царей и удельных правителей Хорезма, Мавераннахра, Хорасана. Из таблицы Бируни исходит, что в прошлом цари Серахса носили титул – Задуйе, Несы и Абиверда – Бахмана, Мерва – Махуйе, Дехистана – Сул, Хорезма – Хорезмшах и так далее [1, с. 111–112]. С домусульманского периода вплоть до новейшего времени государи и наместники Хорезма носили титул «хорезмшах». Это, пожалуй, единственный случай в Средней Азии, когда титул сохранил свое значение столь долгое время [4, с. 535]. Древним и средневековым Хорезмом правили четыре династии, носивших титул хорезмшахов: Афригиды (305–995 гг.); Ма'муниды (995–1017 гг.); Алтунташы (1017–1034 гг.); Ануштегиниды (1077–1231 гг.) [5, с. 152–153].

Единственным источником о происхождении и хронологической последовательности домусульманских хорезмшахов является «Хронология» Бируни. Родоначальником хорезмийской династии Бируни называет легендарного Кей Хосрова, сына Сиявуша. По словам Бируни, младшая ветвь хорезмийских сиявушидов, начало которой положено было одним из потомков Кей Хосрова Афригом, правила в Хорезме до 995 г. В «Хронологии» Бируни перечисляет 22 царя династии афригидов, от 304 до 995 г., давая кое-какие хронологические указания о времени правления некоторых из них. Согласно Бируни у афригидов власть переходила строго от отца к сыну. Вот эта родословная: 1) Африг; 2) Багра; 3) Саххасак; 4) Аскаджамук I; 5) Аскаджавар I; 6) Сахр I; 7) Шауш; 8) Хамгари; 9) Бузгар; 10) Арсамух; этот последний, по Бируни, правил во времена пророка Мухаммеда, т.е. около 632 г. н. э.; 11) Сахр II; 12) Сабри; 13) Азкаджавар II; 14) Аскаджамук II; при этом шахе, по Бируни, произошло вторичное завоевание Хорезма Кутейбой ибн Муслимом т.е. 712 г. н. э., после которого завоеватель утвердил Аскаджамука II царем; 15) Шаушафар; 16) Турксабаса; 17) Абдаллах; 18) Мансур; 19) Ирак; 20) Мухаммед; 21) Ахмед; 22) «мученик Абу Абдаллах Мухаммед» [1, с. 48], погибший от руки своего могущественного соперника, эмира Гурганджа – Абу Али Мамун ибн Мухаммада, в 995 г. н. э.

Про дворец царя Африга, который ввел на рубеже IV в. н. э. новое летосчисление, Бируни излагает следующее: «Африг построил себе дворец над аль-Фиром в 616 году по эре Александра... Аль-Фир – крепость на краю города Хорезма, построенная из глины и сырцового кирпича в виде трех

укреплений, одно внутри другого. Они следовали друг за другом в отношении высоты, а выше всех были дворцы царей... Аль-Фир был виден на расстоянии десяти миль и больше. Его разбила и разрушила река Джейхун и каждый год она уносила эту крепость по кускам, так что в тысяча триста пятом году эры Александра от нее ничего не осталось» [1, с. 48]. Дворец аль-Фир (в арабских источниках (Табари) встречается и начертание «Филь») была расположена в древней столице Хорезма, в городе Кят. По словам Бируни, последние следы Фира исчезли 994 г. н. э.

Изучение тамг монет хорезмийских правителей I–VIII вв. н. э. подтверждает правильность показаний Бируни о непрерывной преемственности власти в Хорезме на протяжении этого периода и позднее, до конца X в. в руках одной династии сиявушидов-афригидов. На монетах прочитаны имена ряда царей списка Бируни, в том числе имена Африга, Шаушафара, Турксабаса, Арсамуха, Азкаджавара, Хамгири [11, с. 173 и след.]. Из этих государей Шаушафар, отец которого был современником завоевателя Хорезма – Кутейбы ибн Муслима (712 г.), считается [4, с. 535], идентичным упоминаемому китайцами правителю Шао-ши-фыню, этот царь согласно Тан-шу в 751 г. прислал посольство с дарами (черный соль?) к китайскому двору [9, с. 316].

«Хронология» Бируни также содержит ценные сведения о династии хорезмшахов Иракидов. С IX века правобережным Хорезмом правили Иракиды. Столицей Хорезма в то время был древний город Кят (Кас), иногда называемый путешественниками городом Хорезм. Согласно списку Бируни, Ирак ибн Мансур был основателем династии Иракидов и девятнадцатым хорезмшахом. В «Хронологии» упоминается о календарной реформе хорезмшаха Абу Саида Ахмада ибн Мухаммада ибн Ирака, произведенной им в 1270 г. по эре Александра, т. е. в 959 г. н. э. Календарь был реформирован дворцовыми астрономами аль-Хараджи и аль-Хамдаки. Бируни подчеркивает, что это событие имеет большое значение для Хорезма: «В соответствии с этим установили время земледельческих работ, как например, сбора винограда для выделки изюма... – или сбора его для подвешивания..., а также время сбора груш... Таким же образом установили все сроки посева, искусственного опыления, посадки деревьев, прививки и прочего... Если бы этот акт хорезмшаха был объявлен началом эры, мы обязательно присоединили бы ее к эрам, упомянутым выше» [1, с. 262–263].

Жизненный путь в молодости великого ученого был неразрывно связан с семьей Иракидов. Во времена детства и юности Бируни Кятом правил последний представитель династии Иракидов хорезмшах Абу Абдаллах Мухаммад ибн Ахмад ибн Ирак. Сын его дяди, Али ибн Ирака, Абу Наср Мансур ибн Али ибн Ирак, был первым и главным учителем и воспитателем Бируни. В своем стихотворении он называет этого наставника – Мансура из рода Ираков:

«Семья Ираков вскормила меня своим молоком,
а их Мансур взялся вырастить меня...» [7, с. 28]

В трудах Бируни также упоминается трагический конец судьбы последнего Иракида – Абу Абдуллаха Мухаммада. В 995 г. эмир левобережного Хорезма – Гурганджа Абу Али Мамун ибн Мухаммад вступает в Кят. Хорезмшах после недолгого боя был пленен, уведен в Гургандж и там казнен. Ликвидировав династию Афригидов – Иракидов, Абу Али Мамун ибн Мухаммад принял традиционный титул хорезмшаха [5, с. 154]. Абу Али Мамун ибн Мухаммад был основателем второй династии хорезмшахов – Мамунидов, которая просуществовала с 995 по 1017 г. н. э. Гибель последнего Иракида, истребление его рода и ближайшего окружения, в которое успел войти юный Бируни, воспитанный в семье двоюродного брата этого хорезмшаха, и явились теми событиями, о которых Бируни говорил «Геодезии»: «...И случились распри меж знатных людей Хорезма, что заставило меня остановить эти работы и прибегнуть к укрытию, а затем искать другое убежище и удалиться из родины на чужбину» [2, с. 138].

Материальная культура Хорезма носила четкое отражение во многих трудах Бируни. Бируни в своих исследованиях, главным образом, отразил вопросы земледелия, орошения, ирригации, состояние ремесла и торговли, а также другие аспекты материальной культуры. В эпоху Бируни земледелие и орошение являлись ведущим типом хозяйства хорезмийских земледельцев. Бируни обращался к данному вопросу, главным образом, при рассмотрении хорезмийского календаря. В «Хронологии» Бируни сообщает названия месяцев церковного и гражданского календарей в древнем Хорезме. У древних хорезмийцев было 12 месяцев в году. Вот названия их месяцев в сокращенном виде: 1) Наусарчи, 2) Ардвст, 3) Хрвдад, 4) Джри, 5) Хмдад, 6) Ахшриври, 7) Авмри, 8) Янахн, 9) Арв, 10) Римжд, 11) Арсмн, 12) Испендермаджи [1, с. 62]. В древнехорезмийском календаре в каждом месяце было тридцать дней, хорезмийцы каждый день месяца именовали особыми названиями. Вот эти названия: 1) Римжд, 2) Азмин, 3) Ардвшт, 4) Ахшриври, 5) Испендермаджи, 6) Хрвдаз, 7) Хмдаз, 8) Дзв, 9) Арв, 10) Янахн, 11) Ахир, 12) Мах, 13) Чири, 14) Гвшт, 15) Дзв, 16) Миг, 17) Асрвш, 18) Ршн, 19) Рвджи, 20) Аригн, 21) Рам, 22) Вас, 23) Дзв, 24) Диин, 25) Арджвхи, 26) Аштаз, 27) Асман, 28)

Рас, 29) Мрсбнд, 30) Авврг [1, с. 62]. Иранист-лингвист В. А. Лившиц давал самую высокую оценку сведениям Бируни о хорезмийском календаре, опираясь на найденные хорезмийские надписи и на другие археологические данные: «Токкалинские надписи... показывают..., насколько точно и полно знал Бируни календарь Хорезма – ряд форм в «Хронологии», считавшихся до сих пор сомнительными, получают теперь полное подтверждение» [8, с. 10, 11].

«Бируни, по-видимому, единственный, кто сохранил для нас сведения о календарях и празднествах хорезмийцев и согдийцев и первым объявил о существовании самостоятельных астрономических традиций у этих народов» [7, с. 108]. В частности, Бируни отмечает, что хорезмийцы знали «стоянки» Луны, и в этой связи пишет: «Одним из ясных доказательств этого является то, что звездочет на языке хорезмийцев называется «ахтарвеник», что означает «смотрящий на стоянки Луны», ибо «ахтар» значит «стоянка Луны». Они именовали эти созвездия особыми названиями на своем языке. Они лучше знали эти созвездия, чем арабы» [1, с. 259]. Далее Бируни убедительно доказывает это на примере созвездий Блинецов, Льва и некоторых других.

Богаты и этнографические материалы Бируни, связанные с праздниками и обычаями хорезмийцев. Бируни широко пользовался устными народными преданиями и многие из них запечатлел в своих трудах. В «Хронологии» Бируни содержится описание календарных обрядов древних хорезмийцев, до сих пор мало привлекавшее внимание исследователей. В других исторических источниках нет параллелей сведениям, приведенным в книгах Бируни о национальных традициях и праздниках хорезмийцев. Они отличаются богатством содержания данных и уникальной детализацией [6, с. 42].

Говоря о древности праздников, отмечаемых хорезмийцами, Бируни подчеркнул, что они отмечаются с доисламской эпохи, а их праздники и традиции являются древними. В «Хронологии» Бируни даются подробные сведения о праздниках, отмечаемых хорезмийцами. Бируни проводит четкое разграничение между происхождением и назначением народных праздников, ученый делит праздники на мирские и религиозные. Он пишет: «Среди этих праздников есть такие, причиной которых являются дела мирские, а есть и такие, причиной коих являются дела веры». Религиозные праздники, по словам ученого, «устанавливали законодатели из числа духовных предводителей, их законовладельцев и исповедующих веру. Цель их празднования... только в будущей жизни» [1, с. 224]. Народные праздники своими корнями уходят в глубокую древность и связаны с трудовой жизнью и бытом людей. По словам ученого, народные праздники помогают людям «достигнуть увеселения души и радости духа, снискать добрую славу, хвалу, любовь, благопожелания» [1, с. 224]. Далее он пишет: «Это был один из способов облегчить жизнь бедняков, поддержать надежды уповающих и спасти близких к гибели от опасности и беды». Эти древние традиции и правила потомки «заимствовали от предков ради благословения счастья и блага предзнаменования» [1, с. 224].

Все сказанное – это лишь частица огромного вклада Бируни в изучение истории Хорезма. Это научное наследие, включающее свыше 150 произведений, стало ценнейшим вкладом в сокровищницу мировой науки. Таким образом, бессмертные научные произведения аль-Бируни имеют огромное значение в развитии мировой научной мысли. Его величие, как одного из ученых – энциклопедистов средневековья, отражается в неизмеримом наследии, его вкладе в развитие многих наук не только той эпохи, но и последующих тысячелетий. Богатейшее и всестороннее научное наследие позволяет нам признать Абу Рейхана Бируни самым выдающимся ученым всех времен и народов.

Список литературы

1. Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения, т. I, [Памятники минувших поколений], перевод и примечания М. А. Салье, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957.
2. Абу Рейхан Бируни. Избранные произведения, т. III, Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами («Геодезия»), исследование, перевод и примечания П. Г. Булгакова, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1966.
3. Абул Фазл Бейхаки. История Масуда 1030–1041. Вступительная статья, перевод и примечания А.К.Арендса. Издательство Академии Наук Узбекской ССР. Ташкент, 1962.
4. Бартольд В.В. Сочинения, т. II, ч. 1, М, 1963.
5. Босворт К. Э. Мусульманские династии: справочник по хронологии и генеалогии. Пер. с англ. и примеч. П. А. Грязневича; отв. ред. И. П. Петрушевский. – М.: Наука, 1971. – 324 с.
6. Булгаков П. Г. Гуманитарное наследие Бируни. / Бируни и гуманитарные науки. [Доклады]. Отв. ред. акад. АН УзССР И. М. Муминов. Т., «Фан», 1972. 136 с.

7. Булгаков П. Г. Жизнь и труды Беруни. / АН УзССР, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни. – Ташкент: Фан, 1972. 428 с.
8. Гудкова А. В., Лившиц В. А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема “хорезмийской эры”, “Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР”, Нукус, 1967, № 1.
9. Иакинф о. (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, СПб, 1851.
10. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература, Избранные сочинения, IV, М. – Л., Изд-во АН СССР, 1957.
11. Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.

УДК 93/94

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
(г. КРАСНОЯРСК, 16–21 НОЯБРЯ 1924 ГОДА)

Бершадская Светлана Вячеславовна
старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
bsv97@yandex.ru

Целью работы является реконструкция хронологии событий, связанных с проведением Первой губернской конференции по краеведению в г. Красноярске (Енисейская губерния) в ноябре 1924 года. Конференция рассматривается как один из факторов нормализации научно-исследовательской работы, определивших основные направления практической реорганизации научного исследования территории в 1920-е гг.

Ключевые слова: Сибирь, Енисейская губерния, Красноярск, 1920-е гг., конференция по краеведению, научные исследования.

THE FIRST CONFERENCE ON YENISSEI GUBERNIA HISTORY, GEOGRAPHY AND CULTURE
(RUSSIA, KRASNOYARSK, NOVEMBER 16-21, 1924)

Bershadskaiia Svetlana Vyacheslavovna
Senior Lecturer
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
bsv97@yandex.ru

The article aims to reconstruct the chronological list of the events of the First Conference on Yenissei Gubernia History, Geography and Culture held in Krasnoyarsk – November 16-21, 1924. The conference was designed to boost scientific research of the region and shape the main areas of scientific and practical work.

Key words: Siberia, Yenissei Province, Krasnoyarsk, 1920s, conference on local history, geography and culture, scientific research.

Первая половина 1920-х гг. стала важным этапом восстановления и развития краеведческого движения, широко развернувшегося на территории страны, в которой еще не все население было грамотным, в которой еще не закончились боевые действия, страны, продолжавшей оставаться в состоянии разрухи. Как и другие регионы России [1; 2], активно включилась в этот процесс и Сибирь [3; 4], в том числе представители «научных сил» Енисейской губернии [5; 6].

В период 1920–1926 гг. в Сибири увеличилось число научных работников, был свершен ряд научных открытий, организована работа почти 200 научно-исследовательских организаций, опубликовано свыше 3000 научных работ [7, с. 85]. Немаловажным фактором нормализации научно-исследовательской деятельности стали региональные краеведческие съезды и конференции, которые прошли в ряде сибирских городов – Семипалатинске, Иркутске, Барнауле, Томске, Новосибирске и др. В их подготовке и проведении приняли участие не только региональные краеведческие организации и местные любители краеведения, но и представители органов государственной власти, что сви-

детельствует в пользу того, что усилия сибирских краеведов представляли практический интерес как на официальном, так и на неофициальном уровнях [8; 9, с. 50].

С целью определения основных направлений по практической реорганизации научных исследований в Енисейской губернии, по инициативе Красноярского отдела Российского Государственного Географического общества и Музея Приенисейского края, в Красноярске 16–21 ноября 1924 года была проведена Первая губернская конференция по краеведению [10, л. 28.].

Проведению конференции предшествовала активная подготовительная работа [11, л. 10–11.].

На заседании Совета Красноярского отдела Российского Государственного Географического общества, которое состоялось 23 июня 1924 года, с докладом о состоянии «краеведной работы» в стране выступил А.Я. Тугаринов, Председатель Совета отдела, директор Музея Приенисейского края и участник I Всероссийской конференции научных обществ и учреждений по изучению местного края (г. Москва, 10-20 декабря 1921 г.) [12, с. 37]. Аркадий Яковлевич сообщил о том, что в отношении Енисейской губернии Центральное Бюро Краеведения, созданное по решению I Всероссийской конференции [9, 64 с.; 13], признало возможным выделение самостоятельного регионального центра краеведческой работы. В результате на заседании Совета отделом было принято решение взять на себя инициативу по созыву осенью 1924 года местной краеведческой конференции.

На очередном заседании Совета, состоявшемся 3 сентября 1924 года, были избраны члены комиссии для организации регионального отделения Бюро краеведения и намечен список представителей от учреждений, вошедших в состав организационного бюро региональной конференции: губернского отдела народного образования, планового и земельного управлений и музея Приенисейского края. Время проведения региональной конференции планировалось в соответствии со временем созыва II Всесоюзной Конференции по краеведению.

Работа Организационного бюро региональной конференции началась 9 сентября 1924 года. В этот день состоялось первое заседание с представителями губернских учреждений и организаций, на котором организаторами было сообщено о созыве II Всесоюзной конференции по краеведению и определены основные задачи I Губернской конференции по краеведению:

1. Учет краеведческих сил и взаимная информация о работе и достижениях.
2. Установление единства во взглядах на задачи и методы краеведческой работы.
3. В целях достижения большей планомерности и организованности в работе, установление контакта между заинтересованными в краеведческой работе частными лицами, учреждениями и организациями.
4. Придание краеведческой деятельности организованных форм, составление плана изучения Енисейской губернии «на ближайшее время применительно к практическим требованиям жизни и науки».

На заседании был выработан план дальнейшей работы Организационного бюро. Среди основных необходимо отметить следующие направления деятельности: привлечение специалистов для разработки тем и докладов по секциям региональной конференции, приглашение докладчиков на конференцию, а также привлечение к работе конференции представителей учреждений и организаций, имевших «интерес к краеведной работе».

На дальнейших заседаниях Организационного бюро были разработаны повестка заседаний конференции, составлен список докладов и докладчиков и определена работа трех секций 1) общего краеведения, 2) школьного краеведения, 3) экономики и производительных сил. На пленарном заседании региональной конференции планировалось заслушать три доклада, 17 – в секции общего краеведения, 7 – в секции школьного краеведения и 15 докладов в секции экономики и производительных сил.

Важным направлением подготовки предстоящей конференции стало проведение агитационных мероприятий. Так, например, для большего информационного охвата было разослано печатное извещение с перечнем докладов во все учреждения и организации, имевшие отношение к «краеведной работе», как г. Красноярска, так и уездных городов Енисейской губернии.

На заседании организационного Бюро, состоявшемся 23 сентября 1923 года, стало известно о переносе даты созыва II Всесоюзной конференции на 12-14 декабря 1924 года [14, с. 7], в связи с чем было принято решение провести губернскую конференцию 16-20 ноября 1924 года. Дальнейшая работа по подготовке и проведению региональной конференции заключалась в установлении сотрудничества с учреждениями, организациями, а также непосредственно с докладчиками; выработке регламента работы конференции; рассмотрении тезисов докладов; пропаганде идеи проведения конференции через местные СМИ, профессиональные союзы и рабочие клубы; а также поиске помещения для проведения конференции и решение других организационных вопросов.

В воскресенье 16 ноября 1924 года в 12 часов дня в большом зале Дворца Рабочей молодежи состоялось открытие Первой конференции по краеведению в Енисейской губернии. На пленуме присутствовало 91 человек действительных членов совещания и более 150 гостей. Вход на для всех желающих был свободный [15, с. 5]. Со вступительным словом «Задачи и организация краеведней работы» выступил А.Я. Тугаринов. Затем состоялись выборы Президиума конференции. Председателем съезда был избран делегат от Енисейского губернского исполнительного комитета Я. Лесковский, А.Я. Тугаринов был избран товарищем Председателя и Председателем бюро, секретарями стали Н. К. Ауэрбах, В.Н. Косованов и Т.С. Хрюкин. В Музее Приенисейского края на 14 часов было назначено открытие выставки «Естественные и производительные силы Енисейской губернии» [16], которая была включена в программу первого пленарного заседания. С 18 часов заседание конференции было продолжено двумя докладами Д. Е. Лаппо («История исследования Приенисейского края и современное состояние наших о нем знаний») и А. Н. Соболева («Местные краеведческие организации и их состояние»). В этот же день в местной газете «Красноярский рабочий» была опубликована статья, посвященная «Открытию первого губернского краеведческого совещания» с примечательным подзаголовком «Его материалы должны стать общественным достоянием. Каждый должен знать свой край». Под «своим краем» газета определяла «местный край», «тот край, где человек работает» [17, с. 6].

С 17 ноября 1924 года началась работа в секциях. Председателями секций были избраны: 1) общего краеведения – А. Н. Соболев, секретарем В. А. Смирнов, 2) школьного краеведения – тов. Голицин, секретарем Т.С. Хрюкин, 3) экономики и производительных сил – инженер Сергеев, секретарем инженер Краснов.

Заключительное пленарное заседание Первой губернской краеведческой конференции состоялось 21 ноября 1924 года, на котором с докладом «Край и его отражение в литературе» выступил А.С. Гобов. Прозвучали информационные доклады председателей секций о работе секций и заслушаны резолюции по докладам. С заключительным словом выступили Я. Лесковский и А.Я. Тугаринов, избранный президиумом совещания представителем на II Всесоюзную конференцию в Москве. Заседание закончилось концертным отделением, исполненным силами учащихся местного музыкального техникума.

Одним из важнейших постановлений Первой конференции по краеведению в Енисейской губернии стало решение об организации постоянного губернского бюро краеведения в составе представителей от ряда учреждений, в том числе Губернского отдела народного образования, плановой комиссии, земельного управления, Истпарта, Музея Приенисейского края, РЛКСМ, Всероссийского союза работников просвещения и социалистической культуры, РГО и др. Несмотря на то что конференцией юридические формы Бюро не были определены, так как участники конференции считали, что аналогичные объединения возникнут в других местах и их структура будет определена постановлением второй конференции, тем не менее было принято решение временно рассматривать Губернское Бюро краеведения как постоянную комиссию при РГО, ответственное за немедленное проведение «в жизнь тех постановлений и пожеланий, которые были сделаны» на региональной конференции.

В целом, программа Первой конференции по краеведению в Енисейской губернии, намеченная Организационным бюро конференции, была выполнена полностью. Из запланированных 42 докладов не прозвучали только три. На некоторых заседаниях конференции присутствовало до 200 человек слушателей, в основном молодежи. В этой связи, необходимо отметить активное участие в работе конференции учащихся старших групп местных техникумов, получивших от своих учебных заведений задание заслушать доклады и пересказать их затем на занятиях. Кроме того, студентами была проведена большая часть всей технической работы – «секретарствования» – на конференции. Участники конференции высказали пожелание об издании трудов конференции и совершенно справедливо отметили стратегические направления в реализации идей развития краеведческого движения: «...Дело только начинается, но та благоприятная обстановка, в которой она (краеведческая работа) находится сейчас, вселяет надежду на ее последующую плодотворную деятельность» [11, л. 11.].

Итак, анализ материалов, связанных с работой Первой губернской конференции по краеведению, состоявшейся в г. Красноярске в период с 16 по 21 ноября 1924 года, позволяет сделать вывод о том, что конференция имела большое значение как в теоретическом, так и в практическом плане. Во-первых, несмотря на то, что устоявшаяся концепция краеведения еще не было сформировано, тем не менее позитивным аспектом проведения масштабного публичного мероприятия регионального уровня следует считать создание коммуникативной площадки для обсуждения вопросов, связанных с определением путей дальнейшей научно-исследовательской работы, ее организационные формы и

подведение итогов проделанной работы, приостановленной революционными и постреволюционными событиями, не прервавших, тем не менее, теоретических и практических изысканий местных энтузиастов. Во-вторых, привлечение к изучению «местного края», «того края, где человек работает», широких слоев населения, в том числе молодежи. И, как первый плодотворный результат работы конференции, необходимо отметить инициативу снизу – организацию краеведческих кружков не только в административном центре губернии, но и в уездных городах и некоторых волостях [11, л. 11.]. Таким образом, несмотря на то, что не все ответы на беспокоившие местных научных работников вопросы были найдены, местные краеведы, представители местных органов государственной власти смогли наметить основные направления «краеведной работы» в новых условиях и единые подходы к ее организации, определить основные направления по практической реорганизации научных исследований в Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

Список литературы

1. Мельникова Е. А. «Сближались народы края, представителем которого являюсь я»: краеведческое движение 1920–1930-х годов и советская национальная политика // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 209–240.
2. Союрова А. В. Охрана памятников истории и культуры на севере западной Сибири в 1917–1991 гг. (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2015. 33 с.
3. Рыженко В. Г. Краеведение российской провинции как социокультурный феномен и сегмент современного коммуникативного поля науки // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971)*. В сборнике: Краеведение как феномен провинциальной культуры. 2011. С. 39–47.
4. Кокоулин В.Г., Михалин В.А. Научное изучение Сибири в первые годы нэпа // *Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина*. В книге: Актуальные вопросы истории Сибири. 2015. С. 74–76.
5. Хорина В.В. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества (КОРГО) как центр научного изучения Енисейской губернии // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2016. № 9 (174). С. 21–28.
6. Шмакова Н. В., Акимова Е. В. Деятельность бюро краеведения КОРГО (ССОРГО) по организации массовой краеведческой работы в Приенисейской Сибири (1924–1928 гг.) // *Северные архивы и экспедиции*. 2021. Т.5. № 4. С. 165–176. DOI: 10.31806/2542–1158-2021-5-4-165–176.
7. Н.А. I Сибирский краевой научно-исследовательский съезд // *Просвещение Сибири*. № 1 (январь). 1927. С.84-90.
8. Краеведческие съезды и конференции в Сибири // *Северная Азия*. Книга 1–2. 1925. С. 141–142.
9. Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края: Созываемой Акад. центром Наркомпроса в Москве 10–20 дек. 1921 г. 1921. № 4. 64 с.
10. ГАКК. ФР-1380. Оп.1. Д.32. Л.28.
11. ГАКК. ФР-795. Оп.1. Д.29. ЛЛ. 10–11.
12. *Век подвижничества. Сборник первый* // Красноярск: КККМ. 1989. 288 с.
13. Козлов В. Ф. Первая всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края (1921) и ее роль в организации краеведческого движения // *Пятое Всероссийские краеведческие чтения*. Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, Отделение краеведения и историко-культурного туризма, Союз краеведов России. 2012. С. 10–19.
14. Дзенс-Литовский А.И. На новых путях краеведной работы // *На новых путях краеведной работы*. Сб. статей под редакцией доцента А.И. Дзенс-Литовского и проф. К.П. Ягодовского. Ленинград: культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование». 1926. С. 5–18.
15. *Сегодня* // Красноярский рабочий. № 260. 1924. С. 5.
16. КККМ. Научный архив. Оп.01. Д. 384.
17. *Сегодня* открывается первое губернское краеведческое совещание // Красноярский рабочий. № 260. 1924. С. 6.

КОВРОДЕЛИЕ В ЗАКАСПИЙСКОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Моммалиева Маягозель Аманалиевна
преподаватель

Туркменский государственный университет имени Махтумкули, г. Ашхабад, Туркменистан
mayagozelmommaliyewa@gmail.com

Бердиева Шемшат Ашырмухаммедовна
преподаватель

Туркменский государственный университет имени Махтумкули, г. Ашхабад, Туркменистан
Berdiyevashemshat39@gmail.com

В данной статье описывается производство туркменских ковров в Закаспийском крае в конце XIX-начале XX вв. В этот период ковры и ковровые изделия являлись необходимой принадлежностью домашнего обихода туркмен. После колонизации края ковры и ковровые изделия продолжали находить значительные рынки сбыта за пределами как области, так и России. С таким образом ковры и ковровые изделия Закаспийского края привлекли внимание покупателей на мировых рынках и международных выставках. В этом появляется уникальность туркменских ковров.

Ключевые слова: туркменские ковры, международные выставки, шерстяные ковры, войлок, палас.

CARPET MAKING IN THE TRASCASPIAN REGION AT THE END OF THE 19TH AND BEGINNING OF 20TH CENTURIES

Mommaliyeva Mayagozel Amanaliyevna
Lecturer

Turkmen State University named after Magtymguly, Ashgabat, Turkmenistan
mayagozelmommaliyewa@gmail.com

Berdiyeva Shemshat Ashyrmuhammedovna
Lecturer

Turkmen State University named after Magtymguly, Ashgabat, Turkmenistan
berdiyevashemshat39gmail.com

This article describes the production of Turkmen carpets in the Transcaspian region at the end of 19th and beginning of the 20th centuries. During this period, carpets and carpet products were a necessary household item for Turkmen. After the colonization of the region, carpets and carpet products continued to find significant markets outside both the region and Russia. In this way, carpets and carpet products from the Transcaspian region attracted the attention of buyers at world markets and international exhibitions. This is where the uniqueness of Turkmen carpets appears.

Key words: Turkmen carpets, international exhibitions, woolen carpets, felt, palas.

В XIX в. ковры и ковровые изделия являлись необходимой принадлежностью домашнего обихода туркмен. В приданое туркменской невесты входили ковры, которые изготавливались ею самой: умение ткать ковры было так же обязательно, как и умение стирать, шить, готовить пищу. Всё свободное от хозяйства время туркменки отдавали ткачеству ковров и паласов, шить и вышиванию. Продукция этого женского ремесла чрезвычайно редко шла на продажу, предназначалась для нужд семьи, для своей юрты. Ковроделие, как вид домашнего промысла, предназначенного для семьи, оставалось неизменным вплоть до 70-х гг. XIX в [9, с. 41].

Подобно изготовлению различных кустарных изделий, и ковроделие застыло в своей технике изготовления, только, в отличие от первых, оно было выше по качеству.

По памяти, по способу, унаследованному от матери, на примитивном станке, сидя на корточках, ткала туркменка ковер. Способы изготовления пряжи, красок окраски подсчёт узлов все осталось неизменным до последнего времени. Прочность тканей окраски, мягкость тона, свойственно старин-

ным изделиям, редкая красота оригинального рисунка являлись отличительными признаками изделия прошлых лет, такие ковры были образцом не произведенного искусства.

После колонизации края ковры и ковровые изделия продолжали находить значительные рынки сбыта за пределами как области, так и России. Процесс производства оставался неизменным краску приобретали в Перси и в Хиве, за исключением желтой, добывавшиеся из растения «сары чоп». На первых порах кустарно ремесленное производство в туркмен как бы расширило свои границы сбыта, особенно много продавалось шерсти, ковровых изделий. Этому содействовал рост товарных отношений между районами края. большую роль играла железная дорога, соединявшие западные районы с югом, продолжали действовать караванные пути Хива – Ашхабад, Хива – Красноводск. После присоединения Мары к России широко использовалось дорога Мары в Ашхабад [1, с. 8].

Однако уже тогда стала складываться и другая тенденция под влиянием появившихся на местных базарах русских мануфактурных товаров, особенно тканей, не выдерживая конкуренции, начала свертываться и хиреть производство домотканых бязей, некоторых изделий из металла и кожи. На конкурентная борьба за рынки сбыта никогда как завоевание края, так и после. Они казалось в туркменского ковроткачества.

С первых дней завоевания края вокруг туркменских ковров поднялся необыкновенный бум. Победители стали тащить экзотику. Каждый солдат и офицер тащил больших малых текинов с мест службы в качестве дани побеждённых победителям. Вот что писал об этом исследователь туркменского Ковра С. Дудин еще до 1917 года если за границей есть много лиц, накопивших бесценные коллекции превосходных образцов ковров, то у нас, несмотря на легкость собирания среднеазиатских ковров, после завоевания Туркестана ровно в этом ничего не сделано. Причиной такого пренебрежения к среднеазиатским коврам является наша незнакомство с ними, он искренне сожалел о том, что солдаты и офицеры не брали ковровую мелочь, впуская её на подстилки и всякого рода чехлы. Именно такой формой при приобретении объяснялось отсутствие хороших старинных образцов ковров у населения в конце 80 годов прошлого столетия [3].

Кроме того, военные экспедиции, прошедшие в 1872–1881 гг. подорвали сырьевую базу коврового производства. Царские войска сотнями угоняли скот, облагали данью местное население, выплачиваемое как деньгами, так овцами и верблюдами. Для перевозки грузов должностным военным лицам предоставлялись сотни верблюдов, для солдатской кухни-овец [2, с. 63–64].

Всё это способствовало сокращению коврового производства. Наряду с этим условия военного времени, поголовное обнищание скотоводов, последующее переселение их в соседние районы Ирана и Афганистана нарушили нормальный ход жизни туркменского населения.

Обнищание скотоводческой части населения ускорила переход на земледельческий образ жизни. Последующее внедрение хлопководства привело к значительному сокращению ковроткачества. Один из крупных производителей лучших ковров-Мервский уезд-имел районы, полностью прекратившие ткачество и перешедшие на производство хлопка. В конце века в Асхабадской уезде такие районы как Безмеин Геок-Тепе Изгант Ямансалык прекратили ткачество в связи с переселением и обнищанием массы населения из-за военных действий.

Такая же обстановка сложилась и в западных районах области. Несмотря на то, что они имели лучшие пастбища, находившийся в долинах рек Сумбар, Атрек, Чендир, населения этих районов в конце XIX в. ковроткачеством не занималось из-за значительного уменьшения поголовья скота в результате военных действий и частичного перехода населения на оседлый образ жизни.

1884 г. Жизнь мало по малу стало входить в обычное русло, и традиционные виды занятий туркмен начал оживать, возрождается. Устанавливались экономические связи между районами страны рыночный спрос на изделия кустарной промышленности стимулировал рост сельского хозяйства. Стало возрождаться скотоводства, являвшееся сырьевой базой производства кошек и ковров для удовлетворения как собственных нужд, так и рыночного спроса.

Уже 1883–1893 гг. в Закаспии было 1818165 голов овец в основном туркменской породы которые выпасались на пастбищах пустынного ареала, пастбища же подгорной полосы не были пригодны для выпаса этой породы.

После завоевания края и установления мирной жизни на территории области наблюдался товарооборота. Сбыт шерсти, кожи и изделий из них приобретал все большее значение. Торговля этими продуктами скотоводства велась не только с внутренними рынками России, с Нижним Новгородом и Москвой через Астрахань и Баку, но с сопредельными странами Персией, Хивой и Бухарой [7, с. 109].

Ковры Закаспийской области являлись крупным предметом торговли на всех базарах, причем самыми ценными считались текинские и керкинские. Эти ковры продавались в зависимости от каче-

ства от 8 рублей за аршин. Общая сумма вывозка Ковров из края в это время достигла 40000 пудов, из них около 35000 пудов шло за границу, преимущественно через Батуми в Константинополь, откуда они шли на продажу в разные страны Европы и Америки [6].

В каждой туркменской юрте встречались настоящие образцы ковроделия. Особенно многообразно и прекрасно они были в тех местностях, где ковроткачества было высоко развито.

В Мангышлагском уезде ковров производили ровно столько, чтобы удовлетворить свои нужды в продажу, они поступали в малом количестве, зато много производилось кошм черных белых серых, которые охотно раскупались. Они отличались прочностью и имели грубый рисунок.

В Каракалинском приставстве ковров ткали малого основном для собственных нужд. В начале XX в. все сотканы населением ковры были проданы. Население Кары-Кала, в частности гоклены, ткали прекрасные паласы и паласовые намазлыки больших размеров, использовавшиеся во время молитвы в мечетях.

В 1910–1912 годах больше всего ковров производилось в Красноводском уезде, немало их продавалось но за последнее время цены на ковры высокие 40 рублей а аршин паласа от 2 до 2,5 рублей за ковровый аршин от 5 до 8 рублей что объясняется большим спросом на эти предметы и дороговизной рабочих рук [8].

В конце XIX в. наметилась тенденция увеличения вывоза туркменских ковров за границу продажи их стала доходной статьей экспорта России. В 1887 году только обыкновенные овечьей верблюжьей сараджинской шерсти в виде сырца и пряжей было вывезено всего 1141783 пуда. В Закаспии скупкой ковров и шерсти занимались как торговцы с Кавказа, так и русское купечество. Они покупали у населения края старинные ковры, тогда как местные колониальные власти покупали только что сотканые.

С западного побережья Каспи ковровые изделия в основном отправлялись через Баку и Ардебиль в Турцию затем во Францию. С южных границ изделия отправлялись в Персию Афганистан откуда попадали в страны Европы и Америки. Только во Франции Россия продавала 22 процента своего вывоза по шерстяным изделиям преимущественно шерстяные ковры Туркестана. В 1897 году было вывезено из Закаспийского края шерстяных ковров – 44716 пудов, войлока – 21809 пудов, шелковой материи – 710 пудов, вещей для музеев и коллекций – 799 пудов.

Таким образом спрос на ковры и скотоводческую продукцию удовлетворяемый ранее легализованным грабежом побежденного населения начал становиться экономическим фактом: ковры рассматривались как предмет купли продажи, а ковровщице все больше стали работать на рынок.

По данным «Обзора Закаспийской области 1890–1896 гг.», в начале 90-х гг. XIX в. аршин ковра расценивался в Мервском уезде в 5–10 рублей и население получило от продажи свыше 60000 рублей, а позже ковер там уже стоил гораздо дороже – 200 рублей.

Развитие товарных отношений выход Туркменистана на рынке России, а через них и на рынке Европы и Америки благотворно воздействовали на размах коврового производства. Местные власти использовали любую возможность расширения ковроткаческих районов помогали поощряли возрождение ковроткачества. Вместе с тем это оказывало пагубное воздействие на качество ковров. Работая на себя, ковровщица стремилась сделать добротную вещь, а работая на рынок старалась извлечь максимум дохода при минимальных затратах сил и средств. Это положило начало производства фальсифицированных туркменских ковров чему способствовало падение качества как ткачество, так и краски, шерсти и конечно же, не остались в стороне, и чистота рисунка, которая стала катастрофически падать, появились всякого рода заказчики, требовавшие тот или иной рисунок.

Печальные последствия имело для туркменского ковроткачества и появления Закаспии анилиновых красителей. Растительные краски, возившиеся из Индии Ирана Бухары, быстро исчезли, уступив место более дешевым химическим [4].

Окраска шерстяной пряжи, ранее производившейся только женщинами ковровщицами в конце 80-х – начале 90-х гг. поручалась красильщикам специальных красильных мастерских открытых по инициативе местных властей. Анилиновые красители, привозимые из России, были не только дешевыми, но и линючими, простыми в употреблении. Пряжа, окрашенная такими красителями, поначалу имела довольно эффектный вид, но вскоре ковер, изготовлен из такой пряжи, тускнел и терял контуры рисунка, представлял собой мутно рыжую ткань. Качество шерсти, из которой вырабатывалась пряжа, также было низкое, часто шерстяной уток заменялся хлопковой нитью, что приводило к потере четкости и проницательности в орнаментальном уборе ковра.

В эти годы в Среднеазиатский рынок был наводнен узорными тканями, как хлопчатобумажными, так и бархатными шерстяными, сотканными машинным способом. Они пользовались популярностью среди населения и легко распространялись. Это было достижение высокой степени разви-

тия торговли. Популярность туркменских Ковров среди русских нашла свое отражение на тканях, ввозимых из России. Многие из них заимствовали ковровые рисунки. Композиции их изобиловали рисунками по мотивам ковровых орнаментов Востока. Тогда же стали появляться коврики небольших размеров и машиной выработки с изображением мечети Каабы и ая-Софии.

Впервые Закаспийская область, самостоятельно приняла участие в Среднеазиатской выставке изделий сельскохозяйственного и кустарной промышленности в Москве 1891 году, демонстрируя ковры в разделе «Средняя Азия и Кавказ и торговля с Россией и Персией». Закаспийский край был представлен двумя разделами: отдел сельского хозяйства показывал растения, в том числе и красители сары чоп, марену, хлопок — белый и красный, шерсть — верблюжью, овечью, козий волос, козий пух и шелк. Отдел кустарной промышленности в основном демонстрировал ковры, ковровый изделия краску для пряжи и другие бытовые особенности русских владений в Средней Азии. С этой выставки, продолжавшийся с мая по ноябрь 1981 года государыня императрица приобрела Мервский ковер.

До выставки 1891 года туркменские ковры экспонировались на трёх- в Тифлисе, Ташкенте и Москве, но, к сожалению, Сведения об этих выставках чрезвычайно скудны, сохранился лишь каталог Московской выставке 1891 года, который служил указателем и руководителем для организации Закаспийского отдела в последующих выставках.

На Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, прошедший 1896 году экспонаты области получили 38 наград. Выставка имела большой успех и весь Среднеазиатский кустарный отдел был рекомендован полностью к участию на парижской выставке. Поэтому поводу газета окраина, выходящая в Ташкенте, отмечала чарующее впечатление Востока внутри выставочного здания. Газета отметила привлекательный вид с ученическими работами, представленным Закаспийским краем. На этой выставке четко обнаружилось два явления, которые были самыми значительными: одно — то, что хлопок в будущем может приобрести важное значение и другое — окончательно выяснился упадок текинских ковров.

Устроенная в Асхабаде в 1912 году первая ковровая выставка привлекла интерес к усовершенствованию коврового производства, на ней экспонировались ковры из аулов Безмеин, Ясман-Салык, Эррик-Кала, Янги-Кала, Геокча, Изгант, Бахарден, Кипчак, Анна. На этой выставке были премированы 32 ковровых изделия на сумму 900 рублей.

В 1912 году выставка ковров была проведена в Красноводске. Лучшие изделия были отмечены серебряными и бронзовыми медалями, денежных наград было выдано на 400 рублей. На выставке были представлены различные виды ковровых изделий. Для более интенсивного развития ковроткачеству было принято решение о необходимости открытия склада шерсти и краски, так как большая часть населения не имеет средств на покупку шерсти и красок. На этой выставке не было ни одного ковра от населения Кара— Калининского приставства, хотя, по сведениям о производстве кустарных промыслов, именно в Кара — Кале было продано все, что было выработано: 10 Ковров— все проданы, паласов 100— 120— проданный, намазкыков 20— проданы 20. Также были проданы все произведенные шелковые бумажные ткани [5, с. 25].

Как известно из вышеизложенного, туркменское ковровое искусство берет свое начало в глубокий древности. Это древнее искусство было особенно популярно в конце XIX – в начале XX века. В этот период ковры Закаспийского края привлекли внимание покупателей на мировых рынках и международных выставках. В этом появляется уникальность туркменских ковров.

Список литературы

1. Дудин С. Ковры Средней Азии. Сб. музея антропологии и этнографии. – Л., 1926, с.7 – 10.
2. Довлетов Дж., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. – Ашхабад 1972, с. 63–64.
3. Газета «Окраина», 1896, номер 54; ЦГАТ, ф.и1, оп.2, д. 10721, л.1.
4. Газета «Туркестанские ведомости», 1909, номер 46
5. История Туркменской ССР. Т. 1, кн. 2. – Ашхабад, 1957. с 543.
6. Обзор Закаспийской области. 1900 г., газета «Закаспийское обозрение», 1910, номер 75, 16 апреля.
7. Закаспийское обозрение. 1882–1890 гг., с. 107–108.
8. ЦГАТ, ф. 1, оп. 1, д. 25, л. 190.
9. Durdylýýew N.A. Halýçylyk işiniň taryhyndan // Türkmen ahiwi. 1996. №1. 41–55 s.

МОНГУШ ЛОПСАН-ЧИМИТ ШОКАР-ЧУЛЬДУМ ОГЛУ – АВТОР
ЛАТИНИЗИРОВАННОГО АЛФАВИТА ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Ооржак Шолбан Сергеевич
Музей истории политических репрессий в Туве, г. Кызыл, Россия
sholban.oorzhak.79@mail.ru

История Монгуша Лопсан-Чимита и его вклад в создание тувинской письменности являются примером настойчивости, усердия и стремления к развитию своего народа. Его труд стал основой для развития образования, культуры и идентичности Тувы. Несмотря на разногласия и противоречия, его труды оставили неизгладимый след в истории Тувы и продолжают вдохновлять и восхищать людей до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: образование, письменность, тувинский язык, алфавит, латинизированная письменность, культура, идентичность.

MONGUSH LOPSAN-CHIMIT SHOKAR-CHULDUM OGLU – AUTHOR OF THE LATINIZED ALPHABET OF THE TUVAN LANGUAGE

Oorzhak Sholban Sergeevich
Branch of the History of Political Repression in Tyva, Kyzyl, Russia
sholban.oorzhak.79@mail.ru

The history of Mongush Lopsan-Chimit and his contribution to the creation of the Tuvan script are an example of perseverance, diligence and striving for the development of his people. His work became the basis for the development of education, culture and identity of Tuva. Despite the differences and contradictions, his works have left an indelible mark on the history of Tuva and continue to inspire and delight people to this day.

Key words: education, writing, Tuvan language, alphabet, Latinized writing, culture, identity.

135 лет тому назад в 1888 г. в местечке Ак-Алаш Барун-Хемчикского кожууна родился Монгуш Шокар-Чульдум оглу Лопсан-Чимит.

Монгуш Лопсан-Чимит был ребенком, полным любопытства и жажды знаний. С раннего возраста он проявлял необычайный ум и способности, которые не могли остаться незамеченными. Его родители, понимая важность образования, решили отправить его на учебу, несмотря на финансовые трудности. Жители местечка Ак-Алаш Барун-Хемчикского кожууна, восхищенные талантами мальчика, собрали деньги на его дорогу.

И так, в пятилетнем возрасте, Лопсан-Чимит отправился в Монголию, в Кандан - хурээ, чтобы начать свое образование. В Кандан - хурээ он провел целых 11 лет, погружаясь в мир духовного образования. Здесь он изучал древние тексты, философию и религиозные учения. Каждый день был наполнен новыми знаниями и открытиями, которые только усиливали его жажду узнать больше. Однако он не ограничивался только духовным образованием [2, с. 40].

Монгуш Лопсан-Чимит стремился к всестороннему развитию и решил продолжить свое обучение в хурээ Лавран в Тибете. Здесь он провел целых 18 лет, совершенствуя свои знания и одновременно служа в хурээ. В тибетских монастырях служители обучались различным дисциплинам, и Монгуш не был исключением. Он погружался в изучение астрономии, математики, географии и иностранных языков, преимущественно английского. Но его тяга к знаниям не удовлетворялся только одним языком – Лопсан-Чимит знал также тибетский, русский, немецкий, китайский, французский, итальянский и, конечно же, монгольский языки.

Монгуш Лопсан-Чимит стал не только образованным человеком, но и настоящим полиглотом. Его знания и умения привлекали внимание многих, и он с легкостью общался с людьми разных национальностей и культур.

Монгуш Лопсан-Чимит, вернувшись в Туву в высоком сане буддийской иерархии, стал неотъемлемой частью развития Тувинской Народной Республики. Его уважение и авторитет среди паствы и коллег были безусловными.

В 1927 году, когда руководство ТНРП приняло решение о создании национальной письменности на латинизированной основе, ЦК обратился к ученым-ламам с просьбой приступить к выполнению этой задачи. И здесь главную роль сыграл Монгуш Лопсан-Чимит, настоятель Верхне-Чаданского буддистского храма, который внес значительный вклад в разработку основы новой письменности.

Монгуш Лопсан-Чимит, неутомимый в своих усилиях, затем отправился в Петербург, где с горячим энтузиазмом погрузился в работу над созданием тувинской письменности. Он изучал различные языки, такие как санскрит, китайский, монгольский, немецкий, английский и русский, чтобы понять их фонетические особенности и найти схожие звуки с тувинским языком. Используя знания, которые он приобрел, Лопсан-Чимит разработал национальный алфавит для тувинского языка. Он взял за основу немецкий алфавит, так как заметил, что множество звуков немецкого языка соответствуют тувинским звукам. Однако он внес некоторые изменения и дополнения, чтобы адаптировать его под особенности тувинского языка.

Когда Лопсан-Чимит завершил свой проект письменности летом 1928 года, он представил его на рассмотрение Малого Хурала, который одобрил его полностью. Затем алфавит был отправлен на рецензирование в Академию наук СССР.

3 февраля 1929 года стал долгожданным днем для Монгуша Лопсан-Чимита и его усилий по созданию тувинской письменности. На заседании Политбюро ЦК ТНРП его алфавит был одобрен и получил официальное признание.

Однако, стоит отметить, что работа по изучению и внедрению новой письменности началась задолго до этого события. Уже 22 июня 1928 года состоялось первое собрание группы, посвященной изучению алфавита Лопсан-Чимита.

Руководство ТНР не стало ждать альтернативных вариантов из СССР и решило ввести в действие разработку Монгуш Лопсан-Чимит без дополнительных задержек. Это решение подчеркивало важность и значимость работы Монгуш Лопсан-Чимита. Его алфавит, основанный на немецком алфавите, с дополнительными изменениями и адаптацией под тувинский язык, был признан национальным достижением и отражал стремление Тувы к собственной идентичности и развитию.

В результате этого создания возникли некоторые противоречия и разногласия среди тувинской интеллигенции и населения. Некоторые считали, что новый проект более универсален и удобен для использования, особенно при обмене информацией с другими тюркскими народами. Однако другие настаивали на сохранении алфавита Лопсан-Чимита, который был более близок к тувинскому языку и отражал его особенности более точно. Таким образом, вопрос о тувинской национальной письменности остался открытым и требовал дальнейших обсуждений и исследований. Возникла необходимость в поиске компромиссного решения, которое бы учитывало как удобство использования, так и сохранение лингвистической и культурной ценности тувинского языка. В дальнейшем, после проведения дополнительных исследований и консультаций с тувинской интеллигенцией и населением, был принят новый проект письменности, который сочетал в себе элементы алфавита Лопсан-Чимита и новотюркского алфавита. Этот проект был широко принят и использовался для обучения грамоте в Туве.

На VIII съезде ТНРП, В. А. Богданов, представитель Коминтерна в Туве, поднял важный вопрос о письменности. В своем послании в Восточный секретариат Исполкома Коминтерна от 18 июня 1929 года, он отметил, что из двух предложенных проектов, основанных на немецком и новотюркском алфавитах, был выбран проект на основе ламского алфавита.

В течение нескольких лет жители Тувы использовали письменность, разработанную Монгуш Лопсан-Чимит. Однако, в это время отношение государства к религии начало усиливаться, и многие люди стали бояться использовать эту письменность. На VIII съезде ТНРП в ноябре 1929 года было официально заявлено, что использование ламской письменности является неприемлемым с моральной и политической точек зрения [1].

В результате декрета правительства ТНР, принятого 28 июня 1930 года, тувинская письменность была введена на основе латинизированного алфавита-латиницы под руководством советского ученого А.А. Пальмбаха. Однако принятие этой письменности не прекратило споры и разногласия вокруг нее, связанные с обстоятельствами принятия или отвержения различных проектов, включая отказ от проекта Монгуш Лопсан-Чимита, что вызвало недовольство лам. Поэтому после создания письменности ламы также относились к ней отрицательно.

В 1931 году появился слух о том, что проект письменности, созданный ламой, был украден органами культуры ТНР и передан в одно из научных учреждений СССР, где его не поняли, но некоторые изменения были внесены, и таким образом была создана тувинская письменность. По этому

слуху утверждалось, что существовал только один проект, и что советский проект был всего лишь необработанной версией «ламского» проекта. Однако эта ложная информация была опровергнута в печати.

Латинизированная письменность, активно использовавшаяся в Туве до середины 40-х годов, оказала огромное влияние на повышение грамотности местного населения. Ее внедрение открыло новые горизонты для образования детей в тувинских школах, позволило издавать газеты и книги на родном языке, а также эффективно вести делопроизводство, как на местном, так и на центральном уровне. Сегодня мы смотрим на латинизированную письменность, прежде всего с исторической точки зрения, осознавая ее важность и вклад в развитие тувинской культуры.

История Монгуш Лопсан-Чимита — это история настоящего ученого, который не боялся идти вперед, стремиться к знаниям и преодолевать трудности. Его преданность образованию и постоянное стремление к самосовершенствованию сделали его одним из самых уважаемых и ученых людей своего времени. Благодаря усердию и творческому подходу Монгуш Лопсан-Чимита, тувинская письменность стала реальностью, открывая новые возможности для образования, коммуникации и сохранения национального наследия.

Список литературы

1. Даржаа А. Достоин ли памятник Лопсан-Чимит? // Новые исследования Тувы. – URL.: <https://www.tuva.asia/news/tuva/3767-lopsan-chimit.html>
2. Политические репрессии в Тувинской Народной Республике в 1921–1944 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Иргит Оттук Юрьевич. Иркутск: ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет», 2019. - 213 с.

УДК 024(571.51)

СПЕЦИФИКА БИБЛИОТЕЧНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НА ФАКТОРИЯХ СЕВЕРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.) И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Подъяпольская Анастасия Валерьевна

канд. филос. наук, старший преподаватель

*Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, г. Красноярск, Россия
konukhova@mail.ru*

В статье рассказывается об особенностях библиотечной деятельности на факториях Севера Красноярского края в 40-е и послевоенные годы. Были распространены избы-читальни и Красные чумы, благодаря работе которых грамотность населения коренных малочисленных народов Севера начала возрастать. Несмотря на тяжелые условия, в 1941–1945 гг. проводились различные мероприятия по продвижению чтения, велось библиотечное обслуживание и оказывалась помощь фронту. Благодаря накопленному опыту библиотеки Севера Красноярского края стали многофункциональными культурными центрами и сохранили свою этнографическую специфику.

Ключевые слова: библиотечное обслуживание, фактории, Север Красноярского края, история библиотечного дела, культура Красноярского края.

SPECIFICITY OF LIBRARY ACTIVITY IN THE FACTORIES OF THE NORTH OF THE KRASNOYARSK TERRITORY IN THE 1941-1945 AND POST-WAR YEARS

Anastasiya Valerevna Podyapolskaya

Candidate of Philosophical Sciences, Librarian, Senior Lecturer

*Krasnoyarsk state scientific library of Krasnoyarsk area,
Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
konukhova@mail.ru*

The research paper describes the features of library activity in the factories of the North of the Krasnoyarsk Territory in the 1940s and post-war years. Due to the work of existed at that period «Reading Huts»

and «Red Chooms», the literacy of the population of the indigenous small peoples of the North began to increase. Despite the difficult conditions, in 1941-1945 various events were held to promote reading, library services were provided and they helped to the Soviet troops of front lines. Due to the accumulated experience, the libraries of the North of the Krasnoyarsk Territory have become multifunctional cultural centers and have preserved their ethnographic specifics.

Key words: history of librarianship, library activity, factories, North of the Krasnoyarsk Territory, Culture in Krasnoyarsk Region.

Культурная жизнь в СССР в период Великой Отечественной войны, несмотря на тяготы военного времени, активно развивалась. Так происходило не только в столицах и краевых центрах, но и в самых небольших населенных пунктах.

Особняком стояли северные территории СССР со своим укладом и особенностями (климатическими, национальными, территориальными). Часть данных особенностей были связаны с бытом кочевых народов, малых народностей

Специфика северной земли - особое расположение населенных пунктов – небольших и значительно пространственно отдалённых в силу проживания на данных территориях кочевых народов.

Культурные «расстановки» с самого начала развития в регионе еще в советское время также имеют свои специфические черты

Избы-читальни или отправные точки Красных чумов, а впоследствии – библиотеки располагались на так называемых «факториях» - малых населенных пунктах, являющихся связующим звеном между крупными городами райцентров.

Несмотря на немногочисленное население, суровый климат и отдаленное расположение фактории постепенно становились культурными «островками». Они были знаковыми местами для кочующих народов, а впоследствии играли важную роль в экономической инфраструктуре севера Красноярского края. До войны и военное время фактории стали точками для культурного развития, благодаря которым поддерживалась необходимая связь с более крупными пунктами, например, в Эвенкии это – Тура.

На каждой фактории существовала небольшая библиотека и Дом культуры. Таким образом, библиотеки на севере Красноярского края (в том числе на факториях) к 40-м годам стали центрами обучения грамотности для населения. Знание русского языка было важно для тех мужчин коренных национальностей народов Севера, которые решались уйти на фронт добровольцами.

Сохранилось очень мало сведений, полностью отражающих работу библиотек того времени, и нет точных сведений о том, сколько воинов различных национальностей коренных малочисленных народов Севера погибли. Оставшиеся в тылу на северных территориях Советского Союза люди добывали «мягкое» золото – пушнину (передавая материальные средства в фонд обороны), и создавали северный культурный фронт. Несмотря на тяжелые военные условия, в каждом северном городе, посёлке, фактории продолжали работать библиотеки.

В газетах «Советский Таймыр», «Эвенкийская новая жизнь», «Северный колхозник», «Советская Эвенкия» можно найти сведения о работе библиотек на Севере за 1941–1945 гг.

Библиотечная жизнь в 40-е годы, несмотря на военные действия и бытовые сложности этого времени, активно развивалась не только в достаточно крупных для Севера населенных пунктах – Дудинке, пос. Тура, но и в малых - село Потапово, поселок Левинские пески, фактории Боярка, Катырык, село Караул и др. Так, например, Боярская изба-читальня (Боярская сельская библиотека) располагались в Авамском районе на фактории Боярка. Из сводного годового отчета окружного отдела культуры: «Во 2м квартале (1942 г.) открыли сельскую библиотеку, которую литературой снабдила районная библиотека. В сельской библиотеке имеется 1000 экземпляров книг». Общая площадь помещения библиотеки составляла 20 кв. метров, отдельной читальни и детского отделения не было. Работал 1 сотрудник. На 1 октября 1942 года «Боярская сельская библиотека имеет читателей 75 человек, из них детей школьного возраста 45 человек». На 1 января 1943 года фонд библиотеки составлял 1236 экз. книг. [1, с. 91]. Можно сделать вывод, что фонд по объему и количеству единиц был качественный - для такой маленькой библиотеки, функционирующей в тяжёлый военный период. В этом же сборнике описывается быт библиотек на факториях Потапово и Катырык и некоторых др. пунктах.

В военное время библиотеки факторий и сел были не только культурными, но и образовательными центрами.

В библиотеках проводили занятия по обучению русскому языку, выполнялись справки, писали письма на фронт. [1, с. 95]. Библиотекарем мог быть учитель по профессии, либо, напротив, биб-

лиотекарь становился учителем. В газетах (вышеперечисленных) можно найти сведения о том, что библиотекарями часто становились представители национальностей народов Севера, обучившиеся грамоте (якуты, ненцы, эвенки и др.). Таким образом, библиотека помогала увеличивать количество грамотных людей среди населения фактории.

Кроме стационарных малых библиотек, в распространении грамотности помогал передвижной Красный Чум. Работники Красного Чума перевозили книги и газеты в самые удаленные уголки Севера. Поездки Красного Чума по Эвенкии и Таймыру начались еще в 30-х годах 20 века и не прекращались, даже несмотря на тяготы и трудности военного времени. Благодаря такой разноплановой деятельности библиотекарь на Севере становился многопрофильным специалистом. Позже, начиная с 50-х и после, Красным Чумом стали называть сам Дом культуры. Воспоминания о деятелях культуры, всю свою жизнь отдавших библиотечной работе, можно найти в юбилейных книгах поселков и факторий. Например, в книге «Нидым» [4, с. 126]

Активная библиотечная деятельность способствовала развитию культурной жизни на факториях. Распространены были также избы-читальни. Они появились «в Эвенкийском национальном округе в 1938 году. В 1941 году их стало уже 17: 7 – в Илимпейском районе, 5 – в Байкитском и 5 – в Тунгусско-Чунском. В них читали лекции, доклады, проводили беседы на различные темы, даже ставили пьесы, выпускали стенные газеты и бюллетени. Очень популярны были так называемые читки, когда для посетителей вслух читались газеты и художественные бюллетени» [3, с. 40]. Так, в газете «Эвенкийская жизнь» 1941 года можно найти такое описание избы-читальни: «Одной из лучших в округе считается изба-читальня на фактории Сталино, Байкитского района. Эта изба-читальня проделала большую культурно-массовую работу среди населения. Например, с 1 ноября 1940 года по 15 февраля 1941 года здесь прочитано 7 лекций, 9 докладов, которые прослушало 442 человека. ...Было поставлено 6 пьес.... Выпускается стенная газета и бюллетень» [5, с. 32].

Такие центры культуры приобретали все большую значимость для культурного развития от момента создания вплоть до периода 1941–1945 гг. и далее в советское время. Главной причиной было особое географическое расположение факторий: их удаленность от больших населенных пунктов и невозможность быстрого передвижения между ними не только из-за расстояния, но и из-за климатических особенностей Севера. Именно эта удаленность способствовала возникновению и расширению библиотек факторий, а в дальнейшем – организации библиотечной сети.

Труд сотрудников сферы культуры северных территорий (как труд специалистов культуры СССР в целом) в военное время можно назвать подвижническим. Умение совместить библиографическую и педагогическую деятельность, работа в тяжелых бытовых условиях, организация библиотечного обслуживания на малых территориях – все это требовало профессиональных затрат от самих библиотекарей. Результат этой деятельности приближал советский народ к победе. Знакомство читателей с газетами и новостными материалами о ходе военных действий, помощь в написании писем на фронт, обучение грамоте, своевременный выпуск стенгазет патриотической тематики, лекции и семинары по патриотической тематике – вот те многочисленные действия и формы работы, которые сделали библиотеку в 1941–1945 гг. необходимым местом. В итоге поставленная советскими властями задача расширения культурной деятельности в военный период была выполнена. Количество библиотек не только не уменьшилось, но даже возросло. План предполагал качественное изменение жизни на северных территориях. «...модернизация северных территорий в годы Великой Отечественной войны рассматривалась как часть общего для всей страны процесса. Таймыр и Эвенкия внесли значительный вклад в дело общей Победы» [2, с. 218].

В послевоенные и последующие годы библиотеки в Эвенкии и на Таймыре становятся все более многофункциональными.

В военный период, несмотря на тяжелые бытовые условия военного времени, происходила постепенная подготовка учреждений культуры для того, чтобы они впоследствии стали на более активные мирные рельсы: увеличивается книжный фонд, нарабатывается опыт взаимодействия с читателями, опыт проведения массовых мероприятий, методики привлечения читателей к книге и патриотическому чтению. Сразу после войны создаются комфортные условия в библиотеках: увеличивается книжное пространство, улучшается бытовая сфера. Советское время диктует свои требования, выводя на первый план необходимость политической пропаганды. Именно эта, казалось бы, навязанная необходимость, помогает стремительно развиваться культурной сфере, изобретать новые формы и виды работы, совершенствовать культурно-досуговую деятельность библиотеки. За довоенное и послевоенное время северные библиотеки стали играть роль «маяка» книжной культуры. Неудивительно, что после войны они, с одной стороны, отделяются от домов культуры, а с другой стороны, становятся целыми центрами досуга, включая в себя любительские театры или драмкружки, литератур-

ные клубы, лекционные залы для политпросветработы, разнообразные творческие кружки. Таким образом, послевоенная библиотечная система становится более совершенной. Библиотеки занимаются политической и пропагандистской деятельностью, краеведческими исследованиями, помогают в сохранении эвенкийского языка и развитии декоративно-прикладного творчества.

Сегодня в деятельности библиотек на севере Красноярского края включаются как традиционные, так и современные формы работы. Это не только выставки, лекции, творческие встречи, но и виртуальные выставки на собственном сайте, виртуальная справочная служба и др.

Библиотеки, расположенные на факториях (а именно это название употребляется в разговорной речи для обозначения малых населенных пунктов и сейчас) и в поселках стремятся сделать культурную деятельность качественной и разнообразной. Благодаря накопленному в годы войны и в более поздний советский период опыту, они стали многофункциональными культурными центрами (как и многие библиотеки крупных городов). Но при этом они бережно сохраняют свою краеведческую и этнографическую специфику, которая является оригинальной, актуальной и востребованной в культуре современного мира.

Список литературы

1. Библиотечная жизнь Красноярья, Красноярск: ГУНБ, 2016, - Вып. 25. – 129 с.
2. Великая Отечественная война в истории Енисейской Сибири: монография: в 5 т. - Т.3 – 1943 год /Б.Е. Андюсев, Н. Я. Артамтнова, Н. В. Барсукова [и др.]; науч. рук. творч. кол. Е. Н. Гарин; зам. науч. рук. творч. кол. М. Д. Северьянов. – Красноярск: СФУ, 2023. – 280 с.
3. Динамика развития и современное состояние библиотечных практик в территориях Енисейского севера / А.А. Алаторцева, М.В. Андриук, Т. П. Журавлева [и др.]; Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края; научный редактор А. В. Кистова; редакторы: Л. В. Винокурова, И. А. Шереметова ; под общей редакцией Г. Л. Рукши. – Красноярск: ГУНБ Кк, 2023. – 192 с.
4. Нидым. – Красноярск: ООО Версия, 2020. - 160 с.
5. Эвенкийская новая жизнь. Письмо-газета посетителям Красноярского зала ВСХВ, специальный выпуск. - 1941- С. 32.

УДК 726.54(571.51/.52)

КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА КАК ВИЗУАЛЬНЫЙ КОД РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЗДАНИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*Корж Виктор Геннадьевич, аспирант
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Россия
victorkorzh@yandex.ru*

В представленной статье рассматриваются теоретические аспекты изучения культовой архитектуры Русской Православной церкви в Приенисейской Сибири как визуального кода региональной идентичности. Сделан вывод о перспективах проведения практического исследования культовой архитектуры региона в рамках визуального анализа.

Ключевые слова: визуальная история; визуальный код; исследовательские проблемы; культовая архитектура; региональная идентичность; Приенисейская Сибирь; Русская Православная церковь.

CULT ARCHITECTURE AS A VISUAL CODE OF REGIONAL IDENTITY THE EXAMPLE OF RUSSIAN ORTHODOX CHURCH BUILDINGS IN PRIENISEJSKAYA SIBERIA: PROBLEM STATEMENT

*Korzh Victor Gennadievich
Postgraduate student, Khakass State University, Abakan, Russia
victorkorzh@yandex.ru*

The article presents theoretical aspects of the study of the cult architecture of the Russian Orthodox Church in Prienisejskaya Siberia as a visual code of regional identity. The conclusion is made about the pro-

spects of conducting a practical study of the cult architecture of the region within the framework of visual analysis.

Key words: visual history; visual code; research problems; cult architecture; regional identity; Prienisejskaya Siberia; Russian Orthodox Church.

Культурная архитектура Русской Православной церкви является неотъемлемой частью культурного ландшафта регионов России в целом и территории Приенисейской Сибири в частности. Известно немалое количество религиозных архитектурных памятников, которые к настоящему времени включены в перечень объектов историко-культурного наследия регионального и федерального (общероссийского) значения: Церковь Покрова, в Красноярске; Церковь Сретения Господня в Минусинске; Воскресенская церковь в Енисейске; Церковь Петра и Павла в Ужуре; и ряд других. Всего по данным А. В. Украинцевой [1] памятниками истории и культуры признаны около 15% из всех культовых сооружений РПЦ, расположенных на территории Приенисейской Сибири.

Изучение представленной темы приобретает особую значимость в силу подъема интереса к культовой архитектуре как со стороны науки и религии, так и непосредственно запросов общества. Проявляется это не только в широкой деятельности по восстановлению и реставрации, но и в строительстве новых объектов религиозной практики на территории России. Наряду с этим особую актуальность приобретают вопросы, связанные с изучением истории строительства, процесса функционирования, роли культовой архитектуры в формировании культурного ландшафта и определения её места в структуре социокультурной жизни населения региона. Обозначенные проблемы имеют междисциплинарный характер и являются предметом рассмотрения не только историков, философов, культурологов, но и деятелей новых специализированных научных дисциплин: урбанистов и исследователей так называемой сакральной географии.

Вместе с тем ученые фиксируют рост интереса к «забытым и третируемым ещё недавно сторонам архитектурного мышления и деятельности – феноменологическим и символическим её аспектам, к темам мифа, культа, ритуала, к проблематике идентичности» [2, с. 132]. И это весьма закономерно, ведь помимо исторической и религиозной значимости, культовые постройки являются в некотором роде визуальными метафорами культурных ценностей, значимыми индикаторами региональной идентичности, поскольку они неразрывно связаны с историей и социокультурной жизнью местного населения.

Региональная идентичность в современной российской науке имеет множество синонимичных определений. Мы в нашей работе остановимся на варианте, предложенном в статье О. В. Цветковой. Согласно интерпретации автора, региональная идентичность представляет собой «набор ценностных характеристик индивида, который отождествляет себя с региональным пространством, историческими, политическими, экономическими, культурными особенностями региона – “малой родины”» [3, с. 173].

Культовая архитектура как визуальный код идентичности рассматривалась неоднократно в научных изысканиях А. Г. Лызиной [4, 5]. На примере памятников Пензенской области исследователь определила средовые условия восприятия православных храмов, и выделила ряд визуальных и ментальных факторов, определяющих значимость православной архитектуры для местной идентичности. Так, к визуальным факторам, по мнению автора, относятся архитектурные особенности, градостроительное и средовое значение, а в свою очередь ментальные факторы составляют историко-культурное значение, семантика внешних форм и внутрицерковная или сакральная значимость.

Говоря непосредственно о культовой архитектуре РПЦ в Приенисейской Сибири, исследователи акцентируют внимание на её архитектурных особенностях, эстетической и художественной ценности. Особое внимание уделяют характерным чертам «сибирского барокко» и отмечают его важность для развития религиозного ландшафта региона, но «значительно реже исследуется историко-культурный контекст бытования храма, его символическое значение для региона» [6, с. 182].

Безусловно, культовые сооружения РПЦ занимали и занимают немаловажное место в структуре социокультурной жизни населения региона. В их эстетику, символику и расположение в пространстве локуса заложен глубокий смысл, который, как правило, был обусловлен не только обращением к православному канону. Общие правила строительства культовых зданий были зафиксированы в нормативно-правовой документации Российской Империи, в частности они, были отражены в «Строительном уставе» [7]. Согласно которому, как отмечают исследователи урбанистики, «определялись не только правила размещения культовых зданий, но и расположение их относительно друг друга, что имеет большое значение для формирования сакрального городского пространства» [8, с. 186].

Не стало исключением и местное культовое зодчество. К примеру, исследуя процесс формирования религиозного ландшафта В. Н. Асочакова отметила, что многие культурно–эстетические запросы местного населения их представления о красоте и гармонии «находили выражение во внешнем облике храма, иконографии, церковном убранстве. Вкусы прихожан формировались под влиянием виденных ими храмов, “рисунков” или мастерства строителей. Фактором трансляции требований к облику и планировке церквей стали внутриездные переселения и природно–климатические условия. Переселенцы придавали храмам особое значение, церковь являлась центральным зданием села, его украшением и гордостью» [9, с. 76].

Как известно архитектуре свойственна способность становиться символом благодаря тому, что «ее объекты всегда создаются для определенной жизнедеятельности, которая находится вне воспринимаемой формы, стоит за ее конкретностью» [10, с. 46]. В результате культовые сооружения обогащают окружающее человека пространство культурой и искусством, которые в свою очередь с течением времени становятся составной частью исторического и культурного наследия, способствуя сохранению и передаче уникальных ценностей от поколения к поколению.

В свою очередь архитектурные формы, эстетика и символика церквей и храмов в Приенисейской Сибири олицетворяют и отражают исторические, религиозные и культурные ценности данного региона. Поэтому весьма перспективным становится практическое исследование проблемы, проведение визуального анализа культовой архитектуры региона – поиск и выявление визуальных и ментальных факторов, оказывающих влияние на региональную идентичность. Подход к архитектуре как визуальному коду региональной идентичности открывает новые перспективы для исследования: позволяет анализировать, как её особенности и символика отражают ценности и традиции местного общества. Эти знания могут углубить наше понимание важности культовых сооружений для формирования региональной идентичности, сакрального пространства и культурного ландшафта региона в целом.

Список литературы

1. Украинцева А. В. Храмостроительство в Приенисейской Сибири XVII–XXI вв.: динамика в метаморфозах исторического развития // Урбанистика. 2019. № 2. С. 36–48.
2. Капустин П. В. Историческая роль культовой архитектуры // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2016. Т. 4, № 3(23). С. 126–133.
3. Цветкова О. В. Региональная идентичность как фактор формирования культурно-исторической и социально-территориальной общности // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 74. С. 173–177.
4. Лызина А. Г. Средовые условия восприятия православных храмов и комплексов // Градостроительство и архитектура. 2021. Т. 11, № 4(45). С. 87–93.
5. Лызина А. Г. Культовая архитектура Пензенской области как визуальный код местной идентичности // Градостроительство и архитектура. 2022. Т. 12, № 2(47). С. 77–82.
6. Дворецкая А. П. Формирование комплекса церквей г. Енисейска // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 2(16). С. 180–198.
7. Устав строительный, измененный по продолжениям 1876 и 1879 гг., с разъяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената и приложением циркуляров Министерства внутренних дел и позднейших узаконений. Издание третье. СПб.: Типография при дв. книгопр. К. К. Ретгера, 1881. 428 с.
8. Бернюкевич Т.В. Философские и социокультурные проблемы развития города. М.: МИСИ – МГСУ, 2021. 256 с.
9. Асочакова В. Н. Формирование религиозного ландшафта Хакасии в XVIII–XIX веке: к истории православных храмов // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4(38). С. 75–79.
10. Майничева А. Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2000. 60 с.

РОЛЬ КУПЕЧЕСТВА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
И ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УЕЗДНОМ Г. ЕНИСЕЙСКЕ
КОНЦА 1870-Х ГГ. И ДО НАЧАЛА XX В.

*Селиванов Леонид Сергеевич, магистрант
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
lselivanov1942@gmail.com*

Данная работа посвящена изучению деятельности купцов – представителей городского самоуправления по организации культурной жизни населения Енисейска в последней четверти XIX — начале XX вв. Именно на рубеже XIX–XX вв. сфера культуры становится доступной не только для привилегированных категорий населения, но и для «простого» народа. Во многом этому способствовала общественная и частная инициатива городского купечества. Цель исследования – является установление фактов участия купеческих династий в организации культурной жизни населения сибирского города Енисейска в последней четверти XIX — начале XX вв. В исследование автор опирается на архивные документы, что позволяет ввести в научный оборот новые архивные данные по изучаемому периоду, не опубликованные ранее.

Ключевые слова: Енисейск, самоуправление, купечество, культурные мероприятия, культурные учреждения.

THE ROLE OF MERCHANTS IN THE DEVELOPMENT OF CULTURAL AND LEISURE INSTITUTIONS AND THE ORGANIZATION OF CULTURAL EVENTS IN THE COUNTY TOWN OF YENISEISK IN THE LATE 1870S. AND BEFORE THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

*Selivanov Leonid Sergeevich
Master`s student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
lselivanov1942@gmail.com*

This work is devoted to the study of the activities of merchants –representatives of the city government on the organization of the cultural life of the population of Yeniseisk in the last quarter of the XIX-early XX centuries. It was at the turn of the XIX-XX centuries that the sphere of culture became accessible not only for privileged categories of the population, but also for "ordinary" people. In many ways, this was facilitated by the public and private initiative of the city merchants. The purpose of the study is to establish the facts of the participation of merchant dynasties in the organization of the cultural life of the population of the Siberian city of Yeniseisk in the last quarter of the XIX- early XX centuries. In the study, the author relies on archival documents, which makes it possible to introduce into scientific circulation new archival data on the studied period, not previously published.

Key words: Yeniseisk, self-government, merchants, cultural events, cultural institutions.

Сфера культуры, находясь в последней четверти XIX — начале XX в. в стадии становления, не была обеспечена поддержкой системы государственного финансирования. Таким образом, для развития культуры необходимы были другие источники финансового и материально-технического обеспечения. В решении этой проблемы большую роль сыграла частная и общественная инициатива. В 80—90-е годы XIX в. в Сибири развернулось такое явление как культурничество, что нашло выражение в открытии: школ, библиотек, музеев и прочих центров культурной жизни [6, с. 187].

Забота общественного управления, куда в большей степени входили купцы-меценаты, о культурном развитии способствовала формированию социокультурного пространства, где происходила творческая реализация и саморазвитие сибиряков.

Важно отметить, что в начале XX в. в среде образованного общества стало нормой чтение книг и газет. Общественная библиотека Енисейска, находилась в здании городской управы [2, л. 2]. Несмотря на то, что распространение грамотности в сибирском городе проходило медленно. Услугами городских библиотек пользовался круг лиц, интересующийся общественными проблемами, а также служащие, читавшие литературу для успешной деятельности в профессиональной сфере. Известно, что в 1877 г. горожане-енисейцы выписывали 460 экземпляров газет [11].

Большую популярность получают так называемые Народные чтения. В конце XIX в. этот вид «разумного досуга» появился в сибирской провинции. Енисейские общественники в лице купцов А. И. Кытманова и Н. В. Скорнякова ходатайствовали об открытии народных чтений еще с 1885 г. Многие из думцев изъявили желание стать лекторами. Первое из народных чтений – «Начало христианства на Руси и св. Владимир» – состоялось 22 февраля 1898 г. в здании

Общественного собрания при активном участии протоиерея Богоявленского собора Д. И. Евтихьева. Чтения проходили бесплатно в воскресные или другие праздничные дни и вызвали большой интерес простого народа. На первых трех чтениях зал был полон: «Не только не было места для сидения, но многим пришлось стоять у входа и за ложами» [2, л. 7]. Последующие чтения также вызвали живой интерес. Их основная часть проходила в народной читальне им. А. С. Баландина, построенной также в 1898 г. Из воспоминаний М. П. Миндаровского, «Для меня составляло удовольствие: игра на бильярде, беседа с приятелями и чтение газет и журналов, которых собранием ежегодно выписывалось на 200 руб.» [9]

Помимо народных чтений были популярны и публичные лекции, так в 1913 г. в здании мужской гимназии была организована встреча для воспитанников с Ф. Нансенем – норвежским полярным исследователем. Лекция, посвященная исследованию северного морского пути, длилась три часа, перевод с английского осуществлял С. В. Востротин, купец, общественный деятель, участник экспедиции, 1885 г. занимал пост городского головы города.

В 1883 г. в городе был открыт общественный музей «Енисейский общественный музей стал свершившимся фактом. 1 октября состоялось его открытие при довольно значительном стечении народа из различных слоев общества. Празднество началось в 12 часов молебствием в здании музея, после которого священник Евтихийев сказал краткое слово, пожелал музею развития и сочувствия общества» [5]. Несмотря на то, что ««Сибирская газета» в 1883 году писала, что создание музея в Енисейске – это роскошь» [5]. количество жителей слишком мало, чтобы открывать музей. Музей в Енисейске получил сою популярность. Впервые дни открытия музея посетителей было много - по воскресным дням 200–300 человек, в будние дни от 30 до 40. Вход бесплатный. К показу представлено было 3230 предметов. В феврале 1885 года городская дума по предложению распорядителей музея приняла решение о проведении в музее народных чтений. Сюда приводили на уроки своих воспитанников и учителя учебных заведений города. Уже в 90-х г. XX в. «Енисейский музей имеет предметов: местных естественно - исторического отдела 7932, антропологического 1183, технического 1401, книг, чертежей, планов, карт и проч. 1110 и не местных произведений и монет 2437; число предметов музея в текущем году увеличилось на 581». Общественная библиотека и музей, помещающийся в каменном здании Енисейского городского управления. С 1884 г., на содержание которых городом исходя из постановлений городской думы израсходовано 372 руб. и кроме того, выдано 50 руб. на расходы по устройству в городе народных чтений [2, л.3,7].

Общественным местом культурного отдыха для енисейцев являлся театр. Первое упоминание о театре в Енисейске относится к середине XIX века. В 1855 г. на Сенной площади был построен городской театр. Здесь давали представления арабы-кабилы, фокусники [7]. 11 февраля 1868 г. случился пожар, здание театра сгорело. В 1874 г. в Енисейск приехал фокусник, он же акробат (его имя история для нас не сохранила). Он отстроил старый сарай, где нашли приют любители театрального искусства. Помещение было холодное, с земляным полом, отапливалось железными печами. Во время представления зрители сидели в шубах. Но даже в таких условиях артисты работали с большим вдохновением [8]. В 1880 г. по инициативе купца, городского головы В. М. Харченко в Енисейске было построено прекрасное здание общественного собрания, где разместился театр. Здесь был большой зрительный зал, библиотека, танцевальный зал, бильярдная, гостиная, карточная, буфет. Артисты - в основном молодежь, которые шли в театр из-за любви к искусству. Теперь, когда у театра было постоянное помещение, великолепные декорации и оркестр, появилась возможность устраивать любительские спектакли с благотворительной целью. Афиши и программы тех лет сообщают, на какие цели шли сборы: в пользу детей из бедных семей для их обучения в гимназии, в пользу музея, библиотек, «поддержания преподавания музыки в прогимназии» [1, л.6]. Енисейцы очень любили театральные представления. «В ночь 24 августа 1897 года к енисейской пристани пристал пароход «Иоанн Кронштадский», на котором прибыл адмирал Макаров. Оказалось, что встретить его некому, так как в это время в театре шел спектакль, и все начальство и градоправители были там» [9, с.128], – вспоминает М. П. Миндаровский. В репертуаре театра были пьесы В. А. Крылова «Чудовище», «Не ко двору», «Медведь сосватал», А. В. Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинского». Одной из ярких исполнительниц главных ролей была Вера Алексеевна Доронина, большому успеху постановок способствовала талантливая игра истинных подвижников театрального искусства: А. И. Кытмынова,

первого распорядителя енисейского музея; А. А. Станкеева - врача, члена общества попечения о народном образовании, Р. А. Френкеля - директора мужской гимназии [4, л.8].

Маскарады проводились и на масленицу. Народные костюмы были просты и незатейливы, они практически не требовали затрат. «В 1901 г. масленичные маскарады Енисейска по обыкновению продолжались три дня, входной билет на них стоил всего 55 коп. Как и прежде, на этих общегородских действиях в шутливой иносказательной форме звучали компрометирующие слова. Старшины Общественного собрания не могли запретить эту практику, ведь именно она привлекала толпу, вызывала большой интерес у публики и давала почву для енисейских разговоров» [4, л.8]. В последствии маскарады утратили свою популярность и в основном использовались для сбора средств в пользу образовательных учреждений. Так при изучении отчета по проведению лотереи-аллегри и маскарада в пользу женской гимназии от 24 декабря 1904г., пришел к выводу, что велся список жертвенников в данном случае 175 чел., это те, кто жертвовал средства одеждой или деньгами. Маскарад проводили с участием музыкантов, выдавались угощения в виде чая, конфет, пирожков, легких вин, шипучей воды. В ходе проведения продавались лотерейные билеты и рукодельные изделия воспитанниц гимназии. В отчете очень подробно расписано, сколько получено денег (от кого) и сколько потрачено (по счетам и за что), а также указан доход. Попечительские совет благодарил за сотрудничество по устройству лотереи директора гимназии А. Тупосовоу [12].

Постепенно среди енисейцев складывались свои традиции времяпрепровождения, досуга. Общественные мероприятия, проводившиеся в честь значимых событий города. Праздновались в купеческой среде, так в 1897 г. торжественно отметили 25-летие служения городской думы по Городовому положению 1870 г. В доме городского головы, купца С.В. Востротина на литературно-музыкальном вечере присутствовало около 30 человек. Гости читали стихи, играли на рояле и пели. Общество любителей музыки и литературы в Енисейске было образовано в 1899 г. по его инициативе были организованы как домашние, так и публичные музыкально-литературные вечера, концерты, спектакли и публичные чтения. Домашние вечера как некие светские встречи, часто сопровождалось играми в «жмурки», «фанты», «рубль», «войну», «соседи». «Во время игры «войной» стулья ставили посередине комнаты; тот, кто оставался без стула, обегал круг сидящих с криком: «Война, война!». Потом все вставали и тоже бегали с криком «война», под известный такт. Затем под слова «Мир, мир!» все должны были вновь садиться на свои места, а кто не успевал, с того брали фант» [10, с.95].

Одним из любимых занятием для горожан были прогулки, летом катанье на качелях, зимой на коньках и санках, енисейцы также страстно занимались охотой и рыбной ловлей.

Самыми массовыми культурными мероприятиями были разного рода организованные праздники. Народные праздник такие как «Масленица» праздновались с размахом, на улицах было очень оживлено всю неделю шло веселье, ходили в гости. На средства купцов-меценатов были организованы развлечения катанья на каруселях, которые представляли из себя катушку с бревнами к ним привязывали сани, приводилось все в движение с помощью лошадей.

Таким образом, благодаря деятельности купцов меценатов: В. М. Харченко, С. В. Востротин, Н. В. Скорняковым, И. П. Кытманов, А. И. Кытманов, А.С. Баландин, А. А. Баландин, в конце 80-х г. XIX – начало XX в. культурная и общественная жизнь в Енисейске развивалась. Работали библиотеки и музей, проходили народные чтения и публичные лекции, светские вечера. Были заложены основы культурного досуга для жителей города. Большая заслуга в организации и проведении культурных мероприятий органов местного самоуправления, городской управы. Быстрыми темпами горожане приобщались к различным формам общественных мероприятий. В свободное от работы время енисейцы больше уделяли внимание светским развлечениям, создающим традиции культурно-досуговой сферы Енисейска, до этого времени не существовавшим, увлекались театрам, танцами, музыкой, литературным чтением.

Надо отметить, что общественность в лице предпринимателей-меценатов долгое время не принимала положение Енисейска как города потерявшего свой статус центра экономического развития и все делала, чтобы привлечь внимание общественности к высокому культурному образу жизни, дабы сохранить статус духовного и культурного центра Сибири.

Список литературы

1. Архив города Енисейска (АГЕ). Ф.6. Оп. 1. Д 31.
2. АГЕ. Ф.6. Оп. 1. Д. 38.
3. АГЕ. Ф.6. Оп.1. Д. 39.
4. АГЕ. Ф.6. Оп. 1. Д. 77.

5. Бесхлебная, Г. Г. История о музее (к юбилею Енисейского Краеведческого музея) / Г. Г. Бесхлебная // сайт Архивное Агентство Красноярского края – URL: http://красноярские-архивы.рф/articles/stati_arhivistov/234 (дата обращения 10.07. 2023).
6. Бибилова, В. В. Роль частной и общественной инициативы образования Енисейской губернии в XIX - начале XX вв. /В. В. Бибилова. – Красноярск: ПИК Офсет, 2004. – 204 с. – URL:<https://search.rsl.ru/ru/record/01002496971> (дата обращения 14.03. 2023)
7. Васильева А. А. Любите ли вы театр, как люблю его я / А. А. Васильева // Енисейская правда. –1994. –23 мар.
8. Дряхлов Е. Театр на Енисее / Е. Дряхлов // Енисейская правда. – 1979. – 29 мар.
9. Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского 1891–1935 / под редакцией: М. А. Лаптева, Н. В. Поздеева, А. В. – Красноярск: Поликор, 2019. – 466 с.
10. Кискидосова, Т. А. Праздничная культура городской семьи Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Т. А. Кискидосова // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 416. – С. 94–95.
11. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893. (1858 г.) В 4 т. Енисейск. 1893. С. 531. [Электронный ресурс] // Архив электронных ресурсов СФУ: сайт. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/59613>. (дата обращения 15.04.2022).
- 12 Отчет по устройству лотереи-аллегри и маскарада в пользу енисейской женской гимназии. Енисейск 1905. Фонды библиотеки ГККМ им А. И. Кытманова.

УДК 930. 93/94

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

Суханова Бягуль Хандурдыевна

*Агропромышленное среднее профессиональное училище в Ашхабаде Туркменского сельскохозяйственного университета имени Сапармурата Атаевича Ниязова, г. Ашхабад, Туркменистан
bagulsuhanowa4@gmail.com*

Моммалиева Огулгозель Аманалиевна

*Туркменский сельскохозяйственный университет имени Сапармурата Атаевича Ниязова, г. Ашхабад, Туркменистан
mommaliyevao@gmail.com*

В 1868–1885 годах большая часть современной территории Туркменистана была присоединена к России. В этих годах была создана Закаспийская область. Здесь стали открываться первые культурно-просветительские учреждения, например, это были местные русские школы, клубы, музеи, библиотеки, типографии и т. д. Именно этот период в Туркменистана создаются благоприятные условия для развития библиотечного дела, открываются различные типы библиотек в их современном понятии. Присоединением Туркменистана к Царской России в культурном плане произошли огромные перемены. Это хорошо видно на примере как истории становления и развития библиотечного дела в Туркменистане, так и на позитивное влияние открытых библиотек на развитие общественного сознания местного населения Закаспийской области.

Ключевые слова: Закаспийский область, библиотечная дела, общественная библиотека, вагон-библиотека, библиотека военного клуба.

HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF LIBRARIANSHIP IN THE TRANS-CASPIAN REGION (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Suhanova Bagul Handurdyevna

*Agro-industrial secondary vocational school in Ashgabat of the Turkmen agricultural university named after Saparmyrat Atayewich Niyazov, Ashgabat, Turkmenistan
bagulsuhanowa4@gmail.com*

In 1868 – 1885, most of modern territory of Turkmenistan was annexed to Russia. During these years, Transcaspian region was created. The first cultural and educational institutions began to open here, for example there were local Russian schools, clubs, museums, librarians, printing houses, etc. It was during this period that favorable conditions were created in Turkmenistan for the development of librarianship and various types of libraries were opened in their modern concept. The annexation of Turkmenistan to Tsarist Russia brought about enormous cultural changes. This is clearly seen in the example of both the history of the formation influence of open libraries on the development of social consciousness of the local population of the Trans-Caspian region.

Key words: Transcaspian region, library science, public library, library-van, military club library.

Как известно, в 1868–1885 годах большая часть современной территории Туркменистана была присоединена к России. В этих годах была создана Закаспийская область. Сначала она находилась в ведении Кавказского военного округа. Позднее, то есть в 1899 году, Закаспийская область была включена в состав Туркестанской губернии. С присоединением Туркменистана к России на туркменскую культуру большое влияние стала оказывать русская культура. В это период время туркменский народ смог ознакомиться с лучшими сторонами культуры русского народа. Также здесь стали открываться первые культурно-просветительские учреждения, например, это были местные русские школы, клубы, музеи, библиотеки, типографии и т. д. Открытия подобных учреждений имело огромное прогрессивное значение. Именно этот период в Туркменистане создаются благоприятные условия для развития библиотечного дела, открываются различные типы библиотек в их современном понятии.

Так, 5 мая 1895 года в городе Ашхабаде, являвшегося тогда административным центром Закаспийской области впервые был создан книжный фонд областной общественной библиотеки, насчитывавший 3.192 экземпляра. С течением времени этот книжный фонд постепенно увеличивался. Однако перед Октябрьской революцией, наряду с периодическими изданиями, его фонд сократился до 50 тысяч экземпляров [7, с. 21]. В то время сама библиотека состояла из двух отделов: абонемент и читального зала. В штате библиотеки были 3 сотрудника (библиотекарь и два помощника библиотекаря). Посещаемость первой библиотеки была не очень большой. Например, в 1915 году в библиотеке было 407 читателей. Однако при этом только в этом году читателям было роздано 18.986 экземпляров книг журналов [2].

Позже, 8 апреля 1912 года в городе Мары начинает работать аналогичная общественная библиотека [1]. Эта библиотека была создано на базе частной библиотеки и книжного магазина М.Л. Сула-Петровской. Личная библиотека Сула-Петровской была открыта в начале 1908 года рядом с его книжными магазинами [5]. В начале 1911 года библиотеку купил муниципалитет. Книги в данной библиотеке заняли 8 больших шкафов. Можно предположить, что его первый книжный фонд составлял не более 5 тысяч экземпляров. Городская общественная библиотека Мары, как общественная библиотека Закаспийской области в Ашхабаде также состояла из абонемент и читального зала. В этой библиотеке по штату должно было быть два сотрудника, один из которых являлся библиотекарем, а другой хранителем. Однако на деле библиотекой руководил один сотрудник.

С 1912 года началась подписка на газеты, журналы и на покупку книг для библиотеки. Своего специального здания библиотека не имела. Сначала ее разместили в центре города возле овощных рынков, сняв для этого несколько комнат в доме человека по фамилии Рабиев. До Октябрьской революции библиотеку несколько раз закрывали. По справке библиотек Туркестанского генерал-губернаторства от 1 ноября 1915 года указано, что имеется публичная библиотека в городе Мары, состоящая на городском бюджете [8, с. 65]. Со временем, в 1912–1914 годах предпринимались попытки представителей офицерства создать общественные библиотеки в таких городах, как Красноводск, Чарджев, Керки а также в Ашхабаде и Мары. Однако это не получилось. Но несмотря на это до Октябрьской революции в Туркменистане были две общественные библиотеки (в Ашхабаде и Мары). Существующие общественные библиотеки недоступны для широких слоев населения, во-первых, из-за их дороговизны, во-вторых, отсутствия фонда книг на языке местного населения и, как правило, неудовлетворительного содержания самого книжного фонда. Туркменские читатели не пользовались общественными библиотеками. Первоначально пользоваться услугами библиотеки тогда могли чиновники, офицеры, врачи, священники и т. д. Лишь в 1896 году недалеко от ашхабадского аэропорта была построена общественная библиотека для бесплатного обслуживания низких слоев населения. Эта библиотека работала только по воскресный день. Его первоначальный фонд насчитывал 674 экземпляра. В 1898 году оно обслужило 106 читателей и выпустило 1097 экземпляров книг. В

1899–1900 годах число выданных книг этой библиотеки достигло количества 2240 книг, которые были даны для прочтения 459 человек.

В последующие годы библиотека ежегодно предоставляла в среднем более 1000 книг для более 600 читателей. В 1905 году при Благотворительном общественном доме Закаспийской области были открыты бесплатная подписная библиотека и читальный зал. Общественная библиотека Народного дома Благотворительного общества начала обслуживать читателей с 10 апреля 1905 года. В начале 1906 года фонд этой библиотеки составлял более 3 тысяч экземпляров [4]. Его фонд составляли: религиозные книги – 100 экз., художественная литература – 1600 экз., история – 200 экз., география, этнография, путешествия – 150 экз., естествознание и математика – 300 экз., политические, общественные, словари и журналы – 700 экз. Народный дом Благотворительного общества и его библиотека не имели материальной государственной поддержки и их обеспечение шло за счет религиозных пожертвований и бесплатных книг. Библиотекой руководили люди, которые занимались этой работой исключительно на правах благотворительности. Этим и объясняется тот факт, что библиотека часто закрывалась на месяцы, а то и на целые годы.

В 1890 году в Ашхабаде была открыта Среднеазиатская железная дорога. Для обслуживания сотрудников этого ведомства, а также работников Ашхабадского участка железной дороги при управлении Среднеазиатской железной дороги открывается ранее закрытая библиотека. Его первоначальный фонд состоял из бесплатных книг и некоторых периодических изданий. Имея небольшой книжный фонд, библиотека обслуживала читателей платно. Железнодорожная администрация была не в состоянии выделить необходимые средства для этой цели. В 1895 году начала работать общественная библиотека Закаспийской области, а с ростом ее книжного фонда в начале 1900-х годов читатели перестали пользоваться местной библиотекой. В результате этого строится библиотека при управлении Среднеазиатской железной дороги.

В начале XX века были открыты железнодорожные клубы для оказания культурных услуг железнодорожникам. В основном они были созданы на крупных железнодорожных станциях – Красноводске, Гызыларбате, Ашхабаде, Мары, Чарджеве. В этих клубах были открыты библиотеки. Эти библиотеки были закрытого типа и обслуживали только железнодорожников и их семьи. Пользование библиотеками железнодорожных клубов было платным. В это время были созданы просветительские общества для железнодорожников на станциях Теджен, Казанчик, Гушки, Каака, Джебель и некоторых других. При этих обществах также были открыты небольшие библиотеки. Их фонд состоял в основном из периодических изданий. В Ашхабаде железнодорожное управление строит передвижную вагон-библиотеку для тех, кто работает на железных дорогах. Этот вагон курсировал между Красноводском и Ташкентом на водовозе. На 1 января 1914 года книжный фонд передвижной библиотеки насчитывал 1951 экземпляр. Этот небольшой книжный фонд был очень беден и по содержанию. В 1913 г. вагон-библиотека обслуживала 201 читателя выдав 3421 книгу [8, с. 67]. В это время в Туркменистане открываются ряд начальных и средних учебных заведений европейского типа (городские и начальные школы, гимназии и др.). Для обеспечения учителей и учащихся книгами в этих учебных заведениях постепенно создаются специальные библиотеки. Первые библиотеки учебных заведений были созданы в 90-х годах XIX века. В 1894 году начали работать библиотеки Ашхабадского городского училища, в 1897 году Ашхабадской мужской гимназии, в 1898 году Ашхабадской женской гимназии и Марыйского городского училища. С 1 января 1914 года расширяются виды и книжный фонд библиотек учебных заведений области, [7, с. 26]. В начале 1917 года общее число библиотек учебных заведений достигло 78. Их книжный фонд на тот момент равнялся 90969 экземпляров. В среднем в каждой школьной библиотеке было 1161 книг. Однако почти половина этих библиотек имела не более 500 книг. Книжный фонд этих библиотек в основном состоял как из учебников с множеством примеров, так и из книг, учебных пособий и из других необходимых материалов для чтения вне класса. Во всех школьных библиотеках не было читального зала. В большинстве из них книги находились прямо в классе. Основная их работа сводилась к тому, что учителя просто раздавали ученикам книги для домашнего прочтения. Также дни и часы, когда библиотеки были открыты, были ограниченными. Они работали один или два дня в неделю и были открыты на 3–4 часа.

В 1882 году была открыта библиотека Ашхабадского военного клуба [9, с. 7]. С 90-годов начинается постепенное расширение этой библиотеки. В 1890–1896 гг. на пополнения фонда этой библиотеки ежегодно тратилось до 270 рублей [10, с. 128]. В 1895 году библиотекой пользовались 68 читателей. В 1904 году фонд библиотеки, включая газеты и журналы, составлял более 4 тысяч экземпляров. В этом году услугами библиотеки воспользовались около 500 читателей. Библиотека имела специальный абонемент и читальный зал внутри военного клуба. Полной информации о работе этой библиотеки нет, однако до Октябрьской революции, несомненно, она была одна из крупнейших и наиболее известных библиотек Центральной Азии.

Библиотека Военного клуба в Мары была открыта в 1885 году, библиотека Военного клуба Серакса была открыта в 1886 году, библиотека Военного клуба Чекичлер в 1887 году, библиотека

Военного клуба в Порт-Александр в 1891 году. Первоначально эти библиотеки представляли собой периодические издания в виде читальных залов. Подобные Военные клубные библиотеки до Октябрьской революции функционировали в Серахсе (Saraks), Кахка (Kaka), Кушке (Guşgy), Дузлы-Омуре, Чарджеве и Керки. Почти все эти клубы и общества были созданы в результате личной инициативы офицеров, учителей и части интеллигенции [6, с. 105].

Итак, как мы видим, что с присоединением Туркменистана к Царской России в культурном плане произошли огромные перемены. Это хорошо видно на примере как истории становления и развития библиотечного дела в Туркменистане, так и на позитивное влияние открытых библиотек на развитие общественного сознания местного населения Закаспийской области.

Список литературы

1. О запуске общественной библиотеки в Мары // Асхабад. 11.04.1912 г.
2. Об открытии общественной библиотеки Закаспийского области // Асхабад. 15.02. 1916 г.
3. Отчет о работе общественной библиотеки города Мары // Асхабад. 21.10. 1917.
4. Об открытии общественной библиотеки Закаспийского областного благотворительного общественного дома // Асхабад. 17.04.1914 г.
5. О создании общественной библиотеки вблизи училище города Ашхабада Закаспийской области // Закаспийское обозрение, 07.05. 1911 г.
6. Annagurdow M. Türkmenistanda kommunistik metbugatyň taryhyndan. A., 1957, с 207.
7. Ereş Orakow. Türkmenistanda kitaphana işiniň taryhyndan. Aş., 1966, sah. 21
8. Ereş. Orakow. Zakaspi oblast jemgyýetjilik kitaphanasy. - A., 1995
9. Saryhanow N. Saýlanan eserler. A., 1951, sah. 7–24.
10. Ýazberdiyew A. Türkmenistanyň kitaphanaçylyk işiniň taryhy. – A., 2018. 132 с.

УДК 398.3

ЛЕГЕНДЫ ПАРМЫ. ЧАСТЬ 1. ДО ПРИНЯТИЯ МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ ХРИСТИАНСТВА

*Толстогозова Елена Александровна
Чердынский краеведческий музей им. А. С. Пушкина, г. Чердынь, Россия
tolstoguzova-1975@mail.ru*

Представленное исследование состоит из двух частей. В данной статье (1 часть) рассматриваются некоторые народы, населявшие данную территорию в период VII–VIII веков. В силу малочисленности исторических источников автор хотел сделать акцент на описании этих народов и их жизнедеятельности на основании местных легенд, сказаний и архивных музейных материалов. В продолжение данной статьи будет рассмотрен период середины XV века – времена крещения, которые оставили интересных исторических персонажей, а также их противостояние на фоне христианизации.

Ключевые слова: Парма, легенды, поверья, чудь, дивьи люди.

LEGENDS OF PARMA. PART 1. BEFORE THE ADOPTION OF CHRISTIANITY BY THE LOCAL POPULATION

*Tolstoguzova Elena Aleksandrovna
Cherdyn Local History Museum named after A. S. Pushkin, Cherdyn, Russia
tolstoguzova-1975@mail.ru*

The presented study consists of two parts. This article (Part 1) examines some of the peoples who inhabited this fortress during the period of the 7th–8th centuries. Due to the paucity of historical sources, the author wanted to focus on describing these peoples and their life activities based on local legends, secret and archival museum materials. In the continuation of this article, the period of the 15th century will be considered - the times of baptism, in which outstanding historical figures were preserved, as well as their confrontation against the background of Christianization.

Key words: Parma, legends, beliefs, chud, divya people.

Парма – высокая равнина, легендарная и недоступная, скрытая от людских глаз в предгорьях уральской тайги всегда была притягательной для туристов и исследователей. В рамках данного исследования предлагаем рассмотреть легенды и поверья, связанные с Пармой в период до освоения данной территории Москвой.

Река Кама – самый крупный приток Волги, была хорошо известна путешественникам древности. Арабские средневековые путешественники именовали среднее и верхнее течение Камы термином Кара-Итиль («черная вода» или «черная выдра») или, по-тюркски, Чулман. Берега Камы использовались людьми как удобная дорога из Прикаспия и равнин Восточной Европы на Урал, далее в Сибирь и на Север. Еще в эпоху неолита и бронзы вдоль берегов Камы в Приуралье приходят его первые жители, и Камский путь становится торговым: по нему шел обмен высококачественным кремнем, яшмой, днепровским янтарем, свинцом и оловом.

Начало истории Камского торгового пути связано с эпохой «раннего железа» VII–VIII века. В это время на берегах реки Камы и Средней Волги оседали племена угров и финнов, составляющие часть «ананьинской общности».

Колва – крупнейший приток Камы. В переводе на русский язык название реки означает как «рыбная вода». Именно сюда приходят первые племена.

По арабским источникам середины XII века чердынская земля называлась страна Вису. Арабский путешественник из Гренады Абу Хамид аль-Гарнати писал: «И выше этой страны (Булгарии – авт. прим.) обитают народы, которым нет числа, они платят джизью царю булгар. А у него есть область, жители которой платят харадж. Между ними и Булгаром месяц пути, называют ее Вису... А день там летом 22 часа. И идут от них чрезвычайно хорошие шкурки бобров [2]. Путешественник также вспоминает, что жителям этих земель нельзя вступать на территории булгар, поскольку воздух из-за этого холодает как зимой и гибнут посевы.

В рассказе путешественника явно прослеживается связь с местной чудью, легенды о которых мы и рассмотрим в ходе нашего исследования. И авторы, и местный фольклор выделяет несколько «видов», общин чуди: чудь, чудь белоглазая, дивьи люди, которые и будут рассмотрены далее.

Чудь. Одна из них рассказывает о народе, известном как чудь, который процветал на землях Пармы в древние времена. По преданию, они были маленького роста и существовали в изоляции, не общаясь ни с русскими, ни с коми из-за незнания языка. История гласит, что чудские люди имели двойственную природу – они были наполовину смертными людьми, наполовину же сверхъестественными существами, связанными с миром духов.

Народная память настойчиво приписывает чудь к исчезнувшим народам, но расходится в заключении: предками какого народа она являлась. Чаще всего о чуди рассказывали финно-угорские народы – эстонцы, финны, вепсы, карелы, коми-зыряне и коми-пермяки, манси, ханты. А также шведы, норвежцы, саамы, ненцы.

В Пермском крае рассказы о чуди в большей степени распространены там, где проживали и до сих пор живут коми-пермяки. Во многих селениях коми-пермяки признают чудь своими предками. Своим внешним видом чудь отличалась от них. В преданиях она называется «мелким народом», «совсем-совсем маленькой: от дождя под шляпой гриба прятались по 12 человек», «ростом низкие и черные».

В части религии чудь предстает языческой или вовсе неверующей: «Чудь жила по вере отличной от других – в прелести идольстей. Имели своих жрецов. У деревьев и родников молились. Собирались на берегах рек и тоже молились. Им нравились красивые места, где вода и березы». По рассказам косинских коми-пермяков, записанных в середине XIX века, «когда стали крестить людей, жители севера стали рыть ямы, спустились в эти ямы. Срубили столбы, на которых были укреплены крыши и почил в недрах. Этот рассказ бытует повсюду на севере. Чудские городища находятся все возле сел и деревень, там находят серебряные тарелки, фигуры человека, жеребца». Сегодня по краю известно много чудских захоронений.

Чудь поклонялась женскому божеству, вероятно, связанному с культом плодородия (Макошь, Заринь, Сорни-най, Золотая баба). Она считалась заступницей путников, охранительницей источников. По поверьям она не только оказывает покровительство женщинам и их семейному благополучию, но может и сурово наказать тех, кто ее не чтит. Многие ученые считают, что в ней воплотились и языческие, и христианские представления жителей Русского Севера.

О чуди прикамской бытует много легенд и мифов. «Особо следует отметить, что творения чуди, «чучкие чачки-игрушки» – предметы Пермского звериного стиля – это священные божественные

знаки, обрядовые, культовые предметы, которые они оставили будущим поколениям с глубоким смыслом – предсказанием, как следует жить, действовать. Но до сих пор эти знаки и послание из прошлого не разгаданы в полной мере ни учеными, ни местными жителями.

При переселении на эту территорию других народов чудь не приняла чужую веру и мигрировала. По одной версии, ушла под землю, выкопав глубокие ямы и скрывшись в них. Также есть версия, что этот народ ушел в пещеры. Согласно другой легенде, народ воспользовался своей двойкой сущностью и переселился в «мир-двойник». До сих пор среди коми-пермяков бытует обычай «поминать чудь» в Семицкую субботу. На старые кладбища дети несут блины и оставляют там со словами: «Помяни, Господи, чудского дедушку, чудскую бабушку!». Согласно легенде, чудь оставила за собой клады, скрытые по всей Пермской земле, которые защищены «завещанием чуди». Эти сокровища считаются недоступными современным людям. На страже бывших чудских поселений и кладов находятся богатыри, которые предположительно не позволяют чужим людям вмешиваться в эти места. Они также призваны соблюдать негласный чудской завет: предотвращать гнев и наказание древних предков, а также гарантировать, что эти загадочные сокровища достанутся бескорыстным и честным жителям Пармы [3].

Чудь белоглазая. Есть еще поверье о народе, известен как чудь белоглазая, который населял древний Урал. Он выделялся своей непревзойденной красотой и величием, обладал уникальной силой и глубокими тайными знаниями о земле.

На Урале существует легенда, что все пещеры имеют сообщающиеся ходы между собой, и что можно под землей пройти весь Урал насквозь от Ледовитого океана до самых южных отрогов, а может и дальше до Тибета. В Пермском крае есть предания о чудских богатырях, которые спят до поры в подземных пещерах до назначенного часа.

У народов Северного Урала и севера Сибири сохранились предания о белых голубоглазых светловолосых людях, живших когда-то по всему северу и плавившими металл. «Когда-то здесь были города и деревни этих загадочных белых людей. И жили они здесь относительно недавно – примерно 2–3 тысячи лет до н. э.»

Дивьи люди. С подземным миром связана и другая легенда. На берегу реки Колвы примерно в 10 км от поселка Ныроб есть Дивья пещера. Считается, что это вход в подземный город, в котором живут дивьи люди. Этнограф Онучков в начале XX века записал следующее: «Дивьи люди живут в Уральских горах. Культура у них величайшая, и свет в горах не хуже солнечного... Выходы в мир имеют через пещеры...». Дивьи люди по легенде – это сторонники Дья (Дия), ушедшие под землю после его поражения в битве со Сварогом. «Дивьи люди живут в Уральских горах. Выходы в мир имеют через пещеры. Культура у них величайшая...» [4,5].

«С этим камнем (Дивьим – авт. прим.) связана легенда о какой-то девице, которая управляла чудью. Дева эта, гласит легенда, управляла чудским народом и жила в неприступной крепости на вершине горы, где до сего дня видны следы древнего городища. Дева славилась умом и красотой. Чудской народ под ее управлением был богат и счастлив и вел торговлю с другими «чудаками», обитавшими в Искоре. В хорошие дни Дева сидела на вершине своей скалы и сучила шелк для тенет, которым ее подданные ловили пушных зверей. Когда веретено у нее опрастывалось, она перебрасывала его на Бобьковский Камень, в подарок тамошним девицам» [5].

Существует множество легенд и поверий и про другие народы, проживавшие на этой территории: родановцев, язвинцев, вятичей и др., «ловких охотников Пармы», умело добывающих пушнину. Однако это будет рассмотрено в дальнейших изысканиях.

Чем же занималась чудь? Постепенно Кама становилась торговой артерией, вдоль которой шли партии товаров, в том числе осуществлялся дальний транзит, результатом которого стало появление в Приуралье различных изделий скифов, Египта, Вавилона [5]. Местное население активно участвовало в товарообмене: основным предметом обмена для жителей Приуралья становится пушнина, медь, бронза и изделия из них, соль, керамика.

Связи с русскими, изначально с новгородцами, у жителей Пармы начали устанавливаться с XI века. В дальнейшем влияние русской культурной традиции становится столь сильным, что уже значительно сокращается местное традиционное бронзолитейное дело и черная металлургия, орудия труда изготавливаются по русским образцам, а традиционные украшения приобретают иной характер. Вошло в обиход и новое название Верхнего Прикамья – Пермь, Перма, Пермь [6,7]. Так, согласно легендам, именно в этот период чудь «уходит под камень», а другие жители ассимилируют новую культуру.

Таким образом, из плоскости преимущественно легенд и поверий во второй части исследования предлагаем перейти к процессу христианизации и взаимодействию реальных исторических персонажей того периода.

Список литературы

1. Белавин А. М. Камский торговый путь: Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000. 199 с.
2. Большаков О. Г. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). / Пер. с арабского. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. 134 с.
3. Чагин Г. Н., Климов В. В., Ратегова Л. П. Парма – земля чуди. Авторская рукопись. ГКБУ «Коми-Пермяцкий окружной государственный архив». 2009. Ф. Р-39, оп. 1, д. 1068. 156 с.
4. Субботин Н. Дивные люди Уральских гор [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2009/12/24/1331?ysclid=lo49vje1be561568578> (дата обращения: 24.09.2023).
5. Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Легенды. Воспоминания. Письма. М.: «Правда», 1958. 436 с.
6. Белавин А. Камский торговый путь из Болгара в «страну Вису и Чулман» [Электронный ресурс] // Матер. Междунар. симпозиума «Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII веков». Казань, 1998. URL: <http://barda-perm.narod.ru/perm/tarih/belavin.htm> (дата обращения: 15.09.2023).
7. Бахарев П., Чагин Г. Вишерская дорога: историко-краеведческий очерк. Соликамск: Типограф, 2010. 19 с.

УДК 908

ЛЕГЕНДЫ ПАРМЫ. ЧАСТЬ 2. АСЫКА и МИХАИЛ

*Толстогузова Елена Александровна
Чердынский краеведческий музей named after A. S. Pushkina, г. Чердынь, Россия
tolstoguzova-1975@mail.ru*

Представленное исследование состоит из двух частей. В первой статье рассматривались некоторые народы, населявшие данную территорию в период VII–VIII веков в разрезе легенд о них. В рамках этого исследования будет рассмотрен период середины XV века – времена крещения, которые оставили интересных исторических персонажей, а также их противостояние на фоне христианизации.

Ключевые слова: Парма, легенды, Михаил Ермолич, Асыка, вогулы.

LEGENDS OF PARMA. PART 1. BEFORE THE ADOPTION OF CHRISTIANITY BY THE LOCAL POPULATION

*Tolstoguzova Elena Aleksandrovna
Cherdyn Local History Museum n. a. A. S. Pushkin, Cherdyn, Russia
tolstoguzova-1975@mail.ru*

The presented study consists of two parts. The first article examined some of the peoples who inhabited these buildings in the period of the 7th–8th centuries in the context of legends about them. Within the framework of this study, the period of the 15th century will be examined - the times of baptism, in which outstanding historical figures lived, as well as their confrontation against the background of Christianization.

Key words: Parma, legends, Mikhail Ermolich, Asyka, Voguls.

В данной статье предлагаем продолжить рассмотрение истории Пармы – высокой равнины, легендарной и недоступной. Сейчас вопрос христианизации этой территории и развернувшихся здесь исторических событий стал особо актуальным в силу появления этих событий и образов их участников (зачастую искаженных с точки зрения исторических источников) в массовой поп-культуре.

До освоения этой земли Московским княжеством здесь проживало более десятка коренных народов – всем хватало ресурсов.

Постепенно Кама стала превращаться в торговую артерию, вдоль которой шли партии товаров, в том числе осуществлялся дальний транзит, результатом которого стало появление в Приуралье различных изделий скифов, Египта, Вавилона [6].

Связи с русскими, изначально с новгородцами, у жителей Чердыни начали устанавливаться с XI века. К XIV веку влияние русской культурной традиции становится столь сильным, что местное производство стало приближенным к русским образцам.

Когда на эту землю пришли русские поселенцы, коми-пермяцкое население было преимущественно языческим.

Система власти была устроена затейливо: на каждый небольшой укрепленный городок приходился свой местный племенной князец с собственной дружиной, который, в свою очередь, платил ясак «большому князю» и делился с ним частью своего войска, если тот требовал. Но о четкой вертикали власти при таком порядке говорить не приходилось: авторитет князцов мог запросто пошатнуться, поскольку решение многих вопросов давалось на откуп родовым старейшинам и шаманам. В случае недовольства князем жители просто перекочевывали в другую землю, оставляя его без дани и без войска. Ни с чем оставался и «большой князь». При таком общественном устройстве «большому князю» вогулов требовалось обладать отвагой и воинским авторитетом, чтобы вести за собой и обещать подчиненным богатые трофеи.

В их числе и живший в XV веке «большой князь» вогулов Асыка, который до последнего сопротивлялся продвижению русских в свои владения, где проживали коренные манси. Согласно «Пермской летописи» В. Шишонко, о ранней биографии Асыки известно мало: он родился, вероятнее всего, в первой половине XV века в землях, расположенных между предгорьями Северного Урала и Обью. Эти территории были населены вогулами — малочисленным финно-угорским народом, говорящим на мансийском языке. [1]. Отважный, храбрый, способный повести за собой, Асыка не единожды отправлялся с набегами в Пермскую землю, откуда возвращался с обильной добычей [2].

О личной жизни Асыки известно немного. У него было как минимум трое детей. Сохранились сведения о двух его сыновьях, старший из которых, Юмшан, стал наместником московских князей у пельмских вогулов. Он женился на дочери югорского князя Калбы, и от него повели род мансийские князья Юмшановы. Второй сын – Колпа. Дочь, Костэ, была выдана замуж за югорского князя Пыткея. Также, по мнению исследователей, на его дочери был женат легендарный коми-пермяцкий национальный герой князь Кудым-Ош.

Новый этап в жизни Прикамья – христианизации. Святитель Герасим (1416–1441) участвовал в Московских соборах 1438 и 1441 годов. Он часто объезжал свою епархию, «старался глубже вкоренить в сердцах паствы православную веру», защищая её (паству) от разорительных набегов вогулов под предводительством князя Асыки. После его трагической гибели, как гласит предание, он был «судавлен слугой вогулом», христианизацию Перми Великой продолжил Питирим (1447–1456).

В 1455 году Асыка устроил неслыханную дерзость, убив епископа Питирима, посланного из Москвы в Великопермское княжество для обращения язычников. До поры до времени дело миссионера продвигалось живо, пока Асыка не прознал о крещенных им вогулах и не разгневался. Прихватив вооруженных луками и стрелами воинов, он приплыл на плотках в район Усть-Выми, где владыка совершал таинство крещения. Чтобы до последнего оставаться незамеченными, Асыка велел забросать плоты ветками, которые скрывали войско и создавали видимость плавучих деревьев. Это позволило застать епископа врасплох и жестоко с ним расправиться [3]. Устюжская летопись запечатлела: «Князь вогульский Асыка с сыном Юмшаном приходил ратью на Вычегду и епископа Питирима убил» [4].

Очередной этап христианизации в Вычегодско-Вымской летописи записан так: «Того же лета (1462) владыка Иона добавне крести Великую Пермь, постави им церкви и княжат Михайловы крести» [5]. Эта запись позволяет считать, что епископ Иона для первых христиан основывал церкви, а в самой Чердыни, как сообщают другие летописи, освятил монастырь в честь Св. апостола евангелиста Иоанна Богослова.

С началом крещения коми-пермяков в 1462 году Пермским епископом Ионой Чердынь превращается в православный духовный центр. Иоанно-Богословский монастырь для вчерашних язычников становится идеалом христианского служения, стремление к которому зарождалось в народном сознании. Интересно, что первая икона в храме появилась только в 1472, то есть 10 лет в храме оставалось место для языческих истуканов [3].

Однако назначение наместника и христианизация еще не обеспечивало прочной власти московских князей в Перми Великой. Она не раз подвергалась разорительным набегам со стороны Казанского и Сибирского ханства, да и наместник Михаил не всегда стремился выполнять указания московского князя. В 1471 году он отказался принять участие в объединенном походе русского отряда на Казань. События в Перми Великой были известны в Москве. И как только завершилась борьба с Великим Новгородом и была получена отказная грамота на все новгородские земли, в том числе и на пермские, московский князь Иван III организует в 1472 году крупный военный поход на Пермь Великую. Руководить походом было поручено опытному военачальнику, князю Федору Пестрому Стародубскому и устюжскому воеводе Гавриле Нелидову. Недаром именно предводитель похода в Северное Прикамье князь Федор Пестрый, а не Гаврила Нелидов, пошел с ратью на верхнюю землю Перми Великой, где встретил сопротивление на берегу Колвы у древнего Искора. Князю Федору Пестрому оказали сопротивление «воеводы» князя Михаила Пермского — Коча, Мича (Мичкин), Зыбра, Бурмат, Исур, которые, вероятно, были вождями (памами) небольших общинных территорий в верхней земле Перми Великой. Нужно сказать, что защита Искора была активной (святылище), в то время как Чердынь вместе с Михаилом Великопермским сдалась без боя. Сдались без боя также Урос и Покча.

От устья Черной по Весляне и Каме отряд «на плотах и с коньми» сплавился до Анфаловского городка. Одна его часть во главе с Гаврилой Нелидовым ушла на нижнюю землю, захватила городок Урос, затем саму Чердынь и Покчу. Федор Пестрый отправился на верхнюю, северную землю, где с боем взял Искор. После взятия основных городков оба отряда встретились в Покче, где была срублена крепость. Наместничество было переведено из Чердыни в Покчу, она стала столицей Перми Великой, которой и оставалась до 1535 года (т. к. здесь не было капищ).

Территория Перми Великой одной из первых на Урале в 1472 году окончательно вошла в состав Русского государства, что стало важным историческим событием. Появились возможности расширения государственных границ на востоке и освоения новых природных богатств. С этих пор на государственной печати был воспроизведен новый титул Ивана III: «Великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Пермский, и Болгарский, и иных» [6].

Присоединение Перми Великой Чердыни к Москве в 1472 году определило ее дальнейшую жизнь и развитие не только как важной территории для Москвы – форпоста в Сибирь, но и как культурного, духовного центра огромной территории. Однако столицей Перми Великой становится Покча (до 1535 года). Известно, что первую икону в Пермь Великую привез покчинский князь Михаил из Москвы. Он, как и другие местные оксы, был пленен и отправлен в Москву воеводой Федором Пестрым в 1472 году. Московский князь Василий Темный оставил его наместником в Перми Великой и подарил образ Благовещения Пресвятой Богородицы. Это была самая первая икона на земле Чердынской и находилась она в Покчинской Благовещенской церкви, основанной одной из первых в крае во имя этой иконы. Но скульптурам молились так же, как и иконам. Но, по мнению исследователей П. А. Корчагина и Е. В. Шабуровой, пермская культовая скульптура, возникшая через два с половиной столетия после крещения Перми Великой, скорее всего не была заменой для новообращённых их прежних идолов, а напротив, служила «фактором религиозного просвещения» [7]. Позднее, когда в крае стали появляться иконы святых, и зародилась местная иконопись, мастера увидели лики святых, и скульптуры получили уже узнаваемые черты почитаемых святых, Иисуса Христа и Богородицы.

Все эти годы Асыка продолжает опустошительные набеги на Пермь Великую. Подобные выходы пермякам не нравились, но в одиночку справиться с дерзкими вогулами у них не получалось.

В 1478 году князь Михаил Ермолич объединился с вятским воеводой Василием Скрябиным и вышел в поход против Асыки, в результате взяв его в плен. «Большого князя» вогулов заставили дать клятву верности русским победителям, она называлась «шерть» и представляла собой ритуальный обряд. Однако никаких клятв Асыка сдерживать не собирался, он сбежал из плена и вскоре продолжил набеги на соседей.

Дерзкие набеги Асыки на соседские земли стали всерьез раздражать Великого князя московского Ивана III, который в итоге снарядил в поход на Пелым двух своих воевод — Федора Курбско-Черного и Ивана Салтыка-Травина. Согласно Пермской летописи, 29 июля 1483 года столичная судовая рать «встретила вогуличей на устье Пелыма и разбила их, с потерей только семи человек со своей стороны». Эта битва могла бы стать причиной смерти Асыки, если бы тот вновь не устроил побег. Его сына Юмшана взяли в плен и отвезли в Москву, а о дальнейшей судьбе «большого князя» вогулов ничего не известно [1].

В 1505 году великий князь Василий III присылает из Москвы нового наместника, взамен убитого вогулами князя Михаила (погиб пермский князь Михаил Ермолича вместе с женой и сыновьями), порядок правления которого определяла специальная уставная грамота. Позднее в Чердыни наместников заменили воеводами, которые подчинялись Новгородскому приказу.

С постройкой в XVI веке Бабиновского тракта через Соликамск, сокращающего путь в Сибирь, влияние Чердыни начинает ослабевать. Тем не менее, эта земля до сих пор хранит множество неразгаданных тайн и легенд, и является интересным объектом для изучения.

Представленный материал интересен также тем, что рассматривает историю Асыки и Михаила Ермолича, являющихся нынче не только известными историческими деятелями прошлого, но и героями популярных современных произведений, с позиций реальных исторических источников.

Список литературы

1. Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263–1881 г. Первый период: с 1263–1613 / Сост. чл. разных учен. о-в, директор нар. училищ Перм. губ. Василий Шишонко. Пермь: типография Губернской земской управы, 1881. 238 с.
2. Кузнецов М. Асыка-большой вождь вогулов [Электронный ресурс]. URL: <https://diletant.media/blogs/64322/440/?ysclid=loa6jl2urc277841560> (дата обращения: 24.09.2023).
3. Чагин Г. Н. На древней Пермской земле. М. Искусство, 1988. 175 с.
4. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. // Полное собрание русских летописей. Т. 37. / Под ред. В. А. Рыбакова. Ленинград: издательство «Наука», 1982. 235 с.
5. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257–271.
6. Шишонко В. Н. Писцовые книги Пермской губернии Соликамского и Кунгурского уездов. Пермь, 1872. 112 с.
7. Корчагин П. А., Шабурова Е. В. Вехи крещения и христианизации Перми Великой XV – нач. XVIII в.: археологический и искусствоведческий аспекты // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2009. № 6. С. 190–197.

УДК 93+908

РАЗВИТИЕ ЗЕМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1870-е гг. (НА ПРИМЕРЕ КРОМСКОГО УЕЗДА)

Шишкина Мария Сергеевна
Независимый исследователь, г. Орел, Россия
ege@is-ob.ru

В данной статье анализируется становление земских школ в Кромском уезде в 1870-е гг. Уделяется внимание направлениям деятельности земства по развитию образования: строительству новых учебных заведений, содержанию учителей и подготовке новых педагогических кадров, надзору за школами. Рассматривается роль земства в популяризации женского образования в уезде.

Ключевые слова: земская школа, земская реформа, Кромской уезд, образование, временно-обязанные крестьяне, государственные крестьяне, народные училища.

DEVELOPMENT OF ZEMSTVO EDUCATION IN THE OREL PROVINCE IN THE 1870s (BY THE EXAMPLE OF KROMSKY DISTRICT)

Shishkina Maria Sergeevna
Independent researcher, Orel, Russia
ege@is-ob.ru

This article analyzes the formation of zemstvo schools in the Kromsky district in the 1870s. Attention is paid to the areas of detail of the Zemstvo in the development of education: the construction of new educational institutions, the maintenance of teachers and the training of new teaching staff, and the supervi-

sion of schools. The role of the zemstvo in the popularization of women's education in the county is considered.

Key words: zemstvo school, zemstvo reform, Kromskoy district, education, temporarily liable peasants, state peasants, public schools.

Земская реформа 1864 г. способствовала изменению образования в Российской империи. Не обошел стороной этот процесс и Орловскую губернию. Сохранившиеся журналы Кромского уездного земского собрания позволяют реконструировать процесс становления единого образовательного пространства на территории Кромского уезда.

До появления земских школ состояние образования в уезде было плачевным. Помимо Кромских уездного и приходского училищ, в 1866 г. обучение велось в 38 школах, в 20 из которых обучались государственные крестьяне и в 18 – бывшие крепостные [1, с. 42]. По расчетам статистики земства среди государственных крестьян приходился 1 ученик на 20 человек мужского пола и 1 ученик на 33 человека среди временнообязанных (при условной численности мужчин в уезде 45000) [1, с. 43]. В тех населенных пунктах, в которых проживали временнообязанные крестьяне, школ было мало. Как правило, на несколько волостей приходилась только одна школа. Часто она располагалась в одной из душных комнат обычной крестьянской избы с низкими потолками, маленькими окнами и грязными стенами. В этом помещении дети из-за отсутствия столов и скамеек сидели на полу или занимались стоя, а в остальных комнатах проживали хозяева дома, находился скот. Такая обстановка не способствовала концентрации учеников на изучении нового материала. Например, Короськовской школе земство дало такую характеристику: «От дыма при топлении печи даже поражаются органы зрения у учителя и учеников и происходят головные боли, решительно мешающие занятиям» [1, с. 43]. Ситуация усугублялась тем, что крестьяне не видели смысла в том, чтобы тратить деньги на содержание школ. Это приводило к их сокращению. Материальное положение учебных заведений, находящихся в ведении палаты государственных имуществ, находилось в более хорошем состоянии: «классной мебели было достаточно, учебных пособий и учебников тоже» [2, с. 43].

Женских школ в Кромском уезде было лишь две и в них обучались только девочки из семей государственных крестьян. В них обучались 64 девочки, в то время как среди мальчиков образование получали 1829 человек (1231 из них принадлежали к числу государственных крестьян, 598 являлись временнообязанными).

Общая сумма расходов на содержание учебных заведений из сумм, полученных за счет земских сборов, составляла 5339 р. (большая часть денег вносилась государственными крестьянами – 4473 р.). Содержание образовательной программы тоже отличалось по социальному принципу. Временнообязанные крестьяне получали в школах лишь необходимый минимум знаний. Программа предполагала обучение чтению и письму, на практике же занятия часто ограничивались чтением. В школах для государственных крестьян преподавались грамматика, арифметика, а также Закон Божий. Однако и государственные крестьяне, несмотря на углубленную программу, получали из нее отрывочные знания, так как священники занимались преподаванием в свободное от исполнения своих основных обязанностей время. В дни, когда на селе совершалось много церковных обрядов (венчания, отпевания, крещения), занятия могли не проводиться в течение нескольких дней.

К 1872 г. в Кромском уезде, если не считать самих Кром, из 38 осталось 29 учебных заведений. В них работали по 1–2 учителя, на которых приходилось от 18 до 84 учеников. Исключение представляли Черкасская и Кутафинская мужские школы, в них работали по 3 учителя и получали образование 123 и 96 мальчиков соответственно. Женское образование было представлено только Кутафинской – 18 девочек и Тросненской, где велось смешанное обучение и ее посещали 2 ученицы.

В 1872 г. земское собрание постановило открыть при каждом волостном правлении по одной школе. Некоторые из них уже были открыты к ноябрю 1871 г. [2, с. 50]. Земство брало на себя затраты по содержанию учителей и приобретению учебных пособий. Расходы же на строительство школьного здания, содержание сторожа, организацию отопления и освещения ложились на сельские общества. При этом пособие от земства получали только те учебные заведения, которые имели хотя бы минимальные условия для осуществления в них обучения. 13 школ, существовавших до земской реформы и не получивших дополнительное финансирование, закрылись. Некоторые из них возобновили свою работу позднее, после того как устранили наиболее очевидные нарушения.

Учебный год длился с сентября по июль. В качестве учителей все так же приглашались священнослужители и выпускники духовных учреждений, а также люди, умеющие читать и писать. Лишь с 1870-х. требования к учителям ужесточились [3, с. 110]. Отсутствие глобальных кадровых изменений негативно сказывалось на темпах развития образования. Часто люди, выполнявшие роль

учителей, не имели минимальных профессиональных знаний. Из 46 учителей только 10 прослушали педагогические курсы в Орле.

Земство беспокоило, что процесс обучения шел механически, строился на зубрежке, не уделялось внимание осмыслению изученного, устный счет не применялся и в целом полученные знания были далеки от того, чтобы крестьянские дети могли действительно использовать их в своей повседневной жизни. Получалось, что несмотря на все усилия земства, знания оставались поверхностными и, выйдя за пределы школы, ученики забывали только что изученное, а уровень мировоззрения посещавших и не посещавших школы имел мало отличий. Такое положение дел вызывало необходимость повышенного контроля со стороны земства и периодического инспектирования учебных заведений.

В 1873 г. в качестве проверяющего в 9 школ уезда направился протоирей Иосиф Васильев. Он оценил состояние школ и уровень подготовки учеников (они подверглись экзаменовке). Только 3 из 9 школ получили высокую оценку, остальные же были отнесены «к разряду посредственных и слабых» [4, с. 43]. Худшая школа оказалась в селе Плоском. Главным же итогом проверки стало решение усиления надзора за учебными заведениями и внедрения изменений в соответствии с обновленным в 1874 г. положением о начальных народных училищах.

Ко второй половине 1870-х г. количество школ стало уменьшаться. Данный процесс был характерен не только для Кромского уезда, но был общей тенденцией для государства [3, с. 26]. В 1875 г. в ведении земства осталось 21 учебное заведение. В них работало 32 учителя и обучалось 1398 учеников (в том числе 114 девочки) [5, с. 56]. Увеличение количества обучающихся можно объяснить введением в действие устава о воинской повинности. Кромские учебные заведения в 1875 г. окончили 35 мальчиков, которые тем самым получили возможность отбыть воинскую повинность на льготных условиях, отслужив четыре года вместо шести.

В качестве расходов на новый учебный год земство заложило 8000 рублей, 1000 из которых передавалось Кутафинскому обществу на открытие двухклассной образцовой школы министерства народного просвещения. Часть денег в размере 300 р. планировалось потратить на решение кадрового вопроса, а именно на обучение педагогов в учительской семинарии и учительских курсах.

Оставшиеся денежные средства земства пошли на открытие новых школ и покупку учебных пособий. Было заложено женское училище в Кромах и построены новые здания школ в селах Гостомль, Красниково и Воронеж. Здания Гостомльской и Воронежской школ имели идентичные размеры (25 на 18 аршин) [6, с. 6]. Каждая из них состояла из помещения для обучения, комнаты для учителя, библиотеки, кухни и передней. Единственным отличием являлось наличие в Воронежской школе не одной классной комнаты, а двух. Такое же строение имела и Гостомльская школа, но ее размеры были меньше (19 на 13 аршин). Однако дальнейшая судьба школ пошла по разному пути. Уже в 1876 г. Гостомльскую признали одной из лучших в уезде, а Воронежскую – худшей, материально-техническое состояние последней, несмотря на недолгий срок эксплуатации, вызывало опасение ревизионной комиссии [5, с. 71].

С 1876 г. преподавание в школах начинают вести светские учителя. Так, в Черкасскую школу был направлен выпускник Карачевской учительской гимназии – стипендиат земства Вознесенский. Другой стипендиат, Случевский, после успешной сдачи экзамена на должность учителя в Кромском уездном училище отправился работать в Высокинскую школу [5, с. 37]. Некоторые учителя, уже фактически работавшие в сельских школах, также сдали квалификационный экзамен. Однако по-прежнему Кромской уезд испытывал дефицит профессиональных учителей. Многие выпускники стремились в другие уезды и, проработав год-два на родной земле за 100–200 р. в год, уезжали в места, где им гарантировался более высокий оклад. Оклад других школьных работников, был еще ниже: законоучитель получал 40 р. в год, учитель пения – 10 р. Это отчасти объяснялось тем, что они совмещали обучение в школе со своей основной деятельностью.

Со второй половины 1870-х гг. стало активно развиваться женское образование. В 1876 г. в сельских школах обучалось 135 девочек, а в Кромском женском училище количество учениц было больше 100 (к сожалению, земства не имели более точной статистики). В 1877 г. две ученицы, Игнатова и Орлова, успешно прошли экзамен на звание учительниц народных школ и выразили желание продолжить образование в учительской семинарии в Санкт-Петербурге [7, с. 78]. Земство позитивно на это отреагировало и выдало девушкам 150 р. в качестве ежегодного пособия с обязательством после завершения обучения вернуться работать в Кромской уезд [8, с. 83].

Ежегодно земство сокращало расходы на строительство новых школ, перекладывая основную материальную нагрузку на крестьян. Если на первые земские школы в Гостомле и Воронеже было выделено по 2000 р., то на остальные приходилось от 300 до 800 р. Такую финансовую поддержку получили учебные заведения в Кривчикове, Алмазове, Павлове, Коровьем Болоте, Соскове и Коросько-

ве. Количество школ не оставалось неизменным, но в целом продолжалась тенденция к сокращению учебных заведений. Если в 1872 г. имелось 29 школ, то в 1877 – 21, в 1879 – 25.

В 1870-х гг. в Кромском уезде происходило становление первых земских школ. Земства не только выделяли финансы на строительство новых школ, но и поддерживали материально уже имевшиеся учебные заведения при волостных правлениях, выплачивали заработную плату учителям, стремились привлекать новые кадры для работы в школах, уделяли внимание популяризации женского образования. В то же время значительная финансовая нагрузка по обустройству и содержанию школ приходилась на сельские общества, что часто вызывало недовольство крестьян, которые помимо всех прочих повинностей должны были отдавать деньги школам независимо от того, учатся ли в них их дети или нет. Важной задачей земства считали надзор за народными училищами. Ежегодное инспектирование школ приводило к закрытию тех из них, где не соблюдались минимальные условия для обучения, однако это никак не решало проблему повышения доступности образования для крестьянских детей.

Список литературы

1. Журналы заседания Кромского уездного земского собрания. Сессия вторая. – Орел, 1866 г. – 83 с.
2. Журналы 7-го очередного Кромского уездного земского собрания. – Орел, 1872. - 128 с.
3. Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. — М.: Книгоиздательство "Польза" В. Антик и К°, 1912. – 224 с.
4. Журналы VIII-очередного Кромского уездного земского собрания. – Орел, 1873. - 157 с
5. Журналы XI-очередного Кромского уездного земского собрания. Орел, 1877. - 118 с
6. Краткий обзор деятельности Кромского земства по народному образованию в период первого 30-летия земских учреждений. – Кромь, 1903. – 217 с.
7. Отчет Кромской уездной земской управы о положении земского хозяйства в 1876 г, - Орел. 1876 г. – 68 с.
8. Журналы XII-очередного Кромского уездного земского собрания, - Орел. 1878. - 144 с.

УДК 304:78.071.2(47+57)"1960/1970"

СТАРЫЙ ДОМ: ОБРАЗ СССР В 1960-1970-е ГГ. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТВОРЧЕСТВА В. С. ВЫСОЦКОГО

*Ананич Эмиль Алексеевич, студент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
Ananich.emil@mail.ru*

В статье представлен образ СССР конца 1960-х и в 1970-е гг. через призму поэтического творчества В. С. Высоцкого. Анализируя поэзию Высоцкого, автор рассматривает трансформацию компонентов социально-бытовой жизни советских граждан и образ Советского государства глазами поэта.

Ключевые слова: Высоцкий, СССР, повседневность, образ, эволюция.

OLD HOUSE: IMAGE OF THE USSR IN THE 1960-1970s. THROUGH THE PRISM OF V. S. VYSOTSKY'S CREATIVITY

*Ananich Emil Alekseevich
Student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
Ananich.emil@mail.ru*

The article presents the image of the USSR in the late 1960s and 1970s. through the prism of the poetic creativity of V. S. Vysotsky. Analyzing Vysotsky's poetry, the author examines the transformation of the components of the social and everyday life of Soviet citizens and the image of the Soviet state through the eyes of the poet.

Key words: Vysotsky, USSR, everyday life, image, evolution.

Владимир Семёнович Высоцкий – уникальный поэт советской эпохи, который сумел в своих произведениях с невероятной точностью описать не только быт обычного советского человека, но и образ СССР в целом. Именно этим объясняется феномен его популярности. Для каждого слушателя он был как родной, его тексты и музыка имели форму нарочитой примитивизации, ввиду этого легко воспринимались слушателями. Но в то же время его произведения помимо поверхностного повествования имели очень глубокий, многоплановый подтекст [1, с. 203]. Этим фактом Высоцкий цеплял и аудиторию думающих людей, которые стали смотреть на поэзию автора как на аллегорический пласт информации.

На творчество поэта влияли как внутренние, так и внешние факторы. Цензурный гнёт конца 1960-х гг. [2, с. 120], личные переживания, заносчивость характера и общая усталость к концу 1960-х гг. оказали влияние на трансформацию взгляд поэта на, прежде всего, социально-политический образ СССР. Его реакция на те или иные события незамедлительно появлялась в его творчестве, но в весьма завуалированной форме. Делалось это для того, чтобы не попасть под новую цензурную волну. Несмотря на то, что цензура творчества Высоцкого носила пружинный характер (скрытое ослабление к 1970-м гг.), представляется, что у него до конца жизни в творчестве присутствовал синдром поэтического самосохранения – то есть стремление выразить основную мысль в аллегорических и метафорических формах. Причем данные формы легко улавливались всеми зрителями. Представляется, что при этом данный синдром с присущей ему многоплановостью с годами всё больше прогрессировал, и открытого смысла в произведениях становилось всё меньше. Быт обычного населения в глазах поэта также подвергается деформации. Бытовые песни Высоцкого, в привычном понимании, уже практически не пишутся с середины 1970-х гг., а даже если они и пишутся, то внимание в них заостряется на глобальных и сложных проблемах не только СССР, но и всего мира. Данный факт, вероятно, говорит нам о смещении бытовых проблем советских граждан с их переживаниями по поводу международного положения страны в середине 1970-х гг. Политика серьёзным образом начинает проникать в умы героев Высоцкого.

Исследованием проблематики произведений поэта занималось большое число филологов, работающих в историческом ключе. В частности, Л.В. Кипнес детально рассмотрел основные моменты модели природного мира в творчестве В. С. Высоцкого [3,4]. Филолог вычисляет основные ассоциативные связи тех или иных природных, метафизических персонажей с некоторыми трансцендентными (понятие о судьбе, удачи и т. п.) образами. По его мнению, Высоцкий совмещает абстрактные образы с метафизическими объектами, то есть проводит синтез, к примеру удачи, смерти, судьбы и жизни, в теле определённого образа. Чаще всего экзистенциальным, ключевым и образом выступают животные, но иногда и природа в его работах является предвестником того или иного события. Также исследователь предполагает, что в стихах Высоцкого через природные образы завуалированы те или иные переживания по поводу социально-политического состояния страны. Неразрывно с природными компонентами связана история. Именно те или иные исторические события или явления, которые происходят в стране в данную секунду, или те, что происходили раньше, – являются катализатором, движущей силой стихотворного повествования автора. Отражению исторических событий в произведениях В. С. Высоцкого уделил внимание историк П.Е. Фокин, который рассмотрел вопрос о научно-техническом прогрессе в СССР в конце 1960-х и 1970-х гг. через призму стихов поэта [1]. Работа историка, филолога и биографа В. С. Высоцкого В. И. Новикова помогает проследить жизненный путь поэта [2].

Сформулируем основные цели исследования. Первая – рассмотреть трансформацию компонентов социально-бытовой жизни советских граждан через призму произведений Высоцкого в названный хронологический период. Вторая – проанализировать эволюцию образа Советского государства глазами поэта. Необходимо также ответить на вопросы: смешивается ли бытовая жизнь героев с проблемами политического и международного состояния страны? Идентичны ли взгляды героев стихотворений и самого Высоцкого на политическую ситуацию в стране?

Источником для работы стали произведения Высоцкого, собранные в сборник стихотворений [5]. Для решения поставленных целей проанализированы несколько произведений Высоцкого, написанные им в конце 1960-х и на протяжении всех 1970-х гг. Акцент сделан на самых ярких произведениях, ведь охватить весь стихотворный мир Высоцкого крайне сложно.

Рассмотрим первую группу песен Высоцкого о быте советских граждан. В конце 1960-х гг. у Высоцкого сформировались устойчивые бытовые образы, которые вышли из его легендарного «блатного цикла» (впрочем, как и все последующие темы).

Советский человек 1960-х годов в поэзии Высоцкого – это человек страстей, со своими мыслями и заботами, человек далекий от образа «идеального». Определим его характерные черты. Чело-

век Высоцкого был оптимистом по своему складу [1, с. 196], он старался относиться ко всему с юмором. Так, явления бурной жизни отражает песня о «Слухах», написанная поэтом в 1969 г. Наивные персонажи обсуждают те или иные невероятные слухи, которые распространяют женщины пожилого возраста. Высоцкий представляет добрую сатиру на персонажей, говоря об их доверчивости к тем или иным слухам и сплетням. Повседневность этих людей – приземленная. Она не несет политизированной нагрузки и вовлеченности в какой-либо серьезный и проблемный государственный вопрос.

Ещё одной доброй сатирой, но уже на сельских, провинциальных жителей является песня «Поездка в город». Ее герой собрался в столицу, а, соответственно, не должен возвращаться домой без подарков. Мы видим, что в данной песне проявляются проблемы дефицита тех или иных товаров в СССР в конце 1960-х г. Практика гостинцев из столицы была действительно распространенной в то время, ведь дефицитные товары могли позволить себе немногие. На них копили, а уже потом ездили в город и закупали, сберегая деньги в надежном месте, о чем свидетельствует фраза из произведения: «Зачем мне рубли за подкладкой!?» [5, с. 154]. Здесь характерные социально-бытовые проблемы граждан СССР тех лет описываются весьма точно, с лёгкой долей юмора. Делалось это для того, чтобы слушатели, которые себя узнают в героях, легче могли переносить проблемы в жизни, описанные в произведении. Вообще, это характерная черта песен Высоцкого о быте: он всегда делает упор на юмор и сатиру, чтобы слушатели легче воспринимали текст и смотрели на свои проблемы, широко улыбаясь. Проблемы героями не воспринимаются всерьез. Для них проблемы – это часть их жизни.

Не все советские граждане в конце 1960-х - начале 1970-х гг. могли позволить себе дорогие и качественные автомобили. Вот и герои песен Высоцкого также редко имеют такую роскошь. В бытовых героях появляется зависть на этой почве. Песня «Автозавистника» широко раскрывает понятие имущественного расслоения внутри советского общества на почве автомобилей. Зависть героя песни к другому персонажу, который приобрёл себе новенькие «Жигули», является открытой. Он строит ему преграды и создает различного рода препятствия. Однако, во второй части рассказа автозавистник сам приобретает новенький автомобиль и начинает презирать уже пешеходов. Лицемерие в обществе Высоцкий снова подает в шуточной форме. В «Песни автомобилиста» этот герой попадает в аварию и гибнет, что избавляет его от косых взглядов пешеходов. Как мы видим, советский человек по Высоцкому – разный. Это действительно многоплановая и живая фигура страстей. Автор говорит о том, что идеального общества и идеальных людей не существует, а советский стандарт равенства трудящихся является таковым лишь в лозунгах.

С 1970-х гг. герои песен Высоцкого становятся уже неотделимы от политики и жизни страны в целом. Если в ранних текстах, как мы уже заметили, персонажи были более-менее отделены от политики, переживая сугубо бытовые проблемы, то теперь в их быт вплетаются темы международного и внутривнутриполитического характера. Песни «Случай на таможне» и «Инструкция перед поездкой за рубеж» наглядно демонстрируют нам сложное международное положение СССР, существование граждан в условиях «железного занавеса». Инструктаж о том, как вести себя за границей, о том, «что там можно, что нельзя» во второй песне создает двоякое впечатление у слушателей. Но образы и такое непростое положение дел скрываются под слоем сатиры и юмора, что характерно для автора.

Большим новшеством в жизни человека в начале 1970-х гг. становится телевизор [3, с. 197]. Персонажи Высоцкого теперь ищут спасения от бытовых хлопот именно в нем. В огромном количестве песен данный феномен техники показывается автором как нечто пагубно влияющее на сознание граждан. Они сходят с ума за просмотром телевизора (песня «Жертва телевидения»), обсуждают и горестно идеализируют те или иные прелести той жизни, которой у них нет («Диалог у телевизора»). Но апофеозом телевизорной тематики становится песня «Письмо с Канатчиковой дачи». Люди в этой песне буквально помешались на международных событиях, которые регулярно освещаются по телевидению. Бредовые идеи героев, которые находятся в сумасшедшем доме, высказанные при просмотре телевизора перемешиваются с известными пропагандистскими лозунгами того времени: «Зря Америку не душим, зря не давим Израиль!» [5, с. 356]. Это напоминает видных партийных деятелей того времени, которые высказывали подобные идеи, но уже с официальных трибун. Трудно сказать, является ли данная песня пародией на политическую верхушку или на определенные слои «телевизиоразависимых» граждан. Однако, можно констатировать: герои бытовых песен Высоцкого буквально погрязли в политике, что подтверждает наш тезис о смешении бытовых проблем с общим политическим состоянием страны и её международным положением в переживаниях героев Высоцкого.

Таким образом, в конце 1970-х гг. быт героев песен Высоцкого становится не просто политизирован, его герои погружаются в политику. Их проводниками в этот безумный мир становятся уже не слухи, а телевизор как важнейшее достижение НТР. Таким образом, быт героев в творчестве поэта действительно трансформировался.

Проследим трансформацию взглядов самого поэта на образ СССР через призму художественных образов, не относящихся к бытовой тематике.

Вопрос выделения такого рода произведений довольно трудный. Дело в том, что в песнях бытового плана поэт выражает мнения большинства населения, описывая прежде всего их думы и миропонимание. Вживаясь в мысли простых людей (а Высоцкий все-таки артист), он показывает именно их взгляд на мир. В песнях же, которые максимально приближены к авторской позиции, информация передается из уст непосредственно поэта. Условно назовем эту группу песен «философские». В группе «философских» песен человек предстает как символ природы. Сам поэт предстает как один из тех самых образов природы. Синдром поэтического самосохранения в данной группе – максимальный. Здесь мысли Высоцкого носят действительно мрачный и грустный характер, совершенно не прикрытый маской юмора и сатиры как это свойственно бытовой группе произведений. Высоцкий имеет абсолютно другой взгляд, отличный от взглядов его «бытовых» персонажей.

Песня «Моя цыганская» – широкий пласт аллегорических смыслов поэта. «Где-то кони пляшут в такт...» [5, с. 126] – строчка, символизирующая судьбы людей. Лошади у Высоцкого выступают в качестве символа судьбы [1, с. 188]. В данной песне они пляшут в такт абсолютно нехотя. Полагаем, автор знает, о чем поет, и почему «все не так». События вокруг поэта, цензура театральных постановок, «скрип» при утверждении на роли – все это сказывается на авторе и его взгляде на внутриполитическое состояние страны. Заметим, что в данном произведении автор не использует юмор и сатиру, а его намерения донести свою точку зрения до слушателя выражаются в серьезных аллегорических смыслах.

В произведении «Охота на волков» волк – сам Высоцкий. Он – одиночка и такие же загнанные одиночки-поэты вступили в борьбу против охотников [1, с. 188]. Под охотниками подразумеваются чиновники или различного рода цензорские органы. Здесь Высоцкий также оставляет слушателя с грустной мыслью о внутриполитическом давлении на творческие начала внутри СССР в те годы.

Образ лошади у Высоцкого часто звучит как образ судьбы, которая неумолимо несет автора к пропасти (вспоминается песня «Вдоль обрыва...»). Особенно остро тематика песни связана с моральным и физическим состоянием поэта в те годы [2, с. 174]. В середине 1970-х гг. В. С. Высоцкий пишет произведения, пронизанные весьма точным взглядом на состояние своей страны. В песнях «Очи черные. Погоня» и «Очи черные. Старый дом» выражается невероятная интенсивность жизни автора (бегущие кони) и его утомительное пребывание в нынешней действительности, в советском строе (в старом доме). Особенно интересна вторая песня, в которой «дом» является метафорой и подразумевает СССР. Подтверждают этот тезис некоторые отрывки. «Образа в углу – и те перекошены...», «Свет лампад погас, воздух вылился...» [5, с. 296]. В этих строчках автор даёт характеристику безбожности у жителей дома. Религия тут ещё присутствует, но она находится в запустении и упадке. Наблюдается схожесть с религиозной составляющей в СССР в то время. «Кто-то песню стонал и гитару терзал...» [5, с. 296] – в данном случае слово «терзал» употреблено не случайно. Экспрессивная окраска данного слова показывает отношение жителей дома к культуре. «И припадочный малый – придурок и вор – мне тайком из-под скатерти нож показал». В данной строке мы видим отношение к чуждому гостю. Представляется, что скатерть в данном случае – символ «дружелюбия и открытости жителей» (они о себе это заявляют). Накрывают на стол, когда встречают гостей. Но они не рады этому гостю, поэтому показывают ему свое истинное лицо и намерения. Наш тезис подтверждает строчка: «Двери настежь у вас, а душа взаперти». Ведь СССР времен железного занавеса действительно старался выглядеть для всего мира радушным и образцово-показательным, а, главное, доступным и открытым. Однако окна этого дома выходят на овраг (природный образ истинного состояния дел), а его ворота на проезжую часть (образ доступности всем проезжающим мимо). Лишь побывав внутри можно сквозь окна разглядеть истинное положение дел данного государства. Представляется, что Высоцкий в данном произведении критикует тех, кто содержит дом, а равно – верхушку государства.

Такие же настроения у Высоцкого в песне «Купола». Представляется, что в ней грустная правда не только о допетровской Руси, но и о современной ему России в целом, о застое в стране, о том, что она «раскисла, опухла от сна» [5, с. 323]. Кони поэта уже не бегут, а «тонут по стремена», что символизирует глубокую усталость и вязкость в данной действительности.

Таким образом, подтверждается обозначенный ранее тезис о том, что песни В. С. Высоцкого о бытовом, повседневном аспекте жизни советских людей выражают определённую точку зрения на те или иные проблемы большей части населения СССР. Героев его бытовых песен волнуют повседневные проблемы. Лишь в начале 1970-х гг. в их быт входит политика. Внутриполитические и внешнеполитические темы проникают в умы песен героев, часто пересекаются с бытовыми пробле-

мами, но их взгляды на вышеобозначенные проблемы в корне разнятся со взглядами самого автора. Высоцкий подходит к данным проблемам самым серьезным образом. В его стихах также отражена любовь к родине, которая выражается с позиции указания на болевые для страны темы. Через фигурную и тропную призму автор выражает свое негодование относительно политических проблем в СССР. Подчеркнем, что его взгляд отличается от взглядов бытовых героев, а равно, и от взглядов большинства населения.

Список литературы

1. Фокин П. Е. Научно-техническая революция в поэзии Владимира Высоцкого // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Выпуск VIII. Москва, 2015. С.193-205.
2. Новиков В. И. Жизнь замечательных людей. Высоцкий. Москва, 2018. 491 с.
3. Кипнес Л.В. Модель мира природы в поэзии В. С. Высоцкого // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Выпуск VIII. Москва, 2015. С.184-193.
4. Кипнес Л.В., Генкин А. Л. «Что споётся мне сегодня, что услышится?» // Мир Высоцкого. Исследования и материалы. Выпуск VIII. Москва, 2015. С.333-336.
5. Высоцкий В. С. Владимир Высоцкий. Собрание сочинений в одном томе. Москва., 2017. 813 с.

УДК 94:379.8(571.51)1917/1925

ФОРМЫ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

*Апиратинская Анастасия Викторовна, студент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
apiratinskaa@gmail.com*

В статье раскрываются основные формы культурно-досуговой жизни населения Енисейской губернии в период с 1917 по 1925 гг. В работе анализируется влияние новой власти на организацию повседневной жизни горожан в регионе. Выявляется роль и место культурных учреждений в процессе создания «нового советского человека».

Ключевые слова: Енисейская губерния, культурно-досуговая деятельность, досуговые практики, Красноярск, Минусинск, Ачинск, культурные учреждения.

FORMS OF CULTURAL AND LEISURE LIFE OF SOCIETY IN THE YENISEI PROVINCE IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

*Apiratinskaya Anastasia Viktorovna
Student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
apiratinskaa@gmail.com*

The article reveals the main forms of cultural and leisure life of the population of the Yenisei province in the period from 1917 to 1925. The paper analyzes the influence of the new government on the organization of the daily life of citizens in the region. The role and place of cultural institutions in the process of creating a "new Soviet man" is revealed.

Key words: Yenisei province, cultural and leisure activities, leisure practices, Krasnoyarsk, Minusinsk, Achinsk, cultural institutions.

Установление новой власти и смена государственного строя в 1917 году оказали воздействие на организацию форм повседневной досуговой деятельности общества. Целью государства стало создание нового советского социокультурного пространства, для чего требовалось вторжение и изменения в культурной среде. Уже в первые годы существования советской власти был проведен ряд инициатив для осуществления реформирования культурно-досуговой деятельности различных учреждений, что следовало их превращению в оружие воспитания «нового советского человека».

Государство взяло на себя обеспечение всех отраслей культуры: образование, искусство, театр и кинематограф, образование и т. д. Постепенно стала выстраиваться новая система идеологического воспитания населения посредством культурных учреждений. Однако несмотря на это, традиционные формы досуговой деятельности не переставали существовать.

Большое распространение в исследуемый период получает кинематограф. В первые годы советской власти в Красноярске действовали три кинотеатра: АРС, ПАТЕГРАФ и КИНЕМО. В газете «Красноярский рабочий» регулярно публиковались анонсы кинофильмов и позже отзывы. Были случаи овладения профессией в сфере кинематографа горожанами [1, с. 59].

Важное место в развитии личностного потенциала и удовлетворении культурных потребностей населения занимает театр. Скучный театральный потенциал государства связан с проблемами обеспечения учреждений помещениями, низкой заработной платой рабочих и отсутствием технических условий [2, с. 63], однако несмотря на это в начале XX века в Енисейской губернии все же работали драматические театры: Красноярский первый Советский театр и Красноярский второй Советский театр [3, с. 59]. На страницах выпусков газеты «Красноярский рабочий» в исследуемый период часто можно встретить заметку: «Театр и искусство», где публиковались анонсы спектаклей и концертов. Также на страницах газеты «Ачинские известия» публиковались программы «Нового» электро-театра [4, л. 4]. В Минусинске популярностью пользовались электро-театры «Арс» [5, л. 4] и «Заря» [6, л. 4].

Большой популярностью в Енисейской губернии пользовался цирк, где проводились выступления местных артистов. К примеру, если брать выпуски газеты «Красноярский рабочий» за 1922 год, то 8 и 9 января в Красноярском цирке были даны детские представления [7, л. 4]. 15 января было устроено катание детей на цирковых лошадях [8, л. 4].

В организации сферы культурного досуга можно рассмотреть деятельность музеев в Енисейской губернии. С завершением войны помещения музеев были освобождены от солдат и культурные учреждения стали приводить в порядок. В первой половине 1920-х годов на территории Енисейской губернии работало 7 музеев, основные из которых Государственный музей Приенисейского края, расположенный в Красноярске, и музей им. Н. М. Мартыанова в Минусинске.

Организация работы музеев широко освещалась в СМИ. Большую популярность у горожан получили выставки, стали проводиться групповые экскурсии, однако из-за большого количества желающих было необходимо предварительное соглашение, о котором сообщалось в газете «Красноярский рабочий». Это может говорить о том, что несмотря на экономические трудности, горожане все равно стремились к культурному способу проведения своего свободного времени и качественной организации досуга [9, с. 272].

Одной из форм удовлетворения культурных потребностей горожан постепенно становится чтение художественной и научно-популярной литературы, растет количество библиотек и издательств. В начале 1921 г. в Енисейской губернии работало больше 180 библиотек. К концу 1922 г. их количество увеличилось: работало уже около 300 библиотек [10, с. 6]. Одной из самых старых и знаменитых является публичная библиотека, основанная в 1846 году в Красноярске. По причине того, что в губернии было большое количество безграмотных, больше распространение также получили открытые громкие чтения.

С 1920-х гг. постепенно начинает возрастать интерес горожан к различным формам активности и художественной самодеятельности. Важную роль в повседневной жизни общества Енисейской губернии играли клубы и красные уголки. При клубах работали разного рода кружки: физкультурные, кройки и шитья и т. д. Популярным массовым активным отдыхом также остается рыболовство, сбор грибов, отдых на природных зонах, экскурсии и выезды из города, посещение уличных садов и парков [11, с. 120]. В газете «Красноярский рабочий» публиковались статьи о массовых объединенных прогулках рабочих цехов, которые сопровождались танцами, подвижными играми и пением.

Известностью в Красноярске пользовались знаменитые «Столбы», которые оставались одним из любимых мест горожан. В 1925 году Енисейский исполнительный губернский комитет объявил «Столбы» геологическим заповедником. «Столбы» стали единственным заповедником в России, созданный по инициативе населения [12, с. 496].

Также большое место в сфере досуга общества Енисейской губернии с начала 1920-х гг. занимает спорт. Советское руководство начинает проводить пропаганду тезиса «в здоровом теле – здоровый дух». Механизмами реализации данной политики становится создание в рамках губернии условия и организации для массового спортивного отдыха. Одной из самых распространенных практик, доступных населению круглый год, становится занятия в спортивных клубах при рабочих круж-

ках. В периодической печати можно найти заметки, свидетельствующие о популярности таких досуговых практик.

Подтверждением активного участия населения в спортивной жизни губернии свидетельствует факт создания специальных курсов инструкторов по физическому воспитанию Енисейским губернским советом физкультуры [13, л. 4].

Популярной досуговой практикой в исследуемый период были танцевальные вечера, куда приглашались все желающие. Такая форма проведения свободного времени была распространена повсеместно. Обычно танцевальные вечера проводились в выходные дни после 8 вечера. Например, объявление о таком событии можно увидеть на страницах 82 выпуска газеты «Минусинский край» [14, л. 4]. Часто встречаются такие публикации и в газете «Красноярский рабочий».

В первые годы утверждения советской власти формы культурно-досуговой жизни общества в Енисейской губернии стали приобретать некоторые изменения. В повседневности жителей Енисейской губернии набирает приобретает популярность чтение художественной и научно-популярной литературы, журналов и газет, возрастает роль театров и кино, массового активного отдыха, спорта и туризма. Однако с появлением новых форм культурно-досуговой деятельности продолжают существовать традиционные способы жизнедеятельности. В результате можно наблюдать одновременное существование и слияние двух разных структурных пластов досуговых практик: традиционно-патриархальных и совершенно новых – политико-идеологизированных.

Список литературы

1. Бершадская С. В. Театры и кино в повседневной жизни горожан Енисейской губернии в начале 1920-х годов / С. В. Бершадская // Гуманитарный вектор. 2020. № 3. С. 59.
2. Жирикова А. А. Театр и его место в культурно-досуговой практике россиян / А. А. Жирикова // Вестник РГГУ. 2015. № 7. С. 63.
3. Бершадская С. В. Театры и кино в повседневной жизни горожан Енисейской губернии в начале 1920-х годов / С. В. Бершадская // Гуманитарный вектор. 2020. № 3. С. 59.
4. Электро «Новый» театр // Ачинские известия. – 1917. – 6 мая.
5. Электро-театр «Арс» // Минусинский край. – 1919. – 2 сентября.
6. Электро-театр «Заря» // Минусинский край. – 1919. – 2 сентября.
7. Цирк // Красноярский рабочий. – 1922. – 7 января.
8. Цирк // Красноярский рабочий. – 1922. – 15 января.
9. Бершадская С. В. Музейные практики в структуре досуга горожан Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. / С. В. Бершадская // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. – № 3. С. 272.
10. Отчет о состоянии народного образования Енисейской губернии IV-му Губернскому съезду Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. – Красноярск: б. и., 1922. – 6 с.
11. Ворошилова Н. В. Культурно-досуговая сфера повседневной жизни красноярцев 1930-е гг. XX в. / Н. В. Ворошилова, А. В. Толмачева, Ю. А. Гуйванская // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2020. № 1. С. 120.
12. Бершадская С. В. Как спорт и туризм укрепляли организм сибирских горожан в начале 1920-х годов / С. В. Бершадская // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. 2020. № 2. С. 496.
13. Город за день // Красноярский рабочий. – 1924. – 5 января.
14. Танцевальный вечер // Минусинский край. – 1919. – 31 августа.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

*Апиратинская Анастасия Викторовна, студент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
apiratinskaa@gmail.com*

Новое советское государство получило от Российской империи острый жилищный кризис, справиться с которым было невозможно по причинам недостаточного финансирования, Первой мировой войны, послереволюционной разрухи и гражданской войны. В статье рассматриваются попытки решения жилищного вопроса в городах и деревнях Енисейской губернии.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Сибирь, жилищный кризис, бытовой уклад, условия жизни, жилищный вопрос.

HOUSING ISSUE IN THE YENISEI PROVINCE IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

*Apiratinskaya Anastasia Viktorovna
Student, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
apiratinskaa@gmail.com*

The new Soviet state received an acute housing crisis from the Russian Empire, which was impossible to cope with due to insufficient funding, World War I, post-revolutionary devastation and civil war. The article discusses attempts to solve the housing issue in the towns and villages of the Yenisei province.

Key words: Yenisei province, Siberia, housing crisis, everyday life, living conditions, housing issue.

В современной исторической науке можно отметить возрастание интереса ученых к истории повседневности и быта. В определении быта важное место занимает сфера материальной культуры, куда входит жилищный вопрос. В современном мире жилищное положение является одним из основных факторов, определяющих уровень и образ жизни человека. На сегодняшний день актуальным остается анализ состояния и обслуживания жилищного фонда, условий пользования жилой площадью и уровня жизни населения в разные временные периоды.

Исследуемый период (1917–1925 гг.) – время жилищного кризиса на территории Енисейской губернии и в целом Сибири и всей Советской России. Слабая инфраструктура и коммунальное хозяйство, продовольственные и топливные трудности обостряли жилищный вопрос. Даже несмотря на цензуру, жилищная проблема поднималась в материалах периодической печати и оценивалась как «разруха». Сложившаяся ситуация вынудила власть прибегнуть к осуществлению чрезвычайных мер для ее решения. Были учреждены всесибирские комиссии в губернских городах и заводах для улучшения условий жизни рабочих [1, с. 165]. Обеспечение нуждающихся граждан жилищным помещением осуществлялась путем перераспределения жилого фонда, однако жилищные условия улучшались путем «уплотнений», переселений в муниципализированные дома [2, с. 24].

Сложная ситуация с жильем была связана с тем, что частная застройка ограничивалась рядом административных мер, остальная жилплощадь распределялась путем административного перераспределения. Заработная плата для строителей была низкая, также, как и размеры муниципального строительства. В результате этого в городах Енисейской губернии можно отметить большое количество людей, проживающих на маленькой площади и в неудобных жилищах. На финансирование данной сферы отпускались ограниченное количество денег, планы строительства жилищных площадей зачастую не выполнялись. Проблему обострял и массовый приток населения из деревни в город [3, с. 168].

В наиболее стесненных условиях проживания находились семьи рабочих из-за дорогой цены жилья и его дефиците. По данным 1921 года менее 20 % рабочих Сибирского региона имели собственные дома в недвижимости. Остальным 80 % приходилось снимать комнаты, искать место в бараках, ютиться в вагончиках и землянках. Условия жизни и санитарная обстановка в таких формах жилищ были крайне низкими. В исследуемый период характерной чертой будет также появление на окраинах городов неблагополучных районов, в которых имелось большое количество безобразных жилищ, построенных без официального разрешения. Такие районы назывались «нахаловки». Всё ши-

ре стали распространяться коммунальные квартиры, в которых проживало по несколько семей или отдельных людей [4, с. 163].

В целом, Енисейская губерния испытывала жилищный кризис по причине недостаточного финансирования. Основную часть жилищного строительства осуществляли индивидуальные застройщики, несмотря на их идеологически чуждое происхождение. Однако это был единственный выход хоть как-то ослабить жилищную проблему городской местности. За исследуемый период серьезных изменений в быте и обустройстве городов не произошло, население находилось на низком бытовом уровне.

Что касается деревни, в период революционных потрясений ситуация с жилищным вопросом стала также ухудшаться. Первая мировая война, революция, гражданская война способствовали тому, что сельское население не имело ни материальных, ни психологических ресурсов для строительства нового жилья. Не было возможностей и для улучшения старого. Между тем, в начале XX века сельчане переходили к постройке жилищ с несколькими комнатами, увеличивали площадь изб, окрашивали полы и оклеивали стены дома. Исследователи, проводившие санитарные обследования крестьянских жилищ, отмечают, что в 1910-е годы увеличилось количество семей, державших свою избу в чистоте.

Однако в исследуемый период первых лет советской власти ситуация ухудшилась: старожильческое население снова строили избы меньшей площади и высоты, увеличивалось количество изб без сеней с неокрашенными стенами и протекающими крышами. Санитарное состояние ухудшалось, в деревнях было обнаружено много жилищ для переселенцев – землянок, шалашей и сараев [5, с. 145].

В отношении бытового уклада в деревнях Енисейской губернии большая часть времени населения уделялась работой в домашнем хозяйстве. Женщины ткали полотно, шили обновы, вязали одежду. Мужчины занимались заготовкой дров, ремонтом хозяйственных построек, исправлением сельскохозяйственного инвентаря. Общим делам был уход за скотом и другие дела по хозяйству. Для содержания скота постройки сооружались в зависимости от дохода крестьянина, например, у зажиточного сельского населения имелось до пяти стаек.

Подводя итоги, можно сказать, что обострение жилищной проблемы на территории всей страны связано с переходом от аграрного общества к индустриальному. Огромный приток населения в городскую среду, слабое финансирование и медленное жилищное строительство препятствуют решению сложившейся ситуации. В городах разрастаются неблагополучные районы, беспорядочно застроенные землянками, шалашами, хибарами, которые зачастую не имеют официального разрешения.

Все попытки решения жилищного вопроса в исследуемый период свидетельствуют о том, что в условиях полного господства государства в экономическом секторе его интересы всегда будут преобладать над интересами граждан. Из-за этого основная часть населения зависела от государства в решении проблем и, как правило, была недовольна жилищным положением. Плюсом ко всему является то, что развитие жилищного вопроса определяется базой, сформированной в предшествующий период. Новое советское государство получило от Российской империи острый жилищный кризис как в городах, так и в сельской местности, справиться с которым было невозможно по причинам недостаточного финансирования, Первой мировой войны, послереволюционной разрухи и гражданской войны.

Список литературы

1. Букин С. С. Жилищная проблема в городах Сибири в 1920 – начале 1960-х годов / С. С. Букин, В. И. Исаев // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2010. № 2. С. 165.
3. Крылов И. И. Условия жизни горожан в Приенисейском регионе в 1921–1929 гг. / автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Крылов Игорь Иванович. Красноярск, 2007. 168 с.
4. Букин С. С. Жилищная проблема в городах Сибири в 1920 – начале 1960-х годов / С. С. Букин, В. И. Исаев // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2010. № 2. С. 163.
2. Бершадская С. В. Жилищный кризис в сибирских городах в начале 1920-х гг. (по материалам газеты «Красноярский рабочий») / С. В. Бершадская // Известия ИГУ. 2020. № 34. С. 24.
5. Зверев В. А. Историческая эволюция крестьянских жилищ в Сибири по данным массовых санитарных обследований 1920–х гг. / В. А. Зверев // Сибирь в XVI–XX вв.: экономика, общественно-политическая жизнь и культура: к 70-летию чл. - кор. РАН Л. М. Горюшкина. 1997. С. 145.

ОТРАЖЕНИЕ «СВОЕГО ВОСТОКА» В АРХИТЕКТУРЕ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

*Жердев Александр Андреевич, студент
Северо-Кавказский Федеральный университет, г. Ставрополь, Россия
mr.zherdev@inbox.ru*

В статье рассматриваются архитектура городов КМВ, в которой отразилось влияние мавританского («ориентализирующего») архитектурного стиля стран Востока, даётся анализ отдельных элементов восточного архитектурного декора, приводятся факты истории строительства архитектурных объектов городов КМВ. Указываются особенности архитектурной политики мавританского стиля на КМВ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>.

Ключевые слова: архитектура, ориентализм, мавританский стиль, Восток, КМВ, Пятигорск, Кисловодск, Железноводск.

REFLECTION OF THE "OWN EAST" IN THE ARCHITECTURE OF THE CAUCASIAN MINERAL WATERS OF THE SECOND HALF OF THE XIX - BEGINNING OF THE XX CENTURY

*Alexander Andreevich Zherdev
Student, North – Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
mr.zherdev@inbox.ru*

The article deals with the architecture of CMS cities, which reflects the influence of the Moorish ("orientalizing") architectural style of the Eastern countries, analyzes some elements of Oriental architectural decoration, gives facts of the history of construction. Oriental architectural decoration, the facts of the history of construction of architectural objects of CMS cities are given. The peculiarities of architectural policy of the Moorish style in the CMS. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>.

Key words: architecture, orientalism, Moorish style, Orientalism, East, KMV, Pyatigorsk, Kislovodsk, Zheleznovodsk.

В настоящее время тема влияния архитектуры стран Востока на становление архитектуры городов-курортов Северного Кавказа изучена слабо. На сегодняшний день отсутствует обобщающий научный труд, посвященный детальному анализу влияния восточной архитектурной практики на развитие строительства архитектурных памятников таких городов - курортов Северного Кавказа, как Пятигорск, Железноводск, Кисловодск и Ессентуки. Между тем, в городах Кавказских Минеральных Вод (далее КМВ), восточный (мавританский) стиль выступал как один из главных стилей архитектурной политики КМВ.

Первые исследования, посвященные влиянию Востока на архитектуру КМВ, появились относительно недавно и весьма немногочисленны. Книги историка-краеведа С. В. Боглачева «Архитектура старого Пятигорска» (2007 г.) [1], «Архитектура старого Железноводска» (2010 г.) [2], «Архитектура старого Кисловодска» (2012 г.) [3], дают наглядный анализ самых значимых для Пятигорска, Железноводска и Кисловодска памятников архитектуры мавританского стиля. Его научные труды затрагивают особенности политического влияния на строительство зданий в мавританском стиле [2, с. 375].

В начале XXI в. наблюдается интерес исследователей к проблеме влияния власти на формирование представлений о Кавказе в глазах российской общественности как о «своем Востоке». В фокусе внимания оказались образы Кавказа в литературе и концепция «ориентализма», предложенная Э. Саидом. В статье В. О. Бобровникова «Ориентализм в литературе и политике на российском Кавказе XIX века», опубликованной в 2011 г., сопоставляется концепция «Востока» западных исследователей с представлениями российских чиновников о «кавказском» Востоке [4]. В 2014 году в статье «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Северного Кавказа как Востока в произведениях М.Ю. Лермонтова» историк В.А. Захаров через художественные произведения и сочинения демонстрирует разность взглядов на политику ориентализма на Северном Кавказе у представителей властных и во-

енных структур и русской интеллигенции, отмечает отличия «ориентализма» Эдварда Саида от ориентализма на территории российских городов Северного Кавказа [5].

Архитектурным стилям Северного Кавказа и особенностям самых значимых архитектурных памятников южных российских городов посвящена монография профессора, доктора архитектуры Г. В. Есаулова «Архитектура Юга России. От истории к современности» (2016 г.) [6]. Автор даёт детальный архитектурный анализ построек модерна, эклектики и мавританского стиля городов юга и Северного Кавказа [6, с. 320]. Однако за рамками его рассмотрения остались вопросы влияния власти на формирование архитектурного пространства российских городов на Северном Кавказе.

Цель статьи – выявить особенности архитектурной политики российского правительства по внедрению мавританского стиля в городах КМВ и показать ее результаты на примерах характеристики отдельных архитектурных объектов.

Источниковую базу исследования составили архивные документы, в частности материалы выставки фотографий о Кавказских Минеральных Водах, подготовленных студентами Ставропольского краевого училища дизайна и хранящиеся в фондах Научного архива Ставропольского краевого музея изобразительных искусств [7]. Они способствовали выявлению тех архитектурных памятников на территории КМВ, в которых наиболее ярко отразились черты мавританского стиля.

В статье нашли свое применение и нарративные источники, в том числе описания Кавказа П. П. Зубова [8], Ф.А. Баталина [9], И. Е. Дроздова [10], Сигурда О. Патурссона [11]. Их работы представляют основные черты Кавказа в составе Российской империи, памятников архитектуры КМВ глазами современников. Информация, представленная в путеводителе «Кавказские минеральные воды. Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск: к столетнему юбилею. 1803 –1903 г.» (1904 г.) [12] помогла выявить редкие и недостающие сведения о памятниках архитектуры КМВ.

Для проведения сравнительного анализа объектов городской архитектуры КМВ, стран Востока и Северного Кавказа автор использовал визуальные источники (фотографии), представленные в альбомах под редакцией Л. И. Филипповой «Кавказские Минеральные Воды. Кисловодск. Пятигорск. Ессентуки. Железноводск. Фотоальбом» (1972 г.) [13], Б.В. Гнедовского «Памятники Северного Кавказа» (1976 г.) [14], Д. Н. Козловой, И. А. Маневича, Н. Б. Мордвинцевой, М. А. Шахова «Драгоценные жемчужины Востока. Самые знаменитые чудеса архитектуры и природы» (2011 г.) [15].

Отметим, что Северный Кавказ издавна привлекал образованную публику как место сосредоточения восточных культурных традиций. При этом с точки зрения властных структур прочно ассоциировался с «диким» Востоком, который было необходимо завоевать и освоить [4, с. 111]. Негативные клише о «хищничестве» кавказских народов в немалой степени определяли методы покорения региона и способы управления им в дореволюционной России.

Чтобы объяснить подобное отношение власти к Северо-Кавказскому региону, следует обратиться к так называемому понятию «ориентализм». Согласно концепции ориентализма, на примере Ближнего Востока, сформулированной учёным палестинского происхождения Эдвардом Саидом (1935–2003), европейскими учёными колониального времени были созданы стереотипы о «мусульманском» востоке. В. О. Бобровников подчеркивает, что «единый восток» — это «фикция», которая способствовала бы помощи в подчинении и изучении неевропейских народов востоковедами и колонизаторами [4, с. 111].

Изобретенный ориенталистами «Восток» (Orients) оказывается абсолютно идентичен образу «кавказского» Востока. Цитируя Э. Саида, В. О. Бобровников отмечает, что, во-первых, дикий и деспотичный восток противостоит культурному и цивилизованному Западу. Во-вторых, «народы Азии» – это безвольные существа, не имеющие своей истории, но выступающие в качестве «лаборатории» для изучения востоковедов и преобразований колониальных государств. В-третьих, социально опасный образ Востока противостоит и угрожает существованию западу, который должен его покорить и подчинить себе. В. О. Бобровников отмечает продуктивность модели Саида [4, с. 112].

Саид говорит о Востоке в культурологическом смысле (Orient). Отметим, что проблема ориентализма на русской почве не может быть объяснена только сформулированными Саидом постулатами. Она выходит за рамки политической сферы. Распространение географической политики за счёт художественного текста, как пишет В. А. Захаров, и есть истинное лицо «ориентализма» в России [5, с. 32]. В свою очередь, именно такой русский «ориентализм» находит свое отражение в культуре.

Существуют отличия колонизации Востока в России и на Западе. Кавказ не был похож на «западноевропейский» тип колонии. П. Зубов писал в этой связи, что «Кавказ нужно было не только покорять, но и организовывать» [8, с. 88]. Это должно было быть вхождение больше духовно-нравственное и даже житейское [5, с. 43]. Нужно было изучить культуру нового региона.

Первый этап изучения архитектуры Кавказа был связан с накоплением сведений о его архитектурных памятниках в конце XVIII – первой половине XIX веков. Второй этап «архитектурного» покорения начинается во второй половине XIX века, когда в качестве «лаборатории» по практике внедрения российскими чиновниками «архитектурного» сочетания понятий «Своего» и «Чужого» Востока становится регион Кавказских Минеральных Вод, на примере которого правительство хотело показать, как через архитектуру соединить и заново переосмыслить «Чужой» и «Свой» Кавказ.

По мнению Г. В. Есаулова, для местной архитектуры городов КМВ одной из характерных черт стало смешение мавританского стиля с характерными для второй половины XIX – начала XX веков архитектурными направлениями модерна и эклектизма [6, с. 320–321].

Мавританский стиль – это стиль христианской архитектуры и декора в Иберии X—XII вв., сложившийся под влиянием исламского стиля, заимствовавший, в частности, стрельчатую подковообразную арку [16, с. 70].

Широкое распространение мавританского стиля в архитектуре КМВ сопровождалось поддержкой властных структур. Весной 1846 г. в Пятигорске взамен обветшавшей деревянной беседки в китайском стиле «шинуазри» на месте Михайловского источника новый кавказский наместник князь М. С. Воронцов предложил английскому архитектору С.И. Уптону построить протяженную галерею для моциона близ источника. Первая постройка Уптона как главного архитектора КМВ, деревянная Михайловская галерея, была создана в мавританском стиле, его предпочитал англоман князь Михаил Воронцов [1, с. 78].

Позднее, в 1853 году, врач И. Е. Дроздов подчеркивал, что «... с 1846 года при Кавказских Минеральных Водах весьма многое улучшено как в отношении устройства, так и управления ими... В Пятигорске: Построены: 1) Михайловская галерея...» [10, с. 226].

Лёгкая, изящная арочная галерея на высоком каменном фундаменте и под железной крышей была построена к сезону 1848 года [1, с. 78]. Через два года исследователь КМВ Ф.А. Баталин опишет Михайловскую галерею как «мавританский дворец... полузакрытый зеленью деревьев...» [9, с. 22].

Килевидные арки Михайловской галереи по своей структуре напоминают килевидные арки фасада и башенки с луковицами типа «империал» в оформлении гробницы Шиш Гумбад в Дели (1489–1517 гг. н. э.) [15, с. 127]. Нижняя площадка Михайловской галереи выложена крупным камнем-травертином. Подобную технику сложения сооружения из крупных блоков нештукатуренного дикого камня можно наблюдать в родовой башне Цаллаговых села Унал в Северной Осетии (начало XVII в.) [14, с. 47-48] О следовании кавказским традициям также напоминает небольшая смотровая площадка в центре крыши Михайловской галереи, которая напоминает смотровую площадку чеченских сторожевых башен (XII – XVII вв.) [14, с. 42].

Стоит отметить, что в разные периоды времени менялись структуры и методы управления Водами. Периоды «Дирекции КМВ» (1845–1861 гг.), Контрагентского управления (1861–1883), Комиссариатского управления (1883–1896), Директорского периода (1896–1917) затрагивали и архитектурную политику мавританского стиля, при которой с 1846 по 1917 г. от приглашения западноевропейских архитекторов из-за рубежа правительство перешло к практике передачи неоконченных проектов зданий мавританского стиля, выполненных иностранными архитекторами, для доработки отечественным «периферийным» и «столичным» зодчим.

В августе 1887 года КМВ посетил министр земледелия и государственных имуществ М. Н. Островский, согласившийся с необходимостью постройки ванного здания на западной подгруппе источников Железноводска. Составление проекта нового здания было поручено зодчему из Уфы, главному архитектору КМВ К.Н. Кодрунцеву. Однако в 1888 году Кодрунцев оставил пост главного архитектора КМВ. Архитекторский проект остался недоработанным. Доработать данный архитектурский проект было поручено известному петербургскому архитектору, графу П.Ю. Сюзору [2, с. 180–181].

Постройка в мавританском стиле была уместна для южного курорта. Формы ванного здания ассоциировались с архитектурой старинных восточных дворцов и храмов. Проект П.Ю. Сюзора был утвержден Министерством земледелия и государственных имуществ [2, с. 181].

20 мая 1894 г. произошло торжественное открытие сезона и Островских ванн [2, с. 183].

В путеводителе «Кавказские Минеральные Воды», изданном в 1904 году, сохранилось описание Островских ванн: «Это великолепное здание... выстроено в 1893 г. по проекту Сюзора в мавританском стиле на месте, указанном ещё Л. Дрю и названы так в честь покойного М.Н. Островского, бывшего министра государственных имуществ» [12, с. 188].

Характерная для Островских ванн бело-красная окраска наружного фасада [13, с. 114-115] встречается в оформлении внутреннего интерьера мечети Мискиты в испанской Кордове, построен-

ной в 786 г. и индо – сарацкой мечети Джамии Уль Альфар в Коломбо на о. Шри-Ланка в Индии (1908–1909 гг., архитектор – Хабибу Лаббе Саибу Лаббе) [15, с. 180]. Вероятно, при создании прямоугольных зубчатых корпусов Островских ванн, прообразом послужили боевые башни из красного камня в средневековом башенном городе-поселении Ний в Ингушетии (XIII–XVIII вв.) [14, с. 35]. Флигели Островских ванн, украшенные куполами – гамбизами имеют ряд арочных ниш и арочных окон. Расположение арочных окон и арочных ниш под крышей ванн делают их близкими по композиционному исполнению к машикулям средневековых сванских башен в Сванетии в Грузии (VIII–XVIII вв.) [15, с. 100].

Часто Управление КМВ отдавало строительные подряды на производство работ по созданию зданий в мавританском стиле московским купцам и технологам, которые объединялись в творческие коллаборации с местными кавминводскими купцами и подрядчиками. Нередкими являлись случаи, когда сами восточные правители вкладывались в строительство особняков на КМВ. Строительство зданий в мавританском стиле в каждом городе КМВ отличалось нерегулярностью.

Яркий тому пример – Кисловодск. Строительство главного здания Нарзанных ванн на 38 кабин началось в конце 1901 г. Оно возводилось в центре казенного участка шириной около 75 м. Работы велись под руководством зодчего А.Н. Клепинина. Часть денежных средств в строительство проекта Клепинина вложил эмир Саид-Абдул Бухарский, который отдыхал и лечился в Кисловодске в 1903 году [7, л. 49]. Генеральный подряд на производство строительных работ из собственных материалов и своими рабочими достался московскому купцу А. Я. Иоффе [3, с. 143]. Работами руководил технолог Л. И. Коган, доверенное лицо купца Иоффе [3, с. 143]. При строительстве здания использовался кирпич с пятигорского завода А.П. Бородкина. Открылось здание только в 1906 году [3, с. 145].

Датский исследователь Сигурд О. Патурссон так опишет главные нарзанные ванны, имевшие ранее название «углекислые ванны нарзана», находившиеся недалеко от Нарзанной галереи: «Здание галереи... Сейчас у прохода налево находится кабинет заведующего группой и коридор, ведущий к углекислым нарзанным ваннам...» [11, с. 41].

Главный двухэтажный желто – кирпичный корпус создан в стиле кирпичной эклектики. Своеобразие лицевых фасадов подчеркивается деталями, характерными для индийской и арабской архитектуры. [3, с. 145].

По своей конфигурации Нарзанные ванны напоминают индийские храмы. Сложные фигурные наличники и завершения в виде пирамидальных наверший – чеди с тонкой профилировкой и шпилями в форме бутона лотоса, а также фигуры львов на фасаде являются составной частью другого образца индийской архитектуры – храма Лотоса в Хампи (VII в. н. э.) [15, с. 90]. Кирпичная эклектика Нарзанных Ванн и арабски (повторяющиеся геометрические орнаментальные мотивы) [2, с. 182] напоминают кирпичную эклектику дворца Голестан в Тегеране (XVI – конец XIX вв.) [15, с. 110]. Фасад из желтого тонкого нештукатуренного кирпича и прямоугольные порталы – пештаки [17, с. 138] напоминают фасад одной из усыпальниц в Маджарах (XIII–XVI вв.) с рисунка Г. Гейслера [15, с. 85].

Другая особенность российской архитектурной политики по внедрению на практике мавританского стиля на Кавминводах состояла в междисциплинарном взаимодействии: Управление Вод, когда дарило в дар курортные земли восточным правителям, поручало один проект дачи восточного правителя нескольким архитектором и привлекало для работы над проектом совместно с архитекторами представителей науки.

Подобная практика выразилась при строительстве дворца Эмира Бухарского в Железноводске. В июле 1905 года Эмир Бухарский Сеид Абд ал-Ахад-хан Бахадур хан обратился к российскому императору с просьбой о желании приобрести в Железноводске участок земли под строительство своей летней резиденции. И 4 августа 1905 г. император Николай II выслушал доклад министра финансов графа В.Н. Коковцова (1853 – 1943) о просьбе эмира и повелел безвозмездно отвести ему участок земли площадью в 1700 квадратных сажен (0, 77 га) в железноводском казенном парке как подарок от российского правительства [2, с. 375]. Работы по строительству длились с октября 1905 г. до начала летнего сезона 1909 года. Окончательно здание было завершено к лечебному сезону 1909 года [2, с. 377].

Составлением проекта летней загородной резиденции по желанию обратившего в Управление Эмира Бухарского в разное время занимались архитекторы И.И. Байков, В. Н. Семенов, Э. Б. Ходжаев, Г. Е. Волков, доверенное лицо эмира Бухарского, гласный Пятигорской городской думы В.Ф. Циммерман (ок. 1835–1914), подрядчик С. И. Горбунов [2, с. 377]. На основе изучения глазури Самарканда, как на месте, так и в самом городе, химик и художник-керамист П. К. Ваулин выполнил майоликовые изделия на сумму 1883 рубля, которые он отправил в Железноводск [2, с. 377].

Главное здание – двухэтажное кирпичное здание дворцового типа на высоком каменном подвале создано в псевдомавританском стиле (петли с мусульманским полумесяцем и восьмигранный минарет (от араб. минара – сигнальная световая башня, маяк) [18, с. 275–276] с зубцами и купольным фонарем («азанчи»), имело основную черту дачного модерна – асимметричность фасадов [2, с. 377].

Характерный для дворца эмира Бухарского шлемовидный купол-гамбиз встречается в Мавзолее Гур-Эмир в Самарканде (1403–1404 гг.) [15, с. 125]. Просторная деревянная веранда на восточном фасаде здания, верхние филенки которой украшены зилиджем (облицовкой) [18, с. 162], наблюдаются и в деревянной веранде дворца Ситораи – Мохи – Хоса в Бухаре, построенном в 1912–1918 гг. при участии в строительстве архитектора Хасанжона Умарова [15, с. 182]. Пештаки украшены ислими – первой из «семи основ» искусства орнамента [19, с. 57].

Башня прямоугольной формы и её зубцы абсолютно идентичны зубцам и прямоугольной форме башни Шеуповари крепости Биртвиси в Грузии (X в.) [15, с. 95] выложенный крупным камнем парапет площадки лестницы со львами по размеру камня и его цвету напоминает материал усыпальницы «Камгут-Кешене» в Тырнаузе Кабардино – Балкарии (XV в.) [14, с. 43].

Таким образом, особенностями архитектурной политики российского правительства по внедрению мавританского стиля в городах Кавказских Минеральных Вод стали жесткий административный контроль хода строительства и архитектурских проектов со стороны властных структур, стремление российского правительства к смене архитекторов на местах строительства зданий с целью укрепления и улучшения процесса архитектурной экспансии России на Кавказе.

В итоге, с помощью соединения в архитектурных памятниках Пятигорска, Кисловодска и Железноводска элементов индийского, тегеранского, самаркандского и бухарского зодчества, а также отдельных традиций архитектуры Северного Кавказа удалось отразить в архитектуре городов КМВ образ Востока. Образ Востока, созданный в архитектуре городов КМВ, стал «своим», так как архитекторы, строившие специфические здания в мавританском стиле «чужого Востока», опирались на архитектурные предпочтения, требования и вкусы российского правительства.

Список литературы

1. Боглачев С. В. Архитектура старого Пятигорска. Пятигорск, 2007. 519 с.
2. Боглачев С. В. Архитектура старого Железноводска. Пятигорск, 2010. 480 с.
3. Боглачев С. В. Архитектура старого Кисловодска. Пятигорск, 2012. 516 с.
4. Бобровников В. О. Ориентализм в литературе и политике на российском Кавказе XIX века // Исследования Tartaria Magna. 2011. № 1. С. 105–123.
5. Захаров В. А. «Ориентализм» Эдварда Саида и восприятие Северного Кавказа как Востока в произведениях М. Ю. Лермонтова // Лермонтов в исторической судьбе народов Кавказа. Краснодар, 2014. С. 26–81.
6. Есаулов Г.В. Архитектура Юга России. От истории к современности. Москва, 2016. 568 с.
7. Научный архив ГБУК СК «СКМИИ». Ф. 04/3–12. Оп. 1. Д. 258. Л. 41–58.
8. Зубов П. П. Картина Кавказского края. В 4-х частях. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1834–1835. 350 с.
9. Баталин Ф.А. Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды. В 2-х частях. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1861. 118 с.
10. Дроздов И. Е. Кавказские минеральные воды // Кавказские Минеральные Воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Антология в 3 – х томах. Т. 1. С. 225–254.
11. Патурссон С.О. Курорты Кавказа. Кавказские минеральные воды. Ростов-на-Дону, 1911. 122 с.
12. Кавказские минеральные воды: Пятигорск, Железноводск, Ессентуки, Кисловодск: к столетнему юбилею. 1803–1903 г. Путеводитель. Санкт-Петербург, 1904. 297 с.
13. Филиппова Л. И. Кавказские Минеральные Воды. Кисловодск. Пятигорск. Ессентуки. Железноводск. Фотоальбом. Москва, 1972. 164 с.
14. Гнедовский Б.В. Памятники Северного Кавказа. Москва, 1976. 350 с.
15. Козлова Д. Н., Мордвинцева Н. Б. Драгоценные жемчужины Востока. Самые знаменитые чудеса архитектуры и природы. Москва, 2011. 205 с.
16. Уайт Э., Робертсон Б. Архитектура. Формы, конструкции, детали. Иллюстрированный справочник / пер., примеч. и послесл. с англ. Е. В. Нетесовой. Москва, 2005. 111 с.
17. Партина А.С. Архитектурные термины. Иллюстрированный словарь. Москва, 1994. 208 с.

18. Виноградова Н. А. Традиционное искусство Востока. Терминологический словарь. Москва, 1997. 359 с.

19. Садиг-бек А. Канон изображений / пер., примеч. и послесл. с араб. А. Ю. Казиева. Москва, 1966. 269 с.

УДК 908

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ХАБАРОВСКА: ДИАЛОГ ВОСТОКА И ЗАПАДА

*Крыжановская Станислава Андреевна, студент
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия
stasay24@bk.ru*

Работа посвящена анализу культуры дореволюционного Хабаровска в ракурсе межкультурного диалога. Автор показывает, что жизнь города на рубеже веков формировалась не только под влиянием общероссийских («западных») тенденций, но и, учитывая пограничный характер территории и смешанный состав населения, под влиянием стран-соседей по дальневосточному региону.

Ключевые слова: городская культура, дореволюционный Хабаровск, китайский театр, китайские праздники, диалог «Восток-Запад».

CULTURAL LIFE OF PRE-REVOLUTIONARY KHABAROVSK: EAST-WEST DIALOGUE

*Kryzhanovskaya Stanislava Andreevna
Student, Pacific State University, Khabarovsk, Russia
stasay24@bk.ru*

The work is devoted to the study of the culture of pre-revolutionary Khabarovsk from the perspective of intercultural dialogue. The author shows that the life of the city at the turn of the century was formed not only under the influence of all-Russian ("Western") trends, but also, given the border nature of the territory and the mixed composition of the population (Chinese, Japanese, etc.), under the influence of neighboring countries in the Far Eastern region.

Key words: urban culture, pre-revolutionary Khabarovsk, Chinese theater, Chinese holidays, East-West dialogue.

История Хабаровска как населенного пункта на дальневосточной окраине начинается в 1858 г. с основания военного поста на берегу Амура. В 1880 г. Хабаровка, уже город с населением около 4 тыс. жителей, становится резиденцией генерал-губернатора. Помимо частных домов, лавок с товарами и общественных зданий, были построены 14 православных храмов, синагога, костел, японский (буддистский) храм и китайская кумирня. С этого момента, т. е. с 1880-х гг., можно говорить о формировании культурной сферы в жизни горожан: появляются общественные организации, играющие важную роль в досуговой сфере. По инициативе местной интеллигенции создаются Общественное и Военное собрания, членство в которых указывало на высокий статус горожанина.

В 1893 г. Хабаровка становится Хабаровском. Стремительный рост населения, которое к кон. XIX в. превысило 15 тыс. чел., требовал заботы о духовном и образовательном уровне его жителей. В 1873 г. открылась первая начальная школа для мальчиков, в 1889 г. начало работу двухклассное училище, ставшее позднее трехклассным, в 1895 г. – железнодорожное училище. По инициативе генерал-губернатора Н. И. Гродекова в 1900 г. в центре Хабаровска состоялось открытие реального училища, которое давало полное среднее образование. Педагогический состав подбирался придирчиво, учащиеся проходили отбор, – из 60 претендентов в первый год приняты были лишь 48. В 1900 г. торжественно открылся Кадетский корпус, с 1908 г. носящий имя Н. Н. Муравьева-Амурского. Первый в Приамурье и двадцать шестой в России, он был закрытым средним заведением, по окончании которого юноши могли поступать в высшие военные училища. Принимали 50 человек, предпочтительно сыновей офицеров, на экзаменах лично присутствовал начальник штаба Приамурского военного округа.

В Приамурье, как и по всей стране, остро стоял вопрос о женском образовании. По инициативе городского головы в Хабаровске в 1894 г. появилась женская гимназия, на содержание которой дума ежегодно выделяла 3000 руб., в 1897 г. – женское «Иннокентьевское» училище, названное в память первого епископа Камчатки. В гимназии обучались девочки 7–13 лет, плата составляла 60 руб. в год. Требования были строгими: помимо множества предметов изучали не менее двух языков, носили форму (коричневое платье и черный фартук), регулярно проводили родительские собрания. Важной частью обучения являлся квалифицированный педагогический состав, о котором современница писала: «Облаченные в строго обязательные синие платья, в огромном своем большинстве считающие, что проявление фамильярности и добродушности распускают учащихся, они уверенно восседали на педагогическом Олимпе и всегда сохраняли дистанцию» [2, с. 471].

Особняком в этом процессе формирования системы образования стояло дошкольное воспитание. Удаленность от центра России, – как следствие, отсутствие кадров, миграционные процессы, – способствовали тому, что в Хабаровске долгое время не было учреждений для маленьких детей. В этой ситуации забота о детях дошкольного возраста целиком ложилась на семью, где с этим справлялась няня, которая нередко становилась полноправным членом семьи. В домах дореволюционного Хабаровска были популярны японские няни ама: молчаливые, добросовестные, они очень ответственно выполняли свои обязанности (тем более, что в Японии к детям традиционно относились как к «дару богов»). Особенно таких нянь ценили за их чистоплотность. Дочь подпоручика-артиллериста Н. Климчицкая вспоминала о своём крещении в Хабаровске в 1910 г.: «Ужасный скандал был, когда меня понесли в церковь крестить. Она [няня] буквально вырвала меня из рук священника, который собирался окунуть меня в купель и сказала: «Сама купай буду!». Так что христианский обряд моего крещения был нарушен ее языческим преклонением перед чистотой» [5].

Японские няни рассказывали русским детям сказки. И первые сборники японских сказок появились в России благодаря таким няням. Л. И. Бородовский, русский офицер, служивший на Дальнем Востоке, впоследствии писатель и путешественник, издал первую книжку японских сказок на русском языке. Эти сказки были записаны им со слов японской няни в кон. XIX в. Всего было записано и издано 13 сказок [3]. В годы Русско-Японской войны многие из нянь-японок оказались оторваны от своих воспитанников, что иногда становилось причиной настоящих трагедий. Известны случаи, когда амы, силой обстоятельств разлученные с воспитанниками, кончали жизнь самоубийством.

Формирование культуры досуга в Хабаровске также проходило через взаимодействие общероссийских тенденций и местных особенностей. Досуговые формы, как развлекательные, так и просветительские, выступали не только формами отдыха, но и факторами регионально-культурной общности, способствуя социализации мигрантов.

Забываясь о духовном уровне народа, генерал-губернатор С. М. Духовской предложил проводить народные чтения «на нашей далекой окраине, где нет никаких эстетических развлечений, дабы отвлечь от разгульного препровождения праздничного времени» [цит. по: 2, с. 37]. 17 октября 1894 г. в Хабаровске, в присутствии ста слушателей и семьи генерал-губернатора, состоялись первые чтения, ориентированные на просвещение и патриотическое воспитание. Подобные акции наряду с лекциями также включали выступление местного оркестра или демонстрации картин «волшебного фонаря», предшественника кинематографа. К нач. XX в. народные чтения были самым популярным просветительским мероприятием как для взрослых, так и для детей.

Сфера досуга включала не только просвещение, но и развлечение. Жители охотно посещали танцевальные вечера, маскарады, ставшие частью городской культуры. Важной досуговой формой для «хабаровцев» были городские праздники по поводу важных государственных дат (празднование военных побед, дни посещения города членами императорской семьи и др.). Так, летом 1912 г. горожане приняли участие в праздновании столетия Отечественной войны 1812 года. В программу, наряду с общим молебном в присутствии официальных лиц, вошли «парад войск, устройство игр под музыку оркестра для учащихся начальных школ, постановка спектаклей, кинематографические сеансы, устройство гуляния для народа в городском саду с пониженной платой за вход, раздача комиссией по призрению бедных бесплатных обедов и табака» [4, с. 202].

Как и по всей России, в Приамурье проходили торжества, посвященные деятелям культуры. В 1899 г. отметили 100-летие со дня рождения А. С. Пушкина, в 1909 г. – 100-летие со дня рождения Н. В. Гоголя. В Хабаровске дума выделила 1000 руб. на развлечения и угощение для учащихся, раздачу книг с сочинениями Н. В. Гоголя. В день празднования все учащиеся освобождались от занятий. Такие мероприятия привлекали особое внимание городской общественности. Результатом стало при-

своение улицам имен писателей: в Хабаровске появились улицы А. С. Пушкина (1899 г.), Н. В. Гоголя (1902 г.), Л. Н. Толстого (1908 г.).

Помимо государственных дат, жители Хабаровска широко праздновали традиционные для русского народа Святки, Масленицу и Пасху. Но не только русские праздники отмечались в краевой столице. Здесь к нач. XX в. проживало немало китайцев и японцев. Население Русского Дальнего Востока формировалось за счёт миграции, и иностранцев здесь было значительно больше, чем в других городах. По данным переписи 1897 г., «доля иноподданных в европейской России составляла 0,27 %, в Сибири - 1,08 %, в южных районах Приморской области достигала 24,2 % (в городах - 36,3 %). В дальневосточных городах к началу XX в. выходцы из Китая составляли 82,6 % от общего числа иностранцев, из Японии - 8,3 %, Кореи - 7,6 %» [6].

Вместе с бизнесом иностранцы приносили свои верования и традиции. В Хабаровске массовыми гуляньями отмечали китайский Новый год по лунному календарю. «В первые пять дней праздника горожане ходили в гости, никто не работал, китайские лавки были закрыты. Днём проходили уличные процессии с фонарями и аллегорическими фигурами, устраивались хождения на ходулях, давались китайские спектакли» [1]. Участников на ходулях с разноцветными фонарями в руках, передвигающихся под звуки барабанов, сменяла процессия из лодок. «Форма лодок представляла собой обычную форму джонки, и только посредине в ней было сделано отверстие для человека, который изображал сидящую женщину и в то же время носил саму лодку. Игра лодок состояла в том, что они под шум барабанов и гонгов “плавали” вокруг, одна за другой, или расходились и, встретившись, делали крутые повороты, чтобы избежать мнимого столкновения» [1]. В.Ф. Духовская также упоминает процессию с драконом в описании китайского нового года в 1895 г. в Хабаровске: «Представлена большая торжественная процессия с развевающимся бумажным драконом длиной более 30 метров, внутри его открытой пасти горели фонари» [2, с. 118].

Особым событием был отмечен 1913 г., – год празднования 300-летия правления царской семьи, а для хабаровчан – еще и 55-летия города. По инициативе генерал-губернатора Н.Л. Гондатти к этим датам была приурочена масштабная «Выставка Приамурского края в ознаменование 300-летия Дома Романовых». Располагалась она в 44 павильонах и 20 постройках, занимая площадь в 26 га. Выставка, которую за два месяца посетило 110550 человек, наглядно показала существенные изменения во всех областях жизни края. О ее популярности говорит география участников: заявки приходили из Франции, США, Японии, Китая и других стран.

Важной составляющей культурной жизни дореволюционного Хабаровска было театральное и музыкальное искусство, которое возникает как любительское, но уже к концу XIX в. становится важным средством просвещения и развлечения горожан. В 1896 г. под председательством жены генерал-губернатора В.Ф. Духовской создается Общество любителей сценического и музыкального искусства. Его участники собственными силами – т. е. силами офицеров, их жен, членов их семей – устраивали концерты и ставили спектакли на сцене Военного собрания. Тогда же в городе появляются профессиональные театральные коллективы, проводятся театральные сезоны, – что указывает на рост эстетических запросов зрителей. Осенью 1894 г. в город прибыло «Товарищество драматических и оперных артистов под управлением Кнауф-Каминской и Тальзатти». В. Тальзатти-Чиколлини был неплохим актёром и оперным певцом, гастролировавшим по российским городам. М.Ф. Кнауф-Каминская, – пианистка, ученица А. Г. Рубинштейна. На сцене Общественного собрания труппа провела первый театральный сезон, оказавшийся успешным: исполняли оперные партии и фортепианные номера, оперетты и драматические спектакли.

Важной датой для развития дальневосточной культуры стало 31 августа 1897 г., когда началось постоянное железнодорожное сообщение между Владивостоком и Хабаровском. Города получили возможность на постоянной основе принимать гастролеров, в том числе – звезд первой величины. Так, летом 1908 г. в Хабаровске состоялись гастроли выдающегося виолончелиста А. Вержбиловича, исполнение которого восхищало безупречной техникой и красотой звука. Весной 1909 г. хабаровчане встречали великую трагическую актрису В. Ф. Комиссаржевскую. А 16 февраля 1912 г. с единственным концертом в Хабаровске выступала «эстрадная дива» Н. В. Плевицкая. Здесь певица приобрела много поклонников, до этого знавших о ней понаслышке.

Таким образом, уже в нач. XX в. музыкально-театральная жизнь Хабаровска во многом следовала логике культурной жизни России. Однако, были и свои особенности, чуждые центральным городам, – был китайский театр. Китайцы составляли изрядную долю населения города, а важной частью их культуры был театр. В Китае сложилось много видов традиционного театра, различавшихся типом музыкального сопровождения, манерой пения и декламации, диалектом и т. п. Пекинская опера (цзинцзюй) наиболее полно выражала дух традиционного искусства и была очень популярна

как у себя на Родине, так и на русском Дальнем Востоке. По свидетельству историка, постоянные китайские театры имелись во всех крупных городах Дальнего Востока, в Хабаровске их было два [7].

Каменное здание, где располагался китайский театр, принадлежало «Торговому дому М. Пьянкова с братьями», сдавшему его в аренду председателю Хабаровского биржевого комитета К. Т. Лихойдову и его компаньону китайцу Ма Юн-лану. Кроме каменного, был и временный театр, располагавшийся на Военной горе (ныне – ул. Серышева), о котором В.Ф. Духовская писала: «...в открытом балагане любители-китайцы дают представления; пьесы большей частью исторические, и действия происходят три тысячи лет назад. Актеры денег за представление не берут, считая это за бесчестие, и перед их балаганом стоит несметная толпа китайцев» [2].

Выступления китайских артистов всегда привлекали зрителей. Так, когда в 1899 г. понадобилось собрать недостающую сумму на строительство музея, было устроено народное гулянье с базаром и китайским спектаклем в качестве приманки для привлечения китайцев (на предыдущие гулянья, где театра не было, китайцы не пришли) [7].

Для русской публики китайский театр с его историческими сюжетами, сложными костюмами, смешением пения и декламации был экзотикой. И хотя китайская публика за представления не платила, с русских зрителей, особенно офицеров, китайцы брали втридорога. Несмотря на это, русские охотно посещали спектакли. Так, в Хабаровске «8 января в здании Общественного собрания ... был дан китайский спектакль... поставлены историческая драма в одном действии “Эр-дзинь-гунь” и водевиль “Дадзао”. Для лучшего понимания публики продавались составленные либретто» [цит. по: 7]. Китайцы, в свою очередь, охотно посещали русские постановки: «На последнем благотворительном спектакле заметили толпу, человек 15 китайцев, пришедших посмотреть пьесу. Сами ли они дошли до этого, или ввиду малочисленности публики были призваны исполнять ее обязанности, неизвестно, но любопытен факт» [цит. по: 7].

Анализ жизни дореволюционного Хабаровска позволяет говорить о специфике культурного пространства, формирующегося на дальневосточной периферии России. Активное влияние на него оказывали переселенческие потоки, идущие как из центра империи, так и из соседних стран. Жизнь города формировалась не только под влиянием общероссийских («западных») процессов, но и, учитывая пограничный характер территории и смешанный состав населения, где присутствовало немало китайцев и японцев, под влиянием соседей по дальневосточному региону. Региональная культура соединила множество элементов разной природы, и единственно общая характеристика, позволяющая организовать коммуникацию, – это отождествление себя с территорией и территориальным сообществом.

Список литературы

1. Андриец, Г.А. «Свое» и «чужое» в досуговой культуре городов юга ДВ России: на примере русско-китайских контактов (кон. XIX – нач. XX вв.) // Известия Восточного института. 2018. №1 (37).
2. Бурилова М. Ф. Общество старого Хабаровска (кон. XIX – нач. XX вв.). Хабаровск: РИО-ТИП, 2007. 526 с.
3. Вахромеева О. Б. Отечественная историография японских волшебных сказок и классификация «мукаси-банаса» В. М. Мендрина // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_37218026_64754159.pdf
4. Долгова Ю. С., Горбунова Л. И. Города юга Приамурского генерал-губернаторства в 1884–1913 гг. (социокультурное развитие). Хабаровск: РАНХиГС, 2017. 312 с.
5. Колесников А. Японская няня // URL: <https://naslednik-dv.livejournal.com/25450.html>
6. Королева, В.А. «Маленький Китай» и его зрелищные представления в социокультурном пространстве улиц русского дальневосточного города (2-я пол. XIX в. – 1920-е гг.) // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2015. №2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/malenkiy-kitay-i-ego-zrelischnye-predstavleniya-v-sotsiokulturnom-prostranstve-ulits-russkogo-dalnevostochnogo-goroda-vtoraya-polovina>
7. Преснякова Л. В., Пресняков С. В. Летопись театральной жизни Дальневосточного региона по материалам столичной прессы (конец XIX – начало XX в.). Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. 352 с.

МАКСИМ МУНЗУК – ТУВИНСКИЙ ДЕРСУ УЗАЛА

*Танзы-Белек Джигмед Сергеевич, студент**Кызылский техникум экономики и права потребительской кооперации, г. Кызыл, Россия
Aydys989@gmail.com*

Максим Мунзук, известный тувинский художник и народный артист России и Тувы, стал звездой сцены и сердцем публики. Его талант и харизма завоевали сердца не только российских зрителей, но и зарубежной публики. Он получил звание Почетного гражданина нескольких городов, включая Дуаррене во Франции и Арсеньева во Владивостоке. Родившись в бедной семье, Максим Мунзук преодолел трудности и стал известным актером. Его роль в фильме «Дерсу Узала» режиссера Акиры Куросавы принесла ему мировую славу и признание. Фильм был удостоен «Оскара» в категории лучший иностранный фильм. Максим Мунзук сыграл главную роль Дерсу Узала с глубиной и эмоциональностью, за что был высоко оценен критиками и зрителями.

Ключевые слова: талант, кинематография, наследие, тувинская культура, фольклор, театр.

MAXIM MUNZUK – TUVAN DERSU UZALA

*Tanzy-Belek Dzhigmed Sergeevich**Student, Kyzyl College of Economics and Consumer Cooperation Law, Kyzyl, Russia
Aydys989@gmail.com*

Maxim Munzuk, a famous Tuvan artist and People's Artist of Russia and Tuva, became a star of the stage and the heart of the audience. His talent and charisma won the hearts of not only Russian viewers, but also foreign audiences. He received the title of Honorary Citizen of several cities, including Douarnenay in France and Arsenyev in Vladivostok. Born in a poor family, Maxim Munzuk overcame difficulties and became a famous actor. His role in the film "Dersu Uzala" directed by Akira Kurosawa brought him worldwide fame and recognition. The film was awarded an Oscar in the Best Foreign Film category. Maxim Munzuk played the title role of Dersu Uzala with depth and emotionality, for which he was highly appreciated by critics and viewers.

Key words: talent, cinematography, heritage, Tuvan culture, folklore, theater.

Максим Монгужукович Мунзук, народный артист России и Тувы, стал настоящей звездой сцены и сердцем публики. Его талант и харизма завоевали сердца не только российских зрителей, но и зарубежной публики. Этому свидетельствуют его звание Почетного гражданина городов Дуаррене во Франции, Арсеньева во Владивостоке, Кызыла и Тандинского кожууна.

На сцене Максим Мунзук создает неповторимую атмосферу праздника и радости, заставляя зрителей забыть о повседневных заботах и просто наслаждаться моментом. Но Максим Мунзук - не только звезда сцены, но и образец для подражания. Он является кавалером ордена Дружбы народов, что свидетельствует о его важной роли в укреплении межнациональных связей и сближении различных культур. Его творчество и личность объединяют людей разных национальностей и возрастов, создавая атмосферу взаимопонимания и солидарности.

Максим Мунзук, известный тувинский художник и деятель культуры, родился 15 сентября 1912 года в маленьком поселении Уургайлыг в Межегее Тандинского кожууна. Его ранние годы были отмечены невероятной бедностью и лишениями. Вместо комфорта дома, Максим провел свое детство в скромном шалаше, а его родители, бедные люди, даже не имели возможности построить юрту. Несмотря на трудности, Максиму запомнились моменты радости и вдохновения, которые он находил в редких встречах с народными сказителями и музыкантами. Он восхищался их талантом и рассказами, которые передавали дух и культуру тувинского народа [2].

С самого начала своей творческой карьеры Максим ощутил привлекательность музыки. Он стал руководителем военного оркестра артиллерийского полка Тувинской Народной Республики, который позднее стал частью СССР. Его музыкальные навыки и страсть к искусству привлекли внимание многих.

В 1939 году Максиму предложили возглавить театр-студию «Уран театр», первый национальный театр в Туве. Он согласился с радостью и стал одним из основателей этого важного культурного

учреждения. Максим вложил всю свою энергию и талант в развитие театра, стараясь сохранить и передать наследие тувинской культуры через искусство.

Максим Мунзук - талантливый и многосторонний артист, чье искусство простирается за пределы актерской и режиссерской деятельности. Он был не только великолепным исполнителем ролей на сцене Тувинского музыкально-драматического театра имени В. Кок-оола, но и страстным коллекционером национального музыкального фольклора. Его голос звучал в песнях, которые сам же и сочинял, и его знания и любовь к музыке передавались через его педагогическую деятельность.

В мире кино Максим Мунзук впервые появился в 1971 году в фильме «Пропажа свидетеля». Затем последовали еще двадцать лент, в которых он воссоздавал самые разнообразные персонажи. Среди них можно отметить «Предварительное расследование» (1978), «По следу властелина» (1979), «Последняя охота» (1979), «Прогулка, достойная мужчин» (1979), «Валентина» (1981), «Месть» (1990). Однако наиболее ярким и значимым достижением Максима Мунзука стала его роль в фильме «Дерсу Узала» режиссера Акиры Куросавы. Этот фильм, вышедший на мировой экран в 1975 году, получил признание критиков и зрителей, а также был удостоен «Оскара» в категории лучший иностранный фильм. Максим Мунзук великолепно сыграл главную роль Дерсу Узала, показав настоящую глубину и эмоциональность персонажа.

В 1971 году Мунзук, только что ушедший на пенсию, неожиданно получил приглашение сняться в кино. Это было для него неожиданностью, так как он уже не мечтал о такой возможности. Однако, он слышал о Приморском крае и его красоте. В своей молодости он даже работал у китайских торговцев и научился считать по-китайски.

В конце 60-х годов XX в. Мунзук вместе с тремя режиссерами, включая Акиру Куросаву, создал компанию под названием «Четыре всадника» и снял свой первый цветной фильм под названием «Под стук трамвайных колес». Фильм рассказывал историю об обитателях городской свалки, но не получил большого успеха, и компания «Четыре всадника» оказалась на грани банкротства.

Куросава, испытывая глубокую депрессию, решил покончить с собой в декабре 1971 года. Он нанес себе шесть надрезов на шею и восемь на запястьях, но ему удалось выжить. В попытке преодолеть кризис, Куросава обратился к природе и книге Арсеньева «Дерсу Узала», которую он читал в своем детстве.

Так началась новая глава в жизни Мунзука. Он согласился на предложение сняться в фильме и отправился в Приморский край, чтобы погрузиться в мир кино и природы. Там он встретился с талантливыми актерами и режиссерами, которые помогли ему раскрыть свой потенциал и стать настоящей звездой кино. Фильм, в котором он снялся, стал культовым и принес ему мировую славу. Таким образом, неожиданное приглашение в кино стало для Мунзука новым началом и позволило ему воплотить свою мечту в реальность. Он познал красоту Приморского края и нашел вдохновение в природе, преодолев тяжелые испытания и обретя новую смысловую глубину в своей жизни.

В 1971 году старое издание книги Куросавы было полностью распродано, а единственный экземпляр, который он имел, погиб во время войны. Он был вынужден обратиться в библиотеку, чтобы найти копию этой книги. В марте 1973 года Куросава приступил к работе над сценарием и начал поиск актеров для своего нового проекта. Многие приходили на пробы, включая певца, исполнявшего на тот момент популярную песню «Увезу тебя я в тундру». Но Куросава отказывал им и продолжал просматривать советские фильмы в поисках вдохновения.

Процесс утверждения актеров — это сложный и трудоемкий процесс, который требует нескольких этапов и рассмотрения различных инстанций. Однако, в случае с постановщиком фильма Куросавой, решающее слово лежало на его плечах. После доработки сценария и прилета из Японии, Куросава сразу же захотел ознакомиться с фотографиями актеров, предлагаемых на роль Дерсу Узала. Он имел свой особый стиль работы в отборе актеров - обычно он не встречался с ними лично, а принимал решение только на основе фотографий. Поэтому каждый день после работы он забирал фотоальбом с фотографиями советских актеров, рассматривал их в гостинице и на следующий день возвращал альбом.

Через несколько дней Куросава попросил показать ему фильмы, в которых участвовал Максим Мунзук. Он не имел выбора - Максим Мунзук был единственным актером, которого он рассматривал для роли Дерсу Узала.

Последней работой Максима Мунзука была роль охотника Тэхэ Доржи в фильме «Пропажа свидетеля», снятом в 1971 году на киностудии «Мосфильм» под режиссурой Владимира Назарова. Ранее Мунзук снялся в фильме «Люди голубых рек» в 1959 году на киностудии «Ленфильм» под режиссурой А. Апсолона. В этом фильме рассказывается история о строительстве новой жизни в Со-

ветской Туве, где Мунзук исполнил роль тувинца по имени Делкер. Эта работа стала его первым значительным успехом в кинематографии.

Однажды, погруженный в просмотр малоизвестного фильма, он вдруг ощутил волнение, которое пронзило его до самого сердца. Внезапно, он ткнул пальцем в экран, указывая на мелькнувшего маленького кривоногого человечка в массовой сцене. Весь зал задался вопросом: кто же этот загадочный персонаж? Даже сам режиссер фильма не знал ответа на этот вопрос. Но неистовое расследование, под руководством героя, наконец-то привело к разгадке. Оказалось, что это был Максим Мунзук, талантливый артист из тувинского музыкального театра. Когда Куросава узнал об этом, он немедленно отдал распоряжение доставить этого человека к себе.

В 1974 году, после месяца репетиций на студии «Мосфильм», международная съемочная группа отправилась на Дальний Восток, где они провели восемь месяцев съемок.

В 1975 году фильм «Дерсу Узала» вышел в прокат и через год был признан лучшим иностранным фильмом в Америке, получив престижную награду «Оскар». Однако, русских актеров не пустили на церемонию вручения статуэтки.

Через 23 года актеру Соломину, который сыграл роль Арсеньева, удалось увидеть «Оскар». Это особенный момент был показан по телевизору. В передаче Соломин обратился прямо в камеру: «Дорогой Мунзук! Я очень надеюсь, что ты смотришь эту передачу. Видишь, Максим Максимович (он держит статуэтку в руке), одной рукой я держусь за себя, а другой – за тебя...». Эта искренняя и трогательная «встреча» через время стала символом долгожданного признания и связи между актерами и их персонажами [1, с. 40].

Максим Мунзук – достойный лауреат Государственной премии Тувинской АССР, его талант и труд признаны и отмечены государством. Его выступления всегда наполнены энергией и страстью, и его голос, словно магический инструмент, способен трогать самые глубины души слушателей. Максим Мунзук стал символом национального творчества и гордостью Тувы. Его вклад в развитие культуры и искусства останется незабываемым и вдохновит многих поколений в будущем. Максим Мунзук оставил неизгладимый след в истории кинематографа и театра, проявив свой многогранный талант и принеся радость и вдохновение своей аудитории. Его работа продолжает вдохновлять и восхищать людей по всему миру.

Список литературы

1. Васильев В. Н. Максим Мунзук - Дерсу Узала. Записки режиссера. - Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1979. 173 с.
2. Качан И. Наш Дерсу – настоящий! // Тувинская правда. 2023. 20 сентября.

УДК 930

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Павлова Ирина Петровна
д-р ист. наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

Павлов Павел Александрович
канд. ист. наук, доцент

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

Статья посвящена вопросам регулирования политики по религиозным вопросам в период Российской империи. Сделан вывод о том, что религиозная политика империи вне христианизации была, прежде всего, окраинной политикой. Она развивалась от ограничения религиозной жизни «иноверцев» к политике инкорпорации. Основу материала составила политика в отношении народов, имевших свою религиозную основу на восточных окраинах, прежде всего в Сибири (мусульмане, буддисты-ламаисты, шаманисты).

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, буддизм (ламаизм), мусульманство, шаманизм, окраины империи, религиозная политика.

RELIGIOUS FACTOR IN STATE POLICY IN THE PERIPHERIES OF THE RUSSIAN EMPIRE

Pavlova Irina Petrovna
Doctor of Historical Sciences, Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

Pavlov Pavel Alexandrovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

The article is devoted to the issues of regulating policy on religious issues during the period of the Russian Empire. It is concluded that the religious policy of the empire was, first of all, a marginal policy. It developed from restriction of religious life to a policy of incorporation. The basis of the material was the policy towards peoples who had their own religious basis on the eastern outskirts, primarily in Siberia (Muslims, Buddhist-Lamaists, shamanists).

Key words: Russian Empire, Siberia, Buddhism (Lamaism), Islam, Shamanism outskirts of the empire, religious politics.

Материал первой всеобщей переписи населения 1897 г. иллюстрируют (на основе статистических данных созданы карты расселения представителей разных религий), что основная масса иноверцев (не православных) жила на окраинах Российской империи. Это армяно-григориане (Кавказ), мусульмане (Центральная Азия, Кавказ), католики (Польша, Прибалтика), иудаисты (Польша, западные Украина и Белоруссия), буддисты (Сибирь, Калмыкия), язычники (шаманисты) – Сибирь. Это означает, что окраинный аспект религиозной политики очевиден.

Исследователи истории религиозного поля Российской империи по отдельным окраинам отмечали, что политика центра исходила из нескольких задач. Во-первых, вовлечение новых подданных в общегосударственное пространство не только «географически», но и «идейно-духовно» (политика «инкорпорации»). Во-вторых, сохранение стабильности («благочиния», «замирения», «тишины»). В-третьих, обеспечение границ (охраны) от активного религиозного влияния соседствовавших государств и, соответственно, конфессий. Основным направлением политики с самого начала формирования имперского поля была политика миссионерства (поддержание православной церкви в её деле крещения по православному обряду). Православное христианство получало защиту на уровне государственной уголовной политики (традиция была заложена в I-й главе Соборного уложения 1649 г.).

На каждой условно выделенной окраине существовали особенности в религиозной политике. В данной работе делается попытка последить общие закономерности на основании анализа нормативных актов в отношении мусульман, буддистов и «язычников» Сибири.

В первой четверти XVIII в. продолжался период активной христианизации в России (указы Петра I: 1.09.1720; 23.08.1721; 17.07. 1722). Часть исследователей видит причину этого явления в социокультурном смещении в европейскую сторону, что стало стимулом для политики христианизации и ассимиляции. Была выработана система мер поддержки новокрещенных и мер наказания отступников. Противоречивая, и вместе с тем логичная политика продолжалась и дальше: с одной стороны активная христианизация и ограничения для иноверцев, с другой стороны сдерживание особого рвения в деле крещения, для предупреждения активного сопротивления. Указом 05.04.1731 г. Анны Иоанновны трехлетние льготы для новокрещенных пролонгировались: подушные и вечные деньги «не брать» и «определенного с иноверцев провианта в них не спрашивать», а разверстывать эти подати на некрещенных инородцев. В этот период было принято несколько законов, ужесточивших получение разрешений на строительство мечетей. Именной указ Сенату 11.09.1740 г. требовал, чтобы для всех иноверцев, магометан и идолопоклонников, «також и никакого закона не имущих» (несколько тысяч домов) было правилом не жить в одной деревне с христианами и новокрещенными. Но при этом оценивать дома при фактически принудительном переселении «по справедливости». И тем, кто не пожелает креститься «принуждения к крещению отнюдь не чинить, и им за то ничем не угрожать».

На деле позже, при Елизавете Петровне, 19.11.1742 г. был принят сенатский указ «О недопущении в Казанской губернии строить мечети, и о разведывании губернаторам и воеводам об обращенных в Магометанский закон новокрещенных людях». По нему самовольно построенные мечети повелевалось снести, новые строить с согласия епархиальных архиереев и после утверждения Сената. Губернаторы имели Инструкции, по которым в (пункт 19) должно было обеспечить, чтобы городские

и провинциальные воеводы «разведывали» кто новообращен в мусульманство. Тем, кто по «добровольному увещанию креститься не пожелают, чинить штраф...». При этом центральной власти приходилось учитывать реакцию мусульманских стран, о чём свидетельствует, в частности, Сенатский указ «О нестроении мечетей...» (1744), поясняющий, все мечети ломать нельзя, так как это может нанести «ответный» вред православным в тех соседних странах, где церквям могло быть «утеснение». В 1746 г. был издан сенатский указ «о запрещении кизлярским и астраханским татарам вступать в родственные связи с заграничными народами магометанского вероисповедания». Татаро-башкирское восстание под руководством муллы Батырши (1755–1756) способствовало смягчению этноконфессиональной политики (был принят ряд законов 1756-1759 гг.), в которых указывалось, что иноверцев нельзя крестить насильно.

Корректировка религиозной политики на окраинах была проведена при Екатерине II. Манифестом от 22.07.1763 г. Екатерина указала, что прибывшие на окраины на поселение «имеют свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно». Отдельно было указано, что мусульман склонять к христианству «позволялось». То есть политика по отношению к разным конфессиям в начальный период ее правления различалась.

Императрица уничтожила Кантору Новокрещенских Дел (1764). В 1767 г. в Москве в рамках Уложенной комиссии было выделено совещание религиозных деятелей (мусульман), которые выразили свои пожелания. Императрица разрешила вновь строительство ограниченного числа мечетей (1767). 17.07.1773 г. был принят Указ Синода «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных и до построения по их закону молитвенных домов, предоставленных светским начальством». Указ очень характерен для понимания корректировки религиозной политики. На заседании Синода было заслушано сообщение из Сената о построенных близ благочестивых церквей в Казани мечетей. На что был дан «Высочайший отзыв». В нем указывалось, что нужно исходить из того, что как Всевышний бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и её Величество «из тех же правил сходствуя», желает, чтоб между подданными всегда любовь и согласие царствовало. Архиереям было указано, что в дела иноверных исповеданий и постройки молитвенных домов не вступать, а предоставлять все на рассмотрение светских команд, в силу Государственных законов. Местным властям надо было стараться, чтобы между подданными не было никакого разногласия, между ними «любовь, тишина и согласие» царствовали. Именной указ Екатерины II (22.09.1788) «Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведования всеми духовными чинами того закона в России пребывающим» (22 сентября, 1788 г.) положил начало подготовке «своих» мулл. По указу правительства с 1784 г. часть них направлялась в Казахстан с назначенным из казны жалованием для укрепления там российского влияния. В 1794 г. указом Екатерины II было создано магометанское духовное правление в Симферополе.

Исследователи политики в отношении мусульманства считают, что в целом, несмотря на эти «послабления» и централизацию управления этноконфессиями в имперский период были ликвидированы многие традиционные общественно-политические и религиозные институты, была уничтожена мусульманская городская цивилизация, а исламские традиции сохраняли лишь сельские обычаи. Внешнеполитический фактор окраинной религиозной политики в отношении исламского населения играл большую роль. До конца XIX в. территория Российской империи и население расширялись в основном за счёт поглощения восточных (преимущественно мусульманских) соседних стран, поэтому опыт XVIII в. стал основой государственной религиозной политики на этих окраинах. На окраинах жившие иноверцы (мусульмане) оказались в ситуации, как указал Р. Круз, когда в 11-ти больших войнах с конца XVII по начало XX в. исламская Турция вынуждена была часто бороться против свои единоверцев.

Распространение на окраинах империи буддизма в форме ламаизма среди бурят происходило из Монголии. Год основания Гусиноозерского дацана (1741) совпадает с годом официального признания правительством буддизма на прибайкальской окраине империи (статус документа неизвестен). И.Б. Батуева говорит о благосклонности царских властей, которые «поощряли миролюбивый толерантный буддизм в форме ламаизма на приграничных территориях». Елизавета Петровна (не точно) утвердила штат 150-ти лам, освободив их от податей. При этом приказывалось: «Всех наличных лам привести к присяге на верноподданство в России и взять с них обязательство, под угрозой смертной казни, не только не переходить границу..., ни под какими предложениями сношений заграничными людьми не иметь». Послом России в Китае было отдельным распоряжением запрещено пропускать из Монголии монгольских лам в бурятские поселения. Началась подготовка «верноподданных лам» на территории империи. При Екатерине 1764 г. был учреждён пост Хамбо-ламы – главы

буддистов Восточной Сибири. Манифестом императора Павла I (1797) и указом императора Александра I (1822) вновь было подтверждено разрешение свободного исповедания и распространения буддизма. Это происходило на фоне активной миссионерской деятельности православных священников. По указу императора на монгольский язык было переведено Евангелие, переводчики которого – крещенные буряты получили «золотые медали». За девяносто лет с 1741 по количество дацанов увеличилось почти в два раза, а число лам – с 150 до 4637. Власть стремилась сделать лам опорой в управлении окраинами. Показательна реакция МИД (К.В. Нессельроде) на инициативы генерал-губернатора А.С. Лавинского об ограничительных правилах для буддистской церкви. МВД отнеслось к такой политике с опаской, поскольку боялось «утекания» населения вслед и вместе с ламами «в китайские пределы». В 1853 г. царским правительством было принято «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири», которым определялось управление дацанами и фиксировалось их число (34), а также численность духовенства. Ламам выделялись из общинных земель бурят участки в размере 500 десятин на Хамбо-ламу, 200 десятин на шеретуя (настоятеля), 60 десятин на ламу, 30 десятин на банди, 15 десятин на хуvaraка (послушника). У крестьян бурят для таких «наделений» отобрали часть плодородных земель. МВД разрешило (1858) по ходатайству лам построить новое главное здание (цокчин-дуган) Гусиноозёрского дацана.

Политика в отношении шаманизма (с вариантами: тотемизм, анимизм и др.) базировалась на основе проведенных учеными исследований, проводимых в исследовательских экспедициях по Сибири в XVIII – начале XIX вв. Разновидности языческого рода культов в законах обозначались как живущие «по своей вере». М. Хаккарайнен считает необходимым рассматривать политику в отношении сибирских народов, верования которых можно обозначить как шаманизм, как политику по отношению к «низовым» религиозным представлениям и практикам подданных.

Политика в отношении «язычников» отразилась в уголовном праве. Наказания за «колдовство», за «порчу» (шаманские практики лечения) рассматривались по общим указаниям Уложения 1649 г. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (1845) указывалось на разницу между колдунами и знахарями (обман) и колдунами из сибирских и других со «своей верой». Если обряды поведятся только «для своих», по своим законам, то шаманы не должны подвергаться наказаниям. В конце истории империи на Алтае сформировалось в условиях относительно свободного развития вероисповеданий своё религиозное верование – бурханизм. Власти и православные священники приняли участие в разгроме 21.06.1904 г. молящихся в урочище реки Кырлык бурханистов. Сторонники движения были оправданы судом в 1906 г. Шаманизм в этих условиях отступал и просил защиты у властей.

В целом, политика в отношении «иных вер» (язычников) сопрягалась с задачами начального просвещения. Для народов Сибири предписывалось Синодом проводить беседы, открывать школы «для детей язычников по системе Н.И. Ильменского», строить монастыри.

В XIX в. огосударствление религиозной политики продолжалось. В 1810 г. было образовано Главное управление духовных дел иностранных исповеданий как особое учреждение. Через семь лет было создано Министерство духовных дел и народного просвещения, в котором создан департамент духовных дел. Три отделения регулировали христианские конфессии, 4-е отделение – дела еврейского, мусульманского и других исповеданий. Оно разделилось на три: министерство народного просвещения и два Главных управления духовных дел – православного исповедания Святейшего Синода и иностранных исповеданий. На основе последнего в 1832 г. был создан Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий в составе МВД. Ламаисты все это время существовали в системе и под контролем МВД.

Можно сделать вывод о том, что опыт воздействия на религиозное ментальное поле государственными чиновниками-политиками с одних окраин переносился на другие окраины. Это приводило к корреляции общей политики в целом, выработки общих принципов и подходов к проблемам этно-религиозного характера. Религиозные аспекты играли важную роль во внешней политике России, также как внешнеполитические сюжеты оказывали воздействие на государственно-конфессиональную ситуацию внутри страны.

Несмотря на то, что государственной (господствующей) религией оставалось православие, остальные признавались лишь терпимыми, религиозный фактор в политике способствовал достижению определённого этноконфессионального равновесия в империи. Эволюция происходила по пути заметной эволюции от репрессивно-ограничительных мер к политике «сдерживания» и терпимости.

Список литературы

1. Батуева И.Б. К истории развития ламаизма на восточных окраинах Российской империи в XVII – начале XX века // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. №1. С. 108-112.
2. Набиев Р.А., Гафаров А.А., Ибрагимов Р.Р. Государственно-конфессиональные отношения в России: уч. пособие. Казань: Казанский университет, 2013. Вып. 22. 204 с.
3. Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: НЛЮ, 2012. 210 с.
4. Круз Р. За порока и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: «НЛЮ», 2006. 408 с.
5. Павлов П.А. Духовные связи российских буддистов с Тибетом в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. СПб., 2007. 24 с.
6. Демешек Л.М. Православная церковь и окраинная политика империи (на материалах Сибири конца XIX – начала XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2022. Т. 42. С. 30-40.
7. Хаккарайнен М. Шаманизм как колониальный проект // Антропологический форум. №7. 2007. С. 156-190.
8. ПСЗ. Т. 11. № 8664.
9. ПСЗ. Т. 11. № 8236.
10. ПСЗ. Т. 12. № 8978.
11. ПСЗ. Т. 14. № 10597.

СЕКЦИЯ 7. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРИФЕРИЙНОЙ УРБАНИЗАЦИИ

УДК 94(571.5)

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ГОРОДОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Кискидосова Татьяна Александровна
канд. ист. наук, зав. сектором истории
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
г. Абакан, Россия
tak_73@mail.ru

В статье рассматривается внешний облик городов Енисейской губернии на материалах региональных газет во второй половине XIX в. На основе внешнего состояния приенисейских городов журналисты попытались определить дальнейшие перспективы городов.

Ключевые слова: Сибирь, Енисейская губерния, город, периодическая печать, газеты, внешний облик, Енисейская губерния, журналисты.

THE APPEARANCE OF THE TOWNS OF THE YENISEI GOVERNORATE IN THE REGIONAL PERIODICALS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Kiskidosova Tatiana Alexandrovna
Candidate of Historical Sciences, History department head
Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia
tak_73@mail.ru

The article examines the appearance of the cities of the Yenisei province on the materials of regional newspapers in the second half of the XIX century. Based on the external condition of the Yenisei cities, journalists tried to determine the future prospects of the cities.

Key words: Siberia, Yenisei Governorate, town, regional periodicals, newspapers, appearance, journalists.

В последние годы отечественные историки все чаще обращаются к материалам региональной прессы с целью реконструкции повседневной жизни горожан пореформенного периода [1, с. 277]. Несмотря на ряд трудностей работы с газетами, данный вид источника содержит ценную информацию о различных сторонах истории городов: архитектуре, городской среде, благоустройстве, быте горожан и др.

Облик приенисейских городов во второй половине XIX в. сохранял типичные черты, свойственные многим сибирским городам. Для них всех было характерно сходство во внешнем облике, планировке и характере зданий. В то же время любой город имел собственную историю и отличался географическим расположением, свойствами климата, размерами, инфраструктурой, концентрацией населения, спецификой занятий горожан. «Каждый сибирский городок, как бы он ни был ничтожен, – писал журналист «Восточного обозрения», – обладает собственной ему одному принадлежащей физиономией, и всегда оживлен» [2, 18 августа].

Губернский центр Красноярск расположился на возвышенном мысе, ограниченном с южной стороны р. Енисеем, с северо-западной стороны – р. Качей. При устье Качи на склоне крутого холма, в районе болотистой местности находилась Закачинская слобода [3, 30 апреля]. Со временем внешний облик Красноярска претерпел некоторые изменения. До пожара 1881 г. город активно застраивался. В центральной части появились двухэтажные особняки или дома с подвальными помещениями. Каждый жилой двор имел несколько построек: флигель, избы (зимовья) и т.д. Однако увеличение городской площади происходило не только из-за быстрого роста численности населения. Красноярск был прежде всего административным, а не коммерческим центром и представлял собой типичный чиновничий город. До проведения Транссибирской магистрали он находился в стороне от путей, связывавших Томск и Иркутск. Все товары и коммерческие сделки проходили мимо него. Однако красноярцы надеялись, что открытие железнодорожного и пароходного сообщения (по Обь-Енисейскому

каналу) дало бы импульс губернскому центру. С началом добычи золота недалеко от Красноярска, домовладельцы рассчитывали на подорожание цен на жилье. Коммерсанты скупали землю в черте города, надеясь в дальнейшем ее выгодно перепродать. Один богатый купец умудрился купить на Большой улице целый квартал городской земли со старыми домами. Он предполагал, что в этом районе дворовые места станут пользоваться большим спросом и можно будет с них получить хорошую прибыль [4, 24 февраля].

Несмотря на активную застройку города, через несколько лет после пожара 1881 г. один из путешественников заметил, что «Красноярск заметно вырос и стал значительно оживленнее Минусинска, но едва ли живее Енисейска». В то же время, он писал: «Енисейск сохраняет жизненность благодаря золотопромышленности, а в Красноярске заметно торговое оживление и будущее за городом» [5, 9 января]. О влиянии золотопромышленности на развитие приенисейских городов упомянул в своих заметках корреспондент газеты «Сибирь». Размышляя о дальнейших перспективах губернского центра, он писал: «Красноярск возмечтал сравниться с прежним Енисейском, но не удается, потому что нет столько золота как в енисейской тайге» [4, 24 февраля].

Иркутский журналист в путевых заметках вспоминал, что в Красноярске отсутствовали указатели улиц, и он пытался найти главную улицу города. Ему указали на Большую улицу, а отсутствие специальных дощечек с надписями улиц, как в других городах, местные жители объясняли ненужностью. Центральная Большая улица отличалась длиной и шириной, на ней располагались: общегубернское управление, почта, почтовая станция, гадаловские магазины, больница, богадельня и другие благотворительные заведения. На вопрос гостя, как определить улицу или переулок без указателя, красноярец подробно отвечал: «У нас и так всяк знает, потому ежели в этом переулке стоит церковь Покрова, так его и зовут все Покров, где больница – Больничный переулок, у реки Качи – улица Качинская. Гадаловских переулков два, так как на них дома и магазины Гадаловых, есть улица Узенькая, зовется так со стороны, потому что она очень узка была раньше... У нас, так попросту, без затей, а коли надписей нет – не важно: оглянись, и как увидишь церковь, или какой большой дом, по ним и называй улицу или переулок» [6, 29 июля].

Во второй половине XIX в., уже в статусе губернского центра, Красноярск значительно уступал уездному Енисейску по величю и красоте. Енисейск по-прежнему оставался центром енисейской золотопромышленности. Именно на это время приходится большая часть газетных публикаций, посвященных городу. Его внешний вид оставлял благоприятное впечатление на гостей, и он по праву считался одним из лучших городов Восточной Сибири. Путешественникам, приехавшим из больших городов, Енисейск виделся большой деревней. В 1880-е гг. в городе насчитывалось около 50 каменных домов, 8 церквей и 2 монастыря (мужской и женский). У современников визуально создавалось впечатление, что перед городом выступала дугой река. Со стороны Енисейско-Красноярского почтового тракта можно было увидеть панораму Енисейска: множество деревянных домов, над которыми возвышались колокольни церквей. Более красивый вид открывался со стороны Енисея: каменные дома, бульвары и деревянные укрепления набережной. Город был разделен на три части: Центральная (главная), Заречье и Гора. Центральная часть находилась на низменном берегу Енисея между другими частями и отделялась от них двумя мостами. Главная городская улица – Большая проходила через Заречье и Центр. Параллельно Большой расположились улицы: Зеленая, Успенская и Ручейная. В Центре находились здания администрации, полицейского управления, магазины, особняки предпринимателей. Заречье занимало небольшую часть городского пространства. Енисейцы считали Заречье самой грязной частью города. По левой стороне района расположились кузницы с поселком, по правой – предместье Каштак, возле него винокурный завод В. М. Харченко. Неприглядный внешний облик Заречья облагораживали деревянные жилые дома, женский монастырь с Рождественской церковью. Центральная часть соединялась с Горой крутым подъемом с Успенской улицы. В этой части города сохранились преимущественно старые дома, уцелевшие после пожара 1869 г. Крыши домов, покрытые мхом, суживались кверху, как было принято в старинной архитектуре. В части Горы располагались общественные бойни и небольшой поселок Вологдинской заимки. При въезде в город расположилось Самсониевское кладбище. В южной части Горы разместились: дома, казармы, больница и тюрьма. Протяженность города от самого отдаленного пункта Заречья до последних домов района Горы составляла более двух верст. За городом начиналась тайга, поражающая воображение путешественников. Публицист А. А. Уманьский, впечатленный ее масштабами, поделился с читателями собственным ощущением: «Выйдешь иногда на берег Енисея и жутко станет при мысли, что вот за этой гранью, начинается безлюдная тайга, которая тянется на тысячи верст» [7, 31 мая].

Енисейск можно было по праву назвать «городом контрастов». Благородный и ухоженный вид имела только центральная часть города, где располагались административные здания и особняки

обеспеченных слоев населения. Приютом бедности и нищеты называли Каштачную слободу. Улицы и дома болотной стороны города во время весеннего половодья постоянно затоплялись. В этой стороне проживали в основном беднейшие слои населения. Городские власти не желали тратить средства на устройство водостоков [8, 25 мая].

Ачинск – небольшой уездный городок, расположенный на правом возвышенном берегу р. Чулым. Он играл роль транзитного узла, через него проходили пути к крупным золотопромышленным центрам. Однако удобное местоположение не привело к росту и изменению внешнего облика города. Типичный уездный городок, которому не удалось стать торговым центром, он представлял собой что-то среднее между городом и деревней. Один из очевидцев заметил, что «город не приукрасился, не разбогател, а 2/3 лавок местных коммерсантов ничего не значат, если принять во внимание, что они торгуют в дом» [4, 24 февраля].

По мнению современников, город находился в красивом месте. Живописную картину городского района за рекой представляли «обширные луга, окаймленные вдаль синееющими горами». В окрестностях и на улицах имелись березовые рощи и сибирские фруктовые деревья – боярки. Много лет назад город окружал хвойный лес, но со временем деревья вырубали. В Ачинске, разделенном на три основные части, лучшей частью считался центральный район между реками Тептятка и Ачинка (Городская часть). Здесь проживали купцы, зажиточные мещане и чиновники. В Городской части находились каменные здания и торговая площадь с небольшим собором и каменным гостиным двором. Красивые здания в городе построили в 1870-е гг. Все присутственные учреждения, городское училище, женская гимназия, торговые магазины, лавки сконцентрировались в этой части города и при выезде по Иркутскому тракту. В этом районе местность выглядела неровной, даже на площади не ускользал от обозрения косогор. При выезде по Иркутскому тракту в одной стороне города разместились казармы, пересыльная и острог. В другой стороне располагалось место вечного успокоения с тенистой рощей. Кладбище находилось на расстоянии от городской части до Тептятки [9, 3 июля].

Минусинск по внешнему облику также представлял собой нечто среднее между городом и деревней. В нем «царило обыкновенное захолустное затишье, без особо уместных запросов». Река Минусинка разделила город на две части. В 1894 г. в заметках некоего автора, подписавшегося инициалами Н.С., отмечалось: «Минусинск значительно вырос за последние 25 лет, но не заметно особенно оживления – та же пустота и какая-то мертвенность, точно люди живут здесь нехотя» [10, 9 января]. Городу требовалось проведение работ по строительству и благоустройству. Однако ограниченный городской бюджет и бедность обывателей не позволяли улучшить состояние внешнего облика Минусинска [11, 2 февраля]. К достопримечательностям города относились два собора, музей, библиотека, женская прогимназия, кладбищенская церковь, Соборная площадь, бульвар и сад. Городской бульвар располагался на Набережной улице и представлял собой ряды посаженных тополей, а между ними узкие дорожки. Это было традиционное место прогулки минусинцев в вечернее время. За городом находился сад, представлявший собой сосновый бор в котором редко можно было встретить посетителей [12, 12 марта].

Не отличался по внешнему облику от Минусинска и Канск, в котором также от всего уклада «вевало простотой и патриархальностью». Город был основан по берегам рек Кана и Таройки. Канск славился изобилием постоянных дворов и харчевен, расположенных «по нескольку на каждой улице». Путешественнику, захавшему на постоянный двор, приходилось заплатить 1 руб. в сутки (за комнату и стол, состоявший из двух деревенских блюд). В праздничные дни с утра до ночи до ушей канцев доносились шум кутящей компании и звон бубенцов. Временные обитатели Канска отзывались о нем, как о «грязном и пьяном городе: с утра до вечера видишь пьяных и слышишь говор о кулаке» [13, 16 августа]. В 1890 г. в городе имелись 1 церковь, 2 училища (мужское и женское) и всего 3 каменных здания: 2 купеческих и 1 казначейство [14, 2 декабря]. На гостей Канск производил «не очень приятное впечатление». По внешнему виду он скорее походил на большое село, чем на благоустроенный центр Канского округа. В Канске в отличие от других приенисейских городов на домах отсутствовали таблички с указанием «кому дом принадлежит и с чем домохозяин должен явиться на пожар» [15, 8 декабря].

Среди всех городов Енисейской губернии самый непрезентабельный вид имел Туруханск. До 1822 г. он числился штатным окружным городом, где располагались городские окружные учреждения и гостиный двор, там устраивались ярмарки. После того, как Туруханск стал заштатным городком, управление Туруханским краем заметно упростили. Соответственно уменьшилось количество служащих, сократилась торговля и в 1860-е гг. встал вопрос о переносе города. Однако нерешенность дальнейшей судьбы Туруханска затянулась на долгие годы, а сам он постепенно угасал [16, 4 августа].

Город был удален от других населенных пунктов и находился в 20 верстах от главной водной артерии в губернии – Енисея. Из-за северного месторасположения и болотистой почвы там сложились самые неблагоприятные климатические условия, которые негативно сказывались на здоровье людей и создавали массу неудобств [17, 9 августа]. Невольно возникает вопрос: что же побудило людей поселиться в таком глухом, сыром и труднодоступном месте? К многочисленным неудобствам добавлялось плохое водоснабжение города. Местные жители брали воду из озера с отталкивающим названием «Вшивое». Другое озеро – «Могильное» располагалось около кладбища. Внешне Туруханск ничем не отличался от маленькой деревни, в которой была всего одна кривая улица и ни одного переулка. Постройки жителей не имели упорядоченного состояния, дома расположились «то пучками, то в одиночку». Всего в городе насчитывалось 28 домов, 2 церкви (каменная и деревянная), церковно-приходская школа с интернатом для детей «кинородцев», метеорологическая станция и острог. При въезде в Туруханск взору путешественников был представлен пороховой склад. Гостей городка поражали изобилие ям и насыпей, неубранный мусор и разбросанные остатки бревен бывших строений. По узким мостикам, сделанным из полусгнившего леса, была предоставлена возможность пройти только одному человеку. Здание церковно-приходской школы требовало проведения основательного ремонта. Деревянная церковь по причине своего полуразрушенного состояния закрылась для прихожан на неопределенный срок. Постепенно город пустел и разрушался [18, 30 октября]. К концу XIX в. Туруханск имел жалкий запущенный вид и оставлял удручающее впечатление у посетителей [16, 4 августа].

Таким образом, в материалах региональной периодической печати можно найти разнообразную информацию о внешнем облике приенисейских городов. Публицисты достаточно подробно описывали городское пространство. Кроме подробного описания того или иного населенного пункта, авторы затрагивали дальнейшие перспективы развития города. Во внимание были взяты: географическое местоположение, численность жителей, экономический потенциал и другие факторы. Наиболее перспективным городом для современников виделся Красноярск, он интенсивно застраивался и обретал черты, свойственные губернскому центру. Значительное место в периодике отводилось Енисейску, который по внешнему облику существенно отличался от других уездных городов, схожих по многим признакам с деревней. Журналисты не оставили никаких шансов для дальнейшего развития Туруханску, отмечая его невыгодное местоположение, малолюдность, заброшенность и бесперспективность.

Список литературы

1. Максимова И.В. Региональная пресса как источник по истории повседневности дореволюционного русского города (к постановке проблемы) // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б. Г. Могильницкого). Томск, 2019. С. 277-282.
2. Восточное обозрение. 1883.
3. Восточное обозрение. 1889.
4. Сибирь. 1880.
5. Енисейский листок. 1894.
6. Восточное обозрение. 1890.
7. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1887.
8. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1886.
9. Восточное обозрение. 1888.
10. Енисейский листок. 1894.
11. Енисейские губернские ведомости. 1880.
12. Восточное обозрение. 1899.
13. Сибирь. 1890.
14. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. 1890.
15. Енисей. 1896.
16. Енисей. 1899.
17. Енисейские губернские ведомости. 1869.
18. Енисейские губернские ведомости. 1893.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ГОРОДА
ДИВНОГОРСКА (1960-е гг.)

Ахтамов Евгений Александрович
канд.ист. наук, доцент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
akhtamov@gmail.com

Гергилев Денис Николаевич
д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник
Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения
Российской академии наук», Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
turilak@yandex.ru

В статье на примере газеты «Огни Енисея» рассматривается роль периодической печати как источника по изучению истории города Дивногорска. Центральными темами выпусков было строительство гидроэлектростанции и развитие города Дивногорска. Также значительное внимание на страницах газеты уделялось рядовым работникам предприятий, развитию социальной сферы.

Ключевые слова: периодическая печать, Красноярская ГЭС, стройка, Дивногорск, Красноярск, рабочий коллектив.

PERIODICAL PRESS AS A SOURCE FOR STUDYING THE HISTORY OF THE CITY OF
DIVNOGORSK (1960-s)

Akhtamov Evgeniy Alexandrovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
akhtamov@gmail.com

Gergilev Denis Nikolaevich
Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher
Federal Research Center «Krasnoyarsk Science Center» of the Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
turilak@yandex.ru

Using the example of the newspaper “Yenisei Lights,” the article examines the role of periodicals as a source for studying the history of the city of Divnogorsk. The central theme of the issues was the construction of a hydroelectric power station, as well as the development of the city of Divnogorsk. At the pages of the newspaper significant attention was paid to ordinary employees of enterprises and the development of the social sphere.

Key words: periodicals, hydroelectric power station, construction, Divnogorsk, Krasnoyarsk, work team.

История города Дивногорска нашла всестороннее освещение на страницах периодической печати. Такое внимание к молодому городу было обусловлено, прежде всего, строительством крупнейшей гидроэлектростанции. Первый номер газеты «Огни Енисея» был опубликован 2 сентября 1959 года, спустя четыре года после начала строительства Красноярской ГЭС.

Закономерно, что на страницах газеты в первую очередь нашли отражения события, связанные со стройкой. На первых страницах, как правило, публиковались статьи о результатах выполненных работ: «Славное пятилетие» [1, с. 1], «Покорителям Енисея» [2, с. 1]; о планируемых работах – «Впереди – огромные дела» [3, с. 2]. При этом отмечалась ведущая роль коммунистической партии в индустриальном развитии Красноярского края, подчеркивалось значение самоотверженного труда тысяч людей, приехавших на строительство гидроэлектростанции. Публиковались статьи и заметки о работниках, отличившихся на производстве. В качестве примера можно привести заметку «Лучшие

ремонтники» [4, с. 1], в которой отмечалось, что коллектив «Ремстройучастка» выполнил годовой план к 1 декабря 1962 г. Автор отмечает роль плотников бригады М. Николаева, борющейся за звание коллектива коммунистического труда, бригаду маляров Т. Пранничук и Н. Теренник. Девушки из бригады Т. Пранничук первыми уже в конце ноября выполнили годовой план, хорошие показатели в 1962 г. были достигнуты бригадой плотников А. Шергина [4, с. 1]. В заметке «Передовики торговли» [5, с. 1] была отмечена роль работников торговли в развитии розничного товарооборота. Все показатели в 1962 г. выполнили директора магазинов: Латыш, Сысоева, Кириллова, Шароглазова, Черноусова, Баловнева, Дронова, Семокова, Микова.

Стоит отметить, что статьи газеты «Огни Енисея» позволяют воссоздать объективную картину событий. В статье «Не по тому пути...» [6, с. 3] автор предпринимает честную попытку раскрыть причины конфликта между работником С.И. Антипиным и главным инженером Ганусовым, главным механиком Захаровым и бригадой Харлова. Дело рассматривалось на заседании партийного бюро ремонтно-механического завода. В статье анализируются причины возникшей ситуации: С.И. Антипин обвинил коллег в грубом нарушении производственной дисциплины, далее они решили выяснить отношения минуя партийную организацию. Позднее, на партийном комитете были подняты вопросы о том, что руководство завода покрывает случаи нарушения трудовой дисциплины некоторыми работниками.

Представляет интерес то, что в газете публиковалось большое количество статей, авторы которых работали на строительстве гидроэлектростанции. Это позволяет по-новому взглянуть на ход строительства. «Будни нашей бригады» [7, с. 3] – одна из таких статей. Она представляет из себя почасовые записи событий с 21 по 26 декабря 1962 г. в котловане гидроэлектростанции [8, с. 3]. От первого лица автор Л. Еременко рассказывает о проблемах, которые приходилось решать на стройке. Статья позволяет сделать вывод о том, что на строительстве котлована одной из главных проблем была нехватка строительных материалов – арматуры нужного диаметра и строительной техники – машин и кранов. В статье «Можно ли так работать дальше?» автор И. Пойда подтверждает уже сказанное о проблемах строительства: отставание было связано с недостатком строительных материалов, в том числе цемента. Также на темпах строительства негативно сказались несвоевременный пуск цементного завода, аварийные простои, метеорологические условия. Помимо этого, в качестве причины отставания строителей, И. Пойда выделяет беспорядок, нераспорядительность отдельных руководителей, как малых, так и больших, нечестное отношение некоторых рабочих к выполняемой работе» [9, с. 2]. Автор отмечает, что поскольку он работает крановщиком, то для него является очевидной захламленность участков: «Крановщику ежедневно приходится затрачивать очень много времени на ненужные перекладки различных материалов с одного места на другое. И это происходит в то время, когда люди где-то ждут кран и не работают <...> Частое отсутствие машин на перевозке скалы и мусора приводит к тому, что бригады сваливают все там, где завтра им придется работать. И через несколько дней вручную грузят скалу и мусор, вместо того чтобы вынуть сотни кубометров новой породы и двигаться вперед» [9, с. 2]. Также в качестве факторов, препятствующих выполнению плана, автор отмечает недостаточный инструктаж новых работников, а также запрет на пересечение стрелами кранов границ участков других кранов: «Зачастую говорят о нехватке кранов. Да, было время, приблизительно до июля – августа (1962 г.), когда кранов действительно не хватало. Но позже и в настоящее время недостаток кранов зависит от того, как они расставлены и эксплуатируются» [9, с. 2]. Стоит отметить, что подобная критика была направлена на повышение эффективности производства. Газета была площадкой для обсуждения существовавших проблем.

Роль автомобильного транспорта на строительстве гидроэлектростанции отражена в статьях «Нужны ли УМТС лесовозы?» [10, с. 3], «Плотина становится на конвейер» [11, с. 3] – о водителях бетоновозов, работавших на строительстве гидроэлектростанции, «МАЗы вышли на линии» [12, с. 2] – о значении большегрузных машин на строительстве, «Еще о дороге в Индивидуальный» [13, с. 3] – о необходимости развития транспортной инфраструктуры.

Большое внимание на страницах газеты уделялось отношениям в трудовых коллективах: «Всегда вместе» [14, с. 1] – статья о двух товарищах, вместе работающих на грузовых машинах: КраЗах и МАЗах; «Держись, Валерий» [15, с. 2] – поздравление с Новым годом в адрес В. Артюха и его бригады и членов их семей от Ф. Вологодина и его бригады. Поздравление содержит призыв не сбавлять темпов работы. Интрига здесь заключается в том, что обе бригады работали в котловане Красноярской гидроэлектростанции, и бригада Ф. Вологодина находилась в социалистическом соревновании с коллективом бригады В. Артюха. «Неуёмная старость» [16, с. 3] – статья о В. К. Кислякове, который, будучи уже пенсионером, активно участвовал в общественной жизни. Такие статьи позво-

ляли не только узнать о том, что происходило в разных коллективах на разных участках работ, но и были призваны служить примером того, как следует дружить и как следует относиться к работе.

Интерес представляют статьи, посвященные отдельным работникам. «Сашка, конструктор...» [17, с. 3] – повествует о молодом человеке (в тексте – «Сашка»), работавшем на строительстве гидроэлектростанции в Дивногорске. В свободное время Александр Дудко создавал летательные аппараты, также разрабатывал приспособления для помощи автомеханикам и шоферам. Статья «Наш брат, шофер!» [18, с. 4] посвящена А.З. Мельникову, который начал работать шофером на строительстве гидроэлектростанции, затем работал техническим руководителем автобазы.

Также на страницах газеты регулярно освещались самые разнообразные события из жизни молодого города. Так, в статье «Еще два дома» [19, с. 1] освещается ход строительства Дивногорска, а также некоторых домов в Овсянке. Автор выделяет руководителей плотников, бригады которых справляются с работой наиболее успешно: К. Мамонтова, А. Хайдарова, А. Чайковского, К. Шугалея. Постоянными были рубрики, касающиеся деятельности городской администрации и комсомольской организации, выборов в Дивногорский городской Совет депутатов трудящихся [20, с. 2]. Жители Дивногорска обращались в газету чтобы привлечь внимание к своим проблемам. Например, в статье «Так и живем», жильцы общежития № 10 жаловались на неработающий буфет, нерегулярную доставку корреспонденции, неработающее радио [21, с. 4].

Культурная жизнь города также освещалась в газете. В статье «Интерес к книге» [22, с. 2] автор поднимает проблемы библиотеки имени А. И. Герцена: малое помещение, отсутствие читального зала. Вследствие ограниченного пространства, периодические издания были переданы передвижным библиотекам, а детская литература – школьным библиотекам. Автор писал что в Дивногорске насчитывалось семь передвижных библиотек. Заметка «Как готовиться к экзаменам» [23, с. 4] содержала советы по организации учебного дня, как школьникам, так и учителям. Заметка «Вторая городская...» рассказывала об открытии в городском клубе выставки дивногорских художников на которой были представлены пейзажи и портреты выполненные карандашом, маслом, акварелью, гуашью. Автор особо отметил работы Е. Шепелевича, Власова, Степанова, Шаповалова, Журавлевой, Хренова [24, с. 4].

Таким образом, периодическая печать, в частности, газета «Огни Енисея», благодаря широкому охвату тем и наличию постоянных рубрик является важным историческим источником, позволяющим воссоздать в подробностях различные аспекты жизни и работы строителей гидроэлектростанции, развития города Дивногорска.

Список литературы

1. Пупков, Г. Славное пятилетие // Огни Енисея. № 1 (475). 1 января 1963 года. С. 1.
2. Фролов, В. Покорителям Енисея // Огни Енисея. № 1 (475). 1 января 1963 года. С. 1.
3. Непорожний, П. Впереди – огромные дела // Огни Енисея. № 1 (475). 1 января 1963 года. С. 2.
4. Полушкин, Г. Лучшие ремонтники // Огни Енисея. № 3 (477). 5 января 1963 года. С. 1.
5. Полушкин, Г. Передовики торговли // Огни Енисея. № 3 (477). 5 января 1963 года. С. 1.
6. Бобриков, А. Не по тому пути // Огни Енисея. № 2 (476). 3 января 1963 года. С. 3-4.
7. Еременко, Л. Будни нашей бригады // Огни Енисея. № 7 (481). 15 января 1963 года. С. 3.
8. Еременко, Л. Будни нашей бригады // Огни Енисея. № 8 (482). 17 января 1963 года. С. 2-3.
9. Пойда, Ив. Можно ли так работать дальше? // Огни Енисея. № 6 (480). 12 января 1963 года. С. 2.
10. Дубов, В. Нужны ли УМТС лесовозы? // Огни Енисея. № 56 (510). 11 мая 1963 года. С. 3.
11. Равкин, А. Плотины становятся на конвейер // Огни Енисея. № 63 (517). 28 мая 1963 года. С. 3-4.
12. Волков, В. МАЗы вышли на линию // Огни Енисея. № 6 (480). 12 января 1963 года. С. 2.
13. Кисляков, В. Еще о дороге в Индивидуальный // Огни Енисея. № 58 (512). 16 мая 1963 года. С. 3.
14. Фролов, В. Всегда вместе // Огни Енисея. № 1 (475). 1 января 1963 года. С. 1.
15. Вологдин, Ф. Держись, Валерий // Огни Енисея. № 1 (475). 1 января 1963 года. С. 2.
16. Михайлов, Б. Неужемная старость // Огни Енисея. № 6 (480). 12 января 1963 года. С. 3.
17. Медведь, А., Баранов Н. Сашка, конструктор... // Огни Енисея. № 6 (480). 12 января 1963 года. С. 3.
18. Дубов, В. Наш брат, шофер! // Огни Енисея. № 16 (470). 5 февраля 1963 года. С. 4.

19. Еще два дома // Огни Енисея. № 10 (484). 22 января 1963 года. С. 1.
20. Об утверждении Дивногорской избирательной комиссии по выборам в Дивногорский городской Совет депутатов трудящихся // Огни Енисея. № 10 (484). 22 января 1963 года. С. 2.
21. Мощенко, М., Дроков С., Лябов М., Королев В. Так мы и живем // Огни Енисея. № 13 (487). 29 января 1963 года. С. 4.
22. Борисов, М. Интерес к книге // Огни Енисея. № 10 (484). 22 января 1963 года. С. 2.
23. Коврова, Р. Как готовиться к экзаменам // Огни Енисея. № 56 (510). 11 мая 1963 года. С. 4.
24. Ключников, С. Вторая городская... // Огни Енисея. № 58 (512). 16 мая 1963 года. С. 4.

УДК 1:72.025

РУИНЫ: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Быльева Дарья Сергеевна
канд. полит. наук, доцент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия
Bylieva_DS@spbstu.ru

Руины и разрушенные строения несут множество смыслов, символизируя и отсылая к прошлому и констатируя власть времени. Разрушенные архитектурные объекты могут по-разному вписываться в современную социальную и цифровую среду. И их уничтожение, и восстановление стремятся к преодолению давления времени, а реновации, цифровое восстановление и сохранение в качестве руин представляет собой смешение прошлого и настоящего.

Ключевые слова: руины, разрушение, заброшенное, архитектура, время, город, деревня, пространство

RUINS: FROM THE PAST TO THE FUTURE

Bylieva Daria Sergeevna
Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia *Bylieva_DS@spbstu.ru*

Ruins and destroyed buildings carry many meanings, symbolizing and referring to the past and stating the power of time. Destroyed architectural objects can fit differently into the modern social and digital environment. Both their destruction and restoration seek to overcome the pressure of time, and renovation, digital restoration and preservation as ruins represent a mixture of past and present.

Keywords: ruins, destruction, abandoned, architecture, time, city, village, space

Материальные объекты в отличие от мысленных конструкций имеют тенденцию к разрушению. Многие материальные объекты после непродолжительного использования становятся мусором, то есть утрачивают смыслы и уничтожаются, но архитектурные объекты, разрушаясь и теряя функциональность, нуждаются в специальных решениях относительно их дальнейшей судьбы. Руины и разрушенные строения играют интересную роль в семиотическом плане, продолжая поддерживать идею того сооружения, которым они были в прошлом, однако, не выполняя его функций. И в тоже время демонстрируя собой «время», бренность бытия, или конкретные события, приведшие к разрушениям. В контексте понимания архитектуры как текста [1], руина выступает как символ, наделенный ценностно-смысловым содержанием [2].

При отсутствии усилий по сохранению и капиталовложений, здания ветшают, зарастают, разваливаются, однако остаются привлекательными объектами для людей, специально ищущих «заброшки», будь то заводы, жилые дома или церкви. Даже в опасном для посещения состоянии подобные руины вызывают интерес, служат предметом репортажей и фотосессий. Ускользящее прошлое вызывает эмоции и интерес исследователей, желающих запечатлеть, сохранить хотя бы в виде визуального облика, цифровой памяти о бывшем и исчезающем. Это в свою очередь позволяет узнать о существовании разрушающихся объектов большему числу людей.

При этом судьба разрушенных зданий, вызывающих интерес и не подлежащих уничтожению, создает потенциал возможностей. Как писал С. Мюррей, руина является аффордансом – предложением и возможностью, обращенной в будущее (а не только в прошлое) [3]. И это движение может идти несколькими путями:

1) Восстановление (большая или меньшая утрата подлинности, восстановление целостности, сохранение в настоящем в той же функции или как исторического памятника).

Восстановление объекта означает продолжение, желание сохранить бывшее в настоящем в его полноте, победить время. Однако изменения, происходящие во времени, касаются не только самих объектов, но и меняющихся социальных условий и отношений, поэтому не так часто возможно восстановление с сохранением функций. Это может быть либо восстановление разрушенного недавно как доказательство силы и возможности преодоления катаклизма, либо возвращение к истокам. Хорошим примером такого восстановления-возвращения являются церкви. Например, иереем Иоанном Малининым с прихожанами была восстановлена церковь Илии Пророка в деревне Черное (Ленинградская область) (рис. 1).

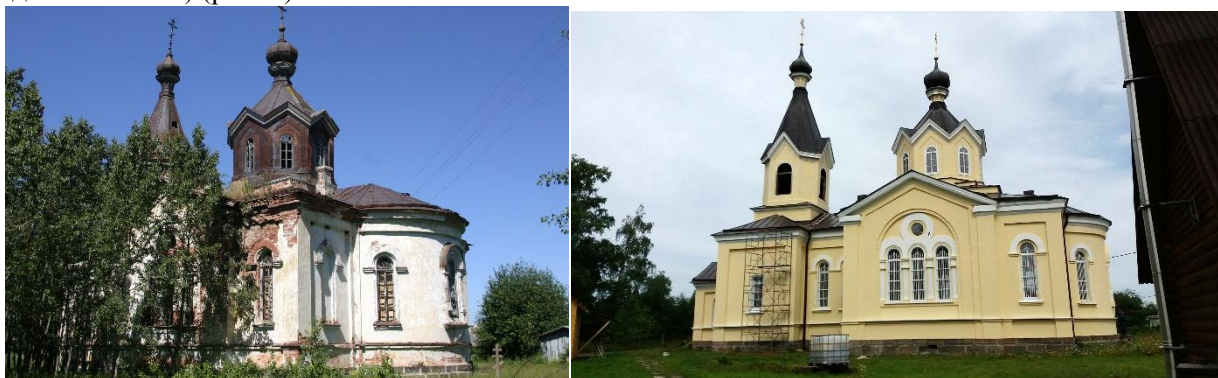

Рис. 1. Восстановление церкви Илии пророка в деревне Черное (Ленинградская обл.), 2005 – 2017 гг.

Помимо официальных программ реставрации, связанных с историческими памятниками, восстановление зданий может быть инициативой частных лиц и организаций. В России предприниматели выкупают объекты исторической недвижимости для реставрации (например, Андрей Павличенков - Терем Асташово (Чухломской район Костромской области) рис. 2, Александр Широков – Усадьба Студеные Ключи (Заволжский район Ивановской области), Галина Степанова – Усадьба Марьино (Госненский район Ленинградской области), Дмитрий Кодолов – Усадьба Луговен (пос. Чайковское Правдинского района Калининградская обл.) и др.). Однако в большинстве случаев предприниматели не предполагают жить в этих домах, а подразумевают какое-то использование – в виде музея, иного культурного пространства или гостиницы.

Рис. 2. Восстановление Дачи купца Маркова, дер. Асташово, Костромская область (2010-2018)

usadt

et-starinnye-

Есть ряд примеров, когда люди из глубинки стремятся отреставрировать здания, чтоб сделать деревню туристически привлекательной. Например, учительница Алена Петухова в селе Заозерье (Угличский район) восстановила два купеческих дома, один из которых стал Музеем купеческой предприимчивости «Заозерские маяки», а второй отелем «Дом со жуками»¹. В Испании и Португалии есть гостиничные сети, превращающие усадьбы в отели. В тоже время коммерческая эффективность подобных проектов во многом зависит от самого объекта и сопутствующих факторов (таких как привлекательность района, развитость инфраструктуры и т.п.). Действующий с 2012 г. проект «аренда за рубль», подразумевавший льготные условия аренды домов-памятников, находящихся в неудовлетворительном состоянии, на 49 лет при условии реставрации не принес особенно значимых результатов. Даже в Петербурге в период с 2017 по 2022 год было взято в аренду всего 6 объектов (библиотеки лесопильного производства Колобовых, «Оранжерея» (Петергоф), дачи Змигродского и Кочкина (Сестрорецк), Александровские ворота Охтинских пороховых заводов, особняк-контора и здание напротив Крестовского острова, Конюшенное ведомство).

2) Реконструкция, реновация или восстановление в новом значении (изменение, нарушение целостности, разделение памяти о прошлом, и настоящего функционирования).

Современным трендом является «перезапуск» старых разрушающихся зданий. Изменение смыслов, присущих изначально объектам при сохранении их визуальных образов пространства создает необычную атмосферу. Можно сказать, что такое пространство означает «нарушение правил», игру со смыслами. Во многих случаях реновация не прячет, а сохраняет и выпячивает непривлекательные детали, например, технические элементы, утратившие свои функции, но выполняющие задачу передачи информации зрителю. Так как реставрация требует значительных средств и сложных согласований с государственными органами (особенно в случае с охраняемыми памятниками), то существуют разнообразные программы, направленные на получение прибыли от объекта, которая могла бы компенсировать затраты. Интересным примером реновации целого пространства в место досуга горожан является проект «Новая Голландия: культурная урбанизация», начатый в 2010 году на одноименном острове в Санкт-Петербурге, где располагались здания Адмиралтейства. Заброшенные промышленные предприятия Петербурга стали превращаться в культурно-деловые и творческие пространства. Первым из них был Смольницкий хлебозавод, где торгово-выставочный комплекс «Лофт-проект Этажи» сохранил специфику цеховых помещений: окантованные металлом бетонные колонны, оборудование для выпечки хлеба, стоки для муки, котельные трубы, чугунный пол.

Для исторических охраняемых зданий ограничения при реновации заключаются в запрете на перепланировки. Большие холлы и лестницы ограничивают фантазию потенциальных владельцев музеями, лекториями, небольшими театрами, выставочными пространствами. В 2020 г. в Петербурге на территории особняка Гурьевых – Нарышкиных и его двора появилось «Третье пространство» (рис. 3), охраняемая часть особняка предназначена для галереи современного и цифрового искусства, не охраняемая для гостиницы, а двор служит летним фудкортом. Название отсылает к концепции «Рея Ольденбурга», где под «третьем пространством» подразумеваются места отличные от мест сна и работы, выполняющие развлекательную и рекреационную функцию, где люди могут встречаться и творчески взаимодействовать.

3) Сохранение руин (сохранение подлинности, утрата функциональности, становление знаком, ценность репрезентации бывшего).

Сохранение руин отличается от восстановления объекта, здесь сохраняется и культивируются сама память о прошлом. Подобное отношение к разрушенному можно видеть начиная с Греции времен Римской империи, где обращение к великому прошлому, отделенному от настоящего, положило начало любви к руинам. Для поддержания руин подчас требуется не меньше искусства и средств, чем для восстановления памятника, однако во многих случаях руины более привлекательны. Античные руины обладают особенным ореолом, памятью ушедшего прошлого, привлекающей туристов, поэтому, например, итальянцам приходится выстраивать пространство для жизни среди видимого разрушения. Новое как бы прорастает среди старого, становясь новой художественной формой контраста.

¹ «Мне хочется поделиться этой красотой»: как учительница восстанавливает село в Ярославской области. 10.11.2021. URL: <https://pedsovet.org/article/mne-hocetsa-podelitsa-etoj-krasotoj-kak-ucitelnica-vosstanavlivaet-selo-v-aroslavskoj-oblasti?ysclid=log781gw3s363786154>

Рис. 3. Пока согласуются документы на реставрацию особняка Гурьевых – Нарышкиных во дворе работает «Третье пространство»

Хотя многие авторы отмечают, что в России никогда не было и не может быть «культы руин» [4,5], тем не менее тенденция не бояться разрушить величие старого, добавив современное, и игра с «симулированной древностью» проявляет себя как в архитектурной, так и в иной арт-среде.

4) Цифровое восстановление, в котором осуществляется попытка совмещения подлинности руин с цифровой или виртуальной достройкой видимости целостного объекта.

Разрушение задний неизбежно, однако отношение к руинам может быть различно. Они и даже их изображения служат напоминанием о прошедшем и о эфемерности бытия. Естественным движением от прошлого к будущему становится постепенное разрушение, однако окружающее жизненное пространство и воля людей подчас препятствуют естественному ходу вещей. Желание восстановить «как было» или уничтожить и построить новое по-разному, но сопротивляются бегу времени. Руины, разрушенные архитектурные объекты имеют много смыслов, их значение в пространстве и во времени может быть важнее практической пользы. Современные подходы к сохранению и реновации руин подразумевают комбинацию пользы и смыслов. Старое и новое могут смешиваться в разных сочетаниях.

Список литературы

1. Фёдоров, В.В. Архитектурная среда как текст // *Пространство и Время*. 2015. № 10(1). С. 39.
2. Федоров, В.В., Скибина Е.В. Феномен архитектурных руин // *Вестник МГСУ*. 2013. № 8. С. 7–13.
3. Murray, S.D. *Performing ruins*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. 316 p.
4. Тимофеева, С.О. Архитектурные руины как объект туризма // *Туризм: технологии & тренды*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. Р. 229–235.
5. Kurtov, M. Russia and Europe: The Culture of Breakages and the Culture of Repairs // *Technology and Language*. 2023. № 4(2). Р. 116–127. <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.02.11>

БЕРЕЗОВ И СУРГУТ КАК НЕИДЕАЛЬНЫЕ ГОРОДА ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА
В XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Ершов Михаил Фёдорович
канд. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Россия
mfershov@mail.ru

В публикации осуществлён анализ пространственных аспектов менталитета жителей Березова и Сургута в XIX – начале XX вв. Их восприятие обуславливалось мифическими представлениями и отчуждением от окружения, понимаемого как враждебное. Новые экономические и культурные реалии вели к деградации прежних городских функций и росту негатива. Города, в массовом сознании, превратились в неполноценные.

Ключевые слова: Березов, город, менталитет, Сургут, миф, фронтир.

BEREZOV AND SURGUT AS NON-IDEAL TOWNS OF THE
TOBOLSK NORTH IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Ershov Mikhail Fedorovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher
Ob-ugric institute of applied researches and development, Khanty-Mansiysk, Russia
mfershov@mail.ru

The publication analyzes the spatial aspects of the mentality of the residents of Berezov and Surgut towns in the XIX – early XX centuries. Their perception was determined by mythical ideas and alienation from the environment, understood as hostile. New economic and cultural realities lead to the degradation of previous functions of towns and the growth of negativity. Cities have become inferior in mass consciousness.

Key words: Berezov, town, mentality, Surgut, myth, frontier.

В большинстве случаев, население городов, расположенных на периферии, а тем более на границе (государственной территории, обитаемого пространства, суши и моря), испытывает определенные трудности. Они связаны с осознанием собственной реальной или мнимой неполноценности. Вне всякого сомнения, к таким населенным пунктам в XIX – начале XX вв. относились города северной части Тобольской губернии – Березов и Сургут. Соответственно, цель настоящей публикации заключается в раскрытии пространственных аспектов менталитета их городского населения. Для её достижения необходим учёт восприятия земель, расположенных за Уральскими горами, в Сибири. Требуется также и понимание трансформации, которая происходила с мигрантами, пополнявшими население этих городов. Кроме того, важен анализ жизненных сценариев, тех жителей, что осознавали отсутствие психологического комфорта в культурном ландшафте (по месту проживания).

Первые города Сибири – и Сургут с Березовым не являются исключениями – создавались в качестве военно-административных центров, где преобладало военно-служилое казачье население. Но, в дальнейшем, военные функции были, в основном, утрачены. Это положение девальвировало начальную идентичность городского социума. Осталась лишь историческая память о давних временах «сибирского взятия» и существовании во враждебном окружении. Героическое прошлое теперь сместилась в фольклорные предания и мифы о потусторонней силе. Однако, некогда «басурманская» Сибирь по-прежнему оставалась в числе периферийных областей, на которые неформальная принадлежность к Святой Руси, не распространялась. Подспудно население осознавало маргинальность и близость к запредельному миру.

По традиционным представлениям, возможные переходы в чуждый мир отличались разнообразием. Они существовали в жилой застройке и особенно вне её: в воде и в лесной чаще. Проводниками могли выступать представители иного мира: от животных до людей. По мнению, жителей Сургута к лицам, связанным с нечистой силой относились: «чернокнижники», «еретики» (или «еретицы») и «вещицы» [1, с. 48-59]. Кроме этих тайных посредников имелись и «явные». В первую очередь к ним относились аборигены. В глазах русских, народы Севера были причастны к угрозам из иного

мира. Восприятие того пространства, что окружало жилую застройку города, было, по преимуществу, негативным. Так, сургутяне связывали с нечистой силой заброшенные городища, где некогда жило аборигенное население, и водоёмы поблизости от этих мест, например, речку Бардаковку [1, с. 46]. Для жителей Березова опасности связывались с Култучным оврагом [2, с. 36] и речкой Вогулкой [3, с. 71].

Северные города из-за своей отдалённости были близки к природному круговороту. Любые изменения (неожиданные заморозки, миграции животных) были для горожан максимально значительны. Полукрестьянские занятия (охота, рыбная ловля) и близость казаков к традиционной культуре способствовали сохранению архаических компонентов. Кроме того, в поселениях, отдалённых от имперского центра, учреждения и институты государственной власти нередко отсутствовали или существовали во многом формально. Имитация их работы, отмечаемая пришлыми наблюдателями, свидетельствовала о благожелательном социально-психологическом климате в этих городах и о слабости рациональной европейской культуры на местной почве. При внешне презрительном отношении к аборигенам («остяк – собака» как привычная характеристика народов Севера [1, с. 68]), отсутствовали мотивы для отказа горожан от торговли с аборигенами или заимствования хозяйственных навыков у последних.

Постепенно, жесткие изоляционные линии между соседними этносами (и, в частности, в сфере повседневности, гигиены и санитарии) уступали своё место культурным взаимодействиям. Развитие контактов, в том числе межэтнических, со временем деформировало негативные образы «чужаков». Явочным порядком за аборигенами стали признавать не только отдельные положительные свойства, но и полноценные человеческие качества. Сохранились сведения о воздействии христианских миссионеров на религиозные верования аборигенов. И напротив, у горожан существовала устойчивая вера в способности шаманов предсказывать будущее или наводить болезни и порчу [1, с. 71-74]. Однако, данный культурный симбиоз объективно ограничивался внешними и внутренними новациями. Так, складывание рынка, пароходное сообщение на реках, местные образовательные учреждения, политическая ссылка и истощение природных ресурсов означали отсутствие перспектив для прежнего существования [4, с. 68].

В среде горожан усиливались негативные настроения. Происходило это не разово и процессы изживания прежних стереотипов растянулись на десятилетия. В воспоминаниях С. П. Швецова о Сургуте 80-х гг. XIX в. описывается торговец, обманывавший аборигенов. У него в конце жизни внезапно проснулась совесть и началось раскаяние. Подобный случай был не единственным в городе [4, с. 106-107]. Тот же С. П. Швецов отметил разложение прежнего патриотизма у местных жителей: «отношение сургутян к своей родине не одинаково. Те из них, которым удалось побывать в иных более привлекательных местах, например, в Тобольске или Тюмени (не говорим уже о Томске, который представляется сургутянам чем-то сказочным по своему богатству и великолепию), – смотрят на Сургут и всё сургутское с нескрываемым презрением, пожалуй, даже с враждой, их уже не удовлетворяет всё местное, кажется диким, смешным, они и на себя начинают смотреть как на нечто высшее в умственном и нравственном отношении, чем их земляки, не бывавшие дальше Березова. Им душно и тесно в Сургуте, их неудержимо тянет вон из него, туда, где, по их мнению, жизнь кипит» [4, с. 44].

Деградацию прежних функций усиливали непривычные коммуникативные практики и появление новых культурных акторов [5, с. 49-53]. Патриархальные, полудеревенские отношения уходили в прошлое. Гармоничные миры локальных социумов с добрососедскими отношениями и с мифологизированным сознанием жителей и с коллективным противостоянием внешнему окружению, оказались под ударом рационализма. Однако малолюдность северных городов и отсутствие экономической базы для дальнейшего развития не вели к преодолению кризиса. Первоначально неидеальное состояние городов было отмечено наблюдателями извне, затем оно стало общим местом в общественном сознании. Заметим, что в современной исторической географии продолжают дискуссии о том, была ли отечественная урбанизация полноценной или данный процесс определяется, как «квази» или «псевдоурбанизация» [6, с. 76-78].

При отвлечении от теоретических наработок, значимая роль остаётся всё же за конкретными историческими исследованиями. Чувствовали ли жители Березова и Сургута себя горожанами или нет? Определённого ответа на этот вопрос пока еще не получено. Изучение историко-этнографических источников позволяет утверждать, что их отношение к месту проживания менялось от тех воздействий, что изложены выше. Сургут с конца XVIII до 1867 г. числился заштатным городом, но затем он вернул административные функции [7, с. 233-240] ... В 1926 г. Сургут и Березов

утратили статусы городов. Первый из них, через несколько десятилетий в бурную эпоху «Большой нефти», городской статус вернул, однако второй так и остался посёлком.

Список литературы

1. Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. Т. 30. Омск: Тип-я Окр. штаба, 1903. С. 27-230.
2. П-ровский Н. Из Березова // Подорожник: краеведческий альманах. Вып. 8. Ханты-Мансийск: полиграфист, 2007. С. 22-47.
3. Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Березове // Подорожник: краеведческий альманах. Вып. 6. Тюмень: Мандр и К^а, 2005. С. 7-115.
4. Швецов С. П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. 432 с.
5. Ершов М. Ф. Социокультурная эволюция отечественной провинции конца XVIII – начала XX в.: по материалам городов Северного Зауралья. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2017. 124 с.
6. Сенявский А. С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.
7. Древний город на Оби: История Сургута. Научно-художественное издание. Екатеринбург: Тезис, 1994. 336 с.

УДК 796.81(571.17)"1980"

РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ. В Г. ДИВНОГОРСКЕ

Новосельцев Николай Рзавич

канд. ист. наук, доцент

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

Snoopy87@mail.ru

Цель статьи – проанализировать развитие физической культуры и спорта в городе Дивногорск во второй половине 1980-х гг. Задачи: выделить положительные и отрицательные стороны развития спорта и функционирования горспорткомитета. Территориальные рамки – город Дивногорск. Основной метод исследования – сравнительно-исторический. В результате анализа автор пришел к выводу, что в рассматриваемый период истории в городе Дивногорск соревнования проводились каждый год, материально-техническая база совершенствовалась, количество значкистов ГТО увеличивалось. Были и недостатки, например, проблемы с кадровой политикой, большое количество тренеров не имело должного образования.

Ключевые слова: Дивногорск, физическая культура, спорт, ГТО, горспорткомитет.

DEVELOPMENT OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS IN THE SECOND HALF OF THE 1980S. IN DIVNOGORSK

Novoseltsev Nikolay Rzavich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Snoopy87@mail.ru

The purpose of the article is to analyze the development of physical culture and sports in the city of Divnogorsk in the second half of the 1980s. Objectives: to highlight the positive and negative aspects of the development of sports and the functioning of the city sports committee. Territorial framework - the city of Divnogorsk. The main research method is comparative historical. As a result of the analysis, the author came to the conclusion that during the period of history under review in the city of Divnogorsk, competitions were held every year, the material and technical base was improved, and the number of GTO badges increased. There were also disadvantages, for example, problems with personnel policy, a large number of coaches did not have proper education.

Key words: Divnogorsk, physical culture, sports, GTO, city sports committee.

Введение

В целом проблема развития физической культуры и спорта в г. Дивногорске не была освещена в отечественной историографии. Даже в работах, посвященных Красноярскому краю про Дивногорск информации нет. В 5 томе Золотой книги Красноярского края, посвященной спорту, есть заметка про Дивногорское училище олимпийского резерва, его становление и развитие [1]. Отсутствие литературы по проблеме говорит о полной не изученности темы и необходимости детального анализа источниковой базы по проблеме.

Источниковой базой исследования являются ранее не публиковавшиеся архивные материалы, по большей части хранящиеся в Архивном отделе администрации города Дивногорск (Ф. 54. Комитет по физической культуре и спорту). В них представлены отчеты о деятельности, решения, протоколы, постановления, в которых сдержатся статистические сведения о развитии физической культуры и спорта во второй половине 1980-х гг., развитии материально-технической базы, кадровой политике, переходе спортивных учреждений на хозрасчет и самофинансирование и т.д.[2] Также были использованы материалы дивногорской газеты «Огни Енисея», которые содержат: пресс-релизы и информацию о предстоящих соревнованиях, статическую информацию [3]. Также к источникам можно отнести брошюры, которые посвящены каким-то конкретным событиям (соревнования по конькобежному спорту [4]) или являются рекламными буклетами [5].

Результаты

История дивногорского спорта берет свое начало с момента строительства красноярской ГЭС. В середине 1950-х годов XX в. молодежь со всей страны откликнулась на призыв правительства и съезжается на берега Енисея возводить могучую плотину. Уже в декабре 1959 г. в Дивногорске прошел первый чемпионат города по шахматам. Постоянными становились первенства стройки по футболу и волейболу, популярностью пользовался туризм.

Во время строительства ГЭС и города свыше пяти тысяч человек занимались в спортивных секциях. Почти в каждом подразделении имелись команды, выступавшие в общестроительных физкультурных соревнованиях по различным видам спорта.

30 декабря 1964 г. вступил в строй стадион и спортивный комплекс «Спутник». Стадион принимал и успешно проводил краевые и всероссийские соревнования. Особая гордость дивногорцев — равнинный каток, располагающийся на стадионе «Спутник».

В 1970-е годы было традицией проводить ежегодные летние и зимние общестроительные спартакиады, городские соревнования футбольных и хоккейных матчей, многие другие массовые общегородские соревнования физкультурников.

В 1980-х гг. происходит перестройка организационной и практической работы во всех звеньях физкультурных и спортивных организаций в городе. При условии выполнения намеченной программы развития физической культуры и спорта (далее – ФКиС) на XII пятилетку, каждые трое жителей из четырех в возрасте от 7 до 60 лет, к 1990 г. должны были быть приобщены к систематическим занятиям ФКиС.

По словам председателя горспорткомитета В.В. Курмачева количество занимающихся в ДЮСШ на отделении бокса, было определено заданием на 1987 г. – 80 человек, но занималось 110 (на 1985 г.); на отделении биатлона по заданию – 70 человек, занималось – 160; отделение лыжных гонок – 80 по заданию, занималось более 200. Была открыта ДЮСШ крайспорткомитета по горным лыжам на 150 учащихся, с перспективой роста до 300 учащихся. То есть налицо перевыполнение плана уже в 1985 г. Но были и недостатки. Не было выполнено задание из-за отсутствия тренерско-преподавательских кадров – по набору в отделение ДЮСШ по легкой атлетике: задание – 100, практически занимающихся было 60 учащихся.

В городе был недостаток специалистов ФКиС, также не хватало спортивного инвентаря и спортивной формы. Медленно решались вопросы улучшения материально-спортивной базы, обеспеченность спортооружениями составляла 55-60% [6, л. 42].

В 1986 г. произошел ряд изменений. Горспорткомитет поменял стиль и методы работы. Так, всему инструкторскому составу коллективов физической культуры спортивных сооружений пересмотрен режим работы, суббота и воскресенье являлись рабочими днями, горспорткомитет также в субботу работал, а выходной был перенесен на понедельник. В среду каждой недели Горспорткомитет работал по оказанию методической и организационной помощи в коллективах физической культуры. Периодически он проводил отчет о своей работе в трудовых коллективах.

Определенная работа была проведена по подбору, расстановке, повышению квалификации физкультурных работников в городе. На каждого физкультурного работника была заведена учетная

карточка, а в основном прием и увольнение физкультурных работников проводился по согласованию с горспорткомитетом. В этом же году была проведена аттестация тренерско-преподавательского состава. Многие работники учились в среднеспециальных и высших учебных заведениях. Проводилась учеба общественных кадров. Можно сказать, что изменения в работе горспорткомитета привели к качественным изменениям в подготовке спортсменов. Вместе с тем в работе с кадрами оставалось много недостатков и проблем. Так недостаточный контроль за работой отдельных спортивных работников привел к низкой результативности их деятельности; многих из них не перестроились на работу по-новому, исходя из требований времени. Остро ощущался недостаток специалистов ФКиС, особенно в связи с расширением платных услуг населению.

В 1986 г. несколько улучшилась материально-спортивная база города. Велась поэтапная реконструкция спорткомплекса «Спутник», вступил в строй спортивный зал ГПТУ-30. Было переоборудовано пустующее помещение в «Энергостройиндустрии» под спортивный зал общей физической подготовки. Методом народной стройки, силами физкультурно-спортивного актива было начато строительство роликodrа. 3500 дивногорцев стали значкистами ГТО. В каждом коллективе физической культуры были созданы комиссии ГТО, составлены графики сдачи нормативов, проводилась определенная работа по пропаганде и популяризации комплекса ГТО. Вместе с тем в организации работы по Всесоюзному комплексу ГТО имелся ряд недостатков: так, не отвечала современным требованиям работа в общеобразовательных школах. Качество подготовки значкистов было еще на низком уровне.

Подводя итоги года, можно сказать, что наряду с отдельными положительными результатами работы, в работе горспорткомитета, коллективов физической культуры предприятий и организаций имелся целый ряд недостатков, нерешенных проблем и вопросов [7, л. 4-5].

Одной из задач в 1987 г. горспорткомитет ставил перед собой улучшение материально-технической базы, расширение платных услуг населению средствами физической культуры, совершенствование стиля и методов руководства коллективами физической культуры предприятий и организаций в условиях перехода предприятий на полный хозрасчет и самофинансирование.

Также как и в предыдущие годы можно выделить положительные моменты и недостатки. Из безусловно положительных моментов был построен лыжный городок с трассами 3,5 и 6 км, была проведена частичная реконструкция биатлонного стрельбища, был построен спортивный зал в школе № 6, оборудован гимнастический городок в школе-интернат, была расширена система платных услуг населению. То есть те недостатки, которые касались материально-технической базы, были частично устранены. Постепенный переход сферы на хозрасчет и самофинансирование говорило о постепенном отказе от финансирования со стороны государства.

Также было проведено более 100 спортивно-массовых мероприятий. Например, спортивные праздники спартакиады и первенства города, матчевые и товарищеские встречи с городами и районами края, показательные выступления, массовые пробеги и эстафеты.

Ряд вопросов остался не решенным. Прежде всего материально-техническая база общеобразовательных школ. Там не было лыжного инвентаря, мячей, не все спортивные залы были укомплектованы необходимым оборудованием. Не все спортивные мероприятия проводились на хорошем организационном и спортивном уровне [8, л. 31-32].

Таким образом, развитие ФКиС в Дивногорске во второй половине 1980-х гг. находилось на должном уровне. Проводились ежегодные соревнования, обновлялась материально-техническая база, росло количество значкистов ГТО, также как и спортсменов со званиями (КМС, МС). Но несмотря на определенные успехи были и недостатки. Были проблемы с кадровой политикой. В связи с перестройкой и переходом учреждений на хозрасчет и самофинансирование, многие закрывались, был кадровый голод, большое количество тренеров не имело должного образования.

Список литературы

1. Дивногорское училище олимпийского резерва // Золотая книга Красноярского края. Красноярск: «Буква», 2006. 192 с.
2. Архивный отдел администрации г. Дивногорск. Ф. 54. Оп. 1.
3. Газета «Огни Енисея», 1985-1990 гг.
4. Конькобежный спорт. Программа соревнований. Дивногорск, 1986.
5. Дивногорск спортивный. Дивногорск: «Огни Енисея», 1982. 13 с.
6. Архивный отдел администрации г. Дивногорск. Ф. 54. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.
7. Архивный отдел администрации г. Дивногорск. Ф. 54. Оп. 1. Д. 4. Л. 4-5
8. Архивный отдел администрации г. Дивногорск. Ф. 54. Оп. 1. Д. 4. Л. 31-32.

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА
Г. ДИВНОГОРСКА 1955 – 1963 ГГ.¹

Павлюкевич Руслан Витальевич
канд. ист. наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
autocrator@yandex.ru

Со второй половины XX в. начинается новый виток индустриальной модернизации Сибири. Вместе с ней происходит проработка планов развития ее регионов. В центре планов развития Красноярского края находилось строительство первой ГЭС на Енисее. Постепенно поселок строителей ГЭС стал преобразовываться в город. Поэтому разработка генерального плана города шла с учетом планов развития региона, но достаточно непоследовательно.

Ключевые слова: Дивногорск, город-спутник, малый город, новостройка, планирование, Красноярский край.

PROBLEMS AND PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF THE GENERAL PLAN OF
DIVNOGORSK 1950 – 1963.

Pavlyukevich Ruslan Vitalievich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
autocrator@yandex.ru

Since the second half of the XX century a new round of industrial modernisation of Siberia begins. Together with it, the development plans of its regions are being elaborated. At the centre of the development plans for the Krasnoyarsk region lay the Yenisei hydroelectric power station under construction. In turn, it required a settlement to serve it. Therefore the development of the general plan of the city was chaotic, at the same time taking into account the development plans of the region.

Key words: Divnogorsk, satellite town, small young town, planning, Krasnoyarsk Krai.

Смерть И.В. Сталина и политическая борьба, следовавшая за ней, вместе с логикой развития народнохозяйственного комплекса привели к потребности нового витка индустриальной модернизации Сибири, которая в значительной степени по своему экономическому и социальному уровню отставала от центральной и западной части страны. Это в свою очередь потребовало пересмотра прежних и создания новых планов хозяйственного освоения региона. В центре новых планов по развитию Красноярского края лежала логика строительства гидроэлектростанции недалеко от краевого центра. Она должна была обеспечить край дешевой электроэнергией необходимой для развития металлургической, химической, машиностроительной и других отраслей хозяйства.

Само строительство ГЭС началось в 1955 г., в менее чем десяти километрах от поселка Шумиха. Практически сразу здесь возникли поселения гидростроителей. Но по мере воплощения планов в жизнь местному руководству становилась ясной необходимость сооружения и города, обслуживающего не только строительство ГЭС, но и всю ее последующую работу, так как ГЭС находится в более чем сорока километрах от Красноярска. В 1957 г. красноярский горком направил письмо председателю президиума Верховного совета РСФСР М.П. Тарасову с предложением перевести поселение Скит в категорию рабочих поселков, с последующим преобразованием в город Дивногорск [1, л.1]. Следует заметить, что уже тогда в поселке проживало 3375 человек. Помимо Скита в состав рабочего поселка, а соответственно и города, предполагалось включить так же поселки Шумиха, в котором

¹ Исследование осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках проекта «История муниципального образования г. Дивногорска» № 2023031609644

проживало 726 человек и Лиственка с населением 143 человека. Таким образом, накануне образования рабочего поселка в город на его будущей территории в общей мере проживало 4244 человека.

15 февраля 1960 г. было принято решение Совета Министров СССР «О мерах по развитию энергетики в Красноярском крае» в котором говорилось об отказе от строительства рабочего поселка в пользу нового города-спутника Красноярска [3, л.5]. Но чуть больше года спустя комиссия, разрабатывающая генеральный план города, сделала заключение, что строительство Дивногорска, как спутника Красноярска не имеет смысла. Характер запланированной промышленности и размещение в городе небольшого комплекса домов отдыха, не определяли его как спутник [2, л. 7]. Следует заметить, что и в документах исчезают упоминания об этом.

Разработку генерального плана будущего города было решено поручить Министерству строительства электростанций СССР. Данный факт, не должен вызывать у нас удивления. Так как отмечалось уже выше, вся логика строительства и сооружения Дивногорска было обусловлена будущей гидроэлектростанцией. Таким образом, план изначально разрабатывался не от возможных потребностей населения, а от логики сооружаемого объекта. В тоже время Дивногорск, как и многие другие молодые города должен был стать образцово-показательным поселением, так как к нему, в связи с высоким значением ГЭС, было приковано внимание значительной части населения СССР.

Министерство поручило разработку плана Ленинградскому отделению института Гидроэнергопроект, но заказчиком проекта выступил исполком городского совета Красноярска [2, л. 1]. Во многом именно по этой причине в изначальных планах и проектах Дивногорск рассматривался, не как самостоятельный город, а как город-спутник самого Красноярска [2, л. 2]. Главным архитектором был назначен К.П. Кудрявцев, который практически сразу столкнулся с проблемой того, что на территории будущего города уже находились крупные жилые массивы. Вплоть до самого 1957 г. будущий город застраивался 1-2 квартирными сборными деревянными домами [3, л.5].

Новый план был утвержден в феврале 1961 г. Строительство города предполагалось осуществить в три этапа, следует заметить, что данная логика будет сохраняться на всех этапах обсуждения и разработки генерального плана Дивногорска. На первом этапе (в рамках первой семилетки) предполагалось достижение численности населения в 12,5 тысяч человек, с обеспечением их жильем в полной мере. В ходе второй семилетки предполагалось увеличение населения до 13,5 тысяч, с повышением комфортности проживания. Наконец на финальном этапе планировалось достижение численности населения в 25 тысяч человек [2, л. 7].

Дальнейшая разработка проекта города проходила совместно с государственным комитетом по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР. На совещании в январе 1962 г. было отмечено, что Дивногорск изначально планировался и строился, скорее как временный поселок строителей на правом берегу Енисея [3, л.2]. Позднее было принято решение сооружать его как город на обоих берегах Енисея, с созданием двух поселков. Причем левобережный поселок предполагалось разместить в верхнем бьефе водохранилища.

В ходе последующей работы и пересмотров реалий с учетом особенностей местности стало ясно, что сооружение двух поселков на обоих берегах Енисея не рентабельно, поэтому было решено ограничиться только правым берегом реки [3, л.5].

Одновременно с этим было принято решение об отказе от строительства в городе деревянных домов, и выходе к окончанию строительства города на норму в 12 кв. м. жилья на человека [3, л.3]. Как уже отмечалось выше, Дивногорск воспринимался как город советского социалистического будущего. Жилое строительство предполагалось в рамках микрорайонов с отдельными культурно-бытовыми учреждениями.

В плане был учтен сложный рельеф местности, предложена террасная застройка города. Одновременно в этом плане сохранялась идея в будущем застройки и левого берега Енисея [3, л.14].

Было уделено пристальное внимание санитарно-гигиеническим условиям существования будущего города. Проект предполагал сооружение фекально-хозяйственной канализации с полной биологической очисткой, в связи с расположенным ниже по течению г. Красноярском. Всего застраиваемая территория оценивалась в 2000 га, а объем работ в 2182 тыс. руб. [3, л.9].

К концу 1962 г. в Дивногорске уже проживало 18 тысяч человек, имелось 90 тысяч квадратных метров жилья, при этом он еще не имел официального статуса города (хотя вскоре его получил),

а его генеральный план все еще находился в разработке. Большая часть жилья представляла собой малоэтажные деревянные постройки, которые не соответствовали видению города властями [3, л.18].

Проблемой продолжал оставаться городской центр, который предполагалось разместить в нижней части города на крутом склоне. Он должен был быть ориентирован на реку Енисей и железнодорожный вокзал. Сеть улиц была принята в прямоугольном начертании с введением трех диагональных съездов [3, л.18].

Данный план подвергся острой критике со стороны комиссии по гражданскому строительству и архитектуре в лице А.М. Заславского¹. В частности, было отмечено, что разработка плана города шла хаотично, с начала строительства Красноярской ГЭС не был продуман план застройки жилого фонда. На протяжении шести лет постоянно изменялись общие объемы работы и типы постройки [3, л. 16]. Проектные организации ограничивали свою задачу размещением поступающих от строителей домов, не обращая внимания на современные требования. Город, еще не получив этого статуса, был застроен малоэтажными зданиями, что усложняло и удорожало развитие местной инфраструктуры. Это не соответствовало, по словам А.М. Заславского, стремлению получить «удобный и красивый город» [3, л.17]. Фактически застройка по микрорайонам мешала созданию единого города. Был раскритикован и план размещения центра города, который заслуженный градостроитель назвал «эксцентричным». Наконец в вину ставилось и то, что проект не предполагал прибрежной территории парка и спортивных учреждений [3, л.17].

Новый проект комитета предлагал для первоочередной застройки территории, примыкающие к Центральной, Лесной и Нагорной улицам, что позволило бы создать удобный центр с красивым рельефом. Все деревянные дома предлагалось снести, заменив на панельные. Размещение же культурно-бытовых объектов предлагалось делать по-террасно, чтоб они находились на одном уровне с домами обслуживающего населения [3, л. 16-18].

Таким образом, разработка генерального плана города Дивногорска шла очень сложно. Главным образом потому, что сама идея сооружения города возникла не сразу, а можно сказать в процессе его возникновения. Дивногорск за 6 лет планирования прошел путь от рабочего поселка, к городу-спутнику и, наконец, просто городу. Само проектирование шло не на основе единого плана, а от необходимости скорейшего размещения поступающих от строителей домов. Первый разработанный план был подвергнут острой критике, в разработке нового приняли участие градостроители первой величины. Тем не менее, вступая в 1963 г. в статус города, сам Дивногорск при этом не имел законченного генерального плана.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации, Фонд 385, оп. 17, дело 3136.
2. Российский государственный архив экономики, Фонд 9572, оп. 1, дело 1436
3. Российский государственный архив экономики, Фонд Ф5, оп. 5, дело 49.

¹ Абрам Моисеевич Заславский — советский архитектор, градостроитель. Член-корреспондент Академии архитектуры СССР и Академии строительства и архитектуры СССР.

ДЕТИ ВСЕСОЮЗНОЙ СТРОЙКИ: ДЕТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДИВНОГОРСКА
В 1960 – 1970-Х ГГ.

Сентябова Мария Викторовна
канд. ист. наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
m.v._redko@mail.ru

В статье исследуются вопросы динамики численности и половозрастного состава детского населения Дивногорска в 1960 – 1970-х гг. Рост численности жителей города, связанный со строительством Красноярской ГЭС, приводит к формированию здесь населения с большой долей детей и подростков. Автор выделяет особенности детского населения Дивногорска и определяет факторы, на него влияющие.

Ключевые слова: Красноярский край, Дивногорск, историческая демография, дети, детское население.

CHILDREN OF THE ALL - UNION CONSTRUCTION: THE CHILD POPULATION OF
DIVNOGORSK IN THE 1960S – 1970S.

Sentyabova Maria Viktorovna

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
m.v._redko@mail.ru

The article examines the issues of the dynamics of the number and gender and age composition of the children's population of Divnogorsk in the 1960s - 1970s. The growth in the number of residents of the city associated with the construction of the Krasnoyarsk hydroelectric power station leads to the formation of a population with a large proportion of children and adolescents here. The author highlights the features of the children's population of Divnogorsk and determines the factors influencing it.

Keywords: Krasnoyarsk kray, Divnogorsk, historical demography, children, children's population.

Во второй половине XX в. на территории Советского союза исследователи наблюдали демографические тренды, связанные с сокращением рождаемости и уменьшением среднего количества детей в семье. Уже во второй половине 1970-х гг. эти вопросы попали под пристальное внимание социологов и демографов. Был опубликован целый ряд работ, исследующих проблемы среднего количества детей в семье: «Малодетная семья» В.В. Бойко [1], «Социология рождаемости» и «Второй ребенок» А.И. Антонова [2; 3], вышедший в 1986 г. сборник статей «Детность семьи: вчера, сегодня, завтра» [4]. В 2000-х гг. был опубликован ряд работ, в которых затрагивались вопросы рождаемости и изменения семейной структуры населения страны либо отдельных её регионов: фундаментальные труды «Население России в XX веке: исторические очерки» [5], «Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.)» [6]. Отдельные исследователи поднимали проблемы связи семейной политики советского государства с количеством детей в семье [7]. Появляются и работы, затрагивающие темы рождаемости и состава семьи на региональном материале Красноярского края. Среди них можно назвать исследования Л.Н. Славиной [8], И.В. Копылова [9], Н.В. Гониной [10] и других. Однако наличие исследований, посвященных большим территориальным единицам, не отменяет необходимость углубления в вопросы демографической истории отдельных городов и муниципальных образований с целью выяснения особенностей формирования и развития их населения и более подробного изучения факторов, влияющих на этот процесс. Данное исследование посвящено вопросу особенностей формирования и изменения детского населения города Дивногорска.

Ставший городом в 1963 г., Дивногорск формировался на основании объединения в одну административную единицу двух достаточно разнородных поселений. Одно из них, рабочий поселок на основе поселения Скит, ставший фактически ядром будущего города Дивногорска, изначально строился и развивался с перспективой превращения в современный город. Второй же, рабочий поселок Овсянка, изначально существовал как сельское поселение с длительной историей, восходящей к середине XVII в. Поэтому в пределах одной административной единицы под управлением Дивногор-

ского городского совета долгое время продолжали существовать два различных по типу и образу жизни поселения, в которых наблюдались отличающиеся друг от друга демографические явления.

На 1960 – 1970-е гг. приходится период наиболее быстрого роста численности населения города в связи с массовой миграцией, связанной со строительством Красноярской ГЭС и развитием соответствующей инфраструктуры. Если в 1959 г. здесь прожило 6 958 человек [11, л. 89], то к 1979 г. население города уже выросло до 28 939 человек [12, л. 6]. Рост количества жителей Дивногорска сопровождался серьезными изменениями в составе населения. Демографический переход, бывший следствием урбанизационных процессов и связанных с ними общественно-политических и культурных трансформаций, существенно менял репродуктивные стратегии людей, что сказывалось на составе и численности детского населения.

Попробуем определить, как менялась доля детей разных возрастных групп в общем населении Дивногорска в сравнении с их долей в населении городов Красноярского края. При этом возрастные группы детей выделены в зависимости от их положения в структуре населения, что должно помочь нам при дальнейшем исследовании детского населения Дивногорска. В качестве таких возрастных групп взяты: дошкольники, т.е. дети от рождения до 6 лет, нуждающиеся в постоянном присмотре взрослых, школьники до подросткового периода в возрасте от 7 до 13 лет и подростки (14 – 17 лет).

Изменение доли несовершеннолетних в населении Дивногорска и в городах Красноярского края (в %%)

Возрастная группа	1959 г.		1970 г.		1979 г.	
	Дивногорск	Край	Дивногорск	Край	Дивногорск	Край
Дошкольники	19	14,8	14	10,6	11	11,7
Школьники 7 – 13 лет	11	11,1	14	11,3	11	9,5
Подростки	3	4	7	8	8	6,7
Взрослые	67	70,1	65	70,1	70	72,1

Составлено по: [11, л. 89; 13, л. 46; 12, л. 1, 14; 15; 16]

Согласно данным, представленным в таблице, доля несовершеннолетних в населении Дивногорска была существенно выше по сравнению с другими городами Красноярского края. Наиболее значительна эта разница была в 1970 г. Между переписями 1959 и 1970 гг. темпы прироста населения Дивногорска были наиболее высокими, прежде всего за счет притока переселенцев, привлеченных Всесоюзной стройкой Красноярской ГЭС. Большое количество перебравшихся сюда достаточно молодых семей с детьми до подросткового возраста привело к выравниванию долей детей дошкольного и младшего школьного возраста.

В последующие годы доля несовершеннолетних в населении снижается, что вполне укладывается в тенденцию общего старения населения, наблюдаемую в Красноярском крае в описываемый период. Однако темпы этого снижения в Дивногорске были существенно ниже, чем в крае, что позволяет нам оценивать Дивногорск 1979 г. как город достаточно молодого населения. Сильнее всего снижается доля детей дошкольного возраста с 19 % в 1959 г. до 11 % в 1979 г., что было даже меньше, чем в городском населении края в целом. А вот доля детей школьного возраста и подростков в Дивногорске в 1979 г. была существенно выше, чем в городах края.

Более наглядно эти тенденции можно проследить, проанализировав изменение численности несовершеннолетних жителей Дивногорска по возрастам (Рис. 1.).

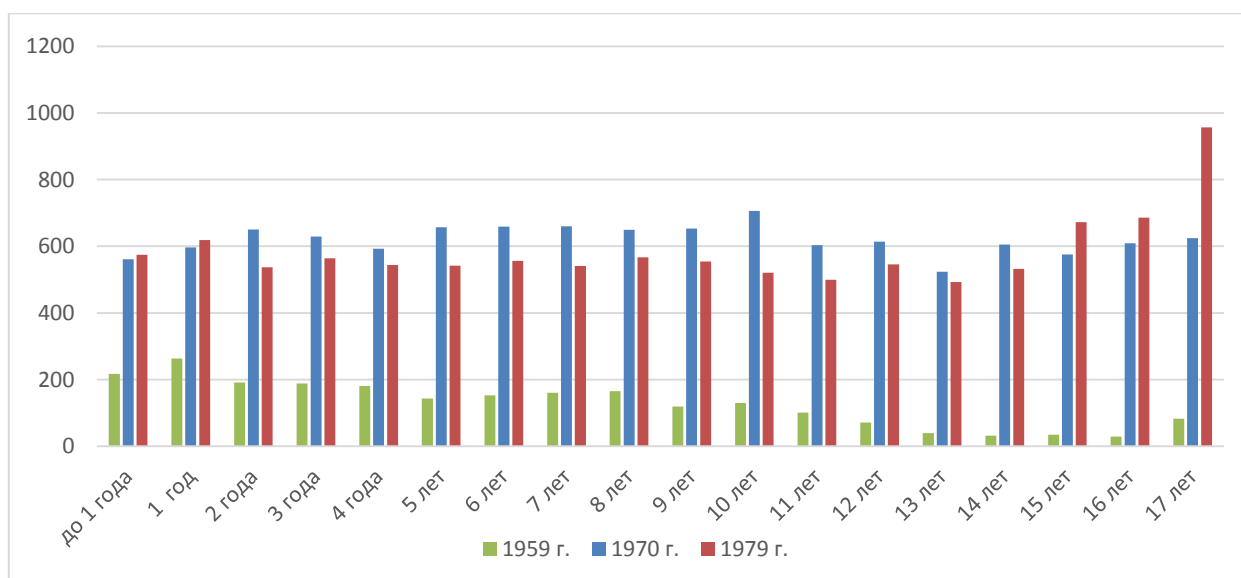

Рисунок 1. Динамика численности детского населения Дивногорска в 1959 – 1979 гг.
 Составлено по: [11, 3, л. 89; 13, л. 46; 12, л. 1.]

В 1959 г. возрастная структура детского населения Дивногорска вполне отражает его статус как молодежного рабочего поселка, который в скором времени должен был превратиться в новый город. Это поселение молодых семей с маленькими детьми, о чем свидетельствует большое количество младенцев и детей в возрасте до 5 лет. К 1970 г. происходит сглаживание возрастной структуры детского населения, прежде всего за счет притока в Дивногорск семей с детьми разных возрастов, о чём свидетельствует большой прирост несовершеннолетних в возрастах от 5 до 17 лет.

К 1979 г мы начинаем наблюдать противоположную тенденцию, связанную с уменьшением количества детей в населении Дивногорска. Если в 1970 г. в городе проживало 11 168 несовершеннолетних, то к 1979 г. – уже 10 505. Если же исключить из подсчета категорию семнадцатилетних, которая к 1979 г. имела сильный прирост, то уменьшение количества детей и подростков будет ещё более существенным – с 10 544 до 9 548 [13, л. 46; 12, л. 1]. За период между двумя переписями населения снижается количество детей практически во всех возрастных категориях, кроме младенцев, детей в возрасте 1 года и подростков. При этом рост числа подростков и, особенно, несовершеннолетних в возрасте 17 лет можно объяснить притоком в Дивногорск молодежи из сельских поселений, приехавших сюда для обучения в заведениях среднего специального образования.

Наиболее сильно уменьшается количество детей в возрасте от 5 до 11 лет. Возможно, снижение численности несовершеннолетних можно объяснить воздействием двух факторов, один из которых был следствием некоторого сглаживания возрастной структуры населения Дивногорска, связанного с сокращением объема механического прироста в связи с завершением строительства ГЭС. Перейдя из разряда «всесоюзной стройки» в категорию «молодого города», Дивногорск стал привлекать гораздо меньше переселенцев молодых возрастов, и, одновременно со снижением темпов прироста населения города, происходит уменьшение доли молодых семей с маленькими детьми. Вторым же фактором выступало общее уменьшение рождаемости и среднего количества детей в семье, наблюдаемое в описываемый период и в Красноярском крае, и в СССР в целом в связи с процессами демографического перехода.

Анализ половозрастной структуры детского населения Дивногорска (Рис. 2.) демонстрирует достаточно равномерное распределение: почти во всех возрастных группах количество девочек немногим меньше или равно количеству мальчиков.

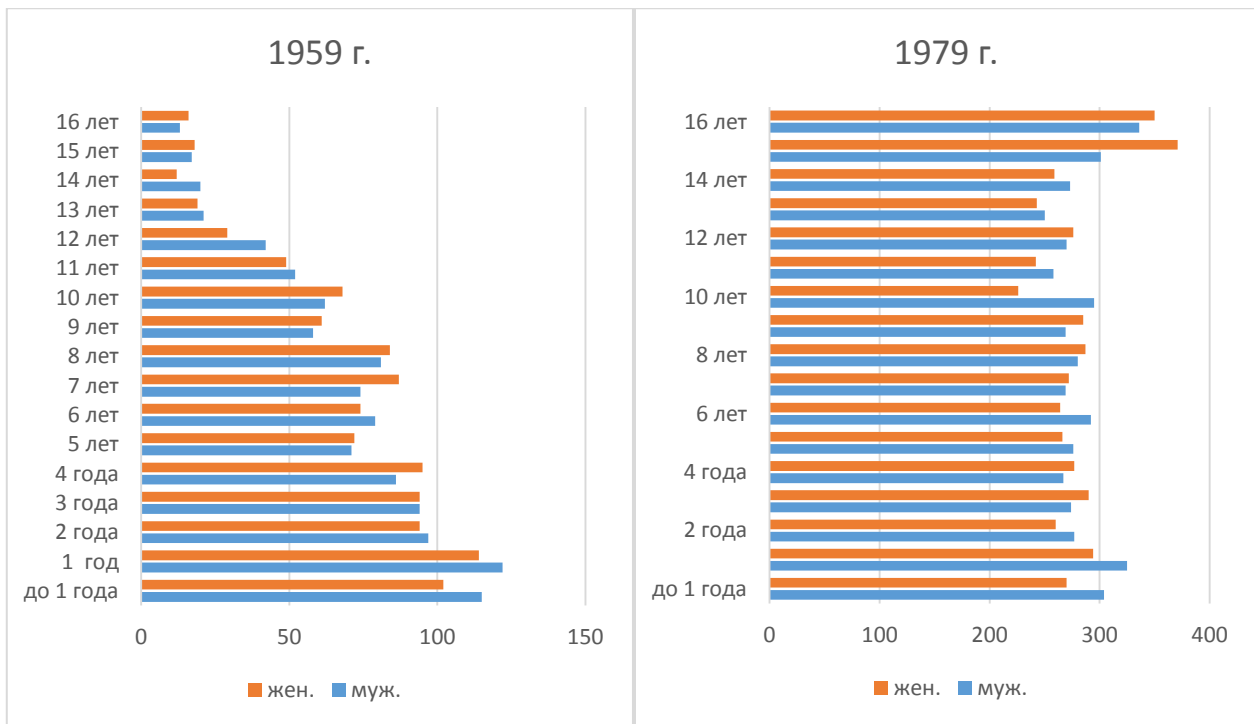

Рисунок 2. Половозрастная структура детского населения Дивногорска в 1959 – 1979 гг.
Составлено по: [11, л. 89; 13, л. 46; 12, л. 1.]

Таким образом, изменения, произошедшие в структуре семей и в детском населении Дивногорска за исследуемый период, наглядно отражают процесс эволюции поселения. Возникнув как бурно развивающийся рабочий поселок, быстро превратившийся современный город, Дивногорск в сжатые сроки с 1959 по 1979 гг. прошел весь путь от «молодежного поселка» с преобладанием молодых семей с маленькими детьми, до полноценного города с устоявшимся населением с дифференцированной половозрастной и семейной структурой. И в таком качестве к концу исследуемого периода он продолжил развиваться в русле тех же тенденций, что и остальные города Красноярского края, отличаясь от них лишь более высокой долей молодого населения.

Список литературы

1. Бойко В.В. Малодетная семья. Социально-психологическое исследование. М., 1980. 276 с.
2. Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980. 341 с.
3. Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М., 1987. 111 с.
4. Детность семьи: вчера, сегодня, завтра: сборник статей / редкол.: Л. Л. Рыбаковский и др. М., 1986. 205 с.
5. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х. т. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001 – 2011.
6. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX - XX в.): коллективная монография / В. А. Зверев, В. А. Исупов, Н. С. Коробейникова. Новосибирск: НИЦ "Апостроф", 2017. 350 с.
7. Араловец, Н. А. Дети в семьях России. Вторая половина XX в.: демографический аспект // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 1. С. 128-132.
8. Славина Л.Н., Коростелева, В.Г. Рождаемость в деревнях Красноярского края в 1946–1950 гг. // Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития: материалы III Всероссийской научно-практической конференции для студентов, аспирантов и молодых ученых. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2018. С. 72-76.
9. Копылов И.В. Влияние миграции на рождаемость городского населения Красноярского края в 1960-1980-е годы // Исторический курьер. 2020. № 4(12). С. 164-173.
10. Гонина Н. В. Влияние урбанизационных процессов на динамику брачности и разводимости городского населения в Ангаро-Енисейском регионе (без национальных районов) в 1959-1989 гг. // Вестник КрасГАУ. 2012. № 6(69). С. 264 – 270.
11. ГАКК, Ф.Р.-1300, Оп. 7, Д. 3.

12. ГАКК, Ф.Р.-1300, Оп. 7, Д. 274.

13. ГАКК, Ф.Р.-1300, Оп. 7, Д. 121.

14. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Распределение населения регионов России по полу, возрасту и состоянию в браке. // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_59.php

15. Всесоюзная перепись населения 1970 г. Распределение населения регионов РСФСР по полу, возрасту и состоянию в браке. // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_mar_70.php

16. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения регионов России по полу и возрасту. // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_79.php

УДК. 93/94

ЗНАЧИМОСТЬ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СИБИРИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА И СТРАНЫ (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ, г. АЧИНСКА В XVIII–XIX ВВ.)

Сорокун Павел Владимирович

канд. ист. наук, доцент

Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета,

г. Ачинск, Россия

pavel_istoria@list.ru

В настоящее время остается актуальным интерес к изучению истории Сибири. Освоение этой территории сыграло важную роль в формировании и развитии России как государства и отразилось на развитии всех сторон жизни сибирских народов. Изучение русского города Сибири начали еще историки с XVIII в., полагаясь на различные письменные документы и материалы собранные участниками экспедиций XVIII в. Одними из первых исследователей сибирского региона Г.Ф. Миллер, П.Н. Буцинский, П.М. Головачёв обозначили значимость русских городов в исторической судьбе Сибири как опорных и регулирующих центров «заселения новых уездов русскими», их социально-экономический уровень не был должным образом оценён, и города представляли как военно-оборонительные пункты или торгово-промышленные фактории. В последующем, в советское время, наиболее обстоятельный анализ в становлении и развитии сибирского городского поселения представлен работами Д.Я. Резуна.

Ключевые слова: история, город Ачинск, Сибирь, история края, местное управление, промышленность, хозяйство.

THE IMPORTANCE OF URBAN SETTLEMENTS IN SIBERIA IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION AND THE COUNTRY (ON THE EXAMPLE OF THE YENISEI PROVINCE, ACHINSK in the XVIII-XIX centuries.)

Sorokun Pavel Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Achinsk Branch of Krasnoyarsk State Agrarian University, Achinsk, Russia pavel_istoria@list.ru

Currently, interest in the study of the history of Siberia remains relevant. The development of this territory played an important role in the formation and development of Russia as a state and affected the development of all aspects of the life of the Siberian peoples. Historians began studying the Russian city of Siberia since the VIII century, relying on various written documents and materials collected by the participants of the XVIII century expeditions. Russian cities were one of the first researchers of the Siberian region, G.F. Miller, P.N. Bucinsky, P.M. Golovachev identified the importance of Russian cities in the historical fate of Siberia as the support and regulatory centers of the "settlement of new counties by Russians", their socio-economic level was not properly assessed, and the cities were presented as military-defensive points or trade and commercial trading posts. Subsequently, in Soviet times, the most detailed analysis in the formation and development of Siberian urban studies was presented by the works of D.Ya. Rezun.

Key words: history, Achinsk city, Siberia, history of the region, local government, industry, economy.

История малых городов Сибири, до сих пор еще не заняла достойного места в исторических исследованиях, хотя нужно признать, что она имеет очерковое освещение в ряде общих работ.

Малые города являлись и продолжают оставаться самыми устойчивыми формами большинства поселений городского типа почти в любой стране [1]. О значимости малых городов также свидетельствует и современная публицистика, отмечающая, что, хотя далеко не всем малым городам суждена широкая известность, все же «каждый из них живет в одном ритме со всей страной, при этом вносит определенную лепту в развитие экономики, культуры своего региона» [2]. Поэтому социологи и экономисты, решая проблему города – деревни, исходят из того, что «устойчивость категорий небольших городов в пространстве определяется тем, что каждый хозяйственно освоенный и развиваемый крупный регион требует определенного сочетания городов различных величин и типов, так сказать набора различных городов, в числе небольших и малых, отвечающего условиям развития этого района и определенным образом заполняющего его территорию» [3]. Эта сторона вопроса особенно важна при изучении хозяйственного развития той территории, которая раньше входила в состав Енисейской губернии и где существовала значительная размытость городской инфраструктуры.

Некоторые современные исследователи проблемы города – деревни считают, что «деревня – мать городов» [4]. Успехи городования как у нас в стране, так и за рубежом дают немало оснований, чтобы поспорить с этим суждением, существенно ограничив его авторитетность. Особенно это неправомерно для Сибири XV – X VIII вв., хотя одно время считалось, что «тогда население в Сибири было жидко, расстояния между деревнями были большие, торговые отношения были вялые, реки были мертвы и не оживлены судоходством, города были немногочисленны и представляли из себя слабые и редкие «лучи света, идущие с Запада», среди бездорожья тайги и деревенской «ойкумены» [1, с.4-5].

Такое мнение, среди всех прочих причин, было обусловлено тем, что малые города как форма городских поселений совершенно не принимались в расчет. Однако при внимательном исследовании картина получается иной. Каждый крупный город возглавлял целую взаимосвязанную систему острогов – исторических форм малых городов, которые, в свою очередь, были окружены сетью земельных, торгово-промышленных, ремесленных и ямщицких слобод, имевших чаще всего городской наряд – стены, укрепления, церкви, ярмарки, администрацию, к которым уже тянулись заимки, погосты, поселья, деревни и села. При этом численность населения малых городов XVII – XVIII вв., острогов, особенно в Западной Сибири, мало в чем уступала распространенным тогда в Западной Европе. По мнению В.П. Черной, вместе со своей сельской округой они составляли устойчивый территориально-демографический, социально-хозяйственный и этнокультурный комплекс поселений, «где и город, и деревня функционируют как относительно самостоятельные гомеостатические образования, поскольку в них своеобразным способом проявляются характерные элементы целостной структуры общества» [5].

Развитие капиталистических отношений в первой половине XIX в. вызвало определенные изменения в сибирской урбанистике: повсеместно росла численность городского населения, получали дальнейшее развитие большие города, ставшие крупными торгово-промышленными центрами все-российского рынка. Основную массу сибирских городов составляли не большие поселения с слабо-развитой городской структурой и промышленностью. Но постепенно такие города приобретали торгово-ремесленный характер. К ним можно отнести и г. Ачинск.

Количество населения в городе росло постепенно и без заметных скачков. Если в 1790 г. в Ачинске насчитывалось 854 человек жителей, то в 1811 г. – 1490 человек; 1820 г. – 1515 человек. В 1822 г. Ачинск становится административным центром западного пограничного Ачинского округа. На 1835 г. насчитывалось 1916 человек. В 1851 г. уже насчитывалось 2429 человек. По численности населения Ачинск уступал крупным городам, таким как Красноярск и Енисейск, но в сравнении с уездными и окружными городами он считался многочисленным. Так, в 1790 г. в городе Канске насчитывалось всего 658 жителей. Таким образом, в первой половине XIX в. Ачинск занимал лидирующие позиции по количеству проживающих жителей в сравнении со своими соседями-городами Канском и Минусинском. Доля населения Ачинска по отношению ко всей численности городского населения Енисейской губернии в 1861 г. составляла 18%. Во второй половине XIX в. Ачинск также оставался в числе лидеров, число жителей увеличилось вдвое. На 1896 г. учтено 7026 жителей. Это было на 1459 человек больше, чем в Минусинске. В 1882 г. численность населения Ачинска от общего числа жителей Енисейской губернии составляла всего 1,3 %, что было больше по сравнению с Канском (0,8). Доля городского населения Ачинска среди других городов губернии: Ачинск – 12,4%, Канск – 7,8%, Минусинск – 16,5% [6, с. 102,128]

Определяющее влияние на хозяйственное развитие Ачинска оказало то, что он стоял на Московском тракте и был важным транспортным пунктом большой транзитной торговли. Причем становление его в этом плане началось несколько раньше и шло более интенсивно, чем земледельческая колонизация уезда. Поэтому с самого начала сельскохозяйственные занятия горожан и возникающие ремесла приспособлялись к обслуживанию этой транзитной торговли, которая после 1757 г. получила новый импульс с проведением Московского тракта. Ачинский острог стал заметным торгово-распределительным центром Причулымья. Возведение Ачинского острога в степень окружного города по реформе 1785 г. способствовало дальнейшему развитию городской инфраструктуры как социально-экономического феномена, благодаря которой все элементы поселения городского типа получили возможность для дальнейшего развития [6;7].

Следует особо указать на торгово-транспортную функцию. Через каждый город, большой или малый, осуществляется торгово-транспортное движение, но далеко не каждый город был центром транзитного движения большой массы людей, грузов и капиталов. Последнее обычно меняет всю городскую структуру, весь экономический уклад. Ачинск был единственной крупной станцией на большом перегоне, соединяющем два «плеча» — Томск и Красноярск, — два района, один из которых сложился как крупный торгово-промышленный рынок еще в XVII в., а другой начал становиться таковым во второй половине XVIII в. Кроме того, говоря о транспортном движении, отметим, что Ачинск второй половины XVIII в. испытал воздействие работавших в южных частях Красноярского уезда казенных заводов и поэтому был центром транспортной инфраструктуры не только своего уездного аграрного и торгового рынка, но и промышленного транзита. В этом плане примечательно то, что Мелеский острог, хронологически начавший свое существование одновременно с Ачинском, так и не стал городом [8;9].

Таким образом, начало XIX в. застало Ачинск на степени перехода к «малому городу», когда уже были заложены основы собственно городской структуры населения и хозяйства. Административная реформа 1822 г. закрепила эти процессы, и в первой половине XIX в. Ачинск становится в полном смысле этого слова городским поселением. В области социальной структуры это проявилось прежде всего в том, что вместо старых слоев и прослоек городского населения сформировалась новая мелкобуржуазная общность — мещанство, появилась и сугубо городская прослойка — чиновничество, мещанская интеллигенция, взявшая на себя городские управленческо-культурные функции. Процесс формирования этой новой социальной общности совершался в целом в рамках прогрессивности того процесса отвлечения населения от земледелия к промышленности, от деревень к городам, который служит одним из характерных признаков капиталистического развития и на Западе, и в России [10].

В плане типологии «малого города» Ачинск нельзя считать полностью «аграрным городом», хотя, безусловно, он был центром своего земледельческого округа. Он по-прежнему оставался центром транзитного торгово-транспортного движения, и это существенно обусловило как его аграрную сферу, так и ремесло, и торговлю. Примечательно, что уездные сельские ярмарки значительно превосходили его объем городской торговли. Этот транзит для основной массы горожан был двойным процессом. Естественно, что часть горожан, в основном те слои мещанства, низшего чиновничества и городских крестьян, которые не имели капиталов и в силу разных обстоятельств не могли продавать свою рабочую силу, черпали дополнительные, а подчас и основные средства к существованию в развитии своего городского «натурального» хозяйства. Для основной же массы горожан, и это было определяющим процессом, транзитное движение означало вовлечение их в сферу услуги и посреднических операций, приспособление всей личной, общественной и хозяйственной жизни ачинских горожан к этому движению капиталов, транспортов и людей. В свою очередь, это влекло почти полное разрушение натурального хозяйства, отрыв основной части горожан от потребительского сельского хозяйства и промыслов.

В конце XX века Ачинску присвоили статус города, имеющего культурную и историческую ценность всероссийского значения. В 1990 г. Ачинск был включен в список исторических городов России.

Список литературы

1. Резун Д.Я. Русские в среднем Причулымье в XVII – XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск: Наука, 1984.
2. Малые города. Правда.1983. №16.
3. Малый город. М., 1972.

4. Фукс Л. Деревня в Сибири. Правда, 1983. №256.
5. Черная М.П. Сибирский город конца XVI – начала XVIII в. в историко-археологическом отражении (историографический аспект) // Вестник Томского государственного университета. №3(7), 2009. С.95-112.
6. Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – XVIII в. Новосибирск, 1981.
7. Сорокун П.В. Социальное развитие Ачинского уезда с 1898 по 1917 г. // Гришаевские чтения. Материалы I национальной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева. 2018. С. 92-98.
8. Бойко В.П. Социально-экономическая история города Ачинска и местное купечество // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 15-19.
9. Васькова Е.Н. Ачинский муниципальный архив // Отечественные архивы. 2015. № 3. С. 57-68.
10. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / рук. проекта А.П. Деревянко. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1: А–И.

УДК 94(57)

ИЗМЕНЕНИЕ НОРМАТИВОВ ФИНАНСИРОВАНИЯ МАЛОКОМПЛЕКТНЫХ ШКОЛ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 2019–2023 ГГ. ПРИЧИНЫ И КРИТЕРИИ

*Колмогорова Анастасия Михайловна, аспирант
, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия.
aseva2014@mail.ru*

В статье рассматривается изменение нормативов финансирования малокомплектных школ на территории Красноярского края за последние 5 лет. Разбираются категории, которые влияют на изменение нормативов в рамках одного года. Также рассматриваются причины, влияющие на ежегодное индексирование показателей. В работе использованы региональные нормативно-правовые материалы, предоставляемые на момент формирования бюджета края.

Ключевые слова: финансирование образования, финансирование малокомплектной школы, малокомплектная школа, Красноярский край, расходы бюджета, поклассное финансирование, региональная школа.

CHANGES IN THE FUNDING STANDARDS FOR SMALL SCHOOL IN THE KRASNOYARSKIY KRAI IN 2019-2023. REASONS AND CRITERIA.

*Kolmogorova Anastasia Mikhailovna
Postgraduate student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
aseva2014@mail.ru*

This article discusses the change in the standards of financing of small schools in the Krasnoyarskiy krai over the past 5 years. The categories that influence the change of standards within one year are analyzed. The reasons affecting the annual indexation of indicators are also considered. The article uses regional regulatory and legal materials provided at the time of the formation of the regional budget.

Keywords: Financing of education, financing of a small school, a small school, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarskiy krai, budget expenditures, classroom financing, regional school.

XXI век принес современному обществу не только глобализацию и продолжение тенденций урбанизации XX века, но и можно смело вести речь о мегаполизации мира. Не обошел этот процесс и Россию.

На 30 мая 2022 года в стране насчитывается 16 городов-миллионников, а $\frac{3}{4}$ населения страны живет в городах. Москва и Санкт-Петербург высасывают население многих региональных центров, столицы субъектов оттягивают на себя население районных центров, райцентры в свою очередь привлекают жителей малонаселенных пунктов. И так повторяется уже немало лет, что приводит к обезлюдиванию многих территорий Российской Федерации. Возникает социально-экономическое противоречие. Государству выгоднее укрупнять объекты социальной инфраструктуры, тем самым

снижая затраты, но в малонаселенных территориях это невозможно, так как зачастую это связано с фактором труднодоступности и территориальной удаленности.

Красноярский край как никакой другой регион Российской Федерации отображает на примере бюджета региона финансирование, как школ с нормальной комплектацией в различных природных зонах, так и малокомплектных школ на этих же территориях. Исследование расчетов субвенций за 2019 – 2023 годы, направляемых на реализацию Закона «Об образовании Красноярского края», проводилось с целью выяснения категорий обучения детей, количества классов в различных категориях, изучение изменений нормативов субвенций, а также изучением динамики изменений объемов субвенций на малокомплектное школьное образование.

В основу исследования легли материалы, предоставляемые одновременно с законом края о краевом бюджете. Отображены данные за 2019, 2022 и 2023 годы как наиболее показательные за последние 5 лет. В 2019 – 2022 годах не наблюдалось резких изменений, выбивающихся каким-либо образом из тенденции образовательной политики края, а 2023 год обратил на себя внимание значительным увеличением трат в сфере школьного образования и при этом не связанное с капитальным ремонтом или строительством новых школ.

История изучения малокомплектных школ достаточно скудна. Данная проблема не имела места в Советском союзе с его системой распределения специалистов после выпуска из ВУЗа и достаточного финансирования социальной структуры, особенно на селе, и не изучалась историками в том числе потому, что относилась к вопросам микроистории. Однако сегодня тема местечкового развития все больше обращает на себя внимание. К сожалению, именно исторических работ, которые бы пытались посмотреть на сегодняшние проблемы образовательных учреждений с точки зрения государственной и региональной политики нет. Но имеется достаточное количество педагогических работ, написанных в последние 5 лет, которые, так или иначе, занимаются анализом ситуации за прошедшие 10-15 лет.[1,2] Особенно много работ опубликовано исследователями из республики Якутия [3,4], в которой причины проблем малокомплектных школ почти полностью совпадают с причинами в Красноярском крае (территория, малонаселенность, климатические особенности и прочее). Кроме того, последствия советской системы школьного образования дали о себе знать достаточно скоро не только в России, но и в странах СНГ. Так, аналогичные проблемы малокомплектных школ существуют в Узбекистане[5].

В соответствии с подпунктом 3 пункта 1 статьи 8 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» обеспечение государственных гарантий реализации прав на получение общедоступного и бесплатного школьного образования ложится на плечи субъектов РФ. К полномочиям органов государственной региональной власти в сфере образования относят субвенции в муниципальные бюджеты для реализации общеобразовательных программ. Сюда включают заработную плату учителей и административно-управленческого персонала, средства обучения, учебные пособия всех видов, а также учебную и художественную литературу. Затраты на коммунальные услуги, а также поддержание зданий в надлежащем состоянии оплачиваются из местных бюджетов. Однако, почти всегда уровень доходов районов и небольших муниципалитетов настолько мал, что без субсидий от региона обеспечить достойный уровень содержания зданий невозможно. Можно говорить, что расходы на обеспечение системы школьного образования полностью ложатся на региональный бюджет.

Расходы Красноярского края в сфере образования ежегодно растут, хотя нельзя говорить о какой-либо закономерной стабильности [6]. Однако общие цифры совершенно не раскрывают ситуации с финансированием школ в разных районах Красноярского края. Как было сказано ранее, фактически имеется два больших направления финансирования. Школы с нормальной комплектацией и малокомплектные школы. В пункте 3 статьи 24 Закона Красноярского края «Об образовании в Красноярском крае» дается разъяснение, какие школы относятся к малокомплектным: если в школе, реализующей только начальное общее образование учится менее 100 человек, начального и основного общего – менее 225 человек, начального, основного и среднего общего – менее 275 человек. Таким образом принимая во внимание, что в начальной школе 4 параллели, в основной – 5, а в средней – 2, то можно считать, что имеется ввиду, что нагрузка на класс не должна превышать 25 человек.

Наглядно количество классов показано в таблице «Количество классов в малокомплектных школах Красноярского края» (табл.1). Рассмотрев данные показатели можно увидеть, что подавляющее количество малокомплектных школ находится в сельской местности. Также стоит обратить внимание, что основная нагрузка приходится на 5-9 классы, превышая нагрузку на начальное звено практически в 2 раза. Это связано со многими факторами, которые зачастую индивидуальны для каждого

района края. Однако можно выделить три больших группы причин данного различия, которые сложились еще в конце XX века и остаются актуальными сегодня.

Во-первых, удаленность населенных пунктов друг от друга и низкая плотность населения. Это типично для таких районов, например, как Саянский, Ермаковский, Енисейский, Богучанский. Средняя плотность населения Красноярского края составляет 1,21 человека на кв. км, по указанным районам – 1,17, 1,02, 0,21, 0,79 соответственно. Несмотря на небольшое отличие от среднерегионального показателя у первых двух районов, важно учитывать такие природные факторы как рассеченность территории реками, рельефность местности и особенности тайги, которые приводят к невозможности нормальной транспортной доступности в любое время года на большей части территории. Подвоз учеников во многих районах также не возможен из-за норм СанПиНа (в пути не более 30 минут, подход к остановке не более километра), в ином случае детей следует определить в интернат. Удаленность школ и нежелание родителей отправлять школьников младшего возраста в интернат, а также легкость в освоении программы начальных классов ведет к тому, что дети в возрасте 7-10 лет чаще всего обучаются через систему экстерната или семейного обучения на дому, и лишь при переходе в средние классы начинают посещать общеобразовательные школы.

Таблица 1. Количество классов в малокомплектных школах Красноярского края (сост. по приложениям к проектам законов «О краевом бюджете» за 2018 – 2022)

	Более 20 всего	Более 20 год	Более 20 село	Менее 20 всего	Менее 20 год	Менее 20 село	Менее 15 всего	Менее 15 год	Менее 15 село
2019, всего	547	289	258	4812	0	4812	25	0	25
2019, НОО	271	129	142	1236	0	1236	9	0	9
2019, ООО	244	133	111	2294	0	2294	13	0	13
2019, СОО	32	27	5	652	0	652	3	0	3
2022, всего	412	221	191	4250	11	4239	11	0	11
2022, НОО	191	95	96	1310	4	1306	8	0	8
2022, ООО	201	110	91	2297	5	2292	2	0	2
2022, СОО	20	16	4	643	2	641	1	0	1
2023, всего	442	224	218	4187	0	4187	14	0	14
2023, НОО	199	96	103	1269	0	1269	8	0	8
2023, ООО	222	111	111	2286	0	2286	3	0	3
2023, СОО	21	17	4	632	0	632	3	0	3

Во-вторых, важным фактором домашнего обучения детей в возрасте 7-10 лет является вопрос веры родителей или законных представителей. На территории Красноярского края действуют 9 официальных конфессий, а также некоторое количество новых религиозных движений. Особое место среди краевых конфессий занимает старообрядчество, широко представленное различными согласиями. Из-за особенностей религиозных взглядов и воспитания детей с учетом этих особенностей, в Каратузском и Курагинском, Енисейском и Туруханском районах (а также в других районах, но в значительно меньшем количестве) имеются частные или вовсе не зарегистрированные домашние школы, большинство из них начальные. После освоения начального образования многие дети переходят на обучение в «мирские» государственные школы, так как многие из таких школ не имеют возможности обучать детей по программам общего и среднего образования в силу различных причин.

В-третьих, по причине того, что по актуальному федеральному закону об образовании в стране образование производится только на государственном (русском) языке, важным аспектом до-

машнего образования на уровне начальной школы остается фактор национальной принадлежности. В дореволюционные времена на юг Енисейской губернии (в особенности на территорию будущих Шушенского и Ермаковского районов) высылались многочисленные преступные элементы прибалтийских национальностей, а в начале Второй мировой и последующей за ней Великой Отечественной войны в Красноярский край были переселены целые деревни поляков, западных украинцев, финнов и поволжских немцев. Относительно большое количество национальных школ, существовавших в 1920 – 1930-е годы, со временем постепенно сокращалось. На сегодняшний день в Красноярском крае не осталось ни одной национальной школы. Латыши в Тасеевском районе, эстонцы в Ермаковском районе, коренные народы Севера на Таймыре, в Эвенкии и Туюхтетском районе предпочитают не отдавать детей в общие школы, переживая за их самоидентификацию и сберегают крупницы этнического наследия, максимально долго обучая их дома.

Изучив количественные показатели нельзя вывести какой-либо закономерности, которая объясняла бы изменение количества классов. При стабильном спаде в одних категориях, в других наблюдается подъем, хотя в регионе набирает рост строительство малых школ в районах и политики укрупнения школ и классов практически не проводится. Также колебания показателей никак не связаны с показателями рождаемости. Остается предположить, что данные изменения каким-то образом связаны с внутренней миграцией и проводимой социальной политикой в сельской местности.

Финансирование малокомплектных школ региона регламентировано главой 6 закона «Об образовании в Красноярском крае», где в пункте 3 статьи 24 отмечено, что «нормативные затраты на оказание государственных или муниципальных услуг в сфере образования должны предусматривать в том числе затраты на осуществление образовательной деятельности, не зависящие от количества обучающихся». Критерием распределения объема субвенций в малокомплектных образовательных организациях является количество классов. Кроме того, на размер выделяемых средств в Красноярском крае влияет территориальная принадлежность школы. В регионе выделено 24 зоны, указанные в Приложении 1 к Закону края об образовании. По факту, это единственный показатель, который влияет на разницу нормативов.

В таблицах 2,3 и 4 приведены примеры конкретных нормативов субвенций, выделяемых различным муниципальным образованиям. Безусловно, количество муниципалитетов значительно больше, чем отражено в таблице, взяты наиболее типичные представители конкретной группы. Порядок расчетов данных нормативов утвержден постановлением Правительства Красноярского края от 29.05.2014 №217-п «Об утверждении Порядка расчета нормативов обеспечения реализации основных и дополнительных общеобразовательных программ в расчете на одного обучающегося (один класс, класс-комплект) ...».

Если провести анализ изменений нормативов, показанных в таблице 2, то становится понятно, что за 4 года с 2019 по 2022 год рост норматива субвенции был весьма скромным: максимальный прирост финансирования наблюдается в начальном звене (от 1,06% до 1,49%), минимальный же прирост наблюдается в 10-11 классах (от 0,59% до 0,85%). В то время как только официальная инфляция в стране за 2021 год составила более 8%¹, а рост тарифов ЖКХ составляет не менее 4% ежегодно². Однако в 2023 году виден значительный прирост норматива, причем если округлять до целой части, то прирост одинаков для всех 24 зон: 16% для классов начального и среднего, 18% для классов основного образования.

Таблица 2. Норматив обеспечения реализации программ начального, основного и среднего общего образования в малокомплектных образовательных организациях, в классах с наполняемостью более 20 человек, рублей (сост. по приложениям к проектам законов «О краевом бюджете» за 2018 – 2022)

	НОО 2019	НОО 2022	НОО 2023	ООО 2019	ООО 2022	ООО 2023	СОО 2019	СОО 2022	СОО 2023
Ачинск	544146, 15	551571, 7	638806, 33	805096, 29	812463, 02	958268, 64	962198, 92	969530, 24	112884 1,28
Енисейск	614853,	623771,	722236	908422,	917274,	108163	108516	109397	127352

¹ Об индексе потребительских цен // Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1_12-01-2022.html (дата обращения: 26.12.2022).

² Об изменении тарифов на жилищно-коммунальные услуги для населения в январе-августе 2021 // Сайт управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия URL: и Республике Тыва <https://krasstat.gks.ru/news/document/135385> (дата обращения 26.12.2022).

	29	68		18	42	1,09	2,65	5,04	5,31
Норильск	153168 7,45	154795 5,63	179443 5,42	227753 8,36	229363 8,49	270752 6,58	272657 1,07	274256 9,97	319505 9,43
Балахтин- ский район	668575, 57	676205, 46	783771, 34	993246, 1	100092 9,97	118139 7,63	118871 1,0	119642 7,39	139370 4,88
Богучан- ский район	765591, 82	776998, 75	899637, 14	113084 6,17	114231 3,82	134696 6,71	135074 4,19	136224 8,43	158581 2,36
Турухан- ский район (север)	-	102732 2,27	118997 2,51	-	151440 9,04	178641 1,94	-	180765 5,18	210487 2,81
Таймыр (север)	138174 0,86	140105 3,96	162247 5,74	204324 9,44	206241 3,47	243231 2,68	244150 4,6	246057 8,87	286471 4,32
Эвенкия (север)	133451 1,64	-	-	196226 2,11	-	-	234019 3,5	-	-

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и с финансированием классов с наполняемостью менее 20 человек (табл.3). Норматив отличается от предыдущего строго в пределах 6-7%. Если рассматривать динамику изменений, то также за предыдущие 4 года рост показателей был очень скромным: 0,93-1,44% в 1-4 классах, 0,74-1,16% в 5-9 классах, 0,7-1,09% в 10-11 классах. Видно более однородную структуру финансирования. Это связано с более похожими получателями субвенций, так как в данной категории получателями являются только сельские территории, безусловно, они находятся в разных природных зонах, но проблемы у них в целом схожие, хотя и требующие разных затрат. В 2023 году также наблюдается резкий прирост субвенций, даже в больших объемах, чем в предыдущей категории. Также 16% для НОО, но для ООО и СОО 20% и 19,5% соответственно.

Таблица 3. Норматив обеспечения реализации программ начального, основного и среднего общего образования в малокомплектных образовательных организациях, в классах с наполняемостью менее 20 человек (сост. по приложениям к проектам законов «О краевом бюджете» за 2018 – 2022)

	НОО 2019	НОО 2022	НОО 2023	ООО 2019	ООО 2022	ООО 2023	СОО 2019	СОО 2022	СОО 2023
Балахтин- ский район	628912, 16	634729, 97	738583, 67	787313, 28	793157, 42	955613, 86	841148, 96	847002, 05	101408 8,31
Богучан- ский район	717743, 86	726434, 6	844506, 36	895945, 13	904665, 49	108866 5,33	956510, 26	965240, 69	115444 9,08
Кежемски й район	830556, 05	839264, 78	976190, 94	103845 7,52	104720 0,81	126104 3,07	110911 6,85	111787 1,88	133779 0,78
Северо- Енисей- ский район	913938, 32	924375, 6	107486 0,43	114163 9,94	115211 5,07	138684 1,34	121902 8,72	122951 6,72	147089 8,35
Таймыр (север)	159606 3,4	161118 3,45	187466 6,89	199761 0,24	201279 7,05	242483 8,43	213408 3,68	214929 3,18	257307 1,15
Эвенкия (север)	124778 5,46	126570 8,77	147035 5,75	155405 4,02	157202 8,26	188998 3,62	165814 5,3	167613 6,84	200304 3,97
Эвенкия (юг)	119386 4,4	121063 5,61	140652 2,1	148737 1,77	150419 1,78	180866 5,48	158712 5,91	160396 2,51	191701 4,97

В таблице 4 приведены все муниципалитеты, в которых имеются классы с наполняемостью менее 15 человек. Видно, что количество районов за последние 5 лет уменьшилось, хотя при этом количество классов выросло. В данном нормативе приросты с 2019 по 2022 год самые минимальные среди всех нормативов. 0,62%, 0,49%, 0,46%. И, как и у предыдущих нормативов, в последний год наблюдается резкий скачок показателей, причем здесь наибольший. 17,21 и 20 процентов для начального, основного и среднего уровня образования. Значительный прирост нормативов по всем категориям в 2023 году объясняется поручением президента Российской Федерации об увеличении заработной платы педагогическим работникам.

Таблица 4. Норматив обеспечения реализации программ начального, основного и среднего общего образования в малокомплектных образовательных организациях, в классах с наполняемостью менее 15 человек (сост. по приложениям к проектам законов «О краевом бюджете» за 2018 – 2022)

	НОО 2019	НОО 2022	НОО 2023	ООО 2019	ООО 2022	ООО 2023	СОО 2019	СОО 2022	СОО 2023
Таймыр (север)	172395 7,6	173471 6,84	202520 7,9	217241 4,14	218312 2,53	263948 0,01	232483 0,7	233552 1,86	280498 3,39
Эвенкия (север)	133732 4,49	-		167937 2,11	-		179562 3,56	-	

Фактор обезлюдения территории страны стоит сегодня весьма остро, являясь, по сути, фактором национальной безопасности. Каждый житель страны знает, что если в деревне закрывается школа – деревня рано или поздно опустеет. Поэтому малокомплектные школы, несмотря на то, что являются высокочрезвычайными учреждениями, остаются крайне необходимым звеном системы образования, как страны, так и региона. Для более полного содержания таких школ в Красноярском крае проведена комплексная работа по разработке нормативов субвенций. Выделены категории по наполняемости классов (более 20, менее 20, менее 15 человек) и проведена градация по территориальному признаку (24 индекса). Каждый год пересчитывается количество классов и индексируется размер нормативов. Колебания количества классов лишь частично коррелируются с изменениями демографии, не всегда взаимосвязаны с процессами внутренней миграции и находятся под влиянием внутренних социальных факторов региона. Изменение нормативов находится под влиянием общей политики государства, определяющей изменения уровня заработной платы педагогических работников, административно-хозяйственного, учебно-вспомогательного персонала и иных категорий работников образовательных учреждений. Поэтому колебания нормативов не имеют выраженного однородного характера, и после долгого плавного небольшого повышения может наблюдаться резкий скачкообразный прирост.

Список литературы

1. Тимофеев, А.Н. Особенности развития малокомплектной школы: проблемы и перспективы / А.Н. Тимофеев, О.Н. Тюленева // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8. № 1. С. 15-23.
2. Боровик, В. Г. Сохранение малокомплектных школ, или Благие пожелания российского Минпросвещения / В. Г. Боровик // Народное образование. 2020. № 1. С. 56-60.
3. Неустроев, Н.Д. Малокомплектная школа арктического Севера: проблемы и перспективы развития / Н. Д. Неустроев, А. Н. Неустроева, А. С. Саввин // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2. С. 108-111.
4. Степанова, М.А. Анализ цифровой и физической доступности общеобразовательных учреждений в труднодоступных и малонаселенных местностях на примере Республики Саха (Якутия) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022, № 2. С. 40–54.
5. Бурханов, А. Некоторые вопросы и проблемы малокомплектных школ в малонаселенных селах в республике Узбекистан // Academic research in educational sciences. 2021. № 4. С. 1596-1602.
6. Колмогорова, А.М. Финансирование системы школьного образования Красноярского края в 2012–2021 гг. // История мировых цивилизаций. Образование как фактор социально-политического развития : материалы XVII Всероссийской научной конференции, посвященной памяти С.И. Кангуна. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. С. 36-40.

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ПЛАНЫ НОВОГО УРЕНГОЯ В 1970-1980-Е ГГ.

*Мочалин Максим Сергеевич, аспирант
Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия
mochalin732@mail.ru*

В исследовании проводится анализ развития архитектурно-планировочного пространства Нового Уренгоя. Предметом настоящего изучения являются генеральные планы города, которые отражали концепцию архитектурного облика Нового Уренгоя. В частности, в настоящей работе автором рассматриваются генпланы города 1974, 1979, 1982, 1987 гг. Проведённый анализ эволюции архитектурно-планировочного пространства Нового Уренгоя является попыткой раскрытия подходов советских архитекторов к градостроительному освоению ЯНАО в 1970-е – 1980-е гг.

Ключевые слова: Новый Уренгой, генеральный план, Гипрогор, капитальное строительство, дискурс.

MASTER PLANS OF NOVY URENGOY IN THE 1970S AND 1980S.

*Mochalin Maksim Sergeevich
Postgraduate student, Tyumen State University, Tyumen, Russia
mochalin732@mail.ru*

The study analyzes the development of the architectural and planning space of Novy Urengoy. The subject of this study is the general plans of the city, which reflected the concept of the architectural appearance of Novy Urengoy. In particular, in this work the author examines the general plans of the city of 1974, 1979, 1982, 1987. The analysis of the evolution of the architectural and planning space of Novy Urengoy contributed to the disclosure of the approaches of Soviet architects to the urban development of the Yamal-Nenets Autonomous District in the 1970s – 1980s.

Keywords: Novy Urengoy, master plan, Giprogor, capital construction, discourse.

Индустриальное освоение Ямало-Ненецкого автономного округа во второй половине XX века привело к возникновению новых посёлков и городов на территории региона. В качестве примера рассматривается кейс г. Нового Уренгоя – базового города ямальских газодобытчиков. Особый исследовательский интерес представляет изучение эволюции генеральных планов города в 1970-1980-е гг. Стоит отметить, что с 1974 по 1987 гг. в Новом Уренгое было принято 4 генплана, что свидетельствует об исключительной важности города для руководства страны в годы формирования ЗСНГК.

На сегодняшний день исследование истории эволюции градостроительных концепций советских городов представлено учёными в ряде научных работ [2, 7, 8, 10, 13]. Как правило, авторами анализировались генпланы и проекты детальных планировок столичных или крупных городов СССР, но в меньшей мере историография представлена исследованиями, рассматривающими архитектурно-планировочное развитие городов Ямало-Ненецкого округа.

Создание Нового Уренгоя было обусловлено необходимостью в добыче газа на Уренгойском месторождении. Примечательно, что идея возведения города при промысле была озвучена ещё в 1968 г. на конференции по проблемам градостроительства в газоносных районах Тюменской области. Намеченным планам было суждено сбыться только спустя 5 лет, в декабре 1973 г, когда из посёлка Пангоды направилась автотракторная колонна для обустройства в Пуровском районе базы газодобытчиков при Уренгойском месторождении [9; С. 210]. С этого события начинается история Нового Уренгоя.

В 1974 г. в связи с обустройством и эксплуатацией Уренгойского газового месторождения Государственный институт проектирования городов (Гипрогор) разработал генеральный план города Уренгоя. Официально генплан был утверждён решением Тюменского облисполкома № 579 от 18.09.1974 г. Численность населения предусматривалась на расчётный срок 25-30 лет 30 тыс. человек и 18 тыс. человек до 1980 г [1; Л. 129]. Генеральный план рассматривал дальнейшее развитие населённого пункта как промышленного центра добычи газа в Тюменской области. Отдельно стоит отметить, что в плане уже было предусмотрено чёткое функциональное зонирование территории с выделением селитебных и промышленно-коммунальных зон [6; Л. 150]. Согласно генплану, намеченная

территория позволяла разместить требуемые объёмы жилищно-гражданского и промышленного строительства с обеспечением необходимого резерва [12; С. 214]. Планировалось реализовать капитальное жилищное строительство в 4, 9 и 12 этажей, также учитывалось полное инженерное оборудование и благоустройство. Немаловажным является тот факт, что окружным и областным руководством было принято решение о строительстве в первую очередь культурно-бытовых и спортивных учреждений в городе.

В целом, первый генеральный план Нового Уренгоя демонстрирует рациональный подход советского государства к освоению региона. Руководство округа и области избегало идеи создания временного поселения, а напротив, выступало за строительство капитального и благоустроенного опорного города, без возведения которого дальнейшее промышленное освоение Уренгойского месторождения было невозможным. Тем не менее генплан 1974 г. в полной мере так и не был реализован. Во многом причиной срыва явилось отсутствие контроля застройки, посёлок разрастался быстрыми темпами [1; Л. 129]. Также до конца 1970-х гг. в Новом Уренгое практически не велось капитального строительства, что было недопустимо в рамках принятого генплана. Стоит заметить, что проблема ненадлежащего планировочного контроля затрагивалась исследователем А.А. Думчиковым. Анализируя реализацию генпланов Свердловска в 1930-е гг, историк указывал на аналогичную проблему, а именно - бессистемную застройку города, обусловленную ведомственными интересами акторов строительства [8; С. 40-41]. Эту же исследовательскую проблему учёные рассматривали и на примере городов ЗСНГК. Так, историк Э.С. Красовитова отмечала, что в Сургуте при реализации застройки города допускались ошибки, связанные с отсутствием должного надзора за градостроительством, что приводило к отступлениям от утвержденного генплана [10; С. 133-134].

В связи с высокими показателями демографического роста и потребностью в капитальном строительстве было принято решение о корректировке генерального плана Нового Уренгоя. В конце 1970-х гг. стало ясно, что предыдущий генплан нуждался в необходимой доработке. К началу 1979 г. в посёлке проживало 8,5 тысяч человек. На тот момент жилищный фонд был представлен малоэтажными деревянными домами. Полностью отсутствовало капитальное многоэтажное строительство. Имело место возведение в значительном объеме временных посёлков, вагон-городков и балков на территориях, предназначенных для капитальной жилой застройки. Отставало строительство объектов культурно-бытового назначения, коммунального хозяйства и организация благоустройства. Отмечалось наличие прецедентов незаконного строительства, например, в западной части посёлка был возведен аэродром класса «В», который не был ранее предусмотрен в генеральном плане Нового Уренгоя [1; Л. 129]. Подобные акты стихийного строительства препятствовали планомерному территориальному росту города согласно намеченному плану развития.

В 1979 г. облисполкомом был одобрен новый генеральный план посёлка (решение № 318 от 17.10.1979 года) [3; Л. 193]. Проектный институт Гипрогор провёл корректировку предыдущего генплана 1974 г. Обновлённый генеральный план предусматривал дальнейшее развитие Нового Уренгоя как промышленного центра добычи газа на Тюменском Севере. Была спрогнозирована численность населения в 18 тысяч человек к концу первой очереди строительства в 1985 г. На расчётный срок в 25-30 лет прогнозировался рост до 70 тысяч жителей, исходя из темпов добычи газа до 100 тысяч кубических метров [1; Л. 130]. Генеральный план предполагал размещение под массовое жилищное строительство наиболее благоприятных в природном и градостроительном отношениях территорий с увеличением площади городской застройки до 500 гектаров (га) на первую очередь строительства и 1005 га к концу расчётного срока. Архитектурно-планировочное решение было направлено на развитие и улучшение планировочной структуры города с учётом сложившихся градостроительных факторов и природных условий [Там же]. При капитальной застройке города авторами генплана планировалось применять серию дома 111-112, которую выпускал Надымский домостроительный комбинат (Надымский ДСК). Данная серия позволяла осуществлять жилищное строительство в Новом Уренгое с учётом всех необходимых градостроительных требований, применяемых к городам возводимых в северных широтах [Там же]. Также стоит отметить, что архитекторы ратовали за максимальное сокращение территории южной промышленной зоны, выступали за освобождение ценных селитебных зон под жилищное строительство.

По большому счёту, второй генеральный план Нового Уренгоя был направлен на улучшение планировочной структуры города, которая должна была соответствовать условиям Крайнего Севера. Авторы генплана продолжали развитие идеи создания комфортного и благоустроенного города при Уренгойском месторождении. Архитекторами были обозначены типовые серии домов в северном исполнении, которые рассчитывались на низкие температуры, характерные для сурового климата ЯНАО. Концепция возведения жилых домов с учётом природно-климатических условий Крайнего

Севера будет развита в последующих генеральных планах и проектах детальных планировок Нового Уренгоя.

В 1982 г. был принят новый генеральный план города, разработанный проектным институтом Гипрогор. Причиной принятия нового генплана Нового Уренгоя стало прогнозируемое увеличение объёмов добычи газа (до 250 млрд.м³) [3; Л. 5]. Данный генплан предполагал развитие города на двух площадках, разделённых широкой поймой реки Седэ-Яха. Южнее железной дороги располагалась застроенная территория уже существующего города, севернее – новая проектируемая площадка [Там же]. Необходимость в строительстве Северного жилого района заключалась в прогнозируемом росте численности населения. Например, расчётные показатели количества жителей Нового Уренгоя к 1990 г. определялись до 130 - 150 тысяч человек [Там же] (на момент составления генплана в городе проживало 34 тысячи жителей) [3; Л. 28]. Рост города напрямую зависел от темпов добычи газа на Уренгойском и прилегающих к нему месторождениях. Разработчики нового генерального плана Нового Уренгоя отмечали, что градостроительная ситуация крайне неблагоприятна. Город изначально размещался на недостаточно пригодной для строительства площадке, которая к тому же в силу природных причин была территориально ограничена. Часть городских земель с юга и севера затапливалась на 1% паводком рек. Всё это привело к вынужденному выходу города на новые территории. Проект предполагал вариант размещения значительной части города на противоположном берегу реки Седэ-Яха. Отрицательной стороной данного архитектурно-планировочного решения являлось нарушение принципа компактности городской застройки, что было крайне нежелательным для суровых климатических условий ЯНАО. Согласно проекту, город должен был представлять два самостоятельных района, разделённых трёхкилометровой затапливаемой поймой реки Седэ-Яха [3; Л. 71]. Проектировщики определили северную площадку Нового Уренгоя как территорию, которая должна была выполнять функции городского центра, а также выступать новой архитектурной доминантой города [Там же; Л. 72]. Авторы генерального плана города предполагали на Южной жилой площадке реализовать комбинированное строительство, одновременно применив возведение капитального и малоэтажного деревянного фонда. Северная жилая площадка предназначалась для размещения капитального средне- и многоэтажного жилья. Также в генеральном плане проектировались системы пешеходных пространств центральной части города. Пешеходные зоны должны были представлять пассажи и небольшие площадки, галереи и зимние сады, а также бульвары вдоль фасадов улиц-пассажей для прогулок в тёплое время года. В северном районе города проектировалась пешеходная набережная, на территории которой должны были расположиться крытый стадион, плавательный бассейн, дворец спорта, гостиница, детская спортивная школа, а также отводилась площадка для учебного центра.

Примечательно, что подобная практика размещения города на двух площадках была описана в историографии исследователем Е.В. Нижником [7; С. 172-180]. Учёный рассматривала пример города Орска, который согласно генплану 1935 г. должен был развиваться на противоположном берегу р. Урал. Историком отмечалось, что генеральный план в конечном итоге так и не был реализован. Автор констатирует, что «вместо компактного благоустроенного «города будущего» на правом берегу Урала выросло несколько временных барачных поселков, расположенных в экологически опасных зонах и отстоящих друг от друга на несколько километров» [Там же; С. 180]. Но в отличие от орского Соцгорода Новый Уренгой в середине 1980-х гг. начал успешно развиваться на Северной жилой площадке. Случай Нового Уренгоя отражает пример довольно жесткого контроля строительства, данный факт позволил реализовать генплан 1982 г. в большей степени, чем предыдущие. Также среди возможных причин благополучной застройки заречной части Нового Уренгоя можно отметить факт обретения статуса города (создание горсовета) в 1980 г. и заранее проведённые инженерно-геологические изыскания на территории будущей стройки в 1983г [16].

В 1987 г. институт Гипрогор (Москва) разработал новый генеральный план города Нового Уренгоя на 200 тыс. человек. Создание нового генплана было вызвано необходимостью в корректировке ранее принятого генерального плана 1982 г., так как был намечен стремительный рост численности населения города. Например, рассчитывалось, что к 1990-му г. численность населения Нового Уренгоя будет составлять 150 тысяч человек. Очередной демографический «взрыв» прогнозировался в связи с открытием и обустройством Ямбургского месторождения. Стоит отметить, что генеральный план предполагал масштабную застройку Северной части города капитальным многоэтажным жильем, а также реконструкцию и уплотнение малоэтажной застройки на Южной площадке [5; Л. 2]. Архитекторами отмечались тяжёлые условия строительства на проектируемой территории. Один из авторов генплана М.Г. Савидова сообщала: «Вокруг болота, тундра, очень долго длится зима с морозами и ветрами» [15; С. 148]. Тем не менее, проектом предусматривалось создание системы зелёных

насаждений общего пользования – садов, скверов и бульваров. Авторы генерального плана делали акцент на сохранении существующей растительности в черте города. Основным зелёным ядром в системе озеленения города намечался парк в пойменной части рек Седэ-Яха и Томчаруяха. Также эта территория планировалась как связующая зона между южной и северной частью города [4; Л. 114]. Новый генплан продолжал развивать градостроительную концепцию предыдущего генерального плана 1982 г. Авторы проекта также рассматривали дальнейшее развитие города на Северной площадке. В конечном итоге разработка нового генерального плана позволила продолжить развитие Нового Уренгоя в качестве благоустроенного города на Крайнем Севере, которому в дальнейшем предстояло стать плацдармом для освоения газовых месторождений в Арктической зоне ЯНАО.

В связи с внутривнутриполитическими событиями в стране четвёртый генеральный план Нового Уренгоя был реализован довольно слабо. Так и не была создана зелёная рекреационная зона, которая связала бы Южную и Северную площадку города. По большому счёту генеральный план 1987 г. являлся корректировкой предыдущего генплана 1982 г, где также было акцентировано внимание на более сильную проработку проекта застройки Северной площадки.

В феврале 1988 г. в новоуренгойской городской газете «Правда Севера» вышла статья, посвящённая утверждению генплана 1987 г [13]. Читателям сообщалось, что новая центральная улица разместится на Северной площадке города, именно вдоль неё будет создан деловой центр города. Также отдельно было уделено внимание созданию зелёных насаждений, которые планировалось разместить в первых этажах отдельных жилых домов и в закрытых помещениях. В целом, в газетном номере были отражены идеи создания комфортного и благоустроенного города. Любопытно, что в городской газете довольно слабо были освещены вопросы архитектурно-планировочного развития Нового Уренгоя, за исключением упомянутой статьи. Можно предположить, что во многом данная тема являлась дискуссионной в обществе. О проектах развития города и его генпланах говорили лишь архитекторы и профильные специалисты, что возможно и повлияло на то, что новоуренгойская периодика слабо представлена материалами касаясь архитектурно-планировочного развития города.

Стоит отметить, что менее чем за 20 лет в Новом Уренгое было разработано и утверждено 4 генеральных плана. Данный факт говорит о том с какой стремительностью развивался город, а также какое значение имел для страны в целом. Постоянные растущие прогнозы добычи газа на месторождении, а также рост численности горожан заставляли архитекторов работать над новыми проектами города. Также нельзя не отметить и эволюцию статуса и роли Нового Уренгоя в жизни ЗСНГК, так как за короткое время населённый пункт проделал непростой путь от небольшого посёлка до базового города по освоению северных газовых месторождений, став плацдармом для дальнейшего ресурсного освоения Арктики.

Делая выводы, можно отметить, что архитектурно-планировочные проекты развития г. Нового Уренгоя в социалистический период его становления в большинстве своём создавались исходя из задачи формирования города как ключевого центра по освоению Уренгойского месторождения. Уже в первых генеральных планах Нового Уренгоя отражалось комплексное формирование городской среды, где проектировщиками был сделан акцент на капитальном строительстве города. В 1980-е гг. архитекторы стали рассматривать строительство новых жилых районов на территории Северной площадки, тем самым разместив город на двух отдалённых друг от друга участках. В связи с активным демографическим ростом градостроителями предполагалось сконцентрировать большую часть новых жилых микрорайонов именно в северной части Нового Уренгоя, так как данный участок был более благоприятен для реализации капитальной застройки. Впоследствии именно Северный жилой район города должен был стать административным и общественным центром Нового Уренгоя, определив южной части роль транспортного узла и промышленной зоны города. Авторы генпланов также акцентировали внимание на создании зелёных зон, которые должны были поспособствовать благоустройству и разнообразию облика города. Градостроители стремились сделать Новый Уренгой удобным и благоустроенным городом, условия проживания в котором были бы не хуже, чем в других урбанизированных районах Советского Союза. Данные решения и замыслы нашли своё отражение в пояснительных записках генеральных планов развития Нового Уренгоя, что подтверждает тезис о стремлении создания советскими градостроителями прекрасного и комфортного базового города при Уренгойском газовом месторождении.

Список литературы

1. Архив города Сургута Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Ф. 80. Оп. 1. Ед. хр. 102. Л. 129.

2. Бугров К.Д. Столичная идентичность и градостроительное развитие Екатеринбурга (конец XIX — начало XXI в.) // Уральский исторический вестник. 2023. №3. С. 17-27.
3. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Ед. хр. 304.
4. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Ед. хр. 306.
5. ГАТО. Ф. Р-1933. Оп. 9. Ед. хр. 307.
6. ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Ед. хр. 5425.
7. Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII - начала XXI веков / под ред. Е.В. Кобышевой, С.А. Баканова, Л.В. Никитина. - Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2008 – 409.
8. Думчиков А.А. Разработка генерального плана Свердловска в 1930-е гг.: проблемы и особенности // Уральский исторический вестник. 2023. №3. С. 37-44.
9. Колева Г.Ю. Газовая промышленность Тюменской области: от Березовского до Медвежье-го : монография / Г. Ю. Колева, Ж. М. Колев. – Тюмень: ТИУ, 2022. – 236 с.
10. Красовитова Э.С. Процессы урбанизации в эпоху активного освоения севера Западной Сибири (на примере города Сургута) // Вестник НВГУ. 2019. №3. С. 130-136.
11. Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны / Томас М. Бон ; [пер. Е. Слепович]. - М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. - 414 с.
12. Нефтегазостроители Западной Сибири. В двух книгах. Книга 2 / Антология. – М.: Российский союз нефтегазостроителей, 2004. – 349 с.
13. Новый Уренгой в третьем тысячелетии // Правда Севера. 1988. 25 февраля. № 23.
14. Советское градостроительство. 1917–1941. М.: Прогресс-Традиция, 2018. – 820 с.
15. Трутнев А.В. Энергия века. - М. : Недра, 1989. – 235 с.
16. Уренгойское заречье // Правда Севера. 1983. 31 декабря. № 156.

УДК 314.02:93

НОМЕНКЛАТУРА ПРИЧИН МЛАДЕНЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ И ВОЗМОЖНЫЕ ФАКТОРЫ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Семькин Евгений Иванович, аспирант

*Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
Salvadorrr033@gmail.com*

В вопросе младенческой смертности огромную роль играют не только объективные факторы, такие как состояние системы здравоохранения, экология, гигиеническая культура, санитария и прочее, но и сама система учета фактов младенческой смертности. В данном исследовании проводится анализ номенклатуры причин младенческой смертности в формах учета демографической статистики СССР.

Ключевые слова: младенческая смертность, демография, эпидемиологический переход, демографическая статистика.

THE NOMENCLATURE OF CAUSES OF INFANT MORTALITY AND POSSIBLE FACTORS OF ITS FORMATION

Semykin Evgeny Ivanovich

*Postgraduate student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
Salvadorrr033@gmail.com*

In the issue of infant mortality, not only objective factors play a huge role, such as the state of the health system, ecology, hygienic culture, sanitation, etc., but also the very system of accounting for infant mortality. This study analyzes the nomenclature of causes of infant mortality in the forms of accounting for demographic statistics of the USSR.

Key words: infant mortality, demography, epidemiological transition, demographic statistics.

Значение младенческой смертности, на сегодняшний день, является одним из ключевых показателей оценки социального благополучия, уровня санитарии. Причины смерти новорожденных могут быть различными. Обуславливать их могут течение беременности и состояния матери, экологическая ситуация в месте рождения, наследственные факторы и многое другое. При этом важно помнить, что числовые значения в статистических документах — это лишь отражение реальности, а не сама реальность.

Так, например, уже на современном этапе в Российской Федерации была отмечен рост значений младенческой смертности, хотя ему предшествовал устойчивый тренд на ее снижение. Всеми виной стало внедрение новых критериев рождения, по которым дети появившиеся на свет с 22 недели беременности и массой тела от 500 граммов регистрируются в качестве родившихся, однако риски смертности в этой группе выше, чем у родившихся на более поздних сроках беременности [6, с.47] Повторимся, что в действительности практически ничего не изменилось, однако показатели младенческой смертности ухудшились.

Тем важнее, при проведении исследований в области исторической демографии, особенно по такой проблеме, как младенческая смертность обратить более пристальное внимание на то, какими методами и в каких формах велся учет младенческой смертности конкретно в СССР второй половины XX века. Результаты работы возможно использовать при проведении иных исследований в области исторической демографии для получения более достоверной и объективной картины прошлого.

В рамках текущего исследования не получится охватить весь объем статистических документов, поэтому будет рассмотрено только номенклатура причин младенческой смертности по ряду форм учета.

Учет причин смертности при составлении ежегодных статистических отчетов об естественном движении населения велся при помощи форм №5. “Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти”. Всего в шифре состояний, повлекших смерть насчитывается 115 позиций [2, л.46-47] Данные формы можно встретить уже в отчетах за 50-е годы. При этом новорожденные (до 1 года) включены в эту форму на общем положении с другими возрастными когортами, хоть в самом шифре и присутствует ряд позиций, специфичных только для этого возраста.

Важно уточнить, что болезнь и причина (этиология) заболевание две различных категории. Сама по себе болезнь может иметь перечень отличных друг от друга причина. Формы №5 дают возможность вычислить количественную динамику смертности от различных заболеваний, однако, не позволяют узнать причин возникновения этих состояний. Что особенно важно, когда дело касается новорожденных.

В 1965 году меняется содержание форм №5 - номенклатура причин смертности расширяется почти вдвое, в том числе количество позиций в шифре, касающихся именно смерти новорожденных, которое увеличивается более чем в 4 раза (до 13 позиций) [3, л.135]. Однако, среди прочих причин смертности новорожденных продолжают лидировать пневмонии, родовые травмы, болезни ЖКТ спектр этиологии которых огромен.

В 1970 году появляется новый тип форм учета младенческой смертности - формы №5-д “Сведения о мертворождении и числе умерших детей в возрасте 0–6 дней по полу и причине смерти” по следующим группам: мертворожденных, умерших в возрасте 0-6 дней, суммарно мертворожденных и умерших в возрасте 0-6 дней. Но что самое важное, приведена отдельная номенклатура причин смерти. Всего 46 причин смертности, которые включают в себя как болезни непосредственно новорожденных, так и патологии беременности, которые их обусловили [4, л.221]. Форма построена так, что можно составить причинно-следственную связь для каждого факта смерти ребенка от конкретного заболевания и состояния, а найти ее можно в состоянии матери.

Однако, при этом в шифре присутствует позиция по неустановленным или неизвестным причинам, и она весьма велика. Так, например, в статистике за 1983 год по всем городским поселениям края в возрасте 0–6 дней умерло 296 детей - из них по неустановленным причинам 99 [5, л.105], то есть фактически треть.

Как мы видим, при прогрессе в вопросе структуры и форм учета, остается вопрос к исполнителям на местах, лечебным учреждениям, формирующим первичные данные. Можно сделать вывод, что диагностические возможности их были весьма скромными, учитывая такие показатели неустановленных причин смертности новорожденных. А с учетом того, что сама форма учета появилась еще в 1970 году, прогресс в этой области также был скромным, если вообще был.

При этом отметим, что представление о прямой связи практически всех причин смерти новорожденных на первой неделе жизни со здоровьем и состоянием матери было сформировано. Сами же формы учета не дают нам ответа на вопрос, какова была природа проблем учета: квалификация со-

трудников, техническое оснащение, сознательное сокрытие — это тема для отдельного исследования по материалам совсем другого характера.

Резюмирую вышесказанное, можно констатировать, что номенклатура форм учета претерпела изменения в лучшую сторону. От понятного и простого расширения номенклатуры, одновременно с увеличением значения причин именно младенческой смертности, к появлению новых форм, которые построены на связи патологии беременности и родов и болезнями новорожденных, оканчивающихся для последних фатально.

Представляется возможным сделать вывод об увеличении внимания к проблеме младенческой смертности со стороны статистических органов, равно как и о существенных недостатках в вопросе учета на местах, на что необходимо делать поправку при проведении дальнейших исследований в данной области.

Список литературы

1. Ветров, В. В. Акушерские истоки младенческой смертности по данным Н-ского региона Российской Федерации (РФ) / В. В. Ветров, Д. О. Иванов // Детская медицина Северо-Запада. – 2015. – Т. 6, № 3. – С. 49–55.
2. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.8. Д.1.
3. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.8. Д.7
4. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.8. Д.13.
5. ГАКК. Ф.Р-1300. Оп.8. Д.34.
6. Исакова, П. В. Анализ распространенности, структуры и факторов риска младенческой смертности в Российской Федерации / П. В. Исакова // Проблемы стандартизации в здравоохранении. - 2017. - №5–6. с. 43–54.
7. Каюков, Р. А. Причинно-следственный анализ младенческой смертности на современном этапе / Р. А. Каюков // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 1. – С. 47.
8. Мысяков В.Б., Коновалов О. Е. Динамика и тенденции перинатальной, младенческой и материнской смертности // Вестник Медицинского стоматологического института. - 2010. - №4. - С.5-7.

УДК 9.93

РАЗВИТИЕ КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1950Х–НАЧАЛЕ 1960Х ГГ.

*Солдатенко Дмитрий Юрьевич, аспирант
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
dima98sol@mail.ru*

В статье даётся представление о развитии жилищнокоммунального хозяйства Красноярского края в 1950х – начале 1960х гг. Основное внимание уделено системам водоснабжения и электрификации, особенностям их функционирования, а также основным направлениям градостроительной политики в указанный период.

Ключевые слова: коммунальное хозяйство, электрификация, коммунальная инфраструктура, жилищный фонд, градостроительство, ЖКХ.

DEVELOPMENT OF PUBLIC UTILITIES IN KRASNOYARSK IN THE 1950S – 1960S.

*Soldatenko Dmitry Yuryevich
Postgraduate student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
dima-98sol@mail.ru*

The article gives an idea of the development of housing and communal services of the Krasnoyarsk Territory in 1950-60. The main attention is paid to water supply and electrification systems, the peculiarities of their functioning, as well as the main directions of urban planning policy during this period.

Keywords: utilities, electrification, communal infrastructure, housing stock, urban planning, hcs.

Тема становления жилищного хозяйства в 1950х – начале 1960х гг. остается актуальной, поскольку это был период значительных изменений и развития в области жилищного строительства и коммунального хозяйства. Важно понимать этот период, чтобы оценить его влияние на современное жилищное хозяйство и сравнить с текущими вызовами и проблемами. Так же именно на этот период приходится очередной виток индустриальной модернизации, который потянул за собой изменения не только в экономике, но и в социальной среде советского общества. В 1950х гг. многие города Красноярского края сталкивались с недостатком жилья, что было вызвано разрушенной экономикой и инфраструктурой после окончания Великой Отечественной войны. Было необходимо провести масштабное строительство новых жилых домов, чтобы обеспечить население комфортным и доступным жильем. Это привело к разработке новых строительных технологий, созданию новых микрорайонов и развитию инфраструктуры. Кроме того, в 1950х – начале 1960х гг. происходили изменения в организации коммунального хозяйства, включая системы водоснабжения, канализации, электроснабжения, т.д.

Цель исследования – дать общий обзор состояния системы жилищного хозяйства и коммунальных услуг Красноярского края, связанных с улучшением условий жизни горожан, обеспечением их удобствами, а также повышением эффективности коммунальной инфраструктуры.

В 1950х гг. жилищнокоммунальное хозяйство в Красноярском крае, как и на территории всей страны, находилось в процессе активного развития и модернизации. В рассматриваемый период проводились масштабные работы по строительству новых жилых домов, улучшению систем водоснабжения, электроэнергии, общественных бань и т.д. Одной из основных задач в отрасли жилищнокоммунального хозяйства было обеспечение жильем населения, в связи с чем активно строились новые многоквартирные дома. Особенно ярко данная тенденция прослеживается в середине и конце 1950х гг. в ходе массового строительства типовых пятиэтажных «хрущевок» [1, с. 68]. Также в 1950х годах проводились работы по улучшению коммунальной инфраструктуры. Были введены в эксплуатацию или находились на стадии строительства (реконструкции) системы водоснабжения, электроэнергии, общественные бани, что позволило обеспечить население более комфортными условиями проживания. В целом, в 1950х годах в городах Красноярского края были предприняты значительные усилия для развития жилищнокоммунального хозяйства и улучшения условий жизни горожан, но трудности по вводу в эксплуатацию новых объектов и модернизации старых отраслей жилищнокоммунального хозяйства требовали особого решения вопросов [2, с. 19].

Начало массового строительства и развития жилищнокоммунального хозяйства положило постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 04.11.1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» [10]. Согласно данному положению цель реформации при возведении жилых домов заключалась в следующем: избавиться от излишеств в строительстве, сделать жилье массово доступным для граждан, переселить людей из сооружений барачного типа в многоэтажные квартиры, повысить уровень жизни советских граждан [10].

Проекты и здания сталинского периода были экономически затратными, поэтому политика Н.С. Хрущева заключалась в возведении дешевого и быстровозводимого жилья. Строительство с применением железобетонных панелей значительно ускорило темпы урбанизации. Параллельно модернизировалось и коммунальное хозяйство. [10].

В Красноярском крае жилищнокоммунальное хозяйство развивается в направлениях, связанных с электрификацией, водопроводом, строительства зданий и т.д.

В отчетах за 1950е гг. в области электрификации перед руководством Красноярского края стояли следующие задачи: 1. Модернизация заброшенных и возведение новых электростанций 2. Постепенно обеспечить доступность к электричеству не только стратегически важным предприятиям, но и обычным потребителям. 3. Не допускать перерасхода топлива на 1 квт./час выработанной электроэнергии, что в свою очередь может отразиться на себестоимости. 4. Не допускать повышения цен для граждан. 5. Придерживаться ежегодных планов и показателей [6, л. 50].

В 1950х в крае начинается массовое возведение электросетей и станций так, например, общая мощность городских коммунальных электростанций в Ужурском районе по состоянию на 1955 г. составляла 8398 квт., включая трест «Сибцветметразведка». В качестве примера подробнее рассмотрим план по производству электроэнергии за 1955 г. В Ужурском районе он был выполнен на 104 % [6, л. 51].

Выработка электроэнергии в 1955 г. в городах Красноярского края [6, л. 51].:

Города	План кВт.	Фактически выполнено	%
Ачинск	3450	3629	105%
Енисейск	10	80	800
Игарка	3500	3432	98
Канск	28890	29923	108
Минусинск	1350	1404	104
Ужур	Не было в планах	396	

Ужурская электростанция «Крайкомхоза» была принята в плохом состоянии: помещение не было подготовлено к зиме, имела постоянные перебои, в большинстве своем электростанция не работала из-за технических неполадок. В Канске электростанции получали электроэнергию со стороны на 46,9% больше плана, в то время как мощность собственной электростанции была загружена не полностью, что увеличивало себестоимость выработанной электроэнергии.

В Красноярском крае план по электроэнергии в 1955 году был выполнен на 113% [6, л. 52]. В силу труднодоступности и малой заселенности Игарки план по реализации электроэнергии был не выполнен. На электростанциях в г. Ачинске было улучшено использование мощностей и снижена себестоимость. Было принято решение на всех электростанциях уменьшить расход топлива на 1 квт./час по коммунальным электростанциям до 35,6 копеек, против планового 37,67 копеек [6, л. 52]. Минусинская станция не выполнила план по качественным показателям, был допущен перерасход топлива на 1 квт./час выработанной электроэнергии, что привело к удорожанию себестоимости, происходило большое количество потерь электроэнергии. Отмечалось, что государственные органы не осуществляют надлежащий контроль за работой коммунальных электростанций [6, л. 52].

Стоит отметить, что на протяжении 1950х – начала 1960х гг. на электростанциях плохо обстояли дела с внедрением новой техники и комплексной механизации строительно-монтажных работ. Работы велись активно, но трудности с поставками материалов тормозили процессы строительства, существенную роль в невыполнении планов играло и недостаточно количество работников, несмотря на трудности работы по электрификации городов края выполнялись. В среднем, все показатели выполнения плана по электрификации городов Красноярского края варьируется от 80 до 115 % [7, л. 80].

Система водоснабжения. В середине 1950х гг. системой водопровода были обеспечены 5 городов Красноярского края: Ачинск, Канск, Минусинск, Игарка, Красноярск. В 1958 – 1959 гг. активно начинается строительство системы водоснабжения на правом берегу г. Красноярска [8, л. 10]. Одна из главных задач в системе проведения водопровода этого периода – расширение сети водоснабжения как в вышеперечисленных городах, так и прокладка новых сетей, контроль за себестоимостью воды за 1 кубометр. В 1956 г. общая протяженность системы водопровода составляла более 30,2 км [7, л. 81]. в целом система водоснабжения имела ряд проблем и была слабо развита. Отпуск воды потребителям не контролировался из-за отсутствия водомеров, «Крайкомхоз» не принимал мер к обеспечению коммунальных предприятий водомерами [6, л. 69]. Горожане часто пользовались услугами общественных бань.

Общественные бани. В 1950е гг. прошлого столетия общественные бани играли важную роль в жизни советского гражданина. У государства в планах по пользованию банями стояло увеличение пропускной способности, снижение себестоимости услуг, строительство новых и реконструкция старых бань.

Так как система водоснабжения присутствовала не у всех в жилых домах, было большое количество построек барачного типа и частного сектора, общественные бани среди населения пользовались спросом. В целом, план по Красноярскому краю выполнялся на 96% [7, л. 81]. Например, в 1955 г. услугами общественных бань воспользовались 3010 тыс. человек, при установленном плане 3120 тыс. чел. Установленный план не был выполнен (минус 110 человек). Особенно плохо работали бани в г. Игарке (56,4%), Боготоле (86%), Иланском (87,1%) и т.д. [7, л. 81]. Скорее всего, план по количеству обслуживания и пропускной способности населения был завышен для этих городов, так как города на тот момент были мало заселены. В последующие годы статистика по выполнению ежегодных планов в вышеуказанных городах примерно такая же. Себестоимость услуг в банях была снижена по краю до 112,6 копеек при плане 115,7 копеек (на 1955г.). Однако в общественных банях, где не смогли выполнить планы по пропускной способности, как правило, увеличивали стоимость услуг, в среднем от 10 до 80 копеек [7, л. 79]. Подорожание себестоимости зависело от нескольких

факторов, например, бани могли получать воду от предприятий или электростанций, из-за технических неполадок на предприятиях в банях так же не было воды, ставили завышенные планы по количеству посетителей, не делая акцент на особенности того или иного города и т.д.

В строительстве зданий был ряд трудностей: недостаточная организация строительных работ, низкая производительность труда, которая в свою очередь тормозила выполнение планов. Строители могли несвоевременно получать документы, наблюдались недостаток рабочей силы и перебои со строительными материалами. Это касалось как строительства жилых домов, так и предприятий. Все вышеперечисленные причины влияли на фактические работы при возведении зданий. По жилищному строительству на 1955 г. был установлен план ввода в действие жилой площади на 1374 кв. м. В апреле 1955 г. были выделены дополнительные средства на жилищное строительство 1500 р. [8, л. 47] с вводом в действие 1350 кв. м жилой площади. В результате неудовлетворительного освоения средств было проведено их перераспределение, фактически за 1955 г жилищное строительство было реализовано на 83,7% [6, л. 67].

В 1956 – 1957 гг. отрицательно на ходе строительства сказывалось неполноценная обеспеченность материалами. Одной из главных проблем было отсутствие централизованной и своевременной доставки необходимого оборудования и материалов на стройплощадки [7, л. 82]. На ходе строительства отрицательно сказывались не укомплектованность строительных бригад и текучесть их состава. В ряде городов края существовала сезонность строительства. В зимний период строительные работы ограничивались заготовками материалов. Однако такая ситуация существовала не везде, многие города края выполняли, а иногда и перевыполняли планы строительных работ. Факторы, от которых зависели строительные работы, заключались в грамотном руководстве, компетенции строителей, своевременном подвозе строительных материалов, централизации решения проблем в ходе возведения строений, стимулирующей заработной плате работников и т.д. Гдето вышеперечисленные требования соблюдались, но не редкостью было и безответственное отношение к работе, которое влияло на общегосударственные показатели по темпам строительства и возведения новых жилых зданий для жителей городов [9, л. 30].

Постепенно в 1950 – 1960е гг. темпы строительства с каждым годом становились все больше в 1950х гг. было возведено и сдано 354,2 кв. м жилья, в конце 1960х гг. – 1551,8 кв. м. [3, с. 63]. Однако в 1970е гг. показатель строительства снизился до 1417,0 кв. м жилья [3, с. 63].

Таким образом, в конце сталинского и в начале хрущевского периода были проведены масштабные реформы в сфере градостроительства и коммунального хозяйства. Главной целью советского руководства в указанный период было обеспечение типовым жильем растущее население страны и создание условий для индустриального развития отдельных регионов. В то же время, коммунальное хозяйство в Красноярском крае сталкивалось с определенными трудностями, связанными с недостатком ресурсов, неэффективностью управления жилищным хозяйством в малых городах и недостаточным обслуживанием жилых домов. Развитие электрификации и водоснабжения были направлены на расширение энергетической сети в Крае, а также на массовое обеспечение электроэнергией. В городах Красноярского края были проведены работы по строительству новых водозаборных сооружений и повышению качества питьевой воды, предназначенной для потребления населением. Также массово проводились работы по развитию систем канализации и очистных сооружений. Годы послевоенных пятилеток (1946-1969) стали для края периодом перехода экономики на мирные рельсы, а затем временем интенсивного развития. Развитие экономики способствовало увеличению капиталовложений в градостроительство (21,4%) от общего объема и коммунальное хозяйство (4,8%) [3, с. 26], что говорит об активном развитии края. Также необходимо отметить, что помимо строительства жилых домов, в Крае активно строились школы, больницы, кинотеатры и другие объекты инфраструктуры [2, с. 17].

В целом, градостроительство в 1950 – 1960х гг. играло важную роль в модернизации городской среды, улучшении жилищных условий и создания новой инфраструктуры. Градостроительная и жилищная политика Красноярского края в целом соответствовала тем задачам, которые были продиктованы партийными органами. Ключевой особенностью являлся курс на ускорение строительства, что снижало комфортабельность и качество жилья, но обеспечивало жилищем большую часть населения Красноярского края.

Список литературы

1. Орлов И.Б. «Коммунальная страна»: становление советского жилищнокоммунального хозяйства (1917-1941). М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 2015. 336 с.

2. Киселева О.В., Малютина, Л.Ф. История становления градостроительной политики развития малых городов Красноярского края в 1950 – 1960е гг. // СибСкрипт. 2021. №2. С. 1527.
3. Кузьмиченко И.Р. Красноярскому краю – 85. Статистический очерк. / И.Р. Кузьмиченко, Н.Е. Калинина, О.Б. Соколова, Т.Л. Полунина, Т.А. Златкевич, М.В. Кононова, Я.О. Матвеевская, Е.В. Никотина, А.Е. Нота, А.А. Пахмутова, Ю.В. Пипинева, С.А. Садыкова, А.С. Юрьева, Е.В. Нечупей, О.Н. Роговцева // Управление Федеральной Службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республики Хакасия и Республике Тыва (Краснояркстат). 2019. 129 с.
4. Хонина М.В. Изучение мира повседневности жителей малых городов на территории Красноярского края в 1920 – 1930е гг. (к постановке проблемы) // Социальноэкономическое развитие Красноярского края. 19172006 гг.: матлы VI краеведч. чтений. Красноярск: ГУНБ Краснояр. края. 2007. С. 49.
5. Харитоновна А.Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 5064.
6. ГАКК. Ф.Р.-1478. Оп. 3. Д. 315. 69 л.
7. ГАКК. Ф.Р.-1478. Оп. 3. Д. 325. 119 л.
8. ГАКК. Ф.Р.-1478. Оп. 3. Д. 347. 64 л.
9. ГАКК. Ф.Р.-1478. Оп. 3. Д. 734. 43 л.
10. Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина [Электронный ресурс]. – <http://музейреформ.рф/node/13867>. – Дата обращения: 23.10. 2023.

УДК 365.46(1-21)(57151)

«СДЕЛАТЬ ГОРОД ЮНОСТИ ДИВНОГОРСК – ГОРОДОМ КОММУНИСТИЧЕСКОГО БЫТА»: К БЫТОВЫМ ПРОБЛЕМАМ МОЛОДОГО ГОРОДА¹

*Сабенина Александра Витальевна, ассистент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
sabeninasasha@mail.ru*

*Элтеко Юлия Викторовна, ассистент
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия
YElteko@yandex.ru*

В 1963 г. Дивногорск стал главным городом великой комсомольской стройки – Красноярской ГЭС. Из-за быстрого прироста населения благоустройство города, темпы и объемы строительства жилья были значительно ниже, чем требовалось для населения города. В результате на первых этапах существования г. Дивногорска наблюдались значительные бытовые проблемы молодого города, которые отрицательно влияли на качество жизни людей малого молодого города.

Ключевые слова: Дивногорск, жилищный вопрос, население, город-спутник, малый молодой город, бытовые условия.

«TO MAKE THE CITY OF YOUTH DIVNOGORSK A CITY OF COMMUNIST LIFE»: TO THE EVERYDAY PROBLEMS OF A YOUNG CITY

*Sabenina Alexandra Vitalievna
Assiatant, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
sabeninasasha@mail.ru*

*Eltoko Yulia Viktorovna
Assiatant, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
YElteko@yandex.ru*

¹ Исследование осуществлено при поддержке КГАУ «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках проекта «История муниципального образования г. Дивногорска» № 2023031609644

In 1963 Divnogorsk became the main city of the great Komsomol construction site – the Krasnoyarsk HPP. Due to the large increase in population, the improvement of the city, the pace and volume of housing construction were significantly lower than required for the population of the city. As a result, at the first stages of the existence of Divnogorsk, significant everyday problems of the young city were observed, which negatively affected the quality of life of the people of the small young city.

Key words: Divnogorsk, housing issue, population, satellite city, small young city, living conditions.

Дивногорск, возникнув как рабочий поселок для строителей ГЭС, достаточно быстро рос. Уже в январе 1963 г. население города составляло около 30 тыс. чел. [1, л. 47]. Однако благоустройство города, темпы и объемы строительства жилья не поспевали за приростом населения. На стройку приезжало много людей, чтобы они оставались необходимы были соответствующие условия. К 1964 г. коллектив строителей Красноярской ГЭС насчитывал более 15 тыс. чел. Только за 9 месяцев 1964 г. на строительство было принято 4915 рабочих, однако уволились за это же время 4564 чел. [2, л. 18]. К концу 1965 г. все также отмечалось ежегодное обновление коллектива строителей на 5-6 тыс. чел., т.е. почти на одну треть [3, л. 21]. Частая смена рабочих в начальный период была связана с длительным не предоставлением жилой площади, проблемами быта, слабым вниманием к нуждам нового человека.

Застройка будущего г. Дивногорска началась в 1957 г., когда путем объединения трех поселков: Скит, Шумиха и Лиственка, был образован рабочий поселок Дивногорск [4, л. 1]. Однако несколько лет, пока происходили многочисленные согласования и подсчеты экономической эффективности будущего энергетического производства, перестали проводиться основные работы по сооружению ГЭС, медленными темпами велось дорожное строительство между Дивногорском и Красноярском, которое было жизненно важным как для ГЭС, так и поселка, находившегося в 35 км от Красноярска. В 1957–1958 гг. прекратилось строительство ГЭС, значительно сократилось финансирование, не выделялись лимиты по труду, фонды на оборудование и строительные материалы. В декабре 1958 г. главный инженер управления строительством Красноярской ГЭС К. Р. Севенард, обращаясь за помощью в Красноярский крайком КПСС, писал в докладной записке, что «коллектив строителей численностью в 6 тыс. человек поставлен в тяжелые условия, находится на грани расформирования» [5, с. 85]. Ситуация на строительстве Красноярской ГЭС более или менее стабилизировалась только в 1960 г.

По проекту генерального плана города-спутника Дивногорска, составленному Ленинградским отделением Гидроэнергопроекта МСЭС в 1960 г., предполагалось введение в эксплуатацию 150 тыс. кв. м. жилого фонда, строительство сетей водопровода, теплофикации и канализации, строительство магистралей и дорог, строительство системы здравоохранения, образования и культуры (детская больница, музыкальная школа, школа-интернат) [6, л. 11].

1 февраля 1963 г. рабочий поселок Дивногорск был преобразован в город краевого подчинения. Дивногорскому горсовету были переданы в подчинение поселковый Совет депутатов трудящихся рабочего поселка Предивинский, сельские Советы депутатов трудящихся Бирюсинский и Овсянский [7, с. 32].

На первой городской партийной конференции была обозначена большая задача, стоявшая перед городской партийной организацией: вопрос о жилищном строительстве, благоустройстве г. Дивногорска, новом строительстве культурно-бытовых учреждений, в которых нуждались строители. «Население города большое, культурно-бытовых учреждений крайне недостаточно. Улицы не благоустроены, спуски не сделаны «...». Неудовлетворительно производятся и сантехнические работы», – отмечал Ю. А. Григорьев, начальник отдела Ленгидропроекта [8, л. 44]. Хотя вопрос о санитарном состоянии поселка ставился еще в марте 1961 г.

Проблема санитарного состояния поселка была, видимо, настолько велика, что рассматривалась исполнительным комитетом Красноярского городского Совета депутатов трудящихся, где было принято решение о неудовлетворительном санитарном состоянии поселка Дивногорска, а на заместителя начальника Красноярскгэсстроя тов. Грובהцкого была наложена персональная ответственность за срыв сроков по строительству водопровода и фильтровальной станции. Председатель исполкома Дивногорского поселкового Совета И. А. Корчевенко обязывался систематически заниматься вопросами санитарной очистки поселка [9, л. 34-35].

Имелись проблемы с бытовым обслуживанием населения. Так, например, баня на 100 мест, которая по плану должна была быть построена за 10 месяцев, строилась более двух лет. Фабрика-кухня с залом на 300 мест, которую должны были построить за год, начала строиться в 1959 г., и тоже

строительство еще было не закончено к 1963 г. Более трех лет строился холодильник на 150 тонн при сроке строительства 10 месяцев. Неудовлетворительно осуществлялась радиофикация поселка, только незначительная часть домов к моменту преобразования поселка в город была радиофицирована [10, л. 23].

Из-за значительного количества работ в 1963 г. необходимо было увеличить коллектив работников в два раза, при этом сохранить имевшихся рабочих. Без притока рабочих невозможно было выполнить план. Для решения этой задачи необходимо было всем приехавшим в ближайшее время создать нормальные жилищные и культурно-бытовые условия. Поэтому жилищное строительство рассматривалось как неотложная и важнейшая задача 1963 г.: нужно было построить не менее 30 тыс. кв.м., а также Дом культуры, объекты здравоохранения, просвещения, торговли, детских учреждений [11, л. 29].

В Дивногорске строительные организации, которые должны были строить не только ГЭС, но и застраивать прилегающие населенные пункты, главное внимание уделяли выполнению планов производственного строительства, что подверглось резкой критике на зональном совещании 30–31 января 1962 г. в Иркутске по вопросам внедрения крупнопанельного строительства жилых домов в районах Восточной Сибири и Дальнего Востока [5, с. 107].

Говоря о недостатке жилищных условий в начальный период существования г. Дивногорска, показательна история рабочего Управления особых сооружений Б. Р. Рахимова. Спустя два месяца после прибытия на стройку по комсомольской путевке, он еще проживал на пароходе «Спартак». «Там тесно, неудобно. Далек от столовой. Кто учится, тот на пароход после учебы приезжает в час ночи. В каютах холодно, от нар болят бока, потому что спать очень жестко... От таких условий многие сбежали со стройки», – рассказывал рабочий [12, л. 51]. Другой рабочий описывал так жилищные условия: «Многие рабочие не имеют квартир, живут по два года в совершенно непригодном помещении, где даже ночью в такой квартире замерзает вода... есть у нас такие общежития, где в одной комнате живут по 10 человек, нет самых маленьких удобств...» [13, л. 58].

Не была и исключением неудовлетворительная работа водоснабжения и частое отключение электроэнергии. В связи с этим были часты случаи перебоев в работе больницы, поликлиники, бани, кинотеатра [14, л. 47].

Недостаточно хорошо было организовано и питание рабочих. Начальник организации рабочего снабжения Полушкин не обращал на это внимания [15, л. 32]. Отмечалось, что обеды готовили невкусно. Помимо этого, в котловане Заречной Лиственке в помещениях столовых было грязно, много пьяных, отсутствовали вешалки для одежды. «А ведь хорошее питание, культурное обслуживание – это залог хорошей работы строителей», – говорил шофер Автотранспортного управления А. В. Баранов [16, л. 41]. Недовольны рабочие были и работой буфетов в общежитиях [17, л. 37].

Также в магазинах бывали перебои с самыми необходимыми товарами, такими как спички, соль, не всегда в продаже были хлеб и молоко. С трудом можно было приобрести мебель, некоторые ткани. Беден был и ассортимент промышленных товаров [17, л. 37].

Придивинских строителей деревообрабатывающего завода плохо снабжали продовольствием, магазины все пришли в ветхость, новые не строились. Запланировано было в 1963 г. строить школу на 320 мест, но из-за увеличения населения ее нужно было уже строить на 700 мест. Детских дошкольных учреждений практически совсем не было [18, л. 33]. Не достаточно быстро строились школьные учреждения и в самом Дивногорске. На 1964 г. в городе и поселках имелось 12 школ на 2440 мест на 32000 населения. По утвержденным правительством нормам в городе должно было быть школ на 5120 мест [19, л. 63].

В Овсянке отмечались такие проблемы как перебои с поставкой дров из-за не функционирования железной дороги, отсутствие дошкольных учреждений и радио [20, л. 39-40].

Сложные бытовые условия были и в общежитиях, о чем неоднократно говорил секретарь комитета стройки комсомола В. В. Плисов. При этом партком несколько раз принимал решение об улучшении быта в общежитиях, а положение почти не изменялось.

Имелись проблемы с медицинским обслуживанием населения. В медицинских учреждениях города не хватало персонала. Не выполнялись сроки медицинских осмотров рабочих и детей. На прием в поликлинике выстраивались большие очереди. Не всегда обеспечивался своевременный выезд

на вызов, бывали случаи, когда работники скорой помощи выезжали к больным не с полным комплектом медикаментов и других средств медицинской помощи, а иногда из-за их отсутствия не выезжали вообще [21, л. 36]. Здания медицинских учреждений не отвечали требованиям медицинского обслуживания. Кроме того, к концу 1964 г. они были рассчитаны только на 175 больничных коек, тогда как положено было иметь 400 мест [19, л. 63].

Таким образом, в первые годы существования малого молодого г. Дивногорска наблюдался ряд проблем: из-за медленных темпов строительства возникала жилищная проблема, наблюдалась нехватка социальной инфраструктуры в городе, существовали сложные бытовые условия и отсутствовала качественная транспортная магистраль между Дивногорском и близлежащими городами. Все эти недостатки отрицательно влияли на создание культурно-бытовых условий коллектива строителей Красноярской ГЭС и вызывали текучесть кадров, вследствие чего снижались темпы строительства Красноярской ГЭС и застройки г. Дивногорска.

Список литературы

1. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 4. Л. 47.
2. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 16а. Л. 18.
3. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 4. Д. 1. Л. 21.
4. ГАРФ. Ф. А-385. Оп. 17. Д. 3136. Л. 1.
5. Тимошенко А. И. Государственная политика формирования и закрепления населения в районах нового промышленного освоения Сибири в 1950–1980-е гг.: планы и реальность. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2009. 174 с.
6. РГАЭ. Ф. 9572. Оп. 1. Д. 1436. Л. 11.
7. Федоров И. Г., Швецова В. Г. Памятные даты Дивногорска 1888–2000. Красноярск: ООО РПБ «Амальгама», 2000. 98 с.
8. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 4. Л. 44.
9. ГАКК. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 1052. Л. 34-35.
10. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 4. Л. 23.
11. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 4. Л. 29.
12. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 16а. Л. 51.
13. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 16а. Л. 58.
14. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 4. Д. 1. Л. 47.
15. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 4. Л. 32.
16. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 4. Л. 41.
17. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 16а. Л. 37.
18. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 4. Л. 33.
19. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 16а. Л. 63.
20. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 4. Л. 39-40.
21. ГАКК. Ф. П-6628. Оп. 3. Д. 16а. Л. 36.

ПРОБЛЕМА УПАДКА СОЦГОРОДОВ УРАЛА НА ПРИМЕРЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО
ГОРОДА КРАСНОВИШЕРСКА

*Николаева Анна Юрьевна, студент
Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия
ibraginskij77@gmail.com*

Исследование посвящено развитию соцгорода Красновишерска в период до крушения социалистической экономики и выявлению причин экономической стагнации городов данного типа. Методологической основой стала методология экономико-географа Н. Н. Баранского. В результате исследования было выявлено, что предприятия, нацеленные на реализацию плана развития региона в будущем, становились нерентабельными в условиях рыночной экономики.

Ключевые слова: индустриализация, соцгород, экономика, градообразующее предприятие, Красновишерск.

THE PROBLEM OF THE REGRESS OF SOCIALIST CITIES OF THE URALS USING
THE EXAMPLE OF THE INDUSTRIAL CITY OF KRASNOVISHERSK

*Nikolaeva Anna Yuryevna
Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterin-
burg, Russia
ibraginskij77@gmail.com*

The study is devoted to the development of the socialist city of Krasnovishersk in the period before the collapse of the socialist economy and to identifying the reasons for the economic stagnation of cities of this type. The methodological basis was the methodology of economic geographer N. N. Baransky. As a result of the study, it was revealed that enterprises aimed at implementing the regional development plan in the future became unprofitable in a market economy.

Key words: industrialization, socialist city, monotown, city-forming enterprise, Krasnovishersk.

Как известно, советская индустриализация на Урале привела к развитию множества индустриальных населенных пунктов социалистического планового хозяйства – соцгородов. Особенно активно они строились во время первой и второй пятилетки. Многие из них стали основными центрами развития малонаселённых территорий. Говоря о значении промышленности Урала для всего союза и о перспективах развития района, Уралплан постановил: «Основа широких возможностей Урала – его центральное географическое положение в Союзе и исключительное богатство и разнообразие даже нынешних, крайне мало разведанных богатств – преимущественно горных и лесных» [1, с.63].

Но построенные некогда для нужд индустриализации соцгорода ныне либо прекратили своё существование, либо потеряли своё прошлое назначение и лишились хозяйственной функции. Для понимания причин данного процесса нам необходимо рассматривать город отталкиваясь от экономической функции, которую он выполняет, так как очевидна связь деградации вместе с градообразующим предприятием и самого города. Рассмотрение истории данных городов с упором на их экономико-географическое развитие, особенно в кризисные этапы существования города, позволит нам выявить корни историко-экономических проблем хозяйства региона, с пониманием тенденций развития данной системы.

В данной работе мы использовали методологию советского экономико-географа Николая Николаевича Баранского [2, с. 19-62]. Предметом нашего внимания в таком случае становится особый тип города, в данной работе мы называем его – соцгород. Он зарождается в ходе индустриализации и является населенным пунктом при градообразующем предприятии в рамках плановой системы хозяйствования. Соцгород направлен на аккумуляцию трудовых ресурсов, хозяйственной инфраструктуры и зону рекреации. Такие города являются центрами транспортных и торгово-промышленных узлов, потребительскими пунктами, административными и культурными центрами, объединяющими вокруг себя осваиваемые территории.

Красновишерск в таком случае является одним из очевидных примеров угасания городской жизни после закрытия градообразующего производства. Вопрос коренных причин деградации хозяйства севера Пермской области приобретает большую важность, так как поддержка социально-экономического положения региона имеет по сей день большое значение.

Необходимо разобраться с планами развития инфраструктуры района и перспективами их осуществления. Прежде всего нам удалось выяснить, что планировалось создание общей Камско-Печорской экономической зоны, соединение сети Урала с Северо-Печорским районом. На взгляд экспертов Союзтранспроекта [6], разобщённость Печоры и Северного Урала тормозила развитие обоих районов. Поставка коксующегося угля на территорию Пермской области послужила бы стимулом развития металлургии на железных рудниках в районах Вишеры и Ивделя. Также в ходе соединения Урала с Печорой предполагалось создать регулярные поставки сильвинита и серосодержащего сырья, избыточного на Урале, в районы Европейского Севера. Ход железнодорожной линии по Западному склону Уральского хребта представляется особо значимым по тем соображениям, что здесь были обнаружены богатые месторождения и перспективы для создания гидроэнергетического комплекса. Все эти факторы предопределили бы строительство в районе Соликамска металлургического комплекса очень крупного масштаба, который смог бы охватить зоной влияния и район Красновишерска.

Вообще, проект северных путей бродил в разных итерациях еще с ранних советских годов, со времен обсуждения плана ГОЭЛРО. Например более поздний проект – научно-популярная работа для партийных и советских активистов, посвященная перспективному экономико-географическому анализу Западного Урала. В ней В. Ф. Тиунов ссылается на проект Котлас-Печоро-Уральской железной дороги [3, с. 65]. Также данный проект развивался и в послевоенный период и сохранил актуальность на современном этапе, обсуждались проекты Урало-Печорской железной дороги, соединившей бы Урал с побережьем ледовитого океана и замкнувшей бы сеть северных железных дорог [4, с. 325].

Случай Красновишерска становится ещё более показательным тем, что в раннем Советском Союзе он рассматривался как будущий опорный пункт для освоения и индустриализации севера Западного Урала [1, с. 115]. Так как Красновишерск строился с планируемой функцией экономического и административного центра окружающих территорий, нам будет важно отталкиваться от факторов размещения индустриальных городов вообще. К наиболее очевидным факторам размещения относится экономическая оценка природных ресурсов для развития отдельных отраслей [2, с. 21-38]. Мы в первую очередь концентрируем внимание на изучении лесопромышленного комплекса, в связи с тем, что эта отрасль преобладает на всём Северном Урале. Также к наиболее важным относится демографический фактор, т.е. обеспеченность территории трудовыми ресурсами. Как следует из ряда документов [7] и Уралплана 1927 года [1, с. 115] район всегда был заселён весьма слабо, особенно в Северной его части.

Энергетические ресурсы Вишеры первое время были экономически выгодно использованы в небольшом числе сравнительно крупных производств, для которых требуются мощные установки, но гидротранспорт в процессе индустриализации должен был смениться механическим транспортом [1, с. 29]. Наиболее эффективным и удобным промышленным транспортным узлом является железная дорога, но в случае Красновишерска она так и не была проложена и нам приходится говорить о все более архаичных с течением времени транспортных артериях – водных, либо не асфальтированных наземных [9].

Как мы уже заметили, Красновишерск не вполне удовлетворял идеальной совокупности факторов рационального экономико-географического положения промышленного города. Но как и подавляющее большинство городов Советского Союза, он был устроен по принципу выполнения определенной производственной функции. Строительство Вишерского ЦБК являлось ярким примером политики Госплана по приближению производств к источникам сырья [5, с. 662]. Уральское отделение АН СССР в 1987 году отмечало [12], что развитие промышленно-транспортного комплекса в перспективе позволило бы устранить сформировавшиеся диспропорции и сыграть активную роль в ускорении социально-экономического развития области.

Впрочем, часть амбициозных планов признавалась негодными. Так, строительство ГЭС было отвергнуто Главтехстройпроектом по объективным причинам, что следует из документации 1968 года [7]. Проектируемая ГЭС, уничтожила бы всю береговую лесоохранную зону, что повлекло бы за собой высокие издержки в эрозии почв. Но самой главной причиной отказа от данного проекта был минимальный экономический эффект, который давала бы станция мощностью 300 тыс. квт. Определенную роль сыграла и малая заселённость района.

Можно сделать вывод, что упадок экономики Севера Пермской области вызван такими причинами, как: нехватка трудовых ресурсов на предприятии; отсутствие на протяжении многих лет реорганизации и модернизации завода; устаревание водного пути и не осуществившаяся постройка железной дороги. Последняя является наиболее важной, так как за годы 10-й пятилетки неудовлетворительная работа транспорта стала основным сдерживающим фактором развития Верхнекамского ТПК [10]. В эту же пятилетку город справляется с планом только на 76% [11]. Но данные примеры являются лишь следствием более глубокого исторического явления. Как уже оговаривалось выше, историческое изменение экономических характеристик индустриального города происходит в непосредственной взаимосвязи с подобными изменениями на уровне экономики страны. В ходе исследования, была выдвинута гипотеза. Она предполагает, что причина наивысшего роста производительности Вишерского ЦБК в 1960 – 1970-х гг., а также быстрое снижение темпов его развития в конце 1970 – 1980-х гг. напрямую связано с проведением на уровне страны экономической «Косыгинской» реформы 1965 г. Данная экономическая реформа в годы ее осуществления (1966 – 1970) способствовала рекордному экономическому росту, а в 1970 – 1980-е гг. темпы роста стремительно пошли на убыль. В данный период, ключевой становится оценка рентабельности, которая лишала прямого дотирования неэффективных на данном этапе предприятий. Так уже в 1980 – 1981 гг. ощущалась острая нехватка выделенных капвложений, которая мешала наращиванию мощностей в лесных хозяйствах на севере области [9]. То есть, предприятия нацеленные не на быстрое получение выгоды, а на реализацию стратегического плана развития территории, стагнировали. Данное предположение требует доказательной базы.

Прослеживается зависимость соцгорода на развивающейся территории от поддержки плановой экономикой. Исследование позволяет выявить четкую связь экономико-географического положения отдаленного тупикового центра и его экономической несамостоятельности. Красновишерск оказался законсервированным в инфраструктурном развитии и в силу тяжелых географических условий стал нерентабельным в условиях рыночной экономики.

Список литературы

1. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927-1941 г.г. и перспективы первого пятилетия / разработали: Д. А. Антонов, В. Н. Андроников, А. В. Алексеева и др. ; Урал. облисполком, Уралплан. — Свердловск: Уралплан, 1927. — 728 с.
2. Баранский, Н. Н. Об экономико-географическом изучении городов // Вопросы географии. 1946. № 2. С.19-62.
3. Комар, И.В. Урал. Экономико-географическая характеристика. М., 1959. 365 с.
4. Тиунов, В.Ф., Назаровский Б.Н. Западный Урал. ОГИЗ, Молотовское областное издательство, 1943. 141 с.
5. Уральская советская энциклопедия: в 2 т. Т. 1. – Свердловск: 1933. – 854 с.
6. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-1133: С. И. Ярцев. Д. 83.
7. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-1133: Отдел союзной республиканской промышленности и размещения производительных сил. Д. 4695.
8. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-1133: А.А. Петухов. Д. 1675.
9. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-1133: Отдел союзной республиканской промышленности и размещения производительных сил. Д. 5148.
10. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-2233: Пермский облплан отдел союзно-республиканской промышленности и размещения производительных сил. Д. 5398.
11. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-1133: Отдел экономического анализа. Д. 6305.
12. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. р-1133: Уральское отделение АН СССР. Д. 6109.

РОССИЙСКИЕ ГОРОДА В УСЛОВИЯХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО ФРОНТИРА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX В.
ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

*Шаипов Махмуд Лечаевич, магистрант
Северокавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия
Makhmud-shaipov26.26@mail.ru*

В статье анализируются особенности экономического развития северокавказских городов. Автор рассматривает вторую половину XIX, время, когда основная волна заселения Кавказа выходцами из Центральной России и Малороссии, завершилась. Здесь же обосновывается специфика социально-экономическое положение городского населения региона, отдельных его слоев в условиях северокавказского фронта, которая особенно проявлялась в процессе российской модернизации начала XX в.

В заключении приводятся факторы экономического и социального характера, повлиявшие впоследствии на судьбы России и Северокавказского региона, в частности.

Ключевые слова: фронтир, Кавказ, Северокавказские города, Кубанская область, Терская область, Ставрополье, крестьянство, горожане, казачество.

RUSSIAN CITIES IN THE CONDITIONS OF THE NORTH CAUCASIAN FRONTIER IN THE
SECOND HALF OF THE XIX- EARLY XX CENTURY. FEATURES OF ECONOMIC DEVELOPMENT.

*Shaipov Mahmud Lechayevich
Master`s student, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
Makhmud-shaipov26.26@mail.ru*

The article analyzes the features of the economic development of North Caucasian cities. The author considers the second half of the XIX century, the time when the main wave of settlement of the Caucasus by immigrants from Central Russia and Little Russia ended. It also substantiates the specifics of the socio-economic situation of the urban population of the region, its individual strata in the conditions of the North Caucasian frontier, which was especially manifested in the process of Russian modernization at the beginning of the XX century.

In conclusion, the economic and social factors that subsequently influenced the fate of Russia and the North Caucasus region, in particular, are given

Keywords: Frontier, Caucasus, North Caucasian cities, Kuban region, Tersk region, Stavropol peasantry, townspeople, Cossacks.

История экономического развития городов Северного Кавказа всегда вызывала не только практический, но и научный интерес, порождая новый дискурс, связанный с ныне довольно модной фронтальной проблематикой. Напомним, что сам феномен фронта, как он представлен в науке, появился относительно недавно, носит междисциплинарный характер, куда, как бы встроены и органически переплетаются экономические, географические, исторические, философско-культурологические и духовно-ментальные аспекты.

Центральным звеном, представленной темы, является экономика городских центров Северного Кавказа, притом, что таковых в регионе было не столь много, как в Центральной России.

В рассматриваемый период, Кавказ оставался аграрной окраиной империи. Тем не менее вопросы экономического развития российских городов на Кавказе, их качественного состояния и перспектив развития на Кавказе остаются актуальными в современных условиях, когда Россия вступила на путь экономического и политического суверенитета подкрепляемых успехами в промышленности, сельском хозяйстве науке, образовании, культуре.

Система российских городских поселений на Кавказе сложилась еще в конце XVIII в., как промежуточный итог восточной имперской политики России. Как показала дальнейшая история, к которой относится XIX и XX вв., она отвечала потребностям государственной политики, целью которой являлась укрепление и расширение границ империи, и естественно и реализация хозяйственных интересов, без которых или при их ограниченном характере, развитие России как державы включая кавказский фланг, означало бы ее социально-экономическое отставание, и как следствие, недостаточное

влияние на международной арене.

Итак, оставим на некоторое время период формирования кавказского фронта, этапы и проблемы его становления, обратимся к вопросу развития экономики городов северного Кавказа в этих условиях.

Анализируя, экономику северокавказских городов, отметим, что ее особенности XIX и XX вв. следует рассматривать в контексте российской модернизации. При всех ее безусловных достижениях Россия оставалась традиционным обществом со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами. Общественное сознание не смотря на явные успехи в развитии промышленности, образовании, в целом воспринимало реформы второй половины XIX в, которые в современной историографии называются великими, как чуждое, привнесенное извне явление.

Безусловно экономические преобразования тяжело давались основной части населения России, страдавшего от сословных ограничений, налогового бремени, административного ресурса, которым располагал государственный аппарат, имевший жесткую вертикаль власти. При этом, однако следует понимать, что многие достижения в экономике, ее управлении были вызваны потребностями государства. Перед последним стояла задача упрочения международного положения страны, социальной стабильности, сохранения властной вертикали.

Северный Кавказ в рассматриваемый период, как и ранее оставался аграрной окраиной Российской империи. В истории городов Северного Кавказа происходили заметные перемены, которые наблюдались еще в пореформенный период. На территории Черноморского и линейного казачества возникли две области – Кубанская и Терская. Изменился статус Ставрополя, который не смотря на уменьшение территории губернии стал ее административным центром.

Основным населением Северного Кавказа было крестьянство. Городское население Северного Кавказа было незначительным. Так, например, в Ставропольской губернии оно составляло 6,9% в Кубанской Области 10,8%, в Донской -15% [1, с.58]. Сравнительно небольшой была численность городского населения Терской области. Так; во Владикавказе, имевшем статус областного города, где градообразующим фактором выступала железная дорога, проживало к началу XX в. проживало 71105 жителей. В окружном городе Грозном – 25 953 жителей, Кизляре – 10 27 человек в городе-курорте Пятигорске – 29845 жителей, Георгиевске, безуездном городе пятигорского округа – 20346 человек, В Кисловодске и Моздоке, соответственно 13533 и 16768 жителей [2, с.67 – 68].

Основным населением Северного Кавказа было крестьянство. Это объяснялась местной сельскохозяйственной спецификой, отсутствием крупных городов и с развитой промышленностью за исключением Донской области, где, несмотря на наличие здесь казачьего землевладения, находились угледобывающие предприятия, шахты, заводы, железнодорожные депо и т.п.

С конца XIX века вплоть до XX в. здесь, особенно в казачьих, горных областях сохранялись феодальные принципы организации общественной жизни. К ним относились: общинный уклад сельчан, служебное землевладение в казачьих станицах, экстенсивный характер экономики. Тем не менее, развитие товарно-денежных отношений, внутренняя миграция, активное использование наемного труда не оставляли аграрные районы Северного Кавказа в стороне от промышленного развития, центрами которого были города. Они если и не являлись за исключением Ростова, сосредоточием крупного промышленного производства, как в центре России, то во всяком случае выступали реперными точками «капиталистического заселения Северного Кавказа» [3, с.5].

Во многих из них, как например в губернском Ставрополе производство ограничивалось в основном перерабатывающими предприятиями, то в управлении экономикой уездов, отделов они однозначно занимались. К таким городам относились Ростов-на-Дону, Нахичевань - на - Дону, Азов, Екатеринодар, Ставрополь, Минеральные Воды, Пятигорск, Владикавказ, Моздок, Грозный, Дербент и, конечно, Нальчик. Учитывая быстрые темпы российской модернизации эти города, несмотря на кризисы, свойственные капиталистической экономике активно развивались. Этому способствовали: эффективная финансовая политика (С.Ю Витте), масштабные внутренние и внешние инвестиции, активные железнодорожное строительство, появление Владикавказской железной дороги.

К началу XX в. в Ростове были построены и действовали металлургические заводы, основанные предпринимателями Д.А. Пастуховым, К.Б. Зигелем, Крупным предприятием было отделение харьковского машиностроительного завода [4, с.90].

Крупные города Кавказа, к примеру, Екатеринодар, располагали довольно значительным парком отечественных и импортных сельскохозяйственных машин. На кубанских полях в 1910 – 1914 гг. работало около 100 тыс. единиц сельскохозяйственной техники – 14 % от общеевропейского количества. Значительное количество продукции на внутреннем рынке Кубани реализовывалось в городах и крупных станицах. Значительную роль в хозяйственной жизни Кубани играл областной центр – город Екатеринодар.

Кубань имела выход на мировой рынок не только через свои порты в Новороссийске, Туапсе, но и через Ростов. Ежегодно через город за границу экспортировалось более 18 млн. пудов зерна [5, с.116 – 124].

В 1872 г. было учреждено Общество Ростово-Владикавказской железной дороги. Ставропольский историк и статист И. Бентковский писал о высоком значении железной дороги, что она констатировал он «...должна удовлетворять экономическим потребностям, способствуя развитию производительных сил, торговых, и промышленных сил края...». [6, с.146-147].

Важнейшей отраслью экономики Северного Кавказа была нефтяная. Производство нефти и нефтепродуктов было сосредоточено в основном в Майкопе и Грозном. Здесь еще с XIX в. были заложены нефтяные верфи, а позднее построены нефтеперегонные заводы. Рынки сбыта грозненской нефти размещались во Владикавказе, Пятигорске, Моздоке, Кизляре, Георгиевске.

К началу XX в. сформировался заводской район Грозного. С каждым годом. здесь расширялась добыча нефти с помощью глубокого бурения, соответственно, росло производство мазута, керосина. Значительная часть нефтепродуктов хранилась в резервуарах обществ «Мазут» и «Владикавказской железной дороги» Последнее к 1914г. в грозненскую нефтедобычу вложило около 5 млн. рублей занимаясь строительством нефтеперерабатывающих заводов. Только в 1913 году городскими предприятиями Грозного было добыто 73,9 млн. пудов нефти,

Заметную роль в развитии нефтяной отрасли на Кавказе играли иностранные компании в частности «Братьев Нобель» а также известный трест «Ройял Датч Шелл». В 1917г. общество Нобель начало строительство крупного нефтяного завода в Грозном, но революционные события в стране не позволили завершить этот грандиозный проект [7.].

Важное место в развитии экономики северокавказских городов играла банковская инфраструктура. Так, в Ставрополе-губернском, кроме городского и частных банков с 1885 г. действовали Крестьянский поземельный и Государственный банк. [8, с.33-34].

Заметную роль в экономике северокавказских городов играл город Нальчик. Основанный в 1822г., как военное поселение в системе крепостных укреплений Кавказской линии, к XX в. он превратился в крупнейшее городское поселение на территории Кабарды с полиэтничным населением, общей численностью 2503 человек состоявшим из русских, украинцев, горских евреев, армян, грузин, немцев кабардинцев, балкарцев. Последние массово заселяли Нальчик в начале XX в., составляя не только видную часть его многонационального населения, но активно участвуя в его экономике, культурной жизни. [9, с.1-3].

Таким образом, модернизация в России. конца XIX – начала XX вв. сопровождалась значительными социально-экономическими переменами капиталистического характера, что безусловно влияло на города их экономическую жизнь причем, как в центре, так и на периферии В русло этих общероссийских тенденций, вписывался Северный Кавказ. Города региона стремительно урбанизировались, благоустраивались, в них, налаживались межэтнические связи, разворачивалась полноценная многоотраслевая экономическая деятельность. Тем не менее этому процессу, особенно на Кубани, в Терской Области, в Карачае, Чечне, а также Дагестане, были присущи сохранявшиеся сословные, иерархические принципы, разделявшие население городов, касавшиеся не только социального положения жителей городов, но и собственности. Сословно- правовые отношения особенно в зоне северокавказского фронта, долгое время, включая начало XX в. являлись препятствием экономическому развитию, как аграрного сектора, в котором была занята подавляющая часть населения региона, так и городской экономики. Элементы капитализма в городском хозяйстве здесь еще переплетались с ремеслом, кустарщиной. Такая ситуация сказывалась на общественном сознании местного населения, усиливала социальный и национальный раскол что в значительной степени сказалось не только на экономике, но и на повлияло на политическую ориентацию городского населения Кавказа, а также

развитие политического кризиса в последующий период в рамках формирования очередного этапа северокавказского фронта.

Список литературы

1. Статистический справочник Юго-Востока России (под ред. А. А. Пономарева). Ростов - на - Дону, 1923.
2. Тулаева Б.В. Город в урбанизационных процессах в России (XIX – начало XX вв.) // Известия СООГСИ Вып. 10. (49) 2013.
3. Ратушняк В.Н. Некоторые вопросы капиталистического заселения Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы аграрной истории народов Северного Кавказа в дореволюционный период. Ставрополь 1981.
4. Ильин А.М. История города Ростова на Дону: Очерк. - Ростов /н Д. Изд.- во Мини тайп. 2008.
5. По страницам истории Кубани. Отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар. Издательство советская Кубань - 1993.
6. Край наш – Ставрополье. Очерки истории. Ред. комиссия: Черногооров А.Л., Шаповалов В.А. Кудрявцев, А.А. Невская В.П. и др. Ставрополь, 1999.
7. Ахмадова Х.Х. Развитие транспортных систем в нефтяной отрасли Чечни // История науки и техники. 2018. №1.
8. Невская Т.А. Деятельность крестьянского банка на Северном Кавказе в начале XX в. // Проблемы социально-экономического и политического развития Северного Кавказа перед Октябрем. Межвузовский сборник научных трудов. Ставрополь 1990.
9. Дзагов Р.Н. Полиэтническое население Нальчика: Опыт экономической адаптации и интеграции (XIX – начало XX в.) // <https://www.kbigi.ru/fmedia/conf/Dzagov.pdf>

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ОКРАИНА В ИСТОРИИ: МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Тимошук А.С. Казусы и практики модернизации России	9
Кравцов К.С., Турилова М.В. Центр и окраина в истории России: обзор литературы	14
Рогачев А.Г. Модернизация Приенисейского региона как срединной сибирской окраины с XVII века до 1917 года.....	18
Рогачев А.Г. Модернизация Красноярского края как среднесибирской окраины в условиях социализма (1934–1991 гг.)	22
Гефнер О.В. Сибирская окраина глазами полкового священника Митрофана Сребрянского	26
Кортунов А.И. Особенности классификации исторического дискурса (на примере истории Южного Урала нового времени).....	29
Лядова А.А. Культурная периферия территории: методологический аспект	36
Кускашев Д.В. Теоретические основы городской реформы императора Александра II	40
Кускашев Д.В. Особенности эволюции политической культуры избирателей в муниципалитетах Енисейской губернии в пореформенный период	43
Полянина А.К. К проблеме автономизации регионов России.....	46
Самоделькин Я.А. Горнозаводской Урал как «геополитический якорь» пространственного развития Азиатской части России первой четверти XVIII в.	50
Курицын А.И. Окраины России в репрезентации современной историографии правоконсервативного движения начала XX века.....	52
Курицын А.И. Взгляд черносотенцев на экономическое освоение окраин Российской империи в постсоветской историографии	57
Смольянинов А.В. Концептуальная оппозиция «центр – периферия» в поэтическом сборнике «Отголоски Сибири».....	61
Парченко Н.А. Административно-территориальная реформа в Советской России в 1918–1936 гг.: к постановке проблемы.....	68
Доскоч Н.А. Рабство в Сибири как социально-экономический институт окраины Московского царства XVII века	72
Кудяшев Е.Д. Репрезентация идеи границы в дискурсивной практике современной России: опыт картографирования памятных мест	76
Кулиш Н.В. Память о гражданской войне в постсоветской Сибири: сохранение и разрушение советских традиций политики памяти.....	82
Китаева Т.С., Карпусь В.А. Эволюция образа Сибири в русской художественной литературе XIX века.....	86
Климчук Л.Ю. Карикатуры на генерал-лейтенанта А. А. Власова в периодической печати Ленинградского штаба партизанского движения.....	90
СЕКЦИЯ 2. ОКРАИНА КАК ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	
Дацышен В.Г. Окраины как фактор трансформации государства. Восстановление позиций России на ее восточных окраинах в начале 1920-х гг. как важнейшая предпосылка провозглашения СССР.....	100
Канаев А.Г. Малые города в Северной Италии XIII века (на материале Кремонской округи).....	115
Карпенко Е.В. Северо-восточная окраина Цинской империи в формировании политики пекинского правительства в отношении России.....	120
Мушинский Н.И. Взаимодействие центра и белорусских окраин в Российской империи: проблема исторической справедливости.....	123
Ситнянский Г.Ю. Сибирь как периферия степных империй Чингизидов и их преемников	128
Уметбаев Т.Ш. Нападение «ташкентцев» на Акмолинский округ в 1834 г.	134
Алметева И.В., Андреева Е.Р., Степанова Д.В. Окраины как плацдарм для международных отношений: влияние географического положения на внешнюю политику.....	138
Баканова М.В. Новая Большая игра на крыше мира.....	143
Суржко А.В. Вклад академика Б. Ширендыба в развитие советско-монгольских отношений	148
Тодикова М.А. Хо Ши Мин и становление дипломатических отношений между СССР и ДРВ в 50-е гг. XX в.	151
Абдулманапова К.Р. Истоки формирования планов Третьего Рейха относительно Кавказского региона накануне Второй мировой войны.....	159
Рахунук С.И. Роль М.Н. Рютина в деятельности Харбинского Совета	162

Таций М.В., Тихонов Н.Д. Южная окраина Великих княжеств Московского и Литовского в XV–XVI веках.....	167
СЕКЦИЯ 3. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕНТРА И ОКРАИН В ИСТОРИИ РОССИИ	
Шиловский М.В., Шиловский Д.М. Роль переселений в нивелировке окраинного статуса Сибири в XVII – начале XX в.....	172
Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Высшее руководство страны и Красноярский край: основные этапы взаимоотношений в советский период.....	177
Степанова Л.Г. К истории заселения и освоения территории Новомосковского уезда Екатеринославской губернии в первой трети XIX в.	187
Бакшеев А.И. Политические ссыльные в Нарымском крае в начале XX века	191
Бондаренко С.И. Особенности переселенческого дела на Алтае (по материалам ученых, общественных деятелей XVIII-начала XX в.).....	197
Крот М.Н. «Империя поневоле...»: осмысление российской имперской государственности в трудах Д.И. Менделеева.....	202
Кружалина А.А. «Приговоры об избрании уполномоченных должны быть отменены»: к характеристике нарушений, допущенных при избрании выборщиков в Иркутской губернии.....	207
О-Ун-Дар К.У., Голубева А.В. К осмыслению великой реформы	212
Самрина Е.В. Аборигенные формы самоорганизации и инородческие органы самоуправления на юге Енисейской губернии.....	220
Сторожева А.Н., Дадаян Е.В. История договора финансовой аренды (лизинга) в Российской Федерации	227
Шекшеев А.П. Кампании по избранию Советов в енисейской деревне (1924/25 и 1925/27 гг.).....	230
Шекшеев А.П. Омск, Новониколаевск – Красноярск: напряженный диалог между руководством Сибири и Енисейской губернии в начале 1920-х гг.	239
Шушканова Е.А. Енисейская епархия в системе управления Святейшего Синода (XIX в. – начало XX в.).....	252
Матвеев Б.А. Красноярский край как источник формирования авиационных частей и специалистов для Военно-воздушных сил Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. .	257
Борисов А.А. Историография воеводского управления Якутии XVII в.	269
Есин Р.С. Отражение коллективизации в протоколе 9-й районной партконференции г. Красноярска (5 мая 1930 г.).....	274
Калашников А.А. «Об использовании его на какой-либо партийной работе не может быть и речи»: перипетии политической карьеры этнографа и революционера К.М. Рычкова в 1918–1923 гг.....	279
Ильясова М.В. Отношение центра и республик и региональный сепаратизм в СССР в 1970–1990-е гг.....	283
Овчинникова Е.В. Карельские православные приходы российско-шведского приграничья в XVI–XVII веках	288
Паршуков В.А. Енисейские казаки во время «Туруханского бунта» политических и уголовных ссыльных	293
Романов А.А. Хакасский национальный вопрос в годы гражданской войны в России	297
Тихоньких В.П. Стратегия П.А. Столыпина заселения Дальнего Востока.....	301
Тихоньких В.П. Сибирские областники в борьбе за земства в 1905–1920 годах	306
Кононов А.А. Обращения сибирских крестьян к чиновникам губернского управления при обжаловании решений уездного съезда крестьянских начальников в начале XX века.....	314
СЕКЦИЯ 4. ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ОКРАИН: РАЗВИТИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ В ИСТОРИИ	
Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г. Развитие предпринимательской деятельности в рыбной отрасли Волго-Каспийского бассейна как фактор привлечения трудовых мигрантов в во второй половине XIX – начале XX в.....	318
Левина Ж.Е. Образ Сибири в путеводителях Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1939–1941 гг.).....	335
Ангадаева Ю.Ю. Кадровое обеспечение рыбной отрасли в 1920–1980-е гг.	341
Зыкин И.В. «Советский Клондайк» Сергея Бергавинова.....	346
Каташев М.С. Промышленное воздействие на окружающую природную среду Горного Алтая в 1950–1980-е гг.: основные факторы и тенденции	351
Пахомчик С.А. Роль красноярского купца, промышленника и мецената М.К. Сидорова в развитии производительных сил Енисейского Севера в середине XIX в.	356

Севостьянова Е.В. «Сохранить перспективы общегосударственного экономического значения...»: направления деятельности переселенческого управления в Забайкальской области в период Первой мировой войны.....	361
Смирнова Л.В. Открываем туристическую Удмуртию: «Удмуртия – маленькая Швейцария», «Ижевск – восточный Перебург», «Сарапул – удмуртский Суздаль»... ..	369
Терскова А.А. Роль Норильского ГМК в становлении Красноярского института цветных металлов	374
Ашихина Д.С. Проблемы промышленного освоения Севера Западной Сибири в 1970–1980-х гг....	379
Батурин А.С. Автотранспортные предприятия пограничных городов Кемеровской области в 1946 – 1965 гг.....	382
Бибикова В.В. Подготовка к кооперированию населения на Енисейском Севере в первой половине 20-х годов XX века.....	386
Вавиленко О.М. Модернизация окраин в начале XX века (на примере маслодельной артели села Кекурского Красноярского уезда Енисейской губернии)	398
Иванов В.Ф. Занятия семейских Курбинской долины мукомольным ремеслом	403
Коцик С.А. Особенности проведения целинной кампании в Красноярском крае в 1953-1964 гг.	410
Цай И. Эволюция Амурского речного транспорта на советском Дальнем Востоке как восточной окраине России	417
Чернышов В.В. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали как фактор социально-экономических изменений в жизни Енисейской губернии на рубеже XIX–XX вв. (по Материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»).....	421
СЕКЦИЯ 5. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ОКРАИН: ЛЮДИ, ЯВЛЕНИЯ, СОБЫТИЯ	
Блинов А.В. Законодательное регулирование интеграции Западной Сибири в образовательное пространство Министерства народного просвещения (XIX–начало XX в.).....	429
Ковалев А.С. Деятельность стоматологической службы в молодом малом городе в 1970-х гг. (на примере г. Дивногорска).....	434
Мамышева Е.П. Судьба П.И. Гедымин-Тюдешевой в контексте советской эпохи (к 140-летию со дня рождения).....	440
Шаламов В.А. Влияние НЭПа на фармацевтические службы в Восточной Сибири	444
Барабанова К.С. Омские врачи в роли метеорологов в конце XIX – начале XX в.	448
Васева И.С. «На золотых приисках Енисейской губернии»: к биографии А.И. Зисман (1882–1937 гг.).....	454
Ганчар А.И. А.А. Фрезе об организации денежных сборов на строительство римско-католических храмов в Северо-Западном крае Российской империи (1905)	457
Гуляева Н.П. Структура населения деревень окрестностей Красноярска по данным исповедной росписи 1785 года.....	462
Спичак А.В. Проблемы документооборота при решении дел о расторжении брака на окраине Российской империи	468
Циденков Г.Г. «Маленькие винтики» государственной кампании помощи голодающим в 1921–1923 гг.: периферийные работники в стрессовой ситуации.	473
Карпухина Д.В. Абдул-Валеев Н.: материалы к биографии руководителя Татарской секции Красноярского окружного комитета ВКП(б) Сибирского края по материалам КГКУ «ГАКК».....	478
Кухта С.В. Биография геолога М.Н. Афанасьева в документах его личного фонда	483
Соколова Е.В. «От учителей зависит будущее детей». Жизненный и профессиональный путь учителя истории М.К. Шорикова (по документам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»)....	488
Нестеренко Д.Н. Облик городской проституции в 1920-х гг. на примере материалов г. Красноярска.....	493
Рубан А.А. Отражение процессов развития системы здравоохранения в документах исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся с 1946 по 1960 г.	497
Томилина П.С. Проблемы обеспечения образовательной деятельности в Енисейской губернии в 1920–1924 гг.....	505
СЕКЦИЯ 6. КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ОКРАИН	
Гребенкин А.Н. «Сморгонская академия»: культурные традиции Чугуевского пехотного юнкерского училища.....	510
Лойко А.И., Лойко Л.Е. История развития культуры в Витебской провинции Российской империи	514

Ярков А.П. Структура Сибирской уммы до революции: местные и приезжие, городские и сельчане.....	518
Байриева А.Д. Войлок – яркий памятник творчества туркмен	522
Зберовская Е.Л. «Дом на окраине»: практики сохранения польских культурных традиций в поликультурной среде (по материалам историко-культурной экспедиции в Краснотуранский район Красноярского края).....	526
Перделиева М.К., Хоммиев Т.Б. Туркменские украшения – ценный образец народной культуры	531
Столетова А.С. Европейский север России: перекрестье литературных связей середины XX столетия.....	536
Аллабердиева Л.А. «Хронология» Бируни как источник по истории Хорезма	541
Бершадская С.В. Первая конференция по краеведению в Енисейской губернии (г. Красноярск, 16-21 ноября 1924 года)	549
Моммалиева М.А., Бердиева Ш.А. Ковроделие в Закаспийском крае в конце XIX–начале XX вв.	555
Ооржак Ш.С. Монгуш Лопсан-Чимит Шокар-Чульдум оглу – автор латинизированного алфавита тувинского языка.....	561
Подъяпольская А.В. Специфика библиотечного обслуживания на факториях севера Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и в послевоенное время.....	565
Корж В.Г. Культурная архитектура как визуальный код региональной идентичности на примере зданий Русской Православной церкви в Приенисейской Сибири: постановка проблемы.....	570
Селиванов Л.С. Роль купечества в развитии культурно-досуговых учреждений и организации культурных мероприятий в уездном г. Енисейске конца 1870-х гг. и до начала XX в.	573
Суханова Б.Х., Моммалиева О.А. История становления и развития библиотечного дела в Закаспийской области (конец XIX – начало XX веков).....	579
Толстогузова Е.А. Легенды Пармы. Часть 1. До принятия местным населением христианства.....	584
Толстогузова Е.А. Легенды Пармы. Часть 2. Асыка и Михаил	588
Шишкина М.С. Развитие земского образования в Орловской губернии в 1870-е гг. (на примере Кромского уезда).....	594
Ананич Э.А. «Старый дом»: образ СССР в 1960–1970-е гг. через призму творчества В.С. Высоцкого.....	598
Апиратинская А.В. Формы культурно-досуговой жизни общества в Енисейской губернии в первые годы советской власти	604
Апиратинская А.В. Жилищный вопрос в Енисейской губернии в первые годы советской власти..	608
Жердев А.А. Отражение «своего Востока» в архитектуре Кавказских Минеральных Вод второй половины XIX – начала XX в.	611
Крыжановская С.А. Культурная жизнь дореволюционного Хабаровска: диалог Востока и Запада	619
Танзы-Белек Д.С. Максим Мунзук – тувинский Дерсу Узала.....	626
Павлова И.П., Павлов П.А. Религиозный фактор в государственной политике на окраинах Российской империи	630
СЕКЦИЯ 7. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРИФЕРИЙНОЙ УРБАНИЗАЦИИ	
Кискидосова Т.А. Внешний облик городов Енисейской губернии в региональной периодической печати второй половины XIX века	636
Ахтамов Е.А., Гергилев Д.Н. Периодическая печать как источник по изучению истории города Дивногорска (1960-е гг.).....	643
Быльева Д.С. Руины: из прошлого в будущее	648
Ершов М.Ф. Березов и Сургут как неидеальные города Тобольского Севера в XIX–начале XX вв.	653
Новосельцев Н.Р. Развитие физической культуры и спорта во второй половине 1980-х гг. в г. Дивногорске.....	657
Павлюкевич Р.В. Проблемы и особенности разработки генерального плана г. Дивногорска 1955–1963 гг.	661
Сентябова М.В. Дети всесоюзной стройки: детское население Дивногорска в 1960–1970-х гг.....	665
Сорокун П.В. Значимость городских поселений Сибири в развитии региона и страны (на примере Енисейской губернии, г. Ачинска в XVIII–XIX вв.).....	671
Колмогорова А.М. Изменение нормативов финансирования малокомплектных школ Красноярского края в 2019–2023 году. Причины и критерии	676
Мочалин М.С. Генеральные планы Нового Уренгоя в 1970–1980-е гг.	683
Семыкин Е.И. Номенклатура причин младенческой смертности и возможные факторы ее формирования	690

Солдатенко Д.Ю. Развитие коммунального хозяйства Красноярского края в 1950-х– начале 1960-х гг.	693
Сабенина А.В., Элтеко Ю.В. «Сделать город юности Дивногорск – городом коммунистического быта»: к бытовым проблемам молодого города	699
Николаева А.Ю. Проблема упадка соцгородов Урала на примере индустриального города Красновишерска	704
Шаипов М.Л. Российские города в условиях Северокавказского фронта во второй половине XIX – начале XX в. Особенности экономического развития	709

ГРИШАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**МАТЕРИАЛЫ VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО РАБОТНИКА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГРИШАЕВА**

29-30 ноября 2023 года

г. Красноярск

Электронное издание

Издается в авторской редакции

Подписано в свет 15.04.2024. Регистрационный номер 46
Редакционно-издательская служба Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117